

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ ССХХVIII.

1885.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова. Наб. Екатерининского кан., № 78.

1885.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ 1

В. Г. Васильевский. Обновление болгарского патриаршества при царе
Иоанне Асене II въ 1235 году 1

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Ф. Л. Радловъ. О направленихъ въ психологіи 57

А. М. Ноздрѣвъ. очеркъ путешествія по Монголії. М. Пѣтрова, 1883. 87

Н. А. Осокинъ. И. Н. Смирновъ. Отношенія Венеціи къ городскимъ общинаамъ Далмациі. 1884. 125

О. М. Истоминъ. Законы стиха русского народного и нашего литератураного. И. Д. Голохвастова. 1883. 135

И. Н. Филевичъ. Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ. Издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Вып. VI. Холмская Русь. 1885. 150

И. И. Лукинъ. Реформа преподаванія древнихъ языковъ въ австрійскихъ гимназіяхъ 1

— Наша учебная литература (разборъ пяти книгъ) 23

СОВРЕМЕННАЯ ЛІТОПИСЬ.

И. В. Номяловскій. Шестой археологический съездъ въ Одессѣ 1884 г. (окончаніе). 1

— Императорское Русское Географическое Общество въ 1884 г. 56

— Императорское Русское Историческое Общество въ 1884 г. 70

Л. Ліръ. Письмо изъ Парижа 83

— Некрологъ. И. Н. А. Сѣверцовъ 93

    II. К. К. Зейдлицъ 94

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ф. Ф. Зѣлинскій. О дорійскомъ и іонійскомъ стиляхъ въ древней аттической комедіи. 129

Редакторъ Л. Майновъ.

(Вышла 6-го марта).

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЧАРОДПАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ ССХХVIII.

1885.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашова, Наб. Екатерининскаго кан., №
1885.

Екатерининскій кам., д. № 78
2521

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШИЯ ПОВЕЛЕНІЯ.

1. (25-го декабря 1884 года). Объ открытии въ Урюпинскомъ реальномъ училищѣ общаго и химико-техническаго отдѣленій дополнительного класса, взамѣнъ коммерческаго отдѣленія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментъ государственной экономіи государственного совѣта, объ открытии въ Урюпинскомъ реальномъ училищѣ общаго и химико-техническаго отдѣленій дополнительного класса, взамѣнъ коммерческаго отдѣленія, Высочайше утвердило и повелѣло исполнить.

Подпись: Предсѣдатель государственного совѣта Михаиль.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представление министра народнаго просвѣщенія объ открытии въ Урюпинскомъ реальномъ училищѣ общаго и химико-техническаго отдѣленій дополнительного класса, взамѣнъ коммерческаго отдѣленія, мнѣніемъ положилъ:

1) Существующее въ Урюпинскомъ реальномъ училищѣ коммерческое отдѣленіе упразднить съ 1-го июля 1885 г., открывъ взамѣнъ

онаго съ того же срока общее и химико-техническое отдѣленіе дополнительного класса.

2) На покрытие вызываемаго настоящемъ мѣрою ежегоднаго расхода, въ размѣрѣ четырехъ тысячъ двухсотъ сорока пяти рублей, обратить три тысячи пятьсотъ рублей, отпускаемые нынѣ на коммерческое отдѣленіе Юрьевинскаго реального училища, а недостающую за симъ сумму, въ семьсотъ сорокъ пять рублей, отнести на специальные средства училища.

3) Могущіе быть остатки отъ штатныхъ суммъ на содержаніе дополнительного класса Юрьевинскаго реального училища раздѣлить на двѣ части: одну, пропорциональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую—возвращать въ специальные средства названнаго училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

2. (27-го ноября 1884 г.). Объ учрежденіи положенія для Елисаветинской Кунгурской женской рукодѣльной школы.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, объ учрежденіи положенія для Елисаветинской Кунгурской женской рукодѣльной школы, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: Предсѣдатель государственного совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ утвержденіи положенія для Елисаветинской Кунгурской женской рукодѣльной школы, мнѣніемъ положилъ:

Проектъ положенія о состоящей подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ Кунгурской Елисаветинской женской рукодѣльной школѣ поднести къ Высочайшему утвержденію Государя Императора.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«Выѣтъ по сего».

Въ Гатчинѣ. 27-го ноября 1864 г.

Положеніе о состоящей подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ Кунгурской Елизаветинской рукодѣльной школѣ, учрежденной дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Семеновичемъ Губкинымъ.

1) Кунгурская Елизаветинская женская рукодѣльная школа состоить подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны и находится въ вѣдѣніи министерства народного просвѣщенія.

2) Школа имѣть цѣллю воспитаніе и обученіе полезными занятіями и ремеслами малолѣтнихъ девицъ всѣхъ состояній и званій православнаго исповѣданія.

3) Средства школы составляютъ:.

а) капиталъ, пожертвованный учредителемъ ея А. С. Губкинымъ, въ количествѣ 230,000 р., изъ коихъ 30000 р. состоять вѣчными вкладами въ Кунгурскомъ общественномъ банкѣ, а остальные обращаются въ государственные процентные бумаги и хранятся въ мѣстномъ казначействѣ; б) пожертвованія, и в) доходъ съ принятыхъ школою заказовъ, за вычетомъ той его части, которая обращается въ пользу воспитанницъ.

4) Школа имѣть собственный домъ со всѣми учебно-воспитательными и хозяйственными принадлежностями, устроенный и подаренный ей учредителемъ.

5) Полный курсъ ученикъ школы продолжается пять лѣтъ, съ распределеніемъ его на пять классовъ.

6) Въ школѣ преподаются: законъ Божій, русскій языкъ, географія, исторія Россіи, въ связи съ событиями изъ всеобщей исторіи, ариѳметика, свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ въ примѣненіи къ хозяйству и гигіенѣ, чистописаніе, рисование и пѣніе, а также рукодѣлія и мастерства, необходимыя въ домашнемъ быту.

7) Объемъ преподаванія предметовъ учебного курса опредѣляетъся программами, составляемыми педагогическимъ совѣтомъ школы и утверждаемыми министромъ народного просвѣщенія.

8) Главное почетеніе о благосостояніи школы принадлежать почетному попечителю. Званіе это присваивается пожизненно наследнику покойного действительного статского советника Алексея Семёновича Губкина, Александру Григорьевичу Кузнецову, а послѣ его смерти переходить къ старшему изъ прямыхъ его наследниковъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ малолѣтства лица получающаго званіе почетнаго попечителя школы, обязанности его по сему званію, впередъ до совершеннолѣтія, возлагаются на одного изъ его опекуновъ или попечителей, по выбору начальника губерніи.

9) Непосредственное завѣдываніе школою возлагается на начальницу съ участіемъ попечительного и педагогического совѣтовъ.

10) Попечительный совѣтъ школы состоить подъ предсѣдательствомъ почетнаго попечителя изъ четырехъ почетныхъ дамъ, четырехъ почетныхъ членовъ, начальницы школы и директора мѣстнаго техническаго училища имени А. С. Губкина. Къ обязанностямъ сего совѣта относятся: главное завѣдываніе хозяйственной частью школы, почетеніе обѣ увеличеніи денежныхъ и материальныхъ средствъ ей, а также разсмотрѣніе и утвержденіе ежегодныхъ сметъ и отчетовъ по школѣ.

11) Педагогический совѣтъ школы состоить подъ предсѣдательствомъ директора мѣстнаго техническаго училища имени А. С. Губкина, изъ начальницы, законоучителя, преподавательницъ и преподавателей. Въ необходимыхъ случаяхъ совѣтъ приглашаетъ въ свои засѣданія мастерицъ. На обязанности сего совѣта лежитъ завѣдываніе учебно-воспитательной частью школы, составленіе программъ преподаванія, производство переводныхъ и выпускныхъ испытаній и составленіе ежегоднаго отчета по учебной части.

Примѣчаніе. Почетному попечителю предоставляется присутствовать въ засѣданіяхъ педагогического совѣта съ правомъ голоса.

12) Почетные дамы, въ числѣ четырехъ, и почетные члены, въ томъ же числѣ, избираются почетнымъ попечителемъ и представляются имъ, для утвержденія въ сихъ званіяхъ, министру народнаго просвѣщенія. Въ числѣ почетныхъ членовъ одинъ долженъ быть изъ опытныхъ педагоговъ, а другой — изъ лицъ, принадлежащихъ къ составу городскаго общественнаго управления.

13) Почетный попечитель и почетные члены школы пользуются заурядъ правами государственной службы и носят мундиръ VI класса вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Врачу школы присваивается VIII классъ по должностіи и VIII разрядъ по шитью на мундирѣ.

14) Лица женскаго пола, служащи въ школѣ и имѣющія званіе домашнихъ учительницъ или наставницъ пользуются правами, предоставленными преподавательницамъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія Высочайше утвержденныемъ положеніемъ 24 Мая 1870 года, съ производствомъ имъ пенсій изъ находящагося въ распоряженіи министерства особаго на этотъ предметъ капитала, при 2% вычетѣ гдѣ сей капиталъ изъ ихъ жалованья.

15) Штатный комплектъ воспитанницъ школы ограничивается 80 пансионерками, изъ числа которыхъ 10 числятся стипендіатками Имени Высочайшей покровительницы заведенія, Ея Императорского Величества Государыни Императрицы и 5—стипендіатками Ея Императорского Высочества великой княжны Ксении Александровны Эта 15 стипендіатокъ опредѣляются съ Всемилостивѣйшаго соизволенія Ея Императорского Величества Государыни Императрицы; остальные же 65 пансионерокъ состоять стипендіатками почетнаго попечителя и принимаются по личному его выбору.

16) Воспитанницы по окончаніи полнаго курса, получаютъ отъ школы аттестатъ объ оказанныхъ имъ успѣхахъ и поведеніи. Окончившія курсъ съ особымъ отличіемъ по успѣхамъ и поведенію удостоиваются званія ученой мастерицы и если, по достижениіи шестнадцатилѣтнаго возраста, будутъ исполнять въ теченіи полугода обязанности помощницы учителя или учительницы при какомъ либо начальномъ училищѣ, то приобрѣтаютъ узаконеннымъ порядкомъ, пріемѣнительно къ § 45 Высочайше утвержденнаго 24 маѣ 1870 г. положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, званіе первоначальныхъ и народныхъ учительницъ; окончившія же курсъ съ успѣхами удовлетворительными получаютъ свидѣтельство на званіе мастерицы.

17) Воспитанницы, прошедши курсъ первыхъ двухъ классовъ, но не подающія надеждъ на дальнѣйшія усилія въ наукахъ, занимаются исключительно рукодѣліемъ и, по достижениіи шестнадцатилѣтнаго возраста, получаютъ изъ заведенія свидѣтельство, съ обозначеніемъ какъ тѣхъ рукодѣлій, которымъ они обучались, такъ и оказанныхъ въ нихъ успѣховъ.

18) Каждая изъ воспитанницъ, окончившая полный курсъ школы и получившая въ томъ аттестатъ или свидѣтельство, при выходѣ въ замужество или по избраніи опредѣленнаго образа жизни, получаетъ, сверхъ $\frac{1}{4}$, заработкахъ въ школѣ денегъ, изъ средствъ школы предметы, необходимые для домашней обстановки или ремесла, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ почетнымъ почетчителемъ.

19) Школа имѣть печать съ изображеніемъ наименования школы.

Подпись: Предсѣдатель государственного совѣта Михаилъ.

3. (4-го декабря 1884 г.). О новомъ штатѣ Рижского городского женского шестиклассного училища.

Его Императорское Величество воспостѣдовавшее миѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, о новомъ штатѣ Рижского женского городского шестиклассного училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: Предсѣдатель государственного совѣта Михаилъ.

Миѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление министра народнаго просвѣщенія о новомъ штатѣ Рижского женского городского шестиклассного училища, миѣніемъ положилъ:

I. Проектъ штата Рижского женского городского шестиклассного училища представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

II. Исчисленную по сemu штату сумму, въ размѣрѣ двадцати семи тысячъ шестисотъ сорока рублей въ годъ, покрывать на счетъ средствъ г. Риги.

Подлинное миѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою министра:
Въ Гадчимъ.

4-го декабря 1884 года.

Быть по сему.

ПЛАТА

Рижского городского женского шестинадцатилетнего городского училища.

Число лицъ.	Содержание въ годъ.				Классы и разряды.	
	Жалованье.	Столовый.	Библиотека и т. п.	ВСЕГО.	По должностямъ.	По штату на инвалидъ.
	Рубли.					
I. Классы нормальные.						
Наспекторъ (онъ же старшій учитель)	1 1200	900	въ натурѣ из отопленія.	2100	VI	VI
Законоучитель православнаго исповѣданія	1 200	160	—	360	—	—
Старшіе учителя.	3 800	550	400	5250	VIII	VIII
Младшіе учителя (учители наукъ)	2 700	500	400	3200	IX	IX
Учитель рисования.	1 280	200	—	480	X	X
Старшая надзирательница (ниспектриса)	1 450	150	въ натурѣ из отопленія.	600		
Младшая надзирательница (классныя дамы)	3 300	100	—	1200		
Младшая надзирательница (классная дама).	1 300	100	150	550		
За обученіе пѣнью.	—	—	—	240		
За обученіе гимнастикѣ.	—	—	—	360		
На библиотеку и учебныя пособія, включая и учебныя пособія для бѣдныхъ ученицъ	—	—	—	470		
За управление библиотекою.	—	—	—	60		

На канцелярскія потребности.	—	—	—	—	100		
За преподаваніе уроковъ по наиму (по 60 р. за урокъ).	—	—	—	—	420		
По нормальнымъ классамъ . . .	—	—	—	—	15390		
II. Классы параллельные.							
Старшій учитель	1	800	550	400	1750	VIII	VIII
Младшіе учители (учители наукъ)	4	700	500	400	6400	IX	IX
Надзирательницы (классныхъ дамъ).	4	300	100	150	2200		
Надзирательница, не дающая уроковъ	1	800	100	—	400		
За преподаваніе уроковъ по наиму (по 60 р. за урокъ).	—	—	—	—	1500		
По параллельнымъ классамъ	—	—	—	—	12250		
Итого по нормальнымъ и параллельнымъ классамъ	—	—	—	—	27640		

Приимѣчаніе. Инспекторъ обязанъ преподавать 12, а младшіе учители по 24 урока въ недѣлю.

Подпись: Предсѣдатель государственного совета Министръ.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, 1-го сего января, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать по министерству народного просвѣщенія слѣдующіе ордена:

Св. Александра Невскаго—непремѣнному секретарю и ordinariому академику Императорской академіи наукъ, тайному советнику Веселовскому.

Бѣлаго Орла: тайнымъ совѣтникамъ: профессору С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Вышнеградскому и члену ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Галахову.

Св. Владимира 2-й степени: ректору Императорскаго Варшавскаго университета, тайному совѣтнику Лавровскому и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: заслуженному ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета Бутлерову и директору гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества Голицынскому.

Св. Аины 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: чиновнику особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія Тихомандрицкому; окружному инспектору Кавказскаго учебнаго округа Иллашенко; заслуженнымъ ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Менделееву; Московскаго, Бредихину и Харьковскаго, Петрову; директору Астраханскаго реальнаго училища Петерману; директору Казанской учительской семинаріи Ильминскому и директорамъ народныхъ училищъ: Московской губерніи Краснопѣвкову и области войска Донскаго Робушу.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: попечителю Оренбургскаго учебнаго округа Сольскому; главному инспектору училищъ Восточной Сибири Раевскому; заслуженнымъ ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ, Московскаго, Павлову и Харьковскаго, Масловскому; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Троицкому; Новороссійскаго: Некрасову и Леонтовичу; Харьковскаго, Леваковскому; Казанскаго: Фирсову, Виноградову и Шпилевскому и Дерптскаго: Шварцу и Мейеру, сверхштатному ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета Владиславлеву; профессору С.-Петербургскаго практическаго техническаго института Ленцу; директорамъ гимназій: Одесской третьей, Порупову; александровской Смоленскаго земства въ городѣ Вязьмѣ, Воронову; Сѣдлецкой мужской, Пономареву и Тифлисской первой мужской, Маркову; члену особаго отдѣла ученаго комитета министра народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, Сентъ-Илеру и директору училищъ Рижской дирекціи и Рижской губернскай гимназіи Крангальсу.

Св. Владимира 3-й степени: действительнымъ статскимъ со-
вѣтникамъ: помощнику попечителя Виленскаго учебнаго округа Куву;
окружному инспектору Киевскаго учебнаго округа Шульженко; ор-
динарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Москов-
скаго: Столытову и Герье; Харьковскаго Тихоновичу и Степан-
нову; Казанскаго: Догель и Гвоздеву; Варшавскаго: Косин-
скому и Струве, и дерптскаго Эрдману и Милю; профессору
С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Евне-
вичу; директорамъ Варшавскихъ мужскихъ гимназій: первой, Сте-
фафовичу и шестой, Стефановичу; директору Казанскаго учи-
тельскаго института Царамонову, и инспектору студентовъ Импе-
раторскаго Казанскаго университета Потапову; статскимъ совѣтни-
камъ: ординарнымъ профессорамъ: Императорскаго Харьковскаго уни-
верситета Вагнеру и Харьковскаго ветеринарнаго института Мель-
ниченко; директорамъ гимназій: Харьковской третьей, Бѣлицкому
и Гродненской Таттину; директору Костромскаго реальнаго учи-
лища Булгаку; директору Сергіевской Сергіево-посадской прогим-
назіи Тихомирову; директору народныхъ училищъ Курской губерніи
Котлярому; директору Курской земской учительской школы Шал-
фееву; дѣмонстрационному VI класса департамента народнаго про-
свѣщенія Скоробогатому; библиотекарю Императорской публичной
библиотеки Феттерлейну; экстраординарному профессору Импера-
торскаго Харьковскаго университета Залѣскому; инспекторамъ
прогимназій: Рославльской Ниландеру и Ахтырской Шарфенову;
исправляющему должность инспектора Архангельской гимназіи Ми-
нейко; инспекторамъ народныхъ училищъ: Олонецкой губерніи Арте-
мову и состоящей при управлениі Киевскаго учебнаго округа ин-
спекціи сихъ училищъ губерній Киевской, Подольской и Волынской:
Гребенникову и Солицеву; заслуженному преподавателю Симбир-
ской гимназіи Степанову; преподавателямъ гимназій С.-Петербург-
ской третьей, Попову; и Московскіхъ: первой Тверскому и Чо-
лякову и пятой Фишеру; преподавателю Херсонской прогимназіи
Шейбе; преподавателю С.-Петербургскаго первого реальнаго учи-
лища Анонимову, врачу Симбирской гимназіи и пансіона при оной
Нарутовичу и бывшему врачу Исковской гимназіи Гиргейсону
и старшему учителю Гольдингенской гимназіи, коллежскому совѣт-
нику Зоргевицу.

Св. Владимира 4-й степени: причисленному къ министерству
народнаго просвѣщенія, члену ученаго комитета сего министерства,

действительному статскому советнику Гирнгорну; статскимъ советникамъ: директорамъ гимназий: Московской шестой, Ризанцеву; Владимірской, Сыроѣчковскому; Ришельевской, Патницкому; Витебской, Фелицыну; Варшавской четвертой мужской, Веденяпину; Радомской мужской, Смородинову и Ломжинской мужской, Гринчаку; директорамъ реальныхъ училищъ: Новгородского, Кошелькову; Тверского, Шапошникову; Севастопольского, Урусову; Курского, Радкевичу и Шушинскому, Тирютину; директору Бѣлгородской учительской семинарии Бѣликому; директору народныхъ училищъ Архангельской губерніи Протопопову; дѣлопроизводителю VI класса департамента народнаго просвѣщенія Оношковичу-Яцкѣвъ, экстраординарнымъ профессорамъ Императорскаго университета Гиршману и Кузнецовой; исполняющему обязанности инспектора Московской третьей гимназіи Войнаховскому; инспектору Тифлисскаго реального училища Иваненко; инспектору Мензелинской прогимназіи Шейковскому; инспектору народныхъ училищъ области войска Донскаго Рошупкину; доценту Дерптскаго ветеринарного института Клеверу; члену археологической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія Григоровичу; преподавателю лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ Виноградову; въ служении преподавателямъ гимназій: Московской второй Гетлингу; и Орловской Вараксевичу; преподавателямъ гимназій: Московскихъ: первой Марконету и четвертой Кремеру и Колосову и Петровской мужской Любарскому; преподавателю Виленскаго реального училища Успенскому и причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, члену ученаго комитета сего министерства Игнатовичу; коллежскимъ советникамъ: окружному инспектору Виленскаго учебнаго округа Бѣлецкому; инспектору Тифлисскихъ женскихъ Великой Княгини Ольги Феодоровны гимназіи и прогимназіи Михайлову; врачамъ гимназій: Феодосійской Розепблюму и Кишиневской Бугаревичу; и старшимъ учителямъ гимназій: Дерптской Паульсону и Аренсбургской Гольцмайеру; надворнымъ советникамъ: директору Закавказской учительской семинарии Стрѣлецкому; дѣлопроизводителю VI класса департамента народнаго просвѣщенія Питкину и причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія Тринолитову; коллежскимъ ассессорамъ: дѣлопроизводителямъ департамента народнаго просвѣщенія: VI класса Талантову и VII класса Эриксону; ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскому секретарю Вржесніовскому; по-

четному попечителю кременчугскаго реальнаго училища, отставному гвардію поручику Устимовичу; и неимѣющимъ чиновъ: ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета Павлинскому; директорамъ гимназій: Смоленской Гобзу и Феодосійской Виноградову и профессору института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александрии Карпинскому и потомственному почетному гражданину, Казанскому 1-й гильдіи купцу Вараксину; послѣднему съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены лицамъ купеческаго званія ст. 196 учр. орд. и др. вп. отл., изд. 1876 г., т. I св. зак.

Св. Аны 2-й степени: старшему учителю лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, коллежскому советнику Грингмуту; отставному гвардію штабсь-ротмистру Шеншину и почетному смотрителю Касимовскаго юзданаго училища отставному корнету Алѣеву.

Св. Станислава 2-й степени: механику Императорскаго Харьковскаго университета, финляндскому уроженцу Эдельбергу, съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены лицамъ купеческаго званія ст. 196 учр. орд. и др. вп. отл., изд. 1876 г., т. I св. зак.

Св. Аны 3-й степени: кассиру комитета правленія Императорской академіи наукъ, надворному советнику Ясенскому.

Св. Станислава 3-й степени: почетному гражданину Семенову и с.-петербургскому 2-й гильдіи купцу Мельникову, съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены лицамъ, купеческаго званія ст. 196 учр. орд. и др. вп. отл., изд. 1876 г., т. I св. зак.

Государь Императоръ, согласно удостоенію комитета министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ, 26-го декабря 1884 года, пожаловать по министерству народнаго просвѣщенія ордена:

Св. Аны 2-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ советникамъ: ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Дюверну и Новороссійскаго, Головкинскому; статскимъ советникамъ: ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго: Лигину и Кочубинскому; Казанскаго, Нагуевскому; Дерптскаго: Бодуенъ-де-Куртенэ и Бруннеру и Харьковскаго, Крылову; профессору С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Афанасьеву; директорамъ: реальныхъ училищъ: Сарапульского-Алексѣевскаго Генкелю и Темирь-Хантъ-Шуринскаго, Нюблину; народныхъ училищъ губерній: Черниговской, Ждановичу и Таврической, Дьяконову; экстраординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго историко-

филологического института Никитину; инспектору Псковской гимназии Новоселову; исполняющимъ обязанности инспекторовъ гимназій: Житомирской, учителю сей гимназіи Гадзинскому и Немировской, учителю сей гимназіи Гербко; инспекторамъ прогимназій: Устюженской, Окунькову; Лебедянской, Ингеницкому и Кутаисской, Мамонтову; инспектору народныхъ училищъ Симбирской губерніи Стржалковскому; наставнику-руководителю гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко - филологическомъ институтѣ Мусселиусу; исправляющему должность инспектора Кіеъцкой мужской гимназіи, заслуженному преподавателю сей гимназіи Костецкому; учителямъ гимназій: Московской второй: Хандрикову и Фадьеву; Кіевской первой, Черкасову; Варшавской шестой, Беттихеру; Калишской мужской, Фуку; Усть-Медведицкой, Геригпу; Радомской мужской, Буданскому и Владимицкихъ губернскихъ мужской и женской, Полянскому; учителямъ: Саратовского Александро-Маринского реального училища Горекбургу, Житомирского еврейского учительского института Прелину и Виденского Маринского высшаго женскаго училища Фальконье; учителю-руководителю Варшавской учительской семинаріи Папилю и причисленному къ министерству народного просвѣщенія, члену ученаго комитета сего министерства Кочетову; коллежскимъ советникамъ: директору Алексеевскаго Томскаго реальнаго училища Тюменцову; исправляющему должность экстраординарнаго профессора въ специальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Муркосу; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Олонецкой, Кименталю; Московской, Каверзеву; Нижегородской, Степанову и Владимицкой, Полетикѣ; юридическому дѣлопроизводителю канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Кинелю; помощнику инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета Щедорову; врачамъ гимназій: Люблинской мужской, Хржановскому и Московской первой, Шнейдеру; врачу Кацевскаго городскаго училища Арефьеву и учителю Гори-Анастасіевской женской прогимназіи Гаусману; надворнымъ советникамъ: правителю канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Селиванову; члену археографической комиссіи министерства народного просвѣщенія Гильтебранду; врачу при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Нестереву; сотруднику археографической комиссіи министерства народного просвѣщенія Кулышову; учителямъ наукъ гимназій: Деритской, Германсону и Ревельской губернской, Ворку;

штатному смотрителю и учителю наукъ Якобштадтскаго уѣзданаго училища, коллежскому ассессору Эке; неимѣющимъ чиновъ: директорамъ: Уральской войсковой гимназіи Александру Андреевскому; реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ Егору Ковалыцигу и учительской семинаріи въ м. Новомъ-Бугѣ, Херсонской губерніи, Василію Левицкому; инспектору-руководителю Опатовской учительской семинаріи Александру Кухаренко и преподавателю Варшавскаго рисовального класса Адольфу Волинскому.

Св. Станислава 2-й степени: статскимъ совѣтникамъ: ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго Громекѣ; Новороссійскаго, Умову; Дерптскаго, Рельману и Эмилииггаузу и Харьковскаго, Загурскому; ординарному профессору историко-филологического института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Жданову; директорамъ: гимназій: Апальевской, Гасплю и Слуцкой Смородскому; Орловскаго Александровскаго реальнаго училища Леоновичу и народныхъ училищъ Оренбургской губерніи Фармаковскому; экстраординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго: Хомякову и Иванову и Харьковскаго, Андрееву; инспектору Астраханской гимназіи Сахарову; исполняющимъ обязанности инспекторовъ гимназій: Смоленской, Ащеулову; Казанской третьей, учителю сей гимназіи Гурачкову; Полтавской, учителю сей гимназіи Шавловичу и Керченской, Застырецу; инспектору Владивостокскаго реальнаго училища Рудневу; исполняющимъ обязанности инспекторовъ реальныхъ училищъ: Камышинскаго, учителю сего училища Воробьеву; Бѣлоцерковскаго, учителю сего училища Гороновскому и Ростовскаго-на-Дону Буляльскому; инспекторамъ прогимназій: Уманской, Ронталеру; Стадорубской, Маркову и Одесской первой, Феерчаку; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Новгородской, Костричину; Московской Чекрасову; Тверской, Лебедеву; Нижегородской, Смирнову; Тульской, Еленевскому; Калужской, Вусовичу; Самарской, Терсинскому; Полтавской, Колесникову и Екатеринославской, Петрову; инспектору Ковенской дирекціи народныхъ училищъ Леонтьеву; наставнику-руководителю гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскому историко-филологическому институту Адреянову; доцентамъ Императорскихъ университетовъ, Казанскаго, Болдиреву и Харьковскаго: Дудукалову и Киселеву; доценту Харьковскаго ветеринарного института Чавловичу; заслуженному преподавателю

Тульской гимназии Висснерскому; преподавателю и воспитателю при пансионѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Манычу; учителямъ гимназій: Московскихъ: четвертой, Михайловскому и пятой, Сокольскому; Орловской, Помину; Императорской Казанской первой, Ходкевичу и Котовщико; Киевской четвертой, Саксу; Каченець-Подольской, Фору; Екатеринославской, Брамсону и Витобской, Вадендику; учителямъ реальныхъ училищъ: Виленскаго, Чемоданову и Бакинскаго, Горошко; коллежскимъ советникамъ: директорамъ гимназій: Новгород-Северской, Фирсову; Каменець-Подольской, Петру; Виленской второй, Бргезинскому; Варшавской третьей, Соколову; Цензенской, Пресображенскому и Либавской-Николаевской, Вольгемуту; директорамъ: Борисоглѣбской Александровской прогимназіи Вязмину и пародныхъ училищъ Тифлисской губерніи Дарскому; библиотекарю Императорской Публичной Библиотеки Гаркави; советнику правленія Императорскаго Московскаго университета Боголѣбову; инспекторамъ гимназій: С.-Петербургской второй, Щепинскому; Рижской-Александровской, Яичевецкому и Тифлисской первой мужской Дрбоглаву; инспекторамъ: Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реального училища Якубовичу и Суражской прогимназіи Горюхнову; исправляющему должность инспектора Нарвской гимназіи учителю сей гимназіи Петрову; исполняющимъ обязанности инспекторовъ гимназій: Казанской второй, учителю сей гимназіи Бергу; Нижегородской, учителю сей гимназіи Стеблову; Самарской, учителю сей гимназіи Патницкому и Одесской третьей, Лѣсковецу; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Московской, Малышеву; Владимірской, Томашову; Нижегородской, Григорьеву; Воронежской, Фердинандову; Тамбовской, Казанскому и Тифлисской, Хитарову; правительству дѣлъ С.-Петербургскаго практическаго Технологического института Евфратову; ученому аптекарю Императорскаго Дерптскаго университета Мавилигу; старшему помощнику библиотекари первого отдѣленія Императорской Академіи Наукъ Ламбину; учителямъ гимназій: С.-Петербургскихъ: второй, Орлову; третьей, Латышеву и Введенской, Реминку; Московской первой, Навликовскому; Императорской Казанской первой, Бергу; Полтавскому, Изполенскому; Тамбовской, Григоровскому; Варшавской пятой мужской, Сциборскому и Таганрогской Маріинской женской, Виссфору; учителямъ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ: первого, Колумбусу и второго, Волкову и Калужскаго, Дербеневу; штатному преподавателю

ЧАСТЬ СОХХХIII, отд. 1.

2

Московскаго учительскаго института Копосову; врачамъ гимназій: Коломенской, Новицкому и Корочанской-Александровской, Попову и старшему учителю Рижской губернскай гимназіи Насситу; падворнымъ соѣтникамъ: директорамъ: Оренбургскаго учительскаго института Попову и Свислочской учительской семинаріи Спасскому; экстраординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета Перетятковичу; инспекторамъ вародныхъ училищъ губерній: Нижегородской, Овчинникову и Пензенской, Иванову; прозектору Харьковскаго ветеринарного института Новопольскому; преподавателю въ специальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Сакову; учителямъ: Сувалскай мужской гимназіи Щукѣ и Виленскаго учительскаго института Добранскому; воспитателю пансиона при Пензенской гимназіи Ваагу; врату Бѣлгородской учительской семинаріи Боскову; учителю-инспектору Смоленскаго городскаго училища Варгасову; учителямъ гимназій: Аренсбургской, Фрейтагу и Полтавской Маріапскай женской, Стеблинъ-Каменскому и причисленному къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, откомандированному въ распоряженіе начальства Московскаго учебнаго округа Веревкину; коллежскими ассессорамъ: учителю Грубешовской мужской прогимназіи Тонколю; учителю приготовительного класса и помощнику классныхъ наставниковъ Императорской Царско-сельской Николаевской мужской гимназіи Чернобровкину и учителю наукъ Ревельскаго уѣзднаго училища Кельперу; инспектору-воспитателю татарскаго отдѣленія при Закавказской учительской семинаріи, титуларному совѣтнику Черняевскому, почетному смотрителю Хорольскаго городскаго училища, отставному поручику графу Капнисту; учителю Рижскаго городскаго начального для мальчиковъ училища св. Іакова, губернскому секретарю Фромму; неимѣющимъ чиновъ: директорамъ гимназій: Корочанской-Александровской, Роману Миротворцеву и Ставропольскихъ женскихъ св. Александри и Ольгинской, Михаилу Завадскому; директору Юрьевскаго реальнаго училища Степану Ренчицкому; учителямъ: Кѣлецкой мужской гимназіи Карлу-Мечиславу Стравинскому и Ловичскаго реальнаго училища Гавріялу Яворскому.

Св. Акты 3-й степени: статскимъ совѣтникамъ: окружному инспектору Дерптскаго учебнаго округа Спѣшкону; экстраординарному профессору Дерптскаго ветеринарного института Земмеру; исполняющему обязанности инспектора Прилукской гимназіи, учителю сей гимназіи Шоластеру; инспекторамъ вародныхъ училищъ губерній:

С.-Петербургской, Александрову; Тверской, Клыкову и Симбирской, Ишерскому; доценту Казанского ветеринарного института Леману; учителямъ гимназій: С.-Петербургскихъ: первой, Верту и Ларинской, Ольшевскому; Московской четвертой, Писареву; Орловской, Коцевольскому; Киевской второй, Щербичѣ; Курской, Ромашкевичу; Полтавской, Кукуричеку; Варшавской второй мужской, Конючинскому; Ставропольской, Миловидову и Тобольской, Гаицу; штатному учителю и завѣдывающему Люблинской женской гимназіею, Мялютину; учителямъ реальныхъ училищъ: Саратовскаго Александро-Маринскаго, Васильеву; Кременчугскаго, Жокласу; и Варшавскаго, Мавродіади и учителю Касимовскихъ мужской и женской прогимназіи, Подервинскому; коллежскимъ совѣтникамъ: директору Скопинскаго реального училища Бердникову; экстраординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета Богданову; помощнику директора и старшему учителю Рижской городской гимназіи, Гензелю; инспекторамъ прогимназій: Бѣлевской, Истомину и Жиздринской, Лесинскому; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Казанской, Казаринову; Курской: Четверушкину и Данковскому и Харьковской, Латвинову; исполняющимъ обязанности инспекторовъ: Саратовской гимназіи, учителю сей гимназіи Двянининову и Харьковскаго реального училища, учителю сего училища, Раевскому; лектору Императорскаго Ново-Россійскаго университета Хонякевичу; воспитателемъ и преподавателямъ коллегіи Павла Галагана: Трегубову и Ермакову; учителамъ гимназій: С.-Петербургскихъ: второй, Стеблову и третьей: Бюргу, Кеммерингу и Томбергу; Императорскаго человѣколюбиваго общества: Евгенову и Бобрику; Архангельской, Дюмидову; Московскихъ: первой, Трейланду; второй, Розанову и третьей, Шенроку; Смоленской, Писареву; тверской, Федорову; Казанской второй: Державину и Шантарину; Астраханской, Батыру; Киевскихъ: первой, Турчаковскому и второй, Ордѣ; Черниговской, Горинеку; Варшавскихъ: второй мужской, Руденскому и четвертой, Струменскому; Шавельской, Рубцову и Тифлисской женской великой княгини Ольги Феодоровны, Шермеревичу; учителямъ реальныхъ училищъ: Орловскаго Александровскаго, Некрасову; Киевскаго, Тетереву; Кременчугскаго, Богдановичу; Кишиневскаго, Сергѣеву и Бѣлостокскаго, Двукраеву; учителямъ прогимназій: Рославльской, Саковичу; Брянскѣ, Ярошевскому и Одесской первой, Тищенко; наставникамъ: Екатеринославскаго учительскаго института въ Тамбовѣ, Валединскому и Череповской учитель-

ской семинарии Исаину; штатному учителю Бѣлгородского учительского института Головачеву; воспитателю при пансионѣ С.-Петербургской второй гимназіи Карнову; учителю Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Тадеру и преподавателю Варшавской ветеринарной школы Журавскому; наставникамъ: инспекторамъ: Могилевской дирекціи народныхъ училищъ Космачевскому и Вирской Инопорядческой учительской школы Вишневецкому; исправляющему должность инспектора Великолуцкаго реального училища, учителю сего училища Чопову;смотрителю зданія С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Прохорову; старшему учителю Рижской городской гимназіи Крылову; учителямъ гимназій: С.-Петербургской шестой: Кабеле и Лангу; Нарвской, Галлеру; Кронштадтской, Надеждину; Елецкой, Фишеру; Калужской, Штифтару; Орловской, Горшечникову; Черниговской Рапцевичу; Ананьевской, Колесникову; Виленской первой, Яхонтову; Тифлисской первой мужской, Якшичу; Сумской Александровской, Дагилису и Вѣренской, Шнайдру; учителямъ женскихъ гимназій: С.-Петербургской Покровской при общинѣ сестеръ милосердія Кричагину и Варшавской первой, Криваксину; учителю С.-Петербургской первой гимназіи и исправляющему должность воспитателя при пансионѣ сей гимназіи Кондратьеву; учителямъ реальныхъ училищъ: Московскаго: Кастильону и Малинину; Костромскаго: Витте; Ливенскаго, Знаменскому; Тверскаго Некрасову; Томскаго-Алексѣевскаго, Богомолову и Тифлисскаго, Гропіусу; наставникамъ учительскихъ семинарій: Поливановской, Иванову; Молодечненской, Малевичу и Бѣлгородской, Бойкову; штатному смотрителю и учителю Луцкаго городскаго училища Чапловскому; учителямъ-инспекторамъ городскихъ училищъ: Люблинскаго, Киселеву и Владимірскаго, Щербацевичу; учителямъ: Рижскаго городскаго ремесленнаго училища Рейнерсу и Московской пятой гимназіи Панову; штатному смотрителю Курганскихъ училищъ Ещенкову; помощникамъ классныхъ наставниковъ гимназій: Кутанской, Кошелеву и Эриапской, Эльханову и учителю наукъ Вольмарскаго юздашаго училища Кельпину; коллежскимъ асессорамъ: инспектору народныхъ училищъ Рязанской губерніи Кочкину; столоначальнику комитета правленія Императорской Академіи Наукъ Церцетскому; учителямъ гимназій: Варшавской, третьей мужской Антульскому и Люблинской мужской Алексѣевичу; воспитателю С.-Петербургской третьей гимназіи Кузнецову; учителю Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища Кривобокову; сверхштатному

учителю Казанского реального училища Филиппусу; учителю Устюженской мужской прогимназии Третьякову; штатному наставнику Прибалтийской учительской семинарии Малиновскому; учителю-инспектору Вязниковского городского училища Кустову; учителю Московского учительского института Иванову; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Евпаторійскаго, Штейну; Солигаличскаго, Ладыгины и галичскаго, Персидскому; учителямъ приготовительныхъ классовъ гимназій: кутаисской мужской Витушкинскому и Кіевской четвертой Левицкому; титуларнымъ совѣтникамъ: преподавателю С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Заіончковскому; штатному врачу фундукенскаго госпиталя Іоганнішкельскаго приходскаго училища Петковичу; помощникамъ классныхъ наставниковъ: С.-Петербургскай Введенской гимназіи Богданову и Мензелинскай прогимназіи Тихановскому; коллежскимъ секретарамъ: преподавателю С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Котурницкому; столонаачальнiku канцеляріи понечителя Московскаго учебнаго округа Нечаеву; учителю Томской Маріинской женской гимназіи Германову; учителямъ приготовительныхъ классовъ и помощникамъ классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій: Варшавской первой, Марковскому и Плоцкой, Лаврову и помощнику классныхъ наставниковъ Ахтырской прогимназіи Линецкому; помощнику классныхъ наставниковъ Екатерибургской гимназіи, губернскому секретарю Михайлову; неимѣющимъ чиновъ: директору Ревельскаго реального училища Петру Оссе; почетному попечителю Тифлісской мужской второй гимназіи, князю Николаю Вагратіону-Мухраникому; исправляющему должностную инспектора Холмской мужской гимназіи, учителю сей гимназіи Алексѣю Листогу и учителю Кѣлецкой мужской гимназіи Климентію Варену.

Св. Станислава 3-й степени: статскимъ совѣтникамъ: учителямъ гимназій: Холмской мужской, Гречулевицу и Рижской-Александровской, Ренцу; коллежскимъ совѣтникамъ: исправляющему должностную экстраординарного профессора историко-филологического института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Фогелю; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Орловской, Мочульскому и Рязанской, Варанову; учителямъ гимназій: Ярославской Градусову; Харьковской третьей Гутникову; Сибирской, Ежову и Каменець-Подольской, Калиновскому; учителямъ прогимназій: Ржевской, Нордту и Замостской мужской Леонтьеву; штатному учителю Лещицкой учительской семинарии Лермѣ; врачамъ: Дерптской второй

учительской семинарии Гартману и Лохвицкаго городского училища Крамеру; падворнымъ советникамъ: экстраординарному профессору Императорскаго Казанскаго университета Архангельскому; исправляющимъ должности: инспекторомъ гимназий: Оренбургской, Рихтеру и Троицкой, Соболеву; инспектору Орской Киргизской учительской школы Безсонову; учителямъ гимназий: С.-Петербургской шестой Мазингу; Вологодской, Барсову; при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Историко-Филологическомъ институтѣ Вилибину; Московской третьей Бахману, Костромской, Георгиевскому; Смоленской, Нижегородеру; Киевской первой Терновскому; Каменецъ-Подольской Конопницкому; Ришелевской: Бавлинкѣ и Лебедицеву; Екатеринославской, Полицкому; Таганрогской: Старову и Острожскому; Рижской-Александровской, Волочкову; Минской: Доброхотову и Королеву; Тифлисской первой мужской Козюлькину; Кутаисской, Клонову; Екатеринбургской, Нопону; Курской, Зеберли и Новочеркасской, Вѣлецкому; врачу Новочеркасской учительской семинарии Фомину; учителю С.-Петербургской гимназии Гуревича, Покровскому; воспитателю С.-Петербургской Ларинской гимназии Морену; исправляющему должностъ воспитателя Орловской гимназии Конде; учителямъ реальныхъ училищъ: Новгородскаго, Нейманду; Московскаго, Ярцеву; Астраханскаго, Ливанову; Киевскаго, Мысливецу; Роменскаго: Дубенецкому, Кальбусу и Шишковскому; Кременчугскаго: Органову и Насонову; Митавскаго, Смирнову и Пинскаго, Соколову; учителямъ прогимназий: Уманской, Нежуліо-Чѣлоусову; Одесской первой: Собѣщанскому и Шрамкову; учителю и воспитателю при пансионѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, Юрзепсону; учителямъ учительскихъ институтовъ: Казанскаго, Анастасіеву и Феодосійскаго, Гречанику; наставникамъ учительскихъ семинарий: Казанской, Смоленскому; Порѣцкой, Нечаеву и Поневѣжской, Морозову; врачу Бѣлозерской женской прогимназии, Кокореву; учителямъ-инспекторамъ городскихъ училищъ: Сычевскаго, Наградову и Ростовскаго-на-Дону, Чернышевскому; штатному смотрителю и учителю Винницкаго городского училища, Максимовичу; учителямъ гимназий: Либавской-Николаевской, Кулепу и Могилевской, Анкудинову; учителю Бѣльской прогимназии, Соболеву; помощникамъ классныхъ наставниковъ гимназий: Казанской третьей, Шестакову и Периской, Линке; помощнику классныхъ наставниковъ и письмоводителю Ревельской-Александровской гимназии, Волкову; помощникамъ клас-

сныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго, Черниговскому и Бѣлостокскаго, Качаповскому; завѣдывающему Городницкимъ городскимъ училищемъ, учителю сего училища, Прже-быльскому и смотрителю-учителю Зугдидскаго начальнаго училища, Бакрадзе; коллежскимъ ассессорамъ: экстраординарамъ профессорамъ институтовъ: Лазаревскаго восточныхъ языковъ, Веселовскому и историко-филологическаго князя Безбородко въ Іѣжинѣ, Бережкову; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Вятской, Лютерсольскому и Черниговской, Бондаренко; секретарю по студенческимъ дѣламъ Императорскаго Казанскаго университета Заблоцкому; столо-вачальнику канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Комарову; учителямъ гимназій: С.-Петербургскіхъ: второй, Шеве, седьмой, Фортунатову и десятой, Гризару; Псковской, Говорлин-вому; Вологодской, Тузову; Владимірской, Михайлову; Костром-ской, Ставичеку; Тверской, Чернышеву; Немировской Кузнец-кому; Лубенской, Клепчикову; Варшавскихъ мужскихъ: четвертой, Задзюкинасу и шестой, Турау; Люблинской, Эустахевичу; Могилевской, Юденичу; Виленской второй, Ивановскому; Тифліс-ской второй мужской, Гамкрелидзе; Новочеркасской, Никольскому и Тобольской, Станкевичу; учителямъ Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, Чоху и Костырко-Стоцкому; учителямъ гимназій: Нижегородской, Херсонскому; С.-Петербургскій Гуревича, Аппенскому, Петровской мужской, Калю и Пензенской женской, Берви; учителямъ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго, Винцману; Сергиевскаго въ Псковѣ, Гутману; Тульскаго, Муратову, Виленскаго, Пономареву; Напскаго, Малиревскому; Вакинскаго: Поликострицкому и Шмидту; Томскаго-Алексѣевскаго, Вережкову; Темирь-Ханъ-Шуринскаго, Козубскому Владикавказскаго, Федорову; Казанскаго, Кукурашову; Полтав-скаго, Симмену; Кременчугскаго, Сипко; Бѣлоцерковскаго, Щеголеву; Роменскаго, Милеву; Влоцлавскаго, Лишиѣ; Курскаго, Крюкову; Юропинскаго, Гельзингу; Московскаго при Евангелическо-Лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ: Ленгольду и Краузе, Варшавскаго: Вроблевскому и Васильеву и частнаго Воскресен-скаго въ Москвѣ, Скуйе; учителямъ прогимназій: Московской второй, Боголѣпову; Егорьевской, Миловидову; Глуховской, Илаксину и Нижнечирской, Горанскому; учителямъ Комиссаровскаго техни-ческаго училища въ Москвѣ: Грузову, Давыдову и Серватовскому; наставникамъ учительскихъ семинарій: Самарской, Вишневскому;

Санжочской, Шулицкому и Кутаисской, Петрову; учителю Татарского отдельенія Закавказской учительской семинаріи, Ахундъ-Заде: учителю училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Апостола С.-Петербургскаго, Клау; учителямъ-инспекторамъ Городскихъ училищъ: Новоладожскаго, Маркопу; Онощецкаго, Лойбергу; Боровичскаго, Реховскому; Мологскаго, Малиновскому и Вятскаго, Департорскому: штатнымъ смотрителямъ и учителямъ Городскихъ училищъ: Дубенскаго, Швачкѣ и Уманскаго, Доброгаеву; помощнику столопачальника канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебного округа: Дьякону; журналисту и архиваріусу сей же канцеляріи, Беляеву; старшимъ учителямъ гимназий: Гольдингенской, Вилле; Дерптской, Сѣркову; Перновской: Козаку и Бреде; учителю Феодосійскаго учительского института, Лысенко; штатнымъ смотрителемъ: Тобольскихъ училищъ Мазуркевичу; уѣзжихъ училищъ: Газенпотскаго, учителю наукъ сего училища, Клейнепбергу, Тетюшскаго, Архангельскому и Щигровскаго, Семенову; учителямъ приготовительныхъ классовъ гимназий: Елисаветпольской, Вартапесову; Тифліской первой, Чилову; Житомірской, Качаунову и Тамбовской, Апдрееву; помощникамъ классныхъ наставниковъ: Императорской Казанской первой гимназіи, Остеру; Зарайскаго реального училища, Лебедеву и Вѣльской прогимназіи Голенину и учителю Саратовскаго Городскаго Александровскаго ремесленного училища, Цвѣткову; титуларнымъ совѣтникамъ: инспектору народныхъ училищъ Вятской губерніи, Макарову; дѣлоизводителю VIII класса департамента народнаго просвѣщенія: Томашинскому и Лепцу; старшему наблюдателю магнитной и метеорологической обсерваторіи въ городѣ Навловскѣ, Лейсту; столопачальнику канцеляріи попечителя Виленскаго учебного округа, Руберовскому: бухгалтеру Кіевской второй гимназіи, Савицкому; учителю-инспектору Никольскаго городского училища Вологодской губерніи, Надеждину; старшему учителю Рижской губернской гимназіи, Шварцу; учителямъ гимназий: Тамбовской женской, Гладышеву и Митапской губернской, Детлофу; помощникамъ классныхъ наставниковъ: Кронштадтской гимназіи, учителю приготовительного класса сей гимназіи, Острякову; Реальныхъ училищъ: Муромскаго, Соколову и Динабургскаго, Овсянкину; учителямъ городскихъ училищъ: Новоржевскаго, Гаккелю и Рижскаго Екатерининскаго, Еланову; учителямъ приготовительныхъ классовъ гимназий: Орловской, Глаголеву; Екатеринбургской, Овчинникову и Курской, Малѣеву; учителямъ городскихъ училищъ:

Прокуровского, Пирогу и Радомыльского, Васькову и завѣдывающему Ильинскимъ начальнымъ народнымъ училищемъ, учителю сего училища Приклонскому; коллежскимъ секретарямъ: инспектору Измайльской прогимназіи Боровскому; химику и преподавателю С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Курбатову; учителямъ С.-Петербургской второй гимназіи Ка-пустину; Владикавказскаго реальнаго училища Стапкевичу и Лод-зинскаго высшаго ремесленнаго училища Семеновскому; учителю-инспектору Маргелапскаго городскаго училища Иваньеву; помощнику столоначальника канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Иванову; лаборанту Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища Думанскому; учителю Бѣльской учительской семинаріи Жарко; помощникамъ классныхъ наставниковъ: Ташкентской мужской гимназіи Неудачину; реальныхъ училищъ: Юрьевскаго: Моргунову и Алексѣеву и Нижегородскаго, Зенитову; учителямъ, завѣдывающими городскими училищами: Балашовскимъ, Тихонрапову и Петровскимъ, Волковойнову; учителямъ приготовительныхъ классовъ: гимназій: Тульской, Блаженкову; Пермской, Кирпищикову; Харьковской второй, Милованову и Сумской Александровской, Цвѣткову и Сандомирской мужской прогимназіи, Щѣнейко; учителямъ юзданыхъ училищъ: Баускаго, Арбузову; Дмитревскаго Ефимьеву и Томскаго, Злобину; губернскимъ секретарямъ: помощнику инспектора студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Барсову; почетному смотрителю Курмышскаго городскаго училища, Пазухину; помощнику столоначальника канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа, Шитковскому; economу лицѣя Цесаревича Николая въ Москвѣ, Лебедеву и учителю Грузинскаго начальнаго училища при Закавказской учительской семинаріи, Гаракапидзе; коллежскимъ регистраторамъ: дежурному при читальней залѣ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, Давыдову; сотруднику археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія Ежову и учителю-адвокату Сацхениссаго народнаго училища съ пасіономъ, Джанаридзе; не имѣющимъ чиновъ: экстраординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета Николаю Любовичу; инспекторамъ: Краснослободской прогимназіи Дмитрію Архангельскому и народныхъ училищъ Бессарабской губерніи Францу Миллеру; исполняющимъ обязанности инспекторовъ реальныхъ училищъ: при реформатской церкви въ Москвѣ Василию Немолодышеву и Одесскаго св. Павла,

Николаю Каминскому; директору и профессору Рижского политехнического училища Густаву Киверицкому; исправляющему должность доцента Демидовского юридического лицея Мариану Липинскому; фабрикозодителю кишнолярії Варшавского учебного округа и надзирателю-учителю Варшавского четвертаго воскресно-ремесленаго училища Александру Степанову; старшему Туторскому помощнику лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ Александру Новосильцеву, учителямъ институтовъ: Лазаревскаго восточныхъ языковъ, Михаилу Аттаю и нижегородскаго дновинскаго Императора Александра II, Николаю Орнатскому; учителямъ гимназий: С.-Петербургскихъ: шестой, Михаилу Кеммерлингу; десятой, Герману Струнке и Введенской, Василию Цокровскому; Императорскаго человѣкообразнаго общества Андрею Шнуку; Императорской Царскосельской Николаевской, Ивану Гильдебранду; Архангельской, Николаю Санчурскому; Рязанской, Анатолію Флерову и Дмитрю Дубову; Любенской, Вячеславу Андерле; Варшавскихъ мужскихъ: первой, Сергею Михалевичу и третьей, Осипу Войтасевичу; Петровской, Валентію Гарлицкому; Радомской, Ивану Вердинскому; Сыдлецкой, Феликсу Терніловскому; Вильской, Августу Копыстынскому Виленскихъ: первой, Дмитрю Таламу и второй, Ивану Свирильину; Ковенской, Ивану Короленскому; Минской, Ивану Цвирко; Уфимской: Михаилу Правдину и Федору Зеленецкому; Оренбургской: Василию Толузакону и Якову Ива пухѣ; Таракентской, Василию Преображенскому; Вірменской: мужской: Лавру Черницкому и Вячеславу Крачмеру и Омской мужской, Нюму Жакэ; штатному учителю Люблинской женской гимназии Михаилу, Малицкому; учителю училища Ея Императорскаго Высочества Принцесы Ольденбургской, Василию Эверлингу; учителямъ реальныхъ училищъ: Кронштадтскаго, Василию Голинскому; Сергиевскаго въ Псковѣ, Николаю Пивато; Московскаго, Сергею Дудышкину; Нижегородскаго, Федору Невскому; Муромскаго, Эсперу Жадовскому; Орловскаго Александровскаго, Гавріилу Голубену; Минскаго, Алексѣю Лебедеву; Шушинскаго, Павлу Франтову; Вятскаго, Александру Нантельевскому; Повозыбковскаго, Ивану Орищенко; Мелитопольскаго, Митрофапу Дубровинову и Новочеркасскаго, Николаю Дикареву; исправляющему должность учителя Днінабургскаго реального училища, Сергею Преображенскому; учителямъ прогимназий: С.-Петербургскихъ: первой, Андрею Лахницкому и шестой, Евгению Борисону; Четергофской Императора Александра II, Степану Широку; Рязанской, Николаю Ма-

лашкину; Острожской, Иосифу Бидерману; Черкасской, Титу Грабовичу; Лебедицкой, Федору Вамберскому; Ченстоховской мужской, Брониславу Грабовскому; Кутаисской, Евстафию Войцеховскому; Пятигорской Иосифу Чебишю и Владивостокской мужской, Василию Маргаритову; учителямъ институтовъ: Виленского еврейского учительского, Ивану Лаврову и Варшавского глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, Юлию Штатлеру; сверхштатному учителю С.-Петербургскаго учительского института, Аполлону Милицину; наставникамъ учительскихъ семинарій; Новинской, Леониду Шестакову; въ м. Новомъ Бугѣ, Херсонской губерніи, Николаю Теплову и Молодечненской, Никитѣ Капцевичу; сверхштатному учителю Новинской учительской семинаріи, Ивану Супгуреву; учителямъ-инспекторамъ городскихъ училищъ: Нарвскаго, Александру Кирилову; Астраханскаго, Леониду Зубову; Симбирскаго, Григорію Кокурочкикову; Сызранскаго, Петру Филатову; Камышинскаго, Федору Бубнову; Варшавскаго, Ивану Мазуренко; Навлодарскаго, Панну Кокшарову; Усть-Каменогорскаго, Василію Локотко и Казалинского, Петру Спиридову; воспитателямъ при пансионѣ Ризанской гимназіи; Владимиру Гирлингу; врачу Кляцковскаго городского училища, Петру Руденко; штатному смотрителю Кобринскаго уѣзднаго училища, Константина Свидерскому; учителю Митавской губернскай гимназіи, Николаю Знаменскому; старшему учителю Ренельского дворянскаго Вышгородскаго училища, Александру Федорову; учителю Семипалатинскаго городскаго училища, Андрею Зиневичу; помощникамъ классныхъ наставниковъ: мужскихъ гимназій: Варшавской пятой, учителю приготовительного класса сей гимназії, Петру Здановичу и Калишской, Антону Курцевскому; реальныхъ училищъ: Калужскаго, Захарію Хотомскому; Влоцлавскаго, Густаву-Адольфу Кинчелю и частнаго Воскресенскаго въ Москвѣ, Петру Ренгарту; учителямъ учительскихъ семинарій: Холмской, Ивану Розмаинскому и Вейверской, Иосифу Павловскому; учителямъ городскихъ училищъ: при С.-Петербургскому учительскому институту, Владимиру Пискачевскому; Лужскаго, {Александру Малинину; Петрозаводскаго, Петру Чубарову и Великолуцкаго, Алексѣю Медвѣдкову и завѣдывающему Чемкитскимъ городскимъ училищемъ, Ивану Ковригину.

III. ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ.

22-го декабря 1884 г. (№ 18). Производятся за отличие: Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Николай Боголѣбовъ, чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія Василій Авсѣнко, окружный инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа Николай Великановъ, ординарные профессоры Императорскихъ університетовъ: Московскаго Федоръ Коршъ и Николай Лясковскій, Казанскаго Меннонѣ Шетронскій, св. Владимира Василій Демченко и Дерптскаго Фридрихъ Гофманъ, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Луціанъ Миллеръ, инспекторъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго університета Михаилъ Цивильковъ, директоръ Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II Гавріль Шапошниковъ, директоры гимназій: С.-Петербургской седьмой Августъ Гофманъ, Московской второй Сергѣй Гулевичъ, Калужской Николай Овсянниковъ, Черниговской Петръ Кизимовскій, Херсонской Григорій Кустовскій, Ставропольской Василій Гниловъ и Кутаисской Александръ Столяновъ, бывшій директоръ Варшавской четвертой мужской гимназіи Михаилъ Бульмерингъ, директоры реальныхъ училищъ: Калужскаго Василій Кононовъ, Минскаго Иванъ Самойло, Одесскаго Александру Соколовъ и Кубанскаго Александровскаго Спиридонъ Дивари, начальникъ Сувалкской учебной дирекціи Адріанъ Абрамовичъ, директоры учителльскихъ институтовъ: Глуховскаго Александру Бѣлавскій и Житомирскаго еврейскаго Николай Цересьтовъ, директоры народныхъ училищъ: губерній: Смоленской Викторъ Новицкій, Могилевской Федоръ Ставровичъ и Минской Ерминигильдъ Тимофеевъ и Терской области Сергѣй Грушевскій, почетные попечители: Ставропольской женской гимназіи св. Александры Викентій Русѣцкій и реального училища при евангелическо-реформатской церкви въ Москвѣ Иванъ Фидлеръ и неимѣющіе чиновъ ординарные профессоры Императорскаго Варшавскаго университета Осипъ Леопольдъ Кашница и Антонъ Мѣржинскій.

Въ статскіе совѣтники: не имѣющіе чиновъ: учитель Варшавской второй мужской гимназіи Ипполитъ Гржибовскій и учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Константина-Ипполита Маркевичъ.

Въ коллежскіе совѣтники: надворный совѣтникъ, почетный попечитель С.-Петербургскаго учительскаго института Александръ Кекинъ.

Въ надворные совѣтники: коллежскіе ассесоры: учитель института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ Варшавѣ Станиславъ Мочидловскій и учитель того же института, надзиратель и учитель Варшавскаго четвертаго воскресно-ремесленаго училища Августъ Барановскій.

Въ коллежскіе ассесоры: не имѣющій чина, учитель института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ Варшавѣ Генрихъ Трояновскій.

Въ титулярные совѣтники: коллежскій секретарь, дѣлоизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія Владимиръ Таскинъ и неимѣющіе чиновъ: учитель института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ Варшавѣ Эваристъ Родзиншевскій и учителскій помощникъ сего же института Юліанъ Маковскій; изъ нихъ Таскинъ со старшинствомъ съ 24-го ноября 1884 года.

24-го декабря 1884 г. (№ 14). Утверждается: инспекторъ татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Радловъ—ординаріумъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ по части исторіи древностей азіатскихъ народовъ, съ 7-го ноября 1884 г., съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Инженеръ-генералъ-майоръ Струве—почетнымъ попечителемъ Коломенской гимназіи, на три года.

Титулярный совѣтникъ Ячевскій и вольскій купецъ Котевъ—почетными попечителями реальныхъ училищъ на три года: первый—Орловскаго-Александровскаго и послѣдній—Вольскаго.

Продолжается срокъ командировкіи за границу съ ученою цѣлію: кандидату Императорскаго С.-Петербургскаго университета Аршеневскому—на одинъ годъ.

Командируются съ ученою цѣлію за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Эрисманъ, экстраординарный профессоръ сего университета Снегиревъ и архитекторъ того же университета Быковскій—на одинъ мѣсяцъ (Высочайшее повелѣніе 21-го декабря 1884 г.).

Ассистентъ при хирургической клинике Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ медицины Грошъ—на шесть мѣсяцевъ.

Продолжается срокъ отпуска въ Россіи и за границу:

присчисленному къ министерству народного просвѣщенія Мааку, по болѣзни, на шесть мѣсяцевъ.

30-го декабря 1884 г. (№ 15). Назначаются: помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, тайный советникъ Воронцовъ-Вельяминовъ, попечитель Харьковскаго учебнаго округа.

Начальникъ Варшавской учебной дирекціи, дѣйствительный статский советникъ Сидорскій, помощникомъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

1-го января 1885 г. (№ 1). Производятся за отличие: въ тайные советники: дѣйствительные статские советники: заслуженные ординарные профессоры Императорскаго С.-Петербургскаго университета Василий Васильевъ и Илья Березинъ и почетные попечители гимназий: Феодосійской Иванъ Айвазовскій я Елецкой Самуилъ Поляковъ.

Въ дѣйствительные статские советники: статские советники: инспекторъ студентовъ Императорскаго Варшавскаго университета Василий Чоповъ, дѣлопроизводитель VI класса департамента народного просвѣщенія Петръ Новицкій, доцентъ Императорскаго университета св. Владимира Евгений Асанасьевъ, учитель Московской четвертой гимназіи Федоръ Кейзеръ и неимѣющій чина, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Григорій Симоненко.

Въ статские советники: падчорный советникъ, членъ учепаго комитета народного просвѣщенія Александръ Путяти.

Въ коллежскіе асессоры: коллежскій секретарь, почетный попечитель историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, графъ Александръ Мусинъ-Пушкинъ.

Производится: въ статские советники: коллежскій асессоръ, предсѣдатель педагогическаго совѣта находящейся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія женской гимназіи княгини Оболенской, Александръ Гердъ.

Въ коллежскіе регистраторы: канцелярскій служитель канцеляріи комитета правлениія Императорской Академіи Наукъ Николай Москаль.

1-го января 1885 г. (№ 2). Увольняется согласно прошенію: попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, тайный советникъ Дмитріевъ, отъ настоящей должности.

24-го января 1885 г. (№ 3). Назначается: непремѣнный и со-същательный членъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ

дѣлъ, непремѣнныи членъ военно-медицинскаго учеснаго комитета и инспекторъ по медицинской части по вѣдомству учрежденій Императрицы Марии, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эйхвальдъ—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

Утверждаются на три года: надворный совѣтникъ Демидовъ—почетнымъ попечителемъ Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II.

Тайный совѣтникъ Айвазовскій и владѣлецъ мѣстечка Вѣлой Церкви графъ Брандтцкій—почетными попечителями гимназій: первый Феодосійской и послѣдній Вѣло-Церковской.

Полтавскій городской голова, дѣйствительный статскій совѣтникъ Абаза, и потомственный почетный гражданинъ, сарапульскій купецъ Шитовъ—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Полтавскаго Александровскаго и послѣдній—Сарапульскаго.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣллю: кандидату Императорскаго Московскаго университета Васильеву—на одинъ годъ.

Командируется за границу съ ученою цѣллю: проектору Императорскаго Московскаго университета Боброву—съ 15-го апреля по 15-е августа 1885 г.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

1. (29-го января 1885 года). Циркулярное предложеніе г.г. попечителямъ учебныхъ округовъ о дальнѣйшемъ приемѣ молодыхъ людей въ русской филологической институтѣ при Лейпцигскомъ университѣтѣ.

Въ циркулярномъ предложеніи отъ 13-го мая минувшаго года, за № 6864, мною было сообщено вашему превосходительству обѣ условіяхъ дальнѣйшаго приема молодыхъ людей въ комплектъ стипендиатовъ министерства народнаго просвѣщенія въ русскомъ филологическомъ институтѣ при Лейпцигскомъ университѣтѣ.

Въ настоящемъ году предвидится въ означенномъ институтѣ до семи вакансій казеннопокончныхъ стипендиатовъ.

Вслѣдствіе сего ямъ честь покорѣйше просить васъ, милостивый государь, предложить директорамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, воспитанники кояхъ, па основаніи дѣйствующаго положенія о Лейпциг-

скомъ русскомъ институтѣ, имѣть право на поступление въ сей институтъ, нынѣ же ознакомить съ чоманутымъ положеніемъ молодыхъ людей съ отличными успѣхомъ оканчивающихъ курсъ учениа во вѣроятныхъ именъ заведеніяхъ и расположить таковыхъ къ поступленію въ означеній институтъ, съ тѣмъ, чтобы съ ходатайствомъ о приемѣ кандидатовъ директоры, на точномъ основаніи § 8 положенія института, обращались непосредственно въ министерство народнаго просвѣщенія къ заявѣдающему дѣлами института, члену совѣта министра, тайному совѣтнику Георгіевскому, не позже 1-го іюля, съ приложениемъ всѣхъ бумагъ и документовъ, указанныхъ въ томъ параграфѣ. Къ сему неизлишнимъ считаю присовокупить, что положеніе о русскомъ филологическомъ институтѣ напечатано въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за апрѣль мѣсяцъ 1884 года, въ что о точномъ исполненіи настоящаго моего предложения директорами и о результатахъ опаго я буду ожидать отъ васъ докладенія тотчасъ же по окончаніи предстоящихъ въ семъ году испытаний зрѣлости.

2. (29-го января 1885 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы титулярнаго совѣтника Надежды Яковлевны Пазухиной при Костромской гимназіи.

(Утверждено г. министрою народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ заѣщаннаго вдовы титулярнаго совѣтника Надежды Яковлевны Пазухиной капитала въ четыре тысячи руб. учреждается при Костромской гимназіи одна стипендія имени заѣщательницы.

§ 2. Капиталъ стипендіи, заключающейся въ облигацияхъ восточнаго займа, хранится въ Костромскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи и составляетъ пеприкосно-ченную собственность ея. Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія они должны быть обмѣнены гимназіею на другія такія же бумаги.

§ 3. На первое время, согласно волѣ заѣщательницы проценты съ означенаго капитала употребляются на воспитаніе крестника си Александра Разумовскаго, въ какомъ бы среднемъ, или высшемъ учебномъ заведеніи онъ ни обучался, съ передачею процентовъ въ это учебное заведеніе. По окончаніи Разумовскаго образованія, выборъ стипендіата предоставляется педагогическому союзу Костромской гимназіи.

§ 4. Стипендія назначается одному изъ бѣдныхъ учениковъ Костромской гимназіи, оказавшему, при отличномъ (5) поведеніи, удовлетворительные (не менѣе 3) успѣхи по всѣмъ предметамъ преподаванія.

§ 5. Стипендіатъ лишается стипендіи, если останется въ томъ же классѣ по малоуспѣшности, или получить отмѣтку по поведенію 3, и на мѣсто его опредѣляется другой, болѣе достойный.

§ 6. Стипендіатъ пользуется стипендіею только на время пребыванія его въ Костромской гимназіи.

§ 7. Могущіе образоваться по какому либо случаю остатки отъ процентовъ не присоединяются къ неприкосновенному капиталу, а употребляются на единовременныя пособія стипендіатамъ, окончившимъ успѣшно гимназическій курсъ, при поступлении ихъ въ высшія учебныя заведенія. Размѣръ сихъ пособій зависитъ отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта Костромской гимназіи; для выдачи ихъ требуется разрѣшеніе управлѣнія учебнаго округа.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (31-го января 1885 года). Правила стипендіи имени Павла Цитовича.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Императорскомъ Харьковскомъ университѣтѣ учреждается стипендія имени Павла Цитовича на капиталъ въ четыре тысячи руб., заключающейся въ 5% билетахъ государственного банка, пожертвованной для этой цѣли женой статского совѣтника Марией Максимовной Цитовичъ.

§ 2. Въ стипендію выдаются проценты, получаемые ежегодно съ пожертвованного капитала, въ количествѣ двухсотъ рублей.

§ 3. Правомъ на полученіе стипендіи пользуются студенты математического отдѣленія физико-математического факультета, русскаго происхожденія, православнаго исповѣданія, удовлетворяющіе правиламъ, установленнымъ согласно ст. 132 устава университетовъ 1884 года.

§ 4. Проценты, не выданные по какой-либо причинѣ въ стипендіи, причисляются къ основному капиталу.

ЧАСТЬ ОСХХХVI, отд. 1.

4. (31-го января 1885 года). Положение о трехъ стипендиахъ имени Ивана Карловича Прове при Московской 3-й мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщени).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ двѣсти руб., собраннаго торгующими при Московской биржѣ купечествомъ, но подписанъ, учреждаются при Московской 3-й мужской гимназіи три стипендіи имени Ивана Карловича Прове.

§ 2. Означенныи капиталъ, заключающійся въ облигацияхъ восточнаго займа и двухъ билетахъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ, по одному изъ каждого, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназіи, оставаясь на вѣчнія времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ Ивану Карловичу Прове, а послѣ его смерти педагогическому совѣту Московской третьей гимназіи.

§ 4. Стипендіи предоставляются ученикамъ: 1) оказывающимъ удовлетворительные успѣхи въ наукахъ (не менѣе 3 по каждому предмету); 2) имѣющимъ по поведенію отмѣтку не менѣе четырехъ и 3) завѣдомо недостаточнаго состоянія и обучающимися въ гимназіи не менѣе полугода.

§ 5. Стипендіатъ лишается стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта, если онъ останется въ томъ же классѣ за мало-успѣшность или по поведенію получитъ баллъ 3, или если онъ пріобрѣтетъ средства, дѣлающія для него ненужнымъ пособіе отъ гимназіи.

§ 6. Непереводъ стипендіата въ высшій классъ не считается законнымъ поводомъ къ лишенію его стипендіи, если ученикъ остался въ томъ же классѣ по уважительнымъ причинамъ, какъ то: по болѣзни и т. п.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендій и по другимъ причинамъ остатки отъ стипендіальной суммы выдаются, по постановленію педагогическаго совѣта гимназіи, въ единовременное пособіе стипендіатамъ, окончившимъ гимназіческій курсъ; при чемъ размѣръ такого пособія опредѣляется совѣтомъ и ли въ какомъ случаѣ не долженъ превышать полугодовой стипендіи.

§ 8. Если на билеты внутреннихъ съ выигрышами займовъ, при-

надлежащіе къ стипендіальному капиталу, падеть выигрышъ, то та ковой обращается, по усмотрѣнію Ивана Карловича Прове, на учрежденіе новыхъ стипендій при Московской третьей гимназіи или на удовлетвореніе другихъ нуждъ той же гимназіи. Отъ И. К. Прове это право переходитъ къ совѣту гимназіи, который даетъ выигранной суммѣ то или другое назначеніе, для нуждъ этой же гимназіи, съ утвержденіемъ высшаго начальства.

§ 9. Гимназія обязана страховать принадлежащіе къ основному капиталу билеты внутреннихъ съ выигрышами займовъ отъ тиража погашенія; необходимый для этого расходъ производится изъ свободныхъ остатковъ процентовъ съ этого капитала.

§ 10. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

5. (31-го января 1885 года). Положеніе о стипендіяхъ при Краснослободской мужской прогимназіи въ означенованіе дней Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 15 мая 1883 года.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 24-й день января 1885 г., учреждаются при Краснослободской мужской прогимназіи двѣ стипендіи, по 20 руб. каждая, на счетъ % съ принадлежащаго обществу вспомоществованія нуждающимся ученикамъ сей прогимназіи неприкосновеннаго капитала въ восемьсотъ руб. съ означенованіемъ ихъ „стипендіями въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра Александровича и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны“.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигацияхъ восточного займа состоить въ вѣдѣніи правленія общества вспомоществованія и хранится въ мѣстномъ казначействѣ вмѣстѣ съ стипендіальными капиталами имени коммерціи совѣтника г. Л. Неплюка.

§ 3. Въ случаѣ закрытия общества вспомоществованія стипендіальный капиталъ съ тѣмъ же назначениемъ поступаетъ въ вѣдѣніе прогимназіи и, оставалась неприкосновеннымъ, хранится въ спеціальныхъ средствахъ прогимназіи въ мѣстномъ казначействѣ.

§ 4. Въ случаѣ преобразованія Краснослободской прогимназіи въ

3*

шестиклассную прогимназию, полную гимназию или въ какое либо учебное заведение другого типа стипендіи переходить въ это новое учебное заведение, а въ случаѣ закрытия прогимназии или возникшаго изъ нея заведенія — иль одпо изъ учебныхъ заведеній г. Краснослободска, по усмотрѣнію педагогического совѣта и общаго собрания членовъ общества вспомоществованія.

§ 5. Проценты съ этого капитала въ количествѣ 40 руб. употребляются на уплату за право ученія въ прогимназіи двухъ учениковъ прогимназіи.

§ 6. Стипендіаты избираются правленіемъ общества вспомоществованія пуждающимъ ученикамъ прогимназии изъ бѣднѣшихъ учениковъ прогимназіи безъ различія званія, происхожденія и вѣроисповѣданія, но непремѣнно изъ числа рекомендованныхъ педагогическими соображеніемъ прогимназіи относительно поведенія, успѣховъ, прилежанія и вниманія.

§ 7. Могущіе образоваться почету либо остатки отъ вышеуказанной суммы расходуются правленіемъ общества на общемъ основаніи съ остальными средствами его на способія бѣднѣмъ ученикамъ; точно также въ случаѣ увеличенія платы за ученіе въ прогимназіи недостающая сумма доплачивается Обществомъ изъ его средствъ на общемъ основаніи съ другими расходами по вспомоществованію бѣднѣмъ ученикамъ.

§ 8. Ученики лишаются стипендіи, если по успѣхамъ, поведенію, прилежанію и вниманію не будутъ признаты педагогическимъ совѣтомъ прогимназии достойными стипендій.

§ 9. По усмотрѣнію педагогического совѣта прогимназіи и правленія общества стипендіи могутъ быть представлены ученикамъ, оставшимся на 2-й годъ.

§ 10. Попеченіе о перемѣнѣ облигаций на новые по истеченіи купоновъ или выходѣ въ тиражъ погашенія, а также о замѣнѣ ихъ новыми государственными процентными бумагами, когда это потребуется, лежитъ на казначѣи общества вспомоществованія, обязанность коего также составляетъ своеобразное отрѣзываніе купоновъ, обмѣнъ ихъ на деньги и внесение платы за право ученія стипендіатовъ въ установленные сроки.

§ 11. Пользованіе сими стипендіями не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ.

6. (2-го февраля 1885 года). Правила для стипендіи имени Потомственного Почетного Гражданина Израиля Марковича Бродского въ Императорскомъ Университетѣ Св. Владимира.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Въ означеновіе 50-лѣтняго существованія университета св. Владимира, потомственный почетный гражданинъ Лазарь Бродский пожертвовалъ пять тысячъ руб., заключающіеся въ пяти облагацихъ 2-го и 3-го восточного займа по тысячѣ руб. каждая, для учрежденія при упомянутомъ университетѣ одной стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Израиля Марковича Бродского на слѣдующихъ условіяхъ:

§ 1. Стипендіатомъ И. М. Бродского можетъ быть только студентъ юридического факультета университета св. Владимира и при томъ іудейскаго вѣроисповѣданія.

§ 2. На содержанію стипендіата назначается по 250 руб. въ годъ. Стипендія выдается по третямъ впередъ. При зачисленіи на стипендию содержаніе выдается съ начала той трети, въ которой студентъ представлена на стипендию.

§ 3. На означенную стипендию можетъ быть назначенъ только студентъ отличного поведенія и оказавшій хороши успѣхи въ наукахъ; стипендіа замѣщается правленіемъ по представленію юридического факультета и на основаніи правилъ, которые будутъ существовать въ данное время относительно назначенія студентамъ стипендіи. При жизни И. М. Бродского на предоставление студенту стипендіи требуется согласіе И. М. Бродского.

§ 4. Стипендіатъ И. М. Бродского обязанъ подвергаться установленнымъ испытаніямъ въ течениe всего времени бытности въ Университетѣ. Не выдержавшій испытанія удовлетворительно, равно какъ и неодобрительно аттестованный въ поведеніи, хотя бы и хорошо выдержаній испытаніе, лишается стипендиі.

7. (2-го февраля 1885 года). Положеніе о стипендіи имени предсѣдателя Пензенской губернскай земской управы Алексея Николаевича Бекетова при Пензенской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ пятьсотъ руб., пожертвованнаго Пензенскимъ губернскимъ земствомъ,

учреждается при Пензенской мужской гимназии одна стипендия имени предсѣдателя губернской земской управы Алексея Николаевича Бекетова.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5%, государственныхъ свидѣтельствахъ крестьянскаго поземельного банка, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Пензенской гимназии, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Изъ процентовъ съ сего капитала уплачивается за содержание одного воспитанника въ пансионѣ гимназии 300 руб. въ годъ. Остатокъ отъ сихъ процентовъ, составляющій 2 руб. 50 к. въ годъ, причисляется къ специальнымъ средствамъ Пензенской гимназии во все время обучения въ ней стипендіата, а въ случаѣ перехода его въ высшее учебное заведеніе, выдается самому стипендіату.

§ 4. Стипендія эта предоставляется уроженцамъ Пензенской губерніи, преимущественно дѣтямъ лицъ, служащихъ или служившихъ въ земскихъ учрежденіяхъ той же губерніи, имѣющимъ не болѣе 15 лѣтъ отъ рода и обучающимся въ высшихъ классахъ, не ниже пятааго.

§ 5. Избрание стипендіата принадлежитъ А. Н. Бекетову, по смерти же его переходить къ губернскому земскому собранию.

§ 6. Стипендіатъ получаетъ предоставленную ему стипендію до окончанія гимназического курса, но лишается права на нее, если безъ особо уважительной, по мнѣнію педагогическаго совѣта, причины не будетъ удостоенъ перевода въ слѣдующій классъ болѣе одного раза со времени получения стипендіи.

§ 7. Стипендіатъ, по окончаніи полнаго гимназического курса, въ случаѣ желанія поступить въ какое либо высшее учебное заведеніе, сохраняетъ право на получение стипендіи въ томъ же размѣрѣ до окончанія образованія къ немъ, но также лишается этого права, если болѣе одного линияго года остался въ высшемъ учебномъ заведеніи безъ особо уважительной причины.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (8-го февраля 1885 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о представлении педагогическими совѣтами среднихъ учебныхъ заведеній протоколовъ своихъ засѣданій попечителю учебнаго округа.

Начальствомъ одного изъ учебныхъ округовъ, въ видахъ болѣе близкаго и постояннаго ознакомленія съ дѣятельностью педагогиче-

скихъ совѣтовъ, установлено обязательное представление гг. начальниками среднихъ учебныхъ заведеній въ управление округа, ежегодно къ 1-му юли и къ 25-му декабря, протоколовъ засѣданій педагогическихъ совѣтовъ, этихъ заведеній.

Признавая таковую мѣру весьма полезною, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе и по вѣренному вамъ учебному округу, чтобы начальники среднихъ учебныхъ заведеній представляли въ управление округа протоколы засѣданій педагогическихъ совѣтовъ въ сроки, какіе будутъ указаны вами, для просмотра ихъ вашимъ превосходительствомъ, съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ положеніемъ учебной и воспитательной части въ названныхъ заведеніяхъ, а также устраненія въ иѣкоторыхъ изъ сихъ заведеній недостатковъ, которые будутъ при этомъ обнаружены.

9. (14-го февраля 1885 года). Положеніе о стипендіи въ память двадцатипятилѣтія Тверской Марининской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго почетнымъ попечителемъ, предсѣдателемъ и членами попечительного совѣта Тверской Марининской гимназіи капитала въ шестьсотъ руб.—учреждается при вновь основанной гимназіи одна стипендія, въ память двадцатипятилѣтія существованія помянутаго заведенія.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственного банка, хранится въ попечительномъ совѣтѣ гимназіи вмѣстѣ съ прочими капиталами, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означенного капитала обращаются на уплату за право обученія въ гимназіи стипендіатки, а весь могущій произойти отъ этой уплаты остатокъ присоединяется къ основному капиталу.

§ 4. Право выбора стипендіатки принадлежитъ попечительному совѣту гимназіи по соглашенію съ предсѣдателемъ совѣта педагогического, при семъ стипендіатками могутъ быть лишь дѣти обывателей города Твери.

§ 5. Стипендіатка, оказывающая, при отличномъ поведеніи, удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, сохраняетъ за собою право пользованія стипендіею до окончанія полнаго курса ученика тѣхъ гимназій

или до выхода изъ соймъ по какимъ либо другимъ причинамъ; за малоупотребительность же въ наукахъ, происходящую отъ нерадѣнія, или за неодобрительное поведеніе, стипендіатка, согласно съ опредѣленіемъ попечительного совѣта и по соглашенію съ предсѣдателемъ совѣта педагогического, можетъ быть лишена права пользованія стипендией и ранѣе окончанія курса учения или выхода изъ гимназіи.

§ 6. Пользованіе настоящей стипендией не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

V. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ:

(22-го декабря 1884 года). Утверждены: профессоръ богословія Императорскаго университета св. Владимира, протоіерей Фаворовъ — въ званіи заслуженного профессора; ординарные профессоры Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительные статскіе совѣтники: Никитскій и Бродовскій и неимѣющій чина Кашница — вновь деканами факультетовъ сего университета: первый — историко-филологическаго, второй — медицинскаго и послѣдній — юридическаго, съ 6-го октября 1884 г.; бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Цитовичъ — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго университета св. Владимира по каѳедрѣ торговаго права и судопроизводства, съ 1-го ноября 1884 г.; адъюнкты-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, докторъ астрономіи, коллежскій совѣтникъ Дубаго — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по каѳедрѣ астрономіи и геодезіи, съ 1-го ноября 1884 г., съ увольненіемъ отъ настоящей должности; экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій ассесоръ Браунъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ зоологіи, съ 16-го ноября 1884 г.; экстраординарные профессоры Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительные статскіе совѣтники: Помяловскій, Замысловскій и Захаровъ; статскіе совѣтники: Васильевскій и Троицкій — ординарными профессорами сего университета по каѳедрамъ: Помяловскій — классической филологии, Замыловскій — русской исторіи, Захаровъ — китайской и маньчжурской словесности, Васильевскій — всеобщей исторіи и Троицкій — исторіи церкви, съ 1-го ноября 1884 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира по каѳедрѣ теоре-

тической физики, докторъ физики, статскій совѣтникъ Шиллеръ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ, съ 1-го декабря 1884 г.; доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины Эрисманъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ гигиѳы, съ 1-го ноября 1884 г.; доценты Императорскаго С.-Петербургскаго университета: действительные статскіе совѣтники: Соколовъ и Дорпъ; статскіе совѣтники: Никитинъ, Праховъ, Ведровъ, Лебедевъ и Смирновъ; коллежскій совѣтникъ Веселовскій; надворные совѣтники: Сергиевскій и Позднѣевъ, Эрштедтъ и титулярный совѣтникъ Бершадскій—экстраординарными профессорами сего университета по каѳедрамъ: Соколовъ—всеобщей исторіи, Дорпъ—римскаго права, Никитинъ—классической филологіи, Праховъ—теоріи и исторіи искусствъ, Ведровъ—полицейскаго права, Лебедевъ—финансового права, Смирновъ—турецко-татарской словесности, Веселовскій—исторіи Востока, Сергиевскій—уголовнаго права и судопроизводства, Позднѣевъ—монгольской и калмыцкой словесности, Эрштедтъ—классической филологіи и Бершадскій—энциклопедіи и исторіи философіи права, съ 1-го ноября 1884 г.; доценты Императорскаго Московскаго университета: Зубковъ, Виноградовъ, Шварцъ, Анучинъ, доктора: Фортунатовъ, Миллеръ, магистры: Гамбаровъ, Колоколовъ, Алексѣевъ, Звѣревъ, Нерсесовъ, Орловъ, Соколовъ, Канониковъ, Тихомировъ, Богословскій, Шервінскій, Ельцинскій, Мансуровъ, Синицинъ, Макѣевъ и Снегиревъ—экстраординарными профессорами сего университета по каѳедрамъ: Зубковъ—классической филологіи, Виноградовъ—всеобщей исторіи, Шварцъ—теоріи и исторіи искусствъ, Анучинъ—географіи и этнографії, Фортунатовъ и Миллеръ—сравнительнаго языкознанія и санскритскаго языка, Гамбаровъ—гражданскаго права и судопроизводства, Колоколовъ—уголовнаго права и судопроизводства, Алексѣевъ—государственного права, Звѣревъ—энциклопедіи и исторіи философіи права, Нерсесовъ—торгового права и судопроизводства, Орловъ—механики теоретической и практической, Соколовъ—физики и физической географіи, Капониковъ—технологіи и технической химіи, Тихомировъ—фармакогнозіи и фармаціи, Богословскій—фармакологіи съ рецептурой, Шервінскій—патологической анатоміи, Ельцинскій—частной патологіи и терапіи, Мансуровъ—систематического и клиническаго ученія о накожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ, Синицинъ—хирургической патологіи, Макѣевъ и Снегиревъ—

акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, съ 1-го ноября 1884 г.; доценты Императорскаго Харьковскаго университета: Левицкій, Ковалевскій, Субботинъ и Аренъ — экстраординарными профессорами сего университета по каѳедрамъ: Левицкій — астрономіи и геодезіи, Ковалевскій — психіатріи и нервныхъ болѣзней, Субботинъ — хирургической патологіи и Аренъ — судебнай медицины, съ 1-го ноября 1884 г.; доцентъ Императорскаго университета св. Владимира, магистръ, коллежскій совѣтникъ Дашкевичъ — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ исторіи западно-европейскихъ литературъ, съ 1-го октября 1884 г.; доценты Императорскаго Казанскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ Ге и магистръ фармаціи, статскій совѣтникъ Лангель — экстраординарными профессорами сего университета по каѳедрамъ: первый — на кожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ и послѣдний — фармакогнозіи и фармаціи, оба съ 1-го октября 1884 г.; причисленный къ министерству народного просвѣщенія, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ Студенскій — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по каѳедрѣ оперативной хирургіи, съ 1-го ноября 1884 г., съ отчисленіемъ отъ сего министерства; преподаватель С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, надворный совѣтникъ Тавилдаровъ — профессоромъ химической технологии сего института, съ 1-го ноября 1884 г.; причисленный къ министерству народного просвѣщенія, статскій совѣтникъ Звѣревъ — директоромъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи, съ 6-го ноября 1884 г., съ отчисленіемъ отъ сего министерства; учитель Красноярской учительской семинаріи Златковскій — директоромъ народныхъ училищъ Иркутской губерніи, съ 12-го декабря 1884 г.; инспекторъ Усть-Медведицкой гимназіи, статскій совѣтникъ Знаменскій — директоромъ сей гимназіи, съ 12-го декабря 1884 г.; купецъ Фемилиди — почетнымъ попечителемъ Аккерманской прогимназіи, на три года; инспекторъ Варшавской 1-й мужской прогимназіи, надворный совѣтникъ Головачевскій — директоромъ Влоцлавскаго реальнаго училища, съ 15-го ноября 1884 г.; исполняющій обязанности инспектора Сергиевскаго Цкосовскаго реальнаго училища, преподаватель сего училища, статскій совѣтникъ Бутлеровъ — директоромъ означенаго училища, съ 13-го декабря 1884 г.; учитель Бакинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Горошко — директоромъ Кубанской семинаріи, съ 20-го ноября 1884 г.; директоръ народныхъ училищъ Иркутской губерніи,

надворный советникъ Агапитовъ—директоромъ Иркутской учительской семинарии, съ 12-го декабря 1884 г.; исправляющій должность помощника дѣлопроизводителя департамента народного просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Степановъ — въ сей должности, съ 14-го декабря 1884 года.

Назначены: инспекторъ Томской гимназіи, статскій советникъ Бильдинскій—исправляющимъ должность директора этой гимназіи и училищъ Томской губерніи, съ 1-го июля 1884 г.; предсѣдатель Костромской губернской земской управы, дѣйствительный статскій советникъ Исаковъ и 1-й гильдіи купецъ Михинъ — вновь членами попечительства Костромского реального училища, на три года.

Определены: причисленные къ министерству народного просвѣщенія, надворный советникъ Еліашевичъ и коллежскій секретарь Франгуловъ—дѣлопроизводителями VIII класса департамента народного просвѣщенія, первый съ 31-го октября и послѣдній съ 17-го ноября 1884 года.

Переведенъ на службу по вѣдомству министерства народного просвѣщенія: профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, статскій советникъ Зиловъ — съ утвержденіемъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ физики, съ 1-го ноября 1884 года.

Причисленъ къ министерству народного просвѣщенія, изъ отставныхъ, титуларный советникъ Максимилианъ Ленцъ, съ 24-го ноября 1884 года.

Оставлены на службѣ: по 1-е июля 1885 года, директоръ Александровской гимназіи смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, дѣйствительный статскій советникъ Вороновъ; на два года, директоръ Минской дирекціи народныхъ училищъ, статскій советникъ Тамоевъ, съ 20-го ноября 1884 г.; на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Толстопятовъ, съ 5-го октября 1884 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Петровъ, съ 12-го октября 1884 г.; директоръ народныхъ училищъ Ярославской губерніи, статскій советникъ Федосьевъ, съ 12-го октября 1884 г.; директоръ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи, статскій советникъ Ильченко, съ 11-го ноября 1884 г.; директоръ Житомирской гимназіи, статскій советникъ Омелянскій, съ 30-го ноября 1884 г.; дирек-

торъ народныхъ училищъ Московской губерніи, дѣйствительный статскій советникъ Краснопѣвковъ, съ 6-го декабря 1884 года.

Оставленъ, согласно желанію, по выслугѣ 30 лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный советникъ Захарьинъ, при семъ университетѣ, съ 21-го декабря 1884 года.

Командированы: директоръ Варшавской ветеринарной школы, статскій советникъ Сѣнцовъ—на зимнія вакаціи, по дѣламъ службы, въ С.-Петербургъ; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Цомакіонъ — на мѣсяцъ, съ ученой цѣлью въ гг. С.-Петербургъ и Павловскъ.

Уволены въ отпускъ: въ Россіи: директоръ Варшавской 2-й мужской гимназіи, статскій советникъ Троицкій, въ Московскую и Тульскую губерніи, на зимнія вакаціи, и директоръ Вологодскаго Александровскаго реального училища, статскій советникъ Маакъ, въ Москву и Петербургъ, на 20 дней; директоръ Калишской мужской гимназіи, статскій советникъ Семеновичъ и исправляющій должность директора народныхъ училищъ Уфимской губерніи, статскій советникъ Семигановскій—на двадцать восемь дней, первый въ Москву, съ 1-го января 1885 г., а второй въ Полтавскую губернію и въ С.-Петербургъ; директоръ Моршанскаго реального училища, статскій советникъ Клемінь—на мѣсяцъ и шесть дней, въ Москву, по болѣзни; за границу: астрономъ-наблюдатель Императорскаго Дерптскаго университета Гартвигъ и учитель Варшавской VI мужской гимназіи Гольдбергъ — на зимнія вакаціи; учительница Варшавскаго института глухо-нѣмыхъ и слѣпыхъ Доманская—на восемнадцать дней; преподавательница Николаевской женской гимназіи Баль — на двадцать шесть дней, по болѣзни; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Митговъ — на двадцать восемь дней; учитель Херсонской гимназіи Флегель—на четырнадцать дней и зимнія вакаціи; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета Денисенко—на два мѣсяца; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, губернскій секретарь Ценскій и сверхштатный учитель старо-русскаго уѣзднаго училища Покровскій — оба на четыре мѣсяца, по болѣзни, первый съ 1-го января 1885 года.

Отчисленъ отъ министерства народнаго просвѣщенія и причисленный къ сему министерству, членъ ученаго комитета этого

министерства, статский советникъ Фокковъ, съ увольненiemъ отъ званія члена ученаго комитета, по случаю принятія его, съ 1-го ноября 1884 года, въ число приватъ-доцентовъ Императорскаго университета св. Владимира.

Уволены согласно прошеніямъ: чиновникъ особыхъ поруче-
ний V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, статский со-
ветникъ Авсѣнко—отъ званія члена особаго отдѣла ученаго ко-
митета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ,
издаваемыхъ для народнаго чтенія, съ 1-го декабря 1884 г.; экстра-
ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Дерптскаго,
коллежскій совѣтникъ Мейеръ и Варшавскаго, титуллярный совѣт-
никъ Ришави—отъ настоящихъ должностей, первый — съ 15-го и
послѣдній съ 12-го ноября 1884 г.; исправляющій должность до-
цента Демидовскаго юридическаго лицея Борзепко — отъ службы,
со 2-го ноября 1884 г.; ординарный профессоръ Императорскаго
С.-Петербургскаго университета, действительный статский советникъ
Бестужевъ-Рюминъ—отъ службы при этомъ университѣтѣ, по бол-
ѣзни, съ 16-го ноября 1884 г.; заслуженный ординарный профес-
соръ Императорскаго университета св. Владимира, тайный совѣт-
никъ Митюковъ — отъ службы, по болѣзни, съ 9-го декабря
1884 года.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: директору Старобѣльской Александровской гимназіи,
стаскому совѣтнику Гаеку—за ревностное исполненіе имъ своихъ
обязанностей; врачу Вязниковской женской прогимназіи, Ключареву—за усердные труды въ дѣлѣ медицинской помощи ученикамъ
означенной прогимназіи; почетной попечительницѣ Уманскаго двух-
класснаго городскаго училища клягини Трубецкой — за полезную
семилѣтнюю дѣятельность па пользу народнаго образования; членамъ
уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ: Дорогобужскаго, Смоленской гу-
берніи, генералъ-майору Владимірскому и Вяземскому, учителю-
инспектору мѣстнаго городскаго училища, надворному совѣтнику
Пронину; попечителю Новоспасскаго сельскаго начального народ-
наго училища, Ельинскаго уѣзда, учителю-инспектору Ельинскаго
городскаго училища Любутову; предсѣдателю днѣпровской уѣздной
земской управы, Таврической губерніи, купцу Колчанову; шуй-
скому городскому головѣ Леонтьеву; почетной блистательницѣ
Валгутинскаго однокласснаго начального народнаго училища мини-
стерства народнаго просвѣщенія, Ельинскаго уѣзда, супругѣ стат-

скаго совѣтника Захарьиной и попечительнице Алексинскаго сельскаго начального народнаго училища, Дорогобужскаго уѣзда, дочери дворянки Барышниковой—за заслуги на пользу народнаго образования; начальнику Ченстоховскаго уѣзда, майору Каштериникову—за изысканіе средствъ для пособій бѣднымъ ученикамъ Ченстоховской прогимназіи и постолиное содѣйствіе учебному начальству въ дѣлѣ начального образованія; вдовѣ пастора Луя въ Фрейеръ—за пожертвованіе участка земли, въ пользу Гзовицкаго начального народнаго училища, Брестскаго уѣзда, Гродненской губерніи; директору оперы Варшавскихъ театровъ Адаму Минихгеймеру—за оказанную материальную помощь учащимся.

Исключены изъ списковъ умершіе: профессоръ православнаго богословія Императорскаго Дерптскаго университета, протоіерей Алексѣевъ; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Бѣверъ; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камер-юнкера, надворный советникъ Ниротморцевъ; сотрудникъ археографической комиссіи сего министерства; надворный советникъ Вермелльеръ и директоръ Иркутской учительской семинаріи Егоровъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Исторія русской словесности. Составилъ И. Порфирьевъ. Часть II. Новый періодъ. Отдѣль II. Литература въ царствованіе Екатерины II. Казань. 1884. Цѣна 2 руб. съ пересылкою”— одобрить какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Составилъ П. Смирновскій. Часть II (выпускъ 3-й). Новый періодъ. Отдѣль I (отъ Ломоносова до Карамзина). Издание 3-е, вновь обработанное. Москва. 1885. Цѣна 1 руб.”— одобрить въ видѣ учебнаго пособія для старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Александръ Цвѣтковъ. Сборникъ произведений русской народной словесности (для среднихъ учебныхъ заведеній вообще), съ примѣчаніями и словаремъ. С.-Пб. 1885. Цѣна 1 руб.“—допустить какъ учебное пособіе при преподаваніи русской словесности въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Иллюстрированная хрестоматія, составленная изъ сочинений лучшихъ русскихъ писателей для низшихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищъ. Въ трехъ частяхъ. Съ портретами русскихъ писателей. Составилъ преподаватель учительской семинаріи А. Тарновскій. Издание 3-е, исправленное и значительно дополненное. С.-Пб. 1884. Цѣна 1 руб.“—одобрить какъ учебное пособіе для приготовительного, I-го и II-го классовъ учебныхъ заведеній Юго-западнаго края.

— Книгу: „Родина. Сборникъ для класснаго чтенія, съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. (Курсъ приготовительнаго и четырехъ низшихъ классовъ). Составилъ А. Радонежскій. Издание 10-е. Съ рисунками. С.-Пб. 1885. Цѣна 75 коп.“—одобрить какъ учебное пособіе въ приготовительному и первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній въ городскихъ и народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Греческая грамматика гимназического курса Э. Чернаго. Часть II. Синтаксисъ, изложенный сравнительно съ русскимъ и латинскимъ. Издание 3-е. Москва. 1885. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—рекомендовать какъ учебное руководство по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Г. Нидерле. Грамматика греческаго языка, обработанная для русскихъ гимназій. Часть I. Этимологія. Съ чешскаго перевѣзъ И. Мейеръ. Издание 3-е. Москва. 1884. Цѣна 1 руб.“—одобрить какъ полезное руководство по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Книга упражненій къ греческой грамматикѣ Г. Нидерле. Курсъ III-го и IV-го классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ И. Мейеръ. Издание 3-е. Москва. 1885. Цѣна 85 коп.“—одобрить какъ учебное пособіе при употребленіи грамматики Г. Нидерле въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжки: „Альпы. Пособіе для учащихся. Составилъ Сергѣй Мечъ. Москва. 1882. Цѣна 30 коп.“; „Центральная Азія. Пособіе

для учащихся. С. Мечя. Москва. 1883. Цѣна 30 коп.⁴, и „Кавказъ. Географическій очеркъ. С. Мечя. Москва. 1884. Цѣна 50 коп.⁴— рекомендовать для приобрѣтенія въ библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій, а также для раздачи въ видѣ награды ученикамъ низшихъ классовъ мужскихъ гимназій.

— Книгу: „Пособіе для первоначального обученія латинскому языку. Курсы первого и второго классовъ. Составилъ И. Дрбоглавъ инспекторъ Тифлисской 1-й гимназіи. Тифлисъ. 1884. Цѣна 80 к.⁴— одобрить какъ учебное пособіе для двухъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: C. Julii Caesaris commentariorum; primus (1-й выпускъ), secundus, tertius, quartus (2-й выпускъ). Съ грамматическими, историческими и географическими примѣчаніями и картой Галліи. Примѣчанія составилъ преподаватель латинскаго языка Николай Найдуловъ. Москва. 1884. Вып. I. стр. 140. Цѣна 80 коп. Вып. II, стр. 192. Цѣна 1 руб.⁴—допустить какъ учебное пособіе для гимназій,

— Книгу: „Евріпідоς Ἰππόλιτος σταφανήφορος. Ипполитъ. Трагедія Евріпіда. Греческій текстъ съ русскими объясненіями, составленными профессоромъ А. Д. Вейсманомъ. С.-Пб. 1884. 90 стр. Цѣна 80 к.⁴— одобрить въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку для VIII класса гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру: „Руководство для начальнаго обученія телеграфированию В. Комарова”—допустить въ библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу: „Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ второй. Составилъ К. Ушинскій. Издание 54-е. С.-Пб. 1885. Въ 8 д. л., 164 стр. Цѣна 35 коп.⁴—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Для народнаго чтенія. Василій Андреевичъ Жуковскій. Біографическій очеркъ. (Изъ „Кievsk. Губ. Вѣдомостей“). Кіевъ. 1883 г.⁴—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Для народнаго чтенія. Крымъ и Крымскіе Татары. (По поводу столѣтія присоединенія Крыма къ Россіи). Изъ „Кievsk. Губ. Вѣдомостей“. Кіевъ. 1883.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книги: „Полное собрание сочиненій Ю. В. Жадовской. Томы

I и II. С.-Пб. 1885 г."—допустить первые два тома въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскъ и женскихъ.

— Книгу: „Дѣтскій театръ. Сиротка. Сцена изъ народнаго быта. П. Г. Васильева. С.-Пб. 1882. Въ 8-ю д. л., 31 стр. Цѣна 40 к.“—допустить въ ученическія библиотеки пародныхъ училищъ.

— Книгу: „Русское чтеніе для еврейскихъ дѣтей. Составилъ Гершфельдъ. Киевъ. 1885. Цѣна 45 коп.“—допустить для употребленія въ еврейскихъ училищахъ.

— Брошюры Ф. Езерскаго: „Курсъ счетоводныхъ документовъ въ связи съ исправлениемъ почерка: 1) Документы общепотребные. Въ 8-ю д. л., 32 стр. и 2) Приложение, образцы почерка и счетоводныхъ документовъ. Въ 4-ю д. л., 12 стр. Издание 2-е дополненное. 1884 и 1885“.—одобрить, какъ учебное пособіе для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ распоряженіе о закрытии параллельныхъ отдѣлений при II и III классахъ Одесскаго реального училища.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за обученіе въ Варшавской 2-й прогимназіи, съ начала 188% учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ съ 18-ти до двадцати руб., а въ прочихъ съ 25-ти до тридцати-пяти руб. въ годъ съ каждого ученика.

— 8-го ноября 1884 г. послѣдовало открытие Елисаветпольского профессионального училища Имени Его Императорскаго Высочества Государа Великаго Князя Михаила Николаевича, при чемъ въ день открытия въ него принято: въ приготовительный классъ 21 и въ I-й профессиональный классъ 7 учениковъ.

ОВНОВЛЕНИЕ ВОЛГАРСКАГО ПАТРИАРШЕСТВА ПРИ ЦАРѢ ІОАННѣ АСѢНѣ II ВЪ 1235 ГОДУ.

I.

Задача настоящей статьи будетъ заключаться въ сопоставлении и разъясненіи нѣсколькихъ документовъ, отчасти изданныхъ, отчасти не изданныхъ, относящихся къ церковной, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и политической исторіи Греціи и Болгаріи въ первой половинѣ XIII столѣтія — въ періодѣ Латинской имперіи въ Константинополѣ и Греческой въ Никеѣ. Не изданные документы заимствуются нами изъ греческаго рукописнаго сборника XIII или XIV вѣка, принадлежавшаго пѣкогда монастырю св. Екатерины на горѣ Синаѣ и недавно пріобрѣтеннаго Императорскою Центральною Библіотекой, въ числѣ другихъ сокровищъ, отъ преосвященнаго Порфирия (Успенскаго). Въ первой своей части сборникъ этотъ содержитъ переписку одного виднаго въ свое время іерарха Греческой церкви, Иоанна Анокавака, бывшаго митрополитомъ въ городѣ Навакѣ (теперь Лепант) при десpotахъ Эпирскихъ Михаилѣ (1204—1214 гг.), Феодорѣ (1214—1230 гг.) и Мануилѣ (1230—1240 гг.); между письмами самого Иоанна въ перемежку помѣщаются разнаго рода акты, преимущественно постановленія мѣстныхъ соборовъ, патріаршія и царскія грамоты, касающіяся не только частныхъ дѣлъ данной митрополіи, но и общихъ церковныхъ вопросовъ той эпохи, а также посланія къ нему его друзей и знакомыхъ изъ среды высшаго духовенства. Вносясь въ дѣло мы будемъ имѣть возможность ближе познакомить читателей нашихъ статей, какъ съ содержаніемъ означенной переписки, несомнѣнно весьма любопытной и важной въ историческомъ отношеніи, такъ и

часть сокращ., отд. 2.

съ содержаниемъ вообще всего Порфириевского сборника, ибо въ немъ находится и еще многое другое, пока совсѣмъ неизвѣстное ученому миру, но не лишенное значенія и цѣнности; при содѣйствіи одного изъ нашихъ университетскихъ слушателей (студента Х. М. Лопарева) мы успѣли почти все нужное списать и отчасти изучить. Точкою отправленія для настоящаго нашего разсѣданія послужилъ документъ, по-мѣщенный между письмами Иоанна Апокавка и озаглавленный просто „Къ царю“ (прѣ; тѣу вазлѣа) безъ дальнѣйшаго обозначенія имени царствующаго лица или же народа, ему подвластнаго; изъ содержанія документа однако видно, что письмо было писано не митрополитомъ города Навакта, Иоанномъ Апокавкомъ¹), а пришедшемъ въ Европейскую Грецію съ Востока уполномоченнымъ или экзархомъ православнаго Константинопольскаго патріарха, пребывавшаго въ Никѣ, и предназначалось оно (это письмо) не какому-либо другому властителю, а именно царю Загорскому, то-есть, Болгарскому. Не трудно было разгадать, что подъ лицомъ, которое имелуетъ себя патріаршимъ мѣстоблюстителемъ и экзархомъ, отправленнымъ на западъ для устройства церковныхъ дѣлъ, намъ слѣдуетъ разумѣть митрополита Аникирскаго (Аникорскаго), Христофора, получившаго свои полномочія отъ патріарха Германа II и его синода (мѣстнаго собора) въ 1232 году, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ соборное дѣяніе, изданное въ сборнике Мильошича (*Acta graeca*, т. III, 65). Сообразно съ тѣмъ, подъ Болгарскимъ царемъ приходилось разумѣть знаменитаго Иоанна Асѣя II (1218—1241 гг.); а такъ какъ въ посланіи къ нему говорится о примиреніи Болгарской церкви съ православнымъ патріаршимъ престоломъ, объ отреченіи бывшаго Терновскаго архіепископа отъ своего престола и способѣ избрания и посвященія будущаго его преемника, то само собою бросалась въ глаза чрезвычайная важность документа, остававшагося до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ, для разыясненія вѣкоторыхъ весьма существенныхъ вопросовъ о церковныхъ и политическихъ отношеніяхъ Болгарского царства въ данную эпоху. Къ сожалѣнію, документъ нашъ не имѣть даты, въ немъ неѣть никакихъ прямыхъ указаній, къ какому именно году мы должны относить его; между тѣмъ знать это было бы весьма нужно для полнаго уразумѣнія его смысла и значенія.

Сущность проблемы заключается въ слѣдующемъ: какъ известно,

¹⁾ Хотя и есть искажено его письмо съ такимъ же точно надписаниемъ, при чёмъ подъ царемъ разумѣется Феодоръ Коминъ Эпирскій.

въ 1235 году (по другимъ — въ 1234) совершилось важное въ судьбахъ Болгарского народа событіе, обозначаемое выраженіемъ „обновленіе Болгарского патріаршества“, заимствованымъ изъ одного старинного памятника болгарской письменности. Смысль событія заключался въ томъ, что основанная помимо всякаго соглашенія съ Константинопольскимъ патріархомъ отдѣльная Болгарская церковь, съ архіепископомъ Терновскимъ во главѣ, вступившая потомъ въ упію съ римско-католической церковью и признавшая власть папскаго престола, при чёмъ архіепископъ Терновский получиль отъ папы званіе примаса, теперь — въ 1235 году — признана была и со стороны православныхъ восточныхъ патріарховъ не только законно существующую, но въ известной степени самостоятельной, въ знакъ чего архіепископъ Терновский получилъ титулъ патріарха. Точный объемъ правъ, признанныхъ за Терновскимъ патріархомъ, оставался и остается довольно спорнымъ и неяснымъ, такъ что по этому вопросу сейчасъ же начались претендентства и раздоры между тогдашними Греками и Болгарами, находище себѣ отраженіе и въ современной исторіографії. Еслибы нашъ документъ по своему происхожденію относился либо къ этому самому 1235 году, либо къ одному изъ ближайшихъ послѣдующихъ годовъ, то онъ ясно доказывалъ бы, что съ дѣрованіемъ Терновскому іерарху патріаршаго титула Греки съ самого начала вовсе не соединили представленія о полной самостоятельности и независимости Болгарской церкви; споръ решался бы въ смыслѣ большей правоты Грековъ. Съ первого взгляда намъ такъ и казалось; мы думали, что посланіе Аникирского митронополита и патріаршаго экзарха находится въ непосредственной и тѣснейшей связи съ обновленіемъ Болгарского патріаршества въ 1235 году. Однако при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи явилась возможность и другаго предположенія, именно — что нашъ документъ относится къ годамъ, нѣсколько болѣе раннимъ, и что въ немъ идетъ рѣчь пока только о возстановленіи іерархического союза и подчиненія Болгарской церкви во владѣніяхъ Асена по отношению къ православному патріарху въ Никѣ: получался новый исторический фактъ, совсѣмъ не отмѣченный въ лѣтописяхъ греческихъ и вообще въ доселѣ известныхъ источникахъ. Ясное дѣло, что могутъ быть различаемы двѣ вещи: признаніе власти Константинопольскаго патріарха со стороны Болгарского царя и духовенства, чтѣ равнялось бы формальному разрыву латинской упіи и связей съ папскимъ престоломъ, а затѣмъ болѣе или менѣе полная отмѣна власти Константинополь-

скаго патріарха въ 1235 году, когда и самъ Терновскій архієпископъ получиль титулъ патріарха, приравнивающій его къ высшимъ представителямъ православной іерархіи. При второмъ толкованіи нашего документа, изъ него вытекалъ бы болѣе опредѣлленный отвѣтъ на вопросъ о времени, когда имелъ прекратилъ союзъ Болгарской церкви съ Римскимъ престоломъ, основавшій при папѣ Ианокентіѣ III и царѣ Калоянѣ, о чёмъ также существуютъ различныя мнѣнія.

Для болѣе вѣрного рѣшенія означенной проблемы и вообще для правильнаго пониманія и оцѣнки издаваемаго нами документа, необходимо имѣть сколь возможно точнаго представленія о ходѣ церковныхъ и тѣсно съ ними связанныхъ политическихъ дѣлъ Болгаріи отъ заключенія латинской унії до 1235 года, до возстановленія право-славнаго патріаршества въ Терновѣ. Для этой цѣли могутъ служить сочиненія С. Н. Палаузова¹⁾, Е. Е. Голубинскаго²⁾, В. В. Макушева³⁾, М. С. Дришова⁴⁾, К. И. Иречка⁵⁾ и Ф. И. Успенскаго⁶⁾, которыми мы и воспользовались съ надлежащею провѣркою достигнутыхъ названными изслѣдователями результатовъ; мы даже позволили себѣ привести въ началѣ слѣдующей главы дѣй страницы изъ сочиненія Е. Е. Голубинскаго, такъ какъ въ нихъ заключается наиболѣе скжатое и въ то же время отчетливо изложеніе исторіи происхожденія Терновскаго патріаршества и латинской болгарской унії XIII столѣтія: нужный для насъ исходный пунктъ. Съ другой стороны, для рѣшенія вопроса о годѣ, къ которому слѣдуетъ относить посланіе патріаршаго экзарха къ Асѣнию, необходимо было внимательнѣе отнестиць къ даннымъ обѣ отиравленіи этого лица на западъ, то-есть, въ европейскую Грецию, о его тамъ пребываніи и дѣйствіяхъ. По счастію, въ томъ же самомъ (Спайскомъ) Порфириевскомъ сборникѣ Месо-

¹⁾ Грамота патріарха Каллиста, какъ новый источникъ исторіи Болгарской церкви: *Ізвѣстія Імператорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности* 1859 г., стр. 149 и сл.

²⁾ Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской, и Румынской. Москва. 1871.

³⁾ Болгарія отъ конца XII и по первой половинѣ XIII вѣка: *Варненскій Университетскій Извѣстія*, 1872 г., № 3.

⁴⁾ Историчесия прегледъ на Българска-та църква. 1869.

⁵⁾ Исторія Болгаръ. Сочиненіе д-ра Конст. Йос. Иречка. Переводъ Бруна и Палаузова. Одесса. 1873.

⁶⁾ Образованіе втораго Болгарскаго царства. Одесса. 1879.

потама оказалось въ сколько новыхъ авторовъ, относящихся къ посольству митрополита Аникирскаго; они, прежде всего, могутъ служить прекраснымъ дополнениемъ и разъяснениемъ къ тому, что уже было напечатано Мицлошичемъ (въ Acta Graeca), а для насъ они получали тѣмъ большую важность, что, какъ оказывалось, самыя задачи, предстоявшія экзарху въ греческихъ областяхъ, были аналогичны съ тѣми, какія овъ преслѣдовалаъ по отношенію къ Болгаріи. Наконецъ, документы, имѣющіе связь съ миссіей митрополита Аникирскаго, довольно странными и неожиданными образомъ нашлись въ XIX томѣ „Церковныхъ Лѣтописей“ Баронія, посвященному періоду отъ 1147 по 1198 г. Оказалось, что Керкирскій митрополит Георгій, обращающійся съ своимъ посланіемъ къ царю Мануилу, къ (западному) императору Фридриху, совершившій поѣздку въ Италію для переговоровъ съ папою, состоявшій въ перѣпискѣ съ восточными православными патріархами, названными у Баронія по именамъ, жилъ не въ семидесятихъ и восьмидесятихъ годахъ XII столѣтія, какъ полагали Бароній, а именно въ первой половинѣ XIII, что это — известный Георгій Варданъ, ученикъ знаменитаго Михаила Акомината, митрополита Анипскаго, что подъ царемъ Мануиломъ слѣдуетъ разумѣть це Мануила Комнина, а Мануила, деснота Эпирскаго, подъ императоромъ Фридрихомъ не Барбароссу, а Фридриха, II и т. д.

II.

Обращаемся къ сочиненію г. Голубинскаго (Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, стр. 78):

„Основатели втораго Болгарскаго царства, братья Петръ и Асенъ, позаботились объ устройствѣ самостоятельнаго церковнаго управліенія въ своей странѣ немедленно вслѣдъ затѣмъ, какъ превозглашена была ея государственная независимость.

„Такъ какъ Ахрида, съ находившимся въ ней престоломъ прежніаго болгарскаго архіепископа, осталась во власти грековъ, то поставленъ былъ новый архіепископъ въ столичномъ городѣ новаго царства Терновѣ, которому и подчинены были всѣ болгарскіе епископы (находившіеся предъ этимъ—одинъ въ завѣдываніи подчиненнаго патріарху Константинопольскому митрополиту Доростольскому, другіе—подъ властью архіепископа Ахридскаго). Это было или въ 1185 или 1186 году. Только что отложившись отъ грековъ и находясь еще крайне во враждебныхъ отношеніяхъ съ ними, государи Болгарскіе, иѣтъ со-

мѣнія, дѣйствовали при учрежденіи своей архіепископії безъ всякаго спроса у этихъ послѣднихъ и безъ всякихъ съ ихъ стороны согласій.

„Въ минуту отпаденія болгаръ отъ имперіи, епископскія кафедры отпадшей части прежняго царства, болѣе чѣмъ вѣроятно, всѣ замѣщены были греками. Какимъ образомъ эти епископы-греки рѣшились поставить отдѣльного болгарскаго архіепископа и тѣмъ посягнуть на права своихъ греческихъ — патріарха Константинопольскаго и архіепископа Ахридскаго, при отсутствіи вскихъ рѣчей объ этомъ у лѣтописцевъ, остается совершенно неизвѣстнымъ; но несомнѣнно, что архіепископъ былъ поставленъ, и сдѣловательно, такъ или иначе, но епископы были проклонены это сдѣлать.

„Послѣ сего, прежде чѣмъ возстановленъ былъ церковный миръ съ греками, имѣлъ мѣсто эпизодъ подчиненія болгаръ власти папы. Извѣстныи своими ревностными стараніями о привлечениіи славянскихъ народовъ подъ кровь св. сѣдмилица, папа Июнокентій III (1198—1216 гг.) всего менѣе могъ оставить между этими народами безъ своего вниманія недавно возвратившихъ себѣ независимость болгаръ и преминуть воспользоваться тѣми политическими обстоятельствами, въ которыхъ они находились. Свергнувъ иго греческое, новые государи болгарскіе eo ipso стали дѣйствительными и законными государями своей страны: но мало было того, что таковыми признавали они себя сами и были признаваемы отъ своихъ подданныхъ; тогда, также какъ и въ настоящее время, важны были отношенія международныи, и необходимо было, чтобы признавали ихъ не простыми бунтовщиками противъ императора Греческаго, а дѣйствительными государями, ихъ сосѣди. Но достигнуть этого послѣднаго по отпущенію къ сосѣдямъ западнѣмъ, между которыми весьма важны были непосредственные сосѣди венгры или мадьяры, возможно было не иначе какъ черезъ посредство папы, то-есть, не иначе какъ получить признаніе и утвержденіе въ своемъ достоинствѣ отъ этого послѣднаго, потому что по тогдашнимъ понятіямъ католическихъ народовъ только папа могъ творить дѣйствительныхъ и законныхъ государей. Зная эту нужду въ себѣ, Июнокентій III и не преминулъ обратиться къ бол гарамъ; въ концѣ 1199 или въ 1200 году онъ отправилъ къ тогдашнему государю болгарскому Калояну своего послана, съ которымъ, выражая государю свое Благоволеніе за его будто бы приверженность къ апостольскому сѣдмилицу, предлагалъ ему вступить съ Римскимъ престоломъ въ тѣснѣйша союзенія. Калоянъ принялъ сдѣланное предложеніе именно такъ, какъ разчитывалъ папа, то-есть, съ величайшой

готовностью, и такимъ образомъ и состоялось кратковременное подчиненіе болгаръ Римской церкви. Послѣ недолго веденныхъ переговоровъ, папа прислали въ Болгарию своего легата, который вѣнчалъ королевскімъ вѣнцомъ Калояна и возвелъ въ званіе примаса Терновскаго архіепископа (въ ноябрѣ 1204 года), а болгары, съ своей стороны, дали торжественное обѣщаніе признавать папу своимъ верховнымъ главой и неизмѣнно пребывать въ его подчиненіи. Несколько не думая на самомъ дѣлѣ присоединиться къ Римской церкви, а во-данные единственно указанными нуждами политическими, болгары, хотя формальнымъ образомъ не тотчасъ же разорвали съ папой свой союзъ, какъ дали ему свое торжественное обѣщаніе, но въ действительности считали его прекращавшимся именно тамъ, где папа видѣлъ его начавшимся, то-есть, именно съ той самой минуты, какъ получили отъ него все, что желали получить въ видахъ государственныхъ. За симъ слѣдуетъ небольшой промежутокъ времени, въ продолженіе котораго дѣла болгарской церкви остаются для насъ въ совершенной неизвѣстности. Скоро прекративъ сношенія съ папою, болгары, какъ кажется, не возобновили и тѣснаго общенія съ греками, а пребывая въ православіи, остались одни сами съ собою¹⁾).

Отъ себя мы можемъ прибавить къ этому слѣдующее: Фактическому разъясненію отношеній самостоятельной Болгарской церкви къ Римской и Греческой могли бы содѣйствовать два документа, находящіеся въ собраніи трудовъ знаменитаго греческаго іерарха и канониста XIII столѣтія Ориксіаго архіепископа Димитрія Хоматина. Къ сожалѣнію, они остаются до сихъ поръ не изданыши и намъ извѣстны только по оглавленію въ списаніи греческихъ рукописей Мюнхенской королевской библіотеки. Въ кодексѣ, числящемся по каталогу Гардта за № LXII (Hardt, Catalogus codicium manuscr. graec. bibliothecae regiae Bavaricae, I, 338) находится, вонпер-выхъ, письмо Димитрія къ митрополиту Керкирскому Исидориту о священникахъ, рукоположенныхъ болгарскими епископами, пришед-шими въ Загоры²⁾ и, вовторыхъ, соборное дѣяніе относительно рукоположенія іереевъ и діаконовъ, совершенного вышедшими изъ

¹⁾ Болѣе подробное и документальное вложеніе переговоровъ Калояна съ папою Иоанномъ находятся у самого Е. Е. Голубинского въ примѣча-ніяхъ (стр. 264—276) и въ вышеозначенномъ сочиненіи Ф. И. Успенского.

²⁾ Επιστολὴ πρὸς τὸν χρηματίσαντα μητροκόλ. κερκύρας τὸν πεδαδ. (vis) περὶ τὸν χωροτογῆθεντων παρὰ τῶν βουλγαροεπισκόπων τῶν ἀπὸ τῆς Ζαγορᾶς ἐξελθόντων.

Загоры болгарскими епископами, и о томъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ слѣдуетъ склоняться къ синисхожденію, и что церковь признаетъ рукоположенныхъ пеканопическими архіереями ¹⁾). Нужно за-мѣтить, что первый документъ писанъ нѣсколько раньше 1219 года, когда былъ избранъ и посвященъ на Беркирскую каѳедру преемникъ Василия Недѣліадита Георгій Варданъ, питомецъ и ученикъ Михаила Акомилата Ленинского и одинъ изъ самыхъ усердныхъ початателей и корреспондентовъ Іоанна Навпактскаго ²⁾). Къ тому же приблизительно времени должно относиться и соборное дѣяніе. Изъ того, что памъ известно объ его содержаніи, явствуетъ, что, съ одной стороны, высшая юрисдикція болгарская не признавалась греками въ данный моментъ закономъ, слѣдовательно, никакъ не восстановлены были правильная католическая отношенія къ Константинопольскому патріарху, по что, съ другой стороны, священники и діаконы, посвященныѣ пеканопическими болгарскими епископами, не отвергались безусловно, но могли быть допущены къ исполненію церковныхъ таинствъ и богослуженія. Вирочемъ, не слѣдуетъ забывать, что и по отношенію къ латинской церкви Димитрій Хоматій держался болѣе мягкаго и примирительнаго взгляда, такъ что допускалъ извѣстное церковное общеніе и съ католиками, а по отношенію къ рукоположенію священниковъ ссылался на отеческое преданіе, по которому призналась дѣйствительность даже еретического рукоположенія ³⁾.

Въ сочиненіи другаго русскаго ученаго, имѣнно Ф. И. Успенскаго, проводится та же мысль объ ефемерномъ, мимолетномъ значеніи уніи 1204 года.

„Политическія обстоятельства побудили царя Іоанна искать сближенія съ Римомъ, по когда миновала въ томъ надобность, послѣ запоеванія латинянами Константиноополя, натурально, Болгарскому царю представились вышніе планы и задачи не въ уніи съ Римомъ, но въ здѣшней правостолія противъ латинства. Носителемъ

¹⁾ Πρᾶξις συνοδικὴ γενομένη ἐπὶ τῷ χειροτονίᾳ τῶν ἵερέων καὶ τῶν διακόνων τῷ γενομένῳ ἡπο τῆς Ζαγορᾶς ἑξελλόντων βουλγαροεπισκόπων καὶ ὅτι 'εν τοῖς ἀμφόβολοις δεῖ νεύει πρὸς τὸν φιλάνθρωπον καὶ ὅτι τοὺς χειροτονηθέντας παρὰ ἀκανονιστῶν ἀρχιερέων ἡ ἔκκλησις δέχεται.

²⁾ О Георгій Варданѣ рѣчъ будетъ и вѣдѣсь ниже, а подробнѣе вспомѣтствіи. Годъ его посвященія опредѣляется нами на основаніи не изданного документа въ Порфириевскомъ сборникеъ № 35.

³⁾ Ball, Сънтара V, 433.

такихъ задачъ, въ качествѣ императора болгаръ и грековъ, Іоаннъ является въ послѣдніе годы своей жизни (1205—1207).

Тотчасъ послѣ основанія Латинской имперіи и утвержденія франковъ въ Константиноopolѣ поднялось противъ нихъ народное движение во Фракіи и Македонії; оно было подготовлено тайными спонсющими мѣстныхъ жителей, грековъ и болгаръ, съ царемъ Іоанномъ; оно дало поводъ царю Болгарскому выступить защитникомъ православія, общихъ интересовъ греко-славянского мира противъ католического преобладанія; Калоянъ Болгарскій выѣхѣлъ съ тѣмъ приinci малъ па себя задачу оживленія оскудѣвшаго въ Византіи императорства¹⁾.

Битвой при Адріанополѣ (15-го априля 1205 года) панесеніе было Латинской имперіи такой ударъ, который уже въ самомъ началь подкосилъ ее будущность; императоръ Балдуинъ былъ взятъ въ пленъ и умеръ болгарскимъ узникомъ... Однако, несмотря на этотъ успѣхъ, Калоянъ, подобно своимъ предшественникамъ болгарскимъ и преемникамъ сербскимъ, оказался несостоятельнымъ предъ задачею, ему предстоявшей, какъ это видно отчасти изъ той же книги Ф. И. Успенского. Міродержавная императорская роль представителя греко-славянского мира не давалась славянскимъ государямъ. Попытка Іоанна основать греко-болгарское царство на Балканскомъ полуостровѣ, со столицей въ Константиноopolѣ, осталась въ области мечтаний. Видою тому было или пожеланіе или неумѣніе Калояна сдержать или обуздать племенную народную ненависть болгаръ къ грекамъ. «Болгарскій царь, уступая вѣкамъ на кончавшейся ненависти славянъ къ грекамъ, далъ полную волю чувству мести, обращая въ развалины города и селенія между Адріанополемъ и Константинополемъ» (стр. 253). Война въ Македоніи и Фракіи, предпринятая въ интересахъ православнаго міра, привела ужасающій и истребительный характеръ, направлялся не противъ латинянъ, а противъ грековъ. Царь Калоянъ, по греческому преданию, умеръ какъ врагъ православной церкви, чудеснымъ образомъ пораженный десницей великомуученика Димитрія Солунскаго; сказакіе о томъ внесено было въ сказания о чудесахъ великомуученика, одинаково почитаемаго какъ греками, такъ и болгарами²⁾.

¹⁾ Образование второго Болгарского царства, стр. 219, 243, 246.

²⁾ По гречески оно напечатано въ комментаріяхъ Альфія къ исторіи Акрополита, по славянски — въ Миленіи митрополита Макарія, а также вошло въ составъ русскихъ хронографовъ.

Въ сущности, Калоянъ не былъ даже совершеано искреннимъ борцемъ за православіе и православную церковь; его дѣйствія во Фракіи и Македонії не по вели къ прямому разрыву съ папскимъ престоломъ и латинствомъ. Болгарскій царь и самъ папа Иннокентій III не чужды были сознанія, что политическіе союзы и вражды не всегда могутъ совпадать съ религіозными и церковными, и что католическіе, вѣрные Римскому престолу, государи могутъ воевать между собою, не отрекаясь отъ своей вѣры, не переставая быть сыновами Римской церкви, хотя предполагалось, конечно, что они обязаны слушаться примирительного голоса, когда онъ раздается съ высоты каѳедры св. Петра. Калоянъ предупреждалъ Иннокентія III о возможности столкновенія своего съ франками, если онъ увидитъ въ икъ образѣ дѣйствій какой-нибудь себѣ вызовъ; въ такомъ случаѣ онъ предоставлялъ себѣ полную свободу дѣйствія, не желая однако возбуждать какихъ-либо подозрѣній противъ себя въ римскомъ первосвященникѣ — *sed sicut universa Iudea*¹). Съ своей стороны, Иннокентій III, и послѣ Адріанопольской, роковой для латинянъ, битвы не считалъ цара Іоанна вышедшимъ изъ-подъ послушанія Римской церкви; онъ обращался къ нему съ советами, цѣль которыхъ состояла въ подвореніи мира между чадами Римскаго престола, онъ обращался и къ противной сторонѣ, совету Константиопольскому регенту искать все-таки дружбы и союза съ Болгарскимъ царемъ²).

Пресмыкоимъ Калояна былъ его племянникъ по сестрѣ, Бориль, устранившій другаго претендента, права котораго на престолъ были даже выше его собственныхъ, ибо то былъ сынъ старшаго брата Калоянова, Асѣя II. Бориль (1207—1218 гг.) продолжалъ борьбу съ франками, но не столь удачно, какъ его предшественникъ, потому что въ самомъ началѣ потерпѣлъ сильное пораженіе отъ Латинскаго императора Генриха; онъ выѣзжалъ во внутрення распри феодальной державы, по западному обычью раздѣлившейся на пѣсколько большихъ и малыхъ, почти независимыхъ, государствъ; при этомъ одинъ разъ произошелъ такой знаменательный эпизодъ, что Болгарскій царь былъ призванъ на помощь латинянами-ломбардцами, основавшими Солунское королевство, по совсѣмъ не иашелъ сочувствія въ порабощенныхъ этими латинянами православныхъ грекахъ;

¹) См. Успенскую, Образованіе втораго Болгарскаго царства, стр. 244.

²) Тамъ же, стр. 261.

жители города Сереса предпочли впустить въ себѣ внутрь стѣнъ отрядъ латинскаго императора¹⁾). Несомнѣнно, что царь Бориль обнаружилъ горячую ревность по вѣрѣ преслѣдованіемъ богомильской ереси, ради чего былъ собранъ въ Терновѣй большой соборъ въ февралѣ 1211 года²⁾). Нѣть нужды предполагать, что въ этомъ частномъ случаѣ царь непремѣнно дѣйствовалъ по впушенню и указанію Иннокентія III, хотя и вѣрно то, что именно въ соотвѣтствующій періодъ времени Римская церковь поднѣла истребительную борьбу на западѣ противъ подобныхъ же еретиковъ дуалистического толка (альбигойцевъ), борьбу, перенесенную въ Боснию и вообще всюду, куда достигалъ папскій авторитетъ. Богомиловъ преслѣдовали и въ Византійской имперіи въ началѣ XII вѣка и послѣ; способъ, которымъ были уловлены и посрамлены святители нечестія въ Болгаріи, по видимому, имѣлъ большое сходство съ описаннымъ Анною Комниною пріемомъ ея отца, Алексія I Комнина (1081—1118 гг.), при обличеніи богомиловъ Филиппопольскихъ: болгарское сказаніе о соборѣ славить великую хитрость царя, обѣцавшаго ересеучителямъ полную безопасность, чтобы склонить ихъ къ открытыму исповѣданію своего злославнаго мудрованія. Послѣ того какъ упорствовавшиіе поражены были изгнаніемъ и другими еще тягчайшими казнями, царь Бориль, предсѣдательствовавшій въ императорскомъ пурпурѣ (свѣтлой багряницѣ) среди архіереевъ, священниковъ, иноковъ и свѣтскихъ бояръ, вѣльмъ перевести съ греческаго на свой болгарскій языкъ соборникъ, то-есть, послѣдованіе, читаемое въ недѣлю православія и сопровождаемое анаематствованіями прежде бывшихъ ересей, какъ это установлено было дѣлать съ 842 года, со времени возстановленія иконопочитанія при царицѣ

¹⁾ Иречекъ, Исторія Болгаръ, стр. 327.

²⁾ Относительно года нужно замѣтить, что одни относятъ Терновскій соборъ къ 1210 году, другие—къ 1211. Поводъ къ недоразумѣніямъ подаетъ самъ источникъ, то-есть, такъ-называемый Синодикъ царя Бориса. Въ немъ отмѣченъ годъ отъ сотворенія мира (6718), индиктъ (14), число солнечнаго и луннаго круга (луны 11-е лѣто, солнечнаго круга 15-е лѣто), число мѣсяца (11-е февраля) и день недѣли (пятница на сыропустной недѣльѣ); но индиктъ не совпадаетъ съ годомъ, такъ какъ февраль 6718 (1210) принадлежитъ 13-му индикту, а кругъ лунный не совпадаетъ съ солнечнымъ (15-е лѣто солнечнаго круга—1210, но кругъ луны будетъ 14-й). Наиболѣе надежное указаніе даетъ день недѣли въ соединеніи съ числомъ мѣсяца; 11-е февраля падало на пятницу масляницы именно въ 1211 году.

Феодорѣ; къ одной статьѣ перевода онъ повелѣлъ приписать и дѣяніе всего собственнаго собора, чтобы все вмѣстѣ могло быть прочитываемо въ первое воскресеніе великаго поста съ провозглашеніемъ церковнаго проклятія па раду съ другими врагами вѣры также и Богомилу съ его славянскими продолжателями. До сихъ поръ обнародована только одна послѣдняя часть Синодика или Соборника, то есть, собственно болгарское дополненіе, да и то не въ цѣлости, такъ какъ вслѣдствіе утраты листовъ въ срединѣ рукописи, сохранившей намъ этотъ болгарскій памятникъ, не достаетъ начала побѣствованія¹⁾). Очень важно было бы точноѣ знать, что собственно было переведено съ греческаго: ясно только то, что это былъ чицъ православія, въ которомъ были анаематствованія и многолѣтія; но,

¹⁾ Рукопись, отысканная въ Терновѣ, была писана въ XIV или XV вѣкѣ; она принадлежала С. И. Пчелаузову, который и напечаталъ изъ нея болѣе важныя части съ своимъ предисловіемъ во *Временнику Московскому Общества истории и древностей за 1855 г.*, книга XI; затѣмъ сказаніе о Терновскомъ соборѣ съ дальнѣйшими статьями перепечатаны Раковскимъ въ сочиненіи объ Асвѣ, Бѣлградъ 1860. Данное рукописи название «Синодикъ царя Бориса» собственно принадлежитъ только одной этой статьѣ о Терновскомъ соборѣ 1211 года съ анаематствованіями и многолѣтіями; затѣмъ сlijдуютъ позднѣйшія приложенія—сказанію объ обновленіи Болгарскаго патріаршества, списки царей, патріарховъ и епископовъ болгарскихъ. Статья о Терновскомъ соборѣ начинается на 35-мъ изъ сохранившихся листовъ манускрипта: «Недостатокъ первыхъ страницъ рукописи, пишетъ Нальвузонъ, лишаетъ насть возможности узнать полное ея заглавіе; отъ 1-го до 25-го листа съ перерывами въ разныхъ мѣстахъ идетъ рядъ отдѣльныхъ вѣроятнѣй и ученій проклятаемыхъ православною церковью; здѣсь рядомъ съ богохульными ученіемъ манихѣевъ, встречають вѣкоторыя вѣроіанія массилианъ и богомиловъ; рядомъ съ именами безумныхъ святелей джерученій истрѣчають имена поборниковъ православія, царей и царицы Византійскіхъ и благочестивыхъ пастырей церкви, спасившихъ очистить истинное Христово ученіе отъ ложныхъ толкованій...». Больѣ точныхъ умозаній см. въ статьѣ Т. Д. Флоринскою: „Къ вопросу о Богомилахъ“, въ Сборникѣ по славянскому языкознанию, изд. учениками В. И. Ламинского (см. о ней Прилож. З-е къ нашей статьѣ). Иречекъ (Исторія Болгар., 329) имѣлъ совершенно исправильное представленіе о дѣла; онъ полагалъ, что царь велѣлъ перенести съ греческаго на славянскій языкъ книгу эпікона (съборникъ) противъ боломиловъ (*ein Griezelbuch wider die Bogomilien*). Нѣкоторыя причины сомнѣваться, что помѣщенное въ рукописи сказаніе о соборѣ Терновскомъ есть именно та самая статья, которая была составлена по повелѣнію царя Бориса и въ этомъ же соборѣ; точно также наши разсужденія въ текстѣ выходятъ изъ того предположенія, что не издавные и плохо описанные первые 24 листа заключали въ себѣ именно переводъ греческаго Синодика, сдѣланнаго по приказанію Бориса.

какъ известно, редакція статей, входящихъ въ составъ чина, уже въ Византійской имперіи подвергалась болѣшимъ измѣненіямъ¹⁾. По видимому, синодикъ или чинъ православія, переведенный при Борисѣ, заключалъ въ себѣ болѣе подробное и специальное перечисленіе ересей, чѣмъ послѣдующія редакціи, а также иѣсколько болѣе распространенное противъ обыкновеннаго, по полное изложеніе дѣяній соборовъ, подобное тому, какое встрѣчается и въ позднѣйшихъ русскихъ изводахъ; къ этой послѣдней части собственно и присоединено было, по нашему представлению, соотвѣтствующее повѣствованіе о Терновскомъ соборѣ.

Во всякомъ случаѣ, переведенная съ греческаго статья не заключала въ себѣ ничего неправославнаго, — въ ней, конечно, не было мѣста признаваемому только латинами восьмому вселенскому собору (на Фотія). Соборъ Терновскій, по выражению нашего памятника, былъ вписанъ въ православные соборы; и самъ Терновскій соборъ называлъ православныи, „прѣжде бо царства его никто же иль (разумѣется — изъ государей болгарскихъ) сътвори православныи съи съборъ“; самъ царь Борисъ тоже называлъ православныи. Въ извѣстной степени правы тѣ новые ученые, и въ частности патріотически настроенные мѣстные изслѣдователи, когда они въ синодикѣ царя Бориса находятъ доказательство неглубокаго мимолетнаго значенія Калояновой унії, полнаго ея забвенія уже при первомъ преемнику царя Иоанна. Но съ другой стороны въ актѣ, вѣроятно, не было также ничего противокатолического, и выраженіе „православный“, въ немъ употребленіе пѣсколько разъ, могло вовсе не имѣть специального смысла, выражающаго противоположеніе католическому въ римскомъ, тѣмъ болѣе что и по условіямъ заключенной унії Волгарская церковь не обязывалась ни къ какимъ догматическимъ или даже обрядовымъ нововведеніямъ.²⁾ Сколько мы знаемъ, въ сфере соб-

¹⁾ См. обл. втомъ въ слѣдующемъ сочиненіи: „Анаематствованіе, совершающееся въ первую неделю Великаго поста. Историческое изслѣдованіе о чинѣ православія“. Свящ. Константина Никольского. С.-Петербургъ, 1879, а также въ обширной рецензіи на это сочиненіе свящ. М. Горчакова въ Отчетѣ о двадцать-третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова (Приложение къ XXXIX-му тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ).

²⁾ Въ русской редакціи Синодика, напечатанной Попиковымъ (*Древнія Россійская Византийска 1775 г., томъ VII*), читается такая статья (стр. 9): „Вся, иже на святых патріархіи, Германа, Таракія, Никифора и Месодія, Никатія, Фотія— написанія или реченица, да будуть проилѣты“. Достаточно было опустить имя Фотія, чтобы уничтожить противокатолический характеръ статьи.

ственno церковной все ограничилось тѣмъ, что высшій предстоятель Болгарской церкви, Терновскій архіепископъ Василій, далъ папѣ присягу, какую давали подчиненные Римскому престолу епископы, по формѣ своей напоминавшую присягу Англо-Сакса Бонифація папѣ Григорію II; въ этой присягѣ шла только рѣчь о преданности лицу Римскаго первосвященника, обѣ обязанности вездѣ и во всемъ защищать его жизнь, честь, его интересы, обѣ обязанности являться къ „порогу апостольскому“, оказывать папѣ повиновеніе и то же самое внушать имѣющему быть помазаннымъ на царство (королевство) государю. Самая существенная сторона дѣла заключалась въ томъ, что Болгарская церковь въ лицѣ своего примаса и другиx епископовъ, получившихъ палліумъ изъ Рима, разрывала іерархическую и каноническую связь съ Константионопольскимъ патріархомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ восточнымъ православнымъ міромъ; хотя она при этомъ и не отрекалась отъ болѣе внутреннего единства ученія, отъ своихъ преданій и обрѣдовъ, все-таки въ будущемъ это могло повести къ полной измѣнѣ—какъ этимъ преданіямъ, такъ и самымъ глубокимъ, основнымъ интересамъ славянства. Странно, что въ синодикѣ царя Бориса совсѣмъ не упоминается о Терновскомъ примасѣ; такъ какъ, по римской теоріи, высказанной Иннокентіемъ III, званіе примаса равнялось патріаршеству, то ясное дѣло, что, еслибы онъ участвовалъ въ соборѣ, то и занималъ бы на немъ выдающееся первенствующее положеніе и, вѣроятно, былъ бы наименованъ въ актѣ патріархомъ.

Объясненіе можетъ быть двоякое: либо въ данный моментъ времія каоса Терновского примаса-патріарха была вакантною вслѣдствіе кончины Василія, либо мы должны видѣть въ сказанії о Терновскомъ соборѣ, какъ оно передано въ Синодикѣ, позднейшую редакцію, составленную послѣ возвращенія къ союзу съ Константионопольскимъ патріархомъ, послѣ отреченія отъ уніі. Въ дальнѣйшей части той же самой рукописи, какъ бы въ видѣ продолженія, находятся списки прежнихъ и послѣдующихъ болгарскихъ патріарховъ; замѣчательно, что въ числѣ ихъ не поименовано ни Василія Терновского, ни ближайшихъ его преемниковъ, которыхъ слѣдуетъ предполагать для такого значительного промежутка времени, какой оказывается между началомъ уніі и формальнымъ ея разрывомъ (около 1235 года). Мы останавливаемся на первомъ предположеніи, такъ какъ думаемъ, что запись о соборѣ составлена при царѣ Борилѣ. Тѣмъ не менѣе во всей своей силѣ остается тотъ фактъ, что позднейшая Болгарская церковь отрекалась отъ представителей сво-

ихъ, удостоенныхъ папою авазія примаса. Когда вновь учреждено было православное Болгарское патриаршество въ Терновѣ (1235 г.), то это понималось не какъ признаніе порядка вещей, введенаго во время унії съ папскимъ престоломъ, а какъ возвращеніе ко време-намъ старого Болгарского царства при Симеонѣ и его преемникахъ; Терновские патриархи наслѣдовали Прѣславскому, обновлялось Бол-гарское патриаршество, а не Терновское. Что касается самаго цара Бориса, то послѣ Терновского собора онъ не только не порвалъ дружелюбныхъ отношеній къ латинскому міру, но напротивъ еще болѣе ихъ скрѣпилъ, хотя это послѣдовало и не тотчасъ въ 1211 году; былъ еще кратковременный эпизодъ враждебныхъ столкновеній съ франками изъ за стремлениія Волгарь къ Солуни. У соседнихъ славянъ Борисъ оставилъ послѣ себя дурную память, какъ это видно изъ отзыва о немъ царя Стефана Сербскаго въ жизнеописаніи Ильмани; напротивъ, все, что зналъ о немъ, по слухамъ, доходившимъ во Францію, западный современный лѣтописецъ, имѣло благопріятный оттѣнокъ, выражаящийся и въ тонѣ рѣчи: „Объ Иоаннице (Калоанѣ) королѣ Болгарскомъ мы слышали, что когда онъ пошелъ на Солунь, то былъ умерщвленъ святымъ Димитріемъ. Ему наслѣдовалъ въ Терновѣ родственникъ его по имени Борисъ, и названъ былъ импе-раторомъ; къ нему былъ посланъ папою одинъ кардиналъ, и онъ выдалъ дочь свою за Константинопольскаго императора Геи-риха; такимъ образомъ они держали между собою миръ“¹⁾). Мы не

¹⁾ Chronicon Alberici Trium Fontium: *Parts SS. XXIII*, 886. Ad a. 1206. De Iohannio rege Bulgarie dividivitis quod, cum iret contra Thessalonicanis a beato Demetrio sit interfactus. Cui successit apud Ternos cognatus eius nomine Burillus, et imperator est appellatus, ut quidam cardinalis in ditione papa ad eum fuit transmisus, filiamque suam dedit Constantinopolitano imperatori Henrico et ita pacem habuerunt. Альберикъ, аббатъ монастыря „Трехъ Источниковъ“ (Trois-Fontaines) въ Шампани (не далеко отъ Шалона, въ департаментѣ Марны), писалъ свою хронику современно событиямъ съ 1232 по 1241 годы, но и о предшествовавшемъ времени онъ зналъ по воспоминаниямъ или же изъ са-мыхъ прямыхъ источниковъ; сочинение его дошло до насъ во второй редакціи, дополненной позывѣтными по имени монахомъ монастыря Ниу между Люгги-комъ и Намюромъ, где ради состязания сѣдили съ большими участіемъ за судь-бами Фландрскихъ графовъ, возведенныхъ въ санъ императора въ Восточной имперіи. Что касается папскаго кардинала, то конечно, нѣсколько странно его обозначеніе вѣсто именемъ *quidam*. Сверхъ того нужно замѣтить, что въ августѣ 1213 года отправленъ былъ въ Грецию епископъ Альбанскій

имѣемъ другихъ свѣдѣній о посыпкѣ къ Борилу кардинала, а иль сообщеній Алберика вовсе не слѣдуетъ, чтобы кардиналъ былъ посланъ послѣ заключенія союза съ Латинскимъ императоромъ Генрихомъ; а скорѣе напротивъ.

Самый же бракъ императора Константинопольскаго Генриха на дочери Борила, Маріи, относится приблизительно къ 1213 году, такъ что посольство изъ Рима, по видимому, будетъ приходиться въ очень близкомъ сосѣдствѣ съ Терновскимъ соборомъ и почти совпадать съ моментомъ непріязненныхъ столкновеній Борила съ будущимъ его зятемъ. Бракъ гордаго и рыцарственнаго франка съ болгаркою имѣлъ важное значеніе для обѣихъ сторонъ; союзъ съ Генрихомъ былъ основаніемъ всей послѣдующей политики Борила; онъ опирался на него въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ, двоюроднымъ братомъ Иоанномъ, и пока былъ живъ Генрихъ, не смотря на свою непопулярность, Бориль еще могъ держаться; смерть императора Генриха, по видимому, рѣшила его судьбу: послѣ долгой осады въ столицѣ своей, Терновѣ, онъ попалъ въ руки врага и былъ ослѣпленъ (1218 г.). На престолъ вступилъ Иоанъ II.

III.

Мы старались показать, что политика первыхъ Асѣневичей, заключавшаяся въ стремлѣніи искать себѣ привилія, защиты и опоры въ папскомъ престолѣ, была болѣе постоянна и послѣдовательна, чѣмъ это кажется новымъ ученымъ; но мы не думаемъ утверждать, что она успѣла оказать глубокое влияніе на религіозное сознаніе и даже церковный бытъ народа, вызвать въ немъ какое-нибудь тяготѣніе въ сторону латинства. Чѣмъ, однако, устойчивѣ и послѣдовательнѣ были такая политика, чѣмъ она была вредѣніе для будущности новаго государства, для осуществленія высокой задачи, которая, по видимому, вынѣдала на долю царей Болгарскихъ. Стать во главѣ общаго движенія православныхъ населеній Балкан

Пеланій, легатъ въ Latere, и былъ рекомендованъ тогда Константинопольскому императору, всѣмъ епископамъ и духовнымъ лицамъ въ имперіи, специально Ахѣскому князю Гауериду: не было ли онъ также и въ Болгаріи? Приглашеніе, полученоное въ 1213 году Волгарами по предложенному черезъ два года Латеранскому собору, специальному пѣнью которого также были истребленіе срецій, не имѣть особенно资料ного значенія, такъ какъ такія приглашенія были разосланы почти всюду, искъ къ Арміанамъ, такъ и къ Грекамъ (*Poellhart, Regesta Pontif. №№—4708* (pag. 408), 4802, 4803, 4804).

скаго полуострова противъ пришлага и враждебнаго господства франковъ, ради общихъ высшихъ интересовъ заставить умолкнуть старое соперничество, племенную вражду и злобу, въ особенности же примирить грековъ съ преобладаніемъ и господствомъ славянской стихіи и славянской династіи,—вотъ къ чему слѣдовало стремиться царю Калояну и его преемникамъ.

Пока греки Македоніи и Фракії не имѣли своего національного центра въ Европѣ, пока они были отрѣзаны отъ Никейской имперіи, роль которой иртомъ не вдругъ для нихъ выяснилась, тогда былъ моментъ наиболѣе благопріятный для осуществленія означенной задачи. Какъ мы видѣли выше, сами события громко говорили въ этомъ смыслѣ; со стороны самихъ грековъ послѣдовала призывъ къ соглашенію, при-миренію, общему дружному дѣйствію; заявлена была готовность видѣть въ царѣ Болгарскомъ общаго защитника православія, освободителя и вождя, своего призваннаго императора. Помимо главной причины, накопившагося вѣками раздраженія и злобы—въ чёмъ, конечно, повинны были болѣе всего сами же греки—роковая ошибка объясняется лич-ностю Калояна, въ которой, по всѣмъ даннымъ, не смотря на высокую даровитость, было слишкомъ много дикой и необузданной страсти. Другимъ характеромъ отличался и другую по себѣ память оставилъ преемникъ Калояна, Иоаннъ Асѣнь II. Греческій историкъ, произнося общій приговоръ всему его царствованію, замѣчаетъ, что, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, онъ не любилъ при-бѣгать къ топору и сѣкирѣ въ отношеніи къ своимъ родичамъ и не запатналь себя какою-либо рѣзнею ромеевъ (грековъ); въ слѣдствіе чего онъ былъ любимъ не только болгарами, но и греками, а также и другими народами¹⁾). Тѣмъ не менѣе, когда Асѣнь II вступилъ на престолъ, сдѣланной ошибки уже нельзя было поправить; на оборо-ть съ близкимъ прошлымъ, была на лицо способная для примиритель-ной и вѣдѣтъ съ тѣмъ строительной роли личность, но не могла быть вновь возвращена пропущенная благопріятная историческая минута. Греческое населеніе Эпира, Фессаліи, отчасти Македоніи и Фракії уже нашло себѣ другой центръ тяготѣнія; оно обратило свои симпа-тии и свои надежды въ другую сторону. Это была пока не Никей-ская имперія и ея государи—Ласкарисъ и Вататзи, а Эпирскіе дес-поты, Михаилъ Ангелъ и въ особенности его сводный братъ, Фео-доръ Комнинъ (Ангелъ). Смысль и важное значеніе движенія, руко-

¹⁾ Aeropolit. ed. Bonn., pag. 46.

ЧАСТЬ ССХХVIII, отд. 2.

водимаго этими Эпирскими деспотами, еще не достаточно разъяснены историками. Основные факты, правда, известны, и они уже дают намъ понять, какую большую конкуренцію представляли никейцамъ эти способные, энергичные и не передъ чѣмъ не останавливавшіеся эпирцы. Но свѣдѣнія, сообщаемыя нами двумя византійскими хрониками (Акронолита и Григора), хотя одна изъ нихъ принадлежитъ почти современному, какъ всегда, скучны; она совсѣмъ не передають ни настроенія народной массы, среди которой совершилось движеніе, ни даже идей и стремлений руководящихъ классовъ,—тѣмъ болѣе что близкій по времени писатель принадлежалъ по своимъ сочувствіямъ къ мѣсту своего воспитанія Никѣї (Акрополита); а другой относится уже къ позднѣйшему времени (Григора жилъ въ XIV в.). Нѣсколько свѣдѣній въ западныхъ хроникахъ, нѣсколько греческихъ документовъ, изданныхъ въ мало доступномъ сборникѣ Мустоксида¹⁾, недостаточно восполнили скучность непосредственныхъ болѣе интимныхъ источниковъ. Этотъ недостатокъ въ настоящее время отчасти устраивается драгоценнымъ сборникомъ писемъ митрополита Навпактскаго Иоанна, находившагося въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Феодоромъ Комниномъ. Отсюда мы въ первый разъ узнаемъ, какое живое участіе въ эпирскомъ движеніи принимало греческое духовенство и въ особенности греческіе епископы. Провозглашеніе Феодора Комнина Эпирского императоромъ ромеевъ понималось весьма серьезно; Солунь, которая перешла въ его руки, противостояла Никѣї; ему прямо указывали на Константинополь, какъ на ближайшую цѣль его честолюбія и вѣрную его добычу; говорили, думали и писали, что ему предстоитъ войти въ Святую Софию и занять здѣсь мѣсто православныхъ Римскихъ императоровъ, на которомъ беззаконно воевѣдали пришли латины. Осуществленіе такихъ мечтаній вовсе не лежало

¹⁾ Въ книгѣ Мустоксида (*Delle cose Corciresi!*), именно въ собраніи документовъ, составляющихъ приложение, помѣщено между прочими очень длинное и очень важное по содержанию посланіе Георгія Вардана, митрополита Керкирскаго, къ Константинопольскому патріарху. Рѣдкость издания и невозможность приобрѣтенія его какимъ бы то ни было путемъ заставили насъ обратиться въ Аѳени, где была напечатана книга (впрочемъ, говорить, не вышедшая въ продажу), къ одному изъ членовъ нашей возникающей и уже столь блестательно себѣ зарекомендовавшей Аѳинской школы, Александру Васильевичу Никитскому, который и сдѣлалъ для насъ нужные извлечения, даже списать собственноручно посланіе Вардана цѣлкомъ. Позволимъ себѣ публично выразить здѣсь нашу величайшую благодарность молодому ученому.

вий предъювъ возможнаго; овладѣть Константиноополемъ изъ Солуни было даже легче, чѣмъ изъ Никеи... Но въ Никею было перенесено патріаршество, тотчасъ послѣ латинскаго взятія; патріархъ, продолжавшій себѣ именовать Константинопольскимъ, помазывалъ на царство никейскихъ властителей и тѣмъ придавалъ видъ большей законности ихъ императорскому титулу. Патріархъ вступался за права своего помазанника, не хотѣлъ признавать въ такомъ же санѣ солунскаго избранника, провозглашенаго именно греческими епископами, и мы видимъ, какъ горячо вступаются защадные, то-есть, европейскіе греки за своего собственнаго героя; представителемъ національныхъ упованій и стремлений былъ для нихъ не отдаленный Дука Вататци, а Феодоръ Коминъ Дука Ангелъ (онъ соединялъ всѣ эти династическіе титулы); они указывали на его блестящіе успѣхи въ борбѣ съ латинами, какъ на явное доказательство, что именно онъ есть тотъ избранникъ Божій, которому предопределено восстановить древнюю честь имперіи и славу греческаго имени; во всякомъ случаѣ состязаніе между двумя сомнѣтелеми высокаго сана должно рѣшиться въ Константинопольѣ; тотъ, кому будетъ принадлежать исконная и единственно законная столица православныхъ царей, кто изъ нихъ скорѣе вступить въ Константинополь и Св. Софію, тотъ и будетъ имѣть права на всеобщее признаніе: для той партии, органомъ которой были наимъ Иоаннъ Навпактскій и Георгій Варданъ, митрополитъ Керкирскій, не было никакого сомнѣнія, что ихъ избранникъ предупредилъ никейскаго помазанника. Политическій мотивъ неизбѣжнымъ образомъ переносился и на церковную почву. Эпирскій деспотъ, сдѣлавшись императоромъ, не хотѣлъ признавать въ своихъ владѣніяхъ такихъ епископовъ, которые въ своей епархіи стали бы провозглашать въ молитвахъ не только своего патріарха, ихъ рукоположившаго, но и своего царя, привыкаемаго въимъ патріархомъ; онъ вообще отказывался принимать архіереевъ восточнаго происхожденія, то-есть, поставленныхъ въ Никеѣ изъ среды малоазіатскаго духовенства; дошло до того, что вновь открывавшіяся свободныя мѣста митрополитовъ и архіепископовъ, вопреки каноническимъ правиламъ, онъ сталъ замѣщать безъ содѣствія патріарха, ссылаясь на его отдаленность и трудность путей; это онъ дѣлалъ при со участіі мѣстной греческой іерархіи, такъ какъ епископы болѣе или менѣе охотно исполняли его требованія о рукоположеніи его избранниковъ. Патріархъ обращался со своими протестами къ западнымъ митрополитамъ, ему канонически подчиненнымъ, и получалъ иногда довольно суровую и рѣзкую отповѣдь: отъ него

требовали, чтобы онъ призналъ царскій титулъ Феодора (Эпирскаго), чтобы самъ лично посѣщалъ пренебреженный имъ греческій западъ (европейскія греческія области), то-есть, отказался бы отъ исключительного пребыванія въ предѣлахъ Никейской имперіи, отъ исключительного союза съ Никейскимъ императоромъ. Ему писали: нашъ царь—разумѣется Солунскій—не можетъ подарить другому то, что приобрѣтено его собственнымъ долгимъ трудомъ; многолюдные города, ради которыхъ пролито было не мало военного пота, потрачено было много денегъ и положено много военной силы, не могутъ быть поручаемы лицамъ незавѣстнымъ, вѣрность коихъ въ отношеніи къ государю ни чѣмъ не доказана и ни чѣмъ не обезпечена: при этомъ разумѣются именно епископы, приходящіе изъ Малой Азіи. Въ концѣ концовъ дѣло принимало видъ полнаго политического и церковнаго разрыва между востокомъ и западомъ, между мало-азіатскими греками и европейскими; такое положеніе вещей прямо называлось схизмою, окончательнымъ раздѣленіемъ; оно хорошо обозначено замѣчаніемъ одного славянскаго памятника, что „царство греческое на двое разѣвчеся“¹⁾. Однако, этотъ внутренний раздоръ между греками весьма мало имѣлъ вліянія на отношеніе ихъ къ царю Болгарскому, весьма мало ослаблялъ положеніе деснотовъ—царей Эпирскихъ по отношенію къ Иоанну Асѣю II-му. Если греческіе епископы предпочитали своего Солунскаго героя и избраника даже Никейскому императору, тѣмъ менѣе могли они принести его въ жертву Болгарскому Асѣевичамъ. Греческое духовенство и народная масса, послушная его вѣщеніямъ и руководству, не имѣли теперь никакого основанія обращаться съ своими упованіями и сочувствіями къ царю Загорскому, какъ они именовали царей Болгарскихъ. Въ борьбѣ съ непрестанными латинами Эпирскіе десноты покрыли себя не меньшою славою, чѣмъ царь Болгарскій Калоянъ. Михаилъ Ангель (1204—1214), первый основатель величія фамиліи, началъ тѣмъ, что изъ доставшейся ему отдаленной и не занятой франками Никополь-

¹⁾ Въ краткомъ Житіи Св. Савы Сербскаго: Даничичъ, Жизнь Святого Савы (въ Бенграду 1860) стр. 176; а также Леонидъ, Путешествія Святаго Савы (Издание Палестинскаго Общества V), стр. 5.—Письма Иоакина Навпантскаго къ Феодору Конину и другіе документы, на основаніи которыхъ мы характеризовали отношенія между двумя половинами разѣвкшагося на двое царства, заслуживающіе, конечно, самаго тщательнаго и подробнаго изученія, что мы и на-даемся сдѣлать въ отдельной статьѣ.

ской темы (старый Эпиръ, Акарнания и Этолія) устремился впередъ и сейчасъ же обратилъ въ ничто пресловутый Актъ раздѣла, отнявши именно у венеціанцевъ, главныхъ виновниковъ его, земли по Адріатическому морю, такъ называемый дукать Диррахійскій; при его братѣ достался грекамъ и самый городъ Драчъ, представившій по своему положенію ключъ къ господству въ восточной странѣ полуострова, а также вырвана была у тѣхъ же венеціанцевъ изъ—подъ руку Коркира (Корфу); послѣдовали завоеванія Михаила въ другомъ направленіи, именно въ полу-славянской Македоніи, въ греческой и валашской Фессаліи; Михаилу достались Охрида, Приг҃ѣль, Пелагонія; латинское королевство Бонифація Монферратскаго было ослаблено. Всѣдѣ, гдѣ появлялся Михаилъ Эпирскій, латинское духовенство было прогоняено; Михаилъ не щадилъ пачистовъ, онъ рубилъ головы простымъ латинскимъ священникамъ и такимъ же способомъ расправился съ однимъ епископомъ; съ одного свѣтскаго лица, приближенного къ латинскому императору, содрана была съ живаго кожа. Папа Иннокентій грозилъ анаемой тому, кто вступить въ какую-нибудь дружбу или союзъ съ негѣрманскимъ и безчеловѣчнымъ врагомъ католической церкви. О дѣяніяхъ Михаила громко говорили и поближе къ мѣсту его подвиговъ; популярность его среди населенія, копечло, не страдала отъ слуховъ о жестокости и безчеловѣчіи совершаемаго имъ возмездія надъ ненавистными франками-примітцами. Преемникъ Михаила Феодоръ (1214—1230 гг.), если не отличался такою ненавистью и злобою въ борбѣ съ латинами, то умѣлъ наносить имъ еще болѣе жестокіе и разчитанные удары; онъ не стыдился поступать съ ними самымъ вѣроломнымъ образомъ; онъ не боялся вступать въ переговоры съ папою, обѣщать ему послушаніе и покорность, но при этомъ онъ пренебрегалъ папскими заступничествомъ, какъ скоро оно становилось ему ненужнымъ, и также смѣло насыпался надъ папскими проклятіями, какъ мало дорожилъ его благословеніями. Въ 1217 году Феодоръ Комнинъ Дука покрылъ себѣ славою, совершивъ подвигъ совершенно въ греческомъ византійскомъ вкусѣ; хитростю и обманомъ онъ захватилъ подъ Драчемъ въ плѣнъ Петра Куртене, вновь избраннаго Константинопольскаго латинскаго императора, пробиравшагося въ столицу изъ Италии отъ папы съ рыцарскимъ военнымъ ополченіемъ. Петру Куртене точно также умеръ въ плѣну греческомъ, какъ нѣкогда первый императоръ Латинской имперіи, Валдуинъ, въ плѣну болгарскомъ. Феодоръ Комнинъ затмилъ славу Калояна, тѣмъ болѣе что послѣдній ослабилъ впечатлѣніе

своего торжества надъ латинами послѣдующимъ угодничествомъ предъ Римскимъ первосвященникомъ. Правда, что и Феодоръ Греческій, боясь всеобщаго негодованія и раздраженія, вызванныхъ его поступкомъ на западѣ, тотчасъ же вслѣдъ за своимъ торжествомъ объявилъ себя покорнымъ сыномъ Римской церкви; но пока папа научалъ его, какъ загладить преступленіе и доказать искренность资料 his обращенія посредствомъ примиренія съ императоромъ Латинскимъ Робертомъ, преемникомъ несчастнаго Петра, Феодоръ собрался съ силами и въ 1222 году овладѣлъ Солунью, а это былъ—второй городъ имперіи и столица Солунскаго королевства, первого лена латинской феодальной монархіи. Послѣ этого онъ счѣлъ себя въ правѣ короноваться императорскимъ вѣнцомъ. Но не къ папѣ обратился онъ за короной, а къ своимъ епископамъ. Солунскій митрополитъ, Константиносъ Месопотамитъ, побоялся исполнить его требованіе, потому что онъ такимъ образомъ нарушилъ бы права Константинопольского патріарха и ипаго уже вѣнчанаго послѣдній царя.

Другой іерархъ, вслѣдствіе своего особаго положенія не обязаный въ такой степени стыдиться отношеніями къ православному патріарху въ Никѣї, совершилъ желаемый обрядъ. Это былъ автокефальный (независимый) архиепископъ города Охрида (Ахриды) и всей Болгаріи, знаменитый Димитрій Хоматинъ. Невольно приходить на мысль, что было бы вполнѣ естественно, еслибы епископъ, носящий такой титулъ, короновалъ именно Болгарскаго царя, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибы Калоянъ смотрѣлъ въ лицо Рима въ эту сторону, то возможное для Феодора Конника сдѣлалось бы возможнымъ еще ранѣе для Болгарскаго царя; Охридъ и въ данный періодъ времени бывалъ въ рукахъ болгарскихъ;ѣроятно, къ такому именно моменту относится примирительное настроеніе сейчасъ пониженованного авторитетнаго канониста къ болгарскимъ священникамъ его епархіи, поставляемымъ епископами, приходившими изъ Загоры, то-есть, изъ владѣній независимой Болгаріи и, конечно, болѣе близкихъ къ туземному славянскому населенію. Задача Асѣневичей, съ одной стороны, состояла въ воссоединеніи всей массы болгаръ, разсѣянныхъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ значительномъ количествѣ жившихъ именно въ греческихъ епархіяхъ, подчиненныхъ Охридской архиепископіи, а съ другой стороны—въ примиреніи со своимъ господствомъ также и греческаго племени, обитавшаго внутри предѣловъ вновь слагавшагося славянскаго государства, какъ они опредѣлялись тогда-

шнимъ положениемъ вещей. Развѣ не соответствовало бы такой задачѣ коронование греческимъ архіепископомъ всей Болгаріи царя всѣхъ болгаръ, а также и грековъ? Какъ бы то дѣло ни было, провозглашеніе Феодора Комнина императоромъ и вѣнчаніе его въ Солунѣ имѣло теперь враждебный смыслъ и по отношенію къ болгарскимъ стремленіямъ. Уже ранѣе нѣкоторые города, принадлежавшіе прежде Болгарскому государству, въ числѣ ихъ Охридъ и Прилепъ, попали въ руки Эпирского деспота; на счетъ болгаръ шло и дальнѣйшее распространеніе Солунскаго царства—по направлению къ Адріанополю и Филиппополю. Къ сожалѣнію, подробности намъ неизвѣстны; необходимо предполагать, что при этомъ не обошлось безъ непріязненныхъ, насильственныхъ поступковъ со стороны Феодора. Но, по видимому, достигнувъ означенныхъ предѣловъ и пытая замыслы противъ Адріанополя, онъ не могъ наконецъ дѣйствовать такъ смѣло вдали отъ центра своихъ владѣній, не заручившись согласіемъ или дружбою Ioanna Asenii; такъ какъ иначе послѣдній легко могъ бы напасть на него сзади и отрѣзать ему вскій путь ко спасенію. Слѣдуетъ думать, что именно къ этому моменту относятся дружественные отношенія Феодора Комнина къ Aseniu, скрѣпленные женитьбой его брата Мануила на побочнѣй дочери Болгарскаго государя¹⁾). Однако союзъ двухъ соперничавшихъ императоровъ, славянскаго и греческаго, не могъ быть прочнымъ; можетъ быть, онъ и вызванъ былъ только неожиданнымъ и весьма для обоихъ не приятнымъ появлениемъ на сценѣ ихъ ближайшаго дѣйствія третьаго конкурента, Ioanna Duhi Vatatzis, Никейскаго императора. Выросла, значитъ, и третья сила, съ которой придется считаться, какъ болгарамъ, такъ и грекамъ. Если солунскій центръ национального греческаго притяженія утратить свою силу, то теперь не Терновъ займетъ его мѣсто, а всѣцѣло и нераздѣльно—Никея. Въ 1224 году войска Vatatzis переправились черезъ Геллеспонтъ и овладѣли Адріанополемъ; здѣсь въ первый разъ открыто столкнулись притязанія двухъ греческихъ императоровъ; Феодоръ Комнина, болѣе искушенный въ интригѣ и вской военной хитрости, успѣлъ вытѣснить и спровадить восволоси своихъ малоазіатскихъ соплеменниковъ; Адріанополь остался въ его рукахъ. Онъ приблизился еще болѣе къ той цѣли, которая его манила; послѣ взятія предмѣстій города Визіи, войска его проникли до самыхъ стѣнъ Константина Поля, паведя большой страхъ на латинянъ. Но прежде чѣмъ надежды и пожеланія,

¹⁾) *Aegopolit. ed. Bonn., pag. 44.*

которыми напутствовали его греческие епископы Эпира и Фессалоники, осуществился, Феодору пришлось обратить свои взоры въ другую сторону, на сѣверъ. Въ 1228 году Феодоръ Коминъ заключилъ перемирие на одинъ годъ съ намѣстникомъ Латинскаго императора въ Константинополь; помимо другихъ обстоятельствъ, къ этому побуждала его мысль о необходимости расправиться прежде съ царемъ Болгарскимъ, который точно также не опускалъ изъ виду Цареграда, а въ настоящее время уже мечталъ сдѣлаться полнымъ въ немъ господиномъ подъ видомъ друга, родственника и протектора юнаго Латинскаго императора. Асѣнь стоялъ на дорогѣ Феодору. Впрочемъ, и въ 1229 году поведеніе Эпирскаго деспота во отношенію къ Латинской имперіи считалось на западѣ враждебнымъ. Лѣтомъ или осенью этого года папа Григорій IX за одно и подъ рядъ съ Фридрихомъ II Гогенштауфеномъ предалъ отлученію и анаемъ Феодора Коминна и всѣхъ, кто оказываетъ ему помощь и содѣйствіе хотя бы совѣтами, всѣхъ кто доставляетъ ему оружіе или вообще средства вредить латинянамъ¹⁾). Здѣсь можно находить нѣкоторый намекъ не только на дружелюбныя отношенія Феодора съ Фридрихомъ, но даже на материальную помощь, получаемую первымъ изъ южной Италии отъ Западнаго Римскаго императора въ моментъ одной изъ самыхъ яркихъ исинищекъ борьбы послѣдняго съ папствомъ. Въ этомъ же отношеніи не лишены значенія извѣстія о двухъ посольствахъ, отправленныхъ въ Италию изъ Греціи весною и осенью 1229 года; во главѣ первого стоялъ взять (по сестрѣ) Эпирскаго деспота, человѣкъ западнаго происхожденія—графъ Маттео Занте, второе—произвело впечатлѣніе преимущественно богатствомъ подарковъ, пред назначенныхъ въ даръ Фридриху, и въ особенности роскошнымъ убранствомъ копей, привезенныхъ съ того берега²⁾. Все-таки нельзя говорить съ уѣвренностью,

¹⁾ Item excommunicamus et anathematizamus Theodorum dictum Cominiano et omnes, qui praestant auxilium, consilium vel favorem, et qui ei equos, arma, ferrum vel lignamina portant, quibus impinguat Latinos: Epistolae sacculi XIII selectae (Monumenta Germaniae), I, 320; также Raynaldi Annales ecclesiast. ad ann. 1229 § 41.

²⁾ Rycardi de S. Germano Chronic. Pars SS., XIX, 356. Tunc quidam comes de Maio de Romania cum nonnullis Grecois militibus de Romania ex parte Cominiano ad imperatorum cum magnis muneribus nuntius venit.

Ibid. pag. 357. De Romania quidam Grecoi cum dextrariis in sellis et frenis aureis et cum pannis sericis auro textis et cum innumeris auris nummis, que ipsi imperatori representant, pridie ante exitum mensis Novembris ad ipsum impe-

что Феодоръ Комнина получиль отъ Фридриха Гогенштауфена вспомогательный отрядъ для своего Болгарского похода¹). По замѣчанію Акрополиты, войско его состояло изъ грековъ и итальянцевъ; но подъ итальянцами у этого писателя часто разумѣются латины, которые уже утвердились на Балканскомъ полуостровѣ — съ венецианцами и ломбардами во главѣ. Въ апрѣль 1230 года произошла битва, рѣшившая судьбу одного изъ соперниковъ. Нѣсколько подробнѣй разказъ о ней мы находимъ у вышеупомянутаго византійскаго писателя, Георгія Акрополиты²). Отсюда видно, что нападающими были Феодоръ Комнина, что онъ дѣйствовалъ вѣроломно, нарушивъ недавно заключенный союзный договоръ. Оставивъ позади себя Адріанополь, Феодоръ направилъ вверхъ по Марицѣ и встрѣтился съ Асѣнѣмъ при мѣстечкѣ, называемомъ Клокотницей (Семидже, между Адріанополемъ и Филиппополемъ); превосходство силъ на сторонѣ приготовившагося къ борьбѣ Феодора было столь

ratores venagunt. Что касается графа Маттео (Madio, Maio), владѣтеля острова Занта и Кеевалиніемъ, то см. о немъ: *Hof*, Gesch. Griechenl. pag. 257. Въ Портирьевскомъ Сборнике, среди корреспонденцій митрополита Навпактскаго, помѣщены одинъ весьма любопытный документъ, имѣющій отношеніе къ этой же лишенной значенія исторической личности, именно — актъ вассальной присяги къ нему со стороны латинскаго епископа Кеевалиніемъ, писанный по гречески.

¹⁾ Такое предположеніе мы находимъ у Муральта; *Essai de chronographie Byzantine II*, 342: «mais celul-ci (Théodore), soutenu par des troupes allemandes que Frédéric lui avait envoyées». Въ источникахъ, на которые за тѣмъ ссылаются ссылка, совсѣмъ этого нѣтъ.

²⁾ Акрополит, ed. Bonn. pag. 45. Сверхъ того враткія извѣстія о Клокотницкой битвѣ находятся въ двухъ западныхъ хроникахъ. Ryocardi de S. Germ. (*Pertz SS. XIX*, 352) sub anno 1230: «Eodem mense Aprilis in Grecorum imperio factum est primum inter Grecos, in quo Comniano captus est et utroque lumine orbatus.

Chronie. Albreici Trium Fontium (*Pertz SS. XXIII*, 928): *Alsanus rex Bulgarie, frater Alexandri, successorem Michaelis videlicet ducem Durachli Theodorum, ecepit et excocavit, qui quondam comitem Petrum Antimoldorensem sarpivaverat.* Въ русскихъ хронографахъ, гдѣ Асѣнъ II смыкается между прочими съ Калояномъ, сообщается также и о Клокотницкой битвѣ: «и поиде подъ иныи грады Греческія, царь же Феодоръ Ласкарь (читай: Комнина) изиде противу ему на бравъ, его же Асанъ побѣди, и ухващенъ бысть Ласкарь (то-есть, Комнина) на брами, и повелъ его Асанъ освѣнія»: А. Попова, Обзоръ хронографовъ Русской Редакціи I, 191, 191 и Изборникъ, стр. 34, 145. Слѣдѣемъ въ хронографахъ заимствованы изъ Житія Осавы Сербскаго, но не много перепутаны.

значительно, что онъ не ожидалъ серьезнаго сопротивленія, но Асѣнь, смѣло устремилсѧ въ битву, приказавъ нести впереди на знамени мирный договоръ, скрѣпленный клятвеннымъ обѣщаніемъ противника и его подписью. Сраженіе кончилось полнымъ пораженіемъ грековъ; вѣроятно, тутъ не мало помогла болгарамъ половецкая конница, хотя она, по замѣчанію Акрополиты, и не была многочисленна: дерзкій налетъ степныхъ наездниковъ уже не въ первый разъ разстраивалъ рады правильно устроенныхъ византійскихъ и западныхъ рыцарскихъ ополчений. Самъ царь Феодоръ попался въ пленъ и вдѣсь впослѣдствіи испыталъ большія превратности: Асѣнь съ самого начала обходился съ нимъ почтительно; затѣмъ, когда крайне изобрѣтательный на интригу, неугомонный грекъ затѣялъ что-то опасное въ собственной семье Болгарскаго царя, онъ его освѣпилъ, а черезъ десять лѣтъ Асѣнь женился на дочери Феодора и содѣйствовалъ восстановленію его власти въ прежнихъ его владѣніяхъ.

Вообще Асѣнь довольно умно воспользовался непосредственными плодами побѣды. Не только съ царемъ, но еще больше съ прочими пленниками онъ поступалъ человѣколюбиво; этиль онъ доказалъ, что племенная ненависть болгаръ къ Грекамъ либо уже смягчилась и утихла, либо не была вообще столь свирѣпа, чтобы ее нельзя было сдержать. Если при этомъ Асѣнь слѣдовала политическому разачету, то это нисколько не умаляетъ его чести. Простыхъ, неважныхъ воиновъ онъ прямо отпускалъ на волю—именно съ тою цѣлью, чтобы приготовить себѣ лучшій приемъ среди населеній, надъ которыми хотѣлъ властвовать. По замѣчанію Акрополиты, Болгарскій царь достигъ своей цѣли; когда онъ двинулся впередъ, то города и села, куда уже достигла вѣсть объ его торжествѣ, а также и объ его кротости, покорились ему безъ пролитія крови; такъ онъ овладѣлъ Адріаполемъ, Димотикою, Сѣромъ (Сересъ), Пелагоніей, Прилѣпомъ, прошелъ по Великой Влахіи въ Фессалію, побывалъ въ Албазіи, гдѣ овладѣлъ укрѣпленіемъ важнѣйшемъ пунктомъ, сообщившимъ название странѣ: мы разумѣемъ Елбанопъ (той 'Елѣвѳауо'), нынѣшній Ельбассанъ. Но прямому замѣчанію Акрополиты, не всѣ владѣнія Эпирскаго деспота были непосредственно присоединены къ Болгарской державѣ; Асѣнь довольствовался тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ поставилъ свои гарнизоны, оставивъ на мѣстѣ туземныхъ династовъ. Въ двухъ национальныхъ болгарскихъ памятникахъувѣковѣчена память о высокомъ блестящемъ положеніи, которое досталось на долю Асѣня послѣ Клокотницкой побѣды. Одинъ изъ нихъ есть знаменитая надпись въ

Терновскомъ соборѣ, имъ тогда выстроеннымъ и послѣ обращеніемъ турками въ мечеть¹). Здѣсь говорится о томъ, какъ въ двѣнадцатый годъ своего царствованія, когда вновь основанный храмъ Сорока мучениковъ былъ еще украшаемъ живописью, Асънь, благовѣрный царь и самодержецъ болгаръ, пошелъ войною на Романію, разбилъ греческое войско и взялъ въ пленъ самого цара кири Тодора Комнина со всѣми его боярами. „Я принялъ“, говорить о себѣ виповникъ надписи,— „ всю землю отъ Одрина и до Драча (отъ Адріанополя до Диракхія—Дураццо), греческую, арбанаскую и сербскую“. Къ этому же времени относится, по всѣмъ признакамъ, весьма важный актъ въ національно-церковной жизни Болгарскаго народа, то-есть, перенесеніе мощей святой Параскевіи или Петки изъ окрестностей Царьграда въ городъ Терновъ; при описаніи этого события познайшій и послѣдній патріархъ Волгарскій Евеймій (въ XIV в.), пользуясь подлинными грамотами Асънія²), данными имъ Аеонскимъ монастыремъ, точно также говорить о покореніи Македонской области, Сѣра (Сереса) со всемъ Аеонской или Святою горою, и Арванитской державы до Драча. Сверхъ того, вслѣдствіе нѣкотораго недоразумѣнія, Евеймій приписываетъ славному Болгарскому государю власть надъ тризбалами, то-есть, сербами, тогда какъ въ подлинныхъ документахъ, какъ и въ Терновской надписи, шла, вѣроатно, рѣчь объ одной части Сербскихъ земель на пространствѣ между Одриномъ и Драчью. Или же мы должны предположить, что въ самомъ дѣлѣ Асънъ II имѣлъ и заявлялъ притязанія на нѣкотораго рода протекторатъ надъ Сербскимъ королевствомъ, во главѣ котораго стоялъ тогда Стефанъ Владиславъ, женатый на его дочери? Въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы такое же объясненіе приложить и къ словамъ Евеймія относительно Солуни со всемъ Фессаліей, будто бы поступившими подъ власть Асънія. Въ современныхъ источникахъ и въ дальнѣйшихъ историческихъ фактахъ нѣть ясныхъ указаний на то, чтобы Асънъ сдѣкалъ попытку утвердиться въ Солуни, къ которой обнаруживали стремленіе его предшественники; въ грамотѣ Асънія, данной Дубровчанамъ, правда, открывается ихъ

¹) Въ подлинникѣ она приведена въ статьѣ *Макушевъ* и у *Среднеевропейского альманаха* указанныхъ собраний, въ видѣ снимка въ книга *Ракоскало* и въ переводѣ въ *Исторіи Иречка*.

²) На нихъ прямо ссылается Евеймій; см. Житіе преподобныхъ Параскевіи въ Великихъ Илиенхъ-Четъахъ Макаріи (издан. Археогр. коміссії. С.-Петерб. 1874) Октябрь, стр. 1032.

купцамъ вольный путь, какъ въ землю Албанскую, такъ и въ Солунь¹⁾; но это еще не говорить о прямомъ подчиненіи Асѣню и самого пункта, къ которому проѣздъ лежалъ по владѣніямъ Болгарскаго царя. Въ Солуни сохранилъ свою власть братъ пѣненнаго Феодора Комнина, Мануилъ, удержавшися отчасти благодаря своему родству съ Асѣнемъ; выше было упомянуто, что за нимъ тоже была дочь Болгарскаго царя. Однако, положеніе Мануила было теперь совсѣмъ другое, чѣмъ положеніе Феодора. Онъ уже не могъ предаваться гордымъ и заносчивымъ мечтамъ о возстановлении Греческой имперіи, о вступленіи въ Цареградъ, о соперничествѣ съ Никейскими императорами; судя по тому, что въ позднѣйшихъ грамотахъ Мануилъ просто подписывался деспотомъ²⁾, можно думать, что онъ даже отрекся отъ царскаго титула; ниже мы встрѣтимся съ его словами, что, ради согласія и единства, онъ отступилъ отъ многихъ своихъ правъ, хотя, конечно, не въ пользу Асѣна; наконецъ, и Акрополита замѣчаетъ, что Мануилъ въ Солуни именовался деспотомъ, но, конечно, удерживалъ за собою иѣкоторыя преимущества царской чести, напримѣръ, подписывать свои грамоты красными чернилами, почему и приложенья были къ нему однимъ остроумнымъ по своему византійцемъ стихъ изъ псалма, гдѣ рядомъ поставлены слова царя и господа, то-есть, по гречески: василевса и деспота. Солунскій деспотъ не только на дѣлѣ очутился въ отношеніи къ Асѣню въ подчиненномъ положеніи, но и могъ признать формально его высшую власть, не уиждая своего званія и титула: родственныя отношенія и здѣсь служили выраженіемъ и прикрытиемъ политической зависимости. Оченьѣ вѣроятно, что Мануилъ тяготился такимъ своимъ униженіемъ предъ варварами; онъ обращалъ свои взоры на западъ, желая тамъ отыскать себѣ покровительство и опору. Въ началѣ 1232 года онъ получилъ отвѣтъ изъ Рима на свои предложенія и искательства; папа Григорій IX писалъ ему, что его намѣреніе вступить въ лоно католической церкви и отдаваться подъ власть святаго престола въ качествѣ личнаго владельца будетъ припрѣто благосклонно и милостиво, если только оно

¹⁾ Грамота Асѣна была вновь издана И. И. Срезневскимъ въ Сводѣніяхъ и замѣткахъ о малозвестныхъ и неизвестныхъ памятникахъ № LXXXI (Приложение къ XXXIV тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ).

²⁾ См. грамоту, данную Дубровчанамъ въ 1234 году: Miklosich, Acta graeca medii aevi, III, 67.

будеть на самомъ дѣлѣ приведено въ исполненіе¹⁾). Но какъ мы увидимъ ниже, именно въ 1232 году Мануилъ долженъ былъ всту-
пить на путь совершенно другой политики. Онъ оказался участни-
комъ коалиціи, направленной противъ Латинской имперіи въ Кон-
стантинополь, искалъ примиренія и сближенія съ греческимъ право-
славнымъ патріархомъ и Никейскимъ императоромъ, одинъ словомъ
очутился въ лагерѣ прямыхъ враговъ папскаго престола, на которыхъ
изъ Рима сыпались потомъ военные угрозы и церковныи проклятія.
Что особенно для насъ важно, онъ, очевидно, увлечепъ былъ на такой
путь ни кѣмъ другимъ, какъ именно царемъ Волгарскимъ, Асѣемъ.

Аѣль въ 1232 года стоялъ во главѣ союза, поставившаго себѣ
задачею уничтоженіе господства франковъ въ Константинополѣ; что
касается Греческаго императора Иоанна Вататца, третьаго участника
коалиціи, то онъ вовсе не игралъ въ ней главной роли и не былъ
ея виновникомъ. Напротивъ, въ соотвѣтствующій моментъ времени
въ Никѣї страннымъ образомъ тоже обнаруживалась склонность
къ переговорамъ съ папой о воссоединеніи церквей, о согла-
шеніи и примиреніи; самъ патріархъ Германъ II, извѣстный своею
реактією къ вѣрѣ, писалъ дружелюбныи посланія и къ Римскому
первоначальнику, и къ кардиналамъ Римской церкви; два раза соби-
рался соборъ подъ предсѣдательствомъ императора для разсужденія
о возможныхъ условіяхъ унії. Все это въ концѣ концовъ, правда,
не привело ни къ чemu; какъ много разъ прежде и еще больше разъ
послѣ—оказалось, что примиреніе на религіозной почвѣ представля-

¹⁾ Къ сожалѣнію, папская грамота остается доселѣ незданною; содержаніе ся
имѣетъ намъ пѣтъ Европы—Райнальда: *Annales ecclesiast.* XXI, ann. 1232 § 55.
*Dum Graeci Asiatici de colundo cum Romana ecclesia foedero agitarent, Manuel
Comnenus, qui despota atque etiam regem Thessalonicae agebat, non modo haec-
rendi in sinu ecclesie, verum etiam suam illi ditionem fiduciario jure addicendi
consilium prae se tulit. Cui rescripsit Gregorius pium consilium sedi apostolicae
gratum acceptumque fore, si illud in opus perduxisset.* Ср. *De Cange, Histoire de
l'empire de Constantinople*, II, 93, Paris, 1657—*Historia Constantiopolit.* I, 210).
Lambescis, Biblioth. Caesar. lib. V, 107. № CCXLII. Что отвѣтъ папы относится
не далъе какъ къ марта 1232 года, это видно изъ мѣста, которое онъ занимаетъ
въ *Ремистрии*: третью письмо шестой книги, при чѣмъ каждая книга соотвѣтствуетъ
году папства, начавшагося 19-го марта 1227 года; цитата эта указана Райналь-
домъ, и она устраиваетъ всякия сопоставленія поступка Мануила, относящагося
очевидно, еще къ 1231 году, съ посольствомъ Христофора Антиохійского, а равно
и съ разсужденіями обѣ уній, проходившими въ 1232 и 1234 годахъ. Ср.
Murat, Essai de chronogr. Byzantine, II, 348.

лось желательнымъ и возможнымъ только до тѣхъ порь, пока къ тому побуждали политические разчеты. Такъ какъ исторіа Никейскаго и Нимфейскаго соборовъ, разсуждавшихъ о соединеніи всей Восточной церкви съ Западною, хорошо извѣстна¹⁾, и такъ какъ всѣ эти переговоры не имѣли прямаго вліянія на ходъ дѣлъ собственно на Балканскомъ полуостровѣ, даже обращеніе Мануила Солунскаго къ папѣ въ 1231 году, стоитъ отъ нихъ, по видимому, изолированно, — то мы совершенно оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Для насъ важно только то, что именно въ это самое время прежній другъ уиїи и почитатель папскаго авторитета, царь Болгарскій, не только не участвовалъ въ этихъ переговорахъ, но выставлялъ себя самыемъ рѣшительнымъ и открытымъ врагомъ латинства; онъ содѣствовалъ этимъ переговорамъ развѣ только косвенно, угрожая латинскому го-сподству въ Цареградѣ и возбуждая тѣмъ самыемъ какъ будто какую-то уступчивость въ Римской куріи. Главная же наша задача заключается въ томъ, чтобы объяснить, чѣмъ былъ вызванъ такой много-значенійный поворотъ въ политикѣ царя Асѣнѣа, поворотъ — при данной обстановкѣ, нужно сказать, несовсѣмъ благопріятный для болгарскихъ интересовъ, такъ какъ именно Асѣнъ, душа коалиціи, ради ея составленія содѣствовалъ сближенію Мануила Солунскаго съ Никейскимъ императоромъ, европейскихъ грековъ съ мало-азіатскими, открывалъ путь вліянію никейскаго помазанника въ прежней Солунской имперіи и даже гдѣ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Восстановленіе православной Восточной имперіи въ пользу Никейскаго императора отчасти решено было этимъ сближеніемъ... Мы должны обратиться не много назадъ.

До Клокотницкой битвы не встрѣчается никакихъ признаковъ недружелюбного отношенія со стороны Болгарскаго царя къ Латинской имперіи и къ Гимскому престолу. Асѣнъ II отличался большими усердіемъ къ вѣрѣ; онъ строилъ монастыри и украшалъ ихъ золотомъ, жемчугомъ и драгоценными каменьями, одарялъ церкви Божіи многочисленными подарками и проявлялъ относительно ихъ большую щедрость; всякий чинъ духовный, архіереи, іереи и діаконы,

¹⁾ Документы, сюда относящіеся, находятся между прочимъ въ Большой Хроникѣ Матея Парижскаго (см. новое изданіе: *Matthaei Parisiensis chronicon majora ed. Luard*. London 1876, t. III, въ *Scriptores rerum Britanicarum mediæ aevi*), собраны также у *Mansi* въ *Conciliorum tom. XXIII*, 365 sqq. Новѣйшая же обработка у *Цихлера* въ *Geschichte der kirchlichen Trennung I*, 324.

осыпаемы были почестями¹); особенно онъ много сдѣлалъ для возвеличія своей любимой столицы на рѣкѣ Янтрѣ, города Тернова; память, отчасти даже остатки монастырей и церквей имъ здѣсь основанныхъ сохраниются доселѣ²). Набожные Болгары прославили и любили своего царя, считая его, конечно, частоющими православными государемъ и вовсе не справляясь о томъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ находится къ Римскому папѣ и къ патріарху въ Никѣї. Несомнѣнно, что уніі, заключенная при царѣ Калоянѣ, не потеряла своей силы и при царѣ Иоаннѣ II. Проклиная Феодора Комнина, какъ врага Латинской имперіи и католической церкви, папа Григорій IX не упоминалъ на ряду съ нимъ царя Асѣна (въ 1229 г.). Асѣнъ былъ въ дружбѣ съ Венгерскимъ королемъ Андреемъ II и былъ женатъ на его дочери Маріи. На престолѣ Константинопольскомъ сидѣлъ Робертъ II, состоявшій въ свою очередь въ свойствѣ съ королемъ Венгерскимъ, а чрезъ него и съ Болгарскимъ; за Андреемъ II была сестра Роберта, Іоланта Куртене. Родственныя связи государей имѣли тогда величайшее политическое значеніе; всякая важная и новая политическая комбинація непремѣнно искала себѣ закрѣплѣнія и выраженія въ брачныхъ союзахъ. Въ данномъ случаѣ Асѣнъ держался преданій, унаследованныхъ отъ Калояна и Борила. Онъ сдѣлалъ попытку еще ближе скрѣпить свои родственныя отношенія къ латинскому императорскому дому и точь въ точь возстановить ихъ въ томъ видѣ, какъ они были въ концѣ правленія цара Борила. Впрочемъ, онъ соединилъ съ этимъ планы политического господства, идущіе гораздо дальше, чѣмъ какія-либо мечты его предшественниковъ. Въ 1228 году кончилъ свою безславную жизнь императоръ Робертъ; онъ умеръ въ Ахайѣ на возвратномъ пути изъ Рима, куда ѿдѣнъ жаловаться на своихъ бароновъ, которые такъ неблагосклонно относились къ его любовнымъ похожденіямъ и такъ жестоко поступали съ его послѣднею возлюбленной, не смотря на то, что онъ даже съ нею былъ тайно обѣщанъ. Они ворвались въ царскія комната, гдѣ проводилъ въ жалкой праздной изнѣженности свое время императоръ, схватили его даму вмѣстѣ съ ея матерью, утопили

¹) Замѣтимъ эти черты изъ записки при синодикѣ царя Бориса, приведенной также у *Ракоцкаго*, объ Асѣнѣ стр. 50, 54.

²) См. Описание Тернова при Асѣнѣхъ, составляющее нѣсколько замѣчательныхъ страницъ въ книзѣ *Иречка*, История Болгаръ, стр. 332—343.

послѣднюю, изувѣчили первую, отрѣзавъ ей носъ. Мѣсто Роберта вступилъ братъ его, Балдуинъ II, послѣдній Латинскій императоръ (1228—1261 гг.). Новому императору было только одиннадцать лѣтъ; между тѣмъ критическое положеніе имперіи, особенно въ виду успѣховъ Феодора Эпирскаго, болѣе чѣмъ когда-нибудь требовало твердой руки и полной энергіи мужа. Въ средѣ вліятельныхъ бароновъ возникла мысль искать опоры въ царѣ Болгарскомъ, такъ какъ этотъ наиболѣе могущественный сосѣдъ и безъ того стоялъ близко къ фамиліи Куртене (по своей венгерской женѣ, дочери Іоланты Куртене). Предложено было обрученіе малолѣтняго императора съ дочерью Болгарскаго царя, точно также не вышедшую изъ дѣтскаго возраста¹⁾. Асѣнь съ величайшою готовностію ухватился за такой планъ; для него это значило—господство въ Константино-полѣ, достижениѳ самыхъ завѣтныхъ цѣлей честолюбія, во всякомъ случаѣ полное удовлетвореніе тѣснствія, котораго онъ вовсе не былъ чуждъ. Онъ общалъ латинамъ свою помощь для возвращенія утраченныхъ ими земель; на свои издержки, своимъ войскомъ онъ обязывался обратно отвоевать всю землю, которую потеряли предшественники Балдуина на западѣ: имѣлись въ виду прежде всего завоеванія Феодора Комнина Эпирскаго. Брачный договоръ былъ уже скрѣпленъ обоюдною клятвою; но между тѣмъ дѣло затянулось, съ одной стороны — потому, что возрастъ жениха и невѣсты позволялъ ждать, а съ другой — потому, что возникли соображенія и препятствія со стороны франковъ. Латинскіе бароны и рыцари, особенно тѣ изъ нихъ, которые виновны были въ оскорблѣніи Роберта, стали бояться, что если Балдуинъ укрѣпитъ свою власть при помощи царя Болгарскаго, то это непріятно отзовется на ихъ собственномъ положеніи. Хотя этого не сказано прямо въ нашихъ источникахъ, главные противники предположенного союза находились, конечно, въ средѣ духовенства; во всякомъ случаѣ дѣло не

¹⁾ О сватовствѣ дочери Асѣніи и соединенныхъ съ нимъ планахъ говорится довольно подробно у Марино Самуто Младшаго, пользовавшагося вполнѣ ему доступными современными венеціанскими документами: *Marini Samuti Tornelli Secreta fidelium ecclesie lib. II* ср. 18; въ изданіи *Bulgaria, Gesta Dei per Espanos*, t. II pag. 78. Все сюда относящееся почти вполнѣ приведено у Макушева. Дан-доло нѣсколько младшій писатель, чѣмъ Самуто, очевидно, пользовался сочиненіемъ своего предшественника: *Muratori Scriptor. reg. Ital. XII*, 346. Извѣстѣнѣйшихъ историковъ лучше всего держаться *Гюйфа*, позѣрья къ Макушеву.

могло быть окончательно решено без соизволения папы, и оно было перенесено въ Римъ. Въ Римѣ дѣло было устроено совершенно въ другомъ смыслѣ; нужно думать, что самъ папа выдвинулъ впередъ другаго кандидата, которымъ решено было замѣнить Асъину. Это былъ знаменитый тогда экс-король Иерусалимскій, Иоаннъ де-Бріенъ, уступившій свою корону зятю своему, Фридриху II Гогенштауфену, затѣмъ сдѣлавшійся его смертельнымъ врагомъ и предводительствовавшій пресловутыми папскими ключеносцами¹⁾, которые именно въ 1229 году вели кампанію противъ Гогенштауфена въ южной Италии. Не смотря на свою старость, Бріеннъ считался самимъ рыцарственнымъ человѣкомъ во всемъ тогдашнемъ мірѣ и потому способнымъ вновь одушевить упавшее мужество латинянъ на греческомъ востокѣ¹⁾. Въ апрѣль мѣсяцѣ, въ присутствіи папы, въ Перуджіи заключенъ былъ договоръ уполномоченныхъ отъ константинопольскаго регентства съ экс-королемъ Иоанномъ. Прежде всего предложенъ былъ бракъ Балдуина съ дочерью Иоанна, Маріей Бріеннъ, какъ скоро женихъ достигнетъ надлежащаго возраста. Въ продолженіе малолѣтства Балдуина, Бріеннъ долженъ былъ управлять имперіей, даже носить, послѣ предварительного коронованія, титулъ императора, который онъ сохранить пожизненно, хотя бы его дочь или зять умерли раньше него. За это Иоаннъ обязывался держать Балдуина сообразно съ его достоинствомъ до двадцатилѣтняго возраста; а когда эти лѣта ему исполнятся, Балдинъ долженъ былъ получить во владѣніе королевство Никейское и всѣ земли, которыхъ когда-либо принадлежали латинамъ по ту сторону пролива, за исключеніемъ Никомидійскаго герцогства. Предполагалось, что при такомъ вождѣ, каковъ былъ экс-король Иерусалимскій, все это не трудно будетъ вновь отнять у грековъ. Распоряжались точно также свободно и греческими землями въ Европѣ. Такъ какъ Бріеннъ могъ иметь собственныхъ наследниковъ помимо зятя, то онъ имѣлъ право и ихъ обеспечить уѣдомомъ: онъ могъ для этого выбрать либо тѣ же самые мало-азиатскія земли, либо всю ту землю, которую держить (Феодоръ) Комнинъ до Димотики и Адріанополя (включительно?), съ герцогствомъ Филиппольскимъ, кому бы оно не принадлежало, съ бывшими владѣніями Слава и Стрѣза; только въ пользу Асъини сдѣлана была внимательная оговорка и обеспечивалась цѣльность его владѣній, по Солунскому

¹⁾ Ср. Hopf, Geschichte Griechenlandes im Mittelalter (въ Энциклопедіи Ермса и Грубера), pag. 252.

королевство предполагалось возвратить въ пользу дома Монферратского¹⁾.

Таковъ былъ подарокъ, который латины приготовили въ Переуджіи своимъ друзьямъ и подругамъ. Несчастіе ихъ заключалось только въ тоіъ, что для осуществленія такихъ широкихъ плановъ они не располагали достаточными наличными силами на мѣстѣ дѣйствія. Вновь назначенный императоръ оставался долго въ Европѣ, чтобы подготовить эти средства, велъ переговоры съ Венецией, просилъ у неї дипегъ, людей и судовъ. Только въ апрѣль 1231 года сдѣлка съ Венецией была заключена; въ августѣ того же года отъ прибытия въ Константионополь, съ восторгомъ былъ встрѣченъ латинскимъ населениемъ и коронованъ рукою латинскаго патріарха въ императора²⁾.

Нужно думать, что трактатъ, заключенный подъ папскими ауспиціями въ Переуджіи, долго оставался неизвѣстнымъ для цара Болгарскаго. Даже послѣ Клокотницкой битвы въ знаменитой своей надписи въ Терновскомъ храмѣ Сорока мучениковъ онъ величался тѣмъ, что фрази покорили десница его царства, что у нихъ нѣтъ другаго царя, кромѣ него, что они живутъ подъ его властію и его милостію. Совершенно въ такомъ же духѣ представляютъ положеніе дѣлъ въ 1231 году національныи болгарскія сказанія о перенесеніи мощей св. Петки въ Терновъ. Латины Цареграда только потому выдали Болгарамъ эту святыню, что находились въ очень стѣсненномъ положеніи; они уступили ее вмѣсто тяжелой дани, которую имъ приходилось вносить царю Асѣю³⁾; патріархъ Евений, вѣроятно, изъ тѣхъ же самыхъ свѣтлыхъ христонуловъ Асѣя Аѳопской лавры и Протату, на которыхъ опять ссылается, вычиталъ представлениe о томъ, какъ его герой все покорилъ прѣкрасно и мужественно до самаго

¹⁾ Договоръ былъ напечатанъ нѣсколько разъ—у *Raimonda въ Annales ecclesiastici ad ann. 1229*—том. XX; въ собраніи венецианскихъ документовъ *Tafella: Contes rerum Austriac. XIII*, 265; у Бюшона въ *Recherches et matériaux*; напоменъ, у *Макушева* по подлинному списку Венецианскаго архива, такъ какъ онъ считалъ документъ еще не изданнымъ; въ текстѣ статьи *Макушева* не все, однако, точно передано.

²⁾ *Harpf, Gesch. Griechenl.* pag. 253.

³⁾ О разнаго рода сказаніяхъ, имѣющихъ своимъ предметомъ перенесеніе мощей св. Петки, см. статью *Н. А. Смирку: Замѣтки о двухъ произведеніяхъ патріарха Евения*, въ юбилейномъ сборникѣ В. И. Давидовскаго. Вмѣстѣ съ ними мы принимаемъ, что древнѣйший видъ сказания отчасти сохранился въ краткомъ продолженіи житія: см. стр. 384, 385 означенной статьи г. Смирку.

царствующаго града, все пообладалъ, и самыи тотъ царственный градъ повоевалъ и покорилъ, а держащихъ тамъ фруговъ (франковъ) превратилъ въ данниковъ. Когда поэтому онъ потребовалъ у нихъ мощей св. Параскеви, то франки съ готовностю исполнили его требование¹⁾. Въ сущности Асънъ пока ничего не покорялъ у франковъ; онъ только отобралъ у Феодора Комнина его завоеванія, которыхъ, согласно съ прежними его обѣщаніями, слѣдовало бы возвратить латинамъ; но конечно, онъ все еще думалъ посадить на константинопольскомъ престолѣ свою dochь.

Велико было его разочарованіе и его досада, когда, послѣ прибытія Брюспіа, всѣ его расчеты и тицеславныи надежды разлетѣлись прахомъ. Онъ чувствовалъ себя обманутымъ; онъ былъ раздраженъ и круто повернулся въ другую сторону. Онъ легко нашелъ себѣ другаго союзника и другаго жениха для своей дочери Елены, отвергнутой невѣсты Балдуина: это былъ сынъ и наследникъ Никейскаго императора Иоанна Вататци. Отсюда логически вытекалъ разрывъ съ Римомъ, формальная отмѣна уніи, соглашеніе съ Константинопольскимъ патріархомъ. Этимъ духомъ и проникнута была коалиція, хозунгомъ которой сдѣлалось изгнаніе латинянъ изъ Цареграда, и къ которой волею или неволею присталъ деспотъ Мануилъ Солунскій. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ документовъ, которые прямо относились бы къ сношенніямъ Асънъ съ Греческимъ царемъ и Никейскимъ патріархомъ; только издаваемое нами посланіе патріаршаго экзарха отъ 1233 года бросаетъ неожиданно яркій, но въ то же время и загадочный свѣтъ на его настроеніе и на смыслъ происходившихъ въ самомъ дѣлѣ переговоровъ. Нѣкоторымъ указаниемъ или же памятникомъ служитъ еще переписка именно деспота Мануила Солунскаго съ патріархомъ Германомъ, начавшаяся, по видимому, одновременно съ обнаружившимся переворотомъ въ политикѣ Асънъ. Такъ какъ она важна для насъ и въ другихъ отношеніяхъ, то мы теперь и обращаемся къ ней, а вслѣдъ затѣмъ и къ посланію, адресованному уже на имя цара Загорскаго.

IV.

Въ 1232 году деспотъ Мануилъ обратился къ патріарху Герману II съ просьбою, чтобы онъ содѣствовалъ соглашенію его съ царемъ

¹⁾ Житіе св. Параскеви патріарха Евенимія: Октабрскіи Мініи Макарія, стр. 1032.

Іоанномъ Дукою Вататци и скрѣпленію ихъ дружбы; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выступилъ съ опредѣленными и очень важными предложеніями относительно устройства церковныхъ дѣлъ¹⁾.

Посланіе Мануила начинается весьма реторическимъ и напыщеннымъ обращеніемъ къ патріарху; патріархъ сравнивается съ солнцемъ, и на его сторонѣ оказывается то преимущество, что онъ свѣтить непрерывно: великая и свѣтоносная планета ночь изчезаетъ и скрывается отъ нашихъ взоровъ, пламенную и огнеобразную колесницу объемлетъ темнота и помраченіе, а противу краткихъ лучей нашего христіанскаго солнца и сладкаго его блеска безсильны, какъ тучи облаковъ, то-есть, смятенія мірскія, такъ и самая глубокая ночь, то-есть, нашествіе вражескихъ народовъ. Назиданія патріарха, его къ Богу молитвы за всѣхъ христіанъ не знали ни прерыва, ни отдыха и не оставались безъ дѣйствія, такъ какъ подъ нихъ животворнымъ возбужденіемъ родилось и получило завершеніе то дѣло, о которомъ будетъ рѣчь.

„Твоя святость уже прежде обращалась къ намъ съ отеческими разумленіями, стараясь привлечь насъ въ пристань мира, убѣдить и вынудить своими настояніями къ союзу единенія. И вотъ мы повинуемся; мы попираемъ и ни во чѣмъ виѣняемъ многія изъ принадлежащихъ намъ правъ, считаемъ обыкновенно столь драгоцѣпными, что отъ нихъ отказываются развѣ только по необходимости. Ради того мы поискали дружбы царя Ромейскаго, господина Іоанна Дуки; ради того мы повергли подъ ноги многое, касающееся нашей славы, чѣмъ и приличествовало, и было прирожденно нашему величию. И вотъ совершилось, что во дни твои Господь призрѣлъ еже отняты поношеніе раздѣленія изъ среды настѣ ромеевъ; совершилось дѣло, котораго уже многіе желали прежде твоей святости. Итакъ, дерзай, верховатѣйшій изъ отцевъ, возвеличи Господа и прослави, ибо ты глаголалъ во уши отверстыя и ведущія къ мозгу, ты оросилъ не безплодную и не каменистую землю, ты отъялъ поношеніе отъ сыновъ твоихъ, ты сростилъ и изцѣлилъ рану нашего разрыва. Съ нашей стороны отпрыскъ пѣтъ препятствія. Остается, чтобы ты привель и царя Іоанна Дуку къ такому же образу дѣйствій и положилъ между нами глубокій и неразрывный миръ“.

Затѣмъ отъ мирскихъ дѣлъ деспотъ Мануиль переходитъ къ церковнымъ:

¹⁾ Miklosich, Acta graeca medii aevi III, 59 (№ XIII).

„Ты же, вселенский свѣтильникъ, живородный свѣтъ нашихъ душъ, чего медлишь? Зачѣмъ отъ насъ закатился и скрываешься? До коихъ поръ ты не будешъ одинаково огѣщать и наши страны? Внимай вышнимъ, ты тамъ утверждаешь престолъ твой и проходишь мимо насъ, оставляя насъ не озаренными солнцемъ. Остави убо проче; выслушай наше моленіе, не какую-либо просьбу неблагочестивую или выходающую изъ границъ приличнаго. Удостовѣрься, что не возможно кому бы то ни было приходить отсюда моремъ въ тамошнюю восточную землю, дабы быть поставленнымъ въ архіереи для здѣшнихъ западныхъ церквей. Рѣшился презрѣть находящіяся при этомъ посрединѣ путевыя опасности—все одно, чтѣ прямо направиться въ Ахеронъ“.

При сеѧ приводится примѣръ, доказывающій небезопасность пути—всѣдствіе господствовавшаго на Архипелагѣ морскаго разбоя, примѣръ, тѣмъ болѣе любопытныи, что онъ касается одного изъ членовъ знаменитой литературной фамиліи Акоминатовъ, лица, избраннаго на епископскую митрополичью каѳедру въ Навпактѣ и на пути въ Грецію захваченнаго пиратами, которымъ пришлось потомъ заплатить тяжкій денежный выкупъ.

„Итакъ, если ты заботишся о здѣшнихъ христіанскихъ душахъ“, обращается къ патріарху властитель Солуни и Эпира,—„то прими во вниманіе требованія времепи и обстоятельствъ и сдѣтай одно изъ двухъ: 1) либо одному изъ здѣшнихъ западныхъ архіеревъ, какой будетъ сочтенъ годнымъ для такового служенія, соборне дай полночіе, поручи ему избрание и поставление (прѣвола́с) епископовъ, должностную ющихъ замѣщать вдовствующія здѣсь каѳедры; 2) либо, если это будетъ не угодно, пусть твоя святость изберетъ одного изъ тамошнихъ (восточныхъ) архіеревъ, и пусть онъ прибудетъ сюда — исполнять необходимую службу Христову“.

Въ сущности десpotъ Мануилъ предлагаетъ патріарху назначить для западныхъ греческихъ областей особаго экзарха или же мѣсто-блестителя съ передачею ему всѣхъ патріаршескихъ полномочій. Свое предложеніе онъ считаетъ необходимымъ еще разъ извинить или оправдать условіями времени:

„Развѣ мы говоримъ что-либо странное, просимъ чего-нибудь не соотвѣтствующаго разуму? Если бы дѣла ромсевъ находились въ прежнемъ своемъ положеніи, если бы блистало царство на тронѣ Константинаopolia, если бы тамъ возсѣдалъ патріархъ на своемъ престолѣ, если бы не разширялись по срединѣ опасные мрежи для от-

памывающихъ ради архиерейства, то язво и мужемъ погибели, прямымъ нарушителемъ церковныхъ законовъ долженъ быть бы считаться человѣкъ, который попытался бы поколебать строгую законность существующаго порядка" (акривію).

Итакъ, отдаленность царя и патріарха и происходящая отсюда затруднительность прямыхъ спошевій выставляются главнымъ осно-
ваніемъ для предоставления западу иѣкоторой самостоятельности или
самобытности по церковному управлению. Само собою разумѣется,
что если патріархъ согласится на эту просьбу и рѣшился назначить
для западныхъ областей Греції мѣстоблюстителя или экзарха, то
онъ изберетъ его скорѣе средь болѣе близкихъ къ нему восточныхъ
іерарховъ, чѣмъ изъ среды подчиненныхъ Мануила епископовъ Со-
лунской и Эпирской области. Въ посланіи деспота Мануила и въ
самомъ отвѣтѣ патріарха оставляется не разъясненнымъ вопросъ—
будетъ ли отправление или же назначеніе на западъ экзарха мѣрою
временнюю и переходящую, или же постояннюю. По смыслу документа,
содержаніе которого мы изложили, слѣдовало бы, что, пока будуть
оставаться существующія условія, то-есть, пока патріаршій престолъ
изъ Никеи не возвратится въ Царьградъ, до тѣхъ поръ и власть
патріарха на западѣ будетъ нуждаться для своего проявленія въ по-
средствующемъ органѣ. Въ отвѣтномъ новомъ посланіи патріарха
предполагается, что экзархатъ долженъ существовать, пока не пред-
ставится возможности для самого патріарха отправиться на западъ.

Отвѣтъ патріарха Германа на посланіе деспота Мануила начи-
нается патетическимъ заявленіемъ, что онъ, патріархъ, признаетъ
себя побѣжденнымъ¹⁾:

„Мы побѣждены, клянусь твоими доблестями, мы побѣждены, все-
благополучающій государь, и понесли пораженіе столь неожиданное,
что такое и вѣдь не могло бы намъ прийти, прежде чѣмъ оно со-
вершилось". Патріархъ указываетъ на то, что въ своихъ дѣйствіяхъ
по отношенію къ западнымъ областямъ (Греції) онъ опирался на весьма
положительныхъ, твердыхъ и ясныхъ правахъ, на постановленіяхъ
святыхъ отцевъ и церковныхъ соборовъ, на законахъ благочестивыхъ
царей. „Поддерживаемые такою помощью, мы, восточные, старались
привлечь къ себѣ твой западъ, хотѣли привести къ тому, чтобы,

¹⁾ Miklosich, Acta graeca medii aevi III, 62: 'Ηττήμεθα, νη; τὰς εἰς ἀρισταῖς,
ἡττήμεθα.

подобно брачущимся (жениху и невѣстѣ), они (то-есть, востокъ и западъ) вмѣстѣ подклонились подъ нашими руками". Страхи отъ морскихъ разбойниковъ, а равно и всякия препятствія на сушѣ, патріархъ считаетъ пустыми и неумѣстными отговорками или, лучше сказать, предлогомъ для схизмы, потому что пираты не теперь только появились, а всегда были по морѣ. „Когда они воздерживались отъ того, чтобы бичевать морскую поверхность (буквально: спину мора)? Когда лицо мора оставали не обагреннымъ и не окраиненнымъ кровью плонцовъ? Даже въ самые блаженные и золотые прежніе дни морской разбой не утихалъ; многие изъ путешественниковъ или утопали и въ пучинѣ, какъ свинецъ въ быстрой водѣ, или же выкупались на свободу многовѣснѣмъ золотомъ. Однако, въ прежнее время этимъ не прескасалось благочестивое усердіе; не тяготились перѣездомъ по морю тѣ, которымъ вручались бразды церковнаго управления". Затѣмъ патріархъ указываетъ, что не вскій путешественникъ подвергается опасности; примѣру, приведенному въ посланіи деспота Энпрскаго, онъ противопоставляетъ другое, когда перѣездъ по морю избранныковъ на западная епископскія кафедры совершился благополучно... „Притомъ развѣ опасность угрожаетъ только тѣмъ, кто переплыvaє съ запада на востокъ; развѣ отъ исла свободны тѣ, которые на оборотъ отправляются съ востока на западъ? Зло—общее, и стоитъ оно въ промежуткѣ между Азіею и Европою на подобіе пѣкої Сциллы и Харибы, одинаковымъ образомъ угрожая переплывающимъ отсюда туда и оттуда сюда. А потому обѣимъ сторонамъ одинаково приходится или избѣгать вреда или же пренебрегать опасностію"...

Изъ всего этого слѣдовало бы, что патріархъ хочетъ настаивать на своеѣ правѣ, не дѣлая никакихъ уступокъ и снисхожденія, но не туда клонится его отвѣтъ.

„Какъ скоро я узналъ любовь, которую ты по Господу питаетъ къ нашей мѣрности, и убѣдился, что твое писаніе исходитъ прямо отъ благолюбивой души, что уста твои не повалены краскою (румянами) лукавства, то я", говорить патріархъ,— „всѣ эти великия опоры разорваль, какъ ткань паука, и всецѣло предадъ себѣ волѣ твоей царственности. И хотѣлъ бы, и даже это было наиболѣе для менѣ многожеланнымъ, чтобы я могъ въ апостольскомъ облаченіи посмѣянъ надѣль волнами морскими и (лично) направиться къ твоей царственности, ходя по водамъ безопасно: надѣюсь, что это и сбудется въ скоромъ времени, хотя и не столь чудеснымъ образомъ, что тѣмъ

самымъ естественнымъ способомъ, какимъ мы обыкли совершать чутешествія, въ скоромъ времени я достигну къ тебѣ, чтобы насладиться твоимъ лицезрѣніемъ и сладкимъ твоимъ голосомъ... А до тѣхъ поръ — для настоящаго времени я посыпаю тебѣ, на основаніи соборного разсмотрѣнія и совѣта, святѣйшаго митрополита Анкирскаго, во Христѣ возвлюбленнаго брата и служителя нашей мѣрности, дожествующаго занимать мѣсто нашей мѣрности во всемъ, что касается патріаршаго престола¹⁾. Слѣдуетъ похвала правственными качествамъ митрополита, и между ними отмѣтчается его простота и безхитростное простодушіе; по причинѣ того онъ легко можетъ быть обманутъ и введенъ въ заблужденіе, если бы самъ деспотъ Мануилъ не сталъ его просвѣщать и ему помочь противъ руку хищниковъ, стремящихся присвоить то, что имъ не принадлежитъ.

„Итакъ, вотъ мы уступили твоей волѣ и твоимъ видамъ, безъ сопротивленія отказавшись отъ собственныхъ желаній, но по причинѣ медлительности и отсрочки мы боимся, чтобы нашъ даръ не былъ отвергнутъ твою царственностью, какъ утратившій свою цѣву вслѣдствіе замедленія, ибо намъ свойственно питать отвращеніе къ подаркамъ обѣщаннымъ въ скоромъ времени, но поздно отдаваемымъ²⁾. Патріархъ говорить, что вина тутъ не его; по чьи же? Пусть разберетъ это самъ Мануилъ. Во всякомъ случаѣ виновенъ тотъ, кто внушилъ мысль и распространилъ слухъ объ опасности морскаго пути. Въ этомъ и заключается причина замедленія въ прибытіи посланнаго. Въ концѣ патріархъ просить благословленія пріема для своего уполномоченнаго и высказываетъ свои благожеланія о долголѣтней жизни, о побѣдѣ надъ врагами, обѣ удаленіи злыхъ совѣтниковъ.

Изъ третьаго затѣмъ слѣдующаго документа мы узнаемъ, что засѣданіе патріаршаго собора или синода, на которомъ рѣшено было отправленіе на западъ Анкирскаго митрополита, Христофора, проходило въ Никѣ 6-го марта 1232 года (индикт. 5). По обычной формулѣ была составлена и выдана соборная грамота, передающая ему полномочія дѣйствовать въ качествѣ патріаршаго экзарха¹⁾. Для насъ не ясно только то, къ какому именно періоду времени относится медлительность и отсрочка, упомянутыя въ предыдущемъ до-

¹⁾) *Miklosich, Acta græca, III, 65.* Напечатано только вѣдениe съ указаниемъ времени собора и присутствовавшихъ на немъ лицъ, потому именно, что самое содержаніе не отличается отъ принятой въ такихъ случаяхъ формулы.

кументѣ, въ посланіи патріарха; медилъ ли патріархъ своимъ рѣшеніемъ до синода, или же и послѣ принятаго рѣшенія митрополитъ Апкирскій все-таки не тотчасъ отправился на западъ. Такъ или иначе, въ началѣ 1283 года онъ находился во владѣніяхъ Мануила. Къ его пребыванію на западѣ относятся слѣдующіе документы, извлеченные нами изъ драгоценнаго Порфириевскаго сборника, а также изъ другого источника.

Прежде всего мы имѣемъ теперь второе посланіе деспота Мануила къ патріарху Герману, очевидно представляющее отвѣтъ на вышеприведенную грамоту патріарха¹⁾. Первые слова посланія прямо отвѣчаютъ на то патетическое, эффектное восклицаніе, которое стоитъ въ началѣ предшествующаго документа: „Мы побѣждены“, писалъ патріархъ. „Хорошо быть такъ побѣженными“²⁾, отвѣчаетъ Комнинъ Мануиль и, согласно съ господствующимъ литературымъ вкусомъ времени, на разные лады, со всевозможными риторическими ухищреніями развиваетъ свою тему о превосходствѣ пораженія предъ побѣдою:

„Блаженное дѣло—быть хорошо побѣженными... Блаженъ и ты, всеславѣній отецъ, хорошо отъ насъ побѣженный и снисходящій къ нашему желанію, и не столько нашему, сколько естественному или даже скорѣе божественному. Ибо самое естество побуждаетъ врачей снисходить иногда къ желаніямъ болѣющихъ, и самъ Богъ Слово, ради меня сдѣлавшійся убогимъ человѣкомъ, на столько уступалъ желаніямъ просащихъ, что, даже не будучи просимъ, вошелъ въ домъ сотника...“

„Знай, что страннымъ образомъ я сплету тебѣ болѣе снѣтливъ вѣнецъ теперь, когда ты счастливо приобрѣлъ это пораженіе, чѣмъ когда ты неудачно одерживалъ ту твою Кадмейскую побѣду: такъ я хочу называть прежнюю твою равноть, неуступчивость и суроность... Теперь не будетъ Ефрема и Іуды, сей не будетъ пожирать онаго и онъ—того, но будетъ одинъ пародъ, народъ Іакова, вкупъ восхваляющіе и благославляющіе Бога единими устами, имѣи ипереди одного водителя хора (хореархъ), своего великаго патріарха, который сочталь снова обѣихъ сестеръ: я разумѣю востокъ и западъ...“

„Ты блаженъ, ибо на подобіе испытанийшихъ борцевъ ты боролся искусно: притворяясь поверженнымъ и лежащимъ, ты побѣдилъ

¹⁾ Cod. Porphyri. 33 fol. 42 v. „Καλῶς ὑπτάσθαι μακαριεστόν. Въ кодексѣ допущено неизвестно никакого заглавия.“

и оказался по верхъ поборовшаго, а тѣ, которые казались лежащими поверхъ, очутились внизу... Прославлю такое твое пораженіе, прославляю такую нашу побѣду; а лучше на оборотъ: поздравлю твою святость съ спѣтымъ торжествомъ, такъ какъ ты восторгѣствовалъ и надъ западомъ, котораго никто изъ занимавшихъ прежде тебя престолъ въ Никѣ еще не могъ побѣдить. Поздравлю и насть самахъ съ пораженіемъ, явно подчиняющимъ насть и тѣхъ, которые подъ нами, патріаршему превосходству. Теперь патріаршая слава уже не будетъ шенотомъ произноситься здѣсь и тамъ въ нашей державѣ, но будетъ вездѣ провозглашаться открытыми устами и радостнымъ языкомъ.

Чтѣ будеть отнынѣ впередъ? Чтѣ еще сотворю тебѣ, великий свѣтодавецъ вселенной? Открыты тебѣ пути твои, устраниши преграды каменные; на конѣ ли или на колесницѣ соверши свой путь и по западу—скорый, какъ исполинъ, радостно, какъ женихъ изъ чертога своего; все назирай, все озарай, да никто и ничто не укроется теплоты твоей. Впрочемъ, чтѣ касается до того, то пусть другой болѣе украшенный и гладкій языкъ скажетъ должное болѣе громъ съгласнымъ образомъ. А мы, простые воины, не привыкшіе обличивать свою рѣчь для преданія ей красоты, ограничиваемся сии безискусственными и неизящными словами.

Всесвятѣйшій митрополитъ Анкирскій, посланный твою святостью въ наши западные страны, чтобы занимать мѣсто твоей святости, прибылъ къ намъ здравъ и невредимъ, не подвергшись никакому огорченію, и принять нами єжотно со всемъ подобающею честію. Онъ передалъ намъ твое благословеніе и освященій хлѣбъ (ѧгїазра), который ты послалъ съ нимъ. Письмо самаго Анкирскаго митрополита можетъ подтвердить, что нами о немъ сказано⁴....

Въ концѣ Мануилъ Компинъ Дука опять обращается къ риторическому прославленію совершившагося объединенія востока и запада. Впрочемъ, грамота его имѣть теперь такой видъ, какъ будто она составлена въ два пріосма, и какъ будто извѣстіе о прибытии митрополита Анкирскаго представлять уже приписку. Что же касается до болѣе изощренного и гладкаго языка, который долженъ быть отвѣтъ патріарху отъ имени духовенства западной Греціи, то уже а priori можно было предполагать, что эта задача выпадетъ на долю знаменитаго тогда Керкирскаго епископа Георгія Вардана, уже разъ составившаго обширный, краснорѣчивый и громоносный отвѣтъ на патріаршую грамоту, полученную въ послѣдніе годы Фео-

дора и, правда, отличавшуюся совсѣмъ другимъ содержаніемъ и то-
вомъ. По всѣмъ признакамъ, этотъ Георгій Варданъ пользовался
особымъ расположениемъ и довѣріемъ Мануила; онъ получилъ отъ
него милостивую грамоту, подтверждающую всѣ привилегіи Керкир-
ской церкви, исполнить самыя деликатныя его дипломатическія поруче-
нія,ѣздилъ отъ него посломъ въ Италію. Цѣлый рядъ документовъ,
выпечатанныхъ въ знаменитыхъ Церковныхъ Альбахъ Баронія и
ошибочно отнесенныхъ къ другому времени, понятѣнъ и имѣть
смыслъ именно только тогда, когда мы будемъ относить ихъ къ
рассматриваемой нами эпохѣ и къ извѣстнымъ намъ лицамъ. Та-
ково и слѣдующее посланіе, въ латинскомъ переводѣ, но съ именемъ
Георгія митрополита Керкирскаго, сообщенное въ девятнадцатомъ
томѣ Церковныхъ Лѣтописей ¹⁾).

Прежде всего здѣсь говорится, что не задолго предъ тѣмъ епи-
скопы западныхъ странъ (греческихъ) собрались въ одно мѣсто по
приглашенію своего государя кирь Мануила; но не столь важнымъ
представляется нишущему это собраніе, сколько актъ, на немъ со-
вершившійся; именно: на этомъ собраніи прочтено было посланіе
патріарха къ деспоту Мануилу, въ которомъ шла рѣчь о всеобщемъ
соборѣ (греческихъ епископовъ) ²⁾.

„Сошлись мы вмѣстѣ съ разныхъ сторонъ для составленія свя-
щенного собранія, исключая одного, другаго и третьаго, задержаны-
хъ уважительными причинами. И кто теперь могъ бы высказать
нашу радость по поводу этого божественнаго и какъ бы съ неба
исходящаго гласа, соединяющаго вселенную со вселенною, то-есть,
восточный и высшій кругъ съ симъ западнымъ и низшимъ, иль
сколько понижющимся съ прежней своей высоты, ибо подобаетъ
болѣе древнему оставаться и болѣе почитаемыимъ.

„Когда мы принали сердцемъ патріаршее посланіе и все въ немъ
содержащееся отъ начала до конца, то какой языкъ остался нѣмт-
ствующимъ? Какія уста не отверзлись для гимновъ, полныхъ благо-
дарности?

„Возведи, сватѣйший господинъ, очи твои кругомъ, увиди всѣхъ
сыновъ твоихъ. Вотъ они поднялись и пришли къ тебѣ, то-есть,
къ твоему послушанію и повиновенію священному и законному. Ибо

¹⁾ Baronii Annales ecclesiastici, t. XIX ann. 1180 § 46.

²⁾ Nos, qui in hac occidentali regione pontificalem curam suscepimus.

если еще и не собрался (какъ выше сказано) въ какомъ-нибудь определенномъ мѣстѣ епископскій соборъ: и некоторые изъ, по правдѣ, не многихъ еще не достаетъ; однако мы всѣ согласны и единодушны, и представляемъ какъ бы цѣльное сочетаніе многихъ отдѣльныхъ членовъ и звѣнъ одной цѣпи. Насъ одушевляетъ одна забота объ общемъ благѣ, одно желаніе, чтобы ты могъ всѣхъ насъ соединить подъ однимъ покровомъ и прикрыть одною ризою.

„Вотъ начало панихѣя отпѣтій; вотъ наше первое постановленіе, основоположеніе лѣствицы, по которой наше собраніе надѣется подняться къ тебѣ къ небу твоей святости. И мы надѣемся, что между нами, пресмыкающимися внизу, и вершиною будуть восхожденія и нисхожденія ангеловъ; подъ ангелами нужно разумѣть посланія и вѣстниковъ, отправляемыхъ къ нашему государю и къ намъ твоему святостію. Итакъ, посылаемъ наше смиренное поклоненіе и, какъ твой непрестанные молитвенники, просимъ тебя и весь освященный соборъ, который при тебѣ находится, оказывать намъ братскую любовь, а также просимъ твоихъ молитвъ и благословенія“.

Слѣдующіе два документа, не имѣющіе никакого надписанія, относятся, очевидно, ко времени пребыванія Христофора Анкирскаго на Западѣ и даты отъ лица патріарха Германа.

„Не заградиши устенъ вола молотища, гласитъ древнее Писаніе¹⁾; но воламъ молотищимъ должно приравнять и тѣхъ, которые работаютъ на духовномъ гумнѣ, то-есть, въ церкви, труженикамъ нашего іерархического служенія.

„Заграждать уста тѣмъ, которые заботятся о духовномъ землемѣдѣїи и не допускать ихъ къ собиранию плодовъ—не хорошо и не благочестиво, ибо хотя Евангеліе не продажно, но однако и не безъ издержекъ; и кто, пасущій стадо, не питается отъ млека его? Итакъ, мѣрность наша, уважая труды святѣшаго митрополита Анкирского Гадатской епархіи, которые онъ подѣлъ на себя, именно исправление патріаршихъ правъ на западѣ вмѣстѣ съ экзархатомъ и нашимъ мѣстоблюстительствомъ, признала справедливымъ для его издержекъ назначить доходъ безупречный и притомъ признанный церковью и узаконенный каноническими правилами (разумѣется вносимая по древнему обычаю въ пользу епископовъ въ логія (λογεῖα ἡ εὐλογεῖα), дань отъ находящихся подъ ихъ властію монастырей, молитвенныхъ до-

¹⁾ Cod. Rorburgh. 33. Fol. 43 v. Οὐ φιμάσεις βοῦν ἀλογητα—Второзакон. 25.4. Въ русскомъ переводе: „не заграждай рта волу, когда онъ молотить“.

мовъ, а также отъ пресвитеровъ, которая обыкновенно называется каноническимъ, тѣ ханонічнѹ). Мы опредѣляемъ, что святѣйшій митрополитъ Антиохійский, нашъ мѣстоблюститель и экзархъ, будеть ее взимать для собственнаго домостроительства (экономіи) во все то время, пока онъ будетъ исполнять настоящее служеніе¹⁾.

Рядомъ стоящая другая патріаршная грамота имѣть въ виду возстановленіе патріаршихъ правъ по отношенію къ одному разряду монастырей, наиболѣе, конечно, богатыхъ¹⁾.

Какъ сдѣлалось известнымъ нашей мѣрности, въ державѣ благополучнѣйшаго господина и желаннаго дади (Δεῖον) державнѣйшаго моего самодержца, возлюбленнѣйшаго во Святомъ Духѣ сына нашей мѣрности, господина Мануила Дуки существуютъ различные монастыри, расположенные въ разныхъ мѣстахъ и называемыи царскими (βασιλічнѧ), и сообразно съ этимъ названіемъ свободные и неподдѣглые какой то бы ни было рукѣ епископской, направляемые которою они не могли бы уклоняться съ пути, ведущаго ко спасенію. Ибо казалось, что столь высокое наименованіе дѣлало невозможнымъ подчиненіе ихъ архіерейскому смиренію. Но до какой степени такое соображеніе не основательно, это сейчасъ будетъ видно. Каждому вѣдомо, что всякое строеніе, освященное Богу, должно получить первое свое основаніе отъ іерархического полномочія, при чёмъ водружаются на мѣстѣ строенія спасительный крестъ, остающійся затѣмъ въ рукахъ ктиторовъ. Безъ архіеря не возможно устроить храма, и всякому ясно, что тотъ же (архіерей) долженъ сохранить духовную власть надъ вновь основаными (церквами и монастырями), и что ктиторамъ можетъ быть предоставлено одно поминаніе въ освященныхъ ими (архіереями) храмахъ и (право) быть ублажаемыми за свои приношенія и новые жертвы. Отсюда очевидно, что не можетъ быть никакого монастыря, находящагося вѣтъ епископскаго наблюденія, и что, следовательно, и царскіе монастыри сначала были подчинены той власти архіерейской, которую былъ водруженъ крестъ на основаніи. Каждый изъ занимающихъ высшіе или же подчиненные престолы (епископскіе) имѣть право совершать, какъ прочія священподѣйствія, такъ и утвержденіе храмовъ при первомъ ихъ основаніи—только въ своей области, а вѣтъ ея никто не можетъ безопасно давать ставронигію, кромѣ иселенскаго на то время патріарха: вмѣсть съ иными ему принадле-

¹⁾ Οοδ. Рогргук. 33. Fol. 48 v. Εἰσὶ μὲν ὡς ἀνηγέθη τῷ ἡμῶν ματριόθυτο διάφορα μετατέρια.

житъ и это преимущество въ отношеніи ко всякому діоцезу. Итакъ, святѣшему митрополиту Анкирскому, экзарху на западѣ патріаршихъ правъ и мѣстоблюстителю нашей мѣрности, нужно будетъ озабочиться при имѣющемъ быть собраніи тамошняго священнааго братства о томъ, чтобы разслѣдовать обѣ этихъ такъ-называемыхъ царскихъ монастыряхъ при участіи и присутствіи мѣстныхъ архіереевъ". Тѣ монастыри, которые, на основаніи точныхъ данныхъ окажутся основанными посредствомъ ставропигії мѣстныхъ епископовъ, должны быть переданы имъ, а монастыри патріаршей ставропигії—патріарху; къ числу послѣднихъ должны быть причислены и тѣ, которые окажутся сомнительными, то-есть, относительно конкѣ не окажется положительныхъ указаний.

По счастію, этотъ послѣдній документъ имѣть довольно определенную дату, именно мѣсяцъ юнь шестаго индикта, а это въ подлежащемъ нашему разчету циклъ равняется юню 1238 года. Если соборъ, предполагаемый въ гранотѣ Германа II, дѣйствительно состоялся, то приблизительно онъ могъ собраться въ началѣ августа того же 1238 года, такъ какъ на получение отвѣта въ Солуни въ Никеи, то-есть, на путь дуда и обратно, полагалось въ то небезопасное время все-таки не болѣе трехъ мѣсяцевъ¹⁾). Что соборъ состоялся, обѣ этомъ мы опять узнаемъ изъ посланія митрополита Керкирскаго Георгія къ одному высокому духовному лицу, уполномоченному еще высшимъ, очевидно—къ тому же самому Христофору Анкирскому²⁾.

„Богоподобный господинъ и крѣпчайшая защита нашего праваго слова”,—такъ гласить обращеніе въ началѣ письма, и затѣмъ следуютъ обычныя преувеличенныя и напыщенныя уподобленія, въ которыхъ имѣющій получить посланіе сравнивается со столбомъ огненныхъ, должностнующимъ руководить сыновъ пылкіншаго дна, и въ то же самое время съ облакомъ, осѣщающимъ небо. Георгій предоставляетъ однако другимъ говорить подлежащимъ образомъ о высокомъ значеніи его посланничества: „Пусть говорить обѣ этомъ болѣе гром-

¹⁾ Это мы находимъ въ одномъ письмѣ Иоакима Невпактскаго къ патріарху въ Никѣї. Cod. Porphyr. 33 fol. 61 v.

²⁾ Codex Porphyr. 33 fol. 71 recto. Нельзя безъ заглавія, но изъ самого содержанія его видно, что оно принадлежитъ епископу Керкирскому и адресовано духовному лицу, которое, очевидно, имѣло ближайшее отношеніе къ собору, на коемъ пишущій не могъ присутствовать по болѣзни. Начало письма въ подлиннике: Θεοσੱਖੇ ਦੇਵਤਾ ਹਾਲ ਤੋਹ ਹਾਫ਼ ਜਮਾਸ ਬ੍ਰਥੋ ਲੋਗੁਸ ਸਟ੍ਰੇਚੀਓਤੇ ਪ੍ਰੋਬੋਲੇ.

кимъ голосомъ тѣ, коимъ ты даешь слово и коихъ удостаиваешь жизнедательного твоего лицезрѣнія; а я считаю себя блаженными уже и тѣмъ, что, не бывши очевиднымъ свидѣтелемъ слышанаго мною изданія, все-таки являюсь послушнымъ и не противореку проповѣданію. Одно причиняет глубокую скорбь душѣ моей, именно то, что я не могъ прибыть на съященный соборъ и еще лежу полумертвый; ибо болѣзни превысиша главу мою, и все тѣло мое обыто недугомъ. Вторая причина печали—та, что о насъ совсѣмъ нѣтъ рѣчи, и что мы сдѣлались предъ вами отверженіе кала. Но не должно презирать и малыхъ, ибо и Давидъ былъ малъ во братіи своей. Такъ и я получилъ въ Господнемъ домоправленіи, конечно, самый послѣдній удѣль и самый пизшій изъ епископскихъ престоловъ, какъ на это указываетъ и самое название онаго. Ибо откуда Керкира получила свое наименованіе?¹⁾ По филологическому tolko-ванію, которое ученый епископъ игриво развиваетъ на цѣлой страницѣ, слово Керкира образовалось изъ хérхос (хвостъ) и ѿрѣ (тоже хвостъ); то и другое означаетъ нѣчто заднее—либо хвостъ у животныхъ, либо appieardъ въ войскѣ. Въ заключеніе пишущій высказываетъ надежду, что, можетъ быть, его святость посытить эти отдаленные (катакора) области, и если еще застанетъ его въ живыхъ, то это будетъ для большаго величайшимъ счастіемъ: „Если же смерть моя послѣдуетъ ранѣе твоего желанаго посѣщенія, то для меня будутъ благимъ напутствиемъ твои отвѣтныя рѣчи на мое настоящее писаніе, каковыя и соблаговоли ми препроводить, удѣляя ми несчастному по силѣ дарованной тебѣ власти дѣйствительнейшее разрѣшеніе, подобно тому, какъ думаю (ты даровалъ таковое) и всей совокупности соборнаго во Христѣ братства. Отсутствиуя я вижу тебя какъ будто лицомъ къ лицу; припадаю къ главѣ, плечамъ, рукамъ твоимъ и колѣнамъ, хорошо зная, что почитать образъ значить переносить благодарность на самый первообразъ“.

Наконецъ, мы имѣемъ письмо Иоанна Навпактскаго къ митрополиту Янинскому, въ которомъ идетъ рѣчь объ экзархѣ; Иоаннъ, въ то время, какъ мы знаемъ по другимъ даннымъ, уже оставилшій управление епархіей и принявшій скіму, жалуется на экзарха и на оскорблениія, которые тотъ наносить ему письменно, а затѣмъ все-таки просить у своего корреспондента заступничества предъ экзархомъ, такъ какъ послѣдній оказываетъ къ Янинскому особенное расположение и любовь^{1).}

¹⁾ Codex Porphyr. 38 fol. 72 v.

Самый важный результат сдѣланнаго нами сопоставленія документовъ, относящихся къ отправленію на западъ Христофора Анкирскаго, заключается для настъ именно въ томъ, что мы теперь лучше знаемъ цѣль его посольства и время его первоначальнаго пребыванія въ европейской Греціи. Переходи затѣмъ къ тому документу, объясненіе котораго составляло главную нашу задачу, мы уже не можемъ питать никакого сомнѣнія на счетъ того, когда и кѣмъ онъ написанъ. Пишущій заявляетъ, что онъ посланъ отъ святѣшаго господина вселенского патріарха и отъ сиятаго и освященнаго собора, какъ намѣстникъ и экзархъ патріарха для всего запада, что онъ прибылъ въ страну такого господина и царя (= Господа и Цара?), который состоитъ въетъ государя Загорскаго, то-есть, Болгарскаго; а выше были указаны родственныя отношенія Мануила Солунскаго и Эпирскаго къ Асѣю Болгарскому. Относительно хронологіи—хотя и остается неизвѣстнымъ, какъ долго мѣстоблюститель патріарха Германа оставался во владѣніяхъ Мануила и вообще на западѣ, въ европейской Греціи, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что главнѣшій актъ его дѣятельности—предѣдательство па помѣстномъ соборѣ—относится къ 1233 году. Не позже этого года написанъ и нашъ документъ; по заявлению самого пишущаго, онъ считалъ свою обязанностію сейчасъ же извѣстить царя Болгарскаго о своемъ прибытіи и долженъ былъ сдѣлать это тѣмъ скорѣ, что имѣлъ также и къ нему порученіе отъ патріарха; пѣкоторая отсрочка, правда, произошла, вслѣдствіе не совсѣмъ ясныхъ для насъ мірскихъ смятеній, но она не могла быть слишкомъ продолжительна. Весь документъ въ греческомъ подлинникѣ и съ русскимъ переводомъ мы помѣщаемъ въ концѣ нашего изслѣдованія, а здѣсь намъ слѣдуетъ отмѣтить главнѣшія фактическія данныя, какія могутъ быть изъ него извлечены.

Во первыхъ, ясно, что ранѣе отправленія Христофора Анкирскаго на западъ въ Никѣй происходили переговоры между царемъ Болгарскимъ, съ одной стороны, и Константинопольскимъ патріархомъ Германомъ—съ другой, и что переговоры эти увѣличились успѣхомъ. Мѣстоблюститель и экзархъ уже привезъ съ собою благословеніе и благовolenіе царю Асѣю отъ имени патріарха и собора за то, что онъ явилъ себя подлиннымъ сыномъ вселенской православной церкви, и соборъ, конечно, разумѣется тотъ самый, который въ августѣ 1232 г. далъ нужныя полномочія Анкирскому митрополиту. Въ письмѣ экзарха говорится о наградѣ свыше, полученной царемъ Загорскимъ за свое благочестіе; она заключалась въ томъ, что Богъ возвысилъ, возвели-

чилъ и прославилъ его, однимъ словомъ—дѣлаются памѣки на какието особенные успѣхи цара Йоанна Асєнна, и для объясненія ихъ сама собою припоминается Клокотницкая битва, тѣмъ болѣе что благочестіемъ противопоставляется злонравіе и ложь, визровергающія престолы правителей, какъ это, мы знаемъ, было съ Феодоромъ Эпирскимъ. Однако, не все должно быть принимаемо буквально и слишкомъ точно; мы пошли бы слишкомъ далеко, если бы вывели отсюда такое заключеніе, что подвигъ и заслуга, то-есть, примиреніе Асєнна съ греческимъ патріархомъ, предшествовали наградѣ—именно Клокотницкой битвѣ 1230 года. Вѣроятно, экзархъ, писавшій документъ, имѣлъ въ виду только внутреннюю связь между благочестіемъ Асєнна и его успѣхами, а не вѣнчаную послѣдовательность; притомъ важна была не столько сама Клокотницкая битва, сколько ея послѣдствія, преддавшія въ руки Асєнна столько городовъ и земель и тѣмъ его воззвеличившія. Не вѣроятно, чтобы неглупенный своими проектами о мирномъ приобрѣтеніи господства надъ латинами посредствомъ брачной сдѣлки, Асєнъ могъ начать или вести переговоры съ патріархомъ въ 1230 и 1231 годахъ; да и раньше того не замѣтно было въ немъ никакой склонности къ разрыву съ латинскимъ западомъ, кроме моментального сближенія съ Феодоромъ Эпирскимъ; для него опять-таки не было нужды измѣнить своей старой политикѣ и сближаться съ греческимъ Никейскимъ императоромъ и его патріархомъ. Все, что мы могли бы представить въ пользу предположенной нами догадки, заключается въ слѣдующемъ единственномъ указаніи на сношенія патріарха Германа съ царемъ Болгарскимъ въ періодъ нѣсколько болѣе ранній, чѣмъ Клокотницкая битва. Въ послѣдніе годы правленія Феодора митрополитъ Навпактскій Йоанъ, защищавшій его имперскія притязанія, упрекалъ патріарха Германа въ томъ, что, отказывая въ титулѣ царя владѣтелю Солуни, онъ въ своихъ грамотахъ такъ величаетъ скиеа Асана, властившаго въ горахъ Гема¹⁾. Однако, мы ничего не знаемъ ни о содержаніи этихъ грамотъ, ни о томъ, отвѣчалъ ли на нихъ царь Болгарский. Кажется, слѣдуетъ остановиться на 1232 годѣ, какъ наиболѣе подходящемъ моментѣ для примирительныхъ сношеній Асєнна съ Никейскимъ царемъ и патріархомъ.

Послѣдствіемъ переговоровъ было уничтоженіе раздѣленія и возстановленіе единства. Раздѣленіе, которое счастливымъ образомъ было

¹⁾) *Codex Porphyri. 33 fol. 61 v.*

устраниено, началось уже давно—при предшественникахъ Асѣя, и держалось до его времени, не смотря на иѣкоторыя попытки, ко-торыя прежде дѣлались въ смыслѣ возсоединенія. Изъ этого, къ со-жалѣнію, все-таки нельзя вывести никакого опредѣленного заключенія о характерѣ существовавшаго раздѣленія: касаюсь ли оно только іерархическихъ отношеній, подобно раздѣленію только что устрани-ному между собственно греческимъ востокомъ и западомъ, или же оношло глубже—до самой измѣны православію. Не ясно, откуда авторъ документа считаетъ начало раздѣленія—со временемъ основанія самостоятельнаго Терновскаго архіепископства бѣзъ предварительнаго на то согласія со стороны Константинопольскаго патріаршаго престола, или же со времени вступленія Болгарской церкви въ союзъ подчи-ненія съ Римскою; съ точки зреіїя писавшаго не было нужды разгра-чать такие два момента, и нашъ вопросъ въ его глазахъ не имѣлъ бы никакого практичес资料ного значенія. Изъ документа слѣдуетъ толькъ одно, что отъ начала разрыва до 1232 года ни разу не были вос-становлены каноническія связи Болгарской церкви съ Константино-польскимъ патріархомъ; но изъ него нельзя подчерпнуть новыхъ дока-зательствъ въ пользу того мнѣнія, которое мы, однако, поддер-жаемъ на другихъ основаніяхъ, именно—что Болгарская церковь постоянно хранила въ полной неприосновенности свою унию съ папскимъ престоломъ, основанную при царѣ Калоянѣ. Выраженія, которыхъ патріаршій экзархъ употребляетъ для обозначенія существо-вавшаго разрыва между Болгарской церквию и патріархомъ, не пред-ставляютъ большаго различія отъ тѣхъ, какими онъ описываетъ раздоръ востока и запада греческихъ.

Во всякомъ случаѣ, въ 1232 году заключенъ былъ формальныи договоръ, точно опредѣлившій отношенія Болгарской церкви въ лицѣ ея представителя архіепископа Терновскаго къ Константинопольскому патріарху въ Никѣ, и этотъ договоръ долженъ былъ имѣть для царѣ Болгарского тѣмъ большую обязательность, что это былъ договоръ съ церковью. Если Богъ, привыкаемый въ посреднике, какъ бы скрѣпляетъ договоры людскіе и наказываетъ за ихъ нарушеніе, то тѣмъ болѣе онъ поддержитъ крѣпость и силу договора, заключенного въ отношеніи къ нему самому и къ церкви: такъ разсуждаетъ авторъ посланія къ царю Болгарскому. На основаніи этого договора можно было требовать, чтобы архіепископъ Терновскій, какъ и всякой другой митрополитъ, подвластный патріарху, послѣ избрания обычнымъ путемъ, то-есть, епископами своего діоцеза, получалъ свое рукоположеніе отъ

патриарха; следовательно, за Терновскимъ епископомъ не было признано автономіи и автокефальности, подобной той, какою пользовался другой архієпіскоپъ Болгарскій, то-есть, Охридскій, каѳедра которого, обыкновенно замѣщаемая Греками, находилась теперь даже во владѣніяхъ Асѣни; Охридскій архієпископъ не только былъ избираемъ безъ содѣйствія патриарха епископами своей области при участіи императора, но тѣми же епископами былъ и посвящаемъ. Въ своемъ письмѣ 1233 года патриаршій уполномоченный рѣшительно и прямо протестуетъ противъ идеи, могущей представиться уму царя Болгарскаго, примѣнить тотъ же самый способъ и къ Терновскому іерарху. Ничего подобного не было предусмотрѣно, и такъ какъ въ данный моментъ времени Терновскій архієпіскоپъ престолъ случайно сдѣлался вакантнымъ, то митрополитъ Анкирскій требуетъ обращенія къ патриарху. Впрочемъ, ради затрудненій, которыхъ могутъ заключаться въ политическихъ отношеніяхъ государей, а также въ виду благопріятнаго совпаденія одного обстоятельства съ другимъ — появлениія на западѣ патриаршаго мѣстоблюстителя съ вакантностью Терновской каѳедры, предлагается въ данномъ частномъ случаѣ и другой способъ исполнить принатое обязательство, именно—назначать избраннаго къ патриаршему экзарху для рукоположенія и поставленія.

Этотъ частный случай былъ вызванъ отречениемъ отъ своего престола прежде бывшаго Терновскаго архієпіскоپа. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни имени его, ни поводовъ къ отреченію. Можно предполагать, что прежде бывшій предстоитель национальной Болгарской церкви не одобрялъ новой церковной политики своего государя, не сочувствовалъ отмѣнѣ уніи, не хотѣлъ подвергнуться нѣкоторому пониженію своего іерархического значенія, что по этому самому онъ и удалился на Аеонъ, где обыкновенно находили себѣ пріютъ лица въ его положеніи, даже имѣючи отличавшійся своимъ расположениемъ къ Риму и латинской церкви: мы имѣемъ въ виду Охридскаго архієпіскоپа Іакова, къ которому, нѣсколько позднѣе, учитель Акрополиты Влеммидъ писалъ свои посланія объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца чрезъ Сына¹⁾). Если предположить, что Терновскій архієпископъ, удалившійся на Аеонъ въ 1233 году, былъ тотъ самый, который не за долго предъ тѣмъ участвовалъ въ перенесеніи мощей св. Петки (Параскевіи), то мы знаемъ

¹⁾ Голубинскій, Очеркъ православныхъ церквей, стр. 125.

его имя: въ сказаніи патріарха Евсентія онъ названъ Василіемъ¹⁾; но не слѣдуетъ идти далѣе назадъ и думать, что это лице сверхъ того тожественно съ первымъ римскимъ ставленникомъ, хотя въ такомъ случаѣ поступокъ его былъ бы еще понятнѣе. Василій, возведенный папою Іннокентіемъ въ примасы, уже въ 1203 году считалъ за собою 18 лѣтъ пребыванія на епископской кафедрѣ²⁾; а пятидесятилѣтнее архіерейство предполагаетъ уже слишкомъ пре-клонную старость. Припомнить, что сказаніе о Терновскомъ соборѣ 1211 года не упоминаетъ обѣ архіепископіи или примасъ и тѣмъ какъ будто намекаетъ на вакантность первенствующей болгарской кафедры въ томъ году. Однимъ словомъ, мы полагаемъ, что отрек-шійся въ 1233 году Терновскій архіепископъ могъ называться Василіемъ, но все-таки не былъ тожественъ съ первымъ примасомъ этого имени, современникомъ Калояна. Источникъ, на которой до сихъ поръ не обращено было никакого вниманія, дасть намъ еще одно лишнее имя для списка Терновскихъ іерарховъ; но къ сожа-лѣнію, источникъ этотъ столь мутный, что трудно имъ здѣсь вос-пользоваться. Мы разумѣемъ аеоново-ватопедское сказаніе, сообщен-ное преосвященнымъ Порфиремъ³⁾.

По всѣмъ признакамъ, желаніе или же требованіе патріаршаго экзарха обѣ отправленіи имѣвшаго быть избраннымъ Терновскаго архіепископа для посвященія либо къ патріарху, либо къ нему самому — не было уважено царемъ Болгарскимъ. Когда въ 1235 году дѣло шло о возведеніи архіепископа Іоакима въ сань патріарха, то Іоакимъ уже является „прежде освященнымъ архіепископомъ“, (по выражению Свѣподика), и нѣтъ никакого сомнѣнія на то, что осва-щеніе совершилось при помощи патріарха Константинопольскаго. Наконецъ, мы полагаемъ, что возстановленіе согласія съ Греческимъ православнымъ патріархомъ имѣло для Болгарского цара, кроме цер-

¹⁾ Житіе преподобнаго Параскевіи... Октябрская имена 14-го дня, стр. 1034: „Царь Іоаннъ Асенъ изъ града съ матерью царевою Еленою и съ своюю царицею Анною и съ всѣми вельможами своими, съими же всечестными пат-ріархъ Василіе со всѣми прѣтчами церковными“. Выраженіе „патріархъ“ не должно настъ при этомъ смущать; мы уже замѣтили, что таїи имена Болгары могли переводить латинскій титулъ примаса.

²⁾ Theiner, Vetera topum Hungar. I, 20; Иречекъ, Исторія Волгаръ, стр. 301.

³⁾ Востокъ христіанскій. Аeonъ, I, 46.

ковшаго, и непосредственное политическое значение. Соглашение съ патриархомъ было вмѣстѣ съ тѣмъ соглашеніемъ съ императоромъ, союзъ церковный пролагалъ путь къ союзу политическому. Изды переговоровъ, веденныхыхъ въ Никѣ очень скоро обнаружились — въ дѣйствіяхъ коалиціи, направленной противъ латинскаго господства въ Цареградѣ. О томъ, кто былъ душою этой коалиціи, мы уже говорили ранѣе.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Письмо Антиохийского митрополита къ Иоанну Ассиию.

КЪ ЦАРЮ.

Всеблагороднѣйший царь и духовный сынъ святѣйшаго господина моего и вселенскаго патріарха! Желаю твоей царственности здравия, веселія, спасенія отъ Бога и благопостѣшевши. Желаешь тебѣ того и святѣйшій господинъ мой вселенскій патріархъ, а также и весь святой и священный соборъ; такъ какъ ты явился подлиннѣйшимъ сыномъ святой вселенской и апостольской церкви, добрымъ образомъ соединилъ въ тебѣ то, что прежде здѣсь образомъ было разъединено, и благоустроилъ въ Загорѣ православнѣйшее дѣло, котораго не могъ (устранить) никто изъ твоихъ предшественниковъ. Ради того и Богъ возвысилъ тебя и прославилъ тебя, и далъ тебѣ воздающее достойное твоей вѣры. Видишь, какіе изды приносятъ корень благочестія. Видишь, какія зданія знаютъ (дастъ воздвигать) основаніе и правду! Видишь, къ какому величию приводить вуть благочестія того, кто имъ шествуетъ! Итакъ, держись его и впередъ неизмѣнно, иди по оному, укрѣпись на немъ и шествуй неуклонно! Такимъ образомъ ты проживешь долгое время, и приложатся тебѣ лѣта жизни; и разнѣратся дворы твои, и предѣлы на-

Прὸς τὸν βασιλέα.

Πανευσεβέστατε βασιλεῦ καὶ πνευμα-
τικὲ οὐτὸν ἀγιωτάτου μου δεσπότου καὶ
οἰκουμενικοῦ πατριάρχου· εὑχοραιί σου τῷ
βασιλεῖσθ ὑγείαν καὶ εὐθυμίαν καὶ σωτη-
ρίαν ἀπὸ Θεοῦ καὶ εὐδόκιαν. τεῦτα δέ
σοι ἐπεύχεται καὶ ὁ ἀγιωτάτος μου δεσ-
πότης ὁ οἰκουμενικός πατριάρχης καὶ
ἀπασ ἡ ἀγία καὶ ἵερὰ αὐνόδος· διτὶ τῆς
ἀγίας καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἀκκλη-
σίας τάκνον ἔγένου γῆγειον, καὶ ἥγνωτας
καλῶς τὰ πρώην διεστῶτα κακῶς καὶ
εὐόδωσας πρᾶγμα ὄρθοδοξίατον εἰς τὴν
Ζαγοράν, ὅπερ οὐδεὶς τῶν πρὸ σοῦ ἰσχυε-
διὰ τοῦτο καὶ ὁ Θεὸς ἀνύψωσε καὶ ἐδόξασ-
ε, καὶ ἀξίαν τῆς πίστεώς σου δέδωκε
σοι ἀνταμοιβήν. ὄρῆς τὴν τῆς εὐσεβείας
μίαν, ὑποιούς ἐπινίδωι τοὺς καρπούς·
ὅρῆς τὸν τῆς δικαιοσύνης θερέλιον, ὅποια
δέκινοι τὰ οἰκοδομήματα· βλέπεις τὴν τῆς
ἀληθείας ὁδὸν, εἰς οἰον φέρει τὸ μεγαλεῖον
τὸν ταύτην ὀδεύοντα· ταύτης οὖν ἔχου καὶ
ἔτι ἀμεταθέτως, ταύτην ὅδεις, ταύτην
χράτει, ταύτην ἀπαρέκλιτα βαῖνε· καὶ τῷ
τρόπῳ τούτῳ καὶ πολὺν ζῆσεις χρόνον,
καὶ προστεθήσεται σοι ἐτη ζωῆς, καὶ τλα-
τονθήσουσαι αἱ ἐπιζύλεις σου, καὶ τὰ συοι-
νισματα τῆς κληρονομίας σου αὐξηθήσεται·
ὅσῳ γάρ τὸ φεῦδος καὶ ἡ κακοπραγία
θρόνους δυναεῖται περιστρέψει, τοσοῦτον
ἡ δικαιοσύνη καὶ ἡ εὐσέβεια ἔθνος· ὑψοῖ

слайдів твоего уможатся. На сколько
може и зодійніє визровергнути пре-
столи настільки, настолько правда
и благочестіє содійствують низьше-
ніші парода, его прославленію и по-
веліченію. Итакъ смотри, чтобы тебѣ
не уклоняться ни на право, ни на лево;
но шествій царственійшиимъ путемъ,
который тебї прославить и еще болѣе
прославить. Когда я прибылъ въ стра-
ну всесвоячайшаго господина, царя и
желаннаго зятя твоей царственности,
я уже и самъ хотѣлъ писать и объ-
явить твоей царственности о моемъ
прибытіи въ западную страну. Ибо
не просто и не какъ случилось, про-
изошло мое сюда прибыtie; въ свя-
щенодѣйствіяхъ и во всякомъ цер-
ковномъ дѣлѣ властъ моя не ограни-
чивается какимъ-нибудь однімъ мѣ-
стомъ или строемъ; напротивъ, я по-
спѣшъ отъ сиянійшаго господина все-
ленскаго патріарха и отъ святаго и
освященнаго собора для всего запада
какъ пам'ятникъ и экзархъ—произ-
водить и совершаю все то, чтò при-
личествуетъ патріаршему престолу.
Когда я встрѣтился съ блаженнѣйшимъ
архіепископомъ Терновскимъ на
Святой горѣ, я снова жадъ пы-
сать твоей царственности, но мір-
скіе смиренія послужили миѣ пре-
пятствіемъ. Ради того я не получилъ
возможности объяснить твоей цар-
ственности все, что случилось съ
тѣмъ архіепископомъ. Я заставлялъ
его воротиться къ церкви своей; онъ
же, совершивши поклонъ (метапію)
и попросивъ о процесіи, отвѣчалъ
мнѣ, чтò (сму) казалось благословнымъ
(извиненiemъ). И, однако, не хотѣлъ
новѣрить ему, пока не напишу какъ-
нибудь твоей царственности; но воль-
но достигаетъ до нашей мѣрности и съ
другой стороны слыхъ, что сей архі-
епископъ отказался отъ архіерейства,
и что Терновская церковь оказа-

καὶ δοξάζει καὶ μεγαλούνει. ὅρα γοῦν μὴ ἐκκληνῆς μήτε εἰς τὰ δεκιά, μήτε εἰς τὰ ἀριστερά· ἀλλὰ τὴν μέσην ταῦτην βαῖ[ι]νει καὶ βασιλικωτάτην ὄδον, ητις ἔδοξασε σε κτί τὸν πλέον ὑδάξαι σε. "Ιθελον δὲ καὶ αὐτός, ἐξ ὕπου τῆς τοῦ πανυψηλετάτου δεσπότου καὶ βασιλέως καὶ περιποθῆτος γαμβροῦ τῆς βασιλείας σου χώρας ἐπεκλημένα, γράψαι καὶ παραδηλώσαι τὴν βασιλείαν σου τὴν ἐπὶ τοῖς δυτικοῖς μέρεσιν ἀφίξειν οὐ γάρ ἀπλῶς οὐδὲ ὡς ἔτιχον ἡ μητέρα ἁγένειος κατέληψε, ἀλλα τὰς τοιαὶς ιεροπρεβείας καὶ ἀλλῃ πάσῃ ἐκκλησιαστικῇ αὐθεντίᾳ τόπῳ ἐν τῇ χώρᾳ μᾶς περιγράψεισθαι· ἀλλ' ἐν ἀπάσῃ τῇ δύσει τοποτηρητῆς καὶ ἔχαρχος ἀπετοτάλην παρά τε τοῦ ἀγιωτάτου δεσπότου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου καὶ τῆς ιερᾶς καὶ ἁγίας συνόδου, ἀπαντα πατέρα δύσιν διεξάγειν καὶ ἐνεργεῖν, ὅπος προσαρμόσει τῷ θρόνῳ τῷ πατριαρχικῷ. Ἐπεκόπουν οὖν, ἀφ' οὗ καὶ τῷ μακαριωτάτῳ ἀρχιεπισκόπῳ Τρινόδο-
θῳ ἐν τῷ Ἀγίῳ ὅρει ἐνέτυχον, γράψαι τὴν βασιλείαν σου· αἱ δὲ κομικαὶ συγχέσεις ἐμποδὼν οὐκαὶ τεγόνεισι· καὶ διὰ τοῦτο οὐκ ἰσχυσα παραδηλώσαις τὴν βασιλείαν σου ὑπόστη τοιούτῳ ἀρχιεπισκόπῳ συνέτυχον· καὶ ἡγάκασσα αὐτὸν ἀπειλεῖν εἰς τὴν ἐκκλησίαν αὐτοῦ. Οἱ δὲ μετάνοιαν θεῖς καὶ συγγνώμην αἰτήσει, ἀπεκρίνασθαι μοι τινὰ δοκοῦντα εὐδογα· ἐγὼ δὲ οὐκ ἐπιτευσα ταῦτα εἰ μὴ πως γράψω τὴν βασιλείαν σου· φύλανει δὲ ἐτέρωθεν ἀνενεγμῆναι τὴν ἡμῶν μετριότητι, διτι τὴν ἀρχιεπισκόπην ὁ τοιούτος ἀρχιεπισκόπος παρηγένετο· καὶ λοικὸν ἐν γηρείᾳ ποιμένος ἡ τοῦ Τρινόδου ἐκκλησία καθέστηκε, μελῆσαι δὲ πάντως ἐπερον προβληθῆναι ἀρχιερέα· εἰ οὖν ἔσοιμας (ἔτοιμος εἰ?) ἐν τῷ ἀνατολῇ στεῖλαι τὸν γειροτηνθησόμενον κάκειθεν δέξασθαι τὴν χειροτονίαν, χάρις θεῷ καὶ τῇ εὐεξεῖ προσιέρεσσι τῆς βασιλείας σου· εἰ δὲ ίσως ἐμποδοτατήματι τινὰ κομικὰ ἐν μέσῳ παραφύσμενα τὸ τοιοῦτον ἀπειργούσιν ἐπιχειρήμα, ἐκλεκτάσθω ἡ βασιλεία σου ὃν θέλει, καὶ ψηφιστάσθων αὐτὸν οἱ ὑποτεταγμένοι ἀρχιερεῖς τῷ θρόνῳ τῆς ἀρχιεπισκόπης

засыпротствующею безъ пастыра... Во всакомъ случаѣ нужно будетъ позабытиться о назначеніи другаго архіерея. Итакъ если ты готовъ послать на востокъ имѣющаго быть рукоположеніемъ и оттуда принять хиротонію, то благодареніе Богу и благочестивому настроенію твоей царственности. Если же какій-либо мірскія пренятствія выростаютъ по срединѣ и мѣшаютъ та-ковому предпріятію, то пусть царственность твоя избереть кого хотеть и пусть подадутъ за него голоса архіерея, подчиненные престолу Терновской архіепископіи, и пусть избранный будетъ такимъ образомъ посланъ ко міжъ и премѣть отъ насъ хиротонію пристойно и канонически, какъ бы отъ патріаршой и божественной руки, и будетъ онъ рукоположенъ правильно и непродосужденно... Итакъ пусть царственность твоя изберетъ одно изъ двухъ, а какой-либо другой планъ пусть не приходитъ ей на мысль, какъ напримѣръ—тотъ, что кѣмъ онъ избранъ, тѣмъ пусть и рукоположенъ будетъ; ни какое другое неблагоприятное разсужденіе пусть не пытается ослабить силу твоей вѣры и повести къ нарушенію договора съ церковью, ибо первовная правда воздаетъ каждому воздаяніе, достойное дѣла содѣваемыхъ имъ. Если Богъ, принятый въ средину, скрѣпляетъ договоры людскіе, такъ что уже становится непознательнымъ измѣнять ихъ, дабы не разграбивалось Божество, то какъ онъ не поддержать, какъ не укрѣпить договора, заключенного въ отношеніи къ нему самому и къ церкви, какъ не даруетъ оному прочности? Такъ что если кто дерзнетъ на нарушение, то известно, что тотчасъ послѣдуетъ суровое наказаніе, ибо страшно есть власть въ руки Бога живаго. Ради того узышаю царственность твою и сочтитъ никакимъ образомъ не огор-

Триніфію, кай обтѡ стакіжъ прѣс мѣ ѿ фїсѳтіє, кай дѣсетаі єкѣ нѣмѡн тѣн چиро-
тулаі вехтѡс кай چаноніхѣс, ѿс єкѣ тѣс
патріархічѣс кай چیلیс چیرѣс, кай էссе-
таі ѿ چиротонїщѣдременос چаноніхѣс, кай
ժքրօքրիմատիտաս՝ ՞ն լօն տѡн ծօն տօ-
տան էվեհսնա ՞ թաւլեւս սօս, ձևոս ծե-
տիս բյ նըլեւ տաւդ շօկոս, ѿс է յե-
կար' ան փփր: վիշտէտա, кай կար' էկենան
չիրոտոնїշտէտա: բյ էտերս տիս լոյ-
օմէ պրեքիս տօն տօն տիս պւտեաս սօս
կարգեն չաւալասա, кай տաւ քրէս տիս
էվլիշան մնետիս սունիշա: էպէ կай ՞
ճնաւեն նිշ ՞ն էկաստ ձիւն տօն պր-
տումենա տիս մնետօսին ձկոնւմէ: кай է ի
տաւ քրէս անթրապոս սունիշա: էպէսքրայիւս
Թօն ՞ն մասք կարալղփւէս, ѿս օսք մէն
տաւտա: մալօւաթինա, նո բյ ո նէն էնօր-
դիմնի, ձրա տաւ քրէս աստօն և տիս էվլիշ-
ան շշանդինա, պաւ սն քրտիս; պաւ
օս ստրիչէ; պաւ օս ո էնթրան տաւտա:
ձկուցարիտիտէտա: աշտէ մարաֆսէ: տօ-
լումինէ, լունիրսօն ան և տիս ճիկն ձկո-
տորս միւստէ: փօթերն զար ո էմկէսէն
էիս չէրէս Թօն Հանտօս. նո ունտո կար-
ակալ և կարալունէսուրտ տիս թաւլեւս
սօս, միջնօւս կարալունէս Թօն ան ևն
օւս օսք էնքս քէրծօս, միջն չիմլան փփ-
րիչն նըօտան: նո օս միքրօս էն կար-
աբսիս տօւ անթրապոս ձկուրտէտա: խննսօնս.
տաւտա նարքն էնդրափա քրէս տիս ընօբք
թաւլեւս սօս, ո մէն կարակալն, ո ծե-
խաւ պատրիքս նութետօն: կաւ օւծա ան
իմէտերա ալնասէս ձեշիտօստա: պար տիս
թաւլեւս սօս. ծ Թօն: ճնաւեն մնււմ-
տրիս տաւդ բարձրիւն Հայն և տօն
աւդրմատան անտիս ձկուլիքասաւ.

чать Бога. Изъ-за того, въ чёмъ тебѣ
нѣтъ прибылка, не подвергай себя ду-
шевному вреду, ибо не малая опас-
ность пропадаетъ для людей отъ на-
рушения (обязательствъ). Все это я
осмѣялся написать твоей благочести-
вой царственности, отчасти увѣще-
вая, отчасти отечески вразумляя; и я
знаю, что наши увѣщанія будутъ при-
няты твою царственностью. Богъ свы-
ше пусть даруетъ ей долголѣтнюю
жизнь и исполненіе ея желаній.

В. Васильевскій..

(Окончаніе следуетъ).

КРИТИКА И БИБЛIOГРАФИЯ.

О направленияхъ въ психологіи.

Къ вопросу о реформѣ логики. Соч. Н. Грома. Одесса. 1883.

Понятие известной науки опредѣляется тремя моментами: содержаниемъ, формой и отношениемъ къ другимъ наукамъ. Содержание психологіи опредѣлялось различно. Аристотель, ея родоначальникъ, далъ наиболѣе обширное опредѣленіе, отнеси къ ней всѣ явленія растительной, чувствующей и разумной души. Болѣе узкія границы ставить психологіи тѣ, которые относятъ къ ней лишь явленія сознательной и безсознательной душевной жизни; наконецъ, самое узкое опредѣленіе, принадлежащее Декарту, отожествляетъ психологію съ изученіемъ сознанія. Каждому изъ этихъ опредѣленій можно усвоить болѣе метафизической характеръ (психологія — учение о душѣ), или болѣе феноменальный (психологія — учение о душевныхъ явленіяхъ).

Второй пунктъ, методы психологіи,—спорный; одни совѣтуютъ исключительное примѣненіе индуктивного метода, считая психологію эмпирическою наукой, другие желаютъ метода дедуктивнаго, полагая, что психологія есть наука рациональная, наконецъ, трети видѣть спасеніе въ соединеніи обоихъ методовъ.

Что касается третьего пункта, отношенія психологіи къ другимъ наукамъ, то памъ кажется, что его разсмотрѣніе можетъ дать якъ-которые полезные результаты; этотъ пунктъ въ известной степени содержитъ въ себѣ рѣшеніе первыхъ двухъ, то-есть, вопроса о содержаніи и формѣ. Но, говоря объ отношеніи психологіи къ другимъ

наукамъ, мы разумѣемъ систему наукъ, считая науку цѣлымъ. Въ цѣломъ каждая часть, ея положеніе, опредѣлены. Такое цѣлое стремится быть вѣрнымъ отраженіемъ бытія; такое цѣлое есть идеалъ знанія. Дѣлается здѣсь, однако, одно предположеніе, а именно, что самое бытіе, познаваемое, есть система и что наука, познающая отдельныя разрозненные части, въ результатѣ, по окончаніи своей работы, найдетъ исковую систему. Задача науки (и сама она) можетъ быть завершена, такъ какъ ея предметъ конеченъ и ограниченъ.

Очевидно, что по цѣли философія и наука тождественны, но пути ихъ противоположны. Наука и позитивная философія (которая и естьничто иное, какъ попытка организовать научное знаніе на собственной почвѣ, не выходя за предѣлы частнаго знанія) полагаютъ, что система будетъ найдена сама собою, когда части будутъ построены. Философія, напротивъ, исходить изъ самого понятія систематичности, дѣлаетъ его принципомъ, полагая, что нужно имѣть его въ какой-либо формѣ, чтобы наука, какъ цѣлое, стала возможной. Цѣлое должно предшествовать частямъ. Дѣйствительно, систематичность и универсальность — характерныя черты, всегда признаваемыя за философіей. Систематичность же въ этомъ смыслѣ возможна только при предположеніиaprіорныхъ истинъ; поэтому-то эти послѣдователіи и составляютъ основное убѣжденіе философії¹⁾. Это убѣжденіе можетъ пониматься двоякимъ образомъ: априорологическимъ (Канта), при чмъ априорныя истини понимаются какъ условія человѣческаго знанія, коренящіяся исключительно въ субъектѣ, —или метафизическимъ (Платона и Гегеля), при чмъ априорныя истини рассматриваются, какъ условія бытія, а выѣтъ съ тѣмъ и условія человѣческаго духа и его познанія. Здѣсь не мѣсто говорить о преимуществѣ втораго возврѣнія передъ первымъ.

Наука и позитивная философія, довѣряясь опыту, отрицаютъ априорныя истини. Они сближаютъ науки на основаніи подобія содержанія и методовъ или на основаніи ихъ сложности. Такія сближенія

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что априорныя, прерожденныя идеи, если они существуютъ, не могутъ быть исключительно формального свойства, а должны имѣть съ тѣмъ иное извѣстное содержаніе. Форма, конечно, абстракція, которая въ отдельности существуетъ лишь въ мысленіи, а не въ дѣйствительности. Такъ, априорно можетъ быть идея истины, въ не формальные логическіе законы; идея блага, въ не формальный категорический императивъ.

полезны: они разъясняют границы, взаимные отношения и задачи отдельных наукъ. Но вопросъ объ организациі зпанія этимъ путемъ и на этой почвѣ рѣшить быть не можетъ. Физіология можетъ, конечно, дать много цѣлыхъ свѣдѣній психологіи и указать многія темы отношенія психическихъ и физіологическихъ явлений, но вопросъ о природѣ души не выиграетъ отъ этихъ физіологическихъ указаній. Для всякой частной науки ея предметъ есть первоначально нечто случайное, въ чёмъ она старается найти всеобщіе и необходимые законы. Существуетъ ли, напримѣръ, китайскій языкъ, или какая-либо разновидность въ царствѣ животномъ,—это указываетъ опытъ, случай, а размыщеніе найти въ случайному фактѣ необходимые законы. Изъ случайныхъ элементовъ случай развѣ только и можетъ создать систему. Для философіи самыи фактъ существованія науки, ея возможность, является задачей, при этомъ, какъ думаютъ пѣкоторые, единственную задачей. Эта задача рѣшается различеніемъ случайного знанія отъ необходимаго. Наука возможна потому, что въ человѣкѣ есть необходимое знаніе. Задача философіи опредѣлить сго, то-есть, пайдти категоріи. Когда эта работа совершена, то расположение случайного, опытнаго знанія не представляетъ трудностей, такъ какъ оно естественно опредѣляется категоріями.

Именно въ такомъ смыслѣ мы спрашиваемъ о положеніи психологии въ системѣ знанія, и очевидно, что это положеніе можетъ быть различное, то-есть, можетъ оказаться, что понятіе души есть необходимый элементъ цѣльнаго знанія, или напротивъ, можетъ оказаться, что всѣ свѣдѣнія о душѣ мы получаемъ изъ опыта, и необходимаго они въ себѣ ничего не заключаютъ, или же что въ психологии, какъ и въ другихъ наукахъ, необходимые и опытные элементы тѣсно связаны между собою.

Такимъ образомъ мы имѣемъ три возможныхъ типа психологіи; первый рассматриваетъ психологію, какъ часть философской системы, второй — какъ опытное знаніе, считая психологію чисто эмпірическою наукой; наконецъ, третій примиряетъ крайности обоихъ типовъ и одноть цѣломъ.

Однако эти три типа представляютъ собою еще не всѣ возможныя направления въ психологіи. Слѣдуетъ упомянуть о томъ, что пѣкоторые не считаютъ психологію вовсе наукой, полагая, что философскіе ея вопросы не могутъ быть рѣшены, что они трансцендентны, а эмпірические, въ силу особыхъ свойствъ душевныхъ явлений, не подлежатъ научному анализу.

Наконецъ, можетъ существовать и существуетъ еще пятое воззрѣніе на психологію, опредѣляемое, какъ и предшествующія, отношеніемъ ея къ философіи. Психологія разсматривается не какъ часть философіи, а какъ эмпирическая наука; она имѣть однако одну привилегію передъ остальной эмпиріей; она служитъ основой философіи, которая вслѣдствіе того получаетъ случайный, чисто антропологической характеръ. Это направление интересно; оно имѣть и у насъ большое распространеніе. На исторіи его распространенія мы остановимся впослѣдствіи, а теперь вкратцѣ разсмотримъ указанныхъ возможныхъ направленій.

Въ человѣческомъ знаніи мы встрѣчаемся съ тремя высшими понятіями: душевнаго міра (а), материальнаго міра (не-а) и бытія, объединяющаго тотъ и другой. Мысль стремится установить гармонію между этими понятіями, и такимъ образомъ рождается система. Съ каждымъ изъ понятій и съ попыткой связать ихъ въ одно цѣлое связано множество вопросовъ. Вопросы, касающіеся человѣческой души, неоднократно оказывались истинными двигателями философской мысли; напримѣръ, бессмертіе человѣческой души есть центральный вопросъ философіи Платона; конечно, вопросы эти не находить себѣ удовлетворительного рѣшенія въ одной психической эмпиріи, которая служить имъ необходимую исходную точкой; они лежать глубже; точно также и рѣшеніе ихъ не касается одной лишь психіи, а отражается на цѣльномъ представлениі о бытіи. Эти вопросы наиболѣе интересные для человѣка, ибо тѣу хадоутъ кай тиціон тѣу ѹполарізованутасъ мѣллонъ б'єтѣракъ єтѣрасъ ѡ хатъ ѿхрізену, ѡ тѣу велтіюнку те кай юникасіотероу єїнаі, ѡі ѿмфотара таїта тѣу тѣкъ фоухъсъ історіанъ євлбѹшъ єн єн прѣтоу тиѳеіїмевъ; можетъ быть, наступить время, когда никто и ни не станетъ интересоваться, тогда, вѣроятно, „когда будетъ столь же нелѣпо иѣрить въ Бога, какъ теперь въ привидѣнія“, по замѣчанію Лихтенберга; но мы уѣрены, что такая потеря отразилась бы пагубнымъ образомъ на умственномъ и нравственномъ уровнѣ человѣчества. Однако попытка, признать эти вопросы трансцендентными, не подлежащими разрѣшенію, находить непреодолимы препятствія въ самой человѣческой природѣ; поэтому люди внимательно и охотно прислушиваются къ словамъ философіи. Матеріалъ для рѣшенія доставляетъ внутренній и вицѣній опытъ, (ибо опытъ, конечно, есть единственный источникъ знанія, и о врожденныхъ идеяхъ мы точно также можемъ узнать лишь изъ опыта, какъ и о всякомъ случайномъ фактѣ; даже самыя отвлеченныя понятія, даже понятіе о Божествѣ какого угодно ин-

стка найдено имъ въ собственной душѣ и въ этомъ смыслѣ взято изъ внутреннего опыта), а путь — ѿбъс лбъос.

Перечислимъ главнѣйшіе изъ вопросовъ умозрительной психологіи. Ова естественно должна начинать съ различенія психическихъ отъ физическихъ явлений: оно дается анализомъ сознанія. Невозможностью для человѣка понять возникновеніе сознанія изъ материальныхъ условій вовсе еще не утверждается, что самое возникновеніе не возможно; человѣческое познаніе однако должно признать здѣсь границу, и психологія получаетъ въ поватіи сознанія твердый критерій. Результатъ разграничения областей и анализа сознанія получается пѣкоторое представление о природѣ души. Совершенно недостаточно однако опредѣлить ее исключительно отрицательными признаками (нематериалность и то, что изъ нея вытекаетъ), а необходимо указать на положительныя ея стороны. Вопросъ о природѣ души — самый существенный и трудный; и отъ него зависятъ другіе не менѣе любопытныя: объ отношеніяхъ души къ тѣлу, о происхожденіи душевной жизни вообще и индивидуальной въ особенности, а также и о судьбѣ ея по смерти, дающе — о причинѣ множественности душевныхъ явлений и о значеніи душевной жизни, о приматѣ воли или интеллекта.

Мы утверждаемъ, что умозрительная, психологія какъ теорія о душѣ или какъ предположенія, иногда не высказанные, но постоянно дѣлаемыя, необходиима, и что она постоянно существовала и нынѣ существуетъ: такъ материалисты, конечно, не на основаніи одной психологической эмпіріи составляютъ себѣ понятіе о душѣ, ибо она учить совершенно иному, чѣмъ они, а наоборотъ, ихъ понятіе о душѣ служить имъ къ истолкованію психологической эмпіріи. То же слѣдуетъ сказать и о другихъ міросозерцаніяхъ. Доказательство необходимости умозрительной психологіи можетъ быть ведено различными путями; полезно оно въ виду мнѣнія, что задачи ея тщетны, ибо человѣкъ не имѣть средствъ для ихъ рѣшенія. Можно указывать на исторический фактъ прошлаго, въ которомъ умозрительная психологія всегда играла большую роль, но въ этомъ случаѣ отъ прошлаго нельзѧ безошибочно заключать къ будущему. Необходимость станетъ ясною путемъ прямаго доказательства въ томъ случаѣ, если показать, что, съ одной стороны, пѣкоторые философскіе вопросы не находять себѣ удовлетворительного рѣшенія безъ извѣстныхъ положеній умозрительной психологіи, а съ другой — что эмпірическая психологія сама остается незавершенною безъ извѣстнаго философскаго представленія о душѣ.

Мы думаемъ, что нѣтъ ни одной психологіи, въ которой не было бы высказано философскихъ воззрѣній на душу, или не было сдѣлано молчаливаго ихъ предположенія; а психическая эмпирія не говоритъ прямо ничего о природѣ души, а лишь о ея явленіяхъ.

Что касается необходимости извѣстныхъ предположеній о природѣ души для философскихъ вопросовъ, то таковая, какъ кажется, можетъ быть показана. Теорія и практика въ одинаковой мѣрѣ предполагаютъ извѣстныя положенія умозрительной психологіи.

Основнымъ вопросомъ знанія являются врожденныя идеи, къ принятію коихъ ведетъ различіе случайного знанія отъ необходимаго: это коренное различіе есть фактъ, который требуется объяснить. Попытка Локка и развившагося изъ нея сенсуализма объяснить знаніе, весь его объемъ, изъ виѣшнаго опыта дѣятельностью чувствъ въ лучшемъ случаѣ можетъ дать историческиѣ вѣрное описание постепеннаго развитія знанія: самое затрудненіе въ этой попыткѣ является устранимымъ, и вмѣсто решенія философскаго вопроса дается описание, картина роста человѣческаго ума. Нельзя считать серьезнѣйшимъ решеніемъ вопроса попытку уничтожить различіе случайного и необходимаго знанія и объяснить необходимость привычкой и твердостью ассоціаціи; въ сравненіи съ такою попыткой даже поэтическій вымыселъ Иллатона въ „Менонѣ“ о томъ, что необходимое знаніе есть припомнаніе душою того, чѣмъ она обладала въ полнотѣ въ состояніи предсуществованія, получаетъ характеръ научной теоріи. Такимъ образомъ, какъ ни затруднительно представление о врожденныхъ идеяхъ, и какъ ни желательно избѣжать такого понятія, все же приходится прибѣгнуть къ нему, какъ къ единственному возможному пути объясненія. Но вмѣсть съ тѣмъ не возможно представить себѣ душу какъ *tabula rasa* (неудачное выраженіе Локка), а нужно считать ее энтелихіей, и слѣдуетъ прибѣгать къ общимъ философскимъ принципамъ для ея разъясненія.

Точно то же самое слѣдуетъ сказать и о практикѣ. И тутъ мы имѣемъ основный фактъ различія нравственной дѣятельности и естественныхъ стремлений и дѣйствій человѣка. Никто не можетъ отрицать того, что люди оцѣниваютъ свои дѣйствія съ точки зрѣнія добра и зла. Если органъ такой оцѣнки называть совѣтствомъ, то она-то именно, подобно врожденнымъ идеямъ, и требуетъ разъясненія. Кажется, что и совѣтъ приходится считать первоначальнымъ, априорнымъ элементомъ, присущимъ человѣческой душѣ, условиемъ всякой нравственности. Всакому пріятно было бы, еслибы удалось показать,

какъ человѣкъ изъ „бессовѣтного“ постепенно получаетъ совѣсть, пріятно въ томъ смыслѣ, въ какомъ Шеллингъ называлъ материализмъ желаннымъ принципомъ, объясняющимъ всѣ явленія; но кажется, что такая попытка, сдѣланная опять-таки Локкомъ, не имѣть шансовъ на успѣхъ. Однимъ отрицаніемъ врожденныхъ нравственныхъ принциповъ видѣсь ничего не подѣлаешь, а попытка Бэна объяснить совѣсть, (которую онъ не считаетъ первоначальнымъ неразложимымъ) психи ческимъ фактомъ, подражаніемъ внѣшнему авторитету (*conscience is an imitation within ourselves of the government without us. Emot. a. Will S. 285 3 ed.*)— просто нелѣпа, ибо никакой вицѣйшій авторитетъ въ свою очередь не возможенъ безъ совѣсти? Такимъ образомъ видѣсь *cirrulus vitirosus*. Само собою разумѣется, что совѣсть, какъ все существующее, имѣеть свою исторію развитія, которую интересно и полезно изучить; несомнѣнно, что условія, указанные Бэномъ, служать стимуломъ къ развитіюaprіорнаго элемента совѣсти; также несомнѣнно и то, что если этогоaprіорнаго элемента не было, то ничего не развилось бы, и никакого сужденія о добрѣ и злѣ у человѣка не было бы. Описаніе исторіи развитія совѣсти въ индивидуумѣ и въ человѣчествѣ не содержитъ въ себѣ рѣшенія философскаго вопроса. Такимъ образомъ разсмотрѣніе практики указываетъ на ту же ёмкость природу души, требуя оформленія этого понятія, на какую указываетъ и теорія.

Если такимъ образомъ душу должно себѣ представлять, какъ эн телекію, содержащую въ себѣ—первоначально потенциальнѣ—разно родные элементы, интеллектъ и волю, опредѣляемые идеями истины и блага, и если, съ другой стороны, анализъ сознанія показываетъ единство душевной жизни, то само собою возникаетъ вопросъ о приматѣ одного изъ элементовъ. Древній міръ смотрѣлъ на человѣка, какъ на существо по преимуществу разумное, въ то время какъ новый, конечно, подъ влияніемъ христіанской идеи, смотрѣлъ какъ на существо по преимуществу волевое. По генезису волѣ принадлежитъ прямать надъ интеллектомъ, по цѣли второму надъ первою. Намъ кажется, что аналогіи отношеній воли и интеллекта, съ одной стороны, а формы и матеріи — съ другой, способна нѣсколько уяснить этотъ вопросъ. Какъ воли не бываетъ безъ представлениія, а представлениія безъ стремленія, точно также и формы безъ матеріи и наоборотъ. Воля есть природное начало, которое должно соединиться съ высшимъ, интеллектуальнымъ.

Мы ограничиваемся этими указаніями. Наша цѣль отнюдь не со

стоить въ подробномъ разсмотрѣніи какого-либо изъ вопросовъ умозрительной психологіи.

Слѣдуетъ сдѣлать одно историческое замѣчаніе. Говоря о психологіи, какъ части философской системы, мы здѣсь не разумѣемъ того, чѣмъ подарило человѣчество Вольфъ—раціональной психологіи: это его произведение, которое самъ онъ считаетъ выше всѣхъ своихъ остальныхъ, нельзя цѣнить высоко. Умозрительную психологію слѣдуетъ отличать отъ рациональной. Кантъ, который въ „Критикѣ чистаго разума“ критиковалъ рациональную психологію, полагалъ, что онъ уничтожилъ это никому не нужное твореніе ума человѣческаго. Но Кантъ никакимъ образомъ не отказывается отъ умозрительной психологіи, ибо самъ пытается обосновать вопросы о свободѣ, о бессмертіи и пр. Силлогистический методъ, употребляемый Вольфомъ, годный для изложенія готоваго знанія, хотя и въ этомъ случаѣ утилітенъ, не пригоденъ для какого то ни было изслѣдованія реальнаго міра. Помимо недостатка метода Вольфова, психологія представляетъ удивительное сочетаніе самыхъ разнородныхъ элементовъ, частью чисто эмпирическихъ.

Такимъ образомъ философія не можетъ обойдтисѧ безъ понятія о душѣ; однако это понятіе о душѣ не можетъ быть принципомъ объясненія частныхъ психическихъ явлений, какъ понятіе о матеріи не можетъ служить принципомъ объясненія частныхъ физическихъ явлений. Для объясненія каждого отдельного психического явленія нужно ссылаться на специальные условія и законы, а не на понятіе души.

Станемъ теперь на опытную точку зреінія и посмотримъ, каковы задачи эмпирической психологіи и средства, которыми она можетъ решить эти задачи. Само собою разумѣется, что всѣ тѣ задачи, которымъ мы отнесли въ умозрительной психологіи, не могутъ въ то же время входить въ эмпирическую; поэтому-то, опредѣляя свои границы, она должна выдѣлить вопросы умозрѣнія. Брентано, написавшій прекрасную эмпирическую психологію, полную мысли и вѣрной критики (трудъ, къ сожалѣнію, не оконченный), конечно, ошибается, когда полагаетъ, что вопросъ о бессмертіи можетъ найти себѣ иѣсто въ эмпирической психологіи: эта послѣдняя можетъ показать, что бессмертіе не противорѣчитъ фактамъ, и что оно, судя по аналогії съ иѣкоторыми явленіями, возможно—но и только. Слѣдуетъ ли принимать бессмертіе, или нѣть, это можетъ решить лишь умозрѣніе.

Задачи эмпирической психології стануть ясными, если разсмотретьъ ея средства. Главнымъ источникомъ психическихъ свѣдѣній должно признать самонаблюденіе—не въ смыслѣ методического наблюденія надъ собственными состояніями — что не возможно, — а въ смыслѣ непосредственного сознанія и припомнанія того, что происходитъ въ душѣ человѣка. Нѣмы имѣютъ особый терминъ для обозначенія этой разницы: *Selbstbeobachtung* они различаютъ отъ *Selbstwahrnehmung*. Всѣ остальные источники психическихъ свѣдѣній становятся возможными лишь при предположеніи этого первичнаго. Такъ наблюденіе надъ душевной жизнью другихъ людей предполагаетъ истолкованіе ея при посредствѣ нашей собственной. Чѣмъ болѣе различій между нашей собственнаю жизнью и жизнью душевной, наблюданою въ другихъ, тѣмъ это истолкованіе по аналогіи становится болѣе труднымъ, гипотетичнѣмъ. Поэтому-то наблюденіе надъ душевной жизнью какъ болѣе простыхъ существъ, животныхъ и дѣтей, такъ и болѣе сложныхъ — больныхъ, сумасшедшихъ, можетъ составлять лишь необходимое дополненіе къ свѣдѣніямъ, добытымъ изъ самонаблюденія нормального человѣка. То же самое слѣдуетъ сказать и о такъ-называемомъ объективномъ методѣ въ психології: съ одной стороны, онъ предполагаетъ субъективный методъ, то-есть, толкованіе объективныхъ данныхъ путемъ самонаблюденія, съ другой — этотъ методъ сопряженъ съ тѣмъ значительнымъ неудобствомъ, что самъ онъ весьма неопределенный. Справедливо Джонъ Стюартъ Милль замѣчаетъ, что примѣненіе физіологии къ психології обозначало бы не прогрессъ этой науки, а регрессъ, ибо отдыѣ физіологии, соответствующіе психологическимъ, гораздо менѣе разработаны, чѣмъ эти послѣдніе. Матеріаль, доставляемый субъективнымъ методомъ, психологъ анализируетъ, разлагаетъ сложное на части и путемъ наведеній старается сдѣлать извѣстныя обобщенія.

Къ психології пытались также примѣнить математический методъ: этой попыткѣ мы обязаны весьма интересными изслѣдованіями въ области простѣйшихъ явленій душевной жизни, въ ощущеніяхъ, стоящихъ на границѣ физіологическихъ и психологическихъ явленій. Вычисление прилагается косвенно къ сознанію, то-есть, не къ самимъ состояніямъ сознанія, а къ выѣшнимъ явленіямъ, обуславливающимъ сознаніе. Несомнѣнно, что и самыи состоянія сознаній, какъ имѣющіи интенсивность, то-есть, извѣстную степень напряженія, могли бы быть подвергнуты вычислению, еслибы возможно было установить субъективное изѣрло, то-есть, извѣстную единицу напряженія. Итакъ, эмпирическая

психологія можетъ только опираться на самонаблюденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякая попытка рассматривать ее съ точки зрѣнія естественной науки, съ точки зрѣнія физіологии, лишить ея опытнаго характера и внесетъ въ нее априористический элементъ.

Психологъ имѣть возможность приложения этихъ средствъ къ весьма разнообразному материалу. Этотъ материалъ двойкій: онъ за-ключается въ жизни индивидуума и въ жизни народа. Онъ первоначально индивидуаленъ, и только впослѣдствіи человѣкъ видѣтъ, что индивидуумъ самъ есть историческій продуктъ, а исторія въ свою очередь есть продуктъ индивидуальный. Такимъ образомъ весь материалъ естественно распадается на двѣ группы на индивидуальную и народную психологію. Но этотъ материалъ въ своей конкретности первоначально непригоденъ для науки, которая ищетъ необходимаго въ общемъ, а не въ частномъ. Поэтому-то психологія, какъ всякая другая наука, абстрагируетъ отъ извѣстныхъ сторонъ своего предмета и изслѣдуетъ не индивидуальную конкретную жизнь человѣка, а абстрактную. Она трактуетъ о волѣ, о представлѣніи, о чувствѣ, которыхъ въ такой абстрактной формѣ вовсе не существуетъ, и лишь когда эта абстрактная психологія достигла извѣстной степени развитія, она можетъ приняться за объясненіе болѣе сложныхъ конкретныхъ явлений душевной жизни. Такимъ образомъ, оба главные отдѣла психологіи распадаются въ свою очередь на два класса — абстрактной и конкретной психологіи. Задача психологіи по отношенію къ этимъ группамъ явлений состоять въ описаніи и объясненіи возникновенія, генезиса явлений; она въ этомъ подобна естественнымъ наукамъ. Содержаніе психического явленія для психологіи безразлично, такъ какъ она стремится лишь объяснить, какъ оно возникло. Поэтому-то явленіе явлений на нормальныя и ненормальныя не есть собственно психологическое, ибо и тѣ и другія возникли естественно по законамъ природной психической жизни, то-есть, точка зрѣнія нормы чужда психологіи; тѣмъ че менѣе это точка зрѣнія, вносящая человѣкомъ во всѣ явленія реальнаго міра, можетъ быть удержана и вдѣль. Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдую-щую группировку психологического материала.

явлени¤ сознательной жизни			
индивидуальная		народная	
нормальный	ненормальный	нормальный	ненормальный
абстрактна конкрет.	абстр. конкрет.	абстрактна конкрет.	абстр. конкрет.
внѣ	внѣ	внѣ	внѣ

Не зачѣмъ говорить о томъ, что изслѣдованія индивидуальной

абстрактной жизни (единственное содержание учебниковъ психологіи) далеко опередило народную психологію, начатую еще Платономъ, но въ которой довольно трудно определить, чтѣ считать нормальными развитиемъ человѣчества, и чтѣ считать болѣзненнымъ явлениемъ (хотя въ частностяхъ всѣ согласятся, что, напримѣръ, самоубійство en masse есть болѣзненное явление и т. д.).

Всякая наука нуждается въ извѣстной классификациі, хотя бы предварительной, ибо истинная классификація есть поздній плодъ зрѣлой науки. Данная группировка матеріала, конечно, не классификація. До сихъ поръ не существуетъ общепринятой классификаціи душевныхъ явлений въ абстрактной индивидуальной психологіи. Обыкновенная же держится болѣе священными традиціями, чѣмъ въ силу какого-либо иного основанія¹⁾). Интересна попытка новой классификаціи, дѣлаемая Брентано, въ его уже упомянутомъ нами сочиненіи. Если описательная сторона психологіи можетъ предъявить много цѣннаго матеріала, то нельзя сказать того уже про объяснительную; въ этой послѣдней на твердомъ основаніи стоять лишь ассоціаціонные „законы“, значеніе коихъ, однако, и приложимость вовсе еще не опредѣлены.

Сказанного достаточно для общей характеристики эмпирической психологіи. Слѣдуетъ въ нѣсколькихъ словахъ сдѣлать оценку ея.

Мы вовсе не желаемъ отрицать пользу эмпирической психологіи, возможность ея и интереса. Но спрашивается: можетъ ли найти въ эмпирической психологіи достаточное и полное рѣшеніе психического вопроса,—и на это придется отвѣтить отрицательно. Эмпирическая психологія носить въ себѣ характеръ незаконченности, который зависитъ не отъ состоянія этой отрасли знанія въ настоящее время а отъ самой задачи, принимаемой это на себя. Это-то и слѣдуетъ показать.

Критику эмпирической психологіи слѣдуетъ, коечно, искать во враждебномъ ей лагерѣ; мы находимъ ее, напримѣръ, въ сочиненіяхъ Гербартовой школы. Укажемъ, напримѣръ, на статью Фолькмана²⁾.

Психологіи могутъ присвоить троицкую задачу—описаніе душевныхъ явлений, объясненіе ихъ и разъясненіе природы души. Мы уже говорили, что эмпирія, говорящая о душевныхъ явленіяхъ, прямо не

¹⁾ *Hume's Lectures on Metaphysics*, одинъ изъ немногихъ, пытавшихся обосновать обычное дѣление душевныхъ явлений на чувство, волю и интеллектъ.

²⁾ *Zeitschrift f. exact. Philosophie*, II.

въ состояніи сказать ничего о природѣ души. Справедливо было бы ограничиться однимъ описаніемъ, еслибы человѣкъ о природѣ души знать ничего не могъ. Однако мы не считаемъ ее столь таинственной, что ничего о цей знать нельзя. Мыѣніе Спенсера, что о субстанціи духа мы знать ничего не можемъ, прѣзираемся, намъ неподобно. Эта непонятная субстанція продуктъ фантазіи Спенсера, а о природѣ души, мы, конечно, можемъ знать и знаемъ очень многое умозаключеніями изъ опыта и размышленіемъ о ней. Эмпирическая психологія можетъ ограничиться лишь описаніемъ и объясненіемъ душевныхъ явлений; но спрашивается: въ состояніи ли она дать объясненіе душевныхъ явлений, не прибѣгая къ гипотезѣ о душѣ? Если вѣть, то ея незаконченность очевидна. Нѣсколько раньше мы показали, что самые существенные вопросы философіи заставляютъ прибѣгнуть къ известному представлению о душѣ, то-есть, къ умозрительной психологіи. Теперь мы утверждаемъ, что и эмпірии психической слѣдуетъ прибѣгнуть къ тому же самому. Описание известного объекта составляетъ задачу искусства; это описание можетъ быть болѣе или менѣе полнымъ, точнымъ и художественнымъ. Наука можетъ удовольствоваться такимъ описаніемъ лишь въ одномъ случаѣ, а именно, если между описаніемъ и объясненіемъ разница не качественная, а только количественная, то-есть, если объясненіе получается, когда описание дало полно и точно. Это предположеніе не заключаетъ въ себѣ на первый взглядъ ничего невозможнаго. Точное описание эпохи французской революціи, мотивовъ дѣйствующихъ лицъ, ихъ вѣшней и внутренней жизни, очевидно, въ то же самое время было бы и возможно полнымъ объясненіемъ революціи. Однако ближайшее разсмотрѣніе покажетъ большую разницу описанія и объясненія, чѣмъ только количественную. Полное описание реальныхъ явлений, особенно историческихъ событий, конечно, не возможно, и можетъ быть дано лишь въ главныхъ моментахъ; далѣе, всякое явленіе стоитъ въ причинной зависимости отъ предшествовавшаго ряда причинъ, и описание, чтобы стать объяспеніемъ должно „идти въ безконечность“ (*εἰς ἄκεφον ἥσει*). Говоря психологически, объясненіе дано, когда неизвѣстное приведено, связано съ чѣмъ-либо извѣстнымъ; но это послѣднее можетъ быть двоякимъ: или относительнымъ (то-есть, извѣстнымъ намъ, предубѣждениемъ, вѣрой, знаніемъ), или безотносительно извѣстнымъ. Дѣйствительное объясненіе дано тогда, когда фактъ связанъ съ тѣмъ, что безотносительно извѣстно, а таковы— аксиомы.

Эмпирическая психологія, оставаясь описаніемъ, въ дѣйствительности не даетъ никакихъ объясненій, доколѣ не прибѣгнетъ къ гипотетическимъ представлениямъ о душѣ. Достаточно бѣлага обзора ученій эмпирической психологіи, чтобы убѣдиться въ этомъ. Припомнить, какъ трудно бываетъ психологу держаться эмпірии и не впадать въ априорныя теоріи; беспочвенная эмпірия нуждается въ опорѣ, то-есть, въ ясно сознанной цѣли и ясной точкѣ отиравления; поэтому-то психологическая эмпірия попадаетъ часто или въ материализмъ, или на оборотъ въ спиритуализмъ. Желая дать точное описание, эмпірическая психологія, классифицируя свой матеріаль, попадаетъ въ пустыя обобщенія, въ представление о душевныхъ способностяхъ, которая легко превращаются въ „темные сущности“. Желая наконецъ найти индуктивнымъ путемъ законы описываемыхъ душевныхъ явлений, эмпірическая психологія получаетъ въ результатѣ выраженіе отвлеченныхъ, бѣдныхъ отношеній, въ которыхъ изъезло все живое и конкретное, и которая отнюдь не могутъ дать понятіе о человѣческомъ духѣ. *Man kann überzeugt sein dass mit je grösserer Strenge man das induktive Verfahren innehältum so dürftiger die Resultate ausfallen werden*¹⁾.

Въ заключеніе приведемъ двѣ мысли Канта, касающіяся эмпірической психологіи: *Psychologisch beobachten.... mithin Stoff zu künftigen systematischen und verbindenden Erfahrungsregeln sammeln, ohne sie doch begreifen zu wollen, ist die einzige wahre Obligenheit der empirischen Psychologie welche schwerlich jemals auf den Rang einer philosophischen Wissenschaft wird Anspruch machen können*²). И въ другомъ мѣстѣ: *Noch weiter aber... muss empirische seelenlehre von dem Range einer eigentlich sozunennenden Naturwissenschaft entfernt beiben... weil Mathematik auf die Phänomene des inneren Sinnes und ihre Gesetze unanwendbar ist*³).

Наибольшій успѣхъ объщаетъ то направление, которое сочетаетъ эмпірию съ спекуляціей; безсильная въ отдѣльности, онѣ поддерживаютъ другъ друга. *A priori* этого слѣдуетъ ожидать потому, что эмпірия и спекуляція суть двѣ нормальные стороны мыслительной дѣятельности, ищащи истины; *a posteriori* мы видимъ, что научнымъ трудамъ этого направленія психологія болѣе всего обязана.

¹⁾ *Volkman-Zeitsch. f. ex. philos.*, II, 42.

²⁾ *Kant*, ed. Kirch. V, 167.

³⁾ *Kant*, ed. Kirch. V, 179.

Психическая жизнь стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ физической. Если представить себѣ психію самостоятельнымъ начalomъ, какъ это необходимо на основаніи здравой эмпиріи, то все же придется изслѣдоватъ взаимную зависимость тѣла отъ души и наоборотъ; психія не только зависитъ отъ тѣла, но и обуславливаетъ его. Въ жизни организма мы имѣемъ постепенный ростъ тѣла и его функций и души и ея функций. Психія съ самого начала, съ самого ея возникновенія обладаетъ слито всѣми силами и качествами, которыя впослѣдствіи, раздѣльно, проявляются, и задача психологіи заключается въ томъ, чтобы прослѣдить постепенный ростъ этихъ первоначальныхъ силъ психіи и ихъ разнообразное проявленіе. Основная сила психіи—представляющая; психическая жизнь и сознательная—синонимы. Величайшіе философы сходятся въ этомъ положеніи. Древніе видѣли въ разумности отличительную особенность человѣка; Декартъ и Лейбницъ видѣли въ мышленіи основную дѣятельность души; иѣтъ опасности, что при этомъ волевая сторона останется непонятой¹⁾. Дѣйствительно, если смотрѣть на представленія, на результатъ психической дѣятельности, то въ нихъ не видно ничего волеваго; но не представленія составляютъ психію, а представляющая дѣятельность; самыя представленія суть (часто) мертвый ея результатъ. Эта представляющая дѣятельность психіи проявляется различно и имѣть различныя ступени. Указать главныя эпохи развитія психіи, основавшияся „Thathandlungen“, которыхъ объясняются взаимодѣйствіемъ психіи съ вицѣніемъ міромъ, и которыхъ мы можемъ найти при посредствѣ эмпиріи,—такова задача индивидуальной психологіи. Психическая жизнь ребенка исчерпывается ощущеніемъ, въ которомъ преобладаетъ тонъ ощущенія. Первый психический актъ состоится такимъ образомъ въ переработкѣ перваго возвужденія въ сознательное ощущеніе. Еслибы на память можно смотрѣть, какъ на привычку, еслибы можно было сказать, что человѣкъ помнить потому, что въ первой его системѣ происходитъ подъ влияніемъ участіиенныхъ тожественныхъ ощущеній извѣстное перерожденіе, остаются известныя слѣды, тогда бы память слѣдовала считать органи-

¹⁾ Ученіе Дуна Скота „voluntas est superior intellectus“ получило въ настоющее время распространеніе, благодаря философіи Шопенгауера; оно имѣетъ существенные недостатки; подъ терминъ „воли“ подводится именемъ вовсе не психологического характера. Самая философія Шопенгауера распространялась, благодаря сложный, частью совершенно случайными условіями.

ческимъ явлениемъ, приписать ее всему живому (Hähring); но этому мѣшаетъ одно обстоятельство: воспроизведенныя памятью ощущенія— представлениа — отличаются не только количественно, степенью, отъ ощущеній, но и качественно; этого не могло бы быть, еслибы въ памяти мы не имѣли нового акта психіи, переработки извѣстныхъ ощущеній и сохранившихся слѣдовъ въ нервныхъ центрахъ. Еще яснѣе слѣдующій психической актъ, перерабочивающій представлениа въ восприятіе предмета: тремя чертами предметное восприятіе отличается отъ представлениа: пространственностью, независимостью отъ наличнаго акта представлениа и единствомъ предмета при множественности качествъ, полученныхыхъ ощущеніемъ. Само собой разумѣется, что не безъ всякихъ виѣшнихъ поводовъ душа человѣка создаетъ предметный міръ. Нужно думать, что эти поводы лежатъ во виѣшнемъ мірѣ, который вызываетъ къ дѣятельности первоначальную представляющую силу субъекта. На этой ступени своей дѣятельности она выражается переработкой ощущеній и представлений въ восприятія. Еслибы въ душѣ не было априорныхъ пространственныхъ элементовъ, то она не въ состояніи была бы создать пространства, точно также какъ эти априорные элементы никогда не стали бы выработанной пространственной схемой, еслибы не было виѣшаго повода къ ихъ развитію. Въ этой обширной области явлений, которая относится къ такъ-называемымъ ассоціаціямъ, мы не можемъ видѣть нового психического акта, и „закона“ ассоціаціонные не считаемъ принципомъ, объясняющимъ психическую явленія. Ассоціаціи схватываютъ мертвую, пассивную, механическую сторону въ человѣческой душѣ и поэтому въ развитіи играютъ роль второстепенную. Главный упрекъ, который слѣдуетъ слѣдить англійской психологіи, заключается именно въ томъ, что она слишкомъ распространила учение объ ассоціаціяхъ и благодаря этому схватила лишь одну сторону человѣческаго духа. Важнѣе для насъ отмѣтить, что тотъ самый психический актъ, который перерабатываетъ ощущеніе въ представление и восприятіе, дѣлаетъ ихъ качественно различными, перерабатываетъ и тонъ ощущенія въ чувство. Тонъ опущенія относится къ чувству совершенно также, какъ ощущеніе къ представлению. Какъ „въ воспроизведенномъ представлениі солнечного свѣта вѣть и одной биллонной силы свѣта свѣтащаагося жучка“¹⁾ точно также въ идеальномъ чувствѣ вѣть и одной биллонной боли или чувственного наслажденія, лежащаго въ тонѣ

¹⁾ Meissner, Psychiatrie. Vorwort III.

ощущения. И хотя здесь различие качественное, а не только количественное, темъ не менѣе правы тѣ, которые указываютъ на ощущеніе, какъ на источникъ чувства и представлений. Эти послѣднія возникаютъ изъ первого, при посредствѣ извѣстнаго психического акта человѣческаго духа. Но тотъ же самый психический актъ перерабатываетъ и инстинкты, слѣпое стремленіе къ представлению, заключенное въ ощущеніи, въ сознательное хотѣніе¹⁾. Какъ только человѣкъ воспринимаетъ и представляетъ, такъ тотчасъ его стремленія должны принять форму сознательныхъ желаній и, вообще говоря, хотѣнія. Опять и здесь мы видимъ не только количественное различие, но и качественное, ибо хотѣніе точно также отличается отъ стремленія, какъ чувство отъ тона ощущенія, какъ представление отъ ощущенія. Равличіе не только количественное, ибо желаніе не имѣетъ „одной биллонной“ того состоянія, которое заключаетъ въ себѣ инстинктъ, хотѣніе иногда даже противоположно стремленію, и темъ не менѣе первое возникло изъ втораго, благодаря акту представляющей дѣятельности. Дѣятельность психіи на этомъ не останавливается. Слѣдуетъ указать еще на одинъ важнѣйшій актъ представляющей дѣятельности, на то, что въ психологіи Гербарта называется апперцепціей, и въ чёмъ характеръ представляющей дѣятельности психіи яснѣѣ всего выражается. Подъ категорію апперцепціонныхъ явленій (терминъ Лейбница, употребляемый имъ въ иномъ значеніи) слѣдуетъ подвести всѣ органическіе процессы психіи, всѣ психическія новообразованія: терминъ „апперцепція“, имѣть еще и болѣе узкое значеніе, обозначая собой специальный актъ представляющей дѣятельности, къ которому относятся процессы воображенія и мышленія, тожественные по процессу, различные по иѣкоторымъ побочнымъ обстоятельствамъ. На этой ступени развитія представляющая дѣятельность образуетъ относительно новые психические элементы изъ имѣющихся воспріятій и представлений. Въ самихъ представленияхъ, конечно, не лежитъ ничего такого, чтѣ вставляло бы ихъ соединяться, совдавать новую мысль.

Никакимъ образомъ нельзя объяснять относящіяся сюда явленія ассоціаціями, какъ это дѣлаетъ англійская психологія. Мысленіе пользуется ассоціаціями, но само стоитъ выше ихъ. Апперцепціонная ступень развитія психіи проявляется во всѣхъ сферахъ психической дѣятельности. Въ волевыхъ явленіяхъ въ тѣсномъ смыслѣ апперцепціональ-

¹⁾ Слово хотѣніе мы употребляемъ въ родовомъ значеніи какъ чувство.

ступень характеризуется тѣмъ, что хотѣніе становится разумною волею, и въ результатѣ приобрѣтается то, что мы называемъ свободой. Въ сферѣ интеллектуальныхъ явлений человѣкъ выходитъ изъ предѣловъ восприятія и ассоціаціи, самъ направляетъ эти элементы къ опредѣленной цѣли. Чувство, какъ пассивное состояніе человѣка, при дѣятельности психіи естественно слѣдуетъ за развитіемъ интеллекта.

Сказанное о ростѣ человѣческой психіи примѣнено и къ постепенному ея разложенію, идущему въ обратномъ порядкѣ. На отдельной группѣ явлений это очень удовлетворительно показано въ известной книгѣ Рибо (Болѣзни памяти, прогрессивныя заболѣванія).

Этого достаточно, чтобы охарактеризовать посредствующее направленіе психологіи. Въ нѣмецкой философіи и психологіи мы можемъ указать на двухъ мыслителей, которые требуютъ для психологіи сочетанія спекуляціи и эмпіриі: это—Гербартъ и Лотце. Ихъ направленіе тождественно, оба многимъ обязаны Лейбницу, но мысли ихъ часто очень различны. Лотце, признавая заслуги Гербарта, постоянно полемизируетъ съ нимъ. Гербартъ оставилъ послѣ себѣ обширную и дѣятельную психологическую школу. Лотце, недавно сошедший въ могилу, не имѣлъ школы, можетъ быть—въ силу нѣсколько скептическаго образа мыслей. Заслуги обоихъ въ области психологіи несомнѣнны. Гербартъ далъ психологіи ученіе объ апперцепціяхъ. До Гербарта въ главѣ о мышленіи повторилось то же самое, что излагается логикой объ этомъ предметѣ. Гербартъ далъ психологическую основу ученію о мышленіи. Въ главѣ о механикѣ представленій его заслуги тоже значительны. Лотце далъ теорію о восприятіяхъ. Теорія о локальныхъ знакахъ, несомнѣнно въ общемъ вѣрная,—его заслуга. Слѣдуетъ думать, что этому направленію психологіи принадлежитъ будущность.

Мнѣніе, что психологія не составляетъ части философской системы и въ то же время не есть наука, можетъ обозначать различное. Одни смотрѣть такъ на психологію потому, что она не подходитъ подъ известныя формальныя или матеріальныя условия всякой науки, другие считаютъ ее не самостоятельной наукой, а частью другой, напримѣръ, физіологіи. То и другое воззрѣніе можетъ быть съ меньшимъ или большимъ основаніемъ защищаемо.

Дѣйствительно, вѣдь отличается же чѣмъ-нибудь знаніе вообще отъ научнаго знанія? Отличія могутъ заключаться или въ матеріи (содержаніи), или въ формѣ. Кажется однако, что всякое знаніе

можетъ стать научныиъ, даже алхимическое и астрологическое, не соответствующее вичему реальному,— ціано какъ культурно-исторической матеріаlъ. Однако и по отношению къ содержанию слѣдуетъ сдѣлать пѣкоторое ограничение. Аристотель, считавшій наукой психическую способность къ доказательству (*ἓντις ἀποδεκτική*), говорилъ, что наука касается необходимаго, а не случайного, могущаго быть или не быть (Eth. Nic. 6. § 3). Дѣйствительно, индивидуальное, частное въ наукѣ играетъ роль примѣра, на основаніи чего дѣлается обобщеніе, находится законъ; оно не имѣть важности само по себѣ, а лишь какъ средство къ обобщенію. Хотя психологія и имѣть дѣло съ самими частными и индивидуальными, чтѣ только можетъ существовать, съ человѣческимъ „я“, однако это обстоятельство не препятствуетъ научности психологіи, ибо никто не можетъ отрицать закономѣрности душевной жизни, хотя закономѣрность менѣе очевидна здѣсь, чѣмъ, напримѣръ, въ явленіяхъ неорганическаго міра.

Но съ формальной стороны знаніе отличается отъ научнаго знанія, а форма науки исчерпывается способомъ приобрѣтенія знанія и расположениемъ приобрѣтенаго. Въ этомъ отношеніи замѣчается большое различие, не только между знаніемъ и научнымъ знаніемъ, но между самими науками, различие коренное, которое можетъ быть сведено къ двумъ типамъ наукъ — математикѣ и психологіи. Первая, математика, отличается точностью; точна она потому, что касается идеальныхъ отношеній и формальной стороны вещей. Такъ какъ все реальное имѣть величину, степень (напримѣръ, доброта), то не видно, почему бы къ вицѣнейской сторонѣ всѣхъ реальностей не могла бы быть примѣнна математика; она въ дѣйствительности получаетъ все большее распространеніе. Еще недавно Лагарпъ¹⁾ смылся надъ попыткой Коидорсе применить вычисление къ нравственнымъ явленіямъ, а нынѣ статистика нравственныхъ явленій составляетъ важную отрасль знаній. Но въ вычислении отношеній менѣе всего постигается природа реальности: поэтому-то самая точная наука оказывается и сама пустою. Съ другой стороны, психологія — самая реальная наука. Состояніе зналъ, чувства, воли человѣкъ непосредственно испытываетъ, непосредственно знаетъ, и это знаніе самое полное и реальное, но въ то же время самое неточное, неуловимое, потому что реально, внутренне; оно можетъ быть лишь описано, объяснено, но не вычислено. Хотя вычисление и примѣнимо къ психологическимъ со-

¹⁾ Philosophie du XVIII siecle, I, 10.

стояніямъ, но конечно, лишь къ самой вѣшней ихъ сторонѣ, къ степени. Въ различныхъ наукахъ эти два элемента — математической и психической, вѣшний и внутренний, моментъ вычисления и моментъ описания — присутствуютъ въ различной мѣрѣ и дѣлаютъ науку въ большей или меньшей мѣрѣ точною. Итакъ, существуетъ два типа наукъ, а не одинъ¹⁾). Это, однако, часто упускается изъ виду. и часто лишь одинъ элементъ, математический, точный считаютъ истинно научнымъ, и потому знаніе постольку причастнымъ къ наукѣ, на сколько къ нему приложена математика.

Съ другой стороны, отрицаютъ не научность психологіи, а ея самостоятельность. Единая наука — конечно, идеаль; фактически существуетъ рядъ самостоятельныхъ отраслей знанія, частныхъ наукъ; различие ихъ, а вѣдѣть съ тѣмъ право на самостоятельность, заключается не столько въ методѣ, сколько въ объектѣ; не въ методѣ — потому, что два основныхъ направлениія мысли, аналитическое и синтетическое, и два основные метода, дедуктивный и индуктивный, получаются различными видоизмененіеми, становятся различными специальными путями изслѣдованія въ зависимости отъ объекта изслѣдованія. Такимъ образомъ, если объектъ изслѣдованія таковъ, что не можетъ быть вполнѣ объясненъ другими, болѣе простыми объектами (явленіями), то его слѣдуетъ считать объектомъ отдельной науки, а понятие о немъ составляетъ принципъ науки. Такимъ принципомъ психологіи со временемъ Декарта сознаніе. Но именно это отрицается теперь многими.

„Наука о сознаніи“ говорить г. Н. Гротъ, авторъ сочиненія, заглавіе которого написано въ началѣ нашей статьѣ, — „вообще не имѣть собственныхъ, совершенно достовѣрныхъ, критеріевъ для опредѣленія содержанія своихъ понятій, а должна по самому положенію своему, — какъ наука о наиболѣе сложныхъ явленіяхъ и процессахъ природы опираться при разграничении этихъ явленій и процессовъ, на результаты другихъ наукъ объ организмѣ, пользуясь данными внутренняго опыта только для опредѣленія направлениія и для постоянной повторки дедукцій этихъ другихъ наукъ“. Изъ этихъ словъ г. Грота явствуетъ, что психологія заимствуетъ важиѣшую часть своего содержанія, принципы, изъ физиологии, что методъ ея долженъ быть тѣмъ же самымъ, какъ и у послѣдней науки, то-есть,

¹⁾ Эти два типа наукъ, соответствуютъ двумъ основнымъ категоріямъ идей, которыхъ Bordas Demoulin называетъ *idées de grandeur et de perfection*.

объективнымъ. Иначе говоря, психологія становится частью физиологии. Это мнѣніе не ново, исколѣко раньше высказывалъ его г. Сѣченовъ, въ статьѣ: „Кому и какъ разрабатывать психологію“. Это возврѣніе получило распространеніе благодаря Конту. Интересно въ этомъ отношеніи прочесть 45-ю главу III-го тома его „Курса положительной философіи“. Въ двухъ частяхъ этой главы дается критика „старой“ психологіи, признаваемой не научною, и основы новой (физиология Галля). Остановимся лишь на отрицательной части¹⁾. Послѣ краткихъ общихъ и историческихъ замѣчаній (стр. 530—538), въ которыхъ говорится, что вопросъ относительно метафизической психологіи Декарта теперь решенъ, и что les metaphysiciens ont passé de l'état de domination au simple état de protestation, du moins dans le monde savant (стр. 536), утверждается, что психологія вичто иное qu'un simple prolongement général de la physiologie animale (стр. 534). Старая психологія рассматривается сначала со стороны метода (стр. 538—542), а потомъ со стороны содержанія (стр. 542—553). Методъ самонаблюденія недѣль, онъ заключаетъ въ себѣ невозможное требованіе, онъ ограничиваетъ область психологіи тѣмъ, что примѣняетъ лишь къ здоровому взрослому человѣку. Мѣсто этого субъективнаго метода долженъ запять объективный методъ, рассматривающій внутренніе процессы съ двухъ сторонъ: со стороны ихъ результатовъ и со стороны органическихъ условій ихъ возникновенія. Вторая категорія замѣчаній менѣе существенна, чѣмъ можно бы ожидать: она сводится къ замѣчанію, что психологія должно понимаетъ отношеніе между волею и интеллектомъ, она-де придаетъ первенствующее значеніе второму, хотя интеллектъ въ человѣкѣ зависитъ отъ аффектовъ. Объясняю происхождение этого заблужденія, Конть высказываетъ удивительныя мысли. Ложное пониманіе отношенія интеллекста и разума происходило частью въ силу необходимости для метафизиковъ положить грань между человѣкомъ и животнымъ (которымъ, по мнѣнію Конта, нельзя отказать въ разумѣ есть частью въ ученихъ о единствѣ души, а человѣческая природа—, loin d'être unique est en réalité eminentement multiple, c'est à dire solli citée presque toujours en divers sens par plusieurs puissances tres distinctes et pleinement indépendantes".... Единство души исколѣко не исключаетъ множественности явлений душевныхъ, хотя, конечно нельзя допустить ихъ полной независимости, которой и Конть факти

¹⁾ Цитаты по 4-му изданію 1871 года.

чески не утверждает, говоря о зависимости интеллекта от воли. Въ возраженияхъ противъ субъективного метода очевидный болтеро трюкеръ: органическія условия мысли и результаты непонятны человѣку безъ самого мышленія. Мысленіе всегда останется первымъ и наиболѣе достовѣрнымъ фактамъ. Объективнымъ методомъ психологія можетъ и должна пользоваться, и всегда пользовалась,—только ея специфическимъ методомъ останется и долженъ оставаться внутренній опытъ. До тѣхъ поръ психологію нельзя будетъ считать частью физиологии, пока не объяснить, какимъ образомъ сознаніе является естественнымъ результатомъ физиологическихъ процессовъ; до тѣхъ поръ, пока это предположеніе не будетъ доказано, сознаніе должно считать принципомъ психологіи, а самонаблюденіе—ея методомъ.

По существу мысли, излагаемыя г. Сѣченовымъ въ брошюрѣ „Кому и какъ разрабатывать психологію“, тождественнымъ съ вышеприведеннымъ Контъ. Еще Контъ требовалъ передачи аналитической разработки психическихъ явлений въ руки физиологии (стр. 163); но у г. Сѣченова мы находимъ болѣе положительныхъ доводовъ въ пользу этого мнѣнія. Аргументація г. Сѣченова основана на аналогії; психическія явленія представляютъ родство съ нервными процессами въ тѣлѣ, актами чисто соматическими (стр. 151); поэтому возможна и разработка по аналогії съ нервными процессами (стр. 171). Основой научной психологіи должна быть мысль о психической дѣятельности, какъ процессѣ, движениі, имѣющемъ опредѣленное начало, теченіе и конецъ (стр. 172—173). Такимъ чисто вѣнѣніемъ опредѣленіемъ психического акта (вѣнѣніемъ, ибо илогіе процессы имѣютъ начало, конецъ и теченіе, не будучи психическими) приходится удовольствоваться потому, что, къ несчастію, свѣдѣнія наши о нервныхъ процессахъ, даже для случаевъ наименѣстарийшихъ рефлексовъ, почти равны нулю (стр. 172). Таковы общія мысли, далѣе слѣдуетъ болѣе детальная разработка ихъ. Въ общемъ нельзя называть аргументацію г. Сѣченова удачною. Она построена на аналогії; аналогія только въ томъ случаѣ можетъ быть хорошимъ пріемомъ доказательства, когда она полна и построена осторожно. Понятіе рефлекса исходное — понятіе аргументаціи г. Сѣченова — понятіе неопредѣленное; различные физиологи различно понимаютъ его, и есть возможность, сохраняя аналогію, понимать не психическія явленія какъ развитіе рефлекса, а наоборотъ рефлексъ какъ наизшую ступень психической дѣятельности, и требовать, чтобы физиология обращала вниманіе на психологію¹). Особенно существенно то,

¹) Op. Bouillier, *Le principe vital et l'ame pensante*. Р. 1873.

что физиологический ионатія вовсе не столь ясны и разработаны, чтобы могли служить объяснениемъ для психологическихъ,—что и замѣтилъ еще Милль въ своей „Логикѣ“. Мы же думаемъ, что и вполнѣ законополная физиология не въ состояніи решить психологической проблеммы, ибо явленія, рассматриваемыя этими двумя науками, хотя и тѣсно связаны межъ собою, но разпородны. Къ тому же всѣ вопли о несовершенствѣ психологіи совершенно тщетны. Въ этой науки можно замѣтить большое развитіе, если сравнить ее съ психологіей прошлыхъ вѣковъ; а тѣ упреки, которые мы слышали отъ г. Сѣченова, совершенно напрасны: смѣшивавшія номинального съ реальнымъ, на которое умѣстно было указывать философамъ XVIII вѣка, давно иѣть въ психологіи. Мы не знаемъ, откуда заимствовалъ г. Сѣченовъ „оригинальный философствованія обыденной психологіи“ (стр. 169).

Направление, на которое намъ слѣдуетъ теперь указать, древне: оно не желаетъ отказаться отъ философіи и быть чистымъ эмпирізмомъ. Оно основывается на внутренней психической эмпіріи, но полагаетъ, что эта эмпірія, пользуясь особою привилегіей, можетъ замѣнить метафизику и служить основой философіи. Смѣло это направление было выражено софистами, аурорѣос матрорѣ єсть тоа таутос, мнѣніе, приведшее къ древнему скепсису. Современная психологія полагаетъ однако иначе. Со временемъ Локка она вытѣсняетъ философію. Локкъ психологическимъ анализомъ хочетъ объяснить познаніе, его законы и границы. Логики Локкъ не касается и признаетъ логические законы, но отрицаетъ ихъ врожденность, ибо дѣтамъ и идіотамъ они неизвѣстны. Локково направление лсихического анализа дало богатые плоды: ко всѣмъ вопросамъ оно прицѣплялось и изъ всѣхъ ихъ сдѣлало часть психологіи. Логика—часть психологіи, законы мышленія суть привычки мышленія и сводятся къ ассоціаціямъ. Этика также часть психологіи, ибо иѣть абсолютнаго блага, а все относительно: „иѣть ничего хорошаго или дурнаго по себѣ, мышленіе дѣлаетъ его таковымъ“. Наконецъ, и физика ичто иное какъ часть психологіи, ибо матерія ичто иное какъ постоянная возможность ощущенія, психологического процесса. Понятіе субстанціи уже Локкъ разобралъ въ психологическомъ духѣ, но все же въ результатѣ изслѣдованія призналъ тройкою субстанцію (божественную, материальную и душевную); субстанція, какъ понятіе налишнее, по мнѣнію послѣдователей Локка, уничтожена. Субстанція—пустое понятіе. Такимъ образомъ части философской системы оказались частями психологіи, а она сама—универсальной наукой. Отъ древнаго скепсиса такое положеніе отличается тѣмъ, что послѣдній думалъ пошатнуть

своими доводами довѣріе ко всякому знанію, новый же субъективизмъ защищаетъ вмѣстѣ съ своей точкой зрења—точную науку.

Заштитники ассоціаціонной психологіи въ то же время—защитники и этого субъективизма и теоріи относительного. Субъективизмъ Фихте совершенно иного порядка. Основа его не эмпірическая психологія, которую презиралъ Фихте старшій, а итрансцендентальная логика и положеніе о закономѣрности мышленія. Его точка зрења можетъ дать твердое логически-стройное основаніе философіи, но не можетъ сдѣлать этого эмпірическая психологія, не возбудивъ вопроса о пра-вахъ эмпірии на подобное предпріятіе.

Эта точка зрења имѣть имѣть повсюду большее распространеніе. Начала его слѣдуетъ искать въ эмпіризмѣ Локка, распространенія въ сенсуализмѣ XVIII вѣка, довершеннія—въ эмпірической психологіи англичанъ. Въ Германіи этотъ „психологізмъ“ отразился на Кантѣ, хотя онъ и боролся съ нимъ. Вполнѣ же перенесъ его на нѣмецкую почву Бенеке. Съ распространеніемъ англійского вліянія въ Германіи распро-странилась и эта точка зрења. Отразилось это направлениe и въ Россіи и даже получило нѣкоторое значеніе. Несомнѣнно, что есть много дово-довъ въ пользу этой точки зрења, притомъ различной силы. Несомнѣнно, что познаваніе есть психіческій процессъ, и что поэтому во всякому знаніи участвуетъ психіческій элементъ, котораго нельзя оставлять безъ вни-манія. Догматизмъ XVII вѣка уступилъ мѣсто критическому изслѣдо-ванію основъ познаванія. Весьма естественно при этомъ, что обратились къ эмпірической психології за совѣтомъ относительно этихъ основъ познаванія: такое обращеніе оказалось далеко не бесполезнымъ и открыло много интересныхъ фактъ. Эти найденные факты названы были зако-нами (например, законы ассоціацій) и провозглашены единственными основами психологической жизни. Весьма естественно, что вмѣстѣ съ знаніемъ возросла и гордость, и желаніе признанія и наибольшаго примѣненія въ различныхъ сферахъ найденныхъ результатовъ. Со-вершенно иные элементы духовной жизни настоящаго времени по-опирали теорію относительного, при чёмъ вліяніе теоріи абсолютнаго потеряло почву. Теорія относительного, соединясь съ психологіей эмпірической, дала описываемое нами направлениe.

Нужно помнить однако, что эмпірическая психологія вовсе не необходимо влечетъ за собою такое направлениe. Она, какъ сказано ранѣе, очень хорошо можетъ оставаться въ своихъ тѣсныхъ границахъ, занимаясь своими объектами, не возводя своихъ наблюдений въ уни-

версальную эмпирію. На раду съ метафизикой можетъ существовать эмпирическая психологія, сознавая свою зависимость.

Мы не станемъ слѣдить за психологизмомъ въ различныхъ областяхъ—въ этикѣ, физикѣ, эстетикѣ и логикѣ, хотя такая задача была бы весьма своевременною; остановимся лишь на психологизмѣ въ логикѣ, при чёмъ указанія заимствуемъ изъ названного уже сочиненія г. И. Гrotta. Въ немъ направлениѳ высказано рѣзко, и помимо, мнѣній, принадлежащихъ автору, высказаны мнѣнія, которыхъ могутъ быть приписаны всему направлению.

Сочиненіе имѣетъ двѣ стороны отрицательную и положительную; отрицательная—основа положительной.

Авторъ, придавая своему сочиненію большое значеніе, много говорить о ходѣ и развитіи идей, благодаря которымъ онъ пришелъ къ своимъ результатамъ. Выпишемъ здѣсь одно мѣсто (стр. 134).

„Мы сами многимъ обязаны Вунду въ окончательной выработкѣ своей классификаціи предложеній и даже въ теоріи сужденій, хотя вліяніе Вунда и было болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ: непроходимая путаница въ его распределеніи предложеній заставила насъ глубже вникнуть въ природу процессовъ мышленія, что и привело насъ къ неожиданнымъ обобщеніямъ“. До сихъ поръ мы полагали, что только ясныя и великия мысли имѣютъ свойство наводить мыслителей на новые открытия; какимъ образомъ непроходимая путаница могла сдѣлать то же самое—намъ не понятно. „Всѣ нынѣ реформируютъ логику“, замѣчаетъ авторъ (стр. 9), и этого, кажется бы, достаточно, чтобы не дѣлать того же. Хотя отрицательная часть, очевидно, раньше выяснилась въ головѣ автора, но онъ правильно помѣщаетъ ее по изложenію положительной. Въ отрицательной части сведены доводы противъ „старой“ логики, при чёмъ слѣдуетъ однако замѣтить, что терминъ „старая логика“ часто совсѣмъ непригоденъ, и слѣдовало бы указывать, кого именно разумѣть авторъ, такъ какъ старой логики, какъ полагаю цѣлаго, не существуетъ. Съ другой стороны, авторъ въ положительной части, въ „новой логикѣ“, слишкомъ часто приписываетъ себѣ такія мысли, которыхъ были высказаны ранѣе его.

Въ отрицательной части, посвященной вопросамъ логики въ общепринятомъ значеніи этого слова, авторъ рассматриваетъ вопросы о понятияхъ, сужденіяхъ, умозаключеніяхъ и законахъ мысли. Никто такъ радикально не высказывался противъ древнаго и почтенаго ученія старой логики.

Вся старая логика состоитъ изъ однихъ нелѣпостей и недоразу-

мъній. Новая—основана не на „метафизическомъ туманѣ“, а на психологіи и на теоріи, которая „пользуется сочувствіемъ, стоящихъ на уровнѣ современаго развитія знаній“ (стр. 251). Это, конечно, теорія развитія, аксіома мышленія. Она доставляетъ единственную возможную точку зрѣнія, съ которой могутъ быть разсмотрѣны умственные процессы (стр. 74). Такимъ образомъ и этотъ опытъ логики имѣть свою метафизику, то-есть, свои основные взгляды, считаемые неопредѣленными, а именно теорію развитія. Дарвиновы термины, постепенно утрачивающіе въ другихъ областяхъ свое значеніе, пріобрѣтаютъ въ логикѣ новое примѣненіе. „Законъ борбы за существованіе несомнѣнно приложимъ къ уму человѣка“ (стр. 161). Старая логика, такимъ образомъ, имѣвшая со времени Бэкона въ теченіе трехъ столѣтій разнообразныхъ враговъ, въ лицѣ Дарвина пріобрѣла себѣ нового. Мы думаемъ однако, что почтенное Аристотелево ученіе, выжившее дѣй тысячи лѣтъ, выдержавшее столько нападеній, вынесетъ и это новѣйшее.

Мы остановимся на отрицательной части и не будемъ утверждать, что въ положительной нѣть ничего, заслуживающаго вниманія. Ранѣе однако укажемъ на общий взглядъ автора на логику.

Авторъ оправдываетъ свой взглядъ и исторіей логики, но въ историческомъ очеркѣ можно найти очень много именъ и заглавій и очень мало исторій. Логика имѣла всегда практическій характеръ, пора поставить ее на теоретическую почву и устранить временно изъ логики всѣ практическія тенденціи (стр. 26). Логика должна быть наукой о познаніи. Методы этой науки теперь еще не могутъ быть опредѣлены (стр. 37) иначе, какъ приблизительно по аналогіи съ другими науками и критикой прежнихъ методовъ. Не смотря на это, авторъ утверждаетъ, что (стр. 41) логика можетъ быть построена только при правильномъ синтезѣ апостеріорныхъ методовъ: итакъ, логика—теоретическое и притомъ опытное изслѣдованіе. По связи логики съ психологіей можно предположить гъ ней необходимость дедукціи и изъ общихъ психологоческихъ теорій и изъ другихъ наукъ объ организмахъ (стр. 43).

Такимъ образомъ авторъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія и свою задачу. Поэтому нечего удивляться, что въ логикѣ мы встрѣчаемся съ трепанацией мозга, какъ экспериментомъ, пока еще не давшимъ для логики большихъ результатовъ. Эта точка зрѣнія не нова и не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что уничтожило бы старую логическая ученія. Эта точка зрѣнія психологического изслѣдованія познанія, изслѣдованія, которое въ послѣднее время подвинулось сильно

ЧАСТЬ ОСМІХ ВІІІ, отд. 2.

6

впередъ, благодаря работамъ, какъ физиологовъ, такъ и психологовъ. Но до сихъ поръ большинство полагало, что познаниемъ занимаются двѣ науки—психология и логика, первая—генезисомъ познанія, а вторая—пориами его. Не таково воззрѣніе автора: недостатки старой логики привели его (въ связи съ психологическимъ ученіемъ о по-знаніи) къ полному отрицанію старой логики. Не двѣ науки занимаются мышленіемъ, а одна, и эта наука есть логика, хотя задачи ея, очевидно, психологическія (гипотетическая); логика, имѣя съ психологіей однородную задачу, составляетъ часть послѣдней. Психология распадается, по мнѣнію автора (стр. 63), на психостатистику, то-есть, статику психического существованія, и психодинамику. Логика составляетъ часть психодинамики, а именно она наслѣдуетъ познавательную дѣятельность (стр. 64). Познавательная дѣятельность подробно опредѣлена авторомъ (стр. 67); но настъ это не интересуетъ. Новые термины, вводимые авторомъ въ психологію и скрывающіе обыкновенные вещи, придаются сочиненію г. Гроата, какъ и всѣмъ сочиненіямъ этого направления, сколастическій характеръ: за отвлеченіями психологическими скрылось все конкретное содержаніе. Авторъ такимъ образомъ удерживаетъ всюду генетическую точку зренія, полагая, что явленіе объяснено, когда объясненъ его генезисъ. Мы считаемъ логику частью психологіи столь же мало, сколь и всякой другой науки. Здѣсь однако же будемъ налагать отношеніе логика къ другимъ наукамъ.

Перейдемъ теперь къ содержанію сочиненія г. Гроата.

Отъ старой логики не остается ничего. Въ старой логикѣ центральное положеніе занимаютъ законы мышленія. Рассмотрѣпіе ихъ-то и послужило автору исходною точкой разсужденія (стр. 261). Оказывается, что эти законы (тожествъ, противорѣчія, исключеннаго-третьяго) въ обычномъ своемъ видѣ никакой разумной идеи не выражали (стр. 277), и что „единственный разумный смыслъ эти законы имѣть только въ той степени, въ какой они косвенно намекаютъ на законъ ассоціаціи идей“ и т. д. Терминъ закона мысли обозначаетъ для автора нечто совершенно иное, чѣмъ для формальной логики. Законы мысли онъ называетъ такія формулы, которыя выражаютъ: 1) взаимные отношенія другъ къ другу различныхъ процессовъ, изъ которыхъ мышленіе слагается на основавіи результатовъ правильного научнаго, то-есть, методического анализа его теченія, и затѣмъ, 2) зависимость этихъ процессовъ отъ различныхъ вѣнчихъ и внутреннихъ условій, оказывающихъ вліяніе на дѣятельность ума.

Мы сказали, что законы мысли въ старой логикѣ занимаютъ центральное положеніе. Они собственно и составляютъ ея единственное теоретическое содержаніе. Естественно потому, что, отрицая ихъ, придется отказаться отъ всего содержанія старой логики. Къ отрицанію же законовъ авторъ пришелъ не путемъ критики, какъ онъ это говоритъ: въ его мысляхъ ранѣе сложилась генетическая — ассоціаціонная точка зрѣнія, въ истинности и въ единодушномъ господствѣ которой онъ убѣдился и потому можетъ отрицать законы мысли. Ставъ на эту точку зрѣнія, авторъ самъ затвораетъ себѣ дверь къ логикѣ, и потому нечего удивляться, что онъ не нашелъ ея. Авторъ говорить, что значеніе законовъ мышленія придавалось различное значеніе: метафизическое, эмпирическое, формальное и психологическое. Очевидно, что первое и послѣднее толкованія логическихъ законовъ могутъ быть лишь примѣненіями ихъ въ сферѣ вѣнчайшаго и внутренняго опыта; итакъ, истинное значеніе логическихъ законовъ должно находиться, если дѣленіе автора полно, или въ формальномъ, или въ эмпирическомъ толкованіи: но и эмпирическое значеніе законовъ мысли касается, по мнѣнію автора, не мысли, а природы, и выражаетъ собою фактъ однообразія природы. Слѣдовательно, критику логического значенія законовъ (ибо долженъ же имѣть логический законъ какое-нибудь логическое значеніе) можно искать въ формальномъ ихъ значеніи. Однако оказывается, по мнѣнію автора (стр. 275—281), что въ формальномъ значеніи они выражаютъ правственное требованіе борьбы противъ произвольной путаницы въ словахъ и пр. (стр. 275). Нагдѣ авторъ не говоритъ о критическомъ значеніи законовъ, которое однако само собою напрашивается. Какъ пріемъ критики, законъ противорѣчія авторъ не станетъ же отрицать. Такъ, если авторъ говорить на стр. 47, что психологія не имѣетъ собственныхъ совершенно достовѣрныхъ критеріевъ для опредѣленія содержанія своихъ понятій (что кажется уничтожающимъ вообще научную самостоятельность психологіи), а на стр. 77, опредѣляя ступени развитія психической длительности, утверждаетъ, что существуетъ одинъ твердый критерій, а именно различная степень сознательности процессовъ (а сознательность — психологіческій же терминъ), — то мы по закону противорѣчія, какъ отрицательного критерія истины, можемъ заключить, что одна изъ его мыслей должна. Критическое значеніе логическихъ законовъ такимъ образомъ несомнѣнно. Но оно есть слѣдствіе того, что логические законы суть необходимы,aprіорныя условія всякой мысли. Авторъ, хотя и употребляетъ понятіе a priori, но конечно, не въ

томъ значеніи, въ какомъ оно употреблялось въ философіи. Априорное знаніе, по мнѣнію Канта, такое, которое всеобще и необходимо (это его положительный признакъ) и не заимствовано изъ опыта (это его отрицательный признакъ). Врожденная идея Декарта, этотъ прототипъ Канта, а priori, кажется г. Гроту, конечно, нелѣпостью. Тѣмъ не менѣе и теорія развитія, если она не желаетъ быть Гераклитовыемъ вѣчнымъ „становленіемъ“, должна признать своего рода a priori, то-есть, необходимыя условія всякаго развитія. Во-первыхъ, необходимо нѣчто, чтд развивается; во вторыхъ, самыи путь развитія не случаенъ, а опредѣленъ и именно качествами того „нѣчто“, которое развивается. И это какъ въ сферѣ матеріальной, такъ и духовной. Поэтому-то самыи разнообразныя по формѣ и содержанію мысли должны имѣть известныя априорныя условія, хѣлающія мысль возможной. Законы ассоціаціи, доставляющіе содержавіе мысли, априорны въ томъ смыслѣ, что безъ нихъ мысль, за отсутствіемъ содержанія, была бы невозможна. Законы логическіе, ничего общаго съ ассоціационными не имѣющіе, представляющіе его обратныя стороны, априорны въ томъ смыслѣ, что они опредѣляютъ собою формальное теченіе, развитіе мысли, стремящейся къ истинѣ. Основной фактъ психической природы человѣка—тотъ, что онъ прилагаетъ къ своимъ мыслямъ оцѣнку, считая одни истинными, другія ложными. Въ ассоціаціи не заключается этого критерія, и никакія ассоціаціи не способны привести къ нему. Нужно предположить, значитъ, въ психіи человѣка идею истини, источникъ логическихъ законовъ, сл. условіе, пользующееся ассоціаціями какъ своимъ материаломъ.

Рассматривая ассоціаціонную психологію, мы впослѣдствіи укажемъ, какъ она постоянно расшатывала старо-логическія понятія. То именно, что автору кажется желаннымъ—придать принципу ассоціаціи (стр. 110) всеобщее значеніе, кажется намъ не только ложнымъ, но и пагубнымъ для психологіи.

Столь же мало, какъ учение о законахъ мысли, удовлетворяетъ автора учение о сyllogismахъ, сужденіяхъ и понятіяхъ, и это, конечно, естественное слѣдствіе его возврѣнія на логическіе законы. Сужденіе, по мнѣнію г. Грота,—сознательный процессъ ассоціаціи диссоціаціи и дезассоціаціи идей, а умозаключенія—сознательные процессы, интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи идей (стр. 111). Умозаключеніемъ авторъ называетъ такую сложную ассоціацію, которая между двумя идеями, связанными съ третьею, устанавливаетъ непосредственное сообщеніе, прежде вовсе не существовавшее, то-

есть, совершенно новое (стр. 308 и 128); умозаключение съ психологической точки зреиня и есть ничто иное, какъ указание связи двухъ идей при посредствѣ третьей; силогизмомъ же (то-есть, логическимъ умозаключениемъ) не всякое умозаключение можетъ быть названо, а лишь правильно (формально) построенное по логическимъ правиламъ, даже еслиъ оно содержало въ себѣ (материально) нелѣпость. Правда, что доказательство въ жизни, убѣждение другихъ людей, рѣдко совершаются помощью длинныхъ рядовъ умозаключений по правиламъ старой логики.

Авторъ недоволенъ учениемъ логики о суждениі, потому что старая логика всегда смѣшивала предложеніе съ сужденіемъ. Главный недостатокъ старого учения о суждениі и умозаключеніи состоить въ томъ, что предполагаемый составъ, суждениія, выражаютсѧ въ разчлененіи его на подлежащее и сказуемое вовсе не есть истинный составъ суждениа, а лишь составъ предложенія, то-есть, словесной его формулы⁶ (стр. 129). Различие суждений, отъ предложеній состоить въ томъ, что первыя всегда трехчленны, а вторыя — двухчленны. Авторъ однако пигдѣ не коснулся вопроса обѣ отношеніи языка и мысли, суждениа и предложенія; утвержденіе же что различие подлежащаго и сказуемаго (стр. 144) въ суждениі, то-есть, процессъ мысли, не имѣть смысла, должно почтеть весьма бѣднымъ результатомъ анализа. Прантль, авторъ „Исторіи логики“, совершенно отожествляетъ мысль и рѣчь; г. Гrotъ совершенно различаетъ ихъ. Предложеніе, конечно, только оболочка мысли, однако не безразличная и извѣстнѣйшимъ образомъ связанныя съ самою мыслью. Слѣдуетъ указать, въ какомъ отношеніи одно стоить къ другому; различая предложеніе отъ суждений, авторъ для классификаціи предложеній (какъ видимой оболочки) ищетъ вицѣшнаго объективнаго принципа дѣленія (количественного отношенія объектовъ по объему ихъ цѣлыхъ и частей). Признаемся, приведенные авторомъ примѣры не убѣдили насъ въ вѣрности принципа дѣленія: почему, напримѣръ, предложеніе: „Норвегія похожа на Швейцарію“ есть примѣръ предложенія, высказывающаго отношеніе цѣлаго къ цѣлому, а предложеніе „день противоположенъ ночи“ составляетъ примѣръ отношенія частей одного цѣлаго къ другимъ частямъ, этого мы не понимаемъ. Самый принципъ дѣленія, какъ исключительно количественный, въ результатѣ не даетъ никакого дѣленія.

Различеніе сказуемаго и подлежащаго не имѣть ни малѣшаго смысла въ сужденияхъ (стр. 144). Въ сужденияхъ всегда три элемента,

два представлениі или логическихъ подлежащихъ и мыслимое отношеніе между ними; въ предложеніи же всегда два элемента. Авторъ однако самъ чувствуетъ, что различіе его ученія отъ стараго логического не столь велико, какъ по его словамъ можно бы подумать. Онъ говоритъ (стр. 132), что „смутное или инстинктивное сознаніе этой истины (что сужденіе трехчленно), вѣроятно, и было причиной того, что многие представители логики такъ настаивали на томъ, что связка есть необходимый элементъ сужденія, рядомъ съ подлежащими и сказуемымъ: однако отношеніе подлежащаго и сказуемаго весьма рѣдко совпадаетъ съ отношеніемъ двухъ подлежащихъ и того, что о нихъ мыслится въ сужденіи, и потому понятіе о связкѣ, какъ необходимомъ элементѣ сужденія, въ старомъ значеніи этого слова, было все-таки невѣрно“. Причины различія состава предложения и суждения авторъ опредѣляетъ такъ (стр. 143): „Сужденіе есть одновременное сообщеніе двухъ данныхъ элементовъ помощью третьаго, оттого оно трехчленно“. Это понятно. Но далѣе: „Предложеніе есть воспроизведеніе отношенія одного изъ этихъ элементовъ сознанія къ другому (установленнаго упомянутымъ сообщеніемъ) въ послѣдовательномъ поступлѣніи воспріятія въ сознаніи—оттого оно и двухчленно“. Это непонятно. Намъ кажется и здѣсь слѣдовало бы сказать, „оттого оно и трехчленно“. Но предложеніе можетъ быть и одночленно, какъ напримѣръ, въ безличныхъ суждениихъ, относительно которыхъ авторъ къ сожалѣнію не говоритъ ни одного слова, въ то время какъ безличные суждениа самыи характерныи и недаромъ пользуются вниманіемъ всѣхъ логиковъ. Признаемся, въ трехчленности мы не можемъ видѣть великаго открытия, а видимъ лишь старое и даже весьма старое опредѣленіе формальной логики суждениа (отношенія двухъ элементовъ сознанія). Авторъ полагаетъ, что ученіе о сказуемомъ и подлежащемъ есть главное препятствіе для сближенія процессовъ суждениа съ процессами ассоціації (стр. 194), и что какъ только оно устраниено, то становится возможнымъ опредѣлить сужденіе, какъ процессъ сознательной ассоціації представлений. Любопытно бы знать, чѣмъ препятствуетъ это старое ученіе ассоціаціонному взгляду на сужденія. Съ психологической точки зренія каждое сужденіе есть, конечно, ассоціація; съ этимъ согласится всакій—правда, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ авторъ опредѣляетъ ассоціацію. Авторъ считаетъ единственными самостоятельными психическими процессами — процессы ассоціації и интеграціи (стр. 95), это прекрасно; прекрасно также сравненіе первыхъ съ процессами механическими, а вторыхъ — съ про-

цессами органическими; но это прекрасное различие исчезаетъ, когда авторъ (стр. 101) придаетъ ему лишь одно количественное значение, говоря, что интеграція есть законченная совокупность ассоціацій. Неужели же авторъ между механическими явленіями и органическими признаетъ одно лишь количественное различіе? Къ чему же тогда эти термины? Суждение, какъ не механическое нѣчто, очевидно, по терминологіи автора, скорѣе интеграція, ибо не механическая же смызъ элементовъ въ суждениі, а произвольна.

Думаемъ, достаточно приведенного, чтобы охарактеризовать сочиненіе автора, которое мы хотѣли разсмотрѣть со стороны его направления. Мы вовсе при этомъ не желаемъ отрицать психологическихъ достоинствъ этого сочиненія. Можетъ быть, ихъ много; но намъ интересно было показать какъ новая психологія судить о „старой“ логикѣ.

Э. Радловъ.

*Очеркъ путешествій по Монголіи и съвернымъ провинціямъ внутренняго Китая
М. В. Пѣцова. Съ картою Монголіи. Омскъ. 1883.*

Изъ числа появившихся въ Россіи за послѣднее двадцатилѣтіе путешествій по Монголіи книга г. Пѣцова, по своей толковитости и по богатству сообщаемыхъ ею новыхъ сведѣній, является однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ вкладовъ въ географическую науку; но въ то же время читанъ произведеніемъ, подобнымъ труду г. Цѣнцова, русскому чоловѣку невольно приходится сожалѣть о той постановкѣ дѣла касательно изученія странъ чрезъ путешествія, которая усвоилась у насъ на Руси. Наши экспедиціи обыкновенно состоятъ изъ четырехъ, пяти или шести чоловѣкъ, но изъ этихъ лицъ собственно учеными дѣятелемъ является въ большинствѣ случаевъ только одинъ. Понятно, чѣмъ долженъ быть этотъ ученый дѣятель. Онъ долженъ быть топографомъ, чтобы производить съемку пройденного пространства или, при счастливыхъ условіяхъ, чтобы слѣдить за правильнымъ производствомъ этой съемки; онъ долженъ одновременно дѣлать астрономическія наблюденія для опредѣленія географического положенія мѣстъ и совершать барометрическія опредѣленія высотъ; онъ долженъ собирать растенія и съдовательно быть ботаникомъ; онъ долженъ съ толкомъ охотиться, а для сего быть зоологомъ и орнитологомъ; онъ долженъ быть за симъ историкомъ, этнографомъ и

статистикомъ; долженъ знать наконецъ коммерческія науки, чтобы сбратъ и доставить свѣдѣнія и по этой отрасли знаній; словомъ, онъ долженъ быть всѣмъ и дѣлать все. Прибавьте къ этой массѣ вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованіямъ, еще ежедневные перѣѣзы по обнаженнымъ пустынамъ хоть въ 25, 30 верстъ, присоедините членія хозяйственныхъ запитія, заботы о своемъ караванѣ, людяхъ и животныхъ, и вы поймете, что требовать при этихъ условіяхъ дѣйствительно основательного изслѣдованія страны буквально не возможно. Еще болѣшимъ затрудненіемъ является при этомъ малозначительность подготовки нашихъ путешественниковъ. Большинство ихъ, отправляясь на изслѣдованіе страны, впервые только само знакомится съ нею; нужно ли говорить, что при этомъ вниманіе путешественника въ большинствѣ случаевъ останавливаются на себѣ самыхъ обычныхъ явленій восточной жизни, а характерные особенности извѣстной мѣстности часто остаются вовсе не замѣченными? Въ Европѣ такой способъ снаряженія экспедицій для изученія Китая и подвластныхъ ему странъ уже давно оставленъ. Посмотрите на современныхъ намъ европейскихъ путешественниковъ по Китаю, Рихтгофена, Вильямса и пр. Это люди, которые еще до начала своихъ поѣздокъ по различнымъ областямъ Китая прожили въ изслѣдуемой ими странѣ цѣлый десятокъ лѣтъ. Живя въ одномъ какомъ-либо пунктѣ, они усѣивали за это время изучить языкъ народа, его правленіе и бытъ, его особенности и его цивилизацію, усѣивали ознакомиться съ самою страной, узать, чѣмъ замѣчательна каждая мѣстность, собрать всѣ разказы объ ея настоящей и преданія объ ея прошлой жизни. Вотъ почему и оказываются такъ высокосодержательны ихъ путешествія. Описывая извѣстную мѣстность, они говорятъ о ней именно то, чѣмъ слѣдуетъ о ней сказать: они обращаютъ свое вниманіе и подвергаютъ изслѣдованіямъ въ каждомъ данномъ пункѣ именно его особенности. Цѣрквавъ въ городѣ, который особенно замѣченъ, какъ пунктъ транзитный, они не станутъ собирать здѣсь свѣдѣнія о способѣ суконнаго производства, но изслѣдуютъ во всей полнотѣ именно вопросъ о мѣстномъ транзитѣ; также точно проѣзжая мѣста каменноугольныхъ копей, они обратятъ вниманіе именно на эту статью производительности страны, а не на какую-либо другую. Но для этого, повторяемъ, нужны знанія, нужна специальная подготовка; наши же путешественники, отправляясь на изслѣдованіе Китая, имѣютъ въ своей головѣ только громадную массу общихъ вопросовъ, на которые они должны представить отвѣты. Подавляемые этой массою вопросовъ и не бу-

дучи притомъ знакомы съ дѣломъ специально, эти путешественники не могутъ приносить съ собою и ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ. Одни, то-есть, самые лучшіе изъ нихъ, выбиваясь изъ силъ, исполняютъ свое дѣло честно, хотя и не всегда удачно и съ толкомъ, что обуславливается незначительностью ихъ подготовки; другие, болѣе самонадѣйные, сознавая, что удовлетворить всѣмъ вопросамъ не возможно, оставляютъ ихъ вовсе безъ изслѣдований, а избравъ себѣ одну какую-либо специальность, занимаются исключительно ею. Г. Пѣвцовъ, очевидно, не принадлежитъ къ этому второму отдалу путешественниковъ. Каждая страница его книги есть непреложное свидѣтельство его желанія принести съ собою елико возможно больше свѣдѣній, его постоянного труда, его неуставной дѣятельности. Онъ прежде всего путешественникъ дѣльный и умѣлый. Въ путешествіяхъ по Китаю мы привыкли уже слышать жалобы на притѣсненія китайцевъ и видѣть, что путешественники даже отступаютъ отъ своихъ изслѣдований, якобы въ силу этикъ притѣсненій. У г. Пѣвцова нѣтъ ни одной подобной жалобы: онъ, очевидно, не только терпѣливо переносилъ всѣ неудобства, доставляемыя ему при занятіяхъ толпою китайцевъ, но вполнѣ основательно находилъ въ этой самой толпѣ матеріалъ для своихъ изслѣдований и старался изучать эту толпу; онъ умѣлъ обходить и всѣ препятствія, поставляемыя ему туземнымъ правительствомъ, и начертавъ себѣ планъ изслѣдований, сознательно и неуклонно шелъ къ выполненію своихъ цѣлей. Впрочемъ и этого еще мало. Мы, конечно, не можемъ сказать, чтобы г. Пѣвцовъ явился вполнѣ подготовленнымъ путешественникомъ: онъ не зналъ языка изслѣдуемыхъ имъ народностей, не былъ знакомъ также и съ географическою литературою китайцевъ; но онъ несомнѣнно изучилъ почти все, что было добыто до него европейскими путешественниками, и это знакомство его съ европейской литературою по изслѣдованію Монголіи проглядываетъ почти на каждой страницѣ его книги.

Экспедиція г. Пѣвцова начала свое странствованіе отъ Алтайской станицы и, перешедши русскую границу близъ Суокского караула, направилась сначала чрезъ урочища Эльдэгэ и Алтанъ-чечэй къ городу Кобдо. Отсюда, по не изслѣдованнымъ еще мѣстностямъ она прошла до монастыря Нару-башъчэн хутухты на р. Дзанхыгъ и за сімь, спустившись въ пустыню Гоби, шла по ней чрезъ урочища Хоръ-мусу, Боро-толой и страну Шанъхай-гоби. Миновавъ эти пространства, экспедиція вступила въ предѣлы юго-восточной Мон-

голі и черезъ китайскій городокъ Куку-эрэ достигла замѣчательнѣйшаго изъ пограничныхъ торговыхъ пунктовъ Китая—города Кукухото. Изъ Кукухото экспедиція частію по Монголіи, частію по собственному Китаю перешла въ Калганъ и, перезимовавъ въ этомъ городѣ, направилась по прямой караванной дорогѣ въ Ургу. Изъ Урги прослѣдовала она по прямой дорогѣ черезъ Улусутай въ долину р. Кунгуя, мимо озера Ачиту-норъ, и возвратилась къ русской границѣ у Кошь-агача. Каждому изъ этихъ пространствъ, сообразно степени его важности и изслѣдованности, въ книгѣ г. Пѣвцова отведено соотвѣтствующее мѣсто, и каждому изъ этихъ отдѣленій г. Пѣвцовъ умѣлъ придать свою долю занимательности и интереса.

Дорога отъ пограничнаго съ Россіею, китайскаго пикета Суокъ до г. Кобдо была уже неоднократно пройдена русскими и европейскими путешественниками, и особенно въ послѣдніе годы. Въ юнѣ 1863 года она была описана г. Црнитцемъ¹⁾; въ 1870 году ее изслѣдоваль г. Радловъ²⁾ и въ томъ же году проѣхалъ по ней нашъ, извѣстный своими съемками въ Азіи, офицеръ корпуса топографовъ Матусовскій; въ 1872 году путь этотъ былъ пройденъ англичаниномъ Иллайсомъ³⁾. Благодаря подробнымъ и достаточно опредѣленнымъ описаніямъ этихъ путешественниковъ, мы уже имѣли общее представленіе о пространствѣ, залегающемъ между Суокскимъ карауломъ и г. Кобдо. Мы знали, что эта страна отличается гористымъ характеромъ, что всѣ, наполняющія ее горы, исключая отроговъ Сайлигема, принадлежатъ къ системѣ южнаго Алтая, что всѣ они въ видѣ мощныхъ вѣтвей отдѣляются отъ главнаго алтайскаго кряжа и, протягиваясь въ сѣверо-восточномъ направлениіи, даютъ еще и отъ себя небольшія отрасли въ самыхъ различныхъ направлениахъ; мы знали также обо всѣхъ главнѣйшихъ рѣкахъ, протокахъ и озерахъ, лежащихъ по этой дорогѣ, знали начонецъ обо всѣхъ удобствахъ и неудобствахъ пройденного пути. И несмотря на то, описание

¹⁾ Црнитцъ. Торговли русскихъ съ китайцами на р. Чүз и поездка въ г. Хобдо—Изв. Имп. Р. Геогр. Общ. 1865 г., ч. I, стр. 1; Ею же: Записки о поездкѣ въ китайскій городъ Хобдо—Зап. И. Р. Г. Общ. по отд. статист., т. II, стр. 341; его же: Brief aus dem Altai in Erman's Archiv für wissenschaftl. Kunde von Russland, B. XXX, N. 1, стр. 536.

²⁾ Радловъ. Торговли сношенія Россіи съ зап. Монголіей и на будущность—Зап. И. Р. Г. Общ. по отд. статист., т. II, стр. 341; его же: Brief aus dem Altai in Erman's Archiv für wissenschaftl. Kunde von Russland, B. XXX, N. 1.

³⁾ Elias. Journey through western Mongolia, въ Journal of the geogr. soc vol. XLIII. 1873.

этого пространства г. Пѣцовымъ читается съ большимъ интересомъ, въ особенности потому, что, знакомый съ литературою путешествий по этому краю, онъ, очевидно, заботился о томъ, чтобы сообщить новое, дополнить и пояснить наши познанія объ этой странѣ. Такимъ образомъ известія г. Принца о р. Белеу, притокѣ р. Кобдо, путешественникъ дополняетъ известіями о солоноватомъ озерѣ Белеу и объ отношеніяхъ его къ р. Суоку. Не подалеку отъ этого уро-чища Белеу и именно съ перевала Намъ-даба г. Принцъ увидѣлъ покрытую вѣчными снѣгомъ гору Алтанъ-чечей, о существованіи которой ничего не говорить намъ дневникъ г. Матусовскаго (хотя по-сѣдѣй въ свою очередь сообщаетъ намъ объ озерахъ Алтанъ-чечей, по поводу которого г. Радловъ даже собралъ мѣстныя преданія). Ставилось такимъ образомъ вопросомъ: существуетъ ли въ дѣйствительности снѣжный блокъ, видѣнныи г. Принцемъ? Г. Пѣцовъ объясняетъ теперь намъ, что именемъ Алтанъ-чечей называется гор-ная котловина съ лежащими посреди ея озерами: горный же блокъ, находящійся верстахъ въ пяти отъ этого озера и окаймляющій южную котловину съ юго-восточной стороны, носить название Гурбантъ-часуту. Всѣ эти нименія дѣлаются у г. Пѣцова такъ не-замѣтно, свѣдѣнія, въ высшей степени научительныя, налагаются съ такою скромностью и простотою, что замѣтить ихъ и оцѣнить ихъ достоинство можетъ только человѣкъ, основательно знакомый съ ли-тературой и современною постановкой нашихъ знаній о странѣ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Пѣцовъ проходитъ по той же дорогѣ, по которой проходили и его предшественники, описываетъ тѣ же мѣстности, даетъ тѣ же имена; казалось бы, что у него вѣть ничего нового; но стоитъ только болѣе внимательно отнести къ его сообщеніямъ, чтобы увидѣть, что передаваемыхъ имъ свѣдѣній въ дѣйствительности нельзя найти ни у одного изъ его предшественниковъ. Не меньшій интересъ въ книгѣ г. Пѣцова представляютъ собранія имъ распросныхъ свѣдѣній о странѣ; таковы сообщенія о перевалахъ, сущес-твующихъ въ Нарымскомъ хребтѣ, объ истокахъ и теченіи попа-давшихся ему по пути рѣкъ, о длине и направлениахъ горныхъ хреб-товъ и проч.

Въ г. Кобдо г. Пѣцовъ прожилъ только одну недѣлю, снаряжая и упорядочивъ свой караванъ для дальнѣйшаго путешествія. По-видимо, что собрать въ такой короткій срокъ новые свѣдѣнія о городѣ, и особенно послѣ того, какъ г. Потанинъ прожилъ здѣсь цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ успѣлъ въ совершенствѣ изучить

быть и условія существованія здѣшнихъ жителей, — для г. Пѣвцова было рѣшительно не возможно. Тѣмъ не менѣе коротенькая замѣтка путешественника о Кобдо имѣть несомнѣнныи интересъ, потому что г. Пѣвцовъ сообщаетъ въ ней о旎ль-таки новый свѣдѣнія; такимъ образомъ онъ представляется намъ точными данными относительно устройства кобдоскихъ цитаделей, понятіе о которыхъ мы имѣли досѣль лишь по монголо-китайскимъ официальнымъ свѣдѣніямъ. Необходимо замѣтить однако, что въ данномъ случаѣ показанія китайцевъ оказываются въ высшей степени правдивыми, и мы имѣемъ теперь полное право предполагать, что кобдоская крѣпость существуетъ и до настоящаго времени именно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ была воздвигнута при императорѣ Ціань-лунѣ въ 1763 году. Въ числѣ данныхъ, относящихся до исторіи г. Кобдо, необходимо отмѣтить собранные г. Пѣвцовымъ разказы о нападеніи на этотъ городъ дунганскої шайки осенью 1872 года. Свѣдѣнія эти значительно пополняютъ собою повѣствованіе о томъ же эпизодѣ англійскаго путешественника Илайса, не смотря на то, что послѣдній посѣтилъ Кобдо въ томъ же 1872 году, то-есть, именно въ то время, когда дунганская шайка еще наполняла собою окрестности этого города и когда разказы объ ихъ дѣйствіяхъ можно было собирать и провѣрять, такъ сказать, по живымъ слѣдамъ.

Съ выступленіемъ изъ города Кобдо экспедиція начала изслѣдованіе неизѣстныхъ намъ пространствъ Монголіи, и здѣсь по преимуществу открывается передъ нами наблюдательность г. Пѣвцова, какъ путешественника. Онъ подробно объясняетъ намъ географическое положеніе пройденныхъ имъ пространствъ, постоянно изслѣдуетъ составъ и видоизмѣненіе почвы, наблюдаетъ за орошеніемъ и растительностью страны, отмѣчаетъ малѣйшія видоизмѣненія въ характерѣ пройденныхъ горъ и долинъ, изслѣдуетъ остатки культуры этой страны и проч. Такимъ образомъ, въ долинѣ Дзэрга, непосредственно залегающей къ юго-востоку отъ озера Хара-усу, г. Пѣвцовъ нашелъ множество археовъ, то-есть, длинныхъ каналъ, служившихъ въ прежнее время для орошения пашенъ. Свѣдѣніе это свидѣтельствуетъ о довольно значительномъ развитіи здѣсь земледѣлія въ прежнее время, чтѣ вполнѣ подтверждается для насъ и сказаніями китайскихъ историковъ. Одна изъ этихъ каналъ была на столько значительна по своей величинѣ, что экспедиція приняла было ее спачала за естественный ручей или небольшую рѣчку; но изслѣдовавъ основательно берега этой канавы, г. Пѣвцовъ нашелъ на нихъ кое-гдѣ еще уцѣ-

лѣвшими цѣлые валы вънутрь земли, и обстоятельство это послужило для него несомнѣннымъ доказательствомъ искусственного происхождения канавы. Относительно всей западной окраины долины Дээрго г. Пѣвцовъ, на основаніи наблюдений надъ ея почвою, пришелъ также къ положительному заключенію, что вся эта долина должна была составлять собою, въ старину, часть озера Хара-усу, которое, въ настоящее время, уже отступило къ сѣверу, по оставило слѣды своего пребыванія въ долинѣ. Къ этимъ замѣчаніямъ мы также должны отнести съ полнымъ довѣріемъ, и хотя они недоступны для нашей пропытки по древнимъ историческимъ памятникамъ китайцевъ, однако естественно-историческая изслѣдованія г. Пѣвцова оказываются на столько вѣскими, что не оставляютъ мѣста для сомнѣнія въ справедливости его заключеній. Мы видимъ далѣе, что г. Пѣвцовъ, въ своихъ наблюденіяхъ надъ почвой проходимыхъ имъ странъ, не ограничивается изученіемъ одной ея поверхности; нѣть, по мѣстамъ онъ производить даже раскопки, изслѣдуя подпочвенный и указанія на пахожденіе или отсутствіе раковинъ въ томъ или другомъ пространствѣ, конечно, составляетъ значительный фактъ для геологии этихъ пространствъ. Такимъ образомъ ведетъ г. Пѣвцовъ свои изслѣдованія на всемъ пути по пройденнымъ его экспедиціей и не подвергавшимся еще изслѣдованіямъ европейцевъ мѣстностямъ.

Нельзя не пожалѣть однако, что на раду съ такимъ щадительнымъ и подробнымъ изученіемъ обширныхъ пространствъ Монголіи въ естественно-историческомъ отношеніи, г. Пѣвцовъ не обращалъ, по видимому, ровно никакого вниманія на политическое раздѣленіе этихъ пространствъ. Мы никакъ не думаемъ этимъ замѣчаніемъ уменьшить общее значеніе и достоинство труда г. Пѣвцова, тѣмъ болѣе, что указанный нами недостатокъ относится не къ одному г. Пѣвцову, а ко всѣмъ безъ исключенія путешественникамъ по Монголіи. Недостатка этого до сего времени никто не замѣчалъ, и никто никогда не говорилъ о немъ ни одного слова; очевидно, стало быть, что если г. Пѣвцовъ повторилъ на себѣ оплошность другихъ, то дѣло здѣсь обусловливается именно скудостью нашихъ познаній о Монголіи и естественно происходящую отсюда незначительностью подготовки нашего путешественника. До сего времени у насъ всегда говорили только о главномъ дѣленіи Халхи на четыре ханства; это дѣленіе исключительно находимъ мы и на всѣхъ нашихъ географическихъ картахъ Монголіи; но вѣдь помимо сего Халха въ политическомъ отношеніи раздѣляется на 86 княжествъ—владѣній или, точнѣе ска-

зать, самостоятельныхъ округовъ, каждый изъ которыхъ, по своему внутреннему управлению, всецѣло подчиняется власти своего родового князя. Въ южной Монголіи такихъ же точно княжествъ или округовъ насчитывается 49, у Чахарь 8, въ Куку-порѣ 29, въ Алашапи 4 и т. д. Давно уже наши путешественники юздали по Монголіи, по начинавшемъ съ Савы Владиславича Рагузинскаго и оканчивая г. Цржевальскимъ, ни одинъ изъ нихъ не задавался мыслью узнать, по чьимъ землямъ онъ проѣзжаетъ, какой князь править этими землями, какого онъ ранга, отъ кого онъ происходит, какъ велики его владѣнія, сколько, хотя бы приблизительно, у него подвластныхъ и т. д. А между тѣмъ все это свѣдѣнія въ высшей степени важны. Они интересны не только въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, по и для политики. Случись отпаденіе Монголіи отъ Китая, почти каждый изъ этихъ князей можетъ провозгласить себя независимымъ государемъ, и Монголія раздѣлится снова на мелкія княжества, какъ это было и до эпохи манчжуро-китайского владычества. Возможность для этого есть полнѣйшая, ибо ни одно изъ владѣній отдѣльныхъ монгольскихъ князей не менѣе Бадена или даже Виртемберга, а некоторые (какъ напримѣръ, Хошунь-Мэргэнъ-вана) будутъ соотвѣтствовать въ своихъ пространствахъ даже и Бельгіи: владѣтели такихъ земель не могутъ считаться незначительными. Но даже и безъ этой катастрофы для настъ всегда важно имѣть свѣдѣнія о монгольскихъ князьяхъ, знать, который изъ нихъ выше по своему званію, а следовательно, и пользуется болѣшимъ значеніемъ при Пекинскомъ дворѣ, знать, который изъ нихъ сильнѣе, а потому влиятельнѣе въ своемъ народѣ и въ средѣ своихъ князей, знать, откуда и до куда простираются владѣнія того или другаго князя, гдѣ онъ живетъ, и гдѣ, следовательно, сосредоточены военныя силы его княжества. Собирать такого рода свѣдѣнія въ высшей степени не трудно. Зайдите въ любую юрту, и каждый монголь непремѣнно скажетъ вамъ, кому принадлежитъ то мѣсто, на которомъ онъ кочуетъ: это то же самое, что спросить у нашего мужика, въ какой онъ живетъ губерніи, или въ какомъ уѣздѣ, съ тою только разницей, что русскій мужикъ, привыканный къ обработываемой имъ десятинѣ, почти никогда не укажетъ вамъ границъ своей губерніи и своего уѣзда, а кочевникъ-монголь, постоянно переходящий съ одного мѣста на другое въ предѣлахъ своего хошуна, по большей части знаетъ всѣ его границы до нѣльчайшихъ подробностей. Необходимо, однако, собирать эти свѣдѣнія умѣло, а иначе они будутъ крайне запутаны и подчасъ вовсе без-

полезны. Дѣление Монголіи на хошуны существовало, собственно говоря, съ самыхъ древнихъ временъ. Въ періодъ независимости монголовъ каждый хошунъ представлялъ собою извѣстное пространство земли, на которомъ кочевали два или три рода халхасовъ, соединенныхъ подъ управлениемъ одного князя; именемъ этого родового князя назывался и самыи хошунъ. Китайцы, принявъ въ свое подданство Монголію, почти цѣликомъ сохранили въ ней дѣление на хошуны, предоставивъ при этомъ каждый хошунъ въ родовое управлениe того или другаго князя; но вмѣстѣ съ тѣмъ они придали этимъ хошунамъ совершенно другое значеніе. Такъ какъ всѣ монголы обязаны китайцами военною службою, то въ основаніе настоящаго территоріального дѣленія ихъ страны положены военные цѣли: прежнія ханства китайцы переименовали въ военные корпуса, а входившія въ составъ этихъ ханствъ отдельные родовые владѣнія переименовали въ дивизіи; такимъ образомъ прежнія родовые владѣнія монгольскихъ князей получили у китайцевъ названія примѣнительно къ построению войскъ въ военное время; напримѣръ, правой дивизіи лѣваго фланга, средней дивизіи праваго фланга, задней дивизіи лѣваго фланга и т. п. Эти названія всецѣло знакомы и монголамъ, хотя сами они до сего времени не отыкли еще называть свои хошуны по именамъ ихъ владельцевъ. Такимъ образомъ, спросивъ у монгола, къ какому принадлежитъ онъ хошуну, вы получите отвѣтъ: „принадлежу къ хошуну Цамцуку бэйлэ“ (то-есть, князя 3-й степени Цамцука); или: „къ хошуну цасака Цэрэн“ (то-есть, правителя Цэрэна) и т. д. Видоизмененія въ этомъ отвѣтѣ могутъ быть еще слѣдующія:

1) Китайцы, моноглоссическимъ языку которыхъ совершили не свойственные и непонятны многосложныя собственныя имена иноязычниковъ, имѣютъ обыкновеніе, какъ въ устной рѣчи, такъ и въ письменности, употреблять только первый, начальный слогъ этого имени. Это общее свое правило всецѣло приложили они и по отношенію къ собственнымъ именамъ монгольскихъ князей. При полной политической зависимости монголовъ отъ Китая и при постоянныхъ сношеніяхъ монголовъ съ Китаемъ, особенно по дѣламъ администраціи, монголы естественно усвоили у себя этотъ китайскій обычай называть своего князя только начальнымъ слогомъ его имени. Къ вицему укорененію этого обычая, какъ имѣли мы возможность убѣдиться изъ тѣхъ собственными наблюденіями, способствовало еще и то обстоятельство, что, по обычаямъ самихъ монголовъ, называть старшее лицо его собственнымъ именемъ считается неуваженіемъ и непочтеніемъ

къ нему. Такимъ образомъ послѣдній монгольскій амбанъ въ Ургѣ былъ повсюду известенъ подъ именемъ „На-байсъ“, такъ какъ собственное имя его было Намчилъ, а состоялъ онъ въ званіи князя 4-й степени. Итакъ, если вы спросите у монгола, къ какому принадлежитъ онъ хошуну, онъ чаще всего можетъ отвѣтить вамъ: „къ хошуну Цэ цасака“, или „къ хошуну Ца гуна“ и т. п. Слогъ „ца“ можетъ обозначать адѣль какое-либо собственное имя въ родѣ Цэванъ, Цэрэнъ и проч.; потому же правилу слогъ „ца“ можетъ обозначать Цаскибъ, Цамцукъ и вообще всѣ имена, начинающіяся съ слога „ца“.

2) Многіе изъ монгольскихъ князей имѣютъ при своемъ званіи еще особые почетные титулы, которые они сохранили за собою или еще отъ временъ своей самостоятельности, или же пріобрѣли вслѣдствіи чрезъ пожалованіе имъ таковыхъ титуловъ китайскимъ боддоханомъ. Титулы эти довольно однообразны: мэргэнъ — умный, ловкий; цэцэнъ — мудрый; дайчинъ — воинственный; батуръ — богатырь; энэ — миролюбивый; биширалту — вѣрный престолу и нѣкоторые другіе. Князья, имѣющіе такие титулы, обыкновенно известны въ Монголіи не по своимъ собственнымъ именамъ, а прозываются своимъ титуломъ. Такимъ образомъ являются князья съ названіемъ „Мэргэнъ-ванъ“, „Цэцэнъ-байлэ“, „Дайчинъ-гунъ“ и проч., а отсюда и владѣнія ихъ называются у монголовъ пріимѣрно, хошунъ биширалту-vana, хошунъ батуръ-байлэ и т. д.

3) Третий изъ монгольскихъ князей известны наконецъ просто по обозначенію мѣстонахожденія своего жительства и своего хошуна. Предположимъ, напримѣръ, что въ аймакѣ Цасакту хана имѣется два князя съ званіемъ тушѣ-гуна; одинъ изъ нихъ называется Дотушѣ-гунъ, по первому слогу своего имени — Дондобъ, а другой — Гобийнъ-тушѣ-гунъ, то-есть, „тушѣ-гувь степной“, потому что ко-чевья его хошуна располагаются въ Гоби.

Таковы способы, которыми пользуются монголы для опредѣленія названий своихъ хошуновъ.

Изъ числа всѣхъ европейскихъ путешественниковъ, когда-либо бывшихъ для изслѣдованія Монголіи, одинъ только г. Потанинъ заносилъ въ свой дневникъ свѣдѣнія о хошувахъ и старался узнавать, по какимъ именно окружамъ пролегала его дорога; но, къ несчастію, онъ дѣлалъ это впервыхъ — не всегда, а вовторыхъ — и не совсѣмъ умѣло. Дѣло въ томъ, что г. Потанинъ всецѣло отдался въ этомъ случаѣ монголамъ и записывалъ то, что они гово-

рили ему, не стараясь добиться до сути дѣла и до названій хопу-
новъ болѣе постоянныхъ и опредѣленныхъ. Такимъ образомъ вы
находите у него хошуны Джа Цзасака, То гуна, Да гуна и проч.
Читателамъ уже понятно теперь, что значать всѣ эти названія: это
ви больше ни менѣе, какъ название извѣстнаго административнаго
округа по начальному слогу имени его владѣтеля или начальника;
яснѣ сказать, это все равно какъ если бы монголь писалъ, что,
перѣхавъ русскую границу у Кяхты, опись проѣхалъ сначала область
губернатора X, потомъ губернію генераль-майора Y, потомъ губер-
нію и т. д. Непрочность такжъ названій понятна сама собою.
На другой день послѣ того, какъ г. Потанинъ выѣзжалъ изъ
хошуна, который онъ помѣтилъ названіемъ хошуна Цэ-цзасака,
этотъ Цэ-цзасакъ могъ умереть, быть смѣненъ, уволенъ отъ
службы, и хошунъ его изъ хошуна Цэ-цзасака превратиться въ хо-
шунъ Ба-цзасака; поздѣйшимъ же исслѣдователямъ предоставляется
при этомъ только недоумѣвать, какой это хошунъ Цэ-цзасака? Наз-
ванія хошуновъ по княжескимъ титуламъ, конечно, болѣе опредѣ-
лены, такъ какъ титулъ, однажды усвоенный правителю извѣстнаго
хошуна, переходить неизмѣнно уже ко всѣмъ его преемникамъ; но
здѣсь является опять то неудобство, что одинъ и тотъ же титулъ
можетъ быть одинаково у двухъ, трехъ князей, а при этомъ непре-
мѣнно возникнеть и путаница относительно ихъ владѣній. Итакъ,
самымъ лучшимъ опредѣленіемъ названія того или другого хошуна
можетъ быть именно усвоенное ему военное положеніе его въ об-
щемъ составѣ халхасскихъ войскъ того или другого аймака: хопупъ,
которому назначено составлять, напримѣръ, среднюю дивизію въ пра-
вомъ флангѣ, или, какъ говорятъ монголы, среднее звѣни (хошунъ)
праваго крыла (гарь), удерживаетъ за собою это назначеніе постоянно,
и названіе это свойственно только ему одному; отсюда понятно и то,
что въ настоящее время это единственное, точное опредѣленіе для обо-
значенія того или другого хошуна. Если же наши путешественники хот-
тать уже непремѣнно слѣдовать привычкамъ монголовъ и отмѣтить
имена хошуновъ по названіямъ ихъ князей, то въ такомъ случаѣ
имъ необходимо упоминать имя родоначальника правителей того или
другого хошуна и опредѣлять хошунъ именно его именемъ. Имена
этихъ родоначальниковъ (долгоръ эбугэ), равно какъ и имена совре-
менныхъ правителей, одинаково извѣстны каждому монголу. Итакъ:
для полноты вашихъ свѣдѣній о Монголіи мы почтаемъ необхо-
димымъ, чтобы послѣдующіе наши путешественники по этой странѣ

непремѣнно собирали свѣдѣнія, впервыхъ, о томъ, по какому именно хошууну они проѣзжаютъ, и отмѣчали бы название его или согласно военному раздѣлению Халхы на дивизіи и фланги, или же имѣніемъ родоначальника его правителей; вторыхъ, узнавали бы къ какому рапгу припадлежитъ князь, управляющій этими хошууномъ; втретьихъ, узнавали бы какъ велики предѣлы этого хошууна, и какія именно мѣстности служать его границами; вчетвертыхъ, какъ велико населеніе того или другого хошууна, или, что то же, сколько подданныхъ имѣется у того или другого князя. Удовлетворить этому послѣднему требованію опять-таки весьма не трудно. Конечно, если у монгола-простолюдина спросить напримѣръ, сколько данниковъ у его князя, онъ затруднится этимъ отвѣтить и пожалуй или отзовется познаніемъ, или же отвѣтить вамъ только то, что ихъ очень много; но стоитъ лишь спросить: сколько роть (монгол. сумувъ) считается въ хошуунѣ, и всякий монголъ, какъ рядовой солдатъ, отвѣтить вамъ: двѣ, три, пять, десять, двѣнадцать и т. д.; этого отвѣта будетъ уже совершенно достаточно, ибо монгольская рота составляется, какъ извѣстно, изъ 150 солдатъ, или, что то же каждый сумуль приблизительно состоить изъ 150 семей.

Г. Нѣвцовъ, какъ мы сказали уже выше, воине по собирали свѣдѣній о томъ, по какимъ именно хошуунамъ Ѳхалъ онъ въ Монголіи; впрочемъ, основываясь на данныхъ, почерпаенныхъ изъ монгольской и китайской географической литературы, а равно и на краткихъ показаніяхъ г. Потапина, мы можемъ утвердительно сказать, что, перешагнувъ границы Халхы, экспедиція вступила въ предѣлы цзасакту хановскаго аймака, и именно въ кочевья правой дивизіи лѣваго фланга этого аймака. Обозначать подробно границы этого хошууна въ томъ видѣ, какъ передаютъ намъ это китайскія географіи, здѣсь, конечно, не умѣстно; скажемъ только, что по пути г. Нѣвцова, то-есть, въ юго-восточномъ направлѣніи, хошуунъ этотъ тянется, по сказаніямъ китайцевъ, до уроцища Куйсу¹), очевидно, соотвѣтствующаго мѣстности Кысъ, въ которой ночевала экспедиція 15-го сентября 1878 г. Между тѣмъ Потапинъ проводитъ границы этого хошууна значительно западнѣе уроцища Куйсу²), и такимъ образомъ возникаетъ вопросъ объ этихъ границахъ, который могутъ бы

¹) Мэн-гу ю му цзи. Бенъцы 3-я Цзюань 7-я л. 8-й.

²) Очерки сѣв.-зап. Монголіи, т. I, карта и т. II, стр. 20.

быть совершенно разрешенъ г. Пѣвцовыиъ, но который предоставляетъ теперь разрѣшать послѣдующимъ путешественникамъ.

Отъ урочища Куйсу г. Пѣвцовъ вступилъ въ мѣстность еще болѣе интересную; ему должны были предстать земли, на которыхъ кочуетъ вмѣстѣ два хошуна, именно, срединя дивизія лѣваго фланга и заднія дивизія праваго фланга аймака (то-есть, корпуса) цзасаку хана. Подобныя соединенія двухъ хошуновъ на однихъ земляхъ въ настоящее время являются въ Халхѣ уже рѣдкимъ исключениемъ и составляютъ забытые маньчжурами остатки отъ того стараго времени, когда китайскіе боддоханы заботились только о томъ, чтобы побольше раздробить власть халхасскихъ князей и понадѣлать въ Халхѣ побольше правителей. Въ своемъ изданіи монгольской языковой „Эрдэнинъ Эрихъ“ мы подробно перечислили всѣ тѣ хошуны, которые подверглись раздѣлению со стороны маньчжуровъ¹⁾), равно какъ сдѣлали замѣчаніе и о томъ, что маньчжуры производили это дѣлѣніе хошуновъ послѣдовательно, какъ и вообще не торопясь проводили они всѣ свои нововведенія въ жизнь халхасовъ. Обыкновенно, если у какого-нибудь монгольского родового начальника бывалъ братъ или родственникъ, особенно чѣмъ-либо отличившійся на службѣ у маньчжуровъ, то императоръ, какъ-бы въ награду за его заслуги, приказывалъ родопачальнику отдать изъ пользы такого родственника нѣсколько сумуровъ (военныхъ ротъ) и отдать ихъ ему въ управление. Номинально такимъ образомъ существовалъ одинъ хошунъ, ибо въ немъ считался только одинъ князь, который могъ сноситься съ пекинскимъ дворомъ, а новопоставленный правитель являлся какъ бы чѣмъ-то въ родѣ утвержденного маньчжурами помощника по дѣламъ мѣстнаго управления: кочевыя таковыхъ правителей по первоначалу также точно не раздѣлялись, и даники ихъ жили совмѣстно на старыхъ мѣстахъ, владѣя одинаково всѣми землями единаго хошуна. Но какъ помимо отношеній къ маньчжурамъ правъ новопоставленнаго, въ самыхъ кочевыхъ, были совершенно однаполовы съ цзасакомъ (правителемъ) старшимъ, а народъ, подлежавшій его вѣдѣнію, естественно долженъ былъ группироваться около своего правителя, то на дѣлѣ скоро оказывалось два хошуна, потому что въ немъ было два совершенно отдѣльные правители съ двумя отдѣльными группами даниковъ, обычай же скоро устанавливавшій у нихъ и поземельныя границы для двухъ отдѣльныхъ кочевьевъ.

1) Монгольская языковая Эрдэнинъ Эрихъ. С.-Пб. 1883, стр. 274.

Послѣ того какъ время само собою устраивало это дѣленіе, маньчжурское министерство, уже не боясь никакихъ волненій въ народѣ, могло дѣлить хошуны, объявляя прежде зависимаго правителя самостоятельнымъ. Но такого рода объявленія слѣдовали не всегда. Хошуны, особенно незначительные, иногда забывались вовсе, и вотъ, къ числу этихъ-то хошуновъ и принадлежать разсматриваемыя нами двѣ дивизіи, черезъ земли которыхъ проѣзжалъ г. Пѣццовъ. Собственно пространства, на которыхъ кочуютъ эти дивизіи, до времени подданства халхасовъ Китаю составляли земли родовыхъ владѣній монгольского князя Ахай тайчжи. Сынъ его Эрдэни гомбо поддался Китаю, и тогда хошуну его было назначено составлять заднюю дивизію праваго фланга. Эрдэни гомбо имѣлъ у себя двоюроднаго брата — Рабтана, которому императоръ Канси пожаловалъ званіе сула тайчжи (то-есть, сверхштатнаго правителя) и приказалъ находиться при войскахъ хошуна. Впослѣдствіи Рабтана въ 1717 и 1720 годахъ отличился въ походахъ на Цэвань-рабтана, а въ 1727 году сослужилъ особую службу маньчжурскому правительству, участвуя въ разграничениіи Монголіи съ Россіей. Эта-то послѣдняя миссія и послужила предлогомъ для возышенія Рабтана. Въ 1728 году Эфу Цэрэнъ, предсѣдатель комиссіи по разграниченню земель, представилъ императору докладъ, въ которомъ, свидѣтельствуя о Рабтани, какъ о человѣкѣ достойномъ, просилъ сдѣлать его самостоятельнымъ цзасакомъ. Императоръ согласился, возвелъ Рабтана въ званіе тайчжи 1-й степени и пожаловалъ ему для кочевья земли по уроцищу Кигирсутай¹⁾). Такимъ образомъ на земляхъ одного хошуна явилось два совершенно самостоятельные правители съ отдѣльными группами данниковъ. О размежеваніи ихъ земель въ китайскихъ офиціальныхъ памятникахъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій; напротивъ, географическое сочиненіе Мань-гу ю му цзи прямо свидѣтельствуетъ намъ, что оба эти хошуна кочуютъ на однѣхъ земляхъ²⁾). Интересно знать по этому, какъ раздѣлили эти хошуны свою территорію, и изслѣдованіе этого вопроса должно необходимо пролить свѣтъ какъ на сторону обычнаго права у монголовъ, такъ и разъяснить многое относительно ихъ экономического быта. Съ другой стороны, китайская государственная географія современныхъ маньчжурскихъ владѣній, из-

¹⁾ Цзасакту хав у аймагунъ шастиръ, т. I.XV, стр. 27.

²⁾ Мань-гу ю му Бол. 3-я, Цз. 7-я л. 6-й.

вѣстная подъ заглавiemъ „Дай-цинь-и-тунь-чжи“, относительно этихъ хошуновъ сообщается, будто кочевья задней дивизіи праваго фланга ограничиваются на востокѣ урочищемъ Дуанъ, на западѣ горами Наринъ-хара, на югѣ равниной Куйсу и на сѣверѣ горами Нуру; кочевья же средней дивизіи лѣваго фланга доходятъ на востокѣ до Урту, на западѣ до Чжиргаланту, на югѣ до урочища Хара-хучжаръ на рѣкѣ Туй (?), а на сѣверѣ до горъ Нуру. Впрочемъ, сообщая такое дѣление, Дай-цинь-и-тунь-чжи не отрицаѣтъ кочевки обоихъ дивизій на земляхъ, принадлежащихъ собственно одной; следовательно, если подобное дѣление действительно существуетъ, то оно введено именно народнымъ приговоромъ. Во всякомъ случаѣ изслѣдованиe вопросозъ о дѣлежѣ земель между двумя хошунами, кочующими совмѣстно на земляхъ одного рода, является въ высшей степени интереснымъ, и послѣдующіе путешественники должны имѣть его непремѣнно въ виду, чтобы сослужитъ свою службу, какъ этнографіи, такъ и исторіи Монгольского народа.

Миновавъ земли этихъ двухъ хошуновъ, г. Швartzъ долженъ быть вѣхать въ кочевья шабинаровъ Нару-баньчэнъ хутухты или, какъ пишетъ самъ путешественникъ, Нарбаньчи гэгэна. Свѣдѣнія объ этомъ пространствѣ представляются еще болѣе интересными. Извѣстно, что появленіе въ Монголіи особаго сословія шабинаровъ того или другого изъ многочисленныхъ монгольскихъ хутухтъ относится сравнительно къ позднѣйшему времени. Когда въ Халхѣ дѣлался славный какоб-либо хутухта, болѣе состоятельные изъ князей приносили ему въ даръ по пѣскольку семей своихъ даниковъ, и изъ этихъ-то подарковъ у халхасскихъ хутухтъ съ течениемъ времени составились тысячи, и даже десятки тысячъ, такъ-сказать, крѣпостнаго люда. Другіе, болѣе обычные способы образования шабинаровъ намъ также извѣстны¹⁾, хотя въ литературѣ нашей по востоку доселѣ еще остается открытымъ вопросъ, кѣмъ же управляются эти шабинары, и въ какомъ отношеніи стоятъ они къ государственному китайскому и мѣстному монгольскому правительству, а равно и късосѣдающимъ имъ монгольскимъ общинамъ? Со стороны маньчжуріи было, конечно, вполнѣ рационально обособить управление шабинаровъ ургинскаго Чжэбцзунъ-дамба гэгэза, число которыхъ простирается свыше 70,000 человѣкъ; но вѣдь въ Монголіи есть хутухты, у которыхъ число даниковъ не превышаетъ 80, или 100 душъ, неужели же эти незна-

¹⁾ Позднѣевъ. Ургинскія хутухты. С.-Пб. 1879, стр. 35.

чительныя единицы имѣютъ у себя отдельное, самостоятельное управление? Не менее интересно знать, въ какихъ отношеніяхъ состоять эти данники хутухтъ къ общему строю монгольской государственной жизни: отправляютъ ли они, напримѣръ, общія повинности монголіи (весенная, стаціонная, караульная и пр.), или же, по общему закону изъятія церковныхъ имуществъ отъ всякаго рода государственныхъ налоговъ, эти шабинары также точно не несутъ на себѣ никакой государственной службы. Если мы припомнимъ, что число всѣхъ шабинаровъ въ Монголіи едва ли не превышаетъ $\frac{1}{4}$ населенія всей страны, то для насъ будетъ вполнѣ ясно, какъ важны всѣ эти вопросы для разясненія экономического состоянія Монголіи. Мы не знаемъ наконецъ и того, что называютъ монголы кочевыми шабинаровъ того или другаго хутухты: точнѣе сказать, мы не знаемъ, есть ли это дѣйствительно опредѣленныя закономъ и очерченныя извѣстными границами земли для кочевья шабинаровъ, или же это пространства, которыхъ предоставлены въ пользованіе данникамъ хутухтъ только пароднымъ обычаемъ. Извѣстно, напримѣръ, что данники ургинскаго Чжэбцузы дамба хутухты не имѣютъ своихъ опредѣленныхъ земель: они кочуютъ по всей Монголіи, и хотя большинство ихъ живетъ именно около Урги и монастыря Эрдзинъ цау'скаго, но это не исключаетъ возможности встрѣтить шабинара Чжэбцузы дамба хутухты и въ предѣлахъ Кобдской области. Дѣло въ томъ, что князья, жертвуя хутухтѣ извѣстное количество данниковъ, не давали имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и земли; отсюда естественно произошло то обстоятельство, что вѣкоторые изъ этихъ подаренныхъ семей перекочевывали поближе къ своему новому правителю, а другія оставались на своихъ старыхъ мѣстахъ, и все отношеніе ихъ къ вѣдомству Чжэбцузы дамба хутухты ограничивалось лишь доставленіемъ извѣстного количества дани въ его казначейство. Съ другой стороны, каждый монголъ скажетъ вамъ, что близь Урги кочуютъ шабинары Чжэбцузы-дамба-хутухты, и назоветъ эти земли кочевыми шабинаровъ; но мы знаемъ за вѣрпос, что сама Урга расположена па земляхъ, принадлежащихъ кочевымъ средней дивизіи корпуса Тушѣту хана, слѣдовательно, и окрестности ея принадлежать не шабинарамъ хутухты, а монголамъ помянутой дивизіи. Итакъ, при исследованіи кочевьевъ шабинаровъ интересно было бы знать, дѣйствительно ли это земли хутухты, а равно—когда, кѣмъ и какимъ образомъ они ему переданы; или же это плаваніе шабинарскихъ кочевьевъ усвоено извѣстнымъ пространствамъ однимъ лишь народ-

нымъ обычаемъ, и только потому, что на пространствахъ этихъ уже съ давнихъ поръ живутъ шабиширы того или другаго хутухты.

Въ своемъ дальнѣйшемъ слѣдованіи на юго-востокъ экспедиція должна была пройти по сѣверо-восточной оконечности хошуна Цзасакту хана и затѣмъ вступить въ предѣлы кочевья сайпъ-пояновскаго аймака, то-есть, собственно въ мѣста, отведенныя подъ жительство задней дивизіи праваго фланга этого аймака. Продолжая изученіе этихъ пространствъ въ естественно-историческомъ отношеніи съ той же внимательностью и полнотою, г. Пѣвцовъ отмѣчаетъ, что по р. Цагачъ голъ, въ 22-хъ верстахъ отъ Байдарика, повстрѣчалъ онъ слова пании монголовъ. Это свѣдѣніе важно для насъ, какъ свидѣтельство о томъ, что хлѣбопашество по р. Байдарикѣ и его притокамъ, начатое еще при императорѣ Юнъ-чженѣ, не прекратилось здѣсь и до сего времени. Къ сожалѣнію, путешественникъ ничего не сообщаетъ о размѣрахъ этого хлѣбопашества, и такимъ образомъ мы естественно лишены возможности судить о томъ, развивается ли оно у монголовъ, или же па оборотъ размѣры его сократились сравнительно съ тѣмъ, чтѣ было въ старое время. Историческіе памятники отъ 10-го года правленія Юнъ-чжона (1732 г.) сообщаютъ намъ докладъ шунь-чэнъ цинь-вана Си бао, въ которомъ онъ доносилъ императору, что на поляхъ, распахиваемыхъ по уроцищамъ рр. Цзакъ и Байдарикъ, жатва приносить ежегодно ячменя и пшеницы свыше 9400 мѣшковъ (ши=мѣшокъ зерноваго хлѣба въ 120 кит. фунтовъ¹⁾), то-есть, около 41,300 пудовъ; въ позднѣйшее время мы встрѣчаемъ въ отчетахъ по этому хлѣбопашеству почти ту же сумму; по съ окончаніемъ чжунгарскихъ войнъ или, точнѣе, съ половины годовъ правленія Цинь-луна, то-есть, приблизительно съ 1765 г., свѣдѣнія о немъ совершенно прекращаются, такъ что и самое существованіе этого хлѣбопашства было для насъ весьма сомнительнымъ вплоть до времени настоящей поѣздки г. Пѣвцова. На лѣвомъ берегу Байдарика г. Пѣвцовъ повстрѣчалъ небольшія развалины, о которыхъ мѣстные монголы сообщали ему, что это будто бы остатки города Уласутая, находившагося здѣсь въ старое время. Г. Пѣвцовъ высказываетъ по этому случаю свое сожалѣніе, что ему не пришлось произвести здѣсь своихъ раскопокъ, но мы не полагаемъ, чтобы раскопки эти могли дать особенно богатые результаты. Дѣло въ томъ, что Уласутай, вопреки сообщеніямъ монголовъ, никогда здѣсь не

¹⁾ Манъ-гу ю му цзи Вен. З-я Цз. 8-я л. 9-я.

стоялъ; видѣвши же г. Пѣццовыи развалины несомнѣнно представляютъ собою остатки одной изъ тѣхъ крѣпостей, которыхъ были построены вѣдь маньчжурами въ періодъ войны чжунгарскихъ. Такихъ крѣпостей въ ту пору было построено вѣдь несколько: въ 1719 году, еще при императорѣ Канси, были заложены цитадели на берегахъ Цзака и Байдарика¹⁾; а въ 11-й лунѣ 1732 года фу-ду-тунъ Синь-ма-ха-да вмѣстѣ съ известнымъ китайскимъ путешественникомъ Тулишемемъ, по приказанию императора Юнь-чжена, построили вѣдь еще новыи крѣпости²⁾. Мы не сомнѣваемся, что если бы г. Пѣццовъ подробнѣ и обстоательнѣ распросилъ тѣхъ же монголовъ о находящихся въ странѣ ихъ развалинахъ, то они указали бы ему еще вѣсколько таковыхъ на Цзакѣ, на Тубѣ и особенно большія на Оагіппѣ, гдѣ маньчжуры имѣли крѣпость, въ которой не только содержали цѣлыми арміи своихъ войскъ, но еще имѣли и складочныи провіантскіе магазины.

Всѣ наши замѣчанія объ опущеніяхъ г. Пѣцрова, относясь главнымъ образомъ до историко-этнографической стороны изслѣдований, могутъ, пожалуй, навести читателей на мысль, что вопросы этого рода остались и вовсе не затронутыми путешественникомъ. Но такое заключеніе было бы крайне несправедливо. Г. Пѣццовъ очевидно обращалъ свое вниманіе на все, чтѣ представлялось его глазамъ, и не опускалъ ни одного добытаго имъ свѣдѣнія. Подошедши почти къ границамъ южной Монголіи, онъ поэтому, какъ бы на прощанье съ Халхой, составляетъ цѣлую главу, пъ которой излагаетъ свои этнографическія наблюденія. Онъ представляетъ вѣдь своимъ замѣткамъ о племенномъ составѣ населенія Монголіи, обѣ образѣ жизни и бытѣ обитателей этой страны, о ея политическомъ устройствѣ, административномъ управлѣніи и пр. Всѣ эти отдѣлы, и особенно въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыхъ составлены г. Пѣцзовыи на основаніи его личныхъ наблюденій, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Читатель можетъ пріобрѣсти по этой главѣ довольно отчетливое представление о жизни монголовъ, можетъ составить себѣ даже краткую, но довольно вѣрную характеристику этого народа; словомъ, г. Пѣццовъ въ этой главѣ является не менѣе даровитымъ и внимательнымъ путешественникомъ; чо пусть бы и ограничился онъ этими своими прекрасными замѣтками. Къ сожа-

¹⁾ Монгольская Лѣтопись „Эрдэнэнинъ эрихъ“. С.-Пб. 1883 г. отр. 286.

²⁾ Мань-гу ю му цзи. Боянъ 2-я Цз. 8. л. 8.

Лѣнію, г. Пѣвцовъ, подобно многимъ другимъ русскимъ путешественникамъ, приложилъ къ пимъ распросныхъ свѣдѣнія да еще извлечепія изъ китайскихъ географическихъ сочиненій, которыхъ, по собственному его заявленію, получилъ онъ „въ словесныхъ переводахъ гг. Успенского и Падерина“. Все это свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что г. Пѣвцовъ всѣми силами старался собрать и представить намъ побольше достовѣрныхъ свѣдѣній о Монголіи, что во все времена своего движенія онъ бдительно наблюдалъ и записывалъ все видѣнное, а во время остановокъ провѣрялъ свои наблюденія въ бесѣдахъ съ людьми, знающими Китай и Монголію не по одному своимъ личнымъ наблюденіямъ, но и по китайской литературѣ. Для критики особенно грустно указывать недостатки въ результатахъ такого неустранного труда; тѣмъ не менѣе она обязана сдѣлать это именно въ интересахъ нашего совершенствованія. Въ самомъ дѣлѣ, что значать словесные переводы одной или двухъ точекъ изъ того или другого китайскаго сочиненія, которые въ бесѣдахъ съ г. Пѣвцовыми сдѣлали ему гг. Успенскій и Падеринъ? Стоило ли ихъ не только обнародывать, но даже и записывать? Ужели на одной точкѣ, выхваченной изъ первой попавшейся подъ руку китайской книги возможно намъ основывать свои знанія о странѣ? Я не думаю этого замѣткой охуждать китайскую географическую литературу; напротивъ, безъ знакомства съ историко-географическими изслѣдованіями китайцевъ европейскому ученому путешественнику, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ и переступать черезъ границу Китая; но нужно же, чтобы эти историко-географическія знанія китайцевъ представлялись путешественнику именно въ той формѣ, въ какой они действительно существуютъ, а не являлись бы предъ нимъ въ видѣ одной, безсвязной замѣтки, взятой изъ записки какого-то безвѣстнаго китайскаго автора. Но истинѣ въ нашихъ изслѣдованіяхъ Китая мы видимъ какую-то злую пасмурную судьбу. Передъ отпрашеніемъ г. Пржевальскаго въ Монголію и страну тангутовъ, тотъ же г. Успенскій сдѣлалъ для него полный сводъ китайскихъ географическихъ свѣдѣній о Куку-ворѣ, сводъ въ высшей степени замѣчательный и по богатству данныхъ, и по полнотѣ, и по систематичности; но г. Пржевальскій отвергъ эту работу, какъ бесполезный для него хламъ: теперь г. Пѣвцовъ, который вполнѣ основательно признавалъ необходимость знакомства съ изслѣдованіями китайцевъ, который, безъ сомнѣнія, имѣя у себя эти изслѣдованія и прозѣравъ ихъ, привнесъ бы намъ своею экспедиціей богатѣйшіе ре-

зультаты,—пользуется лишь отрывочными точками изъ китайскихъ сочиненій, которыхъ перевели ему наши китансты. Посмотрите же, что вышло изъ подобныхъ сообщеній. Говоря объ административной управленіи у монголовъ, г. Ільинъ сообщаетъ, что важнейшіе дѣла этого управлениіа разбиваются у монголовъ на аймачныхъ сеймы, и что „такіе сеймы въ каждомъ аймакѣ должны существовать собираяться ежегодно“. Взято ли это извѣстіе изъ разпросовъ, или изъ словесныхъ переводовъ, мы не знаемъ, но оно во всякомъ случаѣ не вѣрно. Согласно действующимъ письмамъ въ Монголіи китайскимъ узакопеніямъ, сеймы во всѣхъ монгольскихъ корпусахъ (аймакахъ) созываются не раньше, какъ по истеченіи трехлѣтія. Исторія, правда, свидѣтельствуетъ намъ, что въ правлениі императора Канси и Юпъ-чжэна у монголовъ действительно вошло было въ обычай составлять свои сеймы ежегодно: очевидно можетъ быть, что одно изъ подобныхъ свидѣтельствъ и было переведено г. Ільину,—но та же исторія передаетъ намъ, что времена императора Цянь-луна (монгольское Тэпъ-гр'янъ тэтхухсэнъ) было издано даже особое постановленіе, которымъ положительно воспрещалось производить эти чрезвычайныя собравія такъ часто: срокъ для созванія сеймовъ былъ назначенъ трехлѣтній, и единствено для кукунорскихъ монголовъ онъ былъ ограниченъ двумя годами (въ силу разноименности монгольскихъ поколѣній, населяющихъ Кукуноръ, и обилия междуусобныхъ неурядицъ, возникающихъ у этихъ поколѣній). Еще болѣе сбивчивости представляютъ замѣтки г. Ільина о разграничении халхаскихъ аймаковъ и о ревизіяхъ аймачныхъ хановъ. Такимъ образомъ, мѣстоположеніе ставки Тушѣту-хана пашъ путешественникъ полагаетъ на р. Орхонѣ, верстахъ въ 30 ниже устья р. Толы (стр. 89), а на картѣ обозначастъ ее верстахъ въ 40 къ юго-западу отъ монастыря Амуль-баасхуланту, неправильпо называемаго имъ Амурь-байса. Между тѣмъ кочевья тушѣту-хановъ находились въ этихъ мѣстахъ только въ самое первое время послѣ подданства халхасовъ Китаю и возвращенія ихъ изъ южной Монголіи въ свои родовыя кочевья. Въ ту пору тушѣту-ханъ былъ объявленъ дѣйствительнымъ главою своего аймака, и маньчжуры, можетъ быть—именно въ виду удобствъ администраціи, указали тушѣту-ханамъ эти земли. Но родовыя кочевья тушѣту-хановъ находились всегда у Эрдэви-цзу'скаго монастыря, то-есть, приблизительно верстъ на 200 южнѣе того мѣста, гдѣ г. Ільинъ полагаетъ теперь тушѣту-хановскую ставку; здесь же всегда располагался и собственный хопунъ тушѣту-хановъ. Вотъ почему съ 1727 года.

когда ханская власть въ Монголіи была объявлена предѣствительской, и ханы были уравнены въ своемъ значеніи съ хошунными цзасаками, тушѣту-ханы снова перекочевали на свои старыя мѣста при Эрдэни-цзу. Съ тѣхъ поръ ставка ихъ неизбѣжно находится на этихъ мѣстахъ. Мы можемъ прослѣдить ее за всѣ протекшіе полтораста лѣтъ по историческимъ памятникамъ монголовъ, по географическимъ сочиненіямъ китайцевъ, наконецъ въ то самое время, какъ путешествовалъ г. Пѣвцовъ, то-есть, все лѣто 1878 года авторъ настоящей статьи самъ прожилъ въ ставкѣ тушѣту-хана и почти ежедневно ходилъ пѣшкомъ въ Эрдэни-цзу'скій монастырь къ богослуженіямъ, такъ какъ монастырскіе храмы отстоили отъ юргы тушѣту-хана не болѣе, какъ въ $1\frac{1}{2}$ или 2-хъ верстахъ. Въ настоящее время, какъ намъ не безызвѣстно, ханская ставка стоитъ опять-таки на томъ же самомъ мѣстѣ, хотя самъ тушѣту-хань, будучи въ сентябрѣ 1883 года назначепъ на должность амбана въ Ургу, живетъ теперь постоянно въ этомъ городѣ. Какимъ образомъ получиль г. Пѣвцовъ свѣдѣнія о существованіи ханской ставки пеподалеку отъ устья р. Толы, для насъ совершенно не понятно. Еще менѣе объяснимо, какъ могъ опять покѣрить чьему бы то ни было показанію и запечсти въ свою книгу извѣстіе, будто у монастыря Эрдэни-цзу находится ставка Сайнъ-ноина. Дѣло въ томъ, что самому г. Пѣвцову было хорошо извѣстно, что монастырь Эрдэни-цзу принадлежитъ къ тушѣту-хановскому аймаку (стр. 89). Какимъ же образомъ Сайнъ-ноинъ, этотъ четвертый ханъ халхасскій, будетъ жить не только не въ своемъ хошунѣ, но даже и въ чужомъ аймакѣ? Уже одно простое сопоставленіе свѣдѣній могло бы объяснить г. Пѣвцову всю нелѣпость данныхъ показаний.

Переступивъ границы внутренней или южной Монголіи, г. Пѣвцовъ продолжаетъ изслѣдоватіе этой страны въ естественно-историческомъ отношеніи съ токо же точностью и полнотою, съ какою описывалъ онъ и обширныя степи Халхи. Особенною ясностью отличается представляемый имъ очеркъ горныхъ хребтовъ, бороздящихъ Монголію въ различныхъ направлениихъ, и мы можемъ смѣло утверждать, что до сего времени не появлялось еще ни одного сочиненія, по которому можно было бы представить читателю направление монгольскихъ горныхъ хребтовъ съ такою отчетливостью, какъ по книгѣ г. Пѣвцова. Это одинъ изъ самыхъ главныхъ результатовъ добросовѣстного изученія края г. Пѣвцовыми. Результатъ этотъ достигнутъ путешественникомъ именно путемъ послѣдовательныхъ и довольно

подробныхъ описаний проходящихъ мѣстностей. Для доказательства справедливости нашихъ словъ укажемъ въ особенности на описание горныхъ хребтовъ Багашаихай и Йэхэ-шанхай, равно какъ и раздѣляющей эти хребты равнины, посѣщющей название Шанхай-гоби или Бургасутэйнъ-тала. Собственно говоря, только теперь впервые и дано попатие обѣ этой странѣ, хотя еще въ 1873 году по ней проходилъ и описывалъ ее г. Пржевальскій. Замѣчательно, что у послѣдняго мы не находимъ даже и ни одного изъ названий помянутыхъ мѣстностей. Въ дальнѣйшемъ слѣдовали по южной Монголіи г. Шѣвцовъ впервые представивъ описание китайского торгового городка Куку-эргэ, доселе еще совершенно неизвѣстнаго и, вѣроятно, возникшаго сравнительно въ очень недавніе годы. Городокъ этотъ отстоитъ всего только въ 48 verstахъ отъ Куку-хото, бывшаго предѣльнымъ пунктомъ движенія экспедиціи г. Шѣвцова на югъ Монголіи.

Въ городѣ Куку-хото г. Шѣвцовъ прожилъ, кажется, не болѣе десяти дній. Попытно, что изучить въ этотъ короткій срокъ такой важный пунктъ, совершенно невозможно. Куку-хото или, какъ называютъ его китайцы, Гуй-хуа-чэнъ замѣчательенъ прежде всего по той богатой самыми различными видами производительности мѣстности, въ которой онъ расположенъ; онъ важенъ за симъ, какъ пунктъ самой оживленной торговли, которая ведется между внутреннимъ и застѣннымъ Китаемъ; важенъ, какъ пунктъ административный, въ которомъ сосредоточено управление значительной части южной Монголіи и, въ частности, всѣхъ вообще тумэцкихъ хошуновъ; важенъ, какъ пунктъ стратегическій; важенъ, наконецъ, собственно для монголовъ, и въ религиозномъ отношеніи. Изложенія административного и стратегического значенія Гуй-хуа-чэнъ мы, правда, отъ г. Шѣвцова и не ожидали: это—вопросы, отвѣты на которые требуютъ долгихъ изысканий и изслѣдований; притомъ же обѣ эти особенности города совершенно скрываются отъ бѣглого наблюденія; но отчего путешественникъ ни слова не говоритъ намъ о религиозномъ значеніи Куку-хото, это для настѣ совершенно непонятно. Куку-хото — это монгольская митрополія халхасскаго буддизма. Если вѣрить сказаніямъ китайцевъ и монголовъ, то въ городѣ имѣется пять большихъ монастырей съ населеніемъ не менѣе, какъ по 2,000 ламъ въ каждомъ; да помимо того, здѣсь находится еще пятнадцать монастырей меньшихъ, въ которыхъ каждый считается въ своихъ стѣнахъ также отъ 200 до 250 буддийскихъ монаховъ; такимъ образомъ общее число ламъ въ Куку-хото полагается не менѣе, какъ въ 20,000, что

составляеть десятую часть населенія всего города. Самые монастыри представляютъ собою громадныя и величественныя постройки китайской и тибетской архитектуры, а отдельныя здания въ нихъ почитаются чуть ли не вѣнцомъ восточного зодчества. (Монголы съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются обыкновенно на описании Куку-хото'sкаго монастыря—Цзу, который, по видимому, то же самое, что монастырь „пяти башень“, описываемый Гюкомъ). Но смотри на все это, г. Пѣвцовъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о существованіи этихъ монастырей, такъ что если бы мы не находили подтверждений о существованіи ихъ у первого нашего путешественника по Китаю Ф. И. Байкова¹⁾, да изъ новѣйшій у Гюка и Габе, то могли бы даже усомниться въ справедливости восточныхъ сказаний; въ настоящее же время для насъ остается только вопросомъ: не оканчалася ли Куку-хото до такой степени, что изъ него уже изчезло теперь все монгольское, а вмѣстѣ съ тѣмъ древніе памятники и святыни буддизма? Но вѣдь со времени пребыванія въ Куку-хото французскихъ лазаристовъ прошло только сорокъ лѣтъ, и вѣковыя сооруженія тибетско-монгольскихъ хутухъ едва ли успѣли совершиенно изчезнуть въ такой короткій періодъ времени. Гюкъ придавалъ Куку-хото'sкимъ монастырямъ такое важное значеніе, что единственное и зависимы отъ ихъ славы поставлять и развитіе Куку-хото въ торГОвомъ отношеніи²⁾; но это кажется намъ ужъ черезчуръ преувеличеніемъ, ибо торговое значеніе Гуй-хуа-чэн'a несомнѣнно обусловливается самимъ его мѣстоположеніемъ. Дѣло въ томъ, что Гуй-хуа-чэнъ стоитъ почти въ центрѣ сѣверной границы собственнаго Китая и оттого онъ совершенно одинаково можетъ управлять торговыми дѣлами въ Монголіи, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Съ другой стороны, на всемъ протяженіи границы сѣвернаго Китая едва ли найдется другой пунктъ, который имѣлъ бы такое удобное сообщеніе съ внутренними провинціями Срединной имперіи. Вотъ почему если всѣ тѣ товары, которые привозятся моремъ и перегружаются въ Тай-ципѣ, вступаютъ въ застѣній Китай черезъ Калганъ; вся сухопутная торговля Китая сходится въ сѣверную Шань-си и затѣмъ направляется прямо на Куку-хото. Г. Пѣвцовъ упоминаетъ между прочимъ о большомъ количествѣ кирпичнаго чая, доставляемаго въ Куку-хото изъ

¹⁾ Сибирскій Вестникъ, 1820 г., ч. XI, стр. 130.

²⁾ Huc, Souvenirs d'un voyage en Tartarie, t. I, p. 161.

провинцій Ху-бэй и Ху-чань. Извѣстно, что изъ этихъ же самыи провинцій продуктъ этотъ доставляется и къ намъ; но мы съ своею перевозкою дѣлаемъ громадный крюкъ къ юго-востоку, и чай наши терпятъ по крайней мѣрѣ три перегрузки, пока доберутся до Калгана, между тѣмъ какъ путь на Куку-хото, которымъ именно и пользуются китайцы, ведущіе свою торговлю въ Монголіи, является несравненно прямѣе, ближе и удобнѣе. Изъ Хань-коу китайцы отправляютъ свои чаи черезъ Фань-ченъ и Ши-цин-ченъ въ Шань-си, а отсюда ихъ чайные караваны сѣдѣютъ чрезъ Лунъ-ань-фу, Цзинь-чжоу, Тай-юапъ-фу и Да-тунь-фу въ Куку-хото. Наши путешественники побывали теперь на обоихъ окраинахъ этого богатѣйшаго торгового пути: г. Сосновскій былъ въ Хань-коу и въ Фань-ченѣ, г. Пѣвцовъ—въ Куку-хото; но къ сожалѣнію, ни одинъ изъ нихъ не только не собралъ обѣ этой дорогѣ подробныхъ разказовъ, но даже не называетъ ея главнѣйшихъ пунктовъ и въ такихъ короткихъ словахъ, какими ограничивались и въ настоящей замѣткѣ. Между тѣмъ изслѣдованіе этого пути имѣть громаднѣйшее значеніе въ торговомъ отношеніи, и особенно для Россіи. Помимо чая, по той же дорогѣ доставляются въ Гуй-хуа-ченъ изъ внутренняго Китая шелковый матеріи и хлопчато-бумажныя издѣлія; если г. Пѣвцовъ и утверждаетъ теперь, будто бы эти предметы доставляются въ Гуй-хуа-ченъ пресимуществоенно изъ Пекина и Тянь-цзина, то это извѣстіе является для насъ совершенно новизной, ибо, на основаніи показаний китайскихъ и европейскихъ изслѣдователей, мы думали до сего времени буквально противоположно. (Не относится ли это извѣстіе г. Пѣвцова главнымъ образомъ до европейскихъ и американскихъ товаровъ?) Удобство сообщенія Гуй-хуа-чена съ внутреннимъ Китаемъ дѣлаетъ для насъ понятнымъ, почему этотъ городъ сталъ важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ; точно въ такихъ же отношеніяхъ стоитъ онъ и къ сѣверному, застѣнному Китаю; оттого-то на всемъ протяженіи сѣверныхъ границъ Китая нѣтъ рѣшительно ни одного пункта, у которого соединялось бы такъ много торговыхъ дорогъ съ сѣвера, какъ у Куку-хото. Большіе торговые пути лежать отъ этого города, съ одной стороны, до Уласутая, Кобдо, Хами, Или, Тарбагатая и Нинъ-са, а съ другой—проходить на русскую границу къ Нерчинску, на Карулэнъ, въ кочевья восточныхъ сунитовъ и, наконецъ, на Калганъ: все это мѣстности, которыхъ представляютъ собою опять-таки центры довольно значительной китайской торговли. Г. Пѣвцовъ не сообщаетъ никакихъ числовыхъ данныхъ о ходѣ куку-хото-

точской торговли; по собраннымъ же нами разказамъ китайскихъ таможенныхъ чиновниковъ, изъ Куку-хото ежегодно отправляется въ Улласутай и Кобдо всего до 60,000 мѣстъ кирпичнаго чая (въ 24 и 39 кирпичей) фамилий Юань-шэнъ-чуань и Чаянь-шэнъ-чэнъ; въ прочія мѣста западной Монголіи и къ сайдъ-поиновцамъ до 20,000 мѣстъ; въ Ургу и Каахту до 10,000 мѣстъ байхового и кирпичнаго чая. Главнѣйшія изъ куку-хотосскихъ торговыхъ фирмъ имѣютъ свои торговые склады во всѣхъ поминутыхъ городахъ; таковы компаніи Да-шиант-хуй, Юань-шэнъ-да, Тянъ-и-де и др.¹⁾.

Изъ сказанного явствуетъ, что Куку-хото въ торговомъ отношеніи является особенно замѣчательнымъ, какъ пунктъ транзитный. Такіе города обыкновенно отличаются дороживизною содержанія и жизненныхъ продуктовъ; но къ удивленію, Куку-хото представляетъ собою исключеніе и въ этомъ случаѣ. Г. Пѣвцовъ собралъ довольно подробныя данные для опредѣленія базарныхъ цѣнъ въ Куку-хото, и эти цѣны являются относительно даже низкими (дорога только одна свинина=17 коп. кит. фунтъ и рыба 45 коп. кит. фунтъ). Нѣть сомнѣнія, что это обусловливается исключительно богатствомъ почвы и производительностью края, и въ самомъ дѣлѣ г. Пѣвцовъ разказываетъ, что въ окрестностяхъ Куко-хото теперь не видно уже ни клочка свободной земли, все вспахано и засѣяно. Паини эти принадлежать частію мѣстныхъ монголамъ тумэцкаго поколѣнія, частію китайцамъ. Всѣ эти сообщенія для нась въ высшей степени интересны, какъ новое свидѣтельство о громадномъ переселеніи китайцевъ на монгольскую территорію. Важно было бы еще узвѣтъ при этомъ быть этихъ переселенцевъ, изслѣдоватъ, занимаютъ ли они эти монгольскія пространства своеевольно, или съ вѣдома китайского правительства. Мы знаемъ, что официально китайцамъ вообще воспрещено переходить на житѣе за великую стѣну; но въ уложеніяхъ, изданныхъ императоромъ Цзя-циномъ въ 1811 году, относительно Куку-хото въ этомъ случаѣ было, кажется, сдѣлано нѣ-которое исключеніе. Богдоханскому величеству было иззвѣстно, что въ окрестностяхъ Куку-хото распахивалось въ то время 1,605 десятинъ, и онъ не воспретилъ этой распашки, хотя наложилъ на всѣхъ землемѣльцевъ оброкъ, общая сумма котораго съ 1605 десятинъ

¹⁾ Подробности объ этомъ см. въ статьѣ «О торговлѣ въ Монголіи», помѣщенной въ газетѣ *Сибирь* 1879 г., № 8 и др.

развилась 2847 ланамъ (около 5,694 серебряныхъ рублей), съ тѣмъ чтобы деньги эти шли въ пользу бѣдныхъ монголовъ-тумэтовъ¹). Интересно знать, существуютъ ли теперь, при этой громадной распашкѣ сотенъ тысячъ десятинъ, подобные оброки, или они уже отмѣнены. Но такъ или иначе, для насъ несомнѣнно важно то, что вся эта часть Монголіи прокармливается теперь своимъ хлѣбомъ, а не вывозить его изъ Китая. Скотъ пригоняется въ Куку-хото изъ Монголіи (преимущественно западной), а дичи много въ окрестностяхъ самаго города,—это, цзэрэны, фазаны, дакія утки и пр.; такимъ образомъ животное и растительное богатство края дѣлается для насъ несомнѣннымъ. Но г. Цѣвцовъ совершенно упустилъ изъ виду еще одну сторону здѣшней естественной производительности, именно—громадная залежи каменнаго угля. Въ постановленіяхъ императора Цзя-цина о Куку-хото'ской мѣстности мы читаемъ, что уже въ то время (1811-й г.) въ окрестностяхъ Куку-хото разрабатывалось 22 каменноугольныхъ копи, и что съ нихъ собиралось ежегодной пошлины до тысячи связокъ мѣдной монеты (чохъ), или, чтѣ то же, до 1,000 ланъ серебра. Если мы примѣтъ поэтому въ разчетъ чрезвычайную значительность китайскихъ налоговъ вообще, то необходимо будетъ предположить, что копи эти чрезвычайно богаты. Въ теченіе 70 лѣтъ могло измѣниться очень многое, и намъ кажется почти несомнѣннымъ, что эта производительность достигла теперь въ Куку-хото весьма высокой степени развитія.

Оставивъ Куку-хото, экспедиція г. Цѣвцова направилась на сѣверо-востокъ, по дорогѣ къ Калгацу. „Здѣсь“, говорить г. Цѣвцовъ,—„намъ представилась та же картина, какъ и прежде, когда мы подѣважали къ городу: деревни съ рощами, кладбища, кумирни, сѣрыя всаханные полы, толпы людей, вереницы телѣгъ и прочія свидѣтельства необыкновенной плотности населенія долины и его кипучей дѣятельности“. Мы приходилось слышать объ этой странѣ только разказы чахарскихъ монголовъ, и теперь описание ея г. Цѣвцовъ-мъ только подтвердили мнѣ рѣчи моихъ собесѣдниковъ. Окрестностей Куку-хото чахары даже и не сравниваются съ калганскими: тамъ, говорятъ они, китайскія деревни буквально сидѣтъ одна на другой, а плодородіе и богатство страны такъ велико, что, подѣважая

¹⁾ Гадагаду монгол'унъ туруйги Засаху ябдалунъ аиџа'у хулж бичигъ т. 10-й л. 17-и.

къ селенію, иногда не различишь его за хлѣбными скирдами. Вмѣстѣ съ симъ чакары сообщали мнѣ, что китайское населеніе появилось здесь сравнительно въ недавнее время; встрѣчались старики, которые яко бы своими глазами видѣли, какъ превратили китайцы прежнія не воздѣланныя, но представляющія собою самыя тучныя пастбища степи въ обработанныя поля, доставляющія теперь пропитаніе всѣмъ своимъ окрестностямъ. Изъ растеній, которыхъ засѣваются въ гуй-хуа-чэн'ской долинѣ, мнѣ называли пшеницу, бобы, просо, кононлю и гоу-янъ, а въ горахъ Инъ-шана—овѣсь, ленъ, гречиху, горчицу и картофель. Точно ли всѣ эти виды хлѣбовъ произрастаютъ у Гуй-хуа-чэна, г. Пѣвцовъ не сообщаетъ, какъ и вообще не дѣлаетъ никакихъ замѣчаній о мѣстномъ хлѣбопашествѣ, кроме лишь указаній на его громадные размѣры. Очень можетъ быть впрочемъ, что это зависѣло оттого, что экспедиція совершила свой путь зимою, когда посыбы не бросались въ глаза и не обращали на себя вниманіе путниковъ.

Земледельческий поясъ къ сѣверу отъ Гуй-хуа-ченъа, какъ можно предполагать то по описаниямъ г. Пѣцова, тянется верстъ на 50, 60; далѣе экспедиція вступила снова въ прилежащія собственному Китаю степи южной Монголіи. Глазамъ путешественниковъ такимъ образомъ снова должны были предстать широкія и волнообразныя равнины, покрытыя травою съ разбросанными тутъ и тамъ отдельными монгольскими улусами и съ безчисленными стадами рогатаго скота, барановъ, верблюдовъ, лошадей и козъ, пасущимися около небольшихъ ручейковъ и озеръ. Южные монголы вообще несравненно богаче сѣверныхъ по своему скотоводству. Фактъ этотъ не отмѣченъ г. Пѣцовъ, но онъ невольно поражаетъ каждого, путешествующаго по этимъ странамъ; въ замѣнъ того г. Пѣцовъ передаетъ намъ о видѣнныхъ имъ улусахъ осѣдлыхъ монголовъ, которые по примѣру китайцевъ занялись здѣсь своимъ хлѣбопашествомъ. Объ осѣдлыхъ монголо-туметахъ мы знали до сего времени только по слухамъ, и г. Пѣцовъ впервые сообщаетъ о нихъ, какъ очевидецъ. Во время моего путешествія по Монголіи прикалаганскіе чахары сообщали мнѣ еще, что, кроме хлѣбопашства, однимъ изъ главнейшихъ занятій у этихъ осѣдлыхъ туметовъ служить разведеніе муловъ (занятіе, по всей видимости, также перенятое у китайцевъ): огромное количество этихъ животныхъ, употребляемое въ Китаѣ, получается будто бы главнымъ образомъ изъ этихъ мѣстъ; но на сколько справедливо это此刻ization, придется разъяснить уже послѣдующимъ

путешественникамъ, которые несомнѣнно будутъ идти время, чтобы обратить вниманіе на эту отрасль промышленности монголовъ. Что же касается г. Пѣвцова, то онъ юхалъ кочевьями тунгустовъ не болѣе какъ два или три дни и за сімь снова вступилъ въ предѣлы собственного Китая, направляясь по дорогѣ къ Калгану. Въ описаніи этой дороги онъ открываетъ намъ въ долинѣ р. Янь-хэ особый родъ китайскихъ поселеній, замѣчательный по историческимъ воспоминаніямъ. „Это—древніе форты, представляющіе нынѣ маленькие городки, въ родѣ кремлей квадратнаго начертанія, обнесенные весьма высокими и прочными стѣнами изъ жженаго кирпича, съ бойницами на верху. Ворота, ведущія въ эти кремли, устроены такимъ образомъ, что въ крѣпость приходится вѣзжать коридоромъ, ломающимися два раза подъ прямымъ угломъ. Внутри строенія до того сплошечны, что какъ бы сливаются въ одно цѣлое, а улицы такъ узки, что двѣ встрѣчныя повозки съ трудомъ могутъ разъѣхаться. Окруженные весьма высокими, футовъ въ 40, стѣнами, при невзначительномъ внутреннемъ пространствѣ кремли долины Янь-хэ мрачны и душны, точно открыты сверху тюрьмы“.

Описаніе Калгана въ очеркахъ путешествія г. Пѣвцова несравненно подробнѣе описанія Куку-хото. Кроме общаго очерка вида города, равно какъ и жизни населяющихъ его китайцевъ, авторъ обращаетъ здѣсь вниманіе на наши торговые отношенія къ Китаю, говорить о путяхъ сообщенія и указываетъ мѣры для поддержанія нашей, сильно упавшей за послѣднее время торговли съ Китаемъ, предлагая для сего сбыть въ Китай хлѣба. Замѣчанія эти, представляющія собою опять таки попытку въ нашей литературѣ, необходимо должны обратить на себѣ вниманіе людей, интересующихся судьбами нашей промышленности и торговли.

Обратный путь отъ Калгана до Урги экспедиція г. Пѣвцова совершила по той же прямой, караванной дорогѣ, по которой ходить каждые десять дней русская почта, по которой вообще юздать русскіе, направляясь отъ Урги къ Калгану. Дорога эта была подробно описана еще Тимковскимъ и о. Іакинфомъ въ 1821 году, но съ тѣхъ поръ ея уже никто не описывалъ. Г. Пѣвцовъ, ссылаясь опять-таки на помянутыя описанія, къ сожалѣнію, не представляетъ своего точнаго дневника по этому пути. Дѣло въ томъ, что какъ ни много потрудились Тимковскій и о. Іакинфъ, какъ ни подробны ихъ описанія, все же эти люди проѣхали по дорогѣ только одинъ

разъ; ёздыли они въ то время, когда мы еще совершили не знали Монголія и монголовъ, а монголы еще менѣе знали настъ, когда Китай ограждалъ себѣ такою таинственностью, что русскій человѣкъ почти не могъ свернуть на версту отъ той тропинки, по которой его везли, когда онъ долженъ былъ вѣрить на слово всему, чтѣ ему говорили, если притомъ была еще возможность говорить. Само собою разумѣется, что въ настоящее время ограничиваться описаніями, хотя бы и подробными, но сдѣланнными при всѣхъ вышеозначенныхъ условіяхъ, для насъ уже неудобно. Миѣ самому не пришлось ни разу проѣхать по этой дорогѣ: передвій свой путь въ Китай я совершилъ въ свитѣ нашего консула по почтовой китайской дорогѣ, а обратный—на Долонъ-норъ, отъ котоаго дорога на Ургу идетъ восточнѣе нашего торгового, ургинско-калганского тракта. Такимъ образомъ о помянутомъ трактѣ я имѣю только разпространный свѣдѣнія, которыя однако далеко не соглашаются съ тѣмъ, чтѣ у насъ доселѣ извѣстно о немъ. Прежде всего замѣчательно то, что въ литературѣ нашей, равно какъ и на всѣхъ изданнѣихъ въ Европѣ картахъ Монголіи, обозначается собственно три торговыхъ дороги: дарханская, аргалианская и гунчжуская; миѣ же монголы насчитывали ихъ восемь, при чёмъ не упоминали еще о дорогѣ аргалинской. Не довѣрять этимъ показаніямъ и считать менѣе чисто число путей мы не имѣемъ никакого основанія. Намъ извѣстно, что въ стенахъ Монголіи собственно не существуетъ торцыхъ дорогъ; но несомнѣнно также и то, что степи эти проѣзжаются монголами въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, и путь линіи вѣтъ отъ одного мѣста до другаго постоянно измѣняются, смотря по времени года, обилію кормовъ и другимъ мѣстнымъ условіямъ. Итакъ, сообщенные миѣ указанія дорогъ были слѣдующія:

Первая дорога, извѣстная подъ именемъ Дархантъ-цзанъ. Отъ Калгава она проходитъ черезъ урочища: 1) Хо-даиль, 2) Гэсэрыйнъ сумъ, 3) Норданъ, 4) Оройнъ данъ, 5) Да-хантъ-гу, 6) Боро цайцынъ сумъ, 7) Хара балгасу, 8) Гурбунъ-тохой, 9) Цаганъ балгасу, 10) Хара-усу, 11) Манти, 12) Дутай, 13) Гурбанъ тулга, 14) Хэрэмийнъ тала, 15) Хуй тунъ, 16) Хуху-дэрэсу¹⁾, 17) Цзамынъ

¹⁾ Отъ 16-го уроцища Хуху дересу до 34-го—Хашату проѣзжаютъ иногда всеночно западающіе показанныхъ мѣсть, дорога направляется въ этомъ случаѣ на уроцище Шыбартай, лежащее на половина пути между двумя показанными пунктами.

усу, 18) Цаганъ-обо, 19) Уланъ-даба, 20) Күйтунъ, 21) Тальбюсъ, 22) Чулунъ-онгоцо, 23) Гэрь-чулунъ-ширъ, 24) Хашату, 25) Индуры-цабчири, 26) Гархай-сучжи, 27) Цаганъ-нуръ, 28) Худуктай, 29) Чугунъ, 30) Хочжу хубуръ, 31) Уланъ-тологой, 32) Хадату, 33) Элэ-супъ-сайнъ усу, 34) Шара-худукъ, 35) Мингайъ, 36) Табунъ-тологой, 37) Дабату, 38) Борольчи, 39) Хултайнъ-шира, 40) Шилинъ-ца-ганъ-худукъ¹⁾, 41) Харангойщ тала, 42) Эрэйнъ-дабасунъ-воръ, 43) Шацагайту, 44) Хутуль-билиютей, 45) Ара-усу, 46) Муруй-га-шунъ, 47) Цайдамъ, 48) Чулунъ-тугурикъ, 49) Хойту-аманъ-усу, 50) Бурдыгэ-ширъ, 51) Гедэмгэйнъ-гашунъ, 52) Энгэрь-хайласу, 53) Татай-аршанту, 54) Хорондайнъ-хубуръ, 55) Уланъ-хада, 56) Цвабдакъ, 57) Эрдэвийнъ обо, 58) Уденъ, 59) Хэхчинъ, 60) Цаганъ-тугурикъ, 61) Тарячи, 62) Му-булукъ, 63) Хулунъ-хонгоръ, 64) Му-худукъ, 65) Тэргэтэй, 66) Хабцалъ, 67) Уланъ-худукъ, 68) Чойлонъ, 69) Му-шанда, 70) Дурбульчи, 71) Вусминъ-чулу, 72) Шара-шо-роту, 73) Шибэту, 74) Боро-хучжиръ, 75) Дарханъ, 76) Бомботу²⁾, 77) Мукуту, 78) Гильгентэй, 79) Чижигаланту, 80) Борольчи, 81) Гахца-худукъ, 82) Цаганъ-чулутай, 83) Налайха, 84) Богось, 85) Бонигъ чжирихэ и 86) Урга.

Вторая дорога, которую монголы называли мий Чойринъ-цээль, проходит отъ Калгана сначала чрезъ первыя двадцать показанныхъ уроцищъ дарханской дорога (Дарханъ цзамъ), отъ уроцища же Күйтунъ уклоняется къ востоку и проходить чрезъ слѣдующія мѣстности: 21) Хара тологой, 22) Элэсуту, 23) Цакилдакъ, 24) Дурма, 25) Шара бу-даргана, 26) Гувъ худукъ, 27) Хучжирту, 28) Сайнъ-усу, 29) Олонъ-худукъ, 30) Батхай, 31) Цаунъ сучжи, 32) Харатуйнъ сучжи, и отъ сюда соединяется съ дарханскою дорогою на уроцищѣ Гэцзыгэйнъ гашунъ, показанномъ подъ № 51-мъ. По дарханской дорогѣ идетъ она далѣе до 58-го уроцища Уденъ, а отъ послѣдняго направляется западнѣе Дарханъ цзам'а на уроцища: 33) Сэнчи, 34) Уланъ худукъ, 35) Куку дэрэсу, 36) Уланъ тологой, 37) Бутарь, 38) Альтагарь, 39) Цуктэйнъ хонгоръ, 40) Бухутайнъ му усу, 41) Мунгутъ, 42) Та-бунъ харатай, 43) Хуръ, 44) Хадамаиль, 45) Гашунъ булакъ, 46) Хаб-

¹⁾ Иначе называется еще Цваминъ-цаганъ-худукъ.

²⁾ Отъ этого 76-го уроцища Бомботу до 79-го уроцища Чижигаланту прозываются иногда нѣсколькою западнѣе показанныхъ мѣстъ; дорога направляется въ этомъ случаѣ на уроцища: Хотыншт.-худукъ, Борхонгой, Халцанъ-банинъ нуръ, Уланъ-ула и Индинъ.

тагай, 47) Бильгиха, 48) Пинкирь, 49) Цамынинъ ханръ, 50) Сабсыль, 51) Угдмуръ, 52) Эбидъ, 53) Таргатай, 54) Цахарь ула, 55) Шилдинъ тугурикъ, 56) Еранъ-тугурикъ, 57) Наранъ угдмуръ, 58) Адуль чулу, 59) Шега чжилга, 60) Шанды, 61) Бороцавуръ, 62) Тала, 63) Шакдыкынгъ тала, 64) Вага тала, 65) Хонгорь-муръ, 66) Экини модо, 67) Дувда модо, 68) Сулмийнъ модо. Отъ этого уро-чища дорога снова сходится съ дарханскою у 83-го урочища послѣд-ней—Налайха и такимъ образомъ доходить до Урги.

Третья дорога, или такъ-называемый Гунчжинъ цзамъ, на-правляется отъ Калгана во одному изъ двухъ вышеупомянутыхъ путей до станціи Удэнъ; отсюда по линіи Чойринъ цзамъ доходить она до урочища Сенчжи, въ здѣсь отдѣляется отъ помимоутой дороги и идетъ нѣсколько западнѣе ея чрезъ урочища: 1) Шубушъ хара, 2) Ургула худукъ, 3) Вали-уда, 4) Хонгорь, 5) Уцауръ, 6) Сайль-усу, 7) Даннъ-табагийнъ тала и 8) Уйцамъ. Не подалеку отсюда эта дорога (гунчжинъ цзамъ) снова соединяется съ линіей пути Чойринъ-цзамъ. Это соединеніе происходит верстахъ въ двухъ къ сѣверу отъ станціи Бутарь, а иногда даже и на самой этой станціи. Урочища Уйцамъ и Бутарь лежать оба на одной ши-рокой долинѣ, восточная часть которой носить название Бутарь, а западная—Уйцамъ. За смиѣ, прошедшія чрезъ урочища Альтагарь, Цуктэйнъ хонгорь и Бухутэйнъ му усу, дорога гунчжинъ цзамъ, снова отдѣляется отъ Чойринъ-цзама къ западу и на этотъ разъ уже ведетъ до Урги. На этомъ пространствѣ она минуетъ урочища: 9) Могой, 10) Хадату, 11) Хапкиту, 12) Цамынинъ уланъ худукъ, 13) Хондту, 14) Олонъ-даба, 15) Ванихъ хара, 16) Уланъ соръ, 17) Хаб-цааль, 18) Хашату, 19) Сучжи и так. обр. доходить до Урги.

Четвертая дорога—Шара иомтойнъ цзамъ выходитъ изъ Кал-гана по линіи Дарханъ-цзамъ, отдѣляется отъ нея на 11-мъ урочищѣ Манти и отсюда направляется нѣсколько западнѣе Дарханъ-цзама. Кочевымъ чахаровъ она оставляетъ урочища Шара сорюбинъ, послѣ чего слѣдуетъ чрезъ кочевыи Баруанъ-Сунитовъ, при чемъ первый почлегъ каравановъ бываєтъ на урочищѣ Цамбулагийнъ ширѣ. Въ урочищѣ Цамынинъ-дарбагай Шара иомтойнъ цзамъ входить въ ко-чевыи халхасскаго хошуна Мэргэнъ вана, но которымъ слѣдуетъ до урочища Доболунъ-хубуръ. Отсюда дорога принимаетъ сѣверо-восточ-ное направленіе и соединяется съ линіей пути гунчжинъ цзамъ, на станціи Цамынинъ уланъ худукъ. По этой линіи она доходитъ и до Урги.

Пятая, собственно китайская почтовая дорога хорошо известна намъ и по своему направлению, и по своимъ станціямъ. Торговые караваны изъ Калгана на Ургу, или изъ Урги на Калганъ ходить по ней сравнительно рѣдко, и въ большинствѣ случаевъ ею отправляются товары только тѣхъ китайскихъ фирмъ, которые одновременно ведутъ свои дѣла въ Калганѣ, Куку-хото, Уласутай и Ургѣ. Для нихъ почтовая дорога представляетъ собою то удобство, что по ней отдѣляются пути на всѣ помянутые города: такимъ образомъ отъ станціи Сайръ-усу адѣсь отдѣляется путь на Уласутай и на юго-западные хошуны Халхы; отъ станціи Цэсъ-хонгоръ — дорога на Куку-хото. Эта послѣдняя дорога намъ совершенно не известна; по разказамъ же монголовъ, они отъ станціи Цэсъ-хонгоръ доходить до Куку хото въ шесть сутокъ, имъ почлеги въ урочищахъ: 1) Гурбунъ-ханъ-ату, 2) Хучжиръ обо, 3) Даганъ-дель, 4) Хара-тологой, 5) Пай-лу-гуань и 6) Куку-хото. Южнѣе станціи Цэсъ-хонгоръ дороги съ почтового ургинско-каланского тракта на Куку-хото отдѣляются на станціи Шара-мурень и на станціи Голтой. Отъ станціи Тугуркѣ почтовая дорога соединяется съ линіей торгового караванного пути. Направленіе этой линіи восточно-сѣверо-восточное, протяженіе же ея измѣряется девятью днями караванного движенія на верблюдахъ. Ночлеги при этомъ располагаются въ урочищахъ: 1) Банъ модо, 2) Модонъ шанда, 3) Хубсугуль¹⁾, 4) Табунъ тологой, 5) Ставка Мэргэнъ вана, располагающаяся при клюѣ Усанъ-булухъ, 6) Табунъ тологай, 7) Чулунъ тугуркѣ, 8) Ставка цасака, управляющаго среднею лѣвой дивизіею лѣваго фланга туштуту хановскаго аймака, и 9) Удэнъ, у которой, какъ известно, сходятся почти всѣ торговые тракты, ведущіе отъ Калгана на Ургу.

Шестая торговая дорога отъ Калгана на Ургу есть Хурѣнъ ачжиргайпъ цамъ. Это—самая западная изъ торговыхъ дорогъ, хотя она проходитъ и нѣсколько восточные казенныя почтоваго тракта, проложеннаго между показанными пунктами. Хурѣнъ ачжиргайпъ цамъ, выступая изъ Калгана по казенной почтовой дорогѣ на Ургу, отдѣляется отъ нея уже на четвертой станціи Орохоту (лежащей при колодцѣ Орохинъ худукъ) и направляется къ сѣверо-востоку. У урочища Цамчайнъ дарбагай Хурѣнъ ачжиргайпъ цамъ сходится съ дорогою Шара контойнъ цамъ и въ дальнѣйшемъ слѣдованиіи на

¹⁾ Между этими станціями Модонъ шанда и Хубсугуль лежитъ довольно высокий перевалъ черезъ горы Цаганъ хада.

Ургу направляется по ней до урочища Доболунъ-хубурь, принимая такимъ образомъ съверо-западное направлениe. Отъ этого послѣднаго урочища обѣ дороги расходятся, при чёмъ Хурѣнъ ачжиргайнъ цамъ уклоняется еще болѣе на съверо-западъ и въ этомъ направленіи примиаетъ снова къ казенному почтовому тракту у станціи Наранъ, не оставляя его за симъ уже вплоть до Урги.

Седьмая дорога, называемая монголами Цзамбулыгіинъ цамъ, въ первоначальномъ слѣдованіи отъ Калгана вполнѣ совпадаетъ съ линіей пути Шара номтойнъ цамъ, по которой доходитъ до урочища Цзамбулыгинъ ширѣ. Отсюда она направляется къ съверо-востоку и у урочища Борольчжи соединяется съ дорогой Дарханъ-цамъ.

Восьмая торговая дорога—Шиліинъ цамъ представляетъ собою самый восточный изъ всѣхъ торговыхъ путей, залегающихъ между Калганомъ и Ургою. Шиліинъ цамъ отдѣляется отъ Дарханской дороги уже на четвертомъ, помѣченномъ нами урочищѣ отъ Калгана—Оронъ давъ и далѣе слѣдуетъ въ направленіи къ съверо-востоку черезъ мѣстности: 1) Лаванъ-цзаланъ, 2) Маньчжи булакъ, 3) Хара усу, 4) Гутурка, 5) Му хэрэмъ, 6) Мугурцакъ, 7) Олонъ ула, 8) Адуинъ чуунъ и 9) Ургочи. Это урочище составляетъ самый восточный пунктъ на всей дорогѣ, и отъ него Шиліинъ цамъ начинаетъ мало по малу склоняться къ съверо-западу; въ этомъ направленіи проходить онъ чрезъ урочища: 10) Хонгоръ, 11) Хобуръ, 12) Уланъ-шоръ, 13) Бальчикъ, 14) Воторогой гоби, 15) Элесу, 16) Табунъ ула, 17) Балэйнъ далай, 18) Гупъ-худукъ, 19) Хангай эрэкъ, 20) Тамчинъ тала, 21) Гэдергэйнъ булуу, 22) Чжахайнъ гоби, 23) Вусынинъ чулу, 24) Хобуръ, 25) Сапдыдъ, 26) Цаганъ-чулуту, 27) Цаганъ обо, 28) Билюту ула и 29) Хучжиру. Отъ этого урочища дорога снова сходится съ дарханскою, на станціи Удэнъ, но тотчасъ же и оставляетъ ее, уклоняясь опять на съверо-востокъ. Она слѣдуетъ далѣе на урочища: 30) Эрги, 31) Ару уда, 32) Дурбэнъ дэрэсу, 33) Абургайнъ сумъ, 34) Дэрэсунъ усу, 35) Хологоръ, 36) Сүчжинъ усу, 37) Цзулъгету, 38) Олонъ байшинъ, 39) Шара-шорбуту, 40) Шибэту и у станціи 41) Ворохчжиръ сходится снова съ дорогою „дарханъ цамъ“, по которой и достигаетъ до Урги.

Настоящую выписку изъ своего дневника, веденнаго во время путешествия по Монголіи, правель я для того, чтобы послѣдовательно наши изслѣдователи могли хотя иѣсколько ориентироваться по ней въ своихъ изысканіяхъ. Ни Тимковскій, ни о. Іакинъ не упоминаютъ обѣ этихъ дорогахъ; позднѣйшіе же ученые, проѣхавшіе

черезъ Гоби, ссылаясь именно на обстоятельность описаній этихъ двухъ путешественниковъ, какъ уже сказано выше, не дали намъ даже и своихъ точныхъ дневниковъ. Между тѣмъ наблюденія ихъ могли бы уяснить то, о чёмъ имѣемъ мы теперь только неясныхъ представлений, основанныхъ на словахъ монголовъ. Дѣйствительность существованія всѣхъ указанныхъ мною путей не подлежитъ никакому сомнѣнію, но дѣло въ томъ, вѣрно ли переданы всѣ эти соединенія и развѣтвленія различныхъ дорогъ, каковы удобства, неудобства и особенности каждого изъ этихъ путей. По менѣе важными представляются вопросы о томъ, съ какихъ именно пунктовъ этихъ главныхъ торговыхъ путей вѣдутъ проселочныя дороги къ ставкамъ разныхъ хошунныхъ князей, откуда направляются дороги въ ближайшіе торговые города, какъ напримѣръ, на Долонъ-норъ, Куку-хото и пр.

Описаніе г. Швѣдловымъ Урги не даетъ никакихъ новыхъ свѣдѣній объ этомъ городѣ; но за то разказъ автора о пути экспедиціи отъ Урги до Уласутая и далѣе отъ Уласутая до русской границы у Кошь-агача исполненъ высокаго интереса. Дорога, по которой прошла экспедиція первую половину этого пути, то-есть, отъ Урги до Уласутая, была уже давно известна намъ по слухамъ, какъ ближайшій торговый трактъ китайцевъ. Въ 1872 году по ней проѣхалъ г. Падеринъ; онъ вычисль разстояніе между помянутыми городами въ 864 версты ^{*)}; но такъ какъ маршрутъ его не даетъ ничего, кромеъ голословнаго поименованія noctlegovъ, то дорога эта до сего времени оставалась, собственно говоря, не описаною ни однимъ изъ русскихъ путешественниковъ. Г. Швѣцовъ съ полнотою и опредѣленностью, свойственными всѣмъ его разказамъ, восполнилъ теперь этотъ недостатокъ. Не останавливалась на частностяхъ его сообщеній, скажемъ только, что путь отъ Урги до Уласутая, по описаніямъ г. Швѣцова, не представляетъ никакихъ особыхъ затрудненій: онъ можетъ быть проѣзжаемъ даже на колесахъ, если съ долины р. Хойту-тамира повернуть къ юго-западу на соединеніе съ почтовымъ калганско-уласутайскимъ трактомъ; но г. Швѣцовъ не пошелъ на это соединеніе, а изслѣдовалъ другую, собственно караванную дорогу, которая сокращаетъ разстояніе между помянутыми городами до 759 верстъ. Многочисленные высокіе перевалы чрезъ различные отроги Хангая дѣлаютъ

^{*)} *Извѣстія Имп. Р. Г. Общ. 1873 г. т. IX, стр. 356.*

эту дорогу доступною только для прохода на вычныхъ животныхъ, хотя на всемъ протяжениі ся можно насчитать собственно ни какъ не болѣе трехъ, или четырехъ утомительныхъ переходовъ. Въ заключеніе г. Пѣвцовъ представляетъ прекрасный общий обзоръ горной системы Хангайского хребта.

Другая часть пути отъ Улсутая до русской границы у Кошь-агача была пройдена экспедиціей также по торговой дорогѣ, кото-рою ѣздить русскіе купцы, направляясь изъ чуйской долины въ городъ Улсутай; только верстахъ въ 40 отъ устья р. Кунгуй г. Пѣвцовъ нѣсколько уклонился на сѣверъ отъ этой дороги. Къ этому измѣненію пути нашего путешественника побудило желаніе проѣхать показанія монголовъ о томъ, что р. Кунгуй впадаетъ не въ р. Дзапханъ, какъ значится на большой китайской картѣ Монголіи, а въ озеро Айрикъ норъ, въ которое, по показаніямъ тѣхъ же монголовъ, изливается и Дзапханъ. „Это озеро“, замѣчаетъ далѣе г. Пѣвцовъ, — „не нанесено на китайскую карту, а р. Дзапханъ пока-зана на ней изливающеюся въ оз. Киргизъ норъ“. Вопросы о впаденіи р. Кунгуй, устьяхъ р. Дзапхана и существованіи оз. Айрикъ нора, дѣйствительно, явлались для насъ до настоящаго времени въ высшей степени неопределѣленными. Дѣло въ томъ, что, по свѣдѣніямъ Китайцевъ, р. Кунгуй, какъ справедливо замѣчаетъ г. Пѣвцовъ, всегда представлялась не иначе, какъ впадающею въ Дзапханъ; но съ другой стороны, путешественникъ совершенно заблуждается, полагая, что китайцы не знаютъ о существованіи Айрикъ-нора. Оно изображается на всѣхъ китайскихъ картахъ, а въ томъ числѣ и на большой, только изображеніе его нѣсколько своеобразное; яснѣе сказать, на китай-скихъ картахъ озеро это изображается въ нераздѣльной связи съ озеромъ Киргизъ-норомъ, представляя собою какъ бы южную оконеч-ность этого послѣднаго. Что касается наименованія озера Айрикъ-нора, то у китайцевъ оно называется и на картахъ ихъ надписы-вается Айлакъ-норъ. Если мы припомнимъ, что китайцы не имѣютъ на своеі языкѣ слога *ra*, а при встрѣчѣ съ нимъ въ чужихъ язы-кахъ транскрибируютъ его слогомъ *la*, то наименование Айлакъ-норъ, которое, слѣдовательно, должно быть произносимо — Айракъ-норъ, окажется даже болѣе вѣрнымъ, чѣмъ название, когда-либо даваемое этому озеру нашими путешественниками¹⁾. Въ этотъ Айлакъ или

¹⁾ Г. Матусовский называетъ это озеро Айрыкъ-норъ; г. Потанинъ — Айрикъ-норъ; г. Пѣвцовъ — Айрикъ-норъ; но ни одно изъ этихъ словъ не имеетъ значенія

Айракъ-норъ китайцы полагаютъ впадающею и рѣку Дзапханъ, вовсе не припугивая сюда Киргизъ-нора. Г. Матусовскій, проѣзжая по этимъ мѣстностямъ въ 1870 году, первый собралъ и доставилъ намъ свѣдѣнія о нижнемъ теченіи р. Дзапхана. Онъ пришелъ къ заключенію, что р. Дзапханъ не подалеку отъ своего устья расширяется и получаетъ видъ небольшаго озера, которое монголы называютъ Айракъ-норъ; за симъ, пройдя еще некоторое протяженіе, Дзапханъ вливается въ Киргизъ-норъ¹). Если поэтому мы примемъ озеро Айракъ-норъ за расширение русла р. Дзапхана, то само собою будетъ понятно, что китайцы справедливы, утверждая, будто Кунгуй впадаетъ въ Дзапханъ. Весь вопросъ въ настоящее время состоять въ томъ, представляеть ли озеро Айракъ-норъ самостоятельный бассейнъ, или же оно есть ничто иное, какъ расширение русла р. Дзапхана. По г. Пѣвцову, оно очевидно является самостоятельнымъ бассейномъ, который въ своей сѣверной части выпускаетъ изъ себя протокъ, соединяющій его съ оз. Киргизъ-норомъ. Этотъ протокъ, какъ намъ думается, и послужилъ основной причиной своеобразного изображенія озера Айракъ-нора на китайскихъ картахъ. Тщательное изученіе этихъ картъ (особливо по отношенію къ сѣверной Монголіи) наводить насъ на заключеніе, что китайцы не умеютъ изображать двухъ озеръ, соединенныхъ протоками, и что на картахъ ихъ таковыя озера являются всегда въ видѣ одного большаго озера, напоминающаго собою форму груши. Таково у нихъ изображеніе Улюнгуря, соединяющагося протокомъ съ оз. Бага-норомъ; таково изображеніе Хара-нора, соединяющагося протокомъ съ Дурга-норомъ; таково же изображеніе рассматриваемаго нами теперь Айракъ-нора, соединяющагося протокомъ съ Киргизъ-норомъ и т. д. Зависитъ ли это отъ несовершенства китайской картографіи, или же въ самомъ дѣлѣ въ периодъ составленія имѣвшихся у насъ китайскихъ картъ все эти озера имѣли между собою болѣе широкую связь, чѣмъ соединяющіе ихъ теперь протоки, — рѣшать этотъ вопросъ мы предоставляемъ специалистамъ дѣла. Съ своей стороны мы почитали необходимымъ сообщить только результатъ своихъ наблюдений, который можетъ оказаться не бесполезнымъ для на-

въ монгольскомъ языке. У монголовъ есть слово „айракъ“, которое обозначаетъ — не ретопленное кашеное молоко. Нѣтъ сомнѣнія, что это название дано озеру вслѣдствіе особаго цвѣта его воды, который г. Пѣвцовъ называетъ свѣтло-ржавчиннымъ.

¹⁾ Матусовскій. Топографическіе замѣтки о дорогѣ, ведущей изъ г. Кобдо въ г. Уллутай, стр. 369, въ Очеркѣхъ Сѣв.-зап. Монголіи, Г. П. Потанина.

шнгъ изслѣдователей Монголії, имѣющихъ дѣло съ китайскими картами, но незнакомыхъ съ китайскимъ языкомъ. Ошибка г. Шѣвцова, утверждавшаго, что озеро Айракъ-норъ не написано на китайской карте, произошла весьма естественно: онъ видѣлъ на этой карте изображенными только одинъ, нѣсколько сумнѣній въ срединѣ водный бассейнъ и принялъ его за Киргизъ-норъ, прочитать же китайскую надпись, удостовѣряющую, что въ этомъ единомъ водномъ бассейнѣ китайцы видѣть два озера, онъ не могъ.

Дальнѣйшій путь г. Шѣвцова до русской границы проходилъ по мѣстностямъ, о которыхъ мы уже имѣли представление по разсказамъ гг. Матусовскаго, Потанина и Рафаилова; но держась своей прекрасной методы сообщать только новое, г. Шѣвцовъ умѣлъ придать и описанію этихъ мѣстъ ту поучительность и интересъ, которые вообще отличаютъ его книгу.

А. Шездитъевъ.

И. Н. Смирновъ. Отношения Венеции къ городскимъ общинамъ Далмации съ 1368 до 1573 года. Казань. 1884.

Къ изслѣдованію г. Смирнова можно относиться и какъ къ продолженію его предшествовавшаго труда, и какъ къ работѣ совершенно отдѣльной, хотя въ заглавіи ея значится: выпускъ второй. Авторъ уже давно занимается изученіемъ отношеній Венециі къ городскимъ общинамъ Далмациі. Въ первомъ выпускѣ г. Смирновъ изслѣдовалъ эти отношенія съ половины XII до половины XIV вѣка; въ настоящемъ выпускѣ онъ продолжаетъ свои изслѣдованія надъ періодомъ, обрамленнымъ трактатомъ 1358 г., по которому Далмациі перешла въ руки Угріі, и 1573 г., когда между Венеціей и Турцией былъ заключенъ договоръ, надолго установившій подданническія отношенія далматинскихъ общинъ къ могущественной адриатической республикѣ.

Нельзя не замѣтить съ первыхъ же страницъ книги, съ самого предисловія къ ней, что авторъ вѣсколько видоизмѣнилъ цѣль изслѣдованія. Намѣчая себѣ на этотъ разъ чисто соціологическія задачи, г. Смирновъ нѣсколько иначе обставилъ свою книгу. Онъ рѣшился применять планъ соціологического способа научныхъ изысканій къ мѣстнымъ и частнымъ явленіямъ южно-славянской исторіи за періодъ двухъ столѣтій. Онъ хочетъ установить эмпирически, то-есть,

на основаніі фактіческихъ данихъ, „одинъ изъ элементовъ прогресса“ и опредѣлить условія его развитія. Такимъ образомъ г. Смирновъ намѣренно усложняетъ свою задачу и, помимо критического труда, хочетъ написать изслѣдованіе, которымъ съ пользою могла бы воспользоваться соціологія.

Можно ли действительно достигнуть серьезныхъ научныхъ результатовъ чрезъ примѣненіе такого приема изслѣдованія къ довольно ограниченному кругу историческихъ, иногда условныхъ, фактовъ,— это еще вопросъ не решенный окончательно, но несомнѣнно, что попыткѣ г. Смирнова нельзя отказать въ оригинальности.

Авторъ не только недоволенъ результатами исторической науки во отношенію къ юго-славянской исторіи, но и вообще осуждаетъ какъ приемы современныхъ изслѣдователей, такъ и тотъ кругъ вопросовъ, въ которомъ они вращаются. Такъ по крайней мѣрѣ мы позволимъ себѣ заключить изъ предисловія, въ которомъ многое остается, къ сожалѣнію, не доказаннымъ, и для которого были бы не излишни поясненія. Автору представляется, что доселе исторіографія дала „массу книгъ и ни одного вывода, который можно было бы принять безъ кропотливой самостоятельной пропѣрки“ (стр. II). И вотъ г. Смирновъ намѣревается восполнить этотъ важный пробѣлъ и дать русской ученой литературѣ изслѣдованіе, которое послужило бы на пользу эмпірической соціології, разумѣя подъ послѣднею „ученіе о ростѣ и интеграціи общественныхъ группъ (организмовъ), и параллельной возрастанію массы дифференціаціи, усложненіи организацій“.

Помимо исковѣсти фразы, приведенное нами опредѣленіе страдаетъ изъ своей сущности неточностью и односторонностью. Совершенно понятно, что лучшая историческая—или, какъ авторъ ихъ называетъ, „конкретная“—изслѣдованія имѣли и имѣютъ въ виду со дѣйствовать отысканию законовъ, которые руководить развитіемъ общественныхъ явлений въ жизни человѣчества и которые непосредственно должна излагать на основаніи фактовъ такъ-называемая соціологія. Г. Смирновъ въ этомъ почему-то сомнѣвается и замѣчаетъ по этому поводу—совершенно излишне, по нашему мнѣнію—следующее: „Вместо того, чтобы вести разказъ о томъ, какъ Венеция подчинила одну за другую городскія общини Далмациі, какъ она боролась изъ за нихъ съ уграми, сербами и турками и по пути расточать сожалѣнія въ одну сторону, упреки въ другую, искала подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ симпатій дѣйствительный характеръ отношеній, историкъ можетъ взглянуть на данную совокуп-

ность междуобщественныхъ отношений, какъ на частный случай одного изъ соціальныхъ процессовъ (общественного роста) и обратить свое вниманіе на анализъ этого явленія, на его признаки и условія, его производящія. При подобномъ изслѣдованіи явленія, историкъ вноситъ въ эмпірическую соціологію новые элементы, развивающіе представление объ общественномъ ростѣ, черты, отличающіе соціологической процесс отъ биологического, констатируя качественное и количественное различие факторовъ, производящихъ сляніе, сравнительную устойчивость общественныхъ и органическихъ сочетаній, ея условія, связь между сліяніемъ общественныхъ группъ и благосостояніемъ составляющихъ ихъ особей. Разлагая конкретное явленіе на составляющіе его элементы, выдѣляя его признаки, отмѣчая найденные отношенія между явленіями, историкъ становится на путь, который приводить науку къ обладанію общими истинами, законами* (стр. III). Высказавъ такимъ образомъ свои основные взгляды, намѣтивъ свои цѣли, нашъ авторъ пускается въ путь научного изслѣдованія.

Его изслѣдованіе, необширное по объему (124 стр.), раздѣляется на шесть главъ, изъ коихъ первая посвящена обзору пособій, вторая — критикѣ источниковъ, а послѣдняя представляетъ коротенькое заключеніе, такъ что самое изслѣдованіе заключается въ трехъ главахъ (съ 36 до 116 стр.). Г. Смирновъ находился въ довольно выгодныхъ условіяхъ. Онъ работалъ въ музѣ юго-славянской академіи въ Загребѣ, въ Венеціанскомъ государственномъ архивѣ и въ Марчіанской библіотекѣ, онъ имѣлъ подъ руками не изданные материалы, съ которыми сопоставляетъ печатныя извѣстія, и изъ которыхъ сдѣлалъ значительныя извлечения (около 100 стр.), помѣстивъ ихъ въ приложениі къ изслѣдованію. Собственно критика нового материала и представляетъ существенный научный интерес книги г. Смирнова. Онъ первый ввелъ въ кругъ источниковъ данной эпохи хроники, авторами которыхъ были: Bemba, Daniel, Borbaro, Curatо, Antonio, Donato, Marcantonio Frizzo, кромѣ уже изданныхъ прежде лѣтописей Сабеллико, Наваджьера, дневника Марино Сануто, Дандоло, Паули де Пауло и угорскихъ хроникъ, помѣщенныхъ въ Архивѣ Кукулевича-Сакцинскаго. Не довольствовался этимъ, г. Смирновъ прочелъ договоры общинъ съ Венеціей, ознакомился съ административными и юридическими актами, предписаниями, реляціями графовъ и синдиковъ, которымъ поручалось отъ времени до времени контролировать дѣятельность графовъ и другихъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ обще-

ственными дѣлами. Г. Смирновъ, именуя договоры и предисловия почему-то „историческими окаменѣлостями“, считаетъ ихъ наиболѣйшими источниками по очень простымъ причинамъ, о которыхъ можно было бы и не распространяться (стр. 26). Нельзя не поставить въ укоръ автору, что онъ въ главѣ объ источникахъ говоритъ сравнительно мало, и притомъ тономъ неумѣстно докторальному, о самыхъ простыхъ и безспорно научныхъ истинахъ, что только безъ надобности замедляетъ и затягиваетъ изложеніе. Чисто отвлеченные соображенія, въ добавокъ также вслѣдствіе изложенныхъ, приводятся для доказательства того, противъ чего никто и никогда не возражаетъ въ науки. Мы предпочтаемъ вѣсть метафизическими напряженіемъ автора (въ родѣ изложенныхъ на стр. 28 нѣсколько простыхъ и отчетливыхъ положеній о способѣ научной критики, высказанныхъ имъ въ концѣ первого выпуска его труда. Третья глава разбираемаго изслѣдованія имѣть въ виду изложить процессъ сліянія далматинскихъ общинъ въ одну сложную группу подъ владычествомъ Венеціи. Авторъ опирается главнымъ образомъ на „Monumenta“ Любича. Несомнѣнныя документы даютъ основаніе заключить, что не смотря на всѣ усилия угорского правительства удержать за собою важные пункты далматинского побережья, нижніе классы населенія Далмациіи тянули къ Венеціи, тогда какъ знатные, такъ называемые нобили, стояли за Угорскаго короля, который всегда могъ сдерживать демократическія попытки массы. Для аристократической партіи было выгодно поддерживать угорскую верховную власть, потому что Угорскіе короли охотно гарантировали самоуправление общинъ первое время. Но уже при жизни короля Людовика начались недоразумѣнія. Угорское правительство, въ видахъ нивелированія общинъ, пытается нарушить коммунальное право, а съ нимъ и вольности общинъ. Нобили скоро стали раскаиваться въ своемъ прежнемъ наивѣнѣи догрѣї. Авторъ вообще не горится за цѣльностью повѣствованія и строгою послѣдовательностью разкза, онъ намѣренно избѣгаетъ характеристики историческихъ лицъ, вѣроятно, полагая, что подобное зло подорветъ представительность „конкретнаго“ изслѣдованія. Вслѣдствіе такого превратнаго пониманія задачъ истинаго исторического труда, остается неяснымъ, когда совершилось измѣненіе въ политикѣ энергичнаго анжуйца, которому обстоятельства опредѣлили весьма широкую арену историческихъ дѣйствій. Г. Смирнову почему-то нравится замѣпять отчетливость повѣствовательного изложенія отвлеченными соображеніями и формулами, которая къ тому

же не всегда важутся съ обстоятельствами дѣла. Онъ, напримѣръ, не считается излишнимъ высказать такую простую истину, что „сила была единственнымъ факторомъ, связующимъ далматинскія общины съ Угрієй“ (стр. 39), или—что Венеція не дѣлала попыткъ устранить „дѣйствія этого фактора“, хотя на той же страницѣ приводятся обратные примѣры враждебныхъ дѣйствій республики противъ Трогира, Раба и Шибеника въ 1378 г., значитъ, еще при жизни Людовика. Смерть этого государя и вступленіе его дочери Маріи на угорскій престолъ сразу измѣнили положеніе дѣль. Далматинскія общины спѣшили освободиться отъ подчиненія уграмъ и заключили между собою оборонительный союзъ. Слабая рука правительницы сказалаась на измѣненіи политическихъ отношеній Венеціи и Угріи не въ пользу послѣдней. Мало по малу Венеція то силою, то угрозами, то дипломатическимъ искусствомъ приобрѣла далматинскія общины; въ послѣднихъ пробудились старыя привязанности къ Венеціи, а политическія обстоятельства сами по себѣ содѣствовали рѣшительному успѣху предпринимчивой республики. За корону св. Стефана началась борьба двухъ претендентовъ. Угрія, Хорватія и Далмация сдѣлались ареной борьбы соперниковъ, одинаково властолюбивыхъ, но че одинаково настойчивыхъ, Владислава и Сигизмунда. Первый, какъ король Неаполитанский, нуждался въ Венеціи, дипломатія которой имѣла вѣскій голосъ въ политическихъ дѣлахъ Италии. Владиславъ не задумался пожертвовать властью надъ беспокойными далматинскими общинами другимъ высшимъ, болѣе для него осознательнымъ разчетамъ. Послѣ измѣны своего намѣстника Хроја, Владиславъ въ 1409 г. продалъ Венеціи права свои надъ далматинскими общинами за сто тысячъ дукатовъ, получивъ отъ республики обѣщаніе оказывать ему содѣствіе. Сплитъ не подчинился этому договору; Задаръ отложился ранѣе отъ угорской власти; Шибеникъ тогда же послѣдовалъ его примѣру. Но прочія общини Далмации, побѣжденныя или закущенныя, невольно предались Венеціанской республикѣ. Въ 1420 г. задача венеціанского правительства, которую оно преслѣдовало такъ настойчиво и такъ давно, наконецъ осуществилаась: Далмация надолго подчинилась св. Марку. Причину торжества Венеціи г. Смирновъ, на своемъ вычурномъ и вѣсколько замысловатомъ языкѣ, объясняетъ (стр. 67, въ заключеніи III главы) „слабостью внутренней организаціи въ связи съ свойственной данному моменту въ исторіи этихъ обществъ многосторонностью (?) вѣшнихъ отношеній, взаимнымъ соперничествомъ“ (общинъ?).

Въ IV главѣ г. Смирновъ предполагаетъ говорить объ условіяхъ

устойчивости сложной общественной группы, образовавшейся изъ дalmatинскихъ общинъ подъ владычествомъ Венеции, но въ сущности онъ трактуетъ о взаимныхъ отношеніяхъ между Хорватіей, Босніей и Велесціей, о борьбѣ республики съ Угріей, боснійскими князьями, Сербіей и Турціей за обладаніе Далмацией (1420 — 1572 г.), между прочимъ на основаніи не изданныхъ материаловъ, приводимыхъ въ приложеніи изъ подлинниковъ въ значительныхъ извлеченіяхъ. Здѣсь события изложены въ сухомъ хронологическомъ порядкѣ изъ года въ годъ. Эта глава раскрываетъ иногда новые факты и восполняетъ такимъ образомъ своей документальной стороной предшествовавшіе труды по дalmатинской исторії.

Существенный интересъ изслѣдованія сосредоточивается на слѣдующей, V главѣ, посвященной изображенію организаціи сложной общественной группы, образовавшейся изъ дalmатинскихъ общинъ подъ венецианскимъ владычествомъ. По нашему мнѣнію, это лучшая глава книги г. Смирнова. Авторъ сосредоточивается на изложеніи правовыхъ и экономическихъ отношеній изучаемыхъ общинъ. Онъ тщательно анализируетъ мелкие факты, имѣющіеся въ государственныхъ документахъ (*Relazioni, Deliberazioni, Misti del Senato, Secreta Consilia Regatorum*) венецианского архива, и на основаніи ихъ дѣлаетъ осторожныя и потому цѣнныя заключенія. Углубляясь во внутреннюю жизнь общинъ, г. Смирновъ раскрываетъ вражду нобилей и плебеевъ между собою и сочувственное отношеніе послѣднихъ къ венецианскому правительству, хотя оно лишило города Далмациі общинныхъ земель, отобравъ ихъ въ казну и оставилъ неприкосновенною пока только частную собственность, хотя оно сосредоточило въ своихъ рукахъ монополію соланой торговли и безпощадно эксплуатировало экономические средства области, хотя оно воспользовалось выгодами прежняго положенія городовъ по отношенію къ общиннымъ землямъ. Ведя борьбу противъ давленія отдельныхъ общинъ на производство и потребленіе своихъ согражданъ, Венеция имѣла, конечно, въ виду не безусловную свободу торговли, а свои собственные торговые разчеты, открывая для проявленій Далмациі собственные рынки и заставляя подчиненные общинны покупать свои собственные произведенія. Въ изложеніи нашего автора мы видимъ послѣдовательный процессъ уменьшения самостоятельности общинъ, паденія ихъ самоуправления, усиленіе ошкви, торжество централизаторскихъ стремленій Венециі надъ началами общинного права, а вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдаемъ борьбу экономическихъ интересовъ завоевательницы съ непосредственными

материальными интересами подчиненныхъ общинъ, сперва выражавшуюся стяжаниемъ индивидуальностей общинъ въ сферѣ экономическихъ отношений, уничтожениемъ внутреннихъ таможень, а кончившуюся падениемъ хозяйственного благосостояния подчинившихъ коммуны. Искусившееся въ политическомъ и административномъ навыкѣ, венецианское правительство, бывъ извѣснаго насилия, умѣло переработать на свой ладъ строй внутренней жизни Далмации. Отдельные общины, лишенныя самостоятельности, получаютъ чуждыхъ правителей, графовъ, вѣсто туземныхъ ректоровъ; законодательные органы подчинились контролю венецианского правительства, раздававшаго гражданство Венеции какъ награду, которая въ то же время сближала поданныхъ съ новой властью; содѣйствуя процессу сліянія лучше чѣмъ какая либо насильственная жѣра. При такихъ-то условіяхъ свершился фактъ значительной важности, хорошо прослѣженный въ подробностяхъ авторомъ разбираемой книги, но недостаточно ярко изображеній. Стало очевидно, что отдельные коммуны смѣнила Далмация, которая перестала быть однѣмъ географическимъ терминомъ, какъ было доселѣ. — Весьма жаль, что эту главу, какъ и другія, построить искусственно и насищенно притянутая соціологическая терминология съ этими регуляторами простыми и сложными, регуляторами совокупности, регулятивными аппаратами (стр. 95, 103, 107, 116 и др.) и т. п. безъ надобности для дѣла внесенные выражениями.

Въ своемъ „Заключеніи“ г. Смирновъ желаетъ свести въ одно результаты изслѣдований, во вѣсто того вѣсколько стравицъ посвящающей характеристики соціального и политического строя Далмации, какъ одного изъ сложныхъ историческихъ явленій, а затѣмъ уклоняется въ общинѣ, ничего не выражающей мѣста, изложенныхъ къ тому же крайне неудобнымъ языкомъ. Исходя изъ того положенія, что географическіе условия не имѣютъ значенія въ процессѣ сложенія общинъ Далмации — съ чѣмъ также нельзя не согласиться, — авторъ заключаетъ, что подчиненіе далматинскихъ городовъ Венеции является результатомъ (говоря его языкомъ) превосходства организаціи одного общества надъ организаціей другихъ обществъ. Г. Смирновъ усматриваетъ въ результатѣ этой побѣды аналогію съ торжествомъ классического типа государства, надъ типомъ государства средневѣковаго феодальнаго (стр. 119). Далѣе авторъ пытается отвѣтить на вопросъ: какимъ условіемъ способствовали сліянію отдельныхъ общинъ такого характера въ одну сложную государственную единицу, или — выражалась

часть сссхвнн, отд. 2.

языкомъ социологии—отвѣтить на то, „какіе факторы содѣйствовали организаціи создавшагося общественного агрегата” (стр. 120). Этотъ отвѣтъ врядъ ли что-нибудь объяснить читателю, даже знающему съ „Индукиции Социологии”. Процессъ организаціи сложной общественной группы, понимаемый въ смыслѣ замѣнъ однихъ общинъ регуляторомъ совокупности регулятивныхъ центровъ мѣстного происхожденія, является продуктомъ сознательной и цѣлесообразной дѣятельности, составляющихъ агрегатъ элементовъ”, заключаетъ г. Смирновъ, прибавляя къ этой врядъ ли что выражющей фразѣ еще слѣдующее: „Организующую силой (?) является стремление къ подворенію къ жизни большей справедливости” (стр. 120). Относительно послѣдняго заключенія можно высказать лишь недоумѣніе, такъ какъ авторъ самимъ рѣшительнымъ образомъ высказывался за то, что корыстныя побужденія руководили, какъ Венеціей, такъ и отдѣльными сословіями общинъ, а также городскими партіями, такъ или иначе относившимися къ венеціанскому правительству.

Вообще вся послѣдняя глава книги г. Смирнова представляетъ доказательства непремѣнного желания автора говорить истати или не-истати языкомъ социологическихъ трактатовъ. Въ русской ученої литературѣ издавна установились выраженія, совершенно точно передающія ясною русской рѣчью тѣ мысли, которыми старается провести нашъ авторъ. Онь забываетъ, что терминология, изобрѣтенная Свенсеромъ, или самимъ прямѣнается только къ наѣстнѣмъ моментамъ общественного развитія по аналогіи съ животнымъ и вообще органическимъ міромъ. Подобный приемъ выраженія въ интересахъ дѣла и чистоты русской рѣчи мы не сочли бы возможнымъ одобрить въ ученоемъ изслѣдований, даже еслиъ оно по своей сущности посыпано было непосредственно социологію. Но сочиненіе г. Смирнова вовсе не есть трактатъ соціологіческій. Поэтому отъ его изслѣдованія мы могли-бы ждать въ заключеніи не однихъ общихъ разсужденій въ родѣ того, что „существуютія въ экономической наукѣ категоріи суть категоріи историческія”, или въ родѣ слѣдующей тирады: „Современные типы отношений между производителемъ, государствомъ и потребителемъ могутъ рассматриваться какъ продуктъ эволюціи посредствующаго фактора—государства, эволюціи характеризующейся постепеннымъ освобожденіемъ государственного авторитета отъ интересовъ мѣстныхъ частныхъ. Отношеніе государственного авторитета къ производителю и потребителю въ рассматриваемомъ нами сложномъ об-

ществѣ представляетъ собою одинъ изъ моментовъ этой эволюціи" (стр. 123).

Авторъ разбираемаго изслѣдованія находитъ, что только по отношенію къ сельскому населенію Венеція опиралась на абстрактные принципы или, проще говоря, на начала справедливости, забывалъ что въ предыдущихъ главахъ онъ приводилъ рядъ примѣровъ безпредвзятаго, а иногда даже снисходительнаго отношенія къ мѣстной знати. Желая отыскать параллель политического типа далматинскихъ общинъ, г. Смирновъ приравниваетъ ихъ государственную жизнь къ историческимъ условіямъ Делосского союза, находившагося подъ покровительствомъ Аѳенъ, и видѣть сходство между отношеніями Венеціи къ Далмациіи и отношеніями Рима къ провинціямъ. Онъ пытается затѣмъ оцѣнить изучаемыя явленія съ общей точки зрѣнія, а равно установить "субъективный критерій прогресса", для чего полагаетъ достаточнымъ высказаться въ нѣсколькихъ строкахъ слѣдующими словами: „Мы имѣли дѣло съ сознательнымъ цѣлесообразнымъ процессомъ, направленнымъ къ осуществлѣнію въ жизни данной совокупности общества большей справедливости и должны были решить вопросы, достигнута ли была эта цѣль и въ какой мѣрѣ" (стр. 124). Этю довольно лаконической фразой г. Смирновъ кончаетъ свое изслѣдованіе, предоставивъ судить читателю, на сколько достигнута имъ намѣченная цѣль.

Значеніе труда г. Смирнова, какъ видно изъ вышеизложеннаго, заключается въ тщательномъ и основательномъ изученіи внутреннаго строя далматинскихъ общинъ въ XV и XVI столѣтіяхъ на основаніи печатныхъ и не изданыхъ документовъ. Въ этомъ отношеніи представляются выдающимися IV и особенно V главы, а также критическая замѣчанія автора о не изданыхъ хроникахъ. Эти главы дѣйствительно разработаны на основаніи цѣлыхъ рукописныхъ материаловъ, хранившихся въ Венецианскомъ государственномъ архивѣ; около 80 страницъ выписаны изъ не изданыхъ документовъ, помѣщенныхъ въ „Приложениіе", относятся собственно къ этимъ главамъ (стр. 149—227). Эти многочисленныя цитаты подкрепляютъ положенія автора. Изъ хроникъ Марчанской библіотеки г. Смирновъ заимствовалъ данные для подробнаго объясненія обстоятельствъ подчиненія Задара, Шибеника, Трогира, Сплита, Котора, Крка, Скадра, острововъ и албанскихъ городовъ. Правда, особыхъ свѣдѣній тутъ, по качественному значенію, не много, но уже однимъ внесеніемъ этого нового материала г. Смирновъ сдѣлалъ нѣкоторый вкладъ въ науку.

Упомянутый материалъ главнымъ образомъ имѣеть значеніе для экономической истории Далмациі, надъ которой особенно и съ наибольшимъ успѣхомъ сосредоточился авторъ разбираемой книги. Меньше сдѣлано имъ для правовой стороны вопроса, именно для обычного права. Какъ и въ первомъ выпускѣ своего труда, г. Смирновъ обходитъ интересный вопросъ о борьбѣ начальства римского гражданскаго права съ исконнымъ славянскимъ правомъ и о постепенномъ торжествѣ первого въ разныхъ правовыхъ областяхъ. Проводникомъ римскаго права явилось венецианское владычество, принесшее съ собою измѣненіе въ самомъ судопроизводствѣ и отразившееся на уголовномъ законодательствѣ. Вицедольский законникъ, изученіе которого въ этомъ отношеніи существенно необходимо, даѣтъ бы автору достаточный материалъ для правильной постановки и вѣрнаго решенія этого вопроса, на чѣмъ мы указывали въ свое время¹⁾.

Нельзя не замѣтить также, что г. Смирновъ только въ двухъ мѣстахъ (стр. 110—112) говорить о морлакахъ, жившихъ пососѣдству съ Далмацией на турецкой территории. Объ отношеніяхъ ихъ къ соплеменному населенію ничего не говорится, хотя авторъ случайно цитируетъ слова Джустиніана, что морлаки составляютъ „источникъ жизни и благодѣйніе для Далмации“. Между тѣмъ эти отношенія не задѣты въ разбираемой книгѣ, хотя въ Венецианскомъ архивѣ мы сами имѣли возможность читать относящейся сюда матеріала.

Еще болѣе важное упущеніе сдѣлано авторомъ по существенному вопросу о непосредственномъ вліяніи Далмации на судьбы Венеции, чѣмъ особенно важно для исторіи этой республики въ XVI вѣкѣ. Здѣсь Венецианскій архивъ и Марчіанская библиотека могли бы доставить автору цѣпныя сокровища. Кому не известно, что Венеция во всю свою исторію жила силами столько же грековъ, сколько, если не болѣе, славянъ; послѣдніе обусловили ея могущество на моряхъ; они дали ей лучшихъ моряковъ; они не щадили своей крови для славы республики въ то время, какъ природные венецианцы исполняли, не безъ пріятностей не тяжелую службу гондольеровъ. Въ недавно вышедшемъ трудѣ В. И. Ламанскаго (*Secrets d'Etat de Venise. 1884*) имѣется между прочимъ выписка изъ одного Марчіанскаго манускрипта, озаглавленнаго „Della Dalmazia“, отъ 1577 г., изъ кото-

¹⁾ См. въ Ученыхъ запискахъ Казанскаго Университета 1881 г. нашу рецензію на первый выпускъ сочиненія г. Смирнова.

раго видно, какъ венеціанскій наблюдатель высоко ставитъ благодѣтальное значеніе Далмациі для судебъ республики, называя первую живленіемъ первомъ Венецію: „In questa provincia consisto il nervo delle forze della Signoria, da lei difende il dominio maritimo, in lei si fonda la sicurezza dello Stato, et in quest' istessa si posa la salute d'Italia.“ Заявленіе категорическое и справедливое. Смѣемъ думать, что указаніе этого обратнаго вліянія Далмациі на Венецію было бы въ высшей степени умѣстно въ разбираемомъ труда.

Помимо приведенныхъ недостатковъ нельзя пройти молчаниемъ и виѣшнюю сторону изслѣдованія г. Смирнова, по поводу чего мы впрочемъ уже имѣли случай высказаться. Специальность изслѣдуемаго вопроса отразилась не совсѣмъ выгодно на отдѣлкѣ труда автора, который вообще нельзя пренебрегать въ историческихъ сочиненіяхъ. Мы замѣчаемъ это потому, что своими прежними работами г. Смирновъ не пріучилъ чѣль такому сукому и крайне безжалостному изложенію. И впредь мы не желали бы встрѣтить въ какой-либо русской книгѣ такую неясную конструкцію фразъ, такое безжалостное обращеніе съ языкомъ, такие хитросплетенные выраженія и термины, какіе попадаются у г. Смирнова. Эти виѣшнія свойства труда, устранить которыхъ или привести къ лучшему вполнѣ зависѣло отъ автора—приводить къ послѣдствіямъ, весьма невыгоднымъ для успѣха его сочиненія: читать ее станутъ весьма немногіе. А между тѣмъ не таковы должны быть конечныя цѣли авторовъ историческихъ сочиненій; книги по истории должны проникать въ возможно болѣй кругъ читателей, чтѣ обусловливается живымъ интересомъ этой науки, изслѣдующей разнообразные вопросы общественной и политической жизни.

Впрочемъ, нашъ авторъ видимо не руководился этими соображеніями. Онъ избралъ слишкомъ специальный и крайне не широкий вопросъ, и къ тому же, задался цѣлью написать изслѣдованіе, который съ пользою могъ бы воспользоваться будущій соціологъ. Онъ взялъ на себя трудъ разработать массу не изданного материала въ видахъ пріобщенія его къ источникамъ, уже известнымъ, чтѣ и исполнилъ удовлетворительно. Онъ обнаружилъ тщательность анализа, серьезный критический талантъ и значительную выдержанность мысли. Только тотъ, кто работалъ надъ архивнымъ материаломъ, пойметъ, какъ много кропотливаго труда и анализирующей силы необходимо для работы такого рода. Но виѣстъ съ тѣмъ, нельзя не сожалѣть, что авторъ не понялъ своей непосредственной задачи. И зная тему

по южно-славянской истории, она припутала къ ней социологическихъ соображений, забывъ, что послѣднія умѣстны лишь въ томъ случаѣ, когда относятся къ обществу, исторія которого уже обработана. Вмѣсто того, чтобы быть точнымъ историкомъ, каковымъ дѣйствительно мы считаемъ г. Смирнова, авторъ хочется непремѣнно казаться социологомъ; мы не отрицаемъ того, что г. Смирновъ употребляетъ всѣ усилия, чтобы сдѣлаться и изслѣдователемъ по соціологии; но бѣда въ томъ, что на этотъ разъ онъ принялъ средство за цѣль. Его изслѣдованіе могло бы развѣ что послужить материаломъ для соціолога, но онъ паясно заблуждается, полагая возможными производить наблюденія и даже дѣлать заключенія на основаніи фактовъ, еще не достаточно обслѣдованныхъ и къ тому же мало соответствующихъ по своему ограниченному характеру и содержанию той задачѣ, которую онъ себѣ поставилъ.

II. Феодоръ.

Законы стиха русского народного и нашего литературного. Опытъ изслѣдований П. Д. Голозеастова. Спб. 1883. (Издание Общества любителей древней письменности).

Русское народное творчество своимъ богатыемъ, неисчерпаемымъ материаломъ уже издавна привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей, число которыхъ съ каждымъ годомъ ростетъ все болѣе и болѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ ростетъ и разнообразіе изысканій въ этой области, съ точки зрѣнія задачъ, которыхъ берутъ на себѣ изслѣдователи. Не говоря уже о постоянномъ обогащеніи самого материала, вслѣдствіе вновь появляющихся сборниковъ пѣсенъ эпическихъ и лирическихъ, собраній плачей, причитаній, сказокъ, преданій и пр., мы видимъ, что и изслѣдованія этихъ данныхъ все болѣе и болѣе назначаютъ специализироваться; рядомъ съ изученіемъ предмета историко-литературныхъ — со стороны происхожденія, содержания, критики текста и т. п., являются опыты объясненія и формальной стороны этого творчества — стихосложенія и народной музыки; можно надѣяться, что и лингвистическая сторона дѣла на останется безъ дальнѣйшаго движенія; труды, посвященные вопросамъ народной этимологіи и синтаксиса, вѣроятно, не заставятъ себя долго ждать.

Но въ послѣдніе три, четыре года особенное вниманіе выпадаетъ на долю изслѣдованій основныхъ законовъ построенія народной пѣ-

сенной рѣчи, законовъ народнаго русскаго стихосложенія. Вопросъ этотъ, самъ по себѣ, не новъ; уже Востоковъ выдвинулъ его на очередь и поставилъ на научную почву¹⁾), появлялись труды и послѣ него²⁾; въ послѣднее время дѣятельность по этому вопросу только ожидалась, и именно вслѣдствіе сознанія той неудовлетворительности предшествовавшихъ решеній, которая стала очевидною при болѣе широкомъ знакомствѣ съ материаломъ, обогатившимся новыми памятниками, болѣе точно и правильно записанными; съ другой стороны, эта оживившаяся дѣятельность говорить о назрѣвшей потребности такъ или иначе разрѣшить этотъ вопросъ, поставить на твердую почву, опладѣть, наконецъ, тѣмъ, что какъ бы ускользало отъ вниманія предшествовавшихъ наблюдателей, открыть секретъ, заключающійся въ этомъ не разрѣшенномъ вопросѣ. Но считаемъ нужнымъ добавить, что потребность эта не вызывается желаніемъ разрѣшить только загадку, какъ бы загаданную вольнымъ извѣстомъ, безхитростнымъ русскимъ народомъ, и на томъ успокояться; задача эта гораздо шире, выдвигается она цѣлями болѣе практическими, и разрѣшеніе ея должно быть такимъ, чтобы освѣтить многое неясное и темное въ широкомъ, разнообразномъ и оригинальномъ проявлениі русскаго народнаго творчества со стороны вѣйшней, формальной, и имѣющей съ тѣмъ способствовать уясненію и многихъ внутреннихъ сторонъ, послужить ключемъ къ разрѣшенію вопросовъ, уже выходящихъ

¹⁾ Опытъ о русскомъ стихосложеніи. С.-Пб. 1817.

²⁾ Самсоновъ, Краткое разсужденіе о русскомъ стихосложеніи: *Вѣсти. Евр.* 1817. Авг. № 15—16, стр. 219. И. И. Срезневскій, Мысли объ исторіи русскаго языка. 1849. га. VII; его же: Нѣсколько замѣчаній обѣлическихъ размѣръ народныхъ Славянскихъ пѣсень: *Изв. Имп. Акад. Наукъ по 2-му отд.* 1861 г.; Нерсанинскій, Русское стихосложеніе. Саб. 1853. В. Классовскій, Версификація. Саб. 1863 г. Олесницкій, Риѳмъ и метръ въ етотоимѣнной поэзіи: *Труды Кіевск. Дух. Акад.* Сент. 1872 г. Лебедевъ, Стилистика, Филол. Зап. 1877, вып. 5 и 6. прил., стр. 48 и сл. См. также: А. А. Потебня, Малорусская народная пѣсня XVI в.: Текстъ и примѣч. Филол. Зап. 1877, вып. 2. стр. 12; его же: Рецензія на «Народные пѣсни Галицкой и Угорской Руси.» собр. Л. Ф. Головачикъ; Отчетъ о XXII присужд. Уваровскихъ наградъ. Шафр.ногъ, О складѣ народно-русской пѣсенной речи, рассматриваемой въ связи съ напѣвами: Ж. М. Н. Пр. 1878 и 1879; Вестфаль, О русской народной пѣсni: *Русск. Вѣсти.*, сентябрь 1879 г. Ю. Н. Мельниковъ, Русскія песни, непосредственно съ голоса народа записанные и съ объясненіями изданные. Вып. I. Москва. 1879. См. также нашу статью: По поводу тонической теоріи въ Славянскомъ народномъ творчествѣ. Сборникъ стат. по славяновѣд., изданиемъ учениками В. И. Ламинского. С.-Пб. 1883, стр. 475.

изъ сферы вѣйней формъ, по находящихся въ связи съ ней, къ како-
вымъ принадлежать, напримѣръ, вопросы хронологического характера
и др. Такая широкая задача требуетъ и широкаго круга дѣятелей;
вотъ почему всякий вновь появляющійся трудъ въ этой области при-
влекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ интересующихся дѣлою народнаго
творчества и заставляетъ искать въ себѣ, если и не полнаго рѣшенія
вопроса, то во всякомъ случаѣ, освѣщенія его съ какой-нибудь иной
стороны, разъясненія, быть можетъ, частныхъ фактъ, находящихся
въ связи съ главнымъ кореннымъ вопросомъ.

Новѣшіемъ трудомъ, представляющимъ попытку разрѣшить за-
дачу о народномъ русскомъ стихосложеніи, является поставленное
ними въ заголовкѣ сочиненіе П. Д. Голохвастова.

Трудъ этотъ, въ болѣе краткомъ видѣ, былъ напечатанъ еще въ
1881 году¹⁾). Но авторъ признаетъ сдѣланнія въ его трудѣ сокра-
щенія и измѣненія „такими пропусками и передѣлками, за которыхъ
исследователю взять на себя ответственность не возможно“; такъ
говорится въ предисловіи къ новому изданію сочиненія г. Голохва-
стова, сдѣланному Обществомъ любителей древней письменности „по
авторскому тексту“.

Рассмотримъ по существу это изслѣдованіе въ его новомъ видѣ²⁾.
Сочиненіе подраздѣлено на три главы; въ 1-й (стр. 1—23), слу-
жащей введеніемъ, авторъ налагаетъ свои взгляды на сущность по-
этической рѣчи („сочетаніе сложнаго логическое и вмѣстѣ музыкальное“),
на самобытность ея у всякаго самобытнаго народа, на ея идеаль-
(„тотъ стихъ, коего оба элемента, какъ логический, такъ и музыкаль-
ный, каждый во всей своей силѣ и оба въ полной мѣжду собой гар-
моніи“: стр. 2). Установивъ затѣмъ названія для стихосложеній —
греко-латинскаго („метрическое“), современного литературнаго и пѣ-
менскаго („тоническое“) и нашего народнаго („русское“), авторъ на-
мѣчаетъ, такъ сказать, предѣлы своего изслѣдованія слѣдующими
словами: „Изучить и опредѣлить вѣкъ развитыя русскимъ народомъ
эпической и лирической формы стиха дѣло, меѣ кажется, едва ли еще
исполнимое, за всимъицъ, но иѣкоторымъ отраслямъ эпической и
особливо лирической народной поэзіи, удовлетворительныхъ сборни-

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, декабрь. 1881.

²⁾ Содержаніе его въ прежнемъ видѣ изложено въ статьѣ, не подписанной
авторомъ: Русскій народный стиль и русская народная музика, Правки. Вѣстн.
1882 г. № 35, 46.

какъ, хорошо составленныхъ и вѣрно записанныхъ, но угадать основные законы, общіе, должно быть, всѣмъ нашимъ исто-народнымъ стихотворнымъ формамъ и указать примѣненіе этихъ законовъ къ одной, только покамѣсть, но, по счастью, къ самой совершенной изо всѣхъ стихотворныхъ формъ русскаго народа, къ главной былинной формѣ; вотъ что, [кажется мнѣ, возможно и теперь уже, благодаря послѣднему, истинно великому труду покойнаго А. Ф. Гильфердинга, его изъ ряду воинъ богатому и отлично впервые надежно записанному сборнику Онежскихъ былинъ. Въ поддержку и въ дополненіе при этихъ указанияхъ можетъ съ большой пользою послужить, почта одновременно появившійся и тоже чрезвычайно удачно записанный сборникъ Е. В. Варсова: „Причитанія Сѣвернаго края“ (стр. 4, 5).

Далѣе авторъ излагаетъ преимущества сборника Гильфердинга передъ старшинами, по времени изданія, сборниками: Рыбникова, Кирьевского, Кирши Давилова, къ которымъ, говорить авторъ, „всѣмъ прідется обращаться, то развѣ только отрицательно, дабы сличать результаты хорошаго и плохого способовъ записи народнаго стиха“ (стр. 5).

Первое достоинство сборника Гильфердинга авторъ справедливо находитъ въ способѣ записи былинъ, которымъ собиратель пользовался, записывая текстъ не съ пословеснаго разкза, а съ голоса. Второе достоинство, несомнѣнно, заключается въ томъ, что собиратель „внимательно услушивалъ и бережно отмѣчалъ всѣ, или по крайней мѣрѣ очень многія необычайныя ударенія въ словахъ: ударенія не какія-нибудь областныя, мѣстныя—это бы намъ не важно, а нѣтъ, явно произвольныя ударенія авторскія измѣняемы, очевидно, стиха ради“ (стр. 7).

Распространившись о важности „авторскаго ударенія“, г. Головхвастовъ переходитъ къ третьему преимуществу, заключающемся въ томъ, что „и другіи стихотворные вольности нашихъ пѣвцовъ, по-жалуй, не менѣе авторскаго ударенія важныя въ стиховомъ разчетѣ; и чуть ли ни еще пуще, а иногда и новсе пренебреженія прежними собирателями, уловилъ и передаетъ намъ Гильфердингъ. Наиправѣрь, сокращеніе гласной стиха ради:

Говорила паленница и горько плакала....

И обратное явленіе, возстановленіе краткой гласной, стиха ради, въ полную:

Вокругъ посика-то носа Ямбъ кати...

А также, удвоеніе гласной какъ восполненье окончаній въ прилагательныхъ:

Не видаль-ли ты ударовъ богатырскіхъ...

„Это явленіе“, говорить авторъ,— „столь важное въ слоговомъ разчетѣ стиха, передавалось изъ пятаго въ десятое, и у прежнихъ со-брателей; теперь, у Гильфердинга, уловлено и передано, кажется, безусловно“ (стр. 12, 13).

Первый затѣмъ къ сборнику плачей г. Барсова, который, какъ записанный по старому способу, пословесно, не имѣть указанныхъ выше преимуществъ, авторъ заключаетъ: „Но вѣдь дорогъ способъ ре-зультатами; а ежели и по другому, по старому способу результаты, какими бы то ни было чудомъ дались отличные, то и слава Богу: сборникъ хорошо, а два лучше“ (стр. 17, 18).

Поэтому „я и памѣренъ“, говоритъ авторъ,— „разбирать только по этимъ двумъ сборникамъ и, подробно, по крайней мѣрѣ, только одну, главную былинную стихотворную форму, которую, для кратко-сти, просто буду называть былинной; ибо хотя и не всѣ былины сложены этими стихомъ, но огромное большинство и быль, и причина-тапій“ (стр. 18). Указать затѣмъ на связь, по содержанию и по формѣ, между былинной богатырской, былинной молодеческой и пла-чевъ, который, по его мнѣнію, можетъ быть названъ былинной быто-вой, г. Голохвастовъ даетъ слѣдующее объясненіе: „Про другія стихо-творные формы, болѣе дреинія, или, напротивъ, гораздо новѣйшия въ богатырскихъ былинахъ, и про постороннія формы въ причитані-яхъ, а можетъ быть, и про пѣкоторыя не былинного стиха формы скажу я вамъ, что смогу, но уже послѣ главнаго“ (стр. 20¹).

Авторъ заканчиваетъ первую главу сортировкой и разчетомъ того материала, на которомъ онъ основываетъ свои выводы: былинъ въ обоихъ сборникахъ 300 шумеровъ; стиховъ отъ 60 до 65 тысячъ, отъ 74 пѣвицъ и пѣнца. Изъ нихъ лучшіе, „какъ потому, что звучать былинъ больше, и что знаютъ то, все почти, полпѣе передаютъ и поэтичнѣе, нежели прочіе; такъ, и главное, потому что несравненно строже иро-ничъ наблюдаютъ стихъ“—четверо: Рабининъ, Калининъ, Федоновъ и Арина Федосова; у четверыхъ 56 шумеровъ; стиховъ ты-сячи 20. Для проверки выводовъ авторъ рекомендуетъ обращаться

¹) Въ разбираемомъ сочиненіи это объясненіе авторомъ еще не выполнено.

къ сборнику Гильфердинга (стр. 440 до 550) — былины Рабинина; при этомъ, однако, по указанію автора, нужно исключить былины № 73, 81 и 84 (стр. 20, 21).

Обставивъ такимъ образомъ свою задачу, авторъ въ послѣдующихъ двухъ главахъ излагаетъ свои основоположенія и приводить въ пользу ихъ доказательства. Насъ интересуютъ, собственно, предлагаемые авторомъ законы русскаго народнаго стиха; поэтому мы и остановимся подробнѣе на разборѣ этихъ двухъ главъ.

Итакъ, первое основоположеніе г. Голохвастова слѣдующее: „Нѣть стиха вѣтъ гармоніи удареній. Я не говорю: полной гармоніи, но вѣтъ хоть какой-нибудь“ (стр. 24). Слѣдуетъ за симъ рядъ доказательствъ по поводу могущихъ явиться возраженій относительно примѣнимости сказанного къ стихосложеніямъ лубочному и силлабическому, и затѣмъ выводъ: „Итакъ, правда ваша: ничего нѣть кромѣ риѳмы, въ лубочномъ стихѣ; и ничего, кромѣ риѳмы, да счета слововъ, въ силлабическомъ. Но и моя правда: вѣтъ ударенія нѣть и риѳмы, а сльдовательно и никакого стиха, хотя бы и только риѳмованнаго“ (стр. 27).

Положеніе и выводъ, несомнѣнно, вѣрны; въ такой же мѣрѣ это положеніе примѣнно и къ метрическому (греко-латинскому) стихосложенію, гдѣ ударенію указаны мѣста долгимъ слогомъ въ стопѣ, и гдѣ на этихъ удареніяхъ (арисахъ) держится вся такъ-называемая скандовка; иначе и быть не можетъ; разъ стихи говорятся, а не поются, другие устои, кромѣ удареній, для нихъ и немыслимы; авторъ, къ сожалѣнію, не говорить здѣсь о метрическомъ стихосложеніи; надо думать, что онъ, вмѣстѣ съ нами, также видѣтъ эту примѣнимость; не знаемъ, признаетъ ли онъ въ греко-латинскомъ стихѣ что-нибудь еще другое, кромѣ удареній, подобно тому, какъ въ лубочномъ стихѣ онъ признаетъ риѳму, а въ силлабическомъ—риѳму и схему, которыхъ „опредѣляютъ мѣсто“ ударенію (стр. 25), стало быть, заправляютъ имъ.

Но вѣдь не только стихъ, а и всякая проза, нуждается въ удареніяхъ, мѣста которыхъ опредѣляются въ ней смысломъ или благозвучиемъ; и для прозы тоже нужна извѣстная „гармонія удареній“, обусловленная какими-нибудь требованіями, хотя бы знаніемъ языка, краснорѣчіемъ и т. п. Понятіе: гармонія — довольно растяжимое; подъ нимъ, въ данной области, кажется намъ, нужно разумѣть извѣстное сочетаніе звуковъ, производящее пріятное впечатлѣніе на слухъ; оно вовсе не обусловлено правильной однообразной повторяемостью звуковъ, но допускаетъ и самые разнообразныя сочетанія; въ

силу этого хорошаго проза также гармонична, какъ и хорошие стихи, притомъ не такие только стихи, гдѣ ударенія одной строки одинаково повторяются въ послѣдующихъ:

Были и лѣто, и осень дожданны;
Были потоплены пажити, пизы.

Пушкинъ.

но и такие:

Молчи, холопы! Не смѣшь ты царицу
Не выслушавъ перебивать. Не въ силахъ
За кровь князей, боярства и народа
Л истить тебѣ—самъ царь твоя защита;

Острогскій.

Разница только въ томъ, что гармонія прозы обусловливается одними требованіями, гармонія поэзіи—другими, и притомъ, конечно, многоразличными, въ зависимости отъ извѣстного склада. Значить, ударенія, способствующія гармоніи, какъ въ прозѣ, такъ и въ поэзіи, не нѣчто самостоятельное, рѣшающее все дѣло, но только способствующее достижению извѣстной цѣли, извѣстного склада рѣчи, какъ прозаической, такъ и стихотворной; и если стихъ отличается отъ прозы, то не потому только, что въ немъ гармонія удареній, ибо таковая отличаетъ и прозу, но потому, что въ стихѣ удареніемъ—этимъ спутникомъ всякой рѣчи—заправляетъ для полученія извѣстной гармоніи одна сила, а въ прозѣ—другая. Въ чёмъ заключается эта сила—другой вопросъ; очевидно, только, что не въ самомъ же удареніи. Въ виду всего этого, намъ кажется, что основоположеніе г. Голохвастова даетъ искажение не больше того, что „нѣть рѣчи (прозаической или стихотворной) виѣ гармоніи удареній; я не говорю, полной гармоніи, но виѣ хоть какой-нибудь“ (срав. стр. 24), и притомъ: „виѣ ударенія нѣть и рѣчи (ни прозаической, ни стихотворной)“ (срав. стр. 27: „виѣ ударенія нѣть и стиха“).

„Что же оно такое, это великое стихозиждительное начало удареніе?“ спрашивается вслѣдъ затѣмъ авторъ.—„Въ чёмъ и какъ проявляется оно?“ (стр. 29). Въ силу только что сказаннаго, намъ кажется, что въ предыдущемъ авторъ выставилъ недостаточно данныхъ для того, чтобы тутъ же назвать удареніе „великимъ стихозиждительнымъ началомъ“. Отъ того, что ни одинъ стихъ не обойдется безъ удареній, еще далеко до того, что всякий стихъ виждется только на удареніяхъ; греко-латинскій (метрическій) стихъ едва ли кто прочтетъ, не выдвинутъ на первый планъ ударенія, но и едва ли

кто согласится съ тѣмъ, что его основа и зиждительное начало—ударение; его основа, которую до сихъ поръ никто не оспаривалъ,—мѣра, достигаемая извѣстнымъ сочетаніемъ долгихъ и короткихъ слоговъ, подобно тому какъ основою стиха силлабического, по нашему мнѣнію, служитъ мѣра, достигаемая извѣстною суммою слоговъ; основа стиха лубочного — мѣра, достигаемая съ помощью риѳмы въ концѣ стиха, и наконецъ, основою стиха тонического (или какъ его называютъ „тонико-метрическаго“) служить мѣра же, достигаемая извѣстнымъ сочетаніемъ удареній, замѣняющихъ, въ этомъ случаѣ, долгіе слоги (потому и название: „тонико-метрическое“). Вслѣдствіе того зиждительнымъ началомъ всякаго стиха прежде всего является мѣра, достигаемая тѣми средствами, какія находитъ въ своемъ распоряженіи языкъ каждого самобытнаго народа; въ зависимости отъ этихъ средствъ и находится самобытность каждого стихосложенія. Удареніе, взятое какъ самостоятельное стихозиждительное начало, въ силу своей общности, даетъ слишкомъ мало простора для проявленія самобытности и, въ противоположность тому, что мы называемъ, въ данномъ случаѣ „мѣрой“,—не отличаетъ стихъ отъ прозы. Называя, что бы то ни было стихозиждительнымъ началомъ, мы должны, какъ кажется, избрать для этого пѣчто уже само собою характеризующее стихъ и не имѣющее мѣста въ примѣненіи къ прозѣ или рѣчи вообще. Характерною чертой стиха, отличающею его отъ прозы, является прежде всего мѣрность рѣчи, но едва ли ударяемость рѣчи или даже „хоть какая-нибудь гармонія удареній рѣчи“. Какая-нибудь гармонія удареній—повторяеть—нужна и для прозы, различныя цѣли которой вызываютъ различныя интонаціи; такъ рѣчь, выражавшая негодованіе, удивленіе, умиленіе и проч., требуетъ каждой своей интонаціи, а это достигается извѣстною гармоніей удареній (потому, вѣроятно, и интонація). Называя удареніе стихозиждительнымъ началомъ, мы какъ бы отнимаемъ его или до нельзя уменьшаемъ его значеніе въ прозѣ, гдѣ оно является такими же характерными и необходимыми, какъ и въ стихѣ. Разница въ томъ, что въ стихѣ оно рельефнѣе выдѣляется, правильнѣе повторяется, чѣмъ въ прозѣ; но достаточно ли этого, чтобы считать его краеугольнымъ камнемъ стиха? Въ вопросахъ принципіальныхъ не столько важны явленія, сколько причины, ихъ вызывающія; какая же причина рельефности и извѣстнаго рода правильности удареній въ стихѣ? Эта причина—мѣрность стиха, требующая правильнаго, размѣрнаго произнесенія словъ (а не удареній) въ зависимости отъ мысли, ими вы-

ражаемой; мѣрное произношение словъ влечетъ за тобою и мѣрное повтореніе удареній. Руководящимъ началомъ является извѣстная мѣра, вызванная соотвѣтствующимъ чувствомъ; для соблюденія этой мѣры не обойтись, конечно, безъ удареній, какъ не обойтись и безъ словъ; но безъ удареній не обойтись и въ прозѣ; поэтому удареніе является первенствующимъ только для слуха; на самомъ же дѣлѣ, въ стихѣ роль его служебная, всецѣло зависящая отъ мѣры стиха и потому сама въ себѣ ничего объединяющаго, прочаго и принципіального не заключающая. Въ силу всего сказаннаго, удареніе, какъ кажется, на столько же „начало стихозиждительное“, на сколько оно виждительно для всякой рѣчи, ибо не только стихъ, по ни одного слова не произнести безъ этого виждительного начала.

Отличая на поставленный вопросъ о „великомъ стихозиждительномъ началѣ — ударенія“, авторъ обѣщаетъ: „Про удареніе, про стопу, про зозвучіе, гдѣ прійдется, намѣренъ я сказать, или вѣрѣте намекнуть вамъ только то, что до меня, — сколь мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно,—или вовсе замѣчено не было, или же иначе, нежели ипою понято“ (стр. 29). Опредѣливъ удареніе, какъ „усиленіе въ произнесеніи одного слога надъ прочими“, авторъ говоритъ: „Усиленіе это выражается, какъ мнѣ кажется, столь же въ громкости, сколь и въ продолжительности произнесенія. Слогъ съ удареніемъ слышенъ и дальше и дольше слога безъ ударенія“. Это, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо, и объ этомъ уже говорилъ нач. г. Шафрановъ: „Въ ударяемыхъ слогахъ протяжность слышна всякому, кроме развѣ не желающихъ слышать ее...“¹⁾ и даже какъ намъ кажется, заявляяъ объ этомъ и А. Х. Востоковъ: „Въ пѣмъ (въ русскомъ языкѣ) нѣть собственного протяженія, не зависящаго отъ выходки (ударенія), а слова получаютъ опое отъ сей послѣдней“²⁾.

Затѣмъ, „пока не пришется лучшихъ“, авторъ предлагаетъ слѣдующія названія для словъ: „съ удареніемъ слогъ—звуковой, безъ ударенія—холостой“. „Звуковыхъ словъ... два разбора; ибо удареній... два рода: 1) удареніе на слогъ, выбранный или предизначеній къ тому, въ словѣ, слоговое удареніе; 2) удареніе на слово

¹⁾ О складѣ нар.-руск. пѣсенн. рѣчи: Ж. М. Н. Ир. 1878. Ноябрь, стр. 38.

²⁾ Опытъ о русскомъ стихослож., ч. I, стр. 21. Этого мнѣста г. Шафрановъ на цитируемой выше страницѣ, кажется, въ разчетъ не принялъ.

или на слова, главные по смыслу въ рѣчи, смысловое ударенье". Послѣ этого слѣдуетъ заявленіе: „Нѣть, кажется, учебника версификаціи, ни русскаго, ни иностраннаго, ни новаго, ни стариннаго, гдѣ бы съ первыхъ же строкъ не заявлялась эта истинна о двойственности ударенія и гдѣ бы затѣмъ... не шла рѣчъ, такъ или иначе объ удареніи... Но поразительно вотъ что: нѣть учебника рѣшительно ни единаго, гдѣ бы про смысловое удареніе было сказано, ну хоть бы только: отчего объ этомъ удареніи ничего не говорится, кромѣ первыхъ строкъ, гдѣ было заявлено, что-де есть и оно" (стр. 29, 30).

На сколько намъ известно, Востоковъ посвящаетъ этому смысловому ударенію не только „первые строки", но цѣлыхъ почти 10 страницъ (98—107¹) и не только заявляетъ о его существованіи, но развиваетъ и основываетъ на немъ все народное стихосложеніе, ставя его во главѣ „прозодического периода". Перевѣссій²) на стр. 45 говоритъ, что русское стихосложеніе основывается „не на удареніи, слышимомъ въ каждомъ отдельномъ словѣ, а на томъ логическомъ удареніи, которое мы дѣлаемъ, желая оттѣнить большую важность и значеніе словъ одного передъ другимъ въ составѣ рѣчи...", и не только заявляетъ объ этомъ „логическомъ" (смысловомъ) удареніи, но все время о немъ и говоритъ, ибо на немъ все основывается. (стр. 45—48). Упрекъ автора можетъ быть отнесенъ развѣ лишь къ сочиненію Классовскаго³), гдѣ объ удареніи „стихотворномъ", то-есть, смысловомъ, какъ выяснилъ это г. Шафрановъ⁴), говорится, дѣйствительно, очень мало; едва ли вполнѣ можно согласиться съ заявлѣніемъ автора, что г. Шафрановъ объ этомъ предметѣ говорить „мимоходомъ и только отрицательно, отвергая голословно возможнѣсть этого ударенія, какъ стихозиждительной силы" (стр. 30 прим.). Г. Шафрановъ говоритъ объ этомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ (стр. 44 и сл. 55, 56, 57...)⁵) и высказываетъ соображенія, о которыхъ едва ли достаточно сказать: „голословно"; кажется, слѣдовало бы о нихъ поговорить.

Тѣмъ не менѣе, авторъ влагаетъ въ уста возражателя слѣдующія слова: „Затѣмъ теоретикамъ стихосложенія говорить о томъ, что

¹) Опытъ о русск. стихосложеніи.

²) Русское стихосложение, С.-Пб. 1853.

³) Версификація. С.-Пб. 1863.

⁴) Ж. М. Н. Пр., ноябрь 1878 г., стр. 55 и сл.

⁵) Тамъ же.

ровно ви при чёмъ въ стихотворной практикѣ?“ (стр. 30). Въ отвѣтъ на это мы въ правѣ ожидать отъ автора обстоятельнаго разъясненія и доказательствъ не только того, что смысловое удареніе въ стихѣ играетъ роль, но и того, что эта роль самая главная. Эти ожиданія должны себѣ найти удовлетвореніе въ слѣдующихъ строкахъ автора: „Но вѣдь коли ужъ вообще въ рѣчи человѣческой смысловое удареніе есть; а стихъ музыкально-гармонизированная, но, затѣмъ, тоже вѣдь рѣчи человѣческая, значитъ и со смысловыми удареніями; спрашивается: какъ же можетъ то, что въ словахъ стиха есть, быть и при чёмъ въ гармоніи стиха? Какъ можетъ не приниматься въ разчетъ смысловое удареніе? Да вѣдь при чёмъ смысловое удареніе въ рѣчи-то? Случайность оно тутъ что-ли... вообще вѣчно такое, что, при случайнѣ, въ видѣ исключенія, позволительно стиhiу допустить въ число своихъ слоговъ или стопъ, но чего никогда не можетъ стихъ воспринять въ себя, не насилая... тѣмъ своей гармоніи? Но вѣдь пѣть; смысловое удареніе не случайность въ рѣчи...“ (стр. 30, 31). Это и все, ибо дальше (стр. 31—45) авторъ говорить уже о смысловомъ удареніи въ рѣчи вообще и даже особенно налегая на рѣчь прозаическую.

Итакъ, смысловое удареніе не можетъ быть не при чёмъ въ гармоніи стиха, такъ какъ оно есть въ словахъ стиха. Но вѣдь и въ словахъ всякой рѣчи, даже самой прозаической, есть смысловое удареніе, значитъ, и въ гармоніи всякой рѣчи оно играетъ роль; ибо, если мы будемъ нарушать смысловое удареніе въ прозѣ, при чтеніи даже „любой публикаціи въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ (стр. 34), то будемъ читать „не какъ должно“, „моиотошно“, то-есть, лишимъ эту рѣчь всякой гармоніи. Если такъ, то о роли смыслового ударенія въ стихѣ сказано нисколько не больше того, чтд можно сказать о роли его въ рѣчи вообще.

Здѣсь нужно цѣлько остановиться. Въ отвѣтъ на только что сказанное авторъ могъ бы возразить: допустимъ, что всякая рѣчи требуетъ гармоніи, но вѣдь стихъ требуетъ музыкальной гармоніи, это уже ставить его въ особыя условія, вѣдь стихъ есть „музыкально-гармонизированная рѣчи человѣческая“ (стр. 30). Такое опредѣленіе стиха является у автора здѣсь впервые: на стр. 1 мы видѣли: стихъ есть „сочетаніе словъ логическое и вмѣстѣ музыкальное“ („логико-музыкальное“, стр. 2); на стр. 24 находимъ: „пѣть стиха вѣдь гармоніи удареній. Я не говорю: полной гармоніи, но вѣдь хоть какой-нибудь“, то-есть, стихъ является рѣчью такъ или иначе гармо-

иницированною съ помощью ударений; очевидно, что эта гармонія и должна была составлять музикальный элементъ стиха. На сколько „гармонія ударений“ можетъ служить характернымъ признакомъ стиха, мы уже видѣли раньше; но быть можетъ, такая гармонія вполнѣ удовлетворяетъ тому музыкальному элементу, который находить въ стихѣ авторъ; вотъ его опредѣление логического и музыкального элементовъ: „Напишите какой-нибудь полномысленный и, по какимъ бы то ни было правиламъ, вѣрный стихъ и начертите его схему, напримѣръ:

Бура и глоу небо кроеть.
— — — — —

„Чѣд у васъ тутъ написано, то, по моему, элементъ логической; что начертано—то музикальный“ (стр. 1, прим.).

Итакъ, текстъ стиха есть его логический элементъ, опредѣленное произошеніе—элементъ музикальный. Нельзя не признать, что опредѣленіе музикального элемента черезъ чуръ уже обще и ровно ничего не говорить о самомъ главномъ—о музикальности; между тѣмъ, въ виду разногласій по этому предмету, о которыхъ заявляетъ и самъ авторъ, было бы желательно узнать и его мнѣніе. Подъ такое опредѣленіе подойдетъ, конечно, и его „гармонія ударений“, но на сколько она будетъ свидѣтельствовать о музикальности стиха—это вопросъ, котораго авторъ и не касается, хотя называетъ стихъ рѣчью „музыкально-гармонизированной“. По нашему мнѣнію, характеристикой музикального элемента стиха должно служить поступательное движеніе разнообразныхъ сочетавій звуковъ, представляемыхъ текстомъ, движспіе, раздѣленное на періоды, равные между собою по времени произошениј. При такомъ опредѣленіи окажется недостаточною „гармонія ударений“; потребуется рѣчь особо гармонизированная, въ зависимости отъ общей мѣры, которая подраздѣлить стихъ на равные періоды; ударенія, разумѣется, тутъ будутъ играть роль, но далеко не самостоятельную, а лишь какъ орудія для достижениія музикальной мѣры стиха; только такая рѣчь и будетъ существенно отличаться отъ рѣчи прозаической—рѣчь, дѣйствительно „музыкально-гармонизированная“, какъ и называетъ ее авторъ на стр. 30, хотя и не понятно въ какомъ собственно, смыслѣ употребляетъ онъ это выраженіе.

Итакъ, о роли смыслового ударения въ рѣчи, собственно, стихотворной пока только нѣсколько строкъ; далѣе, какъ и естественно ожидать изъ всего нами до сихъ порь сказанного, главныя сужденія

автора сосредоточиваются не на стихотворной рѣчи, а на рѣчи вообще (стр. 31—45). Суждения эти свидѣтельствуютъ о большой наблюдательности автора, которая видна въ разработкѣ деталей смыслового ударенія, хотя главные выводы и не представляютъ большой новизны. „Тройственность“ звукового количества (слогъ холостой, малый звуковой и большой звуковой—стр. 37) восвидѣтельствована уже Восто-ковымъ: „Русское же слогоудареніе имѣть только два перехода, высокій и низкій—разумѣется, въ отдельныхъ словахъ, ибо въ цѣлыхъ периодахъ или совокупленіяхъ словъ способенъ и Русскій языкъ къ такому же тройкому переводу голоса, какъ сіе покажемъ далѣе“¹). Въ этихъ изысканіяхъ авторъ возвращается къ стику только однажды, на стр. 36, говоря о рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ у народ-ныхъ пѣвцовъ „развода удареній смыслового со слоговымъ“.

На стр. 45 авторъ таѣзъ заканчиваетъ изысканія о смысловомъ удареніи: „Итакъ, правда ваша: разная бываетъ сила смыслового ударенія; но вѣдь и слогового тоже, и тоже слога самого по себѣ, а слѣдовательно, правда и мои: слоговыхъ разборовъ все таки три; какъ дерево, кустъ и трава неодинаковые, каждый разборъ самъ въ себѣ, и все таки же явно различные между собой. Пусть даже бываетъ трава выше иного куста и кустъ выше иного дерева, но слѣдуетъ ли изъ этого, что, разводя садъ, не стоитъ разбирать, можно или даже разумно мѣшать въ одну крошню сѣмена газона, кустарника и деревьевъ? Нѣть, все-таки же должно ихъ сѣять группируя, гармо-низируя другъ къ другу, дерево, кустъ и луговину“.

Послѣ 14 страницъ, на которыхъ говорилось о рѣчи вообще и о стихотворной рѣчи напоминалось только былинными стихами, приводимыми въ качествѣ примѣровъ, на ряду съ прозаическими, можно думать, что и эти заключительные слова относятся къ рѣчи вообще, а не къ стихотворной, чтѣ и было бы весьма естественно; тѣмъ не менѣе есть основаніе предполагать, что авторъ относить ихъ именно къ стику; основанія эти кроются, по видимому, въ словахъ „гармо-низируя другъ къ другу“: очевидно, здѣсь та самая „гармонія удареній“, чиѣ которой „нѣть стиха“. Стало быть, упоминаемый здѣсь „садъ“ есть, собственно, стихъ; если это такъ, то почему же „гармо-низированіе“ слоговъ „холостыхъ“ и „звуковыхъ малыхъ и большихъ“ является исключительно привилегіей стиха? Мы полагаемъ, что и въ прозѣ неразумно „мѣшать“, какъ говорить авторъ, въ одну крошню

¹) Опытъ о русск. стихослож., стр. 96.

съмена газона, кустарника и деревьевъ", то-есть,—ничѣмъ не руководясь и какъ попало воспроизводить эту слоговую тройственность; вѣдь и изъ прозы тогда получится не рѣчи, а дѣйствительно „кроши“, возможная и извинительная развѣ лишь въ устахъ иностранца, дурно владѣющаго даннымъ языккомъ. Если же мы не такъ поняли автора, и „гармонизировать“ слоги нужно во всякой рѣчи, то спрашивается: при чѣмъ же „гармоніи удареній“, какъ краеугольная основа стиха?

Въ непосредственно слѣдующихъ за этимъ строкахъ авторъ уже явно говорить о стихѣ: „Силлабисту-стихотворцу слоги, кроме рицомовыхъ, всѣ тринь-травы; тоистъ-стихотворецъ поднимается тоже не выше куста: одинъ соловьемъ съ дубовъ заливается русскій народный стихъ. Основа русского стиха смысловое удареніе“...

Основываясь на всемъ предыдущемъ, мы эти заявленія не можемъ не счесть за голословныя и ни откуда не вытекающія; опять является вопросъ: почему же основа русского стиха—именно удареніе, и почему смысловое? Все, что говорилъ авторъ до сихъ поръ о томъ и о другомъ, относилось всецѣло къ рѣчи вообще, стихъ же по цвѣлѣ входилъ сюда только потому, что въ онѣ „тоже вѣдь рѣчь человѣческая“. Гдѣ же доказательства автора въ пользу исключительныхъ правъ стиха на удареніе, и въ частности, русского стиха—на смысловое удареніе? Это остается вопросомъ не решеннымъ, ибо доказать, что смысловая ударенія въ стихѣ есть,—еще не значитъ доказать, что онѣ—его краеугольная основа, и доказать, что онѣ при томъ же въ стихѣ, при чѣмъ въ рѣчи вообще, еще не значитъ—доказать, что стихъ виждется только на нихъ. Это даетъ намъ право сказать, что рѣшительное заявленіе автора: „основа русского стиха смысловое удареніе“—ничѣмъ пока не оправдано.

Тѣмъ не менѣе авторъ считаетъ возможнымъ развивать свое основоположеніе: „Создавая схему народъ прежде всего опредѣляетъ въ ней мѣста этому большому ударению; напримѣръ, изъ 13 мѣсть билинной схемы мѣста 3-е, 7-е и 11-е, иначе сказать: 3-е съ начала, 3-е съ конца и серединное изъ всѣхъ.“

Не хочу служить невѣрному тебѣ царю.

Едины вѣдь всѣ у Бога люди созданы.

„По этимъ удареніямъ отбиваются стопы русского стиха; стопа виждется смысловымъ удареніемъ“ (стр. 45—46).

Далѣе слѣдуетъ учение о стопахъ. Основываясь на томъ, что „смысловое удареніе невозможно въ смысли“, авторъ доказываетъ,

ЧТО СТОПОЮ ДОЛЖНА СЛУЖИТЬ „СВАЗЬ СЛОВЪ, ИЛИ ЖЕ И ОДНО СЛОВО, ИЛИ ПОЛНОСМЫСЛЕННОЕ“; ЭТО ПОЯСНАЕТСЯ АНАЛИЗОМЪ ОДНОГО ИЗЪ ПРИВЕДЕНИХЪ ВЫШЕ ПРИМѢРЪВЪ:

Не хочу служить *нечѣрному тебе царю.*

Что касается до этого примѣра, то постановка въ немъ смысловыхъ удареній, указанныхъ авторомъ, имѣть свое основаніе, хотя изъ поясненій, дѣлаемыхъ авторомъ, этого еще не видно; такъ, необходимость смыслового ударенія на словѣ „нечѣрному“ должна находить себѣ оправданіе въ слѣдующихъ словахъ автора, въ связи съ предыдущею стопой: „не хочешь служить, кому? Нечѣрному (одно, во въ данномъ разѣ полносмысленное слово)“. Едва ли довольно поставить вопросъ „кому“, для того, чтобы отвѣтъ на него считать уже полносмысленнымъ словомъ; автору слѣдовало бы, кажется, поподробнѣе остановиться тутъ же на этомъ обстоятельствѣ и выяснить, почему это слово „въ данномъ разѣ полносмысленное“, то-есть, „главное по смыслу въ рѣчи“ (стр. 29); еслибы авторъ, напримѣръ, пояснилъ, что въ словѣ „нечѣрному“ заключается и одна изъ существенныхъ причинъ, по которой „не хочу служить“, и что слово это, кромѣ отвѣта на вопросъ „кому“, заключаетъ въ себѣ и отвѣтъ „почему“, тогда, дѣйствительно, выступила бы его многозначительность въ данномъ случаѣ, и оправдана была бы постановка на немъ смыслового ударенія. Точно также не выясняется, почему слово „тебѣ“ должно быть главнымъ по смыслу въ рѣчи и слова: „тебѣ, царю“ — составить стопу; въ оправданіе этого авторъ говорить только: „кому нечѣрному? тебѣ, царю“.

Въ этихъ поясненіяхъ автора, волей-неволей, приходится видѣть пріемы и руководящія указания для построенія стопы, а между тѣмъ, нельзя не признать, что пріемы эти слишкомъ ужь общи и не выдвигаютъ на первый планъ „полносмысленности“, то-есть, главного основанія для стопы, предлагаемыхъ авторомъ; руководясь этими же пріемами, кто-нибудь могъ бы сказать автору, что приведенный имъ стихъ не подходитъ подъ данную схему, такъ какъ въ немъ, кромѣ указанныхъ трехъ смысловыхъ удареній, должно быть еще четвертое, и именно „царю“, — кому же тебѣ? царю, — слово въ этомъ случаѣ полносмысленное...¹).

---

¹⁾ Не можемъ не высказать здѣсь сожалѣнія, что авторъ не указалъ, откуда взять хотя бы вѣтъ, разбираемый нынѣ въ подѣ образца, стихъ; нѣ бы-

Что касается до второго образца:

Едны вѣдь всѣ у Бога люди созданы,—

то тутъ возникаетъ вопросъ: почему этотъ стихъ долженъ подходить подъ схему автора, почему именно 7-й слогъ долженъ обогласиться смысловымъ ударениемъ и „у Бога“ должно составить вторую стопу? Намъ казалось бы, что слово въ сѣ заслуживаетъ большаго восподъема, чѣмъ у Бога, такъ какъ въ немъ сосредоточена главная сила аргумента старости противъ „спѣси“ и „сuroвства“ суды, который чи-
номъ своимъ „возвышается“ и на крестьянъ съ кулаками наскачиваетъ:

Едны да¹) вѣдь у Бога люди созданы, стало быть и ты, суды,
такое же созданіе Божіе; это вѣдь по смыслу противополагается
здѣсь одному, захотѣвшему возвыситься, и потому оно не можетъ
остаться не отмѣченнымъ смысловымъ ударениемъ.

При дальнѣйшемъ развитіи ученія о стопахъ авторъ устанавливаетъ, что части русскаго стиха нельзя пригонять „въ неподвижно-предвѣзданную стопу“, что „содержава русскаго стиха: установленные, неподвижно установленные данною схемою, мѣста смысловыхъ уда-
реній (въ былинномъ стихѣ 8-е, 7-е и 11-е); но что затѣмъ стопа растяжима, имѣть свои minimum и maximum, которыя и нетрудно угадать“, а именно: minimum для 1-й и 3-й стопы—3 слога, для 2-й 1 слогъ; maximum для 1-й и 3-й—6 слоговъ, для 2-й—7 слоговъ (стр. 47). Относительно малыхъ звуковыхъ и холостыхъ слоговъ ав-
торъ выводить (на стр. 48) слѣдующій законъ: „слоги, дальшіе отъ стержневого слога стопы, то-есть, отъ смыслового ударенія должны быть больше слоговъ ближніхъ къ стержневому, или же разны мѣръ, такъ что въ концѣ стопы нельзя замѣнить ямбъ хореемъ, и на оборо-
тъ, въ началѣ стопы нельзя замѣнить хорей ямбомъ; спонден же и пиррихія одинаково законны, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ стопы“.

Заключаетъ свое построеніе авторъ слѣдующими словами: „При
растяжимости стопъ...., при возможности около стержневаго быть

лини Рыбинина «Илья Муромецъ и Калинъ царь» этотъ стихъ передается такъ: «Не буду служить тобъ собакѣ царю Калину». (Гильфердингъ стр. 455). При про-
смотрѣ девяти №№ этой былины у другихъ пѣвцовъ сборника Гильфердинга,
стихи этого мы не нашли. Можетъ быть, они взяты изъ другой былины, хотя въ выносѣкѣ у автора сказано: «говорить Илья некроющему царю Калину». Не
известно, имъ ли ошиблись при просмотрѣ былины, или авторъ при передачѣ
стиха.

¹) У Барсова вышесто «вѣдь» — «да».

то хорею, то амбу...; при большой независимости одной стопы отъ другихъ... при такомъ, говорю, разнообразіи понятію, что русскій стихъ... не нуждается въ риѳмѣ... Наконецъ, въ отношеніи стиха къ стиху явно, что при смысловой цѣлости каждой стопы, а всего стиха ужъ и подавно, не возможна разброска логически-сопринаадлежныхъ словъ изъ одного стиха въ другой. У силлабиста и у тоиниста: какъ, пожалуй, что ни стопа, такъ, пожалуй, и что ни стихъ то должна окрошки... У русскаго народа: пѣсни что вѣнокъ, стихъ что цветокъ, стопа что лепестокъ; все и каждое по своему цѣльно. Но все это явно-то явно, а надо и доказать" (стр. 49—50). Эти доказательства изложены авторомъ въ третьей главѣ его изслѣдованія, къ которой мы и должны перейдти.

Ф. Штейншнъ.

(Окончаніе следуетъ).

Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшимъ созволеніемъ П. Н. Батюшкова. Выпускъ VII. Холмская Русь (Любліанская и Стальецкая губерніи Варшавскаго генерал-губернаторства). С.-Пб. 1885 г. (съ приложеніемъ большаго альбома рисунковъ).

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ предпринято было, подъ завѣдываніемъ П. Н. Батюшкова, изданіе „Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи". Съ 1864 по 1874 годъ вышло шесть выпусковъ этого изданія, изъ которыхъ первые четыре посвящены волынскимъ, а V-й и VI — виленскимъ древностямъ. Нечего и говорить о важномъ значеніи такого рода изданія. Тѣмъ не менѣе, съ выходомъ въ свѣтъ шестаго выпуска въ 1874 г., изданіе „Памятниковъ" прекратилось. Въ декабрѣ 1883 года, по военодданійному докладу министра внутреннихъ дѣлъ, президента Императорской Академіи Наукъ, графа Д. А. Толстаго, состоялось Высочайшее созволеніе Государа Императора на продолженіе прекращеннаго изданія, и вотъ не позже, какъ черезъ годъ, выходитъ обширный томъ въ 432 страницъ, составляющій VII-й выпускъ „Памятниковъ", посвященный Холмской Руси.

Если вообще нельзя не радоваться продолженію благихъ начинаній, прерываемыхъ по какимъ бы то ни было причинамъ, то выходъ въ свѣтъ настоящаго выпуска должно привѣтствовать какъ явленіе особенно радостнос, особенно благовременнос. Мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать въ объясненіе этого пѣсолько замѣчаній, имѣющихъ,

какъ намъ кажется, прямое отношение къ вышедшему тому „Памятникамъ“.

Вѣковая борьба поляковъ и въ настоящее время далеко не пережита, и теперь въ ней такъ много больныхъ мѣсть, такъ сильно затрагиваетъ она интересы и чувства обоихъ народовъ, что спокойное, беспристрастное изученіе даже отдаленной старины представляеть не легко одолѣваемыя затрудненія. Какъ бы ни было сильно въ школѣ молодыхъ польскихъ историковъ стремленіе къ исторической правдѣ, эта правда слишкомъ горька, скажемъ прямо, слишкомъ обидна для того, чтобы высказать ее во всей полнотѣ. Строго критическое отношение ко многимъ сторонамъ жизни смѣнило хвалебные гимны въ честь прошедшаго; но польский историкъ, безпощадно раскрывшій язвы польской жизни, самъ сознается, что наука сама по себѣ не можетъ дать достаточно силы для изслѣдований, результатовъ которыхъ безъ боли сердца не возможно ни писать, ни читать (Бобжинскій. *Dzieje Polski*, II, 344.). Что же удивительнаго, что, произнеси справедливо суровый приговоръ надъ польскимъ шляхетствомъ, историкъ не можетъ найти въ себѣ достаточно силы для столь же справедливой оценки отношенія шляхты польского народа къ другимъ народамъ Польского государства. Говори о Люблинской увѣи, Бобжинскій не можетъ забыть о „кровавомъ потѣ“, обливався которымъ работалъ польский народъ надъ цивилизацией восточныхъ пустынь (*Ibid.* 94.). Нечего и говорить, что такой взглядъ есть именно слѣдствіе той боли сердца, о которой только что упомянуто, что „кровавый потѣ“, которымъ яко бы обливался на восточныхъ пустыняхъ польскій народъ, то-есть, конечно, шляхтичъ, немедленно закрѣпощавшій себѣ населеніе этихъ яко бы пустынь,—не болѣе, какъ плодъ воображенія, недержанного точною справкою съ исторической дѣйствительностью, и что, наконецъ, облагахъ цивилизациіи, тужемъ кощмаромъ дававшей русскій народъ на всемъ его протяженіи въ предѣлахъ Польского государства, не можетъ быть и рѣчи, если этотъ народъ всѣми силами старается отъ этой цивилизациіи отрезвиться. Но если польскій историкъ, въ стремлениі къ справедливости и беспристрастію сдѣлавшій падъ собою пока еще для многихъ невозможное усиление, такъ смотрѣть па одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ польско-русскихъ отношеній, чего же ждать отъ другихъ?

Въ теченіе вѣковаго хозяйственанія въ Западной Руси Польша захватила въ свои руки такъ много русскаго добра, такъ обогатилась она этимъ добромъ, а главное—такъ долго полновластно распоряжалась

нимъ въ теченіе вѣковъ, не смущаясь даже мыслью о томъ, что наставть же когда-нибудь время, когда природные хозяева захотятъ сами пользоваться своимъ достояніемъ, что ей не трудно было потерять способность отдѣлять свое отъ чужаго. Мало этого, есть въ польской жизни явленія, представляющія не отдѣлимое для поляка соединеніе его собственного добра съ чужимъ. Мицкевичъ такъ чудно воспѣвъ Литву; Залѣскій, Гощинскій, Мальчевскій перенесли цѣлый міръ поэтическихъ очарованій украинской думы въ польскую литературу: они составляютъ въ ней „украинскую“ школу; В. Поль въ „Пѣснѣ о Польской землѣ“ одинаково наряду съ поляками воспѣваетъ „Gorali i Litwinow i Zmudz i Rusinow“, вполнѣ воплощая ихъ въ польскій организмъ; въ исторической монографіи явное виданіе такого представленія жизни встрѣчаемъ во многихъ очеркахъ Шайпохи, а въ польской музыкѣ какъ часто слышатся украинскіе мотивы! Такое положеніе даетъ намъ право думать, что трезвый и справедливый взглядъ даже на стародавнія отношенія Польши и Руси можетъ предвидѣться въ польской средѣ вовсе не въ близкомъ будущемъ; онъ долженъ будетъ составить новую стадію въ польской исторической наукѣ, но по аналогіи съ отрезвлеиіемъ взгляда на шляхту можно съ уверенностью сказать, что онъ появится не раньше, какъ практика жизни сниметъ очки съ польскихъ глазъ и не оставитъ рѣшительно никакой возможности для какихъ бы то ни было иллюзій. До настоящаго времени онъ существуетъ въ полной силѣ.

По поводу изданной г. Щебальскимъ карты русского Забужья варшавская печать высказалаась единодушно и категорически. Одна изъ газетъ предлагала премію тому, кто откроетъ русское Забужье. Ateneum, въ ноябрской книжкѣ 1882 года, въ статьѣ „Fantazje geograficzne na temat ziemi Lubelskiej i Podlaskiej“ (географическія фантазіи о Люблинскомъ и Подлясскомъ краѣ), утверждаетъ, что искать за Бугомъ Русь — все одно, что искать ее, напримѣръ, на островѣ Рюгенѣ, жителей которого средневѣковые лѣтописцы называли Rutheni, въ графствѣ Rovergue, где во времена Юля Цезаря также жили Ruteni, въ Пиринейскомъ Russillon, древнее Ruscino, которое авторъ иронически приравниваетъ къ названію — Малая Русь, въ землѣ Рутувъ и т. д. По поводу изслѣдованія профессора Варшавскаго университета Н. П. Барсова о древнѣйшемъ населеніи Забужья Ateneum говоритъ: „Слишкомъ извѣстно, что литература и псевдо-ученые изслѣдованія въ извѣстныхъ случаяхъ отдаются на службу практическимъ цѣлямъ“

политики („Забытая Русь“ Е. Крижановского, стр. 2). Замѣчаніе, въ данномъ случаѣ вовсе не дѣлающее чести серьезному журналу.

Можно представить себѣ поэтому положеніе забуждѣковъ въ ихъ ежедневныхъ ненебѣзныхъ столкновеніяхъ съ тутъ же въ бокъ живущими поляками.

Если вообще, какъ это ни странно, даже въ Сѣверо-Западномъ краѣ тяжело положеніе русскаго человѣка, то что же сказать о Забужѣѣ, о томъ, действительно несчастѣйшемъ уголѣ Русской земли, который даже официально причисленъ къ губерніямъ Царства Польскаго, о томъ Забужѣѣ, которое, очень можетъ быть, именно въ силу этой официальной скрѣпы такъ рѣшительно стараются не признавать варшавскіе литераторы, живущіе отъ него всего на разстояніи какихъ-нибудь 50 верстъ. Вотъ этотъ злосчастный русскій уголъ и предстаетъ намъ въ „Памятникахъ“ Холмской Руси. Понятна важность и благородимость ихъ появленія. Переидемъ теперь къ разсмотрѣнію настоящаго выпуска. Въ немъ, какъ сказано въ предисловіи отъ издателя, помѣщены „историческія свѣдѣтельства обѣ исконої принадлежности Забужскаго края къ Россіи, свѣдѣнія о судьбахъ Холмщины подъ чуждою властью, которая, для искорененія русской народности и вѣры, стремилась къ одной цѣли—ополиченію края, свѣдѣнія о самозащитѣ православія посредствомъ учрежденія церковныхъ братствъ и о мѣрахъ, которыми были принаты правительство въ огражденіе русскаго простонародья отъ дальнѣйшаго и окончательнаго совращенія въ латинство“. Иначе говоря, содержаніе выпуска можетъ быть распределено по двумъ отдѣламъ: 1) памятники русской старинѣ, съ описаніемъ и исторіей ихъ, и 2) краткіе очерки, касающіеся и отдаленной старинѣ, и недавнаго прошлаго Холмщины.

Къ первому отдѣлу мы относимъ слѣдующія статьи: 1) „Вѣлавинская и Столпьевская башни подъ Холмомъ“—Г. К. Хрущевича; 2) „Чудотворная икона пресвятой Богородицы въ г. Холмѣ“—свящ. А. Будиловича; 3) „Апостоль львовской первопечатѣ“—его же; 4) „Рукописныя Евангелія XVI в. Крешовское и Долженское“—Е. М. 5) „Холмско-подляскіе православные монастыри: Холмскій, Замостьскій и Яблочинскій“—Н. И. Петрова; 6) Нѣсколько историческихъ данныхъ о Чернеевской церкви—свящ. А. Будиловича; 7) Успенская церковь въ г. Щебрешинѣ—свящ. Т. Трача; 8) „Буковицкая св. Троицкая церковь“—свящ. Паевскаго; 9) „Сычинская Преображенская церковь“—его же; 10) „Посадъ Кодень и его исторический

достопримѣчательности”—Г. К. Хрущевича; 11) „Древняя св. Николаевская церковь въ Замостьѣ и находящійся въ ней иконостасъ”—свящн. А. Будиловича; 12) „Прототипъ имени святой материки”—его же; 13) „Нѣсколько словъ о старинной картѣ царства Галицкаго и Володимирскаго”—Я. Ф. Головацкаго.

Видно, что издатель придавалъ этому материалу особенное значеніе, и за это нельзя не поблагодарить его отъ души. Прямая цѣль изданія всякаго рода памятниковъ—оживить въ памяти потомства давно минувшую старину. Еще обязательнѣе эта цѣль таъ, гдѣ старина какъ будто онѣмѣла. Бѣдное Забужье не можетъ, конечно, покажаться многочисленными памятниками, но они есть; увы! многіе изъ нихъ доживаются послѣдніе дни, какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ помѣщенные въ „Памятникахъ“ замѣтки о старинныхъ церквяхъ (по нашему перечню №№ 1, 6, 7, 8, 9, 10), а еще болѣе—прекрасные рисунки, помѣщенные въ приложенномъ къ книгѣ альбомѣ. Вотъ почему въ этомъ случаѣ даже короткія замѣтки (№№ 6, 7, 8, 9) получаютъ особое значеніе, и наѣтъ кажется, что прямая задача „Памятниковъ“—собрать на своихъ страницахъ какъ можно болѣе такихъ замѣтокъ о разрушающихся памятникахъ старини и такимъ образомъ сохранить ихъ во крайней мѣрѣ въ тщательномъ описаніи. Мѣстное духовенство Холмско-Варшавской епархіи могло бы оказать въ этомъ случаѣ весьма важную услугу своимъ сообщеніемъ, и мы надѣемся, что примеръ священника Будиловича, Трата и Паевскаго не останется безъ весьма желательнаго подражанія со стороны другихъ.

Въ ряду перечисленныхъ вами описаній памятниковъ есть заслуживающія особеннаго вниманія читателей по своей документальности, точности и собранію мелкихъ подробностей, касающихся описываемаго предмета. На такие труды мы смотримъ, какъ на твердое основаніе для будущей полной исторіи края. Къ тиковъ мы относимъ прежде всего статью священника А. Будиловича „Чудотворная икона пресвятой Богородицы въ Холмѣ“.

Исторія этого самаго священнаго и дорогаго для Холмской Руси памятника разказана авторомъ подробнѣ. Всѣ разбросанные о немъ упоминанія тщательно собраны, а важнѣйшія свидѣтельства приведены въ дословномъ переводѣ. Съ особеннымъ интересомъ читатель остановится на судьбахъ иконы во времена упії: и положеніе самой упії, отъ однихъ отставшей, къ другимъ еще не приставшей, на первыхъ по-рѣхъ весьма тяжелое, и характеръ длительности ея представителей,

почувствовавшихъ нѣсколько позже свою силу, обрисованы очень живо и вызываютъ въ памяти читателя цѣлый рядъ случаевъ изъ весьма недавнаго времени. Отношеніе, напримѣръ, поляковъ къ узіи, собственно говоря, всегда оставалось высокомѣрно-пренебрежительнымъ, а чисто католическая торжества, подобныя коронаціи Холицкой иконы, устроенной Холмскимъ епископомъ М. Рилло 12-го декабря 1779 г., повторялись на упіатской территории нерѣдко; стоитъ вспомнить церемонію освященія престола и картины Іосафата Кунцевича въ городѣ Бѣлѣ на канунѣ послѣдняго польского магістра или происходившія лѣтомъ прошлаго года во Львовѣ дуклинскія манифестаціи. Священникъ Будиловичъ высказываетъ сожалѣніе о томъ, что не сохранился холмскій Поманникъ; мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ объ этомъ, что были вполнѣ увѣрены въ его существованіи. Въ брошюре Холмско-Богородицкаго православнаго братства: „Городъ Холмъ и его древняя святыни“ на стр. 17 читаемъ: „Доказательствомъ особенного почитанія холмскаго храма и его святыни служить также мѣстный поманникъ, въ которомъ мы находимъ много именъ князей и представителей дрессированной ливовской и русской аристократіи“. Какой же поманникъ имѣть въ виду брошюра братства?

Съ неменьшимъ удовольствіемъ читается статья г. Хрущевича „Вѣлавинская и Столпъенская башни подъ Холмомъ“, представляющая тщательное разрѣшеніе вопроса объ этихъ двухъ старинныхъ башняхъ. Въ альбомѣ Столпъенская башня названа „Столпомъ Дапілова замка близъ Холма“, хотя г. Хрущевичъ именно отвергаетъ построе-ніе башни Дапіломъ и подтверждаетъ свое мнѣніе доволио вѣскими доводами. Такихъ разногласій слѣдовало бы избѣгать.

Въ статьѣ того же автора „Посадъ Коденъ“ читатель встрѣтить любопытныя данныя относительно рода Санѣгъ, найденные авторомъ на каменой плитѣ въ коденской замковой церкви, свидѣтельствующія о древнемъ православіи этого ливовско-русскаго рода, а исторіи коденскихъ церквей, равно какъ обращенія Николая Сапѣги въ католиче-ство, очень живо рисуетъ судьбу православія на Подлясіи. Скажемъ отъ себя, что Коденъ — одинъ изъ наиболѣе интересныхъ посадовъ Подлясія, и не только въ отношеніи памятниковъ старины, но и по ха-рактеру населенія, живаго, энергичнаго, предпримчиваго и благоче-стиваго. Мы помнимъ время, когда Коденъ былъ, такъ-сказать, ис-ставщикомъ учителей и гимназійныхъ писарей на всю окружную мѣст-ность. Мы съ удовольствіемъ прочитали статью г. Хрущевича, во-думаемъ, что коденскій материалъ имъ далеко не исчерпанъ.

Описание Апостола львовской первонечати Иоана Федорова Москвитина и статья Н. И. Петрова о холмско-подлясских монастырях имѣютъ, особенно первое, не только мѣстное, но и общее значеніе по важности самихъ предметовъ. Не останавливаясь подробнѣе на другихъ статьяхъ, можно сказать, что всѣ онѣ читаются съ интересомъ, и каждая въ отдѣльности представляетъ извѣстный вкладъ для разыясненія судьбы далекой русской окраины.

Ко второму отдѣлу мы относимъ слѣдующія статьи:

- 1) „Даниилъ Романовичъ Галицкій и начало Холма“—Д. И. Иловайского;
- 2) „Городъ Холмъ“—Г. К. Хрущевича;
- 3) „Кирилло-Мефодиевская часовня въ городѣ Холмѣ“—его же;
- 4) „Греко-уніаты въ Царствѣ Польскомъ и князь Черкасскій“—Н. Н.;
- 5) Сплѣтскій архиепископъ М. А. Господинъ и его значеніе въ южно-русской полемической литературѣ XVII в.“—Н. И. Петрова;
- 6) „Монастыри юго-западной Россіи вообще и Креховскій монастырь“—Я. Ф. Головацкаго;
- 7) „Очерки быта крестьянъ Холмской и Подляской Руси по народнымъ пѣсенямъ“—прот. Н. И. Страшевича и К. Ю. Заусинскаго.

Первая изъ названныхъ статей—цвѣтокъ, прибавленный однѣмъ изъ представителей русской исторической науки къ вѣнку, сплетенному по преимуществу мѣстными дѣятеллями. Нельзя не благодарить почтенного историка за его отыскчивость и готовность послужить своимъ трудомъ на пользу заброшеннаго нашей наукой края, при его пробужденіи. Продолженіе статьи Д. И. Иловайского составляетъ исторію города Холма, разказанная г. Хрущевичемъ и довольно подробнѣ изображающа судьбу главнаго пункта въ краѣ. Если прибавить сюда описание Кирилло-Мефодиевской часовни (отчего не помѣщено оно непосредственно за указаннми статьями?), то судьба Холма, отъ начала его существованія до настоящаго времени, представится довольно отчетливо.

Что касается статьи о греко-упіатахъ и князѣ Черкасскомъ, то она во многихъ мѣстахъ напомнила намъ трудъ одного изъ почтеннѣйшихъ дѣятелей и лучшихъ знатоковъ края, посватившаго ему многіе лучшіе годы, трудъ, печатавшійся въ Холмско-Варшавскомъ епархиальномъ Вѣстнике, по выпущшій и отдѣльными оттисками въ двухъ выпускахъ подъ заглавиемъ: „Князь В. А. Черкасскій и холмскіе греки-уніаты“ (Варшава 1879—1882). До сихъ поръ этотъ трудъ остается лучшимъ обозрѣніемъ положенія края и

дѣятельности книга Черкасского, къ числу сотрудниковъ котораго принадлежалъ и авторъ¹⁾.

Что касается статьи „Очерки быта крестьянъ по народнымъ пѣснамъ“, то признаемся, мы были бы болѣе удовлетворены простымъ приведенiemъ образцовъ съ ссылками на соотвѣтствующіе варианты въ сборникѣ Чубинскаго, который у автора былъ подъ руками. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что такимъ образомъ наглядно обнаружилось бы единство пѣсенного творчества забужского народа съ остальными малороссами: такъ, многія пѣсни у Чубинскаго, совершенно сходныя съ приведенными въ „Очеркѣ“, записаны имъ въ Переяславскомъ и Ушицкомъ уѣздахъ. На это отчасти указывается впрочемъ въ предисловіи отъ издателя. Въ томъ же предисловіи по поводу „Очерка“ говорится: „Независимо отъ бытоваго интереса, эти пѣсни важны, какъ первая попытка обучающагося въ Холмѣ юношества внести и свою лепту въ собрание памятниковъ русского народнаго творчества“. Не можемъ по этому поводу не замѣтить, что холмичаки, оказывается, значительно предупреждены подлесаками: еще въ сборникѣ пѣсень г. Антоновича (Кievъ, 1874) помѣщены въ первомъ томѣ образцы народныхъ пѣсевъ Сѣдлецкой губерніи, собранные бывшими учениками Бѣльской учительской семинаріи, подъ руководствомъ г. Андреевскаго. Мы знаемъ еще о другомъ сборникѣ, болѣе полномъ, составленномъ съ надлежащею компетентностью, но пока рукописномъ. Очень жаль, что ни одинъ изъ нихъ не попалъ въ руки издателя.

Статья Н. И. Петрова: „Маркъ-Антош Господиѣчъ“, при своемъ общемъ значеніи указаний на протести противъ панскихъ посигательствъ со стороны виднаго представителя Западной церкви, доказываетъ, что и въ Холмщинѣ существовалъ интересъ къ полемической литературѣ въ защиту православія и открываетъ весьма пріятныя надежды. Г. Петровъ утверждѣнъ, что съ течениемъ времени, откроются новые слѣды вліянія сочиненій Марка-Антонія на южно-русскую полемическую литературу XVII в.. Единственный списокъ посланія Господиѣчика къ соединеніямъ найденъ въ Яблочинскомъ монастырѣ; это даетъ право надѣяться, что именно на Подлесьѣ будутъ найдены другие памятники, свидѣтельствующіе о жизненности православія въ этомъ краѣ. Мы убѣждены, что не предаемся пустой надеждѣ. Къ

¹⁾ О статьѣ г. Крыжановскаго мы не нашли упоминанія въ статьѣ о книге Черкасскаго, помѣщенной въ «Памятникахъ».

сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками „Холмскаго греко-уніатскаго мѣсяцеслова“, а въ немъ есть нѣсколько краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ, рисующихъ прошлое Холмщины вовсе не въ такомъ безотрадномъ свѣтѣ, въ какомъ многіе представляютъ ее теперь.

И по материаламъ, напечатаннымъ въ „Памятникахъ“, видно, что 1750 г. былъ годомъ поворотнымъ въ религіозной жизни населенія Холмской Руси. Это понятно: должны же были въ чёмъ-нибудь проявиться результаты Замостскаго собора; но въ тѣхъ же „Памятникахъ“ въ описаніи львовскаго Апостола говорится, что только „въ 1790 церковная правоспособность „Апостола“ подвергнута была вопросу“; приписки на томъ же „Апостолѣ“ являются лучшими доказательствами жизненности православія, а мы прибавимъ отъ себя, что только 20-го сентября 1825 г. былъ открытъ въ Холмѣ кантрудъ; только въ 1851 г. изданъ и предписанъ къ употребленію „порядокъ церковнаго богослуженія“ на польскомъ языкѣ епископа Щекановскаго; что еще въ 30-хъ и даже въ 50-хъ годахъ снаряжались католическій духовенствомъ специальный „миссій“ для исторженія плевелъ среди униатскаго населенія въ Холмщинѣ.

Все это факты весьма и весьма важные. Холмщина была дѣйствительно ополячена, по „при всемъ томъ русская народность униатовъ была еще крѣпка въ ихъ языкѣ, въ вѣрахъ и обычаяхъ“ (Пам., стр. 136). Именно въ этой жизненности старинныхъ началь въ край, отданномъ на жертву фанатикамъ и упії, и католицизма, заключается самый глубокій интересъ и значеніе исторіи холмщины.

Почтенный издатель „Памятниковъ“ знаетъ это, конечно, не хуже насъ; быть можетъ, именно въ видахъ болѣе полнаго освѣщенія судебъ и жизни Холмской Руси онъ обѣщаешь въ слѣдующемъ уже заготовленномъ VII-мъ выпускѣ обозрѣніе пѣлыхъ periodovъ ел исторіи. Подобныя статьи безспорно весьма важны; но это дѣло сложное, и на основаніи мѣстныхъ материаловъ оно врядъ ли можетъ быть представлено съ надеждою полнотою, приличествующею такому изданію, какъ „Памятники“. Иное дѣло—занесеніе на страницы изданія возможно большаго количества уцѣлѣвшихъ памятниковъ старинны. Они разваливаются, зарастаютъ крапивой, на нихъ гнѣздятся аисты; но отъ нихъ вѣсть животворнымъ духомъ: ихъ нужно спасти, и мы еще разъ благодаримъ издателя за то, что онъ отвелъ имъ главное мѣсто въ настоящемъ выпускѣ. Мы уѣрены, что въ такомъ материалѣ и для слѣдующаго выпуска недостатка не будетъ. Буквицкая церковь, напримѣръ, тѣсно связана съ Лѣсаніской иконой

Божій Матері, а между тѣмъ о ней нѣтъ ничего. Письменныхъ памятниковъ найдется также не мало: при церквяхъ даже во времена упії велись лѣтописцы, кое-что изъ этого материала даже опубликовано, напримѣръ, въ Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстнику напечатаны выдержки изъ Соколовскаго лѣтописца; въ 1882 г. опубликована отдельно замѣтка объ утверждении православія въ с. Долгобородакъ, Бѣльского уѣзда Седлецкой губерніи. Намъ кажется, что въ виду особыхъ мѣстныхъ условій не слѣдуетъ пренебрегать памятниками чисто уніатскими: врядъ ли, напримѣръ, въ исторії Подлясія можно обойти Бѣльскій базиліанскій монастырь, въ которомъ помѣщались останки Іосафата Кунцевича. Но базиліанская библиотека (кстати: гдѣ онѣ?) должны заключать въ себѣ не мало материала.

Мы вполнѣ понимаемъ трудности издания памятниковъ такого отдаленного и мало известного угла, какъ Забужная Русь; мы поэтому искренно привѣтствуемъ выходъ въ свѣтъ настоящаго выпуска и искренно желаемъ почтенному издателю полнаго успѣха въ продолженіи начатаго дѣла, и именно въ интересахъ дѣла мы бы душевно рады, если бы П. И. Батюшкову удалось привлечь къ участію въ „Памятникахъ“ первыхъ дѣятелей возрожденія Холмщины, сотрудниковъ князя Черкасскаго, имена которыхъ съ уваженіемъ и благодарностью вспоминаются холмщаками по настоящее время.

Въ заключеніе выражимъ еще разъ нашу признательность уважаемому П. И. Батюшкову за ту энергию, которую онъ обнаружилъ въ издании „Памятниковъ русской старини въ западныхъ губерніяхъ“.

И. Филиппичъ.

РЕФОРМА ПРЕПОДАВАНИЯ ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ ВЪ АВСТРИЙСКИХЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

Духъ преобразованія среднихъ учебныхъ заведеній, который въ послѣдніе годы охватилъ большую часть государствъ западной Европы,оказалъ дѣйствіе и на Австрію. Реформа коснулась, прежде всего, самихъ преподавателей, потребовавъ отъ нихъ болѣе солидной, какъ научной, такъ въ особенности, педагогической подготовки. До сихъ поръ молодыи учительскіи силы для среднихъ учебныхъ заведеній Австріи набирались изъ университетскихъ студентовъ, прослушавшихъ трехгодичный курсъ по профессорскому факультету, который обнимаетъ собою науки, преподаваемыи участь на историко - филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ. Что касается учителей древнихъ языковъ, то всегда предпочтеніе давалось тѣмъ кандидатамъ, которые особенно зарекомендовали себя въ такъ-называемыхъ филологическихъ семинаряхъ дѣятельнымъ участіемъ въ толкованіи авторовъ и представлениемъ работъ по разнымъ отраслямъ классической филологии. Такимъ образомъ, студентъ попадалъ прямо съ университетской скамьи на гимназическую каѳедру въ качествѣ такъ-называемаго супплемента (Supplent), при чёмъ окончательное опредѣленіе его на службу зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, какъ скоро успѣвалъ ойтъ сдать государственный экзаменъ. Положеніе такихъ молодыхъ людей было самое безотрадное: собственный интерес требовалъ отъ нихъ какъ можно скорѣе сдать экзаменъ, при которомъ отъ филологовъ требовалось, прежде всего, три письменныи домашніи работы, въ объемѣ приблизительно пѣмсцкихъ докторскихъ диссертаций; по представленіи такихъ работъ, кандидату приходилось готовиться къ устному экзамену. Итакъ, при этой массѣ работы, у него еле-еле хватало времени для приготовленія къ

часть сорокъ восьмая, отд. 3.

гимназическимъ урокамъ: гдѣ же, спрашивается, при такомъ положеніи дѣла; найти время, чтобы думать о методѣ обученія? Вслѣдствіе того начинаящей учитель обыкновенно вѣль дѣло преподаванія рутинно, такъ, какъ оно волось изъ то время, когда онъ самъ проходилъ гимназической курсъ; однимъ словомъ, онъ просто копировалъ приемы своихъ учителей. Результатомъ такихъ порядковъ неминуемо долженъ быть, лишь за рѣдкими исключеніями, явиться застой въ ходѣ преподаванія.

Столь печальное положеніе особенно дидактической стороны дѣла обученія не могло не обратить на себя вниманія, какъ правительства, такъ и педагогическихъ совѣтовъ гимназій. Результатомъ ихъ общей заботы явились два министерскія распоряженія. Первое изъ нихъ обнародовано 7-го февраля (н. ст.) прошлаго года и касается государственного экзамена кандидатовъ учительского званія въ Австріи. Требование болѣе основательной научной подготовки выразилось въ постановлѣніи, чтобы каждый кандидатъ проводилъ въ стѣнахъ университета не три года (*triennium*), какъ прежде, а четыре (*quadriennium*). Сообразно съ этимъ расширенъ, противъ прежнаго, объемъ требуемыхъ на экзаменѣ свѣдѣній. Правда, и прежде иногда филологи, ко-торымъ материальные средства позволяли эту роскошь, оставались четвертый годъ въ университете, но они обыкновенно уже тогда брались за составленіе домашнихъ письменныхъ работъ, что конечно, не-сравненно легче сдѣлать, имѣя подъ рукою университетскую библиотеку, чѣмъ гдѣ-нибудь въ захолустіи.

Однако, новый регламентъ не ограничился этимъ прибавлениемъ: съ цѣлью дать кандидату возможность удовлетворить, кромѣ научныхъ требованій, и требованиемъ педагогики, устанавливается, сверхъ университетскаго *quadriennium*'а, еще такъ-называемый „пробный годъ“ (*Probeyahr*), въ который кандидаты имѣютъ возможность посѣщать уроки опытныхъ педагоговъ какой-нибудь гимназіи, въ ихъ присутствіи лично приниматься за дѣло обученія и такимъ образомъ на практикѣ примѣнять теоретическія свѣдѣнія, приобрѣтенные ими на университетскихъ лекціяхъ дидактики. Это прибавленіе сразу двухъ лѣтъ должно, въ материальномъ отношеніи, тажедо лечь на австрійскихъ кандидатовъ на должность учителя, въ большинствѣ людей не-богатыхъ, и министерство навѣрное не рѣшилось бы на такую мѣру, еслибы у него не былъ въ настоящую минуту излишекъ учительскихъ силъ; но съ другой стороны, плодотворная послѣдствія этой мѣры несомнѣны.

дальше, для второго полугодья VII класса назначена Одиссея (6 разделов); сверхъ того ученики еще разъ берутъ въ руки Гомера въ VIII классѣ, прочитавъ одну трагедію Софокла. Итакъ, австрійскій гимназистъ долженъ прочесть въ итогѣ, по крайней мѣрѣ, 15 пѣсень Гомера. Второе полугодье VI класса отведено чтенію Геродота; соѣтуютъ избрать для этой цѣли или главные отдѣлы изъ исторіи Пресидскихъ войнъ, или скорѣе изъ пяти послѣднихъ книгъ одну цѣлую, чтобы ученики составили себѣ понятіе о методѣ изложенія этого историка. Для первого полугодья VII класса назначены 3 или 4 политическія рѣчи Демосѳена, преимущественно изъ Олинскихъ и Филіппинъ. Чтеніе этого оратора продолжается еще и во второмъ полугоды, съцѣлью дать ученику возможность освѣжать свои познанія по аттическому синтаксису. Въ первое полугодье VIII класса читается Платонъ, а именно: Апологія Сократа и два діалога изъ слѣдующихъ: Лахесъ, Евтифонъ, Лизисъ и Хармидъ; однако, предпочтеніедается первымъ двумъ. Вместо двухъ діалоговъ изъ мелкихъ тоже можно избрать одинъ большой (Протагоръ или Горгій). Зенитъ изученія греческой литературы въ австрійскихъ гимназіяхъ составляетъ чтеніе Софокла (во второмъ полугоды VIII класса); изъ семи его трагедій можно выбрать для этого любую, за исключениемъ Трахіппонкта; однако, еслибы классъ оказался по своимъ познаніямъ до того слабымъ, что нельзя было бы отъ чтенія трагедій Софокла ожидать хорошихъ результатовъ, то оно отмѣняется, и время, назначенное для него, употребляется на чтеніе Гомера, Демосѳена и Платона.

Такой объемъ задачи, выполненіе которой составляетъ цѣль преподаванія древнихъ языковъ въ австрійскихъ гимназіахъ; по итогу его' позволимъ себѣ два частныхъ замѣчанія. Вопервыхъ, мы полагаемъ, что читать Тита Ливія уже въ V классѣ слишкомъ рано; этотъ авторъ представляетъ несравненно больше и синтаксическихъ, и реальныхъ затрудненій, чѣмъ вся прозаики, отнесенные къ VI классу, и кромѣ того, особенности языка Ливія можно гораздо легче уразумѣть, познакомившись предварительно съ Цицерономъ, чѣмъ наоборотъ. Во вторыхъ, что касается мѣры, которую дозволяется применять только въ исключительныхъ случаяхъ, а именно устраненія изъ VIII классъ Софокла, то было бы цѣлесообразиѣ въ такихъ случаяхъ вместо Софокла избрать одну изъ трагедій Евріпіда, гдѣ хороши пѣсни, главное препятствіе для успѣшнаго чтенія, заключающіе въ себѣ несравненно меньше затрудненій, чѣмъ у Софокла.

Такимъ образомъ, все-таки пополнился бы пробѣгъ, существование которого въ учебномъ планѣ болѣе тѣмъ нежелательно.

Познакомившись съ объемомъ чтенія по древнѣмъ языкамъ, мы приведемъ теперь уложенія отъ прежнихъ порядковъ, сдѣланныя при пересмотрѣ учебного плана; въ количественномъ отношеніи они въ сущности незначительны. Самое важное отступленіе заключается въ томъ, что по латинскому языку въ III и IV классахъ отдано у чтенія авторовъ по одному часу въ недѣлю, который прибавленъ грамматикѣ, такъ что слѣдуетъ употреблять еженедѣльно 3 урока на грамматику, и 3 на чтеніе авторовъ. Обширная синтаксическая задача этихъ двухъ классовъ оказалась ученикамъ не по силамъ, и хотя и пришлось на этой ступени сократить чтеніе, но за то отъ болѣе основательной грамматической подготовки въ низшихъ классахъ ожидаютъ плодотворныхъ результатовъ впослѣдствіи. Кроме того, въ VI классѣ отброшены письма Цицерона и въ VIII „Агрікола“ Тацита; паконецъ, въ VII классѣ часть ораторской прозы Цицерона замѣнена дидактической прозой того же автора съ цѣлью сдѣлать изученіе его болѣе интереснымъ для молодежи. Это для учениковъ; для учителя составляетъ безспорно громадное облегченіе ограниченіе числа письменныхъ работъ, допущенное не только съ той цѣлью, чтобы онъ былъ въ состояніи тщательно исправлять ихъ, но главнымъ образомъ, для того, чтобы онъ, не будучи постоянно заваленъ этой утомительной работой, могъ сохранить свѣжестъ и эластичность силъ, необходимыхъ для успѣшаго хода преподаванія. „Наставленія“, какъ мы увидимъ ниже, требуютъ отъ учителя такъ много работы въ другихъ отношеніяхъ, что это облегченіе сдѣжалось, такъ сказать, неизбѣжнымъ¹⁾). Дальше, по греческому языку въ VIII классѣ диалогъ Платона Федонъ замѣненъ болѣе легкими мелкими диалогами. Важныи нововведеніемъ по обоимъ языкамъ является забота, чтобы обученіе синтаксису и, главнымъ образомъ, письменныхъ работъ, постоянно опиралось на чтеніе образцовыхъ прозаическихъ писателей; сообразно съ этимъ требование во второмъ полугодии V класса, рядомъ съ чтеніемъ Овидія, продолжается чтеніе Ливія, и въ томъ же и слѣдующемъ классахъ, параллельно съ чтеніемъ Гомера и Геродота, идеть продолженіе чтенія Ксенофonta. Эта мѣра въ высшей

¹⁾ Въ Австріи недѣльный максимумъ уроковъ преподавателя-филолога всего 17.

Второе министерское распоряжение, изданиее 26-го мая (в. ст.) прошлаго года, касается пересмотрънаго учебнаго плана австрійскихъ гимназій, который былъ введенъ въ дѣйствіе съ началомъ наинѣшнаго учебнаго года (15-го сентября в. ст.). Опытъ показалъ, что требованія существовавшаго до сихъ поръ учебнаго плана иногда стояли выше того уровня, какого можно было достигнуть въ дѣйствительности. Всѣгдѣствіе того, вонервыхъ, въ рамкахъ этого учебнаго плана предприняты нѣкоторыя сокращенія объема учебныхъ матеріаловъ и перемѣны въ распределеніи ихъ, и вонтервыхъ, въ сопровождающихъ пересмотръній учебный планъ „Наставленихъ“ (Instructionen) ясно и мѣтко изложенъ путь, слѣдя по которому, учитель можетъ вполнѣ осуществлять предначертанія учебнаго плана. Въ обѣихъ этихъ извѣрахъ ясно обрисовалось желаніе облегчить ученикамъ непосильный трудъ, при чёмъ на первомъ планѣ стоять древніе языки, къ которымъ „Наставленія“ отнеслись съ особенной заботливостью.

Главная цѣль, которую преслѣдуется обученіе древнимъ языкамъ въ гимназіи, заключается, по опредѣленію „учебнаго плана“, въ ознакомлениі учениковъ съ самыми важными произведеніями римской и греческой литературы; сверхъ того, обученіе латыни еще должно развить въ ученикѣ пониманіе стилистической красоты языка. Средствомъ для достижениія этихъ цѣлей является изученіе грамматики. Объемъ послѣдней вполнѣ обусловливается объемомъ назначенныхъ для чтенія авторовъ, такъ что все, чтд не встрѣчается при чтеніи авторовъ, должно быть совсѣмъ исключено изъ грамматики.

Уже извѣти этихъ основныхъ положеній явствуетъ, какое важное значеніе и вліяніе на обученіе уже съ самого начала имѣть объемъ избранныхъ для чтенія авторовъ. Поэтому мы прежде всего посмѣтимъ, чтд именно долженъ прочесть австрійскій гимназістъ.

Изученіе латинской исторической прозы начинается съ III-го класса чтеніемъ избранныхъ жизнеописаній Корнелія Непота¹⁾; особенно рекомендуются слѣдующія: Miltiades, Themistocles, Aristides, Cimon, Eraminondas, Pelopidas. Въ IV-мъ классѣ слѣдуетъ прочесть, по крайней мѣрѣ, три книги Записокъ Юлія Цезаря о Галльской войнѣ, при чёмъ дается предпочтеніе описанію войнъ съ гельветами и Ариовистомъ, похода въ Германію и Британію и войны съ Верцин-

¹⁾ Учебный планъ предлагаетъ вмѣсто Корнелія Непота еще избранные места изъ Курція; но „Наставления“ объ этомъ историкѣ умалчиваются.

геторигомъ; записки того же автора о междуусобной войнѣ отнесены цѣлкомъ къ VI-му классу. Изъ Тита Ливія читаютъ въ первомъ полугоды V-го класса для книги, 1-ю (съ пропускомъ введенія) и по томъ или 21-ю, или 22-ю, или наконецъ, важнѣйшіе отдѣлы изъ 1-й декады. Чтеніе этого автора продолжается еще изъкоторое время и во второмъ полугоды того же класса. „Югурту“ Саллюстія изучаютъ цѣлкомъ въ VI-мъ классѣ; эту монографію „Наставленія“ считаютъ болѣе подходящую для чтенія въ гимназіи, чѣмъ „Заговоръ Катилины“; если послѣдній все-таки читается, то во вскомъ случаѣ съ пропусками изъкоторыхъ неудобныхъ мѣсть. Наконецъ, изъ Тацита назначена для VIII класса общая часть „Германіи“ (главы 1—27) и сказанные отдѣлы изъ Тацитовой лѣтописи и исторії, при чѣмъ, однако, дается предпочтеніе первымъ тремъ книгамъ лѣтописи. Изъ ораторской прозы Цицерона полагается прочесть въ VI-мъ классѣ первую рѣчь противъ Катилины, а въ VII, по крайней мѣрѣ, двѣ рѣчи изъ слѣдующихъ: *de Imperio Gna. Pompei, pro Roscio Amerino, in Verrem IV и V, pro Sulla, pro Archia, pro Sestio, pro Milone и Philippico II.* Изъ дидактической прозы Цицерона можно избрать или мелкій діалогъ (*Cato maior, Laelius*), или же отрывки изъ слѣдующихъ разсужденій: *de officiis, Orator, de oratore.*

Съ поэтами ученики начинаютъ знакомиться уже въ IV классѣ подъ конецъ года, гдѣ полагается прочесть 300 стиховъ изъ Овидія, съ которымъ они основательнѣе знакомятся въ V классѣ, читая изъ-ста, выдающіяся по своему поэтическому достоинству, въ особенности изъ Метаморфозъ, чemu посвящено второе полугодье этого класса. Изъ Вергилия требуется прочесть 1-ю, 2-ю, 4-ю и 6-ю пѣсни Энеиды, избранные отрывки изъ Георгикъ и по крайней мѣрѣ, двѣ эклоги; эту задачу слѣдуетъ выполнить въ VI и VII классахъ. Выборомъ изъ всѣхъ родовъ стихотвореній Горациіа оканчивается въ VIII классѣ чтеніе латинскихъ поэтовъ.

Изученіе греческой литературы начинается съ первого полугодія V класса чтеніемъ Ксенофонта (или Анабазиса, или хрестоматіи). Тактъ, какъ сочиненія этого автора должны служить опорою при прохожденіи аттическаго синтаксиса, то чтеніе ихъ продолжается еще во второмъ полугоды (одинъ разъ въ недѣлю), и въ VI классѣ цѣлый годъ (одинъ разъ въ 2 недѣли). Красноголовымъ заменѣ гимназического чтенія греческихъ писателей служатъ поэмы Гомера: во второмъ полугоды V класса слѣдуетъ прочесть избранные отдѣлы Иліады въ объемѣ 2—3, а въ слѣдующемъ полугоды въ объемѣ 5—6 рапсодій;

степени цѣлесообразна; только вмѣсто Ливія слѣдовало бы скорѣе выбрать Цезаря или Цицерона.

Таковы въ главныхъ чертахъ перемѣны и сокращенія учебныхъ матеріаловъ. Однако, не смотря на это облегченіе, задача все-таки до того обширна, что она едва ли оказалась бы выполнимою на практикѣ, еслибы министерство не указало путей, слѣдуя по которымъ преподаваніе лесомицко пойдетъ весьма успѣшно. Эти методическія указанія, или „Наставленія“ (*Instructionen*, какъ они офиціально называются), прибавлены къ министерскому распоряженію, являются, съ дидактической точки зренія, настоящими жемчужинами. Они составлены на основаніи долголѣтнаго наблюденія и опыта, при чемъ въ высшей степени добросовѣстно обращено вниманіе на педагогическую литературу послѣднихъ десятилѣтій. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что эти „Наставленія“, возвышая преподавателя въ уровень требованій дидактики древнихъ языковъ, представляютъ себою, вмѣсть съ тѣмъ, сборникъ самыхъ важныхъ положеній этой трудной отрасли гимназической педагогики. Въ виду вышесказанного не безинтересно будетъ разсмотрѣть, отъ какихъ дидактическихъ приемовъ въ Австріи ожидаютъ реформы и ожиданія преподаванія древнихъ языковъ.

Начнемъ съ грамматики.

Такъ какъ на грамматику древнихъ языковъ надо смотрѣть только какъ на средство къ пониманію авторовъ, то этимъ самымъ, какъ уже сказано, опредѣляется и объемъ ея. Въ теченіе всего гимназическаго курса по каждому древнему языку долженъ быть только одинъ учебникъ грамматики, который вполнѣ и систематически исчерпывалъ бы весь этотъ матеріалъ. Учителю вмѣняется въ обязанность предварительно разсортовать его: чтѣ рѣдко встрѣчается при чтеніи авторовъ, то слѣдуетъ отнести къ высшимъ классамъ; остальную массу надо распределить на отдѣлы для каждого мѣсяца или даже каждой недѣли; только такимъ образомъ получается возможность проходить отдѣльные группы равномѣрно¹).

Латинская этимологія проходитъ въ I и II классахъ, при чемъ всѣ неправильности отнесены къ послѣднему классу. Первые уроки

¹) Точно также учитель долженъ заранѣе изучить сборникъ фразъ для перевода въ цѣломъ его объемѣ, причемъ примѣры на слова, которыхъ гимназистъ или рѣдко, или никогда не встрѣтить, должны быть опущены; точно также надо воступить съ беззодорожными фразами. Примѣры группируются учителемъ согласно съ его собственнымъ методомъ обучения.

должны быть посвящены введенію учениковъ въ правильное и твердое произношеніе и начертаніе латинскихъ словъ (ореопечеи и ореографію). Для этой цѣли учитель пишетъ отдельные слова на доскѣ съ обозначеніемъ количества слоговъ, произносить ихъ самъ и заставляетъ дѣтей повторять, сообразно съ удареніемъ и количествомъ слоговъ, и записывать въ тетрадь для домашнаго повторенія. Уже послѣ этого начинается обученіе этимологіи. Учитель подбираетъ изъ роднаго и латинскаго языковъ сходныя по звукамъ слова, напримѣръ борода—*barba*, роза—*rosa*, пламя—*flamma* и т. п., и, написавъ рядомъ съ однимъ изъ латинскихъ прилагательное, напримѣръ, *magna*, соединяетъ эти два слова посредствомъ связи *est* въ предложеніе, напримѣръ *barba est magna*. На этомъ и подобныхъ предложеніяхъ онъ укажетъ и родъ существительныхъ, и подлежащее, и сказуемое, и согласованіе прилагательного съ существительнымъ въ качествѣ сказуемаго или опредѣленія. Все это дается безъ книги, съ живаго слова учителя. Только послѣ этихъ предварительныхъ упражненій раскрывается сборникъ материаловъ для перевода: учитель прочтетъ латинскую фразу, заставитъ учениковъ повторить ее, разбереть ее и, указывая употребленіе словаря, сдѣлаетъ переводъ ея при общемъ участіи учениковъ; переводъ пройденныхъ такимъ образомъ фразъ повторяется подъ конецъ урока и задается ученикамъ для изученія на дому. Слѣдующій урокъ учитель, прежде всего, спрашиваетъ, при закрытыхъ книгахъ, вокабулы; потомъ заученные фразы читаются учениками по латыни и переводятся; наконецъ, ученики переводятъ тѣ же фразы, при закрытыхъ книгахъ, со словъ учителя. Точно также слѣдуетъ поступать при переводѣ съ роднаго языка на латинскій. Само собою разумѣется, что ученикамъ не позволяетъ записывать переводъ во время класснаго упражненія, чтобы заставить ихъ внимательно слѣдить за урокомъ и упражнить ихъ память; дома же они готовить сначала, пока не свыклись съ латинскими формами, только словесно, чтобы не привыкать къ ошибкамъ. Грамматику ученики раскрываютъ уже послѣ практическихъ упражненій въ классѣ, чтобы просмотрѣть парадигму. Такимъ образомъ, ученики переводить, совмѣстно съ учителемъ, два года; но мало по малу задаются имъ оставшіяся нетрудныя фразы для домашнаго приготовленія, въ такомъ объемѣ, чтобы проверить эту работу въ классѣ можно было не болѣе какъ въ полчаса. Бромъ того, для домашнаго упражненія можно задавать тоже склонять прилагательные съ существительными, или, при глаголахъ, писать одно либо во всѣхъ временахъ и

наклоненіахъ. „Наставлениа“ сознаютъ, что при такомъ методѣ обученіе пойдетъ медленно, но за то оно приведетъ ученика къ ясному и основательному изученію этимологіи. „Не по массѣ“, говорится въ нихъ, „съ трудомъ и поспешностью захватанныхъ познаній слѣдуетъ судить объ успѣшномъ ходѣ преподаванія, а по разумному выбору материаловъ и по естественной ихъ обработкѣ“.

Масштабомъ при измѣрѣніи успѣховъ учениковъ служатъ письменныя классныя работы, которыя задаются въ эти два года, начиная съ третьаго мѣсяца I класса, еженедѣльно, на полчаса; текстъ для нихъ составляеть самъ учитель на основаніи приобрѣтеннаго учениками запаса словъ и оборотовъ; во время работы онъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ученики не пользовались никакими пособіями. Задаваемый для перевода текстъ не долженъ заключать въ себѣ большихъ трудностей и содержаніе его слѣдуетъ принаравливать къ круговору учениковъ. Совсѣмъ другое значеніе имѣть письменныя работы, задаваемыя на дому, въ I классѣ еженедѣльно, а во II и III одинъ разъ въ двѣ недѣли, въ такомъ объемѣ, чтобы можно было исправить ихъ въ классѣ въ полчаса. Эти упражненія должны привыкнуть ученика пользоваться всѣми дозволенными пособіями и пополнять собственными силами пробѣлы въ познаніяхъ; пользованіе при этомъ постороннею помощью или обманъ должны быть строго преслѣдуемы¹⁾.

Что касается синтаксиса латинскаго языка, то съ главными правилами ученики знакомятся уже въ первые два года, при переводѣ фразъ; систематически синтаксисъ проходится въ III и IV классахъ гдѣ ему отведена половина уроковъ. Учителю выѣмляется въ обязанность, помимо тщательнаго выбора материаловъ и составленія подробной программы въ началѣ каждого года, съ цѣлью равномѣрнаго распределенія задачи, вести преподаваніе такъ, чтобы изученіе синтаксиса и чтеніе автора шли рука объ руку и взаимно поддерживали другъ друга; въ особенности же изъ читаемаго въ классѣ автора слѣдуетъ подбирать какъ можно больше примѣровъ для объясненія, упражненія и подражавія. Такой материалъ несомнѣнно полезнѣе для учениковъ, чѣмъ выборъ фразъ изъ особыхъ сборниковъ для синтаксическихъ упражненій, на которыхъ они смотрѣть, какъ на что-то

¹⁾ Отѣтственность за письменные переводы не должна, однако, никогда имѣть предсѣдающаго или даже совсѣмъ рѣшающаго значенія при окончательной оценкѣ успѣховъ ученика.

назначенное только *ad hoc* для упражнений, что можно потомъ забыть. Кроме того, приобретенный учениками при чтеніи автора запасъ словъ и оборотовъ находитъ, такимъ образомъ, примѣненіе и не остается мертвымъ капиталомъ. Обученіе синтаксису должно слѣдоватъ, по совѣту „Наставлений“, всегда въ нѣсколько уроковъ подъ рядъ, чтобы закончить за разъ какой-нибудь отдѣльный вмѣстѣ съ тѣмъ не прерывать такъ часто чтенія автора. Правила должны быть извлечены самими учениками изъ образцовыхъ примѣровъ, чтобы идти отъ конкретнаго къ отвлеченному. Вообще „Наставления“ требуютъ постоянно индукціи и потомъ уже дедукціи, утверждая, что слѣдуетъ учиться языку не изъ грамматики, а грамматикъ изъ языка. Ученики, извлечши заранѣе правило, потомъ уже прочтутъ его въ грамматикѣ, заучиваютъ и примѣняютъ при переводѣ фразъ съ роднаго на латинскій языкъ.

Въ этихъ двухъ классахъ полагается ежемѣсячно одна классная и одна домашняя письменная работа; первая продолжается цѣлый часъ и должна быть задаваема и разбираема только на урокахъ грамматики, не въ ущербъ чтенію автора. Относительно выбора темъ для перевода дается предпочтеніе связаннымъ статьямъ передъ отдѣльными фразами, попрвыхъ, потому, что ученикъ при этомъ интересуется и содержаніемъ переводимаго, а затѣмъ, и потому еще, что только при связанныхъ статьяхъ можно упражняться въ надлежащемъ расположеніи словъ и особенно предложенийъ, какъ и соединеніи послѣднихъ въ періоды. Кроме того, рекомендуются обратные переводы прочтеннаго въ классѣ, обращеніе прямой рѣчи въ косвенную или наоборотъ (въ IV классѣ), или наконецъ, учитель можетъ въ скромномъ видѣ обработать для перевода цѣлые отдѣлы изъ читаемаго автора.

Въ четырехъ высшихъ классахъ гимназіи посвященъ грамматическо-стилистическому обученію только одинъ урокъ въ недѣлю; цѣль, которую оно преслѣдуется, заключается, главнымъ образомъ, въ повтореніи, расширеніи и укрѣпленіи, какъ этимологическихъ, такъ и синтаксическихъ познаній, приобрѣтенныхъ въ низшихъ классахъ. Для этой цѣли задаются всякий разъ статьи изъ сборника темъ для устнаго перевода, примыкающая къ повторенному и расширенному отдѣлу синтаксиса, но небольшихъ размѣровъ, чтобы можно было исправить переводъ въ классѣ въ полчаса; вторая половина урока употребляется на продолженіе повторенія синтаксиса.

На этихъ же урокахъ слѣдуетъ прилагать большое стараніе къ

изученію латинской стилистики, для которого „Наставлениѧ“ не рекомендуютъ особаго учебника, но совѣтуютъ уже съ самаго начала при грамматическихъ и синтаксическихъ упражненіяхъ, какъ и при чтеніи авторовъ, постоянно обращать вниманіе учениковъ на стилистическія особенности латинскаго языка; въ высшихъ классахъ эти случайно наблюдаемыя законы приводятся въ систему и примѣняются при переводѣ примѣровъ, заимствованныхъ изъ читаемыхъ авторовъ. Вообще по стилистикѣ требуется сдѣлывающее: знать особенности употребленія отдельныхъ частей рѣчи, самое важное о расположениіи словъ, предложеній и построеніи periodovъ и, наконецъ, тропы и фигуры.

Что касается письменныхъ работъ въ этихъ четырехъ классахъ, то полагается въ каждыи четыре недѣли одна домашняя и одна классная работа. Эти работы должны тѣсно прымыкать, если не всегда по содержанию, то по крайней мѣрѣ, въ лексическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ какъ разъ къ тѣмъ сдѣланнымъ, которыи ученики приобрѣли въ это время при чтеніи авторовъ; поэтому учитель долженъ, не тяготясь трудомъ, всякий разъ самъ составлять текстъ для нихъ, особенно пока не имѣется сборниковъ темъ, составленныхъ по этому плану. Кроме того, онъ долженъ сдѣлать предварительно переводъ каждой темы, чтобы убѣдиться будеть ли она по силамъ учениковъ. При исправленіи этихъ работъ сдѣлудутъ, по совѣту „Наставлениѧ“, составлять реестры главнейшими и самыми распространеннымъ ошибкамъ, на которыхъ должно быть обращено особое вниманіе при повтореніи и пополненіи пробѣловъ. Разборъ исправленной письменной работы производится въ классѣ, на урокѣ грамматики; при этомъ учитель больше всего имѣть возможность, исправляя переводъ при содѣйствіи всего класса, развивать въ ученикахъ чутьѣ къ пониманію такъ - называемаго, *color latinus*. Сдѣлавъ по этому пути можно достигнуть грамматического и стилистического развитія учениковъ, которое, въ свою очередь, облегчаетъ пониманіе авторовъ. Вотъ все, что касается преподаванія латинской грамматики¹⁾.

Методическія наставленія, относящіяся къ обученію грамматикѣ

¹⁾) Для обучения латыни назначено въ Австріи 50 уроковъ въ недѣлю, слѣдовательно, одинъ часъ больше, чѣмъ у насъ. Они распределены по классамъ слѣдующимъ образомъ: въ I и II по 8, въ III по VI по 6, а въ послѣднихъ двухъ классахъ по 5 уроковъ сменदально.

греческаго языка, въ общемъ не много отличаются отъ вышеприведенныхъ руководящихъ принциповъ. Греческому языку гимназисты начинаютъ учиться, какъ и у насъ, съ III класса, но время для этого предмета назначено весьма скучно, на чѣдъ составители „Наставлений“ постоянно жалуются; между тѣмъ какъ у насъ число ежедѣльныхъ уроковъ греческаго языка во всѣхъ шести классахъ гимназій доходитъ до 37, въ Австрии этому предмету посвящено всего 28 часовъ, хотя объемъ задачи, выполненіе которой требуется, не только не уступаетъ объему ея у насъ, но даже въ значительной степени превышаетъ его *). Всѣгдастие столь неблагопріятныхъ условій учитель греческаго языка долженъ стараться выгадать время. Съ этой цѣлью онъ, прежде всего, дѣлаетъ тщательный выборъ изъ грамматического материала, чтобы не утруждать ученика рѣдко употребляющимиися формами; такія исключенія можно отыскать въ грамматикѣ впослѣдствій, когда они встрѣтятся при чтеніи автора. Точно также слѣдуетъ вычеркнуть изъ сборника фразъ для перевода всѣ предложенія, содержащія въ себѣ слова или обороты, не встрѣчающіеся въ гимназическихъ классикахъ. Аналогичекія явленія обоихъ древнихъ языковъ, если ученикъ встрѣтилъ ихъ уже при изученіи латыни, должны излагаться какъ можно короче; дальше, вовсе не надо проходить всѣ фразы синтаксиса, а выучить только по одному образцовому прикѣру для каждого правила. Большинъ подспорьемъ для обученія этимологіи считается объясненіе формъ на основаніи неподлежащихъ сомнѣнію результатовъ сравнительного языкознанія, которыми дѣйствительно изученіе греческой этимологіи значительно упрощается и облегчается; однако при этомъ надо быть весьма осторожными и пользоваться этимъ подспорьемъ на столько, на сколько оно дѣйствительно помогаетъ быстрому и твердому изученію формъ, но не больше. При спрашиванії вокабуль слѣдуетъ постоянно указывать на сродныя слова въ латинскомъ и родномъ языкахъ, какъ и на тѣ греческіе термины, которые вошли въ общее употребленіе. Наконецъ, значительно облегчается трудъ ученикамъ тѣмъ, что большая часть работы, особенно сначала, проходитъ (какъ и на урокахъ латинскаго языка), въ классѣ, подъ

*) Въ австрійскихъ гимназіяхъ посвящено греческому языку въ III классѣ 5 уроковъ въ недѣлю, въ IV 4, въ V 5, въ VI 5, въ VII 4, въ VIII 5. Это ограниченіе времени происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, что тамъ введенъ обученіе естественной исторіи.

непосредственнымъ руководствомъ учителя, а на дому задается только повторение.

Задача III и IV классовъ требуетъ знанія этимологіи аттическаго діалекта и важійшихъ синтаксическихъ данныхъ, чтобы въ V классѣ можно было приступитьъ къ чтенію автора. Первые уроки посвящаются изученію греческаго алфавита (если ученики не изучили его уже во II классѣ, на особыхъ урокахъ чистописанія); учителъ пишетъ на доскѣ буквы, слоги и слова, произнося ихъ; ученики за нимъ повторяютъ и вносятъ въ свои тетради для домашнаго упражненія. Потомъ уже они раскрываютъ грамматику, чтобы, послѣ практическаго изученія, познакомиться съ параграфами о греческомъ письмѣ, произодіи и удареніи; прочие же параграфы до склоненія существительныхъ опускаются, и ученикъ знакомится съ законами фонетики при случаѣ и, выводя самъ правило, отыскиваетъ его въ грамматикѣ. Послѣ упражненія въ чтеніи налагается образование нѣсколькихъ формъ глагола, чтобы при помощи ихъ можно было составлять, при этимологическихъ упражненіяхъ, болѣе разнообразные примеры *). Ученики должны твердо знать всѣ парадигмы и при отвѣтахъ употреблять формы только въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дѣйствительно встречаются въ аттическомъ діалектѣ. Переводъ фразъ съ роднаго языка на греческий пишется въ классѣ на доскѣ, исправляется при участіи всего класса, записывается въ тетрадь и заучивается. Для домашнихъ упражненій можно задавать также образование формъ, но не по порядку парадигмы, а напримѣръ, при глаголѣ, образование 2-го или 3-го лица единственного числа разныхъ временъ, залоговъ и нааклоненій, при чемъ составные части каждой формы слѣдуетъ отдѣлить черточками. Сжатыя и мѣткія синтаксическая замѣтки дѣлаются при случаѣ и при встрѣчѣ подобнаго явленія повторяются. Въ III классѣ проходять правильное изъ этимологіи, къ чему въ началѣ IV класса, при повтореніи курса предыдущаго года, прибавляются важійшія исключевія. Начиная со втораго полугодія III класса задаются письменныя работы, а именно: одинъ разъ на 2 недѣли домашнія, и одинъ разъ въ 4 недѣли, въ особенности послѣ окончанія какого-нибудь отдельнаго этимологіи, легкая классная работа. При послѣдніихъ учителъ диктуетъ каждую фразу, и ученики прямо съ его

*) Странно, что „Наставленія“ не рекомендуютъ подобной мѣры при латинской этимологіи, где она однаково желательна.

словъ писать ее по гречески. При исправлении ошибокъ разного рода рекомендуется учителю употреблять разные знаки.

Въ высшихъ классахъ гимназій, начиная съ V. грамматическому обучению посвященъ одинъ урокъ ежепедѣльно; цѣль, которую оно преслѣдуетъ, заключается въ расширеніи и укрѣпленіи познаній учениковъ по аттическому діалекту. Въ V классѣ слѣдуетъ, прежде всего, предпринять основательное повтореніе всего грамматического материала, чтобы послѣ капикуль освѣйтить его въ памяти учениковъ. Вообще этимологическая и синтаксическая свѣдѣнія расширяются и углубляются къ высшихъ классахъ, главнымъ образомъ, замѣтками при чтеніи авторовъ, особенно аттической прозы, которая потому приводится въ систему и затверживаются при устномъ переводѣ, для чего учителъ или самъ составляетъ темы, или выбираетъ ихъ изъ сборника. Одинъ разъ въ 4 педѣли задается одна домашняя или классная работа. Такъ какъ послѣдняя должна находиться въ тѣсной связи съ читаемою аттическою прозой, то учителъ долженъ самъ приготовлять темы для нихъ, а не выбирать ихъ изъ сборниковъ; точно также онъ долженъ заранѣе перевести каждую тему письменно. При составленіи темы ему слѣдуетъ имѣть въ виду запасъ словъ, оборотовъ и конструкцій, усвоенныхъ учениками при чтеніи автора. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣднее окажется весьма полезною мѣрою: впервыхъ, этимъ должно увеличиться вниманіе и прилежаніе учениковъ, знающихъ, что имъ придется давать отчетъ изъ каждого урока; во вторыхъ, черезъ это растетъ способность учениковъ вчитываться въ автора; кроме того, они могутъ при домашнихъ работахъ обойтись безъ словаря съ роднаго языка на греческій, который приносить имъ обыкновенно весьма мало пользы.

Не менѣе интересны и поучительны совѣты, относящіеся къ чтенію авторовъ, которое должно стремиться къ тому, чтобы, на основаніи точнаго грамматического пониманія текста, дойти до яснаго пониманія содержанія и язычной формы выдающихся древнихъ классическихъ писателей. И здѣсь мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ желаніемъ, по возможности, облегчить трудъ ученикамъ, развить въ нихъ способность, путемъ собственного наблюденія, дѣлать выводы и подъ конецъ приводить этотъ материалъ въ систему положительныхъ познаній по языку, литературѣ и быту древнихъ. Не легкій трудъ выпадъ при этомъ на долю учителя, отъ которого требуется не только солидная научная подготовка, но и постоянный трудъ при распределеніи материаловъ, руководствѣ

при введеніи къ чтенію, составленіи канвы примѣчаній и сосредоточеніи всѣхъ отдѣльныхъ группъ. Все это онъ долженъ заранѣе не только обдуматъ, но даже письменно приготовить, чтобы обученіе не оставляло пробѣловъ и шло бы во всѣхъ направленихъ равномѣрно: только тогда оно будетъ поистинѣ плодотворнымъ.

Избравъ изъ назначенныхъ авторовъ сочиненіе для класснаго чтенія, учитель долженъ, прежде всего, потребовать, чтобы у всѣхъ учениковъ былъ въ рукахъ текстъ одной и той же редакціи. Разничнія могли бы при чтеніи подать поводъ къ критикѣ текста, которая вполнѣ разумно исключается изъ гимназіи. Если учитель найдетъ въ-которыхъ исправленія текста неизбѣжными, то пусть онъ предварительно заставитъ учениковъ внести ихъ въ введеніе изданіе. Какъ пособіе для домашнаго приготовленія учитель можетъ рекомендовать извѣстныя ему изданія съ примѣчаніями. Началу чтенія предпосыпается краткая біографія автора, исчисленіе его сочиненій и обзоръ ихъ содержанія ни столько, на сколько это нужно, чтобы ориентироваться. Что касается всѣхъ тѣхъ саѣдній, которыхъ можно постепенно пріобрѣсти при самомъ чтеніи, то никакъ не слѣдуетъ уже сначала предлагать ихъ ученикамъ въ готовомъ видѣ, въ родѣ лекцій¹⁾; точно также слѣдуетъ сначала воздержаться отъ оцѣнки произведеній автора и отъ изложенія плана сочиненія и его осущес-твленія. При ораторскихъ рѣчахъ надо непремѣнно изложить, по какому поводу и при какихъ обстоятельствахъ рѣчь была написана; дальше, передъ чтеніемъ трагедіи слѣдуетъ познакомить учениковъ съ миѳомъ, откуда заимствованъ сюжетъ трагедіи. Иногда можно за-ставить учениковъ прочесть отдѣльныя эпохи въ ихъ учебникѣ исто-рии. Но, съ другой стороны, при этихъ предварительныхъ замѣткахъ нельзя обойти молчаниемъ отношеніе автора къ его предшественни-камъ, напримѣръ, Геродота къ логографамъ, Тацита къ прежнимъ историкамъ и Вергилія къ Гомеру, или вліяніе его на новѣйшую ли-тературу. Чтенію Софокла также слѣдуетъ предпослать обзоръніе воз-никновенія и развитія греческой трагедіи, изложеніе о способѣ и вре-мени представлениія ея; точно также при введеніи къ Платону слѣ-дуетъ, кроме отношеній послѣднаго къ Сократу, привести сжатую характеристику досократовскихъ философовъ, изложить отношеніе Сократа къ софистамъ и сократической методѣ.

¹⁾ Сюда относится, напримѣръ, вопросъ о возникновеніи Гомеровскихъ поэмъ, систематического изложения древне-или новоіонического діалекта, и т. п.

Громадное облегчение для учениковъ состоить въ томъ, что они на первыхъ порахъ „вчитываются“ въ каждого автора въ классѣ, вмѣстѣ съ учителемъ и подъ его руководствомъ; на дому задается имъ только повторение. Въ этомъ періодѣ учитель показываетъ также ученикамъ діалектическія особенности автора, заставляя ихъ самихъ выводить основные законы изъ разбираемаго текста; точно таки же путемъ онъ знакомитъ ихъ съ законами метрики въ началѣ чтенія поэтическихъ произведений. Только уже послѣ такого подготовленія ученикамъ задается на дому приготовить отрывокъ при помо-щи словаря, грамматики, иногда географической карты и учебника истории; слишкомъ трудныя слова или конструкціи учитель долженъ объяснить впередъ, чтобы облегчить ученикамъ домашній трудъ; сверхъ того, при чтеніи Горация, всякий разъ слѣдуетъ нѣсколькими замѣтками внести учениковъ въ чтеніе оды. Вообще въ началѣ чтенія надо идти впередъ съ надлежащою осторожностью и требовать отъ учениковъ столько, сколько они въ состояніи сдѣлать; совсѣмъ другое, когда они уже значительно ближе познакомились съ авторомъ; тогда можно двигаться впередъ быстрѣе. Только такимъ образомъ и снисходительной оцѣнкою честнаго труда, даже если онъ не идѣть результатомъ полнаго пониманія подлинника, можно противодѣйствовать склонности учениковъ прибѣгать къ печатнымъ подстрочнымъ переводамъ или посторонней помощи.

При домашнемъ приготовленіи на первомъ планѣ стоитъ выборка вocabулъ, которая дѣлается письменно. Пропускъ неизвѣстнаго ученику слова долженъ быть одинаково порицаемъ, какъ выписка извѣстнаго ему слова; при каждомъ vocabулѣ слѣдуетъ отѣлѣть черточкою суффиксъ отъ основы, привести первоначальное значеніе, по-томъ значеніе въ данномъ мѣстѣ и, наконецъ, цѣлый оборотъ изъ автора и переводъ его. При повтореніи ученики должны изъ этого материала составлять фразеологію по предметнымъ группамъ. Спеціальные лексиконы для отдѣльныхъ авторовъ допускаются лишь въ III классѣ и при чтеніи Гомера. Если встрѣчается какое-нибудь грамматическое правило, по поводу которого ученику приходится справляться въ грамматикѣ, то онъ долженъ оттуда выписывать примѣръ на это правило.

Посмотримъ теперь, чего „Наставлениа“ при этомъ требуютъ отъ учителя. Хотя послѣдній основательно знакомъ съ читаемымъ авторомъ, онъ все-таки долженъ всякий разъ приготовиться такъ, чтобы

не только каждое мѣсто было ему вполнѣ ясно, но также чтобы въѣ были предварительно обдуманы всевозможные способы пониманія данного мѣста со стороны учениковъ: послѣднее необходимо для успѣшнаго исправленія заблужденій учениковъ. И текстъ перевода долженъ быть заранѣе приготовленъ учителемъ, при особенно трудныхъ мѣстахъ даже письменно, но никакъ не для того, чтобы прочесть его ученикамъ. Дальше, учителъ долженъ всегда заранѣе опредѣлить, какія грамматическая, стилистическая и реальная замѣчанія необходимы для пониманія данного мѣста, и въ какомъ объемѣ. Вообще самыи вѣрныи залогомъ успѣшнаго чтенія служитъ то, чтобы учителъ лично интересовался авторомъ и постоянно совершенствовался; этотъ личный живой интерес непремѣнно подѣйствуетъ на учениковъ и, такъ сказать, увлекетъ ихъ съ собою.

Домашнєе приготовленіе ученика и спрашиваніе его учителемъ на урокѣ должны вмѣстѣ имѣть результатомъ ясное пониманіе мысли автора и переводъ ея въ самой подходящей формѣ; къ этой главной цѣли должны стремиться все замѣчанія учителя, какъ по мифологіи, исторіи, географіи и древностямъ, такъ и по грамматикѣ, и эту цѣлью опредѣляется объемъ этихъ замѣчаній. „Наставленія“ въ особенности вмѣняютъ учителю въ обязанность соблюдать надлежащую мѣру при замѣчаніяхъ послѣдней категоріи и никогда не злоупотреблять временемъ, назначеннымъ на чтеніе авторовъ, для повторенія грамматики, обращенія прямой рѣчи въ косвенную или замѣненія формъ древне- и новоіоническихъ аттическихъ. Такія грамматическая экскурсіи бываютъ часто, по ихъ словамъ, только удобными средствами для учителя на урокѣ проводить время, но онѣ отвлекаютъ вниманіе молодежи отъ содержанія читаемаго, заполняютъ ее индифферентизмомъ или даже отвращеніемъ къ чтенію автора и, такимъ образомъ, мѣшаютъ достигнуть главной цѣли преподаванія древнихъ языковъ—полученія молодежью классического образованія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда чтеніе автора имѣть цѣлью поддержаніе или расширение синтаксическихъ познаній учениковъ, замѣченія изведенія не разбираются подробно при чтеніи, но уже послѣ окончанія какого-нибудь отдѣла, чтобы не отвлекать учениковъ отъ содержанія читаемаго автора. Точно также было бы ошибкою дѣлать экскурсіи въ области реальныхъ наукъ, относящихся къ филологіи. Эстетическая замѣчанія предлагаются рѣдко; прекрасное пусть само дѣйствуетъ на молодые, впечатлительные умы.

При спрашиваніи заданнаго мѣста рекомендуется слѣдующій методъ

часть осххуц, отд. 3.

тодѣ: учитель, вызвавъ ученика, заставляетъ его прочесть часть урока, соображаясь при этомъ съ содержаніемъ и трудностью отрывка; ошибки противъ ударенія и просодіи исправляются тотчасъ прочими учениками. Потомъ слѣдуетъ переводъ, который учитель не долженъ перебивать своими поправками, чтобы быть въ состояніи оцѣнить работу ученика. Потомъ учитель обратится къ прочимъ ученикамъ съ вопросомъ, что по ихъ мнѣнию переведено невѣрно по смыслу, или по формѣ; ученики пусть повторятъ невѣрный переводъ товарища и приведутъ свою мотивированную поправку; только такимъ образомъ можно заставить ихъ внимательно слѣдить за урокомъ и принимать дѣятельное участіе въ отысканіи смысла заданного отрывка. Окончательное решеніе даетъ учитель, при чмъ онъ долженъ, по совѣту „Наставлений“, стараться какъ можно меньше говорить. Переводъ болѣе трудныхъ мѣстъ повторяется другими учениками. Частные замѣчанія, касающіяся перевода, требуютъ сначала буквальной передачи подлинника, которая потомъ по возможности перерабатывается въ изящную, литературную форму, но такъ, чтобы переводъ по смыслу вполнѣ соотвѣтствовалъ оригиналу, и чтобы каждый оттѣнокъ былъ переданъ. Для тѣль-называемыхъ epitheta ornantia и рергетика, какъ и для стиховъ или ихъ частей, употребляющихся, такъ сказать, стереотипно (у Гомера и Вергилия), слѣдуетъ также разъ на всегда дать опредѣленный переводъ. Особенная ловкость и искусство нужно при переводахъ диалоговъ Иллатона, чтобы точнѣе передавать всѣ тонкости аттическаго диалога; съ особенностью осторожности надо поступить въ такихъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о болѣе точномъ определеніи какого-нибудь понятія или значенія слова. При переводѣ коровыхъ лѣсентъ Софокла слѣдуетъ довольствоваться хоть сколько-нибудь сносною передачею мыслей подлинника. Отъ учениковъ требуется всегда только словесный переводъ.

Характеръ замѣчаній, приводимыхъ учителемъ, долженъ быть разнообразенъ, смотря по развитію учениковъ, роду литературнаго произведенія и особенностямъ автора. Такъ, при чтеніи Корнелія Непота слѣдуетъ больше всего упражнять учениковъ въ анализѣ предложенийъ, составляющимъ самый вѣрный ключъ къ самостоятельному приготовленію; при чтеніи Ливія, Саллюстія и Тацита слѣдуетъ обращать вниманіе учениковъ на особенности языка этихъ историковъ; при чтеніи Цицерона и Ксенофonta, доставляющихъ материалъ для письменныхъ упражненій, надо придавать большое значеніе фразеологии. Иногда, даже при чтеніи одного и того же автора, характеръ

примѣчаній мѣняется: такъ при чтеніи Гомера сначала обращается вниманіе, главнымъ образомъ, на языкъ, а потомъ уже на древности и таѣь-называемый гомеровскій вопросъ. Само собою разумѣется, что родъ литературнаго произведения тоже обуславливаетъ характеръ пояснительныхъ примѣчаній: такъ при чтеніи рѣчей слѣдуетъ объяснять риторическіе пріемы древнихъ, касающіеся какъ ораторскаго изобрѣтенія и расположенія доказательствъ, такъ и способа изложенія; однако, при этомъ не слѣдуетъ, впервыхъ, слишкомъ утруждать учениковъ заучиваніемъ сухихъ терминовъ и дефиницій риторической техники, а скорѣе показать на дѣлѣ, какъ каждое такое средство дѣйствуетъ, и вовторыхъ, объясненіе надо вести такъ, чтобы ученикамъ подъ конецъ чтенія не было трудно самимъ составлять планъ рѣчи; во всякомъ случаѣ, было бы грубою ошибкою передъ началомъ чтенія рѣчи продиктовать ученикамъ ея планъ. Точно также и поэтическіе произведения требуютъ особаго рода замѣчаній, посвящающихъ ихъ стиль и композицію; кроме того, здѣсь приводятся подобныя мысли не только изъ древнихъ, но и изъ отечественныхъ и другихъ новѣйшихъ поэтовъ; не безполезно бываетъ прочесть иногда даже цѣлыя стихотворенія и указать, на сколько возможно, вліяніе древнихъ на новѣйшую поэзію. Вообще при объясненіи поэтовъ очень важно, до какой степени учитель самъ обладаетъ поэтическимъ талантомъ или по крайней мѣрѣ чутью для пониманія поэтическихъ красотъ изложения.

Хотя реальные замѣчанія дѣлаются, по мѣрѣ надобности, вездѣ, однако одинъ родъ сочиненій требуетъ ихъ въ особенности, а именно военные писатели (Юлій Цезарь, Ксенофонтъ). Здѣсь играетъ важную роль наглядное обученіе; географическая карта должна быть постоянно у учениковъ подъ рукой, имъ показываются изображенія и модели военныхъ древностей, контуръ мѣстности, расположение войскъ и направление походовъ дѣлаются наглядными начерченіями на доскѣ нѣсколькихъ штриховъ.

Начиная уже съ первыхъ опытовъ чтенія авторовъ надо постоянно возбуждать и поддерживать въ ученикахъ интерес къ содержанію читааемаго. Такъ, уже при чтеніи Корнелія Непота слѣдуетъ требовать отъ нихъ, послѣ окончанія каждого біографическаго очерка, обзорѣніе выдающихся чертъ характера исторической личности, съ которой они только что познакомились; то же самое дѣлается и при слѣдующихъ авторахъ. Это особенно важно при чтеніи греческой трагедіи: ходъ дѣйствія, характеристика дѣйствующихъ лицъ, основ-

ная мысль и композиція трагедій, все это должно сдѣлаться, при правильномъ ходѣ преподаванія, для учениковъ вполнѣ яснымъ. Громадное затрудненіе въ этомъ отношеніи представляютъ діалоги Платона, вслѣдствіе чего учитель долженъ здѣсь особенно протянуть ученикамъ руку помощи: приготовивъ предварительно подробный анализъ читаемаго діалога, гдѣ положительные результаты разсужденія ясно обозначены, онъ въ классѣ при чтеніи заставляетъ болѣе способныхъ учениковъ, при его помощи самихъ отыскивать вѣхъ. Если чтеніе велось такимъ образомъ, то подъ конецъ весь классъ будетъ въ состояніи понять ходъ доказательствъ и ихъ результаты.

Однако ученикъ долженъ не только воспринимать содержаніе древнихъ классиковъ, но и пріучаться, конечно, уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, отличать объективное отъ субъективнаго, истину отъ софизмовъ, которыхъ произведенія древнихъ нисколько не чужды. Этотъ принципъ высказыватъ ясно, и его нельзя не одобрить. Такъ, при чтеніи Демосеона учитель долженъ вести учениковъ къ объективной оцѣвѣ политики этого оратора и не можетъ обойти молчаниемъ фактъ, что Демосеенъ, при изложеніи происшествій и обстоятельствъ, сопровождающихъ ихъ, какъ и при характеристикахъ личностей, иногда поступалъ¹⁾ софистически. Точно также уваженіе къ Платону не должно удержать учителя отъ указанія на логическія погрѣшности и односторонніе взгляды послѣдняго. Только при чтеніи Ливія „Наставленія“ велять тщательно избѣгать критики о достовѣрности этого историка, зависимости его отъ источниковъ и недостаткахъ изложенія, „чтобы не ослаблять впечатлѣнія, произведенного на учениковъ любвеобильнѣмъ благоговѣніемъ автора передъ преданіями старинѣ“. Трудно объяснить, почему „Наставленія“ сдѣлали для Ливія исключеніе; можетъ быть, что ученики V класса еще не созрѣли для подобной оцѣвки; если это предположеніе иѣрно, то остается повторить сказанное нами выше, а именно, что слѣдовало бы отнести чтеніе Ливія къ старшему классу.

Масса познаній, приобрѣтенныхъ учениками при чтеніи авторовъ, весьма легко улетучилась бы, еслибы не приводить ее въ систематической порядокъ и не повторять ихъ, въ особенности послѣ окончанія чтенія каждого автора. И здѣсь учитель долженъ предварительно пред-

¹⁾ Натяжки и софизмы Демосеона въ его рѣчи «противъ Мидіа» указаны нами въ третьей статьѣ „Риторическихъ Этюдовъ“; ср. декабрскую книжку Ж.-М. Н. Пр., 1881 г.

принять ту же работу, чтобы быть въ состояніи съ успѣхомъ контролировать эти „collectanea“ учениковъ. Эта мѣра (помимо образовательного значенія такой работы для учениковъ) заставитъ ихъ со вниманіемъ слѣдить за каждымъ примѣчаніемъ учителя, и благодаря ей, въ концѣ гимназического курса у нихъ возникнутъ солидные сборники свѣдѣній по фразеологіи, стилистикѣ, миѳологии, древностямъ, метрикѣ и исторіи древнихъ литературы.

Чтѣлію авторовъ въ гимназіи должно всегда предшествовать основательное приготовленіе учениковъ; чтеніе безъ приготовленія (*ex tempore*) не допускается, развѣ только тогда, когда ученики уже основательно познакомились съ авторомъ, и только для того, чтобы на свѣжемъ отрывкѣ испытать ихъ силы. Точно также „Наставлениі“ не одобряютъ такъ-называемаго курсаго чтенія; нѣтъ сомнѣнія, что то и другое повело бы къ поверхностному отношенію къ работѣ, которому больше всего древніе языки должны противодѣйствовать. За то при болѣе легкихъ авторахъ, напримѣръ, при Цезарѣ, Геродотѣ рекомендуется, когда ученики уже достаточно познакомились съ ними, быстрѣе идти впередъ, чтобы скуча не овладѣла учениками; однако и тогда все-таки требуется основательное домашнее приготовленіе.

При довольно обширномъ объемѣ чтенія, назначенаго программой, очень легко можетъ случиться, что или за недостаткомъ времени, или по другимъ причинамъ нельзя будетъ одолѣть весь материалъ въ той мѣрѣ, въ какой желательно; кроме того, всегда найдутся охотники, которые „ex privata industria“ пожелаютъ расширить свое знакомство съ древними. Въ такихъ случаяхъ учитель рекомендуется для желающихъ отрывки для домашнаго чтенія (даже на каникулы), которые тоже слѣдуетъ приготовлять письменно. При проверкѣ этого чтенія учитель прежде всего постарается узнать, какія мѣста остались для ученика не разгаданными, и пройдеть ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Однако эту проверку отнюдь не слѣдуетъ предпринимать въ классѣ, во время уроковъ, такъ какъ для прочихъ учениковъ получилось бы изъ этого весьма мало пользы; поэтому ожидается, что учитель посвятитъ этому добруму дѣлу свободное отъ занятій время. Для приватнаго чтенія рекомендуется изъ прозаическихъ писателей Цицеронъ, Титъ Ливій, *dialogus de oratoribus* Тацита, Кесарофонть и отдельные эпизоды изъ Геродота, а изъ поэтовъ—Гомеръ и Вергилий.

Наконецъ, упоминаямъ еще о двухъ требованіяхъ „Наставлений“, тѣсно примыкающихъ къ чтенію авторовъ, а именно о разговорѣ на латинскомъ языкѣ и о заучиваніи мѣстъ изъ авторовъ. Первое за-

ключается въ томъ, что ученики при повтореніи вкратцѣ излагаютъ по латыни содержаніе даннаго отрывка или отдѣла; эта мѣра очень способствуетъ затверживанію учениками словъ и оборотовъ. Заучиваніе мѣстъ преслѣдуется, прежде всего, общеобразовательную цѣль: ученикъ приобрѣтаетъ такимъ путемъ для жизни запасъ классическихъ мыслей и возвѣтій, развивая въ то же время свой вкусъ и память; поэтому, при выборѣ слѣдуетъ руководиться изяществомъ формы или содержанія. Заучиваніе мѣстъ начинается уже съ I класса; ученики выбираютъ изъ своей христоматіи изречений и сентенций и составляютъ себѣ сборникъ цитатъ, который впослѣдствіи постоянно пополняется, особенно при чтеніи Гомера, Ливіа, Вергилия и Горациіа, при чемъ, вмѣстѣ съ содержаніемъ, запоминаются и метрическія формы; даже хоровая пѣсня Софокла, отличающіяся замѣчательнымъ содержаніемъ, заучиваются всѣмъ классомъ. Но и прозою не надо пренебрегать, и образцовые периоды Цицерона и Демосѳена, продекламированные надлежащимъ образомъ, сильно развиваются пониманіе ораторскаго ритма древнихъ. „Наставленія“ даже ожидаютъ, что найдутся ученики, которые выучить наизусть и продекламируютъ цѣлые рѣчи Демосѳена.

Таковы руководящіе принципы реформы преподаванія древнихъ языковъ въ Австріи. Они представляютъ собою несомнѣнно громадный шагъ впередъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было прежде, и если дѣйствительно всѣ эти указанія найдутъ себѣ примѣненіе на практикѣ, то для австрійскихъ гимназій должна наступить новая эра.

М. Луньинъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА¹⁾.

Творія словесності. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ преподаватель Николаевскаго института и коммерческаго училища въ Москвѣ, Аркадій Сосницкій. Въ 8-ку, стр. 169. Москва. 1884. Цѣна 75 к.

Со временемъ изданий учебныхъ плановъ министерства народнаго просвѣщенія, въ числѣ учебныхъ руководствъ и пособій по предметамъ гимназического курса появилось не мало и теорій словесности. Первые опыты изложения этой науки гг. Кирничниковымъ, Бѣллевскимъ и Поливановымъ (у послѣднаго въ его „Методической христоматіи“) принадлежать къ лучшимъ. Затѣмъ послѣдовали компиляціи, болѣе или менѣе удачныя, составленныя на основаніи известныхъ словъ Мольера: *je prends mon bien partout où je le trouve*. Книга г. Сосницкаго есть также работа компилятивная, что видно изъ собственныхъ словъ составителя въ предисловіи: „Не предъявляя претензіи ни на оригинальность, ни на самостоятельность, я тѣмъ не менѣе могу сказать, что по возможности заботился о краткости, ие въ ущербъ ясности и доступности изложения. Положенія и свѣдѣнія, изложенные въ моемъ учебникѣ, тщательно проѣрены по лучшимъ иностраннѣмъ и русскимъ пособіямъ, руководствамъ и учебникамъ исторіи и теоріи словесности“. Отсюда слѣдуетъ, что книга г. Сосницкаго, сравнительно съ предыдущими однородными трудами, представляетъ всѣ существенные, а второстепенные отличія, которыя указаны самимъ авторомъ. Ихъ три: изложение элементарныхъ свѣдѣній изъ психологіи и логики, внесеніе ученикѣ о хранѣ и употребленіе новаго термина: „рѣчь періодическаго построенія“.

¹⁾ Помѣщенные здесь рецензіи изданы въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Элементарная свѣдѣнія изъ логики и психологіи авторъ считаетъ насущною потребностью при выясненіи многихъ положеній теоріи словесности. Эти свѣдѣнія заимствованы имъ отчасти изъ логики г. Свѣтилова, а болѣе изъ риторики, изданной министерствомъ народного просвѣщенія въ 1856 г., какъ учебниковъ, отличающихся точностью и определенностью. Между этими свѣдѣніями недостаетъ одного—понятія обѣ идеѣ, опредѣленія еї, такъ что учащійся, при началѣ теоріи поэзіи встрѣтить это слово, какъ вовсе ему не знакомое. Опь прочтеть на стр. 93, что „художникъ въ своемъ произведении всегда выражаетъ ту или другую идею“, а на стр. 94—что „въ произведении искусства должна существовать полная гармонія между формою (образомъ) и содержаніемъ (идеей)“, и сличивъ оба положенія, имѣть право выразить первое въ такомъ видѣ: „художникъ въ своемъ произведении всегда выражаетъ то или другое содержаніе“, чтѣ будеть очень странно.

Введеніе хрѣй, какъ особой схемы разсужденія, считаемъ не безполезнымъ, но введеніе нового термина „рѣчь періодического построенія“ одобрить нельзя. Составитель разумѣетъ подъ этимъ терминомъ такую рѣчь, которая существенно отличается отъ собственно періодической рѣчи, то-есть, периода. „Послѣдней“ (рѣчи періодической), говорить онъ,—„присущи особенно искусственное построение, тѣсная логическая связь частей и музыкальность“ (Предисловіе, стр. V). Отсюда надобно заключить, что первой (то-есть, рѣчи періодического построенія) не присущи ни музыкальность, ни тѣсная логическая связь частей, ни особенно искусственное построение. Подобныхъ различеній не представляютъ ничего положительного и точного, почему и надобно избѣгать ихъ вообще, наилаче въ учебной литературѣ. Ученіе о периодахъ у насъ и такъ поставлено не прочно. Нѣкоторые ученые (например, Ф. И. Буслаевъ) вовсе умалчиваютъ о нихъ, потому что не видятъ существенной разницы между ними и сложными предложениями, а признаютъ лишь разницу несущественную, состоящую, съ одной стороны, въ полномъ и оконченномъ выраженіи мысли, а съ другой—и это главное—въ симметрическомъ расположениіи частей и въ ритмѣ. По такому взгляду, такъ-называемый периодъ есть не иное что, какъ то же предложеніе, простое или сложное, только для известныхъ цѣлей искусственно построенное. Но пока такое мнѣніе требуетъ еще разъясненій, учебнику приличнѣе остататься при прежнемъ взглядѣ, по которому периодъ бываетъ двоякаго рода: грамматический и риторический. Первый требуетъ только логического

соотношений между своими членами, назначенными для полного и законченного выражения мысли; второй, кроме того, отличается, какъ выше сказано, симметрией частей и благозвучнымъ течениемъ рѣчи. Г. Сосницкій общаетъ со временемъ обширнѣе и доказательнѣе развить свою мысль о рѣчи периодического построенія. Желаемъ ему полнаго успѣха, а теперь скажемъ, что приведенный имъ на стр. 31, въ подстрочной выносѣ, примѣръ этой рѣчи изъ сочиненій Тургенева есть ни больше, ни менѣе, какъ простое распространенное предложеніе.

Представляемъ нѣсколько отдаленныхъ замѣчаній. Въ исчислѣніе, на стр. 16, принадлежностей хорошаго прозаического слога, не внесена чистота рѣчи. Ясность, или вразумительность, сдѣлало бы поставить общимъ требованіемъ, достигаемымъ подчиненными ей требованіями частными: правильностью, чистотой и точностью.

Неясность или темнота слога зависитъ не отъ плохо понимающаго авторомъ предмета, какъ сказано на стр. 17, а отъ плохаго пониманія онаго. Предметъ, самъ по себѣ, не виноватъ нѣсколько.

На стр. 19 примѣры провинціализмовъ расположены не однобразно: ковшъ—корецъ, тыква—гарбузъ, шурга—мятель, квочка—насѣдка, сиверко—холодно. Всѣ ли слова, поставленыя на первомъ мѣстѣ, провинціализмы, а на второмъ—не провинціализмы? Шурга, квочка, сиверко—областныя слова, но ковшъ и тыква—не областныя.

Въ примѣрахъ на „омонимы“ (стр. 21) слово *ключъ* не подтверждаетъ сказанаго, что разными предметами дано одинаковое название по одному и тому же впечатлѣнію, ими производимому. Чѣдъ сходнаго въ *ключѣ*, бьющемъ изъ-подъ земли, и въ *ключѣ*, какъ инструментѣ для запирания и отпирания?

Примѣромъ описательнаго выраженія не можетъ служить стихъ Пушкина:

Унылая пора, очей очарованье (стр. 22).

Никто прямо не скажетъ, что поэтъ разумѣеть здѣсь именно осень: мало ли есть унылыхъ временъ и очарованій очей? Въ цѣлой піесѣ смыслъ стиха осень, такъ какъ передъ тѣмъ шла рѣчь объ осени, но отдельно взятый, этотъ стихъ не можетъ называться удачнымъ примѣромъ описательнаго выраженія.

При уступительномъ періодѣ (стр. 29) не объяснено значеніе слова *уступительный*; по опредѣленію же онъ сливается съ періодомъ *противоположнымъ* (стр. 28).

Напрасно въ приведенномъ стихотвореніи Лермонтова (стр. 32 и 33) не обозначены курсивомъ метафорическія выраженія: это можетъ затруднить учащихся.

Четвертый, видъ синекдохи (употребленіе отвлеченного вместо вещественнаго) (стр. 35) не подходитъ подъ общее съ определеніемъ (перенесеніе слова отъ одного значенія къ другому на основаніи количества, или объема) (стр. 34).

Стр. 42. „Къ сравненіямъ относится и антитезъ (противоположность)“. Эти слова противорѣчатъ определенію сравненія (стр. 40 и 41).

Изъ частей разсужденія (стр. 86) не объяснено значеніе „предложенія“. Если оно выражаетъ предметъ, предлежащий обсужденію, то какъ можно опускать его (стр. 87)?

Въ определеніи ораторской рѣчи (стр. 89) опущенъ важный признакъ: ея дѣйствіе на волю.

Не смотря на эти замѣчанія, книга г. Сосницкаго, по своему составу, содержанию и изложению, можетъ быть полезна въ преподаваніи словесности.

Исторія русской словесности. Составилъ И. Цорфирьевъ. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ II. Литература въ царствованіе Екатерины II. Въ 8-ку стр. 411. Казань. 1884. Цѣна 2 руб. съ пересыпкою.

Въ этомъ (второмъ) отдѣлѣ нового періода „Исторія русской словесности“, содержащемъ въ себѣ изложеніе литературы въ царствованіе Екатерины II, заключается пять главъ: 1) направлѣніе и общій характеръ литературы въ Екатерининскую эпоху; 2) главные литературные дѣятели этого времени; 3) масонство; 4) учепая литература; 5) духовная литература.

Новый трудъ профессора Казанской духовной академіи принадлежитъ къ самымъ почтеннѣмъ и полезнымъ явленіямъ ученой литературы, хотя, при появленіи первого отдѣла его исторіи нового періода, и было справедливо замѣчено критикой Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, что онъ уступаетъ въ достоинствахъ изложенію древне-русской словесности, потому что не представляетъ самостоятельности. То же можно сказать и о второмъ отдѣлѣ. Но такое замѣчаніе исключительно не говоритъ противъ бевотносительного значенія и пользы вышеозначенной книги.

Пособіе при изучении истории русской словесности. Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Составилъ П. Смирновскій. Часть II (выпускъ 3-й). Новый періодъ. Отдѣль 1 (оть Ломоносова до Карамзина). Издание III, вновь обработанное. Въ 8-ку, стр. 320. Москва. 1885. Цѣна 1 рубль.

Новая обработка третьяго изданія второй части этого Пособіа состоитъ, въ двухъ пунктахъ: впервыхъ, вновь внесены статьи о Сумароковѣ, о сатирическихъ журналахъ Екатерининского времени и о второстепенныхъ писателяхъ второй половины XVIII вѣка; во вторыхъ, изъ остального въ прежнемъ видѣ остались лишь однѣ біографіи, прочее же все измѣнено и дополнено на столько, значительно, что можетъ считаться изложеннымъ заново.

Предисловіе, кроме того, заявляетъ, что главными источниками „Пособія“ служили труды гг. Галахова и Порфириева, и что характеръ второй части такой же, какъ и первой. Подъ характеромъ разумѣется здѣсь не особый взглядъ или направлениe, чего и быть не можетъ въ трудѣ компилятивномъ, а просто составъ книги, порядокъ, въ которомъ излагается матеріалъ ея: сначала идутъ историко-литературныя сѣдѣнія, а затѣмъ даются образцы изъ сочиненій того или другаго писателя.

Александра Цвѣткова. Сборникъ произведений русской народной словесности (для среднихъ учебныхъ заведеній вообще), съ примѣчаніями и словаремъ. С.-Пб. 1885 г. Цѣна 1 руб.

Книга г. Цвѣткова раздѣляется на двѣ неравные части: первая, составляющая болѣе или менѣе оригиналъный трудъ, заключающая въ себѣ примѣчанія (44 стр.) и словарь (48 стр.); вторая часть (260 стр.) есть хрестоматія изъ произведеній русской народной поэзіи; въ ней заключается центръ тѣжести книги.

Прежде всего едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что произведенія такъ-называемой безыскусственной русской словесности, въ высшей степени поучительны и интересны не только для нашихъ, но и для иностраннѣихъ ученыхъ, могутъ быть изучаемы въ школахъ въ такомъ большомъ количествѣ, въ какомъ предполагаетъ г. Цвѣтковъ, суди по обширности его хрестоматіи. Онъ говорить въ своемъ послѣдовании (стр. 94): „Заговоры, похоронные причитанія, легенды, апокрифы — такія произведения, которыхъ зачастую только по

имена бываютъ известны учащимися; мы дали самые образцы названныхъ произведений, разсуждала, что ученикъ или ученица, на основании содержания образца, всегда найдетъ, что сказать о немъ. Это несравненно лучше, чѣмъ если ученикъ съ чужихъ словъ, съ книги, будетъ говорить объ образцахъ, самъ лично не зная ихъ вовсе. При изученіи словесности, какъ намъ кажется, чтеніе образцовъ должно быть на первомъ планѣ⁶.

Нельзя не согласиться съ г. Цвѣтковымъ въ принципѣ, нельзя не признать, что было бы гораздо лучше, еслибы учащіеся всѣхъ возрастовъ и по всемъ предметамъ знакомились лично со всѣми тѣмъ, о чёмъ упоминается въ ихъ учебникахъ; но къ сожалѣнію, это не возможно.

Гдѣ преподаватель словесности найдетъ время, при трехъ въ неделю положенныхъ по уставу урокахъ, изъ которыхъ одинъ долженъ быть непремѣнно употребленъ на письменные упражненія, знакомить своихъ учениковъ лично съ произведениями всѣхъ писателей, имена которыхъ названы въ курсѣ исторіи литературы и теоріи словесности? Признавая правильнымъ принципъ г. Цвѣткова, всякий педагогъ долженъ признать столь же правильнымъ и другой ограничивающій принципъ: образцы, читаемые въ классѣ, должны быть разобраны подробно и обстоятельно; полезнѣе изучить съ учениками два образца, нежели бѣгло прочесть два десятка ихъ, ибо только въ первомъ случаѣ будетъ доставлена цѣль изученія, образцевъ — болѣе или менѣе самостоятельный выводъ изъ нихъ теоретическихъ и историко-литературныхъ положеній. Ученикъ получитъ болѣе ясное представление, положимъ — хоть о ложномъ классицизмѣ, если онъ обстоятельно разберетъ съ преподавателемъ одну характерную оду Ломопосова, нежели въ томъ случаѣ, если онъ пробѣжитъ пѣсколько одъ, трагедій, похвальныхъ словъ и пр., принадлежащихъ десятку писателей той же школы. Такимъ же образомъ и въ изученіи народной словесности лучше обстоятельно разобрать одну-две бывлини и лѣ-три пѣсни, чѣмъ пробѣжать цѣлые сборники. *Non multa, sed multum.*

Кромѣ того, такъ-называемая народная словесность для непосредственного ознакомленія съ нею учениковъ имѣть и свои особы незыгоды. Похвальное слово или ода писателя, упоминаемаго въ гимназическомъ курсѣ исторіи литературы, какъ бы они ни были ничтожны въ художественномъ отношеніи, все же могутъ имѣть нѣкоторое воспитательное значеніе, какъ произведения ума логического.

Но что можно найти воспитательного въ такихъ произведеніяхъ словесности, какъ напримѣръ, заговоры, приводимые г. Цвѣтковымъ на стр. 154 и 155, въ которыхъ ученикъ будетъ читать: „Ты, злая трясавица, уймись, а не то проклану въ тарь-тарары; ты, неугомонная колючка, остановись, а не то сошлю тебя въ преисподнія земли; ты, свербехъ, прекратись, а не то утоплю тебя въ горячей водѣ; ты, стрѣльба, остановись, а не то засмолю тебя въ смолѣ кипучей; ты, огневица, охладись, а не то заморожу тебя крецещенскими морозами; ты, ломота, сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты, колотье, притупись, а не то распилю тебя на мелкія частички; ты, дерганье, воротись, а не то запружу тобою плотину на мельницѣ“ и пр.

Далѣе, произведенія народной словесности въ большомъ количествѣ неудобны для изученія въ школѣ еще и потому, что они мало обслѣдованы, а ученикамъ, какъ известно, должно предлагать только то, что поставлено твердо, незыблемо, на счетъ чего пѣть двухъ другъ друга опровергающіхъ мнѣній, чтѣ самому учителю ясно, какъ Божій день. Можно ли поэтому считать удобными педагогическимъ матеріаломъ, напримѣръ, былину: „Отчего перевелись богатыри на Святой Руси“, о которой г. Цвѣтковъ (стр. 14 и 15) приводить два совершенно противорѣчащія мнѣнія профессора Шевырева и профессора Буслаева, при чемъ послѣдній излагаетъ свое мнѣніе съ оговоркой: „надобно подлагать“? Или напримѣръ: Стихъ о Егоріи Храбромъ, о которомъ самъ г. Цвѣтковъ говоритъ слѣдующее (стр. 37): „Въ стихѣ Георгій сначала является мученикомъ за вѣру, а потомъ учредителемъ порядка, устроителемъ и просвѣтителемъ Русской земли. Существуетъ иное объясненіе стиха въ миѳическомъ смыслѣ: въ стихѣ видѣть поэтическія изображенія (?) борьбы весеннаго Перуна съ темными тучами, гибнущими подъ ударами его молниеносныхъ стрѣлъ или боевой палицы“.

Самый подборъ статей для хрестоматіи сдѣланъ г. Цвѣтковымъ довольно удачно, за немногими исключеніями. Такъ между прочимъ едва ли удобна въ такой книжѣ иѣсколько скабрезная (хотя и очень интересная для теоріи литературнаго заимствованія) былина: Сорокъ каликъ со каликою, важнѣйший эпизодъ которой — попытку княгини, жены Владимира, склонить на прелюбодѣніе Касьина Михайловича, долженъ быть опустить г. Цвѣтковъ, замѣнивъ его такими словами: „Княгиня Апраксіевна посыпаетъ Алешу Поповича, чтобы онъ уговорилъ атамана и каликъ остаться у ней въ гриди“;

ей хочется посидѣть съ молодымъ Касьяномъ Михайловичемъ" (стр. 199). Этотъ наивный пріемъ можетъ, пожалуй, навести юношу на нежелательные соображенія.

Кромѣ того, по нашему мнѣнію, не было бы никакого грѣха, еслибы составитель позволилъ себѣ идти случаяхъ, не имѣющихъ особой важности, иѣсколько подновить языкъ пѣсенъ, напримѣръ, замѣнить литературными формами формы эти и т. д.: наши ученики вовсе не такъ тверды въ литературной рѣчи, чтобы можно было ломать ихъ языкъ безнаказанно.

Переходимъ къ болѣе самостоятельной части труда г. Цвѣткова: къ примѣчаніямъ и словарю.

Примѣчанія было бы удобнѣе помѣстить послѣ тѣхъ произведеній, къ которымъ они относятся, а начинать книгу съ „Примѣчаній" по малой мѣрѣ необычно. Словарь, заключающій въ себѣ объясненіе нарицательныхъ и собственныхъ имёнъ, по нашему мнѣнію, менѣе практическая форма, нежели подстрочный комментарій, обыкновенно употребляющійся въ книгахъ подобного рода: объясненія, помѣщенные въ концѣ страницы или въ концѣ статьи, почти всегда читаются, къ словарю же ученикъ обратится только въ крайнемъ случаѣ, а при чтеніи русскаго произведения ему часто будетъ казаться, что онъ понимаетъ его и такъ; кромѣ того, ученикъ далеко не всегда можетъ опредѣлить заранѣе, что онъ найдетъ въ словарѣ, чего пѣть: разочаровавшись два-три раза, онъ перестанетъ обращаться къ нему.

Укажемъ на нѣкоторые частные недостатки какъ примѣчаній, такъ и словаря. Первые состоятъ главнымъ образомъ изъ пересказа произведеній народной словесности, не вошедшихъ въ хрестоматію (какъ будто ихъ тамъ слишкомъ мало), при чемъ г. Цвѣтковъ иногда излагаетъ и такія мѣста, которыхъ онъ самъ объяснить не въ состоянии. Напримеръ, на стр. 9 Илья Муромецъ говорить Чуриль: „Даль бы я вамъ отсѣчь буйну голову, когда я засматривалъ ровно три года во каждый день (курсивъ въ подлиннике). На стр. 25 напрасно г. Цвѣтковъ видѣтъ память о поклоненіи рощамъ въ иронической пословицѣ: „Вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣла"; да и едва ли эта пословица удобна въ школьнай хрестоматіи.

Въ словарѣ иныхъ слова объяснены не совсѣмъ удачно; напримѣръ, аллегорія, по словамъ г. Цвѣткова, есть „всакое выраженіе одного предмета, понятія или представлѣнія другимъ предметомъ,

понятиемъ или представлениемъ, умышленный намекъ на чѣто другое, нежели самыи предметъ рѣчи или изображенія". Кромѣ того, словарь заключаетъ въ себѣ многія слова, едва ли требующія объясненія, напримѣръ, падчерица, подъячій, пазуха, и пропускаетъ собственныхыи имена и слова, крайне нуждающіяся въ таковомъ. Напримеръ, въ словарѣ мы не находимъ Хорса, имѧ котораго встрѣчается на стр. 227; въ немъ нѣть нѣтъ объясненія слова: заломъ (стр. 221), споръ (*Ibid.*), проворъ (*Ibid.*). Правда, проворъ и споръ есть въ словарѣ; но значеніе: проворъ = бойкій, расторопный человѣкъ" (см. стр. 77), очевидно не идетъ къ стиху:

Проворы въ полахъ пораскладывала,

также какъ и „споръ—уродливое зерно во ржи“, (стр. 83) не идетъ къ обозначенію одного изъ преступлений грѣшной души:

Со всякою хѣбъ споръ отнимывала.

Иллюстрированная хрестоматія, составленная изъ сочиненій лучшихъ русскихъ писателей, для низшихъ классовъ гимназий, реальныхъ училищъ, учителльскихъ семинарій, городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищъ. Въ трехъ частяхъ. Съ портретами русскихъ писателей. Составилъ и предавателъ учителльской семинаріи А. Тарнаевскій. 3-е изданіе, исправленное и значительно дополненное. Въ 8-ху, X+366 стр. С.-Пб. 1884. Издание Ф. Павленкова. Цѣна 1 руб.

Назвавъ свою хрестоматію „Иллюстрированную“, г. составитель какъ бы дасть знать, чѣмъ она отличается отъ другихъ русскихъ хрестоматій. Дѣйствительно, приложение 25 портретовъ русскихъ писателей можетъ называться ея отличиемъ, но не можетъ быть вмѣнено ей въ достоинство, какъ чисто вѣшнее украшеніе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые портреты не имѣютъ сходства съ подлинниками, а другіе просто плохи (например, Барытинского, Жуковскаго, Пушкина). Но мнѣнію нѣкоторыхъ педагоговъ, преимущество „хрестоматіи г. Тарнаевскаго“ заключается отчасти и въ томъ, что въ ней только одна статья принадлежитъ перу составителя пособія (должно быть, статья „Обезсалявшая удоочка“, безъ подписи автора); всѣ же остальныи отмѣчены именами образцовыхъ русскихъ писателей. Это спрашивливо, но не совсѣмъ, а только отчасти. Въ хрестоматіи есть статьи гг. Кулеша, Петрушевскаго, Водовозова, Ушинскаго, Рождественскаго, Разина, Максимова, которые не принадлежать къ числу нашихъ образцовыхъ писателей, хотя портретъ послѣдняго и находится въ книгѣ. По мнѣнію другихъ, русская хрестоматія для гимназий Вар-

шавского учебного округа, кромъ общихъ достоинствъ каждой книги для класснаго чтенія, должна имѣть качества, удовлетворяющія требованіямъ иѣстной школы: поэтому „въ ней для здѣшнихъ учениковъ должны быть тѣ или другія дидактическія приоровленія, облегчающія дѣтимъ трудъ изученія отечественнаго языка“. Это совершение справедливо. Составитель выполнилъ изложенное требованіе постановкой удареній надъ каждымъ словомъ и употребленіемъ курсивныхъ буквъ тамъ, где ихъ выговоръ несогласенъ съ правописаніемъ. Въ предисловіи подробно исчислены провинціализмы, которые вносятся въ разговоръ и письмо учащимся юго-западнаго края, состоящими изъ малороссовъ, поляковъ и евреевъ. Вторымъ приспособленіемъ служить устраненіе народныхъ пѣсень, сказокъ и пословицъ, „вовсе непонятныхъ и трудно объяснимыхъ для дѣтей низшихъ классовъ въ юго-западныхъ школахъ, гдѣ требуются статьи, написанные языкомъ литературнымъ“. Замѣтимъ однакожъ, что это устраненіе не строго выдержано: пѣсень и пословицъ нѣть, но сказки народныя есть, хотя изъ нихъ выбраны такія, изложеніе которыхъ близко къ литературному стилю. Кромѣ того, есть отрывки изъ Несторовой летописи (стр. 105) и Поученія Владимира Мономаха (118), двухъ памятниковъ древне-русскаго языка, труднаго для пониманія.

Выборъ статей въ общемъ хороши; но есть статьи, неудобныя для школьнаго употребленія; таковы: „Пѣсня о трудѣ“, Некрасова (165), „Изъ разказовъ малороссійскихъ стариковъ“, Кузина (180—182), „Пѣсня про купца Калашникова“ (293), „Шѣвицы“, Тургенева (290—293), отрывокъ, не представляющій ничего интереснаго для учениковъ низшихъ классовъ.

Больше всѣмъ мелкихъ замѣтокъ: стр. 4, въ стихѣ Крылова „Какъ здѣсь къ слову не сказать“ — не тотъ размѣръ, какой въ слѣдующихъ.

Стр. 12: „Намъ не судить“ вмѣсто: не намъ судить.

Стр. 14: „Не быть въ живыхъ“ совсѣмъ не то, что „между живыми“.

Стр. 111: „Гришука черень, какъ галченокъ“ — амбъ, а прочіе стихи — амфібрахіаческіе.

Стр. 140: „Притчу“ — слѣдуетъ „притчу“.

Стр. 151: Монологъ Бориса Годунова озаглавленъ почему-то „Исповѣдью“.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОНИЯ.

ШЕСТОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗДЪ ВЪ ОДЕССЪ 1884 Г.¹⁾.

II.

Переходя къ частному обозрѣнію читаныхъ на съездѣ рефератовъ, мы предварительно должны замѣтить, что, при всемъ ихъ количествѣ, оно не соотвѣтствовало тому числу, которое было заявлено раньше—въ программѣ съезда и двухъ приложенияхъ къ ней. Несоотвѣтствіе это зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что многие изъ ученыхъ, поставившихъ вопросы, на съездѣ не пріѣхали и рефератовъ своихъ не сообщили.

По содержанію своему, доложенные на съездѣ рефераты и сообщенія дѣлятся главнымъ образомъ на двѣ группы: а) имѣющихъ непосредственное отношеніе къ древностямъ Крыма и Новороссійскаго края и б) излагающихъ вопросы, относящіеся къ археологіи вообще и, въ частности, русской. Само собою разумѣется, что въ своихъ дальнѣйшихъ сообщеніяхъ о читанныхъ рефератахъ мы остановимся лишь на главнѣйшихъ, и притомъ на такихъ, для передачи которыхъ чувствуемъ себя болѣе или менѣе компетентными.

Изъ первой группы рефератовъ остановимся прежде всего на тѣхъ, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ древностямъ прионитѣйскихъ эллинистическихъ колоній. Обнімъ введеніемъ къ этой группѣ служило сообщеніе В. И. Модестова: „О русскомъ произношеніи греческихъ словъ, особенно въ приложеніи къ собственнымъ именамъ всякаго рода, относящимся къ древне-греческимъ колоніямъ на берегахъ Понта Эвксинскаго“. Постановка во-

¹⁾ Окончаніе. См. киевскую книгу *Ж. М. Н. Пг.* за текущій годъ.

проса вызвана была давно уже и многими сознаваемою неподъдовательностью въ русской транскрипції древнихъ греческихъ именъ и желаніемъ установить общія начала, болѣе или менѣе послѣдовательное проведение которыхъ положило бы конецъ произволу, нерѣдко не оправдываемому никакими законами ни греческой, ни русской фонетики. Съ этой точки зренія тезисъ г. Модестова имѣлъ значительный интересъ, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ списка городовъ и мѣстностей южной Россіи, въ ихъ надлежащей транскрипції, объщенаго референтомъ; мы увѣрены, что списокъ этотъ, служа справочною книгой, будетъ въ значительной степени содѣйствовать у становленію желательного однообразія. О принципахъ, выставленныхъ г. Модестовымъ относительно рационального способа передачи греческихъ именъ, мы не распространяемся, такъ какъ они высказаны референтомъ въ предисловіи къ редактируемому имъ русскому переводу реального словаря классическихъ древностей Любекера.—Ту же самую тему имѣлъ въ виду изложить и г. А. А. Ивановъ въ рефератѣ: „О рациональной передачѣ греческихъ и латинскихъ словъ“, который, за недостаткомъ времени, читанъ на съездѣ не былъ. Съ положеніями г. Иванова мы отчасти знакомы по его специальному изслѣдованію: „О рациональной передачѣ греческихъ и латинскихъ словъ въ русской рѣчи и въ письмѣ“ (Кievъ. 1881), въ которомъ авторъ съ рѣзкою послѣдовательностью проводитъ свои ореографическая реформы; въ теоретическомъ отношеніи онъ совершилъ законны и рациональны, но пока лишь весьма немногіе филологи рѣшаются послѣдовательно примѣнять ихъ на практикѣ, пишя: Пропусти, нутгѣна, глобъ (вм. глобусъ), семинарье, суптакъ, Софоклей. ассимилиовать и т. д.

На первомъ мѣстѣ въ рассматриваемой группѣ рефератовъ поставимъ два чтенія: г. Гаркави „О происхожденіи названія Крымъ“ и проф. Воеvodского: „О названіи Чериаго моря“. Что касается первого чтенія, то оно представляется весьма интереснымъ въ виду того, что название Крыма не встрѣчается ни въ греческихъ, ни въ латинскихъ источникахъ, а между тѣмъ въ настоящее время является единственоупотребительнымъ. Не встрѣчается оно также ни въ древнѣйшихъ русскихъ, ни въ древнѣйшихъ арабскихъ памятникахъ; не знаетъ его и Марко-Поло. Впервые это имя попадается на монетахъ второй половины XIII в. и оттуда переходитъ къ арабскимъ географамъ. Предлагавшіяся доселѣ толкованія слова Крымъ (отъ Гомера, сына Іафета, отъ Кремни или Кримны и т. д.) признаны г. Гаркави несо-

столетными, равно какъ и попытки объяснить это слово изъ языка татарского. По этому поводу г. Гаркави коснулся приписки въ одной рукописи, найденной якобы въ Дербентѣ: авторъ приписки разказываетъ о томъ, будто Персидскій царь Камбизъ послалъ іудейскихъ и мидійскихъ воиновъ въ страну скиевовъ для отмщенія царіцѣ Томирисѣ за убіеніе Кира и въ награду за удачное исполненіе порученія подарилъ имъ Тавріческій полуостровъ, получившій вслѣдствіе этого название Керимъ, чтѣ по мидійски значить: подарокъ. Приписку эту референтъ считаетъ подложною на томъ основаніи, что Керимъ есть слово арабское и заимствовано татарами по принятіи ислама, а никакъ не мидійцами времени Камбиза. Затѣмъ референтъ согласился съ мнѣніемъ Каравзина, который полагалъ, что Крымъ былъ прежде названіемъ города Салхата (Эски-Киримъ), и только вслѣдствіи названіе это распространилось на весь полуостровъ, а не наоборотъ. Первымъ пунктомъ, который татары заняли въ Крыму, была Сугдея, но ханы столицею своего царства выбрали близъ лежавшій Салхатъ, какъ мѣстность, болѣе безопаснную въ стратегическомъ отношеніи. Не ограничиваясь естественною позиціей мѣстности, татары съ сѣверной стороны города провели глубокій ровъ (можетъ быть, существовавшій и раньше), о которомъ упоминаютъ многие авторы, какъ о городской достопримѣчательности; понятіе же рва, окопа, имъ обозначается словомъ киримъ, которое, по совершенно естественной метонимиі, могло быть перенесено на городъ, а затѣмъ и на страну.

Рефератъ проф. Воеводского имѣлъ своею задачею уяснить название Эвксинскаго Попта Чернымъ моремъ. Первопачально референтъ коснулся обычныхъ объясненій и старался доказать ихъ несостоятельность: думали объяснить это название тѣмъ, будто поверхность моря при замерзаніи представляется черною, но это невѣрно; несостоятельно, по мнѣнію референта, и то объясненіе, по которому Черное море названо такъ потому, что у береговъ его бываютъ сильныя бури, при чёмъ, следовательно, слово черный употреблено въ переносномъ смыслѣ; несостоятельность этого производства г. Воеводскаго доказываетъ тѣмъ, что то же название придается этому морю и у другихъ народовъ. Кроме того, существуютъ и другія названія морей: Желтое, Бѣлое, Красное, также заимствованные отъ цвѣтовъ и вовсе необъяснимы физическими свойствами этихъ морей. Для правильного пониманія этихъ названій референтъ припомнилъ то обстоятельство, что у некоторыхъ народовъ цвѣтные эпитеты при-

даются вѣтрамъ, и что у индусовъ этими же эпитетами квалифицируются страны свѣта, при чемъ сѣверъ зовется „чернымъ“. Такая квалификація произошла, по мнѣнію референта, отъ цвѣта неба при различныхъ положеніяхъ солнца. И название Черного моря зависитъ отъ примѣненія къ нему названія неба, которое въ миѳологии весьма часто скрывается подъ именемъ моря или океана. Доказательство этому референтъ видѣть въ томъ, что многія географическія названія: Европа, Азія, Ливія имѣютъ происхожденіе миѳическое. Черное море прежде называлось негостепріимнымъ, на берегахъ которого жили гипербореи, киммеріи, страны коньѣ суть страны ночи (*Odys. л. 14*), и небо ихъ — небо ночное, противоположное солнечному. Поэтому и море ихъ есть море мрачное, темное. „Слѣдовательно“, заключаетъ референтъ, — „къ Черному морю примѣнялся терминъ миѳический, имѣвшій первоначально иное значеніе, послѣ забвенія котораго и потребовалась локализація термина въ теперешнемъ топографическомъ значенії“. Соображенія такого знатока миѳологии, какимъ заявилъ себя въ своихъ трудахъ проф. Воеводскій, заслуживаютъ большаго вниманія; они были бы еще убѣдительнѣе, если бы референтъ прослѣдилъ хронологически возникновеніе и распространеніе рассматриваемаго названія; на сколько известно, древнійшее наименование Черного моря у древнихъ было: Понтоς Ебѣакос (Гекатей, Геродотъ, Скилакъ) или П. "Лѣсъ"; поэтому было бы любопытно узнать, почему исчезло исконное название, и подъ какими вліяніями и приблизительно когда оно вновь появилось. Дотолѣ же, соображенія г. Воеводскаго, при всемъ ихъ остроуміи, будуть имѣть значение только предположеній.

Древней этнографіи и географіи южной Россіи посвящены были три реферата: гг. Апдреевскаго: „О припонтійской Скией“, Мищенка: „Легенда о царскихъ скияхъ Геродота“ и Люперольского: „О Каллипидахъ у Иродота“. Вопросъ, затронутый въ первомъ рефератѣ, при всемъ мѣстномъ интересѣ, не поддается окончательному решенію: какъ вопросъ о происхожденіи и племенному родствѣ скиевъ принадлежить къ труднѣйшимъ этнографическимъ проблемамъ, такъ точно и опредѣленіе границъ занятой ими территории, отожествленіе упоминаемыхъ въ ней рѣкъ и мѣстностей съ современными представляются, за недостаткомъ твердыхъ точекъ опоры, не осуществимыми при настоящемъ положеніи нашихъ источниковъ; доказательство этому служить значительная литература, относящаяся къ этой области и не приведшая ученыхъ къ какимъ-либо положительнымъ,

общепризнаннымъ выводамъ. Возможность разнорѣчивыхъ взглядовъ и выводовъ до такой степени велика, что исследователи Геродотовой Скиѳии не рѣшили окончательно вопроса о томъ, какую ориентировку имѣлъ отецъ исторіи, исчисляя намъ мѣстности, занятныя скиѳами: такъ, между прочимъ, Левевель утверждалъ, что въ Геродотовомъ разказѣ и воображеніи то, чтѣ обращено къ югу, на самомъ дѣлѣ обращено къ востоку. При этомъ, естественно, является и разнорѣчивое отношеніе исследователей къ значимости показаний историка. Поэтому рефератъ г. Андреевскаго, задавшагося мыслью согласовать названія Геродота съ современными, представляетъ только новую попытку, за которую можетъ быть признана линия известная доли вѣроятности. Для доказательства, приведемъ некоторые выводы и соображенія автора относительно распределенія народностей, упоминаемыхъ у Геродота: „Скиѳы оратай жили по берегамъ обоихъ Тищеч; скиѳы земледѣльцы или скиѳы босфорскіе, подчинявшіеся царскимъ скиѳамъ, имѣли свою торжищемъ Ольвію. Это наши лѣтописные поляне. Сѣвериѣ ихъ жили алаzonы, каллипиды. Самая сѣверная граница Скиѳии была около нынѣшняго Тарацкаго уѣзда. Агаѳырсы-пастыри жили по обѣимъ сторонамъ Карпатскаго хребта. Къ востоку отъ нихъ жили невры, дулѣбы и бужане, соотвѣтствующіе лѣтописнымъ древлянамъ. Приднѣпровская полоса нынѣшней Киевской губерніи, бывшая въпослѣдствіи центромъ нашей исторіи, въ Геродотово время представляла пустыню. Къ сѣверу отъ нея жили людоѣды, за которыми опять была пустыня, и за нею меланхлены, соотвѣтствующіе лѣтописнымъ сѣверянамъ. Къ сѣверу отъ нихъ была пустыня и за нею жили радиими и вятичи. Скиѳы-номады или простые и скиѳы царскіе у Геродота размѣщены ошибочно: первые жили на сѣверѣ Крымскаго полуострова, до реки Конской, а послѣдніе на югѣ отъ нихъ”¹⁾.

Рефератъ г. Мищенко касался вопроса о царскихъ скиѳахъ. Еще до съѣзда, въ журналь Кіевская Старина, г. Мищенко изложилъ свой взглядъ на царскихъ скиѳовъ. На скиѳовъ вообще авторъ смотрѣть, какъ на населеніе скиѳизированного состава, раздѣляя въ этомъ взглядѣ Фр. Миллера и Вамбери, и по тщательномъ разсмотрѣніи источниковъ приходитъ къ слѣдующему, иль самимъ формулирован-

¹⁾) Воспроизведено, за неизданиемъ подъ руками самого реферата г. Андреевскаго, во Москвѣ. Вѣдом. № 241, 31-го августа 1884 г.

нимъ, выводамъ: „1) Отецъ истории замѣнилъ прежнее слишкомъ общее географическое название скіеовъ терминомъ политическимъ и тѣмъ ограничилъ географическое понятіе скіескихъ народовъ; но политическое единство скіеовъ и недостаточность приемовъ наблюденія помѣшили ему различить въ составѣ скіескаго населенія племена различныя по расѣ, арійскимъ и урало-алтайскимъ; 2) къ арійскимъ слѣдуетъ причислить каллипидовъ, алановъ, скіеовъ-земледѣльцевъ и пахарей, остававшихся въ томъ полукочевомъ, полуусѣдломъ образѣ жизни, къ которому перешли общіе арійскіе предки издоевропейскихъ народовъ еще до разселенія ихъ на отдельныя мѣста жительства въ Азіи и Европѣ; 3) къ урало-алтайской группѣ принадлежали скіеи-кочевники, прежде всего царскіе скіеи, пришедшіе сюда послѣ арійскихъ народцевъ и раньше тѣхъ не скіескихъ племенъ, которыхъ въ описаніи Геродота ограничиваются скіеское населеніе юга Россіи съ запада, съвера, востока, и отчасти юга (арійскіе народы не чуждались египетской культуры и содѣствовали распространенію ея дальше къ съверу отъ греческихъ колоній, между тѣмъ скіеи урало-алтайцы отличались крайнею нетерпимостью ко всему чужеземному); 4) терминъ „царскихъ“ скіеовъ долженъ быть удержанъ въ греческомъ текстѣ, такъ какъ въ замѣнѣ „базилеевъ“ „барзилеумъ“ у насъ вѣтъ достаточныхъ основаній“. По поводу послѣдняго положенія считають нужнымъ замѣтить, что вѣдь имѣется въ виду именіе нѣкоторыхъ ученыхъ, между прочимъ, и профессора Н. И. Веселовскаго, о томъ, будто у Геродота въ названіи Базилії опущена буква р-Вазилії, то-есть, скіеи барзилійцы“. „А народъ барзилійцы извѣстенъ намъ и по другимъ источникамъ, какъ извѣстно и название страны Барзилія или Берзилія“.

Положенія свои, выставленныя въ статьѣ, г. Мищенко старался обосновать и въ рефератѣ, въ которомъ съ особенной подробностью останавливался на вопросѣ о томъ, представляли ли скіеи одинъ народъ или нѣсколькоlementъ.

Рефератъ профессора Люперольского о каллипинахъ уже извѣстенъ читателямъ Журнала Министерства Народного Просвѣщенія, ибо онъ напечатанъ въ декабрьской книжкѣ его за 1884 годъ.

Вопросамъ древней топографіи и географіи были посвящены рефераты профессора Юргевича: „Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія“ и г. Суручана: „Опытъ доказательства мѣстонахожденія „Золотаго берега“ Константина Багрянороднаго и скіескаго укрѣпленія

„Алектора“. Профессоръ Юргевичъ имѣлъ въ виду обратить вниманіе стѣзда на нѣкоторыя, особенно интересныя въ археологическомъ отношеніи, мѣстности Новороссійскаго края, которыхъ нуждаются въ ближайшемъ и притомъ систематическомъ изслѣдованіи. Такъ, хотя мѣстонахожденіе древнаго города Тира и приурочивается съ большоюѣѣроятностью современному Аккерману, однако находка двухъ ти-расскихъ надписей въ селахъ Коротинъ и Чобручахъ (Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губерніи) побудило нѣкоторыхъ археоло-говъ видѣть въ этихъ мѣстностяхъ, если не Тирадь, то выселки изъ него, подъ тѣмъ же именемъ. Изъсивъ внимательно основанія для этого мнѣнія, профессоръ Юргевичъ, признавалъ, что Тирадь со-ответствуетъ Аккерману, считаетъ все-таки не излишнимъ изслѣ-довать мѣстность, въ которой лежать вышеупомянутыя села, равно какъ и произвести систематическія раскопки въ самомъ Аккер-манѣ. Второй топографический вопросъ, поднятый референтомъ, ка-сается мѣстонахожденія Евпаторіона, основаннаго Діофантомъ, полко-водцемъ Миерадата VI Эвпатора. Профессоръ Юргевичъ помѣщаетъ его возлѣ теперешняго Инкермана, тогда какъ нѣкоторые археологи отожествляютъ его то съ Севастополемъ, то съ Юртлукомъ, возлѣ теперешней Евпаторіи, гдѣ, по мнѣнію профессора Юргевича, нахо-дилися древній Керкинитъ. Раскопки въ этой мѣстности предста-вляются, по мнѣнію референта, весьма желательными. Даѣе, еще покойный Стемиковскій указалъ мѣстность близъ Тилигула, полагая, что здѣсь слѣдуетъ искать древній городъ Одиссось или Ордисось. Это предположеніе, по видимому, подтверждается тѣмъ, что близъ села Троицкаго были найдены три древнія надписи; поэтому профессоръ Юргевичъ и полагалъ прежде, что въ этой мѣстности и въ частно-сти на берегу Карабашскаго лимана, лежалъ Одиссось. Нынѣ, при-знаюая это мнѣніе высказаннымъ поспѣшно, референтъ находитъ весьма желательными раскопки въ с. Троицкомъ. Наконецъ, въ виду выска-занныхъ уже прежде сомнѣній относительноѣѣрности отожествленія средневѣковой Тана съ современнымъ Азовомъ и предположенія о томъ, что Тана находилась въ самомъ устьѣ Дона, профессоръ Юргевичъ считаетъ весьма интереснымъ произвести раскопки въ этой мѣстности.

Что касается реферата г. Суручана, то въ немъ референтъ, не соглашавшись съ покойнымъ Ф. К. Бруномъ относительно происхожденія названія „Золотаго берега“, упоминаемаго у Константина Багрянород-наго (Брунъ полагалъ, что берегъ названъ такъ вслѣдствіе значи-

тельного количества вылавливаемой на немъ рыбы), думаетъ, что знати „золотой“ произошелъ вслѣдствіе богатства берега золотомъ. Мѣстность эту референтъ относить къ берегу, ближайшему къ Ольвії, къ мѣстности, гдѣ находятся масса кургановъ, въ которыхъ графъ А. С. Уваровъ и Н. И. Мурзакевичъ находили золотые венцы. И доселѣ крестьяне с. Парутино (расположенного на мѣстности древней Ольвії) находятъ золотые предметы въ рѣчномъ пескѣ Буга; оченьѣроятно, что во времена Багранороднаго ихъ находилось гораздо больше, вслѣдствіе чего и самая мѣстность могла получить название „золотой“. Что касается укрѣпленія Алектора, то его г. Суручанъ ставить на мѣстѣ современного Очакова, опираясь при этомъ на свидѣтельство Диона Хрисостома и на томъ обстоятельствѣ, что въ этой мѣстности референтомъ были найдены слѣды древнаго укрѣпленія и въ немъ обломки древней посуды и ольвійскіе ассы.

Топографический интересъ имѣли предъявленные съѣзду г. Тизенгаузеномъ двѣ записки Дюбрюкса, археолога первой четверти текущаго столѣтія. Особенно любопытна та, въ которой онъ передаетъ результаты своихъ наблюдений относительно различныхъ типовъ гробницъ, находящихся въ Керчи и изслѣдованныхъ имъ. Авторъ пытается установить хронологическую преемственность между этими типами, при чемъ древѣйшими считаетъ тѣ, которымъ вырублены въ скалахъ и находятся около стѣнъ городовъ циклическаго типа — безъ цемента; ихъ Дюбрюксъ приписываетъ киммериапамъ. Всего онъ насчитываетъ 6 типовъ гробницъ.—Не меше любопытныя данныя сообщаетъ Дюбрюксъ о произведенной имъ, но не оконченной раскопкѣ на горѣ Опукѣ, гдѣ онъ нашелъ прекрасную мозаику, составлявшую, по его предположенію, покрышку для могильного подземелья. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ не позволилъ Дюбрюксу окончить раскопку, а когда явились они, то исчезъ самый памятникъ, восстановленный татарами.

Нѣсколько рефератовъ было посвящено разъясненію отдельныхъ вопросовъ жизни и исторіи греческихъ поселенцевъ южной Россіи. Такъ, г. Латышевъ сообщилъ рефератъ подъ заглавиемъ: „Эпиграфическая данная о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго“. Въ виду того, что рефератъ этотъ помѣщенъ въ юльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1884 годъ и потому извѣстенъ читателямъ, мы считаемъ излишнимъ передавать здѣсь его содержаніе. Тотъ же ученый сдѣкалъ любопытное сообщеніе: „о календаряхъ Ольвії, Тира и Херсониса“. Указавъ на

важность эпиграфическихъ памятниковъ для знакомства съ календарями разныхъ городовъ, референтъ заявилъ, что въ надписяхъ Ольвії, Тиры и Херсониса пока встрѣчается лишь немногихъ мінологическихъ данныхъ, но что изъ нихъ могутъ уже быть сдѣланы довольно прочные выводы. Изъ тиранскихъ надписей пока известно два названія мѣсяцевъ, числа которыхъ сопоставлены съ числами юліанского календаря, но такъ, что эти сопоставленія не согласны ни между собою, ни съ позднѣйшимъ (солнечнымъ), такъ-называемымъ Азіанскимъ календаремъ, который, по мнѣнію издателей документовъ, Беккера и Юргевича, былъ въ употреблении въ Тирѣ въ концѣ II или началѣ III в. по Р. Хр. Въ виду несогласія чиселъ, отмѣченныхъ въ надписяхъ съ календаремъ Азіанскимъ, г. Латышевъ, согласно съ Моммзеномъ, полагаетъ, что въ тѣ времена, къ которымъ относятся документы, въ Тирѣ употреблялся еще древнѣйший, лунный календарь, заимствованный, по всейѣѣроятности, изъ митрополіи Тиры-Милета, какъ это видно изъ названія двухъ известныхъ мѣсяцевъ. Оттуда же, то-есть, изъ Милета, былъ заимствованъ, безъ сомнѣнія, и календарь Ольвійскій, изъ котораго пока известны шесть названій мѣсяцевъ; изъ нихъ числа пять встрѣчаются въ Кизикскомъ календарѣ, и референтъ, по примѣру Бѣка, считаетъ вполнѣ возможнымъ воспользоваться данными надписей Кизика для возстановленія календаря Ольвійскаго; при этомъ г. Латышевъ указалъ на порядокъ, въ которомъ слѣдовали одинъ за другимъ мѣсяцы въ Кизикѣ и Ольвії, и выяснилъ причину, почему онъ не можетъ допустить, чтобы годъ въ Ольвії начинался съ осеннаго равноденствія. Изъ Херсониса известно пока лишь одно название мѣсяца Діонісос, который г. Латышевъ относить къ лунному календарю, употреблявшемуся въ Мегарахъ, который могъ перейти въ Херсонисъ черезъ его митрополію Ираклію Понтійскую, подобно большинству херсонисскихъ государственныхъ учрежденій, мегарское происхожденіе которыхъ не поддается сомнѣнію.

Н. О. Бурачковъ представилъ вниманию съѣзда рефератъ подъ названіемъ: „По поводу брошюры А. В. Орѣшникова, посвященной VI археологическому съѣзду: „Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартохидовъ“, написанной для оценки изданнаго мною каталога монетъ, также посвященного поченному Одесскому съѣзду археологовъ“. Рефератъ этотъ представляетъ отвѣтъ на высказанные въ вышеупомянутой брошюрѣ г. Орѣшникова положенія и предположенія, несогласныя съ выводами и мнѣніями г. Бурачкова. Специальное назна-

чение этого отвѣта не мѣшаетъ ему имѣть своего рода интересъ, такъ какъ въ отвѣтѣ г. Бурачковъ старается отстоять нѣкоторыя изъ своихъ положеній, оспариваемыя г. Орѣшниковымъ.

Чтение А. М. Подшивалова: „Нѣкоторыя данные для исторического изслѣдованія о правителяхъ Босфора Киммерійскаго по датираннымъ и нумизматическимъ памятникамъ“ касается также нѣкоторыхъ изъ вопросовъ, затронутыхъ гг. Бурачковымъ и Орѣшниковымъ. Референтъ, известный своими специальными трудами по античной южно-русской нумизматикѣ: 1) *Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europea, Chersonesus Taurica und Bosporus Cimmerius* (Москву 1882); 2) Каталогъ монетъ: 1) Сарматіи Европейской, Херсонеса Таврическаго, Босфора Киммерійскаго, Понта, Пафлагоніи. 2) Царей Босфора Киммерійскаго [изъ коллекціи Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ] (М. 1884 г.), изслѣдуетъ главнымъ образомъ вопросъ о формѣ правленія на Босфорѣ и о разграничении эпохи республиканской отъ монархической. При Археанактидахъ владѣнія Босфора были весьма ограничены и не простирались за Пантікалею; со вступлениемъ же на престолъ Спартокидовъ вырабатывается форма правленія архонтовъ-царей, при чёмъ первый титулъ, бывшій наследственнымъ, имѣлъ отношеніе къ греческимъ городамъ, а второй—къ варварскимъ народамъ. Въ эпоху этой же династіи являются оживленныя сношенія Босфора съ Аeinами, доказательствомъ чому, между прочимъ, служить известная Цирейская надпись, измѣняющая принятие доселѣ годы царствованія Сатира, Левкона и Спартока II. Въ правление первыхъ Спартокидовъ Босфоръ, по мнѣнію референта, состоялъ изъ сдѣдующихъ трехъ частей: 1) собственно Босфора, въ который входили Пантікалея и другие города европейскаго берега, кромѣ Феодосіи; 2) города: Фанагорія, Гермонасса и др. азіатскаго берега; 3) Феодосія. Со Спартока III, сына Эвмена, около 284 г., на Босфорѣ вачиваетъ мѣняться правленіе, переходя постепенно въ монархическое. „Причина появления царей“, говоритъ г. Подшиваловъ,— „станетъ понятна, если мы обратимся къ Греціи, когда уже могущество Аeinъ начинаетъ падать и когда греки ищутъ себѣ опору въ наемныхъ войскахъ, давая возможность возникнуть деспотамъ“. Все это не могло не отразиться на Босфорѣ, где зланискій духъ гражданства вырождается вслѣдь за автономіей городовъ. Кромѣ того, этому вырожденію помогаетъ и самое „оскверненіе“ государства. Спартокъ, сынъ Эвмена, зовется въ надписяхъ архонтомъ, архонтъ-

царемъ, и маконецъ, царемъ. Послѣднее наименование указываетъ на неизвѣстный ближайшимъ образомъ переворотъ, послѣ котораго и начинается монархическое правление на Босфорѣ. Съ этой поры династы Босфорскіе приобрѣтаютъ право бить монету, вслѣдствіе чего монеты, относимыя къ Левкону I, Перисаду I и II, Спартоку III и др., не могутъ принадлежать имъ въ дѣйствительности. Династіи Перисадовъ отводятъ референтъ промежутокъ времени между 250—95 гг. и первымъ царемъ Босфора, монеты котораго дошли до насъ, считаетъ Перисада III; сынъ его былъ Спартокъ, отецъ Перисада IV, вслѣдь за которымъ помѣщаются два Левкона и за тѣмъ Перисады V и VI. Этотъ послѣдній, можетъ быть, и призналъ власть Митридата Эвпатора и вноскѣствіи былъ убитъ Савмакомъ. Появленіе на Босфорѣ Митридата, его войны со скіоами, подчиненіе Босфора и Херсонеса относить референтъ къ 112—95 гг. Присвоивъ себѣ власть царя, Митридатъ въ теченіе сѣми лѣтъ чеканитъ специально для Босфора бронзовыя монеты и прекращаетъ это съ назначеніемъ сына своего Махареса архонтомъ-царемъ. Начало появленія золотыхъ и серебряныхъ монетъ Митридата Эвпатора съ его портретомъ и съ означеніемъ на нихъ года относится къ 95 г.; къ этому же времени относятся и монеты не датированные, но съ одинаковыми монограммами. Тѣ и другія биты были для всего Понта и были также въ обращеніи и на Босфорѣ. Другія же монеты, отличающіяся монограммами, имѣютъ отношеніе къ году событий на Босфорѣ и требуютъ особаго изслѣдованія. Весьма поучительно сопоставить изложенный вкратцѣ рефератъ г. Подшивалова съ вышеупомянутой брошюрою г. Орѣшникова, для того, чтобы видѣть, какъ два изслѣдователя, независимо одинъ отъ другаго, пришли къ результатамъ имѣющимъ между собою не мало общаго.

Вопросу о некоторыхъ монограммахъ, встрѣчающихся на босфорскихъ монетахъ, былъ посвященъ референтъ г. Гиля: „Ueber die Bosporanischen Münzen mit den Monogrammen ВАЕ, ВАМ und МІӨРА“ (передаемъ монограммы въ транскрипціи, по типографскимъ условіямъ) (St.-Ptrbg. 1884). Референтъ, обладающій прекрасною коллекціей древнихъ босфорскихъ монетъ, представилъ въ своемъ трудѣ (отпечатанномъ въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ) новую попытку—изъ числа многихъ—объяснить некоторые изъ загадочныхъ монограммъ, встрѣчающихся на босфорскихъ монетахъ; такъ, монограмму ВАЕ референтъ, вмѣстѣ съ г. Орѣшниковымъ и проф. Саллетомъ, относитъ ко времени Митридата Эвпатора и старается рѣ-

шить вопросъ о томъ, къ какимъ годамъ его царствованія слѣдуетъ отнести монеты, ее имѣющія. Полагая, что всѣ онѣ чеканены на Босфорѣ и для Босфора, г. Гиль, па основаніи различныхъ соображеній, думаетъ, что ихъ чеканилъ сынъ Митридата, Махаресъ, котораго отецъ въ 80 году поставилъ правителемъ надъ возмущившимися босфорскими городами; попадаясь въ промежутокъ времени отъ 79 до 72 г., монеты эти сразу прекращаются, чтоб референтъ ставить въ связь съ переходомъ Махареса на сторону римлянъ, случившимся какъ разъ въ это время. Къ нему относится г. Гиль монограмму ВАМ, которую разрѣшаетъ: ВАслѣвъ Махаресъ Гюбъ Мітхрадатъ. Наконецъ, третью монограмму: МІФРА референтъ относить къ Митридату, а сопровождающую ее МЕТ читаетъ: мета или метаѣ (gemeinschaftlich f爲r Mithradat или: gemeinschaftlich mit Mithradat oder zur Zeit des Mithradat), и отсутствіе царскаго титула объясняетъ тѣмъ, что босфорскіе города, чеканившіе эти монеты между 92—80 гг., когда они пользовались еще автономіей, остерегались засвидѣтельствовать на монетахъ зависимость свою отъ Митридата, какъ цари. Въ заключеніе, г. Гиль даетъ объясненіе монограммы ЦАР, встрѣчающейся на монетахъ Горгиппії. Къ своему реферату авторъ присоединилъ таблицу монетъ, изъ коихъ пять (своего собрания) не изданныхъ.

Христіанскимъ древностямъ Крыма посвященъ былъ рефератъ прот. Чепурина: „О пещерныхъ церквяхъ въ Крыму“. Указавъ въ началѣ своего чтенія на развитіе греческихъ колоній на берегахъ Крыма и на проникновеніе туда христіанства, референтъ остановился на пещерныхъ крымскихъ храмахъ, находящихся въ значительномъ количествѣ (до 30) въ Инкерманѣ, Черкасъ-Керменѣ, Эски-Керменѣ, Мангушѣ, близъ деревни Шула, Качи-Калень, Тене-Керменѣ и въ горѣ Баклы, на рѣчкѣ Альми. Хотя они и были обозрѣны и отчасти описаны другими путешественниками, тѣмъ не менѣе, ихъ ближайшее изученіе не лишило извѣстнаго интереса. Особенно любопытны тѣ церкви, въ которыхъ сохранились стѣнныя фрески, надписи надъ ликами святыхъ и даты, опредѣляющія, если не время сооруженія церкви, то, по крайней мѣрѣ, ея росписанія. Определенныхъ дать сохранилось лишь двѣ, относящіяся къ XIII в., большинство же церквей несомнѣнно принадлежать ко времени болѣе древнему. Стѣнная живопись лучше всего сохранилась въ Мангушской церкви, где жѣстами въ алтарной абсидѣ выступаетъ ликъ Спасителя, сидящаго на престолѣ славы и окруженаго херувимами; по сторонамъ находятся изображенія Богоматери и Предтечи; возлѣ нихъ есть изображеніе Нины, по всейѣ вѣроятности,

дочери мангушского князя. Въ нижнемъ алтарномъ поясѣ находятся изображенія св. Василія Великаго, Григорія Богослова, Иоанна Златоуста; въ центрѣ, на алтарной аркѣ, помѣщены нерукотворный образъ Спасителя на платѣ, а затѣмъ св. Герасимъ, Никита, Феодоръ, внизу Благовѣщеніе пресв. Дѣви, а на противоположной сторонѣ арх. Гавриилъ. Кроме того, на той же аркѣ, находится изображеніе Знаменія пресв. Богородицы съ предстоящими пророками. Общий типъ церквей, по наблюденіямъ референта, базиличный, одна церковь крестовидная и двѣ неправильной формы. Всѣ церкви имѣютъ престолы, примкнутые къ стѣнѣ, съ углубленіемъ для св. мощей, съ соприоставленіями и съ сѣдалищами вокругъ всій церкви; во всѣхъ имѣются невысокія алтарные преграды съ выемками для постановки иконъ, и всѣ обращены алтаремъ къ востоку. По мнѣнію референта, пещера могли существовать и до христіанства, по пещерная форма церквей,ѣвроятно, занесена была въ концѣ III вѣка каппадокійцами, попадавшими въ шѣнъ готеамъ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить и доказывшійся въ мѣстонахожденіяхъ пещерныхъ храмовъ особый типъ татаръ, и нѣкоторые ихъ обычай: такъ, въ годы общественныхъ бѣдствій, какъ-то: засухи, при появленіи саранчи, гусеницы и т. п., татары отправляютъ избранныхъ въ Каппадокію, въ монастырь св. Трифона, гдѣ православный священникъ святить имъ воду; ее посланные отвоевать на родину, гдѣ иль встрѣчаетъ съ особою торжественностью все общество; послѣ поста и общественной молитвы они ходятъ по полямъ и св. водою окроплюютъ хлѣбъ и сады, покрытые гусеницами. Чѣмъ инымъ—говорить референтъ—можетъ объяснить таотѣніе татаръ къ Каппадокіи, какъ не силой традицій, сохранившихся въ ихъ средѣ, и тѣмъ, что они были нѣкогда христіанами, вышли изъ Малой Азіи, и, не страшась мусульманскаго фанатизма, открыто нарушили его постановленія?

Къ топографіи средневѣковаго христіанскаго Крыма имѣеть отношеніе и сообщеніе г. Недѣльского о сдѣланномъ имъ открытии древнаго водопровода около Херсониса. Между Георгіевскимъ монастыремъ и Балаклавой находится обиліе прѣской воды, которая теперь стекается въ Камышинскую бухту. Въ этой мѣстности въ древности устроены были большие колодцы, отъ которыхъ вела труба, на половинахъ пути поворачивающая вѣво, причемъ на поворотѣ устроены былъ небольшой колодезь. Не доходи до Херсониса, труба прекращается и уходитъ подъ каменную террасу, въ которой проложенъ каналъ, ведущій въ купели въ выѣшнемъ Херсонисскомъ храмѣ.

Опредѣлилъ путь водопровода, г. Недѣльский упомянулъ о фактѣ отвода водъ отъ Херсониса св. Владиміромъ и пытался опредѣлить мѣсто его стоянки.

Не были упущеніи безъ вниманія и восточные древности Крыма: такъ В. Д. Смирновъ сообщилъ: а) „о крымско-татарскихъ древностяхъ и, въ частности, о гробницахъ Ненске-Джанъ-Ханыхъ”, б) „о русскихъ словахъ въ грамотахъ крымскихъ хановъ”; Н. В. Веселовскій—,объ этнографическомъ значеніи вѣкоторыхъ географическихъ имёнъ, каковы: печенѣги, кумане, маджары и проч.”; г. Логиновъ: „архивныи давныи о бейлыкахъ въ крымскомъ ханствѣ”; тому же ученому принадлежитъ рефератъ: „о землемѣдѣлѣніи въ Крыму до и послѣ присоединенія его къ Россіи”, интересный по множеству данныхъ, почерпнутыхъ преимущественно изъ архивныхъ документовъ.

Наконецъ, на съездѣ были затронуты и факты изъ новой мѣстной исторіи; такъ, г. Соснаковъ, въ рефератѣ: „о значеніи Новороссійскаго края” представилъ сводъ того, что сообщено въ различныхъ изслѣдованіяхъ относительно видовъ русского правительства на Новороссійскій край, пріобрѣтеніе и заселеніе его во второй половинѣ XVII и до конца XVIII вѣка.

Г. Эварницкому принадлежали два весьма интересные реферата: а) „поѣзда по Запорожью”, и б) „изслѣдованіе о Сѣчи”. Занимаясь специальной монографіей объ исторіи Запорожской Сѣчи, авторъ предпринялъ рядъ изслѣдований и поѣздокъ по мѣстности, занятой нѣкогда Сѣчью, и въ первомъ изъ своихъ чтеній представилъ вкратцѣ результаты ихъ: по собственному заявлению, г. Эварницкій въ теченіе трехъ лѣтъ изучалъ мѣстность бывшаго Запорожья, „три раза проплывалъ днѣпровскіе пороги, пѣшкомъ, въ рукахъ съ Бопланомъ, Лассотою и кл. Мышецкимъ, провѣрялъ притоки Днѣпра, его заборы и острова, спускался въ пещеры, находящіеся въ гранитныхъ днѣпровскихъ берегахъ, разыскивалъ столѣтнихъ стариковъ, спідѣтелей бывшаго Запорожья, бралъ на себя смѣлость вскрывать могилы, разбросанныя на казацкой землѣ, заходилъ въ монастыри и церкви, старался отыскать тамъ съяченныя книги, иконы и другіе вещественные памятники, оставшіеся отъ запорожскихъ казаковъ, знакомился съ слѣпцами-бандуристами, выслушивалъ ихъ гдѣ-нибудь подъ хатой, на завалинкѣ, то среди какой-нибудь площади, во время ярмарки”. Прежде всего референтъ остановился на обозрѣніи острововъ, образуемыхъ теченіемъ Днѣпра: оно безпрестанно мѣняется, вслѣдствіе чего мѣняется и топографія острововъ, о которыхъ, поэтому, въ предыду-

въихъ описанияхъ мы не находимъ вѣрныхъ сиѣдѣній. Референтъ насчиталъ въ предѣлахъ Запорожья до 218 острововъ (у Боплана ихъ приведено лишь 18), 9 пороговъ, занимающихъ пространство въ 65%; верстъ, до 25 заборъ и не малое количество пещеръ, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ. Съ особенностью же подробностью остановился референтъ на перечинѣ и описалъ различныхъ мѣстоположеній Сѣчи, такъ какъ Сѣчъ не была постояннымъ учрежденіемъ, а переносилась съ мѣста на мѣсто. Г. Эварницкій насчитываетъ семь Сѣчей въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Сѣчъ Хортицкая, основанная въ 1557 г. по мысли кн. Д. И. Вишневецкаго (казакъ Байда) и въ слѣдующемъ году, вслѣдствіе нападенія Девлетъ-Гирея, прекратившаго свое существование; въ началѣ XVII в. она была восстановлена гетманомъ Петромъ Сагайдачнымъ и находилась на островѣ Хортицѣ (24% версты въ окружности); и до сихъ поръ тутъ есть остатки земляныхъ укрѣплений, принадлежавшихъ запорожцамъ. 2) Сѣчъ Тумаковская (на островѣ Тумакѣ, 6 верстъ въ окружности), въ которой нѣкоторое время жилъ Богданъ Хмѣльницкій; здѣсь референтъ засталъ 114-лѣтняго старика, бывшаго казака, сохранившаго не мало воспоминаній о старинѣ. 3) Сѣчъ Никитская, близъ мѣстечка Никополя, Екатеринославскаго уѣзда; она помѣщалась на рогѣ (мысѣ), послѣ смитомъ водою; тутъ также жилъ Богданъ Хмѣльницкій, здѣсь онъ былъ выбранъ казацкимъ предводителемъ и отсюда началъ свой знаменитый походъ противъ поляковъ 1648 года; въ настоящее время отъ Сѣчи осталось лишь довольно значительное укрѣпленіе, расположеннное въ формѣ круга. Въ соборной церкви Никополя хранятся любопытные остатки запорожской старины: кружка атамана Сѣрко, плащаница, пожертвованная Гаркушой, тяжеловѣсное Евангелие и т. д. 4) Сѣчъ Чертомлыцкая или Старая, упоминаемая еще въ 1594 г. и возобновленная въ 1652 г. кошевымъ атаманомъ Лутасемъ; она существовала до 1709 г., когда была разрушена русскими войсками послѣ взмѣны запорожцевъ и ихъ атамана Гордіенко; здѣсь похороненъ Сѣрко и жилъ нѣкоторое время Сагайдачный; о первомъ и до сихъ поръ ходитъ много легендарныхъ разказовъ: такъ говоритьъ, что въ могилѣ Сѣрко находится только одна его рука, а самъ онъ до сихъ поръ бѣется съ лихами и татарапой; говорить также, что послѣ смерти Сѣрко (4-го мая 1680 г.) запорожцы, отрѣзавъ правую его руку, за-сушили ее и десать лѣтъ возили съ собою въ походы и, въ трудныхъ обстоятельствахъ, стояло кому либо изъ запорожцевъ закричать, что рука и духъ Сѣрко съ ними, какъ враги теряли мужество. 5) Сѣчъ

Каменская (теперь дер. Кошуловка или Раззоровка), существовавшая до 1734 г., когда, по указу Анны Иоанновны, перенесена въ село Алешки и образовала 6) Сѣчь Алешковскую; тутъ похороненъ атаманъ Гордіенко († 1733 г.). 7) Сѣчь Краснокутовская или Новая (на р. Подпильной, Екатеринославскаго уѣзда), основанная въ 1734 г., возвратившимися изъ Туречини казаками и распущенная въ 1755 г. Текелемъ; въ ней сохранилось не мало любопытныхъ памятниковъ старины. Въ заключеніе реферата г. Эварницкій сообщилъ о произведеніяхъ имъ раскопкахъ кургачовъ и могиль: особенно интересно оказалась находка въ деревнѣ Вороной, где былъ открытъ склепъ, въ которомъ оказался женскій трупъ съ ожерельемъ на шеѣ; на груди была брошка, на колѣнахъ зеркало, во взѣ правой руки два котелка, во взѣ лѣвой—кусокъ сюрымы; вся фигура обмотана въ парчу, и при ней найдено двѣ монеты съ арабскими надписями. Въ ближайшей связи съ только что изложеннымъ стоялъ и другой рефератъ г. Эварницкаго: „Изслѣдованіе о Сѣчи“, который представлялъ разясненія показанныхъ референтомъ рисунковъ съ памятниковъ запорожской природы и старины. Такъ, предъявляя виды днѣпровскихъ пороговъ, черезъ которые референтъ переправлялся трижды, онъ въ живыхъ краскахъ описалъ способъ переправы черезъ нихъ на плотахъ.

Г. Эварницкій предъявилъ собранію рисунки: Новомосковского монастыря на рекѣ Самарѣ, притокѣ Днѣпра (монастырь основанъ въ XVIII вѣкѣ и заключаетъ въ себѣ любопытные памятники запорожской старины), собора въ Новомосковскѣ, старо-казанской крѣпости и т. д.

Не менѣе любопытенъ былъ рефератъ г. Маркевича: „Одесса въ народной поэзіи“, въ которомъ авторъ, на основаніи изданий и неизданныхъ источниковъ, показалъ, какъ рисуется Одесса и Одесская жизнь въ народномъ представлѣніи. Интересно то обстоятельство, что Одесса, несмотря на свое недавнее возникновеніе, упоминается въ народныхъ пѣсняхъ на всмѣ протяженіи Малой Руси, не исключая даже Галиціи, хотя эта послѣдня политически была оторвана отъ Россіи ранѣе основанія Одессы.

Наконецъ, исторіи города Одессы былъ посвященъ рефератъ г. Орлова: „Исторический очеркъ Одессы съ 1794 по 1803 годъ“. Въ весьма обстоятельномъ обозрѣніи, составленномъ главнымъ образомъ на основаніи архивныхъ документовъ, референтъ представилъ исторію Одессы за названный періодъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ:

а) Постройка гавани и обращеніе бывшаго татарскаго поселенія Гаджібей въ городъ Одесу, б) заселеніе города и злоупотребленія греческаго попечителя подполковника Кесь-Оглу, с) ревизія 1794 г., д) межеваніе, е) городская администрація, ф) постройка церквей, молитvenный домъ и раскольники, г) торговля и цѣны на главные продукты. Мы не имѣемъ возможности передать, хотя бы и въ общихъ чертахъ, ближайшее содержаніе реферата г. Орлова, такъ какъ онъ касается отдельныхъ фактовъ, имѣющихъ интересъ по преимуществу мѣстный. Замѣтимъ только, что трудъ г. Орлова представляетъ важное дополненіе въ монографіи Смольянникова: „Исторія Одессы“, помѣщенной во 2-мъ томѣ Записокъ Императорскаго Одесского Общества Исторіи и Древностей (стр. 338—433).

III.

Мы сообщили краткое обзорніе тѣхъ читаныхъ на VI-мъ археологическомъ съездѣ рефератовъ, которые имѣли ближайшее отношеніе къ Новороссийскому краю. Исключение составляютъ только курганныя раскопки, которыхъ мы не коснулись выше, и которыхъ, по ихъ тѣсной взаимной связи мы разсмотримъ — въ общихъ чертахъ — въ нижеиздѣйствующемъ отдѣлѣ, присоединивъ къ немъ и тѣ рефераты, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ такъ называемому курганному періоду¹⁾). Начнемъ съ раскопокъ и изслѣдований, произведенныхъ проф. Автоновичемъ по порученію и отчасти па средства распорядительного комитета съезда, о чёмъ мы имѣли случай упомянуть выше. Изслѣдованія г. Автоновича касались прежде всего скальныхъ пещеръ въ бассейнѣ р. Днѣстра, о которыхъ онъ сообщилъ весьма обстоятельный и любопытный рефератъ въ одномъ изъ засѣданій съезда. Изъ 30 — 40 известныхъ ему пещеръ, референтъ изслѣдовалъ 12, и то не всѣ съ должною подробностью, такъ какъ, помѣщаясь въ почти отвесныхъ береговыхъ скалахъ, онъ едва доступны, и предметы, изъ нихъ извлеченные, пайдены референтомъ не въ самихъ пещерахъ, а по близости ихъ. Пещеры эти представляютъ два типа: естественные и искусственные. Первые служили жилищемъ первобытному человѣку. Съ особеною подробностью остановился референтъ на первыхъ, видя въ нихъ жилища человѣка палеолитической эпохи, выразившейся въ особенностяхъ костей,

¹⁾ Оправ. статью проф. Амуччина въ Вѣстнике Европы, декабрь 1884 г. стр. 819 създ.

найденныхъ около пещерь, и орудій. Изъ пещерь этихъ замѣчательна пещера около с. Залучья, на р. Смотричѣ: она представляетъ рядъ извилистыхъ коридоровъ, которые развѣтвляются и оканчиваются коридорами глухими; изрѣда попадаются и отдельныя камеры. Коридоры идутъ не на одномъ уровнѣ, но то возвышаются, то понижаются, есть коридоры высокіе, но встрѣчаются и до такой степени низкіе, что по нимъ приходится пробираться ползкомъ. Дно пещеры завалено человѣческими костями, иногда до полуаршина высоты. О пещерѣ этой преданіе говоритъ, что она служила убѣжищемъ для окрестныхъ жителей во время татарскихъ набѣговъ; преданіе это подтверждается въ актомъ разграбленія земли 1644 г., хранящимся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, актомъ, въ которомъ дѣлается условіе, чтобы пещера, во время набѣговъ, служила убѣжищемъ для жителей обояхъ договаривающихся селъ. Отсюда референтъ выводить возможность видѣть здесь кости мѣстныхъ жителей, перебитыхъ татарами или задушенныхъ дымомъ. Но рядомъ съ костями новѣйшаго времени попадаются и кости, принадлежащиа къ эпохѣ палеолитической; къ ней же относятся и два каменные топорика, найденные около этой пещеры. Иной видъ представляетъ пещера около мѣстности Студеницы, состоящая изъ ряда залъ, которыхъ соединены узкими коридорами; около нея найдена масса кремневыхъ отбивныхъ орудій, которыя, въ соединеніи съ костями мамонта, инкрустированными въ промонѣ одного изъ овраговъ, дали референту новое подтвержденіе относительно принадлежности пещеры эпохѣ палеолитической. — Иной характеръ имѣютъ пещеры искусственныя, обязанныя своимъ происхожденіемъ религіозному чувству жителей: такова пещера въ бывшемъ гор. Бакотѣ, принадлежавшая, вѣроятно, Бакотскому монастырю, о которомъ упоминается въ XIV вѣкѣ. Пещера эта, съ двумя наружными отверстіями въ скалѣ, выдолблена въ формѣ улитки, съ двумя поворотами, и представляетъ всѣ особенности скального монастыря, стѣны которого украшены рисунками; рисунки и рѣзы самой разнообразной формы встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Особенно любопытенъ одинъ горельефъ, вышиною отъ 3½ до 17 сантиметровъ, найденный г. Антоновичемъ на одной изъ стѣнъ грота въ Бушѣ: не смотри на сильно выѣтравшійся рисунокъ, въ горельефѣ можно различить изображеніе вѣтвистаго дерева, на которомъ сидѣтъ пѣтухъ, фигуру, напоминающую собою каменную бабу съ чашей, и оленя; сцена эта, быть можетъ, изображаетъ жертвоприношеніе. По работѣ, го-

рельефъ этотъ долженъ относиться къ эпохѣ до-христіанской. — Къ реферату г. Антоновича сдѣлалъ дополненія г. Оссовскій изъ Львова, указавшій на существованіе одной пещеры въ верховьяхъ Днѣстра, на дачѣ Дуйной, южнѣ Галича, въ которой, при тщательномъ ея изслѣдованіи г. Оссовскимъ, совмѣстно съ директоромъ кенигсбергскаго антропологическаго музея д-ромъ Тишлеромъ, найдены были многочисленныя предметы каменнаго вѣка: полированный орудія, шила, ожерелья, куски глиняныхъ сосудовъ, разно какъ и кухонные остатки домашнихъ животныхъ; все лежало на глубинѣ 1½ метра въ наслое-ніяхъ глинистаго чернозема. Хотя въ пещерахъ нижнаго Днѣстра и не найдено ничего подобнаго, однако находка г. Оссовскаго дозволяетъ предположить возможность аналогической находки и въ этой мѣстности. Каменные же предметы, найденные г. Антоновичемъ, г. Оссовскій относить къ эпохѣ неолитической. То же мнѣніе было высказано и другимъ представителемъ антропологии, проф. Ануничнымъ. Что же касается найденного г. Антоновичемъ горельефа, то проф. Кондаковъ обратилъ вниманіе на его стиль, не имѣющій никакого сходства ни съ античнымъ, ни съ древнекристіанскимъ искусствомъ и представляющій интересный образчикъ примитивнаго искусства варварскаго.

Сверхъ изслѣдованій скальныхъ пещеръ, г. Антоновичемъ произведены были раскопки кургановъ въ порѣчьяхъ Днѣстра, Буга и Ингула, давшія не безинтересные результаты. Такъ, въ 1½ верстахъ отъ Мигеи, внизъ по течению Буга, изслѣдovана была группа 40 небольшихъ насыпей, разбросанныхъ неправильно и расположенныхъ между двумя болѣе крупными курганами. Насыпи представляютъ собою два типа: плоскія и коническая. Первые оказались бѣднѣ и не съ неясно обозначенными признаками погребального обряда. Внутри каждого кургана находилась какъ бы пирамида, сложенная изъ нѣсколькоихъ десятковъ довольно крупныхъ камней, подъ которою лежали раздавленные таежью человѣческіе скелеты. Одна изъ этихъ могилъ, болѣе крупная, оказалась колективной для 8 или 9 лицъ, погребенныхъ, вѣроятно, разновременно, такъ какъ скелеты лежали на различномъ уровнѣ; при одномъ найти былъ сосудъ грубой работы, при другомъ—наконечникъ желѣзного копья; интересную особенность погребенія представляетъ то обстоятельство, что рядомъ съ покойникомъ положены лошадиная голова и четыре коницы, между тѣмъ какъ остальные кости лошадинаго скелета отсутствуютъ. Богаче по содержанію оказались курганы конического типа: гробницы были

высочены въ видѣ правильныхъ прямоугольниковъ, ниже плоскости горизонта, въ твердой глини, составляющей подиочву; гробницы были обложены по сторонамъ дубовыми досками, или же были прикрыты трупы и сверху. У одного женского скелета найдены двѣ низко-пробивныя серебряные серьги и большія желѣзныя ножницы для стрижения овецъ, другой — мужской — скелетъ былъ покрытъ остатками какой-то цвѣтной одежды, превратившейся въ фиолетовую пыль; съ одной стороны у скелета лежалъ книжалъ въ древнихъ ножнахъ, часть деревянного лука, кожаный круглый мѣшочекъ и большой колчанъ, сдѣланный изъ березовой коры, покрытый узорочнымъ краснымъ сафьяномъ и заключавший въ себѣ нѣсколько длинныхъ деревянныхъ стрѣлъ съ желѣзными наконечниками; послѣдніе всѣ формы ромбовидной, болѣе или менѣе видоизмѣненной, то-есть, типа восточнаго. Съ другой стороны скелета лежалъ желѣзный щитъ, огниво и кремень; сверхъ того, у головы и у щита найдены два одинаковыхъ украшенія, состоящія изъ весьма крупныхъ мѣдныхъ конусовъ (края не сплавы) съ такими же дужками внутри. На ногахъ покойника сохранились остатки длинныхъ, достигавшихъ выше колѣнъ, сапогъ¹⁾. Весьма интересными по конструкціи могилы и способу погребенія представляются изслѣдованные г. Антоновичемъ курганы на городскомъ выгонѣ у Елисаветграда. Во всѣхъ трехъ курганахъ, подлежащихъ изслѣдованію, обнаружено слѣдующее устройство могильной ямы или гробницы: выкопавъ колодезь шириной около двухъ аршинъ въ обѣ стороны и гораздо болѣе сажени глубиною, копавшіе въ его восточной или сѣверо-восточной стѣнѣ дѣлали подкопъ въ твердой глинистой землѣ, составляющей подиочву. Въ эту невысокую, но обширную камеру, похожую на нынѣшній такъ называемый походный погребъ, клади кости умершаго, которая въ настоящее время лежать въ глубинѣ около 4 метровъ въ крайнемъ безпорядкѣ, отдаленныхъ одна отъ другой часто на значительное разстояніе, что заставляетъ предполагать, что погребаемъ былъ не цѣлый трупъ умершаго, а его кости, лишенныя уже мяса; послѣ собранія отдѣльно лежащихъ костей получается полный скелетъ одного человѣка извѣстнаго возраста. Такой способъ погребенія и устройства могильной ямы былъ встрѣченъ до сихъ поръ въ курганахъ Моравіи и на Кавказѣ... Въ курганахъ около Елисаветграда, кроме костей, расположенныхъ по указанному способу, найдены также и нѣкоторыя вещицы, опредѣляющія

¹⁾ Изъ письма прое. Антоновича въ Новоросс. Телегр. № 2843.

эпохи насыпи этихъ кургановъ: какъ они ни древни по своему наружному (расплывшемуся) виду, но принадлежатъ къ жалѣзному пе-
риоду, смынвшему въ южной Россіи каменный періодъ безъ пере-
ходного чисто бронзоваго періода жизни человѣческой. Изъ болѣе
интересныхъ находокъ въ этихъ курганахъ можно упомянуть: трех-
гранный потиновый наконечникъ стрѣлы, дно и осколокъ большой
амфоры, каменные бусы, ручки—толщиною въ карандашъ—небольшаго
сосуда изъ терракотты, окрашенаго въ темный цвѣтъ, маленькую
свинцовую гирьку, по предположеніямъ употреблявшуюся въ арканахъ
и т. п. Одинъ изъ череповъ этой группы кургановъ отличается силь-
нымъ ортогнатизмомъ, то-есть, прямоугольностью лицеваго угла при
домихоцефалическомъ устройствѣ черепа, то-есть, большой продолгово-
ватости его по линіи отъ затылка ко лбу ¹⁾.

Наконецъ, г. Антоновичемъ произведены были раскопки въ уѣздѣ Александровскомъ, около с. Лозоватки гдѣ было раскопано 6 кургановъ изъ трехъ отдѣльныхъ группъ. Одинъ изъ кургановъ первой группы оказался кенотафомъ—фактъ, попадающійся при раскопкахъ. Во второй группѣ раскопано было три кургана: въ одномъ изъ нихъ найденъ въ верхней части ребенокъ, а въ нижней—скелетъ взрослого человѣка, вещей не найдено; въ другомъ курганѣ скелетъ находился между двумя рядами деревянныхъ и каменныхъ обкладокъ и тутъ же было найдено довольно много золы и углей; положенъ покойникъ былъ на спинѣ съ протянутыми вдоль тѣла руками. Въ третьемъ курганѣ положеніе было иное—на лѣвомъ боку, при чемъ лѣвая рука была положена подъ голову. Черепъ этого послѣднаго скелета обра-
щаетъ на себя особое вниманіе съ одной стороны тѣмъ, что лицевой уголъ его слишкомъ малъ, причемъ верхняя челюсть весьма выдается впередъ, а лобная кость поднимается выше глазныхъ впадинъ не вертикально, а почти наклонно, глазные дуги этого черепа представ-
ляютъ изъ себя двѣ большія выпуклости, что служить признакомъ его большой древности, но всего замѣчательнѣе въ этомъ черепѣ то,
что надъ лѣвымъ ухомъ его находится круглая дыра, дающая воз-
можность предположить трепанацию. Край этого отверстія въ назван-
номъ черепѣ имѣетъ бугорчатое утолщеніе, что бываетъ всегда послѣ подобной операциіи, а самое отверстіе на пространствѣ большей полу-
вины затянуто болѣе тонкою костью, чѣмъ кость самого черепа...
Въ послѣдней группѣ былъ раскопанъ только одинъ курганъ, давшій

¹⁾ Тамъ же, № 2846.

цѣлыми находки: въ насыпи кургана найденъ небольшой кремневый ножъ съ пилой на сторонѣ противоположной отъ лезвия. Въ самомъ курганѣ обнаружены сборные похороны, такъ какъ найдено около 5 скелетовъ, расположенныхъ въ различныхъ направленияхъ, причемъ два скелета лежали рядомъ — одинъ головою къ востоку, другой — къ западу. Тутъ же были найдены желѣзный наконечникъ стрѣлы, кусочекъ неопредѣленного предмета изъ отдѣленной кости, а около скелета, лежавшаго глубже всѣхъ, голова коня и два его копыта ^{1).}

Въ связи съ изслѣдованиемъ профессора Антоновича стоять весьма любопытный рефератъ г-жи Мельникъ, касающійся древностей тѣхъ же самыхъ мѣстностей — рефератъ носящий заглавіе: „Слѣды мегалитическихъ построекъ на сѣверѣ Херсонской губерніи“. Вопросъ, поднятый референткой, имѣть большую важность въ виду того, что до настоящаго времени на всемъ пространствѣ Россіи, отъ Чернаго и до Балтійскаго морей слѣдовъ мегалитическихъ построекъ не обнаружено, вслѣдствіе чего западные ученые отдѣляли Россію отъ обще-арійского движения, и ставили особнякомъ. Изслѣдуя сѣверъ Херсонской губерніи, часть губерніи Подольской, по системѣ р. Днѣстра, и именно на рѣкѣ Ингульцѣ и впадающихъ въ нее притокахъ, по р. Лядовѣ, впадающей въ Днѣстрь, г-жа Мельникъ встрѣтила нѣсколько группъ камней, которые по своему построению представляютъ полное сходство съ niektóryми типами мегалитическихъ построекъ: менгирами, дольменами, кромлехами; кроме того въ Царскосельской губерніи ею найдено нѣсколько чашечныхъ камней. Оговарившись относительно того, что ей неизвѣстны условия вывѣтыванія мѣстныхъ каменныхъ породъ, г-жа Мельникъ предоставила специалистамъ рѣшеніе вопроса о томъ, дѣйствительно ли найденные ею каменные кладки суть дѣло рукъ человѣческихъ, или же они возникли путемъ естественнымъ, тѣмъ болѣе, что всѣихъ не было обнаружено никакихъ слѣдовъ человѣка. Тѣмъ не менѣе, сама постановка вопроса въ высшей степени важна и обращеніе вниманія изслѣдователей на подобные памятники весьма желательно въ виду разыясненія пути, которымъ приходило въ Европу первобытное человѣчество. Профессоръ Анучинъ, оцѣнивъ важность реферата, настаивалъ на необходимости удостовѣриться, есть ли найденные кладки естественные или искусственные. Что и первыя могутъ принимать обманчивыя формы и представлять изъ себя фигуры дольменовъ и

¹⁾ Ibid. № 2846.

кромлеховъ, объясняется свойствами известника, распадающагося очень легко на отдельныя глыбы, и во Франціи мы имѣемъ не мало подобныхъ чисто естественныхъ кладокъ, отличить которыхъ отъ искусственныхъ можетъ лишь опытный глазъ специалиста. Не менѣе необходимо удостовѣриться, заключаютъ ли въ себѣ эти кладки слѣды погребеній—характерный признакъ мегалитовъ. При удовлетворительномъ отвѣтѣ на эти вопросы, былъ бы подвинутъ вопросъ о путяхъ распространенія по Европѣ первобытнаго человѣчества, пути, относительно котораго и теперь существуетъ разногласіе между учеными: большинство ведеть его съ востока на западъ—изъ Бактрии, черезъ Кавказъ, Донскую область, Нѣманъ, къ Балтийскому морю. Но содержаніе дольменовъ не вполнѣ оправливаетъ это предположеніе: въ сѣверозападной Европѣ они представляются болѣе древними, не зачленяя въ себѣ бронзовыя издѣлія и относятся такимъ образомъ къ концу каменнаго вѣка, тогда какъ въ дольmenахъ крымскихъ и кавказскихъ встречается уже бронза и даже желѣзо, что указываетъ на болѣе позднее происхожденіе. Такимъ образомъ, приходится отказаться отъ предположенія относительно движенія съ востока на западъ и принять или движеніе обратное — что весьма трудно допустимо—или предположить совмѣстное возникновеніе обычая у разныхъ племенъ. Если бы осуществилась находка мегалитовъ въ средней Россіи, то она безъ сомнѣнія способствовала бы решенію этого вопроса. Но поводу замѣчаній профессора Анучина, графъ А. С. Уваровъ высказалъ, что присутствіе бронзы и желѣза въ юго-восточныхъ дольменахъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что народъ, строившій ихъ, принесъ съ собою металлическія издѣлія, которыхъ хоронилъ вмѣстѣ съ своими покойниками въ дольменахъ; подвигнувшись же дальше, къ сѣверо-западу, гдѣ была еще культура каменнаго вѣка и гдѣ, следовательно, трудно было отыскать металлическія мѣстонахожденія, народъ этотъ, не будучи въ состояніи дополнить своего запаса металлическихъ предметовъ, долженъ былъ по необходимости ихъ беречь и въ могилы кладть предметы каменные. Этимъ, такъ-сказать, регрессомъ цивилизациіи объясняется, по мнѣнію графа Уварова, то обстоятельство, что въ Бретаніи, дольмены которой обнаруживаются отсутствіе металловъ, наблюдается впослѣдствіи культура металлическихъ издѣлій въ такой изящной формѣ, которая показываетъ, что это не первые грубые опыты, а результаты продолжавшейся и развивавшейся практики.

Не меньшій интересъ представляетъ сообщеніе профессора Д. Я. Са-

моквасова о произведенныхъ имъ, по порученію Императорской археологической комиссіи, раскопкахъ въ Екатеринославскомъ уѣзѣ, между лѣвымъ берегомъ Днѣпра и правымъ рѣки Конки. Мѣстность эта, лежащая на древнемъ торговомъ пути, обращаеть на себя вниманіе необычайнымъ скопленіемъ курганныхъ насыпей, разбросанныхъ группами, начиная отъ большихъ, до 350 аршинъ въ окружности, до незначительныхъ. Ихъ референтъ раздѣлилъ на слѣдующіе четыре вида: къ первому принадлежать три большихъ кургана въ имѣніи графа Канкрина и до 80 испытавшихъ. Самая значительная изъ этихъ могиль, Безчастная, представила помѣщеніе для 14 погребальныхъ камеръ, къ которымъ вели особенные ходы, съ заваленными каменными устьями. Положеніе костака было утробное, то-есть, съ ногами, подогнутыми къ животу. Хотя могила и оказалась разграбленной раньше, тѣмъ не менѣе изъ найденныхъ въ ней вещей видно, что это могила не скіескаго характера и по времени предшествуетъ Геродотовой Скиенѣ, не включая въ себѣ предметовъ изъ желѣза. Распространеніе могиль съ утробнымъ положеніемъ костака довольно обширно: они встрѣчаются на Кавказѣ (близъ Пятигорска), въ Крыму (близъ Феодосіи) и въ южной Россіи; находятся ли они и на сѣверѣ, референту не известно. Къ другому типу принадлежать могилы „скіескія“ съ бронзовыми предметами, относящіяся ко времени обитанія скіескихъ народовъ въ странахъ при Черномъ морѣ, то-есть, къ первымъ двумъ-тримъ вѣкамъ до Рождества Христова. Третій типъ могиль представляютъ курганы съ трупосожженіемъ, при чёмъ покойникъ хоронился при богатой обстановкѣ, въ которой встрѣчаются многообразные предметы, между прочими, позолоченные, папоминающіе собою вещи скіеской отдѣлки, но и отличающіеся отъ нихъ; находимы въ могилахъ бляхи, иногда, съ сердоликами, служившія украшеніемъ одежды, ножецъ, конской сбруи и т. под., похожіе на бляхи VIII—XI вѣковъ, находимы въ славянскихъ могилахъ. Интересна въ нихъ форма большихъ желѣзныхъ стрѣлъ. Доселѣ въ южной Россіи были находимы стрѣлы каменины, бронзовые и маленькие желѣзныя позднѣйшаго времени. Большия же желѣзныя стрѣлы Екатеринославскихъ кургановъ представляютъ посредствующее звено между бронзовыми и маленькими желѣзными и склонны съ кавказскими стрѣлами V—VII вѣковъ, но крупнѣе этихъ послѣднихъ и могутъ быть отнесены къ первымъ столѣтіямъ нашей эры. Наконецъ, къ четвертому типу относятся могилы съ погребеніемъ въ выемкѣ могильныхъ стѣнокъ (ниппахъ), сравнительно позднѣйшаго происхожденія. Особен-

ный интересъ представляютъ, по мнѣнію проф. Самоквасова, монеты третьаго типа, оказывающіяся чѣмъ-то совершенно своеобразнымъ, выйющіемъ, съ одной стороны, связь съ фактами斯基ескаго періода, съ другой — съ фактами періода славянскаго и образующія, такимъ образомъ, какъ бы связь, соединяющую эти двѣ эпохи, между которыми существуетъ проблѣ въ нѣсколько столѣтій. По поводу найденныхъ г. Самоквасовымъ бляхъ съ изображеніемъ человѣческаго лица весьма важное замѣченіе сдѣлалъ проф. Н. П. Кондаковъ, указавшій на значительное сходство этихъ изображеній съ такъ-называемыми Микенскими древностями, которая служатъ характерными выразительницами варварскаго стиля, который трудно пріурочить къ какому-нибудь определенному времени, такъ какъ онъ могъ продолжаться въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Любопытно и то обстоятельство, что на бляхахъ имются и физиогномическія указанія въ свидѣніяхъ, сросшихся бровяхъ.

В. И. Сизовъ сообщилъ о произведенныхъ имъ изслѣдованіяхъ на Дону, предпринятыхъ по инициативѣ Императорскаго Московскаго археологическаго общества, которое пришло къ мысли попытаться отыскать мѣстность древней столицы Хазарскаго царства — Саркела, которая, по свидѣтельству Константина Багранороднаго, выстроена была изъ кирпича, за неимѣніемъ въ тѣхъ мѣстахъ камня. Руководствуюсь указаніями средневѣковыхъ путешественниковъ, г. Сизовъ осмотрѣлъ среднее теченіе Дона и остановилъ свое вниманіе на одномъ городищѣ близъ станицы Цимлянской. На луговой, лѣвой, сторонѣ рѣки оказалось лежавшее на возвышенной площади, не затопленной разливомъ, городище, занимающее пространство около трехъ десатинъ. На незначительной глубинѣ 1—2 аршинъ, въ юго-восточномъ углу городища, на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ сажень, были старыя постройки, сложенія изъ битаго кирпича; они же встрѣтились и въ сѣверо-западной части. По удаленіи ихъ, на глубинѣ болѣе сажени открыта была стѣна, правильной, превосходной кладки изъ цѣльныхъ большихъ кирпичей, положенныхъ на густомъ слой крѣпкой извести. Сравнивая эти обѣ постройки, не трудно прийти къ заключенію о томъ, что нижняя должна быть болѣе древнею, и тогда какъ верхняя представляется сооруженною изъ материала древнихъ построекъ и относящеюся къ періоду кочеванія здѣсь полуздѣнійскихъ ордъ, эти послѣднія принадлежатъ несомнѣнно эпохѣ византійской, что подтверждается и найденными въ нихъ предметами: византійскими монетами херсонескаго чекана, относящимися къ IX и X вв.,

бронзовыми крестами византійской работы, черепками отъ сосудовъ съ рельефнымъ изображеніемъ креста и т. д. Вторымъ доказательствомъ связи этой мѣстности съ Византіей служить памятникъ, находящійся на холмѣ, возлѣ самой Цимлянской станицы; памятникъ этотъ состоять изъ известковаго монолита чрезвычайной плотности, съ рельефнымъ изображеніемъ на немъ византійскаго креста и обычныхъ на немъ греческихъ монограммъ. Не решалось пока отожествить изслѣдованную мѣстность съ хазарскимъ „бѣлымъ городомъ“, г. Сизовъ считаетъ возможнымъ вывести изъ своихъ раскопокъ слѣдующіе два результата: а) что найденный имъ городъ въ IX и X вв. служилъ единственнымъ мѣстомъ кирпичнаго дѣла во всей Придонской области, и б) что городъ этотъ въ тотъ же періодъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Византіей.

Графъ Бобрицкій производилъ раскопки близъ мѣстечка Сыѣла въ Черкасскомъ уѣздѣ Киевской губерніи, гдѣ находится довольно значительное число кургановъ, расположенныхъ на возвышенныхъ мѣстностяхъ и группирующихся по вѣскольку. Вскрыто было 16 кургановъ, давшихъ предметы, относящіеся къ различнымъ эпохамъ, и въ частности: а) къ каменному вѣку; могила представляетъ видъ продолговатой прямоугольной ямы, въ которой находится склепъ, выстроенный изъ чрезвычайно толстыхъ деревьевъ; крыша кургана приближается къ формѣ купола; найденные въ этихъ могилахъ предметы представляютъ преимущественно изделия изъ кремня, слѣды деревянныхъ издѣлій, камни разныхъ красокъ, глиняную посуду и т. д.; трупы клались обыкновенно на подстилку, кости носать на себѣ слѣды окраски, въ нѣкоторыхъ черепахъ есть отверстія; б) къ бронзовому вѣку, или, правильнѣе, къ переходному времени между каменной и бронзовой эпохами; въ одномъ курганѣ, въ верхнемъ слоѣ, найдены были бронзовая удила, и с) къ вѣку желѣзному; за незначительнымъ количествомъ найденныхъ въ этихъ курганахъ предметовъ, указать время ихъ затруднительно: находимы были горшки—и притомъ различной степени техники, иногда одинъ возлѣ другого, мечъ, кости животныхъ и т. д.; обращаетъ на себя вниманіе къ курганахъ этой группы положеніе труповъ, изъ коихъ нѣкоторые были положены навзничь; въ одной могилѣ, въ которой были погребены мужчина и женщина, оба въ лежачемъ положеніи, лицо первого склонено внизъ къ лицу женщины, правая рука согнута и сходилась съ лѣвой ея рукою.

Г. Браунеръ сообщилъ свои наблюденія надъ городищами Ели-

косыми зубами и широкимъ переносцемъ; д) кургани значительныхъ размѣровъ (отъ 3 до 4 саж. вышины и отъ 160 до 200 саж. въ окружности), бывшіе также обшитыми камнемъ, и е) могилы горцевъ, представляющія небольшія, въ ¼ аршина вышины, плоскія насыпи земли; подъ ними находятся или деревянные бруски, или каменные плитки, сложенные конусообразно; трупъ хоронился въ сидачемъ положеніи.

Изъ курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ въ предѣловъ Россіи, и свѣдѣнія о которыхъ были сообщены на съездѣ, особеннымъ интересомъ отличались раскопки директора славянскаго музея въ Оломоуцѣ, д-ра Банкеля. Произведены они были въ Моравіи, близъ Прeraу, подъ села Пшедмоста, гдѣ въ одномъ изъ холмовъ, на поверхности двухъ метровъ, найденъ былъ слой толщиною въ ¼ м., состоявшій изъ обгорѣвшихъ костей и остатковъ мамонта. На раскопанномъ пространствѣ, приблизительно въ 400 квадратныхъ метровъ, найдены, въ числѣ другихъ предметовъ, издѣлія изъ кости и камня, свидѣтельствующія о долговременномъ пребываніи здѣсь первобытнаго человѣка. Изъ клыка мамонта найдено издѣліе съ просверленнымъ на концѣ отверстіемъ, служившее, по предположенію референта, при употребленіи лассо; были найдены также выдѣланные ребра съ различной орнаментацией, топоръ, сдѣланный изъ бедра мамонта, рукоятка ножа изъ оленѣаго рога, книжалъ изъ кости лоси и т. д. Изъ каменныхъ издѣлій были найдены ножи, скребницы, пилы, наконечники стрѣль и кошѣй, топоры и т. д.; большинство каменныхъ издѣлій сдѣлано изъ кремня, покрытаго блѣдой патиной и изъ краснаго желѣзнага, добывавшагося, вѣроятно, изъ восточныхъ Карпатовъ; сверхъ того, было найдено много красильныхъ веществъ и масса раковинъ. Замѣчательно распределеніе мамонтовыхъ костей: отдельно сложены груды коренныхъ зубовъ, груды клыковъ, кучи лопатокъ, группы тщательно отдѣланныхъ оконечностей, бедренныхъ костей, голеней и т. д.; всѣ кости носятъ на себѣ слѣды расколовъ каменными топорами. Отъ мамонта найдены почти всѣ кости, начиная отъ эмбриональной нижней челюсти до костей гигантскихъ взрослыхъ индивидовъ. Между прочимъ, найдены зубы, принадлежащіе рѣдкой породѣ *Elephas primigenius rugosus*. Кроме мамонта, обнаружены кости пещернаго медведя, льва, волка, лисы, оленя, лошади, ятца и—правая половина нижней челюсти человѣка, не отличающаяся ничѣмъ особымъ отъ челюсти современнаго.

Не мало поднято было на съездѣ вопросъ и характера теоретического, касавшагося различныхъ пунктовъ доисторической древ-

ности, начиная съ капитального вопроса о хронологической классификациі каменного вѣка и кончая разъясненіями отдѣльныхъ фактovъ, встрѣчающихся при курганныхъ раскопкахъ. Такъ г. Оссовскій, исходя изъ того положенія, что хронологическая классификація находокъ предметовъ доисторической древности, выработанная учеными западной Европы, не приложима къ находкамъ въ сѣверо-восточной ея части, на основаніи личныхъ наблюдений надъ пещерами въ окрестностяхъ Кракова и близъ селенія Ойцова (въ Кѣлецкой губерніи), предложилъ вниманію стѣзда первую попытку классификаціи находокъ каменного вѣка въ центрально-восточной части европейскаго материка. Изъ многочисленныхъ пещеръ пазванныхъ мѣстностей особенно важные материалы для рѣшенія этого вопроса представили двѣ: пещера Машицкая (близъ Ойцова) и на Лопинкахъ (близъ Кракова). Въ первой референтъ нашелъ три лежащіе одинъ на другомъ ряда земляныхъ напластований. Наиболѣ спизу, непосредственно па материикѣ пещеры лежалъ пластъ синѣло-желтой глины, толщиною въ $1\frac{1}{2}$ метра, съ примѣсь растительныхъ элементовъ, наполненный натуральнымъ щебнемъ скального известняка; въ пластѣ этомъ находились искусственно пазыры кости дилювіальной фауны; находки изъ южнѣй человѣческихъ этого пласта состояли изъ костяныхъ изъ южнѣй (кости носорога, ма-мента и другихъ крупныхъ организмовъ), украшенныхъ орнаментами архаического стиля, изъ кремневыхъ орудій большаго размѣра, толстой отколки и подлежащихъ вторичной обдѣлкѣ, изъ каменныхъ пестиковъ и слѣдовъ натуральной краски; наконецъ, найдено было и нѣсколько орудій, имѣвшихъ боевое значеніе. Второй, лежавшій выше пластъ, состоялъ изъ чернозема, съ такимъ же натуральнымъ щебнемъ скального известняка. Находимыя въ немъ изъ южнѣй рѣзко отличаются отъ состава находокъ предшествующаго пласта: въ составъ этихъ изъ южнѣй входить обухи и черенки кремневыхъ ножей, выдѣланные изъ оленынго рога, изъ южнѣй изъ кости домашнихъ животныхъ, кремневыя орудія гораздо меньшихъ размѣровъ, чѣмъ орудія нижнаго пласта и безъ слѣдовъ вторичной обдѣлки,шлифованные каменные орудія прекрасныхъ формъ и масса керамическихъ предметовъ, сдѣланныхъ руками. Наконецъ, въ пещерѣ на Лопинкахъ, г. Оссовскій нашелъ третій пластъ, состоящій изъ щебня, который произошелъ отъ вывѣтривания свода пещеры; найденные въ немъ предметы—громадное количество изъ южнѣй изъ кости домашнихъ животныхъ, весьма разнообразныхъ формъ и часто совершенно зага-

саветградского уѣзда. Изъ наблюдений этихъ оказывается, что они принадлежать къ разряду сторожевыхъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ состоять изъ болѣе или менѣе круглой ямы, окруженной валомъ, который не представляетъ собою сплошной насыпи, но прерывается въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ, образуя такъ-называемые входы; эти послѣдніе защищаются по бокамъ, а иногда и спереди, валами прямymi или сегментными. Окружность главнаго вала или протяженіе его по вѣнцу колеблется между 40 и 200 аршинами, чаще же всего между 75 и 120, длина же боковыхъ валовъ чаще около 59 аршинъ. Если городище не попорчено, то всегда на гланіономъ валу его находится небольшая площадка, представляющая самое высокое мѣсто во всемъ городищѣ и лежащая почти всегда на сторонѣ, противоположной входамъ. Число входовъ бываетъ отъ одного до трехъ и соотвѣтствуетъ величинѣ главнаго вала: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ многочисленнѣе и входы; это же соотношеніе можетъ быть примѣнено и къ боковымъ валамъ, которыхъ, впрочемъ, болѣе чѣмъ по 5 съ каждой стороны не бываетъ. Изрѣдка около городища можно замѣтить искусственное углубленіе — такъ-называемое топыло — изъ котораго, вѣроятно, бралась земля для насыпи валовъ; что эти углубленія искусственны, видно по флорѣ, ихъ покрывающей. Ровъ, которые окружали бы валы, референтъ не наблюдалъ нигдѣ, за исключеніемъ одного случая; иногда, шагахъ въ сотни отъ входа, видныются большия камни. Матеріаломъ для насыпи валовъ служилъ, по всей вѣроятности, черноземъ, чтѣ видно по обнаруженіямъ насыпей, которыхъ приходилось наблюдать референту. Произвестіи раскопки въ городищахъ г. Браунера, за недостаткомъ времени, не удалось, и свѣдѣнія о находимыхъ тамъ предметахъ онъ получилъ отъ одного мѣстного собирателя древностей, который приобрѣлъ, лѣтъ 15 тому назадъ, часть вещей, найденныхъ крестьянами-кладоискателями въ одномъ изъ городищъ: по словамъ этого любителя, при копаніи ямы городища обнаружено было три слоя глины (первые два толщиною въ сажень); въ первомъ найдено только оружіе: мѣдные наконечники стрѣлъ, величиною съ дюймъ, совершенно перержавѣвшія желѣзныя подковы, желѣзные наконечники пистъ, трехгранные, плоскіе съ завернутыми концами; во второмъ слоѣ—полустѣльвшія, беспорядочно сложенные кости людей и лошадей, желѣзный кинжалъ, длиною въ 1 аршинъ, два казана—одинъ изъ желтой мѣди, вѣсомъ до трехъ пудовъ, другой — изъ красной, очень тонкій и съ какими-то украшеніями сваружи въ видѣ человѣческихъ фигуръ; въ третьемъ слоѣ

быть, вѣроятно, погребъ, который обвалился подъ тажестю двухъ первыхъ слоевъ; на самомъ днѣ погреба стояло 7 урнъ, изъ коихъ сохранились только двѣ. Валы городища были изъ глины и снаружи облицованы черновесомъ. Воалы городища тѣми же крестьянами были раскопаны три могилы, при чёмъ въ одной найденъ былъ дубовый гробъ со скелетомъ человѣка, у ногъ которого лежалъ точильный камень. Всѣ городища, по наблюденіямъ г. Браунера, расположены на самыхъ господствующихъ пунктахъ мѣстности; даже прирѣчныя стоять скорѣе на хребтѣ, чѣмъ при водѣ; это послѣднее обстоятельство, то-есть, удаленіе городищъ отъ воды, а также малая помѣстительность самой ямы городища, привели референта къ заключенію, что это—городища не колонизаціонныя, но сторожевые, которыя, хотя и могли служить пунктами для колонизаціи, однако—вѣрѣ—играла роль военно-сторожевыхъ постовъ, а иногда и фортоў для прикрытия бродовъ. Наибольшая часть городищъ сосредоточена на сѣверѣ Елизаветградскаго уѣзда; на югѣ г. Браунеръ видѣлъ только два. Расположены они линіями, которые тянутся въ двоякомъ направленіи: то съ сѣвера на югъ, то съ востока на западъ.

Г. Гейдуку сообщали на сѣздѣ реферать о могильныхъ памятникахъ въ окрестностяхъ гор. Новороссійска за Кавказъ. Описываемые имъ памятники референтъ дѣлить на 5 группъ: а) каменные хоты или дольmens, сооруженные изъ трехъ плитообразныхъ камней большіхъ размѣровъ: два поставлены на ребро, параллельно одинъ другому, а третій возваленъ сверху; б) камни: передъ Новороссійскомъ есть цѣлый рядъ небольшихъ возвышений, обложенныхъ по бокамъ плотными плитами, какъ бы обшивкой; на многихъ изъ этихъ возвышений лежать въ беспорядкѣ глыбы камней неравной толщины, и затѣмъ на вершинахъ устраивался изъ большихъ камней жертвеникъ. Эти возвышенія г. Гейдуку считаются также могилами; с) курганчики, находящіеся въ значительномъ количествѣ и представляющіе полидандрии, въ которыхъ гробы расположены въ 3—4 этажа, безъ всякаго порядка. Въ одномъ раскопанномъ референтомъ курганчикѣ онъ нашелъ 7 скелетовъ, склоновый бивень, кабаний кликъ, серебряное орудіе, двѣ kostанныя бусы, желѣзная пряжка, kostannу рукоятку съ обломкомъ небольшаго ножа и обломокъ стального щитка—по предположенію изъкоторыхъ—зеркала. Во второмъ раскопанномъ курганѣ найдено было нѣсколько череповъ, нѣсколько ножей, сердце и конусообразныхъ стрѣль, кожаная застежка и т. д. Черепа, найденные въ этихъ курганчикахъ, отличаются острымъ угломъ лица,

доичного назначениі, кремневыи издѣлія и промыседенія ручной керамики—существенно отличались отъ предметовъ втораго пласта своею болѣе новою отдѣлкою и несомнѣнно должны быть признаны принадлежащими ко времени болѣе позднему, къ эпохѣ неолитической. Условія описанного референтомъ залеганія находокъ указываютъ на три яруса, изъ которыхъ самый нижній будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ древнімъ; ирусы эти г. Оссовскій называетъ: древнійшиі машицкимъ, средній—сѣверно-краковскимъ и верхній—минковскимъ. Залеганія эти могутъ, по его мнѣнію, считаться нормальными для сѣверо-востока Европы, вслѣдствіе чего къ нимъ могутъ быть относимы и съ ними сопоставляемы тѣ изолированные находки, которыя дѣлаются и будуть дѣлаться въ названной мѣстности. Хотя референтъ г. Оссовскаго и вызвалъ существенныи возраженія со стороны специалистовъ, касавшіяся главнымъ образомъ отнесенія того или другаго пласта къ определеннымъ эпохамъ — что въ данномъ случаѣ имѣть огромную важность,—тѣмъ не менѣе заnimъ остается безспорная заслуга постановки вопроса и указанія пути къ его решенію.

Князь П. А. Путатинъ въ обширномъ рефератѣ высказалъ свои соображенія „объ орнаментаціи первобытнаго гончарства“. Вопросъ этотъ, имѣющій обширную литературу на западѣ, изученъ референтомъ съ должною обстоятельностью: основывалось какъ на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ, такъ и на показавшихъ авторитетныйшихъ изъ западныхъ ученыхъ (въ Россіи этимъ вопросомъ почти не занимались), референтъ поставилъ свою задачу представить основныи формы орнаментовъ на глиняныхъ издѣліяхъ первобытнаго человѣка и указать на то вмініе, которое имѣли они на дальнѣйшіе пиктографическіе успѣхи человѣчества въ украшении предметовъ и изъ другихъ матеріаловъ; въ частности, референтъ остановился на указаніи вмінія этой орнаментаціи на возникновеніе графики, первую форму которой были, по его мнѣнію „чорты и рѣзы“. Существование ихъ и въ настоящее время у безграмотныхъ и полуграмотныхъ крестьянъ дало референту поводъ высказать иѣсколько личныхъ любопытныхъ въ этой области наблюдений; особенно интересно было указаніе на особенности, которыя замѣчаются на „биркахъ“ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Изъ подобныхъ рѣзовъ референтъ пытался объяснить и цифровые знаки письменности, встрѣчающиеся почти у всѣхъ народовъ, отступая въ этомъ отъ общераспространеннаго взгляда на то, что знаки эти образовались вслѣдствіе

вліялії счета по пальцамъ. Что касается самой орнаментациі гончарного производства, то на нее имѣло значительное вліяніе свицованіе мягкой глины веревками, оставлявшими на ней свои слѣды, которые послужили импульсомъ къ подражанію подобнымъ фигурамъ путемъ искусственнымъ. Основнымъ типомъ керамики неолитической эпохи референтъ призналъ орнаментъ ямочный, предшествовавший орнаменту ногтевому. Въ заключеніе своего чтенія князь Чутатинъ представилъ собранію найденный имъ лѣтомъ 1883 года каменный брускъ или точило съ выбивными на немъ ямками, расположение которыхъ имѣть замѣчательное сходство съ расположениемъ звѣздъ въ созвѣздіи Большой Медведицы. Сопоставивъ эту попытку перво-бытной астрографіи съ другими находками въ томъ же родѣ, сдѣланными въ Тюрингіи, Швейцаріи и Гроадѣ, референтъ указалъ, что у славянъ представление названаго созвѣздія въ видѣ Медведицы относится къ глубокой древности.

Графу А. С. Уварову принадлежитъ рефератъ подъ заглавіемъ: „существуетъ ли сходство между италіанскими теггемаге и русскими городищами?“. Подъ теггемаге извѣсты многочисленные остатки жилья доисторического человѣка въ сѣверной (по преимуществу) Италии, которые представляютъ овальную форму, обнесенную рвомъ и земляною насыпью, мѣстами сохранившую слѣды деревянныхъ укрѣплений. Внутри ограды включены ряды свай, длиною отъ 2 — 3 метровъ, на которые положены брусья, покрытые досчаною настилкой. На этой послѣдней строились жилища, нерѣдко въ 2—3 наслоенія, при чёмъ новые воздвигались на мѣстѣ старыхъ, истребленныхъ пожаромъ. Графъ Уваровъ, исходя изъ того наблюденія, что большинство этихъ теггемаге находится на сушѣ, и иногда даже на возвышеностяхъ, затрудняется видѣть въ нихъ свайныя постройки, и высказалъ предположеніе, не суть ли эти сооруженія однородны съ нашими городищами. Для большей аналогіи было бы весьма желательно изслѣдовывать почву этихъ городищъ въ надеждѣ вайдти и въ нихъ бытовые остатки и кухонные отброски. Такая постановка вопроса о теггемаге, которая всѣ италіанскіе (Chierici, Pigorini, Crespallani, Bonizzi, Coppri и др.) и нѣмецкіе (Helbig) учёные признаютъ за свайныя постройки (по ихъ показаніямъ, всѣ онѣ, безъ исключенія, расположены по близости рѣкъ и ручьевъ), въ высшей степени любопытна, и нельзя не пожелать, чтобы или самъ референтъ, или кто нибудь изъ свѣдущихъ археологовъ изслѣдованиемъ нашихъ городищъ подтвердилъ или опровергъ предполо-

женіе, высказанное такимъ авторитетомъ, какъ графъ Уваровъ, и потому заслуживающее полнаго вниманія¹).

Профессоръ Д. И. Апучинъ сдѣлалъ нѣсколько въ высшей степени любопытныхъ сообщеній относительно различныхъ вопросовъ первобытной древности. Такъ, въ рефератѣ: „о древней исторіи домашнихъ животныхъ въ Россії“ почтенный профессоръ сообщилъ интересныя подробности относительно прирученія животныхъ; решеніе этого вопроса можетъ, между прочимъ, дать указанія и на то, откуда двигалось первобытное населеніе извѣстной мѣстности. На западѣ вопросъ этотъ былъ поставленъ извѣстными Ютимейеромъ; изслѣдованія, какъ его, такъ и другихъ ученыхъ, привели къ тому выводу, что въ палеолитическую эпоху въ Европѣ первобытный человѣкъ не зналъ еще домашнихъ животныхъ, которыхъ являются лишь въ эпоху неолитическую, при чёмъ первые опыты прирученія были сдѣланы, по всей вѣroятности, въ Азіи. Объ этомъ можно судить по тому, что домашняя свинья и крупный рогатый скотъ каменного века въ западной Европѣ представлены породами, происшедшими не отъ европейскихъ кабана и тура, но отъ разновидностей азиатскихъ и, въ частности, южной Азіи. Подобнымъ же образомъ и лошадь появилась въ одомашненномъ состояніи только въ металлическую эпоху, и притомъ въ породахъ, произшедшей не отъ дикой европейской лошади, а отъ какого-то другаго, вѣроятно, азиатского вида, судя, потому что она сходна съ современными азиатскими породами. Что касается Россіи, то здѣсь изслѣдованія давнаго вопроса только еще начинаются, и первыя ихъ попытки сдѣланы профессоромъ Апучинымъ, который описалъ остатки собаки, найденные профессоромъ Иностранцевымъ, вмѣстѣ съ остатками разныхъ дикихъ животныхъ и многими каменными и костяными издѣліями, на южномъ берегу Ладожского озера, при прорытіи нового Сисьского канала. Остатки эти принадлежатъ двумъ породамъ собаки: а) породѣ весьма сходной и, по всей вѣроятности, близко родственной съ породою неолитического периода въ западной Европѣ, породы, отличавшейся главнымъ образомъ нѣсколько большими ростомъ и болѣе сильнымъ сложеніемъ. Нѣкоторые признаки говорятъ въ пользу большей первобытности ладожской со-

¹) Эти строки написаны были еще при жизни гр. А. С. Уварова, преждевременная кончина которого нанесла тяжій ударъ русской археологической науки.

И. П.

баки и въ пользу большей близости къ дикимъ формамъ, сравнительно съ типической „торфяной“ собакой Рютимейера; послѣдняя является какъ бы нѣсколько болѣе одомашненною, утратившою уже нѣкоторую долю своей первоначальной силы¹⁾). Но рядомъ съ „торфяной“ собакою на ладожскомъ побережье встрѣчены остатки другой, болѣе крупной и, очевидно, болѣе приспособленной къ охотѣ за дикими звѣрями; порода эта, судя по найденнымъ остаткамъ, была распространена немногимъ менѣе „торфяной“, съ которой она, по всейѣ вѣроятности, скрещивалась. Хотя въ нѣкоторыхъ своихъ особыхъ порода эта представляетъ нѣкоторое сходство съ собакою „бронзоваго“ періода, однако отомѣстить ихъ препятствуетъ то обстоятельство, что ладожскія отложения относятся несомнѣнно къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ бронзовый періодъ; это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми другими данными, побудило профессора Анутина выдѣлить эту породу, до новыхъ открытій, въ особый видъ, доселѣ бывшій неизвѣстнымъ. Изслѣдуя открытія профессора Иностранцева, референтъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что отсутствіе данныхъ препятствуетъ прослѣдить распространеніе древне-ладожскихъ породъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи; минувшимъ лѣтомъ сдѣлана была важная находка въ изысканныхъ отложеніяхъ неолитического періода близъ села Волосова въ Муромскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи; тамъ найдены были кости собаки, типичной породы каменнаго вѣка, нѣсколько подвергшейся вліянію искусственного подбора. Находка эта показываетъ, что въ каменный періодъ во всей Европѣ была только одна порода собаки, похожая на шпица, и послужившая родоначальникомъ многихъ породъ гончихъ и лагавыхъ; только къ концу этого періода отъ нея отдѣлилась другая, болѣе крупная, охотничья порода, изъ которой развились впослѣдствіи разныя породы борзыхъ, крупныхъ гончихъ и другихъ. Что касается лошади, то она была впервые одомашнена въ средней Азіи; для разясненія вопроса объ ея происхожденіи и прирученіи весьма важно явится открытие И. М. Пржевальскимъ дикой лошади въ окрестностяхъ озера Лобъ-Нора, а также и дикія лошади — „тарпаны“ — на южно-русскихъ степей.

Другой рефератъ проф. Анутина касался вопроса „о нѣкото-

¹⁾ Пр. Анутина въ книгѣ пр. Иностранцева: Донсторический человѣкъ каменного вѣка, стр. 62.

рыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей". Указавъ на то, что въ могилахъ средней полосы Россіи мечи составляютъ большую рѣдкость, референтъ высказалъ предположеніе о томъ, что, по видимому, въ этой мѣстности каменный періодъ продолжался дольше, чѣмъ въ западной и южной Европѣ, и смылся непосредственно желѣзнымъ, такъ что культура бронзового вѣка коснулась только нашихъ окраинъ; почти полное отсутствіе мечей въ средней Россіи объясняться можетъ еще и сравнительной бѣдностью, а также еще и миролюбивымъ характеромъ населенія. Попадающіеся преимущественно на окраинахъ образцы этого оружія склонны изъ желѣза весьма плохаго достоинства и представляютъ собою два типа—оба замѣтно-ванные: одинъ составляютъ мечи западно-русскіе, происходженія германскаго или скандинавскаго, встрѣчающіеся преимущественно въ богатыхъ, княжескихъ могилахъ; это мечъ прямой, широкій, довольно длинный и заостренный по обѣимъ сторонамъ. Такіе мечи попадаются на западѣ Россіи, отъ Балтійскаго моря до Днѣпра. Въ бассейнѣ Волги, а именно въ курганахъ мерянскихъ и мордовскихъ, и въ Терской области встрѣчаются мечи иного типа, представляющіе вогнутое лезвіе и имѣющіе посему видъ длинныхъ сабель. Сабельная форма извѣстна въ единичныхъ образцахъ и на западѣ, но тамъ она не удержалась, тогда какъ въ Индіи, Персіи и у тюркскихъ племенъ, на оборотъ, сабли вытѣснили прямые мечи. Эта форма оказываетъ значительное влияніе и на наше вооруженіе, такъ что послѣ монгольского ига входить въ его составъ. Референтъ этотъ вызывалъ многочисленныя возраженія, при чѣмъ большинство оппонентовъ доказывали и, какъ кажется, справедливо, что прямой мечъ въ Россіи явился ранѣе сношенній съ западомъ, и что, поэтому, приписывать ему скандинавское происхожденіе врядъ ли правдоподобно.

Третье сообщеніе проф. Аничина касалось разъясненія нѣкоторыхъ, находившихся на выставкѣ каменныхъ издѣлій, присланныхъ изъ Иркутска г. Витковскимъ и найденныхъ въ Восточной Сибири; въ числѣ ихъ было грубое изображеніе рыбы, острые топоры съ двумя выступами, орудія неизвѣстнаго назначенія—съ одного конца раздвоенные, съ другого — острыя. Всѣ эти издѣлія не находить себѣ аналогіи въ находкахъ европейскихъ и, на оборотъ, весьма схожи съ издѣліями сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, особенно въ Калифорніи. Сходство это повело референта къ предположенію о томъ, что первобытная культура американскихъ индѣйцевъ могла оказать влияніе на таковую же сибирскихъ инородцевъ. Влияніе могло по-

средствоваться чукчами, которые, заселив северо-восточную окраину Сибири, были постоянно въ сношенияхъ съ родственными имъ племенами Сѣверной Америки и еще въ концѣ прошлаго столѣтія не знали употребленія металловъ.

Наконецъ, проф. Анучинъ представилъ на обсужденіе съѣзда свой трудъ: „Къ вопросу о составлениі легенды для археологической карты Россіи (по доисторической археологии)“. На V археологическомъ съѣзда въ Тифлісѣ было постановлено поручить гг. Тизенгаузену, Антоновичу и Анучину выработать проектъ археологической карты Россіи и представить его Московскому Археологическому Обществу съ тѣмъ, чтобы оно, по обсужденіи проекта, разославъ его, для просмотра и дополненій въ другія археологическія общества и отдельнымъ специалистамъ и, наконецъ, въ окончательной обработкѣ, представило бы VI археологическому съѣзду въ Одессѣ. Представленный проф. Анучинымъ трудъ выработанъ имъ совместно съ бар. Тизенгаузеномъ и заключаетъ въ себѣ указанія относительно способа напечатанія на карту доисторическихъ древностей. Указанія эти весьма практичны, и нельзя не пожелать, чтобы, воспользовавшись ими, какое-нибудь ученое общество подарило намъ карту распространенія археологическихъ находокъ въ Россіи, въ родѣ тѣхъ картъ, которыхъ имѣются въ Швейцаріи, Франціи и вѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи.

Г. Бранденбургъ въ своемъ рефератѣ: „какія фибулы встрѣчаются въ древнихъ могилахъ Европейской Россіи?“ представилъ интересную попытку классификаціи этихъ предметовъ, находившихъ во множествѣ въ курганахъ и очевидно составлявшихъ не только украшеніе, но и необходимую принадлежность костюма. Въ раскопкахъ своихъ, произведенныхъ на южномъ побережїи Ладожскаго озера, референтъ встрѣтилъ фибулы трехъ видовъ, дробящихся, въ свою очередь, на нѣсколько разновидностей. Первый видъ представляютъ фибулы чашевидныя или скорлупообразныя, дѣлящіяся на: а) фибулы составные, изъ овальной получашки, б) сплошныя, безъ накладки и с) сплошныя же, но безъ выступовъ на лицевой сторонѣ, украшенной весьма типичнымъ выдавленнымъ орнаментомъ. Чаше другихъ попадается первая разновидность, третья же встрѣчена всего въ одномъ экземплярѣ. Чашевидный типъ находится на всемъ сѣверѣ Россіи, близъ Смоленска и Динабурга, встречается и въ Швеціи, Норвегіи, Даніі, Шотландіи и Ирландіи, что повело къ предположенію о томъ, будто онъ занесенъ въ Россію

съ запада. Референтъ, принимая во внимание различіе химического состава русскихъ и западныхъ фибулъ, особенности ихъ вида и орнаментациі, склоняется скорѣе къ предположенію объ отсутствіи этого вліянія; примѣчательно и то обстоятельство, что въ курганахъ Вотской пятины, часто приходившей въ соприкосновеніе съ западомъ, этотъ видъ фибулъ не встрѣчается. Другой видъ представляютъ фибулы щитообразныя, въ видѣ бронзового, слегка выпуклого кружка; онѣ дѣлятся на составные и сплошныя и находятся въ курганахъ какъ съ погребеніемъ, такъ и съ трупосожженіемъ. И этотъ видъ референтъ склоненъ считать развившимся у насъ помимо западнаго вліянія. Третій видъ—фибулы брошкообразныя—попадается рѣдко и находится спорадически и въ другихъ мѣстностяхъ. Кроме того, отдѣльные экземпляры представляли формы своеобразныя, въ родѣ, напримѣръ, илоскаго колеса, встрѣчающіяся въ меринскихъ курганахъ. Въ своихъ возраженіяхъ на рефератъ г. Бранденбурга проф. Аничинъ замѣтилъ, что обитатели древней Россіи не принимали участія въ разработкѣ фибулъ, а только воспринимали готовыя формы или съ востока или съ запада. Простейшая форма фибулы, въ видѣ перегнутой булавки, встрѣчается на Кавказѣ, болѣе же развитыя формы, находимыя на сѣверѣ Россіи, взимствованы, по мнѣнію проф. Аничина, съ запада.

Въ заключеніе считаемъ неизлишнимъ упомянуть, что въ области доисторической археологии нашли себѣ содержаніе два труда, представленные на съездѣ ихъ составителями. Одинъ изъ нихъ „Матеріали для археологии Россіи по губерніямъ и уѣздамъ. Собралъ Н. Горожанскій. Выпускъ I“ (Москва 1884). Трудъ этотъ есть подготавлительная работа къ археологической карте Россіи, которую имѣть въ виду заняться составитель, и представляетъ сводъ матеріаловъ, выбранныхъ изъ печатныхъ источниковъ на русскомъ языкѣ и раздѣленный на слѣдующіе отдѣлы: а) насыпи погребальныя, какъ то курганы, соки, могилы и т. п., б) мѣста жилия: городища, городки, валы, баттареи, пещеры и т. п., с) клады, находки, бабы; д) библіографическія указанія сочиненій, изъ которыхъ могутъ быть очерплены свѣдѣнія о древнихъ памятникахъ известной мѣстности. Въ предыдущемъ съезду выпускѣ собраны археологическія данины относительно губерній: Тульской, Курской, Орловской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской и С.-Петербургской. Само собою разумѣется, что, какъ первый опытъ свода археологическихъ данныхъ, разбросанныхъ во всевозможныхъ сочиненіяхъ и periodическихъ изданіяхъ, трудъ г. Го-

рожанского далеко не полонъ; тѣмъ не менѣе за авторомъ остается заслуга попытки въ дѣлѣ чрезвычайно трудномъ, требующемъ громадной начитанности и упорнаго труда. Нельзя, поэтому, не пожелать, чтобы мѣстные археологи-специалисты откликнулись на его призывъ и сообщили ему желательныя дополненія и исправленія.

Другой трудъ вращается въ строго опредѣленной сферѣ и мѣстности и представляетъ облеченные въ форму таблицы свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, находящихся въ области войска Донскаго, собраныя г. Крыловичъ, которому принадлежала читаный имъ на съездѣ весьма любопытный рефератъ о старинѣ Донской области. Свѣдѣнія эти касаются 321 бабы, при чемъ указываются мѣсто нахожденія статуй, сохранность въ настоящее время каждой статуи, положеніе фигуры, въ какомъ находится каждая, материалъ и цвѣтъ статуи, ея величину на поверхности земли, одежду и головныя украшенія, изображенія на статуй и ея полъ. Собранныя съ такою обстоятельностью свѣдѣнія объ этихъ загадочныхъ памятникахъ весьма важны для уясненія вопроса объ ихъ значеніи и происхожденіи.

IV.

Переходимъ къ обзорѣю читанныхъ на съездѣ рефератовъ изъ другихъ областей археологии. Изъ значительного ихъ количества выбираемъ, по необходимости, лишь нѣкоторые, руководствуясь при этомъ частію ихъ важностью и интересомъ, частію обстоятельностью ихъ передачи въ извѣстныхъ намъ источникахъ, частію, наконецъ, ихъ доступностью для нашего собственнаго разумѣнія. Масса заявленныхъ и представленныхъ рефератовъ повела прежде всего къ тому, что на VI-мъ съездѣ сформировались двѣ секціи, не существовавшіи на предшествующихъ: отдѣленіе памятниковъ юридическихъ и общественного быта и отдѣленіе памятниковъ византійскихъ. Съ особыніемъ сочувствіемъ привѣтствуемъ образованіе этой послѣдней секціи, видя въ немъ значительный шагъ въ развитіи у насъ византійскихъ студій, развитіи, которому нельзѧ не пожелать полнаго развѣтва въ близкомъ будущемъ.

Начнемъ наше обозрѣніе съ археологии вещественной. Предсѣдателю съзыва гр. А. С. Уварову принадлежалъ рефератъ: „о нѣкоторыхъ особенностяхъ въ костюмѣ русской женщины въ древнѣйшее время“. Арабскій историкъ Ибнъ-Фодланъ, въ своемъ повѣствованіи о руссахъ, говоритъ, между прочимъ, о томъ, что ихъ женщины носятъ на груди небольшую коробочку изъ жемѣза, мѣди, серебра

или золота, смотря по состоянию и обстановкѣ мужей. Къ коробочкѣ прикреплено кольцо, на которомъ привѣшены ножъ, поясъ ющаяшійся также на груди. Съ этимъ извѣстіемъ арабскаго историка гр. Уваровъ сопоставилъ тотъ фактъ, что въ минусинскихъ курганахъ находятся фибулы, которыми открываются и играютъ роль коробочки. Подобной же конструкціи фибулы находились и въ курганахъ Муромы, выѣтѣ съ монетами IX и X вв., и притомъ изъ разнаго металла—мѣди и серебра. Въ настоящее время въ Псковской и сѣверной части Витебской губерніи, среди остатковъ Чудскаго племени, живѣвшихъ подъ названіемъ „полувѣрцевъ“, женщины носятъ подобныя же серебряные фибулы. Сопоставляя съ этими фактами извѣстіе Ибнъ-Фодлана, мы можемъ сдѣлать выводъ, что подъ Русью арабскій историкъ разумѣлъ не имя собственное, а собирательное, то-есть, племена, жившія по Волжскому бассейну: Чудь, Мери, Весь и др. Сопоставленіе, сдѣланное гр. Уваровымъ, весьма характерно, и оно получило бы еще болѣе убѣдительности, еслибы оказалась возможность сдѣлать такое же между всѣми частями костюма русскихъ женщинъ, видѣнныхъ Фодланомъ и находившихъ въ курганахъ указанныхъ мѣстностей данными. По сообщенію профессора Висковатова, подобная фибулы носятся и понынѣ эстскими женщинами близъ озера Пейпусь, и въ эти коробочки прячутъ онѣ иголки, нитки и т. д.; профессоръ Самоквасовъ находилъ ихъ же около Пятигорска, на Кавказѣ.

Цѣлый рядъ рефератовъ посвященъ былъ древностямъ религіознаго быта нашихъ предковъ¹⁾). Такъ, академикъ Сусловъ сообщилъ „о древнихъ деревянныхъ церквяхъ въ Вологодской и частію въ Архангельской губерніяхъ“. Сѣверные наши окраины богаты древними памятниками, доселъ еще мало изслѣдованными, между тѣмъ представляющими оригинальные образцы древнаго зодчества. Всѣдѣствіе того Императорская академія художествъ поручила референту осмотрѣть, изслѣдоввать и описать деревянные храмы въ названныхъ мѣстностяхъ, результатомъ чего былъ обширный альбомъ превосходно исполненныхъ рисунковъ, которые и были предъявлены г. Сусло вымъ съѣзу. Предпославъ своему реферату нѣсколько историческихъ свѣдѣній о возникновеніи и развитіи архитектуры въ сѣвер-

¹⁾ См. проф. Покровскій въ журнале „Христіанское Чтеніе“, январь 1885 г., стр. 179 и създ.

номъ краѣ, г. Сусловъ указалъ, что церковныя постройки, свидѣтельства о которыхъ мы находимъ въ XI вѣкѣ, возводились отчасти проповѣдниками, распространявшими въ краѣ христіанство (св. Стефанъ Переиский), отчасти пустыножителеми и подвижниками (св. Дмитрій Прилуцкій); постройки же свѣтскія сооружались преимущественно людьми торговыми и промышленными (именитые люди Строгоновы). Возникающъ первоначально подъ непосредственнымъ влияниемъ Новгорода, архитектурное искусство сѣверного края до XV в. развивалось совершенно самостотельно до тѣхъ поръ, пока Москва не перетащила къ себѣ лучшія силы. Съ тѣхъ поръ, при отсутствіи даровитыхъ зодчихъ, мѣстная архитектура усвояетъ себѣ шаблонныя формы и на нихъ останавливается. При этомъ референтъ указалъ на слѣдующій, наиболѣе общий видъ церковныхъ сооруженій: церковь имѣеть открытую лѣстницу въ одинъ или два марша, параллельно или перпендикулярно къ входной стѣнѣ. Самый входъ покрывался односкатомъ, трехъ- или четырехскатомъ, а иногда и „бочкой“. Лѣстница веда въ трапезную, невысокое помѣщеніе, освѣщенное съ каждой стороны однимъ болѣшимъ и, по его бокамъ, нѣсколькою волоковыми окнами. Въ помѣщеніи этомъ находились одна или нѣсколько скамей, и тутъ по храмовымъ праздникамъ происходили народные пиры въ складчину, а въ будни здѣсь священники бесѣдовали съ пародомъ. Въ восточной стѣнѣ трапезной былъ входъ въ саму церковь: онъ былъ украшенъ разными наличниками, и по его бокамъ устроены были продолговатыя отверстія, благодаря коимъ находившіеся въ трапезной молящіе имѣли возможность слѣдить за богослуженіемъ, совершающимъ въ церкви. Въ этой послѣдней, представлявшей также невысокое помѣщеніе, находились скамья, рѣзные клиросы и церковную казну; освѣщалась церковь двумя или тремя окнами съ обѣихъ сторонъ. Отдѣлившися отъ иконостасомъ алтарь былъ обыкновенно о пяти стѣнахъ и покрывался на пять скатовъ. Самая церковь съ фасада состояла изъ одного или нѣсколькихъ срубовъ, поставленныхъ одинъ на другой; послѣдній изъ нихъ увѣличивался куполомъ съ главкой. Нѣсколько далѣе на сѣверъ замѣчаются церкви, построенные по плану въ видѣ креста; покрышки такихъ церквей почти всегда шатровыя; характерище всего развитъ подобный планъ въ Шенкурскомъ соборѣ. Затѣмъ, по берегамъ Двины замѣчается планъ восьмиугольника, къ сторонамъ котораго постепенно дѣлаются прирубы, вслѣдствіе чего получался новый типъ креста. Эти церкви—холодныя, въ отличие отъ теплыхъ, которыя

отличаются крайнею простотою своего устройства. Деревянныи колокольни, оказавши вліяніе на форму каменныхъ, развившихся впослѣдствіи, состоять изъ высокаго сруба, одѣвающаго ихъ скелеты; эти послѣдніе представляютъ рядъ вертикальныхъ, а иногда и наклонныхъ бревенчатыхъ стоекъ, на верхнихъ концахъ конхъ покоялся рубленный карнизъ; на карнизѣ устраивался шатерь, украшенный гонтомъ въ чешую; наружная часть стоецъ обѣшивалась вѣнцами колоннъ. Лестница была вся внутри, или па половину, при чемъ наружная ея часть имѣла входъ, украшенный богатою рѣзьбою. Въ заключеніе, г. Сусловъ представилъ описание наиболѣе интересныхъ типовъ деревенскихъ набѣ Вологодской губерніи.

Вопросу „объ историческомъ развитіи типа русскихъ колоколенъ“ былъ посвященъ рефератъ Н. В. Султанова. Древнѣйшою формой русской колокольни была деревянная звонница на двухъ столбахъ или на козлахъ, покрытая двускатной крышей. Эта форма попадается еще въ XVII в. Простѣйшою и древнѣйшою формой каменной колокольни является одно или двухпролетная колокольница съ полукруглыми арочными перекрѣтіями и съ четырехскатною или двускатною крышей небольшаго объема. Эта форма, по заявлению референта, перешла въ Россію прямо изъ Византіи и послужила основой для развитія русского типа. Двухпролетная звонница получаетъ дальнѣйшее развитіе въ двухъ направленихъ: вертикальномъ и горизонтальномъ. Постепенное увеличеніе вѣса колоколовъ повело къ видоизмѣненію и въ формѣ колокольницы, вслѣдствіе чего она развивается въ двойкой формѣ: а) въ формѣ башни, покрытой шатровымъ верхомъ, и б) въ формѣ галлерейки, покрытой сводомъ, съ двускатной крышей. На развитие шатровыхъ покрытій запачительное влияніе оказало вліяніе изъ дерева, гдѣ эта форма является преобладающей. Но такъ какъ глухіи шатровыи покрытія задерживали распространеніе звука, то въ шатре стали дѣлать отверстія, такъ называемые „слухи“. Очень скоро шатровая форма получаетъ видъ осмигранника, представляющаго собою одинъ изъ лучшихъ типовъ русского зодчества. Дальнѣйшее развитіе этой формы заключается въ увеличеніи ея размѣровъ и высоты и въ нарастаніи числа слуховъ. Есть колокольницы, такъ называемыи „сложныи“, въ которыхъ соединяются обѣ вышеупомянутыи формы. Наконецъ, встречаются еще типы столпообразные, появляющіеся въ XVI и доходящіе доительнаго развитія въ XVII в. Происхожденіе ихъ референтъ объясняетъ любовью русского народа къ высокимъ постройкамъ вообще. Чтение

свое г. Султановъ иллюстрировалъ массою рисунковъ съ наиболѣе типичныхъ образцовъ колоколенъ, чѣмъ зачительно содѣствовать наглядности своего изложенія. Его рефератъ замѣчательенъ какъ попытка классифицировать массу памятниковъ, которые доселъ не были распределены на виды и роды: при близкомъ знакомствѣ референта съ материаломъ, при наблюдательности и умѣніи отличить главное и существенное отъ побочнаго и второстепеннаго, попытка г. Султанова заслуживаетъ полнаго серьезнаго вниманія со стороны специалистовъ.

Професоръ Н. В. Покровскій предложилъ вниманию съѣзда разработку иѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ древней иконографіи. Такъ, въ одномъ рефератѣ: „Страшный судъ въ памятникахъ византійско-русского искусства“ онъ представилъ рядъ весьма любопытныхъ наблюдений надъ развитиемъ изображеній Страшного суда, сдѣлавшихся впослѣдствіи одною изъ самыхъ распространенныхъ картинъ христіанской живописи, какъ западной, такъ и восточной. Кроме живописи, Страшный судъ паходитъ свое развитіе и въ литературѣ. Исходною точкой для художественного выраженія идеи Страшного суда были, по замѣчанію референта, новозавѣтныя изреченія, которыя представлялись были въ символическихъ образахъ; драматизмъ же былъ впѣсферы вѣдѣнія первоначального христіанского искусства. Однимъ изъ древнѣйшихъ выраженій идеи страшного суда является изображеніе въ храмѣ мученика Феликса, IV вѣка, о которомъ говорить Цавличъ Ноланскій, сохранившееся и въ мозаїкѣ церкви св. Аполлинарія въ Равеннѣ. Но не отсюда пошла исторія нашего изображенія страшного суда. Въ первые четыре вѣка христіанства на Востокѣ, вѣроятно, этихъ изображеній не было вовсе, и только съ V вѣка начинаютъ появляться отдѣльные сцены и получаютъ значительное развитіе въ эпоху иконоборства. Отъ IX и X вѣковъ сохранились и вещественные памятники въ миниатюрныхъ изображеніяхъ рукописей Коски Индикоплевста и другихъ. Затѣмъ, въ XII вѣкѣ является замѣчательный памятникъ изображенія Страшного суда въ Торчолльской мозаїкѣ византійского стиля, которая представляетъ первую по времени изъ известныхъ доселъ полныхъ картинъ страшного суда. У насъ въ Россіи известны фресковыи изображенія Страшного суда въ Старо-Ладожской церкви и Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода, въ соборахъ Дмитріевскомъ и Успенскомъ во Владимиѣ на Клязьмѣ и въ кіевской Кирилловской церкви, но въ этихъ изображеніяхъ не развиты картины адскихъ муче-

ній. Въ этомъ направлениі продолжали развиваться картины Страшного суда до XVI вѣка. Опредѣливъ объемъ содержания этихъ картинъ, профессоръ Покровскій показалъ затѣмъ связи отдельныхъ сценъ съ памятниками письменной и устной литературы, съ изречениями Священнаго Писания, съ произведениями отцовъ и учителей церкви, съ апокрифами, легендами, духовными стихами, а иногда и съ произведениями западной литературы, и т. д. Указавъ затѣмъ на дальнѣйшее развитіе картины Страшного суда въ XVIII вѣкѣ, референтъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) первоначальная форма изображеній Страшного суда была символическая; в) форма положительная сложилась постепенно, главнымъ образомъ за основѣ библейской; вымысли свободной фантазіи нашли здѣсь также себѣ мѣсто, но мѣсто второстепенное, въ добавочныхъ частяхъ и деталяхъ картины; часть этихъ вымысловъ должна быть приписана Византіи, часть—западному искусству, и только незначительная часть составляетъ продуктъ самобытнаго русскаго творчества; с) такъ какъ главныя основы картины проходять черезъ всю исторію изображенія, то, естественно, что при неизмѣнности основныхъ частей ея въ видѣ непреложной схемы, весь процессъ ея развитія не есть процессъ безусловно—свободнаго творчества; это скорѣе есть продуктъ наращенія подробностей, такъ или иначе связанныхъ съ основной мыслью картины. Нарашеніями этими руководила не столько художественная идея, сколько богословская мысль, оттѣненная поучительной традиціей.

Профессоръ Покровскій представилъ также отвѣтъ на одинъ изъ вопросовъ программы съѣзда: „Слѣды апокрифическихъ Евангелій въ древне-русской иконописи“. Въ разясненіяхъ своихъ онъ старался опредѣлить соотношеніе между апокрифическими Евангеліями и отдельными преданіями ихъ, съ одной стороны, и церковною иконописью — съ другой. Онъ отмѣтилъ три группы иконописныхъ изображеній, имѣющіе соотношеніе съ апокрифами, а именно: а) изображенія изъ жизни Богоматери, в) изображенія событий рожденія и дѣтства Спасителя, и с) изображенія событий послѣднихъ дней Его земной жизни. Для примѣра, референтъ разсмотрѣлъ два вида изображеній, именно: Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и Сопоставленія Христа во адѣ, сопоставляя сюжеты и детали этихъ изображений со сказаніями апокрифическихъ Евангелій. Въ общемъ выводѣ референтъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: а) существуетъ несомнѣнная связь между памятниками искусства и памятниками письменности, при чемъ послѣдніе въ большинствѣ случаевъ слу-

жать основаниемъ для первыхъ; и в) въ частномъ примѣненіи къ русской иконографіи и апокрифическимъ Евангеліямъ сходство по внутреннему характеру не подлежитъ сомнѣнію. При этомъ профессоръ И. И. Петровъ замѣтилъ, что, кроітъ апокрифическихъ Евангелій и отдѣльныхъ предаппій, можно ввести въ соотношеніе съ церковной живописью и пѣкоторыи пѣснопѣнія православной церкви, какъ напримѣръ, пѣснопѣнія страстной содомицы, имѣющія въ пѣкоторыхъ своихъ деталяхъ отношеніе къ Никодиму Евангелію.

Въ рефератѣ графа М. В. Толстаго „О древнихъ иконахъ“ было представлено подробное описание замѣчательныхъ произведений древне-русской церковной живописи. Съ особенною обстоятельностью остановился референтъ на пѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ образцахъ, находящихся въ церковно-археологическомъ музѣѣ при Киевской духовной академіи, куда поступили двѣ замѣчательныи коллекціи: „Филаретовская“, приобрѣтенная покойнымъ ректоромъ Киевской академіи, епископомъ (впослѣдствіи Рижскимъ) Филаретомъ у извѣстнаго собирателя Сорокина и „Муравьевская“, завѣщанная музѣю извѣстнаго писателемъ и паломникомъ А. Н. Муравьевымъ. Описавъ пѣкоторыи иконы, хранящіяся въ музѣѣ, графъ Толстой старался при этомъ прослѣдить ходъ развитія русской иконописи, начиная съ подражанія византійскимъ образцамъ и оканчивая выработкой самостоятелія русского стиля. Съ особенною подробностью онъ остановился затѣмъ на пѣкоторыхъ иконахъ новгородского письма. При этомъ графъ Толстой склоненъ искать въ церковной живописи выраженія богословскихъ учений, такъ какъ, по его мнѣнію, пѣкоторыи древне-русскія иконы представляютъ собою цѣлые богословскіе трактаты. Противъ этого взгляда возражалъ профессоръ Кондаковъ, доказывавшій, что содержаніе этихъ важныхъ въ русской иконописи изображеній не можетъ быть сравниваемо съ богословскими трактатами, такъ какъ въ нихъ нельзя искать развитія богословскихъ теорій, а изображенія эти представляютъ собою скорѣе лирическое направленіе, имѣющее цѣлью возбужденіе религиознаго чувства, хотя бы и при помощи самыхъ фантастическихъ аллегорій и формъ. Кромѣ того, въ сложныхъ иконахъ будто бы чисто русскаго типа профессоръ Кондаковъ не усматривалъ полной самостоятельности и указалъ на образцы ихъ въ византійской иконописи XIII и XIV вѣковъ, равно какъ и на присутствіе въ нихъ западнаго элемента. Къ мнѣнію профессора Кондакова присоединился и профессоръ Петровъ.

По предмету нумизматики, г. Иверсенъ представилъ весьма интересныя данные о монетныхъ кладахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи въ послѣдніе три года. Въ рукахъ референта кладовъ за это время было до 85; большинство изъ нихъ представляло монеты русскія, изъ которыхъ, какъ на бывшія доселе неизвѣстными, референтъ указалъ на монеты великаго княжества Суздальскаго съ новыми изображеніями и надписью.—Обозрѣнію кладовъ римскихъ монетъ, найденныхъ въ предѣлахъ земель русскихъ и польскихъ славянъ, былъ посвященъ весьма любопытный рефератъ профессора Самоквасова. Исходя изъ того факта, что за послѣднія десятилѣтія въ предѣлахъ земли русскихъ и польскихъ славянъ открыто около 30 кладовъ съ монетами римскихъ императоровъ, начиная съ Нерона и до Севера Александра, при чёмъ монеты отъ Нерона до Нерви попадаются лишь въ видѣ отдѣльныхъ, единичныхъ экземпляровъ, тогда какъ монеты отъ Нерви до Септимія Севера насчитываются тысячами, референтъ искалъ объясненія какъ факта зарытія кладовъ въ данныхъ мѣстностяхъ, такъ и указанной пропорціи въ дѣленіи монетъ. Признавая обычное объясненіе этихъ кладовъ значительнымъ торговымъ движеніемъ, которое происходило еще въ первые вѣка нашей эры между Адріатическимъ и Балтійскимъ побережьями, неудовлетворительнымъ, профессоръ Самоквасовъ выставилъ оригинальное предположеніе, будто клады въ земляхъ славянскихъ зарыты самими славянами. Клады находятся преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которые, по свидѣтельству лѣтописному, заняты были славянскими поселенцами, вышедшими изъ областей придунайскихъ; начиная съ эпохи Траяна, римское оружіе поѣдоносно господствуетъ въ Дакіи, слѣдствіемъ чего должно было произойти выселеніе многихъ гето-дакійскихъ племенъ изъ ихъ придунайской родины за Карпаты, въ центральную область Европы. „Волки“ нашей лѣтописи, которые, по ея свидѣтельству, потѣсили славянъ, были римляне; и вотъ, подъ ихъ патискомъ даки или геты, которыхъ профессоръ Самоквасовъ отожествляетъ съ славянами, оставляютъ во II вѣкѣ свою родину и, обративъ свое имущество въ деньги, уносятъ эти послѣднія въ новое отечество, населеніе его первоначально по бассейнамъ большихъ рекъ и оставляя памятникомъ этого поселенія зарытые въ землю клады. Специалисты оцѣнить по достоинству объясненіе профессора Самоквасова; мы же рѣшимся сказать только предположеніе о томъ, что врядъ ли оно найдетъ себѣ многихъ приверженцевъ.

Не остались безъ разѣясненія и памятники письменности. Такъ,

въ рефератѣ Г. В. Воскресенскаго: „О славянскихъ переводахъ Евангелия“ почтеннѣмъ изслѣдователемъ славянскаго перевода Апостола былъ представленъ отрывокъ изъ его новаго обширнаго труда, обѣщающаго, подобно первому, имѣть значительную важность для исторіи древне-славянскаго языка и письменности. Исчисливъ наличное количество известныхъ въ настоящее время списковъ Евангелій до XV вѣка, референтъ раздѣлилъ ихъ по редакціи текста на пять разрядовъ и указалъ вкратцѣ отличительныя особенности послѣднаго изъ нихъ, а также и отношеніе къ современному печатному тексту. Общий выводъ изъ этихъ указаній былъ тотъ, что славянскій переводъ Евангелій, въ различныхъ редакціяхъ, постоянно, съ самой глубокой древности, былъ исправляемъ и постепенно все больше и больше приближался къ печатному тексту.

Профессоръ Первольфъ сообщилъ свое изслѣдованіе: „О червопорусскомъ переводѣ Вислицкаго статута“. Въ переводе этомъ, помѣщенномъ въ одной рукописи, которая хранилась въ Супрасль, была известна проф. Даниловичу въ 1827 г. и теперь изчезла, — замѣтно влияніе чешскаго языка, сказывающееся въ выборѣ словъ и въ стилѣ, что указываетъ на то, что въ немъ принималъ участіе чехъ. Судя по пѣкоторымъ даннымъ, можно перевести этотъ отнести къ 1438—1445 годамъ, сама же рукопись была писана въ началѣ XVI вѣка.

А. Я. Гаркави сдѣлалъ сообщеніе о „древнійшемъ русскомъ словарѣ“, составленномъ для объясненія трудныхъ для пониманія и чужестранныхъ словъ, преимущественно библейскаго текста, помѣщенномъ въ концѣ Новгородской коричѣй 1282 г. Референтъ анализировалъ этотъ любопытный памятникъ и указалъ, что изъ 174 словъ, составляющихъ глоссарій, 120 еврейскихъ, около 20 греческихъ, 12 славянскихъ, 2 латинскихъ и 17 неизвестныхъ, определить которые за ихъ искаженіемъ пока еще не удалось. Изъ разбора г. Гаркави явствуетъ, что составитель глоссарія зналъ по еврейски, но пользовался и греческими источниками.

Въ весьма любопытномъ рефератѣ профессоръ И. С. Некрасовъ подвергъ пересмотру вопросъ „о древне-пермской письменности“. Доселѣ изслѣдователи ея знали памятники, относящіеся къ XVI вѣку; референту удалось открыть нѣсколько новыхъ, болѣе раннаго времени, именно XV вѣка, при честь въ нихъ отрывки или глоссы писали пермскими буквами; что касается такъ-называемаго зырянского календаря, который обыкновенно приписывается св. Стефану Пермскому, то рефе-

рентъ усумнился въ вѣрности этого отчесенія и сопоставилъ черты этого календаря съ бирками и счетами, столь распространенными въ сѣверной Россіи. Въ заключеніе онъ отвергалъ мнѣніе о происхождении пермскихъ письменъ изъ мѣстныхъ чертъ и видѣлъ въ письменахъ этихъ искусственное произведение св. Стефана, который, сохранивъ порядокъ русской азбуки, намѣренно старался сдѣлать ее не узнаваемою, перемѣнявъ и переворачивая ея знаки, давъ основному ея характеру удаление отъ закругленности и расширивъ употребленіе прямыхъ угловъ и линій. Такое измѣненіе русской азбуки въ своего рода тайнопись было вызвано стремлениемъ сдѣлать ее не узнаваемою, такъ какъ пермяки не любили ничего московскаго.

Професоръ Т. Д. Флоринскій сдѣлалъ сообщеніе о неизвѣстномъ до селъ весьма любопытномъ памятникѣ болгарской литературы первой половины XIV вѣка. Это есть похвальное слово царю Йоанну-Александру, помѣщенное въ видѣ послѣдователія къ толкованію псалтыри, пергаментной рукописи 1333 года, хранившейся въ Тирновѣ. По языку она заставляетъ предполагать своимъ оригиналомъ текстъ весьма древнаго времени и сама по себѣ представляеть весьма важный предметъ для изслѣдованія. Остановившись въ своемъ рефератѣ только на послѣдователіи, проф. Флоринскій указалъ на его важность въ отношеніяхъ историческомъ и литературномъ. При скучности лѣтописныхъ извѣстій для этого периода болгарской исторіи, послѣдователіе содержитъ вѣсько цѣнныхъ данныхъ для сужденія о политическомъ положеніи Болгаріи въ первой половинѣ XIV в. и о ея внутреннемъ состояніи. Въ литературномъ отношеніи послѣдователіе любопытно, какъ образчикъ панегирика и важно для характеристики, какъ болгарского царя Йоанна-Александра, покровителя письменности и литературы въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ, такъ и для литературного движения въ Болгаріи, созидающаго съ именемъ этого царя.

Съ двумя любопытными памятниками новой болгарской письменности ознакомилъ собраніе А. Л. Петровъ, видѣній, во время своей поѣздки минувшимъ лѣтомъ, въ Софийской народной библіотекѣ: дѣвъ рукописи, относящіяся къ началу XIX вѣка. Одна изъ нихъ представляетъ греко-славянскій словарь, составленный въ 1821 г. Штилинскимъ митрополитомъ Діонисіемъ. Словарь этотъ замѣчательенъ между прочими тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ много словъ чисто русскихъ, чтобъ служить свидѣтельствомъ о знакомствѣ болгаръ съ русскою литературой въ началѣ XIX вѣка. Вторая, описанная г. Петровымъ, рукопись, представляетъ сборникъ, приготовленный къ изданію двумя

аеонскими монахами, по оставшійся не изданнѣй. Въ сборникѣ этомъ содержатся: служба, похвала и житіе Иоанна Нового Тырновскаго, повѣсть о раззореніи турками аеонской горы во время греческаго возстанія 1821 г. и повѣсть о звѣрствахъ турокъ въ разныхъ городахъ и селахъ Болгаріи подъ вліяніемъ оздолбленія ихъ противъ христіанъ, вызваннаго тѣмъ же греческимъ возстаніемъ.

Устному творчеству болгарского народа былъ посвященъ любопытный рефератъ г. Башмакова: „О народномъ эпосѣ у болгаръ“. Преднослять своему изложению общіи замѣчанія о свойствахъ и условіяхъ народнаго, колективнаго творчества, референтъ сообщила нѣсколько замѣчаній о вѣнѣніи формѣ болгарскаго эпоса, облеченнаго преимущественно въ 8-ми-сложный стихъ, что придаетъ болгарскимъ былинамъ форму своеобразную, отличную отъ формы 10-ти-сложнаго сербскаго стиха; въ стихѣ болгарскомъ замѣчается, хотя въ довольно слабой степени, тѣ же вѣнѣніе приемы, какіе замѣчаются въ эпическихъ произведеніяхъ и другихъ народовъ, какъ напримѣръ аллиттерація, ассонація и т. п. Особенностью оказывается явленіе, названное референтомъ „внутреннимъ дополненіемъ“, въ силу которого дополненіе къ глаголу извлекается изъ самого глагола. Явленіе это, наблюдаемое и въ другихъ языкахъ, въ данномъ случаѣ интересно тѣмъ, что привѣняется народомъ какъ бы сознательно, играя роль особаго приема для извѣстнаго отѣщенія формы, а за нею и содержанія. Затѣмъ референтъ разсмотрѣлъ запаченіе былинныхъ эпитетовъ (собраныхъ имъ въ алфавитномъ порядкѣ), контраста и оксиморона, эпического вступленія. Сообщицъ даппия о мѣстностяхъ, въ которыхъ имъ были собраны пѣсли (около города Котла и въ Родопскихъ горахъ), г. Башмаковъ представилъ въ отдѣльныхъ группахъ наиболѣе интересныя черты, рисующіяся въ этихъ пѣсняхъ: а) Прежде всего въ нихъ сохраняются воспоминанія и легенды о старомъ болгарскомъ царствѣ; между прочимъ, разказывается о томъ, какъ Богъ далъ свѣтъ болгарамъ, но затѣмъ царь Константий оскорбилъ Бога надменнымъ своимъ поведеніемъ, и за это Богъ отдалъ землю во власть турокъ. б) Во многихъ пѣсняхъ сохранились черты древнѣйшаго общественнаго быта: такъ, говорится о рабствѣ, возникающемъ изъ договорной сдѣлки между лицами, принадлежащими одному и тому же племени, о рабствѣ, источникомъ котораго служатъ война и непріятельскіе набѣги (въ пѣсняхъ, относящихся къ позднѣйшей турецкой эпохѣ, говорится объ уводѣ болгарскихъ женщинъ и девушекъ, между прочимъ, въ Крымъ), упоминается о судѣ

Божіемъ и т. д. с) Любопытныи указанія содержатся въ пѣсняхъ и относительно поземельныхъ отношеній; такъ, въ одной пѣснѣ: „Овчери и Рало планина“ пастухи покидаютъ со стадами высокія пастбища и горы Рала, по окончаніи лѣта; они прощаются съ горою и просятъ у нея прощенія въ томъ, что притоптали ея траву, выпили у ней воду, истребили ея лѣсь. Гора всему снисходитъ, не прощаетъ лишь порубки лѣса. Слѣдовательно, лѣсь не можетъ подпадать подъ самовольное, частное пользованіе; онъ поставленъ подъ непосредственное покровительство таинственныхъ силъ природы. Въ настоящее время, среди полного распаденія общинныхъ начальствъ въ Болгаріи, общинное пользованіе лѣсомъ и изъятіе лѣсныхъ дачъ изъ частной собственности составляеть остатокъ исчезнувшаго быта. d) Въ пѣсняхъ сохранилось весьма много указаній на слѣды турецкаго владычества: уводъ женщинъ и дѣвушекъ, круговая ответственность всего болгарскаго села, устанавливаемая турками при обвиненіи, битвы съ турками и проч. упоминаются сплошь и въ ряду въ пѣсняхъ. Наконецъ, е) отмѣчены референтомъ и слѣды миѳическихъ существъ, сверхъестественныхъ явленій и культа природы, встрѣчающіеся въ пѣсняхъ. Такъ, въ вышеупомянутой пѣснѣ о горѣ Рала, говорится о томъ, что пастухи приносятъ въ Петровъ день урочную жертву „петровскій курбанъ“; въ миѳическомъ герой „Воленъ Георгій“ замѣчается нѣкоторое сходство съ Ильею Муромцемъ, который долго сидитъ сиднемъ и сразу дѣлается обладателемъ сверхъестественной силы.

Особенно многочисленную публику привлекали засѣданія отдѣленія памятниковъ юридическихъ и общественного быта. Не будучи въ состояніи передать, хотя бы вкратцѣ, доказанныхъ въ этомъ отдѣленіи рефератовъ¹⁾, мы ограничимся перечисленіемъ главнѣйшихъ изъ нихъ: такъ, профессоръ М. М. Ковалевскій представилъ доклады: о судахъ Божіихъ, о присягѣ у осетинъ, о русскихъ, кавказскихъ и славянскихъ рабахъ на побережье Средиземнаго моря, на основаніи постаріальныхъ актовъ въ италіанскихъ и испанскихъ архивахъ; профессоръ Леонтовичъ—объ аналогическомъ значеніи древне-русскихъ „дѣтей боярскихъ“ и служебно-родовыхъ классовъ кавказскихъ горцевъ; профессоръ Лучицкій—о нѣкоторыхъ архаическихъ чертахъ малорусскаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ, о формахъ землевладѣнія въ Малороссіи въ XVII и XVIII вѣкахъ и о Румянцевской описи Мало-

¹⁾ Общее понятіе объ ихъ содержаніи читатель найдетъ въ статьѣ профессора Ковалевскаго—*Вѣстникъ Европы*, 1884, декабрь.

россіи; профессоръ Самоквасовъ—о простѣйшихъ формахъ общественныхъ отношеній; профессоръ Энгельманъ—о происхожденіи современного общинного землевладѣнія въ Россіи; профессоръ Багалѣй—о дѣлахъ, найденныхъ имъ въ архивѣ Полтавской казенной палаты; г. Погибко—о материалахъ къ исторіи землевладѣнія въ Прилукскомъ уѣзѣ; г. Блюменфельдъ—о значеніи писцовыхъ книгъ въ древнемъ хозяйственномъ быту русскаго народа и о древностяхъ поzemельного права и пр.

Точно также не беремся передать содержаніе рефератовъ, читанныхъ въ отдѣленіи древностей восточныхъ; приведемъ лишь краткое изложеніе тѣхъ чтеній, которыхъ имѣли мѣсто во вновь образованномъ отдѣленіи археологіи византійской.

Вопросъ о византійскомъ искусства и той роли, которую оно играетъ въ общемъ движении эстетического развитія Европы, поднятъ былъ профессоромъ Кондаковымъ въ его рефератѣ: „Какая возможна въ современной наукѣ постановка вопроса о вліяніи въ области искусства вообще и византійского искусства въ частности?“. Въ началѣ референтъ предположилъ нѣсколько общихъ соображеній, разъяснившихъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „вліяніе“, такъ какъ вопросъ о немъ есть вопросъ принципіальный, вопросъ метода. Съ тѣхъ поръ, какъ эстетика отдѣлила искусство отъ другихъ духовныхъ областей дѣятельности народовъ, не представлять существовать взглѣдъ, который во вліяніи видѣтъ лишь передачу и усвоеніе стиля, чуждой формы. Лишь изрѣдка въ исторіи искусства поднимается вмѣстѣ съ изученіемъ вліянія художественной формы и вопросъ о переносѣ духовнаго содержанія, мысли. Между тѣмъ, если всякий художественный типъ есть выраженіе мысли, если и тотъ, и другія способны къ историческому развитію, то ясно, что подъ вліяніемъ должно разумѣть то двояковъ, но цѣльное пленіе идей и формы, которое одно и подвигаетъ впередъ художественную среду, его воспринимающую. Такимъ образомъ вліяніе рѣзко отличается отъ заимствованія, когда перенимается лишь одна форма. Вліяніе помогаетъ развитію искусства, заимствованіе ведетъ къ искаченію формы. Объяснивъ эти общія мысли на примѣрѣ древне-греческаго искусства, о которомъ еще продолжаютъ спорить археологи, самостоительно ли оно возникло, или заимствовано отъ другихъ народовъ, референтъ перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса о вліяніи византійского искусства на италіанское. Исходя изъ положенія Шпрингера о томъ, что византійское искусство по своему содержанію представляло разви-
тие догматической стороны, чуждой западу, и потому вышло на

нега лишь формою, не затрагивая содержания, профессоръ Кондаковъ находить такой выводъ преждевременнымъ и указываетъ на то, что въ вопросѣ о византійскомъ вліяніи археологии должна быть крайне осторожной въ своихъ заключеніяхъ и постоянно различать заимствованіе формъ отъ собственного вліянія, объясняя это послѣднее поступлениемъ въ обращеніе извѣстнаго круга идей. Что византійское искусство не только оставило свои памятники въ Италии, и что мозаики Сициліи, южной Италии, Венеции не стоятъ особнякомъ, доказывается тѣмъ, что даже начало итальянской скульптуры стоитъ въ зависимости отъ техническаго вліянія Византіи, и есть цѣлыя серіи художественныхъ произведеній, въ которыхъ все содержаніе византійское. Византійское вліяніе питало итальянскую живопись уже въ такое время, когда эта послѣдняя была на полномъ ходу своего развитія, и казалось, о Византіи не могло быть и рѣчи. Референтъ подкрѣпилъ свое положеніе указаніями на иллюстрированные рукописи XIII—XIV столѣтій. По его мнѣнію, здѣсь исторія вліянія сводится къ исторії преданія, безъ котораго иѣть преемственности и прогрессивного развитія. Византія, переставая жить сама, жила для другихъ юныхъ народовъ, приготовляя имъ формы культуры и искусства, закрѣпляя ихъ въ шаблонъ и преданіе, чтобы имъ было легче усвоить данное. А преданіе это является сильнымъ помощникомъ при самостоятельномъ развитіи, какъ это видно, напримѣръ на школахъ Сиенской и Умбрской.

Другое чтеніе профессора Кондакова, подъ заглавіемъ: „О церквяхъ Константина Поля“, по темъ своей стояло въ непосредственной связи съ результатами упомянутой выше константинопольской экспедиціи, предпринятой по инициативѣ распорядительного комитета съѣзда: въ чтеніи этомъ профессоръ Кондаковъ, исходя изъ рисунковъ, привезенныхъ экспедиціей, представилъ очеркъ церковныхъ древностей Константина Поля. При этомъ имъ были приложены оригинальный и выѣсты съ тѣмъ прекрасный приемъ—взять для историко-археологического изученія Константина Поля извѣстное путешествіе Антонія XII в. Сг҃дя за его показаніями и сопоставляя ихъ съ современными остатками, профессоръ Кондаковъ пришелъ къ любопытному выводамъ относительно подробностей топографіи Константина Поля, при чёмъ представилъ и определеніе художественного стиля византійскихъ церковныхъ сооруженій.

Архитекторъ Люккъ, принимавшій участіе въ только что упомянутой экспедиціи, представилъ въ своемъ рефератѣ: „Архитектур-

ный планъ древней церкви, нынѣ мечети Фетхіе-джамі въ Константинополѣ" детальное описание архитектурныхъ особенностей храма, извѣстнаго подъ названіемъ Паммакаристы, неоднократно упоминаемаго у византійцевъ позднѣйшаго времени и по завоеваніи Константинополя турками служившаго пребываніемъ патріарху. Храмъ этотъ, обращенный пыпъ въ мечеть, въ пѣкоторыхъ своихъ частяхъ сохранился превосходно, и въ главномъ его куполѣ видны до сихъ поръ мозаичныя изображенія пророковъ, исполненные на золотомъ фонѣ.

Профессоръ Васильевскій сообщилъ описание одной весьма важной греческой рукописи, принадлежащей Императорской Публичной Библиотекѣ и приобрѣтеннѣй Библиотекой въ коллекціи рукописей преосвященнаго Порфарія. Рукопись эта, хранившаяся нѣкогда въ Синайскомъ монастырѣ, впервые была описана епископомъ Порфиремъ, относившимъ ее къ XI вѣку, и впослѣдствіи считалась утраченной, такъ какъ ни одному изъ послѣдующихъ посѣтителей Синай не удалось ее видѣть. Рукопись эта, принадлежавшая нѣкоему Исааку Месопотаму и дошедшая до насъ въ очепь неисправномъ видѣ, такъ какъ въ ней въ разныхъ мѣстахъ не достаетъ листовъ, по своему содержанію можетъ быть раздѣлена на три главныя части. Въ первой, послѣ отрывковъ одной статьи, не имѣющей начала, по представляющей, очевидно, надгробную рѣчъ императрицы Иринѣ, женѣ Мануила I Комнина, слѣдуетъ и преобладаетъ корреспонденція митрополита города Навпакта (теперь Лепанто), Иоанна Апокавка, который жилъ и дѣйствовалъ въ первой половинѣ XIII вѣка, пользовался, какъ видно изъ переписки, расположениемъ первыхъ эпирскихъ Комниновъ, особенно же Феодора Комнина Дуки (1214—1230 гг.), императора Солунскаго; письма Иоанна къ Феодору весьма интересны и могутъ послужить къ разъясненію того положенія дѣлъ, которое утвердилось въ Греціи послѣ основанія Латинской имперіи, а также—национального греческаго движенія противъ франковъ; между письмами Иоанна есть нѣсколько адресованныхъ къ знаменитому Михаилу Акоминату, митрополиту Афинскому, къ извѣстному кавонисту Димитрію Хома) тину, митрополиту Охридскому, и къ митрополиту Керкирскому (Корфу—Георгию Вардину; пы перемежку встрѣчаются отрывы изъ письма Иоанна и вообще—посланія къ нему, адресованные другими лицами, а разными образомъ разнаго рода акты, относящіеся къ церковнымъ дѣламъ—патріаршія грамоты, въ которыхъ идетъ рѣчь о неизвѣстныхъ доселъ проектахъ унії съ Римскою церковью, постановленія мѣст-

ныхъ соборовъ, изъ коихъ особенно многочисленныя—по дѣламъ бра-
коразводнымъ—представляютъ иногда большой интересъ въ бытовомъ
отношениі. Вторая часть рукописи заключаетъ въ себѣ нѣсколько
надгробныхъ и похвальныхъ рѣчей XII вѣка, принадлежащихъ, по
видимому, не одному лицу, хотя въ заглавіи названъ только Евсентій
Торникій; рѣчи въ честь императора Мануила и на смерть Алексія
Комнина, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть сына Анны Комнины и
кесаря Никифора Вріенія, заключаютъ въ себѣ новые и не лишен-
ные важности историческихъ данныя, а надгробное слово въ честь
умершаго митрополита Аеїнскаго, имя котораго прямо не названо,
но все-таки можетъ быть легко угадано, заключаетъ въ себѣ новые
свѣдѣнія для исторіи города Аеїнъ въ среднія вѣка (именно въ XII в.).
Въ послѣдней третьей части сборника преобладаютъ сочиненія Ми-
хайла Акомината Аеїнского; всѣ они впрочемъ уже напечатаны въ
извѣстномъ изданіи Ламбра. При своемъ сообщеніи профессоръ Васи-
льевскій приводилъ выдержки и отрывки, объясняющіе значеніе и
важность вновь открывшагося для византинистовъ источника, ко-
торый преосвященнымъ Порфиремъ былъ названъ „невѣдомымъ миру
сокровищемъ“.

Второе сообщеніе профессора Васильевскаго было посвящено обоз-
рѣнію ученыхъ изданій Православнаго Палестинскаго общества, при
чемъ онъ остановился и на приготовленныхъ имъ самимъ къ изданію
двухъ греческихъ памятникахъ (Хожденіе Епифанія и не изданыя
доселѣ житія Мелетія Нового).

Профессоръ Успенскій представилъ нѣсколько весьма любопыт-
ныхъ рефератовъ: такъ, въ членіи: „О нѣкоторыхъ рукописяхъ
на островѣ Халки и въ Святоградскомъ подворѣ въ Кон-
стантинополѣ“ онъ представилъ описание двухъ значительнѣйшихъ
константинопольскихъ книгохранилицъ, изъ которыхъ первое на
островѣ Халки, гдѣ находится извѣстная халкинская школа, вмѣщающее
въ себѣ древнюю патріаршую библіотеку. Изъ ея обозрѣнія оказы-
вается, что надежды открыть въ Константинополѣ новая и важная ру-
кописи тщетны, но что все-таки кое-что представляетъ интересъ
и не лишено извѣстнаго значенія. Такъ, между прочимъ, въ Халкин-
ской библіотекѣ сохранилось собраніе тициковъ или уставовъ мона-
стыря св. Мамонта, извѣстнаго изъ договоровъ Русскихъ князей съ
греками; къ этому же монастырю пріурочивается че мало крупиныхъ
фактовъ изъ болгарской исторіи. Будучи основанъ въ царствованіе
Юстиніана, монастырь этотъ нынѣ не существуетъ и топографіями

Константиноополя помѣщается въ различныхъ мѣстностяхъ: халкинскіе типики представляютъ нѣсколько новыхъ данныхъ для исторіи и топографіи этой обители. Далѣе, въ той же библиотекѣ имѣется синаксарное житіе св. Стефана Сурожскаго, столь важное для русской исторіи; къ сожалѣнію, при житіи этомъ не имѣется перечисленія и описания чудесъ святаго. Тамъ же находится (изданное позавѣтно Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ) описание путешестій въ Китай, предпринятаго по повелѣнію царя Алексія Михайловича Николаевича Спаэріемъ съ товарищами, при чѣмъ греческій текстъ описанія сопровождается небезинтересными русскими гlosсами. Для разнаго рода историческихъ и литературныхъ соображеній важно житіе св. Давида Солунскаго, составленное въ VIII в. и касающееся историческихъ событий при Юстинианѣ, при которомъ жилъ святой. Не лишены интереса сборники, извѣстные подъ названиемъ катастиховъ, имѣющіе значеніе для исторіи городовъ, для уразумѣнія городской администраціи и городскихъ сословій и т. д. Описанія второй изъ вышеупомянутыхъ библиотекъ референтъ, за недостаткомъ времени, не коснулся.

Въ другомъ рефератѣ: „О не изданномъ греческомъ текстѣ, имѣющемъ отношеніе къ русской исторіи“ профессоръ Успенскій коснулся одного не изданного греческаго памятника, помѣщенаго въ рукописи Ватиканской библиотеки и представляющаго церковное слово, сказанное пеизвѣстнымъ проповѣдникомъ въ цареградской Софіи и имѣющее надписаніе: на миръ съ болгарами. Надписаніе это, по мнѣнію референта, дано слову старымъ книжникомъ, и притомъ на томъ единственномъ основаніи, что въ словѣ однажды употреблено имя болгаръ. Этотъ же книжникъ сдѣлалъ на поляхъ слова различныхъ пояснительныя замѣтки, пріурочивая различные указанія и намеки слова къ личностямъ Симеона Болгарскаго, Романа Лакапена и др. Профессоръ Успенскій не считаетъ возможнымъ согласиться съ надписаніемъ и указаніями и по внимательному разсмотрѣніи, какъ всей обстановки, которую рисуетъ ораторъ, такъ и частныхъ его указаний и намековъ, приходить къ тому заключенію, что слово это рисуетъ намъ византійско-русскія отношения конца X вѣка, и правильнѣе должно бы быть названо: „на усмиреніе мя-тежа и на просвѣщеніе Руси христіанствомъ“. Дѣйствительно, толькъ миръ, который праздновался въ Константиноополѣ, есть миръ послѣ внутренней усобицы, при чѣмъ она сопровождалась военнымъ дѣломъ у Константиноополя, близъ моря. Другимъ поводомъ къ торжеству

слово ставить единение Ския и Эллина, единение двухъ отдаленныхъ странъ и народностей. О мирѣ съ болгарами тутъ врядъ ли можетъ быть рѣчь, и скорѣе изъ всего можно выводить, что во врема произношениія слова съ ними не было мира. Далѣе говорится о пришествіи какого-то гордаго Протея, говорившаго полуеллинскимъ, полуварварскимъ языкомъ и не хотѣвшаго заключить миръ, о пораженіи его Моисеемъ и о завершениі дѣла сыномъ Давидовимъ, побѣдавшимъ Голіафа. Эти намеки профессоръ Успенскій отожествляетъ съ событиями Византійской имперіи конца X вѣка. Смута, о которой говорить слово, есть восстание Варды Фоки при Василіѣ II, Протей — Святославъ, Моисей — Цамискій, сынъ Давидовъ — Владіміръ. Подобно тому, какъ Давиду не сужено было привести къ окончанію начатое имъ зданіе Іерусалимскаго храма, а освященіе его предложено Саломону, такъ и воинствующаго Святослава, котораго греки пытались обратить въ христіанство, Господь не допустилъ до про свѣщенія свѣтомъ истинной религіи, а даровалъ это его сыну. Этотъ послѣдній, оказавъ помощь Византіи, пришелъ добровольно, исполненный полученнаго свыше указанія. Принятиемъ христіанства Русь стала дружественною грекамъ и такимъ образомъ соединились въ цѣлостности составъ разъединенныхъ части вселенной. Съ принятиемъ христіанства Русь измѣнила свою политику и отказалась, во имя союза вѣры съ греками, отъ попыткѣ утвердиться на Дунай и Черномъ морѣ: такимъ образомъ она принесла ради интересовъ Византіи значительныя жертвы. Весьмаѣ бѣоятно, что и Византія, помимо духовнаго усыновленія и брака съ ея принцессою, предоставила Владіміру какія-либо права и прерогативы, и намекъ на это профессоръ Успенскій видѣть въ перенѣмѣ имени Владіміра на Василія, которое, можетъ быть, обозначаетъ не что иное, какъ дарованіе Русскому князю царскаго титула. Въ заключеніе профессоръ Успенскій представилъ попытку объясненія загадочнаго слова: пимехрусу, заключающагося въ Святославовомъ договорѣ: тутъ, по его предположенію, заключается указаніе на Хрисополь, при которомъ могла быть оказана русскими военная помощь византійцамъ.

Наконецъ, третій рефератъ профессора Успенскаго посвященъ былъ вопросу: „О землевладѣніи по византійскимъ числовымъ книгамъ“. Чонятіе объ его содержаніи читатель можетъ составить по изслѣдованию референта: „Сѣди числовыхъ книгъ въ Византіи“, помѣщенному въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, январь 1884 г.

Заканчивая отчетъ о занятияхъ VI-го археологического съезда, считаемъ нужнымъ оговориться, что, сверхъ перечисленныхъ, были на немъ читаны и другие рефераты гг. Крыловымъ, Будде, Вагайлемъ, Бруномъ, Перетятковичемъ, Никитскимъ, Цвѣтавскимъ, Иловайскимъ, Турчаковскимъ, Свирильнымъ и др., о которыхъ мы не говорили подробнѣ частію за недостаткомъ точнѣйшихъ свѣдѣній о ихъ содержаніи, частію потому, что они уже напечатаны *in extenso* въ различныхъ современныхъ изданіяхъ.

Изъ вышеизложенного читатель можетъ усмотрѣть, какое богатое содержаніе представили засѣданія съезда, въ которыхъ принимали живое и дѣятельное участіе специалисты по различнымъ отраслямъ археологии, разъяснившіе и приблизившіе къ решенію много вопросовъ этой науки. Нельзя въ заключеніе не пожелать, чтобы ихъ рефераты въ возможно скоромъ времени сдѣлались доступными для большинства публики透过儿евъ своевременное изданіе въ свѣтъ Трудовъ съезда.

М. Шемяловскій.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1884 ГОДУ.

Императорское Русское Географическое Общество завершило въ минувшемъ году сороковой годъ со времени своего основанія. Общество это уже давно заняло одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду нашихъ ученыхъ учрежденій, и разнообразная плодотворная дѣятельность его не оскудѣваетъ. Объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ тѣ данные, которые представлены въ отчетѣ Общества за 1884 годъ, прочитанномъ въ годовомъ собрании 9-го января 1885 года.

Въ 1884 году Общество понесло нѣсколько тяжелыхъ утратъ въ средѣ своихъ членовъ; скончались: знаменитые русские ученые — геологъ Г. Е. Щуровскій и археологъ графъ А. С. Уваровъ, кромѣ того, горный инженеръ В. Г. Ерофеевъ, изслѣдователь Книги Большой Чертежъ Е. К. Огородниковъ, руководитель предпринятой Географическимъ Обществомъ въ 1876 г. нивелировки Сибири И. В. Мошковъ, этнографъ П. П. Чубинскій, предсѣдатель Вѣнскаго географического общества Ф. Гохштетеръ и еще нѣсколько другихъ лицъ. Затѣмъ къ концу минувшаго года общее число членовъ состояло изъ 846 лицъ.

Ученая дѣятельность Общества заключалась въ рядѣ предпринятыхъ по его иниціативѣ ученыхъ экспедиціяхъ, въ разныхъ другихъ ученыхъ работахъ, въ сообщеніяхъ и въ изданіи ученыхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ географическихъ знаній.

Дѣйствующая ученая экспедиція Общества, которая находится вънѣ въ дѣйствіи, имѣетъ предметомъ внутреннюю Азію: И. М. Пржевальскій продолжаетъ свои странствованія по Тибету, а Г. Н. Потанинъ путешествуетъ въ Китаѣ. Къ сожалѣнію, по трудности спонсированія этими путешественниками, Общество имѣть пока лишь отрывочныя свѣдѣнія объ ихъ странствованіяхъ.

Н. М. Пржевальский, оставивший Ургу, 8-го ноября 1882 года, прибылъ въ концѣ августа на Куку-норъ, куда прошелъ поперекъ Гоби черезъ Дынь-юань-инъ и Сининъ. Далѣйшія свѣдѣнія о ходѣ экспедиціи полковника Пржевальского заимствованы изъ тѣхъ писемъ его, которыя онъ, съ разрѣшенія Государя Императора, присыпалъ съ пути для доклада Государю Наслѣднику Цесаревичу. Съ разрѣшенія Его Императорскаго Величества, Государю Наслѣднику Цесаревичу благоугодно было повелѣть передать эти письма Обществу.

„Въ концѣ мая“, пишетъ г. Пржевальский, — „мы прибыли къ подножію горъ Бурханъ-Будда, ограждающихъ къ сторонѣ Цайдама высокое нагорье сѣвернаго Тибета. Отсюда начинался новый актъ нашего путешествія. Весь лишній багажъ и запасные верблюды оставлены были, подъ карауломъ семи казаковъ, въ восточномъ Цайдамѣ; сами же мы, въ числѣ 14 человѣкъ, отправились на истоки Желтой рѣки и далѣе къ югу, на сколько будетъ возможно. Троє сугубъ употреблено было нами для подъема на хребеть Бурханъ-Будда, пересѣвалъ черезъ который имѣеть 15.700 футовъ абсолютной высоты; спускъ же на южную сторону гораздо короче, ибо тамъ уже залегаетъ высокое нагорье сѣвернаго Тибета. Это послѣднее поднято надъ уровнемъ моря на страшную высоту 14—15.000 футовъ, и занимаетъ обширную площадь, упирающуюся на западѣ въ Памиръ, на югѣ — въ сѣверную Гималаю, на востокѣ — въ горные хребты собственнаго Китая. На этомъ-то нагорѣ, именно, въ его восточной части, лежатъ истоки двухъ знаменитыхъ китайскихъ рѣкъ — Желтой или Хуанъ-хѣ, и Голубой, или Инъ-циы-цзяна. Не смотря на попытки китайцевъ, еще до начала нашей эры, а затѣмъ въ прошломъ столѣтіи, изслѣдовать истоки названныхъ рѣкъ — сдѣлать имъ этого не удалось. Да и вообще до послѣднаго времени сѣверный Тибетъ оставался, частію же и теперь остается, страною, совершенно искѣдомою для географической науки. Переезавши черезъ Бурханъ-Будда и пройдя еще сотню verstъ по пустынному нагорью, мы достигли наконецъ желанной цѣли — истоковъ Желтой рѣки. Она образуется на абсолютной высотѣ 13.600 футовъ, изъ двухъ рѣчекъ, притекающихъ съ юга и съ запада, изъ горъ, разбросанныхъ на плато и питается многочисленными ключами обширной (верстъ 60 въ длину и около 20 въ ширину) болотистой долины, извѣстной подъ именемъ Одоны-тала. Сама Хуанъ-хѣ является здѣсь еще весьма скромною рѣкою, состоящею изъ двухъ-трехъ рукавовъ, каждый сажень въ 12—15 ширины, при глубинѣ въ 2 фута на бродахъ и при малой водѣ. Пройдя такимъ образомъ

верстъ 20, Желтая рѣка впадаетъ въ обширное озеро, окрашиваетъ своими мутными водами его южную сторону, а затѣмъ, вылившись къ востоку, вскорѣ вступаетъ въ другое такое же озеро, изъ котораго выходитъ уже значительной рѣкою; далѣе—сдѣлавъ круту излучину для обхода вѣчно-снѣгового хребта Амисмачинъ, прорываетъ своимъ бѣшеніемъ поперечные гряды Куэнъ-люня и стремится въ предѣлы собственнаго Китая.

„Лишь только мы взошли на горы сѣвернаго Тибета, какъ тотъ часъ же встрѣтили ужасный климатъ. Не смотря на вторую половину мая, здѣсь не рѣдко бушевали матели, какъ зимою, а почные морозы доходили до -23° Ц. Тѣмъ не менѣе, отъ подобныхъ холодовъ не погибла здѣшняя тощая трава и даже послѣ сильнаго мороза солнце вновь отогрѣвало скудные цвѣты. Но не только въ маѣ, даже въ іюнѣ и іюлѣ, морозы (до -5°) бывали въ каждую ясную ночь, а дожди шли почти каждый день, иногда же по нѣсколько сутокъ сряду. Количество водяныхъ осадковъ, приносимыхъ сюда изъ-за Гималаевъ юго-западнымъ муссономъ Индійскаго океана, такъ велико, что Сѣверный Тибетъ превращается лѣтомъ почти въ сплошное болото. Нечего и говорить, на сколько трудно было ходить по этимъ болотамъ нашимъ выручнымъ верблюдамъ и на сколько былъ вреденъ сырой холодный климатъ для этихъ животныхъ, привыкшихъ къ теплу и сухости. Но дикии пустыни сѣвернаго Тибета, столь непривѣтливыя для человѣка, что въ большей части этой страны отказываются жить дажеnomads—укрываютъ многочисленныя стада дикихъ животныхъ, именно: яковъ, хулановъ, антилопъ, горныхъ барановъ и даже медвѣдей. Не смотря на безлѣсіе страны, медвѣдей здѣсь очень много. Ежедневно мы встречали ихъ по нѣсколько штукъ, иногда болѣе десятка, и убили до 30 экземпляровъ. Здѣшній медвѣдь весьма трусивъ и убѣгає даже рабочий, только самка отъ медвѣдь матъ иногда бросается на охотника.

„Проведя нѣсколько дней на истокахъ Желтой рѣки, мы направились далѣе на югъ и къ рѣкѣ Голубой, или Ди-чу, какъ называются ее здѣсь тангуты. Мѣстность по прежнему представляла холмистое, иногда гористое плато, въ большей своей части покрытое кочковатыми болотами, поросшими твердою, какъ проволока, тибетскою осокою. Водораздѣль двухъ великихъ китайскихъ рѣкъ, въ мѣстности нами пройденной, имѣть 14,500 футовъ абсолютной высоты. Далѣе къ югу, уже въ бассейнѣ Ди-чу, характеръ мѣстности быстро измѣняется—она превращается въ горную альпійскую страну; но лѣсовъ

по горамъ еще иѣтъ, хотя травянистая флора довольно богата и разнообразна. Здѣсь же кочуютъ со своими стадами яковъ и барановъ тангуты племени Камъ. Они встрѣтили насъ хотя не особенно дружелюбно, но и не враждебно.

Черезъ сотню верстъ труднаго пути по горной странѣ, мы достигли береговъ Ди-чу, протекающей здѣсь на абсолютной высотѣ 12.700 фут. Стѣсненная горами рѣка имѣеть сажень 50—60 ширину, воду очень мутную, теченіе чрезвычайно быстрое и глубину весьма большую. Переprавиться съ верблудами чрезъ подобную рѣку намъ было невозможно, слѣдовательно, путь далѣе къ югу—прегражденъ. Взамѣнь того, рѣшено было обслѣдовать большія озера верхней Хуанъ-хэ. Но сначала мы провели недѣлю на берегу Ди-чу, занимаясь экскурсіями по окрестностямъ. На одной изъ такихъ экскурсій тангуты съ противоположнаго берега Ди-чу нѣсколько разъ стрѣляли въ насъ.

Вернувшись прежнимъ путемъ въ бассейнъ Желтой рѣки, мы пошли къ ея озерамъ новымъ направленіемъ. Путь разыскивали разѣздами, такъ какъ не имѣли проводника. Жителей нигдѣ не встрѣчали, но, тѣмъ не менѣе, ближайшіе тангуты слѣдили за нами и, наконецъ, па разсвѣтѣ 13-го июля сдѣлали неожиданное на насъ нападеніе конною шайкою, человѣкъ около 300. Это нападеніе, а равно и другое вслѣдь за нимъ послѣдовавшее были отбиты и обратный путь отъ озеръ Желтой рѣки въ Цайдамъ не представлялъ особыхъ приключений — насъ только донимали частые дожди, замѣнявшіеся иногда, не смотря на конецъ юла, сильными мятежами, какъ зимою. Черезъ Желтую рѣку мы переправились на прежнемъ мѣстѣ весьма удачно, ибо вода только что сбыла наканунѣ. Разбойниковъ-тангутовъ болѣе не видали. Только недалеко отъ южной подошвы Бурханъ-Будда встрѣтили мирную партію, человѣкъ въ тридцать, занимавшихся промывкою золота. Этого послѣднаго очень много во всемъ Сѣверномъ Тибетѣ. На томъ прискѣ, который мы теперь посѣтили, золотоносная почва выкашивалась тангутами не глубже какъ на 1—2 фута отъ поверхности и промывка производилась самимъ грубымъ способомъ. Тѣмъ не менѣе, тангуты показывали намъ цѣлые горсти золота все крупными кусочками, не меньше горошинъ, часто же вдвое, втрое болѣе. При болѣе тщательной разработкѣ здѣсь, несомнѣнно нашлись бы громадныя сокровища.

Переваливъ вновь черезъ Бурханъ-Будда, мы спустились въ равнину Цайдама, который, не смотря на все свое безобразіе, показался

намъ теперь благодатною страною, послѣ всѣхъ незвѣданныхъ Тибета. Ровно 1,000 верстъ обошли мы по этому послѣднему въ продолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ и, смѣю похвалиться, оружіемъ завоевали для науки изслѣдованіе одного изъ самыхъ невѣдомыхъ уголковъ центральной Азіи. Теперь намъ предстоитъ путь въ Западный Цайдамъ, гдѣ устроимъ новый складъ въ уроцішѣ Гастъ и, въ теченіе зимы, займемся изслѣдованіемъ окрестныхъ мѣстностей. Однако, какъ ни желательно отправиться въ новое мѣсто тотчасъ же—приходится отложить выступленіе до конца августа, потому что нужно купить еще 20 новыхъ верблюдовъ, а затѣмъ обождать, пока не пропадутъ, при наступлѣніи осени, столь вредныя для верблюдовъ тучи москѣвъ и оводовъ на Цайдамскихъ болотахъ".

Что касается Г. Н. Потанина, то онъ, со своими спутниками, вышелъ изъ Кронштадта на фрегатѣ „Мининъ“ 15-го августа 1883 года, а 1-го апрѣля 1884 года высадился въ Чифу, куда былъ доставленъ съ прочими членами экспедиціи на корветѣ „Скобелевъ“. Изъ Чифу экспедиція двинулась па Шекянъ, Тянъ-Цзинъ и Тунъ-чжеу. Дополнивъ свое снаряженіе въ столицѣ Срединной имперіи, при любезномъ содѣйствіи императорской россійской миссіи, г. Потанинъ 13-го мая оставилъ Пекинъ и спустя 42 дня прибылъ въ Гуй-хуа-ченъ (Куку-хото) въ Монголію. На пути экспедиція посѣтила знаменитую группу буддійскихъ монастырей въ горахъ Утай. Чтобы посѣтить эти монастыри, г. Потанинъ и предполагалъ кружный путь къ Куку-хото другому, болѣе прямому, по которому слѣдовала въ 1878 году г. М. М. Пѣвцовъ. Маршрутъ г. Потанина пролегаетъ черезъ городъ Тань-синь, Фупинъ-синь, горы Утай, городъ Тай-чжеу, хребеть Манъ-Тоу и городъ Шоншъ-фу до Гуй-хуачена. На протяженіи отъ рѣки Сань-гань-хэ, на два перехода сѣверѣ прохода Янъ-мынь-гуанъ въ горахъ Манъ-тоу, до Куку-хото г. Потанинъ прошелъ по мѣстности, до того еще ни кѣмъ изъ европейскихъ путешественниковъ не посѣщенной. Изъ Куку-хото экспедиція выступила 31-го юля, 4-го августа переправилась черезъ Хоань-хэ ниже города Хе-коу и, пройдя черезъ ставки князей хошуновъ Джунгаръ, Ванъ и Джасыкъ, а также бейсы Ушинскаго, 2-го сентября достигла южнаго края Ордоса въ Боро-болгосунѣ; отсюда экспедиція направилась на Лапъ-чжеу. Изъ Вана г. Потанинъѣздилъ на рѣку Чхамакъ въ святилище ордосскихъ хошуновъ—Еджентъ-хоро, гдѣ хранится кости Чингисъ-хана.

Естественно-исторический сборъ экспедиціи до прибытія въ Куку-хото

не былъ особенно значителенъ, такъ какъ интересный материалъ для коллекцій доставили лишь горы къ сѣверу отъ Шопинъ-фу, гдѣ наши и деревни встрѣчаются рѣже, чѣмъ на пройденной раньше части пути.

Прикомандированный къ экспедиціи топографъ Скасси производилъ во все время пути отъ Пекина до Гуй-хуа-чена бусольную съемку и сдѣлалъ необходимыя наблюденія для опредѣленія географическихъ координатъ городовъ Пекина, Фучана, Тай-чжоу, Шопинъ-фу и Гуй-хуа-чена, а раппо и нѣсколькихъ деревень, въ томъ числѣ и Утай. Сверхъ того, произведены наблюденія для вычислѣнія высоты надъ уровнемъ моря восьми многихъ пунктовъ. Эти наблюденія уже доставлены г. Потанинымъ въ Географическое Общество и переданы г. Шарнгорсту, для производства вычисленій.

Въ минувшемъ году закончились труды Усть-ленской поллярной станціи, начальство надъ которой было вѣроено г. Юргенсу. Изъ предварительного сообщенія г. Юргенса видно, что вторая зимовка на Усть-ленской станціи прошла также благополучно, какъ и первая. Всѣ наблюденія продолжались по прежней программѣ до послѣдній числа марта мѣсяца, когда, вслѣдствіе увѣдомленія изъ Географического Общества, были прекращены терминныя наблюденія. Въ половинѣ марта были получены свѣдѣнія о мамонтѣ, лежащемъ въ земѣ всего въ 35 верстахъ отъ станціи и открытому уже 27 лѣтъ тому назадъ. 26-го марта членъ экспедиціи д-ръ Бунге перешхалъ туда и, поселившись въ устроенномъ изъ снѣга балаганѣ, не теряя времени, приступилъ къ раскопкамъ. Съ небольшими перерывами, работа продолжалась до 10-го мая, когда таяніе снѣговъ принудило прекратить ее, и д-ръ Бунге возвратился на станцію. Гг. Юргенсонъ и Эйгеромъ предприняты были экспедиціи для производства магнитныхъ наблюденій и астрономическихъ опредѣленій мѣстъ. Г. Эйгеръ выѣхалъ со станціи 29-го февраля черезъ Будунъ въ Устьянскъ, а возвратился черезъ устье рѣки Омолой, губу Борхал и Быковъ мысъ 5-го апрѣля. Въ 14 пунктахъ, изъ которыхъ 6 опредѣлены астрономически, имъ сдѣланы магнитныя наблюденія. 10-го апрѣля отправился г. Юргенсъ къ устью рѣки Оленека и 26-го возвратился на станцію. Наблюденія сдѣланы имъ въ селеніяхъ Балкалахъ (на устьѣ Олеченка) и Турахъ (западная часть дельты Лены). Такъ какъ, по недостатку перевозочныхъ средствъ, личному составу станціи, съ значительными грузомъ, не представлялось возможности возвратиться одновременно, то рѣшено было отправляться партиями.

Первымъ уѣхалъ въ Булуңь 1-го мая, по зимпему еще пути, г. Эйнеръ, взявъ съ собою одну серию магнитныхъ приборовъ, которые онъ, по прибытии въ Булуңь, въ ожиданіи вскрытия Лены, установилъ тамъ, вмѣстѣ съ некоторыми метеорологическими, и въ теченіе одного мѣсяца производилъ при помощи только своего казака, правильныя наблюденія. 15-го июня, на купеческомъ каюкѣ, онъ продолжалъ путь въ Якутскъ и прибылъ туда черезъ 42 дня, 26-го июня. Въ то же время на станціи наблюденія продолжались по прежнему. Г. Юргенсъ совершилъ еще одну поѣздку на западъ на островъ Дунай, про который жители нерѣдко упоминали, какъ о крайнемъ пункѣ дельты. Выѣхалъ 14-го мая, отъ па полпути туда, въ уро-чищѣ Орто-станъ и затѣмъ па сѣверной оконечности Дунаѧ, оказавшагося значительнымъ островомъ около 30 верстъ протяженія, сдѣлалъ астрономическія и магнитныя опредѣленія. Сѣверный мысъ острова Дунаѧ, въ то же время, вѣроатно, и самая сѣверная часть дельты Лены, находится въ широтѣ $73^{\circ} 55'$, то-есть, почти па $'$,⁰ сѣвериѣ станицы, хотя по картамъ послѣдняя записывается країпее къ сѣверу положеніе. Черезъ шесть дней г. Юргенсъ возвратился на станцію. Послѣдняя экскурсія предпринята была имъ 23-го мая для съемки протока, ведущаго отъ станціи къ мѣсту, где находился мамонтъ, и закончена 28-го мая. Во время путешествія г. Юргенса всѣ трудности службы на станціи несъ д-ръ Бунге съ тремя нижними чинами. Въ юнь мѣсяцѣ произведена съемка острова Сагастыря и его окрестностей, повторено измѣреніе базиса, и опредѣлены въ послѣдний разъ постоянныя величины малаго теодолита, которымъ производились абсолютныя наблюденія. Въ то же время готовились къ отѣзду, дѣлали ящики для упаковки инструментовъ, подняли на 2 фута борта наибольшей изъ шлюпокъ, имѣвшихся на станціи, чтобы она могла поднять предпазначающейся для нея грузъ, весла, мачту и проч. 20-го июня наблюденія были закончены, и станція закрыта. 26-го июня г. Юргенсъ съ остававшимися при немъ нижними чинами отправился вверхъ по рѣкѣ на двухъ лодкахъ. У мамонта въ теченіе двухъ сутокъ ждали тунгусского старосту, за которымъ г. Юргенсъ послалъ нарочного, чтобы условиться съ нимъ относительно доставленія верховыхъ оленей для д-ра Бунге, который съ однимъ казакомъ рѣшился остататься въ дельтѣ Лены до зимнаго пути. Д-ръ Бунге желалъ въ концѣ юна, когда уровень воды въ рѣкѣ понизится на столько, что обнаружится то мѣсто, где, по словамъ якутовъ, лежитъ мамонтъ, возобновить свои поиски, до тѣхъ же поръ пройти

на шлюпкѣ до с. Турахъ и оттуда верхомъ на оленяхъ изслѣдоватъ западный берегъ дельты до острова Дунай. Изъ телеграммы д-ра Бунге, изъ Иркутска отъ 20-го декабря, видно, что отъ тѣла мамонта имъ найдены лишь разрубленные луками кости, немного мягкихъ частей, волосъ и скѣды содержимаго желудка и кишечка. Что касается маршрута на Турахъ и сѣвериѣ, то онъ выполненъ и съемка частью удалась. 28-го июня г. Юргенсъ разстался съ своимъ сотрудникомъ и 14-го июля достигъ Булуна, гдѣ случайно засталь пароходъ „Левъ“, на которомъ 19-го августа возвратился въ Якутскъ.

Независимо отъ вышепоименованныхъ экспедицій, предпринятыхъ Обществомъ, главнымъ образомъ на средства дарованныя ему съ этой цѣлью Августѣйшимъ его Покровителемъ, необходимо упомянуть и о тѣхъ, которые были исполнены лишь при правственной поддержкѣ Общества. Къ этой категоріи относится восхожденіе на Эльборусъ Л. Д. Иванова, путешествіе Г. Э. Груміть-Гржимайло въ при-алайскія страни, поѣзда О. М. Истомина въ Архангельскую губернію, экскурсія Э. А. Вольтера къ Латышамъ и экспедиція г. Никольского на озеро Балхашъ.

Попытка Д. Л. Иванова достичнуть вершины Эльборуса не увѣличалась желаемымъ успѣхомъ главнымъ образомъ вслѣдствіе измѣнъ проводниковъ, оставившихъ его на полупути: взойда на абсолютную высоту въ 15,400 футовъ, г. Ивановъ и спутникъ его, д-ръ Павловъ, должны были начать обратный путь, не дойдя до цѣли около 3,000 футъ по высотѣ.

Г. Е. Груміть-Гржимайло посѣтилъ въ отчетномъ году при-алайскія страны преимущественно съ цѣлью производить тамъ зоологическія изслѣдованія, но попутно собралъ коллекціи и по другимъ отраслямъ естествоизнанія.

О. М. Истоминъ сдѣлалъ поѣздку въ Архангельскую губернію съ этнографической цѣлью и собралъ за лѣто въкоторые интересные материалы о бытѣ населенія посѣщенныхъ имъ мѣстностей, главнымъ образомъ произведенія народнаго творчества. Не довольствуясь собираниемъ указанныхъ данныхъ, г. Истоминъ старался пріобрѣсти между мѣстными наблюдателями народнаго быта сотрудниковъ для Географического Общества, и отъ вѣкоторыхъ изъ нихъ уже стали поступать интересныя сообщенія.

Э. А. Вольтеръ єздилъ минувшимъ лѣтомъ въ тѣ мѣста Витебской, Ковенской и Сувалкской губерній, гдѣ живутъ представители Латышскаго племени. Во время своего пребыванія среди латышей

г. Вольтеръ собралъ много материаловъ по народному творчеству инфляндскихъ латышей, по обычному праву ихъ, а также и по другимъ проявлениямъ ихъ духовной жизни.

Въ числѣ другихъ работъ, производимыхъ при содѣйствіи Общества, видное мѣсто занимаютъ метеорологическія наблюденія. Въ 1869 году Русское Географическое Общество особымъ циркуляромъ обратилось ко всѣмъ любителямъ науки съ просьбою производить и доставлять въ Общество наблюденія надъ метеоритами осадками и грозами. Многія лица отозвались на это приглашеніе и продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно присылали въ Общество такія наблюденія. Въ 1880 году, когда этого важнаго для метеорологии материала накопилось достаточно, Географическое Общество обратилось въ главную физическую обсерваторію съ просьбою принять на себя его обработку и дальнѣйшее веденіе дѣла. Обсерваторія тогда же изъявила согласіе на это. Въ концѣ 1883 года обсерваторія получила отъ правительства средства для организаціи дождемѣрныхъ и грозовыхъ наблюденій и уведомила Общество о томъ, что съ 1-го января 1884 г. она можетъ принять на себя непосредственное веденіе этого дѣла. Въ виду этого совѣтъ Общества постановилъ обратиться ко всѣмъ доставлявшимъ ему вышеупомянутыя наблюденія съ просьбою посыпать вперед эти наблюденія въ главную физическую обсерваторію и по всѣмъ вопросамъ, касающимся этого рода наблюденій, входить съ нею въ непосредственное сношеніе. Обработанный материалъ изъ наблюденій надъ осадками и грозами обсерваторія будетъ печатать въ своихъ изданіяхъ и всѣмъ, доставившимъ ей въ теченіе года названныя наблюденія, будетъ безвозмездно высылать свои изданія, касающіяся этого рода наблюденій.

Въ отчетномъ году Общество имѣло восемь общихъ собраній, посвященныхъ слушанію сообщеній и докладовъ секретаря о ходѣ работы Общества. Предметы сообщеній въ этихъ собраніяхъ были слѣдующіе: россійскій консулъ въ Гаммерфестѣ Д. П. Бухаровъ сообщиаъ о совершенномъ имъ осенью 1883 года путешествіи по Лапландіи вдоль русско-шведско-норвежской границы; докторъ Б. И. Дибовскій—о Командорскихъ островахъ въ экономическомъ и статистическомъ отношеніи; Д. Л. Ивановъ—о своемъ путешествіи на Памиръ въ 1883 году; В. М. Успенскій прочелъ переведенное имъ съ китайскаго языка описание острова Хайнана; И. И. Стебницкій сдѣлалъ сообщеніе о результатахъ занятій международной конференціи, заставившей въ октябрѣ 1884 года въ Вашингтонѣ по вопросу объ об-

щемъ первомъ меридианѣ и универсальномъ времени; Ю. М. Шокальскій—о катастрофѣ въ Зондскомъ проливѣ въ 1883 году, и П. М. Лессаръ—о пограничныхъ съ Афганистаномъ туркменскихъ племенахъ, посыпанныхъ имъ раннею весною 1884 г. Сообщенія болѣе специального характера происходили въ засѣданіяхъ отдѣленій Общества. Такъ, въ соединенныхъ отдѣленіяхъ математической и физической географіи С. Н. Иникитинъ сообщилъ о строеніи рѣчныхъ долинъ средней Россіи, Д. Л. Ивановъ—объ орографіи Памира и въ связи съ вопросомъ о Болорѣ, А. А. Талло—о напряженіи земного магнитизма и вѣковомъ его измѣненіи въ Европейской Россіи, а И. В. Мушкетовъ—о путешествіи профессора Н. В. Сорокина по центральному Тянъ-Шаню въ 1884 году и о путешествіи въ томъ же году А. М. Кошина по Сарыкамышской котловинѣ. Въ отдѣленіи этнографіи были сдѣланы слѣдующія сообщенія: С. Я. Капустинъ—о законахъ строя русской народной пѣсни и о связи ея съ строемъ общинной жизни русского народа, П. В. Шейномъ—о скоморошныхъ пѣсняхъ, Э. А. Вольтеромъ—о поездкѣ къ прусскимъ литовцамъ, Г. И. Труманомъ—о сѣдахъ финского элемента въ Гдовскомъ уѣздѣ, С.-Петербургской губерніи, Н. М. Ядринцевъ—о путешествіи чл.-с. А. В. Адріанова на Алтай и за Саяны, Д. Л. Ивановъ—о некоторыхъ древностяхъ Туркестанского края, и князь И. А. Путятины—о гончарномъ искусствѣ въ каменномъ вѣкѣ. Наконецъ, въ Отдѣленіи статистики И. С. Познанскій сообщилъ о результатахъ переписи г. Варшавы 28-го января 1882 г., Н. М. Ядринцевъ—статистическія свѣдѣнія о ссылкѣ въ Сибирь, М. А. Брецкинскій—о землепользованіи у крестьянъ Алтайского округа, С. Я. Капустинъ—о методѣ разработки вопроса о пьянствѣ и предположенія относительно программы для изслѣдованія этого вопроса и объ общинномъ бытѣ сибирскихъ крестьянъ (два сообщенія), и Н. Н. Бѣлиевскій—о рекогносцировкѣ центрального пути къ Среднюю Азію.

Изъ числа изданій Общества въ теченіе отчетнаго года выпущены въ сѣть:

1) „Очерки Сѣверо-Западной Монголіи“ Г. Н. Потанина, выпускъ III, представляющій томъ въ 372 страницы и заключающей въ себѣ дневникъ путешествія автора въ 1879 году. Сюда же вошли: топографическое описание пути, пройденного по сѣверо-западной Монголіи въ 1879 году топографомъ Орловымъ; анализы водъ изъ озеръ Убса, Киргизъ-норъ и Дзеренъ-норъ; результаты барометрическихъ опредѣленій высотъ; перечень зоологическихъ коллекцій и иѣсколько

статей, касающихся Монголії, въ переводе съ китайского языка. Къ книгѣ приложена карта Монголії и 4 таблицы геологическихъ разрѣзовъ. Этими выпусками завершается издание результатовъ экспедиціи Г. Н. Потанина въ 1876 и 1879 годахъ.

2) „Записки по Общей Географії“, 4-й выпускъ XII тома, содержащий въ себѣ „Записки переводчика, составленные переводчикомъ при окружномъ управлении на островѣ Цусимѣ, Огапо-Кигоро“, въ переводе Дмитревскаго, и представляющія любопытныя съѣдѣнія, преимущественно этнографического характера, о Корѣи и ее обитателяхъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Текстъ снабженъ примѣчаніями и дополненіями, заимствованными г. Дмитревскимъ изъ китайскихъ источниковъ.

3) „Записки по Отдѣленію Этнографії“, томъ XII, содержащий въ себѣ „Сказки и предания Самарского края“, посмертный трудъ скончавшагося въ 1883 году даровитаго собирателя этнографическихъ материаловъ, Д. Н. Садовникова.

Кромѣ этихъ изданій, продолжали выходить Извѣстія Общества несрочными выпусками; ихъ издано шесть, и они составили XX-й томъ этого изданія. Въ этомъ томѣ подъ рубрикою „Дѣйствія Общества“ помѣщены журналы засѣданій совѣта, общихъ собраний, отдѣленій и комиссій за большую часть отчетнаго года. Главный, почти исключительный контингентъ статей, напечатанныхъ себѣ мѣсто на страницахъ Извѣстій, составляютъ статьи, читанные въ собрaniяхъ общихъ и по отдѣленіямъ. Къ XX тому Извѣстій приложены 4 карты, изъ коихъ двѣ относятся къ чтеніямъ И. М. Лессара о Закаспійскомъ краѣ и странахъ, съ нимъ сопредѣльныхъ, одна — къ описанію маршрутовъ К. Д. Носилова въ области полярнаго Урала, и одна — къ описанію маршрута топографа П. Е. Косякова по Карагеину и Дарвазу. Печатаніе библіографическаго указателя В. И. Межова подъ заглавиемъ „Литература русской географіи, этнографіи и статистики“ прекращено по недостаточности средствъ Общества.

Въ теченіе 1885 года Извѣстія предположено издавать по прежней программѣ, но выпускать чаще прежнаго и притомъ разширить въ нихъ библіографический отдѣлъ, въ которомъ будутъ помѣщаемы обзоры важнѣйшихъ географическихъ и нѣкоторыхъ литературныхъ журналовъ, при чемъ будутъ даваться или только указанія на статьи, или же и краткое изложеніе содержанія статей, изъ числа относящихся до Россіи и сопредѣльныхъ странъ, преимущественно азиатскихъ.

Кромѣ поименованныхъ изданій, нѣсколько другихъ находятся въ печати и будуть выпущены въ свѣтъ въ течевіе нынѣшняго года.

Библіотека Общества сдѣлала въ минувшемъ году значительныхъ приобрѣтенія. Обществу въ 1884 году прислали свои изданія въ даръ или обмѣнъ на изданія Общества 414 учрежденій (въ томъ числѣ 157 заграничныхъ) и 95 редакцій (въ томъ числѣ 12 иностраннѣхъ). Сверхъ того, въ пожертвованіяхъ принимали участіе 89 частныхъ лицъ. Периодическихъ изданій Общество получало 231 — 100 издающихся въ Россіи и 131 заграничныхъ. Полуперіодическихъ изданій и отчетовъ поступило 102—38 (44 тома) изданыхъ въ Россіи и 74 (109 томовъ) заграничныхъ; отдѣльныхъ сочиненій — 803—346 (въ 396 томахъ) изданыхъ въ Россіи и 257 (въ 316 томахъ) иностраннѣхъ. Карта и атласовъ 39. Фотографическихъ альбомовъ 10. Къ 1-му января 1885 года въ библіотекѣ состояло 602 періодическихъ и полуперіодическихъ изданій и 13,214 отдѣльныхъ сочиненій. Общее число томовъ доходило до 45,000. Существенное облегченіе для пользованія библіотекой достигнуто чрезъ окончаніе систематическаго каталога ея.

Въ состоявшемся 9-го января сего года годовомъ собраніи Общества, которымъ заключился отчетный годъ, объявлено было о присужденіи выдаваемыхъ Обществомъ почетныхъ наградъ.

Высшая награда присуждена А. И. Воейкову за его сочиненіе „Климаты земного шара, въ особенности Россіи“. По отзыву разбирающаго это сочиненіе Р. Э. Ленца, сочиненіе это составляетъ весьма богатый вкладъ не только въ отечественную, но и во всемирную литературу по метеорологии, особенно замѣчательный по обширности специальной эрудиціи автора и по самостоятельности его возврѣній; Россія въ этомъ трудѣ отведено главное мѣсто, и все главы, ей посвященные, представляются, по мнѣнию рецензента особенно интересными и дополненными новыми фактами. „Здѣсь“, говорить рецензентъ, — „А. И. Воейковъ является первокласснымъ авторитетомъ, не имѣющимъ соперника. Разработкою метеорологического матеріала, собранного многими изъ нашихъ путешественниковъ по средней Азіи, личнымъ съ ними знакомствомъ, знаніемъ литературы, относящейся къ этимъ частямъ свѣта и, наконецъ, личнымъ изученіемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ, А. И. Воейковъ сдѣлался первымъ авторитетомъ по климатологіи Азіи и рука мастера чувствуется на каждой страницѣ этихъ главъ. Еслибъ А. И. Воейковъ вмѣсто

всего сочиненія дадъ только эти 10 главъ, то и тогда его трудъ составлялъ бы богатѣйшій вкладъ въ науку и навѣрно можно предсказать, что эти главы на долгое время останутся важнѣйшимъ источникомъ по климатологіи Азіи".

Затѣмъ большая золотая медаль имени графа Ф. П. Литке присуждена Н. Я. Цингеру за его способъ опредѣленія времени; большая золотая медаль отдѣленія этнографіи—П. В. Шейну за собранные и обработанные имъ „Матеріалы для изученія быта и языка русского населенія Сѣверо-Западнаго Края", а такая же отдѣленія статистики—И. И. Янжулу за его сочиненіе „Фабричный бытъ Московской губерніи".

Малыя золотыя медали присуждены членамъ Памирской экспедиціи 1883 года: Д. В. Путятѣ за астрономическія опредѣленія, Д. Л. Иванову за геологическія и естественно-историческія изслѣдованія, и Н. А. Бендерскому за съемки; да же—А. В. Клоссовскому за сочиненіе „Грозы въ Россія", содержащее въ себѣ обработку матеріаловъ, собранныхъ по иниціативѣ Географического Общества за время съ 1869 по 1881 годы; священнику Борису Гаврилову за рукописное сочиненіе „Языческая религіозно-обрядовая жизнь Вотяковъ Казанской и Вятской губерній"; профессору Ф. М. Цомакіону за произведенія имъ въ 1883 году въ гор. Казани по приглашенію Общества магнитныхъ наблюденія, и Ю. В. Бруннеману за пятилѣтніе труды по библіотекѣ Общества.

Сверхъ того, присуждены разныемъ лицамъ 17 серебряныхъ и 11 бронзовыхъ медалей.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1884 ГОДУ.

18-го февраля состоялось въ Аничковомъ дворцѣ годовое собрание Императорского Русского Исторического Общества. Собрание изволили почтить своимъ присутствиемъ Его Императорское Величество Государь Императоръ, Почетный Предсѣдатель Общества, и почетные члены его Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великий Князь Владимиrъ Александровичъ.

Предсѣдатель Общества А. А. Полovцовъ открылъ засѣданіе чтеніемъ годового отчета, начало которого выражено было въ слѣдующихъ словахъ:

Ваше Императорское Величество,
Ваша Императорская Высочество,
Милостивые государи.

„Приступая къ исполненію лежащей на миѣ обязанности представить отчетъ о дѣятельности нашего Общества за истекшій годъ, я долженъ просить извиненія въ томъ, что, не смотря на многолѣтнюю къ этому дѣлу привычку, нахожусь сегодня въ большомъ смущеніи. Скроимъ труды наши получаютъ въ нынѣшній вечеръ удостоеніе, соразмѣрное отнюдь не достоинству ихъ, а исключительно любви нашего Августѣйшаго Основателя къ отечественной исторіи. Среди неизчислимыхъ заботъ о дѣлахъ государственныхъ, нашъ Державный Хозяинъ не только удѣляетъ намъ драгоценную часть своего скучного досуга, но и удостоверяетъ высокой чести имѣть сочленомъ Наслѣдника Цесаревича. То, что мы видимъ здѣсь, въ этой памятной намъ библіотекѣ Аничкова дворца, составляетъ свѣтлое для русской исторіи событіе,

и счастливо Историческое Общество, на долю коего выпало внести этот день въ свою летопись".

Въ дальнѣйшемъ содержаніи отчета г. предсѣдатель представилъ обзоръніе дѣятельности Общества за минувшій 1884 годъ (о чмъ будетъ сказано ниже), и закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ вспоми-наніемъ о скончавшихся въ истекшемъ году членахъ Общества:

"Въ минувшемъ году Общество наше лишилось члена-корреспондента, профессора Марбургскаго университета Эриста Германа, который въ теченіе многихъ лѣтъ доставлялъ намъ копіи съ интересовавшихъ Общество документовъ, хранившихся въ Дреаденскомъ и Берлинскомъ архивахъ.— 29-го декабря 1884 года скончался членъ Общества графъ Алексѣй Сергеевичъ Уваровъ. Живя постоянно въ Москвѣ, трудясь болѣе на поприщѣ археологіи, чѣмъ исторія, графъ Уваровъ лишь въ незначительной степени могъ принимать участіе въ занятіяхъ Общества; но смерть его невольно вызываетъ скорбное участіе во вскомъ, кому дороги успѣхи науки въ Россіи. Въ силу многочисленныхъ и многоразличныхъ естественныхъ условій, русское научное бogaство еще не можетъ почесться обильнымъ, и люди, безкорыстно посвящающіе жизнь свою наукѣ, у насъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, имѣютъ право на сочувствіе современниковъ. Такимъ человѣкомъ, человѣкомъ твердаго научнаго труда былъ графъ Уваровъ, и я сча-стливъ, что имѣю возможность сегодня здесь произнести его имя, имя одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи".

Затѣмъ, въ заключеніе отчета, г. предсѣдатель сказалъ:

"Оканчивая перечень свершенаго Обществомъ нашимъ въ минувшемъ году и оставляя другимъ оцѣнку научной заслуги нашей, я приемлю однако смѣость выразить твердую надежду, что, благодаря высокому покровительству, создавшему и ведущему насъ, при дружномъ вашемъ, милостивые государи, участіи, дѣятельность Общества не останется безльдною въ великомъ дѣлѣ русского просвѣщенія".

Пользуясь, какъ данными, сообщенными въ отчетѣ, такъ и самими изданіями Исторического Общества, вышедшими въ послѣднее время, представляемъ обзоръніе его дѣятельности въ 1884 году.

Какъ известно, труды Общества заключаются главнымъ образомъ въ собрaniи и обнародованіи матеріаловъ, касающихся русской ис-торіи. Въ истекшемъ году Обществомъ отпечатано восемь книгъ издаваемаго имъ Сборника, съ тома XLII-го по XLVIII-й вклю-чительно.

Томъ XLII-й заканчиваетъ собою изданіе переписки императрицы

Екатерины, хранящейся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Во всемъ своемъ объемѣ переписка эта заняла пять томовъ Сборника XLIII-й томъ содержитъ въ себѣ бумаги съ 1789 года по 1796, а также дополненія и поясненія къ предшествующимъ томамъ переписки; въ частности сюда вошли: а) письма, раскрыпты и записки императрицы къ разнымъ лицамъ, съ 1789 года по день ея кончины; б) разнаго рода записки и замѣтки государыни, безъ обозначенія времени ихъ написанія; эти послѣдніе документы, за отсутствіемъ хронологического опредѣленія, напечатаны въ алфавитномъ порядкѣ лицъ, къ коимъ они адресованы. Кромѣ того, настоящій томъ дополненъ, въ видѣ опыта, указами, зачѣтками и революціями императрицы Екатерины за іюнь, іюль и августъ 1762 года, сообщенными изъ архива правительствующаго сената въ С.-Петербургѣ, гдѣ они находятся въ книгахъ именныхъ высочайшихъ указовъ. Бумаги, означенныя въ первыхъ двухъ рубрикахъ, списаны въ государственномъ архивѣ подъ наблюденіемъ Я. К. Гrotta, а весь томъ напечатанъ подъ наблюденіемъ Г. Ф. Штендмана, при участіи Д. Ф. Кобеко.

XLIII-й томъ Сборника содержитъ въ себѣ продолженіе изданія дѣлъ Екатерининской комиссіи по составленію проекта нового уложенія и въ этой серіи составляетъ часть шестую. Сюда вошли наказы, данные депутатамъ отъ присутственныхъ мѣстъ, а именно: наказъ правительствующаго сената; наказъ святѣшаго синода, съ дополненіемъ, присланнмъ отъ малороссійскаго духовенства; наказы коллегій, герольдмейстерской конторы, главнаго магистрата, главной полиції, ямской канцеляріи, академіи наукъ, канцеляріи конфискації, канцеляріи строенія государственныхъ дорогъ, главной надѣ тажомженными сборами канцеляріи, канцеляріи оценкунства иностранныхъ и судного приказа; при некоторыхъ изъ этихъ наказовъ помѣщены и относящіяся къ нимъ приложения; однако число этихъ приложений гораздо менѣе, чѣмъ ихъ было первоначально; но какъ видно изъ предисловія къ XLIII-му тому Сборника, многія изъ упомянутыхъ приложений не сохранились въ архивѣ II-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, откуда извлечены всѣ означенные документы. По той же причинѣ не могли быть помѣщены на соотвѣтствующемъ мѣстѣ въ настоящемъ томѣ и наказы отъ юстиціи-колlegіи эстляндскихъ, лифляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, ревизіонъ-колlegіи и камеръ-конторы эстляндскихъ, лифляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, депутаты которыхъ были однако въ комиссіи.

Наказы эти не нашлись и въ другихъ архивахъ. Наблюденіе за печатаніемъ XLII-го тома Сборника принадлежало профессору В. И. Сергеевичу.

XLIX-й томъ, изданный подъ наблюденіемъ Я. К. Грота, заключаетъ въ себѣ письма барона Мельхиора Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II, на французскомъ языке. Часть этихъ писемъ хранится въ государственномъ архивѣ, а остальные доставлены Обществу покойнымъ свѣтлѣшими князьямъ С. М. Воронцовыми и Н. Р. Фурманомъ. Какъ уже было замѣчено въ обзорѣ дѣятельности Исторического Общества за 1883 годъ¹⁾, письма эти, при всей своей цепкотѣ, составляютъ важное и существенное дополненіе къ письмамъ императрицы къ Гримму, уже издааннымъ прежде въ XXIII-мъ томѣ Сборника Общества.

О XLV-мъ томѣ Сборника также говорилось уже при обозрѣніи трудовъ Исторического Общества за 1883 годъ. Томъ этотъ, посвященный финансовой исторіи времени Александра I, содержитъ въ себѣ: а) планъ финансовъ, предложенный М. М. Сперанскимъ заключающій въ себѣ двѣ части: 1) устройство финансовъ на 1810 годъ, и 2) устройство финансовъ съ 1810 года на будущее время; затѣмъ б) генеральный годовой отчетъ о государственныхъ расходахъ и доходахъ, полагая расходы по новому предписанію, 20-го декабря 1796 года; в) расписы о государственныхъ приходахъ и расходахъ за царствованіе императора Александра I, съ 1801 по 1825 годъ. Сюда же вошелъ всеподданѣшій докладъ секретнаго комитета финансовъ о сметахъ государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1814 годъ. Какъ необходимое дополненіе къ расписямъ, помѣщены отчеты объ исполненіи росписей, съ 1801 по 1825 годъ.

Въ XLVI-мъ томѣ Сборника помѣщены донесенія австрійскаго послы при русскомъ дворѣ графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Марии-Терезіи и государственному канцлеру графу Кауницу-Ритбергу съ 2-го июля 1762 года по осень 1763 года, а также донесенія того же дипломата за послѣдніе мѣсяцы царствованія императрицы Елизаветы, то-есть, со времени пріѣзда его въ Россію. Томомъ этимъ, напечатаннымъ подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана, заканчивается изданіе донесеній графа Мерси, первая часть которыхъ—за царствованіе императора Петра III—помѣщена была въ XVIII-мъ томѣ Сборника.

¹⁾ См. юньскую линию Ж. М. Н. Пр. за 1884 годъ.

Томъ XLVII-й содержитъ въ себѣ рядъ русскихъ историческихъ документовъ изъ второй половины XVIII столѣтія, извлеченныхъ изъ разныхъ правительственныеыхъ и частныхъ архивовъ. Томъ состоитъ изъ двухъ отдѣлошъ: первый содержитъ въ себѣ бумаги Я. И. Булгакова, бывшаго русскимъ посломъ въ Константинополѣ въ то трудное время, когда совершалось присоединеніе Крыма къ Россіи, возбуждавшее всеобщее внимание и лихорадочную дѣятельность представителей европейскихъ державъ при Портѣ, и затѣмъ посломъ въ Варшавѣ съ 1789 по 1792 годъ, когда въ Рѣчи Посполитой произоходили волненія, вынудившія русское правительство ввести туда войска для восстановленія спокойствія; документы эти въ самомъ выгодномъ свѣтѣ изображаютъ энергическую личность Булгакова; затѣмъ содержаніе второго отдѣла XLVII-го тома составляютъ донесенія генераловъ М. В. Каховскаго и М. И. Кречетникова, начальствовавшихъ введенными въ Польшу русскими войсками; эти послѣдніе документы, хотя и не представляютъ желанной полноты, тѣмъ не менѣе проявляютъ значительный свѣтъ на малоизвѣстныя до сихъ поръ событія, приведшія къ такъ-называемому второму раздѣлу Польши. Томъ этотъ составленъ и изданъ трудами Н. О. Дубровина.

Наконецъ, послѣдній изъ изданныхъ нынѣ томовъ Сборника, XLVIII-й, содержитъ въ себѣ переписку императрицы Екатерины II по вѣшнимъ дѣламъ, а также и ея личную переписку съ другими царствовавшими и иностранными государственными дѣятелями (письма Екатерины II къ Фридриху Великому уже были напечатаны въ ХХ-мъ томѣ Сборника). Сюда же включены инструкціи и раскрыты русскимъ дипломатическимъ агентамъ и командующимъ войсками въ военное время. При самомъ вступлѣніи своемъ на престолъ императрица Екатерина II дала совершенно новое направление русской вѣшней политикѣ; поэтому ей по необходимости приходилось много работать самой и вникать во всѣ подробности иностраннѣхъ сношеній Россіи. Когда, въ первые дни по ея воцаренію, коллегія, въ числѣ другихъ вопросовъ, представила государынѣ, что прежде всегда было такое обыкновеніе, „что для неутрудженія многимъ и излишнимъ чтенiemъ, подносимы были государынямъ экстракты только изъ министерскихъ реляцій, заключающіе нужнѣйшее къ свѣдѣнію“, то императрица положила резолюцію: „точныя реляціи (то-есть, подлинники) ко миѣ принести“. Дѣйствительно, при разсмотрѣніи дипломатического архива Екатерининна царствованія видно, что государыня не только сама вела переписку съ другими коронованными osobами,

но и читала всѣ реляціи русскихъ дипломатическихъ агентовъ за границей, съ объяснительными замѣчаніями министерства, и большую часть документовъ возвращала въ коллегію со своими замѣтками и резолюціями; нерѣдко реляціи какого-либо посланника или докладъ министра вызывали со стороны государыни болѣе или менѣе обстоятельное наставлениѳ или же запросъ коллегіи о томъ, какого она мнѣнія по тому или другому вопросу. Не ранѣе, какъ установивъ свою вѣшнюю политику на твердыхъ национальныхъ началахъ и ознакомившись вполнѣ со своими министрами, Екатерина решается, наконецъ, дать имъ большую свободу дѣйствій: „Министры наши при иностранныхъ дворахъ“, пишетъ она, — „жалуются, что на многихъ ихъ реляціи отвѣтъ и резолюцій нѣтъ, а маѣтъ одной, прочитавъ реляціи, нельзя столько прілежности имѣть за множествомъ дѣлъ, чтобы всегда придумывать все то, что къ добруму успѣху дѣлъ принадлежитъ“. Съ этихъ порь императрица ограничивается одними общими отвѣтами и наставленими нашимъ дипломатамъ за границей. Съ 1764 г. количество собственноручныхъ резолюцій императрицы замѣтно уменьшается, а съ другой стороны, получаются большее значеніе депеши министровъ къ представителямъ Россіи за границей, такъ что съ этого времени, и особенно съ 1765 г., вѣкоторые депеши Павина, Остремана и др. нисколько не уступаютъ по своему историческому интересу и содержанию раскрытиямъ государыни и служатъ ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ и разясненіемъ. Въ виду того, что на многихъ изъ нихъ находится помѣта: „Ея Императорское Величество апробовать изволила“, депеши эти также введены въ составъ печатаемой нынѣ политической переписки Екатерины II. Вся эта переписка хранится въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и лишь немногіе относящіеся къ ней документы находятся въ С.-Петербургскомъ государственномъ архивѣ. Труды по изданію политической переписки императрицы Екатерины II были возложены Обществомъ на барона Ф. А. Бюлера, при содѣйствіи магистра В. А. Ульянинскаго. Собранные ими въ Московскомъ главномъ архивѣ документы дополнены, при изданіи, хранящемся въ С.-Петербургскомъ государственномъ архивѣ перепиской императрицы Екатерины съ русскимъ посломъ въ Варшавѣ графомъ Кейзерлингомъ, за 1762 и слѣдующіе годы.

Кромѣ оконченныхъ печатаниемъ томовъ Сборника, нѣсколько дальниѣшихъ книгъ его уже находятся въ печати или приготовляются къ ней. Содержаніе ихъ будетъ слѣдующее: Въ XLIX-й томъ вой-

дуть донесенія французскаго посланника при русскомъ дворѣ Кампредона и дипломатическаго агента Лави своему правительству за 1722 и 1723 годы включительно; здѣсь же будуть помѣщены крайне важныя инструкціи и депеши кардинала Дюбуа за 1722 и 1723 годы, по день смерти его, 10-го августа 1723 года, и отчеты и протоколы о заключеніи союзнаго договора Франціи съ Россіей, начатые въ 1717 году во время пребыванія императора Петра I въ Парижѣ и оконченные Амстердамскимъ договоромъ 17-го августа 1717 года; документы о началѣ этихъ переговоровъ уже напечатаны въ XXXIV-мъ томѣ Сборника. Затѣмъ въ томъ L-й войдутъ депеши великобританскаго представителя въ Россіи лорда Витворта, съ 1708 по 1712 годъ, служащи продолженіемъ такихъ же документовъ, уже изданныхъ въ XXXIX-мъ томѣ Сборника. Въ томъ LI-мъ, имѣющемъ составить продолженіе серіи, посвященной дипломатическимъ сношенніямъ древней Россіи, будуть помѣщены документы о сношенияхъ Московскаго государства съ Польско-Латинскимъ за время малолѣтства Иоанна IV и о сношенихъ съ Пруссіемъ орденомъ меченосцевъ въ періодъ съ 1515 по 1520 г. Наконецъ, въ томѣ LII-мъ появятся документы о Тешенскомъ конгрессѣ 1779 года, доставленные княземъ Н. В. Репнинимъ изъ его фамильного архива и дополненные извлечениями изъ бумагъ государственного архива и Московскаго главнаго архива министерства иностраннаго дѣлъ.

Озабочиваясь дальнѣйшимъ обогащеніемъ своего запаса историческихъ материаловъ, Историческое Общество, въ теченіе минувшаго года, успѣло приобрѣсти важные и любопытные документы, главнымъ образомъ изъ архивовъ французскихъ и австрійскихъ. Такъ, изъ Франціи благодаря благосклонному содѣйствію начальства парижскаго архива министерства иностраннаго дѣлъ, Обществу доставлены интересныя депеши кардинала Дюбуа французскому посланнику Кампредону, а равно и тѣ документы, которые относятся къ переговорамъ о союзномъ и торговомъ договорахъ Россіи съ Франціей, въ 1717, 1718, 1721 и 1722 годахъ. Затѣмъ доставлена изъ того же архива часть документовъ, относящихся до миссии кавалера Дугласа при С.-Петербургскому дворѣ, и начало донесеній посланника маркиза Лопитала, съ юля 1757 года. Кроме того, изъ секретнаго архива французского министерства иностраннаго дѣлъ сообщены копіи съ мемуаровъ, бумагъ и записокъ графа А. Ф. Ланжерона, бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора, съ 1796 по 1826 г., а изъ семейнаго архива

герцога Ришелье—копіи съ записокъ и переписки Херсонского военного губернатора А.-Э. Ришелье, съ 1793 по 1822 годъ.

Изъ вѣнскаго архива получены, при содѣйствіи директора его Арнета и русскаго консула въ Вѣнѣ К. А. Губастова, недостававшія еще, депеши графа Мерса д'Аржанто за октябрь и ноябрь 1761 года, то-есть, за послѣдніе мѣсяцы царствованія Елизаветы Петровны.

Собирание материаловъ изъ двухъ англійскихъ правительстvenныхъ архивовъ: министерства иностраннѣхъ дѣлъ и Public Record Office простирановилось за смертью русскаго военнаго агента въ Лондонѣ, генераль-маіора Ланца, который въ высшей степени усердно и добросовѣсно трудился въ лондонскихъ архивахъ. Общество, впрочемъ, разчитываетъ, что работы генерала Ланца будутъ продолжены преемникомъ его по той должности, которую онъ занималъ въ Лондонѣ, полковникомъ Бутурлинымъ: онъ уже принялъ на себя обязанность собрать документы, относящіеся ко времени Семилѣтней войны.

Кромѣ собирания и обнародованія историческихъ документовъ, Общество, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предприняло обширный трудъ—составленіе біографического словаря русскихъ дѣятелей. Предварительная работа по этому словарю заключается въ составленіи списка лицъ, біографіи которыхъ должны быть въ немъ помѣщены. По настоящее время отпечатано 14 листовъ этого списка, на буквы А, Б, В, Г и М, при чёмъ при имени каждого лица обозначены годы его рождения и смерти.

Кромѣ членія отчета о дѣятельности Общества, въ годовомъ собраниі его было сдѣлано нѣсколько ученыхъ сообщений нѣкоторыми изъ членовъ.

Вице-предсѣдатель Общества А. Ф. Бычковъ представилъ обзоръ приготовительныхъ работъ для изданія писемъ императора Петра I. Напомнивъ о томъ, что уже нѣсколько изданий Исторического Общества представили цѣнныя материалы для исторіи великаго государя, г. Бычковъ указалъ въ особенности на одинъ изъ томовъ Сборника, который заключаетъ въ себѣ болѣе 600 писемъ и указовъ Петра, большую частью собственноручныхъ, извлеченныхъ главнымъ образомъ изъ архива правительствующаго сената. Этотъ томъ, содержащий въ себѣ богатыя, дотолѣ почти неизвѣстныя свѣдѣнія о монархѣ, былъ приготовленъ ко дню празднованія двухсотлѣтія со дnia рожденія императора Петра I. Появленіе въ свѣтѣ, какъ этого сборника, такъ и другихъ собраний писемъ Петра и документовъ касательно его царствованія ко дню памятнаго юбилея, подало мысль о свое времен-

ности сосредоточить въ одномъ изданіи всѣ, какъ уже обнародованные, такъ и хранящіеся еще въ разныхъ архивахъ письма, указы, резолюціи и бумаги Петра I. По всеподданнѣйшему докладу тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго, мысль эта была Высочайше одобрена въ Бозѣ почивающемъ Государемъ Императоромъ, и для осуществленія ея была образована особая комиссія. Трудами ея обнаружено, что въ государственныхъ архивахъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностраннѣхъ, а равно въ разныхъ архивахъ духовнаго, военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, хранится весьма много писемъ, указовъ и бумагъ Петра Великаго; гораздо менѣе находится ихъ въ рукахъ частныхъ лицъ. Все число собранныхъ по настоящему времени документовъ, за выданіемъ лублетныхъ писемъ, напечатанныхъ подъ двумя и тремя годами вслѣдствіе ошибочнаго опредѣленія времени ихъ написанія, простирается до 8,000 номеровъ. Между ними, самыми ранними являются учебныя тетради Петра и письмо его къ матери, царицѣ Наталии Кирилловнѣ, изъ Переяславля, отъ 20-го апреля 1688 года, въ которомъ онъ, именуя себя ея сынишкою, въ работѣ пребывающимъ, говорить о высылкѣ канатовъ для кораблей, строящихся на Переяславскомъ озерѣ. Оканчиваются же собранные документы письмомъ Петра въ Пруссскому королю отъ 25-го января 1725 г., въ которомъ государь, за три дня до своей кончины, просить Фридриха-Вильгельма I о присылкѣ ему врача, королевскаго "лейбъ-медикуса фонъ Стала, яко славнаго практикуса". Въ этомъ обширномъ собраніи документовъ, рядомъ съ маловажными и получающими мѣсто въ собраніи только потому, что они или подписаны Петромъ, или носятъ на себѣ слѣдъ его руки, находятся драгоценные и любопытные. Въ числѣ послѣднихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе черновыя бумаги руки государя, хранящіеся въ государственномъ архивѣ и въ Московскому главномъ архивѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ, несомнѣнно свидѣтельствующія, что главная и существенная часть содержанія вѣкоторыхъ дипломатическихъ актовъ во время Сѣверной войны, подписанныхъ канцлеромъ графомъ Головиномъ, писана самимъ государемъ; что важныя письма и бумаги, шедшія отъ имени разныхъ лицъ, какъ напримѣръ, боярина Ф. А. Головина, графа Б. П. Шереметева, генерала А. А. Вейде и др., принадлежать также Петру Великому; ваконецъ, что значительное число законодательныхъ актовъ и документовъ, заключающихъ въ себѣ распоряженія по устройству морскаго и военнаго дѣла, по развитію въ государствѣ промышленности и торговли, по устройству въ немъ заводовъ и фабрикъ, по

распространенію грамотности въ народѣ и образованія въ высшемъ сословіи, по водворенію правосудія, по искорененію взяточничества и хищенія казны, по водворенію экономіи въ расходахъ и пр., были составляемы лично государемъ, иногда даже въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Не менѣе имѣютъ значенія черновыя работы Петра по составленію уставовъ воинскаго и морскаго. До сихъ поръ приписывалось Феофану Прокоповичу составленіе пространнаго и очень важнаго указа св. синоду, отъ 31-го января 1724 г., о званіи монашескому, о правилахъ жизни въ монастыряхъ мужскихъ и женскихъ, о помѣщеніи въ монастыряхъ мужскихъ — убогихъ отставныхъ солдатъ и нищихъ, а въ женскихъ — малолѣтнихъ сиротъ обоего пола; между тѣмъ указъ этотъ отъ начала до конца писанъ самимъ Петромъ, какъ это обнаруживается найденная черновая его руки. Изъ собранныхъ материаловъ выяснилось также участіе государя въ составленіи такъ называемой книги Марсовой, гдѣ его перу принадлежать очень многія редакціи о побѣдахъ надъ Шведами и о взятіи разныхъ крѣпостей, и въ сочиненіи Шафирова „Разсужденіе, какія законныя причины Его Царское Величество къ начатію войны противъ короля Кароля XII Шведскаго имѣлъ“, гдѣ многія мѣста и все заключеніе писаны Петромъ. Не смотря однако на обиліе собраннаго коммиссіей матеріала, оказывается, что огромное число писемъ Петра Великаго погибло для насъ невозвратно — какъ отъ обычнаго у насъ небреженія къ историческімъ памятникамъ, такъ и отъ пожаровъ. Въ особенности изъ ранніхъ годовъ сохранилось лишь весьма немного писемъ Петра, и притомъ лишь къ нѣсколькимъ лицамъ, тогда какъ есть полное основаніе утверждать, что уже въ то время государемъ велась дѣятельная переписка. Указанія на эти утраченныя письма усматриваются изъ отвѣтныхъ писемъ лицъ, съ которыми государь велъ спошениа, и которыхъ, отвѣчая ему, упоминали время и мѣсто написанія царскихъ писемъ, вызывавшихъ ихъ отвѣты. Такъ открывается, что утратилось много писемъ Петра къ князю А. Д. Меншикову, къ князьямъ Д. М. и П. А. Голицынымъ, къ Л. О. и Г. О. Долгоруковымъ и многимъ другимъ лицамъ. Другія указанія на утраченныя письма Петра обнаруживаются изъ разсмотрѣніи стариннаго изданія „Тетрадей записныхъ всакимъ письмамъ и дѣламъ, кому что приказано отъ Его Императорскаго Величества Петра Великаго 1704, 1705 и 1706 годовъ“, гдѣ приведены въ извлеченіи многія царскія письма, выѣхъ не существующія ни въ подлинникахъ, ни въ полныхъ копіяхъ. Любопытно, что утрачивались цѣлыя собранія подлинныхъ писемъ

Петра Великаго (напримѣръ, къ Т. Н. Стрѣшневу, Апраксиному, графу Б. П. Шереметеву, А. А. Вейде и др.), такъ что комиссіи приходилось извлекать ихъ изъ прежнихъ печатныхъ изданій и изъ рукописныхъ сборниковъ переписки Петра I съ его современниками. Письма эти, находившіяся въ частныхъ фамильныхъ архивахъ, уже не существуютъ теперь тамъ, гдѣ они хранились первоначально, и лишь немногія изъ нихъ встրѣчены въ рукахъ поздѣйшихъ собирателей и въ казенныхъ архивахъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, гдѣ составленномъ комиссией собраніи писемъ и бумагъ Петра Великаго оказываются вѣкторые невольные пробѣлы; но и не смотря на то, обнародование этого собранія, къ печатанію которого предполагается приступить въ самомъ скоромъ времени, будетъ включать въ себѣ историческій интересъ высокой важности, и благодаря ему, образъ великаго государя представить въ полномъ величіи и заставить позабыть вѣкторые его недостатки и примириться съ его крутыми мѣрами.

Второе сообщеніе принадлежало академику Я. К. Гроту; онъ прочиталъ очеркъ исторіи такъ-называемой Альянской конфедерациі, то-есть, военного заговора финскаго войска противъ короля Густава III, во время Шведской войны 1788 года. Очеркъ этотъ находится въ ближайшей связи съ біографіей Спенглпортена, печатаемой Я. К. Гротомъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Н. Ф. Дубровинъ прочиталъ записку о заботахъ Екатерины II по разработкѣ русской исторіи. Напомнивъ, что еще въ 1766 г. императрица съ сочувствіемъ встѣтила намѣреніе нѣсколькихъ частныхъ лицъ устроить въ Петербургѣ публичную бібліотеку, намѣреніе, оставшееся впрочемъ безъ осуществленія,—г. Дубровинъ сообщилъ свѣдѣнія о другомъ предположеніи Екатерины, относящемся къ 1783 г.: къ этому времени относится утвержденный государынею докладъ объ устройствѣ исторического общества; предположено было подъ начальствомъ и наблюденіемъ графа Андрея Петровича Шувалова назначить нѣсколько человѣкъ, коихъ совокупные труды составили бы „полезныя записки о древней исторіи, напечатанные же касающейся до Россіи“. Однако и это предприятіе не было осуществлено. Тѣмъ не менѣе, сама императрица продолжала трудиться надъ собирашеніемъ свѣдѣній по русской исторіи: она то привлекала къ сотрудничеству разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и Московскаго митрополита Платона, которому въ 1785 г. поручала составить „списокъ великихъ и удѣль-

ныхъ князей Россійскихъ, ихъ женъ, чьи онѣ, дѣтей и потомковъ, погребенныхъ въ церквяхъ московскихъ", то озабочивалась пріобрѣтеніемъ „манускриптовъ, особенно же до россійской исторіи касающихся", которые остались по смерти кн. М. М. Щербатова въ 1790 г., то предписывала розыскивать древнія лѣтописи въ западно-русскихъ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, и т. п. Результатомъ историческихъ работъ Екатерины были, какъ известно, составленныя ею, обширныя „Записки касательно россійской исторіи", трудъ, въ основу которого была положена мысль, что „похвальное не останется безъ похвалы, не похвальное—безъ опороченія; доброго же умалять доброту или порочного умножать дурноту и тѣмъ подобиться чеинскому врачу—не есть дѣло его" (то-есть, автора).

Послѣднее сообщеніе сдѣлано было профессоромъ Ф. Ф. Мартенсомъ, который сообщилъ неизвѣстные доселе документы обь отношеніяхъ императора Александра I къ Прускому королю Фридриху-Вильгельму III за время Отечественной войны 1812 года.

По окончаніи этихъ сообщеній, почетный членъ Общества Его Императорское Высочество Великій Князь Владими́р Александрович обратилъ вниманіе Общества на необходимость розысканія переписки патріарха Филарета Никитича съ бояриномъ Федоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, существованіе коей доказывается во II-мъ томѣ сочиненія А. Барсукова „Родъ Шереметевыхъ", издаваемаго гр. С. Д. и А. Д. Шереметевыми¹⁾.

Въ заключеніе засѣданія снова избраны были на три года предсѣдателемъ Общества — А. А. Полоццевъ, вице-предсѣдателемъ — А. Ф. Бичковъ и секретаремъ — Г. Ф. Штэндманъ.

¹⁾ Въ сочиненіи А. П. Барсукова: Родъ Шереметевыхъ, т. II, стр. 255—259 указано, что одно письмо Ф. И. Шереметева къ патріарху Филарету было известно Штрандембергу въ двадцатыхъ годахъ прошлаго века, и что затѣмъ поиски этой переписки производились въ архивахъ графовъ Шереметевыхъ еще въ 1789 г., но безуспешно; выѣтъ съ тѣмъ, г. Барсуковъ высказываетъ предположеніе, что переписку эту императрица Екатерина имѣла въ виду при составленіи своего „Актидата".

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Февраль 1885 года.

I.

Недавно состоялось зимнее засѣданіе высшаго совѣта министерства народнаго просвѣщенія. Въ немъ преимущественно рассматривались учебныя программы по среднему образованію. Общественное мнѣніе единогласно требовало сокращенія предметовъ, преподаваемыхъ въ нашихъ лицеяхъ. Сокращеніе коснулось особенно преподаванія наукъ; такъ, въ курсѣ географіи сокращено преподаваніе космографіи и геологіи и черченіе картъ, въ курсѣ исторіи сокращена исторія древней Индіи. Въ классахъ, называемыхъ грамматическими (6-й, 5-й, 4-й), слишкомъ техническія свѣдѣнія по этимологіи или метрикѣ сокращены или совсѣмъ исключены изъ преподаванія. Исторія литературы и риторика, которая преподавалась въ 3-мъ и 2-мъ классахъ, оставлены въ одномъ 2-мъ классѣ, и то одна риторика. Преподаваніе живыхъ языковъ упрощено, и урокъ длится не болѣе часа. Политическая экономія совсѣмъ уничтожена. Эстетикѣ отведенъ только одинъ урокъ. Исторія философіи не составляеть болѣе отдельнаго предмета. Въ низшихъ классахъ (9-й, 8-й, 7-й) разрѣшено давать послѣ урока четверть часа отдыха. Обращено вниманіе администраціи на необходимость установить, чтобы въ низшихъ и грамматическихъ классахъ послѣдовательные занятія продолжались не болѣе трехъ часовъ сряду. Элементарныя свѣдѣнія по физическимъ наукамъ исключены изъ программъ старшихъ классовъ, равно какъ и нѣкоторыя части математическихъ наукъ—изъ программы класса философіи. Словомъ, сохранившая программа 1880 г. въ общемъ ея составѣ, но съ сокращеніемъ

нѣкоторыхъ ея частей. Быть можетъ, настанетъ время и для болѣе значительныхъ преобразованій; въ самомъ дѣлѣ, отовсюду слышатся нападки на испытанія на степень бакалавра, заключительный экзаменъ по классическому образованію, производимый, какъ вамъ извѣстно, при факультетахъ. По поводу этого важнаго вопроса вотъ уже вѣроятно лѣтъ полемизируютъ наши педагогическіе органы, и рано или поздно онъ долженъ поступить на разсмотрѣніе высшаго совѣта министерства народнаго просвѣщенія.

Еще одинъ изъ очередныхъ вопросовъ у насъ—вопросъ университетскій. Дюбо, предшественникъ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, въ концѣ 1883 г. предложилъ факультетамъ разсмотрѣть этотъ вопросъ и сообщать по поводу его свои отзывы. Въ Парижѣ общество высшаго преподаванія обсуждало этотъ вопросъ въ послѣднихъ своихъ засѣданіяхъ. Относительно основанія факультетовъ общество высказалось почти единодушно, равно какъ и относительно того, что число университетовъ не должно быть велико, и что въ каждомъ изъ нихъ не возможно существованіе медицинскаго факультета. Главныя силы медицинского образования составляютъ большия госпитали, а они существуютъ только въ большихъ городахъ. Надо сознаться, что мы встрѣтимъ множество затрудненій въ дѣлѣ образования университетовъ; города, назначенные быть мѣстоприѣмствомъ этихъ огромныхъ учрежденій, конечно, будуть очень довольны; за то города, уже имѣющіе отдѣльные факультеты, сильно воспротивятся грозящей имъ опасности лишиться ихъ. А при образѣ парламентскаго управления, правительство можетъ опасаться возстановить противъ себя тотъ или другой департаментъ. Оно должно поступить въ этомъ дѣлѣ съ предусмотрительностью, которая требуется не только интересами педагогическими, но и политическими.

Въ ожиданіи образования такихъ же университетовъ, какіе существуютъ въ Германіи, мы начинаемъ усвоивать себѣ и университетскіе права. Наши студенты организуютъ товарищества — не для того вирочемъ, чтобы пить пиво и драться на дузлахъ, а для того, чтобы работать сообща и помогать другъ другу. Это довольно любопытное у насъ нововведеніе, но пока еще трудно о немъ судить. До сихъ поръ наши студенты жили совершенно особнякомъ. Правила французской высшей школы, установленные Наполеономъ I, абсолютно воспрещали имъ считать себя корпорацией и дѣйствовать корпоративно. И вотъ теперь эти правила отживаются свой вѣкъ. Впрочемъ парижскіе студенты, легко склонные быть гаменами, врядъ ли найдутъ

серезную необходи́мость въ организа́ции корпораций. До сихъ поръ существовали товарищества при различныхъ школахъ; такъ ученики школы правовѣдѣнія собирались для обсужденія вопросовъ по юриспруденціи, чтѣ было прекрасною подготовкою для профессіи адвоката; питомцы *école des chartes* и школы восточныхъ языковъ имѣли также свои научныя собранія; но студенты различныхъ факультетовъ собирались только въ пивныхъ. Первая мысль объ организа́ции товариществъ принадлежитъ студентамъ города Нанси. Мысль эта адѣсь вполнѣ осуществилась, такъ какъ студенты тамошнихъ факультетовъ основали свой клубъ и библиотеку. Въ Парижѣ, напротивъ того, первыя подобныя попытки были неудачны; много спорили и шумѣли безъ толку, но только теперь начинаютъ устраиваться: общество студентовъ напяло небольшое помѣщеніе, открыло даровыя лекціи стено́графіи для своихъ членовъ и основало библиотеку. 5-го января студенты съ разрѣшения ректора имѣли общее собра́ніе въ большой залѣ Сорбонны; предсѣдательствовалъ почтенный ученый Шеврель, имѣющій званіе декана французскихъ студентовъ и состоащій профессоромъ въ музѣ. Засѣданіе это имѣло большой успѣхъ.

Въ латинскомъ кварталѣ происходили въ послѣднее время волненія по поводу нашествія иностраннѣхъ студентовъ. Волненіе было особенно сильно между студентами-медиками. Они жалуются на конкуренцію иностранцевъ, мѣшающими имъ работать свободно. Въ госпиталяхъ они пользуются только извѣстнымъ числомъ больныхъ, въ амфитеатрахъ—ограниченнымъ числомъ труповъ; и то, и другое оспаривается у нихъ иностранцами, отбивающими даже платныхъ мѣста интерновъ при госпиталяхъ. Дѣйствительно, число студентовъ-иностранцевъ на медицинскомъ факультетѣ слишкомъ велико. Судя по донесенію декана, въ нынѣшнемъ году оно достигло 538 на 4000 студентовъ. Въ числѣ этихъ 538 насчитываются: 127 американцевъ, 96 русскихъ, 61 румыновъ, 12 сербовъ; встречаются даже китайцы и персы. Большая часть студентовъ-иностранцевъ поставлены въ лучшія условія, чѣмъ французскіе студенты; послѣдніе подвергаются слишкомъ строгому экзамену при поступлении въ медицинскую школу. И экономическая условія иностранцевъ лучше, чѣмъ французовъ, такъ какъ во Франціи медицинское образованіе безусловно даровое. Французскіе студенты имѣютъ полное право требовать, чтобы эти иностранцы, пользующіеся слишкомъ многимъ, не оспаривали у нихъ наградъ и права нести въ госпиталяхъ такія обязанности, за исполненіе кото-

рыхъ положено вознаграждение. Тѣмъ не менѣе французскимъ студентамъ внушили, что продолжать эти волненія неумѣстно. Она тѣмъ рискуютъ не только умалять давнишнюю репутацію французскаго университетскаго гостепріимства, но и удалить изъ Парижа людей, которые все же распространяютъ въ своихъ странахъ французскій языкъ и идеи и поддерживаютъ давнее интеллектуальное первенство Франціи, восходящее еще къ началу среднегрековой эпохи.

Этого рода беспорядки не коснулись однако словеснаго факультета, гдѣ удалось наконецъ собрать значительное число весьма дѣланныхъ студентовъ; они много работаютъ, и на послѣднемъ экзаменѣ на степень магистра и адъюнкта нѣкоторые изъ нихъ одержали верхъ надъ читомцами нормальной школы, съ давнаго времени занимавшими первое мѣсто. Тѣмъ изъ вашихъ читателей, которыхъ интересуетъ возрожденіе словеснаго факультета, и особенно рекомендую недавно вышедшую книгу Эриеста Лависса: „Вопросы національного образования“ (Questions d'Enseignement national. Paris, Armand Colin). Она заключаеть въ себѣ нѣсколько педагогическихъ этюдовъ, рѣчей, сказанныхъ студентамъ, и т. д. Лависсъ состоять директоромъ Сорбонны и весьма много содѣйствовалъ къ установлению тамъ нового порядка вещей; онъ первый изъ профессоровъ возвысилъ мысль оберегать въ аудиторіяхъ мѣста собственно для студентовъ; до тѣхъ поръ праздная публика, дамы и старики, приходившіе на лекціи дремать и грѣтись, всецѣло завладѣвали аудиторіями, а студентъ не могъ найти свободнаго мѣста для занесованія курсовъ.

Французская коллегія рѣшила сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ своемъ составѣ, и въ названіи каѳедръ. По случаю кончины Станислава Гварда открылась вакансія по каѳедрѣ арабскаго языка; теперь ее занялъ профессоръ персидскаго языка Барбье де-Мейнарь, а каѳедра персидскаго языка стала пакистанской. Коллегія уже давно желала ввести въ курсъ своего преподаванія языки венды и пеглевийскій; она просила у министра народнаго просвѣщенія разрѣшенія преобразовать каѳедру персидскаго языка въ каѳедру персидскихъ народій. Разрѣшеніе получено, и каѳедра объявлена вакантною уже подъ новымъ своимъ наименованіемъ. Эриестъ Азъ, профессоръ латинскаго краснорѣчія, вышелъ изъ коллегіи. По этому случаю коллегія просила разрѣшенія преобразовать каѳедры краснорѣчія и поэзіи въ каѳедры латинской филологии и римской литературы. Министръ одобрилъ и это. Гастонъ Буассье будетъ теперь профессоромъ латинской литературы. Эриестъ Азъ, по всей вѣроатности, замѣстить

его сынъ Луи Аве; онъ хорошо известенъ своими сочиненіями по латинской метрикѣ, о „Quogolius“ и т. д. На новой каѳедрѣ персидскихъ нарѣчій желаютъ видѣть Джемса Дармстеттера, автора замѣчательныхъ сочиненій объ иранскомъ мірѣ и переводчика Зенди-Авесты; переводъ этотъ сдѣланъ имъ для большаго англійскаго собрания религіозныхъ памятниковъ Востока, изданаго Максомъ Мильеромъ. Въ то же время французская коллегія представила двухъ кандидатовъ на каѳедру славянскихъ нарѣчій и литературы, которая сдѣлалась вакантною вслѣдствіе выхода въ отставку Ал. Ходзько; кандидаты эти — Л. Лежерь, профессоръ русскаго языка въ школѣ восточныхъ языковъ, труды котораго извѣстны и нашимъ читателямъ, и Дованъ, французскій консулъ въ Салоникахъ, извѣстный своими переводами сербскихъ и болгарскихъ пѣсень. Представленіе это было подтверждено и академіей надписей и изящной словесности. По поводу этого представленія надо замѣтить, что коллегія съ 1842 года въ первый разъ примѣнила право кооптациі. Каѳедра славянскихъ нарѣчій и литературы, основанная 42 года тому назадъ для поэта Мицкевича, не имѣла до сихъ поръ значенія штатной должности. Мицкевичу только поручено было чтеніе лекцій; оба его преемника, Кипріанъ Робертъ и Александръ Ходзько, находились въ томъ же положеніи и также были назначены непосредственно министромъ народнаго просвѣщенія. Избранный французской коллегіи будетъ первымъ штатнымъ профессоромъ по этой каѳедрѣ. Естѣн замѣтить, что теперь эта каѳедра вѣрится французскому ученому. Ее желали занять полякъ Ходкевичъ, но получивъ только 1 избирательный голосъ отъ французской коллегіи и 2 отъ академіи. Вообще каѳедры въ коллегіи предоставляются иностранцамъ только въ видѣ исключенія; до сихъ поръ не приходило въ голову вѣрить каѳедру германскихъ нарѣчій — нѣмцу, или каѳедру южно-европейскихъ языковъ — испанцу. Въ Шаріжѣ только три учрежденія имѣютъ право избирать своихъ профессоровъ, конечно, съ утвержденіемъ высшей власти, а именно: французская коллегія, школа восточныхъ языковъ и *école des chartes*. Они представляютъ двухъ кандидатовъ; институтъ съ своей стороны, также представляетъ своихъ двухъ кандидатовъ; для школы восточныхъ языковъ, *école des chartes* и филологическихъ каѳедръ французской коллегіи избираетъ кандидатовъ академія надписей и изящной словесности, для другихъ каѳедръ коллегіи (философія, науки, законовѣдение и т. д.) избираютъ академіи наукъ, изящныхъ искусствъ, праѣственныхъ и политическихъ наукъ. Слыхается,

что однѣ и толькѣ же кандидаты представляются въ первую очередь съ обѣихъ сторонъ. Окончательно выборъ принадлежитъ министру. Но бываетъ и такъ, что онъ назначаетъ профессора, который не былъ рекомендованъ ни коллегіей, ни институтомъ; впрочемъ это происходитъ лишь въ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ.

Я сообщаю вамъ въ прошломъ году объ основаніи французскаго союза, имѣющаго цѣллю распространить знаніе французскаго языка въ колоніяхъ и за границей. Съ тѣхъ порь союзъ сдѣлалъ значительные успѣхи. Къ 1-му января 1884 г. онъ насчитывалъ 200 членовъ, теперь число ихъ возросло до 5.600; отъ ежегодной взносной платы въ 6 франковъ общество имѣть болѣе 30.000 франковъ дохода; но, кроме взносной платы, надо имѣть въ виду суммы, образовавшіяся отъ подлинныхъ денегъ членовъ-основателей, изъ коихъ нѣкоторые жертвовали до 500 франковъ. Въ то же время общество получило въ даръ отъ книгопродацовъ и отъ частныхъ лицъ множество книгъ, которыхъ разданы въ нашихъ колоніяхъ и за границей. Недавно еще оно отправило ящикъ съ книгами въ семинарію римской филологии чешского университета въ Прагѣ. Оно имѣть корреспондентствъ и основало комитеты въ главныхъ городахъ всего міра, разыскаластъ награды, книги, медали, школьнія принадлежности, старается узнать тѣ мѣста, гдѣ французскому языку грозить конкуренція другаго иностранного языка (пѣмѣцкаго, итальянскаго, англійскаго), и по мѣрѣ надобности посыпаетъ туда учителей и школьній матеріаль. Россія, гдѣ такъ изучается французскій языкъ, не можетъ отнести равнодушно къ существованію подобнаго учрежденія. Со временемъ общество будетъ стараться не только распространять изученіе французскаго языка, но и посыпать своихъ учителей, въ которыхъ часто бываетъ недостатокъ, въ иностранныя земли. Оно начало издавать весьма любопытный бюллетеинъ, подъ редакціей своего главнаго секретаря, известнаго историка Фойсена. Къ каждому номеру бюллетеина прилагается таблица, показывающая распространеніе французскаго языка въ другихъ государствахъ и число школъ. Таблица эта, хотя еще и не полная для нѣкоторыхъ странъ Европы (именно для Россіи), заслуживаетъ серьезнаго вниманія статистиковъ. Въ ней встрѣчаются любопытныя данные по нѣкоторымъ вопросамъ. Такъ она показываетъ, что въ Швейцаріи, начинаяющіе изучать французскій языкъ уступаютъ на экзаменахъ тѣмъ, кто изучаетъ пѣмѣцкій языкъ. Причина тому, по словамъ составителя таблицы, кроется въ трудностяхъ французскаго правописанія и въ самомъ способѣ препо-

даванія нашего языка въ Швейцаріи слишкомъ отвлеченою. Напротивъ того, при изученіи нѣмецкаго языка ореографія не представляетъ большихъ затрудненій, и время, которое уходитъ на французскіи ліктовки, посвящающіяся толковому чтенію и писанію сочиненій, что для учителя гораздо полезнѣе, чѣмъ упражненія въ ореографіи. Если бы французскому союзу, говорить авторъ упомянутой статьи,— удалось упростить французскую ореографію, то этимъ облегчились бы изученіе французскаго языка для иностранцевъ, да и французская молодежь была бы довольна.

II.

Новые книги, о которыхъ я намѣренъ говорить, почти всѣ касаются исторіи въ литературы.

Дюрюмъ окончилъ VII и послѣдній томъ своего огромнаго сочиненія „Исторія Римлянъ“ (*Histoire des Romains*); мы не имѣли ему подобнаго въ нашей литературѣ. За это сочиненіе онъ полученъ званіемъ члена Французской академіи. Дюрюмъ былъ уже членомъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, а также академіи надписей и язычной словесности; онъ и Гизо — единственные ученые пынишнаго вѣка, удостоившіеся быть членами трехъ названныхъ академій. Неутомимый старецъ (ему 74 года), послѣ столькихъ трудовъ и славы, имѣть право на отдохновеніе, но Дюрюмъ изъ числа тѣхъ людей, которые отдыхаютъ только послѣ смерти. Теперь онъ занять новымъ изданіемъ своей „Исторіи древней Греціи“,увѣличанной двадцать лѣтъ тому назадъ преміей Французской академіи; сочиненіе это, если Богъ продлитъ жизнь его автора, будетъ не менѣе важно и замѣчательно, чѣмъ его „Исторія Римлянъ“.

Профессоръ католического факультета въ Парижѣ, аббать Дюшенъ, началъ печатать важный для исторіи церкви памятникъ „*Liber Pontificalis*“. Бывшій ученикъ нашей археологической школы въ Римѣ, аббать Дюшенъ одинъ изъ ученѣйшихъ представителей французского духовенства. „*Liber Pontificalis*“ есть собраніе жизнеописаній папъ, начиная со св. Петра и до конца IX вѣка. Долгое время приписывали этотъ сборникъ Анастасію Библіотекарю; но это не вѣрно, и имя автора неизвѣстно. Для первыхъ шести вѣковъ христіанской эры „*Liber pontificalis*“ содержитъ въ себѣ, кроме множества легендъ, любопытныя подробности по исторіи, юстиву, археологии, богослуженію и духовной дисциплинѣ. Съ VI

вѣка, это лучшій историческій документъ: „Вотъ гдѣ”, говоритьъ изда-
тель въ своемъ предисловіи, — „можно изучитьъ борьбу папъ, для
спасенія Рима, отъ ига лонгобардовъ, сношенія папъ, церковь, во-
стокъ, византійскую исторію, до и послѣ утвержденія свѣтской вла-
сти папъ. Кромеъ этикъ общихъ данныхъ, лѣтопись памятниковъ и
художественныхъ произведеній Рима занимаетъ въ книгѣ обширное
место, съ длиннымъ перечнемъ папскихъ учрежденій и подробными
инвентаремъ церконыхъ приношенній, какъ-то: серебряныхъ вещей,
книгъ, ковровыхъ тканей, драгоценныхъ тканей, картинъ и мозаикъ”.
„Liber pontificalis” была очень распространена въ средніе вѣка; из-
вестно не менѣе 150 списковъ этого памятника, но до сихъ поръ не
было еще истинно критического изданія его; аббату Дюшенну, этому
превосходному палеографу, археологу и историку, удалось исполнить
эту трудъ.

Другое любопытное сочиненіе для сравнительного изученія Фран-
ціи и Италии есть книга Мюнца: „Эпоха возрожденія въ Италии и
во Франціи во время Карла VII” (*La Renaissance en Italie et en France à l'époque de Charles VII*). Эта книга, превосходно иллю-
стрированная, есть весьма важное сочиненіе съ точки зренія науки.
Всѣ иллюстраціи воспроизведены съ подлинниковъ, самъ текстъ
вполнѣ достоинъ ученаго автора жизни Рафаззі. Сочиненіе Мюнца
обнимаетъ не только пластическое искусство, но и литературу, нау-
ку, музыку и поэзію. Два отдѣла посвящено эпохѣ возрожденія въ
большихъ центрахъ Италии, третій — Франціи. Мюнцъ теперь состо-
итъ библиотекаремъ въ школѣ изящныхъ искусствъ; онъ, подобно аб-
бату Дюшенну, былъ ученикомъ нашей Римской школы. Въ настоя-
щее время онъ замѣститель Тена на каѳедрѣ эстетики въ школѣ изящ-
ныхъ искусствъ.

Опять Италии, или по крайней мѣрѣ, почти всецѣло Италии, по-
священо новое сочиненіе Марка Моннье: „Эпоха возрожденія, отъ
Данте до Лютера” (*La Renaissance de Dante à Luther*). Это собраніе
лекцій, читавшихъ имъ въ женевскомъ словесномъ факультетѣ. Моннье
не отдѣляетъ литературу отъ исторіи, въ своей книгѣ онъ старается
изобразить нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей средневѣковой эпохи —
Данте, Петrarка, Боккачіо, Эразма, Маккіавели, Аріосто, Микель-
Анджело. Около нихъ онъ группируетъ второстепенные лица. Моннье
— ученый критикъ и въ то же время весьма талантливый писатель.

Тэнъ выпустилъ въ свѣтъ давно ожидаемый четвертый томъ сво-
его огромнаго сочиненія: „Происхожденіе современной Франціи”

(*Les origines de la France contemporaine*). Вы уже знаете, что это строгий обвинительный актъ противъ дѣятелей и ученій французской революціи. Такого рода сочиненіе не можетъ нравиться у насъ многимъ, а потому и служить предметомъ горячихъ споровъ. Но если можно находить нѣкоторую односторонность въ сужденіяхъ автора, то нельзя отказать ему въ дарѣ изложения. Самая страсть, которую Тэпъ вносить въ свои разказы, придаетъ имъ необыкновенную яркость и живость. Въ этомъ томѣ онъ изучаетъ преимущественно революционное управление и главныхъ его дѣятелей; главы, посвященные якобинцамъ Дантону, Марату и Робеспьеру, принадлежать къ числу замѣчательнѣйшихъ страницъ, когда-либо написанныхъ Тэпомъ. Въ этомъ томѣ описывается время до 9-го термидора, то-есть, до конца террора.

Я уже сообщалъ вамъ о мемуарахъ кардинала де Берни, изданныхъ Фредерикомъ Массономъ. Ученый издатель присоединилъ къ этому труду томъ, въ которомъ описывается жизнь кардинала отъ времени его удаленія изъ министерства (1758 г.) до смерти его, послѣдовавшей въ 1794 г. Этотъ періодъ жизни кардинала былъ мало извѣстенъ; въ немъ онъ не игралъ такой замѣтной роли, какъ въ первомъ, съ точки зренія европейской политики; но мѣсто, которое онъ занималъ тогда, было еще очень важно по отношенію къ истории церкви и общества. Послѣ паденія министерства Берни былъ сосланъ спачала въ одинъ изъ своихъ замковъ, затѣмъ примирился съ дворомъ и назначенъ архиепископомъ Альбійскимъ. То былъ важный постъ при старомъ порядкѣ вещей, имѣвшій двоякое значеніе — религіозное и политическое. Массонъ даетъ любопытную картину провинциальной жизни южной Франціи. Въ 1769 году, по смерти папы Клиmentа XIII, Берни былъ посланъ на конклавъ, какъ представитель Франціи; онъ способствовалъ избранию Клиmentа XIV и переговорамъ, вызвавшимъ уничтоженіе ордена іезуитовъ. Въ Римѣ онъ прожилъ болѣе двадцати лѣтъ въ качествѣ французского посланника, и домъ его былъ мѣстомъ сборища всѣхъ извѣстныхъ путешественниковъ; въ началѣ революціи онъ принималъ участіе въ переговорахъ, касавшихся гражданскаго устройства духовенства, имѣлъ несчастіе пережить Людовика XVI и умеръ, лишенный революціей всего своего имущества, получая только пенсіонъ отъ Испанскаго короля. Въ такихъ разнообразныхъ обстоятельствахъ Берни проявилъ истинное дипломатическое дарование и благородный характеръ. Сочиненіе Массона вноситъ много любопытнаго въ исторію XVIII вѣка;

иѣкоторыя мѣста его касаются Россіи, какъ напримѣръ, переговоровъ съ Екатериной о іезуитахъ въ Бѣлоруссіи или путешественниковъ, находившихъ пріютъ въ Римѣ у кардинала, говорившаго, что дворецъ его былъ тогда „гостиницей для толпы, на перепутьи Европы“.

Нижонио, профессоръ Парижскаго словеснаго факультета, а также и школы политическихъ наукъ, издалъ первый томъ „Исторіи французской торговли“ (*Histoire du commerce de la France*), обѣщающей быть произведеніемъ очень замѣчательнымъ. Полное сочиненіе, если авторъ окончить его, составить четыре или пять томовъ. Первый обнимаетъ времена до конца XV вѣка. Авторъ восходитъ до галльскаго периода, особенно же изучаетъ періодъ феодальный, рассматриваетъ преобразованіе торговли подъ вліяніемъ паломничествъ и крестовыхъ походовъ, говорить о роли евреевъ объ экономическихъ мѣрахъ Французскихъ королей и т. д. Къ книгѣ приложены гравюры, сдѣланные по подлиннымъ документамъ; написана она ясно и пріятно. Глава о значеніи евреевъ въ средневѣковой торговлѣ особенно любопытна.

Жюль Симонъ, удалившійся по обстоятельствамъ отъ политической дѣятельности, посвящаетъ свое время историческимъ работамъ. Состоя членомъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, онъ написалъ книгу, посвященную начальной исторіи этой ученої корпораціи и озаглавленную: „Академія при директоріи“ (*Une académie sous le Directoire*). Дѣйствительно директоріей учреждено было въ институтѣ отдѣленіе „для анализа идей и ощущеній“, отдѣленіе закрытое Наполеономъ, не любившимъ, какъ известно, идеологовъ. Оно было возобновлено только въ 1832 г. при министерствѣ Гизо и получило название, до нынѣ сохранившееся, академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. По поводу исторіи этого учрежденія Ж. Симонъ дѣлаетъ характеристику иѣкоторыхъ изъ писателей прошлаго вѣка: Гара, Сіеса, Бернардена де-Сентъ-Пиerra, Кабаниса, и сообщаетъ интересныя подробности о нравахъ того времени, объ уставѣ института и объ общественныхъ церемоніяхъ, въ которыхъ институтъ участвовалъ.

Гастонъ Парисъ издалъ вторымъ изданіемъ древне-французскую поэму: „Жизнь святаго Алексія“. Вамъ известно, что появление въ печати этой поэмы въ 1873 г. составило эпоху въ изученіи романской филологии. Съ тѣхъ поръ авторъ могъ воспользоваться еще иѣкоторыми новыми рукописями этого памятника. Парисъ, объяс-

нающій въ нынѣшнемъ году поэму о св. Алексіѣ во Французской коллегії, сдѣлалъ это новое изданіе особено для своихъ слушателей, при чёмъ сообщилъ о всѣхъ новыхъ открытияхъ за эти 12 лѣтъ. Я рекомендую эту книгу всѣмъ занимающимся романской филологіей, равно какъ и „Хрестоматію старого французскаго языка“ (*Chrestomathie de l'ancien fran莽ais*), составленную Константеномъ. Сочиненіе это приурочено специально для нашихъ лицеевъ. Сборнику текстовъ предисловлъ краткій обзоръ средневѣковой французской литературы, а въ заключеніе данъ подробный этимологический словарь. Книга составлена главнымъ образомъ по запискамъ лекцій, читанныхъ Парисомъ въ школѣ высшихъ знаній; но къ сожалѣнію, авторъ не всегда обстоятельно въ своемъ трудахъ. Г. Парисъ долженъ со временемъ самъ издать подобную хрестоматію.

Академія падисей потеряла одного изъ свободныхъ членовъ Фредерика Бодри, оставившаго уже нѣсколько лѣтъ по болѣзни свои занатія и бывшаго однимъ изъ предѣстниковъ нашей теперешней филологической школы. Преданный всецѣло изученію санскритской литературы и сравнительной миѳологии, онъ напечаталъ съ 1850 по 1870 г. цѣлый рядъ замѣчательныхъ сочиненій, благодаря которымъ сталъ однимъ изъ первыхъ почетныхъ предсѣдателей лингвистического общества; таковы: „Краткое изложеніе теоріи грамматическихъ формъ санскритскаго языка“ (*R  sum   lementaire de la th  orie des formes grammaticales en sanscrit*, 1852); „Этюды о Ведахъ“ (*Etudes sur les V  das*, 1855); „О наукѣ о языкахъ и объ ее тщерепеніи состояніи“ (*De la science du langage et de son   tat actuel*, 1864); „Сравнительная грамматика классическихъ языковъ“ (*Grammaire compar  e des langues classiques*, 1868), превосходное сочиненіе, ограничившееся къ сожалѣнію однимъ томомъ. Кромѣ того, имъ написано нѣсколько этюдовъ о нѣмецкой научной литературѣ.—Умеръ также Кишера, замѣченный въ академіи падисей Бергеномъ, профессоромъ санскритскаго языка въ Шаржскомъ словесномъ факультетѣ. Бергену мы обязаны замѣчательными трудами по ведійской религіи и недавно выпущшими въ свѣтъ санскритской грамматикой; онъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ Индіи.

Л. Л—ръ.

НЕКРОЛОГЪ.

I.

Н. А. Съверцовъ.

27-го января текущаго года скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ естествоиспытателей, Николай Алексѣевичъ Съверцовъ.

Онъ родился въ 1827 году и получилъ образованіе на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета, гдѣ былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ известнаго зоолога, профессора К. Ф. Рулье. Еще восемнадцатилѣтнимъ юношемъ, познакомившись съ известнымъ исследователемъ Средней Азіи, Г. С. Карелинымъ, Съверцовъ былъ до того увлеченъ разказами его о тамошней богатой, оригинальной природѣ, съ рѣзкими контрастами пустынь и роскошной растительности, знайныхъ низинъ и сплошныхъ хребтовъ, лѣтнаго жара и зим资料

яго холода, что съ тѣхъ поръ, по собственному признанію Съверцова, Средняя Азія сдѣлалась научною цѣлью его жизни. Въ 1857 году представилась и возможность путешествія въ Среднюю Азію. Съверцовъ былъ командированъ Академіей Наукъ на Сыръ-Дарью для „исследованія континентальнаго климата и вообще объясненія тече-решиаго географическаго распространенія животныхъ теперешними же физическими условіями земной поверхности“. Результатомъ этого путешествія, сопряженаго со многими лишеніями и едва не стоившаго Съверцову жизни, ибо, захваченный разбойническою шайкой киргизовъ, онъ, весь израненный, былъ доставленъ пленными въ Ташкентъ и освобожденъ Данзасомъ, — результатомъ этого путешествія было обстоятельное изученіе сыръ-даринской флоры и фауны западныхъ, пріуральскихъ степей арабо-каспійской низины, въ связи съ геологическою исторіей того края. Выполнивъ блестательно свою

задачу, Съверцовъ занялся было сводомъ добытаго имъ богатѣйшаго материала и принялъ профессорскую каѳедру (магистерская диссертациѣ на тему „Периодическая явленія въ жизни птицъ въ Воронежской губернії“ была имъ защищена еще въ 1855 г.). Но вскорѣ опять представился случай посѣтить Тин-шань въ достопамятный походъ генерала Чернилова 1865 г., и каѳедра была оставлена, а сводъ наблюдений отложенъ: представлялась возможность добить необходимыхъ къ нимъ дополненій. Плодомъ этого путешествія, помимо открытия многихъ видовъ средне-азіатскихъ звѣрей и птицъ, было появленіе весьма важнаго для зоологической географіи труда: „Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанскихъ животныхъ“. Этимъ специальнымъ трудомъ Съверцовъ заложилъ, такъ-сказать, фундаментъ для своего общаго труда по предмету зоологической географіи, изложенію и разясненію климатическихъ и геологическихъ условій географического распространенія животныхъ.

Съ тѣхъ поръ Съверцовъ даже почти не возвращался въ Европу, ежегодно совершая новые поездки въ предѣлахъ Туркестанскаго края и расширяя ихъ районы по мѣрѣ того, какъ передвигалась русская граница. Плодомъ этихъ изысканій было изданное Географическимъ обществомъ „Путешествіе по Туркестанскому краю“ (т. I. 1873) и рядъ другихъ работъ, изъ которыхъ многія, къ сожалѣнію, остались не конченными. Въ особенности занимали его вопросы еще мало разработанной зоологической географіи. Года четыре тому назадъ онъ оставилъ наконецъ Среднюю Азію, поселился въ своемъ имѣніи въ Воронежской губерніи и занялся здѣсь обработкой своихъ многочисленными трудами собранныхъ материаловъ. Работа его уже значительно была подвинута, и можно надѣяться, что многое изъ нея уже можетъ быть издано. Роковая случайность, несчастный случай при переправѣ черезъ Донъ, повлекшій за собою первый ударъ, почти внезапно прекратилъ жизнь замѣчательнаго ученаго, отъ которого наука могла ожидать еще важныхъ пріобрѣтеній.

II.

К. К. Зейдлицъ.

7-го февраля скончался въ Дерптѣ другъ и бiографъ В. А. Жуковскаго, Карлъ Карловичъ Зейдлицъ, на 88-мъ году жизни, полной неустомимой и разпорядной дѣятельности.

Карлъ Карловичъ родился въ Ревель, 6-го марта 1798 года, следовательно, былъ моложе Жуковскаго на 15 лѣтъ. Окончивъ въ 1821 году курсъ въ Дерптскомъ университетѣ со степенью доктора, Зейдлицъ поступилъ въ Петербургъ на службу въ госпиталь морскаго министерства. Въ 1825 году онъ покинулъ заграницу заниматься въ Парижѣ и Монпелье. Въ Пизѣ Зейдлицъ впервые ознакомилъ ученыхъ съ употреблениемъ стетоскопа. Въ 1829 году поступалъ онъ главнымъ врачомъ во вторую армию нашу во время турецкой войны; выказалъ энергическую дѣятельность въ чумномъ госпиталѣ въ Адрианополѣ и затѣмъ былъ врачомъ нашего посольства въ Константинополѣ при графѣ Орловѣ. Записки обѣ этомъ времени изданы Зейдлицемъ въ 1854 году на пѣмѣцкомъ языкѣ, а отрывки изъ нихъ напечатаны въ переводѣ въ Русскомъ Архивѣ 1878 г. Въ 1835 г. Зейдлицъ сопровождалъ великую княгиню Елену Павловну въ Берлинъ и, вернувшись оттуда, вышелъ изъ отставки. Но въ 1836 году онъ былъ назначенъ профессоромъ медико-хирургической академіи и завѣдывалъ тамъ терапевтическою клиникой. Въ 1847 году онъ окончательно оставилъ государственную службу и съ тѣхъ поръ жилъ въ Дерпѣ или въ своемъ имѣніи Майергофѣ, купленномъ имъ у Жуковскаго.

Ясный умъ, начитанность и энергія дѣятельности не покидали Карла Карловича до самого послѣдняго времени. Членъ многихъ ученыхъ обществъ, онъ постоянно работалъ на пользу науки и общественныхъ учрежденій. Долгіе годы состоялъ онъ вице-предсѣдателемъ Лифляндскаго общества сельского хозяйства, и оно обязано ему многими научными изданіями своими.

Сближеніе Зейдлица съ Жуковскимъ восходить къ началу 1820 годовъ. „Другъ и братъ“ называлъ его Жуковскій, и это было совершенно вѣрно: Зейдлицъ былъ беззवѣтно преданъ Жуковскому. Въ концѣ 1860-хъ годовъ онъ задумалъ составить „Очеркъ развитія поэтической жизни Жуковскаго“. Прекрасный трудъ этотъ, напечатанный въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, составляетъ такое вѣрное и глубокое истолкованіе личности и жизни Жуковскаго, какого дотолѣ не было въ нашей литературѣ. Біографія поэта можетъ быть дополнена еще многими новыми фактами, его литературная дѣятельность будетъ, и отчасти уже послужила, предметомъ новыхъ изученій, но въ цѣломъ характеръ Жуковскаго, какъ поэта и человѣка, понять Зейдлицемъ такъ, что сдавъ ли кому-нибудь удастся истолковать его лучше. Впослѣдствіи Зейдлицъ издалъ свой очеркъ, въ дополненномъ видѣ, на пѣмѣцкомъ, и въ 1883 году

на русскомъ языке, и тогда же, по случаю столѣтнаго юбилея поэта, напечатанъ рядъ писемъ Жуковскаго къ любимой имъ девушкѣ, а потомъ женщинѣ, первой вдохновительницѣ его музы. Одинокую могилу ея на православномъ дерптскомъ кладбищѣ старецъ Зейдлицъ посвѣщалъ до послѣдняго времени. Дѣятельная память о Жуковскомъ, которую Зейдлицъ сохранилъ до самаго гроба, даетъ ему право на уваженіе всѣхъ, кому дорога прекрасная личность одного изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ.

II

Вторая сизигія (ст. 393—571).

- Ст. 393 Ὡρα στιν δρα μοι χαρτερὰν φυγὴν λαβεῖν Επιρρέμα.
 • 490 τί δράσεις; τί ρήσεις; ἀλλ' ἵδη νον . . . Ода.
 • 496 μή μοι φθονή: ητ', δύναρες οἱ θεώμενοι . . . Антепиррема.
 • 566 ἵω Δάμαχ', ω βλέπων ἀστραπάς . . . Антода.

Схема: *baba*

Что мы въ ст. 490 сл. имѣемъ оду, а въ ст. 566 сл.—антоду сизигіи, въ этомъ, по нашему мнѣнію, сомнѣваться не возможно. Единственные не согласующіеся стихи—ст. 492:

батис παρεχόν τῷ κόλαι τὸν αὐγόνα

и ст. 568:

ιῷ Λάμαχ', ω φὶλ', ω φολέτα

—лирическая гекзамедия и дохмий. Но тутъ, кажется, смыло можно предположить порчу текста, напримѣръ, пробѣль:

ιῷ Λάμαχ', ω φὶλ' — — — ω φολέτα.

Что касается содержанія, то мы въ нашей сизигіи никакого параллелизма не замѣчаемъ. Епиррема содержитъ въ себѣ разговоръ Диазопола съ Еврипилемъ, во время которого первый изъ нихъ переодѣвается Телефомъ; антевиррема содержитъ обѣщанную Диазополемъ рѣчь въ защиту лакедемонянъ. Но о параллелизмѣ мы скажемъ нѣсколько словъ ниже. Въ одѣ хоръ приглашаетъ Диазопола сдержать наконецъ данное обѣщаніе; въ антодѣ враждебное полуухорѣ призываютъ на помощь Ламаха. Объ отношеніи именно этой антоды къ одѣ также будеть рѣчь впереди.

III.

Третья сизигія (ст. 1000—1068).

- Ст. 1000 Ἀχούστα λεφ' κατὰ τὰ πάτρια . . . προοίμιον
 • 1008 ζηλῶς τε τῆς εὐφουλίας . . . . . ода
 • 1018 οἵμοι τάλας.—ω Ἰράχλεις, τίς . . . епиррема.
 • 1037 ἀντὴρ ἐνεύρηκεν τι ταῖς . . . . . антода.
 • 1047 ὀκτᾶτα ταυτὶ καὶ κτλῶ; ξανθίζεται. . . антепиррема.

Схема: (р) *abab*

Предшествующая сизигіи вторая парабаза кончается антепирремой, но такъ какъ эта антепиррема также произносилась хоромъ, то было

бы наловко начинать слизгію съ хорической оды. Поэтому поэтъ вставилъ маленькую сцену, ст. 1000—1007, которая является до нѣ-которой степени прологомъ слизгіи. Впрочемъ эта послѣдняя—обра-зецъ триаметрической слизгіи. Ея содержаніе—желаніе невѣстныхъ лицъ обладать чудеснымъ аликсиромъ мира, избавляющимъ отъ всѣхъ заботъ. Эти лица, съ одной стороны—земледѣльцы, у которого не-приятель забралъ единственную пару воловъ, съ другой—новобрач-ная чета, недовольная требованіемъ полководцевъ, чтобы женщины от-правился въ походъ. Разговоръ съ земледѣльцемъ составляетъ со-держаніе епирремы, разговоръ со сватомъ и свахой антепирремы; земледѣльцу Диокополь насторѣзъ отказывается; просьбу новобрачныхъ онъ исполняетъ, чтобы угодить невѣстѣ. Въ одахъ хоръ изъявляетъ Диокополю свое удивленіе.

B. „Всадники“.

Слизгія (ст. 611—755).

Ст. 611	ἀ φίλτατ' ἀνδρῶν καὶ νεανικάτατα	происцію.
, 616	νοῦ ἀρ' ἄξιον γε πᾶσιν ἔστιν ἐπολεόξαι	ода.
, 624	καὶ μὴν ἀκοῖσαι γ' ἄξιον τῶν κραγμάτων	епиррема.
, 683	πάντα τε πέπραγας οὐα χρῆ τὸν εὐτοχοῦντα. . . .	антоды
, 691	καὶ μὴν οἱ Παφλαγῶν οὐτοὶ προσέρχεται	антепиррема

Схема: (p)a b a b.

Выѣшняя форма этой слизгіи та же, что и въ предыдущей; и вдѣсь вставка прозы имѣеть ту же причину; безъ нея ода столкну-лась бы съ антепирремой предшествовавшей парабазы. Но по содер-жанію наима слизгія скорѣе походить на вторую слизгію „Ахарнанъ“, параллелизма въ пей не замѣтно; въ епирремѣ Агоракритъ доказы-ваетъ хору объ успѣхѣ своего дебюта въ совѣтѣ, въ антепирремѣ онъ бранится съ Клеономъ. Эта антепиррема служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ просинтагмой для слѣдующей главной синтагмы драмы. Объ оды—побѣдныи пѣсни хора, обрадованного неизвѣстными счастьемъ своего любимица Агоракрита.

Эта слизгія единственная во всей драмѣ. Въ „Ахарнанахъ“ ихъ было три; за то во „Всадникахъ“ мы имѣемъ двѣ синтагмы, такъ что юнайскій элементъ и тутъ значительно преобладаетъ надъ дорий-скимъ.

С. „Облака“.

I.

Первая сизигия (ст. 626—813).

- Ст. 626 Μὰ τὴν Ἀναπνοήν, μὰ τὸ Χάος, μὰ τὸν Ἀέρι. επιρρεμα
 • 700 φρόντιζε δὴ καὶ διάθηρε . . . . . οδα.
 • 707 ἀτταταὶ, ἀτταταὶ. . . . . αντεπιρρεμα.
 • 805 ἄρ' αἰσθάνει πλειστα δὲ νῆμαῖς. . . . . αντοδα.

Схема: *baba*.

Въ этой сизигії царствуетъ полнѣйшій безпорядокъ; обработка поэтомъ не окончена: обѣ сцены въ главныхъ чертахъ принадлежатъ второй редакціи, но мы встрѣчаемъ въ нихъ и отрывки изъ первой. Двойственность всей сцены давно замѣчена; особенно бросается въ глаза диттографія ст. 728—730 и ст. 731 сл. Въ ст. 718 сл. клопы мѣшаютъ Стрепсіаду мыслить; въ ст. 731 сл. его одолѣваетъ сонъ. Если сообразить, что въ первой редакціи ученіе Стрепсіада оканчивается успѣшно, а во второй разъ неѣть, то дѣлается яснымъ, что первая изъ двухъ сценъ принадлежитъ первой, а вторая—второй редакціи. Такимъ образомъ оказывается, что лирическая вставка ст. 707—722, разрушающая симметрію епирремъ — мы разумѣемъ тутъ, конечно, не ту симметрію, которая выражается въ разномъ числѣ стиховъ,—также взята изъ первой редакціи. Что касается содержания, то параллелизмъ очевиденъ. И въ епирремѣ, и въ антепирремѣ Сократъ обучаетъ Стрепсіада; въ епирремѣ ученіе идетъ съ грѣхомъ пополамъ, въ антепирремѣ Стрепсіадъ окончательно проваливается.

II.

Вторая сказки (ст. 814—888).

- Ст. 866 εὸν γ' δτι ἐπείσθης· δεῦρο, δεῦρ' ὁ Σώκρατες . автепиремма..
· ανтода.

Схема: *baba.*

Насъ спросить: по какому праву мы назвали сизигией сцену, въ которой вовсе нѣтъ лирическихъ частей. Но мы утверждаемъ, что Аристофанъ имѣлъ въ виду вложить эти лирическія части, и именно

въ отмѣченыхъ нами мѣстахъ. Что между ст. 888 и 889 находится пробѣлъ, въ этомъ всѣ согласны; что для выполненія этого пробѣла требуется пѣсня хора, въ этомъ также не можетъ быть сомнѣнія. Но какого рода должна быть эта пѣсня? Скажутъ: стазимонъ въ трагическомъ смыслѣ слова, то-есть, полное *хориконъ*, состоящее изъ строфы и антистрофы. Но это не возможно. Мы ниже увидимъ, что главнымъ закономъ композиціи юнійской комедіи былъ слѣдующій: композиціонныя формы дорійскаго стиля (то-есть, епизодіи и стазимы) встрѣчаются только во второй половинѣ юнійской комедіи, то-есть, въ той половинѣ, которая следуетъ за послѣднею изъ трехъ главныхъ сизигій. Въ нашей комедіи главная сизигія слѣдуетъ одна за другую вотъ въ какомъ порядкѣ: 1) пародъ, 2) парабаза, 3) синтагма. Слѣдовательно, до ст. 1104 дорійскія формы въ нашей комедіи не умѣстны.

Такимъ образомъ, можно считать доказаннымъ, что хорическая пѣсня ст. 888—889 была юнійскаго стиля, то-есть, одой или антодой. Положимъ—первое; спрашивается: куда поэтъ намѣревался вставить антоду. Ст. 889 начинается просинтагма, разбить которую на двѣ части не возможно; синтагмическія оды обѣ сохранины. Фриче (*De fabulis refractatis* sprsc. I, 10), правда, полагалъ, что антода должна была быть помѣщена послѣ ст. 1104; но тогда ода бы была бы отдѣлена отъ антоды цѣлою синтагмой съ просинтагмой, что лишено всякой аналогіи. Итакъ, пѣсня ст. 888—889 могла быть только антодой; это принуждаетъ насъ разбить сцену ст. 814—888 на двѣ части, епиррему и антепиррему. Вся сцена сама по себѣ распадается на двѣ половины: разговоръ Стрепсіада съ Фидиппидомъ и разговоръ Стрепсіада и Фидиппida съ Сократомъ; лирическая пѣсня между обоями разговорами вполнѣ умѣстна; въ ней хоръ поздравлялъ Стрепсіада съ покою удачей. Въ антодѣ, вѣроятно, хоръ увѣщевалъ Фидиппиду быть осторожнѣмъ въ выборѣ нового учителя.

Къ этой второй сизигіи принадлежать также ст. 1105—1112; всѣ соглашаются въ томъ, что на своемъ мѣстѣ они не имѣютъ никакого смысла. Ст. 1110, въ которомъ Стрепсіадъ проситъ Сократа

ὅπως;
εὗ μοι στορμώσεις αὐτόν, ἐπὶ μὲν θάτερα
οἴαν δικιδίοις, τὴν δὲ εἰέραν αὐτοῦ γνάθον
στόμωσον οἴαν εἰς τὰ μείζω πράγματα

противорѣчить ст. 433 сл., гдѣ Стрепсіадъ на обѣщаніе хора

ῶστε τὸ λοιπόν γ' ἀπὸ τοῦδε
ἐν τῷ δήμῳ γνώμας οὐδεὶς νικήσει πλείονας ἢ σύ.

отвѣтъ:

μή μοί τα λέγειν γνώμας μεγάλας· οὐ γὰρ τούτων ἐπιθυμῶ,
ἀλλ' ὅστις στρεψόδικῆσαι καὶ τοὺς γρήστας διοιτεῖν.

За то онъ вполнѣ соглашается со ст. 876, гдѣ Сократъ за обученіе Фидиппиду требуетъ талантъ и сравниваетъ Фидиппиду съ Гиперболомъ. Весь долгъ Стрепсіада состоялъ въ 15 минахъ, то-есть, четвертой части таланта. Правда, цѣлью просто вставить ст. 1105—1112 во вторую сизигію; надобно полагать, что Стрепсіадъ не сразу согласился съ требованіемъ Сократа (ст. 876) и попробовалъ торговаться съ нимъ; въ отвѣтъ на это Сократъ поставилъ ему ультиматумъ ст. 1005 сл. Такимъ образомъ, передъ нами дѣй параллельныхъ сценки:

866 — 875		
877 — 885		876 . . . .
		. . . .
		1105 — 1110
886 — 888		
1111 — 1112		

И та, и другая сцена припадлежить ко второй реакции.

III

Третья сизигия (ст. 1214—1302).

Схема: a b a b

Читатель видить, что эта сизигія также лишена одѣ. Но мы смѣло можемъ предположить, что въ этомъ виновата діаскеваза. Что обѣ сцены образуютъ сизигію, въ томъ убѣждаетъ наскъ ихъ параллелизмъ; въ первой сценѣ Стреппіадѣ прогоняется своего кредитора Пазія, во второй — Аминія. Остается сомнѣніе относительно схемы нашей сизигіи. Еслибы схемой была *ва-ва*, то мы въ пѣснѣ ст. 180 сл. должны были бы признать антоду; а это не возможно, такъ какъ эта пѣсна состоитъ изъ строфы и антистрофы и образуетъ, такимъ обра-

вомъ, стазионъ. Слѣдовательно, схемой была авав, что не представляет никакого затрудненія.

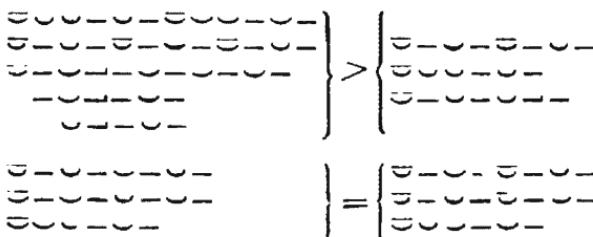
Д. „Оси“

Сизигія (ст. 75—1008)

Ст. 725 "II ποιος τοφός ήν δοτις ἔφασκαν,	тетрастихъ	
πρὶν ἀν αἱροῖν . . .	(сфрагида синтагмы)	
„ 729 πιθανοὶ πεθαὶ λόγοισι, μήδ' ἄρρων		
τένηγ	стroфа	ода
„ 736 καὶ μὴν θράψω γ' αὐτὸν παρέχων. гиперметръ		
„ 743 νενουθέτυκεν αὐτὸν εἰς τὰ πράγ-		
μαῖ', οἰς	антистрофа	
„ 750 ίώ μοι.—οῦτος, τί βοᾶς; . . . антиперметръ		
„ 760 ἦν ὁ πάτερ, πρὸ τῶν θεῶν, εἰδοὶ πιθοῦ . . .		епиррема.
„ 863 καὶ μὴν ἡμεῖς ἐπὶ ταῖς σπουδαῖς гиперметръ		
„ 868 εὐφρημία μὲν πρῶτα νῦν ὑπαρχέτω строфа		
„ 875 ώ δέσποτ' ἀντεῖ, γείτον ἀγοιεύ τοῦ-		антода.
μοῦ.	тетрастихъ	
„ 879 ἡδη δ' εἴναι τοῖς ἀνθρώποις. . . антиперметръ		
„ 885 ξυνερχόμεσθα ταῦτα σοι καπάδο-		
μεν.	антистрофа	
„ 891 εἰ τις θύρασιν ἡλιαστής, εἰσίτω		антепиррема.

Эта единственная во всемъ Аристофанѣ сложная сизигія имѣть аналогію въ иѣкоторыхъ сизигіяхъ юнійской трагедіи, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Каждая ода образуетъ сама по себѣ самостоятельную сизигію, такъ какъ гиперметръ, будучи произносимъ речитативомъ, относится къ лирической строfѣ какъ епиррема къ одѣ. Но между тѣмъ какъ сизигія оды компонована на схему авав, въ сизигіи антоды мы встрѣчаемъ схему баба. Это первое. Во вторыхъ, иѣсколько странною придачей являются оба анапестическая четырестишия, первое изъ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ исполняетъ задачу сфериды предшествовавшей нашей сизигіи синтагмы. Второй при-
мѣръ такой совмѣстности мы встрѣтимъ далѣе въ первой сизигіи „Ирепы“. Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на лирическія части. Строфа и антистрофа каждой одической сизигіи по размѣру, конечно, тождественны, во строфа и антистрофа оды съ одной, и строфа и антистрофа антоды съ другой стороны не тождественны, а только подобны. Вотъ метрическія схемы этихъ одь:

729. 743. = 866. 885.

Поэтому мы имѣемъ полное право объявить первую изъ обѣихъ одицкихъ сизигій одой, а вторую—антодой цѣлой сизигіи. Что касается ея содержанія, то въ епирремѣ описывается приготовленіе къ соображенію процессу, а въ антепирремѣ—самъ процессъ. Огношеніе епирремы къ антепирремѣ, слѣдовательно, то же, что и во второй сизигіи „Ахарнанъ“.

E. „Иреза“

I.

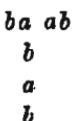
Первая сизигія (ст. 346—427)

- Ст. 346 Εἰ γάρ ἐκγένοιτ' ἴδειν ταῦτην με τὴν
ἡμέραν . . . . . ода.
 • 361 φέρε δῆ, κατίδω ποὶ τοὺς λίθους ἀφέλξομεν επιρρεμα.
 • 383 εἰπέ μοι, τί πάσχετ' ὄνδρες; ἔστατ' ἐκπε-
πληγμέναι. . . . . катак. двустишие
 • 385 μηδαμῶ;, ω δέσποοθ' Ἐρμῆ, μηδαμῶ;, μη-
δαμῶ;. . . . . автода.
 • 400 Ιψ', ἀντιθολῶ σ', ἐλέγον αὐτῶν τὴν δικα . антепиррема.
 • 426 ὑμέτερον ἐντεῦθεν ἔργον, ὄνδρες; ἀλλὰ ταῖς
ἄμαις . . . . . антикат. двустишие.

Схема: abab

Въ этой сизигіи двѣ странности. Во первыхъ, трохаческія двустишия къ концу епирремъ. Первое изъ нихъ служитъ введеніемъ къ трохаческой антодѣ, второе къ трохаческому аподу хора. Мы называли ихъ катакелейзматическими, имѣя въ виду ихъ дистихическую форму и то обстоятельство, что они дѣйствительно подготавлиаютъ трохаческій

пассажъ; странность же заключается въ томъ, что этот пассажъ, во-
преки прочимъ примѣрамъ катаклейтическихъ двустший, — не
епиррема сизигія. Вторая странность — ода сизигія, которая служить
вмѣсть съ тѣмъ —ср. выше — и одной парода. Подобную
совмѣстность мы замѣтили и въ сизигіи „Ось“. Такимъ образомъ,
пародъ и первая сизигія имѣютъ общую оду; они компонованы на
следующую схему:

Это во всякомъ случаѣ интересный образчикъ той архитектонической композиціи, которой вообще отличалась древняя музыка. Параллелизмъ обѣихъ сценъ очевиденъ; въ обѣихъ Тригей просить Гермеса, чтобы онъ позволилъ ему освободить Ирену; въ епирремѣ Гермесъ еще колеблется, въ антепирремѣ соглашается.

II

Вторая сизигия (ст. 459—507)

Гр. 459 Ω εἰα—εἰα μάλα	ода.
, 473 ὁ Δάμαρχ', ἀδικεῖς ἐμποδὼν καθήμενος	эпиррема.
, 486 ω εἰα—εἰα μάλα	антода.
, 500 ἄνδρες Μεγαρῆς, οὐκ ἔς κόρακας ἐρρήγετε	антепиррема.
, 508 ἄγ' ὄνδρες, αὐτοὶ δὴ μόνοι λαβώμει! οἱ γεωργοί .	сфрагида.

Схема abab

Содержание сивигі — освобождение Ирены, сопряженное съ иѣкот-
ными препятствіями. Во время одѣ—которая по содержанію своему
сильно напоминаютъ нашу „дубинушку“ — крестьяне пытаются ото-
двинуть камень отъ отверстія грота; въ еширемахъ они разсуждаютъ
о причинѣ, почему ихъ попытка не удастся. Наконецъ, въ сфрагидѣ—
которая, подобно сфрагидамъ синтагмъ въ „Осахъ“ и „Птицахъ“,
оканчивается лирическою пѣснею—крестьянамъ удастся окончательно
освободить богиню. Такимъ образомъ параллелизмъ и вдѣсь безуко-
ризнецъ.

III.

Третья сизигія (ст. 819—922)

- Ст. 819 Ὡς χαλεπὸν ἐλθεῖν τὴν ἄρ' εὖθυν τῶν θεῶν . . . епиррема.
 , 856 εὐδαιμονικῶς γ' ὁ πρεσβύτης . . . . . ода.
 , 868 ἡ παῖς λέοσται καὶ τὰ τῆς πυγῆς χαλά . . . . антепиррема.
 , 909 ἡ χρητός ἀνήρ πολίταις . . . . . антода.

Схема: baba

Параллелизмъ строго соблюденъ. Въ епирремѣ рѣшается судьба Опоры, на которой самъ Тригей собирается жениться; въ антепирремѣ онъ отдаетъ другую подругу Ирены, Теорію, по порученію Гермеса, во власть совѣта. Въ довольно незначительныхъ, впрочемъ, одахъ хоръ радуется успѣхамъ Тригея.

IV.

Четвертая сизигія (ст. 823—1038)

- Ст. 923 Αγε δή, τί νῦν ἐντευθενὶ ποιητέον;. . . . . епиррема.
 , 939 ὡς πάνθ' δο' ἄν θεός θέλῃ . . . . . ода.
 , 956 ἄγε δή, τὸ κανοῦν λαβὼν σὸν καὶ τὴν χέρνεα. . . антепиррема.
 , 1023 σέ τοι θύρασι χρή . . . . . антода.

Схема: baba

Содержаніе сизигіи—жертвоприношеніе Иренѣ. Въ епирремѣ Тригей со своимъ рабомъ приготовляетъ все нужное для священнаго дѣйствія, антепиррема заключаетъ молитву и закланіе жертвенной овцы. Такимъ образомъ епиррема и антепиррема тѣсно связаны между собой, но параллелизма въ нихъ не замѣтно. Въ одахъ хоръ увѣщивается Тригея не медлить съ приношеніемъ жертвы, опасаясь новой какой-нибудь задержки.

F. „Птицы“.

I.

Первая сизигія (ст. 801—902).

- Ст. 801 Ταῦτι τοιαυτοί μά Δῖ, ἔτώ μὲν πρᾶγμά πω . . . епиррема.
 , 851 ὄμορφοθῶς συνθέλω . . . . . ода.

- , 859 πάσται σὺ φυσῶν. Ἡράκλεις, τοιτὶ τί ἦν . . . επιφέρμα.
 , 895 εἰτ' αὖθις αὐτὰ σοι . . . . . αντόδα.

Схема: *b a b a*.

По содержанию эта сизигія очень похожа на последнюю сизигію „Ирены“. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, эпиррема содержитъ приготовление къ жертвоприношению, антепиррема—само жертвоприношеніе, то-есть, въ этомъ случаѣ молитву. Обѣ оды въ рукописяхъ пріурочены хору; Визелеръ (*Adversaria in Aeschylus Prometheus et Aristophanis Aves* стр. 85) предложилъ дать ихъ жрецу, и Вергкъ послѣдовалъ его примѣру. Нечего и говорить, что предложеніе Визелера—полныи произволъ; его аргументы сводятся къ тому, что хоревты, будучи сами богами, не могли молиться самимъ себѣ. Но будь они даже гораздо сильнѣе—антистрофическихъ монодій въ аттической комедіи нѣть, и мы че имѣемъ никакого права создавать путемъ гипотезы форму, лишенную всякой аналогіи.

II.

Вторая сизигія (ст. 1118—1266).

- Ст. 1118 Τὰ μὲν ἵέρ' ἡμῖν ἔστιν, ὄρνυθες, καλά . . . επιφέρμα.
 „ 1189 πόλεμος; αἱρεται, πόλεμος; οὐ φατός . . . . ода.
 „ 1197 ως ἐγγύς ἥδη δαιμόνος πεδιχροίου . . . . . αντεπιφέρμα.
 „ 1262 ἀποκεκλήκαρεν διογενεῖς θεούς . . . . . αντόδα.

Схема: *b a b a*.

Содержаніе эпирремъ—появленіе Ириды, ниспосланной богами, и объясненіе еї цитетера. Въ эпирремѣ выступаютъ на сцену два гонца; первый докладываетъ объ основаніи нового города, второй о вторженіи неизвѣстнаго крылатаго бога. Въ антепирремѣ оказывается, что этотъ богъ—никто иной, какъ Ирида; послѣ довольно строгаго допроса Цитетерь постыдно изгоняетъ ее. Такимъ образомъ и здѣсь общее содержаніе обѣихъ эпирремъ образуетъ соединяющее звено между ними. Оды хора довольно незначительны.

III.

Третья сизигія (ст. 1494—1705).

- Ст. 1494 Οἴδοι τάλας, ο Ζεὺς δῆνες μή μ' ὅψεται . . . επιφέρμα.
 „ 1553 πρὸς δὲ τοῖς Σκιάποσιν . . . . . ода.

- , 1565 τὸ μὲν πόλισμα τῆς Νεφελοχοκυρίας . . . . . антипиррема.
- , 1694 ἐστὶ δ' ἐν Φαναῖσι πρὸς τῷ . . . . . антода.

Схема *b a b a*.

Содержание сизиггии—переговоры съ богами, которыми предпринятое Питетера окончательно решается въ пользу птицъ. Въ епирримѣ появляется Прометей, ненавидящій боговъ и относящійся поэтому дружелюбно ко всякому предпринятію, которое можетъ поколебать ихъ авторитетъ. Онъ объявляетъ Питетеру, что на Олимпѣ всѣ голодаютъ, и что вскорѣ памѣрена прибыть депутація отъ боговъ къ птицамъ. Въ антипирримѣ выступаетъ сама депутація, а именно Посидонъ, Геркулесъ и варварскій богъ. Дѣло решается тѣмъ, что боги во всемъ уступаютъ птицамъ, послѣ чего Питетеръ съ богами отправляется на Олимпъ. Однѣ ничего общаго съ содержаниемъ епирримѣ не имѣютъ; это—просто насмѣшки надъ Сократомъ, Херенфонтомъ, Пизандромъ и риторами.

G. „Лизистрата“.

Въ этой комедіи мы триметрическихъ сизиггій не встрѣчаемъ.

H. „Тесмофоріазузы“.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору этой комедіи, мы должны замѣтить, что рѣчь идетъ о переработанной и не оконченной піесѣ; не удивительно, поэтому, что въ ней встрѣчаются сильныя аномалии.

Сизиггія (ст. 188—530).

- Ст. 383 Φιλοτιμίᾳ μὲν οὐδεμὶᾳ μὰ τῷ θεῷ . . . . . епиррима.
- , 433 οὐπώκοτε ταύτης ἡχουσα . . . . . ода.
- , 466 τὸ μὲν, ὃ γυναῖκες, ὁξυθυμεῖσθαι σφόδρα . . . . . антипиррема.
- , 520·τοῦτὶ μαντῆδῃ θαιμαστὸν . . . . . антода.

Епиррима содержитъ рѣчь Мики противъ Еврицида, антипиррима—рѣчь Мнезилоха въ его пользу. Параллелизмъ, такимъ образомъ, строго соблюденъ. Аномалия же заключается вотъ въ чёмъ: Между одой и антипирримой вставлена сцена, которая сама по себѣ образуетъ полусизиггию, а именно:

- Ст. 443 ὀλίγων ἔνεκα καῦτὴ παρῆλθον ρημάτων . . . . . епиррима.
- , 459 ἑτερον αὖ τι λῆμα τοῦτο . . . . . ода.

Не зналъ ни плана „Каллигенія”, ни замѣрзія поэта относительно „Нестію”, мы не можемъ сказать, какими судьбами эта маленькая полусизигія — рѣчъ цвѣточницы и отвѣтъ хора — явилась среди большой сизигіи. Одно можемъ сказать, съ увѣренностью, что эта аномалія была бы устранина поэтомъ, если бы онъ успѣлъ до-кончить „Нестію”.

I. „Лигушка”.

J.

Первая сизигія (ст. 460—533).

- Ст. 460 Ἀγε δὴ τίνα τρόπον τὴν θύραν κόψω, τίνα; . . . επιφρέμα.
 , 544 ταῦτα μὲν πρόσθιανδρός ἔστι . . . . . οδα.
 , 549 Πλαθιάνη, Πλαθιάνη δεῦρ' ἔλθῃ· ὁ πανοῦργος οὐ-
     ‘   τοσι . . . . . αντεπιφρέμα.
 , 590 νῦν σὸν ἔργον ἔστι, ἐπειδή. . . . . αντοδα.

Схема: b a b a.

Содержаніе сказкій—первый походженія Діониса въ аду. Въ епир-ремѣ описываются его встрѣча съ Эакомъ, первое переодѣваніе, встрѣча съ прислужницей Персефоны, второе переодѣваніе; въ антепирамѣ встрѣча съ будочницами и третье переодѣваніе. Параллелизмъ такимъ образомъ соблюденъ. Оды распределены амбейчески между хоромъ и тѣмъ агонистомъ, который переодѣть Геркулесомъ.

L. „Екклезіазузы“ и M. „Плутось“.

Въ этихъ комедіяхъ, хорическихъ строфъ, за весьма немногими исключеніями, вовсе не имѣется; такимъ образомъ мы лишены возможности опредѣлить, къ которой изъ двухъ извѣстныхъ композицій относится данная триметрическая сцена. Поэтому мы и дальше, гдѣ только рѣчь будетъ касаться композиціи діалога, съ этими двумя комедіями считаться не будемъ.

XV.

Епирретмической композиції противоположна композиція спизодическая, встречающаяся преимущественно въ трагедії. Ея главные составные части — стазимонъ, соотвѣтствующій одамъ, и епизодія, соотвѣтствующая епирретмѣ. Аристотель въ 12-й главѣ *«Поэтики»* опредѣляетъ эти два элемента слѣдующимъ образомъ:

'Επεισόδιον δὲ μέρος ὅλου τραγῳδίας τὸ μεταξὺ ὅλων χορικῶν μελῶν. Στάσιμον δὲ μέλος χοροῦ τὸ ἄνυπο ἀναπαίστου καὶ τροχαῖον.

Кромѣ того, Аристотель отъ епизодій отличаетъ прологъ (μέρος Ѳлou трагῳδіаς τὸ πρὸ χοροῦ παρόδου) и екзодъ (μέρος ὅλу трагῳдіаς, μεθ' ὁ οὐκ ἔστι χοροῦ μέλος), а отъ стазимовъ — народъ (ἡ πρώτη λέξις ὅλу [читай по Вестфалю: ὅλη] χοροῦ). Что касается коммоса, то Аристотель и не думаетъ отличать его отъ стазимовъ. Правда, онъ раздѣляетъ χορіака на πάροδос, στάσιμа и χορμоі, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы χορμоі по его мнѣнію не могъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и стазимомъ. Еслибъ Аристотель дѣйствительно былъ этого мнѣнія, то изъ его словъ мы были бы въ правѣ заключить, что коммосъ не можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и народомъ, чтд противорѣчить дѣйствительности (сравни народъ „Эдипа въ Колонѣ“). Отсюда слѣдуетъ, замѣтимъ это мимоходомъ, что Арнольдово распределеніе епизодій у Евріпida и Муффово распределеніе епизодій у Софокла равны образомъ непѣрии, такъ какъ и тотъ, и другой того мнѣнія, что коммосъ не можетъ быть стазимомъ. Но это часть пока не касается. Аристотелевы определенія для трагедіи являются вполнѣ удовлетворительны. Такъ, напримѣръ, трагедія „Прометей“ распадается на слѣдующія части:

Ст. 1 Χθονὸς μὲν ἐς τηλοορὸν ἥκομεν πέδον. . . .	прологъ.
, 128 μηδὲν φοβηθῆτε φιλία . . . . строфа α	
, 144 λεύσσω, Προμηθεοῦ φοβερά. . . . антистрофа α	пародъ.
, 159 τίς ὕδε τλητικάρδιος . . . . строфа β	
, 178 σὺ μὲν θραύσεις τε καὶ πικραῖς . . . . антистрофа β	епизодія I.
, 194 πάντ' ἐκκάλυψον καὶ γέγων' ἡμῖν λόγον. . . .	
, 397 στένω σε τὰς οὐλομένας . . . . строфа α'	стазимонъ I.
, 406 πρόπασα δ' ἡδη στονόσεν. . . . антистрофа α'	
, 415 Κολχίδος τε γᾶς ἔνοικοι. . . . строфа β'	
, 420 Ἀραβίας τ' ἄρειον ἄνθος . . . . антистрофа β'	стазимонъ II.
, 425 μόνον δὴ πρόσιτεν ἔλλον ἐν πό-	
νοις. . . . . епода	
, 436 μήτοι χλιδῆ δοκεῖτε μηδ' αὐθαδίφ	епизодія II.
, 526 μήδαμ' ὁ πάντα νέμων . . . . строфа α'	стазимонъ III.
, 536 ἀδύ τι θαρσαλέας. . . . . антистрофа α'	
, 545 φέρ' ὅπως ἄχαρις χάρις ὡ . . . . строфа β'	
, 553 ἔμαθον τάδε σὰς προσιδοῦσ' . . . . антистрофа β'	

- Ст. 561 τίς γῆ, τί γένος; τίνα φῶ λεύσσειν . . . . . епизодія III.
 „ 887 ἡ σόφος, ἡ σόφρος ὁς. . . . . строфа
 „ 894 μήποτε, μήποτε μ' ὁ . . . . . антистрофа } стазимонъ III.
 „ 901 ἐμοὶ δ' ὅτι μὲν ὄμαλός . . . . . епода
 „ 907 ἡ μήγιν ἔτι Ζεύς, καίκερ αὐθάδη φρονῶν. . . . . екзодъ.

Если примѣнить Аристотелево опредѣленіе епизодіи къ комедіи, то мы найдемъ во всемъ Аристофанѣ только четыре епизодіи, а именно: одну во „Всадникахъ“:

- Ст. 973 ἥδιοτον φάος τημέρις . . . . . строфа } стазимонъ I.
 „ 985 ἀλλὰ καὶ τοδ' ἔγωγε Ήαυ— . . . . . антистрофа
 „ 997 ἰδού, θέασαι, κούχ ἄπαντας ἐκφέρω. . . . . епизодія.
 „ 1111 ὁ Δῆμε, καλὴν γ' ἔχει. . . . . строфа
 „ 1131 χοῦτω μὲν ἀν εὖ ποιοῖς. . . . . антистрофа } стазимонъ II.

Одну же „Птицахъ“:

- Ст. 1913 ταγὺ δ' ἀν πολυάνορα . . . . . строфа } стазимонъ I.
 „ 1325 φερέτω χάλαθον ταχύ . . . . . антистрофа
 „ 1335 οὕτοι μὰ τὰς κερχυῆδας ἔτι οὗ σχήσομαι . . . . . епизодія.
 „ 1470 πολλὰ δὴ καὶ κανά καὶ Ήαυ—. строфа
 „ 1482 ἔστι δ' αὖ χώρα πρὸς αὐτῷ . . . . . антистрофа } стазимонъ II.

И двѣ въ „Лизистратѣ“:

- Ст. 781 μῦθον βούλομαι . . . . . строфа } стазимонъ I.
 „ 805 κάγῳ βούλομαι. . . . . антистрофа
 „ 829 ιοὺ ιοὺ γυναιτίχες, ἵτε δεῦρ' ὁς ἐμέ . . . . . епизодія I.
 „ 1043 οὐ παρασκευαζόμεσθα. . . . . строфа
 „ 1059 ἔστιαν δὲ μέλλομεν ξε— . . . . . антистрофа } стазимонъ II.
 „ 1074 ἀνδρες Δάκωνες, πρῶτα μὲν μοι χαίρετε . . . . . епизодія II.
 „ 1189 στρωμάτων δὲ ποικίλων καὶ. . . . . строфа
 „ 1204 εἰ δέ τῷ μὴ σίτος ὑμῶν. . . . . антистрофа } стазимонъ III.

Только въ этихъ четырехъ случаяхъ мы встрѣчаемъ мѣроу хорѣдіас метаѣн бланъ хорикѡн малѣн. Но именно поэтому Аристотелево опредѣленіе слѣдуетъ нѣсколько расширить. У Аристофана мы называемъ епизодіей вслѣдъ часть комического діалога, непо-средственно граничащую со стазимономъ. При такомъ опредѣленіи епизодическая композиція распространяется на всѣ Аристофановы комедіи, за исключеніемъ одной „Иреи“. Прилагаемъ таблицу.

А. „Ахарньяне“.

- Ст. 719 δροι μὲν ἀγορᾶς εἰσιν οἵδε τῆς ἐμῆς . . . . . епизодія I.
 „ 836 εὐδαμονεῖ γ' ἄνθρωπος . . . . строфа
 „ 848 οὐδέ' ἐντυχῶν ἐν τάγορᾳ . . . . антистрофа } стазимонъ I.
 „ 860 ίττω Ἡρακλῆς, ἔκκυμόν γε τὰν τόλμην κακῶς . . . . епизодія II.
 „ 1069 καὶ μὴν ὁδί τις τὰς ὁφρῦς ἀνεσπακῶς . . . . . епизодія III.
 „ 1150 Ἀντίμαχου τὸν Ψαχάδος . . . . строфа
 „ 1161 τοῦτο μὲν αὐτῷ κακὸν ἔν . . . . антистрофа } стазимонъ II.

В. „Всадники“.

- Ст. 942 κάμοι δοκεῖ καὶ τάλλα γ' εἶναι καταφανῶς . . . . епизодія I.
 „ 973 ξδιστον φάος ημέρας . . . . строфа
 „ 985 ἀλλὰ καὶ τόδ' ἔγωγε θαυ—. . . . антистрофа } стазимонъ I.
 „ 997 ίδοὺ θέασαι, κούχ' ἀπαντα; ἐκφέρω . . . . . епизодія II.
 „ 1111 ὁ Δῆμε, καλήν γ' ἔγεις . . . . строфа
 „ 1131 χοῦτω μὲν ἂν εὖ ποιοῖς. . . . антистрофа } стазимонъ II.
 „ 1151 ἀπατ' ἐς μακαρίαν ἐκποδῶν—οὐ γ', ὁ φθόρε . . . . епизодія III.

С. „Облака“.

- Ст. 1303 οἷον τὸ πραγμάτων ἐράν . . . . строфа
 „ 1311 οἴμαι γάρ αὐτὸν αὐτίχ'. . . . антистрофа } стазимонъ.
 1322 ὁ γείτονες καὶ ξυγγενεῖς καὶ δημόται . . . . . епизодія.

Д. „Осы“

Объ этой комедіи необходимо сначала сказать нѣсколько словъ. Штангеръ (Ueber die Umarbeitung einiger Aristophanischer Komödien стр. 48 сл.) справедливо замѣчаетъ, что стазимонъ ст. 1450 сл. послѣ сцены ст. 1292—1449,—въ которой старикъ Филоклеонъ въ похмѣльѣ возвращается домой и бунтуетъ на улицѣ — лишень всякаго смысла. Въ первыхъ же словахъ этого стазима хоръ указываетъ на предстоящую перемѣну въ образѣ дѣйствій старика:

Σηλῶ γε τῆς εὐτυχίας
 τὸν πρεσβῖν, οἱ μετέστη
 ἔηρῶν τρόπων καὶ βιωτῆς
 ἕπερα δὲ νῦν ἀντιμαθῶν

ἢ μέγα τι μεταπεσεῖται
ἐπὶ τῷ τροφῷ καὶ μαλακόν.

Это предсказание вполне сбывается въ предыдущей сценѣ ст. 1292 сл.; будущее метаморфоза поэтому видѣть совсѣмъ неумѣстно. Но и антода ставима заключаетъ нѣсколько запоздалую мысль. Комплименты, которые хоръ въ пей говорятъ Беделиону, были бы на своемъ мѣстѣ либо непосредственно послѣ синтагмы, либо послѣ сцены ст. 1122—1264, въ которой Беделионъ учить своего отца, какъ ему вести себя въ порядочномъ обществѣ. Во всемъ этомъ мы соглашаемся со Штангеромъ. Но Штангеръ заключаетъ отсюда, что комедія была переработана Аристофаномъ; въ этомъ мы съ нимъ согласиться не можемъ, такъ какъ эта комедія—вполнѣ единичнаго характера (ср. „о синтагмахъ“ стр. 133 сл.). Затрудненіе устраивается гораздо проще; слѣдуетъ только допустить, что второстепенная парабаза (ст. 1265—1291) и стазимонъ (ст. 1450—1473) по ошибкѣ переставлены; это тѣмъ болѣе вѣроятно, такъ какъ второстепенная парабаза вообще потеряна (см. выше). Этимъ предположеніемъ устраивается также другое затрудненіе. При тонереніи состояніи текста второстепенная парабаза слишкомъ быстро слѣдуетъ за главной (ст. 1009—1121), чтѣ не особено вѣроятно. Мы предлагаемъ, поэтому распределить сцены во второй половинѣ драмы слѣдующимъ образомъ:

Ст. 1009—1121 Парабаза.

Ст. 1122 об тοι ποτε ζῶν τοῦτον ἀποδοθῆσομεν. . . .	епизодія I.
, 1450 ζηλῶ γε τῆς εὐτοχίας . . . строфа	} стазимонъ.
, 1472 πολλοῦ δ' ἐπαίνου παρ' ἔμοι. антистрофа	
, 1292 ιὼ χελῶναι, μακάριαι τοῦ δέρματος. . . .	епизодія II.
, 1265—1291. Второстепенная парабаза.	
, 1475 сл. Екзодъ.	

E. „Иреа“.

Въ этой комедіи, какъ мы уже замѣтили, епизодій нѣть.

F. „Штицы“.

Ст. 1269 δεινόν γε τὸν κήρυκα τὸν παρὰ τοὺς βρετούς ,	епизодія I.
, 1313 ταχὺ δ' ἄν πολοάορα . . . строфа	} стазимонъ I.
, 1324 φερέτω κάλαθον ταχὺ . . . антистрофа	
, 1335 εὗτοι μὰ τὰς κερχυνῆδας ἔτι οσσού σχήσομαι . . .	епизодія II.

- 1470 τολλά δὴ καὶ καινὰ καὶ θεοῦ — строфа
 — 1482 ἔστι δὲ αὐτὸς χώρα πρὸς αὐτῷ . автистрофа | стазимонъ II.

G. „Лизистрата“.

Ст. 706 ἀνασσα πράγμας τοῦδε καὶ βουλεύματος	епизодія I.
781 μῦθον βούλομαι	стазимонъ I.
805 κάγῳ βούλομαι	антистрофа
829 οὐδὲ οὖν γυναῖκες, ἵτε δεῦρ' ὡς ἐμέ	епизодія II.
1043 οὐ παρασκευαζόμεσθα	стазимонъ II.
1059 ἔστιν δὲ μέλλομεν ξε—	антистрофа
1074 ἄνδρες Δάκωνες, πρῶτα μέν μοι χαιράτε . .	епизодія III.
1189 στρωμάτων δὲ ποικίλων καὶ	стразионъ III.
1204 αἱ δέ τῷ μη σίτος ὑπῶν	антистрофа

H. „Тесмофоріазузы”.

Ст. 846 ἄλλος γεγένημαι προσδοκῶν· οὐδὲ δέ οὐδέποτε . . .	епизодія I.
953 δρμα, χώραι.	проода (?)
969 πρόβανε ποσὶ τὸν Εὖλόραν. . .	строфа α (?)
972 Ἐρμῆν τε Νόμιον ἀντοματι. . .	антистрофа α (?)
985 ἀλλ' εἰς ἀλλ' ἀνάστροφ'. . .	мезода (?)
990 Εὗτοι, ὁ Διός σύ	строфа β (?)
995 ἀμφὶ δέ σοι κτυπεῖται . . .	антистрофа β (?)
1001 ἀνταῦτα νῦν οἰμῶξει πρὸς τὴν αἰτίαν	епизодія II.
1136 Παλλάδα τὴν φιλόχωρον. . .	проода (?)
1148 ἡκετε δέ εἴθερονες, Ἰλαοι. . .	строфа (?)
1154 Θεομοφόρω πολυποτνία . . .	антистрофа (?)

I. „Лягушки“.

Ст. 737 νῆ τὸν Δία τὸν αὐτῆρα, γεννάδας ἀνήρ.	стазимонъ I.
814 ἡ που δεινὸν ἐπιβρεμέτας . . . строфа	
822 φρίξες δ' αὐτοκόμου . . . антистрофа	
830 οὐκ ἂν μεθείμην τοῦ θρόνου, μὴ νοοθέτει.	стазимонъ II.
1098 μέγα τὸ πρᾶγμα . . . строфа	
1109 εἰ δὲ τοῦτο καταφοβεῖσθον . . . антистрофа	
1119 καὶ μὴν ἐπ' αὐτοὺς τοὺς προλέγους σου τρέ- φομαι.	стазимонъ III.

Ст. 1251 ті ποτε κράγμα γενήσεται . . .	строфа	стазимонъ III.
. . . . .	антистрофа	
, 1261 πάνυ γε μέλη θαυμαστά· δεῖξε δὴ τάχα . . .	епизодім IV.	
, 1370 ἐπίκονοι γ' οἱ δεξιοὶ	строфа	стазимонъ IV.
	антистрофа	

L. „Еуклесіазузы“ и М. „Плутось“.

Эти двѣ комедіи мы пропускаемъ здѣсь по той же причинѣ, по ко-торой мы пропустили ихъ выше, когда рѣчь шла о сизигіяхъ.

Въ составъ нашихъ двухъ таблицъ вошли не всѣ триметрическія части комического діалога. Если исключить изъ него всѣ сизигіи и всѣ епизодіи, то остается еще нѣсколько сценъ, которыхъ нельзя на-звать ли тѣмъ, ли другимъ именемъ. Къ сизигіямъ они не припад-лежать, такъ какъ они не подчиняются законамъ епарретической композиціи; къ епизодіямъ ихъ причислить также нельзя, такъ какъ онѣ не граничатъ со стазимами. Назовемъ ихъ мезорретами.

Мезорреты въ комедіяхъ Аристофана играютъ двойную роль.

Представимъ себѣ комедію древнѣйшаго стиля, состоящую только изъ трехъ каноническихъ частей—парода, синтагмы и парабазы. Аите-паррета парода граничитъ въ ней съ одной синтагмой; хорическая часть съ хорическою. Понятно, что такой порядокъ долженъ быть быть чрезвычайно утомительнымъ для хора; явилась необходимость отдѣлить обѣ хорическія части другъ отъ друга діалогической встав-кой. Этюю вставкой и была мезоррета.

Но мезоррета, кроме того, имѣла еще другое значеніе. Главнымъ требованіемъ сизигіи былъ параллелизмъ, то-есть, весьма недрамати-ческій элементъ. Мезоррета, напротивъ, никакъ не стѣсняла поэта; поэтому онъ пользовался ею тамъ, где ему нужно было двинуть дѣй-ствіе впередъ. Примѣромъ такого употребленія мезорреты можетъ слу-жить пародія „Арханянъ“.

Теперь наконецъ мы въ состояніи дать полный разборъ всѣхъ комедій Аристофана.

I. „Ахарнене“.

Ст. 1—203 Οσα δὴ δέδημαι	прологъ.
, 204—241 τῷδε πᾶς ἔποι δίσκε.	пародъ I.
, 242—279 πρότιθ' ἐς τὸ πρόξεν	мезоррета I.

Ст.	280—346	οὗτος αὐτός ἐστιν, οὗτος	пародъ II.
	347—392	ἐμέλλετ' ἄρ' ἀπαντες	сизигія I.
	392—571	ῶρα ὅτιν ἄρα μοι καρτεράν	сизигія II.
	572—592	πόθεν βοῆς ἡχουσα	мезоррена II.
[	624	. . . .	синтагма].
	625—718	ἀνήρ νικῆ τοῖσι λόγοισι	парабаза.
	719—835	δροὶ μὲν ἀγορᾶς εἰσιν	епизодія I.
	836—859	εὐδαιμονεῖ γ' ἀνύρωπος. . . .	стазимопъ I.
	860—970	ἴττῳ Ήρακλῆς, ἔκαμόν γα. . . .	епизодія II.
	971—999	εἰδες ώ, εἰδες ώ πᾶσα	второст. парабаза.
	1000—1068	Ζηλῶ σε τῆς εἰβουδίας. . . .	сизигія III.
	1069—1142	καὶ μὴν οὖδι τις τὰς ὄφρους	епизодія III.
	1143—1173	Ἀντίμαχον τὸν Ψαχάδος	стазимонъ II.
	1174 сл.	ώ δρῶες οἵ κατ' οίκον	екзодъ.

II. „Всадники”.

Ст.	1—241 Ἰατιαταιάξ τῶν κακῶν.	прологъ.
	242—302 ἀνδρες ἵππης, παραγένεσθε	пародъ.
	303—460 ὁ μιαρὲ καὶ βδελυρέ	второст. синтагма.
	461—497 ταυτὶ μὲ τὴν Δήμητρα.	изворрена.
	498—610 ἀλλ' θι χαιρῶν καὶ πράξεις.	парабаза.
	611—755 ὁ φίλατ' ἀνδρῶν καὶ νεανικώτατε .	сизигія.
	756—940 νῦν δή σε πάντα δεῖ κάλων	синтагма.
	941—972 κάμοι δοκεῖ καὶ τᾶλλα.	епизодія I.
	973—996 ἥδιστον φάος ἡμέρας	стазимонъ I.
	997—1110 ἴδου, θέσσαι, κούχ ἄπαντας	епизодія II.
	1111—1150 ὁ Δῆμε, καλήν γ' ἔχεις	стазимонъ II.
	1151—1262 ἄπαγ' ἐς μακαρίαν	епизодія III.
	1263—1815 τί κάλλιον ἀρχομένοισι	второст. парабаза.
	1816 сл. εὐφημεῖν χρή καὶ στόμα	екзодъ.

III. „Облака“.

Ср.	1—262	Ω Ζεῦ βασιλεῦ, τὸ χρῆμα . . .	прологъ.
•	263—477	εὐφημεῖν χρὴ τὸν πρεσβύτην . . .	пародъ.
•	478—509	ἄγε δή, κάτειπέ μοι σύ . . .	мезоррэма I.
•	510—626	ἀλλ᾽ ίθι χαιρίων τῆς ἀνδρείας . . .	парабаза.
•	627—813	μὰ τὴν Ἀνακνοτήν . . .	сизигия I.
•	814—888	οδοῖς μὰ τὴν Ὁμίχλην . . .	сизигия II.

Ст.	889—946	χώρει δεορί, δείξον.	. . . . .	мезоррена II.
,	949—1104	νῦν δείξετον τὰ πιστούν	. . . . .	сигнагма.
,	1113—1130	χωρεῖτε νῦν οὐμαι δέ σοι.	. . . . .	второст. парабаза.
,	1131—1213	πέμπτη, τετράς, τρίτη.	. . . . .	мезоррена III.
,	1214—1302	εἰτ' ἄνδρα τῶν αὐτοῦ	. . . . .	сигнагія III.
,	1303—1320	οἶν τὸ πραγμάτων ἄραν	. . . . .	стазимонъ I.
,	1321—1344	ἄ γειτονες καὶ ξυγγενεῖς	. . . . .	епизоді I.
,	1345—1451	σὸν ἔργον ὁ πρεσβύτα.	. . . . .	второст. сигнагма.
,	1452 сл.	ταυτὶ δὲ ὑμᾶς, ὁ Νεφέλαι	. . . . .	еизводъ.

IV. „Осы“.

Ст.	1—229	Οὗτος, τί κάσχεις	прологъ.	
,	230—525	χώρει, πρόβατιν'	. . . . .	пародъ.
,	526—728	νῦν σε τὸν ἄκ θήμετέρου	. . . . .	сигнагма.
,	729—1008	πιθοῦ, κιθοῦ λόγοισι	. . . . .	сигнагія.
,	1009—1121	ἀλλ' ἵτα χαίροντες	. . . . .	парабаза.
,	1122—1264	οὗτοι κοτὲ ζῶν	. . . . .	епизоді I.
,	1450—1473	Σηλῶ γε τῆς εὐτοχίας.	. . . . .	стазимонъ.
,	1292—1449	ἴω χελώναι μακάραι	. . . . .	епизоді II.
,	1265—1291	πολλάκις δὴ 'δοξ' ἐμαυτῷ.	. . . . .	второст. парабаза.
,	1474 сл.	νῆ τὸν Διόνυσον.	. . . . .	еизводъ.

V. „Ирина“.

Ст.	1—298	Αἵρ', αἴρε μᾶζαν ὡς τάχιστα.	. . . . .	прологъ.
,	299—656	ὡς τάχιστ' ἀμας λαβόντες.	. . . . .	пародъ.
,	346—425	φέρε δή κατέβω.	. . . . .	сигнагія I.
,	426—458	ὄμέτερον ἐντεῦθεν ἔργον	. . . . .	мезоррена I.
,	459—511	ἔ εἰα—εία μάλα	. . . . .	сигнагія II.
,	512—552	ἄγε νον, ἄγε πᾶς	. . . . .	мезоррена II.
,	657—728	ἀλλ' δ τι σιωπᾶς, ὁ κότνα	. . . . .	мезоррена III.
,	729—818	ἀλλ' ίθι χαίρων ήμεις δέ τέος.	. . . . .	парабаза.
,	819—931	ὡς χαλεπὸν ἀλθεῖν ἦν ἄρ'	. . . . .	сигнагія III.
,	922—1038	ἄγε δή, τί νῦν ἐντεῦθενι.	. . . . .	сигнагія IV.
,	1039—1126	ταυτὶ δέδραται	. . . . .	мезоррена IV.
,	1127—1190	ἡδομαί τ', ηδομαι	. . . . .	второст. парабаза.
,	1191 сл.	δαον τὸ χρῆμ' ἐπὶ δεῖπνον	. . . . .	еизводъ.

VI. „Птицы“.

Ст.	1—267	'Ορθὴν κελεύεις γὰ τὸ δένδρον . . .	прологъ.
,	268—399	ῶγαθ', ἀλλ' οὖν οὐτοῖς καὶ δὴ . . .	пародъ.
,	400—450	ἄναγ' ἐς τάξιν πάλιν	мезоррэма I.
,	451—628	δολερὸν μὲν ἀέι.	синтагма.
,	629—675	ἐπαυχήσας δὲ τοῖσι σοὶς	мезоррэма II.
,	676—800	ὦ φίλη, ὦ ξουθῆ	парабаза.
,	801—902	ταῦτι τοιαυτί· μὰ τὸν Ἀπόλλω . . .	сизигия I.
,	903—1057	θύοντες εὐξώμεσθα	мезоррэма III.
,	1058—1117	ηδη μοι τῷ παντόπτῳ	второст. парабаза.
,	1118—1268	τὰ μὲν ιέρ' ἡμῖν ἔστιν, ὕριθες . .	сизигия II.
,	1269—1312	δεινόν γε τὸν κήρυκα	епизодік I.
,	1313—1334	ταχὺ δ' ἂν πολυάνορα	стазимонъ I.
,	1335—1469	οὗτοι μὰ τὰς κερχυῆδας	епизодік II.
,	1470—1493	πολλὰ δὴ καὶ καινὰ καὶ	стазимонъ II.
,	1494—1705	οἵμοι τάλας, ὁ Ζεύς.	сизигия III.
,	1706 сл.	ὦ πάντ' ἀγαθὰ πράττοντες . . .	екзодъ.

VII. „Лизистрата“.

Ст.	1—254	'Αλλ' εἰ τις εἰς Βακχεῖον . . .	прологъ.
•	255—386	χώρει, Δράκης, ἡγεῦ βάστην . . .	пародъ.
•	387—466	ἀρ' ἐξέλαμψε τῶν γυναικῶν . . .	мезоррепма I.
•	467—613	ὦ πόλλα! ἀναλώσας ἔπη· . . .	синтагма.
•	614—705	οὐχ ἔτ' ἔργον ἐγκαθεύδειν. . .	парабаза.
•	706—780	ἄνασσα πράγοις τοῦθε . . .	эпизодія I.
•	781—828	μῦθον βούλομαι λέξαι . . .	стазимонъ I.
•	829—1013	ἰοὺ γυναικες, ἵτε . . .	эпизодія II.
•	1014—1071	οὐδέν ἔστι θηρίον . . .	стазимонъ II.
•	1072—1188	καὶ μήν ἀπὸ τῆς Σπάρτης . . .	эпизодія III.
•	1189—1215	στρωμάτων δὲ ποικίλων. . .	стазимонъ III.
•	1216 сл.	ἄνοιγε τὴν θύραν σὺ . . .	екзодъ.

VIII. „Тесмофоріазузы”.

Ст.	1—294	Ω Ζεύ, χαλιδών ἄρα	прологъ.
.	295—371	δε χρήματα καὶ θεῶν γένος.	пародъ I.
.	372—530	ἄκουε πάς· ἔδοξε τῷ βουλῇ	сивитія I.

- Ст. 531—573 ἀλλ' οὐ τάρ ἐστι τῶν ἀναισχύντων . синтагма.
 • 574—654 φίλαι γυναῖκες, ἔυγγενεῖς . . . . . мезоррэма I.
 • 655—688 ἡμᾶς τοίνυν μετὰ ταῦτ' . . . . . пародъ II.
 • 689—727 ἂ ποι σὸ φεύγεις οὗτος . . . . . пародъ III.
 • 728—784 Ἰωμεν ἐπὶ τὰς κληματίδας. . . . . мезоррэма II.
 • 785—845 ἡμεῖς τοίνυν ἡμᾶς αὐτάς . . . . . парабаза.
 • 846—946 ἄλλος γεγένημαι προσδοκῶν . . . . . эпизоді I.
 • 947—1000 ἄγε νῦν ἡμεῖς πάισωμεν . . . . . ставимонъ I.
 • 1001—1135 ἐνταῦτα νῦν οἴμως . . . . . эпизоді II.
 • 1136—1159 Παλλάδα τὴν φιλόχωρον . . . . . ставимонъ II.
 • 1160 сл. γυναῖκες, εἰ βούλεσθε. . . . . екзодъ.

IX. „Лягушки“.

- Ст. 1—323 Εἶπω τι τῶν εἰωθίστων. . . . . прологъ.
 • 324—459 Ἱακχ' ὁ πολυτίμοις ἐν ἔδραις . . . . . пародъ.
 • 460—604 ἄγε δὴ τίνα τρόπον τὴν θύραν . . . . . сизигія I.
 • 605—674 ἐνυδεῖτε ταχέως τουτονὶ τὸν . . . . . мезоррэма I.
 • 675—737 Μοῦσα χοροὺς ἵερούς . . . . . парабаза.
 • 738—813 νῆ τὸν. Δία τὸν σωτῆρα . . . . . эпизоді I.
 • 814—829 ἡ που δεινὸν ἐριθρεμέτας. . . . . ставимонъ I.
 • 830—894 οὐκ ἀν μεθείμην τοῦ θρόνου. . . . . эпизоді II.
 • 895—1097 καὶ μήν ἡμεῖς ἐπιθυμοῦμεν . . . . . синтагма.
 • 1098—1118 μέγα τὸ πρᾶγμα, πολύ. . . . . ставимонъ II.
 • 1119—1250 καὶ μήν ἐπ' αὐτοὺς. . . . . эпизоді III.
 • 1251—1260 τί ποτε πρᾶγμα γενήσεται. . . . . ставимонъ III.
 • 1261—1369 πολό γε μέλη θαυμαστά . . . . . эпизоді IV.
 • 1370—1377 ἐπίκονοι γ' οἱ δεκτοί . . . . . ставимонъ IV.
 • 1378—1481 οὐκ νῦν, παρώτατον. . . . . эпизоді V.
 • 1482—1499 μακάριος γ' ἀνήρ ἔχων. . . . . ставимонъ V.
 • 1500 сл. ἄγε δὴ χαίρων, Αἰσχύλε, χώρει. . . . . екзодъ.

X. „Екклезіазузы“.

- Ст. 1—284 Ὡ κλεινὸν δημα τοῦ τροχηλάτου . . . . . прологъ.
 • 285—310 ὥρα προβαίνειν ἡμιν, ὄνδρες. . . . . пародъ I.
 • 311—477 τί τὸ πρᾶγμα; ποτὶ κού? . . . . . мезоррэма I.
 • 478—519 ἔμφα, χώρει . . . . . пародъ II.
 • 520—570 αὐτῇ, πόθεν ἦκεις, Πραξαγόρα . . . . . мезоррэма I.

- Ст. 571—709 νῦν δὴ δεῖ σε ποκυῆν φρένα. . . . синтагма.
 , 710—729 βαζιστέον τῷρ' ἀστίν . . . . мезоррэма II.
 (парабаза).
 , 730—876 χώρει σὸν δεόρῳ κινηχόρᾳ . . . . эпизодія I.
 (стазимонъ I).
 , 877—1111 οὐδὲ τοῦδε οὐδὲ τῆκουσι . . . . эпизодія II.
 (стазимонъ II).
 , 1112 сл. ὁ μακάριος μὲν δῆμος. . . . . екзодъ.

XI. „Плутосъ“.

- Ст. 1—252 Ὡς ἀργαλέον πρᾶγμ' ἀστιν . . . . прологъ.
 , 253—321 ὃ πολλὰ δὴ τῷ δεσπότῃ . . . . пародъ.
 , 322—486 χάριεν μὲν ὑμᾶς ἔστιν . . . . мезоррэма I.
 , 487—626 ἀλλ' ἡδη χρὴ τὶ λέγειν ὑμᾶς. . . . синтагма.
 (парабаза).
 , 627—770 ὁ πλειστα Θηρείοις . . . . эпизодія I.
 (стазимонъ I).
 , 771—801 καὶ προσκυνῶ γε πρῶτα . . . . эпизодія II.
 (стазимонъ II).
 , 802—958 ὡς ἡδὸν πράττειν, ὑνδρες . . . . эпизодія III.
 (стазимонъ III).
 , 959—1096 ἄρ', ὁ φύλοι γέροντες . . . . эпизодія IV.
 (стазимонъ IV).
 , 1097—1170 τίς ἐσθ' ὁ κόπτων τὴν θύραν. . . . эпизодія V.
 (стазимонъ V).
 , 1171 сл. τίς ἐν φράσει τοῦ 'στι . . . . екзодъ.

Небезынтересно узнать, насколько эпирретматическая композиция из Аристофановой комедии преобладает над эпизодической. Къ первой принадлежать, какъ известно, всѣ синигіи, тетраметрическія и триметрическія; ко второй—эпизодіи и стазимы. Напротивъ того, прологъ, мезоррэмы и екзодъ относятся нейтрально и къ той, и къ

другої композиції. Поэтому, нижеслівуща таблица распадається на три столбца:

	епіппр. коми.	епіпвод. коми.	прох. мезорр. и екз.
„Ахаріане“.	народъ I . . . 38 ст. епіпводія I . . . 117 ст. прологъ . . . 203 ст.		
	народъ II . . . 67	стазимонъ I . . . 24	мезорр. I . . . 83
	сивигія I . . . 46	епіпводія II . . . 111	мезорр. II . . . 47
	сивигія II . . . 179	епіпводія III . . . 74	екзодъ . . . 61
	сивигія . . . 6	стазимонъ II . . . 81	
	парабаза . . . 94		
	втор. параб. 29		
	сивигія III . . . 69		
	1284 ст.	526 ст.	357 ст.
„Всадники“.	народъ . . . 61 ст. епіпводія I . . . 32 ст. прологъ . . . 241 ст.		
	второст. синт. 158	стазимонъ I . . . 24	мезоррена . . . 37
	парабаза . . . 118	епіпводія II . . . 114	екзодъ . . . 98
	сивигія . . . 145	стазимонъ II . . . 40	
	сивигія . . . 185	епіпводія III . . . 112	
	втор. параб. 53		
	1408 ст.	715 ст.	822 ст.
„Облахи“.	народъ . . . 215 ст. стазимонъ I . . . 18 ст. прологъ . . . 262 ст.		
	парабаза . . . 117	епіпводія I . . . 24	мезорр. I . . . 82
	сивигія I . . . 187		мезорр. II . . . 60
	сивигія II . . . 75		мезорр. III . . . 88
	сивигія . . . 156		екзодъ . . . 59
	второст. пар. 26		
	сивигія III . . . 89		
	второст. синт. 107		
	1610 ст.	972 ст.	42 ст.
„Осы“.	народъ . . . 296 ст. епіпводія I . . . 143 ст. прологъ . . . 229 ст.		
	сивигія . . . 208	стазимонъ I . . . 24	екзодъ . . . 64
	сивигія . . . 280	епіпводія II . . . 158	
	парабаза . . . 118		
	второст. пар. 27		
	1587 ст.	919 ст.	825 ст.
„Ірена“.	народъ . . . 151 ст.	прологъ . . . 298 ст.	
	сивигія I . . . 80	мезорр. I . . . 83	
	сивигія II . . . 49	мезорр. II . . . 45	
	парабаза . . . 90	мезорр. III . . . 72	
	сивигія III . . . 103	мезорр. IV . . . 88	
	сивигія IV . . . 117	екзодъ . . . 167	
	втор. параб. . . 64		
	1857 ст.	654 ст.	—
			703 ст.

„Птицы“.	пародъ . . . . . 182 ст. синтагма . . . . . 178 парабаза . . . . . 126 синагія I . . . . . 102 синагія II . . . . . 151 втор. параб. . . . . 60 синагія III 212	сценикій I . . . . . 44 ст. прологъ . . . . . 267 ст. стазимонъ I . . . . . 22 епизодія II . . . . . 135 стазимонъ II . . . . . 24 мезорр. I . . . . . 51 мезорр. II . . . . . 47 мезорр. III . . . . . 155 екзодъ 60	
1765 ст.	960 ст.	225 ст.	580 ст.
„Лізистрат“	пародъ . . . . . 132 ст. синтагма . . . . . 147 парабаза 92	сценикій I . . . . . 75 ст. стазимонъ I . . . . . 48 епизодія II . . . . . 185 стазимонъ II . . . . . 58 епизодія III . . . . . 117 стазимонъ III 27	прологъ . . . . . 254 ст. мезоррима . . . . . 80 екзодъ 105
1320 ст.	871 ст.	510 ст.	439 ст.
„Тесмофоріазузы“.	пародъ I . . . . . 77 ст. синагія I . . . . . 159 синтагма . . . . . 43 пародъ II . . . . . 34 пародъ III . . . . . 39 парабаза 61	сценикій I . . . . . 101 ст. стазимонъ I . . . . . 54 епизодія II . . . . . 135 стазимонъ II 24	прологъ . . . . . 294 ст. мезоррима I . . . . . 81 мезоррима II . . . . . 57 екзодъ 72
1231 ст.	413 ст.	314 ст.	504 ст.
„Лягушки“.	пародъ I . . . . . 136 ст. синагія I . . . . . 145 парабаза . . . . . 63 синтагма 203	сценикій I . . . . . 76 ст. стазимонъ I . . . . . 16 епизодія II . . . . . 65 стазимонъ II . . . . . 21 епизодія III . . . . . 132 стазимонъ III . . . . . 10 епизодія IV . . . . . 109 стазимонъ IV . . . . . 8 епизодія V . . . . . 104 стазимонъ V 18	прологъ . . . . . 323 ст. мезоррима . . . . . 70 екзодъ 34
1583 ст.	547 ст.	559 ст.	427 ст.

Мы получаемъ, такимъ образомъ, слѣдующую прогрессію: 1) „Ирена“ 100: 0; 2) „Облака“ 96: 4; 3) „Птицы“ 81: 19; 4) „Осы“ 76: 24; 5) „Всадники“ 69: 31; 6) „Ахарине“ 59: 41; 7) „Тесмофоріазузы“ 57: 43; 8) „Лягушки“ 49: 51; 9) „Лизистрат“ ст. 43: 57. — Въ общемъ выводѣ 70: 30.

Итакъ, преобладаніе епирретматической композиціи надъ епизодической въ Аристофановой комедіи выражается отношеніемъ 70: 30. Это отношеніе какъ нельзя лучше опровергаетъ иѣнѣе тѣхъ ученыхъ,

которые пытались построить композицию Аристофановой комедии на эпизодической основе.

Но каковъ же смыслъ нашей прогрессіи? Мы видѣли, что епиррематической композиціи соотвѣтствуетъ лирико-дидактическій, епизодической—драматическій элементъ комедіи. Поэтому настъ нисколько не удивляетъ, что лирико-спіическая „Ирена“ занимаетъ первое, а драматическая „Лизистратъ“ послѣднее мѣсто въ нашей прогрессіи. Но въ „Птицахъ“ несомнѣнно болѣе драматизма, чѣмъ въ „Лягушкахъ“; какимъ же образомъ первая изъ нихъ получила третью, послѣднюю—осмое мѣсто? Тутъ безспорно повліялъ и хронологический моментъ. Поэтому, нельзя сказать, чтобы наша прогрессія вполнѣ точно выражала переходъ отъ наиболѣе лирико-дидактическихъ къ болѣе драматическимъ комедіямъ Аристофана.

Что касается специально сизигій и епизодій, то къ нимъ относятся слѣдующіе два закона:

1) Никогда епизодіи въ Аристофановыхъ епирремахъ не являются ранѣе парабазы. Этотъ законъ получаетъ смыслъ и значеніе только тогда, когда вспомнимъ сказанное нами выше (сл. XI), что парабаза—эпилогъ древнѣйшей комедіи. Такимъ образомъ, комедіи даже позднѣйшихъ временъ показываютъ намъ, до какой степени епизодическая композиція считалась чуждымъ элементомъ въ юнійской комедіи.

2) Въ епирремахъ сизигій считалось непозволительнымъ вставлять мелические, вообще аллеометрические пассажи въ діалогѣ; въ епизодіяхъ, напротивъ того, господствовала полнѣйшая свобода, точно также какъ и въ прологахъ, мезорремахъ и екзодахъ.

Для доказательства прилагаемъ слѣдующія двѣ таблицы:

I. Не триметрическія вставки въ епирремахъ сизигій.

1) „Облака“, сизигія I ст. 707 сл. Но мы уже доказали, что весь интермеццо съ клопами есть остатокъ изъ первой редакціи.

2) „Ирена“, сизигія IV ст. 974 сл. Но здѣсь вставка есть гиперметрическая молитва Тригеля, и мы можемъ предположить, что она, подобно пѣснѣ Пустошки (ст. 209 сл.; см. „О синтагмахъ“ стр. 198) была произносима речитативомъ безъ аккомпанемента музыки.

3) „Птицы“, сизигія I ст. 865 сл. молитва Питетера въ прозѣ.

4) „Птицы“, сизигія III ст. 1661 законъ Солова, также въ прозѣ.

II. Не триметрическія вставки въ епизодіяхъ (со включеніемъ прологъ, екзодовъ и мезорремъ).

1) „Ахарнене“, мезорр. I. Фаллофорический распѣвъ.

2) „Амоѳаѳон“ епизоділ II. Амоѳаѳон хора, Беотійца и Диѳополя.

- 3) „Всадники“, прологъ. Оракуль (гекзаметры).
 4) „ , епизодія III. Оракулы Клеона и Агоракрата.
 5) „Облака“, мезорр. Ш. Пѣсни Стрепсіада.
 6) „Осы“, епизодія I. Филоклеонъ упражняется въ пѣніи сколій.
 7) „ , епизодія II. Пѣсни Филоклеона на улицѣ.
 8) „ , екзодъ. Гиперметры Филоклеона и Есантія.
 9) „Ирена“, прологъ. Гиперметръ Тригей на жукѣ, Тригей съ дочерьми; гиперметръ Тригей во время полета на небо.
 10) „Ирена“, мезорр. IV. Оракулы Гіерокла.
 11) „ , екзодъ. Пѣсни сыновей Ламаха и Клонима.
 12) „Птицы“, мезорр. III. Цитаты поэта; оракулы.
 13) „ , епизодія II. Пѣсни дурного сына, Кинезія и сикофанта.
 14) „Лизистратъ“, епизодія I. Оракуль.
 15) „ , епизодія II. Гиперметръ Кинезія и хора.
 16) „ , епизодія III. Хоръ привѣтствуетъ Лизистрату.
 17) „Тесмофоріазузы“, прологъ. Гиперметръ раба Агаеона; хоръ
     Музъ.
 18) „ , епизодія II. Мнезилохъ въ роли Аидромеды.
 19) „Лягушки“, прологъ. Хоръ лягушечъ.
 20) „ , мезорр. I. Цитата Діониза.
 21) „ , мезорр. II. Молитва Музамъ.
 22) „ , епизодія III. Пѣсни Эсхила и Еврипида.

Почему именно епирремы сизигій пользовались препуществомъ вполиѣ строгаго сложенія—объяснить не трудно. Преобладаніе музыки въ одной изъ двухъ половинъ сизигій нарушило бы параллелизмъ, да и вообще музыка, каноническимъ мѣстомъ которой были оды, своимъ появлениемъ въ епирремахъ сдѣлала бы композицію сизигій неясной.

XVI.

Епизодическая композиція, следовательно, въ комедіи большой роли не играетъ. За то въ трагедіи она имѣть ту же важность, какъ синрретическая композиція въ комедіи.

Въ предшествующихъ главахъ мы не имѣли надобности сравнивать комическую композицію съ трагической. Нарабаза и синтагма въ трагедіи не имѣютъ никакой аналогіи, трагический пародъ также ничего общаго съ комическимъ не имѣть. Напротивъ, относительно

тритметрическаго диалога почти всѣ учёные согласны, что онъ цѣлкомъ заимствованъ комедіей изъ трагедіи; поэтому мы не можемъ не остановиться здѣсь на трагической композиціи. Что касается специальнаго епизодій, то ихъ сложеніе въ трагедіи то же, чтѣ и въ комедіи. Тритметрическій диалогъ нерѣдко прерывается разными возгласами *extra versum*, апанестическими гиперметрами хора или агонистовъ и мелическими вставками. Нельзя сказать того же относительно стазимовъ. Въ трагедіи мы понимаемъ подъ этимъ именемъ обыкновенно довольно обширный комплексъ строфъ, антистрофъ и епода; въ комедіи, напротивъ, стазимы никогда не содержатъ въ себѣ болѣе одной пары строфъ, и никогда за строфами не слѣдуетъ епода. Откуда такое различіе—угадать не трудно: епизодіи исполнялись агонистами, стазимы—хоромъ; агонистовъ въ трагедіи было столько же, сколько и въ комедіи; составъ хора, напротивъ, былъ различенъ въ этихъ двухъ родахъ драматической поэзіи. Но этимъ вопросомъ мы займемся въ слѣдующей главѣ.

Композиція трагедій интересна для насъ тѣмъ болѣе, что и въ ней мы находимъ примѣры сизигій; правда, роль ихъ еще значительно чѣмъ роль епизодической композиціи въ комедіи. Епизодический принципъ всегда и вездѣ былъ главнымъ композиціоннымъ принципомъ въ дорийской трагедіи; сизигія могла явиться въ ней только въ двухъ случаяхъ: или она заступала стазимонъ—въ самомъ обширномъ смыслѣ слова—или епизодіи. Мы различаемъ поэтому два рода сизигій въ трагедіи.

I. Сизигія, заступающая стазимонъ. Сокративъ по мѣрѣ возможности епиррематическую часть сизигіи, поэтъ могъ достигнуть рѣшительного преобладанія мелической части надъ епиррематической. Онъ получалъ такимъ образомъ форму, которая весьма легко могла замѣстить стазимонъ. Въ этой формѣ мы опять различаемъ пять видоизмѣнений.

А. Первое видоизмѣнение. Оды состоять изъ лирическихъ строфъ, епирремы—изъ апанестическихъ гиперметровъ. Какъ тѣ, такъ и другія, произносились хоромъ. Это видоизмѣненіе наиболѣе соответствуетъ сизигіи въ парабазѣ и въ первоначальной формѣ парода; извѣстно, что апанестические гиперметры въ трагедіи отличаются отъ лирическихъ строфъ точно также, какъ въ комедіи тетраметры отъ одъ. Сюда относятся слѣдующіе примѣры.

Пародъ Софокловой „Антигоны“:

Ст. 100 'Αχτίς ἀελίσιο κάλλιστον . . . ода.	} первая сизигія.
, 110 δι' ἐφ' ἀμετέρα τῷ Πολυνείκους . епиррема.	
, 117 στὰς δ' ὑπὲρ μελάθρων φονώσασιν αντοδα.	
, 127 Σεδὲ γὰρ μεγάλης γλώσσης κόρπους αντεπιρρема.	
, 136 'Αντιτύπα δ' ἐπὶ τῷ πέσε . . . ода.	
, 141 ἀπτὰ λοχαγοῖς γὰρ ἐφ' ἀπτὰ πόλας епиррема.	
, 148 ἄλλα γὰρ ἀ μεγαλώνυμος . . . αντοда.	} вторая сизигія.
, 155 ἄλλ' οὐδὲ γὰρ δὴ βασιλεὺς χώρας . ανтепирирема.	

схема: abab; abab

Мы доказали выше, что все тетраметрические сизигии въ комедіи подчиняются законамъ евритміи и симметріи, и что причиною тому сопровождающая тетраметры маршевая музыка. Отсюда слѣдуетъ, что во всѣхъ сизигіяхъ, епирремы которыхъ не имѣли аккомпанемента, должна была царствовать полнѣйшая свобода относительно количества стиховъ въ эпическихъ частяхъ. Опытъ подтверждаетъ наше предположеніе. Дѣйствительно, мы получаемъ слѣдующія отношенія:

<i>„Ахарнане“</i>	I	11—19	<i>„Ирена“</i>	I	22—26
,	II	97—69	,	II	13—8
,	III	19—22	,	III	37—41
<i>„Всадники“</i>	. . . . .	50—65	,	IV	17—25
<i>„Облака“</i>	I	78—82	<i>„Птицы“</i>	I	50—36
,	II	52—23	,	II	70—65
,	III	45—44	,	III	59—129
<i>„Осы“</i>	. . . . .	103—118	<i>„Тесмофор.“</i>	. . . . .	50—54
<i>„Лягушки“</i>					
74—41					

Но въ трагедіи дѣло обстоитъ иначе. Анаистические гиперметры, какъ известно, были сопровождаемы музыкой, точно также какъ тетраметры комедіи. Евритмической дѣлиности они, конечно, обнаруживать не могутъ вслѣдствіе своей малости; но за то мы въправѣ ожидать, что они будутъ подчиняться законамъ симметріи.

Въ первой сизигіи парода *„Антигоны“* епиррема состоить изъ 13, антепирирема изъ 14 тактовъ; во второй сизигіи епиррема изъ 14, антепирирема изъ 12 тактовъ. На первый взглядъ кажется, что симметріи нѣть; но древніе метрики сообщаютъ намъ, что диметру въ гиперметрахъ можетъ соотвѣтствовать біметросъ катѣ монохордіекъ, то-есть, монометръ, (ср. Вестфаль, Metrik II, 177 сл.). Это соображеніе

доказываетъ, что передъ нами—полная, строгая симметрія; стоять только изъ шести диметровъ въ антиперметрѣ второй сизигії сдѣлать пять диметровъ и два монометра. Мы получимъ тогда слѣдующее соответствие:

α. 7. α. 7.	β. 7. β. 7.
-------------	-------------

Вообще число 7 играеть въ гиперметрахъ важную роль.

2. Трепось Эсхилова „Агамемнона“.

Ст. 1455 Ιώ, ίώ, παράνοις.	епиррема.	сизигія.
, 1459 ἡ πολύμυστον	ода.	
, 1537 ίώ γᾶ, γᾶ.	антепиррема.	
, 1547 τίς δ' ἐπιτόμημος.	антода.	

Объ этой сизигії см. ниже подъ В.

3. Трепось Эсхиловыхъ „Хоефорт“ (см. ниже подъ В).

В. Второе видоизмѣненіе. Епирремы состоять изъ анапестическихъ гиперметровъ; оды произносятся хоромъ, епиррема—агонистами. Это видоизмѣненіе соотвѣтствуетъ синтагмѣ и позднѣйшей формѣ комического парода. Сюда относятся слѣдующія сизигіи.

1. Пародъ Эсхилового „Прометея“.

Ст. 128 Хоръ. Μῆδεν φοβηθῆς φιλία. . . ода.	перв. сизигія.
, 136 Пром. αἰαῖ, αἰαῖ, τῆς πολυτέχνου. епиррема.	
, 144 Хоръ. λεόσσω, Προμηθεῦ φοβερά αντοδα.	
, 152 Пром. εἰ γὰρ μ' ὅπο τὴν νέρθεν θί "Αἰδου.	

απεπиррема.	вторая сизигія.
, 159 Хоръ. Τίς ᾧδε τλητσκάρδιος . . . ода.	
, 167 Пром. ἡ μῆν ἔτι ἐμοῦ, καί περ κρατεραῖς	
, 178 Хоръ. σὸ μὲν θρασός τε καὶ τι- κραῖς	
, 186 Пром. οἴδ' δτι τραχὺς καὶ πτερ' ἑσυτφ.	

Схема: abab; abab

Въ епирремѣ первой сизигії — если не считать междометій αἰαῖ, αἰαῖ, которыя весьма часто и въ триметрахъ стоять extra versum — 14 тактовъ, въ антепирремѣ также 14. Мы получаемъ, такимъ образомъ, соотвѣтствіе:

α. 7. α. 7.	β. 7. β. 7.
-------------	-------------

Во второй сизигії дѣло неладно. Епиррема состоитъ изъ 22, антепиррема изъ 13 тактовъ (то-есть, 7 стиховъ).

2. Ввводъ Эсхиловыхъ „Евменидъ“.

Ст. 949 Ае.	‘Н тѣд’ аховета, πόλεως		} первая сизигія.
	φρούριον	епиррема.	
, 956 Хоръ.	ἀνδροκμῆτας δ’ ἀφροῦ . . .	ода.	
, 968 Ае.	τὰδε τοι χώρα τῆμη προ-		
	φρόνιμος.	антепиррема.	
, 976 Хоръ.	τὰν δ’ ἀπληστον κακῶν. . .	антода.	
, 988 Ае.	‘Αρα φρονῦσα γλώσσης ἀγα-		
	θῆκ	епиррема.	
, 996 Хоръ.	χαίρετε, χαίρετ’ εὐ πίσι-		} вторая сизигія.
	μίασι	ода.	
, 1003 Ае.	χαίρετε χάμεῖς προτέραν δ’		
	έμε χρή	антепиррема.	
, 1014 Хоръ.	χαίρετε, χαίρετε δ’ αἴθις .	антода.	

Схема *baba; baba*.

Въ первой сизигії каждая епиррема состоитъ изъ 14 тактовъ то-есть, семи диметровъ; во второй сизигії мы насчитываемъ въ епирремѣ 14, въ антепирремѣ 21 тактъ. Но эта антепиррема состоитъ изъ двухъ гиперметровъ, раздѣленныхъ каталексисомъ (ст. 1009 πέμπταν πόλεως ἐπὶ νίκῃ); изъ этихъ двухъ гиперметровъ первый состоитъ какъ разъ изъ 14 тактовъ. Спрашивается: что дѣлать съ остальными семью тактами?

1010 ὑμεῖς δ’ ἡγεῖσθε, πολιζασσοῦχοι . . .
παῖδες Κραναοῦ, ταῖσδε μετοίκοις.
εἴπ δ’ ἀγαθῶν
ἀγαθὴ διάνοια πολιταῖς.

Намъ кажется, самъ смыслъ требуетъ, чтобы мы переставили ихъ послѣ ст. 1031. Тогда ст. 1012 сл., сообразно своему характеру, будутъ прощальными стихами Аенны, и пропоммы (ст. 1032 сл.) немедленно будутъ ἡγεῖσθαι ταῖσδε μετοίκοις—что гораздо естественнѣе. Мы получимъ тогда слѣдующую симметрию:

7. а. 7. а.   7. β. 7. β.

3. Конецъ парода Софоклова „Аякса“:

Ст. 201 Текм. Ναὸς ἀρωγοὶ τῆς Αἰαντος	} епиррема.
• 208 Хоръ. τί δ' ἐνήλλακται τῆς	
• 214 Текм. πῶς δῆτα λέγω λόγον δρρητον . . .	} синигі.
• 221 Хоръ. οἷαν ἔδειξας ἀνέρος . . .	
• 233 Текм. ὥμοι, καίθεν, καίθεν δρ' ήμιν . . .	} антепиррема.
• 244 Хоръ. ὥρα τιν' ἤδη χράτα . . .	

Следует предшествует гиперметръ Текмессы, состоящій изъ 13 тактовъ или 7 стиховъ (включая 1: біфатрос ката монотобіа); ей слѣдуетъ опять гиперметръ Текмессы, состоящій изъ 12 тактовъ, которые можно разбить на 5 диметровъ и 2 монометра. Въ епирримѣ на-
считывается всего 25, въ антепирримѣ 23 такта, или въ епирримѣ 13 стиховъ (12 диметровъ + 1 монометръ), въ антепирримѣ также 13 (10 диметровъ + 3 моном.). Такимъ образомъ, мы получаемъ слѣ-
дующія соотвѣтствія:

Сигніч

7. 13, a, 13, a, 7.

Впрочемъ, надобно сознаться, что эта симметрия не особенно доказательна, главнымъ образомъ, вслѣдствіе двойного каталексиса въ епиррѣмѣ. Вестфаль (Metrik II, стр. 418) и Муффъ (Chorische Technik des Sophokles, стр. 47) распредѣляютъ епиррѣмы слѣдующимъ образомъ:

Текм., X. Текм. X. Текм., X. Текм.

7, 6, 7,   a, 12, a, 6,

Намъ кажется, что наше распределение все-таки убѣдительное.

4. Пародия Софоклова „Филоктета”.

Ст. 185 Хоръ. Тί χρή, τί χρή με, δέσποτ' οδа.	
, 144 Неопт. νῦν μὲν ἵσως γάρ τόπον ἐσχáz-	
τιαῖς	епиррема.
, 150 Хоръ. μέλον πάλαι μέλημα . . .	антода.
, 159 Неопт. οίκον μὲν ὄρφες τόνδ' ἀμφί-	
θυρον	антепирема.

Схема: a b a b.

Въ епирремѣ Неоптолемъ произносить 12 тактовъ, въ антепирремѣ (ст. 162—168)—18 тактовъ; разбивъ епиррему на 5 диметровъ и 2 монометра, антепиррему—на 6 диметровъ и 1 монометръ, мы получаемъ слѣдующую симметрию:

a. 7. a. 7.

Но между автодой и антепирремой мы находимъ краткій разговоръ Неоптолема съ хоромъ:

Неоптолемъ.

οἶκον μὲν ὄρφες τόνδ' ἀμφίθυρον
πετρίνης κοίτης;

Хоръ.

ποῦ γὰρ ὁ τλήμων αὐτὸς ἀπεστιν;

Не трудно убѣдиться, что эти довольно звучные стихи здѣсь не на своемъ мѣстѣ. На вопросъ хора (ст. 167 сл.):

τίς τόπος ἡ τίς ἔδρα, τίν' ἔχει στάσιν;
ἴναυλον ἡ θυραιῶν;

Неоптолемъ отвѣчаетъ весьма естественно ст. 162:

δῆλον ἔμοιγ' ὡς φορβῆς χρείᾳ
στέθον ὄγμεύει τόνδε πέλας ποι.

Не мудрено поэтому, что учёные затрудняются въ объясненіи стиховъ 159—161. По Муффу (Die chorische Technik des Sophokles, стр. 236 и сл.), хоръ восходитъ на сцену при ст. 158, остается на сценѣ до ст. 161 и затѣмъ возвращается въ оркестру. Считаемъ лишнимъ доказывать всю невѣроятность этого предположенія. Недаромъ Веклейнъ (Zft. f. d. Gymnasialwesen, XXXII. стр. 143, выскажался противъ него.

5. Пародъ Софоклова „Эдипа въ Колонѣ“.

Ст. 117 Хоръ. "Οργ· τίς ἄρ' ἦν ποῦ ναιεὶ οδα.

, 138 Эд. δδ' ἔκεινος ἐγώ· φωνῇ γὰρ
έρφ. . . . . епиррема.

, 150 Хоръ. ἐή, ἀλαῶν ὄμράτων. . . . антода.

, 170 Эд. θύγατερ, ποῖ τις φροντίδος
ξλθῃ . . . . . антепиррема.

} синигія.

Въ епирремѣ 19 тактовъ, въ антепирремѣ—лишь 12; следовательно, здѣсь недостаетъ 7 тактовъ: Что антепиррема не докончена, это доказывается послѣдній стихъ:

οοὶ πιστόος καὶ μετακαστάς,

лишенный обычного каталексиса. Конъектура Германия: *οοὶ πιστόος καὶ μετακαστάς* грамматически невозможна. Итакъ, можно бы предположить, что послѣ выписанного нами стиха выпало три съ половиною диметра. Но странно, что мы находимъ недостающее намъ 7 тактовъ нѣсколько далѣе, между второю строфой и антистрофой (ст. 188—191, 1 монометръ + 3 диметра), гдѣ они стоять въ симметрии. Переставить эти стихи нѣтъ никакой возможности, этого не позволяетъ ихъ смыслъ. Остается одно — предположить, что вторая строфа прерываетъ антепиррему сизигія. Это, на первый взглядъ, не вѣроятное, предположеніе, тѣмъ не менѣе оно имѣть довольно твердую эмпирическую основу; мы видѣли выше, что въ пародахъ „Облаковъ“ и „Птицъ“ оды точно такимъ же образомъ прерываютъ епирреки. Видно, древніе Греки видѣли въ этомъ особый музыкальный эффектъ. Во всякомъ случаѣ эта сизигія подтверждаетъ нашъ законъ; мы получаемъ симметрію:

α. 10. α. 10.

6. Четвертый ставимонъ Евріпідовъ „Алкесты“.

Ст. 861 Ади. Στογναὶ πρόσοδοι. στογναὶ

δ' ὄφεις . . . . . епиррема.

, 872 Хоръ. πρόβιχ, πρόβα· βῆθι κεῦθος οда.

, 878 Ади. ἐμνησας δ̄ μοι φρένας ἡλικω-

σεν. . . . . антепиррема.

, 889 Хоръ. τόχα, τόχα διεπάλαιστος ἦκει. антода.

, 895 Ади. Ω μακρὰ πένθη λῦπαι τα

φίλων . . . . . епиррема.

, 903 Хоръ. ἐμοὶ τις ἦν . . . . . ода.

, 915 Ади. ω σχῆμα δόμου, πῶς εἰσ-

έλθω . . . . . антепиррема.

, 926 Хоръ. παρ' εὐτοχῇ . . . . . антода.

} первая
сизигія.

} вторая
сизигія.

Въ епирремѣ первой сизигіи 21 тактъ, въ антепирремѣ—столько же; симметрія очевидна. За то вторая сизигія нѣсколько не соотвѣтствуетъ нашимъ ожиданіямъ; въ епирремѣ—15 тактовъ, въ антепирремѣ—27. Что тутъ дѣлать? Неужели въ этомъ единственномъ при-

мѣрѣ симметрія нарушена?.. Вспомнимъ пародъ „Эдипа въ Колонѣ“; тамъ антепиррема была разорвана второю строфой на двѣ части. Вспомнимъ далѣе, что во всѣхъ примѣрахъ, состоящихъ изъ болѣе чѣмъ одной сизигіи, число стиховъ въ епирремахъ всѣхъ сизигій было одно и то же. На основаніи всего этого мы можемъ смѣло предположить, что совпаденіе 21 (число тактовъ епирремы первой сизигіи) + 21 (антепиррема тамъ же) = 15 (епиррема второй сизигіи) + 27 (антепиррема тамъ же) — болѣе чѣмъ случайность; что адѣль епиррема разорвана на двѣ части, и вторая изъ нихъ соединена съ антепирремой. Мы получаемъ тогда слѣдующую симметрію:

11. а. 11. а.   11. б. 11. б.

7. Тропосъ Эсхилова „Агамемнона“. Здѣсь мы имѣемъ слѣдующія четыре сизигіи:

Ст. 1448 Хоръ. Φεῦ, τίς ἀν ἐν τάχει. . . ода.

Ст. 1455 Хоръ. Ἰώ, ιώ, πα-

ράγους

, 1458 Хоръ. νῦν δὲ τε-
λείαν

епиррема

, 1459 Хоръ. η πολύμνασ-
τον. . . ода

, 1462 Клит. μῆδὲν θανάτου μοῖραν ἔκει-
χον. . . . .

епиррема.

, 1468 Хоръ. δαιμόνος ὁ ἐμπίτνεις. . . .

антода.

, 1475 Клит. νῦν δ' ὥρθωσας στόματος
γυνόφην . . . . .

антепиррема.

первая
сизигія.

Ст. 1481 Хоръ. Η μέγαν οἴχοις τοῖσδε . .

ода.

четвертая
сизигія.

, 1497 Клит. αὐχεῖς εἶναι τόδε τοῦργον
ἐμόν . . . . .

епиррема.

вторая
сизигія.

, 1505 Хоръ. ὁκ μὲν ἀγαίτιος εἰ. . . .

антода.

, 1523 Клит. οὐδὲ γὰρ οὗτος δολίαν ἄττην

антепиррема.

Ст. 1530 Хоръ. Ἀμηχανῷ φροντίδος στε-
ρηθεῖς. . . . .

ода.

Ст. 1530 Хоръ. ίώ γᾶ γᾶ. . . . .

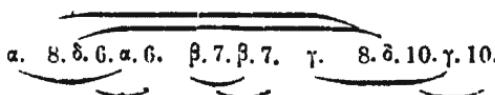
, 1541 Хоръ. τίς ὁ θά-
φων νιν

антепиррема.

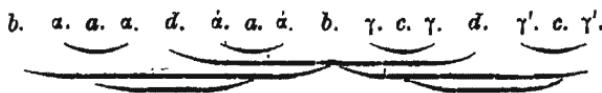
, 1547 Хоръ. τίς δ' ἐπι-
τόμβιος. антода

- 1551 Клит. οὐ σὲ προσήκει τὸ μέλημα
λέγειν . . . . . епиррема.
  - , 1560 Хоръ. ὅνειρος ἥκει τόδ' ἀντ' ὄνει-
δους . . . . . антода.
  - , 1567 Клит. εἰς τόνδ' ἀνέβης ἔδυ ἀλη-
θείᾳ . . . . . антепирема.
- } третья
сизигия.

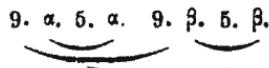
Въ епирремѣ первой сизигії 11 тактовъ, въ антепиремѣ—столько же. Въ епирремѣ второй сизигії 14, въ антепиремѣ также 14 тактовъ (ст. 1521, бѣзъ сомнѣнія, подложенъ). Въ антепиремѣ третьей сизигії 19, въ епирремѣ всего 15 тактовъ; но вдѣсь проѣхѣлъ очевидно. Епирремы четвертой сизигії состоять изъ двухъ гиперметровъ каждая; первыи гиперметръ—по 6 тактовъ—сохранены въ обѣихъ епирремахъ, второй гиперметръ (10 тактовъ) въ епирремѣ почти совсѣмъ затерянъ. Схема симметріи:

8. Треносъ Эсхиловыхъ „Хоефорѣ“ сложенъ еще искусиѣе. Представимъ себѣ, что двѣ нормальныи сизигії, *baba* и *dcdc*, переплетены одна съ другою слѣдующимъ образомъ: *bada bcdc*; представимъ себѣ далѣе, что каждая изъ четырехъ одѣ окружена двумя соотвѣтствующими лирическими строфами; мы получимъ тогда слѣдующуу схему:

Не смотря на это разнообразіе, слушатели легко могли разслышать строгій порядокъ епиррематической композиції, такъ какъ одни оды засѣ были произносимы хоромъ, лирическія же строфы *ααάγγγγ'*—агонистами, Орестомъ и Електрой. Симметрія соблюдена довольно строго; въ первой епирремѣ 17, во второй 10, въ первой антепиремѣ 16, во второй 10 тактоў. Мы получаемъ слѣдующее соотвѣтствіе:

Одно только неправильно: въ первой епирремѣ три каталексиса, въ антепирремѣ только два. Это совсѣмъ непозволительно; безъ сомнѣнія, текстъ переданъ въ рукописахъ ошибочно.

9. Пародъ Евріпидовой „Медеи“, принадлежность которого къ епирретической композиціи нѣсколько сомнительна. Во всякомъ случаѣ этотъ пародъ имѣеть весьма многія аномалии.

С. Третье видоизмѣненіе. Оды состоятъ изъ лирическихъ строфъ, епирремы изъ анастическихъ гиперметронъ; гиперметры произносятся хоромъ, оды—агонистами. Въ комедіи это видоизмѣненіе не находитъ себѣ аналогіи; въ трагедіи намъ тоже извѣстенъ только одинъ примѣръ, а именно—треносъ Софокловой „Антигоны“:

Ст. 801 Хоръ. Νῦν δ' ἥδη γὰρ καῦτος θε- срѣнъ . . . . . епиррема.	}
, 806 Ант. ὄράτε μ', φέγγε πατρίχες . ода.	
, 816 Хоръ. οὐκοῦν κλεινὴ καὶ ἀπαινον. антепиррема.	
, 823 Ант. ἡχουσα δὲ λυροτάταν. . антода.	

схема: baba.

Симметрія соблюдена. Въ епирремѣ 10, въ антепирремѣ 12 тактовъ: разбивъ епиррему на 4 диметра и 2 монометра, мы получаемъ схему:

6. а. 6. а.

D. Четвертое видоизмѣненіе. Оды состоятъ изъ лирическихъ строфъ, епирремы изъ анастическихъ гиперметровъ. И тѣ, и другія были произносимы агонистами. Сюда принадлежитъ тоже только одинъ примѣръ—послѣдняя часть втораго стазиса Евріпидовой „Андромахи“.

Ст. 501 Андр. Αδ' ἐγὼ χέρας αἰματηράς. ода.	}
, 515 Мен. τῷ ὅποχθόνοι καὶ γάρ . епиррема.	
, 523 Андр. ω πόσις, πόσις, ρίθε σάς . антода.	
, 537 Мен. τί με προσπίνεις ἀλίαν . антепиррема.	

схема: abab.

Симметрія очень строго соблюдена; въ обѣихъ епирремахъ по 15 тактовъ.

а. 8. а. 8.

Всѣ четырѣ видовамъненія имѣютъ одну общую черту—епирремы вездѣ состоять изъ анапестическихъ гиперметровъ. Требование симметрии относительно этой группы мы въ виду подавляющаго большинства благопріятныхъ примѣровъ можемъ считать доказаннымъ.

Е. Платон видоизмѣнилъ. Оды состоять изъ лирическихъ строфъ, епирремы изъ лимбическихъ триметровъ. Замѣчательно, что въ этой группѣ, отдельные примѣры которой состоять обыкновенно изъ несколькиихъ сизигий, послѣдняя алтепиррема могла быть выпущена. Сюда принадлежатъ слѣдующіе примѣры.

1. Первый стазимонъ Эсхиловыхъ „Семи противъ Оивъ“. Оды произносится хоромъ, епирремы Етеокломъ:

Ст. 203—244: $\alpha: 3=\alpha: 3; \beta: 3=\beta: 3; \gamma: 3=\gamma: 3.$

2. Третій стазимонъ тамъ же. Епирремы произносить Етеокла:

Ст. 686—711: $\alpha: 3=\alpha: 3; \beta: 3=\beta: 3.$

3. Первый стазимонъ Эсхиловыхъ „Персовъ“. Епирремы произносить вѣстника:

Ст. 257—289: $\alpha: 2=\alpha: 2; \beta: 2=\beta: 2; \gamma: 2=\gamma.$

4. Первый стазимонъ Эсхиловыхъ „Гекатидъ“. Епирремы произносить Нелазгъ:

Ст. 346—417: $\alpha: 5=\alpha: 5; \beta: 5=\beta: 5; \gamma: 5=\gamma.$

5. Третій стазимонъ тамъ же. Епирремы произносить Данай:

Ст. 784—761: $\alpha: 2=\alpha: 2; \beta: 2=\beta: 2.$

6. Четвертый стазимонъ Софоклова „Эдипа въ Колонѣ“; епирремы произносятъ Эдипъ и Аятигона:

Ст. 1447—1499: $\alpha: 5=\alpha: 5; \beta: 5=\beta.$

Въ другихъ случаяхъ оды прерываются мезодически вставленными триметрами. Сюда относятся слѣдующіе примѣры:

7. Четвертый стазимонъ Софокловой „Електры“. Епирремы произносятъ Орестъ и Електра.

Ст. 1398—1441: $\beta: 4: \beta': 2: \beta''=6=\beta: 3: \beta': 2: \beta''.$

8. Третій стазимонъ Софоклова „Аякса“. Епирремы произносятъ Текмесса:

Ст. 879—973: $\alpha: 9: \alpha': 4: \alpha''=10=\alpha: 9: \alpha': 4: \alpha''.$

9. Второй стазимонъ Софоклова „Царя Эдипа“. Епирремы произносятъ Эдипъ, Креонть и Иокаста:

Ст. 649—706: а: 1: α': 2: ε': 9=α: 1: α': 2: ε': 9.

Иногда, наоборотъ, оды произносятся агонистами, триметры хоромъ. Вотъ примѣры:

10. Пятый стазимонъ Эсхилова „Агамемнона“. Оды произносятъ Кассандра:

Ст. 1073—1118: α: 2=ε: 2; β: 2=β: 2; γ: 2=γ: 2; δ: 2=δ: 2.

11. Первый стазимонъ Софоклова „Аjax“. Оды произносятъ Аяксъ:

Ст. 348—429: α: 2=α: 2; β: 2: β': 4=β: 2=β': 4; δ: 2=δ: 2.

12. Пародъ Евріпідовихъ „Гераклідовъ“. Дѣйствуютъ Іолай и Кондрей.

Ст. 73—110: 2: α: 2: 2: α': 2. α": 2=α"=2: α. 2: 2: α': 2: α": 2.

(согласно распределенію Кирхгоффа и Найдка. О прочихъ см. Arnoldt, chorische Technik des Euripides стр. 138 сл.).

Относительно симметрии въ этой группѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія; всѣ примѣры доказываютъ ея необходимость, за исключениемъ № 7; но тутъ еще Германъ замѣтилъ, что въ антистроѣ находится пробѣлъ. Слѣдовательно, для всѣхъ пяти видоизмѣненій симметрия можетъ быть признана законной.

II. Сизигія заступающая епизодію. Если, наоборотъ, эпический элементъ имѣлъ въ сизигіи перевѣсь надъ одицкимъ, то получалась сизигія, которая, вслѣдствие вольности епизодической композиції, легко могла замѣнять епизодію. Сюда относятся слѣдующіе примѣры:

1. Вторая епизодія „Семи противъ Оивъ“, знаменитый діалогъ Етеокла съ вѣстникомъ (ст. 869—719). Самое начало этой епизоды напоминаетъ намъ особенность спирретматической композиції, болѣе въ трагедіяхъ не встрѣчающуюся:

HMIX. A.

β τοι κατόπτης, ώς ἐμοὶ δοκεῖ, στρατοῦ
πειθὼ τιν' ἡμῖν, ω φίλαι, νέαν φέρει,
σκοοδῷ διώχων πορπίους χνόας ποδῶν.

HMIX. B.

καὶ μὴν δναῖς ὅδ' αὐτὸς Οἰδίπου τόχος,
ὅστ' ἀρτίκολλον ἀγγέλου λόγον μεθεῖν.
οπουδή δὲ καὶ τοῦδ' οὐκ ἀπαρτίζει πόδα.

За этими двумя тристишиями тотчасъ слѣдуетъ епиррема—длинная
ѣнѣсъ вѣстника. Ихъ совокуплениe, количество стиховъ, параллелизмъ,
особенно отразившійся на третьемъ стихѣ (скюдѣ—скюдѣ; подѣу—
тода) — всѣ эти признаки доказываютъ, что передъ нами извѣстна
намъ изъ комедіи спирриматія. Остальная часть епизодіи распа-
дается на слѣдующихъ сизигіяхъ:

Ст. 375 АГГ. Δέγοιμ' ἀν εἰδώς . . .	} епиррема.	сизигія I.	
, 397 ЕТ. χόρον μὲν ἀνδρός . . .			
, 417 ХОР. τὸν ἀμόγονον ἀντίκαλον	ода.		
, 422 АГГ. τούτῳ μὲν οὖτος . . .	} антиепиррема.		
, 437 ЕТ. καὶ τῷδες κέρδει. . .			
, 452 ХОР. δολοῖθ' ὃς πόλει. . .	антода.		
, 457 АГГ. Καὶ μὴν τὸν ἐντεῦθεν . . .	} епиррема.		
, 472 ЕТ. πέμποιμ' ἀν ηδη . . .			
, 481 ХОР. ἐπεύχομαι τῷ μὲν . . .	ода.		
, 485 АГГ. τέταρτος ἄλλος . . .	} антиепиррема.		
, 501 ЕТ. πρῶτον μὲν Ὁγκα . . .			
, 521 ХОР. πέκοιμα τὸν Ιηνός . . .	антода.		
, 526 АГГ. Οὗτος γένοιτο . . .	} епиррема.		
, 551 ЕТ. εἰ γάρ τύχοιεν . . .			
, 563 ХОР. ἵκενται λόγος . . .	ода.		
, 568 АГГ. ἕκτον λέγοιμ' ἀν . . .	} антиепиррема.		
, 597 ЕТ. φεῦ τοῦ ἔνοιλλάσσοντος			
, 626 ХОР. κλύωντες θεοί . . .	антода.		
, 631 АГГ. Τὸν ἐβδομόν δῆ. . .	} мезоррема.		
, 653 ЕТ. ὁ θεομάνες τε . . .			
, 677 ХОР. μὴ φύτατ' ἀνθρῶν . . .			

Схема: baba baba baba b.

Что касается симметріи, то если бы мы желали обсудить этотъ
вопросъ тщательно, соображаясь съ гипотезами всѣхъ ученыхъ, пи-
савшихъ о немъ, намъ пришлось бы написать о немъ одномъ цѣлуу
книгу. Ограничимся, поэтому, самыи необходимымъ.

Какъ извѣстно, Ричль первый указалъ на задумашое поэтомъ соотвѣтствіе каждой рѣчи вѣстника со слѣдующею за нею рѣчью царя. Каково это соотвѣтствіе въ сохранившемся текстѣ, показываютъ слѣдующія цифры:

22.	20.	<u>а.</u>	15.	15.	<u>а.</u>	15.	9.	<u>β.</u>	15.	20.	<u>β.</u>	24.	13.	<u>γ.</u>	29.	29.	<u>γ.</u>
									<u>22.</u>			<u>24.</u>					

Симметрія замѣтна только во второй и шестой парѣ. Въ первой парѣ Ричль восстанавливаетъ ее отдѣляя первые два стиха какъ проодъ; точно также Вестфаль (Prol. zu Losch. 202) послѣдніе два стиха въ седьмой парѣ признаетъ за єтѣфѣхонъ. Такимъ образомъ получается симметрія для четырехъ паръ изъ семи. Среднія три пары, бѣть сомнѣнія, искажены, такъ что онѣ ничего не доказываютъ. Но, по Вестфалю, симметрія простирается еще дальше. Не только каждая рѣчь вѣстника по количеству стиховъ соотвѣтствуетъ рѣчи Етеокла, но даже внутри каждой рѣчи вѣстника замѣтно строфическое дѣленіе, которому соотвѣтствуетъ такое же строфическое дѣленіе въ рѣчи Етеокла. Такъ, въ первой парѣ, вѣстникъ въ 10 стихахъ описываетъ Тидаea, въ 10 его щитъ; точно также Етеокль въ 10 стихахъ заявляетъ, что Тидей ему не страшенъ, въ 10 выбираетъ ему противника. Затѣмъ, во второй парѣ, вѣстникъ въ 10 стихахъ описываетъ Капанея, въ пяти его щитъ; точно также Етеокль въ 10 стихахъ заявляетъ, что Капаней ему не страшенъ, въ 5 выбираетъ ему противника. Это отдѣленіе—прибавимъ мы отъ себя—подчеркнуто и сходствомъ между 10-мъ стихомъ рѣчи вѣстника и 10-мъ стихомъ рѣчи царя:

Ст. 431 μεστημѣріоюσι θάλπεσιν προσήχεσεν

, 446 μεστημѣріоюσι θάλπεσι τοῖς ἡλίοις.

Признаки такого же дѣленія Вестфаль усматриваетъ и въ шестой и седьмой парахъ. У него выходитъ, вообще, слѣдующая симметрія:

Первая пара.

Вѣстникъ:

Етеокль:

Проодъ : два стиха.

Описаніе Тидаea : 10 ст. = 10 ст. : Тидей мнѣ не страшенъ.

Щитъ Тидаea : 10 ст. = 10 ст. : Выборъ противника.

Вторая пара.

Описание Капанея : 10 ст. = 10 ст. : Капаней мнѣ не страшень.
 Щитъ Капанея : 5 ст. = 5 ст. : Выборъ противника.

Шестая пара.

Описание Амфіара : 12 ст. = 12 ст. : Развышенія.
 Амфіараева рѣчъ : 10 ст. = 10 ст. : Амфіарай мнѣ не страшень
 Щитъ Амфіара : 7 ст. = 7 ст. : Выборъ противника.

Седьмая пара.

Описание Полиника : 11 ст. = 11 ст. : Преступность Полиника.
 Щитъ Полиника : 11 ст. = 11 ст. : Я самъ стану противъ него.

Еподъ : два стиха.

Дѣленіе послѣдней пары вовсе не убѣдительно; но за то симметрія остальныхъ несомнѣнна.

Но это вовсе не та симметрія, которую требуетъ епиррематическая композиція. Эта послѣдняя требуетъ, чтобы цѣлая первая пара соотвѣтствовала второй, третья—четвертой, пятая—шестой. Но не слѣдуетъ забывать, что такъ какъ третья, четвертая и пятая пары искажены, то доказательными мы можемъ считать всего первыхъ двѣ пары. Присмотримся къ нимъ поближе. Въ первой парѣ стиховъ 40, во второй 30; но распадаются они слѣдующимъ образомъ:

Сизигія.

Вѣстникъ. Описанію Тидея : 10 ст. = 10 ст. описание Капанея.
 . Щитъ Тидея : 10 ст. > 5 ст. щитъ Капанея.
 Етосокъ. Тидей мнѣ не стра-
 шенъ : 10 ст. = 10 ст. : Капаней мнѣ не
 страшень.
 . Противникъ Тидея : 10 ст. > 5 ст. : противникъ Капанея.

Итакъ, евритмическою единицей является пятистишина строфа, точно также, какъ въ большихъ сизигіяхъ комедіи евритмическую единицею была шестнадцатистишина фигура. Епиррема на двѣ строфы больше антепирремы, чemu также комедія служить аналогіей. А если

сравнить десятый стихъ епирремы съ десятымъ стихомъ антепирремы,

ст. 386 μεσημβριναὶ κλαγγαῖσιν ὡς δραχῶν βοᾶ
 „ 431 μεσημβρινοῖς θάλπεσιν τοῖς ἡλίου,

то задуманность симметрии выдается очевидно.

Къ той же группѣ относится и далеко менѣе замѣчательная синагія въ четвертой эпизодіи „Агамемнона“, ст. 1407 — 1447. Епирремы произносятся Клитемнестрою:

Ст. 1407 ХОР. Τι κακόν, ὃ γύναι . . . ода.	сивигія.
, 1412 КАГ. νῦν μὲν δικάζεις . . . епиррема.	
, 1426 ХОР. μεγαλόμητις εἰ. . . . антода,	
, 1431 КАГ. καὶ τήνδ' ἀκούεις . . . антепиррема.	

Схема: а в а в.

Какъ въ епирремѣ, такъ и въ антепирремѣ Клитемнестра оправдываетъ свой поступокъ — убѣйство Агамемнона; параллелізмъ соблюденъ. Что касается симметрии, то цафры

α. 14. α. 17.

не особенно настъ удовлетворяютъ. Но темный конецъ епирремы наѣрное не полонъ; что же касается антепирромы, то всакій съ нами согласится, что стихи:

ἡ τ' αἰχμάλωτος ἥδε καὶ τερασκόπος,
 καὶ κοινόλεκτρος τοῦδε θεοφατηλόγος
 πιστὴ ξύνευνος, ναυτίλων δὲ σελμάτων
 ἰσοτριβής...

рѣчь о Кассандру — страдаютъ противоположныиъ недостаткомъ. Вѣдь κοινόλεκтрос тожественно съ ξύνευνος; тераскопос съ θεοφατηλόгос! Необыкновенныиъ слова обыясняютъ съ помощью обычновенныиъ; κοινόλектрос и θεοφатηλόгос необыкновенныиъ, чѣмъ ξύнευνος и τερаскопос; итакъ, можно предположити, что Эсхилъ написалъ:

ἡ τ' αἰχμάλωτος τοῦδε θεοφατηλόγος;
 καὶ κοινόλεκτρος, ναυτίλων δὲ σελμάτων
 ἰσοτριβής.

Поэтому, быть можетъ, первоначально соответствовали другъ другу

а. 16. а. 16.

Сюда же относятся и двѣ сизигіи изъ парода эсхиловыхъ „Евменидъ“ ст. 778—915:

Ст. 778 ХОР. Ἰὼ θεοὶ νεώτεροι	ода.	I сизигія.
, 794 АΘ. ἐροὶ πίθεοῖς	епиррема.	
, 808 ХОР. Ἰὼ θεοὶ νεώτεροι	антода.	
, 824 АΘ. οὐκ ἔστ' ἄτιμοι	антепиррема.	
, 837 ХОР. Ἐμὲ παθεῖν τάδε, φεῦ	ода.	
, 847 АΘ. ὥργας ἰουοίσσω	епиррема.	
, 870 ХОР. ἐμὲ παθεῖν τάδε, φεῦ	антода.	II сизигія.
, 881 АΘ. οὐτοὶ καμοῦμας	антепиррема.	

Автоды этикъ сизигій тожественны съ одами. Въ епирремахъ Аенина уговариваетъ Евменидъ примиряться съ обстоятельствами и не гнѣваться на аениянъ. Мы имѣемъ здѣсь слѣдующія цифры:

а. 14. а. 13. β. 23. β. 35.

Но во второй епирремѣ значительный пробѣлъ признанъ всѣми; въ первой антепирремѣ μῆδѣ (ст. 824) требуетъ, чтобы предшествовало μῆ; пробѣлъ можно дополнить приблизительно слѣдующимъ образомъ:

οὐκ ἔστ' ἄτιμοι [μῆ δοσῶνυμον βοήν
ἄρητε τούτων], μῆδ' ὑπερθύμως ἄγαν
θεαὶ βροτῶν στήσητε δύσκηλον χθόνα.

Получается симметрія:

а. 14. а. 14.

β. 35. β. 35.

при чёмъ,ѣроятно, семистишия строфа была евритническою единицей.

Затѣмъ сизигія въ первой эпизодіи „Філоктета“. Содержаніе епирремъ—разговоры между Неоптолемомъ и Філоктетомъ.

- Ст. 220 ФИЛ. 'Ιώ ξένοι, τίνες ποτ' ἐς τὴν επιρρεμα.
 , 393 ХОР. ὁρεστέρα παμβῶτι Γᾶ . . . ода.
 , 403 ФИЛ. ἔχοντες, ὡς ἔστε . . . антепиррема.
 , 507 ХОР. σίκτωρ' ἀναξ· πολλῶν . . . антода. } сизигія.

Схема: *b a b a:*

О симметрии трудиться не стоит; поэзъ, очевидно, ея и не задумывалъ.

Весьма замѣчательна сизигія, которую мы находимъ во второй эпизодіи „Эдипа въ Колонѣ“. Она компонована на схему *b a b a* и оканчивается четырьмя трохакаическими тетраметрами, которые произноситъ Тезей. Эти тетраметры мы смыло можемъ назвать сфрагидой нашей сизигіи.

- Ст. 800 КР. Πότερα νομίζεις. . . . . епиррема.
 , 833 ОИД. ίώ πόλις. ХОР. τί δράς : ода.
 , 844 АНТ. ἀφέλχομαι δύστηνος. . . . антепиррема.
 , 876 ОИД. ίώ τάλας. ХОР. δσον . . . антода.
 , 887 ΘΗΣ. τίς ποθ' ἡ βοή? . . . . сфрагида. } сизигія.

Схема: *b a b a s.*

Дѣйствіе—уведеніе Антигоны. Оды прерываются мезодическими триметрами. Симметрия очевидна:

33. а. 5. а. 32. 5. а. а.

Обыкновенно дополняютъ стихъ въ антепирремѣ; намъ кажется вѣроятнѣе, что въ епирремѣ находится лишній стихъ, и что каждая епиррема состоитъ изъ двухъ шестнадцатистиныхъ фигуръ. Двухстишіе Креона, ст. 813 сл.

μαρτύρομαι τοσοῦ; οὐ σέ προς δὲ τοὺς φίλους
οἵ ἀνταμείψει ρήματ', ἦν σ' ἄλω ποτέ.

лишено смысла; удовлетворительного языческаго до сихъ поръ не найдено. Но второй стихъ самъ по себѣ понятенъ:

οἵ ἀνταμείψει ρήματ', ἦν σ' ἄλω ποτέ.

„посмотримъ, какъ ты заговоришь, когда будешь въ моей власти“.

Поэтому ст. 813 мы считаемъ подложнымъ. Этимъ востановляется и полная симметрия.

У Еврпипида мы не находимъ сизигій. Но некоторое сходство с сизигіей имеются первая и вторая эпизодія „Гипполита“:

Ст. 362 ХОР.	<i>Ἄιες ὁ, ἔχλοες ὁ . . . οδα.</i>	сизигія.
, 372 ФАІД.	<i>Τροβήμαι γυναῖκες . . . επιρρема.</i>	
, 525 ХОР.	<i>Ἐρως, Ἐρως . . .</i> } стр. а	
, 535 ,	<i>ἄλλως ἄλλως . . .</i> } ант. а	
, 555 ,	<i>τὰν μὲν Οἰχαλίᾳ,</i> } стр. β стазимонъ.	
, 555 ,	<i>ὦ Θύμας ιερόν . . .</i> } ант. β	
, 565 ФАІД.	<i>συγγέστ' ὁ γυνάκες . . .</i> антепиррема.	
, 669 ФАІД.	<i>τάλανες ὁ χακοτοχεῖς . . .</i> антода.	

Схема: а б в а.

Здесь все аномально; даже не обѣ оды произносятся одинакъ въ тѣмъ же лицомъ, но такъ, что ода—хоромъ, антода—Федрой.

Этимъ мы можемъ закончить перечень трагическихъ сизигій. Мы занялись ими, главнымъ образомъ, для того, чтобы показать читателю наглядній образъ разницу между трагической и комической композиціями.

Возникаютъ теперь два вопроса:

1) Почему трагедія принадлежитъ эпизодической, а комедія — епиррматической композиції?

2) Откуда взялись комическая эпизодія и трагическая сизигія?

На первый вопросъ легче всего отвѣтить такъ: оттого, что трагедія драматичнѣе комедіи, и что епиррматическая композиція вслѣдствіе своего параллелизма была слишкомъ неудобна для выраженія дѣйствія. Но въ такомъ отвѣтѣ заключалась бы важная ошибка. Исторія искусства доказываетъ, что не идея создаетъ себѣ форму, а напротивъ, форма, вызванная техническими потребностями, порождаетъ впослѣдствіи идею. Итакъ, недраматичность Аристофановой комедіи была не причиной, а слѣдствіемъ епиррматической композиціи, точно также драматичность трагедіи не причиной, а слѣдствіемъ эпизодической композиціи. Самы же композиціи были вызваны техническими потребностями.

Какого рода были эти потребности—этимъ мы займемся въ слѣдующей главѣ.

XVII.

Въ нашихъ изслѣдованіяхъ намъ до сихъ поръ приходилось считаться съ неизвѣстной величиной—хоромъ.

Что такое хоръ? Слѣдуетъ ли подъ этимъ словомъ разумѣть со-вокупность всѣхъ 24-хъ хоревтовъ, или отдѣльныя части этого числа и какая именно?

А priori на этотъ вопросъ можно дать столько же отвѣтовъ, сколько возможно комбинацій отдѣльныхъ частей хора—корифея, гегемоновъ полуходорій, краспредотовъ, предводителей отдѣльныхъ *Соуа*, хоревтовъ, *Соуа*, стойчои, полуходорій и хора.

За выступленіе отдѣльныхъ хоревтовъ высказался уже Годофредъ Германнъ въ своемъ изслѣдованіи: „De choro Vesparum“. Но его мысль была развита и примѣщена въ другимъ драмамъ Аристофана Арнольдтомъ (*Die Chorpartien bei Aristophanes scenisch erlautert*). Его гипотезой памъ придется заняться по обстоятельнѣе, такъ какъ она затрагиваетъ фундаментъ нашей теоріи.

По Арнольдту, отдѣльные хоревты выступали въ слѣдующихъ хорическихъ частяхъ комедій: 1) въ цѣломъ пародѣ „Ахарнians“ (ст. 204—346); 2) въ пародѣ „Ось“ (230—486); 3) въ пародѣ „Птицы“ (310—450); 4) въ пародѣ „Лизистраты“ (254—386); 5) въ первой половинѣ парода „Ирены“ (301—519); 6) во второмъ пародѣ „Тесмофоріазузъ“ (ст. 655—727); 7) въ епипародѣ „Еуклеязузъ“ (478—503); 8) въ пародѣ и первой синтагмѣ „Всадниковъ“ (247—497); наконецъ 9) въ парабазѣ „Лизистраты“ (614—705).

Прежде всего посмотримъ, на чёмъ основывается мнѣніе, будто хоревты въ греческихъ драмахъ вообще могли выступать отдѣльно. Исторія цѣлаго вопроса доказываетъ, что толчкѣ дало открытие Германна относительно выступленія отдѣльныхъ хоревтовъ у Эсхила—а такъ какъ трагедія и комедія, *si rei summam spectamus, ad idem exemplar redire videbantur*, то легко было предположить то же самое и для комедіи. Для насъ аналогія трагедіи—плохая рекомендація; но присмотримся къ вопросу подробнѣе. У Эсхила хоревты выступаютъ отдѣльно въ тѣхъ только пассажахъ, которые стоятъ въ антистрофического соотнѣштвія (ср. *Wecklein, Technik und Vortrag der Chorgesange des Aeschylus* стр. 215 сл.); между тѣмъ пассажи, выбранные Арнольдтомъ, за немногими исключеніями, всѣ симметричны. Итакъ, аналогія трагедіи и должна, и недостаточна.

Но Арнольдъ попытался почерпнуть свои доводы и изъ самого Аристофана. Привожу его слова:

1) „Общий признакъ всѣхъ названныхъ сценъ—сильное раздражение хора и непосредственное его участіе въ дѣйствіи. Въ такихъ случаяхъ требование естественно, чтобы каждому изъ хореотовъ была дана возможность высказать свое мнѣніе отдельно“. Съ этимъ можно бы согласиться, хотя не все то, что кажется естественнымъ намъ, казалось естественнымъ и древнимъ—особенно въ отношеніи инсценировокъ драмъ. Но по Арнольду выходитъ, что хореоты высказываютъ свои мнѣнія хотя и въ розь, но въ извѣстномъ, ужасно скучномъ порядкѣ, одинъ за другимъ, подобно школьнікамъ, отвѣчающимъ урокъ. По нашему, трудно прискать что-нибудь неестественнѣе этого порядка.

2) „Въ некоторыхъ пассажахъ, встрѣчаются обращенія хора къ хору же, или къ некоторымъ изъ хореотовъ, при чмъ эти послѣдніе нерѣдко называются по имени. Во всѣхъ такихъ случаяхъ произношеніе пассажей цѣлымъ хоромъ немыслимо“. Это дѣйствительно такъ, и Арнольдъ совершенно правъ возвставая противъ Рихтера, по которому стихи („Осы“ сл. 238 сл.)

◊ Στριμόδωρε Κουνιολεῖ, βέλτιστε συνδικαστῶν,
Εὐεργίδης ἄρ' ἔστι ποι 'νταιθ' ἡ Χάβης ὁ Φλιούς;

были произносимы цѣлымъ хоромъ, въ томъ числѣ, значитъ, и Стремидоромъ, Евергидомъ и Хабстомъ, такъ что Стремидоръ самого себя спрашивалъ о своихъ товарищахъ, а Евергидъ и Хабетъ товарища о самихъ себѣ. Но изъ этого далеко не слѣдуетъ, чтобы въ этомъ пародїи всѣ хореоты высушали одинъ за другимъ; достаточно предположить, что выписанные стихи произносилъ не весь хоръ, а одна какая нибудь его часть—напримѣръ, корифей.

3) „Приглашенія торопиться и быстро слѣдовать за предводителемъ повторяются въ сравнительно небольшомъ пассажѣ такъ часто, что предположеніе, будто ихъ произносило одно и то же лицо, является невозможнымъ“. Почему же невозможнымъ? Представимъ себѣ компанию въ двадцать—три человѣка, предводительствуемую корифеемъ; естественно, что тутъ отстаетъ то одинъ, то другой, и что корифею очень часто приходится приглашать ихъ, чтобы они торопились; естественно, что при этомъ нерѣдко повторялись тѣ же мысли. Возьмемъ, напримѣръ, ст. 242 сл. комедіи „Всадники“. Демосѳенъ зоветъ всадниковъ:

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ ССХХХVIII.

1885.

АПРЕЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова. Наб. Екатерининского кан., № 78.

1885.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ	53
И. А. Лавровский. Был ли святый Кирилл Солунский епископомъ	161
М. С. Дриновъ. Новый церковно-славянский памятникъ съ упоминаниемъ о славянскихъ первоучителяхъ	176
В. Г. Васильевский. Обновление болгарского патриаршества при царь Иоаннѣ Афнѣ II въ 1235 году (окончаніе)	206
 КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
А. Н. Веселовскій. Новые изслѣдованія о французскомъ эпохѣ	239
А. С. Будиловичъ. Новые данные для исторіи восточного вопроса (продолженіе)	285
А. И. Соболевскій. Очерки русской исторической географіи. Географія начальной эпописи. Н. П. Барсова. 1885.	300
Н. И. Петровъ. Къ исторіи южно-русской литературы XVII столѣтія. Н. Ф. Сумкова. 1884—1885.	307
Н. Д. Чечулинъ. Изгѣстіе о походженіи С. С. Пишевича. Издано Н. А. Поповымъ. 1883	327
О. М. Истоминъ. Законы стиха русского народного и нашего литературоведа. Н. Д. Гольхвасимова. 1883 (окончаніе)	338
М. Ильинъ. Всеобщая исторія литературы. 1885.	361
Н. А. Сырку. Румынскій журналъ народного просвѣщенія	363
— Наша учебная литература (разборъ 21 книги)	383
 СОВРЕМЕННАЯ ЭПОПИСЬ.	
— Объ изданияхъ святейшаго синода ко дню тысячелѣтія блаженной кончины первоучителя славянъ св. Меодія	97
— Императорское Русское Археологическое Общество въ 1884 г.	101
— Императорское Одесское Общество истории и древностей въ 1884 г.	107
— Наши учебныхъ заведенія: Московскій университетъ въ 1884 г.	115
 ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.	
О. Ф. Зѣлиницкій. О дорійскомъ и іонійскомъ стиляхъ въ древней аттической комедіи	177
 Редакторъ Л. Майковъ. (Вышла 4-го априля).	

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ ССХХVIII.

1885.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининского кан. № 78.
1885

Ізотермікій палаті, д. № 78.
2626.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛЕННІЯ.

4. (29-го января 1885 года). О положеніи для Лифляндской дворянской гимназіи въ г. Феллинѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраниі государственного совѣта, о положеніи для Лифляндской дворянской гимназіи въ городѣ Феллинѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣть исполнить.

Подпись: Предсѣдатель государственного совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраліи, разсмотрѣвъ представленіе министра народного просвѣщенія о положеніи для Лифляндской дворянской гимназіи въ городѣ Феллинѣ, мнѣніемъ положилъ:

Примѣнить къ Лифляндской дворянской гимназіи въ городѣ Феллинѣ положеніе, изданное для гимназіи въ мѣстечкѣ Виркенруз (Высочайше утвержденное 20-го января 1882 года мнѣніе государственного совѣта), съ слѣдующими отступленіями:

1) Гимназія содержится на средства дворянства Лифляндской губерніи, отъ котораго зависитъ устроить при ней пансионъ.

2) Директоръ гимназіи участвуетъ въ засѣданіяхъ училищной коллегіи съ правомъ голоса.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателемъ и членами.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

16. (16-го февраля 1885 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Отtilii Редерсъ при Зарайской женской прогимназіи.

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 6-го декабря 1881 года при Зарайской женской прогимназіи учреждаются девять стипендій имени О. Редерсъ на проценты съ капитала въ 1050 руб., пожертвованного временнымъ Зарайскимъ 2-й гильдіи купцомъ Августомъ Августовичемъ Редерсомъ.

§ 2. Означеній капиталъ, заключающійся въ одномъ 5%, билетѣ государственного банка втораго выпуска въ 500 руб., четырехъ 5% билетахъ государственнаго банка 4-го выпуска по 100 руб., одной облигациѣ втораго восточнаго займа въ 100 руб. и одной облигациѣ первого восточнаго займа въ 50 руб., хранится вмѣстѣ съ суммами Зарайской женской прогимназіи и составляетъ неотъемлемую собственность этого учебнаго заведенія, оставаясь навсегда неприкосненіемъ.

§ 3. Проценты съ этого капитала назначаются поровну на уплату за право ученикѣ двухъ стипендіатокъ изъ числа бѣдѣйшихъ ученицъ Зарайской женской прогимназіи уроженокъ гор. Зарайска или въ случаѣ отсутствія таковыхъ изъ уроженокъ Зарайскаго уѣзда, при томъ отличающихся успѣхами и поведеніемъ.

§ 4. Стипендіатки избираются попечительнымъ совѣтомъ.

§ 5. Педагогическому совѣту прогимназіи предоставляется право лишать стипендіатокъ стипендій за лѣнность и неодобрительное поведеніе, довода объ этомъ до свѣдѣнія попечительного совѣта.

§ 6. Ученицы, получающія стипендіи, называются стипендіатками Отtilii Редерсъ.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣненія стипендій сстатки причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

11. (19-го февраля 1885 года). Положение о второй стипендии имени статского советника Матвия Ивановича Бутовского при Тифлисской 1-й мужской гимназии.

(Утверждено г. министромъ народного просвещенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ 2,752 руб., заключающагося въ билетахъ закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія и тифлисскаго отдѣленія государственнаго банка и образованаго изъ прибылей, паросшихъ съ 1873 по 1884 годъ на капиталъ въ 10,000 руб., завѣщаный статскимъ советникомъ Бутовскимъ на учрежденіе стипендіи при Тифлисской 1-й мужской гимназии, учреждается при той же гимназии вторая стипендія имени за-вѣщателя.

§ 2. Означенные билеты закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія и тифлисскаго отдѣленія государственнаго банка на обезпечивающей стипендію капиталъ въ 2,752 руб. хранятся въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Тифлисской 1-й гимназии.

§ 3. Выборъ и назначеніе ученика на означенную стипендію, согласно волѣ завѣщателя, изъ дѣтей почтальоновъ, станціонныхъ смотрителей и вообще чиновъ почтоваго вѣдомства на Кавказѣ и за Кавказомъ не выше сортировщиковъ, съ соблюдениемъ, относительно успѣховъ и поведенія ученика, требуемыхъ уставомъ гимназій правительъ, предоставляется главноначальствующему гражданской частію на Кавказѣ.

§ 4. Получающие съ означенного капитала проценты выдаются стипендиату полностю ежемѣсячно въ теченіе пребыванія стипендиата въ гимназии.

§ 5. Могущіе образоваться отъ процентовъ остатки въ промежуткахъ времени выбытія одного и назначенія другаго стипендиата выдаются въ единовременное пособіе каждому вновь назначаемому стипендиату въ размѣрѣ, опредѣляемомъ педагогическимъ совѣтомъ гимназии.

§ 6. Пользованіе стипендией не налагаетъ на стипендиата никакъ обязательствъ.

12. (20-го февраля 1885 года). Положение о двухъ стипендиахъ имени супруги генералъ-лейтенанта Маріи Александровны Лашкаревой, учрежденныхъ при Тверской Марининской женской гимназії.

(Утверждено г. министромъ народного просвещения).

§ 1. На основании Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. на проценты съ капитала въ 600 руб., пожертвованаго супругою генералъ-лейтенанта М. А. Лашкаревой, учреждаются двѣ стипендіи при Тверской Марининской женской гимназії.

§ 2. Означенніемъ стипендіямъ присваивается наименование „стипендіи жены генералъ-лейтенанта Маріи Александровны Лашкаревой“.

§ 3. Стипендиальный капиталъ, включающійся въ двухъ %, бумагахъ государственнаго банка, хранится въ мѣстномъ губорпскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 4. Проценты съ указанного капитала поступаютъ на уплату за право ученія въ гимназіи двухъ стипендиатокъ, а могущій образоваться остатокъ выдается въ пособіе стипендиаткамъ при окончаніи ими полнаго курса ученія въ гимназії.

§ 5. Выборъ стипендиатокъ принадлежитъ М. А. Лашкаревой, а послѣ ея смерти стипендиатки избираются попечительнымъ совѣтомъ гимназіи, стипендиатками могутъ быть лишь дочери обывателей гор. Твери, оказывающая при отличномъ поведеніи удовлетворительные успѣхи въ наукахъ.

§ 6. Стипендиатки, оказавшия вслѣдствіе своего нерадѣнія недостаточные успѣхи въ наукахъ или замѣченныя въ неодобрительномъ поведеніи, лишаются, согласно опредѣленію попечительского совѣта, права пользоваться стипендию; остатки стипендіи въ такомъ случаѣ обращавшіеся, а равно и остатки отъ стипендіи ученицъ, выѣзжавшихъ изъ гимназіи до окончанія полнаго курса ученія, обращаются на учебныя пособія вновь избранной стипендиатки.

§ 7. Пользованіе стипендиами не налагаетъ на стипендиатокъ никакихъ обязательствъ.

13. (28-го февраля 1885 года). Правила о стипендіи незабвенной памяти въ Божій почившаго Императора Александра II.

(Утверждено г. министромъ народного просвещения).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университѣтѣ изъ процентовъ съ капитала въ семь ты-

сичъ руб., образовавшагося изъ остатковъ отъ процентовъ съ по-
жертвованныхъ С.-Петербургскому университету капиталовъ, учреж-
дается стипендія незабвенной памяти въ Богъ почившаго Императора
Александра II.

§ 2. Означеннай стипендія, въ 350 руб. ежегодно, составляя
неотъемлемую собственность Императорскаго С.-Петербургскаго уни-
верситета, назначается одному изъ недостаточныхъ студентовъ С.-Пе-
тербургскаго университета безъ различія факультетовъ.

§ 3. Назначеніе этой стипендіи производится на основаніи п. 4 § 3
дѣйствующаго университетскаго устава.

§ 4. Для получения и сохраненія стипендіи необходимо имѣть при
испытаніяхъ, контрольныхъ или составительныхъ, въ среднемъ вы-
водъ не менѣе четырехъ съ половиною и не менѣе трехъ балловъ
изъ каждого предмета.

§ 5. Свободные остатки, могущіе образоваться отъ незамѣщенныхъ
сей стипендіи, пріобщаются къ капиталу для увеличенія размѣра
стипендіи, или, по опредѣленію правленія, могутъ быть обращены
въ пособіе недостаточнымъ студентамъ.

14. (28-го февраля 1885 года). Правила о стипендіи Государя
Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія при Императорскомъ С.-Петер-
бургскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ семь ты-
сячъ руб., образовавшагося изъ остатковъ отъ процентовъ съ по-
жертвованныхъ С.-Петербургскому университету капиталовъ, учреж-
дается стипендія Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Але-
ксандровича.

§ 2. Означеннай стипендія, въ 350 руб. ежегодно, составляя
неотъемлемую собственность Императорскаго С.-Петербургскаго уни-
верситета, назначается одному изъ недостаточныхъ студентовъ С.-Пе-
тербургскаго университета, безъ различія факультетовъ.

§ 3. Назначеніе этой стипендіи производится на основаніи п. 4 § 3
дѣйствующаго университетскаго устава.

§ 4. Для получения и сохраненія стипендіи необходимо имѣть при
испытаніяхъ, контрольныхъ или составительныхъ, въ среднемъ вы-
водъ не менѣе трехъ балловъ изъ каждого предмета.

§ 5. Свободные остатки, могущіе образоваться отъ незамѣщенія сей стипендіи, пріобщаются къ капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи, или, по опредѣленію правленія, могутъ быть обращены въ пособіе недостаточнымъ студентамъ.

15. (28-го февраля 1885 года). Правила для стипендій С.-Петербургскаго университета.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ семь тысячъ рублей, образовавшагося изъ остатковъ отъ частныхъ суммъ на выдачу пособій и стипендій, учреждаются при С.-Петербургскомъ университѣтѣ три стипендіи, по 120 руб. въ годъ каждая.

§ 2. Означенные стипендіи назначаются недостаточныхъ студентамъ С.-Петербургскаго университета, слушающимъ лекціи въ I и II полугодіи.

§ 3. Назначеніе сихъ стипендій производится на основаніи общихъ установленныхъ для сего правилъ.

§ 4. Для получения стипендіи требуются весьма удовлетворительныя отмѣтки (пять) не менѣе какъ изъ трехъ главныхъ предметовъ въ аттестатѣ зрѣлости или равномъ ему свидѣтельствѣ объ окончаніи курса въ среднемъ учебномъ заведеніи.

§ 5. Свободные остатки, могущіе образоваться отъ незамѣщенія сихъ стипендій, предоставляется употреблять на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

16. (28-го февраля 1885 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ по вопросу о размѣрѣ добавочной пенсіи лицамъ, выслужившимъ по учебной части основную пенсію.

Нѣкоторыя должностныя лица, выслужившія основную пенсію по учебной части министерства народнаго просвѣщенія и продолжающія зятѣмъ дальнѣйшую службу по этой части, иногда, по различнымъ обстоятельствамъ, поступаютъ на должности съ меньшимъ окладомъ жалованья противъ тѣхъ должностей, въ которыхъ выслужена ими основная пенсія.

Въ ст. 363 Св. Зак. Т. III (изд. 1876 г.) Уст. о пенс. и ед. пос. выражено, что за каждыя пять лѣтъ, выслуженныхъ по одной учеб-

ной части свыше 25 лѣтъ, прибавляется къ слѣдующей за сей по-
слѣдній срокъ полной пенсіи одна пятая доля оной. Затѣмъ Высо-
чайше утвержденныемъ 22-го июня 1879 года положеніемъ комитета
министровъ, въ примѣчаніе къ ст. 363 пенс. уст., по продолженію
1881 г., постановлено, что при увеличеніи жалованья размѣръ пенсій
и прибавокъ на службѣ по учебной части сего министерства не измѣ-
няется; при выходѣ же чиновниковъ въ отставку, пенсіи и прибавки
назначаются по окладу ихъ послѣдней должности. Руководствуясь
буквальнымъ смысломъ приведенной ст. 363 пенс. уст., министер-
ство народного просвѣщенія полагало, что прибавочная доля къ пен-
сіямъ за выслугу пятилѣтій, сверхъ 25-лѣтнихъ сроковъ, всѣмъ чи-
новникамъ, состоящимъ на службѣ по учебной части сего министер-
ства, должны быть назначаемы изъ окладовъ основныхъ пенсій, безъ
 всякаго ограниченія въ отношеніи тѣхъ изъ нихъ, которые выслу-
жили основную пенсію въ высшихъ должностяхъ по пенсионнымъ
окладамъ жалованья, а пятилѣтия на прибавка въ низшихъ должностяхъ.
Но такъ какъ между министерствомъ народного просвѣщенія и
министерствомъ финансовъ, а также государственнымъ контролемъ,
возникло въ семъ отношеніи разногласіе, то на основаніи 211 ст.
Св. Закон. Т. I, ч. II (изд. 1857 г.) учрежд. министерствъ, пастом-
щее дѣло было представлено на разрѣшеніе правительствующаго
сената.

Нынѣ указомъ правительствующаго сената отъ 28-го января
1885 г. за № 4022 дано знать министерству народного просвѣщенія,
что правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, опредѣ-
лилъ: заключеніе министерства народного просвѣщенія о назначеніи
прибавокъ къ пенсіи, выслуженныхъ чиновниками на низшихъ должностяхъ,
по размѣру получаемой ими основной пенсіи, утвердить въ
виду буквального смысла ст. 363 т. III, Св. Зак. уст. о пенс.

Объ этомъ имѣю честь уведомить ваше превосходительство для
руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

17. (2-го марта 1885 года). Положеніе о стипендіи имени
дѣвицы Евгении Григорьевны Мустацъ при Севастополь-
ской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года,
на счетъ процентовъ съ капитала въ 2,000 рублей, пожертвованаго

наго землевладѣльцемъ Херсонской губерніи женой штабсъ-капитана С. А. Мустацъ, учреждается при Севастопольской женской гимназіи одна стипендія имени дѣвицы Евгении Григорьевны Мустацъ.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ севастопольскомъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность гимназіи и оставаясь на вѣчные времена неприкословеннымъ.

§ 3. Стипендіатка избирается педагогическимъ совѣтомъ изъ недостаточныхъ ученицъ, отличающихся хорошими успѣхами и поведениемъ; при избрании нѣсколькихъ кандидатокъ, стипендія предоставляется одной изъ нихъ по жребію.

§ 4. Стипендія, за удержаніемъ въ пользу гимназіи годовой платы за право ученія, выдается стипендіаткѣ на руки.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендії остатки причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

18. (2-го марта 1885 года). Положеніе о стипендіи именидовы коллежского ассесора Татьяны Старицкой при Полтавской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщанного вдовою коллежского ассесора Татьяной Старицкой капитала въ четыре тысячи двѣсті рублей учреждается при Полтавской гимназіи одна стипендія имени завѣщательницы.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ 5% облигаций 3 восточного займа, на четыре тысячи двѣсті рублей, составляетъ неотъемлемую собственность гимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ ея средствъ, оставалась на вѣчные времена неприкословеннымъ.

§ 3. Стипендіей могутъ пользоваться бѣднѣйшіе воспитанники всѣхъ сословій Полтавской гимназіи православного вѣроисповѣданія, достойнѣйшіе по успѣхамъ и отличного поведенія.

§ 4. Выборъ ученика для пользованія стипендіей принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Стипендія назначается ученику не ранѣе, какъ чрезъ полгода послѣ поступленія его въ заведеніе, когда онъ уже доказалъ свою успѣшность.

§ 6. Проценты съ вышеупомянутаго капитала выдаются стипендіату по полугодіямъ для взноса платы за право ученія, на приобрѣтеніе книгъ и другихъ учебныхъ пособій.

§ 7. Шестая часть процентовъ съ означенной суммы отчисляется для образованія особаго капитала, который выдается стипендіату, по окончаніи курса ученія въ гимназіи, на первоначальное обзведеніе.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса, но можетъ быть лишенъ ея, по опредѣленію педагогическаго совѣта, за безуспѣшность или неодобрительное поведеніе.

§ 10. Въ случаѣ выбытія стипендіата изъ заведеній, тотчасъ выбирается другой стипендіатъ.

§ 11. Проценты, по какому-либо случаю не выданные въ стипендію, причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

19. (7-го марта 1885 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о доставленіи заключеній о письменныхъ работахъ лицъ, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости.

На основаніи § 71 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 8-го декабря 1872 года, окружныя начальства обязаны ежегодно представлять министерству отчеты объ испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ округа, составленные по особой формѣ, приложенной къ вышеозначеннымъ правиламъ, причемъ въ отчетахъ этихъ, согласно п. 7 приложения къ § 71, должны сообщаться также заключенія попечительскихъ совѣтовъ о письменныхъ работахъ лицъ, призначенныхъ зрѣлыми. Между тѣмъ нѣкоторыми окружными начальствами означенныя заключенія попечительскихъ совѣтовъ министерству не сообщаются.

Всѣдѣствие сего, а также въ видахъ сосредоточенія въ министерствѣ наиболѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ испытаніяхъ зрѣлости

за 1883—1884 г., покорнейше прошу ваше превосходительство доставить министерству, независимо отъ отчетовъ объ этихъ испытанияхъ по установленной формѣ, заключенія попечительскаго совѣта о письменныхъ работахъ учениковъ, исполненныхъ на испытаніяхъ зрѣлости 1883—1884 г., а также отзывы профессоровъ и окружныхъ инспекторовъ о названныхъ работахъ и припять настоящее расположение мое къ руководству па будущее время.

20. (13-го марта 1885 года). Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Высочества Государа Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича при Петергофской прогимназии Императора Александра II.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 10-й день января 1885 года, учреждается въ память совершенномъ тія Его Императорскаго Высочества Государа Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича одна стипендія имени Его Императорскаго Высочества при Петергофской прогимназіи, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго для этой цѣли жителями гор. Петергофа.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигацияхъ восточнаго займа, составляетъ неотъемлемую собственность прогимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназіи.

§ 3. Изъ процентовъ съ этого капитала ежегодно вносится плата за ученіе стипендиата изъ бѣднѣшихъ учениковъ прогимназіи уроженцевъ гор. Петергофа. Остающаяся затѣмъ сумма назначается на покупку стипендиату одежды, книгъ и другихъ необходимыхъ учебныхъ пособий.

§ 4. Право назначенія стипендіи и выборъ стипендиата принадлежитъ педагогическому совѣту прогимназіи, при чемъ педагогическій совѣтъ, при наличии вышеприведенныхъ въ § 3 условій, обращаетъ главное вниманіе на поведеніе, прилежаніе и способности кандидата на стипендию.

§ 5. Если стипендиатъ, во время пользованія стипендией, не будетъ отличаться безукоризненнымъ поведеніемъ и примѣрнымъ прилежавшемъ, педагогическій совѣтъ имѣть право лишить его стипендіи и предоставить стипендию достойнѣйшему.

§ 6. Могущие оказаться остатки, вслѣдствіе ли временнаго неза-
мѣщенія означенной стипендіи или вслѣдствіе нерасходованія всей
суммы получаемыхъ процентовъ, а также дальнѣйшія пожертвова-
нія на эту стипендію, обращаются на увеличеніе стипендіального
капитала.

§ 7. Пользованіе означенной стипендіей не налагаетъ на стипен-
діата никакихъ обязательствъ.

21. (19-го Марта 1885 года). Положеніе о стипендіяхъ Та-
ганрогскаго купца Антона Архиповича Хаджіева при Та-
ганрогской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ девять тысячъ рублей, заключа-
ющагося въ облигацияхъ 3-го восточного займа и образовавшагося отъ
продажи завѣщаннаго Таганрогскимъ купцомъ Антономъ Архипови-
чемъ Хаджіевымъ дома, учреждаются при Таганрогской мужской
гимназіи три стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неотъемлемую собствен-
ность Таганрогской мужской гимназіи, хранится въ мѣстномъ казна-
чествѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда
невриконосивеннымъ, и не можетъ быть обращаемъ ни на какія другія
нужды гимназіи.

§ 3. Стипендіи, въ размѣрѣ 150 руб. въ годъ каждая, составля-
ются изъ ежегодныхъ процентовъ съ означенного капитала.

§ 4. Стипендиаты ежегодно получаютъ половину назначеннай имъ
стипендіи, то-есть, по 75 руб. и, по возможности, въ два срока въ
началѣ учебнаго и въ началѣ гражданскаго года, для взноса платы
за право ученія, приобрѣтенія учебныхъ пособій и для удовлетворенія
другихъ нуждъ; другая же половина стипендіи сдается Директоромъ
гимназіи въ мѣстное отдѣлѣніе Государственного Банка на текущій
счетъ, для приращенія процентами.

Примѣчаніе: Въ случаѣ крайней нужды стипендиата, ему
изъ сбереженій могутъ быть выдаваемы единовременные пособія,
по усмотрѣнію педагогическаго совѣта,

§ 5. При окончаніи стипендиатами курса въ Таганрогской гимназіи
или перехода ихъ по домашнимъ обстоятельствамъ, въ другое учебное
заведеніе, а также въ случаѣ оставленія гимназіи, по желанію ро-
дителей, для поступленія на государственную или частную службу,—

образовавшіся ежегодныя сбереженія отъ стипендій, съ нарочными на нихъ %, выдаются на руки выбывающимъ стипендіатамъ.

§ 6. Въ случаѣ смерти стипендіата образовавшіся отъ его стипендіи сбереженія, съ нарочными на нихъ %, а также остатки, могутъ образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендій, причисляются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи, при чёмъ, согласно волѣ жертвователя, исключительное право на получение стипендій принадлежитъ дѣтямъ бѣдныхъ гражданъ гор. Таганрога, православнаго вѣроисповѣданія.

§ 8. Стипендіи могутъ быть назначаемы лучшимъ по успѣхамъ и поведению воспитанникамъ, удовлетворяющимъ требованіямъ предшествующаго параграфа.

§ 9. Выдача стипендій прекращается въ слѣдующихъ случаяхъ:
а) по окончаніи стипендіатами курса наукъ въ Таганрогской гимназіи, б) въ случаѣ выбытія ихъ изъ Таганрогской гимназіи и в) въ случаѣ неудовлетворительности успѣховъ или поведенія.

§ 10. Если же малоуспѣшность стипендіата произошла отъ болѣзни, или если стипендіатъ по той же причинѣ оставленъ на два года въ одномъ и томъ же классѣ, то отъ педагогического совѣта будетъ зависѣть, продолжать или прекратить дальнѣйшее производство стипендіи.

§ 11. Въ случаѣ лишенія права на получение стипендія по причинѣ, обозначеннымъ въ п. в. § 9 сего положенія, образовавшія сбереженія отъ стипендій, съ нарочными на нихъ процентами, причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 12. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

22. (18-го Марта 1885 года). Положеніе о стипендіи при Омской гимназіи въ память трехсотлѣтнаго юбилея Сибири.

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ триста руб., собраннаго съ литературно-музыкального вечера, устроенаго Обществомъ всенароднаго образования бѣднымъ ученикамъ Омской гимназіи, учреждается при названной гимназіи одна стипендія въ память трехсотлѣтнаго юбилея Сибири.

§ 2. Стипендіальний капиталъ, заключающійся въ облигацияхъ восточного займа, хранится въ Омскомъ Окружномъ Казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Омской гимназіи, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ оснащенаго капитала употребляются на плату за учение одного ученика Омской гимназіи.

§ 4. Въ стипендиатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ бѣднѣйший изъ учениковъ гимназіи, безъ различія сословій, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 5. Могущіе образоваться, по случаю временнаго незамѣщенія стипендиї или по какимъ-либо другимъ причинамъ, остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу и, по мѣрѣ накопленія, обращаются въ государственные процентныя бумаги для увеличенія на будущее время размѣра стипендиї.

§ 6. Въ случаѣ неодобрительного поведенія, или неудовлетворительныхъ успѣховъ, стипендиатъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта, лишается стипендиї.

§ 7. Пользованіе стипендией не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

—Книгу: „Прямолинейная тригонометрія. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ присоединеніемъ краткаго понятія о нивелированіи и съемкѣ плановъ, а также задачъ для оканчивающихъ курсъ. А. Веребрюсова, учителя Екатеринодарской гимназіи. Харьковъ. 1884. Цѣна 50 коп.“—одобрить какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній.

—Книгу: „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Составилъ по офиціальнымъ документамъ И. Гиббенетъ. Часть II. С.-Пб. 1884. Цѣна 5 руб.“—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныхъ библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

—Книгу: „Св. Иоаннъ Златоустъ и императрица Евдокія. Христианское общество Востока: Сочиненіе Амедея Тьеरри. Переводъ съ французскаго, съ двумя рисунками. Издание Льва Поливанова.

Москва. 1884. Цѣна 3 руб."—допустить въ ученическія и фундаментальныя библіотеки.

—Издание: „Учебный атласъ всеобщей географіи А. Лимберга. Москва. 1884. Цѣна 1 руб. 50 коп."—одобрить въ видѣ пособія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

—Книгу: „Курсъ общей ботаники. Растенія цвѣтковыя. Н. Е. Цабель. Москва. 1885. Цѣна 75 коп."—одобрить какъ весьма полезное пособіе по ботаникѣ для реальныхъ училищъ и учителльскихъ семинарій.

—Книгу: „Учебникъ минералогіи. Вѣскаго профессора Г. Черника. Часть общая. Переводъ и изданіе адъюнкта горнаго института горнаго инженера Г. Лебедева. С.-Пб. 1884. Цѣна 3 руб. 50 коп."—принять пригодною и полезною для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

—„Руководство къ полному курсу русскаго чистописанія, составленъ В. Пожарскимъ, въ трехъ отдѣлахъ, съ приложеніемъ 1) французскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ и греческихъ прописей, 2) правильной каллиграфіи и русскаго письма, и 3) тетради графической сѣтки. Издание 4-е 1884"—допустить какъ виѣклассное пособіе для учениковъ низшихъ двухъ классовъ гимназій въ прогимназіяхъ.

—Книгу: „Учебникъ русской грамматики для трехъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Смирновскій. Часть I. Этимологія. Издание 2-е, исправленное. С.-Петербургъ. 1885. Цѣна 40 коп."—допустить къ употребленію исключительно въ I-мъ и II-мъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

—Книгу: „Учебникъ латинскаго языка для младшихъ классовъ. По руководствамъ. Латина составилъ протоиерей И. Кувшинскій. Часть первая. Начальный курсъ. Витка. 1884. Цѣна 50 коп."—одобрить въ качествѣ руководства по латинскому языку для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

—Книгу: „Пособіе къ чтенію Цезаря. Краткій обзоръ военнаго дѣла. По нѣмецкимъ источникамъ (Кранера, Марквардта и другихъ). Съ 16-ю рисунками и 2-мя планами. Составилъ Г. Г.и.ль. С.-Пб. Цѣна 40 коп."—допустить въ ученическія библіотеки, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ были устраниены означеные и подобные имъ недостатки.

—Книги: „Д. И. Нагуевскій. О Югуртинской войнѣ (de bello

Jugurthino), Саллюстія. Казань. 1881^е — допустить какъ пособіе по латинскому языку для учениковъ гимназій и прогимназій.

—Книгу: „Избранные сочиненія Платона. И. Апологія Сократа и Критонъ. Греческій текстъ съ рисунками, примѣчаніями и статьей о древне-греческой философіи и о Платонѣ. Составилъ А. О. Поповъ, преподаватель древнихъ языковъ при Киевской 3-й гимназії. Киевъ. 1884. Цѣна 1 руб. 20 коп.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособія по греческому и отчасти по латинскому языку въ гимназіяхъ.

—Книгу: „Алгебра. Курсы среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ф. Покатиловъ, учитель математики Тифлисскаго реальнаго училища. Выпускъ I. Уравненіе. С.-Пб. 1884. Цѣна 80 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

—Книгу: „Сборникъ задачъ по коммерческой ариѳметикѣ. Для коммерческихъ и реальныхъ училищъ. Составилъ по програмѣ министерства народнаго просвѣщенія Н. Васильевъ-Яковлевъ. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Киевъ. 1884. Цѣна 75 коп.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособія для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ.

—Книгу: „Очерки русской исторической географіи. 1. Географія начальной эпохи. Издание Н. Барсова. Издание 2-е, исправленное и дополненное алфавитнымъ указателемъ. Варшава. 1885^е—рекомендовать для библіотекъ фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста.

—Книгу: „C. De la Droitier et F. Thormeyer. Le Trezor, Lecture et conversation (Сокровище, Чтение и разговорь). Выпуски 1-й, 2-й и 3-й. С.-Пб. 1884. Цѣна каждого выпуска 75 коп.“—первые два выпуска допустить въ ученическія библіотеки всѣхъ средне-учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ, и для класснаго употребленія въ качествѣ книги для чтенія, съ тѣмъ однако, чтобы издатели въ слѣдующихъ выпускахъ не допускали статей, болѣзвнено дѣйствующихъ на воображеніе и чувствительность дѣтей, и чтобы каждый нумеръ представлялъ въ ученымъ комитетѣ для пересмотра.

—Книги: „C. Julii Caesaris commentariorum de bello Gallico. Текстъ съ объяснительнымъ словаремъ и приложениемъ карты Галліи изданъ для употребленія въ гимназіахъ М. Блюсь. Издание 2-е Москва. 1885. Цѣна 1 руб. 40 коп.“, и „Объяснительный словарь къ C. Julii Caesaris Commentariorum de bello Gallico. Составилъ для гимназій часть осмокласси, отд. 1.

М. Блюсъ. Съ приложением карты Галліи. Издание 2-е. М. 1885. Цѣна 1 руб.⁴—допустить въ гимназіи въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу: „Рѣчи Цицерона о назначеніи Гнея Помпія полководцемъ. Объясненія Августъ Гофманъ. Третье, исправленное изданіе. С.-Пб. 1885. Цѣна 60 коп.⁴—одобрить какъ учебное пособіе по латинскому языку въ тѣхъ классахъ гимназій, въ которыхъ читаются рѣчи Цицерона. При этомъ представлялось бы желательнымъ, чтобы при послѣдующемъ изданіи составитель книги обратилъ вниманіе на улучшеніе русскаго изложения комментарія.

— Книгу: „Начальная алгебра. Составилъ Е. Пржевальскій, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. Издание 3-е исправленное и дополненное. М. 1886. Цѣна 1 руб. 25 коп.⁴—одобрить въ качествѣ полезнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру В. Г. Котельникова: „Объ удобреніи почвъ“. С.-Пб. 1884. Издание А. Ф. Девріена — рекомендовать для библиотекъ сельскихъ школъ и учителльскихъ семинарій.

— Книгу: „Употребление знаковъ препинанія въ русскомъ письмѣ. Съ приложениемъ синтаксиса и образцовъ диктанта. Курсъ среднихъ классовъ гимназій. Составилъ П. И. Богдановъ, преподаватель Владимирскаго-Кievскаго кадетскаго корпуса. Издание 3-е, пересмотрѣнное. Кіевъ. 1885. Цѣна 60 коп.⁴—одобрить какъ учебное пособіе при изученіи грамматики въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, реальныхъ и городскихъ училищахъ.

— Книгу: „Курсъ истории русской литературы. Составилъ М. А. Орловъ. Выпускъ первый (до Пушкинскаго периода). Издание 6-е, вновь исправленное и дополненное. С.-Пб. 1884. Цѣна 1 руб. 20 коп.— Выпускъ второй (Пушкинскій периодъ). Первая половина: Крыловъ, Грибоедовъ и Пушкинъ. Издание 6-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1884. Цѣна 80 коп.⁴—одобрить какъ учебное пособіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Народныя былины о русскихъ могучихъ богатыряхъ. Чтеніе для гарда и народныхъ школъ, съ объяснительными словами и съ примѣчаніями. Составлено по сборникамъ Кирилла Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова, Авенариуса и др. Н. Булаковыи. Издание редакціи Русскій Начальный Учитель. С.-Пб. 1884. Цѣна 40 коп.⁴—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Руководство геометріи для среднихъ учебныхъ заве-

девій. Составилъ преподаватель Константиновского военного училища полковникъ В. Беренсъ. Издание 2-е, преобразованное согласно программамъ учебныхъ заведеній министерствъ военного и народного просвѣщенія. Съ 344 чертежами въ текстѣ. С.-Пб. 1884. Цѣна 1 руб. 50 коп."—допустить какъ руководство въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ министерства народного просвѣщенія.

— Книгу: „Прямолинейная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Составилъ Е. Пржевальскій, преподаватель 3-го военного Александровскаго училища. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Москва. 1884. Цѣна 1 руб. 25 коп."—одобрить иъ видѣть весьма полезного учебнаго пособія для всѣхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народного просвѣщенія.

— Книгу: „Сборникъ игръ и занятій для семьи и школы. Составилъ Вас. Висковатовъ. Издание 2-е, исправленное и дополненное статьей о собираніи минераловъ. Съ 345 рисунками въ печати. С.-Пб. 1884. Цѣна 3 руб."—одобрить для ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народного просвѣщенія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народного просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

—Книгу: „А. Лукьяновскаго. Русскія народныя сказки и были въ стихахъ. Томъ I и II. С.-Пб. 1884. Въ 8-ку" — допустить въ ученическія библиотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народного просвѣщенія.

—Книгу: „Христоматія. Брать и сестра. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Написана старшою учительницей Московской городской школы Соколовой. Москва 1885. Цѣна 1 руб."— одобрить для класснаго чтенія преимущественно въ низшихъ женскихъ училищахъ.

—Книгу: „Методика ариѳметики съ приложеніемъ сборника ариѳметическихъ упражненій учениковъ съ учителемъ. Руководство для учительскихъ институтовъ и семинарій, педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и для народныхъ учителей и учительницъ. Составили С. Житковъ и С. Шокеръ-Троцкій. С.-Пб. 1885. Цѣна

2 руб. 25 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для учительскихъ семинарій и институтовъ, педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и для народныхъ учителей и учительницъ.

—Книгу: „Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ съ приложениемъ краткаго учебника начальной ариѳметики. Для народныхъ школъ. Составили С. Житковъ и С. Шохеръ-Троцкій. С.-Пб. 1885. Цѣна 30 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи ариѳметики въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

—Книгу: „Къ животворящему гробу Господню. Рассказъ старого паломника. Издание Православнаго Палестинскаго Общества. С.-Пб. 1884. Цѣна 30 коп.“—одобрить для приобрѣтенія въ библіотеки городскихъ и начальныхъ училищъ.

ОТКРЫТИЕ УЧИЛИЩЪ.

Открыты слѣдующія начальные народные училища министерства народного просвѣщенія: двухклассное въ селѣ Адуевѣ, Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи, при 73 учащихся; одноклассныя: въ селѣ Ласкахъ, Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи при 29 учащихся, въ мѣстечкѣ Пятигорахъ, Таращанскаго уѣзда, Киевской губерніи, при 40 учащихся, въ селѣ Текучей, Уманскаго уѣзда, Киевской губерніи, при 23 учащихся, и въ селѣ Юрьевѣ, Тульской губерніи и уѣзда, при 47 учащихся.

БЫЛЪ ЛИ СВЯТЫЙ КИРИЛЛЪ СОЛУНСКІЙ ЕПІСКОПОМЪ?

Приближающееся во всемъ мірѣ славянскомъ праздникъ въ память тысячелѣтней кончины старѣйшаго изъ просвѣтителей славянъ, св. Меѳодія, усердныхъ приготовленія во всѣхъ концахъ и Русскаго царства, съ благословенія святѣйшаго синода, къ достойному прославленію празднства и установившиася въ сознаніи образованнаго большинства значеніе и важность просвѣтительныхъ трудовъ св. братерь во благо всего міра славянскаго невольно выдвигаютъ въ умѣ недоумѣнія и вопросы на счетъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ ихъ жизни, положенія и дѣятельности, во многомъ и доселѣ представляющихъ темными, загадочными и не разъясненными, по крайней мѣрѣ въ той полнотѣ и опредѣлительности, какія желательны и требуются, въ виду уже протекшаго тысячелѣтія со временемъ кончины св. братерь и въ виду благоговѣйного уваженія къ памяти ихъ.

Въ ряду такихъ вопросовъ занимаетъ, конечно, непослѣднее мѣсто и тотъ церковно-іерархический санъ, въ какомъ жилъ послѣдніе дни своей жизни и умеръ младшій братъ, св. Кириллъ. Короче, былъ ли онъ епіскопомъ, какъ упорно утверждаютъ католическіе писатели, какъ нерѣшительно признаетъ и православная церковь Русская, какъ говорить и нѣкоторые изъ отечественныхъ ученыхъ? Или это званіе никогда не принадлежало ему, и онъ скончался простымъ монахомъ-священникомъ, какъ полагаютъ не многіе изъ русскихъ изслѣдователей жизни и трудовъ св. первоучителей, на основаніи разнообразныхъ данныхъ, имѣющихъ неоспоримое право на вниманіе и довѣріе?

Не думаемъ, чтобы научная пытливость, въ желаніи дойти до рѣшенія вопроса о санѣ св. Кирилла, вступила въ какое-либо претворѣніе съ постановленіемъ нашей церкви, вновь прославляющей

съ недавняго времени просвѣтителя славянъ въ качествѣ епископа. Нравственное значеніе св. Кирилла среди славянъ, его безпримѣрные заслуги въ дѣлѣ христіанскаго ихъ просвѣщенія, самое церковно-административное положеніе его въ четырехдѣтпес пребываніе въ Моравіи ставятъ его дѣйствительно на степень высшаго и истиннаго пастыря надъ попопросвѣщеннымъ стадомъ славянскимъ, на степени устроителя въ немъ церковныхъ порядковъ и единственнаго полноправнаго блюстителя за неуклонными ихъ выполненіемъ. Наконецъ, общеизвестная въ мірѣ славянскомъ, сдѣла не съ первыхъ дней послѣ кончины, святость его еще болѣе утверждаетъ его право на высокое іерархическое положеніе среди потомства тѣхъ отдаленныхъ предковъ, въ глазахъ которыхъ, при мысли о принятіи христіанства, постоянно выдвигался на первое мѣсто образъ св. Кирилла и горячо благодарная память о неувходящихъ его заслугахъ. И общество вѣрующихъ русскихъ, еще болѣе — сознующихъ величе заслугъ св. Кирилла, всегда отнесется съ сердечною благодарностю къ святѣйшему сынову за возстановленіе церковной службы первоучителемъ, хотя бы пытливая наука и не усматривала за однимъ изъ нихъ, во время его жизни, епископскаго сана.

А наука, въ самомъ дѣлѣ, продолжая идти послѣдовательнымъ своимъ путемъ впередъ, собираетъ все болѣе и болѣе данныхъ, съ одной стороны, подтверждающихъ убѣдительное и убѣдительное прежнія сомнѣнія на счетъ дѣйствительности епископскаго сана за св. Кирилломъ, съ другой — наглядно объясняющихъ и положительные поводы и основанія позднѣйшаго ему пріуроченія этого сана. Новѣйшия открытія предлагаютъ достаточно свидѣтельствъ и на столько вѣскихъ въ обслѣдуемомъ вопросѣ, что мы считаемъ не лишнимъ собрать ихъ въ одно цѣлое и сказатъ для полноты съ показаніями вѣдомыхъ прежде извѣстныхъ источниковъ.

Оставляя въ сторонѣ одинъ путь важнѣйшихъ источниковъ для жизни и дѣятельности солунскіхъ братьевъ, такъ-называемыя Пап-коныскія житія, разсмотрѣнныя вами на своеемъ мѣстѣ и въ свое время и рѣшительно противорѣчащія епископству св. Кирилла ¹⁾), мы остановимся на этотъ разъ на показаніяхъ о немъ современниковъ и на величаніи его дреинѣшою православною церковью.

Едва ли умѣстно доказывать, въ какой степени званіе епископа пользовалось уваженіемъ и почетомъ въ древнія времена, какъ по-

¹⁾ Срв. Кириллъ и Меѳодій. Харьковъ. 1863, стр. 215 — 231.

стояло выставлялось оно па видъ при описаніи или упоминаніи лица, посившаго это званіе. Если и попадаются случаи названія лица безъ приложенія епископъ или архіепископъ, то они крайне рѣдки и вознаграждаются обыкновенно въ томъ же памятникѣ не-сравненно большимъ количествомъ примѣроя, въ которыхъ титулъ епископа составляетъ неизмѣнное условіе. Тѣмъ постояннѣе, обычнѣе и неизбѣжнѣе послѣднее подъ перомъ современниковъ упоми-наемаго или описываемаго епископа, и тѣмъ рѣшительнѣе и исключи-чительнѣе, чѣмъ вліятельнѣе былъ этотъ епископъ, чѣмъ памятнѣе и заслуги его, и чѣмъ непосредственнѣе предметъ описанія относится къ дѣламъ церкви и христіанского просвѣщенія. А между тѣмъ извѣстно, какъ глубоко было уваженіе къ св. Кириллу у современ-никовъ, какъ восторженна была преданность ему, и какъ благоговѣйно чтилась память его. Въ какомъ же положеніи изображаютъ его такие современники? Для насъ особенно важны въ настоящемъ случаѣ отзывы, потому что большинство ихъ относится или къ ученикамъ св. Кирилла, или къ первымъ послѣдователямъ его въ дѣлѣ хри-стіанского просвѣщенія славянъ, или къ друзьямъ, высоко цѣнившимъ дружбу свою со св. Кирилломъ: и тѣ, и другіе, и третіи, ко-нечно, не рѣшились бы умалить дѣйствительнаго значенія своего наставника, образца и друга и тѣль менѣе способны были скрыть его епископство, чѣмъ выше, свѣтлѣе и знаменательнѣе стоялъ онъ въ вѣкѣ понятіяхъ и убѣжденіяхъ. И тѣмъ не менѣе, въ письмен-ныхъ трудахъ подобныхъ лицъ не встрѣчаемъ мы и темнаго намека на званіе епископа, читая въ то же время постоянно другіе эпитеты, характеризующіе высокое и почтительное возврѣніе на св. Кирилла. Допускать какое-либо случайное опущеніе въ этомъ случаѣ, значило бы признать безпримѣрное явленіе, а если сообразить время и отно-шенія, то и положительно невозможное. Не забудемъ, что въ соот-вѣтствіе общимъ опредѣленіямъ о св. Кирилѣ — учителѣ, паста-вникѣ, философѣ, святой человѣкѣ, Божій человѣкѣ и другое тому подобные, при упоминаніи о братѣ его, св. Меодіи, почти постоянно у тѣхъ же писателей встрѣчаемъ титулы епископа или архіепископа. Въ этомъ отношеніи не расходятся другъ съ дру-гомъ, какъ бы по соглашенію, и востокъ съ западомъ.

Вотъ что смыслимъ мы на востокѣ: Иоаннъ Экзархъ Болгар-скій, если и не тотъ Иоаннъ пресвитеръ, который отъ имп. Сиг-наполка Моравскаго заявлялъ папѣ Иоанну VIII сомнѣнія свои на счетъ вѣры, то все же, по крайней мѣрѣ, жившій уже въ арѣальныхъ

J*

годахъ подъ конецъ служенія св. Меѳодія, и если не зналъ его лично, то несомнѣнно не разъ бѣдовавшій съ учениками обоихъ просвѣтителей въ Болгаріи, въ блестящій періодъ письменной дѣятельности при князьяхъ Болгарскихъ — Борисѣ (Михаилѣ) и Симеонѣ, — не дѣлаетъ ни разу иного опредѣленія св. Кирилла, какъ: свѧтыи чловѣкъ Бѣлый къstantинъ, философъ река, тутъ же называлъ брата его Меѳодія великимъ Вожіемъ архіепископомъ¹⁾.

Болгарскій епископъ Константина оставилъ еще болѣе знаменательное свидѣтельство. Выставка св. Кирилла своимъ учительмъ, онъ такъ выразился о немъ въ прологѣ къ сборнику переведенныхъ имъ воскресныхъ поученій: „шѣствою именъ по слѣдуо учителю, имена кого въ дѣлу послѣдому“. Казалось бы, какъ тутъ не прибавить и о самѣ, знаніи епископскомъ, если дѣйствительно Кириллъ Солунскій былъ епископомъ, и однако же говорится только объ имени Константина, да о дѣлахъ перевода священноцерковныхъ книгъ. А между тѣмъ въ припискѣ къ четвертому слову перевода словъ Аeanасія Александристскаго противъ арианъ, составленаго тѣмъ же епископомъ Константиномъ, читаемъ, что послѣдній „ученикъ сынъ Меѳодія, архіепископа Моравы“²⁾.

Черноризецъ Храбръ, писавшій еще въ то время, когда жили люди знаящіе и видѣвшіе славянскихъ просвѣтителей, имѣвшій, съдовательно, возможность собрать самыя точныя и подробныя о нихъ свѣдѣнія, несомнѣнно и собиравшій такія, сколько можно судить по восторженному его уваженію къ св. Кириллу, иначе не относится къ нему, какъ съ словами: свѧтыи Кириллъ, свѧтыи Константина, нарицаемый Кириллъ, мужъ праведный и истинный.

А что находимъ мы въ Шаннонскихъ жизнеописаніяхъ, съ столь увлекательною подробностію излагавшихъ жизнь и дѣятельность св. солунцевъ, или въ похвальныхъ имъ словахъ, съ живою и искреннею восторженностью прославляющихъ обоихъ? Между тѣмъ первое произведение письменности, если и не составлено св. Климентомъ († 916 года), епископомъ Болгарскимъ, однинъ изъ непосредственныхъ учениковъ и послѣдователей свв. Кирилла и Меѳодія, то несомнѣнно сложено вскорѣ по смерти послѣднаго, съдовательно, подъ живымъ вліяніемъ людей близкихъ къ обоямъ св. братьямъ, лично ихъ знаящихъ; второе, основанное на первомъ, точно также,

¹⁾ Прологъ къ переводу Богословія, рукоп. XII вѣка, Балайдосичъ, стр. 129.

²⁾ Древніе памятники русскаго письма и языка Срезневскаго, 1863, стр. 191.

при самомъ внимательномъ, даже скептическомъ относительно времени взгляда на него, нельзя опустить ниже половины XI вѣка¹⁾). Да и древнѣйшіе списки ихъ сохранились отъ XII—XIII столѣтій. Если бы мы и предположили на минуту, что авторы этихъ произведеній пропустили свѣдѣнія о посвященіи Кирилла въ епископы, или что сдѣлали такое опущеніе позднѣйшіе переписчики этихъ твореній, то какъ объяснимъ и въ житіяхъ Паннонскихъ и въ похвальныхъ словахъ другіе непрестанные эпитеты, въ которыхъ пѣть и тѣши указанія на епископство св. Кирилла? А св. Моеодій, однакоже послѣдовательно изображается и игуменомъ, и епископомъ, и архіепископомъ, даже совмѣстно съ упоминаніемъ о братѣ, только съ неизменными выдѣленіемъ его иными обозначеніями, какъ то: Константина философъ, наставникъ и учитель нашъ, святыхъ Кириль, учитель словенска языка, блаженныи отецъ нашъ Кириль, новый апостолъ и учитель всѣмъ странамъ; блаженныи еси отецъ и учитель нашъ Кириль; блаженныи отецъ и учитель языка нашего; преподобный учитель. Иногда даже выражается просто однимъ словомъ—философъ, какъ напримѣръ: по днегъ же и нозѣхъ философъ насоудъ грады рече; или просвѣтитель, какъ: (Мораване) „плачъ велии сотвориша по просвѣтителю своемъ“. Совершенно другое видимъ въ отзывахъ о Моеодіи: Како и хотѧше учителя словеномъ послати, первого архіепископа; память и житіе блаженнааго отца нашего и учителя Моеодія, архіепископа Моравьска. А вотъ и сопоставленіе обоихъ братьевъ (по рукописи XII в.): „слово похвально на память святыма и преславныма учительма словенську языку, сътвориша письмена ему, прѣложиша новыи и ветхій законъ въ языкъ ихъ, блаженныому Кирилу и архіепископу паноньску Моеодію“. Что сань незабывался и въ другихъ случаяхъ, припомнить слѣдующее выраженіе: „Михаилъ рече къ философу Константино... и поимъ братъ свои игуменъ Моеодіе“.

Точно также и жизнеописатель св. Клиmenta Болгарскаго, владѣвшій столь точными и подробными свѣдѣніями какъ о Климентѣ, такъ и о сва. его наставникахъ, по времени жизни недалекій отъ солунцевъ, не заходитъ даѣте названія философа для св. Кирилла даже въ томъ случаѣ, когда говорить о прибытіи обоихъ братьевъ

1) Вороновъ, Главнѣйшіе источники для исторіи св. Кирилла и Моеодія. Киевъ. 1877, стр. 184—189.

въ Римѣ и о посвященіи тамъ папою многихъ учениковъ ихъ въ діаконы и священники. Онъ какъ бы намѣренно сопоставляетъ даже возвышение Меѳодія въ епископы и архіепископы съ простымъ монашескимъ званіемъ Кирилла, при его смерти: „ipsum autem Methodium. etsi multum refugientem, episcopum Moravi Panoniae consecrat. Cyrillus autem revera, philosophus, praesciens fineum suum, monachorum habitum induit“ (Miklosich, Vita S. Clem., 1847, стр. XI). Въ сокращенномъ житіи того же Клиmentа, найденномъ Григоровичемъ и принадлежащемъ XIII вѣку, подобнымъ же образомъ о софіе Киріллос ставится на ряду съ архіепископствомъ Меѳодія (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1847, часть I).

Обратимся ли къ современникамъ на западѣ, и тамъ не найдемъ ни малѣшаго слѣда указанія на епископство св. Кирилла, даже при такихъ случаяхъ, когда, по видимому, такое указаніе было необходимо.

Анастасій Библіотекарь, лично знавшій Кирилла, бывшій съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, даже въ Римѣ, въ кратковременное тамъ пребываніе нашего первоучителя, при двукратномъ упоминаніи о немъ—и при жизни, и по смерти его, не говорить иначе, какъ только о философѣ: Constantinus philosophus читаемъ мы я въ предисловіи къ Константинопольскому собору, 869 года, и въ письмѣ къ Карлу Лисому, 875 года; или называетъ его: vir magnus et apostolicae vitae ptaeceptor, magna sanctitatis vir.

Папа Адріанъ II, въ неподлежащемъ болѣе сомнѣнію посланіи своемъ къ князьямъ Моравскимъ, увѣдомляя ихъ и народъ Моравскій о кончинѣ св. Кирилла, говоритъ о немъ только, какъ, объ учителѣ и просвѣтителѣ вашего языка, Кириллѣ философѣ, который „въ вашихъ странахъ труждался“ (Цаннон. житіе). А упомянуть о епископствѣ было бы умѣстно, въ виду только что поставленнаго въ епископы Меѳодія и отправленнаго въ Моравію съ цанскимъ посланіемъ и съ извѣстіемъ о смерти брата его философа.

Еще рѣзче и удивительнѣе было бы такое опущеніе подъ перомъ папы Іоанна VIII, въ его обильныхъ посланіяхъ; а между тѣмъ и онъ, могшій быть свидѣтелемъ посвященія въ епископы Кирилла, знаетъ его только какъ Константина философа: „litteras sclavinicas a Constantino quondam philosopho gerertas“, говорить онъ въ посланіи къ Святомуолку въ 880 году, и тутъ же, какъ и въ посланіяхъ на имя Меѳодія, не забываетъ никогда титуловать послѣдняго архіепископомъ: reverentissimo Methodio archiepiscopo pannoniensis

ecclesiac, Methodius vester archiepiscopus, Methodius reverentissimus archiepiscopus; venerabilis archiepiscopus.

Въ полномъ согласіи съ такими отзывами о Кириллѣ высказывалась о немъ и православная церковь въ установленныхъ ему и брату его особыхъ службахъ и въ древнѣйшихъ святыцахъ или календаряхъ.

Начало службъ восходитъ къ глубокой древности, и едва ли преувеличилъ ее В. И. Григоровичъ, отнесши первоначальное составление ихъ не позже по крайней мѣрѣ X вѣка (Древне-славянскій памятникъ, дополняющій житіе славянскихъ Апостоловъ. Казань. 1862). Благодари трудамъ академика Срезневского, мы имѣемъ въ настоѧщее время въ печати сводный текстъ службы св. Кириллу по восьми синекзамъ, изъ которыхъ только одинъ относится къ XIV вѣку, а остальные къ XII—XIII, нѣкоторые, быть можетъ, и древнѣе того (Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ). Въ этой службѣ сама же церковь величаетъ и прославляетъ св. солунца,—и какое же положеніе придаетъ она ему? Трудно не подивиться заботливости, съ какою подобраны разнообразныя опредѣленія его и существительными, и прилагательными именами, и все съ одною цѣлью, чтобы какъ можно выше поставить личность св. Кирилла и заслуги его. И однакоже, нѣть и слѣдовъ о епископствѣ. Таковы величанія Кирилла, разбросанные по всей службѣ: преподобный Кириллъ или Константинъ; преславный Кириллъ; Кириллъ святый; Кириллъ блаженный, премудрый; умудръся Богомъ блажене явился еси философъ; Кириллъ славный учитель; славный Кириллъ; святый отецъ нашъ Кириллъ философъ; учитель словенска языка. Между тѣмъ служба св. Методію не перестаетъ величать его: святитель истый настольникъ апостола славнаго Андроника, архіерей по чину аароню, великій пастырь Словѣнскому и т. п.

Постоянно и неуклонно вторять такимъ показаніямъ современники и службъ церковныхъ и святыцъ или календари, прилагаемые къ рукописнымъ Евангеліямъ, миѳамъ, прологамъ, трюдамъ. Церковно-славянская письменность оставила намъ не мало подобныхъ памятниковъ отъ глубокой старины; нѣкоторые изъ нихъ принадлежать XI столѣтію, когда и память о славянскихъ первоучителяхъ была свѣжѣ, и свидѣтельствъ письменныхъ было больше, да когда и самыя свидѣтельства восходили ко времени, слѣдовавшему непосредственно за смертю солунцевъ. Ежели примемъ теперь въ соображеніе

ніе, что святцы никогда не чуждались главнейшихъ подробностейъ определенія чистаго церковнаго славаго, что въ нихъ, за весьма рѣдкими исключеніями, всегда обозначается званіе его, тѣмъ болѣе, когда это званіе относится къ церковной іерархіи, то едва ли не въ полномъ правѣ мы заключать, что отсутствіе указаній въ подобныхъ свидѣтельствахъ на епископство св. Кирилла служить рѣшительнымъ доказательствомъ несуществованія его въ дѣйствительности. И здесь точно также, на раду съ упоминаніемъ просто о святости или о монашествѣ Кирилла, читаемъ объ архіепископствѣ Меодія.

Такъ въ Остромировомъ Евангеліи, подъ 14-мъ февраля, находимъ: приѣбънаго отца нашего Константина, нареченаго въ чрьльчество именемъ Курила; въ Евангеліи Ватиканскомъ, принадлежащемъ несомнѣнно къ древнѣйшему времени, хотя, быть можетъ, и позже XI столѣтія, подъ 6-мъ апрѣля, помѣщены рядомъ оба солунца въ такомъ видѣ: пам'яту оспеніи прѣподобнаго отца нашего Меодія архіпа вышнія Моравы, брата прѣподобнаго Курила философа. Въ миѳеахъ XII—XIII вв., по своду академика Срезневскаго въ „Древнемъ русскомъ календарѣ по иѣслѣчнымъ миѳеахъ“, упоминается подъ 14-мъ февраля только: пам'яту ст҃го Курила; подъ тѣмъ же числомъ того же мѣсяца въ охридской книжѣ апостольскихъ чтеній XII вѣка: память Курилоу оучителю Словѣнскому азїку; о Меодіи же, тамъ же подъ 6-мъ апрѣля: почти блажени юцъ нашъ Меодіе, архіпъ Моравескъ, оучитель словѣнскому азыку¹). Въ тріоди В. Г. Грингоровича, XII—XIII в., въ службѣ сиропустной субботы приведенъ канонъ отцемъ съ воспоминаніемъ о славянскихъ просвѣтителяхъ: похвалами да вѣчѣться Курилъ философъ... съ братомъ Меодіемъ²).

И вообще древніе памятники церковно-славянской письменности, какой бы ни было редакція, при всякомъ упоминаніи о св. Кириллѣ. относятся къ нему не иначе, какъ съ тѣми же воззваніями, какія встрѣтили мы въ вышеприведенныхъ свидѣтельствахъ: о епископствѣ, сколько до сихъ поръ извѣстно, нѣть и малѣйшаго намека, и не только въ XI—XII вѣкахъ, но даже и въ XIII, отчасти и въ XIV. Еще въ рукописи 1348 года читается такое оглавленіе одного творенія, приписанаго св. Кириллу: „написаніе о правѣ вѣрѣ изученіе Константиномъ блаженнымъ философомъ, учителемъ о Богѣ

¹⁾ Срезневскій, Памятн. юсового письма, стр. 90, 94.

²⁾ Тамъ же, стр. 117.

славенскому языку¹⁾), или въ прологѣ первой половины XIV столѣтія, въ краткомъ житіи Меодія: „ты блажены оубо и преподобны отець нашъ Меодіе, архіепископъ вышнюю Мораву, братъ супъ преподобнаго Кирилла философа, прваго учителя словенъскихъ книгъ²⁾). Ежели, послѣ всего сказаннаго, припомнить наложеніе послѣдніхъ дней жизни св. Кирилла по Паннонскому житію, въ которомъ такъ рѣшительно устранина всяка гїни о епископствѣ, и такъ опредѣленно выражено, что этотъ солунецъ лишь за немногіе дній до кончины принялъ только монашество, а съ нимъ и имя Кирилла; ежели снесемъ далѣе это показаніе съ словами Климентова бiографа, утверждающаго также, что Константина прругоюс тру єактої талестру тo той

*μεναχῶν σχῆμα ἐκάρφ
и на болѣе древнія і
скую легенду, которая
и Климентову бiогра
геннiанс habiztum
Lectiones ecclesi asti
monachicum habitum
когда, повторяемъ,
гдѣ же незыблемое основаніе, —*

матимъ внимание
. какъ на морав-
ионскому житію
Римѣ episcopatui
такъ-называемые
емъ, что Кирилль
clausit extremum;
, то спрашивается:
сторическое право

для послѣдующаго и современнаго потомства прiурочивать св. Кириллу санъ епископскій, при его жизни? Во всѣхъ древнѣйшихъ источникахъ такое право натолкнется непремѣнно на отпоръ, и притомъ самый рѣзкій и опредѣлительный. Но откуда же взялось такое прiуроченіе, на чей зиждется позднѣйшая мысль, доведенная до вѣры, что св. Кирилль умеръ епископомъ? Сколько знакомы намъ обстоятельства дѣла, полагаемъ, что поводъ къ сему на православномъ востокѣ служили весьма зыбкія основанія: позднѣйшия ошибки писцовъ и смѣщеніе лица.

Если не ошибаемся, то не впервые ли возвышень св. Кирилль въ не принадлежавшій ему санъ въ первой половинѣ XIV столѣтія, въ томъ сербскомъ прологѣ, изъ котораго мы только что сдѣлали выписку о наименованіи Кирилла по краткому житію Меодія. Изъ двухъ извѣстныхъ въ настоящее время списковъ этого пролога, одинъ, хранящійся въ Румянцевскомъ музѣ, описанъ Востоковымъ и относится къ XIII — XIV столѣтію; другой, Бѣлградскій, описанъ Срез-

¹⁾ Ioan. Ell. Болгар., стр. 88.

²⁾ Такъ же, стр. 90—91.

иевскимъ, съ обстоятельствомъ наложеніемъ находящихся въ немъ статей и съ положительнымъ выводомъ времени написанія пролога: времена относится къ промежутку между 1330 и 1336 годами¹). Въ оглавлѣніи статьи, подъ 25-мъ августа, по обоимъ спискамъ, читаемъ слѣдующее: „въ тіжь день память въ святыхъ поистинѣ прѣподобною соотьцою нашою и архиепископоу Моравьскою Константина, нарица именааго Кирила философа, и Методию брата іего учитель сѧща словенскому азыкоу“. Здѣсь св. Константинъ, паравнѣ съ Меѳодиемъ, выставленъ прямо архиепископомъ. Но степень довѣрія къ такому показанію не можетъ быть велика, воверхъ, потому, что званіе архиепископа не присыпалось никогда св. Кирилу не только на востокѣ, но и на западѣ, вовторыхъ — что текстъ самаго житія Меѳодія, передъ которымъ помѣщено выписанное заглавіе, весьма положительно отдаѣтъ архиепископа Меѳодія отъ его брата, кото-
раго, по древнему обычью, называетъ просто философомъ и первыи учителемъ словенскихъ книгъ. Ошибкѣ писца въ заглавіи могло не мало способствовать и самое построение фразы, въ которой замѣтно желаніе сократить ее по возможности, для чего оба лица въ соединеніи посредствомъ слова и. И мы вполнѣ согласны съ слѣдующимъ заключеніемъ по этому поводу О. М. Бодянскаго, что въ оглавлѣніи „просто, описка писца, или же, скорѣе, заглавіе сдѣлано кѣмъ то не по содержанію житія, но по памяти и понятію (позднѣйшему) о сихъ учителяхъ нашихъ“².

Что же касается до епископства, то имъ обязаны мы проложными позднѣйшимъ житіямъ XV—XVI столѣтій; новосоставленность въ нихъ этого званія для св. Кирилла объясняется очень наглядно введеніемъ какого-то загадочнаго города Канаона, Каона, Кайна, въ которомъ будто епископствовалъ Константинъ Философъ. Такъ какъ эти краткія житія обнаруживаютъ очень явственно свой источникъ въ такъ-называемыхъ пространныхъ Паннонскихъ житіяхъ, гдѣ нѣть и помину ни о епископствѣ, ни о Канаонѣ, и какъ только въ нихъ встрѣчается, да еще въ болѣе позднихъ хронографахъ, и другія дополненія въ жизни солунцевъ, очевидно заимствованныя изъ исторіи лицъ иного времени и иной страны, какъ напримѣръ, о чудесномъ убієніи Замбрія,—то сдава ли мы по въ правѣ порѣшить, что и въ настоящемъ случаѣ уклоненіе отъ первоначального источника произошло вслѣд-

¹) Сатдній о неизвѣст. и мало извѣст. памят., I, стр. 11—19.

²) О времени происхожденія слав. письменъ, 1855, стр. 75—76.

ствіе подобнаго же смѣшнія лицъ и времени. Какъ бы ни толковали мы название Капаона, кого бы мы ни считали за лицо, подъ видавиемъ котораго перенеслось епископство на Кирилла Солунскаго, видѣли ли бы мы въ первомъ Костенческій край на границѣ Македоніи, а во второмъ Сербскаго Кирилла Костенского или Костенческаго, по некоторымъ рукописямъ Костанскаго, Костансаго, прозваннаго также философомъ и также писавшаго обь азбукѣ славянской, какъ сопоставлять эти мѣста и лица покойный Бодинскій (тамъ же стр. 64) ¹⁾,—результатъ въ сущности не измѣняется, то-есть, что въ показаніи проложнаго житія находимъ мы позднѣйшее свидѣтельство, что источникъ этотъ несомнѣнно попорченный, что новыя пополненія въ пемъ, въ силу смѣшнія лицъ, событий и мѣстности, очевидны и изъ другихъ обстоятельствъ. Въ такихъ источникахъ, и св. Меѳодій Солунскій не разъ смѣшивается съ Меѳодіемъ Патарскимъ.

Причисленный однажды къ ряду епископовъ, св. Кириллъ тѣмъ скорѣе продолжалъ пользоваться этимъ званiemъ и впослѣдствіи, что менѣе спрашивались съ древнѣйшими источниками, что глубже затирались въ памяти подробности его дѣйствительной жизни, и что ярче выступала въ сознаніи одна общая черта его заслуги—обращеніе славянъ въ христіанство, изобрѣтеніе славянскаго письма и переводъ на славянскій языкъ Священнаго Писанія. Такъ съ епископствомъ, во второй половинѣ XVI вѣка, перешелъ онъ въ Четыре Минеи, сдѣлавшись важнѣйшимъ и непререкаемымъ источникомъ до новѣйшаго времени.

На чемъ же опираются тѣ, впрочемъ очень не многіе въ настоящее время, ученые, которые хотятъ видѣть св. Кирилла въ епископскомъ санѣ? Мы не имѣемъ, конечно, въ виду духовно-католическихъ писателей, ратующихъ въ пользу удержанія этого сана въ интересахъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ научною исторіею, ни съ древнею исторіей отношений Рима къ нашимъ первоучителямъ. Среди письменныхъ памятниковъ старины исключительной опорой для подобныхъ ученыхъ служитъ такъ-называемая итальян-

¹⁾ Или, что еще вѣрѣте, сбывали бы съ Кирилломъ, епископомъ Катанскимъ (на островѣ Сицилии), посвященный патріархомъ Фотиемъ, слѣдовательно, также IX вѣка, о чёмъ говорить профес. Порфирий Успенскій въ значительной своей статьѣ «О св. Кирилле просвѣтителя славянъ моравскихъ». (*Труды Киевск. душ. акад.*, 1877, № 10, стр. 88—92).

ская легенда, въ которой, между прочими, говорится, что въ Римѣ, при папѣ Адрианѣ II, consecraverunt Constantinum et Methodium in episcopos. Понятно, сила и значение такого показанія зависятъ отъ степени важности, первобытности и достовѣрности самой легенды. Не удивительно поэтому, что люди, домогающіеся доказать епископство св. Кирилла, употребляютъ всѣ усилия поставить какъ можно выше итальянскую легенду, возводя ее на степень первоисточниковъ и ставя на раду съ официальными документами. Подобное мнѣніе могло бы еще быть извинительно до открытия и разглѣданія Панионскихъ житій, но крайней мѣрѣ до 1865 года, когда покойный Викторовъ подвергъ тщательному сличенію итальянскую легенду съ послѣдними и опредѣлилъ ея зависимость отъ никъ (Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ). Черезъ двѣнадцать лѣтъ, также уже покойный учёный, А. Вороновъ, представилъ въ основательномъ своемъ трудѣ новые соображенія и заключенія, отнимающія всякое разумное право опредѣлить цѣнность итальянской легенды даже и на равнѣ съ моравской легендой, не признающею епископства за св. Кирилломъ. Подробно и точно доказала Вороновыи и невозможность отнесенія итальянской легенды къ трудамъ епископа Веллетрійского, Гаудерика, современника апостоловъ славянскихъ, которому приписывается она въ рукописяхъ сравнительно, впрочемъ, гораздо позднѣйшаго времени. До какой степени далека эта легенда отъ достовѣрного источника, нагляднымъ свидѣтельствомъ служить противорѣчіе себѣ самого того учёного, который такъ настойчиво отстаиваетъ древность и значение этой легенды. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, увлекшись ея ложнымъ показаніемъ, этотъ учёный утверждаетъ, что не одинъ Константина возведенъ въ санъ священника въ Византіи, но и братъ его Меѳодій, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія онъ заявляетъ: „Положительно известно, что Меѳодій во все времена пребыванія Константина въ Моравіи, не былъ еще восьмидесятъ въ пресвитеры“¹). Очевидно, авторъ забылъ, что эта положительность опирается исключительно на словахъ Панионского житія: „святы и Меѳодія (папа Адрианъ) на поповъство“, столь униженного имъ, сравнительно съ итальянской легендой. Надобно ли говорить о значеніи римскаго мартиологія и списка святыхъ ордена св. Василія (*Index sanctorum ordinis S. Basili*), которыхъ тотъ же учёный старается

¹) Бильбасовъ, Кириллъ и Меѳодій по документальнымъ источникамъ, I, 1868, стр. 4; II, 1871, стр. 19.

подкрѣпить справедливость показанія италіанской легенды о епископствѣ св. Кирилла? Но вѣдь оба свидѣтельства позднѣйшія, появившіяся не раньше XIV—XV в., когда солунскіе браты изъ отверженныхъ еретиковъ въ X—XII столѣтіяхъ на западѣ, наконецъ, подъ вліяніемъ политическихъ соображеній, причислены къ лику святыхъ. Уже въ такомъ случаѣ гораздо основательнѣе вѣрить путаницѣ и смѣщенію лицъ въ позднѣйшихъ нашихъ прологахъ и хронографахъ. И развѣ въ состояніи такія доказательства и соображенія умалить въ чёмъ-нибудь силу и вѣкость данныхъ, приведенныхъ выше противъ епископства св. Кирилла?

За отсутствіемъ письменныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ о епископствѣ св. Кирилла, въ послѣднія десятилѣтія защитники этого сана стали обращать особое вниманіе и придавать значеніе доказательности изображеніемъ св. солунцевъ въ римской церкви св. Клиmentа. Изображенія эти въ двухъ мѣстахъ: одно надъ входными дверями, гдѣ Кириллъ и Меѳодій представлены въ епископскомъ облаченіи восточной церкви и съ греческими посохами въ рукахъ; другое—въ подземной церкви, на недавно открытыхъ фрескахъ.

Но очевидно, первое не можетъ имѣть глубокой древности уже потому, что самыи храмы воздвигнуты только въ XII вѣкѣ; а какъ оба брата признаны западною церковью святыми лишь въ концѣ XIV столѣтія, то и епископское облаченіе св. Кирилла легко объясняется установившимся около этой эпохи признаніемъ за нимъ епископства. Уже другое и, какъ будто, болѣе прочное свидѣтельство предлагаетъ второе изображеніе, на фрескахъ, въ базиликѣ подъ церковью св. Клиmentа разрушенной и засыпанной въ послѣдніхъ годахъ XI вѣка. Въ шестидесятыхъ только годахъ пынѣшняго столѣтія открыты стѣны и колонны и на нихъ найдены фрески (Вороновъ, стр. 309—311, прим.). Здѣсь то и помѣщены изображенія, въ которыхъ усматриваются факты изъ жизни св. Кирилла и Меѳодія. Въ одномъ видны два когбнопреклоненные монаха предъ лицомъ благословляющаго по греческому образцу Спасителя; въ другомъ—какъ бы отпускъ сидящимъ на тронѣ Византійскимъ императоромъ святаго, съ nimбомъ надъ головою и съ надписью Сirill; въ третьемъ—крещеніе Меѳодіемъ славянина черезъ погружение; надъ Меѳодіемъ также nimбъ; наконецъ, въ четвертомъ—перенесеніе монголью изъ Ватикана въ церковь св. Клиmentа. Чокойный изображенъ съ nimбомъ и епископскимъ омофоромъ. Понятно, въ покойникохъ хотѣть видѣть св. Кирилла. По мнѣнію ученыхъ Дудака и Чель-

фельса, разсѣдовавшихъ фрески, послѣднія носить на себѣ слѣды глубокой древности, а форма и украшения омофора принадлежать X вѣку, паллій же папы, провожающаго покойника, по рисунку не позже первой половины XI вѣка.

Но, волервыхъ, при разсмотрѣніи всѣхъ изображеній видѣть непремѣнно въ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ солунскихъ братьевъ было бы очень смѣло, такъ какъ надпись опредѣляетъ лишь одно лицо, св. Кирилла. Но въ этомъ-то именно изображеніи никакого епископскаго атрибута и не имѣется; пелья не остановиться съ по-дозрѣніемъ и па странности самой надписи — Cirilli. Вовторыхъ, обиды надпись надъ послѣднюю картиной, гдѣ такой характеристическій атрибутъ имѣется, такова, что прямо противорѣчитъ пріуроченію св. Кирилла къ изображеному покойнику; она гласитъ такъ: *huc a Vaticano fertur p. p. Nicolao imnis divinis quod aromatibus sepelit*, тогда какъ папа Николай умеръ еще до прибытія св. Кирилла въ Римъ и погребалъ его преемникъ Николай, папа Адріанъ. Втретьихъ—что въ нашихъ глазахъ представляетъ особую важность,—какъ могли въ Римѣ въ X столѣтіи изображать святыми не только Кирилла, но даже и Меѳодія, когда еще въ годъ смерти послѣдняго папа Стефанъ VI, въ посланіи своемъ къ королю Святополку, поражаетъ его грознымъ осужденіемъ, а преемникъ Стефана VI, Иоаннъ X, въ посланіи конца первой четверти какъ разъ десятаго же вѣка, рѣшительно заявляетъ, что *Methodium in nullo volumine inter sacros auctores compreimus*; въ слѣдующемъ же столѣтіи, Меѳодій уже и прямо называется *haereticus*. Во всякомъ случаѣ, на подобныхъ основаніяхъ, не дающихъ права заходить дальше гаданій и предположеній, притомъ самыхъ туманныхъ, дѣлать заключенія вопреки множеству вскихъ и убѣдительныхъ доказательствъ письменности—и иными, и несправедливо, по крайней мѣрѣ намъ, православнымъ славянамъ. Поклонники и пропагандисты западнаго католичества, конечно, не побрезгаютъ и такими свидѣтельствами; во у нихъ есть свои цѣли и задачи чуждые, въ данномъ случаѣ, и строгой науки, и беспристрастной правды. Какія у нихъ цѣли и задачи, чѣмъ руководились они въ рѣшеніи вопроса о епископствѣ св. Кирилла, равно и о признаніи святости за св. братьями, къ какимъ способамъ прибегали они, да прибегаютъ и до сей минуты, чтобы затмѣнить ясный свѣтъ исторіи,—объ этомъ было говорено нами слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ (Кириллъ и Меѳодій, Харьковъ, 1863 г., стр. 566—576). Православные же славяне не въправѣ отвращаться

отъ прямыхъ и положительныхъ свидѣтельствъ, сбереженныхъ и исторіей, и преданіями своей церкви, идущими отъ древнѣйшаго времени, которая фактически удостовѣряютъ, что первоучитель Кириллъ скончался простымъ священникомъ и монахомъ, рѣшительно отказавшись отъ предложенного ему Римскимъ первосвященникомъ епископскаго сана. Приписывать ему послѣдній, значило бы поддерживать смутныя замыслы вонтелей католической церкви, устремленные и упорно проводимые издавна и до настоящихъ дней, съ обычнымъ коварствомъ, лестію и обманомъ, прямо противъ насть же и родной дорогой нашей церкви православной. Вотъ почему, было бы справедливо и требовательно и въ изображеніяхъ св. первоучителей славянскихъ, какія уже распространялись прежде, какія желательны и къ празднованію тысячелѣтія смерти св. Меѳодія, снять омофоръ съ св. Кирилла, неправильно и умышленно надѣтый на него западнымъ католицествомъ.

И. Лакреевскій.

НОВЫЙ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ ПАМЯТНИКЪ СЪ УПО- МИНАНИЕМЪ О СЛАВЯНСКИХЪ ПЕРВОУЧИТЕЛЯХЪ.

Въ одномъ, принадлежащемъ намъ рукописномъ южно-славянскомъ сборнике¹⁾, въ 8-ю долю листа, находится неизвѣстное доселе упоминаніе о св. Кириллѣ и Меѳодіи, а равно и о нѣкоторыхъ изъ ихъ сподвижниковъ и продолжателей начатаго ими дѣла, именно—о Климентѣ, Гораздѣ, Саввѣ и Наумѣ. Упоминаніе это небольшое, занимаетъ всего двѣнадцать съ половиною строкъ въ рукописи, но тѣмъ не менѣе, оно кажется намъ заслуживающимъ вниманія, какъ по нѣкоторымъ частнымъ указаніямъ и намекамъ, такъ и потому, что открываетъ совершенно новый фактъ въ исторіи чествованія памяти славянскихъ первоучителей.

Время паписанія нашего сборника можно опредѣлить довольно приблизительно: на вѣсковыхъ листахъ его имѣются позднѣйшия приписки, лѣтописныя записи, древнѣйшая изъ которыхъ сдѣлана 12-го юла 1614 года²⁾; это показываетъ, что наша рукопись сущес-

¹⁾ Краткое извѣстіе объ этомъ сборнике напечатано мною въ *Періодическомъ Спискѣ Болг. Книжевенаго Дружества*. Браила 1876, кн. XI—XII, 165, и въ нашей книжкѣ: „Южные Славяне и Византія въ Х в.“ Москва, 1876, 151.

²⁾ Въ ней говорится о завоеваніи рѣки Осма (праваго притока нижнаго Дуная) и говорится въ слѣдующихъ словахъ, которыя, безъ сомнѣнія, написаны очевидцемъ пріошедшаго и по свѣдѣнію съѣздали его: „въ лѣто 7122 (=1614) иѣца Юлии 12 днъ: да се знає, че прїиде Осмь, та стори зло“. Означенные тутъ годъ и число иѣсяца написаны въ записи буквами, которые мы для удобства переводимъ на арабскія цифры, чтѣ будемъ дѣлать и въ другихъ случаяхъ. Въ другой изъ древнѣйшихъ приписокъ, находящихся въ сборнике, говорится объ умерщваніи султана Османа въ 1622 году; она написана другимъ почеркомъ и, по видимому, тоже современникомъ отмѣченаго въ ней событія.

ствовала и была уже въ обращеніи около самаго начала XVII вѣка. Съ другой стороны, въ самомъ содѣржаніи этого сборника находятся такія данныя, которыя показываютъ, что онъ не могъ быть написанъ и даже составленъ раньше первой четверти XVI вѣка. Именно, онъ содѣржитъ въ себѣ, между прочимъ, семь поученій знаменитаго греческаго проповѣдника, солунскаго уроженца „Иподіакона Дамаскина Студита“, жившаго въ послѣдней четверти XV и въ первой половинѣ XVI вѣка¹⁾). Проповѣди иподіакона Дамаскина, пользовавшіяся въ свое время громадною популярностью между греками, впервые были напечатаны еще при жизни ихъ автора, именно въ 1528 году (въ Венеции). Есть указанія, что онъ немедленно сдѣлалась достояніемъ южно-славянской²⁾, а равно и русской письменности³⁾, и притомъ въ нѣсколькихъ переводахъ; но во всякомъ случаѣ эти переводы не могли, конечно, явиться раньше 1528 года. Въ виду указанныхъ данныхъ мы полагаемъ, что пашъ сборникъ составленъ или, по крайней мѣрѣ, написанъ около половины XVI вѣка, на что указываетъ и характеръ его почерка. Правописаніе рукописи — сербское съ весьма незначительной примѣсью болгаризмовъ (большаго юса и ера), не оставляющихъ, впрочемъ, сомній въ томъ, что писецъ имѣлъ передъ собою болгарскій оригиналъ.

Кромѣ семи поученій иподіакона Дамаскина, переведенныхъ въ XVI вѣкѣ, нашъ сборникъ содѣржитъ въ себѣ и нѣсколько такихъ памятниковъ, которые задолго до XVI вѣка существовали въ южно-славянской письменности. Въ числѣ этихъ болѣе древнихъ памятниковъ мы тутъ находимъ и болгарскій Синодикъ, составленный еще въ 1211 году; въ немъ-то и встрѣчается упоминаніе о первоучителяхъ славянскихъ. Для болѣе точнаго опредѣленія времени составленія этого упоминанія, а равно и для уясненія значенія его, какъ историческаго свидѣтельства, намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько

¹⁾ Объ иподіаконѣ Дамаскинѣ см. въ статьѣ Голубинскаго: „Очеркъ истории проеванія у Грековъ“: *Православное Обозрѣніе*. 1872, июль, стр. 41—42.

²⁾ Въ библіотекѣ Кіевской дух. академіи имѣется болгарская рукопись XVI вѣка, содержащая въ себѣ нѣсколько словъ Дамаскина. Рукопись эта подробно описана Ліменіцкимъ въ его статьѣ, помещенной въ *Трудахъ Кіеиск. дух. академіи* 1873, октябрь.

³⁾ На русскій языкъ слова Дамаскина переведены въ первой четверти XVII вѣка. Полный и, кажется, единственный списокъ этого русскаго перевода имѣется въ Хлудовскомъ собраніи рукописей. См. въ Описаніи этого собранія А. Поноса стр. 141—147. На послѣдней изъ этихъ страницъ опредѣляется и время перевода.

словъ какъ о происхожденіи болгарскаго Синодика, такъ и о дальнѣйшей его судьбѣ.

До сихъ поръ болгарскій Синодикъ былъ извѣстенъ лишь по одному списку (конца XIV вѣка), принадлежавшему прежде покойному С. Н. Палаузову, а нынѣ хранящемуся въ Софійской народной библіотекѣ. Весьма любопытныя выдержки изъ него обнародованы еще въ 1855 году Палаузовымъ¹⁾, а года два тому назадъ и профессоромъ Флоринскимъ²⁾. Эта списокъ, съ которымъ мы имѣли возможность ознакомиться ближе прошлымъ лѣтомъ въ Софіи, дошелъ до насъ въ крайне жалкомъ видѣ, на что было уже указано и названными учеными. Въ началѣ его, по нашимъ соображеніямъ, недостаетъ около десяти листовъ, недостаетъ и въ концѣ нѣсколькихъ страницъ; кромѣ того, и въ срединѣ, памятникъ изуродованъ во многихъ мѣстахъ какою-то рукою, съ здѣсь умѣломъ, по видимому, вырвавшю и уничтожившею многія страницы, которая содержали въ себѣ любопытныя указанія на древнюю политическую и духовную самостоятельность болгарскаго народа. Вслѣдствіе того по Палаузовскому списку не возможно было составить себѣ сколько-нибудь ясное представление, какъ о цѣломъ составѣ Синодика, такъ и объ отношеніи къ нему обнародованныхъ изъ него любопытныхъ выдержекъ³⁾. Списокъ, который находится въ нашемъ сборникѣ и который на два столѣтія почти моложе Палаузовскаго, сохранился нѣсколько лучше послѣд资料. Въ немъ тоже недостатокъ, особенно въ концѣ, нѣсколькихъ листовъ, также намѣренно, по видимому, выр-

¹⁾ См. въ *Временикъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древн. Россійскихъ*, чи. 21. 1855, статью „Синодикъ царя Бориса“. Кое-какія извлечения изъ Палаузовскаго списка обнародованы въ классическомъ труда Григоровича: „Очеркъ путешествія по Европейской Турціи“ (3-е изданіе, Москва, 1877, стр. 160—161), а также *Православномъ Обозрѣніи* 1873, іюль, 160—163).

²⁾ Въ его статьѣ: „Къ вопросу о Богомилахъ“, помещенной въ „Сборнике статей по славяновѣдѣнію“, под. учеными В. И. Ламанского. С.-Пб. 1863, стр. 33—40.

³⁾ Вслѣдствіе крайней испорченности своего списка Палаузовъ, напримѣръ, не могъ понять, какимъ образомъ могла попасть въ Синодикъ драгоценное сказаніе объ обновленіи Терновскаго патріаршества и вѣкоторыя другія обнародованные имъ извлечения изъ этого памятника. Онъ полагалъ, что „все это“ было прибавлено переписчикомъ его списка. См. выше названную его статью въ *Временикъ*, стр. 2. Нашъ списокъ устраиваетъ всѣхъ подобные сомнѣнія относительно органической связи всего съ болгарскимъ Синодикомъ.

ланыхъ, но за то многія изъ недостающихъ въ Палаузовскомъ спискѣ мѣстъ тутъ на лицо и даютъ возможность не только составить себѣ понятіе о цѣломъ составѣ памятника, но и уяснить литературную исторію послѣдняго.

Въ наимѣнь спикѣ памятникъ этотъ носитъ слѣдующее заглавіе, писанное вязью и красными чернилами (киноварью): Синодїкъ про читаємъ въ прѣдѣ поста, еже естъ въстановленно ѿ богоносныхъ щій нашихъ.

Уже это заглавіе, утерянное въ Палаузовскомъ спискѣ вмѣстѣ съ начальными страницами, указываетъ па то, что болгарскій Синодїкъ составленъ сть церковно-практическою цѣлью. На это, впрочемъ, и въ самомъ текстѣ Синодика паходится болѣе опредѣленное указа ніе, которое будеть приведено ниже, на своемъ мѣстѣ.

Въ основу нашего Синодика положенъ греческій Синодїкъ, но не первоначальнай редакції послѣдняго, составленной въ 842 году по рѣшенію состоявшагося тогда собора противъ иконоборческой ереси ¹⁾), а одна изъ позднѣйшихъ редакцій, та именно, которая употреблялась Греческою церковью около конца XII вѣка и въ которой первоначальный греческій текстъ былъ дополненъ новыми анаематствованіями и словословіями, послѣдовательно внесенными въ него въ теченіе IX, X, XI, XII вѣковъ ²⁾). Переведши, съ весьма незначительными сокращеніями, этотъ дополненный греческій текстъ и положивъ его въ основу своего труда, составители болгарскаго Синодика внесли въ послѣдній слѣдующія добавленія:

1) Анаематствованіе Богомилу и всѣмъ пареченнымъ апостоламъ богомильства; при этомъ сдѣланы ко-какія указанія на времена происхожденія знаменитой ереси, указанія, обличающія заимствованія изъ извѣстнаго обличительного слова Козмы Пресвитера (X вѣка).

2) Иаложеніе главнѣйшихъ пунктовъ богомильскаго вѣроученія съ анаематствованіемъ каждого изъ нихъ въ отдельности? ³⁾ При соста-

¹⁾ Никольскою: Анаематствованіе, совершающееся въ первую неделю великаго поста. Историческое наслѣдование о чистѣ Православія. С.-Пб., 1879, стр. 20.

²⁾ Это видно, между прочимъ, изъ того, что въ нашемъ спискѣ Синодика въ словословіи Греческимъ царемъ перечень послѣднихъ доведенъ до Исаака Ангела (1186—1195 гг.) и его брата Алексія III (1195—1203 гг.).

³⁾ Оба эти добавленія, означенныя нами подъ №№ 1, 2, издамъ по Палаузовскому списку профессоромъ Флоринскимъ въ вышенназванной его статьѣ. Они читаются совершенно такъ, дословно, и въ нашемъ спискѣ, который тутъ сохра-

вленії этой статьи редакторы ея, по нашему мнѣнію, пользовались какъ вышенназваннымъ словомъ Козьмы Пресвитера, такъ и Панопліемъ Евсентія Зигабена (XII вѣка).

3) Прославленіе памяти всѣхъ христіанскихъ государей первого Болгарскаго царства, начиная съ Бориса, „иже български родъ къ богоразумію светымъ кръщениемъ приведшому“, и кончая Владиславомъ, по смерти котораго (1018 г.) Болгарія лишилась своей политической самостоятельности и подчинилась Византіи на цѣлыхъ 168 лѣтъ до 1186 года ¹⁾). Списокъ царей древняго Болгарскаго царства составленъ вообще правильно согласно съ дошедшими до нась достовѣрѣйшими историческими свидѣтельствами. Въ этомъ спискѣ мы находимъ только одно имя (Плѣніміръ), которое не встрѣчается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ теперь памятниковъ, и которое составители синодика, по видимому, заимствовали изъ какого-нибудь не дошедшаго до нась источника ²⁾.

4) Непосредственно послѣ словъ славословія „древнимъ Болгарскимъ царямъ“ въ нашемъ спискѣ слѣдуетъ славословіе Кириллу Философу, архіепископу Мессодію, епископу Клименту, Савѣ, Горааду и Науму съ указаніемъ на ихъ главныя заслуги. Это-то и есть то упоминаніе

ищет гораздо лучшее Палагузовскаго и даетъ возможность исправить одну неточность, нѣправшуюся въ статью г. Флоринскаго (стр. 37, 39). Неточность эта заключается въ причислѣніи къ учителямъ богочильскімъ и Константина Болгарскаго, бывшаго митрополита Керкирскаго. Въ нашемъ спискѣ анаематствованіе Константина Болгарскому и его учению отдѣлено отъ анаематствованія богочильскимъ ученикамъ четырьмя страницами, на которыхъ помѣщены не относящіеся къ богочильскому анаематствованію. Мало того, къ нашемъ спискѣ сохранился и отрывокъ ученика Константина Болгарскаго, не оставляющій никакого сомнінія въ томъ, что этотъ еретикъ есть тотъ самыи Константина Болгарскій, который былъ осужденъ Константинопольскимъ соборомъ 1166 года, и анаематствованію которому тогда же еще внесено въ греческій синодикъ. Инициалъ, тамъ же, 140.

¹⁾ Означенное тутъ добавленіе (3-е), какъ и слѣдующее (4-е), въ разно и начало 5-го, не находится въ Палагузовскомъ спискѣ, въ которомъ вся эта часть вырвана.

²⁾ См. въ нашей книжкѣ «Южные Славяне и Византія», стр. 151. Въ этой книжкѣ мы, обличая имя—Плѣніміръ съ именемъ короля Предиміра или Предимира, который, по словамъ Дуклянской лѣтописи, царствовалъ где-то на югѣ въ X вѣкѣ, высказали предположеніе, что оно должно быть попало въ болгарскій Синодикъ изъ народныхъ преданій.. Но теперь, познакомившись ближе съ лите-ратурными пріемами составителей Синодика, мы думаемъ, что они взяли это имя (Плѣніміръ) изъ какого-нибудь не дошедшаго до нась книжного источника.

о славянскихъ первоучителяхъ, которое составляетъ предметъ нашей настоящей статьи, и которое нами будетъ подробно разсмотрѣно далѣе. Здѣсь мы ограничиваемъ лишь указаніемъ на мѣсто, занимаемое имъ въ ряду болгарскихъ добавленій къ греческому Синодику.

5) Всѣдѣ за прославленіемъ памяти нашихъ первоучителей слѣдуетъ славословіе первымъ четыремъ царамъ втораго Болгарскаго царства, именно: „Іоанну Асѣнну царю Бѣлгуню, свободѣшому отъ работы грѣческихъ бѣлгарскій роды; Феодору пареченному Петру брату его и царю; Калояну цару брату его, иже многи побѣды показавшому на Грыки же и Фруги“, и сестричицу тѣхъ (то-есть, сыну ихъ сестры) Борису царю¹⁾). Славословіе послѣднему особенно важно въ историко-литературномъ отношеніи: оно сопровождается краткими, но весьма любопытными для настѣн разказомъ²⁾ объ услугахъ, оказанныхъ царемъ Борисомъ православной церкви. Услуги эти заключались въ созваніи въ 1211 г. большаго церковнаго собора въ Терновѣ противъ учителей богоизбрѣтства, которые въ это время, „може иѣнѣ вѣлици тѣжци нещедро расхищау христово стадо“. На этомъ соборѣ, о которомъ тутъ сообщены любопытныя подробности, и составленъ бытъ нашъ синодикъ, который повелѣніемъ цара Бориса, въписанъ быстъ въ православныхъ съборы „ко да прочитается въ прѣвѣ недѣла стыхъ вост“. Къ прославленію цара Бориса прибавлено и славословіе всѣмъ архіереймъ, епископамъ, священникамъ и „всѣмъ болѣромъ бѣлгарскимъ съшедшимиса съ царемъ Борисомъ на трѣкатжа сїж ересь и виложившими тѣ“ (по Палаузовск. списку).

Этимъ, безъ сомнѣнія, и заканчивалась первоначальная редакція болгарскаго Синодика, который, подобно тому какъ и греческій³⁾, съ теченіемъ времени послѣдовательно дополнялся внесеніемъ въ него новыхъ славословій и, быть можетъ, анаѳематствованій. Дополненія

¹⁾ Рядъ царей и тутъ изложенъ согласно съ достовѣрѣшими источниками. Борисъ, которого современные ему писатели называютъ и Борисомъ (Burgas), царствовалъ съ 1207 по 1218 г.

²⁾ Разказъ изданъ Палаузовскимъ (Временинъ, тамъ же стр. 7, 8), но безъ начала, вырванного вмѣстѣ съ предшествовавшими ему листами, на которыхъ находилось славословіе царя первого Болгарскаго царства, третимъ предшественникомъ Бориса и Терновскомъ престолѣ, и надо полагать, славянскими первоучителями. Въ нашемъ спискѣ, къ счастью, начало этого разказа уцѣльно, уцѣльна и большая часть его середины, дословно сходная съ Палаузовскою, но за то недостаетъ окончания, уничтоженного вмѣстѣ съ пѣсколькими листами, следовавшими за нимъ.

³⁾ Николаевск., тамъ же 21.

эти, дѣлавшійся, очевидно, по распоряженію высшей духовной власти (Терновскихъ патріарховъ), продолжались до самого завоеванія Болгаріи турками, то-есть, до конца XIV вѣка, когда, выѣстъ съ паденіемъ втораго Болгарскаго царства, распалось и Терновское патріаршество. За это время, то-есть, съ 1211 года и до конца XIV вѣка, послѣдовательно, одно за другимъ, внесены были славословія всѣмъ слѣдовавшимъ послѣ Борила Терновскому царю до Иоанна Шишмана (послѣднаго) включительно, царинамъ, патріархамъ, нѣкоторымъ императорамъ и прочимъ лицамъ, оказавшимъ какія-нибудь особыя услуги церкви или кропъ свою „проливши по православій кѣрв христіанствъ“. При славословіяхъ царямъ, въ царствованіе которыхъ происходили какія-нибудь крупныя церковныя события, послѣднія излагались съ большою или меньшою подробностію, подобно тому, какъ сдѣлано и въ первоначальной части болгарскаго Синодика при славословіи Борилу, какъ сдѣлано и въ греческомъ Синодикѣ при славословіи царицѣ Феодорѣ, гдѣ разказана исторія созданія ею собора (842 г.) для возвстановленія иконопочитанія. Вотъ чѣмъ объясняется существование въ болгарскомъ Синодикѣ такихъ историческихъ замѣтокъ и разказовъ, которые казались странными нѣкоторымъ изслѣдователямъ. Эти разказы тоже читались въ церкви во время совершенія чина Православія и читались „на увѣданіе послушающимъ и въ память болгарскому роду“. Такъ, передъ славословіемъ Иоанну Асєнью II (1218—1241 гг.), преемнику Борила, изложенъ довольно подробный разказъ¹⁾ объ обновленіи иль патріаршества Болгарскаго царства (1235 г.). Въ славословіи ближайшему предшественнику царя Георгія Тертера изложенъ былъ, по видимому, тоже довольно подробный разказъ, отъ которого въ нашемъ спискѣ сохранился лишь небольшой отрывокъ, въ четыре строки²⁾. Въ славословіи Иоанну

¹⁾ Этотъ драгоценный разказъ хорошо сохранился въ спискѣ Палauзова, который и обнародованъ въ *Временника*, тамъ же стр. 9—11. Въ нашемъ спискѣ онъ вырывать вмѣстѣ съ окончаніемъ разказа о Борилѣ и созваніемъ иль Терновскому собору.

²⁾ Въ Палauзовскомъ спискѣ это мѣсто уничтожено, какъ уничтожены и все славословія царямъ, слѣдовавшимъ послѣ Константина Тѣха (1258—1278 гг.), но въ немъ сохранился довольно хорошо списокъ царицѣ и патріарховъ Терновскихъ, списокъ, доведенный до послѣднаго Терновскаго патріарха, Евениїи, и до послѣдней царицы, супруги Иоанна Шишмана, чтó указывается на приск., когда прекратилось дополненіе болгарскаго Синодика и его церковно-практическое употребленіе. Въ нашемъ спискѣ листы, содержащіе въ себѣ списокъ патріарховъ и царицъ,

Александру (1331—1365 гг.) рассказана история состоявшихся при немъ двухъ соборовъ (1350 и 1355 гг.) противъ смущавшихъ тогда покой Болгарской церкви еретиковъ. Къ сожалѣнію, въ нашемъ спискѣ сохранилось лишь начало этого раза, отъ которого въ спискѣ Палаузовскомъ не осталось никакого слѣда. Раза, по видимому, содержалъ въ себѣ любопытныя подробности объ этихъ соборахъ, о которыхъ мы знаемъ лишь то, что сообщается о нихъ въ житіи Феодосія Терновскаго¹). Очень можетъ быть, что за этимъ разомъ и слово словомъ Иоанну Александру слѣдовали анаематствованія еретическимъ ученикамъ, осужденнымъ называемыми соборами.

Кромѣ указанныхъ тутъ позднѣйшихъ добавленій къ первопачальному тексту болгарского Синодика, въ послѣдній внесены были и нѣкоторыя изъ тѣхъ добавленій, которыми были дополнены греческій Синодикъ въ XIV вѣкѣ. Такъ, въ нашемъ спискѣ имѣется анаематствованіе Геронтию, известному послѣдователю Варлаама и Акиядина, который, вмѣстѣ съ этими послѣдними, былъ осужденъ Константинопольскимъ соборомъ 1351 года²).

Всѣ находящіяся въ позднѣйшей части болгарского Синодика добавленія, касающіяся болгарской истории, сдѣланы разновременно и, безъ сомнѣнія, современниками упоминаемыхъ въ нихъ лицъ и событий. Только одно изъ этихъ позднѣйшихъ дополненій, по видимому, почерпнуто изъ очень древнихъ, не дошедшіхъ до настѣнъ источниковъ: это—славословіе древнимъ преславскімъ патріархамъ: Леонтию, Димитрию, Сергію, Григорію, славословіе, которое предислоило ряду славословій Терновскихъ патріарховъ. О преславскихъ патріархахъ, свидѣтельствовавшихъ еще въ X вѣкѣ до окончанія русско-византійской войны (971 года), по видимому, всномили во время учрежденія втораго Болгарскаго (Терновскаго) патріаршества, въ 1235 году и тогда же внесли ихъ въ Синодикъ. Имена ихъ не встрѣчаются ни въ одномъ изъ другихъ дошедшихъ до настѣнъ памятниковъ, хотя фактъ

вырваны, за то уцѣлѣвъ въ Палаузовскомъ спискѣ перечень всѣхъ почти Терновскихъ царей, за исключеніемъ послѣдняго изъ нихъ, Иоанна Шишмана.

¹⁾ Житіе это издано въ Членіяхъ Общ. Ист. и Древн. Рос. при Московскомъ Университетѣ 1860, кн. 1.

²⁾ Никольскій, 145, 153.

³⁾ Отъ этого списка Преславскихъ и Терновскихъ патріарховъ изданъ Палаузовъ, тамъ же, стр. 14.

существованія въ Х вѣкѣ Преславскаго патріаршества и патріарховъ подтверждается достовѣрными свидѣтельствами¹⁾.

Къ изложеннымъ замѣткамъ о содержаніи, о способѣ составленія и вообще о судьбѣ болгарскаго Синодика считаемъ нужнымъ прибавить еще слѣдующее. Всѣ добавленія къ нему въ XIII и XIV вѣкахъ болгарскій славословія, не исключая и славословія древнімъ Преславскимъ патріархамъ, прибавлялись къ концу первоначального текста, который составленъ въ 1211 году, и въ которомъ находится интересующее настъ славословіе славянскимъ первоучителемъ. Далѣе, изученіе нашего списка сравнительно съ спискомъ Шадаузова уѣдило насъ въ томъ, что, кроме тѣхъ болгарскихъ добавленій, которыми дополнено было въ Болгаріи разновременно греческій текстъ, и которыхъ были слѣданы по распоряженію духовныхъ болгарскихъ властей (соборовъ, патріарховъ), въ болгарскомъ Синодикѣ нѣть и не было другихъ какихъ-нибудь вставокъ, слѣданныхъ какими-нибудь частными лицами, позднѣйшими переписчиками этого памятника. Переписчики, очевидно, переписывали Синодикъ, какъ церковно-богослужебную книгу, и воздерживались отъ собственныхъ вставокъ въ нее. Но недосмотру они часто искали текстъ описками, процусками словъ, фразъ, иногда даже и цѣлыхъ страницъ, по такимъ искашеніямъ — весьма обычное явленіе въ южно-славянскихъ рукописныхъ памятникахъ, не исключая даже книгъ Нового Завѣта, Евангелія и Апостола. Извѣстны жалобы нѣкоторыхъ сербскихъ и болгарскихъ писателей XIV и XVI вѣковъ²⁾ на полное развращеніе и растѣніе Божественнаго Писания невѣжественными и небрежными писцами.

Изъ разсмотрѣнной нами литературной исторіи болгарскаго Синодика можно заключить: а) что встрѣчающееся въ немъ славословіе славянскимъ первоучителемъ составлено еще въ 1211 году; б) что составители его (тѣ же самыя, по видимому, лица, которые по порученію Терновскаго собора составили всю первоначальную часть болгарскаго Синодика) и тутъ заботились объ источникахъ, какъ и при составленіи другихъ, слѣданныхъ ими добавленій къ греческому тексту;

¹⁾ Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и пр. Москва 1871, стр. 37, 48, 49 и пр.

²⁾ Напримѣръ, въ сочиненіи Константина Философа Костенческаго „о правописаніи“ (Starine I, 1—43) и въ записѣ сербскаго Евангелія XIV вѣка. См. библіографическая замѣтка г. Смрку въ Ж. М. Н. № 1885 г. январь, стр. 203. Припомнить и дѣятельность патріарха Евѳимія по исправленію церковныхъ книгъ.

в) что какъ весь Синодикъ вообще, такъ въ частности и находящееся въ немъ славословіе нашимъ первоучителямъ, не подвергались какимъ-нибудь существеннымъ искаженіямъ въ текстѣ, особенно вставкамъ со стороны позднѣйшихъ писцовъ.

Эти выводы подтверждаются, какъ сейчастъ увидимъ, и самимъ содержаніемъ занимающаго нась славословія, которое изложено въ слѣдующихъ словахъ:

Курна⁸ филоф⁸, іже Божествное писаніе ѿ греческаго езыка на болгарскии прѣложиешомъ и просгѣцївшомъ болгарскіи роѣ, новомъ дрѹгомъ апостолѣ, въ цѣстко Михаїла и Феѡдоры пра-кослѣбіе царице матерє его, іже Божествію цркви єгыми ико-нами 8красивишии и пра-словліе овѣтърднѣшии, бѣчна паметъ.

Медицю братѣю его архїепископу Морады панонские яко и тобѣ много погрѣждышасе о слоѣцкии книгахъ вѣчна мѣ паметъ¹⁾.

Климент⁸ оученикъ его епископу болнику и 8ченникомъ его²⁾. Сакѣ, и Горазд⁸, и Наумъ яко много и тѣмъ потрѣждышасе о словенскии книгахъ вѣчна имъ паметъ.

Рассматривая характеръ содержащихся въ славословіи указаній, мы видимъ, что на нихъ не отразились ни единою чертою тѣ сказания о славянскихъ первоучителяхъ, которые начали появляться на югѣ не раньше первой четверти XIII вѣка и получили широкое развитіе въ позднѣйшій южно-славянской письменности. Такъ, мы не находимъ тутъ никакого намека на то, что Климентъ будто бы былъ викарнымъ епископомъ Меѳодія въ Лихнидонѣ (Охридѣ), откуда управлялъ церковными дѣлами всего Болгарского государства, что онъ будто бы обратилъ въ христіанскую вѣру Болгарского государя и т. п., то-есть, на тѣ явно тенденціозныя извѣстія, которыхъ

¹⁾ Весьма возможно, что въ этихъ двухъ извѣстіяхъ сначала находилась форма двойственного числа (сю) которая вносила въ славословіе замѣнена какимъ-нибудь писцомъ формою единственного числа (сю). Такое смѣщеніе этихъ формъ, въ пользу единственного числа, нерѣдко встречается въ позднѣйшихъ копіяхъ (XV и XVI вѣковъ) съ более древнихъ памятникахъ.

встрѣчаются впервые въ краткомъ греческомъ житіи Клиmentа или въ такъ-называемой Охридской легендѣ¹⁾, составленной въ первой половинѣ XIII вѣка²⁾.

Въ нашемъ славословіи вѣтъ также никакого намека и на тѣ сказанія, которые были вызваны сдѣланнымъ Охридской церковью³⁾, установлениемъ чествовать особими церковными торжествами свв. Кирилла и Меѳодія совмѣстно съ пятью изъ ихъ главныхъ сподвижниковъ, именно съ Климентомъ, Гораздомъ (Эразмомъ), Саввою (Лаурентіемъ), Наумомъ и Ангеларіемъ, подъ именемъ святыхъ седмичисленниковъ. Мало того, славословіе совсѣмъ умалчиваетъ объ одному изъ святыхъ седмичисленниковъ, именно объ Ангеларіѣ. Сдѣланъ ли этотъ пропускъ какимъ-нибудь переписчикомъ нашего памятника, или составителями послѣдняго (чтѣ намъ кажется правдоподобнѣе), здѣсь это для насъ разносильно: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ пропускъ имени Ангеларії прямо указываетъ на составленіе нашего памятника до возникновенія особаго чествованія седмичисленниковъ, какъ одной нераздѣльной семерицы, чествованія, получившаго широкое распространеніе на югѣ и тѣмъ сдѣлавшаго тамъ св. Ангеларію необходимымъ членомъ сватой седмичисленной дружини, что ни одинъ южно-славянскій книжникъ, ни одинъ писецъ не могъ уже умолчатъ о немъ или опустить его имя при переп-

¹⁾ См. §§ 6, 7, 11, 12, этого житія. Мы пользуемся чешскимъ переводомъ послѣдняго, сдѣланнаго при содѣйствії Шафарика, Григоровича въ изданный въ Часописѣ Чешскаго Музея 1817 г. V, 516—521.

²⁾ Древнѣйший списокъ этого греческаго житія, по мнѣнію Григоровича отыскавшаго его въ Охридѣ, относится къ XIII вѣку, но Миклошичъ находилъ основаніе относить его къ болѣе позднему времени, къ началу XIV вѣка. Какъ бы то ни было, но самое составленіе краткаго житія Клиmentа, авторъ которого пользовался пространнѣмъ житіемъ и, какъ намъ кажется, Дюканѣевымъ каталогомъ (XII вѣка), не могло быть раньше первой четверти XIII вѣка. См. статью Викторова: „Послѣднее житіе Шафарика о глаголицѣ⁴⁾ въ Лѣтописяхъ русской литературы“ изд. Тихонрапова, II, Москва, 1859, 105 и слѣд. Справ.: и Воронова: Кириллъ и Меѳодій. Кіевъ, 1877, стр. 142.

³⁾ Что установленіе, о которомъ тутъ рѣчь, сдѣлано охридскимъ греческимъ клиромъ, на это указываетъ то обстоятельство, что въ Охридской области главнымъ образомъ встречаются преданія о седмичисленникахъ, а равно и то, что вѣтъ почти письменныхъ сказаній о послѣднихъ пошли изъ греческихъ источниковъ. Греческими даскалами (учителями живописи), по свидѣтельству іеромонаха Паисія, писаны и вѣтъ видѣнныи послѣднимъ многочисленныи иконы и стѣнныи изображенія седмичисленниковъ.

числени осталыхъ седмичисленниковъ¹⁾). Греческая служба святымъ седмичисленникамъ (ἀχολοῦθια τῶν ἀγίων ἑπταριθμῶν), изданная въ 1740—1742 годахъ²⁾, около того же времени, по видимому, и составлена, но самое установление особаго празднества въ честь седмичисленниковъ (17-го юля) сдѣлано гораздо раньше. Въ этомъ не оставляетъ сомнѣнія то, что еще около XV вѣка въ Болгаріи существовали церкви во имя святыхъ седмопочетныхъ³⁾, существовали также да и до сихъ поръ существуютъ и доныне древніе иконы и стѣнныя изображенія святыхъ седмичисленниковъ. Одно такое изображеніе, сдѣланное не позже 1711 года, Григоровичъ видѣлъ въ монастырѣ св. Наума (на юго-восточной оконечности Охридскаго озера). Тутъ, по словамъ Григоровича⁴⁾, кромѣ св. Наума, изображеннаго въ монашеской одеждѣ, все остальные свв. седмичисленники изображены въ архіерейскихъ облаченіяхъ. Болгарскій іеромонахъ Наисій, много странствовавшій въ первой половинѣ прошлаго столѣтія по Болгаріи и по аеонскимъ монастырямъ для собирания историческаго матеріала, сообщаетъ въ своей болгарской исторіи писанной имъ въ 1762 году, что онъ во многихъ мѣстахъ находилъ такія иконы и стѣнныя изображенія, и что въ какиѣ-то старыхъ греческихъ отченикахъ встрѣчалъ разныя сказанія о седмичисленникахъ⁵⁾. Но во всякомъ

¹⁾ Намъ известно несколько рукописей прошлаго столѣтія, упоминающихъ о св. седмичисленникахъ, но ни въ одной изъ нихъ не пропущено ни одно изъ семи имёнъ. Въ такъ-называемомъ Успеніи св. Кирилла пропущено, правда, имя седмичисленника Клиmenta, но за то удержанъ его титулъ — епископъ изъ Лукіи. Послѣднія два странныхъ слова Вороновъ несумнѣнно основательно объясняютъ простую ошибкою писца, сдѣлавшаго эти два слова изъ имени *Велики*, которымъ иные памятники дѣйствительно титулуютъ Клиmenta. *Вороновъ*, Кириллъ и Меодій, стр. 195, примѣч. 1.

²⁾ Всѣ особенно интересны для насъ мѣста изъ этой службы изданны съ переводомъ на русскій языкъ Гильбертикомъ въ *Русской Библіи*, кн. IV, 1859 года.

³⁾ Развалины одной церкви во имя „св. седмопочетныхъ“ находятся не далеко отъ татаръ Пазарджика, поодаль села Дебрици, у подошвы Родонскихъ горъ: *Захаріевъ*, Описание на Татаръ-Пазарджи. Каза, Вѣза, 1870, стр. 60, 27. Церковь, по видимому, разрушена въ XVI вѣкѣ, когда въ этой мѣстности были разрушены многіи церкви и монастыри. См. наши замѣтки въ *Періодъ. Синодикъ Бол. Кн. Дружества*. Срѣдацъ 1882, кн. III, 8, 1884, VII, 9.

⁴⁾ Григоровичъ, Очеркъ путешествій по Европѣ. Турція. Изд. 2-е, стр. 109.

⁵⁾ Мы тутъ пользуемся имѣющимъся у насъ синодикъ Наисіевской исторіи, писанной въ 1772 году. Въ этомъ-то мѣстѣ и говоритьъ Наисій, что „даскали греческихъ всѣ седмъ (седмичисленниковъ) заедно пишать на иконы и называть ихъ даскали словенскія“.

случай особое чествование седничесленикамъ никоимъ образомъ не могло быть установлено раньше половины XIII вѣка, какъ принято думать со времени появления известной статьи Шафарика: „Разг҃ѣть славянской письменности въ Болгаріи“¹⁾), хотя въ ней не приведены никакія доказательства въ пользу какой-нибудь особенно глубокой древности этого установления. По нашему мнѣнію, особое чествование седничесленикамъ возникло на почвѣ пространнаго и краткаго житій св. Клиmentа²⁾ и окончательно установлено нѣсколько позже появленія краткаго житія, какъ видно между прочимъ изъ того, что въ этомъ житіи, то-есть, въ краткомъ, при перечисленіи главныхъ учениковъ Кирилла и Меодія называны только четверо (§ 2), а о пятомъ (о Савѣ) вовсе не упоминается. Такого пропуска никогда не сдѣлалъ бы охридскій авторъ этого житія, если бы въ его время (въ первой половинѣ XIII вѣка) совмѣстное чествование Кирилла и Меодія съ пятью ихъ учениками было уже окончательно установлено и освящено Охридскою церковью. Далѣе намъ представится случай опять возвратиться къ св. седничесленикамъ и тамъ увидимъ, что составители нашего славословія, которые внесли въ послѣднее имя Савы, пропущенное въ краткомъ житіи Клиmentа, и выпустили имя Ангеларія, имѣли для этого нѣкоторыя основанія.

Въ нашемъ славословіи нѣтъ также никакого намека на извѣстіе объ епископствѣ св. Кирилла и Меодія въ Канаонѣ или въ Катаонѣ градѣ,—извѣстіе, впервые, кажется, появившееся въ весьма распространенныхъ проложныхъ житіяхъ, подъ 14-мъ февраля, и изъ нихъ уже занесенное и въ нѣкоторые мѣсяцесловы и молитвенники кіевской и московской печати³⁾). Извѣстіе это, также возникшее на славянскомъ югѣ вслѣдствіе извращенія и произвольного объясненія извѣстныхъ троцарей изъ древнихъ каноновъ Кириллу и Меодію, тоже не могло явиться раньше XIII вѣка⁴⁾.

Нѣтъ въ нашемъ памятнику никакого еще намека и на сказанія о поѣздкѣ Кирилла, по приглашенію Бориса, въ Болгарію, въ ея столичный городъ Терново, сказанія, которыхъ встрѣчаются въ от-

¹⁾ Статья эта, появившаяся въ Часописѣ Чешскаго музея за 1848 годъ, № 1, вскорѣ была переведена на русскій языкъ и обнародована въ Чешскаго Общ. Ист. и Древ. Росс. 1848, № 8.

²⁾ Ср. Воронова, Кириллъ и Меодій, 171.

³⁾ Бодлинскій, О времени происхожденія слав. письмен., 159.

⁴⁾ Горскій, О древнихъ канонахъ свв. Кирилла и Меодію въ Кирилло-Меодіевскомъ сборнике, 281; Вороновъ, Кириллъ и Меодій, 150—151.

крытой Гильфердингомъ болгарской лѣтописи, и которая появилась не раньше второй половины XIV вѣка и, по видамому, въ Терновѣ¹⁾.

Наконецъ, въ нашемъ славословіи нѣть также никакого намека и на тѣ сказанія о Кириллѣ, которые находятся въ такъ-называемой Солунской легенда, и которымъ нѣкоторые ученые придавали болѣе или менѣе важное значеніе (академикъ Кунинъ, профессоръ Вильбасовъ, преосвященный Порфирий и др.). Не смотря на нѣкоторую дѣйствительно соблазнительную на видъ архаичность Солунской легенды, мы осмѣливаемся думать, что она появилась никакъ не раньше XIV вѣка, быть можетъ, въ XVI и даже еще позднѣе. Къ такому извѣнію приводитъ настѣль, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ данныхъ²⁾, и слѣдующій фактъ. Въ имѣющемся у насъ рукописномъ болгарскомъ сказаніи о Сивиллѣ³⁾, въ предсказаніяхъ послѣдней о томъ, что будетъ съ разными народами, о болгарахъ между прочимъ говорится: „родъ словене, рекше бълагар... христіанство си вѣръ правва Богу прѣдаджт... . Всѣ эти слова до единаго мы находимъ и въ Солунской легенда: „языки словинские, се рекше Бълагар... православну вѣру и христіанство⁴⁾ Богу предадутъ“. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ тутъ словъ Солунской легенды находятся и въ „Разумнику“, изданнымъ профессоромъ Тихонравовымъ⁵⁾ по сербскому списку XV вѣка, но только нѣкоторыя, а не всѣ, какъ въ пророчествѣ Сивиллы о болгарахъ. Очевидно, что это пророчество, которое Солунская легенда совершенно не кстати влагаетъ въ уста Кирилла, занимство-

¹⁾ См. сообщеніе Гильфердинга въ «Празднованіи тысячелѣтія памятк св. Кирилла». Прага. 1869, стр. 40, 42.

²⁾ См. замѣчанія Рачкаса въ *Rad jugoslav. Academie* XV, 176, и Воронова, Кириллъ и Месодій, 229—237.

³⁾ См. въ Русскомъ Вѣстникѣ 1873, т. СІV, 601—602 (статья *Буслаева*) и въ *Луркасъ Мин. Нар. Просв.*, 1875, апрель, стр. 292—293; 1876, февраль 261—252 (статья *Веселовскаго*).

⁴⁾ Въ первыхъ изданіяхъ Солунской легенды тутъ стоять странное слово «Христито»: *Гласникъ Дружества Сербскe Словесности*, кн. VIII, 1856. Вильбасовъ, Кириллъ и Месодій II, 217—219; Вороновъ, 224 и пр. Эта книга ошибки, допущенные или первыми издателями памятника, или, быть можетъ, писцомъ единственной рукописи, по которой онъ издантъ, исправлена недавно г. Кочановскимъ, весьма основательно замѣнившимъ непонятное слово «Христито» словомъ «христіанство». См. его статью «О чудесахъ св. Димитрия Солунскаго въ Христіанск. Членіи 1883, № 1—2.

⁵⁾ Памятники отечественной русской литературы II, 140.

вано изъ сказаний о Сивиллѣ, гдѣ оно совершенно умѣстно, и гдѣ Сивилла изрекаетъ подобное же предсказаніе и обѣ элииахъ, „рекше“ грекахъ. А это сказаніе не могло явиться раньше половины XIII вѣка, такъ какъ въ немъ есть упоминаніе о татарахъ, упоминаніе, изложенное въ такихъ выраженіяхъ, которыя, быть можетъ, доказываютъ, что они написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ татарскихъ нашествий, коснувшихся Болгаріи около половины XIII вѣка¹). Достойно примѣчанія, что въ нашемъ сказаніи о Сивиллѣ встрѣчается упоминаніе и о Кириллѣ Философѣ, упомянаніе, пѣсколько своеобразное: оно находится въ пророчествѣ о саракинахъ (сарадинахъ), гдѣ между прочимъ сказано: „и выстанеть царь, иша емоу Львъ, отца Кирила Философа. Въ тыи дни выстанть тржове и гладь хорамъ и градовомъ“ и пр. Въ Солунской легендѣ, какъ извѣстно, вовсе не говорится обѣ отцѣ Кирилла.

Съ нѣкоторыми изъ позднѣйшихъ сказаний о славянскихъ первоучителяхъ наше славословіе находится въ очень тѣсной связи, но эта связь, какъ увидимъ далѣе, объясняется тѣмъ, что такія сказанія возникли уже право на почвѣ нашего славословія, то-есть, что послѣднее послужило для нихъ источникомъ.

Не состоя въ малѣйшей зависимости, какъ отъ перечисленныхъ тутъ, такъ и отъ остальныхъ сказаний позднѣйшаго происхожденія, — мало того, находясь въ полномъ противорѣчіи съ этими позднѣйшими сказаніями, наше славословіе во всѣхъ своихъ частныхъ указаніяхъ и намекахъ обнаруживаетъ болѣе или менѣе яркія отраженія лишь съ памятниковъ, составленныхъ раньше начала XIII вѣка.

Нѣкоторыя указанія его, по видимому, обличаютъ заимствованіе изъ пространнаго греческаго житія Климентія, которое, по общепринятому мнѣнію, составлено не позже XII вѣка и отчасти по не дошедшемъ до насъ очень древнімъ славянскимъ источникамъ. Таковы именно указанія славословія па то, что славянскіе первоучители перевели Священное Писаніе съ греческаго на болгарскій языкъ, что славянскій языкъ — одво и то же, чтѣ и болгарскій, что, наконецъ, Меодій носилъ титулъ архиепископа Моравы Панонскіе. Всѣ эти указанія находимъ почти дословно, и въ пространномъ житіи Климентія²). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что указанный титулъ,

¹⁾ Яречекъ, Исторія болгаръ (чешское изданіе), 223, 225.

²⁾ См. §§ 2, 3, 4. Мы пользуемся юбилейнымъ изданіемъ Московскаго университета (Матеріалы для исторіи письменъ и проч.).

который наше славословіе даетъ Меродію, на сколько намъ известно, встрѣчается лишь¹⁾ въ этомъ житіи (Морѣво тѣс Пачоуїас) и въ такъ-называемомъ Дюканжіевомъ каталогѣ архіепископовъ, составленіе которого тоже относить къ XII вѣку. Но рядомъ съ такимъ поразительнымъ сходствомъ между нашимъ славословіемъ и пространнѣмъ житіемъ Клиmentа мы замѣчаемъ и пѣкоторое разногласіе между ними. Разногласіе это касается слѣдующихъ четырехъ пунктовъ, которые заслуживаютъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія:

1) Въ дѣлѣ изобрѣтенія славянскихъ письменъ и перевода Священнаго Писанія житіе Клиmentа предоставляетъ равную долю участія и заслугъ обоимъ болунскимъ братьямъ, славословіе же тутъ дѣлаетъ разницу между чими, считая Кирилла главнымъ виновникомъ и первоначинателемъ этого дѣла, согласно древнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ свидѣтельствамъ X вѣка, Іоанна Экзарха, черноризца Храбра, Панонскихъ житій и т. п.

2) Житіе Клиmentа, ставя изобрѣтеніе славянскихъ письменъ и переводъ Священнаго Писанія въ неосредственную связь съ крещеніемъ Болгарскаго князя Бориса, относить то и другое къ 6377 (=869) году. Годъ этотъ обозначенъ въ житіи не цифровыми буквами, полною прописью, чтò устраиваетъ всякое предположеніе какихъ-нибудь искаженій въ немъ со стороны переписчиковъ²⁾). „Славословіе“ же, судя по пѣкоторымъ памяткамъ его, строго отдаляющее фактъ крещенія Бориса отъ начала дѣятельности св. Кирилла на пользу просвѣщенія славянъ, относить переложеніе Божественнаго Писанія ко времени регентства Феодоры, продолжавшагося съ 842 по 856 г. Въ этомъ, случаѣ рѣзко отличающемся отъ пространнаго житія Клиmentа, наше славословіе соглашается съ черноризцемъ Храбромъ (X вѣка),

¹⁾ Въ другихъ памятникахъ онъ называется архіепископомъ Моравскимъ (Панонск. житіе, Охридскій апостоль и Типографское Евангелие XII в. и пр.), или архіепископъ Вышней Моравы (Календарь Ватиканскаго евангелия, Прологное житіе, подъ 25-е августа), или архіепископомъ Панонскимъ (Похвали. слово).

²⁾ Эта очевидная ошибка составителя пространнаго житія Клиmentа, появившая и въ начальную русскую лѣтопись, произошла отъ смѣшения факта крещенія болгаръ съ фактъ учрежденія первого болгарскаго архіепископства, чтò произошло на Константинопольскомъ соборѣ 869—870 года. Сравн. Бодянская, О времени происхожденія славянск. письменъ, 364—367. Къ извѣстнымъ свидѣтельствамъ обѣ учрежденія болгарскаго архіепископства именно во время Константинопольского собора въ настоящее время можно прибавить и весьма авторитетное свидѣтельство недавнѣго открытаго письма папы Ioanna VIII къ Хорватскому князю Домагою отъ 872 г. См. въ Starine, XIII, стр. 212.

указывающимъ на предпослѣдній годъ регентства Феодоры, именно на 855, какъ на годъ изобрѣтенія славянскихъ письменъ. Не лѣшнимъ считаемъ привести здѣсь это мѣсто изъ сказанія черноризца Храбра по древнѣйшему изъ дошедшіхъ до насъ списковъ, 1348 года¹): „стыи Константииъ Философъ, нар҃цаемыи Кариль, тъи начъ писмена створи и книги прѣложи, и Месодие братъ его..... въ врѣмена Михаила цѣпъ Грѣческа, и Бориса кназа бѣлгарска, и Растица кназа моравска, и Коцелѣ кназа блатинска. въ лѣто же отъ създания всѣго мира 6363“ (= 855). По всей вѣроятности, для разсматриваемаго нами здѣсь указанія нашего славословія источникомъ послужило не какое-нибудь другое, не дошедшее до насъ древнѣйшее извѣстіе, а сказаніе черноризца Храбра, хотя въ немъ первоначально и не упоминалось имя Феодоры, въ чёмъ не оставляютъ сомнѣнія всѣ дошедшія до насъ древнѣйшіе и исправнѣйшіе списки этого сказанія. Составители славословія весьма легко могли сообразить, что годъ Храброва сказанія падаетъ на время регентства Феодоры²), и рѣшились связать начало дѣятельности славянскихъ первоучителей и съ ея именемъ, указавъ при этомъ и на ея заслуги по возстановленію иконопочитанія. Прекраснымъ поводомъ къ этому могло послужить для нихъ то обстоятельство, что греческій Синодикъ, съ которымъ они имѣли дѣло (переводили его), составленъ именно во время соправительства Феодоры, имя которой неоднократно упоминается въ этомъ Синодикѣ, гдѣ разсказана вкратцѣ и исторія созванаго єю собора для возстановленія иконопочитанія.

Мимоходомъ замѣтимъ, что такимъ образомъ всего естественнѣе, по нашему мнѣнію, объясняется происхожденіе извѣстнаго усложненія Храбровой замѣтки о времени происхожденія славянскихъ письменъ, усложненія, заключающагося въ прибавленіи къ ней имени Феодоры, да еще и съ указаніемъ на заслуги ея для возстановленія православной вѣры и иконопочитанія. Съ этимъ, такъ сказать, нараторомъ Храброва замѣтка является во многихъ поиздѣнѣшихъ памят-

¹⁾ Такъ оно читается и въ другихъ древнѣйшихъ спискахъ: *Бодянскій*, О кременіи происходженія слав. письменъ, стр. 343; *Шафоришъ*, *Pamětky dřeva*, писемп. jihoslovjanstv. Okazky, IV, 92.

³⁾ Въ справочныхъ хронологическихъ пособіяхъ, какъ и въ умѣніи пользоваться ими, не могло быть недостатка у писателей, которымъ Терновскій соборъ поручалъ составленіе болгарскаго Синодика. Такія книги, какъ известно, были доступны тогда и менѣе виднымъ книжникамъ.

никахъ, каковы: нѣкоторые списки сербской хѣтописи¹⁾ и русскаго хронографа, нѣкоторыя русскія передѣлки Храброва сказанія²⁾, и наконецъ, нѣкоторые списки послѣднаго, относящіеся къ XVI и XVII вѣкамъ³⁾, когда въ занимающую нась здѣсь замѣтку начали вносить, не совсѣмъ кстати, и имя патріарха Фотія, да еще и Рюрика. Всѣ эти памятники по данному вопросу находятся, по видимому, частію въ прямой, непосредственной, частію же въ косвенной зависимости отъ нашего памятника, какъ увидимъ ниже.

3) Третій пунктъ, по которому наше славословіе расходится съ пространніемъ житіемъ Клиmentа, заключается въ титулѣ послѣдняго (св. Клиmentа): Славословіе называетъ его епископомъ „Великіе Моравы“, въ житіи же онъ названъ епископомъ Валѣтѣасъ (§ 20, 23). Весьма возможно, что и въ этомъ пункктѣ наше славословіе ближе къ исторической истинѣ, чѣмъ показаніе пространнаго житія, показаніе, которое, по какому-то недоразумѣнію, считалось, да и до сихъ порь многими считается, самымъ древнимъ, самымъ правильнымъ. Въ настоящее время можно, кажется, съ полной увѣренностью утверждать, что св. Клиmentа никогда не называли ни Велицкимъ, какъ думалъ Шафарикъ⁴⁾ и другіе на основаніи словъ пространнаго житія, ни Вѣлицкимъ, какъ утверждаетъ профессоръ Голубинскій все на томъ же основаніи⁵⁾. Миѣлія эти совершенно опровергаются другими весьма достовѣрными свидѣтельствами XI и XII вѣковъ, дающими св. Клиmentу титулъ епископа Величского⁶⁾, или епископа Велики⁷⁾. По нашему мнѣнію, этотъ же, а не какой-нибудь иной, титулъ въ буквальной греческой передачѣ (επίσκοπος Βαλιτῆας) имѣется и въ пространномъ житіи, авторъ котораго, какъ

¹⁾ Бодянскій, О времени происходженія слав. письменъ, стр. 97, 342, 843.

²⁾ О нихъ будеть рѣчь ниже.

³⁾ Калабдоевичъ, Иоаннъ Экзархъ Болгарскій, стр. 192.

⁴⁾ Доводы въ пользу этого мнѣнія приведены Шафарикомъ въ его статьѣ «Раз本事ъ слав. писмы» и пр. 1848 г. (см. въ Собр. Соч. III, 174).

⁵⁾ Голубинскій, Краткій очеркъ и пр., стр. 63, 169.

⁶⁾ Въ Календарь Батиканскаго или Ассеманіева Евангелія (Сремскій, Свѣдѣнія въ Замѣтки XV) и въ «Слово хвалыно Ioannу Крестителю створено Климентомъ епископомъ Величскынъ». Это слово находится въ рукописи XIV вѣка, склонѣ однако стѣ болѣе древнаго извода, XII или даже XI вѣка. См. въ описаніи рукописей Худова, стр. 75.

⁷⁾ 'Επίσκοπος Βαλιτῆας въ Дюканіевомъ каталогѣ XII вѣка. Правопонимъ, что и въ такъ-называемомъ «Успеніи св. Кирилла» Климентъ названъ епископомъ «Велики».

извѣстно, пользовался славянскими источниками (въ послѣднихъ, по извѣстному свойству древне-славянского языка, могло стоять и епископъ Велицѣ, дательный падежъ привадлениости). По словамъ пространнаго житія, титулъ епископа Величскаго или епископа Велицѣ (отъ слова—Велика, а не Велица и не Бѣлица) данъ Клименту въ Болгаріи, гдѣ онъ будто бы только и возведенъ въ епископскій санъ¹). Это показаніе, которому придаются болѣе или менѣе важное значеніе, находится въ полномъ противорѣчіи съ весьма подробнымъ разказомъ того же самаго житія о томъ, какъ св. Климентъ вскорѣ послѣ прибытія въ Болгарію, еще до посвященія его въ епископы, былъ посланъ въ обширную болгарскую область Кутлиевицу, и какъ, трудясь надъ духовными просвѣщеніемъ и церковнымъ устройствомъ этой страны, „наставлялъ тамъ чтецовъ, иподіаконовъ, діаконовъ и пресвитеровъ"²). Цослѣднія слова пространнаго житія намекаютъ на то, что св. Климентъ явился въ Болгарію изъ Великой Моравіи уже въ санѣ епископа. На это прямо указываютъ другія извѣстія о Климентѣ. Каталогъ Дюканжа (XI вѣка) замѣчаетъ, что еще до прихода своего въ Болгарію Климентъ уже носить титулъ епископа Велики³). Охридская легенда идеть еще дальше, указывая, что Климентъ былъ возведенъ въ епископскій санъ еще при жизни Меодія и былъ викарнымъ епископомъ послѣдняго. Къ этому мы позволимъ себѣ прибавить, что въ нѣкоторыхъ папскихъ письмахъ имѣются кос-какія указанія на то, что у св. Меодія въ послѣдніе годы его дѣятельности въ Великой Моравіи были викарные епископы. Положительно извѣстно, что необходимость въ такихъ помощникахъ Меодій ощущалъ еще въ 880 году, когда былъ навязанъ ему въ суффраганты извѣстный кознодой Вихингъ. Въ письмѣ своемъ къ Святополку, написанномъ по поводу

1)—§ 20.

—55 17 ■ 18-N.

посвященія Вихинга въ епископы Нитранскіе ¹⁾), папа Іоаннъ VIII изъявляеть готовность посвятить въ викарные епископы для Моравіи и другое лицо, которое князь (Святополкъ) и архіеписконъ Меодій признаютъ достойными такого сана. Далѣе, въ этомъ же письмѣ Іоаннъ VIII говоритъ, что когда уже будутъ существовать въ Моравіи два викарныхъ епископа, посвященные имъ (папою), то въ сообществѣ съ ними архіеписконъ Меодій можетъ уже и самъ посвящать себѣ другихъ викарныхъ епископовъ. Безошибочно, кажется, можно видѣть въ этихъ словахъ папы Іоанна прямой отвѣтъ на занимавшій тогда Меодія вопросъ о викарныхъ епископахъ. Такой вопросъ естественно вызывался ежедневно возникавшими въ разныхъ концахъ новоучрежденного обширнаго Моравскаго архіеписконства нуждами, требовавшими архіерейскаго присутствія. Вихингъ оказался негоднымъ суффраганомъ, и Меодій былъ вынужденъ не только разорвать съ нимъ сношенія, но и произнести надъ нимъ проклятие ²⁾). Папа Іоаннъ VIII вскорѣ умеръ, въ 882 г. При преемникахъ его Мартинѣ и Адріанѣ III Меодій не только не спосился съ Римомъ, но и дѣйствовалъ противъ распоряженій и правилъ Римской церкви, въ чёмъ не оставляютъ теперь сомнѣнія письмо папы Стефана VI, писанное въ годъ смерти Меодія въ 885 году ³⁾), и новооткрытая инструкція этого папы ⁴⁾), написанная не много позднѣе (въ 887 году). А между тѣмъ въ это имѣнио время, благодаря успѣшной войнѣ Святополка съ Нѣмцами, предѣлы Великоморавскаго архіеписконства значительно разширились ⁵⁾), вслѣдствїе чего и необходиимость въ викарныхъ епископахъ, еще прежде сказывавшаяся, должна была сдѣлаться настоятельнѣе. Въ настоящее время, послѣ открытія вышеизданной инструкціи папы Стефана VI, можно считать уже окончательно подтвержденнымъ фактъ возведенія Меодіемъ

¹⁾ Письмо это издано въ прибавленіи къ сочиненію Гинце.ia: Geschichte der Slavenapostel. Wien 1861 (Codex, p. 61).

²⁾ Лазаревскій, Кириллъ и Меодій, 434—440, 460.

³⁾ Лазаревскій, тамъ же, стр. 460 и слѣд. Подлинность этого письма, которую некоторые отвергали, совершенно подтверждается новооткрытою инструкціею Стефана VI.

⁴⁾ См. въ сборнике Юго-Славянской академіи Starinae, XII, 220, 221.

⁵⁾ См. въ книгѣ Услескало: Первые славянскіе монархи на Сѣверо-западѣ. С.-Петербургъ. 1872, стр. 88 и слѣд.

Горазда въ архіерейскій санѣ¹⁾), что было сдѣлано во время перерыва сношеній Моравскаго архіепископа съ Римомъ (припомнить кстати, что къ этому именно времени, по свидѣтельству Паннонскаго житія, относится поѣзда Моеодія въ Константионополь). Весьма возможно, что, кромѣ Горазда, Моеодій въ это время посвятилъ себѣ и другаго викарнаго епископа въ лицѣ Климентя, лучшаго изъ своихъ учениковъ²⁾). При этомъ Клименту могъ быть данъ другой какой-либо титулъ (припомнить, что въ заглавіи пѣкоторыхъ сочиненій Клиmenta³⁾, послѣдній называется епископомъ Словенскимъ), а не титулъ епископа Великии Моравы. Послѣдній могъ упрочиться за Климентомъ и въ Болгаріи, гдѣ на него смотрѣли, какъ на епископа, прибывшаго изъ Великой Моравы и святительствовавшаго тамъ пѣкоторое время. Сложное название Великая или (по извѣстному пристрастію древне-болгарскаго языка къ безчленнымъ прилагательнымъ) Велика Морава впослѣдствіи весьма легко могло быть сокращено черезъ опущеніе существительного и, такимъ образомъ, явиться въ томъ упрощенномъ видѣ, въ какомъ находилъ его въ памятникахъ XI, XII и слѣдующихъ вѣковъ, памятникахъ, называемыхъ

¹⁾ См. пунктъ 14-й въ инструкції Стефана VI къ примѣчаніямъ Рачкаю къ этому пункту: *Starine*, XII, 221; срав. *Лаэртесію*, *Киріатъ* и *Моеодія*, 452—453.

²⁾ Здѣсь имѣетъ приходить на умъ слѣдующій фактъ изъ немногого подвидѣйшей церковной исторіи Моравскаго государства. Около 15-ти лѣтъ по смерти Моеодія молодой Великоморавскій князь Монміръ II, сынъ Святополка, задумавъ повестиюовать Великоморавское архіепископство, вступилъ въ сношенія по этому дѣлу съ папомъ Іоанномъ IX (898—900 гг.), который и не замедлилъ отправить въ Моравію трехъ легатовъ съ соответствующими полномочіями. Прибыть туда и ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ дѣла, легаты папскіе въ силу данныхъ имъ полномочій начали вужимать посвятить для Моравіи не только архіепископа, но еще и трехъ епископовъ. Все это извѣстно изъ знаменитаго протеста мѣщанинъ епископовъ, отъ 900 г. (см. въ приложеніи Гинцеля, р. 71, и въ *Regesta Bohemiae et Moraviae* Эрбена, р. 22—24). Весьма возможно, что посвященіе трехъ епископовъ для Моравіи, при восстановленіи архіепископства въ послѣдней (въ 900 г.), указывалось за то, что и прежде, во времена архіепископства Моеодія, существовало тамъ такое же число епископовъ.

³⁾ *Сретеніевский*, Древніе памятники русскаго письма и языка. С.-Петербургъ. 1883 г. I, 199, 201; Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Приложеніе къ IX тому Записокъ Академіи 1867, № 2, 55—60; *Викторовъ*, Славяно-русскія рукописи В. И. Ундольскаго. Москва. 1870, -59, 60 (общій очеркъ собранія); *Д. Поповъ*, Описаніе рукописей библіотеки А. И. Хлудова. Москва. 1872, стр. 75.

ицъ Клиmentа епископомъ Велики, Велицѣ, Величъскимъ. Случаевъ такого упрощенія сложныхъ названій весьма много въ славянскихъ языкахъ; укажемъ, для примѣра, на собственныхыи имена: Велика (название одного изъ верхнихъ притоковъ¹⁾ Вардара), Велика (весьма распространенное женское имя у южныхъ славянъ), Великая (рѣка въ Исковской губерніи), Нови (хорватская деревня, прежде городъ), Высока (деревня въ Македоніи), Бѣла (деревня недалеко отъ Рущука), Бѣлокаменная (Москва) и пр. — Прилагаемое нами тутъ объясненіе къ названію Велика, встрѣчающемся въ титулѣ Клиmentа, тѣмъ вѣroятнѣе, что мы запрасно стали бы искать такого географическаго термина въ тѣхъ болгарскихъ областяхъ, которымъ, по сказанію пространнаго житія, главнымъ образомъ была посвящена дѣятельность св. Клиmentа. Но крайней мѣрѣ, мы не встрѣчаемъ подобного названія въ имѣющихся у насъ весьма подробныхъ спискахъ населенныхъ мѣстъ этихъ областей, не встрѣчаемъ его и въ дошедшихъ до насъ весьма подробныхъ спискахъ болгарскихъ епархій и городовъ X вѣка²⁾.

Всѣ вышеуказанныя свидѣтельства и намеки источниковъ, равно какъ и основанныя на нихъ наши соображенія, дѣлаютъ весьма правдоподобнымъ и, въ такомъ случаѣ, чрезвычайно важнымъ указаніе нашего славословія на то, что св. Клиmentъ носилъ титулъ епископа Великихъ Моравы, указаніе, которое составители славословія, быть можетъ, заимствовали изъ весьма древняго, не дошедшаго до насъ источника³⁾. Но какъ бы то ни было, указаніе это, не встрѣ-

¹⁾ См. въ Болгарской Исторіи Иречка (чешск. изд.), стр. 33.

²⁾ См. въ сочиненіи Голубинскаго, Краткій Очеркъ и пр., стр. 259—263. Ср. и Період. Списканиіе Болг. Книжн. Друж. Браил. 1873, кн. 7—8, стр. 14—25.

³⁾ Предположеніе, что онк самъ или какой-нибудь позднѣйшіе переписчики додумались до названія Великой Моравы, стараясь объяснить ценошитное слово — Велика, становится весьма затруднительнымъ въ виду слѣдующаго обстоятельства. Весьма известное мынѣ название — Великихъ Моравы, Великоморавскій, обязано свою современною популярностью новѣйшимъ ученымъ, открывшимъ этотъ употреблявшійся въ X вѣкѣ, но потомъ пришедший въ полное забвеніе терминъ, въ одномъ сочиненіи Константина Багрянороднаго и рѣшившимъ воскресить его. См. въ Древностяхъ Шафарика (чешское изданіе въ Собраниі Сочиненій), т. II, стр. 511. Хотимъ сказать, что въ XIII вѣкѣ, когда было составлено славословіе, или въ XVI в., когда переписанъ дошедший до насъ его сапогъ, название Велика Морава было слишкомъ мало понятнымъ для того, чтобы какой-нибудь писецъ того времени задумалъ объяснить иное название Велика.

чающееся ни въ одномъ изъ известныхъ теперь памятниковъ, никакимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ того, что славословіе наше составлено позже 1211 года. А для главной цѣли настоящей нашей статьи этого совершенно достаточно.

4) Четвертый пунктъ разногласія между нами по славословію и пространнымъ житіемъ Клиmentа касается числа главныхъ учениковъ свв. Кирилла и Меѳодія вообще, и въ частности одного изъ нихъ, именно Ангеларія. Пространное житіе въ двухъ мѣстахъ упоминаетъ о главныхъ ученикахъ, называя въ обоихъ случаяхъ по пяти имѣнь, при чёмъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ одномъ случаѣ оно называетъ Горазда, Клиmentа, Наума, Ангеларія и Савву (§ 2), въ другомъ же (въ § 12) не называетъ уже имени Саввы, а вместо него приводить другое совсѣмъ иное—Лаврентій¹). Наше же славословіе называетъ только четырехъ главныхъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, именно: Клиmentа, Савву, Горазда и Наuma, а объ Ангеларіѣ оно совсѣмъ умалчиваетъ. Немнаго выше, говоря о времени установления совѣтскаго чествованія седмичисленникамъ, мы уже имѣли случай указать на то, что пропускъ Ангеларія въ славословіи свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что послѣднее составлено до появленія этого установленія, возникшаго, какъ мы уже говорили, на почвѣ пространного и краткаго житій Клиmentа. Здѣсь мы прибавимъ къ сказанному тамъ еще слѣдующее: Наше славословіе, какъ могъ замѣтить читатель, оцѣниваетъ дѣятельность свв. Кирилла, Меѳодія и ихъ учениковъ лишь съ одной стороны: оно прославляетъ ихъ исключительно за ихъ плодотворную дѣятельность на учено-литературномъ, такъ-сказать, поприщѣ. Этотъ характеръ нашего памятника придаетъ послѣднему особенную занимательность. Усвоивъ себѣ такую, быть можетъ, слишкомъ узкую точку зреінія, составители славословія не находили, по видимому, основаній для внесенія въ послѣднее и имени Ангеларія. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Ангеларій, судя по дошедшему до насть извѣстіямъ о немъ, врядъ ли могъ озna-меновать себя какими-нибудь особенно видными трудами на пользу славянской письменности. По словамъ пространного житія Клиmentа, въ которомъ только и имѣются кое-какія свѣдѣнія объ Ангеларіѣ, послѣдний скончался вскорѣ по прибытии въ Болгарію, не успѣвъ еще

¹) Не это ли обстоятельство подало поводъ автору краткаго житія, несомнѣнно пользовавшемуся пространнымъ житіемъ, совсѣмъ упустить имена—Савву и Лаврентій—п упоминать, такимъ образомъ, лишь о четырехъ ученикахъ?

отдохнуть въ домѣ болгарского боярина Часлава¹⁾ отъ тяжелаго пути, который, заставили его совершить, вмѣстѣ съ Климентомъ и Наумомъ; восторжествовавши въ Моравіи враги славянской письменности (§ 11, 15, 16). Принимая въ соображеніе это обстоятельство, можно думать, что составители нашего славословія при занесеніи въ послѣднее имѣль главныхъ учениковъ свв. Кирилла и Меѳодія,— учениковъ, особенно много потрудившихся „о словѣнскихъ книгахъ“, основывались на какихъ-то не дошедшихъ до насъ древнихъ извѣстіяхъ о нихъ,—извѣстіяхъ, болѣе надежныхъ, по видимому, чѣмъ сказанія пространнаго житія Клиmentа.

Вообще изъ разсмотрѣнія сходствъ и разногласій между показаніями нашего славословія и соотвѣтствующими показаніями пространнаго житія Клиmentа можно, кажется, вывести такое заключеніе: Не невозможно, что составители славословія пользовались пространніемъ житіемъ, но кромѣ этого памятника они, безъ сомнѣнія, имѣли подъ руками и другіе болѣе древніе и достоітельные источники. Эти послѣдніе давали имъ возможность критически относиться къ показаніямъ житія.

Сопоставляя разсмотрѣнныя пами свойства, характеризующія содержаніе нашего славословія, съ тѣми заключеніями, къ которымъ привела насъ литературная исторія болгарскаго Синодика, можно, кажется, съ полной увѣренностью утверждать, что славословіе это внесено въ Синодикъ въ 1211 году²⁾, и внесено по распоряженію Терновскаго собора, который, надобно замѣтить, былъ созванъ вскорѣ,

¹⁾ Въ русскомъ переводе юбилейнаго издания, которымъ мы пользуемся, бояринъ Чаславъ (Чаславъ) невѣрно названъ Изяславомъ (§ 16, стр. 21). Переводчику не было известно, по видимому, что имя Чаславъ или Чеславъ въ старину нерѣдко встречалось у южныхъ славянъ.

²⁾ Не лишнимъ считаемъ указать здѣсь и на то, что славословіе писано совершенно такимъ же церковно-славянскимъ языкомъ, какой мы находимъ и во всей первоначальной части болгарскаго Синодика, языкомъ, отличающимся иѣниторію архаичностію и правильностью грамматическихъ формъ, хотя послѣднія и передѣлами переписчикомъ нашего сборника сообразно сербской фонетикѣ. Поддающіеся въ славословіи не совсѣмъ древнія на видъ формы дательного падежа: *прѣложищему* и *просѹщищему* встречаются очень часто въ первоначальной части Синодика. Такіе формы нерѣдко встречаются и въ другихъ болгарскихъ памятникахъ, писанныхъ несомнѣнно въ первой половинѣ XIII вѣка, напримеръ, въ Болонской Псалтыри, писанной при Ioаннѣ Асѣї, непосредственномъ преемникѣ царя Борила, при которомъ составленъ нашъ памятникъ.

около 25-ти лѣтъ спустя, послѣ освобожденія болгаръ отъ византійскаго ига, и былъ, по видимому, первымъ болѣшимъ церковнымъ соборомъ во второмъ Болгарскомъ царствѣ.

Какъ весь составленный тогда Синодикъ, такъ и внесенное въ него тогда же славославіе славянскимъ первоучителемъ, предназначено было для чтенія въ церкви, при совершенніи чина православія, и въ теченіе двухъ почти столѣтій дѣйствительно читалось „по всѣмъ лѣта, на увѣдѣніе послушающимъ и во славу Богу Творцу“.

Здѣсь мы должны замѣтить, что рядомъ съ этой впопы установлена въ 1211 году Терновскимъ соборомъ формою церковнаго чествованія памяти славянскихъ первоучителей, въ Болгаріи продолжала существовать и установленная гораздо раньше, еще въ X вѣкѣ, обычная церковная форма чествованія ихъ особыми праздниками, особыми службами и похвалами¹⁾). Въ этомъ не оставляютъ никакого сомнѣнія открытые Григоровичемъ болгарскіе списки служб свв. Кириллу и Меѳодію, равно какъ и отдѣльныхъ тропарей, въ честь ихъ составленныхъ,—списки, относящіеся къ XII и XIII вѣкамъ²⁾). Это доказываетъ и проложное житіе св. Меѳодія, подъ

¹⁾ Къ извѣстнымъ уже даннымъ, доказывающимъ, что еще въ X вѣкѣ Кирилль уже чествовался Болгарскою церковью, какъ святой, чествовалася наравнѣ съ именитыми отцами церкви, мы можемъ прибавить еще и слѣдующее: Недавно нами открытъ новый списокъ (дословный) извѣстной статьи втораго Святославова Изборника (10—76), приравнивающей святаго Кирилла Философа къ Ioannу Златоустому и Василию Великому. Въ заглавіи этого списка, писанаго прочносаніемъ болгарскимъ, безъ малѣйшей пріимѣи русскімъ, замѣчено, что онъ списанъ съ Изборника. Эта краткая замѣтка, быть можетъ, свидѣтельствуетъ, что и съ Изборникомъ 1076 г. повторилась извѣстная судьба первого Святославова Изборника, то-есть, что и второй Изборникъ Святослава былъ составленъ въ Болгаріи и, быть можетъ, тоже для царя Симеона, во всякомъ случаѣ еще въ X вѣкѣ. Какъ бы то ни было, но открытый нами списокъ назнанной статьи не оставляє сомнѣнія въ томъ, что содержащееся въ послѣдней свидѣтельство о святомъ Кирилле Философѣ можетъ относиться и къ Болгаріи.

²⁾ Древніе-славянскій памятникъ, дополняющій житіе славянскихъ апостоловъ (въ Ученыхъ Запискахъ Казан. універ. за 1862 г.). Этотъ памятникъ, открытый Григоровичемъ въ Зографскомъ монастырѣ, вѣдѣтъ съ объясненіями ученаго издателя переизданъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ *Походина*, 237—270. Служба Константина (Кирилла) Философа дошла до насъ и въ другомъ болгарскомъ спискѣ, принадлежавшемъ Палаузову. См. Среднегорскую, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ (въ приложении къ IX т. Записокъ Ак. Наукъ № 6), стр. 66. Службы эти, по соображенію Воронова (Кириллъ и Меѳодій, 157, 158), составлены въ Болгаріи, быть можетъ, въ XI вѣкѣ.

25-го августа, которое составлено раньше XIII вѣка¹⁾), и въ заглавіи которого говорится: „И творить же (се) паметъ єю (Кирилла и Меѳодія) в Апрѣль мѣсце и велики Церкви праздноуетъ въ день паметъ єю“²⁾.

Изъ лицъ, признаваемыхъ православною церковью святыми и прославляемыхъ єю особыми церковными службами и праздниками, въ греческій Синодикѣ внесены для чествованія троекратнымъ проповѣданиемъ имъ вѣчной памяти, кроме Владычества особъ (правноапостольные Константинъ и Елена, св. Феодора, восстановительница православія и т. п.) лишь такие учителіе и забрала православія, каковы: свв. Андрей Критскій, Феодоръ Студитъ и т. п. Принимая въ соображеніе это обстоятельство, мы поймемъ, что решение Терновскаго собора примѣнить къ форму церковнаго чествованія къ славянскимъ первоучителямъ свидѣтельствуетъ объ особенномъ благоговѣйномъ отношеніи болгаръ того времени къ памяти и заслугамъ свв. Кирилла, Меѳодія и ихъ сподвижниковъ для славянскаго просвѣщенія.

Кромѣ главнаго своего значенія, касающагося истории чествованія славянскихъ первоучителей, нашъ памятникъ представляется намъ не менѣе любопытнымъ и по своимъ отношеніямъ къ нѣкоторымъ изъ дошедшаго до наст славянскимъ памятникамъ, содержащихъ въ себѣ какія-нибудь упоминанія или сказанія о нашихъ первоучителяхъ. Мы уже касались, хотя и мимоходомъ, этой стороны занимавшаго наст славословія. Здѣсь же считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ его къ нѣсколькимъ такимъ памятникамъ, которые обличаютъ особенно близкую родственную связь съ нимъ.

Прежде всего мы остановимся на извѣстномъ свидѣтельствѣ, которое открыто Бодянскимъ въ одной вратиславской (бреславской)

¹⁾ Нѣкоторые ученые (Бодянскій, Бахъбасовъ и др.) относятъ составленіе его къ X вѣку.

²⁾ По Хиландарскому (нынѣ Румицевскому) списку (XIII или начала XIV вѣка), издѣланому Калайдоеичемъ (Юанъ Экваръ Болгарскій, стр. 90). Почти дословно повторяются эти слова и въ остальныхъ, дошедшихъ до наст спискахъ: Лазаревскомъ (1330 г.), издѣланъ въ Гласнике Сербскѣхъ словесності XIV, 320, и Вѣлградскомъ (1340 г.), который открытъ и издѣланъ профессоромъ Ламанскимъ (О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Вѣлградѣ и пр. С.-Пб. 1864, 112). Лазаревскій списокъ и списокъ, издѣланный профессоромъ Ламанскимъ, написаны несомнѣнно въ Болгарѣ.

рукописи, к которому придавалось, да и до сихъ поръ придается важное значеніе, какъ „единственному дошедшему до насъ отъ древности свидѣтельству о томъ, на какой именно языкѣ переведено Кирилломъ и Меодіемъ Священное Писаніе“¹). Это свидѣтельство, встрѣчающееся въ памятниѣ, составленномъ въ 1357 г., и очевидно, по разныи источникамъ, говорить, что Кирилль и Меодій, прѣложиста вѣсе Божественное Писаніе греческихъ книгъ на славенскіи языки на болгарскии². Всѣ приведенные тутъ слова вратиславскаго памятника, за исключениемъ лишь одного слова—вѣсе, находятся и въ нашемъ славословіи, въ чёмъ легко можетъ убѣдиться читатель, внимавшій въ ту часть послѣдняго, въ которой говорится о Кирилль и Меодіи. Въ виду этого обстоятельства и принципа въ соображеніе то, что въ славословіи дѣло изложено чѣсколько подробнѣе и отчѣтлївѣе, мы позволяемъ себѣ думать, что оно-то и послужило источникомъ для занимающаго настъ свидѣтельства вратиславской рукописи.

Особенно близкое сходство находимъ мы между нашимъ славословіемъ и тѣми подробностями, которыми нѣкоторые списки краткой сербской лѣтописи сопровождаютъ свою хронологическую замѣтку о времени составленія славянскихъ письменъ („словесъ“). Названная замѣтка сербскихъ лѣтописей находится въ первой общепрѣсторической, такъ сказать, ихъ части, которая, по видимому, существовала, какъ особая статья, еще до начала собственно сербского лѣтописанія, начавшагося не раньше второй половины XIV вѣка³). По способу изложенія этой замѣтки изѣбѣстные намъ списки общепрѣсторической части сербскихъ лѣтописей можно раздѣлить на три разряда: 1) Въ нѣкоторыхъ спискахъ весьма кратко говорится о составленіи славянскихъ письменъ: „и лѣто 6360 (или, что правильнѣе, 6383=852) написане се паша словеса светыниъ Кириломъ Философомъ, учителемъ слоенецкии“⁴), и даже еще короче: „написане се словеса светыниъ

¹) Бодлянскій, О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковно-кириллический языкъ есть славяно-болгарскій — въ Журнале М. И. Просвѣти, 1843, № 6; его же: О времени происхожденія славянскихъ письменъ, стр. 79—80; Галахова, История русской словесности (1-о изд.), т. I, С.-Пб. 1863, стр. 33.

²) Яичъ, Ein Beitrag zur serbischen Annalistik въ Archiv für Slav. Philologie II, 1, 51, 61, особенно 68, 69; ер. Бодлянскій: О врем. пр. са. пис. 89.

³) По Габаровскому списку, изданию Григоровича въ его книжкѣ, О Сербіи и пр. Казакъ, 1859, стр. 47 (въ прибавліи), ер. и стр. 3. Такоже читається

Кириломъ⁴). По всей вѣроятности для этого разряда сербскихъ лѣтописей главнымъ и единственнымъ источникомъ послужило тутъ сказание черноризца Храбра, въ которомъ сотвореніе Кирилломъ Философомъ славянскихъ письменъ и преложеніе имъ книга отнесено къ 6363⁵) (=865) году. 2) Но кромѣ этихъ списковъ общей части сербскихъ лѣтописей, существуютъ и нѣсколько такихъ списковъ, въ которыхъ рассматриваемая нами здѣсь лѣтописная замѣтка сопровождается подробностями, весьма сходными съ пѣкоторыми указаніями нашего памятника. До какой степени доходитъ это сходство, не трудно замѣтить изъ сопоставленія слѣдующихъ мѣстъ:

Изъ нашео славословія:

Кирилу философу, иже Божествиное
Писаніе от Грычскаго езыка на Бѣл-
гардскы прѣложившому и просвѣщ-
шому Бѣлгардскій род новому другому
апостолу, въ царство Михаила и Феодо-
доры православніе царице матерे его,
иже Божественную церковь светыми ико-
нами украсившихъ и православіе утвер-
дившихъ и пр.

За исключепіемъ упоминанія о годѣ написанія нашихъ сло-
весь, заимствованаго, очевидно, изъ лѣтописей первого разряда или
же непосредственно изъ Храброва сказанія, вся остальная часть при-
веденной тутъ выписки изъ сербскихъ лѣтописей (втораго разряда)
почти цѣлкомъ воспроизводитъ соотвѣтствующую ей часть нашего
славословія. Не можетъ, кажется, быть никакого сомній въ томъ,

---

эта замѣтка и въ Хилендарскомъ спискѣ, изданномъ Ягичемъ въ вышеозначен-
ной статьѣ, ст. 102, съ тою лишь разницей, что въ немъ пропущено слово
«философомъ», да вместо слова «написше се», стоять «съставише се». Объ издани-
иомъ Ягичемъ спискѣ см. замѣтку Григоровича, тамъ же, стр. 3.

⁴⁾ Въ сводномъ спискѣ Шафарика: Раматѣкъ въ пр. стр. 66.

⁵⁾ Какимъ образомъ 6363 года Храбра въ большинствѣ списковъ сербской
лѣтописи передѣланъ въ 6360 (вследствіе весьма понятнаго пропуска буквы
—3), это объяснено Шафарикомъ; см. въ Собраниі его сочиненій (чешск.
т. II, 495, прим. 87). Противъ объясненія Шафарика ничего не могу сказать и
Бодянскій, хотя это объясненіе весьма невыгодно для его опроверженій показа-
нія Храбра о началѣ дѣятельности Кирилла на пользу славянского просвѣще-
нія. См. О времени происхожденія славянскихъ письменъ, стр. 347.

⁶⁾ Раматѣкъ, 67; см. и въ названной книжкѣ Григоровича: О Сербіи (тамъ
же), стр. 84, прим. 1.

*Изъ сербской лѣтописи, по свод-
ному тексту Шафарика⁷⁾.*

Написаніе се наша словеса своты-
ніемъ Кирилломъ Философомъ и очи-
тельемъ бѣлгарскаго езыка, при царі
Грычскомъ Михаиле и Феодори ма-
тери его, иже оутвѣрдиши изящнисе
светымъ иконамъ.

что послѣднее и послужило тутъ непосредственнымъ источникомъ для сербскихъ лѣтописцевъ. Въ пользу этого мнѣнія говорять между про- чимъ слѣдующія обстоятельства: а) Сравниваемыя тутъ памятниками изъ славословій пѣсколько полныѣ, и быть можетъ, точнѣе, чѣмъ въ лѣтописахъ. Такъ, напримѣръ, прославляя Кирилла за то, что онъ перевѣлъ Божественное Писаніе съ греческаго языка на болгарскій и просвѣтилъ болгарскій родъ, составители нашего славословія, быть можетъ, не понимали дѣла такъ конкретно, какимъ оно является въ сербской лѣтописи, называющей св. Кирилла учителемъ болгаръ. Къ тому же, занимающія насъ тутъ показанія изложены въ славословіи болѣе складными и болѣе древнимъ языками. б) Мысль о соединеніи начала славянскаго просвѣщенія и съ имѣнемъ Феодоры, не значущимся въ древнѣйшихъ спискахъ Храброва сказаній, которые только и могли быть извѣстными составителямъ сравниваемыхъ здѣсь памятниковъ, эта мысль, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, легко могла прийти на умъ составителямъ славословія. Для такой комбинаціи у нихъ была прямая побудительная причина, каковой не могло быть у сербскихъ лѣтописцевъ. Послѣднєе, какъ извѣстно, заботились исключительно лишь о томъ, чтобы подводить подъ хронологическія даты извѣстныхъ событий и происшествій, о которыхъ упоминали при этомъ съ поразительной сжатостію. в) Наконецъ, въ одномъ лѣтописномъ сербскомъ памятнике занимающія насъ здѣсь замѣтки о сотвореніи письменъ изложена пѣсколько иначе, хотя также содержать въ себѣ тѣ подробности, которыя находятся и въ вышеприведенной выпискѣ изъ лѣтописныхъ памятниковъ, отнесенныхъ нами къ второму разряду. Это — такъ называемый черногорскій или цетинскій памятникъ, въсасающій слѣдующее заглавіе: „Сказавіе въ кратцѣ сущимъ отъ Адама до днѣшнаго времени“. Рукопись, въ которой находится это сказаніе, принадлежала прежде Черногорскому владыке Петру Петровичу Нѣгошу I, ныпѣ же хранится въ библіотекѣ Новороссійскаго университета ¹⁾). „Сказалие въ кратцѣ“, какъ и другіе подобные ему сербскіе памятники, состоитъ изъ двухъ частей; въ первой, общесториической, заключается краткое исчисление замѣчательнѣйшихъ событий отъ сотворенія міра до 1348 или 1356 года, вторая же содержитъ

¹⁾ Бодинскій, О времени происхожденія славянскихъ письменъ, стр. 89, 90; Януш, Ein Beitrag zur serbisch. Annalistik, 76.

въ себѣ перечень фактovъ, касающихся исключительно внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній сербскаго народа за время отъ 1356 до 1560 года. Эта послѣдняя, вторая часть цетинскаго памятника, недавно обнародованная профессоромъ Ягичемъ¹⁾, представляетъ большое сходство съ собственными сербскими краткими лѣтописями. Что же касается первой, общей части, которая, къ сожалѣнію, остается и до сихъ поръ не изданною, то она, по видимому, нѣсколько разится отъ общей части другихъ сербскихъ лѣтописей. По словамъ Бодянскаго, виниателльно, по видимому, изучавшаго цетинское (черногорское) сказание, въ первой части послѣдняго мы имѣемъ „лѣтописецъ въ скорѣ Никифора, патріарха Цареградскаго, и его извѣстныхъ продолжателей“²⁾. Эти замѣчанія объ общей части цетинскаго памятника мы сочли нужнымъ сдѣлать потому, что они объясняютъ намъ своеобразную нѣсколько редакцію находящейся въ пей замѣтки о славянскихъ письменахъ. Она изложена тутъ въ слѣдующемъ видѣ: („Михаиль съ Феофиловъ съ матерью си Феодорою лѣтъ 25 и сл. Василіемъ Македономъ лѣто едно и мѣцъ 4). При сихъ обновисе православіе и икони ѳные въ церкви выставише се паки, и Благари христіаны быше и словеса словенскаа съставише ѡстымъ Кириломъ въ лѣтъ 6360. (Василіе Македонъ 19 лѣть)³⁾ и проч. ⁴⁾). Слова, которыя мы отмѣтили тутъ скобками, находились и въ томъ спискѣ „лѣтописца въ скорѣ“, или „историкіи въ кратцѣ“⁵⁾, который положенъ въ основу общей части цетинскаго памятника, то-есть, „Сказанія въ кратцѣ“. Вся же остальная часть приведенной тутъ выписки изъ этого сказания обнаруживаетъ ближайшее сродство съ приведенною нѣсколько выше изъ сербскихъ лѣтописныхъ памятниковъ (2-го разряда) замѣткою и, по видимому, тоже находится въ прямой или косвенной зависимости отъ нашего славословія.

По всейѣвѣроатности, въ какой-то связи съ рассматриваемою здѣсь замѣткой цетинскаго сказания находится и слѣдующая лѣтописная замѣтка, встрѣчающаяся въ нѣкоторыхъ русскихъ хронографахъ: „По

¹⁾ Тамъ же, стр. 92—102.

²⁾ Бодянскій, О времени и пр., примѣч. 86, на стр. LIV.

³⁾ Бодянскій, тамъ же, стр. 89, 90.

⁴⁾ О разныхъ глаголическихъ переводахъ и передѣлкахъ краткой лѣтописи патріарха Никифора и его продолжателей (Хроноографіа сѫщіорос) см. у Бодянскаго, тамъ же, стр. 116—132.

Феофилъ же царства Михаилъ сынь его с матерью съ Феодорою лѣтъ 4, а единъ 10 лѣтъ, а съ Василіемъ лѣтъ 1, и при семъ царствіи, во 2-е лѣто царства его крещена быст земля Болгарска, и преложиша книги отъ гречкаго языка на словенскіи языки, Кирилъ Философъ съ Меѳедемъ, а въ лѣтъ 6363, при Бориси князи Болгарь-стемъ¹).

Паміс славословіе, по всій вѣроятности, повідalo прямо или косвенно и па составленіе тѣхъ сказацій о дѣятельности Кирилла Философа, который встрѣчаются въ открытой Гильфердингомъ „болгарской лѣтописи“ прошлаго столѣтія²). Эта лѣтопись, въ которой мы находимъ ссылки на какое-то неизвѣстное сочиненіе Терновскаго патріарха Евсеймія (онъ жилъ во второй половинѣ XIV вѣка) и на какого-то терновскаго лѣтописца, говоря о крещеніи болгаръ, замѣчаетъ между прочимъ, что въ этомъ дѣлѣ принималъ непосредственное участіе св. Кирилъ Философъ, что онъ своею проповѣдью склонилъ Бориса и многихъ его воиновъ креститься, что по приглашенію новообращеннаго Бориса, прїѣзжалъ въ стольный городъ Терново (*sic*) и проч. Очевь можетъ быть, что поводомъ къ составленію этихъ позднѣйшихъ терновскихъ сказацій послужили слова нашего славословія о томъ, что Кирилъ своимъ переводомъ Божественнаго Писанія просвѣтилъ болгарскій родъ.

Въ зависимости отъ нашего памятника, по видимому, находятся и заключительныя слова краткаго житія св. Кирилла³), повторяющіяся, на сколько мы знаемъ, въ шести хронографныхъ русскихъ спискахъ этого житія: двухъ Ундовского, двухъ Румянцевскихъ⁴ и двухъ, принадлежавшихъ А. Н. Попову⁵). Всѣ эти списки заканчи-

1) См. Бодлинскаго, О времени происхожденія славянскихъ письменъ, стр. 96. Любопытно, что въ этомъ нѣсколько спутанномъ, по словамъ Бодлинскаго, извѣстіи русскихъ хронографовъ вѣрою сохраненъ 6363 (855) годъ Храброва сказація, который въ цетинскомъ памятнику, какъ и въ другихъ спискахъ древней части сербской лѣтописи, называется въ 6360.

2) См. въ вышепоказанной брошюре: Празднованіе тысячелѣтней памяти св. Кирилла, стр. 36—42, и въ *Період. Списания Бол. Кн. Друж. кн. IV*, Браяла 1871, стр. 24—24.

3) Это-то самое житіе, которое обыкновенно называютъ проложеннымъ, и въ которомъ, какъ мы уже указывали, говорится, что св. Кирилъ былъ епископомъ въ Катаонѣ градѣ.

4) Бодлинскій, О времени происхожденія славянскихъ письменъ, стр. 67, 68.

5) Одна изъ этихъ списковъ изданъ Поповымъ въ Изборникѣ славянскихъ и русск. статей внесенныхыхъ въ хронографы русской редакціи. Москва. 1869, стр. 137—138, примѣч. 1.

ваются следующими словами: „мы же словенскій и болгарскій языкъ да глаголемъ святому отцу нашему и учителю Кирилу Философу вѣчная память“. Весьма вѣроятно, что лицу, дополнившему такими словами краткое (проложное) житіе св. Кирилла, было известно наше славословіе святымъ славянскимъ первоучителямъ.

М. Дримонъ.

ОБНОВЛЕНИЕ ВОЛГАРСКАГО ПАТРИАРШЕСТВА ПРИ ЦАРЬ ЮАННѣ АСѢНѣ II ВЪ 1235 ГОДУ¹⁾.

V.

Осенью 1233 года Никейскій императоръ Иоаннъ Дука Вататци отправилъ свой флотъ подъ начальствомъ Андronика Палеолога въ Родосу, для дѣйствій противъ кесаря Льва Гавала, который, опираясь на свой союзъ съ Венецианцами острова Крита, стремился къ полной независимости и теперь открыто возмущался²⁾; самъ императоръ съ сухопутнымъ войскомъ расположился лагеремъ на Геллеспонтѣ близъ города Лампака, недалеко отвоеванного Греками у Франковъ. Императоръ латинскій Бріенъ, двуххѣтнія бездѣятельность которого въ Константинополѣ совсѣмъ не оправдывала возлагавшихся на него блестательныхъ надеждъ и восторженной ему встрѣчи, задумалъ, наконецъ, воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, заключавшимся въ удаленіи греческаго флота, самъ приплылъ къ Лампаку и высадился здѣсь на берегъ, такъ какъ Вататци, при недостаточности силъ не могъ помѣшать ему. Однако, дальнѣйшія дѣйствія экс-короля Іерусалимскаго опять не заключали въ себѣ ничего особенно блестящаго. Франкамъ нельзя было далеко отходить

¹⁾ Окончаніе. См. картовскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

²⁾ Въ апрѣлѣ 1234 года подписанъ былъ Гавалою договоръ съ Венецианцами (*Fontes rerum Austriacorum*) III, 319 и сл. Ср. *Heyd, Gesetze des Levanthandels I*, 339), скрѣпленный его союзомъ съ республикой, но непонимавшей и даже отирытого восстаніе въ отношеніи къ законному его посланцу, Греческому императору, могли обнаружиться и раньше того.

отъ кораблей, потому что Вататци наблюдалъ за ними и, не смотря на незначительность своихъ силъ, постоянно ихъ тревожилъ. Итальянцы шли приморскимъ берегомъ, императоръ следовалъ параллельно съ ними по горнымъ возвышеностямъ; около четырехъ мѣсяцевъ продолжалась такая довольно вялая кампания; латинамъ удалось овладѣть только однимъ болѣе значительнымъ пунктомъ, именно укрѣплениемъ Пигами¹). Зимою военныхъ дѣйствій, по обычаю, прекратились; корабли Бріенна воротились къ Золотому рогу. Какъ видно, не важный успѣхъ доставилъ на этотъ разъ и радости столько же, сколько онъ стоилъ; онъ не поднялъ упавшей энергіи и ревности въ союзникахъ и помощникахъ Бріенна; наемники, которымъ плохо уплачивалось жалованье по недостатку денежныхъ средствъ, а другіе говорили—но скучности правителя, большую частью разошлись по домамъ; корабли венеціанскіе, пизансkie и анконскіе или готовились уплыть во своимъ, или уже сдѣлали это. Все это имѣли возможность наблюдать четыре монаха, прибывши въ Царьградъ въ мартѣ 1234 года послѣ переговоровъ въ Никѣи о дѣлахъ уїві. Для нихъ было ясно крайне опасное положеніе столицы вслѣдствіе сближенія между греками и болгарами. Она была окружена врагами; по ихъ замѣчанію, Асѣнь, царь Болгарскій, угрожалъ ей съ сѣвера, Вататци—съ востока и юга, а Мануилъ Солунскій—съ запада²). Не смотря на то, что они вовсе не надѣялись чего-нибудь хорошаго отъ продолженія преній о квасномъ хлѣбѣ и объ исходеніи Св. Духа, почтенные фременурі (fratres mi-

¹⁾ Albrici Trium Fontium chron. Perts SS. XXIII, 933 (sub ann. 1233) Rex vero Johannes super Grecos terram acquirebat sed tepide, et quandam civitatem super eos occiprverat, que Gallice *Arispigula* (= sic Παγάς) appellatur. Что военныя дѣйствія, умѣльчившіяся этимъ успѣхомъ, относились къ осени, видно не только изъ того, что они разказываются у Альбріка въ самомъ концѣ 1233 года, но также изъ Акрополиты (pag. 50), у которого прямо говорится о наступлении зимы.

²⁾ Praeterea terra Constantinopolis quasi destituta fuit onni praesidio. Dominus Ioannes imperator pauper erat. Naves Venetorum, Pisaniorum, Anconitarum et aliarum nationum paratae fuerunt ad recedendum et quacdam vero iam recesserant. Considerantes ergo terram desolatam timuerimus periculum, quia in medio inimicorum terra illa sita est. Arsanus rex Bachtrorum ab Aquilone, Vatacius ab Oriente et meridie, Swannus (leg. Manuel) circumdat eam ob Occidente; et ideo proposuimus tractare de treughis inter imperatorem Constantinopolitanum et Vataciem usque ad annum. His causis impulsi redire ad terram Vataci fuit omnibus voluntas. Mansi, Concilia XXXII, 293, 294 (доказаніе доминиканцевъ Гуго и Петра и митрополита Эймона и Радульса).

логес, минориты, францисканцы) и доминиканцы согласились по желанию императора и бароновъ воротиться въ загородный дворецъ Вататци въ окрестностяхъ Нимфея (въ Лидіи), для того, чтобы предложить ему военное перемиріе на годъ и возобновить прерванную бесѣду о средствахъ примиренія между друими церквами. По видимому, перемиріе было принято, такъ какъ до весны 1235 года не слышно о какихъ-нибудь военныхъ предприятияхъ близъ Дарданелль.

Свободнымъ временемъ воспользовались враги Латинской имперіи для скрытия своего союза, для составленія общаго плана для своихъ дѣйствій. Именно къ 1234 году относятся переговоры о выдачѣ дочери Асѣна за мужъ за сына Иоанна Вататци, Феодора; византійскій историкъ Георгій Акрополита вѣрно отмѣчає хронологіческий моментъ, связанный для него съ личными воспоминаніями, но быть можетъ, онъ ошибается, приписывая починъ переговоровъ Никейскому императору, а не царю Болгарскому; въ этомъ отношеніи показаніе Григори, позднѣйшаго писателя, заслуживаетъ большаго довѣрія, такъ какъ оно подкрѣпляется свидѣтельствомъ съ латинской стороны и лучше соотвѣтствуетъ положенію дѣла. По словамъ Никифора Григори, иниціатива исходила отъ Иоанна Асѣна¹⁾). Вмѣстѣ съ брачнымъ договоромъ заключенъ былъ наступательный союзъ противъ франковъ, имѣвшій цѣлью полное уничтоженіе латинского господства, изгнаніе латинянъ изъ Цареграда и раздѣлъ икъ владѣній между союзниками; тотъ и другой договоръ были скрѣплены клятвою. Сверхъ того, въ это самое время былъ поднятъ вопросъ о признаніи самостоятельности Болгарской церкви, о возведеніи новоизбраннаго Терновскаго архиепископа въ санъ патріарха. Извѣстный славянскій сборникъ, содержащій въ себѣ синодикъ царя Бориса, заключаетъ также въ своеемъ составѣ краткое сказаніе объ этомъ обновленіи Болгарскаго патріаршества. По настоятельному требованію Иоанна Асѣна, Вататци препроводилъ слѣдующую грамоту къ патріарху Герману и вмѣстѣ съ тѣмъ къ прочимъ вселенскимъ патріархамъ: Афанасію Іерусалимскому, Симеону Антіохійскому и Николаю Александрийскому: „Самодержавное царство наше молитъ и убѣждаетъ

¹⁾ Niceph. Gregor. pag. 29—30. Marin. Sanuti Torselli: *Bongars, Gesta Del per Francos*, II, 73: Ex praemissis autem *Ezatorum Imperator* quam plerumque provocatus, filiam suam in conjugem dedit Imperatori Graecorum partium Orientis. Danduli Chron.: *Murator*. XII, 350: Imperator del Zagora Ioanni Vatacio, qui se in Acolino (?) colligeret, scribit, ut secum parentelam faciat et Latinos à parte Orientali invadat, et ipse idem faciat à parte occidua..

ваше святейшество не отказать намъ въ просьбѣ нашей — наружъ и даровать терновской церкви Вознесенія Христова, матери церквамъ Болгарского царства, равнаго вашей степени патріарха, утвердивъ это назначеніе вашимъ рукописаніемъ; поелику и самъ христолюбивый царь Болгарский, братъ нашего царскаго величества и сватъ, желаетъ, чтобы даръ сей былъ совершенъ съ вашего и моего согласія". Получивъ это посланіе, восточные патріархи согласились на требование Вататца, и каждый изъ нихъ отвѣчалъ утвердительно чрезъ посланныхъ къ нимъ отъ Никейскаго императора. Въ томъ же самомъ смыслѣ отвѣчали они и Герману патріарху. „Герману вселенскому патріарху радоватися! Мы получили посланную тобою намъ грамоту и даемъ наше рукописаніе во свидѣтельство нашей къ тебѣ любви. Въ силу первенствующей власти вашего святейшества, мы не должны противорѣчить дѣламъ и рѣшеніямъ вашимъ". Замѣтимъ отъ себя, что вѣть серьезнаго основанія заподозривать подлинность содержанія сообщаемыхъ документовъ, что если не форма, то сущность ихъ вполнѣ достовѣрна, и что во всякомъ случаѣ имена патріарховъ приведены совершенно вѣрно, а для позднѣйшаго изобрѣтателя это было бы дѣломъ крайне труднымъ по тогдашнимъ условіямъ. Имя Александрийскаго патріарха Николая нѣсколько разъ упоминается въ актахъ XIII столѣтія; къ данному моменту всего ближе подходитъ тотъ Николай, который въ 1223 году обратился къ папѣ Гонорию III съ жалобами на бѣдственное положеніе христіанъ въ Египтѣ и съ указаніями на легкость завоеванія Александрии съ моря¹⁾. Аѳанасій Иерусалимскій хорошо извѣстенъ изъ Житія святаго Саввы Сербскаго, написанного Доментіаномъ; онъ нѣсколько разъ упоминается по поводу хожденія Сербскаго архіепископа и царевича ко Святымъ Мѣстамъ; между прочимъ онъ привилъ св. Савву и при вторичномъ его прибытии въ Палестину, которое относится именно

¹⁾ Посланіе патріарха Николая напечатано у *Ribnitzky* въ *Annales ecclesiast.*, t. XX, ann. 1223 § 9—10; переведено въ *Epistole selectae saeculi XIII (Pertz, Monum. German.)* pag. 162, 163. Имя обозначено тотчасъ послѣ обращенія къ папѣ: *Nicolaus eadem gratia Alexandrina sedis humiliis patriarcha.* Сверхъ того и въ 1213 году на Александрийскомъ патріаршемъ престолѣ возсадилъ тоже Николай, къ нему писалъ папа Иннокентій III (см. *Potthast, Regesta Pontif. № 4726; Migne, Patrolog. lat. CCXVI*, 822). Наконецъ, и тотъ Александрийскій патріархъ, который въ 1267 году протестовалъ противъ наложженія Константинопольскаго патріарха Арсения Михаиломъ Палеологомъ, назывался онъ Николаемъ: *H. E. Troitskij, Arsenij et Arseniti*, стр. 93, 174. Ср. *Le Quien, Oriens christi*: II, 488.

къ 1234—1235 годамъ¹⁾). Кромъ того, есть письма Георгія, митрополита Беркірскаго, подъ которыми необходимо разумѣть современаго описываемымъ нами событиямъ Георгія Вардана, адресованыя—одно къ Асанасію Іерусалимскому, а другое—къ Симеону Антіохійскому²⁾). Изъ послѣднаго между прочимъ видно, что патріархъ Антіохійскій не имѣлъ возможности утвердить свою кафедру въ томъ самомъ городѣ, по которому именовался, такъ какъ тамъ еще господствовали франки, имѣвшіе своего патріарха; турки, владѣвшіе Іерусалимомъ, какъ извѣстно, были благосклоннѣе къ православнымъ. Наконецъ, въ отчетѣ католическихъ монаховъ о второй ихъ поѣздкѣ къ Никейскому императору упоминается о соборѣ, созванномъ въ началѣ 1234 года патріархомъ Германомъ, и о присутствіи на этомъ соборѣ только одного изъ прочихъ восточныхъ патріарховъ, именно Антіохійскаго³⁾). За исключеніемъ этого послѣднаго, Никейскому императору къ прочимъ приходилось обращаться въ самомъ дѣлѣ черезъ посланцевъ, а все это, конечно, требовало времени.

По истеченіи перемирия между Латинскимъ императоромъ и царемъ Греческимъ, открылись военные дѣйствія союзниковъ по рабѣ условленному плану. Весною 1235 года Вататци прибылъ въ Лампсакъ, переправился черезъ проливъ и осадилъ Галлиполъ, принадлежавшій венеціанцамъ, которыми собственно и держался Іоаннъ де-Бріенъ; успѣхъ достался послѣ правильной осады и дѣйствія стѣнобитныхъ машинъ, придвижнутыхъ греками къ крѣпости. Сюда въ скоромъ временіи прибылъ царь Болгарскій вѣстѣ съ своею су-

¹⁾ Савва умеръ на возвращеніи пути изъ своего паломничества въ города Терновѣ; при погребеніи его къ монастырю Сорока Мучениковъ участвовалъ патріархъ Іоакимъ (Доментіана, Жизнь святого Саввы, стр. 333, изд. Даничича, 1865 г.); сверхъ того, извѣстенъ день его смерти, 12-го января, отмѣченный въ житіи. Итакъ, если понимать слова Доментіана (современника и спутника Саввы) о присутствіи патріарха Іоакима, то возможенъ только 1236 годъ, тѣль какъ до весны 1235 года Іоакимъ еще не былъ провозглашенъ патріархомъ, а въ 1237 году онъ умеръ (Aegropolit. pag. 61); между тѣмъ при жизни того же патріарха Іоакима совершилось и перенесеніе мощей Саввы изъ Тернова въ Сербію, а это было «по гѣтѣхъ иѣколоїдѣхъ», считая отъ кончины (Жизнь, стр. 333, 341). Возмѣнио однако, что Іоакимъ присутствовалъ при погребеніи Саввы просто въ самѣй архиепископской и называлъ патріархомъ промежиточнѣ, по весьма извѣстительной неточности; тогда смерть Саввы можетъ быть отнесена и къ 1235 году. Ср. Голубинскую, Краткій очеркъ православныхъ церквей, стр. 556.

²⁾ См. приложение.

³⁾ Mansi, Concilia XXIII, 314.

пругою, Марией Венгерскою, а также и съ дочерью Еленою, нареченою невѣстою Феодора Вататци, одинадцатилѣтнаго царевича; его сопровождала многочисленная свита свѣтскихъ лицъ и духовныхъ; въ числѣ послѣднихъ были митрополиты, архиепископы, епископы, а также и монахи Атонской горы, входившей—по вѣкоторымъ даннымъ—въ составъ владѣній Асена. Оба цара имѣли свиданіе въ Галлиполѣ и скрѣпили здѣсь свою дружбу. На противоположной азіатской сторонѣ пролива, именно въ Ламисакѣ, находилась греческая императрица Ирина съ своимъ сыномъ, и точно также многочисленное собраніе греческаго православнаго духовенства съ патріархомъ Германомъ во главѣ. Такъ какъ Асенъ почему-то не захотѣлъ переправляться черезъ Геллеспонтъ, то Вататци, изъявъ супругу его и dochь Елену, переправился въ Ламисакъ, и здѣсь произошло торжественное бракосочетаніе; обрядъ былъ совершенъ самимъ Германомъ патріархомъ. Затѣмъ у Акронополы мы читаемъ буквально слѣдующее: „Чтобы еще болѣе возблагодарить Болгарскаго правителя Асена за родство и дружбу, по императорскому и соборному опредѣленію, архіерей Терновскій, подчиненный Константинопольскому патріарху, сдѣланъ былъ автокефальнымъ и провозглашенъ патріархомъ“¹). Уже давно обращено было вниманіе на мимоходомъ сдѣланное замѣчаніе Акронополы о прежней зависимости Терновскаго архиепископа отъ Константинопольскаго патріарха; оно сопоставлялось съ другимъ представлѣніемъ, что до тѣхъ поръ Терновскій архіерей былъ подчиненъ Охридскому архиепископу, представлѣніемъ, также высказаннымъ уже въ греческихъ источникахъ, и оба предположенія одинаково считались ошибочными²). Въ настоящее время мы должны признать замѣчаніе современнаго греческаго погѣстившаго довольно справедливымъ и точнымъ, такъ какъ провозглашенію автокефальности предшествовалъ договоръ 1232 года, восстановившій связь болгарской іерархіи съ православнымъ патріархомъ; а что мысль о прежде существовавшемъ подчиненіи Терновской кафедры въ отношеніи къ Охридской есть только невѣрная догадка, основанная на титулѣ Охридскаго архиепископа („всей Болгаріи“), это теперь ясно

¹) *Aeropolit. ed. Bonn. pag. 55.*

²) Выраженія Акронополы буквально повторены въ лѣтописныхъ замѣткахъ, сопровождающихъ сказание о взятіи Цареграда латинами, изданное Іосифомъ Миллеромъ (*Byzantin. Analecten: Sitzungsberichte der Wiener Akad. Histor. philolog. Classe* 1852, IX, 393). Съ Григоріемъ (pag. 30: тѣ съѣсъ ѿкъ тѣхъ дружескихъ тѣхъ прѣтѣсъ тѣлѣнъ 'Іоанніануїсъ') вдѣтъ позднѣйший хронографъ Еверемій.

изъ посланія Христофора Анкирскаго: при обсужденіи вопроса о способѣ посвященія новаго Терновскаго архіепископа никому и на усть не приходила необходимость участія въ этомъ дѣлѣ Охридскаго архіепископа. Что касается обстановки, при которой совершился залѣмавшій часъ церковный актъ провозглашенія патріарха Болгарскаго, то вѣкоторыя, хотя не совсѣмъ ясны подробности, сообщаются намъ въ сказаніи при Синодикѣ царя Бориса. „Собравшись на Понтистѣмъ мори, два царя, Греческій и Болгарскій, и окружающіе ихъ іерархи съ духовенствомъ, избрали мужа благоговѣйнаго, святими дѣлами и постничествомъ возсіѧвшаго, Иоакима, прежде освященнаго архіепископа Терновскаго, нарекли его патріархомъ не токмо словомъ, но и письменнымъ свидѣтельствомъ патріарха Германа и всѣхъ восточныхъ епископовъ, скрѣпившихъ это свидѣтельство подписями своими и приложившихъ печати; грамоту сію они вручила благочестивому царю и новопосвященному патріарху Иоакиму въ вѣчное поминаніе неотъемлемо“. Провозглашеніе, очевидно, совершилось въ присутствіи Болгарскаго царя, который не ѻздилъ въ Лампакъ, но явился ли на церемонію въ Калліополѣ (Галлиполѣ) патріархъ Германъ съ того берега — этого тоже не видно; оба собранія въ Лампакѣ и на противолежащемъ полуостровѣ, раздѣленныя только узкимъ проливомъ, сливаются въ представлениіи нашего автора въ одно. Письменный актъ греческаго патріарха и подчиненныхъ ему восточныхъ епископовъ (не патріарховъ), тожественный съ соборнымъ опредѣленіемъ, упомянутымъ у греческаго историка (Акрополиты), къ сожалѣнію, не дошелъ до наст.; авторъ сказанія объ обновленіи болгарскаго патріаршества, предпочелъ остановиться на подготовительныхъ мѣрахъ; старался выдвинуть впередъ согласіе прочихъ патріарховъ помимо Константинопольскаго, онъ не придавалъ особенного значенія юридической сторонѣ дѣла. Изѣбѣтио, что очень скоро начались споры между греками и болгарами о дѣйствительномъ объемѣ правъ, уступленныхъ Терновскому патріарху. Тотъ же самый Константинопольскій патріархъ Германъ, который былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ провозглашеніи Иоакима, утверждалъ въ послѣдствіи, что съ патріаршимъ титуломъ онъ вовсе не соединялъ представлений совершенной автокефальности и полной самостоятельности; что въ святѣ (тѣрс), дарованномъ въ 1235 году, обѣ этомъ не было рѣчи, а напротивъ предполагалось, что и впредь Болгарская церковь будетъ подсудна Константинопольской патріаршѣ каѳедрѣ и будетъ ея даницею; Терновскій патріархъ по прежнему

остался обязаннымъ въ знакъ своего подчиненія не только возносить при совершенніи богослуженія имя почтившаго его патріарха, но и давать ему условленныя дани и уроки. Въ словахъ патріарха Германа, какъ они намъ переданы, все-таки сквозить нѣкоторая двусмысличество и уклончивость, потому что дани и оброки, несомнѣнно выговоренные греками, могли имѣть совершенно другой смыслъ, чѣмъ указаніе на всегдашнюю подчиненность, смыслъ добровольной платы за полезную и желательную уступку, а подсудность Болгарской церкви Константинопольскому патріарху самимъ патріархомъ Германомъ приводилась въ связь съ другими крайне преувеличенными притязаніями этой патріаршой кафедры на какое-то особенное высшее положеніе среди всѣхъ восточныхъ церквей соответствующей степени¹⁾. Въ настоящее время весьма трудно добраться до поло-

¹⁾ Отрывокъ изъ какого-то сочиненія Германа, относящійся прямо къ данному вопросу, приведенъ въ грамотѣ позднѣйшаго патріарха Константинопольскаго Каллиста (отъ 1355 года), изданной въ *Извѣстіяхъ Академіи Наукъ по II-му отдѣленію* въѣтъ со старославянскимъ переводомъ значительной ея части (томъ VII, 155 и сл. 1858 г.), а также въ Сборнику *Миклошича* (*Acta Graeca quodam aevi I*, 438). Приводимъ этотъ отрывокъ въ русскомъ періодѣ: «и мы въ виду мірскую общую пользу, и записали въ свитѣ (ѣторогрѣфѣ), что удостоенному этой части (патріаршества) архіерею Болгарского народа все-таки не будетъ дано совершенной самостоятельности (тѣ аутокефаловъ), но подъ уძо-віемъ даничества, то-есть, что онъ будетъ давать дани и уроки (тѣлѣ хас фірос) почтившему его патріарху, будетъ и возносить имя послѣдняго въ церкви, исполнили это какъ свою къ нему повинность, подобно (ѡс) одному изъ подчиненныхъ Константинополью митрополатовъ, что онъ будетъ подавать ученія и отчеты и будетъ потребовать къ суду, если будетъ обличенъ въ уклоненіи отъ даничества. Таково соглашеніе (обязательство) Болгарской церкви по отношенію къ Константинопольской; да и помимо того—если Константинопольский престоль возставитъ, исправляетъ и утверждаетъ скрѣплять суды иныхъ патріарховъ», то-есть, Александрийскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго, какъ это скажутъ божественные правила и снѣдѣтельствуютъ самы дѣянія, то тѣмъ больше этотъ престоль будетъ господиномъ Болгарской церкви, отъ которого (ея представитель) былъ удостоенъ названія патріарха. Знайте прімо, что если бы не было нашего искреннаго отъшенія и расположениія къ превысокому царю Болгарскому во Святомъ Духѣ подлиннѣйшему сыну нашей мѣрности, господину Асану, и если бы (не было опасенія, какъ бы) онъ не огорчился по такой причинѣ, то мѣрность моя, какъ вселенскій патріархъ, по благодати Христовой измѣнила бы право—на смиренномъ и великокомъ соборѣ нашемъ подвергнуть испытанію и суду его поступки, какъ до сихъ поръ неизвѣданные, съ тѣмъ чтобы онъ либо обнаружилъ свое исправление, либо получилъ каноническое осужденіе, какъ явно отвергшій церковь, отъ которой, какъ много разъ было сказано выше, онъ по-

жительного вывода о томъ, на чьей сторонѣ было большее право... У насъ есть также указанія, что между новымъ Терновскимъ патріархомъ и Константинопольскимъ возникали съ самого начала столкновенія вслѣдствіе спора не о внутреннемъ объемѣ правъ, а о виѣшнихъ предѣлахъ компетенціи, что Терновскій патріархъ хотѣлъ присвоить себѣ какое-то право въ отношенія къ Солунской митрополіи и даже фактически осуществилъ свои притязанія, рукоположивъ въ Солунѣ митрополитомъ какого-то Іоанна Протата, что начонецъ онъ, то-есть, патріархъ Терновскій, хотя не прямо, а посредственно стремился подчинить своему вліянію и аеонскіе монастыри. Дѣйствительное значеніе этихъ указаній остается для настъ довольно сомнительнымъ, такъ какъ самый источникъ, сообщающій ихъ, отли-чается, какъ мы сказали, смутнымъ характеромъ¹).

лучше въ удѣльѣ патріарха, и даже быль инишнъ такого наименованія; но любовь и расположение къ этому царю склоняютъ настъ въ пользу того, чтобы все это оставить безъ послѣдователей (атолократибунта), пока все сако со-бою не получить исправленія отъ Терновскаго патріарха».

¹) Имеемъ въ виду весьма интересный отрывокъ изъ позднейшей греческой Аеоно-Батопедской рукописи, сообщенной преосв. *Порфиремъ* въ «Первомъ путешествіи по Аеону», Востокъ Христіанскій, т. I, 46 и 47 стр. «Этотъ царь (то-есть, Асѣн II) старался учредить патріаршество въ своемъ краѣ (въ Загорѣ), и потому много попуждалъ къ тому церковь (Греческую) такъ, что не-ресталъ давать ей подать, єѣбесион; и было оновѣщено быть иѣстному пат-ріарху въ Загорѣ. Первый патріархомъ тамъ поставленъ быль Григорій, быв-ший митрополитъ Филиппопольский. Онь рукоположилъ и митрополита въ Со-луни вопроси канономъ, и употребилъ все стараніе, чтобы и Ермессовскаго епи-скопа сдѣлать митрополитомъ, желая отнять у постановленнаго имъ Солунскаго митрополита Михаила, по прозванию Протата, завѣдываніе сего епископію. Но Солунскій вступилъ за свое права и явился къ царю (Асѣну) стъ малобою на своего патріарха. Къ тому-же и монахи, подвизающіеся на св. горѣ Аеонской, собрались въ числѣ 3,000, всѣ почетные и давно преуспѣвшіе въ отшельни-чествѣ и въ подвигахъ духовныхъ, и не прининая ни патріарха (Загорскаго), ни рукоположеннаго имъ митрополита Солунскаго, не желая также, чтобы епи-скопъ, или митрополитъ Ермессовскій рукополагасъ быль синъ патріархомъ, или Михаиломъ Протаномъ, отправился къ царю (Асѣну), который въ то время находился въ Каллиполѣ по случаю бракосочетанія своей дочери Елены съ сыномъ приснопамятнаго царя киръ Іоанна Дуки Батади, гдѣ присутство-валъ и патріархъ Константинопольскій киръ *Мануилъ*, бывший митрополитъ Ееесскій, и по этому дѣлу просили суда, и сильно говорили обонимъ царямъ и Константинопольскому владыки, какъ противъ патріарха Загорскаго, такъ и противъ упомянутаго Солунскаго, и представили кромѣ другихъ оправданій (дѣка), однажды на всегда состоявшейся приказѣ, съ привѣщенной къ нему

Когда въ Ламисакѣ и Галиполѣ все было благополучнымъ образомъ нраведено къ концу, добрая греческая императрица Ирина взяла съ собою двухъ дѣтей, то-есть, своего двѣнадцатилѣтнаго сына Фео-

восковой печатью, присоединятнаго между царями киръ Алексѣя Комнина. Сіи монахи вполнѣ оправдались. Ибо въ овомъ приказѣ сказано было, что епископъ Іермессовскій не имѣть никакого права на Святой горѣ. Тогдашній Константинопольскій съ постоянно пребывающими при немъ соборѣ архіереевъ произнесъ судъ, согласный съ содержаниемъ упомянутаго царскаго приказа. Что-же насасется до Загорскаго патріарха, то рѣшено было: откуда не вѣшиваться ему въ митрополію, не подлежащую его вѣдомству, и не совершать хиротоніи, и никакого церковнаго дѣлнія не составлять. А тогдашній митрополитъ Фаладельфійскій предлагалъ даже изложить патріарху Загорскому. Но такъ какъ царь Асень состоялъ, чтобы не нивелировали его, то рѣшили изложить одного Солунскаго митрополита, какъ рукоположеннаго противъ камона и безъ согласія Константинопольскаго архіепископа: чтобъ и состоялось. Послѣ этого Константинопольскій, еще въ присутствїи обомъ царей, тотчасъ собралъ голоса и рукоположилъ въ Солунь святѣйшаго митрополита киръ Мануила Дисипата, который впослѣдствіи сдался исповѣдникомъ.

Къ сожалѣнію, развязъ оттѣ страдаетъ явными погрѣшностями въ наименованіяхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Григорій совѣтъ нѣть въ числѣ поименованныхъ въ Синодикѣ Терновскихъ патріарховъ, а Мануилъ Харитопулъ, патріархъ Константинопольскій, современникъ Асѣя, умеръ ранѣе учрежденія въ Терновѣ патріархіи въ 1221 году (*Le Quien, Oriens christian. I*, 278), та旣ъ что онъ ни какъ не могъ участвовать въ событияхъ 1235 года; другой же Мануилъ, возведенныи въ патріархи все-таки изъ придворныхъ пресвитеровъ, и не съ митрополитомъ Фессальной, вступилъ на патріаршкую Константинопольскую кафедру не ранѣе 1245 года (*Le Quien, I*, pag. 280); онъ упоминается у Акронополиты при описаніи событий 1250 года (ed. Bonn. pag. 107). Солунскій митрополитъ Мануилъ Дисипатъ—хорошо известенъ, за то имъ его предшественника Михаила Протата опять является чѣмъ-то загадочнымъ. У Лекена первый слѣдуетъ непосредственно за Константиномъ Месопотамитомъ, отказавшимся короновать Феодора Эпирскаго (1222 г.), но очень возможно, что тутъ былъ какой-нибудь промежуточъ, такъ какъ Мануилъ Онесара или Дисипатъ встрѣчается на страницахъ исторіи гораздо позже—въ 1267 и 1276 годахъ (*H. E. Троммій, Арсений и Арсентій*, стр. 28, 174; *Pachym. od. Bonn. pag. 102: Μανουὴλ ὁ Θεσσαλονίκης ὁ τοῦ πτήχην Φαρᾶς καὶ Διούκατος*; ср. *Acgorolit pag. 188: Οφαρδύ*). Въ этомъ промежуткѣ могутъ быть помѣщены неизвѣстные Лекену Мимата, отъ котораго сохранилось одно камоническое рѣшеніе, относимое къ половинѣ XIII века (*Ralli, Σόγκαρα V*, 142), и Николай, къ которому адресовано одно письмо Иоанна Навпактскаго (*Codex Porphyry. 33 fol. 52 v. и 53 г.:* заглавіе—*πρὸς τὸν Θεσσαλονίκην*, или измѣнено въ концѣ письма); сей послѣдній всего скорѣе и могъ бытъ современникомъ возстановленія Терновскаго патріархата; а Михаилъ бытъ бы вѣдь также не амахроминомъ какъ и патріархъ Мануилъ I, ибо Солунскій митрополитъ съ означенными именами известенъ только какъ предшествен-

дора и обвѣчаниемъ съ нимъ болгарскую принцессу и удалилась въ никейскія области; дочь Асѣнъ скоро привязалась къ своей воспитательницѣ еще болѣе, чѣмъ къ своему мужу, съ которымъ она дѣлила дѣтскія игры и вмѣстѣ училась. Царь Болгарскій, отпустивъ свою супругу, Марию Венгерскую, въ Торновъ, остался вмѣстѣ съ Ioannomъ Дукою, который находился въ Галлиполѣ; два императора соединили войска, какія у нихъ были подъ рукою—естественно предполагать, что численное превосходство сухопутныхъ силъ было на сторонѣ болгаръ,—и затѣмъ открылись военные дѣйствія противъ латинянъ, страннымъ образомъ все-таки сопровождавшіяся разореніемъ и опустошеніемъ земель, освобождаемыхъ отъ ихъ власти (Акрополита). Вопросъ о раздѣлѣ завоеванного былъ заранѣе решенъ клятвенными договоромъ; но Галлиполь, взятый до прибытія Асѣна одними греческими усилиями, а по видимому, и весь полуостровъ Галлипольскій (Херсонесъ), съ городомъ Мадитомъ (на югъ отъ Галлиполя) и другими, достались грекамъ отдельно сверхъ дѣлежа. На основаніи договора Ioannъ Дука Ватацци протянулъ границу своихъ владѣній въ западномъ направлениі до рѣки Марицы, а въ восточномъ—до приморскаго города Гана и почти до Цурула (Чорлу), чрезвычайно важнаго стратегическаго пункта, остававшагося въ рукахъ франковъ, но уже наблюдаемаго и не выпускаемаго изъ глазъ ловкимъ и опытнымъ начальникомъ греческаго гарнизона въ Ганѣ; въ слѣдующемъ году этотъ городъ находится въ рукахъ греческихъ; такимъ образомъ Цикейскій императоръ, держась приморскаго берега, подвигался отъ Галлиполя къ Босфору. Чтѣ именно получилъ другой союзникъ, царь Болгарскій Ioannъ Асѣнъ, мы точно не знаемъ: ему предоставлено было присоединить къ своимъ владѣніямъ „верхнія части тѣхъ же областей, лежавшихъ къ сѣверу“ (Акрополита); но здѣсь уже все почти сдѣлано было ранѣе; пространство на сѣверъ отъ Родопскихъ горъ до верхняго теченія Марицы (Охридская

извѣ Константина Месопотаміта (*Le Quien*, I, pag. 50). Изъ всего этого слѣдуетъ, что Аевово-Батопедское сказаніе, всѣхъ на себѣ слѣды позднаго происхожденія (въ концѣ текста, у насъ не приведенномъ, есть прямая ссылка на сочиненіе Акрополита), не можетъ быть признано на столько достовѣрнымъ, чтобы позволительно было имъ воспользоваться въ полномъ объемѣ; но по видимому, оно включаетъ въ себѣ все-таки дѣйствительную историческую основу; особенно въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія наименование того епископа, который требовалъ низложенія Торновскаго патріарху: изъ словъ патріарха Германа видно, что къ нему дѣйствительно могли обращаться съ такимъ требованіемъ.

область), а также Адрианопольская область, досталась Асенью еще после Клокотницкой победы; напримѣръ, Станимакъ былъ имъ укрѣпленъ въ 1231 году¹), а Филиппополь находился далѣе на сѣверѣ отсюда, и слѣдовательно, окруженный со всѣхъ сторонъ болгарскими владѣніями, едва ли могъ продержаться до сего времени, то-есть, до 1235 года. Союзники имѣли въ виду Константинополь: но что было бы, еслибы имъ въ самомъ дѣлѣ теперь же удалось овладѣть имъ? Греки, имѣли, кажется, гораздо болѣе на то шансовъ, такъ какъ помимо большей ловкости, они еще располагали флотомъ, котораго совсѣмъ не было у болгаръ; вопросъ, вѣроятно, былъ бы решенъ на основаніи правъ первого захвата—полнаго или частичнаго, но во всякомъ случаѣ не въ ущербъ никѣйцамъ.

Лѣтомъ 1235 года союзное сухопутное войско, при которомъ находились оба императора, подвинулось до самыхъ стѣнъ Цареграда, до сихъ поръ представлявшихъ наиболѣе надежную защиту обширной и богатой столицы. Сѣдѣнія о томъ, что здѣсь происходило, у насъ довольно скучны и отчасти противорѣчивы. Греческій историкъ (Георгій Акрополита) сообщаетъ намъ только, что союзники пасяли большой страхъ на латинянъ и вообще привели дѣла ихъ въ самое опасное положеніе, а затѣмъ—что такъ какъ осенне время уже кончалось, и наступала зима, то императоръ Ioаннъ и царь Асень, простишись другъ съ другомъ, отправились во свояси¹). Въ декабрѣ того же года, папа Григорій IX, призываю на помощь Константинопольскому императору короля Венгерского Бѣлу, разказывалъ въ своемъ посланіи о томъ, какъ Вататци и Асень, два схизматика, недавно заключившіе между собою союзъ нечестія, напали съ большимъ греческимъ ополченіемъ на землю благочестиваго императора Ioanna Brіennia²), взяли Галлиполъ, гдѣ перерѣвали жестокимъ образомъ

¹⁾ Объ этомъ говорить издѣліи въ Станимакѣ времена Асѣни, списанныя первоначально французомъ Люка (*Paul Lucas, Voyage dans la Gr ce, Asie Mineure, Macédoine etc.*, Paris, 1710), а въ новѣйшее время уничтоженніи (по сообщенію г. Кочановскаго) греками изъ фанатизма; въ послѣдній разъ она была напечатана въ прошломъ году въ *Периодическомъ списаніи* (1884, книга X, 40) въ статьѣ Иречка: „Нѣкоторыѣ блѣсчики“. «Въ лѣто 1230 онд. Д. богою мъ нѣздвишъ царь Асень Бѣльгаромъ и Грекомъ также и прочими странами постави Алексѣвасета и Сиада сема градъ». Надпись относится къ 1231 году.

²⁾ Acropolit. pag. 56.

³⁾ Nam sicut pro certo didicimus, Vatacius et Assanus schismatici, nuper inter se iniquitatis initio federe, terram carissimam in Christo Filii nostri... Imperatoris Constantinopolitani illustris cum maxima Grecorum multitudine hostiliter invadentes.

всѣхъ обитателей, че давал пощады ни полу, ни возрасту¹), и какъ затѣмъ съ большими силами они осадили Константинополь, кото-рый, казалось, могли бы взять, если бы не помочь свыше²); у Латаинскаго императора было-де не болѣе какъ 160 рыцарей, а греки выставили 48 военныхъ отдельныхъ отрядовъ (ротъ); тѣмъ не менѣе въ произшедшей битвѣ одержали верхъ франки, предводи-мые императоромъ; только три греческия отряда успѣли спасти себя бѣгствомъ, и изъ остальныхъ одна часть сдѣлалась добичею меча, другіе попали въ плѣнъ и заключены были въ цареград-скихъ темницахъ³). Изъ папскаго сообщенія мы далѣе узнаемъ, что одновременно съ нападеніемъ на сушѣ дѣйствовалъ и греческій флотъ; въ тотъ самый моментъ, какъ побѣдители, не успѣв-шие воротиться въ городъ, заняты были преслѣдованіемъ враговъ, появился въ виду Константинополя 24 непріятельскихъ корабля, и даже пристали къ берегу, при чёмъ высадившися на берегъ люди пытались произвести пожаръ, чтобы затѣмъ начать грабежъ города⁴); но Богъ предаль ихъ въ руки константинопольскихъ гражданъ; всѣ суда были захвачены, и только немногіе изъ прибывшихъ на нихъ людей успѣли спасти себя бѣгствомъ въ близкія убѣжища⁵). Нѣ-сколько болѣе подробный, но въ главномъ чрезвычайно сходный раз-казъ оставилъ намъ объ этой греко-болгарской осадѣ Цареграда со-временный поэтъ-историкъ, епископъ города Турия во Фландрии, Фи-липпъ Мусъ или Муско斯ъ въ своей любопытной хроникѣ (v. 29030 и слѣд.). Онъ осуждаетъ прежде всего образъ дѣйствій Иоанна Бріенна, избраннаго въ императоры для того именно, чтобы попра-

¹) Et capientes Galipolim omnes habitatores ipsius crudeli gladio differentia sexus aut statis non habita jugularunt.

²) Et deinde in forti manu Constantinopolim obsidentes eam cradebantur ca-pere, nisi a Deo liberata fuisset desuper adjuvante.

³) Nam idem imperator centum et sexaginta militibus tantum sociatis, contra dictos Grecos cum quadraginta et octo aciebus procedentes ad bellum, certamen aggrediens adversus eos triumphum obtinuit, et ipsorum alios ensi devorandos exposuit, alios solis tribus aciebus fuge presidio liberatis carcere mancipavit.

⁴) Quo needum ab hujus modi reverso victoria XXIII naves hostium dictam Constantinopolim applicantes, ut eam caperent rapinis ac incendio devastarent.

⁵) Constantinopolitanorum civium manibus dominus tradidit, sed aliquos ex hominibus in eis morentibus fuga velox intercepit et propinquum reeptaculum non permisit....

Пославшіе папы напечатано у Тейнера: Vetera monumenta Hungariorum № CCXLIX, I, pag. 140. Ср. Pothast, Regest. Pontific. № 1066 (отъ 16-о декабря 1235 года).

вить дѣла имперіи. Прошло нѣсколько годовъ, въ продолженіе которыхъ не было ни войны, ни мира; такимъ образомъ онъ потерялъ почти всю свою землю, за то уберегъ свое золото и свои деньги; онъ распустилъ наемныхъ военныхъ людей, которые ушли либо къ себѣ на родину, либо въ другія мѣста¹⁾). Между тѣмъ поднялись Вататци и царь Асѣнь, Михаилъ и куманы, а также и вскіе влаки; кроме Михаила, подъ которымъ слѣдуетъ, очевидно, разумѣть будущаго Эпирскаго деспота, неизвѣстно почему увѣсь упомянутаго вмѣсто Мануила, Мускесъ называется также и Феодора, находившагося—мы знаемъ—въ плѣну у Асѣнна²⁾). Въ сотняхъ и тысячахъ они пришли осаждать короля Иоанна (Бріенна); не родилось человѣка, который бы былъ способенъ пересчитать ираговъ и сообщить ихъ точное число. Когда король Иоаннъ узналъ объ этомъ, обѣ созвалъ своихъ воиновъ, сколькихъ могъ; набралось не болѣе шестнадцати десятковъ рыцарей, при нихъ ихъ оруженосцы, а также отрядъ конныхъ сержантовъ, очень, правда, не многихъ, но за то вполнѣ преданныхъ³⁾). У мѣстнаго греческаго населения въ столицѣ оружіе было отобрано и раздано надежнымъ людямъ⁴⁾), принадлежавшимъ къ латинской колоніи,

¹⁾ Chronique rimée de Philippe Mousques, publiée par Reiffenberg, Bruxelles, 1838, въ Collection des Chroniques Belges, II, 613; V, 29035:

Aler laissa les saudoiers
U en lor tières u allors.

Ниже Мускесъ прямо говоритъ, что вслѣдствіе склонности Иоанна Бріенна, часть наемниковъ ушла во Влакію, то-есть, къ Иоанну Асѣнию (т. 29245. II, 620, 621).

²⁾ V, 29040. Mais Vatace et li rois Ausens
Li Micalis et li Coumain,
Et li Blac ausi tou de plain
Et li Toldres, uns om noisens...

³⁾ II, 614; V, 29050.
Et quant il rois Lehans le sot
De siens manda quan que il pot,
Si n'ot blous que VIIIxx chevaliers
Et cil orent leur esquiers.
Et si eut siorgans à ceval
Moult poi, mais il furent loial.

⁴⁾ Les armes de tons lor Grios prisent
Et leur gens bien armer en fisent;
La piétalle remest dedens.

основанной съ давнаго времени венецианцами, а послѣ 1204 года, конечно, подкрѣпленной всякаго рода пришельцами, торговыми людьми, ремесленниками и прислугою, сопровождавшою бароновъ и латинское духовенство; образованъ былъ пѣшій военный отрядъ, должностно-наблюдать надъ внутренними греческими кварталами. Со своимъ рыцарскимъ ополченiemъ, раздѣленнымъ на три отряда, король Иоаннъ вышелъ на встрѣчу врагамъ за городскія стѣны; у цара Болгарскаго Асѣна такихъ отрядовъ было сорокъ-пять¹⁾). Но три отряда одержали верхъ надъ сорока пятью; ни Гекторъ, ни Роландъ, ни Ожье, ни даже храбрый Іуда Маккавей не обнаруживали большаго мужества, чѣмъ король Иоаннъ въ этотъ день; изъ разбитыхъ непріятельскихъ ополченій спаслось тоже только три отряда, предводительствуемыхъ царями Асѣнемъ и Вататци²⁾). Такъ дѣло кончилось на сушѣ; между тѣмъ у грековъ былъ еще другой планъ и разчетъ. Они надѣались на содѣйствіе своихъ соотечественниковъ внутри города, которымъ, казалось, легко было одолѣть оставленную для наблюденія за ними небольшую пѣшую силу. Въ то самое время, какъ происходила битва за сухопутными городскими стѣнами, болѣе 300 судовъ, хорошо спароженныхъ, причалили къ берегу (на Мраморномъ морѣ), внизу приморскихъ стѣнъ, гдѣ они думали подать руку своимъ гречатамъ и турчатамъ, и затѣмъ либо овладѣть стѣнами, либо поджечь ихъ³⁾). Но латины, оставшіеся внутри города, видя, что дѣла ихъ господъ на сушѣ идутъ хорошо, сами бросились къ греческимъ кораблямъ, въ надеждѣ поживиться добычей — тутъ были люди всякаго сословія и ремесла,—и тѣмъ не менѣе они дѣствовали столь успѣшно, что захватили много людей и много иму-

¹⁾ Et li rois fist lors de ses gens
29060. III batailles; s'en issi fors.
Et li rois Ausens, par effors,
XLV batailles fist.

²⁾ III seulement en escaperent
Q' Ausens et Vatace mendrent.

³⁾ Ibid., pag. 615, 29085:

Les nés qu'aménées avoient,
Plus de CCC et bien garnies,
Seroient lues aparillies;
A tout lor Grifons et lor Turs,
S'iroent par la mer as murs,
U pour le prendre u pour l'ardoir.

щества на греческихъ судахъ¹⁾). Авторъ французской хроники видѣть въ томъ знакъ особеннаго Божиаго покровительства и помощи, что, предоставленный самому себѣ, городъ остался однако спокойнымъ и неподвижнымъ, тѣмъ болѣе что даже гарнизонъ замка при слухѣ о пораженіи Асѣни и о пожарѣ у приморскихъ стѣнъ вышелъ воинъ; сколько можно понять изъ его словъ, этотъ военный гарнизонъ направился, однако, именно къ приморскимъ стѣнамъ и здесь поспались ему на встречу обратившееся въ бѣгство Греки; громадное число ихъ было отчасти убито, отчасти взято въ пленъ²⁾). Однако, рифмованная хроника Мускеса, очевидно довольно точно передающая ходъ дѣла, ничего не говоритъ о захваченныхъ 24 судахъ, о чёмъ упоминается въ папскомъ посланіи. О нихъ идеть снова рѣчь въ Венецианскихъ лѣтописахъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ подробностями, выставляющими на первый планъ энергию и смѣлость не императора Иоанна Бріенна, а именно венецианскихъ капитановъ³⁾). Греческій императоръ Вататци (Uatas) осадилъ Константинополь и взялъ Галлиполъ со всемъ прилежащею территоріей; когда обѣ этомъ узналъ дожъ Іаковъ Тьеполо, бывшій прежде самъ подестою въ Константинополѣ, онъ велѣлъ вооружить 26 галеръ и отправилъ ихъ подъ начальствомъ двухъ капитановъ, Леонардо Квирино и Марко Гуссони, на защиту сто-

¹⁾ Mais quant la piétalle dedens
Vit defors bien faire lor gens,
S'alèrent as nés gaégnar
29095. Gent i avoit de maint meatier...

²⁾ Chronique de Philippe Monseigneur II, 616:
29101. Quar la citée fut auques seule,
Car cil del castiel, de la flame
Quant nouvelle sorent et fame
Que desconfis venoit Ausens,
A you qu'il ot od lui de gens,
Fors de son castiel s'en issi...
Les fuians encontre devant
S'en ocisent et prirent tant,
C'on n'en sot ne conte ne fin.

³⁾ Имеются въ виду два Венецианскихъ хроники, одна на старо-французскомъ языке, другая на латыни, Мартинъ Канале и Андреа Дандоло: 1) *La cronique des Vénitiens de maistre Martin da Canale*: Archivio storico italiano t. VIII. 2) *Andreae Dandoli Chronicorum: Mirator. Rerum italicarum scriptores*,—t. XII. Первый принадлежитъ концу XII столѣтія, второй—XIV.

лицы; при попутномъ вѣтре венецианская флотилия достигла окрестностей Абидоса, гдѣ, по слухамъ, находился греческий флотъ, состоявший изъ одной сотни хорошо снаряженныхъ судовъ; но венецианскимъ капитанамъ пришлось довольно долго крейсировать въ проливѣ, прежде чѣмъ они встрѣтились со врагомъ¹⁾). Нужно знать—говорить намъ,—что въ это время Греческій императоръ былъ въ союзѣ съ Гавалою, владѣтелемъ острова Родоса, который теперь находился на одномъ изъ судовъ греческой флотилии и былъ ея главнымъ командромъ; дѣлая довольно странное сопоставленіе, Венецианская хроника замѣчаетъ далѣе, что такимъ образомъ они вдвоеемъ составили громадное ополченіе на морѣ и на суши, чтобы взять Константинополь²⁾). Два храбрыхъ капитана, Квирино и Гуссони, завидѣвъ византійскія галеры, сейчасъ же устроились имъ на встречу, капеланъ пропѣлъ Евангелие, при ченъ всѣ усердно молились, затѣмъ, для подкрепленія силъ къ предстоящему дѣлу, дано было быть и пять людямъ эскадры; какъ жадные ястребы, бросились венецианцы на греческую флотилию въ ста судовъ, такъ что греки не выдержали, сейчасъ же потеряли духъ и обратились въ бѣгство, стараясь приблизиться къ берегу³⁾). Императоръ Вататацци, находившійся на суши со всѣмъ своимъ войскомъ, когда увидѣлъ пораженіе своего флота и преслѣдованіе своихъ кораблей венецианцами, всячески старался подать помощь; греки съ своей стороны употребляли всѣ усилия, чтобы пристать къ берегу тамъ, гдѣ собраны были сухопутныя греческія

¹⁾ Da Canale, Cronaca Venet. Archivio stor. Ital. VIII, 362. Въ месте Абидоса у Дандоло говорится объ островѣ Тенедосѣ: de Uenetiis secedentes Tenedum pervenient.

²⁾ Canale Cronaca Ven. Archivio st. VIII, 362. Et sachies que Mestre Uatias avoit a celui point la compagnie de Mestre Gavala, li Siro de Rode; et il meesmes estoit a eclus point de sor une galie. Danduli Chron. pag. 350: Et sumpia notitia, quod Graecorum stolus, cuius erat Admiraleus Leo Gavala, urbem obsidebat, illuc properant.

³⁾ Canale, Cron. Uenet. I. c. pag. 364. Enei—s'adrecerent li nobles Chevalains contre les C galies des Grecs en mil Avide. Послѣднія слова не иены; въ рукописи читается собственно *en mil vide* (примѣръ, итальянского переводчика pag. 722); можно было бы думать о срединѣ Авида—Абидоса, то-есть, Дарданелльского пролива, во сраженіе происходило, какъ по всему кажется, въ виду сухопутного греческаго войска, осаждавшаго Царьградъ. Ср. Danduli Chron. I. c.: у этого послѣднаго, впрочемъ, буквальный смыслъ такой, что флотъ греческій осаждалъ городъ, а за тѣмъ, когда ему стало угрожать нападеніе венецианцевъ, онъ удалился къ востоку подъ защиту сухопутной армии: Sed Graeci de hoc praececi in parte Orientali sub tutione terrestris eorum exercitus se retrahunt.

сили, но какъ они ни старались, венецианцы настигали ихъ; въ виду пятидесятитысячной арміи греческой (о болгарахъ здѣсь ничего не говорится) конной и пѣшой, всѣхъ ея стрѣлковъ и метательныхъ орудій захвачены были адмиральская галера Гавала и 24 другихъ судовъ¹⁾). Съ торжествомъ вступили побѣдители въ гавань Золотого рога; самъ молодой императоръ Балдуинъ выѣхѣ съ венецианскимъ по-дестою вышли имъ на истрѣчу; по истечениіи пѣкотораго времени оба капитана—Кварина и Гуссони—вернулись въ Венецию, и это случилось, по замѣчанію хроники, все въ томъ же 1235 году.

Сопоставля эти сообщенія, мы должны обратить вниманіе прежде всего на цифру 24, означающую число кораблей, взятыхъ — по грамотѣ папской—константинопольскими мѣстными гражданами-латинами, по свидѣтельству Канале—венецианскими капитанами, между тѣмъ какъ въ описаніи Мускеса, наиболѣе, по видимому, точномъ ссы-всѣмъ нѣть никакой цифры. Вѣроятно, что неточность заключается въ папской грамотѣ, но отсюда все-таки видно, что въ декабрѣ 1235 года до Рима дошли уже смутные слухи о взятіи кѣмъ бы то ни было 24 кораблей, подавшіе Григорію IX поводъ приписать этотъ успѣхъ все тому же императору Бріенну... Однако, изъ той же папской грамоты мы узнаемъ, что пораженія, нанесенные Асеню и Вататци, вовсе не имѣли рѣшительнаго значенія. Константинополю продолжала угрожать все-таки большая опасность; если понимать слова грамоты буквально, то союзники не только готовились повторить нападеніе съ большими силами, но даже и не снимали осады²⁾). Въ виду прямаго свидѣтельства Акронолиты обѣ удаленіи греческаго и болгарскаго государей отъ стѣнъ Цареграда при началѣ зимы, приходится думать только о блокадѣ съ моря. Что она дѣйствительно продолжалась и въ 1236 году, обѣ этомъ свидѣтельствуетъ сообщеніе Албера-рика о томъ, какъ въ этомъ именно году Жоффруа (Гауфридъ) Виль-

¹⁾ Si ne remest pas por lui (Uatase) ne por l'aide de ses homes, que la galie dou Gavala, que son amiral estoit, ne fust prise; et des autres galies XXIV. Si avoient li Gres li aide de L mil homes, que a pie que a cheval, que as arbalestres que as ars. Cp. Dandul. Chron. *Murator.* XII, 349. Graeci—sub tuitione terrestris eorum exercitus se retrahunt, quos Ueneti aggredientes, peracto bello, XXIV galeis eorum captis, victores Constantinopolim accesserunt..

²⁾ Dicti vero Vatacius et Asanus, novi robur exercitus instaurantes, spem nihilominus de triumpho conceplunt, et de novo civitate Constantinopolitana obessa, se ad debellandum eundem imperatorem iterato cum infinitis armatorum millibus asinxerunt.

гардунъ, владѣтель Морейскій, желая помочь императору, пробился съ своими 120 судами чрезъ греческую флотилію въ 300 судовъ, и пѣкоторое число изъ нихъ (15) даже потопилъ¹⁾.

Константинополь, однако, упѣхъ, до взятія его греками было еще довольно далеко. Одною изъ причинъ, остановившихъ усики православной коалиціи, было охлажденіе къ ней Иоанна Асбина, даже прямое, хотя кратковременное обращеніе къ прежней дружбѣ съ папою. Но пересказывать эти событія, въ общихъ чертахъ хорошо известныя, не входило въ нашу задачу. Она состояла только въ томъ, чтобы объяснить смыслъ извѣстнаго событія, называемаго обновленіемъ болгарского патріаршества и обстановку, при которой оно совершилось.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

О письмахъ Георгія, митрополита Керкирскаго, помѣщенныхъ въ Церковныхъ Лѣтописахъ Варокія.

Въ девятнадцатомъ томѣ «Annales ecclesiastici» Варокія помѣщены слѣдующія письма Георгія Керкирскаго, заимствованыя изъ одного греческаго сборника, принадлежавшаго Фридриху, епископу Термультскому (въ южной Италиї), и переведенныя на латинскій языкъ:

1) Подъ 1176 годомъ § 21: Отъ Георгія, митрополита Керкирскаго, Богомъ вѣнчанному императору Фридриху, когда онъ требовалъ (отъ Георгія) сдачи крѣпости Керкирской. Георгій благодаритъ императора за то, что тотъ удостоилъ вспомнить о немъ и написалъ ему письмо, содержаніе котораго, такъ какъ онъ самъ не могъ понять его, ибо не зналъ по латыни,—объяснилъ ему ученый мужъ, судья и магистръ Фома. Въ письмѣ ила рѣчь о требованіи Керкиры Фридрихомъ: Георгій отклонялъ просьбу, доказывая, что приобрѣтеніе Керкиры при общности владѣй императора не имѣеть для него большой важности. «Что касается до прошевія твоего относительно приобрѣтенія Керкиры, то это есть нѣчто малое въ отношеніи къ твоему величию и нѣчто великое, поколику это относится ко мнѣ, какъ настоящему пастырю, готовому

¹⁾ Albrecht Trium Fontium ad ann. 1236 (*Perts*, SS. XXIII, 938, 939): Et cum rex Iohannes indigeret adjutorio, iste Gausfridus cum 120 navibus seu vasis bellicis succursum prestitit obsecsis; et cum adversarii 300 vasa haberent ipse per medium illorum Constantinopolim intravit et 15 vasa eorum contrivit; habebat 100 milites, 300 balistarios et 500 archarios; et ex quo rex Iohannes venerat ad partes illas, mittebat quolibet anno 22,000 perpres 87 ad conducendos auxiliarios.

дущу свою положить за овцы, а не заемнику». Затѣмъ пошущій просить императора не лишать своего расположения «господина моего, сына и родственника твоей царственности Коминодуку Эмануила» (Мануила), ибо это благочестивый мужъ, внимательный и заботливый правитель своихъ областей и градовъ, всегда имѣть на изыѣ християнѣйшее имя императора (Западнаго), подтверждаетъ дары и милости своихъ предковъ блаженной памяти императоровъ и не причиняетъ своимъ подданнымъ никакихъ тягостей.

При вѣкоторомъ знакомствѣ съ византійскою исторіей XII вѣка и рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы относить такое письмо къ императору Фридриху Барбароссѣ и Мануилу Коминну Византійскому, какъ однако полагаютъ Барони. Попытка со стороны Барбароссы овладѣть островомъ Корфу совершило не мыслима; для этого нужно было сначала утвердиться въ южной Италии и сдѣлаться наслѣдникомъ норманнской сицилійской короны. Никакихъ судей и магистровъ не было у Германскихъ королей и Римскихъ императоровъ до получения въ наслѣдство Сициліи и Неаполя. Ясное дѣло, что въ нашемъ документѣ идетъ рѣчь о Фридрихѣ II, хотя до сихъ поръ во всѣхъ изслѣдователяхъ его царствованія (Ширрмакеръ, Винкельманъ) тоже ничего не знаютъ объ его планахъ пріобрѣтения Корфу.

2) Подъ тѣмъ же 1176 годомъ помѣщены два письма Георгія къ Мануилу Дукѣ Коминну, Богомъ хранимому царю. Въ первомъ (§ 23) Георгій пишетъ, что какъ только царь удалился изъ его глазъ, его оставили и то малое тѣлесное здоровье, которымъ онъ пользовался въ его присутствіи (сравненіе съ апостолами, одна тѣнь которыхъ враченана болѣзни). Георгій съ благоговѣніемъ перечитываетъ письма царя о случившихся съ нимъ непрѣятностяхъ и догадывается, какое сильное огорчение тотъ долженъ испытывать: если настукъ, приставленный къ стаду овецъ, огорчается, когда падаетъ или лежитъ или какой змѣй нападетъ на стадо и часть его похититъ, то что долженъ чувствовать любящій свою землю государь, когда варварское злоумышленіе и заговоръ разразятся нашествіемъ и разрушениемъ, ведущимъ за собою всякое зло, когда враги похваляются, что они возобладали противъ настъ и отняли значительную часть нашихъ владѣній, насчитывши душъ своихъ и достигнули, чего требовало ихъ непасынтое желаніе? Но слѣдуетъ переносить великодушино, что случилось, ибо побѣда измѣнчива, и Богъ не оставилъ сына своего не отомщеннымъ предъ злымъ сосѣдомъ. Пишущій увѣдомляетъ, что относительно замка (castrum) Керкирскаго, выѣтревшаго его попеченію, онъ принялъ всѣ оборонительныя военные мѣры. Извѣстій изъ Италии пока лѣтъ, потому что торговли сношения прерваны; пришелъ, впрочемъ, одинъ корабль изъ Бриндизи съ падомниками. Къ первой недѣлѣ Великаго поста надѣется что-нибудь узнать и сообщить достойное вниманія. Въ концѣ отвѣтѣ на запросъ объ отпущевіи на волю какихъ-то не свободныхъ людей, откуда видно, что Георгій пересталъ теперь дѣлать то, что дѣлалъ въ началѣ царствованіи Мануила (значить, писало не въ началѣ правленія).

И для этого документа единственное возможное иріуроченіе есть время Мануила Солунско-Эпирскаго, потому что въ славное для Византіи правленіе Мануила I (1148—1180 г.) совсѣмъ не было такого момента, когда онъ былъ бы

вынужденъ жаловаться одному изъ своихъ епископовъ на потерю значительной части своихъ владѣній.

3) Другое письмо Мануилу (подъ тѣмъ же 1176 г., §§ 24—26) изъявляетъ восторгъ и радость по поводу одной правительственной мѣры, принятой Кониномъ въ отношеніи къ острову Корфу (Керкире): онъ отдалъ островъ въ управление сестрѣ своей Конинѣ; этимъ онъ доказалъ величайшую свою за-ботливость о благѣ подданныхъ и т. д.

Никогда императоръ XII вѣка Мануиль Конинъ не отдавалъ какого-нибудь острова въ управление своей сестрѣ; это возможно разъ только при Мануилѣ Эндрискомъ, сестра которого была за феодальнымъ владѣльцемъ острововъ Ке-фалинъ и Занта, за графомъ Маттео, счтавшимся вѣрнымъ его союзникомъ. См. выше въ главѣ III.

4) Подъ 1178 годомъ помѣщено опять письмо къ императору Фридриху (§ 13), начинаяющееся напыщеннымъ прославленіемъ его могущества: на всѣхъ своихъ противниковъ онъ наводить страхъ, подобно льву, однинъ своимъ ры-капиемъ, напротивъ всѣхъ добровольно подчиняющихся его власти признается милостиво. Затѣмъ пишущий рекомендуетъ себя, какъ смѣренаго епископа Керкирской церкви, посланного родственникомъ и сыномъ его царственности—Мануиломъ Кониномъ, именно къ нему: это главная цѣль послы-ства; впрочемъ, если у послы хватить силъ, то онъ долженъ будетъ также на-править свой путь къ нацѣ. Противные вѣты, застигшие послы на пути изъ Корфу въ Бриндизи, заставили его не мало пострадать на морѣ; только съ большими трудомъ и опасностю онъ высадился въ Отранто 15-го октября; вслѣдъ затѣмъ его постигла тяжкая болѣзнь, и это, въ соединеніи съ суровою зимою, до сихъ поръ мѣшало ему пуститься въ путь, чтобы сиравить свое во-сольство; онъ надѣется, что съ первымъ наступленіемъ весны будетъ имѣть возможность представать предъ лицо императора.

Такъ какъ Фридрихъ I не былъ владѣтелемъ южной Италии, а съ осени 1178 года завѣдомо находился въ Германіи, то ближайшей путь къ нему ни-какъ не лежала чрезъ Отранто и Римъ. Сверкъ того о пребываніи Керкир-скаго епископа Георгія въ южно-итальянскомъ городѣ Отранто и объ его тамъ преніяхъ съ фратоминиуріями (инвортами) существуютъ и другія извѣ-стія; есть даже два трактата, написанныхъ Георгіемъ во время своей болѣзни. Само собою разумѣется, все это тѣмъ менѣе можетъ относиться ко времени Барбаруссы, чѣмъ и минориты (францисканцы) тогда не существовали.

5) Того же года § 14. Письмо къ патріарху Феуполу, то-есть, Великой Антиохіи, господину Симеону. Во время своей тяжкой болѣзни, посѣтившей его вдали отъ родины въ одинъ изъ городовъ Италии и воскрешатѣвавшей ему отиравиться въ Римъ, Георгій получалъ, при встрѣчѣ съ прибывающими издали монахомъ Христофоромъ, извѣстія о здравії Симеона и былъ тѣмъ обрадованъ; но въ то же время онъ и опечалился, услышавъ, что темные и злые пропски людей иначе мыслящихъ и слѣдующихъ инымъ догматамъ (ка-толикамъ) были для него причиной большихъ огорченій, и что до сихъ поръ онъ не имѣлъ возможности утвердить свой свѣтильникъ на настоящемъ его фундаментѣ, то-есть, въ собственной епархіи (*lumine, nondum in propriae ecclesiae fundamento firmato*).

Въ спискахъ Антіохійскихъ патріарховъ Симеонъ, конечно, встречается и подъ 1178 годомъ, но только на основании именно Баронія, отнесшаго къ такому году посланіе Георгія Коркирскаго. См. епіск. Порфирия. Списокъ Антіохійскихъ патріарховъ, въ Трудахъ Кіевской духовной академіи іюль 1874, стр. 75; мартъ 1875, стр. 96; мартъ 1876, стр. 84. Современникъ Мануила Комнина I, былъ собственно известный комментаторъ Но-моканова, Феодоръ Валсамонъ (до 1195 г.), а послѣ него въ арабскомъ спискѣ Ассемана поименованы Иоакимъ, Дороѳей, Симеонъ (*Le Quicen, Orient Christian.* II, 762). Съ другой стороны мы знаемъ, что Симеонъ патріархъ Антіохійскій упомянутъ въ сказаніи объ основаніи Терновскаго патріаршества въ 1235 году.

6) Годъ 1178, §§ 15 и 16. Письмо возлюбленному сыну духовному въ му-
дрѣшему императорскому патарю, господину Ioanniу Отрантскому. Здѣсь говорится о шестимѣсячномъ пребываніи Георгія въ южной Италиї; съ 17-го Ноября, когда онъ былъ принятъ въ домѣ Ioanna, онъ пролежалъ больнымъ, пользуясь уходомъ его домашнихъ; данныхъ ему порученій пишущій не въ состояніи былъ исполнить, а когда оправился и рѣшился пуститься въ предположенный путь въ городъ Римъ, то пришло письмо отъ государя, повелѣвающее безъ замедленія воротиться назадъ къ своей настѣ; пишущій жалѣеть, что ему не пришлось видѣть императора.

Въ 1178 году въ Отранто не могло быть никакихъ императорскихъ патарей, такъ какъ городъ принадлежалъ тогда королямъ Норманнскімъ или Сицилійскімъ.

7) и 8) Годъ 1179, §§ 10, 11 и 12. Два письма къ настоятелю монастыря Казолы (*Casulorum*) Нектарію. (Монастырь Казолы находился въ южной Италиї близъ Оранто). Нектарій, какъ видно изъ этихъ писемъ, приваджалъ къ местному греческому населенію, сохранившему свой языкъ и привязанность къ православной греческой вѣрѣ и подъ чуждымъ владычествомъ; онъ бывалъ въ Римѣ и вѣль тамъ диспути съ католиками въ присутствіи самого Римскаго первосвященника. Георгій желаетъ поддерживать съ нимъ знакомство и дружбу, просить, чтобы онъ ему писалъ, посылаетъ привѣтствія Ioanniу Отрантскому; во второмъ письмѣ припоминаетъ свое первую съ нимъ встречу въ Константинополѣ, когда Нектарій сопровождалъ Пелагію, а онъ самъ, Георгій, уполномоченъ былъ Аевскимъ митрополитомъ заступать его мѣсто.

Удивительно, что имя Пелагія, известнаго легата папы Иннокентія III, никакъ не остановило Баронія и не заставило дать письмамъ Георгія лучшее пріуроченіе.

9) Годъ 1180, § 24—23. Посланіе къ вселенскому патріарху, которое отнесено нами къ 1233 году и приведено было въ текстѣ.

10) Тотъ же годъ, § 30. Судъ города Отранто II и козаю—по новоду смерти настоятеля монастыря Казолы, Нектарія; огдѣленный отъ него моремъ и занятый многими мірскими заботами, Георгій не имѣлъ возможности дать послѣднее изѣданіе и сказать послѣднее «прости» этому столпу православія, славѣ Италии и украшенію Рима. Въ семъ послѣднѣй городѣ происходилъ толь диспутъ, въ которомъ Нектарій показалъ сыну своей рѣчи и явился въ отноше-

він къ противникамъ страшныи, какъ огнь пожирающій. Когда Георгій держать въ рукахъ его сочиненія, писанныя на двухъ языкахъ, по гречески и по латыни, то ему кажется, что онъ находится съ Духомъ Святымъ, получается исхожденію Духа Святаго отъ отца, каково бы оно ни было (quaesumque illa sit), не смѣшиаетъ троичности лицъ и осуждаетъ мнѣнія противниковъ изобрѣтающихъ новые пути. Читущій надѣется, что Николай, который былъ патомцемъ Нектарія, съ дѣлствія жиль вмѣстѣ съ нимъ, не будетъ удивленъ глубиною и продолжительностью начали пишущаго о такой потерѣ.

11) Годъ 1188, § 80. Письмо Іерусалимскому патріарху Асанасію съ отиѣтомъ патріарха—не заключасть изъ себѣ никакого фактическаго содержанія. Бароній отнесъ письмо къ 1188 году, а не раньше, только потому, что до взятия Іерусалима Саладиномъ овѣ не могъ предполагать тамъ православнаго патріарха на раду ст. латинскимъ; но въ данное время все-таки никакого Асанасія тамъ изъ другихъ источниковъ name неизвѣстно (см. Le Quicq, Orients christ. III, 504). Какъ уже было у насъ замѣчено, Асанасій Іерусалимскій упоминается въ Синодикѣ царя Бориса и много разъ въ исторіи двухъ на ломничествъ св. Саввы Сербскаго во славу землю. Даки чичъ, Жизнь Светога Симеуна и Светого Саве (у Биограду, 1865), стр. 266, 271, 303, 325 и др.

Такимъ образомъ, путемъ почти однихъ только отрицательныхъ доказательствъ все-таки съ явно несомнѣнностью устанавливается тотъ фактъ, что письма Георгія Керкирскаго, изданныя въ переводѣ Бароніемъ, не могутъ относиться ко времени Фридриха Барбаруссы и Мануила I, Византійскаго императора; а послѣ этого не остается другого выбора, какъ царствованія, съ одной стороны, Фридриха II, а съ другой—Мануила Комнина Солунскаго и Эпирскаго. Тѣ письма, въ которыхъ говорится о Мануилѣ Комниноудѣ, какъ о государѣ, должны быть помѣщены на пространствѣ десяти годовъ отъ 1230 до 1240 или 1241; остальные также могутъ быть относимы только не къ очень отсюда далекому времени. Что касается времени пребыванія Георгія изъ южной Италии, то оно можетъ быть еще точнѣе опредѣлено посредствомъ сопоставленія съ другими данными, почерпнутыми изъ иныхъ источниковъ; такъ какъ вопросъ касается довольно любопытныхъ, но до сихъ поръ оставляемыхъ безъ вниманія или же неизвѣстныхъ для изслѣдователей свошеній Греческихъ государей съ Фридрихомъ Гогенштауфеномъ—только съ 1250 года они становятся для насъ ясными и несомнѣнными,—то конечно, не называемыи будуть и дальнѣйшия наши разысканія.

Въ сочиненіяхъ *Aliatio de ecclesiae Occidentalis atque orientalis perpetua consensione* (Coloniae Agripinae, 1648) и *Diatriba de Georgiis et eorum scriptis* (при Парижскомъ позднѣ хроники Георгія Акрополита) и др.—вѣ сколько разъ говорится о Георгіѣ митрополитѣ Керкирскомъ, приводятся отрывки изъ его сочиненій; при этомъ ученый хіосскій грекъ-папистъ, которому поручено было заіѣданіе Ватиканской библіотекой, вслѣдъ за Бароніемъ постоянно отводить время жизни своего Георгія къ XII вѣку, отожествляя его съ авторомъ писемъ въ Церковныхъ Анналахъ; здесь даже вдвойнѣ повторяется та же самая ошибка: приподнятыя *Aliatio* ціемъ выдержаны изъ писаний Георгія митрополита рѣшительно не могутъ относиться

къ XII вѣку. Вотъ что мы узнаемъ отъ Алліація (*De Georgis* I. c. 339, 340; *De perpetua consuessione* pag. 663). Оавъ самъ читалъ въ Барберинской библиотекѣ нѣсколько сочиненій Георгія противъ латинянъ; одно изъ нихъ, какъ гласило греческое заглавіе, было написано авторомъ по время богоѣзія, когда онъ лежалъ въ монастырѣ Казольскомъ (тѣмъ Касойѣшъ) и никакъ былъ не отвѣту вопросамъ такъ-называемыхъ «фрато-минуріевъ» (*Fratres minores*, францисканцы) относительно существованія чистилища огня, а другое—касалось вопроса объ опреѣнокахъ, и въ немъ между прочимъ преимущество красного хлѣба доказывалось найденою будто бы въ сокровище-хранительнице константинопольскаго императорскаго двора частицею того хлѣба, отъ котораго Христосъ на вечернѣ далъ своимъ ученикамъ. Кодексъ, который содержалъ эти два трактата, былъ очень древній, пергаментный, разорванный, дурно перевѣтненный, исполненный ошибокъ; онъ былъписанъ рукою какогото Ioanna Неретинскаго—апло *Domiini MCXXXVI* (а въ *Diatriba de Georgis*—1036), который, то-есть, Ioannъ—самъ прописалъ четверостишие, ило для пасхъ интересное, а затѣмъ сѣдующую замѣтку: ἐγράψη τὸ παρὸν βιβλίον διὰ χειρὸς Ἰωάννου Νερετινοῦ μηνὶ Ιουνὶ φεγγί τὰς γένερα παρασκευῆ ἡμέρας Η' ἔται σύμβολον (*in Diatrib. срѣдъ* тѣс. 9. *Scriptus est hic liber manu Ioannis Nereceni mensis Junii die decimo tertio, Parascēbus hora nona Aplo VI MDXLIIV indictione nona.* Если вычесть отсюда (изъ 6644, а не изъ 6544, какъ ошибочно напечатано въ латинскомъ перевѣдѣ записи) 5508 годовъ до Р. Х., то получится 1136 годъ по Р. Х., замѣчаѣтъ Алліацій, а черезъ четыре года послѣ этого началь царствованиемъ Мануила (на самомъ дѣлѣ только съ 1143), такъ что сборникъ, иѣроントно, писанъ еще при жизни Георгія. Удивительнымъ образомъ Алліацій называетъ о томъ, что онъ въ XI, или въ XII вѣкѣ не существовало ищущегощааго ордена міноритовъ, учрежденаго только при Иоаннѣ III. Сверхъ того, ни 1036, ни 1136 годъ не были девятнадцатью годомъ индикта, а равными образомъ 13-е іюня не приходилось тогда въ пятницу; оба эти условия указываютъ на 6744(=1236) годъ, когда уже существовали мінориты, и пѣть сомнѣнія, что въ пропискѣ Ioanna Неретина вмѣсто съмѣдъ или срѣдъ нужно читать: сѣмѣдъ (=6744): очень простая и довольно обычная ошибка, объясняемая сходствомъ начертанія соответствующихъ буквенныхъ цифрическихъ знаковъ. Итакъ, въ іюнѣ 1236 года какимъ-то писецъ въ южной Италии, на чѣо указываетъ его прозваніе—*Neretum* у Оннідія, *Neretini* названіе жителей у Планія, *Neritonium* въ среднихъ иѣзахъ, теперь *Nardo* на юго-западной сторонѣ Апулии при Тарентинскомъ заливе: противъ Отранто (о греческомъ монастырѣ и монахѣ въ Нардо—*Rodotѣ*, *Del rito grecos in Italia*, I, 388—390), были уже переписаны сочиненія, появившіся, очевидно, въ очень подавнее время, такъ какъ раньше втораго десятилѣтія XIII столѣтія мінориты не могли бы то ни было спорысками, а одинъ изъ трактатовъ прямо написанъ по ихъ вызову. Даже не вникая въ подробности, легко сообразить, что авторъ этихъ трактатовъ, Георгій митрополитъ Керкирский, очевидно тождественъ съ Георгіемъ—тоже митрополитомъ Коркірскимъ, писавшимъ известныя намъ письма. Алліацій былъ, конечно, правъ, принимая эту тождественность, но онъ не правъ былъ въ томъ, что помѣщалъ своего тождественнаго съ Бароніевымъ Георгіемъ въ XII вѣкѣ.

Позднѣйшіе и новѣйшіе ученые (*Oudin, Commentar. de scriptor. Eccles.*

antiqu. II 1713; *Mus toxidi, delle cose Corcigesi I, 424*) приходить къ мысли о двухъ Георгіяхъ Керкирскихъ, изъ коихъ одинъ жилъ въ XII вѣкѣ и писалъ письма къ Фридриху Барбароссѣ, а другойъ вѣль диспуты съ миноритами и писалъ противъ нихъ богословскіе трактаты; но такими образомъ, не смѣя отступить отъ авторитета Баронія, эти ученые несколько не приблизились къ правильному решенію именно во вопросѣ о письмахъ. По нашему, вопросъ разрѣшается просто тѣмъ, что никакого Георгія Керкирскаго, современаго Барбароссы и Мануила I Комнина, мы не знаемъ, а есть только одинъ Георгій митрополитъ въ Корфу, писавшій и дѣйствовавшій въ первой половинѣ XIII вѣка, то-есть, Георгій Варданцъ, возведенный на назначенную каѳедру въ 1219 году (см. въ предыдущей книжкѣ Журнала М. Н. Пр., стр. 8). Одинъ изъ указываемыхъ Аллакіемъ трактатовъ написанъ во время поздоровья, когда авторъ лежалъ болѣй въ монастырѣ Казолы, какъ это ярко объяснено въ заглавии (ἀρχὴ ἐπισημειώσεων πρὸς ἄπερ ἡρωτήθημεν κατακείμενος ἀσθενῶς ἐν τῇ ἑγιείᾳ μονῆ τῶν Κασσούλων παρὰ τῶν λευκομένων φρατομιουρίων). Согответственно тому изъ писемъ мы узнаемъ о дружественныхъ отношеніяхъ ихъ автора къ Пектарію, настоятелю этого самаго монастыря. Сверхъ того, нужно припомнить, что обитель св. Николая въ Казолахъ находилась подъ Отранто; это былъ одинъ изъ тѣхъ монастырей, гдѣ держался греческій обрядъ и греческій богослужебный, а также и разговорный—языкъ со временъ Византійскаго государства до позднѣйшихъ: въ старинномъ сочиненіи (прошлаго вѣка) Родотѣ, посвященномъ исторіи восточнаго обряда и василіанскихъ монастырей въ южній Италиї, есть сѣдѣніе обѣ ученої школѣ въ земѣ процветавшей (Rodotà, *Del rito Greco in Italia II, 120* и сл.). Когда Георгій Керкирскій говорить въ своихъ письмахъ о томъ, какъ онъ пробоголь почти всю зиму въ Отранто, то тутъ разумѣется та самая болѣзнь, которая заставила его пролежать вѣрхъ сколько времени въ монастырѣ св. Николая. Однимъ словомъ, если нельзя допустить существованія двухъ Керкирскихъ митрополитовъ, называвшихся Георгіями, занимавшихъ каѳедру въ одно и то же время, то тождественность автора писемъ Бароніевъ съ авторомъ трактатовъ не поддается сомнѣнію. Отсюда вытекаетъ слѣдующее заключеніе: такъ какъ въ іюнѣ 1236 года трактаты Георгія уже переписывались въ сосѣднемъ монастырѣ Неретинскомъ (Нардо), то сочиненіе ихъ должно относиться къ одному изъ ближайшихъ годовъ считая съ 1230, когда Мануилъ, отправившій Георгія посломъ послѣдъ къ напѣ Фридриху II, послѣдовалъ въ управлѣніе Оеодору Энірскому. Съ весны 1235 года до осени 1236 Фридрихъ II находился вдали отъ Италии, въ пѣнзенскихъ земляхъ, и потому не вѣроятно, чтобы именно весною 1236 года Георгій могъ собраться изъ Отранто на свиданіе съ нимъ; какъ видно изъ письма подъ № 4, Георгій разчитывалъ представиться императору въ Италии, даже ближе Рима, а прибывъ осенью 1235 года, опять давно бы зналъ обѣ удаленіи Фридриха изъ Италии. 1233 годъ долженъ быть также исключенъ, потому что въ этомъ году лѣтомъ Георгій присутствовалъ на собраніи греческихъ епископовъ по поводу отправленія патріархомъ Германомъ митрополита Антилскаго въ качествѣ экзарха на западъ, а затѣмъ—во время помѣщавшаго собора—лежалъ болѣй у себя дома (см. въ предыдущей книжкѣ Журнала М. Н. Пр., стр. 47). Всего вѣроятнѣе, что послѣдство относится къ 1231 г., когда еще не образовалось коалиція противъ латинянъ съ Болгарскимъ Аск-

и некъ во главѣ, въ которую приужденье было вступить и Мануиль. Мы могли бы предположить, что написал грамота Мануилу, данная весною 1232 года, была отътомъ на тѣ предложенія, которыхъ долженъ быть сдѣлать Георгій лично, но вслѣдствіе извѣстной нравы могъ передать только чрезъ другихъ (чрезъ Нектарія Казульскаго). Осенью 1231 года императоръ Фридрихъ находился въ Равеніѣ, весною 1232—въ Равеніѣ, Венеції, въ Аквіле, а съ юна—въ Меді, въ южной Италии (Boehmig-Ficker, *Regesta imperii*, V, подъ соотвѣтствующими годами). Въ 1232 году Мануиль находился въ самыхъ оживленныхъ сообщеніяхъ съ православными Никейскими патріархомъ и царемъ Ioannomъ Дукою; было бы совершенно не нужнымъ двуличіемъ и лицемѣріемъ, еслибы онъ въ то же самое время сталъ завсکивать у папы и Западнаго императора. Кроме 1231 года, возможно, впрочемъ, допустить существованіе такихъ сношеній въ 1234, такъ какъ все-таки не видно, чтобы Мануиль былъ ревностныи и совершиенно искреннии участникомъ извѣстнаго намъ союза, напрашеннаго противъ латинянъ; онъ не былъ на свиданіи въ Галиполѣ и не упоминается въ исторіи осады Константиона. Осенью этого года Фридрихъ II находился въ южной Италии и здѣсь же оставался весну 1235 до отѣзда въ Германію. Итакъ, приходится остановиться на та-комъ заключеніи, что прибытие Георгія Керкирскаго изъ Оранто, его тамъ диспуты съ миноритами и отправленіе письма (№ 4) къ Фридриху II относится къ осени и зимѣ 1231, либо 1234 года, а обратный отѣздъ къ апрѣлю и мѣсяцъ 1232 или 1235 годовъ.

Очень важно было бы узнать, къ какому времени относится письмо подъ № 1, изъ котораго мы узнаемъ о планахъ Фридриха II на приобрѣтеніе острова Корфу: объ этихъ замыслахъ ничего не знаютъ ни Ширрмакеръ (*Schirrmacher*, Kaiser Friedrich der Zweite. 4 Bde. Göttingen, 1869—1865), ни Винкельманъ (*Winkelmann, Geschichte Kaiser Friedrich des Zweiten*, 2 Bde. 1863—1865), такъ какъ письма Георгія Керкирскаго въ своемъ отношеніи къ изучаемой имъ эпохѣ оставались для нихъ неизвѣстными. Можно предположить, что Георгій получилъ предложеніе въ этомъ смыслѣ еще въ Оранто—въ видѣ отвѣта на свое письменное обращеніе къ императору. Во времена своего Переѣзда изъ Италии въ Палестину для совершенія своего крестового похода въ 1228 году (въ юнѣ), Фридрихъ остановился и на островѣ Корфу, но всего изъ-сколько часовъ (*Huillard-Bréholles, Historia diplomatica Frederici III*, 489), такъ что времена для переговоровъ тогда не было; иртотъ Мануиль тогда еще не былъ государемъ Энірскімъ: грамота, подтверждавшая право и привилегія митрополіи керкирской дала имъ въ началѣ своего правленія, въ 1230 году (*Maitroxi, Hellinotapton* p. 208. Шорф, *Geschichte Griechenl.* p. 268). Но кто такой могъ бытьмагистръ и судья (*magister et iudex*) Осма, послужившій Георгію переводчикомъ и по видимому, въ качествѣ императорскаго уполномоченнаго? Хотя мы и не имѣемъ греческаго подлинника письма Георгія, но въ латинскій переводъ довольно ясно даетъ намъ понять, что тутъ рѣчь идетъ о такъ-называемыхъ *magistri justiciarii*, а это были высшіе судебные и административные чины въ норманнскомъ государствѣ. Ихъ было трое: 1) надворный главный судья, *magister justiciarius curiae*, Grosshofjusticiar, 2) главный или великий судья Апулии и Terra di Lavoro, 3) главный судья острова Сициліи (см. Ficker, *Forsch. zur Rechts- und Rechtsgesch. Italiens* 1,

362 и сл.); впрочемъ первымъ два звания при Фридрихѣ II, около 1231 года, подлагаются, были соединены въ одно (Ficker, I. c. I, 584). Въ 1231 главнымъ судьей, *magister justitiarius*, въ Апулии и *Terra di Lavoro* былъ съдьяль *Thomas de Aquino, comes Acerragum* (Ryccard. Chron. Pertz, SS. XIX, 340), личность, занимавшая видное мѣсто въ кругу главныхъ приближенныхъ съѣтниковъ Фридриха, одинъ изъ регентовъ королевства во время отъезда Фридриха изъ Италии (тогда къ титулу его присоединяется выражение *capitaneus*); въ 1235 году онъ еще разъ является съ титуломъ великаго или главнаго суды (Ryccard, p. 373: *Thomas de Aquino Acerragum comes magister justitiarius*). Въ Рождество 1231 года великий судья графъ Фома былъ у императора въ Равенѣ, но уже въ январѣ воротился отъ него, назначенныи правителемъ королевства (*capitaneus regni: Boehmer-Ficker, Regesta imper. V, 882 № 1919; ср. Forschungen zur Doutschen Gesch. XII, 558*). Что касается до нотарія Іоанна Отрантскаго, упоминаемаго въ письмахъ № 6, 7, 8, то не слѣдуетъ думать, что его мы должны отыскивать именно въ числѣ чиновниковъ города Отранто; напротивъ, прозвание указывается только на происхожденіе изъ этого города, а въ законодательствѣ Фридриха для южной Италии даже прямо воспрещалось назначеніе чиновниковъ изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ. Когда Георгій оставилъся въ его домѣ, нотарій Іоаннъ не находился въ Отранто. Мы можемъ съ полнымъ правомъ отожествлять его съ тѣмъ нотариемъ императорской канцеляріи, который начинаетъ подписывать документы съ 1227 года (Huillard-Bréholles, Histor. diplomat Freder. III, 16 примѣч. III, 199: *Ego Iohannes imperialis aule notariuſ*); въ 1239 году, оставилъ въ томъ же званіи, онъ уже играетъ первенствующую роль въ императорской куріи, а въ 1240 году Іоаннъ Отрантскій, съ титуломъмагистра, исполняетъ должностъ надворнаго великаго суды, принимая пропелія на имя императора (Winkelmann, Acta imperii inedita seculi XIII. Innsbruck, 1880, pag. 734, 737, 738, 739) Наконецъ, въ документахъ времени Фридриха II можетъ быть отысканъ и тотъ судья города Отранто, Николай, который былъ ученикомъ Нектарія ягумена монастыря Казольскаго и, следовательно, принадлежалъ подобно Іоанну къ южному греческому населенію (это присутствіе грековъ въ составѣ областнаго и центральнаго управліенія въ южно-итальянскомъ королевствѣ Фридриха — фактъ весьма знаменательный): въ 1231 году Николай изъ Джераче въ Калабріи (*Nicolaus de Girachio*) былъ простымъ финансовымъ чиновникомъ въ Апулии (*rationalis in Apulia*), а въ 1239 году онъ уже является судьею области Отрантской (Winkelmann, Acta ined. sec. XIII. 624, 641, 642: *Nicolao de Girachio justitiario terre Vdroniti et ceter*): Георгій писалъ къ нему съ Керкиры уже послѣ своей поѣздки въ южную Италию, когда тотъ сдѣлалъ болѣе важными лицемъ, но познавшись съ нимъ могъ ранѣе, еще въ прежнемъ его званіи. Нѣтъ никакого основанія разсуждать о тождествѣ судьи отрантского Николая съ епископомъ Отрантскимъ Николаемъ, который жилъ въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтій, самъ написалъ нѣсколько сочиненій противъ латинянъ и служилъ переводчикомъ во времена состязаній между греками и латинянами въ присутствіи кардинала Бенедикта (не Нелагія), легата папы Иннокентія III (см. отрывокъ изъ его сочиненія у Алліаша *De regreta consensu*. pag. 704 въ началѣ; Бенедиктъ былъ назначенъ легатомъ въ 1205 году: *Pothast, Regest.*, № 2498—

2499): все, что въ этомъ смыслѣ говорится у Аллаци и Мустоксиди (*Delle cose Corciresi* p. 425), совершенно неправильно и при томъ излишне. Въ сочиненіяхъ Николая Отрантскаго, точно также истրѣчается сказаніе о находкѣ частицъ хлѣба, употребленнаго Христомъ при тайной вечерѣ, въ скоропищерханительницѣ царскихъ падать византійскихъ. По замѣчанію Аллаци (pag. 706), Николай Отрантскій въ своихъ сочиненіяхъ многое заимствовалъ у Георгія Керкирскаго: само собою разумѣется, что мы должны понимать это па обороть, что Георгій въ своемъ сочиненіи противъ латинянъ многое заимствовали у Николая, старшаго своего современника. Сверхъ того, по указанию Аллаци, вслѣдствіе небрежности писецъ Георгію часто приписывается то, чтѣ принадлежитъ Николаю. Очень вѣроятно, что и тутъ отрывокъ, въ которомъ говорится о Символѣ вѣры, начертанномъ на серебряномъ щитѣ папою Львомъ III, приписанный самимъ Аллациемъ Георгію (*De perpetua consens. pag. 581*) принадлежитъ скорѣе Николаю: авторъ говорить, что онъ самъ своими глазами видѣлъ это падансіе — конечно, безъ *filioque* — въ Римѣ у мощей апостола Павла; но мы знаемъ, что по крайней мѣрѣ во время своего послольства Георгій Керкирскій не достигъ Рима. Георгій въ своемъ письмѣ къ игумену Нектарію говорить о своемъ съ нимъ знакомствѣ въ Константиноپолѣ, куда Нектарій сопровождалъ господина Пелагія (*cum dominus Pelagius te secum trahobat*), а піишущій явился въ качествѣ уполномоченнаго отъ аенискаго епископа, подъ которымъ долженъ разумѣться Михаилъ Акоминаттъ, чѣмъ и оправдывается его паменование „свѣтильникомъ міра“ (*at ego legatione fungebam pro Athenarum episcopo, orbis scilicet lumine, eius uices sustinens*): не имѣя намѣренія останавливаться здѣсь на первоначальной біографіи Георгія, мы отмѣчаемъ только тотъ фактъ, что до 1213 года, къ которому относится отправленіе легата Пелагія на востокъ (*Raynald. Annales sub ann. 1213, § 6; Pottbast, Regesta Pontif. № 4803—4804; Acropolit. ed. Bonn. pag. 32*), Георгій еще не былъ митрополитомъ, чѣмъ уничтожается возможность различныхъ напрасныхъ догадокъ. Наконецъ, что касается писемъ Георгія къ Мануилу Комнину, то одно изъ нихъ, указывающее на потерю этимъ государемъ значительной части его владѣній, очевидно, написано въ 1237 году или не много позже, послѣ того какъ Мануиль потерялъ собственно эпирскіи свои земли, но еще сохранилъ за собою болунскія и вессалійскія владѣнія: Керкира, укрѣпляемая вѣрнымъ прежнему государю епископомъ, держалась, очевидно, долгѣ, чѣмъ Драчъ и другіе города.

II.

О синодикѣ царя Бориса.

Возвращаемся къ Синодику царя Бориса главнымъ образомъ ради того, чтобы и съ своей стороны выразить желаніе видѣть полное изданіе всей рукописи, заключающей въ себѣ этотъ важныи памятникъ болгарской письменности. Изъ статьи Т. Д. Флоринскаго, помѣщенной въ Юбилейномъ Сборнике профессора Ламанского („Къ вопросу о Богомилахъ“), мы узнаемъ, что рукопись, бывшая въ рукахъ Палалузова, находится теперь въ народной библиотекѣ въ Софіи. Составъ ея проф. Флоринскій описываетъ слѣдующимъ обра-

зомъ: „Она представляетъ довольно обширный сборникъ, заключающій въ себѣ разныхъ молитвословія и чины священномѣдѣйствій, совершаемыхъ высшими іерархами церкви—патріархами и митрополитами. Такъ мы находимъ здѣсь чинъ апостолствованія въ видѣю православія, молитвы на поставленіе кесаря, чинъ оброда умовенія ногъ, молитвы на праздники пятидесятницы и т. д.“. Къ сожалѣнію, профессоръ Флоринскій не имѣлъ возможности переписать памятникъ цѣлкомъ и даже дать полное описание рукописи; но оль остановилъ свое вниманіе на тѣхъ листахъ ея, которые содержатъ апостолствованія ажеученіемъ богоизбранныхъ. До 13-го листа идетъ перечень разныхъ восточныхъ ересей, проклиняемыхъ православной церковью, и здѣсь сборникъ, нѣроятно, представляетъ буквальный переводъ съ греческаго, а съ 13-го листа вачинаются заблужденія богоизбранныхъ — съ именемъ имѣнно болгарскихъ представителей этого толка.

Для пась все-таки остается неяснымъ, къ чому собственно и непосредственно приныкало сказание о Терновскомъ соборѣ 1211 года, и что въ этомъ сказаніи разумѣлось „подъ православными соборами“, на которые оно было написано.

III.

1. Письмо Мануила деспота Балканскаго къ патріарху.

Πρὸς τὸν πατριάρχην.

Καὶ λᾶς ἡγεῖσθαι μακαριστὸν, εἰ δὲ καὶ τὸ μὴ τέλους ἄχρι τὴν οἰκαίρη πει-
σμονῇ συνεκθυνήσκειν ἔστιν οὐ τῶν ἐπαινουμένων. μακάριος ἄρα καὶ σὺ πατέ-
ρων πάτερ παναγιώτατε, καλῶς παρ' ἡμῶν ἡττώμενος καὶ τῷ ἡμετέρῳ συγ-
κατανεύσας θελήματι, μᾶλλον δὲ οὐδὲ τῷ ἡμετέρῳ, ἀλλὰ τῷ φυσικῷ, καὶ δὲ
καὶ τῷ Θεῷ. καὶ φύσις γάρ αὐτὴ τοὺς ἵστρους πότε τοῖς τῶν νοσούντων
θελήμασιν ἄγει συγκατείναι, καὶ ὁ δὲ ἐμὲ πτωχεύσας Θεὸς Λόγος το-
σοῦτον τοῖς τῶν δεομένων ὑπεχώρει θελήμασιν, ὥστε καὶ μὴ ζητοῦντος
τοῦ ἑκατοντάρχου ἐκείνου ἐλθεῖν τὸν θεάνθρωπον εἰς τὴν οἰκίαν αὐτοῦ ἀφ'
φ τὸν διῆλον τούτου ιάσας θεῖ, ἀλλ' ἐκεῖνος ἐλεγεν· ἐγὼ ἐλθὼν θεραπεύσω
αὐτὸν. ὅρξε, κυριοφαίξ παντὸς ἀγαθοῦ. ὡς οὐχ ἡμέτερον ἀκλῶς ἐξεπέραντας
θελημα, ἀλλὰ καὶ πρὸς τί ἐντρανίσας ὀρειλημένον ἐποίησας. λέγεις δὲ, ὅτι
παρ' ἡμῶν ἡττήθης, ἀνθρώπων γενναῖότατος· τοῦ μυστηρίου βαζαῖ, ἡ γάρ
δυτῶς ἔστι θαῦμα θαυμάτων, εἰ νενίκησαι ὁ δύσκαταγώνιστος καὶ τρόπαιον
ἡμεῖς κατὰ τὴν σῆ; ἀνδρείας ἐστήσαμεν. ἀλλ' ίσθι, διτι λαμπρότερον σεαυτῷ
παραδόξως ἀναπλεξω τὸν στέφανον νῦν μᾶλλον, ὅταν τὴν ἡτταν ταύτην εὐτέ-
γῶς ἐκληρώσω, ἡ ὅτε τὴν Καδμείαν ἐκείνην δυσκλήρως νίκην νενίκητκας.
οὗτ[ο]ς γάρ ἐγὼ καλεῖν ἐθέλω τὸ προλαβὸν ἐκεῖνο δύσκηλον καὶ τὸ περὶ
τὰ πράγματα σκληρόγυνωμον καὶ ἀντίτυπον. οὐκέτι γοῦν Ἐφραὶμ καὶ
Ἰούδας, οὐδὲ καταφάγεται οὕτος ἐκεῖνος καὶ ἐκεῖνος τοῦτον, ἀλλ' εἰς λαῖς
οἱ ἐκ Ιακώβου, αἰνοῦντες ὁμοστόμως καὶ εὐλογοῦντες τὸν Θεὸν ὑπὸ χορειάρχου

τῷ μεγάλῳ πατριάρχῃ, τῷ παρ' ἡμῖν Ἰακώῳ, τῷ ἐν τοῖς ἐπιτηδεύμασι τῶν χαιρῶν αὐτοῦ ἄγοντι καὶ ποικίλοντι τὴν παρατεθειμένην τούτῳ ποιμνην παρὰ Θεοδ., καὶ τὰς δός ἀδελφὰς νομφευσαμένῳ, τὴν ἀνατολήν φημι καὶ τὴν δύσιν, εἰ καὶ προχρονίως μὲν ἔκεινην, ἀντιχρονίως δὲ τὰ ὥμετερα. μακάριος εἶ οὐ κατὰ γάρ τοὺς τῶν παλαιστῶν δοκιμωτάτους ἐπιστημονικῶς ἡγωνίσω, καὶ δοκῶν πίπτειν νενίκηκας καὶ τοὺς ὑπερκειμένους ὑπέθου καὶ ὑπόστρωμα τούτους ποιεῖς σεαυτῷ. εὗγε σοι τοίνυν τῆς τοιαύτης ἡττῆς, εὗγε ἡμῖν τῆς νίκης, μᾶλλον δὲ τὸ ἀνάπαλιν· εὗγε γάρ τῇ σῇ ἀγίστῃ τῆς πανυπερλάμπρου νίκης, ἐπει νενίκηκας ἴδου καὶ τὴν δύσιν, ἣν οὐδεὶς τῶν πρὸ σοῦ καθιδρονθέντων ἐν τῇ Νικαίᾳ νενίκηκεν, εὗγε καὶ ἡμῖν τῆς ἡττῆς ἀπαρακαλύπτως ὑποθαλούσῃς ἡμᾶς τε αὐτοὺς καὶ τὰ ὑψ' ἡμᾶς τῇ πατριαρχικῇ μεταρσιότητι. οὐκέτι γάρ ὁδε καὶ ἔκει τὸ πατριαρχικὸν ὑποτονθορμοσαῖήσεται κλέος ἐν τῇ ἐφ' ἡμᾶς ἐπικρατείᾳ, ἀλλ' ὑποκλάτει στόματι καὶ γλώσσῃ εὐφήμῳ δεδοξασμένα περὶ αὐτοῦ λαληθήσεται, τί τοῦτο, ἀνδρῶν μεγάθυμε καὶ ἀγήτητε, οὕτως ἡττῶθαι μεριάθηκας; οὕτως ἀλίσκει παρ' ἡμῶν ὁ δισαλωτος; μακάριος εἶ· τὸ γάρ τοῦ Χριστοῦ μου πραῦθυμον ὡς ἄγκιστρον ἐκ τῶν ἔων σκοπέλων ἐν τῇ δυτικῇ καθυποχαλάσσας θαλάττῃ ζωγρίαν ἀνήνεγκας μυριάδας ἀνθρώπων, οὐκον ἀριθμητῶν, ἀριστον ἀρίστως ἡτοιμασμένον αὐτῷ καὶ πανδαισίαν τῇ ἑαυτοῦ τραπέζῃ ἀρμόδιον. εὐλογητὸς οὖν αὐτὸς ὁ συνάπτων τὰ νέα τοῖς παλαιοῖς, καὶ πάλαι μὲν γάρ Παῦλος ὁ τὸν Χριστὸν δόλον ἐν ἑαυτῷ περιφέρων συνασθένει τοῖς ἀσθενοῦσι καὶ ὑπὲρ τῶν σκανδαλιζομένων ἐκπορύτο καὶ πάντ' ἐποίει καὶ πάντ' ἐπασχεν, ἵνα πάντας καίπερ ἀπειθοῦντας κερδήσῃ· νῦν δὲ οὐ Παῦλος νέος ὑπὸ Θεοῦ ἀνεγγίγερος καὶ ζήλῳ ζηλοῖς κατ' ἔκεινον τὴν ἐκκλησίαν Χριστοῦ, καὶ ὑπὲρ πασῶν τῶν χριστινῶν ἐκτήκει ψυχῶν. μεριμνῶν οὖν καὶ τορβάλων καὶ περὶ τοῦ καθ' ἡμᾶς ἐνταῦθα κλίματος, καίπερ μὴ τραχγλιάζοντος εἰς τὸ κατασκηνοῦσαί σου τὴν δόκειν ἐν τῇ γῇ ἡμῶν, εὔρες δπερ ἐζήτεις. καν γάρ τὴν ἡμερῶν ἀκραγία προεκώλυσ σου τὸ πρόθυμον, ἀλλὰ θυροκρουστοῦντι συχνὰ δι' εὐχῆς, ὅφε ποτ' ἀνοίγει Θεός καὶ τὴν καλοῦ ἔξομαλίζει ὁδόν καὶ αἱρει τοὺς λίθους ἀπ' αὐτῆς καὶ εὐθεῖαν ποιεῖται αὐτήν. τί γοῦν ἔσται ἀπὸ τοῦ νῦν; τί σοι ἀλλο ποιήσω, ὃ μέγας τῆς οἰκουμένης φωσφόρε; ἡνοίγησάν σοι αἱ ὁδοί, τὰ τῶν λίθων προσκρούσματα μετετέθησαν,—τοῦ λοιποῦ ἵπκευε καν τῇ δύσει καὶ διφρηλάτει, ταχὺς ὡς γίγας, καλὸς ὡς νομφίος ἐκ παστοῦ αὐτοῦ, πάντα περισκόπει, καταφώτις ἐνύπαντα, μηδεὶς ἡ μηδὲν ἀποκρυπτέσθια τὴν θέρμην σου, τὰ μὲν δὴ περὶ τῶν τοιούτων ἐτέρα τις κομψευμένη γλῶσσα καὶ γλαφορὰ καὶ καλλιπλοκεῖν εὐφυῶς τὰ τοιαῦτα γινώσκουσα διαλαλήτω τρανῶτερον. ἡμεῖς δὲ στρατιῶται δντες, τὴν γλῶσσαν ἀποίκιλοι καὶ πρὸς κάλλος ἔσσειν τοὺς λόγους μὴ ἔκαστησαντες, ἐνταῦθα καν ἀτέχνως καὶ ἀκαλλῶς τὸν περὶ τούτου λόγον συγκλείομεν. ὃ δέ γε παναγιώτατος μητροπολίτης Ἀγκύρας ὁ

παρὰ τῆς σῆς ἀγιότητος πεμφθεῖς εἰς τὰ καθ' ἡμᾶς ἑσκέρια, ώστε τὸν τῆς ἀγιότητος σου τόπον ἀποκληρώσαι καὶ καταφωτίσαι τὰ ἐπὶ κολὺ τῆς πατριαρχικῆς διανοίας μὴ ἀπολαύσοντα, διεσώθη ἐώς καὶ εἰς ἡμᾶς ὑγιῶς, πάσῃς ἄνιας, ὑπέρτερος, καὶ ὑπεδέχθη ἀσμένως παρ' ἡμῶν καὶ μετὰ τιμῆς τῆς ἀξίας, αὐτὸς δὲ πάλιν μετέθωκεν ἡμίν τῆς σῆς εὐλογίας καὶ τοῦ ἀγιασμοῦ, διν δι' αὐτοῦ πρὸς ἡμᾶς ἡ σῇ ἀγιότητος ἔξαπεμψεν. δημος καὶ τὸ τοῦ Ἀγκυρας γράμμα δύναται βεβαιώσαι τὰ περὶ τούτου τ[ῷ] σῷ μεγαλειφ. δοξάζεται οὖν ὁ Θεός, εὐλογεῖται καὶ τὸ τῆς σῆς ἀγιότητος δνομα, δι το μεσότοιχον τ[ο]ιū φραγμοῦ, δι τοινήψας τὰ δύο εἰς ἐν, δι οὐχ ἐτερορεπτῶς καὶ περὶ μέρος, ἀλλ' ἐξ[σης] καταφωτίζεις τὰ ἐῶς καὶ τὰ ἑσπέρια. ἐπὶ τούτοις πίστιν ἔχομεν εἰς τὸν Θεόν, δπως εὐμενισθήσε[ται] καὶ ἡμῖν τοῦ λοιποῦ τὸ φοβερὸν δμμα, τὸ ἐπιβλέπον ἐπὶ τὴν γῆν καὶ ποιοῦν αὐτὴν τρέμειν, καὶ ἔσται ἡμῖν οὐ μόνον ἡ ἀνωθεν εἰρήνη καὶ τὸ τῶν ψυχῶν ἀσφαλές, ἀλλὰ καὶ τῶν ἐγκοσμίων ἀπολαύσομεν ἀγαθῶν, γάλα τε ἀμέλειον τῶν ἐκρυησάντων ἡμᾶς καὶ πλοῦτον φαγόμεθα τῶν ἐκπισμάτων ἡμῶν, ἔπι δὲ καὶ τὰ ὥραια τῆς ἐρημωθείσης γῆς ἡμῶν πιανθήσεται, καὶ πληρωθήσονται αἱ ἀλωνες ἡμῶν καὶ ὑπερεκυθήσονται οἱ ληνοὶ, καὶ παλαιὰ παλαιῶν φαγόμεθα, καὶ αἶνεν Κυρίον λαλήσει τὸ στόμα ἡμῶν. τοιοῦτος ἄγα προφοιμαστής καὶ τοῦ μέλλοντος πρόμαντις, πίστει προτεκμαιρόμενος τὰ ἑσύστερον. ἀλλ' ἐπισφραγίζει ταῦτα Θεός, ὁ ἀρχηγὸς καὶ τελειωτής παντὸς ἔργου ἀγαθοῦ. αἱ ἄγιαι εὐχαὶ τῆς μεγαλειότητος σου εἰν περιφρουροῦσαι ἡμᾶς, ψυχὴ τε καὶ σώματι ἑστηριγμένους τῇ εἰς Χριστὸν πίστει καὶ προκόπτοντας ἐν παντὶ ἔργῳ ἀγαθῷ.

2. Патріаршяя грамота о назначениих патріаршикъхъ Азиатскаго митрополита и о предоставлениихъ ему доходовъ съ иностранныхъ

Οὐ φιμώσεις βοῦν ἀλιωντα, τὸ γράμμα παραγγέλλει τὸ παλαιόν. παραβλητέον δὲ βουσὶν ἀλιωστὶ τὸς περὶ τὰς ἀλωνας ἀναστρεφομένους, τὰς ἐκκλησίας, τῆς καθ' ἡμᾶς ἱεροχριτῆς ἐργολάβιας φιλοπονίας, οἰς τῶν δραγμάτων ἐπιβαίνειν ἐφεῖται τῆς μυστικῆς γεωργίας, τῶν ἀνθρωπίνων λέγω φυχῶν, τῷ τοῦ παντὸς δημιουργῷ καρποφορουμένων καὶ συντριψῆς χρησούσων, ἵν' ἀχρωδούς πάσης ἐκκαθαρθείεν ἐπιμιξίας λογισμῶν, εἰ γε δὴ καὶ ἔργων σακρότητος, καὶ τῶν ἄνω ἀποθηκῶν εὑρεθείεν ἐπάξιοι. τὸς γοῦν περὶ τὴν πνευματικὴν ἐπτοημένους γεηπονίαν φιμοῦν παρ' αὐτὴν καὶ ταῦτα τῶν καρπῶν τὴν συγχομιδὴν, οὐ καλὸν οὐδὲ ὅσιον. κανὸν γὰρ τὸ εὐαγγέλιον ὅμισθον, ἀλλ' οὐχὶ καὶ ἀδάπανον. τίς δὲ καὶ ποιμαίνων ποιμνην ἐτοῦ γάλακτος αὐτῆς οὐκ ἐσθίει; εἰ δὲ καὶ ἡμεῖς ὑμῖν τὰ πνευματικὰ ἑσπειραμεν, μέγα, εἰ ἡμεῖς ἡμῖν τὰ σωματικὰ θερίσομεν; ὁ θεοπέτιος; Παῦλος ἔστιν οἵς ἐντρεπ-

τικώτερον προσφερόμενος φθέγγεται, ταῦτά τοι καὶ ή μετρίότης ἡμῶν τούς κόκους δυσωπουμένη τοῦ ἵερωτάτου μητροπολίτου Ἀγκύρας τῆς Γαλατῶν ἐπαρχίας, ἀγαπητοῦ κατὰ Κύριον ἀδελφοῦ αὐτῆς καὶ συλλειτουργοῦ, οἵς κατὰ Θεὸν ὑπέλαβεν ἔσυτόν, τὴν ἑξαρχίαν τῶν κατὰ δύσιν πατριαρχικῶν δικαίων μετὰ τῆς ἡμετέρας τοποτηρητίας ἀναδεξάμενος, ἐδικαίωσεν αὐτῷ εἰς διαπάντην ποριωμὸν ἀδιάβλητον καὶ τοῦτ' αὐτὸν κεκανονισμένον καὶ τῇ ἑκκλησίᾳ ἐπεγνωμένον, ὃς ἐστιν ἡ κατὰ τύπον ἀρχαῖον τοῖς ἐπισκόποις ἀπονενεμημένη, λογεία ἡ εὐλογία πρὸ; τῶν ὑπὲρ αὐτοὺς μοναστηρίων, εὐκτηρίων οἰκων καὶ πρεσβυτερών, ἣν καὶ κανονικὸν ὄνομάζειν εἰώθασι, καὶ ταύτην διοριζόμενα ἀποφέρεσθαι τὸν ἵερωτάτον Ἀγκύρας τοποτηρητὴν καὶ ἑξαρχὸν εἰς οἰκείαν οἰκογονίαν, ἐφ' ὃιον ἀν χρόνον διέπει τὸ παρὸν διακόνημα. παρεγγυώμενα δὲ καὶ πᾶσι τοῖς ὄφειλέταις τοῦ δόματος μεθ' ἵλαρότητος χαίροντας τοῦτο παρέχειν, ἐν τῷ λογίζεοθαι, ὡς οὐ μᾶλλον διδόσαν ἡ λαμβάνουσιν, ομιχρῶν φηγμάτων δλους θησαυροὺς ἀντωνούμενοι, καὶ τούτους ἀδαπανήτους. εἶχε τῷ μηνὶ καὶ δι' οἰκείων χειρῶν ὑπογραφὴν τοῦ πατριάρχου.

3. Другая грамота патриарха Германа о возвеловженіи власті патріарха надъ таъ-наавінамікімі царскимі монастырімі во владѣніяхъ Эпірскаго деспота.

Εἴσι μὲν, ὡς ἀντηνέθη τῇ ἡμῶν μετρίότητι, διάφορα μοναστηρία τῆς τοῦ παγευτυχεστάτου δεσπότου καὶ περιποθήτου θείου τοῦ κρατίστοο μου αὐτοκράτορος καὶ ἐν Ἀγίῳ Πνεύματι ἀγαπητοῦ οἰοῦ τῆς ἡμῶν μετρίότητος τοῦ Κομνηνοῦ χρ̄ Μανουὴλ τοῦ Δούκα ἐπικρατείας, ἐτέρωσε ἕτερον διακείμενα καὶ οὕτω βασιλικὰ κικλήσκομενα, παρὰ δὲ τὴν τοιαύτην κλήσιν καὶ πάσης ἀφτηνιάζοντα χειρὸς ἐπισκοπικῆς, ὑφ' ἡζεπερ ἀν ἴθυνόμενα τῆς πρὸς σωτηρίαν φερούσῃς οὐ παρεκκλίνοιεν. μηδὲ γάρ ἀνεκτὸν ἡγείσθαι τάχα ἱερατικῇ τακεινοφροσύνῃ καθυποκλίναι τὸ ὑφῆλὸν τοῦ ὄνόματος. τὸ δὲ, ὅπως σκῆψις οὐκ εὐπρεπής, [αὐτ]ίκα δὴ καὶ φανήσεται, ἡγνόνται γάρ οὐδενὶ τῶν ἀπάντων πᾶσαν οἰκοδομίαν ἀφιερωμάτ[ην]. Θεῷ εὖ ἵεραρχικῆς τελειώτητος λαμβ[ά]νειν τὴν πρώτην τοῦ θεμελίου καταβολὴν, τοῦ σωτηρίου σταυροῦ τῷ τόκῳ προσπηγνυμένου, δην οἱ κτήτορες ἔκειθεν ἔχουσι κομισάμενοι, καν ἰδιωταὶ τὴν τύχην ὥστι, καὶ ἀρχοντες, καν οἱ τὸ διάδημα περικείμενοι. οὐ δὲ χωρὶς ἵερὸν σωτῆγαι ἀδόνατον, παντὶ που δῆλον, δηι περ ἐκεῖνος καὶ τὴν πνευματικὴν ἔκουσιαν τῶν δομηθέντων ἀποίσταται, περιλειπομένου τοῖς κτήτοροις ἐτέρου μὲν οὐδενὸς, ἐν οἷς καθάπτεις ἀφιεροῦσιν ἀνταῦθα Θεῷ, πλὴν δηι τῆς μνήμης μόνης καὶ τοῦ διὰ τὴν προσαγωγὴν καὶ τὴν ἐπίδοσιν μακαρίζεοθαι τῶν γὰρ ἀντιδόσεων ἐς τὸ μᾶλλον εὐρούτερον ἀπολαύσουσιν. ἀποδεδιγμένος τοίνου διὰ μετρίων σαφέστατα τοῦ μηδὲ δύνασθαι ἀνεπισκόπητον είναι μηδὲν τῶν παρ' οὐτινοσοῦν τῶν ἀπάντων ἐς δεύτερο καινοσθέντων ἡ με-

τέπειτα γαιωσθησομένων μοναστηρίων ἐπὶ σταυροπηγίοις δηλαδὴ ἀρχιερατικοῖς, κάκεινο πάντως συναποδέδεικται, δι τὰ βασιλικὰ μοναστήρια ὑπὸ ἀρχιερατικῆν αὐθεντίζεν ἐτάχθησαν ἀπαρχῆς, ητοις σταυροπηγίον τοῖς θεμελίοις πριν κατεβάλλετο. ιεροπρατεῖ δὲ τὰς τε ἄλλας καὶ δὴ καὶ τὴν τῶν ναῶν ἐκ πρώτης βάσεως ἔδρυσιν ἔκαστος; μὲν τῶν τε τοὺς ὑψηλοὺς καὶ τῶν τοὺς ὑποβεβηκότας ἐπεγύντων θρόνους τὴν ἀστυοῦ ἐνυρίδ. παρ' ἐνορίαν δὲ τῶν ἀπάντων οὐδεὶς ποτε σταυροπηγίον ἀκινδύνως εὑρεθῆσται παρασχόμενος, χωρὶς τοῦ κατὰ καιροὺς οἰκουμενικοῦ πατριάρχου, φῶντος μετά τῶν ἀλλων καὶ τοσοῦ τὸ προνόμιον ἐπὶ πάσῃς ἐφεῖται τῆς διοικήσεως, μελήσει τοίνου τῷ ιερωτάτῳ μητροπολίτῃ Ἀγκύρας, ἐξάρχῳ τῶν κατὰ δύσιν πατριαρχικῶν δικαιῶν καὶ τοποτηρητῇ τῆς ἡμᾶν μετριότητος, ἀγαπητῷ κατὰ Κύριον ἀδελφῷ καὶ συλλειτουργῷ, ἐπὶ συνελεύσει καὶ τῆς ἔκεισος ιερᾶς ἀδελφότητος, ἀνερευνήσαι τὰ περὶ τῶν ἡς εἱρηται βασιλικῶν λεγομένων μοναστηρίων, παρουσιαζόντων πρὸς τὴν ἔξτασιν καὶ τῶν τὰς ἐνορίας ἔχοντων ἀρχιερέων, ἐν αἷς τὰ τοιαῦτα ἔδρυνται μοναστήρια. καὶ εἰ μὲν σταυροπηγία περισώζοντο ἀδιάβλητα, δι' αὐτῶν, εἰ δὲ οὖν, ἀλλὰ δι' ὧν ἂν ἐτέρων εὐπορήσῃ δικαιωμάτων ἀπὸ τε τῶν ἐκκλησιῶν ἀπὸ τε τῶν μοναστηρίων προϊσχομένων, εὑρεῖν τὴν ἀλήθειαν, ἐκ τούτων ἔκαστον τὴν πνευματικὴν αὐθεντίκην καθυποτάξαι εἴτε τοῦ ἐγχερίου ἀρχιερέως, εἴτε μὴν καὶ ἡς ἡμᾶν μετριότητος, φτιν δηλονότι μέρει καὶ διαφέρον ἐκ τῶν ἐγγράφων ἀποδείξεων είτουν παραστάσεων εὑρεθῆσται. ἔνθα δὲ ἵσως μήτε σταυροπηγίον εὑρηται καὶ δικαιωμάτων ἐγγράφων ἀκορία προσίσταται, διὰ τῆς πρὸ τοῦ συγχυτικοῦ καιροῦ χρονιστέρας νομῆς ἀπαραγράπτως μαρτυρουμένης ἡ νικῶσσα τῷ πλεονεκτούμενῷ μέρει ἀποδοθῆσται, καὶ ὑπὸ τὴν τούτου ἀνάκρισιν ἔκτοτε κείσεται τὸ ἀμφιβολον μοναστήριον ἐν τοῖς φυχικοῖς σφάλμασιν, ἔκειθεν καὶ τὴν τῆς ἡγουμενείας οφραγίδα δεγόμενον καὶ πᾶσαν ἀλλην διαχυθένησιν ἐπισκοπικήν, διατράνως δὲ καὶ τὴν ἀναφοράν ἐν ταῖς ιεραῖς ἀγιστείαις καὶ ταῖς καθεκάστην ἐωθιναῖς καὶ ὕσκερναῖς ὄμρωδίαις ποιούμενον. εἰχε τῶ μηνὶ ἴουνίφ ίνδ. σ' διὰ τιμίων γραμμάτων τῆς πατριαρχικῆς γειρός.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Новые изслѣдованія о французскомъ эпосѣ.

Kristoffer Nyrop. DEN OLDYKANSKE HISTORIEGIFTNING. Kobenhavn. 1883.

Pio Rajna. LE ORIGINI DELL' EPOPEA FRANCESA. Firenze. 1884.

I.

Научная разработка старофранцузского эпоса, взятаго въ цѣломъ, обновилась или, вѣрѣй сказать, началась лѣтъ двадцать тому назадъ. Классический трудъ Г. Париса ((*Histoire poétique de Charlemagne*, 1865 г.) указалъ ей пути и методъ, Готье (*Les Épopées françaises*, 1-й томъ первого издания вышелъ въ 1866 г.) собралъ и классифицировалъ для нея массу материаловъ, Н. Мейеръ (*Recherches sur l'épopée française*, 1867) выяснилъ нѣсколько новыхъ взглядовъ и сомнѣній, вызванныхъ трудами своихъ предшественниковъ. Послѣдующія работы въ этой области не имѣли того характера цѣльности, какими отличаются указанныя: изслѣдованія касались отдельныхъ памятниковъ и частныхъ вопросовъ, но ихъ накопилось такъ много, что новый пересмотръ общаго явился настоятельной потребностью. Книга Ниропа и Райны отвѣтили на нее каждая по своему. Первый поставилъ себѣ задачей обозрѣть французскую „героическую“ поэзію отъ ее начала до вырожденія, пересмотрѣть спорные вопросы, существующіе о ней въ современной науцѣ, и указать на болѣе вѣроятныя ихъ решенія. Трезвая по задачѣ и исполненію, не притизающая на новизну выводовъ и болѣе выбирающая, чѣмъ создающа, книга Ниропа будетъ настольною для всякаго, приступающаго къ занятіямъ

части сссххvii, отд. 2.

въ области предмета, по которому онаъ найдеть въ концѣ текста довольно обстоятельную, хорошо составленную библиографію.

Трудъ распредѣленъ на три книги, изъ которыхъ первая говорить о зарожденіи, раззвѣтѣ и упадкѣ героической поэзіи во Франціи, вторая посвящена разбору и характеристицѣ ея произведеній, имѣвшихъ, какъ извѣстно, болѣе распространеніе въ границѣ Франціи, отъ Италии до скандинавскаго сѣвера и Россіи (стр. 284). Показателемъ послѣдней является автору наша народная книга о Бовѣ королевичѣ; очевидно, ею одною не исчерпывается все то, что дала намъ французская „героическая“ поэзія; тѣмъ не менѣе показатель характеренъ. Итальянскій источникъ нашего Бовы известуетъ и для Нирона: такія отожествленія, какъ Гвидонъ=Guidone, Додонъ=Dodone (франц. Doon), Дружневна=Drusiana (франц. Josiane) и т. п., говорить сами за себя. Къ этимъ общепрѣзентнымъ фактамъ авторъ присоединяетъ и еще одно предположеніе: „Другія имена“ говорить онъ, — „напримѣръ, Милитриса, указываютъ, быть можетъ, на то, что поэма (о Buovo) пришла изъ Италии въ Россію — черезъ Грецію“ (р. 215 прим. 1). Какое греческое имя слышится автору въ перегласовкѣ нашей Милитрисы — я не знаю; съ своей стороны, я давно уже указалъ, что имя Милитрисы отвлечено изъ эпитета: въ старовенеціанскомъ Бово *meltiris*; въ одномъ текстѣ Бовы по рукописи XVI вѣка ви. Милитрисы стоять право Меретрисъ = *metotrix* = *meltiris*. Собственныя имена изъ эпитетовъ и прозвищъ довольно обычны въ народномъ эпосѣ: ср. нашего Илека=Francus; Девгения Акрита (при чёмъ забыто собственное имя Василія); *Lódhbrokr* ви. *Ragnarr Lódhbrokr* (*Nygor*, р. 72 прим. 1).

Определеніе французской героической поэзіи у Нирона иѣсколько вѣнчаное и на столько упрощенное, что простота подворяется на иѣсто вѣнчности. Первый отдѣль отводится такъ-называемому национальному циклу съ такими подраздѣленіями: 1) поэмы о Меровингахъ, 2) поэмы Каролингской поры, съ группами: а) *la geste du roi*, б) *la geste de Guillaume*; с) *la geste de Doon*; 3) поэмы о Капетингахъ (собственно одна *chanson* о Hugues Capet); 4) *chansons de geste* областного характера; 5) поэмы о Крестовыхъ походахъ. Второй отдѣль обнимаетъ, подъ общимъ названіемъ „пришлой эпохи“ — поэмы съ кельтскими (вмѣстѣ съ Тристаномъ — и св. Гралемъ) и классическими сюжетами. Какъ видно, авторъ не даромъ выбралъ для заглавія общее выраженіе „героической поэзіи“ (*Heiltedigtning*), потому что его обозрѣніе охватываетъ съ эпосомъ *chansons de geste*, и

то, что мы привыкли называть рыцарскими романами, и поэмы обь Александрѣ Великомъ и Троинской войнѣ. Едва ли такое огульное пониманіе *Heldedigtning* можетъ быть названо методичнымъ. Если взять вопросъ со стороны общественного и личнаго міросозерцанія, то въ древнихъ *chansons de geste* Каролингского цикла оно прямо противоположно тому, которое лежитъ въ основѣ бretонскаго романа; тутъ дѣло не въ эволюціи одного и того же содержанія, а въ смысѣ одного явленія другимъ. Съ этой точки зренія я нахожу едва ли сообразнымъ помѣщеніе въ одной и той же группѣ Александрии — и, напримѣръ, Тристана: ихъ героическіе типы на столько несоразмѣрны другъ другу, на сколько, на оборотъ, идеалы бretонскаго романа ближе къ такимъ произведеніямъ, какъ *Floire* и *Blanceflor*, *Athus et Prophilius* и т. п., которымъ авторъ, однако, не отвелъ мѣста въ своемъ „пришломъ эпосѣ“, можетъ быть, потому, что въ нихъ мало героического! Если обратиться къ другому критерію—содержанію, то и здѣсь отличие своего и прошлаго трудно удержать, напримѣръ, для сюжетовъ *Amis* и *Amiles*, *Berte as grans ples*, Сивиллы и т. и., ибо ясно, что оцѣнка національности не зависитъ отъ двухъ-трехъ народныхъ, историческихъ именъ, вставленныхъ въ фантастическую канву разказа. Въ этомъ смыслѣ самъ авторъ удаляется изъ національного Меровингскаго цикла такія поэмы, какъ *Cipreric de Vignoccaux*; да и въ группѣ Каролингскихъ *chansons de geste* опредѣленіе національности будетъ не однаково для такихъ произведеній, какъ *Chanson de Rollant*—и для поздніхъ отзвуковъ Каролингской эпохи, отразившихъ на себѣ вліяніе бretонскаго романа.

Но я не останавливалась далѣе на вопросѣ о распределеніи, принадлежавшемъ авторомъ: онъ, очевидно, руководился въ данномъ случаѣ цѣлями практической наглядности, которыхъ едва ли бы достичь, еслибы увлекся указанными мною методическими критеріями.

Въ третьей книгѣ его труда рассматриваются нѣкоторые общіе вопросы, связанные съ исторіей „героической поэзіи“. Глава о труверахъ и жонглерахъ не представляетъ новыхъ матеріаловъ и точекъ зренія. Въ монхѣ Розыканіяхъ VII, стр. 128 слѣд., я коснулся того же предмета въ болѣе широкой международной связи, обнівшей мима и скомороха, жонглера и шнильманна. Райпа (стр. 537 — 539, 363 — 369, 38 — 41) не могъ обойти этого вопроса, но онъ предрѣшилъ его согласно съ общимъ направлениемъ своего труда: какъ весь французскій эпосъ представился ему продолженіемъ франкскаго, тѣкъ и жонглеры и менестрели — наследниками старо-германскихъ ро-

довыхъ пѣвцовъ, въ родѣ англо-саксонского *vidsiddh*. Къ такому заключенію приходила и раньше Артуръ Кѣлеръ и Фогтъ; Райна не только усвояетъ его, но дѣлаетъ и дальнѣйшіе выводы: англо-сакс. *scōb*, старо-нѣм. *scuoſ* и *scōf* = нѣвецъ отъчасть греческому *κούρτις*; но на почвѣ Греціи это слово является поздно, тогда какъ въ эпохѣ царить *αὐτοῖς*; отсюда предположеніе, что „германскій эпосъ первой поры среднихъ вѣковъ представляетъ, быть можетъ, болѣе позднюю стадію развитія, чѣмъ та, къ которой принадлежитъ Иліада и Одиссея“. Какъ бы разъяснилъ памъ авторъ эту гипотезу, я не знаю; если она основана на содержательномъ отожествленіи *scōb*=*κούρτις*, то имѣть въ виду позднѣе значеніе послѣднаго и едва ли вѣрную этимологію первого. Если поэтъ является на сиѣму аида, то это не мѣшаетъ ему быть, этимологически, такимъ же собирателемъ (*κούρος*=*с-панти*), устроителемъ, какъ *scōb* (отъ *skipan*).

Переживале древнихъ родовыхъ пѣвцовъ въ позднѣйшихъ формахъ жонглера доказывается для Райны словомъ *menestrel*, то-есть, *ministerialis*, человѣкъ, состоявшій при дворѣ или домѣ для выполненія какого-нибудь *ministerium*. Въ числѣ *ministeriales* короля находились, между прочимъ, кузнецы, плотники, сапожники, но и кравчіе, сенешали; стало быть, и пѣвцы — позднѣйшіе *menestrels*. Ничто, разумѣется, не мѣшаетъ видѣть въ нихъ приставшихъ къ иѣсту бродячихъ *joculatoros*, становившихся министеріалами; *Sermo ad regem*, обращенный къ половинѣ VII вѣка къ молодому Хлодвигу II, еще противополагаетъ ихъ: „*Jocularis quis curiales sermones habet ad loquendum? Ne libenter eum audias. Et quando tu cum sapientibus locutus fueris, aut cum tuis ministerialibus bonas fabulas habueris, joculares taceant: quia plus te oportet recondere sapientiam in cubiculo cordis tui, quam fatuos et stultos sermones loquentes audire*“ (Райна, I. с., стр. 538 прим. 3, съ ссылкой на Mai, *Nova Collectio*, I. pars IV, p. V). Подъ министеріалами разумѣются въ данномъ случаѣ не менестрели, а вообще домашніе царя, мудрыя рѣчи которыхъ противополагаются неразумнымъ прибауткамъ романскихъ жонглеровъ. Шѣть въ этомъ сопоставленіи главнаго, интересующаго насъ момента: вѣтъ памяти о народномъ, родовомъ пѣвцѣ, котораго мы естественно ожидали бы встрѣтить въ контрастѣ съ *joculator'омъ*. Благочестивый спикатель *Sermo* могъ не имѣть его въ виду, потому что мудрые министеріалы короля являлись болѣе яркою параллелью къ жонглерамъ, чѣмъ народные германскіе пѣвцы. Весь вопросъ въ томъ, возможно ли представить ихъ себѣ на почвѣ романской Галліи, гдѣ

издания изгѣстно было бродячее племя греко-римскихъ мимовъ, и при франкскихъ дворахъ, куда римское вліяніе проникало путемъ церкви и школы—и съ пѣснями тѣхъ же joculatores? И нашелъ возможнымъ обойтись безъ такого предположенія: именно эти joculatores могли претвориться въ франкскую пору въ народныхъ пѣвцовъ; и самъ Райна (р. 531) склоненъ приписать имъ значительное участіе въ „распространеніи“ эпическихъ пѣсенъ. Они могли удержать на долгое время свой старый скоморошій репертуаръ, въ которомъ значительную роль играетъ моментъ фиглярства; но интересы времени глубоко увлекали ихъ въ область воинственного эпоса, и scurra становился cantor'омъ. Такъ я понимаю (въ отличіе отъ Райна, р. 365—366) свидѣтельство Рудольфа Тортарія (*Miracula S. Benedicti*), современника описываемыхъ имъ событий: между 1070—1080 годами „confederati de vicinae partibus Burgundiae,... Castillionenses quidam praedones glomeraverunt non infirmam manum satellitum, equitum et peditum. Transito autem amne Ligerico, diffuderunt se per rura ad ipsum praedium pertinentia. Tanta vero erat illis securitas, confidentibus in sua multitudine et tanta arrogantia de robore et appetitudine suae juventutis, ut scurram se praecedere facerent, qui musico instrumento res fortiter gestas et priorum bella praecineret, quatius his acris incitarentur ad ea peragenda, quae maligno conceperant animo.... Igitur, praeceunte cantore, utpote uihil formidinis habentes, ad litus properant amnis“. Райна (365—366) сопоставляетъ съ этимъ свидѣтельствомъ изгѣстный эпизодъ у Wace'a, *Roman de Rou*: о Taillefer'ѣ, въ битвѣ при Гэстингсѣ, тѣшившемъ передъ герцогомъ и пѣвшемъ о пораженіи французовъ при Ронсеваль. Taillefer оказывается такимъ же профессиоナルнымъ пѣвцомъ, какъ и scurra Тортарія, и даже болѣе архамистическимъ: онъ умѣеть и пѣть, и сражаться—соединеніе предполагаемаго для древнихъ народныхъ scbg'овъ и vidsidl'овъ. Scurra Тортарія во всикомъ случаѣ профессиоナルный жонглеръ: онъ не только поетъ, но и играетъ на музыкальномъ инструментѣ, какъ лонгобардскій joculator въ разказѣ Санть-Галленского монаха: *Contigit joculatorum ex Longobardorum gente ad Carolum venire, et cantiunculam a se compositam de eadem re rotando in conspectu suorum cantare*. Райна (р. 306 прим. 3) связываетъ глаголь *rotare* (у Дюканжа: *oblitio celeri et incurioso sermone*) съ названіемъ инструмента: кельтск. *crot*, *cruit*, *crwth*, старо-верхн.-нем. *hroto*, франц. *rote*. Я понимаю это мѣсто иначе, можетъ быть—нѣсколько насилия его, руководясь древнимъ

соединениемъ пѣсни, даже эпической или эпико-лирической, съ пляс-
кой, какъ въ извѣстномъ свидѣтельствѣ изъ *Vita sancti Faronis*: ex
qua *victoria* (Клотарія II надъ саксами) *carmen publicum juxta rusti-
citatem per optimum rite volitabat ora ita canentium, semineque choro-
gos inde plaudendo componebant. *Rotare*—старо-франц. *torgneier?* Райна
(473 прим. 8) сомнѣвается въ возможности истолковать *choros* въ ука-
занномъ мною смыслѣ, который принимаетъ и Готье („en dansant“),
но аналогия фактовъ подтверждаетъ ее; не только греческіе „мины“
пѣлись и плясались, но на Фарейскихъ островахъ и теперь еще
пляшутъ подъ звуки пѣсни—о бой Сигурда съ Фафиономъ.*

Интересно, по замыслу, является въ трудахъ Ниропа (кн. III, гл. 4)
глава, посвященная вопросу объ отношеніи эпоса къ миѳу и исторіи
(*Historie, Digt og Myte*). Объ отношеніяхъ эпоса къ исторіи миѳ
придется говорить особо по поводу труда Райны; здѣсь замѣчу, что
какъ онъ (стр. 8—23), такъ и Нироль, положительно высказываются
за историческая, не миѳическая начала французскаго (и не одного лишь
французскаго) эпоса. Такъ какъ это воззрѣніе я давно считаю своимъ,
я могъ бы развить здѣсь нѣкоторыя изъ соображеній, высказанныхъ
мною по поводу диссертациіи профессора Воеводскаго¹), тѣмъ болѣе,
что ни одинъ изъ разбираемыхъ мною авторовъ не углубился доста-
точно въ суть вопроса и не уяснилъ его психологически на широкой
почвѣ сравненія. Исно во всякомъ случаѣ одно: что сходство эпи-
ческихъ и миѳическихъ—и, добавимъ: сказочныхъ—схемъ ничуть не
указываетъ само по себѣ на направление генезиса, на превращеніе
боговъ въ героевъ и богатырей—и далѣе въ сказочныхъ царевичей
и Ивановъ-дураковъ. Теоретически и фактически возможенъ обратный
переходъ: сказочные схемы привлекаются къ миѳическимъ отношеніямъ,
притягиваются историческими именами и получаютъ видъ историческо-
го преданія; историческіе герои, переходя въ пѣсни отъ одного
поколѣнія къ другому, окружаются миѳической мглой и даютъ поводъ
искать въ нихъ что-то древнее, отзвуки Ведъ и каменного периода.
Въ этомъ круговоротѣ устойчиво лишь — мало опредѣлимое: одинъ и
тѣ же повѣствовательныя схемы, провожающія насъ на всемъ протя-
женіи развитія, отъ миѳа до сказки, или наоборотъ, и постоянно
дѣйствующая сила фантазіи пластической и комбинирующей. Попро-
буйте разобраться въ сказкахъ: отложеніе древнихъ миѳовъ, говорить
о нихъ одни,—и съ этимъ можно согласиться, если не дѣлать изъ

¹) *Вѣстникъ Европы* 1882 г. апрель.

сказокъ мифологію. Но онѣ могутъ также быть метаморфозою былинной пѣсни, утратившей мѣстный и исторический колоритъ. Въ концѣ французского эпического развитія *chansons de geste* пересказываются въ прозѣ, эти пересказы становятся народной книгой, и народная книга, свою или привозную, можетъ опять таки очутиться сказкой, когда народъ усвоитъ изъ оригинала то общее и схематическое, къ чemu его пріучили другія сказки, находящіяся въ обращеніи.

О народныхъ книгахъ французской *Bibliothèque bleue* Ниронъ говоритъ (стр. 59—60) въ связи съ прозаическими *romans dérimés* XV вѣка, при чёмъ ставить, не рѣшил, общий вопросъ: объ условіяхъ, вызывающихъ въ литературахъ разныхъ народовъ стремленіе перелагать въ прозу то, что прежде слагалось въ пѣснѣ или же читалось въ стихахъ. Такъ пересказами были рыцарские романы во Франціи (добавимъ—въ Германіи и Италии: *Racconti di Francia*); такъ поэтические источники заглохли въ допредшемъ до насъ текстѣ *Völsungasaga*; такъ наконецъ разрѣшились въ прозу албанской и новогреческой сказки — болгарскія пѣсни (ссылка на Dozon, *Contes albanais*, р. x.). Очень вѣроятно, что въ основѣ всѣхъ этихъ явлений лежитъ нечто общее, но едва ли не рано приступить къ его объясненію, не разбивъ на отдѣльныя группы упомянутые выше факты и не изучивъ въ каждой особо ихъ психологическую причинность. Одною изъ этихъ группъ будутъ прозаическія переложенія рыцарскихъ романовъ, одновременно появляющіяся во всей Европѣ; извѣстно мифѣ, совершение неосновательное, привязывавшее къ этому явлению начало нового романа. Вопросъ о болгарскихъ пѣсняхъ и ихъ прозаическихъ пересказахъ придется отложить отъ предыдущаго, поставивъ его рѣшеніе въ зависимость отъ смежнаго, предполагаемаго русскими сказками и образцами ихъ стихотворной, былинной обработки (см. напримѣръ, былину о Ванѣкѣ Удовѣнѣ синѣ и т. д.).

Внѣшнимъ образованіемъ французскихъ *chansons de geste* Ниронъ занимается не въ своей третьей книжѣ, а въ началѣ труда, въ главѣ 1-й: Начала героического эпоса. Дѣло идетъ о чрезвычайно интересномъ вопросѣ, который, впрочемъ, трудно разрѣшить, оставаясь на почвѣ одной какой-нибудь национальности. Я разумѣю вопросъ о такъ-называемыхъ кантиленахъ, имѣя въ виду специальнѣе употребленіе этого слова исследователями французской эпопеи, не средневѣтниское, колебавшееся между значеніемъ пѣсни (*carmen publicum, rusticum, vulgare*) и, позднѣе, *chanson de geste*. Подъ кантиленой разумѣютъ

лирико-эпическую или эпическую пѣсню, существование которой предполагаютъ за большими особами поэмы; другими словами, прежде эпоса *chansons de geste* существовала эпосъ раздѣльныхъ кантиленъ, вѣчо отѣчественное, стало быть, паническимъ былинамъ или южно-русскимъ думамъ. Въ какихъ отношеніяхъ стоять другъ къ другу эпопея и кантиленъ? Гипотеза Вольфа, высказанная имъ по поводу гомерическихъ поэмъ, была приложена потомъ къ Нивелунгамъ, Гудрунѣ, даже къ Беовульфу, наконецъ—къ памятникамъ старо-французского эпоса. На основаніи этой гипотезы эти народныи эпосы представились сводомъ отдельныхъ пѣсенъ или, если хотите, кантиленъ, вызванныхъ различными моментами одной и той же эпической темы, сводомъ на столько вѣшнимъ и часто не умѣлимъ, что мы и теперь еще въ состояніи выбрать изъ него древнія пѣсни, пользуясь, напримѣръ, критеріемъ фактическихъ противорѣчій между ними, которые сводчикъ не позабылся помирить между собою, метрическими отличіями одиѣхъ частей поэмы отъ другихъ и т. п. Такимъ образомъ попытались выдѣлить изъ Нивелунговъ, Гудруны, Беовульфа основы древнихъ пѣсень, легшихъ, будто бы, въ ихъ основу, и не только попытались, но и методически уѣбровали въ результаты этой попытки. Въ приложениі къ старо-французскому *chansons de geste* дѣло такъ далеко не ушло, и опасность ограничилась заявленіемъ Готье (сильно видоизмѣненнымъ, впрочемъ, во 2-мъ изданіи его *Épopées*): „Pour former une chanson de geste on n'a eu qu'à juxtaposer un certain nombre de cantilènes jadis indépendantes et isolées“! Такая цѣльная поэма, какъ пѣсни о Роландѣ, была бы механическимъ сводомъ народныхъ пѣсень о битвѣ въ Ронсевальскомъ ущельѣ! Въ моихъ лекціяхъ по истории эпоса я всегда протестовалъ противъ этого взгляда, и не только по отношенію къ *chaason de Rollant*, но и въ приложеніи ко всякой народной эпопеѣ. Вотъ почему я не могу не согласиться (при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ) съ общими выводами Нирона относительно ихъ генезиса (р. 33—5): въ основѣ ихъ лежать народныи лирико-эпическія пѣсни, вызванныя тѣмъ или другимъ событиемъ, возбудившимъ народное вниманіе; рѣдомъ съ ними становятся прозаическія сказания (для Каролингскаго эпоса образцомъ могутъ служить разказы Сантъ-Галленскаго монаха); пѣсцы знаютъ, собираютъ, запоминаютъ то и другое—въ этомъ ихъ призваніе, но первыи поэмы, *chansons de geste*—актъ не механическаго сбиранія и простаго смѣшанія, а творчества, основанаго на древнемъ пѣсенномъ и традиціонномъ материалѣ.

Однимъ изъ поводовъ предположить въ *chansons de geste* древній-

шаго типа слѣды поглощенныхъ ими пѣсень были, между прочимъ, особаго рода повторенія, которымъ и позволялъ себѣ назвать въ моемъ курсѣ скрещивающимися (или задерживающимися). Ими открываются, обыкновенно, пѣсколько строфъ (*laisses*) подъ рядъ, и онѣ, несомнѣнно, лирическаго склада. Общее построеніе такое: строфа открывается какимъ-нибудь положеніемъ, сценой, которая и развивается въ дальнѣйшихъ стихахъ. Начало слѣдующей строфы снова возвращается настъ къ положенію, иногда (съ небольшими видоизмѣненіями) къ зацѣву первой, и снова то же положеніе развивается почти также, какъ и въ предыдущей: новымъ является одинъ какъ-нибудь штрихъ, одна подробность, незамѣтно подвигающая дѣйствіе. То же можетъ повториться и въ третьей строфи.

Слѣдующій примѣръ изъ *chanson de Rollant* я беру у Ниропа (р. 28—29). Роландъ готовится затрубить въ свой рожь:

CXXXV.

*Rollanz ad mis l'olifan à sa buche,
Empeint le bien, par grant vertut le sunet,
Halt sunt li pui e la voiz est mult lungc,
Grans XXX liwes l'orient il respundre,
Carles l'oit e sos campagnes tutes;
Co dit le reis: „Bataille fuit nostre hume“.
E Guenelun li respundit encunter:
„Se l'desist autre, ja semblast grant mençunge“. Aoi.*

CXXXVI.

*Li cuens Rollanz par peine o par abans,
Par grant dulur, sunet sun olifan;
Parmi la buche en salt fors li clers sances,
De sun cervel la temple en est rumpant.
Del corn qu'il tient l'ole en est mult grant;
Carles l'entent, qui est as porz passant,
Naimes l'oid, si l'escultent li Franc.
Co dist li reis: „Jo oi le corn Rollant,
Unc ne l'sunast, se ne fust cumbatant“.
Guenes respunt: „De bataille est nient.
Ja estes vos vieilz e fluriz e blancs,
Par tels paroles vus ressemblez enfant.
Asez savez le grant orguill Rollant;
Co est merveille que Deus le soefre tant.
Ja prist il Noples scinz le vostre cumant;
Fors s'en eissirent li sarrazin dodenz,
Qui s' combatirent al bon vassal Rollant,*

Il les ocist à Durendal sau brant,
 Puis od les ewes lavat les prez del sanc;
 Pur ce le fist, ne fust aparissant,
 Pur un sul lievre vait tute jur cornant;
 Devant ses perç vait il ore gabant.
 Suz ciel n'ad gent l'orast requerre en champ.
 Car chevalciez! Pur qu'alez arrestant?
 Terre Majur mult est luinz ça devant^c. Aoi.

CXXXVII.

Li cuens Rollanz ad la buche sanglente,
 De sun cervel rumpuz en est li temples;
 L'olifan sunet à dulur e à peine.
 Carles l'ott, e si Franceis l'entendent.
 Qo dist li reis: „Cil corns ad lunge aleine“!
 Respunt ducs Naimes: „Car ber le fait en peinel
 Bataille i ad pur le mien escentre;
 Cil l'at trait qui vus en roevet feindre.
 Adubez vus, si criez vostre enseigne,
 Si sucurez vostra maisniede gente!
 Asez ooz que Rollant se dementet“.

(Сл., для сравнения: строфы LXXXIV—VI; CCI—CCVI).

Надо не знать живучей (не доживающей) народной поэзии, чтобы усмотреть въ этихъ слѣдующихъ другъ за другомъ, съ виду тожественныхъ, строфахъ—остатки первичныхъ пѣсень варіантовъ, сведенныхъ въ одно цѣлое: chanson de geste. Это предположеніе было высказано, между прочимъ, Штейнталемъ въ его статьѣ объ эпосѣ, столь же остроумной, сколько богатой ложными, отвлечеными построениями. Повторяющиися тирады, напримѣръ, въ chanson de Rollant, онъ сравнивалъ со сводомъ профессорскихъ лекцій: читаетъ одинъ и тотъ же профессоръ одинъ и тотъ же предметъ; студенческія записки разныхъ годовъ, съ тѣмъ же самимъ содержаніемъ, которое, по годамъ, не равномѣрно распредѣляется въ границахъ одной и той же лекціи: напримѣръ, конецъ 6-й въ одной редакціи можетъ прійтись въ серединѣ 8-й—въ другой и т. п. Если подвергнуть эти редакціи впѣнному своду, составляя первую лекцію по разнымъ синскамъ, затѣмъ вторую и т. д., то получится впечатлѣніе взаимно повторяющихся тирадъ французского эпоса.

Представляя другимъ сдѣлать этотъ остроумный опытъ, возвратимся къ приведенному нами эпизоду пѣсни о Роландѣ. Если прощеть его и ему подобные безъ предвзятой теоріи и спросить себя

о цѣли повтореній, то о ней не придется спорить. Нѣкоторыя сцены, образы до такой степени возбуждаютъ поэтическое вниманіе, такъ захватывающи духъ, что отъ нихъ не оторвать глаза и памяти, какъ бы не было впечатлѣніе болѣзненно, томительно, и можетъ быть, потому именно, что оно томительно, что оно щемитъ душу, имъ не насытиться за разъ. Веселые моменты жизни переживаются быстрѣ. Встрѣтивъ образъ изнеможеннаго Роланда, трубящаго, надрываясь, наѣсть своимъ, современный поэтъ схватилъ бы его, быть можетъ, цѣликомъ, исчерпалъ бы въ одинъ присѣть присущее ему, либо связанные съ нимъ поэтическое содержаніе. Народная поэзія и поэзія, стоящая подъ ея влияніемъ, ближе воспроизводить дѣйствительный процессъ психического акта. Въ каждомъ комплексѣ воспоминаній, преимущественно патетическихъ, есть одно, почему бы то ни было становящееся поверхъ другихъ, какъ бы ихъ покрывающее, дающее тонъ всему. Воспоминанія тянутся вереницей, возбуждая различныя ассоціаціи, разбѣгаясь за ними въ сторону, и снова возвращаются къ основной нотѣ и образу: обессиленный Роландъ еще трубитъ!

Таково психическое основаніе скрепывающихся повтореній въ Роландѣ и, можетъ быть, въ некоторыхъ другихъ французскихъ *chansons de geste*; таковъ, быть можетъ, и психический починъ припѣва, *refrain*. Вносядѣствіе то и другое обобщилось до значенія топика, того, чтобъ Готье назвать *шансъ бриле*; въ основе оба явленія должны быть обсужденія съ точки зрѣнія эпического стиля, что признаетъ и Нироль (стр. 24—33). О повтореніяхъ въ старофранцузскомъ эпосѣ писалъ недавно О. Дитрихъ (O. Dietrich, Ueber die Wiederholungen in den französischen Chansons de geste); съверные образцы собраны Розенбергомъ: Rosenborg, Rolandskvadet (Kbhvn. 1860). Въ своемъ курсѣ я обращалъ внимание на русскіе и славянскіе примѣры. Былинѣ о гибели богатырей на Руси (Кир. IV, стр. 108—115), можетъ быть, нѣсколько подправленной, я не придаю въ этомъ смыслѣ особаго значенія: повторенія въ ней приходятся передъ выѣздомъ Добрыни, Алѣши и Ильи, вскій разъ съ тѣмъ же запѣвомъ:

Было такъ на восходѣ краснаго солнца,
Вставахъ Добрыни (Алѣши, Ильи) молодецъ раныне всѣхъ и т. д.

Интереснѣе слѣдующая малорусская дума (Аntonовичъ и Драгоманова, Историческія чѣсли малорусскаго народа I, р. 100, № 33):

Верхъ Бескида калинова
Стойть мі тамъ корична нова,

А в той коричі турчин піс,
Пред ним дівка поклон біє
„Турчин, турчин, турчинойку,
Не губь мене холодоїку,
Іде тато, одній песь,
Одмін песь, возом везе,
Не даст вік мі загинути“.
Одміноїки та Й не стало,
Дівка гірко залакала
Верхъ Бескида калинова и т. д.

Повторяется та же картина и тѣ же стихи, что и изъ предыдущей строфы, до шестаго включительно; на этот разъ девушка говоритъ, что ей матъ несетъ выкупъ. Но выкупа нѣтъ, и пѣсня возвращается къ прежнему занѣву и образу:

Верхъ Бескида Калинова

„Іде мілій, одмін несе,
Одмін песь, возом везе“.
Мілій прйшовъ, та Й відмінівъ,
Ліпій мілій, як брат рідній.

(Сл. Ibid. № 34 и Головацкаго, Нар. пѣсни Галицкой и Угорской Руси, I № 15, стр. 141—2). Лучшую параллель къ повторяющимся тирадамъ пѣсни о Роландѣ трудно себѣ представить.

Въ избитомъ вопросѣ о кантиленахъ Раіла (гл. XVII: *Lo Cantilene*) пытается занять особое мѣсто, на которомъ онъ думаетъ удержаться—разнѣ по подоразумѣнію. Онъ—противникъ кантилена не только по отношенію къ извѣстнымъ теоріямъ механическаго свода, но и вообще. Исходи, быть можетъ, изъ позднаго значенія *cantilena=chanson de geste*, онъ приходитъ къ заключенію, что кантилены не что иное, какъ тѣ же *chansons de geste*, по скольку онъ относится къ какому-нибудь большему эпическому циклу. Съ этой точки зрѣнія пѣснь о Роландѣ была бы кантиленой изъ круга пѣсень о войнахъ Карла Великаго къ Испаніи, какъ и мы могли бы сказать напримѣръ, про былину о бѣзъ Ильи Муромца съ сыномъ, что это кантилена—по отношенію ко всему былинному циклу обѣ Ильи (стр. 484). Это, разумѣется, не рѣшеніе, а странное обхожденіе вопроса подъ видомъ его рѣшенія. Говоря о кантиленахъ, мы разумѣемъ чѣто, положимъ, гипотетическое для Франціи, по совѣтѣ не гипотетическое, напримѣръ, для Россіи, Сербіи, Греціи: разумѣемъ небольшій лирико-эпической либо эпической пѣсни, долженствовавшій предшествовать

появлению большихъ эпохъ. Очевидно, меровингскій эпосъ не скапался тогдась по своему зарожденіи цѣльной поэмой въ 3—4 тысячи стиховъ, хотя, если я не ошибаюсь, это почти мифы автора. Въ житіи св. Фарона, за разказомъ объ обращеніи святымъ Саксонскімъ пословъ, говорится: *Postmodum autem ipsa est gens a Chlothario Rege depopulata ex humano semine in tota terra illa, neminemque reliquit majorem, nisi ad eam mensuram, qua Regis ensis se attollebat. Ex qua victoria carmen publicum juxta rusticitatem per omnium paene volitabant ora ita canentium, feminaeque choros inde plaudendo componebant:*

*De Chlothario est canere Rege Francorum,
Qui ivit pugnare in gentem Saxonum.
Quam graviter provenisset missis Saxonum
Si non fuisse inlytus Faro de gente Burgundionum!*

Et in fine hujus carminis:

*Quando veniunt missi Saxonum in terram Francorum,
Faro ubi erat princeps,
Instinetu Dei transiunt per urbem Moldorun,
No interficiantur a Rege Francorum.*

Hoc enim rustico carmine placuit ostendere, quantum ab omnibus celeberrimus habebatur.

Итакъ, о Саксонской войнѣ Клотарія ходила въ народѣ пѣсни, подъ звуки которой женщины плясали и били въ ладоши. Я не сомнѣваюсь, какъ не сомнѣвались и прежде, что мы имѣемъ дѣло съ лирико-эпической, мимически исполнявшейся кантиленой. Райна это отвергаетъ: подробно разобравъ (въ гл. V) по *Gesta Regum Francorum* лѣтописный разказъ о Саксонскихъ войнахъ Клотарія и прида къ заключенію (р. 119), что онѣ-то и разумѣются въ житіи, онѣ предполагается, за лѣтописью, существование эпического преданія, „поэмы о Саксонской войнѣ“. Заключеніе такое (р. 474): указанія и намеки житія, предшествующіе стихотворной цитатѣ, представляютъ сложный замыселъ (*imp'orditura abbastanza complessa*), указывающій на то, что въ приведенныхъ стихахъ мы имѣемъ дѣло съ отрывками не лирико-эпической пѣсни (=кантилены), а настоящей поэмы! Разумѣется, эта поэма подразумѣвается болѣе въ умолчаніяхъ, чѣмъ въ дѣйствительныхъ показаніяхъ легенды; въ остальномъ мы принуждены положиться на *Gesta*. Но если о поэмы (*carmen publicum*) дозволено выразиться, что она у всѣхъ на устахъ, то трудно представить себѣ, чтобы она пѣлась народомъ, если ея размѣры не отвѣчали размѣрамъ кантилены, а это было бы признакомъ

ихъ тщеславия, но въ иномъ значеніи, чѣмъ у Райна: не кантилена уступила бы мѣсто предполагаемой поэмѣ, а эту поэму мы представили бы себѣ въ формахъ народной кантилены. Исполняемая хоромъ или народнымъ пѣвцомъ, лирико-эпическая или эпическая пѣснь едва ли могла превышать скромное, сравнительно, количество стиховъ русской былинны или сербской пѣсни; и позже, когда сложились обширные *chansons de geste*, жонглеръ могъ пѣть ихъ передъ публикой не иначе, какъ эпизодически, примѣрно по 2—3 тысячи стиховъ, какъ полагаетъ Нироэ (р. 301)—какъ и Taillefer вдохновлялъ своихъ соратниковъ на цѣлой *Chanson de Rollant*, а развѣ пѣсней, въ размѣрахъ *Carmen de prodictione Guenonis*, недавно переизданной Г. Парисомъ. Райна, очевидно, понимаетъ дѣло какъ-то иначе: въ разказѣ Тортарія о scurra, юхавшемъ впереди отряда Шатильонцевъ, qui musico instrumento res fortitiae gestas... precineret, онъ вы悲哀аетъ выражение *res gestae* (сл. непосредственно: et prigorum bella), чтобы отожествить ихъ съ *chanson de geste* (сл. стр. 367).!

Вернемся еще разъ къ житію св. Фарона. Райна (стр. 474—5), говоря о сохранившихъ въ немъ отрывкахъ кантилены, не только сомнѣвается, какъ мы видѣли въ томъ, что пѣніе ея могло сопровождаться пляской, но и утверждаетъ, что списатель житія положительно введенъ былъ въ заблужденіе, когда, говоря объ исполнителяхъ пѣсни, называлъ одиѣхъ женщинъ.

„Воинственные пѣсни, эпическія или лирическія, либо лирико-эпическія, всегда и вездѣ были принадлежностью мужественного и воинственнаго пола“. Но точно ли отрывки кантилены въ житіи св. Фарона—боевая пѣснь о Саксонской войнѣ? Въ этомъ позволительно усомниться. Кантилена начинается такъ: „Запоемъ пѣсню о франкскомъ королѣ Клотаріи, какъ пошелъ онъ воевать народъ саксовъ“—и тотчасъ же переходитъ къ св. Фарону: „Худо бы пришлось послать саксовъ не будь тамъ зламенитаго Фарона изъ бургундскаго рода!“ Даѣве списатель житія выбираетъ нѣсколько стиховъ „in fine huius carminis“: „Когда пошли саксовъ пришли въ франкскую землю, гдѣ былъ зленитый Фаронъ, по наитию Божию прошли reg urbem Meldorum, дабы не быть убитыми отъ короля франковъ“. Къ этому непосредственно приписывается замѣчаніе самого писателя, что онъ хотѣлъ показать этой народной пѣснѣ, какъ славенъ въ людяхъ былъ Фаронъ. Его упоминаніе въ началѣ и концѣ пѣсни не указываетъ ли на то, что въ ней онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, вѣроятно, на фонѣ разказѣ о Саксонской войнѣ? Въ такомъ

случай мы имѣли бы передъ собою нечто въ родѣ кантилены о св. Эвалаліи, духовный стихъ, который могли распѣвать хорически и женщины.

Въ сущности я удерживаю теорію кантиленъ, но не принимаю теоріи сводовъ. Послѣднюю я замѣнилъ бы фактъмъ народныхъ спѣвовъ, представляемыхъ сербскими пѣснами того же характера. Но я предполагаю подробите развить этотъ взглядъ въ общей книгѣ объ эпосѣ, надъ которой давно работаютъ.

II.

Райна, о трудахъ которого мнѣ уже приходилось говорить по поводу книги Нирона, ограничилъ себя болѣе специальными вопросомъ: о происхожденіи и началахъ французского эпоса. Теорія, которую онъ развиваетъ, была уже высказана другими, въ рѣзкихъ и мягкихъ формахъ, но никогда съ такимъ убѣжденіемъ и съ такою затратой работы, какъ тѣ его, во всякомъ случаѣ почтеннѣмъ, трудѣ.

Главная идея книги слѣдующа: старо-французский эпосъ—испосредственная эволюція франкскаго; Каролингскій эпосъ воспитался на основахъ предшествовавшаго ему Меровингскаго.

Что общественно-политическая отношенія и строй жизни, предполагаемые древнѣйшими французскими *chansons de geste*, свидѣтельствуютъ о сильной струѣ германизма въ средѣ, ихъ произведшей, въ этомъ и прежде не сомнѣвались, и было бы странно доказывать противное. При извѣстныхъ намъ отношеніяхъ германскаго и романскаго элементовъ на почвѣ Галліи и при дружинно-королевскомъ характерѣ древнѣйшаго французскаго эпоса, многое явленія нельзѧ было и ожидать, и можно было разъяснить его указаніемъ на извѣстные уже факты, либо и подборомъ новыхъ. Разумѣется, факты фактамъ рознь, и ихъ многочисленность нерѣдко находится въ противоположномъ отношеніи къ ихъ доказательности. *Auberon* въ *Niou de Bordeaux* несомнѣнно связанъ съ нѣмеckими Эльбами, сѣв. *Alfar*, съ Альберихомъ нѣмецкой поэмы объ Ортнитѣ; но Оберону посчастливилось въ позднѣйшихъ *chansons de geste*, въ вотъ авился цѣлый рядъ подобныхъ ему шаловливыхъ гномовъ-волшебниковъ: *Picolet* въ *Bataille de Loquifer*, *Galopin* въ *Elie de Saint Gille*, *Maubran d'Agremolee* въ *Fierabras* и т. д. (см. р. 425 слѣд.): неужели всѣ они представляются намъ, какъ и автору, отраженіемъ нѣмеckихъ цверговъ и эльбовъ? Надо же оставить кое-что и на долю литературного преданія и подражанія; а если такъ, то и *Picolet* и *Galopin* также недоказательны для теоріи

германизма, какъ мудрые ковачи *Munificans*, *Aurisas* и *Fierabras*, являющіеся простымъ снімкомъ съ дѣйствительно германскаго Galandnѣм. *Weland*, сѣв. *Völundr* (сл. р. 445 и прим. 1). Очевидно, авторъ не захотѣть открывать въ ихъ именахъ германскіе корни, какъ то попытался сдѣлать, напримѣръ, для *Ogier II Danois*, предполагая въ его имени и образѣ вліяніе сѣвернаго *Oegir* (р. 443), и для Роландова меча *Durendart*, название котораго составилось, будто бы, изъ романскаго причастія *durent=qui durat*, и нѣмецк. прилагательнаго *hart* (р. 444 прим. 2)!

Изслѣдуя отзвуки германизма въ старо-французскомъ эпосѣ, необходимо имѣть въ виду еще и другую точку зреинія: при сходствѣ извѣстныхъ чертъ въ *chansons de geste*, съ одной стороны, въ германской области—съ другой, вопросъ о германизмѣ рѣшается съ достаточною вѣроятностю лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сходство не переходитъ за указанныя границы и не становится болѣе общимъ. Райна, напримѣръ, обращаетъ вниманіе на число двѣнадцати пэрьевъ, окружающихъ Карла Великаго (см. стр. 415 слѣд.; 390 прим. 4, 393—394), и находить его германскимъ, ссылаясь между прочимъ, на статью Вайца: „Ueber die Zwölfzahl bei den Germanen“. Въ старо-германскомъ судѣ число поручителей было также двѣнадцать, но въ *chanson de Roland* ихъ тридцать, въ *Amis et Amile*—болѣе шестидесяти: цифры, которыя авторъпытается помирить съ исконнымъ и завѣтнымъ числомъ двѣнадцати. Въ русскихъ билинахъ богатырей при Влади-мѣрѣ является то семь, то двѣнадцать, то тридцать (ихъ тридцать и Тидрека по стихотворной Эддѣ)—сдва ли подъ германскимъ влияніемъ; въ средне-греческой поэмѣ обѣ Ахиллѣ, ст. 257, онъ выбираетъ себѣ дружину изъ двѣнадцати человѣкъ: тобѣ єхрѣтѹс той; ἡθαλεν καὶ τριάκαν. Если устраниТЬ эту поэму, какъ обличающую западное вліяніе, которое могло навѣять изъ *chansons de geste*, и память о двѣнадцати пэрахъ, то остаются еще греческія сказки, говорящіе о такомъ же числѣ богатырей. Все это на столько не германское, па сколько могло, напримѣръ, быть и галло-римскимъ.

Подобное же возраженіе вызываетъ и замѣтка автора о братаніи французскихъ витязей (392—393): это явленіе не только не специально германское, но и славянское, и румынское, освященное молитвой византійского евхологія. Ниропъ (стр. 217 прим. I и прим. на стр. 406—7) обратилъ вниманіе па эти параллели.

Страннѣе всего представляется намъ орудованіе Райны общими эпическими мѣстами, съ цѣлью ли доказать связь старофранцузского

эноса съ ифмоцкии, или продволагасмого Меровингского съ Каролингскимъ. Такими сближеніями наполнены главы X и XI—XVI. Говоря объ общихъ мѣстахъ, я имѣю въ виду не явленіе повтореній и перепѣвовъ, обычное въ періодѣ упадка каждого эпоса, а тѣ мотивы и положенія, которые либо извѣстны каждому эпосу вообще, либо распространены въ широкихъ эпическихъ областяхъ. Таковы, напримѣръ: бой отца съ неизнанннымъ имъ сыномъ (р. 414), похищеніе чѣго-нибудь при помощи спутнико г залы (р. 255), надменный рѣчи вражьихъ пословъ (р. 257 слѣд.), звѣри руководящіе, указывающіе переходъ въ бродъ (р. 250—251), и т. п. Изъ такихъ общихъ мѣстъ ничего нельзя заключить ни о германскомъ французскаго, ни о меровингскихъ началахъ Каролингского эпосовъ.

Меровингскую эпою Райна защищаетъ такъ круто и страстно, какъ будто въ самомъ дѣлѣ встрѣтился съ мнѣніемъ, начинавшимъ эпическую Францію съ Карла Великаго и не допускающимъ ни существованіе болѣе древнихъ пѣсень, ни возможности ихъ воздействиа на послѣдующія. Вопросъ въ сущности ставится гораздо проще. Необходимо отличить эпическую пѣсни отъ комплекса эпическихъ пѣсень и преданий, который не есть еще эпоса или поэма, но можетъ быть названъ эпосомъ. Вытеснѣ пѣсни ходили въ южной Руси и до Владимира, но киевскій эпосъ не отдѣлился отъ его имени; былины могли ходить и о Меровингахъ, но мы знаемъ лишь Каролингскій эпосъ—вѣроятно, потому, что въ обоихъ случаяхъ явились особы историческія и общественные условія, вызвавшія скопленіе пѣсень вокругъ одного центра и продукцію эпоса. Такъ какъ дѣло идетъ о теоретическихъ построеніяхъ, которыхъ я не буду здесь подкрѣплять фактами, то могутъ замѣтить, что тѣ же условія могли существовать и до Карла Великаго, и что Меровингскій эпосъ все-таки могъ существовать. Но уже самый фактъ, что о немъ ничего не сохранилось въ памяти потомства, говорить противъ его существованія. Ирошно сложившійся эпической циклъ трудно уступаетъ новому, не оставилъ слѣдовъ, либо уступаетъ подъ давленіемъ вѣнчанихъ обстоятельствъ. Обрывки среднегреческаго эпоса о Дігенісѣ и сродныхъ ему богатыряхъ еще теперь доживаются свой вѣкъ рядомъ съ kleftскими пѣснями; если южно-руссія былины удалились на сѣверъ, а на югѣ, почти забывшемъ ихъ, подворился новый эпосъ казацкихъ думъ, то причины тому извѣстны: татарскій погромъ, перенесеніе центровъ политической жизни и, можетъ быть, этническимъ передвиженіемъ,—цѣлый рядъ факторовъ, искоренившихъ память о

былиныхъ на мѣстѣ ихъ зарожденія и очищавши мѣсто для новыхъ пѣсенныхъ сложеній. Было ли нечто подобное при династическомъ переходѣ отъ Меровинговъ къ Каролингамъ?

То, что съ легкой руки Даристетера называлось пока Меровингскими эпосомъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ *chansons de geste*, частью сохранившихся въ позднихъ спискахъ (*Floovant*), частью поздно сочиненныхъ (*Ciprîs de Vignetaux*), въ появленіи нѣсколькихъ меровингскихъ именъ въ эпизодахъ той или другой поэмы, въ такихъ замѣкахъ, какъ въ провансальской *Flamenck*, гдѣ обѣ одномъ жонглерѣ говорится:

*De Chlodoveeu e de Pipi
Comtava l'us tota l'istoria,*

при чёмъ не мѣшаетъ памъ точные придержаться слова *istoria*, не предполагая за нимъ какихъ-то народно-эпическихъ откровеній. Очевидно, нѣсколько историческихъ именъ, разсѣянныхъ въ позднихъ памятникахъ, не даютъ еще повода усомнить въ ихъ содержаніе древней меровингской пѣсни. Съ такими чудищами, какъ *Dagobert de Carthage* и *Theseus de Cologne*, очевидно, ничего не сдѣлаешь. Не даромъ Райна ограничивается лишь перечетомъ всѣхъ этихъ quasi меровингскихъ позы и упоминаній (р. 132 sq.), останавливаясь подробно лишь на *Floovant* (гл. VI).

Съ такимъ материаломъ трудно приняться за восстановленіе Меровингского быдеваго цикла. Надо было искать помощи въ другого рода источникахъ. Выше мы познакомились съ отрывками кантилены, воспѣвавшей, вѣроятно, какой-нибудь моментъ Саксонской войны Клотарія II; сохранились ли указания на другихъ подобныхъ пѣснѣ? Райна вообще склоненъ принимать на вѣру заявленія средневѣковыхъ хѣтописцевъ и стихоплетовъ, писавшихъ въ угоду кому-нибудь, чаще всего въ угоду риторикѣ. Кассіодоръ (*Var. VIII, 9*) говоритъ о Генсемундѣ: *Genssemundus ille toto orbe cantabilis*, чтѣ Гериниусъ страннымъ образомъ переводить: «der in aller Welt besungenen Gensimund!» Но *cantabilis* значить просто: достойный быть воспѣтымъ, славимымъ, и Райна склоненъ (р. 33—34 прим. 3) пересвести его словомъ *famoso*, чтѣ не мѣшаетъ ему заключить, что Кассіодоръ несомнѣнно тутъ подразумѣвалъ эпический пѣсни. Дѣло идеть о Генсемундѣ, отказавшемся отъ царской власти, чтобы удержать ее въ домѣ Амалоръ, для малолѣтнихъ Валамера, Теодемера и Видимера. За это великолѣдие онъ и достоинъ славы, *cantabilis*; „eum

nostrorum fama concelebrat, „*fertur ejus cunctorum attestacione praeconium*“. О пѣсняхъ нѣть рѣчи и остается не доказанной гипотеза Мюлленгофа, что Генсемундъ — исторический предшественникъ миѳического (эпического) Гильдебранда.

Особое значеніе дается въ томъ же смыслѣ такъ-называемому Poeta Saxon, такъ прославляющему родъ Каролинговъ, которыхъ приводить въ родственную связь съ Меровингами:

De claris genitus falsit praeclarior, atque
Patribus invictis fortior enituit.
Est quoque jam notum: *vulgaria carmina magnis*
Landibus ejus avos et proavos celebrant;
Pippinos, Carolos, Hlodowicos et Theodricos,
Et Carlomannos Hlotariosque canunt.

(Сл. Рајна, р. 47). *Hlodowicus*—Хлодвигъ, Теодорикъ—его сынъ, эпическую память о которомъ Мюлленгофъ хотѣлъ найти въ *Hugdierich*'ѣ старонѣмецкихъ поэмъ.

Что особенно важно въ этомъ заявленіи—это упоминаніе *vulgaria carmina*; но я вижу въ нихъ свидѣтельство того, что народныя пѣсни существовали въ концѣ IX вѣка,—не вынося еще убѣждений, что такія пѣсни ходили, какъ о Карлѣ Великомъ, такъ и о Хлодвигѣ и Теодорихѣ. Поэту въ пришадѣ славословія нельзя же было не упомянуть объ „*avos et proavos*“. Разумѣется, мы не принуждены вѣрить ему, какъ и свидѣтельству, напримѣръ, Ліутпранда, что греческія пѣсни о сыновьяхъ Романа Лекапина пѣлись не только въ Европѣ, но и въ Африкѣ и Азіи, или автора Слова о Полку Игоревѣ, что пѣвицы и венеціане, греки и моравы вторили пѣслимъ о славныхъ подвигахъ Киевскихъ князей.

При другомъ случаѣ (стр. 177 прим. 1) самъ Рајна замѣчаетъ, что свидѣтельствамъ поэтовъ, въ родѣ выше приведенныхъ, нельзѧ давать большой вѣры. Дѣло идетъ о Карибертѣ, котораго Рајна отожествляетъ съ *Gisberto dal Fiero Visaggio* италіанскихъ *Fioravante* и *Reali*, съ *Girbert* старофранцузскаго эпоса, имъ полузаѣтъ (сл. гл. VII). Этого Кариберта прославляетъ Фортунатъ (I. VI саг. 4, v. 7):

*Hinc cui Barbaries, illinc Romania plaudit:
Diversis linguis laus sonat una viri.*

Если этотъ Карибертъ дѣйствительно отвѣчаетъ эпическому *Girbert*, въ чёмъ я сомнѣваюсь, то для вопроса объ источникахъ такъ-называемаго Меровингскаго эпоса открываются интересныя точки зренія.

Gisberto—Girbert предстаетъ типомъ гордаго, кощественнаго царя, осмѣшившагося возстать противъ самого Бога,¹ и за то покараннаго; историческій Карлбертъ нарисованъ у Григорія Турскаго (Hist. Francor., I. IV, с. 26) и въ Miracula S. Martini (Bibl. Max. PP. t. XI, p. 953 ліонскаго изданія) мрачными красками: его послѣдній бракъ навлекъ на него церковное отлученіе (Григорій Турскій); его посагательство на собственность базилики св. Мартина повлекло за собою смерть: *qui protinus divina iussione transitum accipiens quievit* (Mirac.) (сл. Rajna, p. 175). Типъ Girbert=Карлберта и chanson de geste и ихъ италіанскихъ отраженіяхъ явно называнъ не народною, а церковною его оцѣнкою.

Главный матеріалъ для меровингской гипотезы Райна даютъ тѣтописные разказы Григорія Турскаго, Gesta Regum Francorum, Фредегарій и даже Кведлинбургская хроника. Но пимъ онь слѣдить въ хронологическомъ порядкѣ за дѣяніями Меровингскихъ королей и преданіями о Клодіонѣ и Меровеѣ (р. 51—2), Хильдерихѣ (р. 52 слѣд.), и Хлодвигѣ (р. 69 слѣд.), Теодерихѣ и Теодебертѣ (р. 95 слѣд.), Клотаріемъ II и Дагобертѣ (стр. 111 и слѣд.), ваконецъ Карлбертѣ (р. 169 слѣд.), съ цѣлью открыть въ нихъ эпические мотивы, которые и находить. Отсюда заключеніе, что эти эпические мотивы выражались въ пѣсняхъ и даже въ поэмахъ. Съ результатами, полученными такимъ образомъ, авторъ приступаетъ къ изученію Floovant, единственной chanson de geste съ меровингскимъ содержаниемъ, которую онъ подвергаетъ разбору, и далѣе считаетъ себѣ въправѣ говорить о связи Меровингского эпоса съ Каролингскими. Такъ получается рядъ сближеній и отожествленій, подозрительныхъ своимъ накопленіемъ. Floovant толкуется, напримѣръ, по слѣдамъ Г. Париса и Дармстетера, какъ Chlodoving, то-есть, Хлодвиговичъ, но тогда какъ Парисъ давалъ этому имени общее родовое значеніе, тожественное съ Меровингомъ (потомкомъ Меровея), Райна принимаетъ его въ тѣсномъ смыслѣ Хлодвиговича, то-есть, сына Хлодвига; изъ сыновей послѣдняго одинъ удостоивается чести отожествленія съ Chlodoving=Floovant, именно Теодорихъ—Hugdierich Мюленгофа (сл. р. 159; или Клотарій? Сл. р. 302 прим. 1), но что разъясняется о Floovant, указывается скорѣе на легенду о Хильдерихѣ (р. 145). Floovant, стало быть, относить наась и къ Хильдериху, и къ Теодориху и съ другой стороны представляетъ аналогію съ разказами позднѣйшаго французскаго эпоса о злоключеніяхъ юнаго Карла (р. 270).

Такимъ образомъ протягивается пять изъ одного эпического

періода въ другой цѣльмъ рядомъ наростовъ и превращеній, которые легче предположить, чѣмъ опредѣлить. Желаніе опредѣлить не опредѣлимое, по крайней мѣрѣ при наличныхъ фактахъ, желаніе, въ которомъ авторъ шутливо обвиняетъ самъ себя (Pref. p. X), проводить еще другую, еще болѣе сложную нить, между меровингскими и каролингскими сказаниеми. Говоря (гл. VIII) о Сивилѣ, легендарной женѣ Карла Великаго, являющейся во французскомъ эпосѣ съ типомъ безвинно пресгѣдаемой супруги, авторъ указываетъ на элементы, изъ которыхъ она сложилась: въ основѣ ея образа могла быть дочь Дезидерія (стр. 183); Гундеберга, жена Кароальда, герцога Туринскаго (стр. 184 слѣд.); Сигильда, жена Клотарія (стр. 195), цаконецъ жена Карла Толстаго (стр. 196). Сигильда, впрочемъ, потребовалась лишь для одного имени—Сивилла, ибо о ней Фредерій сообщаетъ лишь то, что Клотарійвелѣтъ убить нѣкоего Бозона, „*erupitans ei stuprum cum Sighilde regina*“.

Я указалъ въ общихъ чертахъ на приемы автора, которые можно бы защитить, не смотря на ихъ атомистичность, еслибы дозволено было удержать его точку сравненія. Онъ возстановляетъ эпосъ изъ лѣтописи, но мы не знаемъ, какимъ критеріемъ онъ руководится. Такимъ критеріемъ могли бы быть болѣе или менѣе древніе эпическіе отголоски Меровингской поры, на которые мы въ состояніи были бы опереться при анализѣ историческихъ разказовъ; но такихъ отголосковъ нѣть; слѣды Меровингского эпоса въ Каролингскомъ еще должны быть доказаны и не могутъ служить точкой отправления. Въ такихъ обстоятельствахъ критерій является лишь субъективный, опирающійся на знакомствѣ съ материаломъ, мотивами, интересами эпической пѣсни: битви, поединки, посольства, однимъ словомъ—весь скарбъ *chansons de geste* прилагается къ критикѣ лѣтописи, и если въ ней есть эпизоды подходящаго содержанія, то и дѣлается выводъ, что обо всемъ этомъ нѣтъ. Если идти такимъ путемъ, то за живописными эпизодами южно-русскихъ лѣтоисей можно бы предположить цѣлый рядъ утраченныхъ былинъ; ноѣроятно также, что такихъ былинъ никогда и не было, ибо интересы и идеалы эпической пѣсни чаше всего расходятся съ интересами и идеалами лѣтописи, церковной или придворной, все равно. Французскій эпосъ грандиозно опровергнулъ пораженіе при Ронсевѣ, которому мы не придали бы никакого значенія, еслибы встрѣтили его только на страницѣ хроники; на оборотъ, русскія былины не сохранили никакой памяти о дѣятельности Владимира по устройству земли и введеніи

христіанства, столь дорогой лѣтописцу. Эпосъ—это история въ народной памяти и предвзятой идеализации, чо его предвзятость поэтическая, не предвзятость извѣстными цѣлями и профессіональными убѣждѣніями, которую необходимо предположить именно для франкскіхъ лѣтописцевъ, служившихъ политическимъ и церковнымъ интересамъ Меровинговъ, потому что они отвѣчали ихъ собственнымъ. Хлодвигъ, обращающійся въ христіанство, будеть ихъ героемъ; Клотильда, побуждающая его къ тому, окружится легендой: я имѣю въ виду разказъ Фредегара о сватовствѣ Хлодвига (70—71), некоторые черты которого побуждаютъ Райну припомнить цѣлый рядъ поэмъ о сватовствѣ, начиная съ Rother, Ortnit и друг., и прійтіи къ убѣждѣнію, что въ основѣ лѣтописного рассказа о Хлодвигѣ и Клотильдѣ лежать народныя преданія либо заглохнувшія народныя пѣсни. Но онъ идетъ и далѣе того (р. 80 слѣд.): Григорій Турскій разказываетъ намъ объ отвратительныхъ политическихъ убѣствахъ Хлодвига, о смерти Сигиберта, Каариха, Рагнакары и другихъ, мѣшивавшихъ его единовластию. Все это тоже было сюжетомъ особыхъ пѣсень. Но кто же пѣлъ или слагалъ эти пѣсни? Развѣ близкіе къ царю люди, раздѣлявшіе его виды, знавшіе цѣли его политики: собирая Франкской земли. Это матеріалъ не для эпическихъ пѣсень, а развѣ для церковно-политическихъ легендъ, понятныхъ въ устахъ духовнаго лица, для котораго усиленіе христіанства Хлодвига, въ уронъ языческихъ властителей, было торжествомъ христіанской власти. Если Райна (р. 91), говоря объ этихъ пѣсняхъ, прославлявшихъ „за хваты Хлодвига“ (*ingrandimenti di Clodoveo*), прибавляетъ что они принадлежать къ „вымершему роду“ (*di una specie estinta*), то слѣдуетъ прибавить, что пѣсни эти имѣли мало общаго съ народнымъ либо дружиннымъ эпосомъ.

Указанные точки зреіїя пригодятся намъ при разборѣ эпоса о Хильдерихѣ, который авторъ воистинѣ изъ разказовъ Григорія Турскаго, *Gesta regum Francorum* и Фредегара (см. гл. II).

Григорій (I. II, с. 12) разказываетъ о Хильдерихѣ, наслѣдовавшемъ отцу Меровею около 457 года, что его насилія надъ франкскими дѣвицами возбудили противъ него гнѣвъ народа. Его замышляютъ убить; узнавъ о томъ, онъ удаляется, предоставивъ одному изъ близкихъ къ нему людей позаботиться объ умиротвореніи своихъ подданныхъ; когда опасность пройдетъ, и ему возможно будетъ вернуться безъ болезни, пусть дастъ ему знать, приславъ ему половину монеты, которую они раздѣлили между собою пополамъ. Это будетъ

зnamенiem. Хильдерихъ, который между тѣмъ укрылся въ Туриngіи, у короля Базина и жены его Базины. Франки тѣмъ временемъ предложили королевскій вѣнецъ римскому полководцу Эгидію; но черезъ восемь лѣтъ они соскучились по своемъ прежнемъ господину, и вотъ тогда-то пріятель Хильдериха посыпаетъ ему условный знакъ. Хильдерихъ возвращается и слова возведенъ на престолъ. Вскорѣ къ нему явится и покинувшая мужа Базина; на вопросы короля, почему она пришла къ нему такъ издалека, она отвѣчаетъ, что познала его храбрымъ и желаетъ съ нимъ остатъся; она пошла бы и далѣе, за море, кабы знала другого, болѣе храбраго, чѣмъ онъ. Обрадованный Хильдерихъ оставляетъ Базину у себя и женится на ней. Отъ этого брака и родится Хлодвигъ.

Откуда узнала Базина о храбрости своего будущаго мужа? Легенда Григорія не говорить ни о его подвигахъ при Туриngскомъ дворѣ, ни о таковыхъ же по возвращеніи. *Gesta regum Francorum*, не поясняющія этого эпизода, добавляютъ въ другомъ новыхъ подробности. Пріятель Хильдериха названъ Видомадомъ (*Widomadus, Winomadus, Wiomadus*); вѣривши въ довѣrie Эгидія, онъ побуждаетъ его злоказненно умертвить вѣкоторыхъ франковъ, что тотъ и дѣлаетъ. Разгневанные франки обращаются за советами къ Видомоду: что имъ дѣлать? Тогда онъ напоминаетъ имъ объ ихъ старомъ властитѣльѣ, *utilem atque strenuum*, котораго они изгнали по своему неразумѣнію, чтобы поставить на его мѣсто „*militem hunc imperatoris Romanorum, crudelem, iratum atque superbum*“. Франки каютсѧ: *Utiliam meruissemus invenire, et cum pace regnaret super nos!* Вотъ тогда то Видомадъ посыпаетъ Хильдериху условленное знаменіе.

Вариантъ того же сказаниѣ у Фредегара развиваетъ этическими повтореніями роль Видомада, но въ его разказѣ есть и совершенно новыя черты, неизвѣстныя предыдущимъ персональмъ. Видомадъ (*fidelissimus ceteris Childerico, qui eum, cum a Chunis cum matre captivus duceretur, fugaciter liberaverat*) внушаетъ Эгидію мысль наложить на франковъ подать; тотъ приводитъ это въ исполненіе; Франки молчатъ. Тогда Видомадъ убѣждаетъ короля, что подать слишкомъ неизничительна и надо ее увеличить; франки примиряются и съ этимъ: лучше вынести тяжелую дань, „*quam cum Childerico gravissimam vitam duces*“. Но коварный совѣтникъ на этомъ не останавливается: „Франки заносчивы; если ты не умертишь ихъ въ достаточномъ количествѣ, не сломишь ихъ гордыни“, говорить онъ Эгидію. Тотъ спѣшить исполнить и этотъ совѣтъ, тогда какъ Видомадъ въ тайнѣ возбуждаетъ

народъ: „Неужели не довольно вамъ, что вась обложили данью? До-
кохъ будете вы терпѣть, что вась рѣжутъ, какъ барановъ? Всѣ въ
одинъ голосъ вспоминаютъ Хильдриха, который могъ бы освободить
ихъ отъ этихъ бѣдъ. А Видомадъ снова идетъ къ Эгидію: „Теперь
франки усмирены“, говоритъ онъ,—, побуждая его потребовать большой
дань съ Византійскаго императора, у которого въ то время, какъ
разъ находился Хильдрихъ. Эгидій шлетъ пословъ, а съ ними вмѣстѣ
идетъ и служитель Видомада, которому поручено было, опередивъ
другихъ, вручить Хильдриху условную половину монеты и разказать
о намѣреніяхъ Эгидія. Хильдрихъ разказываетъ обо всемъ импера-
тору Маврикію; разгнѣванный требованіемъ даніи со стороны того,
кто данью былъ ему обязанъ, онъ велитъ заключить посланныхъ и при-
нимаетъ предложеніе Хильдриха—отправиться во Францію и нака-
зать мятежника. Императоръ отпускаетъ Хильдриха, щедро одарен-
наго; Видомадъ выѣзжаетъ на встречу Хильдриху; народъ, встрѣ-
тившій его радостно, освобожденъ отъ податей. „Deinde ab omnibus
Francis resublimatur in regno (то-есть, Хильдрихъ), multaque praelia
cum Aegidio egit. Plures strages ab ipso factae sunt in Romanis“. —
Здѣсь примыкаетъ разказъ о явленіи Базилы, отчасти словами Гри-
горія Турскаго, но далѣе встрѣчаемъ опять самостоятельный эпизодъ: въ первую брачную ночь, проведенную, по просьбѣ Базилы, въ
воздержанії, она велитъ мужу подняться съ постели и трижды по-
смотрѣть, чтѣдѣлается передъ дворцомъ. Въ первый разъ ему пред-
ставляются образы льва, единорога и леопарда, во второй—медведь
и волки, въ третій — псы и другіе мелкие звѣри, дерущіеся другъ
съ другомъ. На слѣдующее утро Базилла объясняетъ мужу его видѣ-
нія: *Quae visibiliter vidisti, veritate subsistunt. Haec interpraetationem
habent. Nascerut nobis filius [leonis] fortitudine signum et instar te-
nens; filii vero ejus leopardi et unicornis fortitudine signum tenent.*
*Deinde generantur ex illis, qui ursis et lupis fortitudinem et voraci-
tatem eorum similabunt. Et tertio quae vidisti ad discessum, colum-
nae regni hujus erunt: qui regnabunt ad instar canum, et minoribus
bestiis eorum consimilis erit fortitudo. Pluritas autem minorum bes-
tiarum, quae ab invicem detrahentes volutabant, populos sine timore
Principum ab invicem vastandos significat.*

Два эпизода существенно отличаютъ редакцію Фредегара отъ пред-
шествовавшихъ ему: эпизодъ о Константинополѣ и эпизодъ о вѣщемъ
видѣніи. Послѣдній, по содержанію, несомнѣнно относится къ проро-
чествамъ ехъ *re confecta*, и притомъ такимъ, которыхъ представляютъ

развитіе человѣческихъ царствъ по идеѣ постепенного паденія и вырожденія (сл., напримѣръ, *Visio caroli Magni*). Указывать на многочисленные образцы подобныхъ пророчествъ было бы излишне; искать въ нихъ отраженія дѣйствительныхъ историческихъ имёнъ и отношеній—можно, но опасно, и я, напримѣръ, не считаю удачною попытку подобного истолкованія, предложенную авторомъ (стр. 61—62), усматривающимъ въ сокращас *regni* Фредегупту и Брургильду. Что самыи замыселъ спа—германскій (р. 60), съ этимъ не согласится никто, знающій широкое распространеніе его мотива. Самые звѣри—левъ, носорогъ, леопардъ — указываютъ на знакомую символику Дашилова видѣнія, попавшую и въ сербскую Александрию; только примененіе кругое—не къ царствамъ, смыняющимъ другъ друга, а къ отдѣльнымъ царямъ, чередующимся во власти. Важнѣе остановиться на внутреннемъ мотивѣ видѣнія: отъ Базилии рождается Хильдерику сынъ Хлодвигъ, левъ пророческой фантасмагоріи, первый христіанскій король Франціи. Такіе люди въ легендѣ рѣдко рождаются безъ знаменій, безъ вѣщаго сна: укажу въ легендѣ о Константинѣ у Никифора Каллиста и его источника небесныхъ знаменій, видѣнія Константиномъ въ первую брачную ночь съ Еленой. Константинъ былъ первымъ императоромъ—христіаниномъ. Сновидѣнія первой брачной ночи вообще считались вѣщими; вотъ почему рабынѣ, матери Теодериха Великаго, ей госпожа велить запомнить и разказать, что ей привидится. Ей видѣлось дерево, выросшее изъ ея чрева и поднявшее свою вершину до облаковъ. По совѣту мужа, она утаяла этотъ сонъ, замѣнивъ его другимъ, болѣе скромнымъ и не проникнутымъ идеей будущаго величія (*Gesta Theodorici*).

Что касается константинопольского эпизода Фредегара, то надѣль объясненіемъ его Райна потрудился не мало. Редакція Григорія и *Gesta* представляютъ, сравнительно, цѣлый разказъ, удовлетворяющій народной гордости: условіе, которое предполагается необходимымъ для содержанія народно-эпической пѣсни. На сценѣ: римляне и франки, свои и чужіе; франки заставляютъ бѣжать своего короля, но гнѣть чужакина невыносимъ, и они снова облюбили родового властелина, возвращающагося съ торжествомъ. И вотъ въ эту цѣльность вторгается новый, константинопольский эпизодъ: франскій король возвращается не изъ безразличной Турингіи, а изъ Византіи, осипанный ея дарами, носитель византійскаго возмездія; онъ возвращается не столько въ силу желанія своихъ, сколько съ помощью имперіи. Заключеніе Райна такое: пересказъ Григорія и *Gesta* представляетъ

собою древнюю редакцію сказанія; Константинопольскій эпизодъ — личный, сознательный вымыселъ, принадлежащий либо какому-нибудь писателю, либо пересказчику древней пѣсни, содержаніе которой указано именно Григоріемъ и текстомъ *Gesta* (р. 66). Авторъ, припоминая по этому поводу роль Константиноополя въ некоторыхъ немецкихъ и именно франкскихъ (*Pug-* и *Wolfdiutrich?*) поемахъ, заключаетъ, что появление Константиноополя въ германской легендаѣ не можетъ быть истолковано въ смыслѣ ея народно-эпического происхожденія (р. 67). Но дѣло, очевидно, не въ упоминаніи Константиноополя, а въ томъ, что, по смыслу Фредегерова рассказа, изъ Константиноополя получается освященіе франкской королевской власти. Какъ помирить это съ народнымъ самосознаніемъ эпоса? Что уже въ началѣ VI вѣка Меровинги любили заявлять себя законными представителями имперской власти въ Галліи, на это указываетъ и самъ авторъ (59), приводя примѣръ Хлодвига, *Greg.*, II, 38: *Igitur Chlodovechus ab Anastasio imperatore codicillos de consulatu accepit, et in basilica beati Martini tunica blatea indutus est et chlamyde. imponens vertici diadema. Tunc, ascenso equite, aurum argentumque in einerti illo, quod inter portam atrii basilicae beati Martini et ecclesiam civitatis est, praesentibus populis manu proprias spargens, voluntate benignissima erogavit; et ab ea die tamquam consul aut Augustus est vocitatus. Egressus autem a Turonis, Parisios venit, ibique cathedram regni constituit.* Но что было понятно въ началѣ VI вѣка, не мыслимо въ концѣ VI: Меровингская династія на столько укрѣпилась, что ей не надо было искать поддержки въ имперіи (65); а именно къ концу VI вѣка (читай такъ вм. VII; см. стр. 65) или къ первыиѣ годамъ VII относится, по мнѣнію автора (67), константинопольская редакція легенды, пересказанной Фредегаромъ. Основано это хронологическое опредѣленіе на толкованіи пророческихъ видѣній Хильдриха (63) и на упоминаніи императора Маврикія, 582—602 гг. (62), хотя первое сомнительно, а второй могъ быть выведенъ на сцену и Фредегаромъ. Если удалить эти мотивы, то пичто, въ сущности, не мѣняется признать его оригиналъ болѣе древнимъ, то-есть, отвѣчающимъ политическимъ планамъ первыхъ Меровинговъ. Въ народности, къ большой пригодности для народной пѣсни такой оригиналъ, разумѣется, ничуть не выгадаетъ. То же слѣдуетъ сказать и по поводу попытки автора (65—66) объяснить значеніе константинопольского эпизода: византійскія вождѣленія не пристали, какъ мы видѣли, окрѣпшимъ Меровингамъ конца VI вѣка; и вотъ Райна

д'яється предположеніе, що весь разказъ о византійской поїздкѣ Хильдериха могъ бытъ изобрѣтіемъ царти, враждебной королюмъ, сидѣвшимъ на престолѣ, напримѣръ, какого-нибудь сторонника Гундовальда, сына (можеть бытъ, минимаго) Клотарія, явившагося во Францію въ 582—583 годахъ въ качествѣ претендента и при вѣроятнѣ поддержкѣ Византіи. Вотъ это-то событие и могло бытъ поводомъ звести въ древнюю легенду (=Григорій Турскій) эпизодъ о Константиноції; въ виду цѣли, которую могла имѣть въ виду подобная амплификація, она должна была явиться въ формахъ пѣсни, которую могли бы сказывать многіе и всѣ услышать. При этомъ невольно подсказывается вопросъ: куда же дѣлась во франкахъ, на которыхъ хотѣть поддѣлывать претендентъ, то національное самосознаніе, которое является характернымъ для легенды у Григорія? Неужели Гундовальдъ могъ основывать свой успѣхъ на іѣсвѣ, отвергавшій эту самостоятельность? Или его чувство утратило въ народѣ, тогда какъ оно выросло въ династії Меровинговъ? Очевидно, сюжетъ не для народно-эпической пѣсни, а для династично-политической легенды.

Отношенія легенди о Хильдерихѣ въ редакціяхъ Григорія (=Gesta) и Фредегара представляются миѣ слѣдующа: Первая могла принадлежать области историческаго, оноэтизированаго преданія: бѣство Хильдериха въ Турингію, возвращеніе съ помощью Видомада; Базина могла бытъ, въ самомъ дѣлѣ, матерью Хлодвига; отношенія Хильдериха къ королю Базину покрыты вѣкоторымъ иракомъ, но царь Турингіевъ этого имени въ самомъ дѣлѣ существовалъ: житіе св. Радегунды дѣлаетъ єя внукой Бассина (аво gege Bassino), а въ эдиктѣ Ротариса Радегундой же названа дочь Турингіеваго короля Биссина: *Wacho habuit uxores tres, una Ratecunda, filia Pisen regis Thuringorum.* Въ какихъ отношеніяхъ находится разказъ Григорія къ вѣмецкому миесу о Вуотанѣ и его сказочными отраженіями, этого вопроса я не касаюсь, не находя существенного сходства между тѣмъ и другимъ¹).

У Григорія и въ Gesta Хильдерихъ удаляется въ туригамъ; въ одномъ изъ источниковъ Фредегара говорилось о его бѣствѣ въ Константиноції, откуда онъ, подъ покровомъ імперской власти, снова возвращался въ Галлію, какъ поборникъ своихъ правъ и защитникъ імператорскихъ. Тенденція легенди могла бытъ та же самая, которая заставила и Хлодвига величаться титуломъ консула и августа. Іту ле-

¹) *Cs. Hist. critique des règnes de Childerich et de Chlodovech par W. Jung-Lens, trad. par M. G. Molod., p. 9—11.*

генду Фредегаръ (или кто другой до него?) сплотилъ съ турингскою и сплотилъ не особенно ловко: изъ Туригія Хильдерихъ попадаетъ въ Константинополь; мотива для послѣдняго акта нѣть, неясность объясняется неумѣльмъ сюжетомъ. Играли ли въ этой легенды какую-нибудь роль женщина, смишанная вслѣдствіи съ Базиной турингского сказания, я не знаю и не рѣшаюсь сослаться въ этомъ случаѣ на такого изобрѣтателя всякаго рода баснословныхъ генеалогій, какъ Jean d'Outremont. Замѣчу только, что онъ различаетъ двухъ Базинъ, супругъ Хильдериха; вторая изъ нихъ—псова Базина; первая—дочь императора Гонорія и мать Хлодвига (р. 68 прим. 1). Константинопольская легенда получаетъ видѣсь генеалогический колоритъ: Меровинги не только представители имперской власти, но и сами имперской крови.

Съ данными, которыхъ получились изъ анализа сказаний о Хильдерихѣ мы обратимся къ критикѣ „меровингской поэмы“ о Floovant. Какъ о Хильдерихѣ мы имѣемъ двѣ легенды: турингскую и константинопольскую, таъжъ и о Floovantъ въ различныхъ версіяхъ сказания. Во французской поэмѣ и отрывкахъ нидерландского перевода Floovant (Flovent) — сынъ Хлодвига = Clovis; разсердившись на своего учителя, сенешала, онъ отрѣзалъ ему бороду—и осужденъ за этотъ проступокъ на семилѣтнее изгнаніе. Покинувъ Францію съ своимъ вѣрнымъ Richier, онъ отправляется въ Эльзасъ (Ausai), гдѣ защищаетъ короля Flore противъ саксовъ и сарацинъ. Послѣ разныхъ приключений, онъ женится на дочери короля саксовъ, Maugalle, и, вернувшись во Францію, примиряется съ отцомъ, которому помогаетъ отбѣтиться отъ враговъ. Поэма объ Aubri II Bourgoing имѣеть, вѣроятно, въ виду тѣ же родственные отношенія Clovis и Floovant, когда упоминаетъ подъ рядъ: Cloevier et Flovent. Въ итальянскомъ Fioravante и въ соответствующемъ отѣльѣ Reali di Francia герой, отвѣчающій Floovant, носить имя Fioravante, но имени Хлодвига нѣть.

Другую редакцію того же сказания представляетъ сѣверная Floventssaga и отвѣчающей ей эпизодъ въ итал. Fioravante и Reali di Francia: Flovent, итал. Fiovo, Fiorio, сынъ или племянникъ Византійскаго императора Константина, вслѣдствіе нанесенного имъ оскорблѣнія, принужденъ искать спасенія въ бѣгствѣ и, явившись во Францію, послѣ разныхъ перипетій становится ей первымъ христіанскимъ королемъ. Эту версію могъ имѣть въ виду Bertran de Paris, когда говорилъ о Floriven,

Que pres premier de Fransa mandauen.

О взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ сказаній, представляющихъ несомнѣнно общій типъ, было говорено не разъ, и я не знаю, почему Райна осталась теперь сравнительно равнодушнымъ (ст. 140) къ вопросу, который уже давно рѣшенья, и который необходимо было пересмотрѣть. Такое же равнодушіе обнаружилъ онъ и по отношению къ различію и колебанію собственныхъ именъ: въ группѣ французской (*Clovis*) *Floovant*—и *Fioravante*, въ группѣ византійской (Константина) *Flovent*, *Flovo*—и *Floriven*, *Fiorio*. Равнодушіе объясняется, быть можетъ, предвзятымъ рѣшеніемъ, что *Flovent*=*Chlodoving*, то-есть, Теодорихъ, сынъ Хлодвига, по мѣнѣю Райны; по мѣнѣю Г. Паркса и Даристетера — Дагоберть, о которомъ, какъ и о *Floovant*, рассказывали (*Gesta Dagoberti*, с. 6), что онъ обрилъ бороду Аквитанскому герцогу Сидрегезилу и принужденъ былъ спасаться отъ отцовскаго гнѣва въ часовни святыхъ Діонисія, Рустика и Элевоерія. Райна отвергаетъ это сближеніе, потому что Дагоберть—не *Chlodoving*, то-есть, не Хлодвиговичъ.

Оставивъ на время Хлодвига и обращаясь къ критикѣ самихъ сказаній, я постараюсь развить здѣсь при свѣтѣ Хильдериховой легенды, иѣсколько намековъ и соображеній, высказанныхъ мною ранее по этому вопросу ¹⁾.

Flovent—*Fiovo*, сынъ или племянникъ Константина, бѣжитъ во Францію и становится тамъ первымъ христіанскимъ королемъ. Это та же идея, что и въ легендахъ о Хильдерихѣ константинопольского извода, но еще болѣе откровенная, скрѣплявшая узами крови первую королевскую династію Франціи прямо съ Константиномъ Великимъ. Разумѣется ли подъ *Flovent*=*Fiovo* какой-нибудь древній Меровангъ—я не знаю; я удерживаю мое прежнее объясненіе имени: *Flovo*=*Flavius*, *Flovent*=можетъ быть, *Flavium* (сл. *Flovent*=*Flavius* въ старофранцузской легендахъ о св. Эгидіи), если и здѣсь не предположить вмѣшательство германскаго суффикса *ing*: *Flaving*=*Flovent*, какъ *Chlodoving*=*Floovant*. Замѣтимъ кстати, что праепомен Константина *Flavius*, восходящій透过 его отца къ императору Клавдію и далѣе къ императорскому роду Флавіевъ, сталъ послѣ него обычнымъ византійскимъ царственнымъ титуломъ безъ различія рода: имъ титулуются впослѣдствіи и Ираклій, и Левъ Философъ; его привиняютъ Лапгобардскіе, и Вестготскіе короли, и Теодорихъ Великій (*Flavius Theodericus rex*): еще одна точка зреінія, подтверждающая

¹⁾ См. Розысканія V, стр. 123, прим. 1.

наше толкование: *Flovent*=*Flavius*. Вспомнимъ наконецъ, что по старымъ преданіямъ, самъ Константинъ Великій принужденъ былъ укрываться отъ преслѣдованій Діоклетіана и Галерія и отправился въ Галлію.

Подобного рода легенда, очевидно, могла создаться первоначально не на почвѣ народнаго эпоса, а въ церковно-политической средѣ, для которой культурная связь съ имперіей столицѣ выше народныхъ интересовъ. Позже эта легенда дала сюжетъ французской поэмѣ, оригиналу *Floventssaga*; съ другой стороны, какой-нибудь труберь, хорошо знавшій, что первымъ христіанскимъ королемъ Франціи былъ не сынъ или племянникъ Константина, а Меровингъ Хлодвигъ, поставилъ его на мѣсто императора, а изъ сына Флавія, *Flovent*, сдѣлалъ Хлодвиговича = *Chlodoving*=*Floovant*, при чемъ не помирить даже фонетическихъ противорѣчій между *Clovis* и *Floovant*, а въ приключенія послѣдняго ввелъ разнообразіе, примирая изъ преданий о Дагоберть эпизодъ о бородѣ, какъ причинѣ изгнанія.

Еще позже редакторъ итальянскаго *Fioravante* (=*Reali di Francia*) соединяетъ обѣ версіи разказа: о *Flovent*, сынѣ Флавія, и *Floovant*=Хлодвиговичѣ въ одну генеалогію: *Fovo* (*Flovent*)—отецъ царя *Fiorello*, отца *Fioravante* (*Floovant*). Генеалогія эта, вѣроятно, фантастическая, хотя, быть можетъ, и болѣе древняя, чѣмъ итальянскія компиляціи, ее излюбленія. Если бы отдаваться страсти къ опредѣленію не опредѣлимаго, то *Fioravante*=*Floovant* былъ бы Теодорихъ (Райва), *Fiorello*=Хлодвигъ; для *Fovo*, византійскаго царевича, являющагося царить во Францію, осталась бы роль Хильдериха: вспомнимъ его константинопольскую легенду! *Fiorello*=*Chlodovech*, по крайней мѣрѣ, на столько же мыслимъ, насколько гипотеза Райвы, что первое имя—уменьшительное отъ Клотарія (стр. 152 прим. 1), объясняемое обычнымъ переходомъ *chl* въ *fl*: *Flovent*=*Chlodoving* и т. п. При помощи этого звукового перехода, дѣйствительно засвидѣтельствованаго, Райна пытается разрѣшить въ многочисленныя меровингскія имена, кажущіяся производными отъ *flos*, встрѣчающіяся особенно часто въ текстахъ *Fioravante* и *Reali*. Иные изъ нихъ могутъ быть и не традиціонны; но съ *Floriven* Бертрана Парижскаго по неволѣ приходится считаться. Я и здѣсь стою по прежнему за этимологію отъ *flos*.

Если вѣроятны мои соображенія относительно происхожденія и исторіи сказанія о *Floovant*, то его принадлежность къ древнему эпосу Меровинговъ покажется болѣе, чѣмъ сомнительной. Опъ и пѣсни

о Роландѣ стоять въ этомъ отнoшениi на двухъ полюсахъ: въ основѣ послѣдняго чувствуется струя пародиаг воспоминанія, историческій фактъ, преувеличенный и обобщенный пародиою фантазіей; въ основѣ Флоована лежитъ генеалогическая сказка о „преслѣдуемомъ юношѣ, царевичѣ“. Едва ли такой составъ поэмы укладывается въ общее воззрѣніе на французскій эпосъ, какъ историческій—если подъ исторіей не разумѣть историко-политическихъ грезы средневѣковаго лѣтописца.

Послѣ всего сказаннаго, предположенія о генетической связи Каролингскаго эпоса съ Меровингскимъ остается предположеніемъ—за отсутствіемъ ясныхъ слѣдовъ послѣдняго и при вѣроятнѣ, что, какъ эпосъ, онъ никогда не существовалъ. Извѣстно, что Дармстетеръ (De Floovante vetustiore Gallico poemate. 1877) былъ главнымъ поборникомъ такъ-называемаго „Меровингскаго цикла“; разбирая его доводы, Ниронъ (стр. 73) отвергаетъ крайности воззрѣнія и готовъ согласиться лишь съ общимъ взглядомъ, что „Merovingus ipse cyclus in Carolingum hanc aliter quam fluvius in lacum quem ipse allit sese immitteret et porderet necesse fuit“. Если же предыдущей фразѣ не давать слову циклъ значенія, господствующаго въ эпической терминологіи, то съ ней вообще можно согласиться: въ позднѣйшемъ Каролингскомъ эпосѣ могли затеряться эпическія черты того или другаго меровингскаго преданія, и Карль Великій въ свою „поэтическую исторію“ многое воспріялъ отъ своихъ родичей, особенно отъ дѣда.

Уже Г. Парисъ и Лоньонъ указали, что въ этой „исторіи“ внука зважительный вкладъ принадлежитъ Карлу Мартеллу: его подвиги, обстоятельства дѣтства, современные ему войны перенесены были изъ его соименника, затмившаго его въ народной памяти. Райна (гл. IX) принялся за пересмотръ этого вопроса, особенно преданій, касающихся матери Карла Великаго и его юности. Изъ относящихся сюда поэмъ назовемъ *Berte au grand pied* и отрывки и пересказы *Maignet*а.

Содержаніе первой слѣдующее: Пипинъ просить руки Берты (= *Berthe au grand pied*) у ея отца, венгерскаго короля *Flore*. Она отправляется во Францію, но здѣсь ея племянникъ *Tibert* и приближенная къ ней *Margiste* начинаютъ строить противъ нея ковы: Маргиста увѣряетъ ее, что Пипинъ убьетъ ее въ первую ночь брака, почему она и соглашается, чтобы Алиста, дочь Маргисты, заняла ея мѣсто на брачномъ ложѣ. Такъ какъ Пипинъ еще не выдалъ Берты, то Алиста и выдать себя за дочь Венгерскаго короля, принуждая на-

стоящую Берту искать спасения въ бѣгствѣ. Бѣднакъ Симонъ пріѣхалъ несчастную царевну въ своей хижинѣ, чѣмъ лѣсу. Нѣсколько лѣтъ спустя является во Францію мать Берты, Blanchesleig; ложная Берта—Алиста, наложила на себя народную ненависть, притворяется больной, чтобы избѣжать свиданія, но мать все-таки признаетъ въ ней обманщицу — по ногѣ: у ея дочери былъ характерный признакъ „большой ноги“, котораго не оказалось. Такимъ образомъ обманъ раскрытъ, предатели понесли заслуженную кару, и невинная королева водворена въ домъ мужа, которому родить двухъ дочерей и сына Карла.

Charlemagne Жирара Аміенскаго, доказывающей намъ то, что отрывки Mainet оставляютъ неяснымъ, говорить, что и отъ Алисты у Пипина было два сына, Heudri и Rainfroi. Подросталъ, они стремятся къ власти: въ сообщничествѣ съ матерью они отравили Пипина и Берту, хотятъ отдѣлаться и отъ Карла, законнаго наслѣдника престола; но вѣрный слуга Давидъ побуждаетъ его тайно бѣжать въ Испанію, гдѣ онъ пребываетъ, при假ивъ имѧ Mainet, въ Толедо, въ услуженія цара Галафра. Послѣ разныхъ приключений и войнъ съ эмиромъ Bawante, онъ женится на дочери Галафра, Galienne, и черезъ Италію, гдѣ онъ помогаетъ папѣ противъ сарацинъ, возвращается во Францію, гдѣ побѣждаетъ и наказываетъ измѣниковъ.

Во всѣхъ этикѣ разказахъ исторического, по отношенію къ Карлу Великому, одно только имя матери его Берты. Богѣ дали для создания легенды события временъ юности Карла Мартелла. У отца его Пипина отъ законной жены Плектруды были два сына, Дрогонъ и Гримоальдъ; отъ наложницы Алансанды — Карль, вноскладствіи прозванный Мартеллонъ. По смерти Пипина Плектруда захватила Карла и сдѣлала его своимъ узникомъ въ Кельнѣ, вѣроатно — для того, чтобы устранить въ его лицѣ претендента, который могъ казаться опаснымъ, не смотря на свое незаконное происхожденіе: Гримоальдъ и Дрогонъ къ тому времени уже умерли, но Дрогонъ оставилъ двухъ сыновей, прижившихъ вѣнѣ брака, Гримоальдъ — незаконнорожденного сына Теодальда, котораго Пипинъ, кажется, прочилъ себѣ въ наслѣдники. Опасными въ вопросѣ о наслѣдіи соискателями явились, для Карла равно какъ и для внука Плектруды, король Нейстрии, Гильпенрихъ, и его майордомъ, Рагинфредъ.

Таковы материалы, опредѣлившіе вѣкоторыя положенія эпического разказа, отдавшіе ему нѣсколько историческихъ имёнъ. Разумѣется, когда Карль Мартелъ упрачился во власти, его послѣшили пред-

ставить ся законнымъ наследникомъ, и согласно съ этимъ роли перенеслись: его мать (Аланаида) оказалась законной женой Пипина, законная, Плектруда, спустилась къ роли коварной наложницы, насилиемъ пробивавшей путь къ престолу для своихъ сыновей, и на место ихъ подставились болѣе яркіе образы Гильперика (Heudrī вм. Neuprī, Helpri) и Рагинфреда (Rainfroi), о которыхъ забыли, что они были враждебны и врагамъ Карла. Наконецъ, заключеніе Карла въ Кельвѣ легко могло обратиться въ народной фантазіи въ изгнаніе, бѣгство. Такъ получались общія очертанія разказа, перенесенного впослѣдствіи на Карла Великаго: Аланаида очутилась Бертой, законной женой, которую преслѣдуется наложница, и это преслѣдованіе было разработано по одному изъ мотивовъ старой сказочной схемы о невинно-преслѣдуемой женѣ: по мотиву „подмѣта“. Совершилась ли эта разработка уже послѣ переписки сказания на Карла Великаго, или ранѣе того—рѣшить не возможно. У Готфрида изъ Витербо и въ другихъ позднихъ свидѣтельствахъ матерью Карла Великаго является дочь Византійскаго императора Ираклія (+641 ч.), что опять указало бы на смѣщеніе съ матерью Карла Мартелла, еслибы эти свидѣтельства заслуживали вѣроатія по своей древности.

Легендой о Бертѣ, матери Карла Великаго, я занимался много лѣтъ тому назадъ¹⁾). Ниропъ (р. 383) отвергаетъ мнѣніе, давно казавшееся установленвшимся, о связи этой Берты съ гусеногою Бертой нѣмецкаго преданія, *regina pede ascae*. У эпической Берты также большая нога: полузаѣтый остатокъ древняго образа, совершенно затертый въ пересказѣ Аденета, присваивающаго Берту большія ноги (*as granz pies*). Я старался упрочить эту связь указаниемъ на эпическую легенду о женѣ Карла Великаго Сивилль, злостно обиженной въ нарушеніи супружеской вѣрности и принужденной бѣдствовать, какъ Берта, другой типъ невинно преслѣдуемой жены; замѣчу кстати, что и Сивилла, какъ Берта у Готфрида изъ Витербо—дочь Константинопольскаго императора; что какъ Сивилла въ франко-итальянскомъ пересказѣ носить название *Blanchefleur*, такъ въ *Garin le Loherain Blanchefleur*—имя Карловой матери, Берты. Но больше, чѣмъ этимъ случайнымъ, быть можетъ, совпаденіямъ, и даваль значеніе слѣдующимъ фактамъ: въ средніе вѣка извѣстенъ былъ образъ гусеногой Сивиллы, царицы Савской, извѣстной въ легендахъ и изображеніяхъ въ родѣ *regina pede ascae*; въ церковныхъ порталяхъ ея образъ красо-

¹⁾ См. мои Опыты по исторіи развитія христіанства легенды II, 1.

ЧАСТЬ ССХХVIII, отд. 2.

вался въ ряду другихъ провозвѣстниковъ христіанства, ибо она пророчица: ей вкладываются въ уста вѣщія прорицанія о судьбѣ народовъ и царствъ, обнімающія исторію человѣчества. Какъ она проридить грядущіе людскіе роды, такъ легко было представить ее себѣ родоначальницей поколѣній. Въ этомъ смыслѣ Берта, родоначальница Каролинговъ, и явилась, быть можетъ, съ характерными признаками Сивиллы: гусиною ногой, впослѣдствіи видоизмѣненою въ большую ногу. Эпитетъ Сивиллы, *Berhta*, блестящая, могъ совпасть съ историческимъ именемъ; припомнить, что въ нѣмецкихъ родовыхъ сагахъ Берта-*Danie blanche* и Сивилла чередуются между собою въ началѣ древнихъ генеалогій. Укажу Берту *von Eichelberg* или *von Ravenstein* (въ легендарной связи съ гуслями), на царицу Берту въ предапіяхъ Золотурна, на Франконскую *Sibilla Weiss* и Сивиллу Текскую, родоначальницу Виртембергскаго королевскаго дома.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ символомъ Берты мы уяснили бы себѣ и появление имени Сивиллы въ легендахъ аналогичной съ легендой о Бертѣ. Меровингскаго Сигильда осталась бы въ сторонѣ, и получился бы для вѣкоторыхъ частей Каролингскаго эпоса фактъ, который мы наблюдали въ меровингскихъ сказаніяхъ (см. Floovant): фактъ проникновенія школьно-церковныхъ представленій въ живое обращеніе эпоса.

III.

Это.. разумѣется, ничуть не противорѣчить исконно-историческимъ основамъ старофранцузскаго эпоса: въ рамкѣ народныхъ историческихъ воспоминаній укладывались, примыкаясь къ нимъ, и бродачія легенды, и поэтическій материалъ школьнно-церковнаго предавія, и меровингскія саги (не эпосъ), а можетъ быть, и другія мѣстныя саги, захваченные Карломъ Великимъ въ его побѣдоносныхъ шествіяхъ въ центръ французскаго эпоса. Обращеніе послѣдняго рода я думаю разобрать здѣсь, тѣ приложенія къ трудамъ Ниропа и Райли.

Въ апокрифическомъ житіи св. Панкратія, составленномъ, вѣроятно, въ первыхъ десетилѣтіяхъ VIII вѣка, разказана quasi-историческая повѣсть о войнахъ южно-италіанскихъ властителей и объ осажданіи Таорминіи, нынѣшней Таорміни¹⁾). Св. Панкратій, ученикъ св. Петра, обращается въ христіанство какъ самого властителя то-

¹⁾) Подробный разборъ поэтическіи см. въ моихъ Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по исторіи поэзіи, первый выпускъ которыхъ нынѣ печатается (I, гл. 2).

рода, Вонифатія, таъ и его жителей. Въ одинъ изъ дней Вонифатій ведеть святого и Евагрія, его ученика и списателя житія, въ преторій, гдѣ навалено было грудами несметное количество золота: все это дѣло—созданіе Меніи, основательницы города, исполнившей его такихъ богатствъ, что въ немъ нѣтъ бѣдниковъ. Менія и ея сокровища не разъ поминаются въ теченіе житія, но самая повѣсть о ней разказывается по такому случаю: На Вонифатія спарожается войною Калабрійскій царь Акилинъ, потомокъ другого Акилина, по прозванию Анеона, ибо всѣ тамошніе цари звались Акилинами. Панкратій, которому было свыше откровеніе относительно грядущей опасности, сбѣшть изъ Сиракузъ, гдѣ онъ находился въ то время, въ Тавроменію. Вонифатій былъ на охотѣ; за нимъ посылаютъ верхомъ гонца; на другой день, собравъ народъ и причастивъ его, Панкратій готовится объявить пока лишь одному игемону о предстоящемъ нашествіи и просить Вонифатія велѣть принести жертву Тавра, гдѣ повѣствуется о Реминидѣ и Меніи и Калабрійскомъ царѣ Акилине и объ основаніи Тавроменія: изъ чтенія его они узнаютъ причины, по которымъ хочетъ взыскать ихъ войною потомокъ древняго Акилина. Книга принесена, и Евагрій читаетъ ее по повелѣнію святого.

Въ южной Италии царили когда-то Реминидъ и Акилинъ; Реминидъ платилъ дань болѣе могущественному Акилину, но тотъ, не довольствуясь этимъ, стремился завладѣть и его богатствомъ и мужами, и его женой, мудрою, именитою и мужественною Меніей. Былъ Реминидъ, великий и сильный, отъ „желтаго, сѣверорусаго рода“, Менія же македонянка, поклонявшаяся вышнему промыслу и къ нему взывавшая о помощи. Частныя бывали войны между Акилиномъ и Реминидомъ.

Тавръ же родился въ области Хамовной, родомъ Хашаней, потомокъ въ десятомъ колѣнѣ Немврода, какъ говорять о томъ историки. Однажды „однопоясные“ сирійцы, напавъ на его страну, захватили въ плѣнъ вмѣстъ съ другими пленниками и пятнадцатилѣтнаго Тавра съ матерью. Когда стали дѣлить добычу, тотъ, кто завѣдывалъ этимъ, прельстился красивымъ юношемъ и не показалъ его при раздѣлѣ, пріобщивъ Тавра и его мать къ числу своихъ собственныхъ рабовъ. Какъ узналъ объ этомъ начальникъ, сильно разгневался на невѣрнаго слугу и продалъ Тавра съ матерью за 30 золотыхъ одному римскому купцу, находившемуся въ то время въ Сиріи по торговымъ дѣламъ. На обратномъ пути противный вѣтеръ занесъ его къ Регіуму, гдѣ его увидѣли люди Реминида, за которыми послали гонцовъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій Реминдъ спрашиваетъ корабельщика: съ чѣмъ онъ ўдетъ? „Есть у насъ все, что угодно, и все хорошее“. Какъ разъ въ это время Тавръ расхаживалъ по палубѣ корабля, и Реминдъ купилъ его за 60 золотыхъ вмѣстѣ съ матерью и повелъ къ себѣ. „Красиваго мальчика купилъ ты“, говорить мужу восемнадцатилѣтняя Менія; но, увидѣвъ мать Тавра, приревновала ее къ Реминду, какъ бы онъ ею не увлекся, и тайкомъ отравила. Сильно пораженный смертью матери, Тавръ впалъ въ тяжкую болѣзнь; Реминдъ горюетъ о немъ, а Менія перенесла его на вышку, уложила на макомъ ложѣ, ухаживаетъ за нимъ вмѣстѣ съ двумя прислужницами и, приклонивъ его голову къ своему лону, обнимаетъ его и говорить: „Не печалься такъ, дитя мое! Если мать твоя скончалась, то вотъ— я молодая, да и ты юноша; переживемъ мы Реминда“. Такими рѣчами она по немногу удалила изъ его сердца память о матери; стала онъ привыкаться къ Меніи и попросилъ пищи. Она приготовила ему вкусное кушанье изъ молодого козленка; онъ сталъ есть, поправляться и крѣпнуть. Увидѣвъ его мужающимъ, Реминдъ отдалъ его въ войско, въ конюшіе; черезъ пять лѣтъ сталъ онъ рослымъ и сильнымъ мужемъ, умѣвшимъ владѣть лукомъ и метать камни; Реминдъ любилъ его больше всѣхъ другихъ своихъ рабовъ. Сила его была такова, что никто не былъ въ состояніи натянуть его лука, и онъ легко несъ одною рукою ношу, которую другіе едва выносили на плечахъ. Вмѣстѣ съ силой была въ немъ мудрость, а съ нею побѣда. Когда, бывало, сойдутся мужи на пиръ въ честь своихъ боговъ, никто не могъ сравниться съ Тавромъ въ разказахъ и загадкахъ; изъ стада дикихъ быковъ, къ которымъ никто не рѣшался подступиться, онъ схватилъ однажды самого большого и, слизавъ веревкою, понесъ на руки; оттуда и его имя — Тавръ. А причину его силы мудрецы видятъ въ томъ, что до той поры онъ не зналъ любви и ложа женщины.

Случилось быть войнѣ между Акилиномъ и Реминдомъ, и Реминдъ палъ. Увидѣвъ его умершимъ, Тавръ снялъ съ его руки перстень и помчался къ Меніи, укрывшейся въ одномъ мѣстѣ съ своимъ имуществомъ; за нимъ гнались, но онъ перебилъ тридцать человѣкъ, а другіе отстали. Услышавъ нерадостную вѣсть, Менія предается горю, а Тавръ утѣшаетъ ее: „Къ чѣму ты такъ сѣтуюшь, госпожа моя, мудрая Менія? Къ чѣму сердце твое такъ исполнилось скорби? Не твои ли рѣчи поддержали меня, заставили забыть мать? Не ты ли сказала мнѣ: я молода, а ты юноша, переживемъ мы Реминда?“

Вспомнила тутъ Менія, что говорила, узнілъ ея плачъ: „Да, умеръ Ремінідъ”, вторить она, а Тавръ проситъ ее дать ему поясъ ея мужа, мечъ и литые щитъ и копье: онъ пойдетъ отомстить псу Акилину за смерть Ремініда. Она боится, чтобы и его не убилъ Акилинъ, но отпускаетъ съ поцѣлуемъ. Тутъ впервые позналъ Тавръ поцѣлуи женщины. Собравъ оставшихся ратниковъ, онъ предлагаетъ имъ пойти на Акилина. „Насъ мало”, говорить они. „Гѣмъ лучше, они пѣждуть нападенія и будуть беспечны”. „Кто же будетъ предводительствовать нами?” Тавръ предлагаетъ въ вожди себя. „Ты силенъ, это мы знаемъ, но въ войскѣ неопытенъ”. „Попытайтъ меня”, говоритъ онъ, и обѣщаетъ побѣду. Раздѣливъ войско на двѣ части, онъ велитъ имъ идти по сторонамъ, а самъ йдеть по срединѣ, одинъ; у одного источника икшель онъ шесть непріятельскихъ часовыхъ, троихъ убиль, остальныхъ привелъ къ своимъ. Они показываютъ, что Акилиново войско переполилось и никого у нихъ нетъ на стражѣ; Тавръ нападаетъ на нихъ у него голосъ, что у льва, отъ его крика у противниковъ потемнѣло въ глазахъ; шесть тысячъ человѣкъ перебили пятьдесятъ тысячъ. Акилинъ спасается бѣгствомъ, а люди Тавра, признавъ его достойнымъ править ими, просятъ Менію согласиться на бракъ съ нимъ. Бракъ совершается, и „свѣтлорусый Ремінідъ забытъ”; тогда впервые позвалъ Тавръ супружеское ложе, и впослѣдствіи, довольный одною Меніей, никогда не искалъ союза съ другою женщиной ради плотскаго удовольствія.

Междѣ тѣмъ Акилинъ собирается съ новыми силами и пытается узнать вѣдовство, какимъ бы образомъ извести Тавра, котораго люди убѣждаютъ бѣжать передъ болѣе численными врагами. Вѣѣсть съ Меніей, со всѣмъ народомъ, женами и дѣтьми и всѣми сокровищами, онъ переправляется ночью на корабляхъ, вѣѣть захечь огни и скривъ слѣды войска, чтобы обмануть непріятеля. Приставъ къ сицилійскому берегу, онъ принимается строить здѣсь укрѣпленій городъ, который премудрая македонянка Менія вскорѣ наполняетъ богатствами: призывъ къ себѣ вѣдуна, она спрашиваетъ его, какъ обрѣсти руду? „Тебѣ поможетъ вышний промыселъ”, отвѣчалъ онъ; и дѣйствительно: вскорѣ она сотворила множество чистаго золота, серебра, мѣди и желѣза, свинца и олова, такъ что городъ разбогатѣлъ: отсюда началось рудное дѣло.

Акилинъ, узнавъ о бѣгствѣ Тавра, переправляется вслѣдъ за нимъ съ несметнымъ войскомъ и хочетъ Тавра убить, Менію захватить ради ея художества. Люди Тавра пугаются страшнаго крика

вражьей рати. „Не пугайтесь“, говорить нынѣ Тавръ, — „я такъ и единъ закричу“. Взойди на возвышение онъ принимается голосить, точно не одинъ человѣкъ, а множество: „Я здѣсь, я здѣсь, и не тревещу передъ лицомъ Акиллина“. Но его войско тѣмъ не менѣе упало духомъ и даже замышлилось убить его и предаться непріятелю. Узнавъ объ ихъ намѣреніи, Тавръ стыдить ихъ, вслить имъ снарядиться и выйти въ поле: если онъ не покажеть себя, тогда пусть приведутъ въ исполненіе свой замыселъ. Такъ и сдѣлали; а Акиллину Тавръ послалъ сказать: Ты — Акиллинъ многомужественный, я — Тавръ, малый и неславный подвигами; зачѣмъ же готовишься ты умертвить народъ, готовый служить тебѣ? Лучше бы было, чтобы все мое стало твоимъ, и ты заключаешь бы миръ, не разрушая моего города и не подклоняешь мечу людей моихъ! Согласись, великий Акиллинъ, помѣряться со мною, малымъ Тавромъ: выйдемъ одни въ поле; убивъ меня, ты овладеешь всѣмъ моимъ и Менией“. Акиллинъ отвѣчаетъ: „Слушай, Тавръ, рабъ данника моего Реминда: клянусь высшимъ промысломъ великихъ боговъ (— не вышнимъ промысломъ, какъ нечистая колдуныя Менія), что если ты побѣдишь меня, все мое царство будетъ твоимъ“. Въ слѣдующемъ затѣмъ посдинѣ Тавръ убийство Акиллина изъ лука камнемъ въ двадцать-четыре литра, враги поражены, и побѣдитель Тавръ упрочиваетъ свое одновластіе на обоихъ берегахъ пролива. Его лукъ и до сихъ порь носится въ преторіи: никто не въ силахъ быть натянуть его; древко его копья развалилось стропилу, окружность щита четыремъ саженямъ, пояса не снести одному человѣку на плечахъ. Мевія устроила ему престолъ изъ золота и драгоценныхъ камней, а мудрецы, сливъ ея имя съ Тавровымъ, прозвали созданный ими городъ Тавроменіей.

Такъ кончается житіе Тавра, такъ странно прерывающее житіе святаго, ученика апостола Петра.

Чтеніе кончилось, а Акиллинъ уже явился съ 600 тысячами войска, чтобы отмстить за пораженіе своего древняго соименника и родича. Городъ обложенъ, по побѣда христіанъ Тавроменіи обеспечена: св. Панкратій съ Евагріемъ и новоизвестленнымъ діакономъ Татіаномъ выходить на городскую стѣну съ крестомъ и иконами; по молитвѣ святаго наступаетъ иракъ, и непріятели начинаютъ побивать другъ друга. Оставшиеся въ живыхъ 4,000 человѣкъ принимаютъ крещеніе; они говорить, что крестъ и иконы на городской стѣнѣ показались имъ тремя солнцами, затѣмъ вавшими свѣть настоящаго солнца, и ослѣшившими ихъ до того, что они перестали узнавать другъ друга.

Повѣсть о Таврѣ и Меніи, извлеченная нами изъ не изданного пока житія св. Панкратія, принадлежить къ роду тѣхъ *légendes des origines*, которыми полны старыя італіанскія хрошки, видѣвшія, напримѣръ, въ названіи Флоренціи, Florenza, силоженіе двухъ именъ: Fiorino и Renzo, какъ въ Тавроменіи сошлись, будто бы, имена Тавра и Меніи. Легенды эти, обыкновенно, школьнаго происхожденія, но за некоторыми изъ нихъ позволятельно предположить существование болѣе древнаго народнаго сказанія, либо его элементовъ, послужившихъ основой для ученой саги. Изъ того, что эта сага, на перекорь исторіи, пытается объяснить название Тавроменіи изъ именъ ея основателей, Тавра и Меніи, еще не слѣдуетъ, чтобы очертанія рассказа не могли быть мѣстными и народными, хотя, быть можетъ, имена были и не тѣ, какія сохранилъ нашъ пересказъ житія. Говоря о возможной народности древнѣйшаго содержанія, я отличаю ее отъ народности изложенія: немногое, напоминающее стиль народнаго эпоса, напримѣръ, въ характеристики Тавра, легко представить себѣ не отзукоемъ старой пѣсни, а стилистическими воспоминаніями составителя легенды. Укажу, напримѣръ, на львиный голосъ Тавра, на его, кичливое, дважды повторенное: „и зѣѣ!“ въ виду непріятеля; на типическую черту народной былки, что самъ боратырь Ѣдетъ въ „середку матицу“, тогда какъ его войско заходитъ справа и слѣва, и т. д.

Составитель житія ссылается по поводу Тавра и Меніи на какія-то „историческія книги“; другимъ источникомъ могли быть мѣстные преданія и разказы, напримѣръ, о гигантскомъ лукѣ въ тавроменійской преторії, которыми могли, впрочемъ, воспользоваться уже составители утраченной „исторіи“. Если она когда-либо существовала, то была романомъ на темы мѣстнаго преданія. Стиль романа отзывается кое-гдѣ и въ пересказѣ житія: обращаютъ вниманіе, напримѣръ, на первыя отношенія Тавра и Меніи.

Но кто такая Менія, жена Ремінда? Она не только македонянка, но и изъ рода Александра Великаго; она мудрая, ющая, мужественная; въ противоположность Акилинѣ, противнику ея первого и втораго мужа, она поклоняется „вышнему промыслу“, какъ Александръ у ІІсевдо-Каллисеона; недаромъ передъ поединкомъ съ Тавромъ Акилинѣ противополагаетъ ея иѣрованию свою иѣру въ промыслъ „боговъ“. Это противоположеніе единобожія и изъчества повторяется и далѣе въ житіи—въ формахъ изъчества и христіанства. Язычниками являются: Акилинѣ Анеонъ, противникъ Тавра, и второй

Акилинъ, пошедшій воиною на Таврова преемника Вонифатія; христианство послѣднаго какъ бы предваряется отвлеченнымъ вѣроученіемъ Менія.

Характернѣе и загадочнѣе всего ся особое вѣдовство: она знаеть всякое рудное дѣло; съ помощью вышняго промысла находить руды и создастъ несмѣтныхъ богатства. Это могло казаться и казалось волшебствомъ: отсюда желаніе Акилина захватить Менію и название колдуны, которое оно даетъ ей.

Имя Менія отвлечено отъ Тавроменіи; по припомнимъ еще древнее Méva, нынѣ Минео, въ четырехъ миляхъ отъ вулканическаго озера и святилища Паликовъ, сицилійскихъ божественныхъ братерь, которые представлялись сыновьями то Зевса и Нимфи Фаліи, то Гефеста или тожественного съ нимъ Адренона и Эты, у которой стоялъ храмъ Адренона (гдѣ нынѣ Адернѣ, древній Hadrapon), съ вѣчнымъ огнемъ и статуей бога, вооруженною копьемъ. Несомнѣнны отношения Паликовъ къ вулканическимъ явленіямъ или источникамъ, но можетъ быть, и къ ремеслу Гефеста и рудному дѣлу. Въ послѣднемъ смыслѣ интересно сосѣдство Паликовъ и Méva, которая я не прочь бы сблизить съозвучною Меніей; современное повѣрье зоветъ озеро Паликовъ озеромъ *donna Fetia*. Замѣтиль въ двухъ миляхъ или около того отъ Минео—Méva пещеру, о которой въ XVI вѣкѣ (1557 г.) рассказывали, что тамъ родилась красавица, по имени Ламія, большая блудница и волшебница; отъ ея чаръ одна мѣстность получила название Ламіи; демоны, обитавши въ пещерѣ, удалились изъ нея, когда тамъ положено было тѣло св. Агриппины.

Легенды о происхожденіи руднаго искусства естественно пріурочивались къ природнымъ вулканическимъ горниламъ, какъ Менія (въ Тавроменіи) по сосѣдству Эты, Мени неподалеку отъ озера Паликовъ, замѣненныхъ какою-то феями. Очень вѣроятно, что слѣды этихъ древнихъ представлений сохранились кое-гдѣ въ современныхъ по-вѣрьяхъ и мѣстныхъ сагахъ, можетъ быть, отчасти подъ прикрытиемъ чуждыхъ именъ. Менія, напримѣръ, всегда интересовалъ вопросъ о популярности феи Морганы въ Сициліи, и не хотѣлось вѣрить, чтобы она могла быть объяснена одною популярностью романсъ бретонскаго цикла безъ народной, мѣстной подкладки, облегчавшей уподобленіе пришлаго образа. Фатой Морганой зовутъ съ XV вѣка известное явленіе миража, видимое съ Мессинскаго побережья; въ XII вѣкѣ рассказывали, по словамъ Гервасія Тильберійскаго, что въ Mongibel=Этыѣ заключенъ король Артуръ, а ста-

рофранцузская поэма о *Florian et Florete* помыщает тамъ же чудесные палаты феи Моргани: тамъ она воспитываетъ Флориана, сына Палермскаго короля, который впослѣдствіи освобождаетъ, при помощи Артура, свою мать, осажденную въ Monreale, совершасть подвиги и затѣмъ снова увеселъ феей въ Mongibell, гдѣ живеть въ безмятежномъ счастіи съ Флоретой.

Если имя Меніи не восточного происхожденія, подобно Адрани и другимъ древне-сицилійскимъ, то оно сказано, быть можетъ, съ санскр. mani: драгоцѣнное украшеніе, носимое на шеѣ, ожерелье, амулетъ; греч. μανάκης, μάνος, μόνος—золотая повязка на шеѣ; лат. monile; старо-саксонск. шені, англос. shene, сѣв. шеп, старо-верхненѣм. шенні: ожерелье; сѣв. собственное имя Menglöd=блестящая ожерельемъ. Можетъ быть, общее значеніе было: подѣлка изъ драгоцѣннаго металла, золота; старо-сѣв. шен во множественномъ числѣ означаетъ вообще: драгоцѣнности; въ Grottasþingr служанки короля Froðhi молют для него на волшебной мельницѣ золото и миръ, gull ok frídh; имена дѣвушекъ Fenja и Menja (сл. тотъ-же разказъ въ Skáldakaparmál, с. XLIII), почему золото зовется мукой Меніи, neit Mejnau góðh (Sigusdarkv. III, 50). Menja, молящая золото, и Menia, производящая несметное количество металловъ, очевидно—занятия и образы родственные.

Важно для нашего вопроса еще слѣдующее: разбирая легенду о Хильдерихѣ мы встрѣтились съ именемъ короля туригановъ, Bisinus; его жена Basina оказалась матерью Клодовея; къ имени этого Bisinus—Pissa привыкаетъ имя и другой жены—Меніи: въ одной рукописи *Origo gentis Longobardorum* (Cod. Gothanus) она мать Ландгардскаго короля Audoin'a.

Это бросаетъ свѣтъ на имя Реминда, мужа Меніи въ пересказанной нами повѣсти. Оно, очевидно, не латинское и не греческое; какое имя стояло въ греческомъ спискѣ Цанкратіева житія, переведенного для Кавтана Сирмондомъ, мы не знаемъ: по латинскому переводу—Renaldus. Rémidos, можетъ быть, лангобардское Raginmund, французское Raïmond, какъ Renaldus—Raginwald, Rainaud? Онъ оказывается „желтаго, русаго рода“, тѣснѣ єѳнوس єакѹб; это—обычное опредѣленіе для западныхъ народовъ въ хризмахъ и видѣніяхъ, касающихся судебъ Константиноополя: тѣ єакѹб щечи, єакѹбъ щечос.

Имя Реминдова противника Акилина, Ἀχιλῆος, если оно не нергасовано изъ какого-нибудь другаго,озвучнаго, указываетъ на латинское Aquilinus; въ старо-французскомъ Aquilinus,—а, дали бы:

Aiglin,—е, или Aquilia,—е; въ южно-италианскихъ говорахъ: Асилло,—а; fata Culina или Culinda въ скавахъ изъ Абруцца=Aquilina.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о южной геройѣ нашей поэзіи, Таврѣ. Отъ родаъ хананей. Хананеи являются и нѣкоторые другие изъ именитыхъ лицъ Тавроменіи, противники христианства. Въ объясненіе этого можно привести слѣдующее: во Акапану въ сѣверо-восточной части Сициліи дѣйствительно жили халѣстинцы (Палестинъ тѣ); старое сицилійское преданіе утверждало, что первоначально весь островъ былъ заселенъ изъ Ханаана, а въ XVI вѣкѣ въ Палермо показывали башню Bayn, будто бы построенную Исаакомъ. Несомнѣнны восточные и именно семитические элементы въ этническомъ составѣ, мифологіи и исторіи древнійшей Сициліи: Гольмъ полагаетъ, что Оріонъ, которому приписываютъ большия сооруженія на сѣверо-востокѣ острова, принадлежитъ этому восточному течению, и подирыпаетъ эту догадку объясненіемъ названія Небродовъ—края горъ, тянущихся отъ Пелорскаго мыса къ западу вдоль сѣверного побережья Сициліи. Въ Небродахъ онъ подворѣваетъ Немирода, такого же героя-охотника, какъ Оріонъ, и во многомъ съ нимъ тождественнаго. Тавръ въ нашей поэзіи не только хананей, но и въ десятомъ колѣбѣ потомокъ Немирода. О пріицѣствіи Немирода-Сатурна въ Италию говорить уже Graphia аргеасаurgis Romae; за него, будто бы, явился туда же и Italus съ спархузцами; одна латинская хроника, указывая Графомъ, дѣлаетъ его сыномъ Немирода: Postea dicta fuit Italia ab Italo Jullio rege Siciliæ qui fuit filius supradicti Neiroth, et fuit tertio genitus et regnavit in Italia; у Равеннианскаго анонима древнее название Италии было „Itania ab Itano tertio Seth filio... Tercio vocata est Italia ab Italo duce sapientissimo filio Cambassis. О именческомъ царѣ Italus знали уже древніе: Фукидидъ дѣлаетъ его царемъ, жившемъ на итальянскомъ материкѣ сикуловъ, Антиохъ Сиракусскій—энотріецъ, вводителемъ земледѣлія и культуры; ему и Миносу приписываютъ изобрѣтеніе сисситетъ; самиту Itanus (—Italus?) у Клемента Александрийскаго приписало изобрѣтеніе особаго рода щитовъ. Именческий Italus не тождественъ ли съ нашимъ Тавромъ—Tauros? Вспомнимъ отожествленіе Аполлодора: Торретою тар італон тон тѣборон егълесау.

Реміндъ и Акілінъ, Тавръ и Меніа прошли передъ нами въ разнообразіи своихъ типовъ и предполагаемыхъ генетическихъ отношеній, разнообразія, отражающемъ таковое же въ этническихъ и историческихъ отношеніяхъ и воспоминаніяхъ южной Италии: сомиты и ла-

тины, греки и лангобарды. Мѣсто дѣйствія: Апулія и Калабрія, Абруцци и Сицилія. Реминда мы видимъ въ Реджіо; купленного имъ Тавра опь ведеть въ Салинійскую епархію; побѣдивъ Акилина, Тавръ построилъ въ этой же епархіи городъ, названный его именемъ: Тавріалу, которую Номоній Мела помѣщаетъ между Метавріей и Скиллою, въ области Реджіо. На этой сценѣ идетъ борьба между Реминидомъ и Акилиномъ, вносящій между Акилиномъ и Тавромъ; образъ Меніі, поклонники вышняго промысла, даютъ особый колоритъ этой борьбы: Акилинъ-Анеонъ—язычникъ, и язычникомъ же явится его наследникъ Акилинъ въ войнѣ съ христіаниномъ Вонифатіемъ. Съ эпической точки зренія оба Акилина могли быть смѣшаны, если, въ началѣ, существовали раздѣльно; подробности разказовъ о войнѣ того и другаго могли сливатся другъ съ другомъ. Такимъ путемъ мыслимо существование слѣдующей эпической схемы: старый правитель (Реминідъ) воюетъ съ могущественнымъ королемъ Калабріи, язычникомъ (Акилиномъ); на помощь первому является юный, еще не испытанный въ бою, богатырь, совершающій чудесные подвиги (Тавръ); язычники побѣждены, можетъ быть, при участії высшей силы, небесныхъ знаковъ (три солнца, представляющіеся язычникамъ).

Это напоминаетъ мій схему старо-французской поэмы Aspremont, содержаніе которой известно было уже въ первой половинѣ XII вѣка. Мѣсто дѣйствія: Апулія, Калабрія, южная отроги Апеннинъ (Aspramonte) у Реджіо; въ основѣ поэмы полагаютъ обыкновенно память объ Итальянскомъ походѣ Карла Великаго въ 773 году.

Языческій царь Аголанъ идетъ къ Карлу Великому послѣ Balant'а съ дерзкимъ вызовомъ и требованіемъ покорности. Разгневанный императоръ едва удержанъ своими отъ насильственныхъ дѣйствій противъ посланника, которому говоритъ, что черезъ четыре мѣсяца она увидать его подъ Aspremont, куда Balanz и отправляется. Путь лежить на Римъ, но не медля здѣсь онъ

Puille trespasser, en Calabre est entroz
Au quart jor est en Aspremont montez.

Войско французовъ направляется туда же; посыпаютъ развѣдчики сначала Richier, потомъ Пэмона, который, перебравшись съ разными приключеніями透过 слѣговой крѣпѣ Aspremont, видѣть наконецъ стапъ и шатерь Акилина:

Et voit ou Far maint nef et maint dromant,
Et en Calabre et maint pui et maint mont.

Naimes добирается до Реджю, Rive l'amirable cité, гдѣ находился въ то время Аголанъ, и гдѣ посланцу Карла пришлось бы плохо, еслибы не призналъ его Balanz и, памятуя пріемъ, сдѣланный ему во Франціи, не заявилъ, что это не Naimes, а одинъ изъ простыхъ Карловыхъ людей. Аголанъ отпускаетъ его: черезъ три днія быть битвѣ подъ Аспремономъ. И битва разгорѣлась: Карль едва не погибъ подъ ударами Eaumont, Аголанова сына, но на выручку поспѣхъ его племянникъ, юноша Роландъ. Передъ началомъ похода его вмѣстѣ съ четырьмя товарищами заперли, изъ боязни, чтобы они какъ-нибудь не увлеклись и не пристали къ войску; но они вырвались изъ заключенія и на лошадяхъ, отбитыхъ у какихъ-то бретонцевъ, нагнали своихъ. Поединокъ съ Eaumont — первый богатырскій подвигъ Роланда: онъ сражастъ противника, завладѣваетъ его копьемъ Viellantis и знаменитымъ мечемъ Durandal, о чёмъ поминаетъ и одинъ изъ текстовъ Chanson de Rollant:

He Durendal de bonne congneue,
En Aspremont fustez Eumont tolue.

Далѣе на помощь христіанамъ является чудо: Туринъ несетъ древо честнаго креста; его блескъ затмѣваетъ солнце.

Torpins porta la sainte croix le jor,
En nule terre n'ot nule si grant tor,
Come la croix dont cele resplendor.
Por cele croix sanble Aufriquanz le jor
Que li solauz am perde sa lnor.

—
La sainte croiz dona clarté si grant,
Que la vallée en va resplendissant,
Et cil d'Auſtrique s'en vont moult esmaiant,
Nen i ot nul, tant orgoilloſus proisant,
De la peor né remut son talent.

—
Aufriquans prenent entr'aus à conseiller:
Mahomes doinſt celui mal emcombrier,
Qui de cel prestre a fait confanonier!
Son confanon voi au ciel atouchier,
Icz une nro par desus apoier;
Nel veés vos reluire et flamboier,
Que li solaus en laisse son rayer!

Вмѣстѣ съ тѣмъ съ горы одинъ за другимъ спускаются на виду

у цѣлаго войска три чудесныхъ всадника. „Какъ тебѣ звать?“ спрашивается одного изъ нихъ Ожье. „Я св. Георгій,

Si ai partout le premier cop dou champ
Mais je l'ai ci doné à cest enfant;

говорить онъ, указывая на Роланда; его спутники: св. Димитрій (или Домнинъ) и Маврикій: они сражаются въ ряду французовъ. Аголанъ погибаетъ подъ ударами племянника *Girard de Fraite, Claire*, которого преданіе считало основателемъ Клермонскаго замка. Побѣдители вступаютъ въ Реджіо, крестятъ всѣхъ, въ числѣ другихъ и вдову Аголана, которую выдаютъ за сына Венгерскаго короля *Florent*. Онъ провозглашеннъ королемъ Апуліи и Калабріи.

Таковы общія очертанія *chanson de geste* объ *Aspremont* или Аголанѣ. Въ ней Карлъ напоминаетъ мнѣ стараго Ремінда, юнаго Роланда (*Rollandins*) — Тавра; если не онъ поражаетъ Аголана, а Клэръ, то интересно совпаденіе, можетъ быть—случайное, между ними, давшимъ имъ Клермону, и Тавромъ, давшимъ свое имя Тавромени. Аголанъ, *Agulant, Agulandus*, языческій царь, властующій въ Калабріи, можетъ быть, тождественъ съ Калабрійскимъ же царемъ Акилиномъ, такимъ же язычникомъ: итальянская форма имени было бы *Aquilino*; разница въ суффиксѣ, но въ житіяхъ, напримѣръ, *Aquilinus* часто смѣшивается съ *Aquilanus*. Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ лат. *Aquillinas*, или это имя было такъ перегласовано изъ какого-нибудь лангобардскаго? Въ лангобардскомъ ономастикѣ часто встречаются имена отъ корня *ag* (*agi, agin, agil*); *Origo gentis Longobardorum* называетъ первого царя *regem nomine Agilmund, filium Agiloni; Agilmund—Eaumont (Almont)*, сынъ Аголана; *Agio* — староверхнен. *Ecco*, средневерхнен. *Ecke*, герой нѣмецкой поэмы, гдѣ онъ борется съ Дитрихомъ Бернскимъ, отбивающимъ у него извѣстный мечъ: *Eckesabs* (сл. *Durandal* въ рукахъ Аголана и Оиона).

Что наследникомъ Аголана является *Florent*, можетъ быть, случайно: именно Венгерскій король *Flore* извѣстенъ во французскомъ эпосѣ; но съ другой стороны, звите *“Aνδων”* (вм. *Aνδῶν?*) = *Florens* мы встрѣтили при старшемъ Акилине; съ другой стороны, въ генеалогии Дюрандали въ *Aquilon de Bavière* имена его владѣльцевъ, заимствованные отъ *flos*, наконецъ многозначительны; имена взяты отовсюду, важенъ фактъ накопленія: *Fioramont da Duraz, Fioravant, Fiorel, и далѣе—Agolant и Haimont (Eaumont)*.

Обращаю еще вниманіе на интересное сходство чудесъ: на блескъ, пуще солнечнаго, исходящій изъ креста. Въ связи съ другими чер-

тами сходства получаетъ значение и этотъ мотивъ, отзывающійся общимъ мѣстомъ легенды.

Старофранцузская поэма могла пріурочить къ Карлу Великому, къ его италіанскимъ походамъ и типической борьбѣ съ сарацинами, южно-италіанское, византійско-лангобардское предавіе, которое Норманны, напримѣръ, могли застать еще въ относительной свѣжести и перенести вѣсколько его именъ и положений во французской эпосѣ, какъ на сѣверѣ перенесли въ свои романы бретонскія сказки. Можно сомнѣваться, чтобы св. Георгій, Димитрій и Маврикій, чудесные помощники, принадлежали специальнѣо-французской обработкѣ; издавна популярные въ Греческой церкви, народные тропайофоры должны были быть известны на италіанско-византійскомъ югѣ, гдѣ сложилась и Панкратіева легенда, и гдѣ стоять статуи святаго, между Таорминой и Саро Schiso, гдѣ когда-то Халкідійцы воздвигли изображеніе Аполлона Архагета, направившаго ихъ къ этой мѣстности. Интересно, что староямѣцкія поэмы, въ которыхъ удержалась память и имя Панкратія, указываютъ на восточно-византійскія отношенія. Такъ въ Wolfdietrich B. 349 Эльза—Sigeminne даетъ Вольфдитриху *ein palmatsidin hemde*,

*sant Pangrazien heiltuom dar inne versigelt was
von zwein and sibenic vachen: dar inne et vil dicke genas*

(см. lb. строфы 668 и 729: *sant Pangrazien heiltuom* въ рукояти Вольфдитрихова меча, Rose; Wolfdietrich D, VI, строфа 160). То же въ Orendel, 1656: *Sé ein guot swert in din hant und halt es wol mit sinne, da ist sant Pancratien*. Варианты къ послѣднему мѣсту даются: *Branckirtzegeen*, *Brandans*, чтд указываетъ, быть можетъ, на вульгарную форму имени: *Brancatus*—*Pancratius*.

Какъ въ нашемъ объясненіи матеріала старофранцузской поэмы объ Aspremont оказался южно-италіанскимъ и специальнѣо лангобардско-византійскимъ, такъ поэма о хожденіи Карла въ Іерусалимъ и Константинополь въ текстахъ, отразившихъ древнюю редакцію Galien, получаетъ осмыслиеніе изъ разкзва Самеринскаго монаха о хожденіи Карла къ Лангобардскому герцогу Арихису¹⁾). Ибо все сводилось къ Карлу; онъ сталъ на рубежѣ эпическихъ пѣсенъ и преданий—и эпоса, внеся въ первыя идею цѣльности и цикла; лишь по отношенію къ этой цѣльности и получаетъ иѣкоторый интересъ во-

¹⁾ См. мой Южно-русскій былинный, гл. VI, стр. 235—237.

прось о Меровингскомъ эпосѣ, ибо—эпосъ или не эпосъ, онъ глубоко затерялся въ фундаментѣ, на которомъ построились роскошныя палаты французскихъ *chansons de geste*.

А. Веселовскій.

Новыхъ данныхъ для исторіи восточнаго вопроса¹⁾.

Séovets d'état de Venise. Par VI. Lamansky. St.-Pétersbourg. 1884.

XII.

Перейдя отъ Венециі къ прочимъ итальянскимъ городамъ и государствамъ того времени, мы замѣтимъ, что въ отношеніи правственномъ и общественномъ они мало отличались отъ республики св. Марка. И тамъ довольно широко примѣнялась система политическихъ убийствъ, какъ видно, между прочимъ, изъ документовъ Сборника В. И. Ламанского, относящихся къ Миланскому герцогу Іоанну Галеацу Висконти. Онъ покушался, но убѣреніемъ флорентинскаго правительства, на отравленіе Германскаго императора съ женой и дѣтьми, подсыпалъ отравителей колодезъ въ Трентъ, при посредствѣ своего медика отправлялъ на тотъ свѣтъ ядомъ въ видѣ медикаментовъ, своихъ вельможъ, напримѣръ, Бессо, Бивильяка, Падависино и др. (стр. 157—158), и не смотря на все это, причисленъ былъ миланскимъ духовенствомъ къ лицу святыхъ (стр. 158)! Къ какой изысканной жестокости способны были эти старо-итальянскіе владѣтели, видно изъ придуманной однимъ изъ предковъ того же Висконти въ 1362—1363 гг., такъ-называемой четыредесятничной казни, описание которой находимъ въ Сборникѣ на стр. 159.

Господство въ тогдашней Италии той же утилитарной морали, съ которой мы познакомились въ Венециі, видно, между прочимъ, и изъ сочиненій Маккіавели, а равно изъ анонимной итальянской записи XVI вѣка „О правѣ государей посылать на жизнъ своихъ политическихъ враговъ“, гдѣ, между прочимъ, сказано, что государственные интересы должны руководить волей и дѣйствіями государей даже въ томъ случаѣ, если это противорѣчить обычаю и доброй нравственности (стр. 530).

Эта шаткость политической и общественной морали не могла не отражаться и на духѣ итальянского населения. Оно представляло, напримѣръ, очень плохой материалъ для военной службы. Самъ пана

¹⁾ См. февральскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пром.* за текущій годъ.

Левъ X сказалъ въ 1514 г. венецианскому послу Ландо, что, по мнѣнію людей опытныхъ, итальянскіе пѣхотинцы не годятся къ дѣлу, и что шесть такихъ солдатъ не стоять одного швейцарскаго или испанскаго (стр. 550). И нѣсколько раньше, въ 1496 г., венецианскій посолъ въ Римъ Гвидичіони (Guidicioni) писалъ, что въ Италии нѣть собственно военной дисциплины, что въ ней предпочитаютъ рѣшать дѣла умомъ и переговорами, чѣмъ силой оружія (стр. 550). Лѣтъ сто спустя, въ 1583 г., венецианскій генералъ Суріано доносилъ своему правительству, что итальянскіе пѣхотинцы мало пригодны для сраженія на галерахъ, въ сравненіи со старыми греческими, дalmatинскими и даже албанскими солдатами (стр. 565).

Не въ этомъ ли заключается объясненіе той жалкой политической роли, какую играла въ средніе, да и въ новые вѣка Италия, не взирая на высокое развитіе въ ней науки, искусства и общественной жизни? Невольно припоминается мнѣ при этомъ разговорѣ мой въ 1874 г. съ однимъ хорватскимъ граничаромъ относительно боевыхъ достоинствъ различныхъ граничарскихъ полковъ. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи онъ признавалъ бравымъ личанамъ, которые, по его словамъ, „надежнѣе сердцемъ“ остальныхъ граничаръ и „надежнѣе“ именно потому, что всѣ—православные (влахи), тогда какъ въ остальныхъ граничарскихъ полкахъ значительная часть латиняне (шокцы). Положимъ, французы и испанцы умѣли долгое время соединять папизмъ съ военнымъ духомъ; но они вѣдь и живутъ по дальше отъ средоточія этого папизма. На разстояніи они могли идеализовать то, что итальянцамъ представлялось поплѣмъ и приземистымъ. Къ тому же и въ этихъ католическихъ странахъ военный пыль въ концѣ концовъ подорванъ былъ „ненадежностю сердца“, въ развитіи которой едва ли не принималъ нѣкотораго участія и церковный строй.

XIII.

На раду съ Венецией довольно видную и влиятельную роль въ восточномъ вопросѣ игралъ папскій Римъ. Такъ какъ въ Сборнике В. И. Ламанского собрано много новыхъ данныхъ и разсказано не мало важныхъ замѣчаній о роли этого фактора въ XV—XVI вв., то я и остановлюсь теперь на немъ нѣсколько подробнѣе, съ цѣлью разсмотрѣть папство того времени со стороны его политической морали, а равно и того авторитета, которымъ оно пользовалось тогда въ

Италии и Индии, въ связи съ преданіями прежнаго времени и взгля-
дами шашахъ дней.

Въ донесеніяхъ венецианскихъ пословъ изъ Рима, а также въ
извлеченияхъ изъ разныхъ современныхъ событій документовъ въ
пересказѣ Марино Санудо, мы находимъ цѣлый рядъ очень мѣткихъ
и обстоятельный характеристикъ самыхъ типическихъ представите-
лей панства реформаціонной эпохи. Портреты, нарисованные столь
тонкими наблюдателями и свѣдущими дѣльцами, какъ венецианскіе
дипломаты, должны очень близко соотвѣтствовать дѣйствительности,
ибо при ежедневности сношепій Венеции съ Римомъ правительство
республики всегда имѣло возможности пропрѣтать показанія своихъ
агентовъ, которые и не рѣшились бы на искашеніе фактovъ римской
жизни въ офиціальныхъ своихъ докладахъ и отчетахъ. Прислу-
шаемся же къ пимъ, вникая особенно въ подробности, обрисовываю-
щія политическую мораль папы рассматриваемой эпохи.

Въ донесеніяхъ венецианского посла Донато изъ Рима въ 1499 г.
папа Александръ VI (Борджіа) рисуется какъ человѣкъ лукавый и
двуличный до такой степени, что ни одинъ итальянскій государь, ни
одинъ кардиналъ не питалъ къ нему довѣрія. Возложивъ всѣ свои
надежды на Францію и ненавидя Испанію, онъ умѣлъ-де однако хо-
рошо замаскировывать свои чувства, руководясь при этомъ един-
ственно личными интересами. Папа мало беспокоился-де о туркахъ,
расчитывая на венецианскія съ ними препирательства. Его церков-
ные доходы простирались до 130,000 дукатовъ въ годъ, не считая
сбора съ различныхъ угодій, а равно съ продажи бенефицій, при
покупкѣ коихъ первыми и солиднѣшими покупщиками были-де пре-
латы венецианскіе. Жители Церкви області не особенно довольны
были папскимъ управлениемъ и постоянно брались-де за оружіе, за
изъятіемъ анконтцевъ и фириланцевъ. Сынъ папы, герцогъ Валентій-
скій (Цезарь Борджіа), былъ усыновленъ Французскимъ королемъ, чѣмъ
чрезвычайно польщенъ былъ папа. Неаполитанскій кардиналъ сказаль-
ше венецианскому генералу Мочениго, что при Римскомъ дворѣ со-
всѣмъ не думаютъ о туркахъ, а то и дѣло выждаются вакансіи на
какое-нибудь аббатство. На папу никто не имѣлъ особенного вліянія:
все было имъ рѣшаемо по личному усмотрѣнію. Денегъ онъ имѣлъ
не особенно много, благодаря значительнымъ издержкамъ на сына
(стр. 320—322).

Въ 1500 г. Совѣтъ X писалъ между прочимъ своему послу во
Франціи, что онъ глубоко возмущенъ сообщенными этимъ посломъ
ЧАСТЬ СОХХХVII, отд. 2.

выдержками изъ письма папы Александра VI къ Французскому королю о дѣлахъ турецкихъ и венецианскихъ: на столько эти выдержки безтолковы-де и лишены всякаго смысла (*absurda et preter omnia rationem*). Его святѣйшество представилъ-де въ своемъ письмѣ дѣло въ ложномъ видѣ, и притомъ со злостною и скверною цѣлью (стр. 323). Если папа внушаетъ французамъ позволить султану наказать венецианцевъ за ихъ грѣшки, то въ этомъ выражается-де его желаніе подавленія турками сначала Венеции, а вслѣдъ затѣмъ и всего христіянства. Хорошъ-де святой отецъ, который своими советами и внушеніями подготовляетъ гибель христіанъ (стр. 324)!

Годъ спустя (въ 1501 г.) тотъ же Сорѣтъ, сообщая своему послу во Франції объ интригахъ противъ республики папы Александра VI въ Германіи и Франціи, называетъ такую политику не только непріятною и тѣгостною, но и презрѣніою (стр. 325).

Въ 1503 г. венецианскій посолъ въ Римѣ Джустиніаніи доносилъ своему правительству о томъ же Александрѣ VI, что по смерти венецианского кардинала Микеля онъ не могъ принять его, посла, ибо занять было счѣденіемъ денегъ покойного, которыхъ по немъ осталось до 150,000 дукатовъ въ наличныхъ, серебрѣ и прочемъ домашнемъ скарбѣ (стр. 342). Замѣтимъ кстати, что по смерти Александра VI найдено было въ его кассѣ 300,000 дукатовъ наличными, да 200,000 дукатовъ въ драгоцѣнностяхъ и серебрѣ (стр. 340).

Александръ VI не былъ по своему характеру и образу дѣйствій какимъ-либо исключительнымъ или рѣдкимъ между напацами явленіемъ. Не далеко ушелъ отъ него Юлій II, который наводилъ ужас даже на своихъ кардиналовъ; многие изъ нихъ пали жертвою его жестокости (стр. 423).

Значительно выше по характеру и заслугамъ стоять Левъ X. Но и онъ не избѣжалъ подозрѣній Совѣта X, который въ 1515 г. предостерегалъ Французскаго короля противъ покушеній на его жизнь со стороны злого и коварнаго папы и его испанофильствовавшихъ кардиналовъ: они не боятся-де молви о своей бес совѣстности и вѣроломствѣ, лишь бы добиться своей цѣли (стр. 45). По смерти Льва X (1521 г.) въ Римѣпущенъ былъ слѣдующій на него паскиль: *intrasti ut vulpes, vixisti ut leo, obiisti ut canis* (стр. 405).

О Піи IV († 1565 г.) венецианскій посолъ въ Римѣ Теноло далъ своему правительству слѣдующій отзывъ: „Онъ заботился единствено о личныхъ удобствахъ и удовольствіяхъ; вставалъ такъ поздно, что ему едва оставалось время на слушаніе мессы передъ обѣдомъ. По-

объдавать онъ охота ложился спать, нерѣдко до вечера, давая потомъ аудиенціи по частнымъ дѣламъ. Остальное же время папа проводилъ съ шутами и въ приятной бесѣдѣ. Кушать онъ изобильно и испивалъ не мало крѣпчайшихъ винъ, нерѣдко даже съ просонья. О религіи заботился мало. Во все времена пребыванія при немъ послы Тевфоло, онъ лишь однажды былъ въ капеллѣ, хотя публика постоянно туда ходила, чтобы увидѣть папу" (стр. 364).

Не особенно поучительна была жизнь и Юлія III, и Пія V „святаго“ (стр. 365).

Политическіе разчеты всегда перевѣшивали при папскомъ дворѣ интересы христіянства. Такъ папы, при всей своей враждѣ къ туркамъ и не взирая на искреннее латинство венеціанцевъ, нерѣдко принимали сторону первыхъ противъ послѣднихъ. Они не сочувствовали, напримѣръ, занятію венеціанцами Мореи потому только, что она доставила бы республикѣ до 300,000 дукатовъ дохода и такимъ образомъ усилила бы ихъ значеніе въ Италии (стр. 765). Встрѣчаются въ сборникѣ В. И. Ламанского указанія и на то, что папы поощряли ускоковъ въ ихъ пиратскихъ подвигахъ противъ Венеціи (стр. 111).

Для характеристики папской политической морали въ концѣ XV вѣка въ высшей степени важны изданные В. И. Ламанскимъ документы о султанѣ Джемѣ, который въ теченіе семи лѣтъ (1488—1495 гг.) находился въ рукахъ папъ Иннокентія VII и Александра VI (стр. 201—292). Судьба злосчастнаго султана будетъ изложена мною по этимъ документамъ нѣсколько ниже.

Папство было едва ли не первымъ учрежденіемъ, возведшимъ въ теорію смертоубийство лицъ ему непокорныхъ или враждебныхъ. Еще въ XI вѣкѣ папа Урбанъ II формулировалъ положеніе, что не должно считать человѣкоубийцами тѣхъ, которые изъ усердія къ своей католической матери-церкви умертвятъ нѣсколько отлученныхъ отъ нея (стр. 422). Отъ XII в. мы имѣемъ свидѣтельства о такомъ же взглядѣ латинскаго клира на убіеніе тирановъ въ сочиненіи Іоанна Салисбурійскаго († 1182 г. стр. 422). Точно также смотрѣть на законность политическихъ убійствъ и знаменитый *doctor angelicus* XIII в. Омара Аквината (стр. 422, ср. 829). Изъ этого видно, что іезуиты не изобрѣли, а лишь кодифицировали въ своемъ католицизѣ старое (съ XI в.) латинское ученіе обѣ оправданіи средствъ цѣлью (стр. 829 и сл.), которое формулировано было въ италіанскимъ политическимъ писателемъ Маккіавелі. Разница между послѣднимъ и перв-

вымъ заключается лишь въ томъ, что Маккіавелі мечтѣ фарисействовали, чѣмъ то дѣлаютъ латинскіе богословы (стр. 830).

Допустимъ политическое убийство въ принципѣ, папы не задумывались въ примѣненіи его и на практикѣ, съ самыемъ давнихъ временъ. Такъ Бонифацій VII участвовалъ въ удушеніи его предшественниковъ Бенедикта VI и Иоанна XIV въ 984 г. (стр. 371); Бенедиктъ IX отравилъ въ 1047 г. Клиmentа II (ib.), а быть можетъ и Дамаска II въ 1048 году (ib.); Иоаннъ XXIII отравилъ, по современнымъ ему слухамъ, Иппокентія VII въ 1406 г. и Александра V въ 1410 г. (стр. 372); Александръ VI отравилъ въ 1503 г. венецианского кардинала Микеля (стр. 317), а равно и многихъ другихъ сановниковъ Римской церкви, съ цѣлью захватить ихъ капиталы (стр. 316); Юлій II умертвилъ нѣсколькоихъ кардиналовъ (стр. 423); Левъ X въ 1520 г. и Климентъ VII въ 1527 г. пытались отравить или другими способами умертвить Феррарскаго герцога Альфонса д'Эсте, при чемъ во главѣ заговорщиковъ стоялъ апостолический протопотарій, вносящий кардиналь, Гамбара (стр. 422); Павелъ III отправилъ въ 1546 г. въ протестантскія земли Германія банду поджигателей и отправителей колодецъ, прудовъ и т. п. (ib.). Въ 1585 г. французскому послу въ Венеции донесено было о намѣреніи Григорія XIII, по соглашенію съ Испанскимъ королемъ, отравить Французскаго короля Генриха III посредствомъ бреве съ отравленной печатью: хотя папа и выражалъ негодованіе на то, что доносчикъ не былъ при этомъ задержанъ (стр. 462), тѣмъ не менѣе въ слухѣ это могло быть зерномъ правды, если вспомнить, что года четыре спустя Генрихъ III действительно палъ отъ доминиканского книжалы (1-го августа 1579 г.). Климентъ VIII подсыпалъ въ 1593 г. убіцъ изъ духовнаго же званія противъ Марка ди Шара и двухъ другихъ лицъ за какую-то пропинность (стр. 479). Очень вѣроятно, что онъ имѣлъ скідѣнія и о заговорѣ ліонскихъ іезуитовъ и капуциновъ на Генриха IV въ томъ же 1593 г., когда въ его прихожей схваченъ былъ убіца съ такимъ точно книжаломъ, какъ поразившій Генриха III (стр. 479). Извѣстно, что и Равальякъ, убившій въ 1610 г. Генриха IV, действовалъ по внушенію латинскаго клира.

Въ 1571—1572 гг., послѣ Лепантской победы союзного флота надъ турками, когда венецианское правительство предложило папѣ умертвить всѣхъ цѣнныхъ турецкихъ адмираловъ, капитановъ и прочихъ выдающихся моряковъ, доставшихся въ руки союзниковъ, его блаженство похвалилъ эту мысль (*Sua Beatitudine laudava questo*

nostro pensiero 86); если же потомъ въ Римѣ отказались отъ этого намѣренія (стр. 89), то ужь, конечно, не по недостатку хладнокровія (ib.), а скорѣе всего по соблазну значительного выкупа за плѣнныхъ.

Примѣръ папы не могъ не дѣйствовать заражающимъ образомъ и на лицъ, окружающихъ курю, а затѣмъ и вообще на населеніе Рима. Венеціанскій посолъ Мочениго, рисуя въ своемъ донесеніи 1560 г. картину римской распущенности и разврата, прямо указываетъ на панскихъ племянниковъ и незаконныхъ дѣтей, какъ на главный источникъ деморализаціи мѣстнаго общества. Въ его времи въ коллегіи кардиналовъ находились четыре незаконнорожденные сина Павла III отъ его связей со знатными римскими матронами (365). По словамъ Мочениго, нерѣдко сами родители или братья отдавали дочерей и сестеръ въ наложницы прелатамъ, разчитывая на ихъ протекцію себѣ и дѣтямъ (ib.).

Коллегія кардиналовъ была деморализована не менѣе папы. По донесенію венеціанскаго посла въ Римѣ Соранцо, Пій IV самъ заявлялъ, что не питаетъ ни малѣйшагоуваженія къ своимъ кардиналамъ и думаетъ, что ни одинъ изъ нихъ не устоялъ бы отъ соблазна получить пенсію въ 500 червонцевъ (ib.). И Пій V, по донесенію посла Сорано, имѣлъ столь же мало довѣрія къ своимъ кардиналамъ, считая ихъ людьми корыстолюбивыми (ib.). Посолъ же Дольфинъ доносилъ въ 1595 г. правительству республики, что шесть кардиналовъ откровенно сознались ему, что покинули бы Французскаго короля, еслибы онъ въ теченіе четырехъ-шести мѣсяцевъ не давалъ имъ взятокъ (ib.). По словамъ того же посла, римскіе кардиналы до того скучны, что говорить единственно о своихъ интересахъ и открыто негодуютъ на папу и тѣхъ государей, которые не даютъ имъ подачекъ. Они упрекали Дольфина за щедрость Венеции къ турецкимъ пашамъ и скучность къ кардиналамъ, которые между тѣмъ могли бы пригодиться ей кое въ чёмъ (365).

У Марко Санудо сохранился разказъ, что по смерти Льва X (1521 г.) въ священной коллегіи обнаружился протестъ противъ буллы папы Юлія, которою запрещено было избирать кого-либо въ папы или кардиналы за деньги, и большинствомъ голосовъ рѣшено было не придерживаться этой буллы (400).

Что дѣйствительно деньги играли главную роль при выборахъ папы, это видно и изъ донесенія венеціанскаго посла въ Угріи Наскалиго въ 1510 г., въ которомъ сообщается между прочимъ, что

остригонскій архієпископъ Осма Бакачъ заявилъ ему о готовности пяти кардиналовъ действовать въ конclave въ его пользу и о своей надеждѣ быть избраннымъ въ папы, если республика откроетъ ему въ какомъ либо банкѣ кредитъ на порядочную сумму (439).

Въ виду этихъ свидѣтельствъ, мы можемъ повѣрить словамъ французскаго посла въ Венециѣ въ юнѣ 1585 г., по которымъ испанскіи деньги проникли уже и еще могутъ проникнуть въ Римъ, въ коллекцію кардиналовъ и даже къ родственникамъ папы (466), чѣмъ и объясняются-де его дружественные чувства къ Испаніи (467).

XIV.

При такой деморализаціи главы и членовъ Римской куріи, нечего удивляться, что авторитетъ ея давно уже началъ падать, особенно въ Италии и прочихъ романскихъ странахъ, какъ болѣе знакомыхъ съ закулисною стороною папства.

Еще въ 1429 г. агентъ Нѣмецкаго ордена въ Римѣ доносилъ своему правительству въ Ригѣ, что папскаго отлученія бояться не слѣдуетъ. Въ Италии дорожать-де папой лишь на столько, на сколько онъ приноситъ ей пользу, но ничуть не болѣе. Лишь мы-де, бѣдные иѣмцы, воображаемъ, будто папа иѣкай земной Богъ; лучше думать, что онъ земной діяволъ, каковъ онъ и на дѣлѣ (368).

То же приблизительно узнаемъ мы отъ итальянскаго историка XVI вѣка Гвичардини и политика Маккіавелли. Гвичардини въ одномъ изъ своихъ сочиненій прямо заявляетъ о себѣ, что онъ всегда желалъ паденія церковнаго государства, и не явись въ то время два дѣйствительно великихъ папы (Левъ X и Климентъ VII?), онъ возлюбилъ бы Лютера больше себя самого, въ надеждѣ, что его секта искоренитъ или по крайности подрѣжетъ крылья преступной тираніи ксендзовъ (833). Въ другомъ мѣстѣ Гвичардини говоритъ, что едва ли кто болѣе его ненавидѣтъ честолюбіе, скучность и сластолюбіе ксендзовъ, и что онъ почти готовъ рукоплескать Лютеру за вынужденіе этой банды злодѣевъ отказаться либо отъ ихъ пороковъ, либо отъ власти (834). И Маккіавелли въ одномъ изъ своихъ *Discorsi* свидѣтельствуетъ, что наименѣе религиозны въ Италии жители непосредственно прилегающихъ къ Риму мѣстностей: онъ объясняетъ общий упадокъ религиозности въ Италии злоупотребленіями церкви и ксендзовъ (806).

Сознаніе этого упадка выражалось и въ стремленіяхъ къ реформѣ папства, согласие на каковую дано было въ 1501 г. и испанскимъ

правительствомъ, какъ видно изъ его инструкціи послу во Франции (327).

Но самымъ нагляднымъ доказательствомъ глубокаго упадка папскаго авторитета въ Римѣ и цѣлой Италии служатъ народныя восстанія противъ папъ, многочисленныя ихъ оскорбліенія, покушенія на ихъ жизнь и даже убийства, длинный рядъ которыхъ тянется отъ IX—X вѣковъ до повѣнчаго времени.

Такъ папа Бонифацій VII ($\dagger$ 985) былъ по смерти захваченъ римской чернью, которая исконона его копьями, волочила обнаженный трупъ за ноги по городу и, наконецъ, бросила на полѣ, где онъ былъ найденъ клериками и тайкомъ погребенъ (372). Въ 1035 г. римскіе патриціи хотѣли убить Бенедикта IV въ храмѣ св. Петра, но не успѣли (373). Знаменитый Григорій VII въ 1075 г. былъ оскорблѣнъ при самомъ алтарѣ римскимъ патриціемъ Ченчіо и брошенъ имъ въ тюрьму (373). Лѣтъ пять спустя, въ 1080 г. брикセンскій синодъ 27 италіанскихъ и нѣмецкихъ епископовъ взялъ на Григорія VII самыя тяжкія обвиненія, утверждая, напримѣръ, что онъ, при содѣйствіи своего пріятеля Ю. Брахіута, отравилъ четырехъ папъ, что онъ былъ избранъ въ папы насилиемъ, безстыдныи и обманомъ и деньгами, что онъ проповѣдывалъ святотатство и поджоги и т. п. (373). Еще большему поруганію подвергся всѣдѣ за избраниемъ въ папы Геласій II ($\dagger$ 1119 г.), котораго римскій патрицій Ченчіо Франсипані схватилъ за горло, билъ руками и топталъ ногами, таскалъ за волосы, и отведши домой, заперъ въ тюрьму новаго папу, равно какъ и многихъ кардиналовъ, епископовъ, клериковъ и мирянъ (373). Впослѣдствіи Геласій II принужденъ былъ спасаться изъ Рима бѣгствомъ, при чемъ пѣмцы пускали за нимъ отравленія стрѣлы (374). Адріанъ IV (1154—1159 г.) въ разговорахъ со своимъ знаменитымъ со временемъ Іоанномъ Салисбурійскимъ называлъ положеніе папы самымъ труднымъ и бѣдственнымъ: если онъ скучъ, его убьютъ-де; если же щедръ, то и тогда не избѣжитъ рука и языкоў римскихъ; удастся ему счастись отъ покушенія на его жизнь, то онъ падетъ жертвою самаго утомлеченія. На папскомъ престолѣ онъ, Адріанъ IV, испыталъ-де столько невзгодъ, что всѣ огорченія прежней жизни кажутся ему теперь наслажденіемъ и истиннымъ счастіемъ; лучше бы де ему вѣкъ скрываться въ монастырѣ св. Руфа, чѣмъ подвергнуться столькимъ треволненіямъ (375). Иннокеній IV въ 1247 году былъ доведенъ до такого положенія, что боялся выходить изъ своего дворца (374). При Мартинѣ IV

(1281—1285 г.) жители г. Перузы въ Папской области сдѣлали соломенных чучела папы и его кардиналовъ и сожгли ихъ на площади (ib).

Въ XIII—XIV вѣкахъ лишь немногіе папы не были вынуждены уѣхать изъ Рима отъ народной ярости. Ее испытали за себѣ Паскаль II, Геласій II, Гонорій II, Иннокентій II, Евгений III, Александръ III, Иннокентій III, Гонорій III, Григорій IX, Александръ IV, Климентъ IV, Мартинъ IV, Николай IV и другіе (374).

Для XV и XVI вѣковъ мы тоже имѣемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о народныхъ бунтахъ и междуусобіяхъ въ Римѣ, особенно въ періоды interregnum между смертію одного папы и избраниемъ другого. Такъ въ 1503 г. по смерти Александра VI папскій дворецъ былъ немедленно разграбленъ чернью, по донесеніямъ у Марино Санудо (339). Члены патриціанскихъ фамилій Колонна и Орсини со множествомъ приверженцевъ нагрязнули на городъ (340). Весь Римъ вооружился противъ ненавистныхъ ему испанскихъ кардиналовъ. Дворецъ Орсини былъ подожжены (340). Солдаты Фабія Орсини разграбили всѣ испанскіе дома и изрубили жителей. Въ Римѣ только и слышны были возгласы: Orso! Orso et Colona (341)! Опасность была столь велика что всѣ почти кардиналы (кромѣ семи) вынуждены были искать, уѣхжиши въ храмъ Минервы, не считая себя безопасными въ Ватиканѣ (353). То же приблизительно происходило въ Римѣ и по смерти Льва X, въ 1521 году. Весь городъ всталъ во всеоружія. По улицамъ только и слышался барабанный бой, да видны были солдаты (398). Каждый патріцій выѣжалъ не иначе, какъ окруженный конвоемъ въ 25, 30, 50, 100 или 200 вооруженныхъ пѣхотинцевъ (399). Глава фамиліи Колонна ѻздила со свитой изъ 600 всадниковъ и множества пѣхотинцевъ; Орсини же имѣлъ до 10,000 солдатъ. Коллегія кардиналовъ также набыла на свой счетъ 4000-ый отрядъ (400). Вообще, тогда прибыло въ Римъ изъ провинціи не менѣе 50,000 вооруженныхъ людей (404). И въ 1560 году, по донесенію венецианского посла къ Римѣ Мочениго, во время болѣзни Павла IV римская чернь взбунтовалась, разбила тюрьмы, освободила заключенныхъ, разграбила палаццо инквизиторовъ, избила ихъ служителей, разметала бумаги и, наконецъ, подожгла дворецъ. Потомъ толпа бросилась на непавицтвенный доминиканскій монастырь Минервы, но была отражена Цезарипи. Когда папа скончался, чернь хотѣла сжечь домъ, гдѣ онъ жилъ, будучи кардиналомъ; потомъ она опрокинула мраморную статую покойнаго папы, отбила у нея голову, таскала по городу, надѣвъ жидовскую ермолку и, наконецъ, бросила въ Тибръ. Затѣмъ разрушены были дворцы пе-

павицтвій фамілії Карадаффа и изданъ эдиктъ о лишеніи правъ римскаго гражданства всѣхъ племянниковъ нокойпаго папы (362). Его пришлось похоронить ночью и зарыть въ землю поглубже, чтобы чернь не выгребла. Въ храмѣ святаго Петра мертвець не былъ положенъ изъ опасенія; что чернь выбросить его оттуда. Но свѣдѣніямъ Мочениго, всѣ эти неистовства произведены были, благодаря подушечнамъ кардиналовъ Колонна, Орсіни, Цезарини и нѣкоторыхъ другихъ, оскорбленаыхъ при жизни Павла IV имъ самимъ или его племянниками. Бунтъ продолжался до шести дней. Потомъ въ Римѣ отовсюду сбѣжались разные банкроты, бандиты, бродяги, которые готовы были за 10, 8, даже за 6 червонцевъ умертвить любого человѣка и дѣствительно перебили не одну сотню. Кардиналы, послы и патриции принуждены были держать у своихъ воротъ вооруженные отряды, и многіе выставили пушки. Мало кто и днемъ рѣшался выходить изъ дома безъ конвоя, ночью же никто бы на это не рискнулъ (363).

По словамъ венеціапскаго посла Дольфика, кардиналы лишь потому смирились передъ авторитетомъ папы, что каждый надѣялся когда-нибудь самъ имъ воспользоваться. Ихъ интриги достигали апогея при опасной болѣзни папы, особенно со стороны такъ-называемыхъ *parabiles cardinales*, которые употребляли всевозможныя усиленія для приобрѣтенія себѣ голосовъ на ближайшемъ конclave (366).

Венеціанскій посолъ Корраро (Сорраго) въ донесеніи 1581 г. свидѣтельствуетъ, что приближенныя къ папѣ лица очень не любятъ продолжительного папата, ибо чѣмъ чаще-де происходитъ на папскомъ престолѣ смѣна, тѣмъ быстрѣе вертится колесо ихъ счастія. Десатилѣтіе считается-де крайнимъ желательнымъ periodомъ папата, ибо при большей его продолжительности кардиналы старики боятся совсѣмъ не попасть въ папы, молодые же—не подвинуться по лѣстницѣ къ этому званію (366).

Не удивительно, что при такомъ взглядѣ на папское долголѣтіе лицъ приближенныхъ къ „святому отцу“ и при довольно широкомъ развитіи въ старой Италии искусства сокращать человѣческую жизнь, „колесо счастія“ не застаивалось долго въ Римѣ при папскомъ дворѣ. В. И. Ламанскій вычислилъ, что въ продолженіе 542 лѣтъ (отъ 867 до 1492 г.) на папскомъ престолѣ смѣнилось сто папъ, такъ что на одного получается въ среднемъ бѣлье 9 мѣсяцевъ и 18 дней. Изъ этихъ ста папъ 36 занимали престолъ по два года и менѣе, а въ томъ числѣ многіе едва по вѣскому мѣсяцству и дней. Относительно 22 изъ этой сотни папъ нибѣтся болѣе или менѣе вѣскія доказательства

насильственной смерти, а именно: 1) Иоаннъ VIII былъ отравленъ, а потому еще добить своими приближенными въ 882 г. (372); 2) Формозъ умеръ, нѣроятно, насильственною смертью въ 896 г. (ibidem); 3) Стефанъ VII задушенъ въ 897 г. (371). 4) Левъ V тоже, нѣроятно, задушенъ въ 903 г. (371); 5) Иоаннъ X заключенъ былъ въ темницу нѣкою знатною дамой Мароціей и тамъ скоропостижно умеръ въ 929 г. (372); 6) Иоаннъ XII умеръ отъ удара въ високъ въ то время, какъ онъ прохаждался съ одною замужнею дамой въ 964 г. (372); 7) Бенедиктъ VI задушенъ по наущенію Бонифація VII въ 974 г. (371); 8) Иоаннъ XIV заключенъ въ тюрьму тѣмъ же Бонифаціемъ VII и, послѣ четырехмѣсячнаго въ ней томленія, убитъ въ 984 г. (371); 9) Бонифацій VII умеръ скоропостижно въ 985 г. (372); 10) Сильвестръ II отравленъ своюю наложницей, вдовой патриція Кресценція въ 1003 г. (372); 11) Климентъ II отравленъ папою Бенедиктомъ IX въ 1047 г. (371); 12) Дамаскъ II умерщвленъ тѣмъ же Бенедиктомъ въ 1048 г. (ib.); 13) Стефанъ X ограбленъ, а потому отравленъ римлянами въ 1058 г. (ib.); 14) Викторъ III умеръ отъ диссентерія, причиненной адомъ, который былъ поднесенъ ему въ чашѣ при служеніи первой мессы въ 1087 г. (371); 15) Лудій II умеръ отъ удара камнемъ, неизвѣстно кѣмъ въ него ныщеннымъ въ 1145 г. (371); 16) Адріанъ IV задушенъ въ Аианы въ 1159 г.; 17) Келестинъ IV отравленъ въ 1241 г. (371); 18) Адріанъ V отравленъ кардиналами въ 1276 г. (371); 19) Келестинъ V убитъ въ 1296 г. (372); 20) Бенедиктъ XI отравленъ адомъ въ фигахъ, по наущенію Французскаго короля Филиппа IV Красиваго въ 1304 г. (372); 21) Иннокентій VII отравленъ Иоанномъ XXIII въ 1406 г. (372); 22) Александръ V тоже въ 1410 г. (ib.);

Къ этому длинному скорбному списку напоубийствъ слѣдуетъ привлечь, что въ теченіе означенныхъ 542 лѣтъ было не менѣе ста лѣтъ съ двумя и болѣе папами, при чёмъ каждый изъ 20 антипапъ взамно проклиналъ своего противника, такъ что, по удачному выражению одного средневѣковаго писателя, въ теченіе этихъ ста лѣтъ весь католический міръ былъ отлученъ однимъ либо другимъ папою отъ церкви: *Sicque a duobus apostolicis tota ecclesia excommunicatur* (375).

Перехода затѣмъ къ периоду возрожденія и гуманизма, мы и тутъ встрѣчаемъ довольно много то удавшихся, то неудавшихся покушеній на жизнь папъ. Такъ:

23) Александръ VI былъ отравленъ въ 1503 г. кардиналомъ Адріаномъ де-Корне (315—319, ср. 339, 340, 344, 404), ко всесобицѣ

радости римлянъ (351), а равно и венецианского правительства, которое едва ли не было нравственнымъ зачинщикомъ этого убийства (319, 344); еще раньше злоумышляли на жизнь Александра VI Екатерина Сфорца (358) и венецианский кардиналъ Микель (317, 319), но безъ успѣха.

24) Пій III умеръ послѣ 26-дневнаго папствованія, 18-го октября 1503 г., какъ говорили тогда, отъ яда, подосланнаго сіенскимъ тираномъ Пандольфомъ Петруччи (359).

25) Юлій II былъ предметомъ двукратнаго посягательства на отравленіе: разъ со стороны Французскаго короля (357, 358), другой же—со стороны герцога Феррарскаго (357).

26) Левъ X также боролся съ отравителями и палъ отъ ихъ яда: въ 1517 г. на его жизнь покушался кардиналъ Петруччи (317, 359), при нѣкоторомъ соучастіи и кардинала Адріана де-Корне (317), отравителя Александра VI. Въ 1519 г. въ Венеціи былъ арестованъ человѣкъ, который разказывалъ о происходившихъ до въ этомъ городѣ переговорахъ относительно отравленія Льва X, а равно его племянника и кардиналовъ Медичи, Сіена и п. др. (406). Года два спустя папа дѣйствительно былъ отравленъ, вѣроятно, своимъ виноверпіемъ Маласпиною (404), который былъ даже арестованъ, но скоро выпущенъ на волю изъ опасенія, что онъ дѣйствовалъ по вину какого-либо могущественнаго государя (359), по всей вѣроятности, Французскаго короля, ибо убийца былъ причисленъ къ французской партии (399). Нѣкоторое подозрѣніе возбуждается, однако, при этомъ и поведеніе венецианскаго правительства, агенты которого съ пѣкторымъ злорадствомъ слѣдили за болѣзнью папы, какъ видно изъ донесеній о ней у Марино Санудо (400).

27) Адріанъ VI былъ предметомъ покушеній со стороны герцога Камерино (Camerino), котораго слуга пытался отравить папу, а также со стороны патриція піаченцкаго Марія, желавшаго заколоть „святаго отца“. Сверхъ того, сохранился характерный разказъ, что когда однажды папа избавился отъ смерти при паденіи потолка изъ его капеллы, то одинъ ксендѣзъ проклиналъ за то судьбу, въ присутствии и съ одобрепіемъ какого-то кардинала (360).

29) Климентъ VII также навлекъ на себя покушенія: а) кардинала Колонна, который пытался въ 1527 г. возбудить бунтъ между нѣмецкими солдатами въ Римѣ, въ надеждѣ, что они убьютъ при этомъ папу (361), и б) флорентинскаго правительства, подсылавшаго

въ 1530 г. отравителей, которые были, однако, перехвачены испанскимъ генераломъ, принцемъ Оранскимъ (361).

30) Павелъ IV боролся съ покушеніями, въ которыхъ предполагаютъ соучастіе Филиппа II Испанскаго (363).

31) Пій IV былъ предметомъ покушенія въ 1565 г. со стороны латинскихъ монаховъ, съ Бен. Акколти (Accolti) во главѣ, которые надѣялись получить папу болѣе реформаторскаго духа или по крайней мѣрѣ прославиться напоубийствомъ (364).

32) Сикстъ V умеръ, кажется, не безъ содѣйствія іезуитовъ или Испанскаго короля Филиппа II (367).

33) Климентъ VIII, по словамъ французскаго посла въ Венеціи де-Месса, въ 1592 г. сильно побаивался испанскаго яда (367).

Изъ приведенного списка покушеній на жизнь папъ со стороны какъ ближайшихъ ихъ совѣтниковъ и слугъ, такъ и разныхъ патриціевъ, государей и государствъ Италии, а отчасти Испаніи и Франціи, можно видѣть, что правительственный авторитетъ папства не стоялъ въ тѣ вѣка выше его двусмысленной морали и политики.

То же подтверждаютъ и многочисленные протесты противъ злоупотребленій папства со стороны западно-европейскихъ писателей и дѣятелей старого времени, въ значительномъ количествѣ собранные еще въ XVI вѣкѣ ученымъ далматинцемъ Матвеемъ Франковидомъ (Flaccius Illyricus) подъ заглавіемъ: „Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem pontificum romanorum primatui variisque papismi superstitionibus, erroribus ac impiis fraudibus reclamarunt“ (369). Въ XIII, напримѣръ, вѣкѣ одинъ изъ французскихъ трубадуръ (Фигейрасъ 1226—1229) называлъ Римъ „главою, вершиною и корнемъ всякаго зла“. „Вы“, говорилъ онъ, — „ужь слишкомъ выстригаете волну у вашихъ овецъ; у глупыхъ людей вы выгрызаете мясо и кости; за деньги разрѣшаете отъ грѣховъ; вы мало причиняете вреда сарацинамъ, но ведете на убой грековъ и латинянъ“ (386). Императоръ Фридрихъ II Гогенштауфенъ признавалъ папъ „не первосвященниками, а хищными волками и лютыми звѣрями, пожирающими народъ христіансій“, ихъ ноги слишкомъ-де грязны для проповѣди евангелия (388). Бернардъ-де-Клюни охарактеризовалъ цапскій Римъ въ словахъ: Roma dat omnibus omnia dantibus. Другой анонимный писатель старого времени говорить о немъ же: non est bonus pauperi, soli faveat danti (808). Виллельмъ совѣтовалъ по смерти Урбана VI совсѣмъ не припинать болѣе папъ, а жить какъ греки, подъ собственными закопами (391). И чешскій мученикъ Йоаннъ Гусъ выразилъ въ

1413 г. убѣжденіе, что главою католической и римской церкви должна быть признаваемъ не папа, а Христосъ; тѣломъ же ея—не кардиналы, а всѣ вѣрующіе во Христа, тѣмъ болѣе, что папами бывали де и завѣдомые еретики, даже какая-то женщина (392). 17-го марта 1593 г. французскій послъ въ Венеции публично заявилъ въ коллегіи, что если папа не признаетъ Генриха IV Французскимъ королемъ, то французы изберутъ себѣ особаго папу, въ 24 часа овѣдѣютъ Авиньономъ и поставятъ 50 своихъ кардиналовъ, послѣ чего не помогутъ-де болѣе ни сожалѣнія, ни раскаянія (479).

При такихъ условіяхъ невольно предстаиваетъ вопросъ, почему реформація появилась въ Европѣ столь поздно, и почему она не успѣла окончательно подрѣть папизмъ въ романскихъ и нѣкоторыхъ германскихъ странахъ? В. И. Ламанскій довольно подробно разбираетъ этотъ вопросъ и даетъ довольноѣроятный на него отвѣтъ на стр. 376 и сл.

Сила папства опиралась главнымъ образомъ на слабостяхъ человѣчества и умѣни ими пользоваться въ Римѣ, въ силу старой привычки повелѣвать, а равно благодаря уму и характеру нѣсколькихъ, дѣйствительно замѣчательныхъ папъ, каковы: Григорій VII, Александръ III, Инокентій III и др. (808). Папство развилось на почвѣ глубокаго и давнаго культурнаго контраста между европейскимъ востокомъ и западомъ и изъ стремлений послѣднаго покорить себѣ первый въ экономическомъ, политическомъ, церковномъ, словомъ — въ культурномъ отношеніи. Всемирныя притязанія папства находятся въ органической связи съ фикціей возстановленія Римской имперіи на западѣ, при чёмъ для осуществленія этой двойной фикціи: а) всемирной римской имперіи въ б) всемирной римской церкви, необходимо было ихъ взаимное содѣйствіе. Папство было на востокѣ пioneromъ Западной имперіи, а императоры — пionерами папства на томъ же востокѣ. Когда первое на столько ослабѣло, что не могло оказать второму дѣятельной помощи ни подъ Ташебергомъ, ни въ войнахъ гуситскихъ, ни въ турецкихъ, фикція всемирной римской церкви потеряла свою привлекательность для запада, который и отрѣшился отъ неї хоть на половину въ реформаціонный періодъ (379 сл.).

А. Будишиничъ.

(Окончаніе следуетъ).

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ. ГЕОГРАФИЯ НАЧАЛЬНОЙ (Ницкогород) АЗТОПИСИ. Изслѣдованіе Н. П. Барсова. Издание второе, исправленное и дополненное алфавитнымъ указателемъ. Варшава. 1885.

Первое изданіе прекраснаго труда г. Барсова не существуетъ уже давно въ продажѣ, и это обстоятельство побудило автора сдѣлать его новое изданіе. Онъ воспользовался многимъ изъ того, что было указано критикою при появлениі его труда въ свѣтъ, и кое-чѣмъ изъ новѣйшихъ разысканій нѣкоторыхъ ученыхъ и, такимъ образомъ, улучшилъ свое сочиненіе. Вслѣдствіе этого получаетъ оно еще болѣе значенія и еще успѣшнѣе достигаетъ своей цѣли — служить полнымъ географическимъ комментаріемъ къ нашей начальной азтописи.

Но не смотря на улучшенія и поправки, трудъ г. Барсова все-таки не свободенъ и отъ какихъ промаховъ и недостатковъ. Предлагаемъ указаніе на пѣкоторые изъ нихъ, охотно допуская предположеніе, что изслѣдованіе это со временемъ можетъ быть еще разъ перепечатано, при чемъ авторъ найдетъ возможнымъ, принять во вниманіе и наши замѣтки.

Г. Барсова не обратилъ вниманія на одинъ важный источникъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній древней Руси — Толковую Палею. Этотъ памятникъ, переведенный съ греческаго, содержитъ въ себѣ перечисленіе народовъ изъ племени Сима, Хана и Афета съ указаніемъ странъ, ими занимаемыхъ, и съ поименованіемъ острововъ и рѣкъ. Большую часть своихъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній Палея заимствовала изъ Пасхальной Хроники (Успенскій, Толковая Палея, стр. 60—66), но въ числѣ ихъ есть данныя, внесенные въ текстъ Палеи въ Россіи. Приводимъ ихъ по древнѣйшему списку Палеи, XIV вѣка, принадлежавшему прежде Александру-Невской лаврѣ и пынѣ находящемуся въ библіотекѣ С.-Петербургской духовной академіи.

I. Отъ Афета же си суть роженицы языци, иже въ столпотворение раздѣлени быша: 1) мидои, 2) каподокии, 3) галаты, иже суть кельтии, 4) елипи, иже суть иосы, 5) фетаталой, 6) алаукокой, 7) фракеи, 8) макидонии, 9) сармате, 10) родиои, 11) армени, 12) сицилон, 13) норича¹⁾, иже суть словени, 14) аверъ²⁾, иже суть обези, 15) руми, иже зовутся грѣцы.

¹⁾ Въ спискѣ Палеи 1477 года Московской Синодальной Библіотеки читается: Норица. Необходимо иметь въ виду, что въ спискѣ XIV вѣка первыми идутъ ч и ч.

²⁾ Въ спискѣ 1477 года: аверъ, безъ гласмы; иже суть обези.

II. Суть же в части его (Афета) реки великии: 1) река Тигръ, обходиши и раздѣлающи Мидию и Вавилонью до Понтиескаго моря, 2) река Дунай, 3) Днѣпъръ, Десна, Препеть, Двина, Въльхъвъ, Волга, яже течеть на востокъ въ часть Симову; въ той же суть части и Кавказскіи горы, рекше Угорскіи.

III. Отъ Афета языци изидоша, въ части его сѣдатъ: 1) языкъ варяжскій, 2) словенскій, 3) чудь, 4) ямъ, 5) лопъ, 6) перми, 7) котѣла, 8) печера, 9) югра, 10) литва, 11) ятвязи, 12) пруси, 13) недровъ¹⁾, 14) мери, 15) мордва, 16) мещера, 17) мурома, 18) корсь, 19) земѣгола, 20) ливъ.

(Срезневскій, Древніе памятники русскаго письма и языка, 1-е изданіе).

Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія представляютъ большое сходство съ свѣдѣніями нашей начальной лѣтописи. Мы читаемъ въ послѣдней (по Лаврентьевскому списку):

I. Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языки словѣнскѣ отъ племени Афетова, нарци²⁾, еже суть словѣн.

II. ...рѣку Тигру, текущи межу миды и Вавилономъ до Понтьскаго мора на польнощныя страпы, Дунай, Днѣпъстръ³⁾ и Кавказскія горы, рекше Угорскіи; оттудѣ доже и до Днѣпра, и прочая реки: Десна, Препеть, Двина, Волховъ, Волга, яже идетъ на востокъ въ часть Симову.

III. В афетовѣ же части сѣдатъ русь, чудь и вси языци: мери, мурома, весь, мордва, заволочьская чудь, перми, печера, ямъ, угра, литва, земѣгола, корсь, сѣтъгола, любь.

(Фото-литографированное изданіе, стр. 3—4).

Не можетъ быть сомнѣнія, что или Толковая Палея заимствовала свои свѣдѣнія изъ лѣтописи, или наоборотъ. Изслѣдователи обыкновенно видятъ въ лѣтописи источникъ Палеи (Сухомлиновъ, О древней русской лѣтописи, стр. 64; Успенскій, Толковая Палея, стр. 60), хотя вмѣстѣ съ тѣмъ признаютъ, что составитель лѣтописного свода не только зналъ Толковую Палею, но и пользовался ею (Сухомлиновъ, стр. 58—60). Нельзя не согласиться, что Палея была источникомъ лѣтописи, но крайне сомнительно, чтобы лѣтопись была источникомъ Палеи. Чтобы допустить это послѣднее, мы должны пред-

¹⁾ Въ списѣ 1477 года: угра... недрова.

²⁾ Въ Ипатскому списку: Нарци.

³⁾ Въ Храбниковскомъ списѣ: Диапъръ.

положить, что одинъ изъ русскихъ переписчиковъ Пален, въ XI — XIV в., внесъ въ свой списокъ свѣдѣнія изъ лѣтописи; но противъ такого предположенія говорить то обстоятельство, что всѣ (сколько намъ известно) списки Пален заключаютъ въ себѣ приведенный выше мѣста, сходныя съ мѣстами лѣтописи. Упоминаніе о норикахъ и отождествленіе ихъ со славянами писомъ было взято лѣтописью изъ Пален. Грекъ, составитель Пален, пользованійся Пасхальной Хроникою, на основаніи сї, составилъ свой списокъ народовъ Іафетова племени; вслѣдствіе чего почти всѣ названія Пален, которая можно считать неискаженными до неузнаваемости, находятся въ Пасхальной Хроникѣ, и между ними норича = Нѣрко, аверъ = Івѣрес (Chronicon Paschale, Бонинское изданіе, I, 57); къ нимъ уже въ Россіи прибавлены гlosсы: иже суть словени, иже суть обези, изъ которыхъ первая внесена потомъ въ лѣтопись. Это показываетъ, что въ томъ текстѣ Пален, который имѣлъ въ рукахъ составитель лѣтописи, были уже вставки русского переписчика. Такимъ образомъ, представляется вполнѣ выроятнымъ, что географическая и этнографическая свѣдѣнія о восточной Европѣ заимствованы лѣтописью изъ Пален, а не Палесю изъ лѣтописи.

То же говорить и другія данныя. Во второмъ отрывкѣ Пален Кавказскія горы упомянуты вполнѣ кстати и у мѣста; между тѣмъ какъ въ лѣтописи ихъ названіе приведено нѣсколькоими строками выше, чѣмъ бы сдѣловало, между названіями рекъ. Это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что составитель лѣтописи или имѣлъ передъ собою неисправный списокъ Пален или, внося въ лѣтопись текстъ Пален, искавшъ его. Въ перечисленіи народовъ финнскаго и литовскаго племени лѣтописи не такъ полна, какъ Пален: она не упоминаетъ лопи, корелы, менцеры, ятваговъ, пруссовъ, хотя говорить о сѣтьголѣ, неизвѣстной Палей, и тотчасъ послѣ перечисленія народовъ называетъ пруссовъ. Это всего легче объясняется тѣмъ, что составитель лѣтописи сократилъ перечень народовъ Пален, выпустивъ изъ него, по той или по другой причинѣ, нѣсколько названій, но сдѣлалъ это пѣбрежно: не упомянувъ въ своемъ перечинѣ о пруссахъ, онъ вслѣдъ за тѣмъ сообщилъ, что они присѣдали къ морю Вараждскому.

Какъ бы мы ни думали объ отношеніи лѣтописнаго разказа къ палеиному, во всякомъ случаѣ въ послѣднемъ мы имѣемъ древній текстъ, объясняющій кое-что въ разказѣ лѣтописи. Невниманіе къ нему для г. Барсова имѣло результатомъ нѣсколько промаховъ.

Онъ распространяется о норцахъ или нарцахъ лѣтописи и приводить мнѣнія о нихъ разныхъ ученыхъ, при чемъ склоняется къ мнѣнію, что слово норцы замѣняетъ въ лѣтописи слово иллирцы (стр. 246). Между тѣмъ, на основаніи текста Палеи, можно прямо сказать, что норци = норики, Нѣрхахо Пасхальной Хроники, хотя, конечно, не видно, почему они отожествлены со славянами. Да же, онъ видитъ въ обезахъ народъ сѣверной части Кавказа, жившій въ сосѣдствѣ съ ясами, касогами и Черноморскую Русью (стр. 150), тогда какъ изъ Палеи видно, что обезы то же, что аверъ=иверы, "Іѣтрас Пасхальной Хроники, то-есть грузины. То же видно и изъ того мѣста южно-русской лѣтописи, гдѣ разказывается объ изгнаніи Владиміромъ Мономахомъ какого-то половца Отрока „во обезы за Желѣзная ворота“ и о возвращеніи его въ Полоцкую землю по кончинѣ Мономаха (Ипатскій списокъ подъ 1201 г., стр. 480). Обезы въ немъ представляются живущими далеко отъ Полоцкой земли, близъ Желѣзныхъ воротъ, то-есть, Дербента¹⁾.

Затѣмъ г. Барсовъ признаетъ въ первыи лѣтописи предковъ не только иныишихъ пермяковъ и зирянъ, но и кореловъ, племени, по его словамъ, неизвѣстнаго лѣтописцу (стр. 57), тогда какъ изъ палейнаго текста ясно, что пермью назывался народъ отличный отъ корелы. Наконецъ, авторъ въ перечнѣ народовъ, дающихъ Руси дань, хочетъ выѣсто норова Лаврентьевского списка читать нерома „по Ипатскому списку“ (стр. 42, 230). Но въ Ипатскомъ спискѣ читается морома (фото-литографированное издание, стр. 8), то-есть, повторяется раньше написанное мурома. Списки Палеи имѣютъ недрова, недрева; извѣстенъ неревъский конецъ въ Новгородѣ; извѣстна рѣка Норова или Нерова (Барсовъ, стр. 230); наконецъ, извѣстно финское племя нерева, упомянутое въ Сузdalской лѣтописи подъ 1214 г.: иде князь Мстиславъ съ Новогородца на чудь на нереву къ морю (Лѣтопись по Лаврентьевскому си., стр. 467). На основаніи этихъ давнихъ должно возстановить лѣтописное название финского племени въ видѣ или перова или нерева.

¹⁾) Обезы считались въ древней Руси православнымъ народомъ. Въ понѣтии о Вавилонскомъ царствѣ за вавилонской святынию идутъ грекъ, русскій и обезьянинъ. Сношенія ихъ съ Русью засвидѣтельствованы лѣтописими русскою и грузинскою. Въ первой упоминается о приводѣ князомъ Изиславомъ Мстиславичемъ жены «изъ обезъ» и о ветрѣтѣ ея «в поровехъ» (Ипатскій списокъ подъ 1154 г., стр. 322), вторая—о женитьбѣ сына Боголюбскаго Юрія на грузинской царевнѣ Тамарѣ (Соловьевъ, Исторія Россіи, II, примѣч. 344).

Начавъ говорить о названіяхъ именъ, помѣщенныхъ на первыхъ страницахъ Начальной лѣтописи, упомянемъ еще о нѣкоторыхъ. Мы думаемъ, что эти названія не свободны отъ искаженій¹⁾. Названіе урмане, урмане, находящееся во всѣхъ спискахъ лѣтописи, по нашему мнѣнію, есть искаженіе названія мурмане=норвежцы, которое въ новгородскихъ лѣтописахъ, какъ и въ Начальной лѣтописи, иногда является рядомъ съ названіемъ свем: приноша свѣи... и мурмане и сумь... (1-я Новгородская лѣтопись, фотографированное изданіе, стр. 251). Точно также мы полагаемъ, что название корлязи есть искаженіе названія колбаги, извѣстного Русской Правдѣ: оже будеть варягъ или колобагъ, крещенія не имѣа...; хотя отъ замѣты корлаговъ колбагами ничего не уясняется, такъ какъ неизвѣстно, что такое колбаги. Профессоръ А. Л. Дювернуа предложилъ недавно объясненіе этого названія; но его мнѣнію, колбагъ=литовск. kalbingas, разговорчивый, говорунъ, и означаетъ литвина (Чтенія общ. ист. и др., 1884 года, кн. I). Но литовцы, сколько извѣстно, никогда не называли и не называютъ себя кальбингами, а русскіе не могли ихъ назвать (въ насмѣшку, какъ думаетъ А. Л. Дювернуа) литовскимъ словомъ. Поэтому, нельзя принять колбагъ=литовск. kalbingas, и въ колбагахъ Русской Правды и, какъ мы полагаемъ, Начальной лѣтописи, надо видѣть какой-нибудь родственныи варягамъ народецъ кальбинговъ¹⁾.

Названіе толковины мы считаемъ не искаженнымъ. Оно дано въ Начальной лѣтописи тиверцамъ: иде Олегъ па грекы... ио же множеству варягъ и славѣнъ и чуди и кривичи и мерю и поланы и сѣверу и деревляни и радимичи и хорваты и дулѣбы и тиверци, яже суть толковины (Ипатскій списокъ, подъ 907 г.). Оно же находится въ

¹⁾ Сомнительно, чтобы составитель начальной лѣтописи имѣлъ сколько-нибудь значительныхъ свѣдѣній о народахъ Европы; по всейѣвѣроятности, данныхъ по географіи и этнографіи Европы онъ взялъ изъ какого-нибудь帮忙 неизвѣстного источника, которого списокъ имѣлъ уже искаженія. Быть можетъ, кое-что въ названіяхъ исказилъ и самъ составитель лѣтописнаго свода. Во всякомъ случаѣ искаженія были уже въ подлинникѣ начальной лѣтописи.

²⁾ Въ Словѣ Даніила Заточника по редакціи Ундовского мы читаемъ: королязи бо и ковари, оворозъ, рытиры, могистрове, духомъ, имѣютъ честь и имѣлость у поганыхъ салтановъ (Русская Бесѣда 1856 г., № 2). Упомянутыхъ здесь короляговъ нельзя приводить къ связи съ лѣтописными корлагами, тѣль какъ они,—что видно изъ постановки ихъ рядомъ съ рытирами (Ritter), на-гистрами и думсами,—не народное название.

Словѣ о полку Игоревѣ: си пахутъ ми тѣщами тулы поганыхъ тлько-
вивъ великий женчугъ на лоно. Г. Барсовъ призываетъ это слово зага-
дочныиъ, но считаетъ любопытныиъ мнѣніе г. Нартицкаго, что толко-
вина=тлукъ нынѣшихъ гуцоловъ=своловъ, дурень (стр. 274). Слово толковина вполнѣ объясняется изъ слѣдующаго мѣста западно-русс-
кой библіи Скорины (XVI вѣка): не ведаху же того, яко разуме имъ
Іосифъ, толковина бо моляше межи ними = аѣтої Ѱѣ оўх Ѱѣзюху, бѣ
ѧхъ. Іоѣффъ є ўѣрѣуетъ днареѣсou авѣтѡи ѿ = nescielant autem,
quod intelligeret Joseph, eo quod per interpretem loqueretur ad eos
(Бытие, гл. 42). Изъ этого мѣста видно, что толковина=ѧрмѹготъ,
interpres, толмачъ. Тиверцы называны такъ начальюо лѣтописью,
безъ сомнѣнія, потому, что во времена составленія лѣтописи или
статьи, послужившей основаніемъ лѣтописнаго разказа, они были
ближайшими союзами степныхъ тюрковъ и служили посредниками и
переводчиками между ними и кievской Русью. Въ Словѣ о полку
Игоревѣ подъ погаными надо разумѣть всего скорѣе торковъ или
червыхъ клобуковъ, которые носили название толковинъ = толмачей
по той же причинѣ, то-есть, потому, что были посредниками между
своими родичами-полоцкими и русскими.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько мелкихъ замѣчаній. Лѣтыгола¹⁾=лоты-
гола жила въ древности гораздо дальше на сѣверъ, чѣмъ думаетъ
авторъ (стр. 43). Въ галицко-волынскай лѣтописи мы читаемъ: хо-
диша литва вся и жемоть вся на нѣмциѣ къ Ризи... оттолѣ же идоша
на лотыгулу и доходивши города Медвѣжье Головы (= Одение, нѣсколько южнѣе Дерпта) возвратишаася (Ипатскій списокъ, подъ
1286 г., стр. 590). Изъ I-й новгородской лѣтописи видно, что нѣмцы,
послѣ побѣды надъ ними Александра Невскаго, отступили отъ
води, Луги, Пскова и лотыголы (фото-литограф. изданіе, л. 259), изъ
которыхъ послѣдняя, очевидно, платила дань Новгороду. Такимъ
образомъ, оказывается, что лотыгола жила между прочимъ въ
сѣверо-восточныхъ предѣлахъ нынѣшней Лифляндіи, въ тѣхъ мѣс-
тахъ, где находились также поселенія финновъ-ливи (Барсовъ,
стр. 49).²⁾ Городъ Бардуевъ=Бартфельдъ находился не на русско-

¹⁾ Считаемъ удачнымъ это сдѣланное А. Ф. Бычковымъ исправленіе лѣто-
писнаго сѣтьгола.

²⁾ Тѣкъ обстоятельствомъ, что лотышы жили вмѣстѣ съ ливами, объясняется
название лотыголы чудью, встрѣтившееся напр. въ I-й Новгородской лѣтописи:
ильевонцы тѣгда баху подъ ногли нѣмци и чудь, лотыгулу и лимь (фото-литогр.
изд., стр. 210).

угорской, какъ полагаетъ авторъ (стр. 111), а на угорско-польской границѣ. Это видно изъ словъ лѣтописи: иде изъ угоръ во ляхы на Бардуевъ (Ипатскій сп., стр. 523). — Болоховци не могутъ быть относими къ числу остатковъ печенѣговъ или къ мирнымъ половцамъ, какъ дѣлаетъ Зубрицкій и за нимъ нашъ авторъ (стр. 254). Послѣдній, по видимому, незнакомъ съ трудами профессора Н. П. Дашкевича, посвященными вопросу о Болоховѣ и болоховцахъ: „Болоховская земля“ (Труды Третьаго Археологическаго Съѣзда, т. II) и „Новѣшіе домыслы о Болоховѣ и болоховцахъ“ (Кievskій Университетскій Извѣстія 1884 г., № 6). Они выяснили, что хотя Болоховъ и его жители представляютъ еще много темнаго, но въ послѣднихъ можно видѣть или русскихъ, или ваконецъ румынъ, но никакъ не тюрковъ.

Рядомъ съ названіями древляне, поляне г. Барсовъ ставить, въ качествѣ варіантовъ къ нимъ, названія деревля, поли (стр. 80, 127—128). Очевидно, онъ основывается на формахъ дательного и мѣстнаго множества ч. деревлямъ, полямъ, деревляхъ, полахъ, встрѣчающихся въ Начальной лѣтописи, но эти формы—правильныя формы дательного и мѣстнаго множества ч. къ именительному множеству ч. деревляне, поляне. Одинъ изъ сѣверскихъ городовъ г. Барсовъ называетъ Магошъ, вмѣсто Домагошъ (стр. 149), на основаніи слѣдующаго мѣста Ипатскаго списка: иде заемъ вси витичи и Добранескъ и до Воробинъ, Подесьные, Домагошъ и Мценескъ (подъ 1147 г., стр. 242). Очевидно, что въ приведенномъ текстѣ, по ошибкѣ или опистѣ писца, поставлено излишнее до передъ Воробинъ, и что надо читать Добранескъ, Домагошъ, а не до Брянескъ, до Магошъ. Болѣе близкое знакомство съ лингвистикою избавило бы автора отъ сближенія названія народа Меря съ мѣстными названіями Мерзлина, Мерзлеево, Мерлука, Нерль, Нерехта (стр. 52—53), названій народовъ хорваты, тиверцы съ мѣстными названіями Грибовъ, Грабъ, Териава, Тернова (стр. 95—96) и т. д. Оно удержало бы его отъ употребленія названія улучи (стр. 96—97) и онъ взялъ бы вмѣсто него уличи, улуччи угличи или какое бы то ни было другое, непремѣнно съ окончаниемъ — ичи.

Болѣе обстоятельное знакомство съ древне-русскимъ языкомъ и его говорами могло бы дать г. Барсову некоторый материалъ для опредѣленія степени участія разныхъ русскихъ племенъ въ колонизаціи финскихъ земель по Волгѣ и Окѣ. Памятники языка показываютъ, что новгородские славяне, исковичи и полоцко-смолен-

ские кривичи были близко родственны между собою, хотя ихъ говоры подревле имѣли другъ отъ друга иѣкоторыя отличія. Всѣ они имѣли ч и ч, и этою особенностью ихъ языкъ отличался отъ другихъ русскихъ племенъ¹⁾). Сверхъ того, новгородскіе славяне имѣли въ своемъ говорѣ замѣну « черезъ », псковити—мѣну а и з, м и с (см. наши „Очерки изъ исторіи русскаго языка“), полоцко-смоленскіе кривичи—мѣну е и у²⁾). По нынѣшнимъ говорамъ жителей бассейновъ Волги и Оки есть иѣкоторая возможность опредѣлить, кѣмъ были заселены въ древности тѣ или другія части финскихъ земель, новгородскими выходцами, или кривичами. Всѣ говоры бассейновъ Волги и Оки (въ числѣ ихъ муромскій), вмѣющіе мѣну ч и ч, не знаютъ мѣны у и е и всѣми своими особенностями приближаются къ новгородскому, а не къ древнему полоцко-смоленскому говору. Поэтому о колонизаціи Поволжья кривичами (Барсовъ, стр. 188) неѣть основанія говорить. Но въ виду того, что жители береговъ Волги и Оки, занимающіе разныя иѣстности Ярославской, Костромской, Владимірской, Тверской Московской губерній, не имѣютъ въ своемъ языкѣ новгородскихъ особенностей и говорятъ сколько съ несомнѣнными потомками радиничей и вятичей,—необходимо расширить роль этихъ послѣднихъ въ колонизаціи финскихъ земель и признать ее болѣе значительною, тѣмъ полагаетъ г. Барсовъ (стр. 168) и другіе.

А. Соболевскій.

Къ истории южно-русской литературы XVII столетия. Н. Ф. Сумцовъ. Киевъ и Харьковъ. 1884—1886..

Подъ этимъ заглавиемъ г. Сумцовъ соединилъ свои этюды, посвященные южно-русскимъ литературнымъ дѣятелямъ XVII вѣка, Лазарю Бараповичу, Иоаникію Галитовскому и Иппокентію Гизелю, и общую „Характеристику южно-русской литературы XVII вѣка“, служащую какъ бы введеніемъ или предисловіемъ къ этимъ частнымъ этюдамъ.

Въ методѣ и приемахъ научного изслѣдованія вообще можетъ

---

¹⁾ Мѣние г. Костомарова о близости древнихъ новгородцевъ съ нынѣшними малоруссами не имѣеть за себѣ никакихъ всѣхъ данныхъ.

²⁾ Остатки кривичей, сохранившіе древній говоръ, живутъ теперь въ Рижевскомъ уѣзда Тверской губерніи и въ разныхъ иѣстахъ Витебскаго и Себежскаго уѣздовъ Витебской губерніи. Характеристика и образцы рижевскаго говора въ Этимологическомъ Оборудии, т. I.

быть и на самъ дѣлѣ существуетъ большая разница. Тогда какъ одни копошаются въ пыли архивовъ и библиотекъ и съ педантическою точностью и обстоятельностью обслѣдуютъ каждую частность, другіе пытаются подвести итоги частныхъ изслѣдований и бросить на нихъ общий философическій — если можно такъ выразиться — взглядъ. У первыхъ обыкновенно недостаетъ широты и глубины взгляда на изслѣдуемыя историческія явленія; у вторыхъ, при стремлении обнайти одинъ взглядомъ многообразныя явленія и найти въ нихъ общую идею, часто не достаетъ специального изученія всѣхъ частныхъ фактівъ, относящихся къ области ихъ изученія. Г. Сумцовъ, по видимому, старался совмѣстить въ своемъ трудахъ оба памѣчанные пути изслѣдованія, но все же склоняется болѣе къ второму изъ нихъ, заботясь не столько о разясненіи частностей, болѣею частію извѣстныхъ и прежде, сколько объ освѣщеніи ихъ извѣстными взглядами, извѣстной идеей.

Общіе взгляды, выраженные г. Сумцовыми въ его характеристики южно-русской литературы XVII вѣка, не могутъ выдержать строгой критики и сами по себѣ, и по отношенію къ частностямъ, освѣщеннымъ этими взглядами; но за то они представляютъ немаловажный опытъ внесенія внутренняго смысла въ разрозненные историко-литературные явленія юго-западной Руси и освѣщенія ихъ извѣстною идеей, которая, въ свою очередь, сама можетъ воодушевить изслѣдователей къ новымъ изысканіямъ и указать имъ дорогу къ истинѣ. Главную идею и задачу изслѣдованія автора, какъ намъ кажется, составляетъ уясненіе мѣстнаго элемента въ произведеніяхъ южно-русскихъ писателей XVII вѣка и стремленіе доказать, что тогдашняя южно-русская литература была продуктомъ современной и малорусской жизни и въ болѣшей или меньшей мѣрѣ отражала ее на себѣ.

Стоя на такой точкѣ зреіїя, г. Сумцовъ различаетъ въ южно-русской литературѣ XVII вѣка два периода — греко-славянскій и латинскій схоластический, и отдаетъ предпочтеніе первому передъ послѣднімъ. Греко-славянскій периодъ обнимаетъ время отъ 80-хъ годовъ XVI вѣка до 30-хъ годовъ XVII, около пятидесяти лѣтъ въ совокупности. Очагомъ научнаго движенія являются греко-славянскія братскія училища, возникшія въ концѣ XVI столѣтія, въ которыхъ научное образованіе состояло главнымъ образомъ въ изученіи греческаго и славянскаго языковъ и въ основательномъ ознакомленіи съ богословіемъ. Характеристическая особенность науки и литературы этого периода состоять въ ихъ тѣсной связи съ народною жизнью, въ томъ,

что онъ исходить изъ нея, пытаются ею, почерпаютъ въ ней свои главныи силы, выражаютъ преимущественно интересы народа, во всей его вѣроисповѣдной цѣльности и въ совокупности всѣхъ его сословій. Завершенiemъ и лучшимъ выраженiemъ южно-русской литературы, развившейся подъ вліяніемъ греко-славянскихъ братскихъ училищъ, служить „Палинодія“ Захаріп Копыстенскаго. Почти всѣ писатели южнорусские въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія обнаруживали отчетливое и ясное политическое самосознаніе и въ этомъ отношеніи стояли выше южнорусскихъ людей конца XVII столѣтія, не говори уже о болѣе позднемъ времени, о XVIII столѣтіи, когда послѣдовало всеобщее духовное оскудѣніе и измельчаніе. Второй періодъ южнорусской науки и литературы обнимаетъ время отъ 30-хъ и до конца 80-хъ годовъ XVII столѣтія. Научное образованіе, центромъ которого служилъ Киево-Могиланскій коллегіумъ, состоитъ главнымъ образомъ въ изученіи латинскаго языка и въ ознакомлении съ средневѣковымъ сколастическимъ богословіемъ. Этотъ періодъ характеризуется преобладаніемъ богословскаго элемента въ полемикѣ надъ историческимъ, въ развитіи искусственной сколастической проповѣди, въ рѣшительномъ перевѣсѣ польского языка надъ церковно-славянскимъ. Значительное большинство сочиненій написано на языке польскомъ; мѣстный южно-русскій элементъ проявляется случайно въ немногихъ сочиненіяхъ; издоженіе тяжелое, обильное макаронизмами. Сильно развивается наклонность къ стихотворству, которая въ концѣ XVII вѣка переходитъ въ машю, въ сумазбродство, исключающее даже самую возможность появленія историческихъ или филологическихъ исследованій. Развивается крайній напегиризмъ — ясное свидѣтельство всеобщаго упадка духовной жизни, явное доказательство потери строгаго нравственного критерія въ области политической и научной дѣятельности. Люди науки гордится своею наукой и отдаляютъ ее отъ жизни общественной и народнаго быта, какъ нѣчто чрезвычайно высокое, не допускающе прикосновенія низменной дѣятельности. По времени дѣятельности, по взаимнымъ личнымъ и литературнымъ связямъ южно-русскіе писатели второй половины XVII вѣка раздѣляются авторомъ на двѣ группы: въ первую группу входятъ литературные дѣятели 30—50 годовъ XVII вѣка — Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ Козловскій и другие; во вторую — дѣятели 60-хъ—80-хъ годовъ — Иппокентій Гизель, Лазарь Бараповичъ, Іоанникій Галатовскій, Антоній Радивиловскій.

Эту послѣднюю группу южно-русскихъ писателей авторъ и из-

бралъ предметомъ своего изслѣдованія, но не по сравнительной важности ея въ отношеніи къ первой группѣ и къ греко-славянскому періоду южно-русской науки и литературы, а просто потому, кажется, что эта группа менѣе изучена въ нашей исторической наукѣ и болѣе доступна была автору для изслѣдованія по имѣющимся въ его распоряженіи материаламъ и источникамъ. Сама же по себѣ эта группа южно-русскихъ ученыхъ и писателей представляетъ собою, на взглядъ автора, лишь слабое отраженіе прежн资料о болѣе цвѣтущаго развитія мѣстной науки и литературы. Вотъ какъ г. Сумцовъ характеризуетъ главныхъ представителей этой группы, Бараповича, Галятовскаго и Гизеля:

„Хотя Бараповичъ и Галятовскій обнаружили значительную зависимость отъ схоластической школы, хотя польско-іезуитскія педагогическія начада вытравили въ нихъ нѣкоторыя характерные национальныя черты, писатели эти, равно какъ писатели первой группы, жили и дѣйствовали подъ вепогасшими еще вліяніями того строя малорусской жизни, какой созданъ былъ братствами въ началѣ XVII столѣтія. Коллегіумская схоластика имѣла повредила во многомъ, но она въ половинѣ XVII столѣтія была еще настолько парализуема свѣтыми и чистыми вліяніями старинной украинской школы и литературы, что не могла вполнѣ изуродовать Бараповича и Галятовскаго въ духовномъ отношеніи, какъ изуродовала въ самомъ концѣ столѣтія Иоанна Максимовича. Въ общественной, научной и литературной дѣятельности Бараповича, Гизеля и Галятовскаго есть много еще цѣпнаго; въ сочиненіяхъ ихъ, среди разнаго схоластического хлама, мѣстами, нельзя сказать чтобы часто и отчетливо, пробивалась свѣтлая мысль и гуманное чувство, обнаруживается пониманіе общественныхъ потребностей и желаніе потрудиться для ихъ удовлетворенія.

„Бараповичъ, Галятовскій и Гизель свои мнѣнія объ улучшениі общественной и семейной жизни, науки и литературы высказали въ видѣ случайныхъ замѣчаній и пожеланій. Эти обронепышныя мимоходомъ замѣчанія даютъ изслѣдователю возможность, намѣтить лишь главныя черты идеальныхъ стремленій поименованныхъ дѣятелей. Нѣть надобности доказывать, что идеалы Бараповича, Гизеля и Галятовскаго исходятъ изъ малорусской дѣятельности; идеалы эти не разрываются съ нею связей,—они только очищаются ее отъ недостатковъ и такимъ образомъ возводятся на опредѣленную, но во случаѣ значительную по высотѣ степень внутренняго и вѣнчанаго совершенства.

„По мнѣнію Бараповича, Галатовскаго и Газеля, нужно думать—и всѣхъ лучшихъ людей Малороссія второй половины XVII вѣка, политической и гражданской строй страны долженъ быть представляться въ слѣдующемъ, для нихъ желательномъ видѣ. Малороссія, лѣвобережная и правобережная въ совокупности, должна находиться подъ покровительствомъ московскаго царя. Православный царь защищаетъ православныхъ малороссіянъ отъ виновныхъ и иностранныхъ враговъ. Зависимость малороссіи отъ московскаго государства выражается въ обязанности охранять южныя границы московскаго государства и въ опредѣленной дани, которая не была бы тягостна для народа, разоренного продолжительными войнами; южоруссы оказываются великорусскому народу всякаго рода правственныя услуги; напримѣръ, посыпаютъ въ Москву ученыхъ богослововъ и проповѣдниковъ, правоучительные книги, голосистыхъ пѣвчихъ, опытныхъ садовниковъ. Москва, Польша и Малороссія входятъ во взаимныя дружескія связи и заключаютъ наступательный союзъ противъ общаго врага—магометанства. Усилия великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ должны быть направлены къ тому, чтобы уничтожить крымскихъ татаръ, изгнать изъ Европы турокъ, даровать православнымъ народамъ балканскаго полуострова свободу и освободить Иерусалимъ отъ ига иностранныхъ. Внутри Малороссія пользуется полной административной автономіей. Духовенство зависитъ исключительно отъ Константинопольского патріарха, какъ велось изстари. Кіевскій митрополитъ избирается соборомъ духовенства и мірянъ, по предварительному соглашенію духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Низшее духовенство избирается громадой и получаетъ отъ нея достаточное материальное обеспеченіе. Оно совершає церковныи службы, говорить проповѣди, обучаетъ дѣтей въ школахъ и поддерживаетъ шпитали. Гражданское управление страной находится въ рукахъ свободно избранной старшиной, во главѣ которой стоитъ гетманъ. Въ большихъ городахъ должны быть коллегіумы и типографіи, въ селахъ школы, повсемѣстно шпитали. Воспитаніе и образованіе юношества основываются на религіозно-правственныхъ началахъ. Соціальный и семейный отношения опредѣляются евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. Посполитые представляются людьми подневольными, и господство надъ ними казацкой старшиной и духовенствомъ оправдывается ссылками на вѣткій завѣтъ. Старшинѣ впрочемъ поставляется въ нравственную обязанность милостиво относиться къ простому народу, не отягощать крестьянъ,

тяжелой работой или налогами. Въ нравственную обязанность поставлялось „предпочитати добро общее надъ уединенное“ (слова Гизеля въ его книгѣ „Миръ“).

Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя частности, взятны авторомъ для подтверждения общей характеристики южнорусской науки и литературы XVII вѣка и избранной имъ для изслѣдованія группы южнорусскихъ писателей, не обслѣдованы точно иль самими и едва ли соотвѣтствуютъ современному состоянію исторической науки. Такъ напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ своей характеристики г. Сумцовъ положительно говоритъ, будто Киевское училище основано было въ 1588 году, между тѣмъ какъ вопросъ о началѣ Киевской школы, недавно возобновленный, далеко еще не рѣшенъ въ положительному смыслѣ. Можно указать и другіе примѣры неточности фактовъ, приводимыхъ авторомъ въ подтвержденіе своей характеристики южно-русской литературы XVII вѣка.

Весьма спорными представляются намъ и основные мысли автора о регрессивномъ будто бы движениіи южнорусской науки и литературы въ XVII и особенно въ XVIII в. и о значеніи мѣстнаго элемента у южнорусскихъ писателей. Уже ли Оеофана Прокоповича, начавшаго свою учено-литературную дѣятельность въ началѣ XVIII вѣка, можно отчислять къ періоду упадка южнорусской науки и литературы, „когда“, по словамъ автора, — „послѣдовало всеобщее духовное оскудѣніе и измельчаніе“? Можно спорить также и относительно превосходства греко-славянскаго періода въ истории южнорусской науки и литературы надъ послѣдующимъ схоластическимъ. Нѣкоторые на оборотъ отдаютъ предпочтеніе латинскому, схоластическому періоду. Да и сущность школьнаго образованія въ томъ и другомъ періодѣ едва ли много разнится, такъ какъ и греко-славянскія школы почерпали свою науку изъ того же западно-европейскаго источника, изъ котораго заимствовали ее и представители втораго періода. Поэтому мнѣніе о превосходствѣ греко-славянскаго періода южнорусской науки и литературы предъ латинскимъ схоластическимъ г. Сумцову слѣдовало бы обставить болѣе или менѣе прочными доказательствами. Можно было бы провести также параллель между греко-славянскимъ и латинскимъ схоластическимъ періодами, съ одной стороны, и борьбою греко-славянскихъ и латинскихъ школъ на сѣверѣ Россіи во второй поло-винѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ — съ другой, и отсюда сдѣлать

нѣкоторые выводы относительно данного предмета. Главной опорой для взгляда г. Сумцова служить мѣстный элемент и степень его проявления у различных южно-русскихъ писателей конца XVI и XVII вв. Но, вонпервыхъ, это еще спорный вопросъ, у кого больше замѣчается мѣстного элемента, у южно-русскихъ ли богослововъ конца XVI и начала XVII вв., или же у послѣдующихъ южно-русскихъ писателей второй половины XVII и особенно XVIII в., напримѣрь, у Митрофана Довгалевскаго, Танского, Георгія Конисскаго и другихъ. Вонвторыхъ, если и согласиться съ авторомъ относительно постепенного ослабленія мѣстного элемента у южнорусскихъ писателей, то это ослабленіе едва ли можетъ свидѣтельствовать о регрессивномъ движениі и упадкѣ южнорусской науки и литературы XVII и XVIII вв. На нашъ взглядъ, это ослабленіе можетъ свидѣтельствовать только объ иномъ ея направлениі болѣе широкомъ и плодотворномъ, о направлениі общерусскомъ, съ точки зреінія которого многие факты изъ южнорусской литературной исторіи XVII вѣка должны получать нѣсколько иное, болѣе благопріятное для нихъ освѣщеніе, чѣмъ какое даетъ имъ авторъ.

Послѣ этихъ общихъ, предварительныхъ замѣчаній, сдѣлаемъ краткій обзоръ отдѣльнымъ монографіямъ, входящимъ въ составъ изслѣдованія, останавливающемся преимущественно на такихъ пунктахъ, которые или требуютъ фактическихъ дополненій и поправокъ, или наиболѣе выражаютъ идеи автора, или же могутъ быть освѣщены съ другой точки зреінія.

На основаніи того, что фамилія Бараповичъ встрѣчалась и нынѣ встрѣчается въ Черниговской губерніи, авторъ готовъ признать Лазаря Бараповича черниговскимъ уроженцемъ, хотя могло быть и такъ, что уже по вступленію на Черниговскую епископскую каѳедру Лазарь Бараповичъ вызвалъ изъ другихъ мѣсть и пріютилъ у себя своихъ родственниковъ. Изъ двухъ противорѣчивыхъ данныхъ о времени рожденія Бараповича г. Сумцовъ съ большинствомъ, по видимому, основаніемъ останавливается на извѣстіи, относящейся время рожденія Бараповича къ 1593 году, вопреки извѣстію „Черниговской лѣтописи“, относящей его къ 1620 году. Въ 1642 году Лазарь Бараповичъ, получивъ предварительно образованіе въ Виленской, Киевской и Калишской академіяхъ, былъ уже преподавателемъ Кіево-Могиллянскій коллегії, а въ 1650 году—еи ректоромъ. О внутреннемъ состояніи Кіевской коллегіи и преподаваніи въ неї наукъ въ бытность

Лазаря Бараповича преподавателемъ и ректоромъ ея доселе ничего неизвѣстно въ печати¹⁾.

Во время войны Богдана Хмельницкаго, по словамъ г. Сумцова, Бараповичъ оставилъ опустѣвшую и обѣднѣвшую коллегію и въ течениѣ нѣсколькихъ лѣтъ проживалъ въ подвѣдомственныхъ Киево-Печерской лаврѣ монастыряхъ Кирillo-Мѣтиловскомъ, Купатицкомъ и Дятловецкомъ, въ почетномъ яваніи игумена. Но относительно времени пребыванія Бараповича въ Купатицкомъ монастырѣ у автора оказывается нѣкоторая спутанность извѣстій. Изъ монографіи его объ Іоанникій Галатовскомъ мы видимъ, что Бараповичъ еще до ректоруры своей былъ игуменомъ Купатицкаго монастыря, принялъ въ этотъ монастырь Галатовскаго и затѣмъ уже, получивъ мѣсто ректора Киевской коллегіи, переселъ въ Галатовскаго въ Киевъ преподавателемъ въ коллегію. Поэтому нужно допустить, что Бараповичъ былъ настоятелемъ Купатицкаго монастыря между 1647 и 1650 годами, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать и того, что, по оставленіи должности ректора Киевской коллегіи, Бараповичъ вторично былъ игуменомъ того же Купатицкаго монастыря. Въ 1655 или въ началѣ 1656 года опять вывелъ оттуда въ Киевъ и помѣстилъ въ Киево-Софійскомъ соборѣ извѣстную нынѣ всей благочестивой Россіи Купатицкую икону Богоматери, представляющую изъ себя, по нашему мнѣнію, лишь оборотную сторону складнаго бронзоваго энколпіона или креста, отполищаагося, по своей формѣ, къ первымъ гѣкамъ христианства въ Россіи.

Въ 1657 году Лазарь Бараповичъ былъ рекомендованъ и хиротонисанъ въ епископа Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго, еще при жизни прежнаго тамошняго епископа Зосимы Прокоповича, и съ сего времени жизнь его становится гораздо болѣе извѣстной.

¹⁾ Между тѣмъ, по сообщенію бывшаго ректора Иркутской духовной семинаріи, нынѣ Люблинскаго преосвященнаго Модеста, въ библиотекѣ этой семинаріи хранятся рукописныя лекціи Лазаря Бараповича по риторикѣ, переписанные въ 1647 году воспитанникомъ Киевской коллегіи Тимофеемъ Топоровымъ, при профессорѣ поэзіи Васильевичѣ. Эти лекціи могли бы пролить значительный свѣтъ на состояніе науки въ Киевской коллегіи не только за это время, но и вообще въ XVII вѣкѣ, такъ какъ рукописныхъ учебниковъ и лекцій весьма мало сохранилось отъ Киевской коллегіи изъ XVII вѣка. Къ сожалѣнію, Иркутская духовная семинарія и сама не пользуется, и другимъ не позволяетъ пользоваться этими лекціями и не предложеши церковно-археологическому обществу при Киевской духовной академіи передать ему эти лекціи и другія рукописи отвѣтила рѣзкимъ отказомъ.

Барановичъ принимаетъ видное участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ того времени и оставляетъ въ нихъ замѣтный слѣдъ своихъ церковно-общественныхъ и политическихъ стремленій и своего влиянія. „Барановичъ былъ человѣкъ почины”, говорить авторъ,—и его энергія должна была въ особенности пригодиться южнорусскому народу въ тяжелую для него эпоху гетманства безхарактерного и жестокаго Брюховецкаго и гетманства нерѣжественнаго и вспыльчиваго Много-грѣшнаго, въ эпоху перехода высшаго православнаго духовенства въ правобережной Малороссіи въ унію. Въ тяжелую и смутную эпоху политическихъ и религиозныхъ волненій, интригъ и козней можно было своевременно сказать словомъ, своевременнымъ выѣшательствомъ въ запутанный малороссійскій дѣла спаси однихъ отъ гибели материальной, защитить отъ меча турецкаго, московскаго или польскаго, другихъ спасти нравственно, удержавъ отъ перехода въ унію. Барановичъ стоять на высотѣ своего положенія; онъ весьма настойчиво и неуклонно защищалъ южнорусскій народъ своевременнымъ опроверженіемъ латино-уніатскихъ сочиненій и своевременнымъ ходатайствомъ у московскаго цара о покровительствѣ и защите народа отъ поляковъ и въ особенности отъ татаръ и турокъ. Въ политическомъ отношеніи Барановичъ служитъ соединительнымъ звѣномъ между Малороссіей и Москвой. Онъ примирялъ разнородные, постоянно сталкивавшіеся интересы малороссовъ и великороссовъ; съ одной стороны, склонялъ малороссовъ къ могущественной и единовѣрной Москве, съ другой—склонялъ цара къ милостивому отношенію къ многострадальному малорусскому народу и къ сохраненію его древнихъ правъ на свободное устройство гражданскихъ и церковныхъ дѣлъ.

По вступлѣніи на Черниговскую каѳедру, Барановичъ прежде всего позаботился о полученіи утвердительныхъ универсаловъ и грамотъ на архіерейскія маestности отъ Богдана Хмельницкаго, а затѣмъ всакій разъ, при перемѣнѣ правительственныйхъ лицъ въ Москвѣ и въ Малороссіи, старался испрашивать подтвержденіе на свой сань и свои маestности, какъ отъ малороссійскихъ гетмановъ, такъ и отъ Московскаго правительства.

Не успѣлъ сїе Лазарь хорошо осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, какъ почти одновременно случились два крупныхъ событія—смерть Кіевскаго митрополита Сильвестра Коcсова, 18-го апрѣля 1657 года, и смерть Богдана Хмельницкаго 27-го июля того же года, и

Барановичъ привезъ былъ участвовать въ избраниі нового митрополита и нового гетмана. Въ гетманы избранъ былъ Иванъ Выговскій, и Лазарь Барановичъ 17-го октября 1657 года, торжественно вручая ему знаки гетманского достоинства, убѣждаль Выговскаго служить вѣрой и правдой великому государю Московскому и укрѣплять войско запорожское, чтобы оно было неотступно подъ высокою рукою его царскаго величества. Что же касается нового митрополита Киевскаго, то московское правительство желало, чтобы новоизбранный митрополитъ подчинился не Константинопольскому патріарху, какъ было доселъ, а Московскому. Лазарь Барановичъ, какъ мѣстоблюститель митрополичаго престола, по видимому, безпрекословно пошелъ на эти московскія предложения, но въ дѣйствительности ничего не слѣдалъ для практическаго ихъ осуществленія. Дѣло избраниія митрополита тянулось долго. Лазарь Барановичъ не выступилъ открыто ни за, ни противъ Москвы. „Судя по всему складу его убѣждений“, говорить авторъ, — „нужно допустить, что онъ противодѣйствовалъ московскимъ планамъ. Въ концѣ концовъ митрополитомъ выбранъ былъ Діонисій Балабанъ, человѣкъ, вовсе не расположенный къ Москвѣ, который уступилъ Барановичу изъ области Киевской митрополіи три протопопіи — Глуховскую, Конотонскую и Борзенскую и призналъ независимость Черниговской кафедры отъ Киевскихъ митрополитовъ, съ подчиненiemъ ея непосредственно духовной власти Константинопольскаго патріарха“.

Благополучно устроивъ свои дѣла, Лазарь Барановичъ ревностно сталъ заботиться о внутреннемъ устроеніи своей епархіи, почти до послѣдняго времени находившейся подъ ярмо мѣтчино-узiatовъ. Православное духовенство было малочисленно, бѣдно и невѣжественно; въ богослужебныхъ книгахъ чувствовался большой недостатокъ; православныхъ школъ было мало, и онѣ были самыя элементарны; малорусская старшина быстро подвигалась къ ополяченію. Всѣ отрасли епархиального управления находились въ упадкѣ; въ самомъ богослуженіи допускались уклоненія. Барановичъ долженъ былъ употребить много усилий, чтобы чуждое исторгнуть, нечистое освятить, поврежденное исправить, недостаточное восполнить. Онъ началъ съ того, что учредилъ въ главнѣйшихъ городахъ епархіи протопопіи, въ городахъ небольшихъ и мѣстечкахъ — намѣстничества, для завѣдыванія и ближайшаго управлѣнія приходскимъ духовенствомъ; затѣмъ, заботился о возстановленіи разрушенныхъ или запустѣвшихъ

монастырей и церквей и о постройкѣ новыхъ¹⁾), и объ улучшениіи быта духовенства; старался о сохраненіи и развитіи народныхъ силъ и народныхъ средствъ самопомощи и самообразованія и съ этою цѣлію перевезъ изъ Новгорода-Сѣверскаго въ Черниговъ школу и хотѣлъ устроить ее на подобіе Киевской коллегіи; учредилъ въ своей епархіи типографію для изданія богослужебныхъ и учительныхъ книгъ; заботился объ усовершенствованії церковнаго пѣнія и о развитіи проповѣдничества, учредивъ при своей кафедрѣ должность постоянныхъ церковныхъ проповѣдниковъ изъ духовныхъ лицъ съ высшимъ образованіемъ и самъ подавалъ имъ примѣръ печатными сборниками своихъ проповѣдей „Мечъ духовный“ и „Трубы словесъ“. Впрочемъ, проповѣди самого Бараповича, по отзыву г. Сумцова, безцвѣтны и безсодержательны.

Изобразивъ попеченія Бараповича о внутреннемъ благосостояніи его епархіи, г. Сумцовъ говоритъ далѣе о его междуцерковныхъ и политическихъ отношеніяхъ. „Волей неволей“, говоритъ авторъ, — „Бараповичъ долженъ былъ принимать участіе въ решеніи всѣхъ важныхъ малорусскихъ и даже московскихъ вопросовъ, участвовать въ избраниі часто иѣнявшихъся гетмановъ и митрополитовъ, отвѣтывать на предлагаемые правительствомъ вопросы политическаго свойства, участвовать на московскомъ соборѣ 1667 года. Московское правительство не совсѣмъ довѣрило Лазарю, сомнѣвалось въ искренности его увѣреній въ расположеніи къ Москвѣ и потому не выдвигало его на первое мѣсто въ малорусской церкви; но оно дорожило Лазаремъ, какъ весьма влиятельнымъ въ Малороссіи человѣкомъ, задабривало его милостивыми грамотами и подарками, стремясь подѣйствовать на его нѣсколько корыстолюбивую натуру и подачками направить его дѣятельность въ предначертанномъ Москвою направленіи“. Послѣ этой общей характеристики церковно-общественной и политической дѣятельности Лазаря Бараповича, г. Сумцовъ дѣлаетъ обзоръ

¹⁾ Мы имѣемъ еще подъ руками два документа, относящіеся къ устроенію Бараповичемъ монастырей, именно: запись монаха Мирона обѣ основаніи имъ, съ благословеніемъ Бараповича, Богословскаго Мироновскаго скита, и листъ польскаго короля Яна Казимира, отъ 13-го января 1674 г., игумену Макошинскаго монастыря Виктору Боблеевичу, на монастырь и его имѣнія, подтверждающій, по просьбѣ Павла Тетери, архіепископа Черниговскаго архіепископа Лазари Бараповича. Оба эти документа находятся въ церковно-археологическомъ музѣи при Киевской духовной академіи.

частнымиъ фактамъ и событиямъ, говорить о назначении Меодія Филимонова блюстителемъ Киевской митрополії, о судьбѣ его, объ участіи Лазаря въ Московскому соборѣ 1666 года и о возвышеніи его въ сань архіепископа, объ отношеніяхъ Барановича къ гетманамъ Выговскому, Юрію Хмельницкому и особенно Брюховецкому и Много-грѣшному, о его ходатайствѣ передъ русскимъ правительствомъ о выводѣ изъ Малороссіи воеводъ и ратныхъ людей и удержаніи Киева за Россіей, о стolкновеніяхъ Барановича съ Лежайскимъ, Адамовичемъ и новымъ митрополитомъ Кієвскимъ Гедеономъ Четвертинскимъ, преимущественно изъ-за маestностей и о перепискѣ между Барановицемъ и Московскими патріархомъ Іоакимомъ относительно ученихъ о времени пресуществленія св. даровъ и проч. Особый отдѣль посвященъ авторомъ обзору литературныхъ произведений Лазаря Барановича. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ проповѣдническихъ сборниковъ его, Барановичъ составлены еще сочиненія: „Утѣшеніе“ по случаю кончины царицы Марыи Ильиничны, „Zywoty Świętych“, 1670 г., „Лютня Аполлонова“, 1671 г., заключающая болѣе 1,000 стихотвореній, „Новая мѣра старой вѣры“, 1676 г., противъ іезуита Ваймы „Вечерній Плачъ“ о преставленіи царя Алексія Михайловича, „Задутренная радость“ о восшествіи на престолъ царя Феодора Алексіевича, 1676 г., „O przygodach życia ludzkiego“, 1678 г., „Слово благодарственное Іисусу Христу“, „Notły pięc, gan Chrystowych pięc“, „Wieniec Bożemu Małki“, 1680 г., „Благодать и истина Іисусъ Христомъ бысть“, въ честь царей Іоанна и Петра Алексіевичей, 1680 г. Послѣднимъ сочиненіемъ Барановича, если не считать статьи, о Флорентинскомъ соборѣ, составленной въ концѣ 80-хъ годовъ, было „Najasnejsza pieśń u ziemie Carica Rappa Matka Marija od Lazara Baranowicza Sławiona“, 1683 г., съ посвященіемъ царевнѣ Софѣ. Барановичъ скончался 3-го сентября 1693 года.

Все изслѣдованіе автора о жизни и дѣятельности Барановича въ санѣ епископа Черниговскаго, написано съ большою полнотой и обстоятельностью и въ фактическомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь больше всего встрѣчается, также и общихъ сужденій автора съ точки зрѣнія маestнаго элемента, такъ какъ высокое положеніе и широкій кругъ дѣятельности Лазаря Барановича всего больше давали автору поводовъ къ подобнымъ сужденіямъ. Эта точка зрѣнія заставляетъ автора иногда преувеличивать цѣну извѣстныхъ поступковъ Лазаря Барановича, иногда же уменьшать значеніе пѣкоторыхъ сторонъ его дѣятельности.

Мы думаемъ, напримѣръ, что некоторые поступки и дѣйствія Барановича, объясняемые у автора его патріотическою заботливостю о Малороссіи, легко могутъ быть объясняемы также своеокорыстными расчетами и уклончивостью его характера. Съ другой стороны, значеніе проповѣдническихъ трудовъ Барановича, по нашему мнѣнію, умалено авторомъ безъ достаточнаго основанія. Барановичъ, по мнѣнію автора, въ отношеніи проповѣдничества — чистый сколастикъ; только сколастицизмъ его—особаго рода и имѣеть, такъ-сказать, строго церковный характеръ; языкъ въ проповѣдахъ Барановича — церковнославянскій. Г. Сумцовъ готовъ поставить въ упрекъ Барановичу то, что онъ не проповѣдалъ на языкахъ, народу вполнѣ понятномъ. Но касалось содержанія проповѣдей Барановича, замѣтимъ относительно языка, что въ печатныхъ изданіяхъ проповѣдей Барановича этотъ языкъ могъ быть значительно выглаженъ и очищенъ отъ мастерства говора, какъ несомнѣнно очищенъ и выглаженъ былъ въ печатномъ изданіи языкъ болѣе раннихъ проповѣдей св. Дмитрия Ростовскаго¹⁾. Съ другой стороны, стоя на общерусской точкѣ зрѣнія, мы не можемъ не поставить Лазарю Барановичу въ особую заслугу церковнаго характера и церковно-славянскаго языка его печатныхъ проповѣдей, разчитанныхъ отчасти и на распространеніе ихъ и въ Москвѣ. Въ этомъ отношеніи онъ хотѣлъ быть и дѣйствительно отчасти былъ связующимъ звеномъ между двумя самыми родственными племенами русскаго народа. Для характеристики Лазаря Барановича въ этомъ направлении можно было бы прибавить еще то, что онъ, по видимому, образовалъ около себя небольшой кружокъ переводчиковъ древнеотеческихъ творений на южно-русскій языкъ²⁾, кружокъ, работавшій въ духѣ возрожденія церковности, и былъ старѣйшимъ современникомъ и единомышленникомъ такихъ южно-русскихъ ученихъ съ церковнымъ и общерусскимъ направленіемъ, каковы были приспомамятные въ русской церковной исторіи сподвижники Дмитрія Ростовскаго, Иннокентій Кульчицкій и Филоѳей Лещинскій, авторъ „Сибирскаго Лѣстничника“ и ревностный миссионеръ православія между сибирскими искороддами.

¹⁾ Ср. Описаніе рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академіи, стр. 285, л. 112 сборника.

²⁾ См. тамъ же сборникъ съ переводами свято-отеческихъ творений на южно-русскій языкъ и, между прочимъ, съ переводомъ житія Макарія римлянина, сдѣланымъ по благословенію Лазаря Барановича, писаремъ его Ioannomъ Гарашенко въ Новгородъ-Саверскому монастырю. По Описанию, № 52, стр. 83—86

Второй этюдъ г. Сумцова посвященъ Иоаннику Галатовскому. Личность его до послѣднаго времени оставалась въ тени. Сочиненія его не были подробно обслѣдованы. Причина тому — крайняя скучность письменныхъ документальныхъ свѣдѣній о Галатовскомъ. О немъ известно только, что онъ учился въ Киево-Могилянской коллегіи и былъ ученикомъ Лазаря Барановича по классамъ инфимы и риторики. Окончивъ курсъ въ коллегіи, Галатовский отправился на Волынь и принялъ здѣсь монашество. Въ смутное военное время онъ оставилъ Волынь и перебѣхалъ въ Купятицкій монастырь, находящійся не далеко отъ Минска. Игуменомъ Купятицкаго монастыря былъ Барановичъ. Онъ ласково принялъ Галатовскаго. Получивъ мѣсто ректора Киевской коллегіи, Барановичъ и Галатовскаго перевезъ туда преподавателемъ. Въ 1657 году Барановичъ былъ назначенъ Черниговскимъ епископомъ. Онъ уѣхалъ въ свою епархію, предварительно выхлопотавъ Галатовскому мѣсто ректора коллегіи. 31-го декабря 1659 года, Галатовский получилъ царскую жалованную грамоту на монастырскія и академическія маestности и построилъ новыя монастырскія и училищныя зданія. Онъ дѣятельно хлопоталъ объ исправленіи и улучшеніи вѣтренныхъ ему учрежденій, открылъ классы до риторики и съмъ въ нихъ преподавалъ. При немъ въ 1662 году внесена была въ новую академическую церковь чудотворная икона Богоматери, извѣстная подъ названіемъ братской. Періодъ съ 1665 по 1669 г.—самый темный въ жизни Галатовскаго, темный въ томъ смыслѣ, что о немъ почти ничего неизвѣстно. Въ 1665 году коллегія была разорена, и ректорство Галатовскаго фактически прекратилось. Въ 1667 году Галатовский, по порученію Лазаря Барановича,ѣздилъ въ Литву, а въ посвященіи къ „Мессии Правдивому“ 1668 года писалъ о себѣ: „Не имѣя своей обители, слоняясь по свѣту, въ чужихъ обителяхъ сю книгу написалъ, что сопражено съ затрудненіемъ“. Съ выходомъ въ свѣтъ этой книги, общественное положеніе Галатовскаго измѣнилось къ лучшему. Онъ получилъ мѣсто игумена Черниговскаго Елецкаго монастыря, въ 1669 году возведенъ былъ въ санъ архимандрита и здѣсь скончался 2-го января 1688 года.

Галатовский былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ и разностороннихъ южно-русскихъ писателей второй половины XVII вѣка. Имъ написаны были слѣдующія сочиненія: „Ключъ разумѣній“, съ присовокупленіемъ „науки албо способа зложена казана“, имѣвшій три изданія 1659, 1660 и 1665 гг.; „Бесѣда Бѣлоцерковская“, 1667 г.; „Небо новое съ новыми звѣздами“, имѣвшее три изданія 1666,

1677 и 1699 гг.; „Мессия правдивый“ 1668 и 1669 гг.; „Скарбница, потребная и полезная всему свѣту“, 1676 г.; „Stary Kościol zachodny“, 1678 г.; „Фундаменты, на которыхъ латинники утверждаютъ единство Руси съ Римомъ“, 1683 г.; „Лебедь“ 1679 г.; „Алкоранъ Магомета“, изд. между 1683 и 1688 г.; „Алфавитъ различнѣй еретикамъ“, 1681 г.; „Софія мудрости“ 1686 г.; „Боги по-гансіе“, 1686 г., „Души людей умерлыхъ“, 1687 года. Кроме того, ему же приписываютъ сочинение „Рыцарь православной католической церкви“, изданное въ концѣ XVII вѣка.

Признавая Галлятовскаго человѣкомъ благочестивымъ, умнымъ и образованнымъ, г. Сумцовъ однако замѣчаетъ, что небогатыя дарованія были въ значительной степени искалѣчены школой. „Київська Могиллянська сколастика“, говоритъ онъ, — „внесла въ свою ученную и литературную дѣятельность нѣчто такое, что помѣшало ему вполнѣ стать на народную точку зренія и работать въ интересахъ народа. Южно-руssкія народныя нужды и стремленія подсказывали ему темы для сочиненій и наводили его на мысль писать противъ католиковъ, магометанъ и евреевъ; но лишь только Галлятовскій брался за перо, какъ, вместо живаго сочетанія современныхъ ему фактовъ, въ огромномъ большинствѣ его сочиненій выступаетъ искусственное сопоставленіе книжныхъ свѣдѣній, безъ соответствія ихъ съ дѣйствительностію... Вообще по сочиненіямъ южно-руssкихъ писателей второй половины XVII вѣка, преимущественно по сочиненіямъ Варановича и Галлятовскаго, легко убѣдиться, что наука въ это время въ южной Россіи, прившемъ обманчивомъ богатствѣ, выражавшемся главнымъ образомъ толстотой книгъ и обилиемъ ссылокъ на пособія, была въ дѣйствительности явленіемъ почти вполнѣ мертворожденнымъ и крайне далеко отстояла отъ жизни“ (стр. 82—83). Но въ другомъ мѣстѣ г. Сумцовъ отдаетъ Галлятовскому нѣкоторое предпочтеніе предъ другими современными ему южно-руssкими писателями. „Трудно“, говоритъ онъ, — „выдѣлить Галлятовскаго, при первомъ чтеніи его сочиненій, изъ ряда современныхъ ему южно-руssкихъ писателей. Его „Души“ наводятъ на читателя невыносимую скуку, а „Мессія“ валится изъ рукъ. Нужно ознакомиться съ его „Бесѣдой“ и „Фундаментами“, нужно сопоставить эти маленькие, дѣлько валисаныя книжки съ объемистыми сочиненіями Варановича, Гизеля и Радивиловскаго, чтобы оценить превосходство Галлятовскаго надъ этими писателями; по умственнымъ дарованіямъ и начитанности, Галлятовскій болѣе всякаго другого можетъ быть названъ пред-

ставителемъ южно-русской литературы второй половины XVII вѣка. Всѣ недостатки этой литературы ясно сказались въ его сочиненіяхъ; лучшія литературныя произведенія этой эпохи принадлежать перу Галатовскаго. Въ Галатовскомъ южная Россія нашла галантливаго ученаго дѣятеля, отчасти дѣятеля политическаго, вообще умѣлого и опытнаго бойца за южно-русскую народность, точнѣе сказать, за главное въ XVII вѣкѣ ея проявленіе, православіе" (стр. 1 — 2). При обзорѣ же отдѣльныхъ произведеній, г. Сумцовъ идеть еще да-лѣе въ похвалахъ Галатовскому за содержаніе и языкъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ его произведеній. Языкъ Галатовскаго въ „Ключѣ", говоритъ авторъ, — простой и ясный. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изло-женіе Галатовскаго напоминаетъ по силѣ и простотѣ Иоанна Ви-шенскаго. Макаропизмовъ пѣть. Часто попадаются народныя мало-русскія слова и фразы. Можно допустить, что нѣкоторыя проповѣди, простѣйшія по содержанію, были понятны простому народу. Если бы и въ содержаніи „Ключа" было столько народности, сколько въ его языке, то это было бы капитальное произведеніе (стр. 35 — 36). О „Бесѣдѣ Бѣлоцерковской" г. Сумцовъ отзываются такъ: „Его (Галатовскаго) возраженія Пекарскому мѣткы и сильны. Возраженія эти обнаруживаются въ Галатовскомъ знаніе св. писанія, умѣніе пользо-ваться отцами церкви и діалектическую ловкость... Галатовский из-нашъ весьма сильные діалектические удары своему противнику" (стр. 39 — 40). „Небо новое" Галатовскаго, трактующее о чудесахъ пре-святой Богородицы, по сознанію самого г. Сумцова, имѣло исто-рико-литературное значеніе въ Малороссіи, повліявъ вмѣстѣ съ „Великимъ Зерцаломъ", на образованіе нѣкоторыхъ малорусскихъ легендъ и само воспринять нѣчто изъ народныхъ сказаний¹⁾). О „Фундаментахъ" Галатовскаго г. Сумцовъ отзываются слѣду-ющими восьмь лестными образомъ: „Въ южно-русской сколасти-ческой литературѣ второй половины XVII вѣка „Фундаменты" Га-латовскаго составляютъ самое лучшее, наиболѣе выдающееся произ-веденіе. Въ этой небольшой книжкѣ (всего 100 страницъ) довольно удачно опровергаются цольско-іезуитскія хитросплетенія и выдумки

¹⁾ При этомъ кстати, въ разрѣшеніе недоумѣнія автора, замѣтимъ, что кроме извѣстнаго свѣрно-русскаго перевода „Зерцала" встречаются южно-руssкіе переводы отдѣльныхъ сказаний изъ него, XVII вѣка, при помощи которыхъ разказы „Великаго Зерцала" могли переходить въ народъ. См. Описание рукописей церковно-археологическаго музея при Киевской духовной академії, стр. 85, 250 и др.

о бывшей будто бы въ старое время „единости“ малороссійскъ съ римскою церковью. Шагъ за шагомъ, страница за страницей, въ сильныхъ, простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ Галатовскій подкапываетъ и разрушаетъ мнимо-историческая основанія уніи и, никого не браня, не дѣлай никому личныхъ оскорблений, раскрываетъ предъ своими противниками всю гнусность ихъ гонения на православныхъ и безчеловѣчность ихъ относительно простаго народа“ (стр. 65 — 66). Это ли мертворожденное явленіе, какимъ считалъ выше г. Сумцова произведенія Галатовскаго? Намъ кажется, тутъ есть нѣкоторое противорѣчіе, объясняемое, съ одной стороны, основною точкою зреінія г. Сумцова, вездѣ старающагося отыскивать мѣстный элементъ и интересъ у южно-русскихъ писателей XVII вѣка, съ другой — несомнѣннымъ внутреннимъ значеніемъ лучшихъ произведеній Галатовскаго, независимо отъ мѣстного элемента. Съ внутренней стороны сочиненія Галатовскаго имѣли общеправославное значеніе. Самъ Галатовскій разчитывалъ на совокупное дѣйствіе всѣхъ православныхъ народовъ — грековъ, болгаръ, сербовъ, боснійцевъ, молдаванъ, валаховъ и др. (стр. 73) и, значитъ, не преслѣдовалъ исключительно мѣстные элементы и интересы. Этюю широтой взгляда Галатовскаго можетъ быть объясняема и та популярность его сочиненій на югѣ и сѣверѣ Россіи, о которой свидѣтельствуютъ какъ многочисленность ихъ изданій на югѣ Россіи и ранніе переводы нѣкоторыхъ изъ нихъ на великорусскій языкъ, о чмъ говорить г. Сумцовъ, такъ и частныя выписки изъ сочиненій Галатовскаго въ рукописныхъ великорусскихъ сборникахъ XVII и XVIII вѣковъ, не отмѣченныхъ у г. Сумцова.

Третьимъ изъ намѣченныхъ у г. Сумцова дѣятелей южно-русской литературы XVII вѣка является Киево-Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель.

Иннокентій Гизель, по происхожденію нѣмецъ, родился въ Пруссіи, въ реформатскомъ исповѣданіи, и тамъ же получилъ первоначальное образованіе. Въ молодые годы онъ пришелъ въ Киевъ и здѣсь принялъ православіе. Петръ Могила, имѣя въ виду учредить въ Киевѣ коллегію и нуждаясь въ знающихъ и способныхъ учителяхъ, избралъ и послалъ нѣсколько способныхъ молодыхъ людей на свой счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ учительству и въ числѣ ихъ Иннокентія Гизела, а по возвращеніи его нѣ-за границы представилъ ему мѣсто свачала учителя, потому профессора, наконецъ ректора коллегіи. Во время кончины Петра

Могилы и избрания Сильвестра Боссова въ Киевскіе митрополиты, то-есть, въ началѣ 1647 года, Иннокентій Гизель состоялъ игуменомъ Братскаго монастыря и ректоромъ Киевской коллегіи и былъ въ этой должности еще въ 1649 г. Въ 1654 г. Гизель состоялъ уже игуменомъ Никольскаго монастыря и былъ посланъ къ царю отъ митрополита и всего малорусскаго духовенства съ просьбой объ утверждении правъ и привилегій, данныхъ монастырамъ и архіерейскимъ домомъ отъ Польскихъ королей. Посольство это не имѣло полнаго успѣха; но царь пожаловалъ Гизеля и Вылубицкаго игумена Старушича солидами и деньгами. Въ 1656 году Иннокентій Гизель получилъ высокій санкт архимандрита Киево-Печерской лавры, въ которомъ пробылъ 27 лѣтъ, до самой своей кончины, послѣдовавшей 18-го ноября 1683 года.

Какъ церковно-общественный и политический дѣятель, Иннокентій Гизель служилъ, по взгляду автора, важнѣйшимъ посредствующимъ звѣномъ между московскимъ правительствомъ и Малороссией, соблазняемой Выговскимъ и широкими польскими обѣщаніями, служилъ великому государю вѣрно и честно и другихъ поддерживалъ въ вѣрности московскому правительству, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердо охранялъ отъ московскихъ посягательствъ „крупные малорусскіе национальные интересы“, какъ напримѣръ, избрание Киевскаго митрополита изъ малороссовъ и независимость его отъ московского патриарха. За этого рода дѣятельность г. Сумцовъ и превозносить Иннокентія Гизеля, какъ малорусскаго патріота. Гизель „широко пользовался“, говорить авторъ, — „своимъ высокимъ положеніемъ и близостію къ царю и возвышалъ свой голосъ за страну, которую считалъ родною, каждый разъ, когда къ этому представлялся поводъ или случай“ (стр. 22).

Не такъ значительна учено-литературная дѣятельность Иннокентія Гизеля, хотя между современниками онъ пользовался громаднымъ ученымъ авторитетомъ. „Гизель немнogo писалъ“, говоритъ г. Сумцовъ, — и его литературное вліяніе на современниковъ и на послѣдующія поколѣнія незначительно. Вскорѣ по вступлениіи его на Печерскую архимандрію, въ 1661 году, съ его благословеніемъ и подъ его наблюденіемъ изданъ былъ Печерскій Патерикъ, вышедший при немъ же вторымъ изданіемъ въ 1678 году. Изъ собственныхъ сочиненій Гизеля известны: „Миръ съ Богомъ человѣку“, изданный въ Киевѣ въ 1669 и 1671 гг., „О истинной вѣрѣ“ противъ іезуита Бойми, приготовленное уже въ 1671 году, но едва ли изданное и

„Синопсисъ“ имѣвшій нѣсколько изданій въ 1674, 1676, 1680, 1718 и 1810 годахъ и долго служившій классическимъ сочиненіемъ по русской исторіи. О первомъ и послѣднемъ сочиненіяхъ Гизеля собственно и разсуждается г. Сумцовъ, не придавая, впрочемъ, имъ большаго значенія. При этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Гизель, по началу своей ученно-педагогической дѣятельности, долженъ бы быть отнесенъ къ группѣ южнорусскихъ писателей 30-хъ—50-хъ годовъ XVII столѣтія, тогда какъ у г. Сумцова онъ поставленъ даже послѣ Іоанника Галитовскаго.

Сочиненіе „Миръ съ Богомъ человѣку“ имѣло цѣлью „поучить всякаго чину человѣка въ искорененію грѣховъ и очищенію совѣсти“. Г. Сумцовъ видитъ въ этомъ сочиненіи увлеченіе автора неправославными мыслями о дѣйствіи благодати Божіей въ таинствахъ и о свободѣ человѣческой, сколастичность въ толкованіи религіозныхъ обрядовъ и таинствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мягкое, гуманное отношеніе къ грѣшному человѣку и отраженіе въ некоторыхъ чертахъ нравовъ и обычаевъ южнорусского народа въ XVII вѣкѣ. Въ дополненіе къ этому мы, съ своей стороны, можемъ прибавить, что книга Гизеля „Миръ съ Богомъ человѣку“ долгое время служила въ южнорусскихъ епархіяхъ официальюю руководственnoю книгою при решеніи некоторыхъ вопросовъ изъ церковной практики. Кодексъ духовныхъ постановленій даже въ XVIII вѣкѣ былъ еще слишкомъ ограниченъ и неустойчивъ. Основанія для консисторскихъ и архіерейскихъ решеній обыкновенно получались изъ Коричей Книги, Регламента, Ставленной грамоты и Требника. Между руководственными официальными источниками въ XVIII вѣкѣ нерѣдко цитируется и „Миръ съ Богомъ человѣку“ Гизеля, и на основаніи его дѣлаются рѣшительные приговоры, напримѣръ, приговоръ кievской консисторіи 1750 года объ отлученіи одного лица отъ святаго причастія на шесть лѣтъ¹⁾.

Выше „Мира“; по видимому, ставить г. Сумцовъ „Синопсисъ“ Иппокентія Гизеля, не смотря на компилативность и отсутствіе самостоятельности этого сочиненія, но оцѣниваетъ его преимущественно съ малорусской точки зренія. Разсмотрѣніе „Синопсиса“, говорить авторъ,—„приводить къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Малороссіи отведено въ немъ гораздо болѣе места, чѣмъ Великороссіи, при чемъ въ исторіи Московскаго государства пройдены молчаніемъ цѣлии

¹⁾ Руководство для сельскихъ пастырей 1880 г., часть 2, стр. 349—350.

великія книжнія и царствованія, напримѣръ правленіе Ивана III, правленіе Ивана IV,—умолчано о такихъ событияхъ, какъ покореніе Новгорода, исправленіе богослужебныхъ книгъ при Никонѣ. 2) Историческія события въ Московскомъ государствѣ поставлены въ „Синопсисѣ“ такъ, что должны дополнять собой или разъяснять события малорусской исторіи. 3) Авторъ „Синопсиса“ любить малороссіанъ и уважаетъ великороссіанъ; онъ гордится силой Москвы и съ большими почтеніемъ отзывается о Московскихъ царяхъ; въ то же время онъ питаетъ вражду къ бусурманамъ-татарамъ. 4) Авторъ „Синопсиса“ очень рѣдко говоритъ о Цольшѣ и полякахъ, не обнаруживая враждебнаго къ нимъ отношения. 5) Съ вѣнчаной стороны „Синопсиса“, за исключеніемъ тѣхъ мѣсть, где Гизель говоритъ о царѣ, отличается обилиемъ фактовъ и изложеніемъ спокойнымъ, простымъ и яснымъ“ (стр. 40). Имѣя въ виду мѣстный кіевскій характеръ „Синопсиса“, г. Сумцовъ удивляется продолжительной его популярности въ Москвѣ, такъ какъ въ „Синопсисѣ“ „было мало московского содержанія“. Но московскіе люди очень хорошо понимали, что „Синопсис“ имѣть мѣстный кіевскій характеръ и, если дѣлали выписки изъ этого сочиненія, то и называли ихъ выписками „изъ исторіи кіевской“¹⁾; но московскіе люди не занимались праздными противоположеніями между тѣмъ, что московское и что кіевское или южно-русское; они просто считали Кіевъ роднымъ своимъ русскимъ городомъ, отъ которого пошла Русская земля, около которого сосредоточены были древніе историческія и эпическія преданія, и въ которомъ заключались важнѣйшия святыни Русской земли.

Мы указали лишь главныя нити и общую канву изслѣдованія г. Сумцова, который понятно, не могутъ дать полнаго и цѣлостнаго представленія о характерѣ изслѣдованія. Повсюду оно испещрено объяснительными предисловіями къ частнымъ отдѣламъ изслѣдованія, историческими параллелями и разными соображеніями. Ходъ изложенія, поэтому, отличается полнотою, окружностью и живостью и приближается къ изложенію популярныхъ историческихъ сочиненій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что характеристики, объясненія и параллели автора иногда отзываются общими мѣстами и мало убѣдительны въ научномъ отношеніи.

И. Петровъ.

¹⁾ Описание рукописей церковно-археологического музея при Кіевской духовной академіи, стр. 141.

Извѣстія о походжденіи Симона Степановича Пишчевича. 1731—1785. Издано подъ редакціей Н. А. Попова. М. 1883.

Профессоръ Н. А. Поповъ, уже неоднократно посвящавшій свои труды разъясненію отношеній Россіи къ западному и особенно къ южному славянству, напечаталъ въ Членіяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и отдельно подъ вышен引веденіемъ заглавиемъ объемистую автобіографію серба, который служилъ сначала въ Австріи, затѣмъ, въ 1753 году, перешелъ на службу въ Россію и здѣсь, на старости лѣтъ, въ 1785 г., описалъ свою жизнь по дневнику, имъ веденному въ теченіе многихъ лѣтъ. Рассказъ Сим. Пишчевича доведенъ до 1767; такимъ образомъ, записки его захватываютъ четырнадцать лѣтъ пребыванія автора въ Россіи и потому естественно обращаютъ на себя вниманіе, какъ новый источникъ для исторіи Россіи въ XVIII в. Въ предлагаемой замѣткѣ мы постараемся указать наиболѣе важные данныія, которыя сообщаетъ Пишчевичъ.

Въ запискахъ Пишчевича мы не находимъ такой яркой картины общественной жизни и правовъ, какую имѣемъ въ запискахъ Винскаго, Державина и особенно Болотова, не находимъ и такихъ цѣнныхъ указаний относительно правительственной дѣятельности и лицъ управлявшихъ, какими наполнены мемуары кн. Дашковой, Храповицкаго, Порошина; но не смотря на то, записки его не безынтересны и заслуживаютъ полнаго вниманія. Если по положенію своему Пишчевичъ и не зналъ закулисной стороны или подробностей какихъ-либо важныхъ событий и, какъ человѣкъ безъ большого образованія, не особенно развитой, не интересовался жизнью общества, не вдумывался въ ея явленія¹⁾, то тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ въ

¹⁾ О цѣлыхъ мѣсяцахъ, проведенныхъ въ Петербургѣ или Москвѣ безъ какого-либо особаго дѣла Пишчевичъ ограничивается замѣткою въ трехъ-четырехъ строкахъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей: «Прожилъ въ Москве четыре месяца. Тѣмъ же временемъ не оставлялъ я, чтобы вездѣ въ Москве не побывать и видѣть, где что есть достопамятное, бывалъ также всегда праздниками у большихъ господъ и въ дворце какъ тогда частие при дворѣ бывали куртки, маштабады, балы, фейерверки, то и было довольно чего видѣть»—я дальше начинаясь разъясняю, что узналъ о расприяхъ между Хорватомъ, Шевичемъ, и Прерадовичемъ (стр. 175, и въ другихъ мѣстахъ еще короче); но за то, какъ только дамо доходить до изложенія чего-либо, касающагося службы, Пишчевичъ становится необыкновенно щедръ и подробности; приведенная выше можетъ служить между прочимъ и образцемъ языка Пишчевича, отражающаго на себѣ всѣ особенности сербскаго выговора русской рѣчи.

своихъ запискахъ весьма цѣнныя подробности о нѣсколькихъ отдаленныхъ событіяхъ своего времени: онъ участвовалъ, напримѣръ, въ такъ-называемой „Черногорской комиссіи“, близко видѣть положеніе Новой Сербіи и Славено-Сербіи въ первые годы ихъ заселенія, наконецъ, былъ съ русскими войсками въ Польшѣ передъ первымъ раздѣломъ ея и даже копировалъ въ Россію арестованныхъ Солтыка, Залусскаго и Рженусскихъ, и все, что случилось съ ними, онъ описалъ чрезвычайно добросовѣстно и подробно, такъ что для изображенія и оцѣнки этихъ фактovъ записки Пишчевича представляютъ весьма цѣнныя и интересныя указанія.

Пишчевичъ перешелъ въ русскую службу въ 1753 г., когда въ Австріи были уже приняты мѣры, стѣснявшія этотъ переходъ, прежде совершенно свободный. Пишчевичъ подробно разказываетъ, какъ онъ долженъ былъ скрывать полученный имъ еще ранѣе паспортъ, какъ затѣмъ тайно явился въ Вѣну и тутъ, при особомъ покровительствѣ русского посольства, добился позволенія выѣхать въ Россію; говорить также, что болѣе всего къ выселенію побуждало сербовъ превращеніе сербской ландмилиціи въ регулярные полки (стр. 85—100, 124—148); но въ его запискахъ не находится тутъ никакихъ важныхъ подробностей въ дополненіе къ тому, что уже известно въ наукѣ по официальнымъ документамъ¹⁾; вообще вся первая часть его записокъ (стр. 1—164) для истории Россіи не даетъ ничего нового. Не представляютъ также особаго интереса и разказы Пишчевича объ отношеніяхъ его къ вице-президенту военной коллегіи, потомъ фельдмаршалу гр. Ст. Феод. Апраксину (стр. 171, 196—197), генераль-аншефу В. С. Сумарокову (стр. 363), кабинетъ-министру А. В. Олсуфьеву (стр. 356—359, 363—364, 388—391), гр. И. И. Шувалову (стр. 364), равно какъ и весь его разказъ о времени, когда онъ былъ причисленъ къ дворцовому вѣдомству. Хотя Пишчевичу и казалось, что всѣ упомянутыя лица его очень любили, но въ сущности онъ вовсе не пользовался какимъ-либо особымъ ихъ расположениемъ и ни къ кому изъ нихъ не былъ особенно близокъ, а какъ мы уже говорили, онъ былъ человѣкъ не на столько наблюдательный, чтобы изъ посѣщеній и поѣздокъ вынести какія-нибудь интересныя для нась замѣчанія объ этихъ дѣятеляхъ тогдашняго правительства. Чрезвычайно подробно

¹⁾ См. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 23, изд. 2-е, 144—161; также Н. А. Молоховъ, Военные посланія сербовъ въ Австріи и Россіи—въ Вѣст. Евр. 1870 г., кн. 6, 584—614.

(стр. 287—349) рассказана авторомъ закупка имъ въ 1757—1758 гг. къ Венгрии лошадей для двора Елизаветы Петровны; но тутъ наибольшая часть его рассказа занята описаниемъ трехъ дней, проведенныхъ въ домѣ венгерского магната гр. Мицша, съ которымъ Пишевичъ не скоро могъ говориться, покупалъ у него лошадей, и затѣмъ—описаниемъ, какъ потонули его жена и сынъ; интересно только указание, что на эту покупку выдано было Пишевичу 2,500 червонцевъ (стр. 286 и 816), и что остатокъ отъ нихъ, спасенный имъ и въ на-водненіи, которое лишило его семейства, онъ возвратилъ въ дворцовую контору, къ великому удивленію всѣхъ слышавшихъ объ этомъ (стр. 347—358).

Наиболѣе интересны свѣдѣнія, сообщаемыя Пишевичемъ, какъ участникомъ и очевидцемъ объ извѣстной „Черногорской комиссії“ и о поселеніяхъ въ Новой Сербіи и Словено-Сербіи.

Начало „Черногорской комиссії“, то-есть, попытки переселить въ Россію всѣхъ черногорцевъ, положено было въ 1754 году Черногорскимъ архіепископомъ Василемъ Петровичемъ, подавшимъ объ этомъ проектъ въ сенатъ (179)¹). Этого Василия Петровича Пишевичъ вообще не хвалить: онъ выставляетъ его человѣкомъ пропырливымъ, интриганомъ, заботившимся прежде всего о томъ, чтобы самому вымыться и получить выгоды отъ русского правительства. Извившись въ Россію, какъ и другіе „безстыдные калугеры“, за сборомъ милостины, онъ подалъ въ сенатъ проектъ съ обѣщаніемъ вывести въ Россію всѣхъ черногорцевъ, „вписавъ о себѣ, что онъ есть въ Черной горѣ самовластной повелитель и ни откого независимъ“ (стр. 190). Тогдашнее правительство писало не имѣло, по видимому, ясного представления о положеніи славянскихъ земель²); владыки повѣрили; императрицаaprобовала планъ; главнымъ агентомъ для исполненія его былъ назначенъ въ Триестъ полковникъ Пучковъ. Василий Петровичъ

¹) См. также же Соловьевъ, Исторія, т. 23, изд. 2, стр. 252—253.

²) Такъ, въ перепискѣ по этому поводу есть пословъ въ Венѣ Кейзерлингомъ говорится, что «черногорцы по стоянчымъ извѣстиямъ вольные люди»; желая получить переселенцевъ изъ Турции, въ 1752 г., спрашивали Обрѣзкова: «не имѣютъ ли изъ тѣхъ (волоцкаго и словенскаго) народовъ искоторые такихъ привилегій, по которымъ можно было бы имъ вынуждать искать отечества» и высказывали, что «малахи, надобно думать, турками не завоеваны, и подчинились добровольно и, можетъ быть, за какихъ-либо условіяхъ». См. Соловьевъ, Исторію, т. 23, изд. 2, стр. 252 и 177—178.

получилъ право самъ выбратьъ себѣ помощниковъ; ближе всѣхъ къ нему сталъ сербъ маіоръ Петровичъ, котораго владыка выдавалъ за своего племянника (стр. 180), а затѣмъ они обѣщаніями быстрого по-вышенія по службѣ уговорили присоединиться къ этому дѣлу и Пишчевича, привлечь котораго важно имъ было потому, что фамилія его была известна въ тѣхъ славянскихъ земляхъ (стр. 182—183). Но у владыки и маіора Петровича дѣло пошло очень плохо: черногорцы вовсе не сочувствовали предложенію владыки, упрекали его, говоря, что онъ не имѣлъ никакого права давать за нихъ такія обѣщанія, и заявили, что выселяться изъ родины не желаютъ, такъ что владыкѣ пришлось разстричь многихъ поновъ, чтобы собрать сколько-нибудь выходцевъ, и всего, съ присоединившимися къ нему послѣ, онъ набралъ едва 180 человѣкъ (стр. 263—265). Маіоръ Петровичъ, въ то же время, подкупивъ карловачскаго синдика Балевича, навербовалъ подъ именемъ черногорцевъ до 50 человѣкъ славянъ, австрійскихъ подданныхъ, и даже отправилъ ихъ въ Россію; но скоро все это открылось, такъ что Балевичу грозила смертная казнь; однако Пишчевичъ, только что прибывшій на мѣсто, не желая разглашать во время процесса такое непріятное для русскихъ дѣло, напечаталъ сред-ства, при помощи знакомыхъ, тайно переслать Балевича въ Вѣну, откуда посольство скрыло его въ Россію, такъ что дѣло заглохло (стр. 246—256). Пишчевичъ пріѣхалъ на мѣсто послѣ всѣхъ, но бла-годаря именно своей фамиліи, успѣлъ вызвать дѣйствительно изъ-за Дука, хотя собственно изъ Сербіи, а не изъ Черногоріи, до 60 человѣкъ; переходу многихъ другихъ, желавшихъ выйтіи къ нему, помѣшилъ ледоходъ (стр. 257—258). Тогда владыка, завидуя успѣху Пишчевича и желая самъ, безъ него, привести тѣхъ, которые должны были выйтіи, повторился послать его отвести въ Россію упомянутыхъ 60 человѣкъ и еще 27, которыхъ пока выслали самъ, чтѣ Пишчевичъ и исполнилъ, испытавъ по дорогѣ не мало хлопотъ, благодаря тому, что владыка выслалъ самыхъ беспокойныхъ людей (стр. 265). Вскорѣ и самъ владыка, видя совершенный неуспѣхъ предпріятія, воспользовался нападеніемъ турокъ и выѣхалъ съ остальными 153 человѣками въ Россію, объявивъ Пучкову, что время для выхода неблагопріятное, ибо всѣ силы черногорцевъ заняты отраженіемъ турокъ (стр. 263—265). Впрочемъ, подробностей окончанія дѣла Пишчевичъ неизвѣстъ, потому что, недоволенный владыкою за свое отстраненіе, онъ, приведя первую партію, остался въ Петербургѣ и былъ причисленъ почему-то

къ дворцовой конторѣ¹⁾). Потомъ онъ встрѣтился случайно съ владыкою, когда этотъѣхалъ въ Россію со своими черногорцами, и тогда владыка выѣстѣ съ Петровичемъ приложили всѣ усилия, чтобы Пишчевичъ присоединился снова къ ихъ комиссіи и принялъ начальство надъ всѣми выведенными черногорцами: владыка — думаетъ нашъ авторъ — надѣялся свалить потому на него и неудачу дѣла. Пишчевичъ никакъ не соглашался; однако ему удалось избѣжать этого, только благодаря поступлению на службу къ Хорвату. Вскорѣ владыка разорился съ Петровичемъ, объявилъ, что онъ вовсе не его племянникъ, не знатного рода и не Петровичъ, а Шаровичъ²⁾; надъ Петровичемъ наражено было слѣдствіе, а вскорѣ и самого владыку выслали изъ Петербурга въ Черногорію; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ вернулся и вскорѣ въ Петербургѣ же и умеръ (стр. 277—285; 363—366).

Вотъ что сообщаетъ Пишчевичъ по этому дѣлу; въ общихъ чертахъ его разказъ совершенно сходится съ изложеніемъ этого дѣла у Соловьевъ по официальнымъ документамъ, и это дѣлаетъ еще болѣе вѣроятными вниманія подробности, приведенные Пишчевичемъ; подробности же эти, не смотря даже на несомнѣнное нерасположеніе автора къ Черногорскому владыкѣ, любопытны тѣмъ, что близко знакомятъ насъ съ обстоятельствами этой неудачной, конечно, но весьма замѣчательной попытки — переселить всѣхъ черногорцевъ въ Россію.

Еще болѣе важны извѣстія Пишчевича о заселеніи южныхъ степей Россіи, такъ-называемыхъ Новой Сербіи и Славяно-Сербіи. Въ упомянутой выше статьѣ Н. А. Попова помѣщено въ извлечениіи сочиненіе того же Пишчевича „Книга о націи Сербской...”, гдѣ онъ разказываетъ о поселеніяхъ въ этихъ же краяхъ; но тамъ онъ касается преимущественно официальной исторіи ихъ и весь разказъ ведеть нѣсколько въ другомъ тонѣ: болѣе заботится о восхваленіи и прославленіи сербовъ и ничего не говорить ни о трудностяхъ по-

¹⁾ Соловьевъ объясняетъ прекращеніе этой комиссіи необходимостью избѣгать вскихъ поводовъ къ столкновенію съ Турцией, которая этихъ поводовъ искала. Исторія, т. 24. изд. 1, стр. 234—235. Митрополитъ Василій Потроничъ получилъ за это дѣло 1,000 р. Тамъ же.

²⁾ Вероятно, въ связи съ этимъ находится разказанное у Соловьевъ промежуточное, что 10 молодыхъ знатныхъ черногорцевъ, воспитывавшихся въ кадетскомъ корпусѣ, объявили, что двое изъ товарищѣй — Филиппъ Петровичъ и Петръ Радоничъ, не знатныхъ фамилій, и не Петровичъ и Радоничъ, а Шаровичъ и Останичъ. Исторія, т. 24, стр. 235.

селенія, чи о его беспорядках,—а въ личныхъ воспоминаніяхъ говорить откровеннѣе, и вѣкоторыя частности во второмъ сочиненіи, очевидно, правильнѣе изложены, чѣмъ въ первомъ.

Шишечевичъ разказываетъ все это дѣло подробно, съ самого начала выходовъ изъ Австріи при Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1751 г., разказываетъ и ссоры и интриги между главными руководителями выселеній—Хорватомъ, Шепичемъ и Прерадовичемъ; но интересующихся этими подробностями, мы отсылаемъ къ самимъ запискамъ Шишечевича (стр. 176—178, 198—201) и къ статьѣ Н. А. Попова, а здѣсь передадимъ только разказы о самихъ поселеніяхъ.

Прежде всего по прибытии въ Россію, въ 1754—1756 гг., Шишечевичъ былъ въ командѣ генерала Петра Шевича. Шевичу для поселенія были отведены земли въ такъ-называемой Славяно-Сербіи, въ Бахмутской провинціи, на пустыхъ мѣстахъ, между рр. Донцомъ и Луганью (стр. 178). Тутъ въ первый годъ выходцамъ пришлось терпѣть множество неудобствъ: ихъ размѣстили группами человѣкъ по 10, по 15, съ одицемъ или двумя офицерами, въ голыхъ стенахъ и на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга; окрестные жители сначала ихъ боялись и не вступали съ ними ни въ какія отношенія; переселенцы не имѣли часто никакихъ инструментовъ, никакихъ орудій и безъ всякой помощи сами должны были строить себѣ шалаші или землянки; питаться имъ приходилось преимущественно сухарями, затѣмъ—игодами, грибами, дикимъ лукомъ, отчасти дичью и рыбой, которая они добывали сами, а купить что-либо изъ сѣльскихъ припасовъ, или вина, пива можно было лишь въ Таганрогѣ, верстъ за двѣсти отъ нѣкоторыхъ поселеній, и стоило это чрезвычайно дорого. Первая зима была для всѣхъ очень тяжела; повсюду были „плачъ и рыданіе“; даже тѣ, которые имѣли кое-какія запасные деньги, едва перебивались; тѣмъ же, кто денегъ не имѣлъ, было совсѣмъ плохо. Впрочемъ, такъ было только одинъ годъ и на слѣдующее же лѣто, когда переселенцы завели огороды, стали сѣять хлѣбъ, они поправились, и жить имъ стало веселѣе (стр. 185—193).

Въ этихъ мѣстахъ Шишечевичъ пробылъ всего два года; вскорѣ онъ уѣхалъ въ Черногорскую комиссию, а возвратившись оттуда, попалъ подъ команду къ генералу Хорвату, въ Новую Сербію. Нѣсколько мѣсяцевъ пришлось пробыть Шишечевичу въ главной квартирѣ Хорвата, въ Миргородѣ, и онъ имѣлъ случай близко увидать Хорвата и узнать порядки, заведенные имъ; разказы Шишечевича указы-

ваютъ, до чего могъ дойти тогда въ своихъ беззакошахъ и злоупотребленияхъ ловкій и дерзкій человѣкъ, если онъ имѣлъ власть.

Генералъ-поручикъ Иванъ Самуиловичъ Хорватъ получилъ, какъ первый значительный выходецъ, важную привилегію и былъ зависимъ только отъ сената (стр. 175, 404¹). Все управление дѣлами вновь заседаемаго имъ края сосредоточено было въ его канцеляріи, состоявшей изъ шести членовъ, все его фамиліи, въ томъ числѣ двухъ его сыновей, мальчиковъ, еще учившихся дома; въ этой канцеляріи ощѣ дѣлали все, что хотѣль: она была „самая пренеподнѣя глубина сго воронства“; дѣла и счеты въ ней были въ самомъ ужасномъ безпорядкѣ (стр. 404—405, 407). Вообще, въ своей Новой Сербии Хорватъ былъ полпышъ и самовластныиъ господиномъ. Всѣхъ офицеровъ онъ держалъ въ своихъ рукахъ; сначала привлекалъ ихъ хитрымъ обращеніемъ, льстивыми обѣщаніями повышеній, а когда они приѣзжали забиралъ ихъ въ руки: у кого были деньги, бралъ въ займы самъ или черезъ своихъ приближенныхъ, подолгу не возвращалъ взятаго, а между тѣмъ старался извести ихъ въ долги, не выдавалъ свое временно жалованья; въ ланкахъ, которыхъ держалъ все самъ, только подъ чужими фамиліями, все продавалъ въ три-дорога и т. д. Такимъ образомъ, Хорватъ достигалъ, наконецъ, того, что офицеры не могли уѣхать отъ него и перейти на другую службу (стр. 370, 393, 403, 404—406). Въ то же время онъ старался, чтобы не было между ними никакой солидарности, и при помощи нѣсколькихъ интригановъ, которыхъ приближалъ къ себѣ, онъ непремѣнноссорилъ тѣхъ, между которыми замѣчалъ какую-нибудь дружбу (402). Въ личныхъ отношеніяхъ къ офицерамъ Хорватъ доходилъ до крайней дерзости и грубости, собственноручно и публично билъ поручиковъ и капитановъ (стр. 425—426), и исѣхъ вообще умѣлъ такъ запугать и своими постоянными разказами о своихъ спляхахъ и дѣйствительнымъ уѣйнемъ вывертываться изъ затрудненій, что даже люди породочные не имѣли иногда духу и характера противиться ему и становились исполнителями его козней (стр. 407—409). Еще хуже, конечно, было положеніе солдатъ. На ихъ счетъ совершились главныи и огромныи хищенія Хорвата²), а когда, однажды, доведенные прямо до голода, они толпою пришли просить хлѣба,

¹) Такъ же у Соловьевса, Исторія, т. 24, изд. 2, 148—149.

²) Казенная претензія на Хорвата простиралась до 84999 р. См. Соловьевса Исторія, т. 25, изд. 2, 284.

Хорватъ счелъ это за бунтъ и выпалилъ по немъ картечью и еще тѣло одного изъ убитыхъ выставилъ за городомъ на колесѣ, но потомъ сумѣлъ замять это дѣло (стр. 425). Вмѣстѣ съ тѣмъ солдатъ не снабжали амуниціей, начему не учили: они даже не понимали русской команды. Нечего уже и говорить, что при такомъ отношеніи начальниковъ не было между ними никакой дисциплины, никакого порядка: они воровали, даже грабили, да и самъ Хорватъ дѣйствительно, устраивалъ настоящіе разбойническіе набѣги на пограничніяпольскія владѣнія (стр. 416—417, 426—427), хотя обвиненіямъ его въ этомъ сенатъ сначала не вѣрилъ¹⁾. Эти извѣстія Пишчевича, кажется, достаточно ярко обрисовываютъ тогдашнее положеніе Новой Сербіи; можно еще прибавить, что самъ Хорватъ противъ неспрѣятельныхъ ему офицеровъ поднималъ подъ рукой ихъ подчиненныхъ къ открытымъ почти восстаніямъ, чтобы повредить этимъ офицерамъ (стр. 420—423).

И все это Хорватъ умѣлъ долго скрывать; благодаря своей хитрости, пронирливости, онъ имѣлъ много покровителей, и сенатъ долго вѣрилъ его „фальшивымъ рапортамъ“; поступили на него жалобы одинъ разъ, въ 1757 г.²⁾ отъ двухъ казаковъ—имъ прямо не повѣрили; затѣмъ подаль на него человѣтную маюра Перичъ, который прежде былъ помощникомъ Хорвата, и котораго онъ потомъ сталъ преслѣдоватъ; но и тутъ Хорватъ успѣлъ совершенно оправдаться, и Перичъ же былъ разжалованъ въ солдаты за совершение того, что приказывалъ ему Хорватъ (стр. 199—200). Преступленія Хорвата раскрылись только въ царствованіе Петра III. Соловьевъ говорить, что давно уже раздавались на Хорвата жалобы, и уже при Елизаветѣ Петровнѣ потребовалось учрежденіе слѣдствія, но тогда онъ успѣлъ оправдаться;ѣроятно, тутъ имѣется въ виду дѣло Черича. При Петруѣ была учреждена новая комиссія по дѣлу Хорвата. „Разказываются“, продолжаетъ Соловьевъ,—, что въ это время большими подарками разнымъ лицамъ онъ успѣлъ остановить дѣло; но при Екатеринѣ оно опять началось³⁾. Однако, это извѣстіе совершенно опровергается свидѣтельствомъ Пишчевича, который въ то время былъ на мѣстѣ событий и, слѣдовательно, могъ знать дѣло вѣрно. Если мы даже и не примемъ его разказа, что Хорватъ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія, т. 24, изд. 1, 177.

²⁾ Тамъ же,

³⁾ Соловьевъ, Исторія, т. 25, изд. 2-е, 70, 283—284.

самъ вызвалъ назначение слѣдствія тѣмъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ немедленно по вступлениі на престолъ Петра III, тотчасъ сдѣлалъ богатые подарки деньгами Гудовичу и любимому камердинеру императора и этимъ возбудилъ подозрѣніе къ своимъ собственнымъ дѣламъ (стр. 438—439), если мы даже и не примемъ этого извѣстія, то все-таки не можемъ не вѣрить Пишчевичу, что еще при Петре III прибылъ въ крѣпость св. Елизаветы инспекторъ полковникъ Сничинскій, что къ нему немедленно бѣжалъ со всѣми дѣлами и счетами управляющій канцеляріей Хорвата, и поступило много жалобъ отъ офицеровъ; Пишчевичъ говорить и далѣе, что Сничинскій послалъ обо всемъ этомъ рапортъ въ Петербургъ, что оттуда, все еще Петромъ, посланъ былъ на ревизію генераль-поручикъ Гр. Сем. Менцерскій, и что вступленіе на престолъ Екатерины застало его уже въ дорогѣ (стр. 440—441); затѣмъ Екатерина, такъ какъ открылись очень важныя злоупотребленія, прислала производить слѣдствіе еще генераль-поручика Мельгунова и генераль-ашефа Глѣбова. Ходъ слѣдствія Пишчевичъ не излагаетъ, „дабы тѣмъ читателю не наскучать“; дѣло закончилось ссылкой Хорвата въ Вологду, съ лишеніемъ чиновъ и конфискаціей имущества, а привилегіи, данная ему на особое устройство и управление въ Новой Сербіи, была уничтожена (стр. 447). Не имѣемъ накакихъ основаній заподозрить Пишчевича, и видѣсь, хотя въ своей „исторіи Сербскаго народа“ онъ и говорить, что Хорватъ былъ отставленъ отъ службы по слабости здоровыхъ¹); очень можетъ быть, что такъ и было сказано въ офиціальныхъ документахъ, которымъ вообще слѣдовалъ Пишчевичъ въ томъ своемъ трудѣ, гдѣ онъ къ тому же старается чѣсколько возвысить и восхвалить сербовъ вообще. Соловьевъ также говоритъ о конфискаціи имѣнья и отрѣшеннѣ Хорвата отъ управления Новой Сербіей²). Вотъ сообщаемыя Пишчевичемъ данныя объ этомъ дѣлѣ; нечего и прибавлять, что они очень интересны, тѣмъ болѣе, что эти данныя совершенно новыя: изъ офиціальныхъ документовъ о самомъ заселеніи и управлениі Новой Сербіи Хорватомъ извѣстно очень не много подробностей; мы отыѣтили почти всѣ указанія, какія приведены по этому предмету у Соловьева, у самого же Пишчевича въ „Исторіи“, извлеченіе изъ которой напечатано ранѣе, сообщаются данныя со-

¹⁾ Высшникъ Европы, 1870, № 6, 611, вышеупомянутая ст. Н. А. Попова.

²⁾ Соловьевъ, Исторія т. 25, изд. 2, 284.

всѣмъ другого рода—только обѣ официальной сторонѣ этихъ посѣлений.

Пишевичъ говорить и о другихъ войскахъ, расположенныхъ на югѣ Россіи. Изъ-подъ команды Хорвата онъ перешелъ въ Харьковскій гусарскій полкъ; но тутъ его разказы не даютъ ничего нового сравнительно съ тѣмъ, что известно изъ другихъ подобныхъ источниковъ той же эпохи: онъ указываетъ особенно на отсутствіе дисциплины и порядка между солдатами и между офицерами; жалуется, что хозяйство полковъ велось плохо и нечестно; подробно говоритъ о передвиженіяхъ своего полка изъ селенія въ селеніе, даетъ длинное описание смотра гусарскихъ полковъ гвардіи майоромъ Щербининомъ, но не сообщаетъ никакихъ характерныхъ данныхъ о бытѣ офицеровъ, которыхъ особенно можно было ожидать въ его разказѣ (стр. 449—460; 466—476).

Съ дивизіей генерала Нумерса, въ которой теперь служилъ Пишевичъ, ему привелось быть въ Польшѣ въ 1767 г. Сначала онъ стоялъ съ отрядомъ войска въ Брацлавскомъ воеводствѣ въ мѣстечкѣ Випиницѣ, когда тамъ собиралась конфедерация подъ маршальствомъ подчашаго литовскаго, графа Чотоцкаго; затѣмъ онъ пришелъ въ Варшаву и увозилъ отсюда до Вильны арестованныхъ Репниныхъ Солтыка, Залусскаго и Ржевускихъ. Пишевичъ очень подробно описываетъ время, предшествовавшее собранію конфедерациі, и самую конфедерацию, но всѣ подробности, какъ это нерѣдко повторяется въ его запискахъ, сосредоточены только около него самого: передаются всѣ его полковые распоряженія, всѣ длинные, верѣдко мало содержательные разговоры съ тѣмъ или другимъ лицомъ. Такимъ образомъ въ разказѣ его мало данныхъ цѣнныхъ, и при всемъ томъ, изъ его разказа получается впечатлѣніе, совершенно согласное съ мнѣніемъ, которое высказано было обѣ этикъ конфедераций С. М. Соловьевымъ и П. И. Костомаровымъ¹⁾: мы видимъ, что дѣйствительно, шляхта заводила конфедерациі безъ яснаго сознанія, чего сама хотѣла, а просто шла за своимъ болѣшимъмагнатомъ, который ее кормилъ, поилъ, одаривалъ, а частью даже и одѣвалъ, что она плохо понимала ту декларацию, которую ей читаютъ, и тѣ пункты которые потомъ подписывала, да и не особенно задумывалась надъ ними, дѣла рѣшала очень быстро, между двумя попойками умагната;

¹⁾ Исторія паденія Польши, 49—60; Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, изд. 2-е, 86—89.

но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть, что когда обнаруживалось, что конфедераты должны стоять и за права диссидентовъ, а не просто противъ короля и Чарторыйскихъ то воиники сильны затрудненія, которыхъ, впрочемъ влѣтательный магнатъ всегда могъ обойти, замѣять (стр. 496—526).

Совершенно новыми являются сообщаемыи Пишевичемъ подробности о высылкѣ изъ Варшавы Солтыка, Ржевускихъ и Залусскаго, которыхъ онъ и отвозилъ до Вильны; обстоятельства же самого ихъ ареста опять передаетъ совершенно согласно съ другими источниками²⁾.

Важные изѣнники эти были отосланы изъ Варшавы въ слѣдовавшую за ихъ арестованіемъ ночь; везли ихъ первые дни на сколько возможно было быстрѣе, опасаясь со стороны сейма покушеній ихъ освободить, везли въ трехъ разныхъ каретахъ и на отдельѣ помѣщали всегда въ разныи избы, такъ что нѣсколько дней они даже и не знали каждый о своихъ товарищахъ (стр. 533—536, 541—542). Имъ по возможности доставляли всякия удобства въ пути. Ржевускіе и Залусскій относились къ своему положенію довольно спокойно, по Солтыку быть чрезвычайно раздраженъ: первый день дороги онъ не въ состояніи былъ почти ничего ѿсть, при отправлениі съ остановкой пробовалъ спорить, заявляя, что не пойдетъ далѣе, жаловался, что находится въ плѣну у варваровъ, бранилъ всѣхъ русскихъ, особенно Реппина, такъ что Пишевичъ долженъ былъ его останавливать, бранилъ и поляковъ; потомъ, успокоившись, говорилъ между прочимъ, что Реппину дѣйствительно слѣдовало выслать его и Рженускихъ, потому что они помѣщали бы ему, но удивлялся, зачѣмъ высылали Залусскаго, и смылся падъ имъ; Пишевичъ тоже замѣчаетъ со своей стороны, что бискунъ Кіевскій (то есть, Залусскій) былъ человѣкъ старый, молчалъ больше чѣмъ говорилъ, а если и говорилъ, то почти полуумное и рѣдко какое его слово приходилось кстати (стр. 544—545; 541; 536—538). Солтыкъ постоянно питалъ надежду, что поляки какъ-нибудь его выручать; со своей стороны онъ успѣлъ даже подкупить двухъ конвойныхъ офицеровъ и одного солдата, такъ что они доставили ему возможность написать письмо, которое должно было быть передано въ Гроднѣ аббату іезуитского монастыря, и другое, которое этотъ аббатъ долженъ былъ переслать въ Варшаву. Но Пишевичъ, постоянно самъ тайно слѣдивший именно за Солты-

²⁾ См. Соловьевъ, Исторія паденія Польши, стр. 71; Костомаровъ, Последніе годы рѣчи Посполитой, стр. 96—97.

комъ, во время узналъ объ этомъ и перехватилъ письма, но не нашедъ въ нихъ ничего важнаго, а скорѣе „реляцію о пути“, только замѣнилъ этихъ офицеровъ другими (стр. 539—550). Солтыкъ попробовалъ однажды подкупить и самого Пишчевича, но, конечно, безуспешно: нашъ авторъ, кроме того, что былъ человѣкъ очень честный и ревностный въ службѣ, не могъ согласиться на такое предложеніе врага Россіи еще и потому, что дѣйствительно очень любилъ свое новое отечество. Пишчевичъ благополучно довезъ своихъ пѣнниковъ до Вильны и сдалъ ихъ тамъ генералу Нумерсу (стр. 555).

Этимъ и заканчиваются записки Сим. Пишчевича. Мы видимъ, что они сообщаютъ не мало интереснаго, хотя повторяютъ, собственно для исторіи русского общества не даютъ почти ничего; но во всякомъ случаѣ можно только поблагодарить Н. А. Попова и Московское Общество исторіи и древностей за изданіе этого памятника и пожелать, чтобы скорѣе были выпущены въ свѣтъ и записки Пишчевича-сына, который долженъ служить какъ бы продолженіемъ разсмотрѣнныхъ пами и который обѣщаютъ быть еще интереснѣе, на сколько можно судить по самому бѣглому обзору ихъ содержанія, по-мѣщенному въ предисловіи къ запискамъ Пишчевича-отца.

III. Чечулинъ

Законы стиха русского народного и нашего литературного. Издѣдовавіе П. Д. Голохвостова. С.-Петербургъ, 1883. (Издание Общества любителей древней письменности) ¹⁾.

Доказательства, представляемые авторомъ въ пользу тѣхъ положеній, которыхъ изложены имъ во второй главѣ разбираемаго изслѣдованія, распадаются на три отдѣла; въ первомъ авторъ путемъ эмпирическихъ, то-есть, подборомъ примѣровъ убѣждаетъ въ томъ, что „смысловые ударенія имѣютъ въ русскомъ стихѣ опредѣленныя мѣста въ билинной схемѣ 3-е, 7-е и 11-е“ (стр. 63); второй и третій отдѣлы представляютъ доказательства „неслучайности“ соблюденія этого закона, и именно, сознательной постановки удареній на этихъ мѣстахъ (стр. 68)—во-первыхъ, и во вторыхъ, сознательнаго подбора смысловыхъ словъ подъ эти три ударепія (стр. 69).

---

¹⁾ Окончаніе. См. картовскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ, где, на стр. 140, вкраилась ошибка вместо Пушкина, должно быть Жуковскій.

Прежде чѣмъ говорить о случайности или неслучайности соблюденія этого закона, поговоримъ о самомъ соблюденіи: „Правда ли, что въ каждомъ стихѣ былинной 18-сложной схемы непремѣнно 3-й, 7-й и 11-й слоги суть звуковые слова главныхъ по смыслу въ рѣчи“ (стр. 50). Послѣднемъ за примѣрами, приведенными авторомъ (стр. 51).

Ты за что же посажёнъ да быть во погребы?
 Я пожастанъ нынъ тобой да молодой женой,
 Что ты ~~есмъ~~ князей-бояръ теперь посмавши,
 Что-ли солнышка Владимира съ ума сведень
 А пояди, Василиста дочь Никулична.

Всѣ примѣры авторъ предлагаетъ читать, „сильно ударяя на подчеркнутые слоги 3-й, 7-й и 11-й.“ Возьмемъ первый стихъ; намъ кажется, что посажёнъ здѣсь восподнито совершенно напрасно; въ томъ, что онъ былъ посажёнъ, ничего собственно удивительного пѣть, особенно итъ связи съ во погребы; ничего понацо въ стихѣ этимъ словомъ не приносится; вѣдь Василистъ Микуличъ давно извѣстно, что онъ посаженъ быть во погребы, настаивать на этомъ съ особынъмъ усиливъ ей уже нѣть надобности; вся сила заключается тутъ въ вопросительномъ: за что же?

Ты за чѣмъ же посажёнъ да быть во погребы?

Мы считали бы совершенно достаточнымъ оставить здѣсь два смысловыхъ ударенія, не вида для третьаго, серединнаго, никакого другаго основанія, кроме того, что оно приходится на 7-й слогъ; но припомнимъ, что вѣдь это примѣръ, приводимый для доказательства предлагаемаго закона, а не для построенія стиха по этому закону, будто бы уже доказанному. Къ тому же, едва ли безъ нарушенія полнаго смысла можно выдѣлить посаженъ да быть въ особую стопу; полносмыслиность эти слова получаются лишь въ соединеніи или съ за что же, или съ во погребы; точно также полносмыслиность 1-й стопы—ты за что же безъ второй — сомнительна. Конечно, и въ такихъ стокахъ нельзя отрицать смысла, но смыслъ этотъ обыкновенный и не заключаетъ въ себѣ ничего достойнаго особеннаго воспѣданія.

Ничего не имѣмъ противъ постановки удареній во второмъ стихѣ, но третій опять возвуждаетъ сомнѣнія:

Что ты ~~есмъ~~ князей-бояръ теперь посмавши.

Почему 7-й слогъ бояръ восподнить? Ужъ если отѣшить, такъ скорѣе слѣдовало бы этого ожидать на словѣ князей, ибо князя

важнѣе; ужь если князей обманеть (повыманить), такъ бояръ и по-
давно; намъ кажется, что авторъ напрасно соединилъ князей и бояръ
въ одно слово, поставивъ черту; у Гильфердинга ея нѣть, и не видно
основанія для того, чтобы принимать эти два слова за одно ритори-
ческое; можно смѣло допустить на пиру у Владимира стольно-Кiev-
скаго присутствіе, вмѣстѣ съ боярами, и другихъ князей; на это
самостоятельное существованіе и князей, и бояръ указываютъ и нѣ-
которые стихи:

Вси князи да бояра пунь повыманены. Гильф. стр. 74.

А вси князи тутъ бояра привадумались. стр. 68.

Самому князю Владиміру въ особину

Всімъ его князьямъ онъ подковынимыи, стр. 522.

По нашему мнѣнію, разбираемый стихъ было бы правильнѣе про-
честь такъ:

Что ты есѧ князѣй бояръ теперъ повыманиши.

Въ четвертомъ стихѣ излишнимъ считаемъ восподъемъ на Сол-
нышка; не довольно ли будетъ оттѣнить вѣдь только Владимира,
въ отличіе отъ всѣхъ (другихъ) князей съ боярами и, соответственно
съ этимъ — съ ума сведеніемъ, въ отличіе отъ повыманиши. Въ
послѣднемъ стихѣ онять не видно необходимости восподнимать Ва-
силиста; въ этомъ имени, собственно для Ставра ничего особеннаго
не заключается, оно для Ставра привычно; другое дѣло — оттѣнить
Никулична; это величаніе по отечеству и восподнять его есте-
ственно.

Итакъ, приведенные примѣры для насъ представляются въ слѣ-
дующемъ видѣ:

Ты за чѣ же посаженъ да быль во погребы?

Я похвѣсталъ пунь тобї да молодой женой,

Что ты всѣхъ князѣй бояръ теперъ повыманиши

Что ли Солнышко Владимира съ умъ сведеніемъ.

А пойдимъ Василиста дочь Никулична...

Конечно, для правильнаго, гармоничнаго чтенія далеко недоста-
точно удареній, выставленныхъ вѣдь; нужна еще музыкальность,
которая достигается другимъ путемъ; но о немъ пока говорить
зѣбъ не будемъ.

Примѣровъ у автора приведено около сотни стиховъ; про нихъ
на стр. 63 говорится: „Итакъ, приведенные мною въ доказательство
того, что смысловые ударенія имѣютъ въ русскомъ стихѣ опредѣ-

ленины мѣста, въ былинной схемѣ 3-е, 7-е и 11-е—выдались, можно сказать, всѣ удачные. Удачные тутъ значить убѣдительные, на сколько, конечно, такія эмпирическія доказательства могутъ быть убѣдительны". Мы разсмотрѣли нѣсколько примѣровъ; нѣтъ, конечно, возможности анализировать всю сотню; мы ограничимся поэтому указаніемъ еще лишь на нѣкоторые изъ числа возбуждающихъ въ насъ сомнѣніе относительно указанной постановки удареній.

Не поѣдемъ больше кѣ-граду ко Кіеву
 Да ко ласковому Князю ко Владыріу
 А уедимъ мы во землю Ляжовицкую
 Говорила Василѣста дочь Никулична;
 А не честна-хвала тебѣ-ка добру молодцу
 Тебѣ боровски изъ Кіева уехати.

Здѣсь мы остановимся па второмъ стихѣ: для чего и почему восподнято слово *князю*? Ни рѣчь всего отрывка, ни смыслъ этого стиха не вызываютъ и не оправдываютъ этого восподъема; въ связи съ этимъ навидно и основаніе для того, чтобы слово *князю* считать стопою; полносмыслиность это слово пріобрѣтаетъ лишь вмѣстѣ со словомъ *ласковому*, а потому мы и прочитали бы:

Да ко ласковому князю ко Владыріу.

Роль здѣсь слова *князю* на столько, тѣль-сказать, обыденна, что даже съ потерю этого слова смыслъ стиха не нарушился бы:

Да ко ласковому ко Владыріу.

Гдѣ же основаніе для того, чтобы считать его словомъ главнымъ по смыслу въ рѣчи? Въ слѣдующемъ стихѣ не видно основанія для восподъема во землю, которое едва ли можетъ составить полносмыслиную стопу безъ присоединенія *Ляжовицкую*.

На стр. 52 отмѣтили стихъ:

Его Дюкову-то батюшку въ подарочкахъ.

Едва ли можетъ остаться не восподнятымъ слово *его*; въ этомъ словѣ, въ связи съ предыдущимъ, большое смысловое значеніе, и *Дюкову-то* является къ нему только добавочнымъ; не отмѣченное удареніемъ это слово совершенно теряетъ свой смыслъ, и становится исполненнымъ, къ чему его отнести: къ первеце или къ *Дюкову-то*; между тѣмъ тутъ ясно видно намѣреніе отгѣнить это слово: онъ же убиль, да къ его же батюшку возять въ подарочекъ; по нашему мнѣнію, было бы правильнѣе:

И привозить это первое орлиное
Евб Дюкову-то батюшку въ подърочкахъ.

Это желаніе оттѣнить его проявляется въ стихѣ, напримѣръ, Касьянова:

Ко евб ли ко Дюкову батюшко. Гильф. стр. 818.

На стр. 53 сомнѣніе возбуждается стихъ:

Намъ которому съ Чурилой голова—рубить.

Постановка смыслового ударенія на словѣ Чурилой, кажется, можетъ нарушить настоящій смыслъ стиха; выходить, какъ будто Чурила тутъ является третьимъ лицомъ, и спрашивается, который изъ насъ (а ужъ не которому изъ насъ) долженъ рубить (кому-то) голову—съ Чурилой, который—безъ Чурилы; между тѣмъ какъ вопросъ заключается въ словахъ: которому изъ насъ (двоихъ) съ Чурилой; съ Чурилой тутъ самостоятельного значенія не имѣть и не можетъ быть отдѣлено отъ слова намъ, а потому и отдѣльной полносмысленной стопы не составить; помимо этого, оттѣнить слово Чурилой совершенно не зачѣмъ: намъ, такъ ужъ, разумѣется, съ Чурилой; спорщиковъ только и было двое: Дюкъ да Чурила. Поэтому считаемъ болѣе правильнымъ читать такъ:

Намъ которому съ Чурилой голова рубить.

На стр. 54:

Ай даваетъ онъ поездку лучше старого,
Лучше старого поездку лучше прежнаго,
Бдеть право онъ ко городу ко Кіеву
А не около вѣдь идѣ не воротами
Бде прямъ черезъ стѣну городовую
Черезъ тую ёде башню, что ни большую.

Во второмъ стихѣ совершенно излишнимъ находимъ придавать усиленное значеніе слову поѣздку; точно также ко городу, кажется, восподнато напрасно; какъ будто, кромеъ города, есть еще какой-нибудь Кіевъ; въ слѣдующемъ стихѣ слово ёде признаю главнымъ по смыслу едва ли основательно; тутъ ужъ рѣчь не о томъ, что ёде, а лишь о томъ, что не около, не воротами—ихъ и достаточно восподнать; мы предложили бы такое чтеніе:

Ай даваетъ онъ поездку лучше старого,
Лучше старого поѣздку лучше прежнаго,
Бдеть право онъ ко городу ко Кіеву,
А не около вѣдь ёде не воротами...

Въ слѣдующемъ отрывкѣ въ четырехъ стихахъ восподнято слово Добрыня; не видно для этого основанія; по нашему мнѣнію, правильнѣе и благозвучнѣе было бы безъ этого ударенія:

Закрутился Добрыня замечайся
Ай скочай то тутъ Добрыня на рѣзы ноги
А и топнуль то Добрыня во дубовой мость:

На стр. 55:

Да и взяла то Иосифа за желты кудри
Да стащила то съ Кошца со бессмертного
Да и дое одною да прюблюши
Да связали у Иосифа ручки бѣлыя
Да сковали у Иосифа ножки ржавыя...

Въ первомъ стихѣ удареніе на словѣ Ивана имѣть полное основаніе, ибо Настасіѣ Матріевнѣ предстоіалъ выборъ между имъ и Кощеемъ; она предпочла Кощea, и это естественно оттѣнить; но въ послѣдніхъ двухъ стихахъ уже не предвидится надобности для постановки усиленнаго ударенія на этомъ словѣ.

На стр. 55—59 авторъ дѣлаетъ прекрасный указанія относительно постановки ударенія при склоненіи такихъ словъ, какъ: чисто-поле, темны-льса, бѣлы-снѣга, и т. д. при чемъ оказывается, что „удареніе въ такихъ словахъ бываетъ всегда на послѣднемъ слогѣ прилагательного, пока въ существительномъ не болѣе и не менѣе двухъ слоговъ. Съ измѣненіемъ этой нормы передвигается удареніе. Въ первомъ случаѣ... передвигается... на первый слогъ существительнаго, напримѣръ: ясна сбокула. Во второмъ случаѣ удареніе останется на томъ же самомъ слогѣ прилагательнаго, но слогъ этотъ сдѣлается ужъ предислѣднимъ, ибо окончаніе прилагательнаго удлинится... напримѣръ: быстрыхъ рѣкъ. Когда же... въ существительномъ и прилагательномъ, вмѣстѣ взятыхъ, ставить слоговъ болѣе пяти, тогда слово распадается уже на два слова, напримѣръ: желтыми песками...“ (стр. 57—58).

Авторъ добавляетъ къ этому, что „по народному понятію эпитетъ логически важнѣе самого предмета... и потому онъ всѣми возможными способами старается избѣгать обеззвученія эпитета“ (стр. 58). Это все, очевидно, касается не только былинъ или поэзіи народной, но народной рѣчи вообще; но вотъ и примѣненіе этого къ доказываемому закону: „Эпитетъ считается въ смысловомъ отношеніи важнѣе предмета, почему тамъ, где сливаются съ предметомъ, и долженъ эпитетъ попадать своимъ звуковымъ слогомъ на мѣста или 3-е или 7-е или 11-е. Всего чаще попадаетъ эпитетовое смысловое удареніе на

11-е мѣсто, не потому чтобы законъ таковъ былъ, а только потому что таковъ вообще строй русской рѣчи, эпической, по крайней мѣрѣ" (стр. 59). Совершенно соглашаемся съ этимъ послѣднимъ объясненіемъ автора, именемъ „потому, что таковъ вообще строй русской рѣчи", и не только эпической; но вѣдь въ такомъ случаѣ 11-й слогъ не при чемъ, придется сказать— вообще 3-й слогъ съ конца, ибо не только строй русской рѣчи, но даже и эпическая рѣчь далеко не характеризуются исключительно 13-ти слоговымъ составомъ; 3-й слогъ вѣрно было бы разумѣть—не съ конца стиха, а съ конца рѣченія; онъ можетъ прйтись въ серединѣ стиха, какъ это видно на слѣдующихъ примѣрахъ:

Прѣажалъ Добринъ изъ чистой полы Гильф. стр. 470.

(стихъ 11-ти сложный).

Ты на добромъ конѣ въ чистѣ полы поѣзживаши¹⁾.

Продолжимъ разсмотрѣніе примѣровъ, приводимыхъ авторомъ послѣ этого отступленія: на стр. 59:

Они вхали раздельцемъ чистымъ полемъ
Они дѣнь єдутъ по красному по солнышку
Они ночь єдутъ по сантому по лѣсницу

Во второмъ и третьемъ стихѣ, сверхъ отмѣченныхъ трехъ ударений, считаемъ нужнымъ добавить еще 4-е и именно восподнать слово єдутъ; оно имѣеть особое значеніе, указывая не только на то, что они єдутъ, но и на то еще, что они долго єдутъ; это видно изъ послѣдующаго стиха:

Ускоряють то дороженому чистымъ полемъ

Но восподнать дѣнь и потому єдутъ, тѣ-есть, два слога къ ряду, было бы не благозвучно, поэтому и восподнамъется єдутъ—въ обоихъ стихахъ, какъ это и отмѣчено Гильфердингомъ на стр. 513, хотя авторъ, строго соблюдая вездѣ такія отмѣтки Гильфердинга, на этотъ разъ не счелъ нужнымъ воспроизвести ихъ. Такое восподнаніе этого слова, въ аналогичномъ случаѣ,—явление не единичное; оно встречается у того же Рябина въ другой былинѣ; такъ въ былинѣ „Добринѣ и змѣї" читаемъ:

¹⁾ Ударенія выставлены Гильфердингомъ, стр. 470.

Еще день за день какъ быдто дождь дождеть,
 Да й недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ:
 То онъ день идѣтъ, по красному по солнышку,
 Да онъ въ ночь ходїтъ по сватому по мѣсяцу¹⁾

На стр. 60:

Хошъ то былъ я во раздолинцѣ чистомъ погѣ
 Да й не смѣлъ я къ поленичищу подъѣхати
 А й не можъ я у вѣй силушкѣ отѣздати

Въ послѣднемъ стихѣ не мѣшало бы прибавить 4-е удареніе и восподнать слово у ней, и въ частности у; этому предлогу надо приписать здѣсь особое значеніе, именно—мѣстное; по нашему мнѣнію, богатырь говоритъ здѣсь не о ея силушкѣ, а какъ и прилично богатырю, о своей силушкѣ, которой не могъ онъ отѣздатъ у пей, то-есть, около ея, сражаясь съ нею; такое особое, не совсѣмъ обыденное значеніе этого у и должно быть отмѣчено усиленіемъ удареніемъ; такимъ путемъ стихъ сохраняетъ за собою, такъ-сказать, духъ рѣчи богатырской, и съ него сниается обыденница, связанная съ постановкою только трехъ указанныхъ удареній. Такое толкованіе находить себѣ поддержку и въ томъ, что Гильфердингъ, какъ оказывается, отмѣтилъ это у особымъ удареніемъ (стр. 461), кото-раго, однажды, авторъ опять-таки не воспроизвелъ. Переносъ ударенія съ надежда на управляющій имъ предлогъ въ тѣхъ случаяхъ, когда этому предлогу хотятъ придать болѣе усиленное значеніе — явленіе не рѣдкое не только въ поэзіи, но и въ прозѣ народной²⁾.

Далѣе приводятся примѣры изъ молодецкихъ былинъ, чтобы показать, „что и тутъ стихъ тотъ же“ (стр. 60).

¹⁾ Ударенія выставлены Гильфердингомъ, стр. 471.

²⁾ Во времена наблюдений подъ языкомъ Архангельской губерніи, мы пришлось, между прочимъ въ дер. Андозеро, Онежского уезда, услышать выраженіе: *подлѣрку* или *воздѣрку*, сдѣлавшееся нарѣчіемъ въ устахъ мѣстныхъ рыбаковъ — обитателей этой деревни, расположенной на берегу большаго озера, изъ которого беретъ начало рѣка Анда; *рѣку* слѣдилось съ предлогомъ *подъѣздѣ* обезвученій, явившагося результатомъ исправленія удареній на предлогъ, которому придется болѣе важное значеніе, нежели *рѣку*. На вопросъ о мѣстѣ ловли, въ числѣ прочихъ указаній, приходится слышать и приведенное выше, при чемъ не столько обращается вниманіе на *рѣку*, сколько индирективу и извѣстную, сколько *на* болѣе точное обозначеніе мѣста — именно *подъ*, а не въ самой *рѣкѣ*, напримѣръ, гдѣ также ловятъ и не противъ *рѣки*, въ другомъ концѣ озера.

Изъ былинъ Рабинина:

То идеть она съ крестильской со работушки,
Во правой руѣ исѣтъ-то косу *острую*
Во лѣвой руѣ посѣтъ-то грабли *частныя*,
На плечакъ бѣдна горюшица дрова несетъ.
Приходила-то къ худому къ малой *жижинкѣ*;
Говорила-то съ *дородный добрый молодецъ*
А-й честная ль ты вдова аль жона *мужная*?

Въ четвертомъ стихѣ удареніе съ горюшица правильнѣе было бы перенести на эпитетъ—*бѣдна*, что болѣе подтверждало бы правило, предложенное самимъ же авторомъ; у Гильфердинга это удареніе выставлено (стр. 544). Что касается до послѣднаго стиха, то кажется, въ немъ нельзя не выставить ударенія на *жона*, хотя бы только потому что Гильфердингъ съ особенностью настойчивостью отмѣчаетъ это слово, не только въ приведенномъ стихѣ, но и во многихъ другихъ (стр. 544), при чемъ: *жона*, если слѣдующій за этимъ словомъ слогъ ударяется: *жона мужная*, и *жона*, если восподнимается не рядомъ стоящій слогъ:

Не вдова то есть *жона* не *мужная*.

Изъ слѣдующаго отрывка на той же страницѣ укажемъ на два стиха:

Она стала вокругъ молодца *похаживать*.
То-ли *городъ тебѣ чужъ* люди *неизвѣсны*

Въ первомъ стихѣ слово *вокругъ*, имѣть, по нашему мнѣнію, особенное значеніе, не только мѣстное, но и, такъ-сказать, качественное: „турыжна бабицо аржыла“ не спроста ходила *вокругъ* его, а съ прямую цѣлью соблазнить его, увлечь, вскружить ему голову; этотъ-то смыслъ въ выраженьи словомъ *вокругъ*, и потому оно не можетъ оставаться не восподнятымъ¹⁾; что это не совсѣмъ безъ основанія, соглашемся опять на Гильфердинга, который отмѣтилъ это слово удареніемъ:

Она стала *вокругъ* молодца *похаживать*. стр. 545.

Руководясь смысловымъ удареніемъ, едва ли можно, во второмъ стихѣ, оставить безъ него слово *люди*, послѣ того какъ поставили его на *городъ*, чужъ и неизвѣсны; если *невѣдомы* восподнято въ параллель съ *чужъ*, то въ параллель съ *городъ* надо восподнять

¹⁾ Еще саучай перенесенія ударенія на предлогъ.

и люди, тѣмъ болѣе, что и Гильфердингъ это слово отмѣтилъ удареніемъ:

Толи городъ тебѣ чужъ людѣ вѣзаемы (стр. 546),

при чемъ людѣ, а не людн, потому что рядомъ восподпято чужъ.

Строгое воспроизведеніе авторомъ Гильфердинговыхъ удареній въ другихъ случаяхъ давало бы право ожидать такого же соблюденія и въ 7-ми приведенныхъ сейчасъ, или по крайней мѣрѣ указанія причинъ, почему въ этихъ случаяхъ Гильфердинговыми удареніями не нужно придавать значенія; это право окажется еще болѣе естественнымъ, если мы припомнимъ, какое значеніе придаетъ нашъ изслѣдователь авторскимъ удареніямъ, которыхъ отмѣчены Гильфердингомъ; на стр. 12 онъ между прочимъ говоритъ: „Никто тутъ не авторитетъ, кроме самого автора, самого поэта вольного; и разрѣшить недоумѣніе наше—одно средство: спроситься у самого автора, чѣмъ тутъ жертвовать укажеть онъ, привычнымъ ли удареніемъ въ такомъ то словѣ, или жестройностью всего стиха? Наглядные отвѣты на такія справки у самого автора, у поэта изъ вольныхъ вольного, у русскаго народа и даетъ намъ сборникъ Гильфердинга“.

Въ указанныхъ выше случаяхъ мнѣніе наше, несогласное съ мнѣніемъ г. Голохвастова, находило себѣ подтвержденіе имсено въ этихъ справкахъ. Тутъ остается предположить что-нибудь одно: или Гильфердингъ даетъ вѣрныя справки, и законъ г. Голохвастова далеко не всегда соблюдаются, или же учепіе г. Голохвастова дѣйствительно законъ, и Гильфердинги справки не тѣ справки, о какихъ намъ только что говорилъ авторъ; но тогда едва ли нужно было на этомъ такъ настаивать и, главное, опираться на нихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ подъ этотъ законъ подходитъ. Что касается до насъ, то вполнѣ соглашайся съ мнѣніемъ автора объ упомянутомъ достоинствѣ сборника Гильфердинга, мы склонны скрѣе допустить первое изъ указанныхъ предположеній, тѣмъ болѣе, что и самъ г. Голохвастовъ, кажется, не всегда видитъ соблюдение своего закона, на что указываетъ, между прочимъ прымѣръ, приведенный имъ для подкрѣплѣнія важности авторскаго ударенія, какъ указателя правильнаго чтенія стиха; на стр. 11 читаемъ:

А отъ менѣшаю ему князю отвѣта неѣ.

Здѣсь князю отмѣчено удареніемъ; стихъ 13-ти сложный; по учению г. Голохвастова, это, очевидно, срединное смысловое удареніе

и должно непремѣнно падать на 7-й слогъ; но счету же оказывается на 9-мъ.

Остается прослѣдить еще примѣры, приведенные авторомъ изъ сборника г. Барсова, изъ прочитаній Ирины Федосовой: на стр. 61:

Стане смироства судью тутъ уговаривать:
Не даѣшь спѣси во младую голонушку,
Суровствія ты во ржавичное сердечушко,
Да ты чиномъ-то своимъ по возвышишся-тво
Едими да всѣ у Бога люди созданы.
На крестъ-ли ты съ кудаками не паскаляй.

Если въ третьемъ стихѣ отмѣчено смысловымъ удареніемъ суровства, то столько же основаній, полагаемъ, и для постановки такого же ударенія на словѣ спѣси — во второмъ стихѣ. Въ четвертомъ стихѣ своимъ — едва ли главное по смыслу; постановкой на немъ ударенія, кажется, можно навязывать стиху вѣсколько иной оттѣнокъ: какъ будто и чинъ-то на немъ не жалованный, а свой собственный; поэтому правильнѣе было бы, по нашему мнѣнію, смыслового ударенія на немъ не ставить:

Да ты чиномъ-то своимъ не возвышишся-тво.

О пятомъ стихѣ уже раньше была рѣчь.

„Хотѣлъ тутъ остановиться и не могу“, говоритъ далѣе авторъ, — „попробуйтс-ка прочесть ис сильпо эти, вѣдь точно сабой парубленыи ударенія:

Но на то да вѣдь вы суды выбираетесь!
Хотѣ же рѣзъ да ты, посредничекъ, уходишься
Хотѣ спѣсишь да ты, начальникъ, пріусядешься“.

Остановимся на двухъ послѣднихъ стихахъ; прежде всего считаюмы излишними здѣсь запятны послѣ ты: у г. Барсова ихъ нѣть (стр. 285); безъ нихъ уничтожается полноисмыслиность и самостоятельность словъ посредничекъ и начальникъ, которыхъ, въ этомъ случаѣ, не обращенія, а скорѣе, сказуемыя, и полноисмыслиность ихъ восстанавливается лишь вмѣстѣ со словами рѣзъ и спѣсишь; смыслъ этихъ стиховъ такой: хотѣ ты и рѣзный посредникъ, а все-таки уходишься, хотѣ ты и спѣсивый начальникъ, а пріусядешься; выдѣлить поэтому посредничекъ и начальникъ въ самостоятельный стопы едва ли основательно; было бы естественнѣе читать такъ:

Хоть же рыбъ да ты посредничъ, уходишися.
Хоть спѣсавъ да ты начальникъ, пріусадешися.

Въ слѣдующемъ затѣмъ отрывкѣ (на стр. 61) разсмотримъ три стиха:

Я пороскажу тебѣ дочь обидная....
Надо ластушкой летать да кругомъ людунекъ
Надо плѣточкой кругъ ихъ да обвязатися....

Кажется, напрасно выставлено ударение на словѣ тебѣ; такая постановка, оттѣняя это слово, сосредоточиваетъ на немъ вниманіе читателя и невольно заставляетъ искать къ нему поясненія въ слѣдующемъ словѣ, то-есть, заставляетъ относить дочь обидная къ слову тебѣ, между тѣмъ какъ смыслъ требуетъ относить ихъ къ я (пороскажу); эти-то слова и нужно восподнать, а тебѣ произнести, по возможности, вскомъзь, незамѣтно. Только удареніе на тебѣ и придаетъ стиху двусмысличество, по поводу которой самъ авторъ счелъ нужнымъ оговориться въ выносѣкѣ: „то-есть, я, дочь обиженнай судьбой”; чтеніе этого стиха въ подлиннике, у г. Барсова, недоразумѣнія не порождаетъ, потому что этого ударенія тамъ иѣть. (Барсовъ, стр. 66).

Слово летать, во второмъ изъ приведенныхъ стиховъ, составляетъ нераздѣльную часть выраженія „ластушкой летать”; въ данномъ случаѣ оно только и получаетъ полный смыслъ, взятое вмѣстѣ съ нимъ, и потому едва ли можно составить самостоятельную, полносмыслившую стопу. Признавая „ластушкой летать” за одно нераздѣльное выраженіе, достаточно выставить смысловое удареніе на главномъ, характеризующемъ его словѣ — ластушкой.

Въ третьемъ стихѣ не видно надобности въ восподъемѣ слова ихъ; въ предыдущемъ стихѣ уже восподнato людунекъ; повтореніе того же самого здѣсь является излишнимъ. Приведенные стихи мы прочитали бы такъ:

Я пороскажу тебѣ дочь обидная...
Надо ластушкой летать да кругомъ людунекъ,
Надо плѣточкой кругъ ихъ да обвязатися.

Наконецъ, въ послѣднемъ отрывкѣ отмѣтишь слѣдующіе стихи:

На дѣлахъ была побѣдна штукоатая,
На словахъ была побѣдна смыслогатая.

Восподъемъ слова побѣдна въ обоихъ случаяхъ способенъ породить двусмысличество; онъ придаетъ этому слову такую же зна-

менательную роль, какъ и словамъ штуковатая, смысловатая; если отѣнять побѣдна, то выходить, собственно, такой смыслъ: на дѣлахъ я была и побѣдна, и смысловата... Въ интересахъ смысловой рельефности этихъ стиховъ, намъ казалось бы, слѣдуетъ, не только не восподнимать побѣдна, но даже, по возможности, его умалить, сдѣлать незамѣтнымъ; тогда только во всей силѣ выступить то, что тутъ по смыслу является главнымъ, то-есть, на дѣлахъ была штуковата, на словахъ — смысловата:

На дѣлахъ была побѣдна штуковата.
На словахъ была побѣдна смысловата.

Что касается до послѣдняго стиха въ отрывкѣ:

Шутки-шмночки куда моя дѣвалися,

то является сомнѣніе, нужно ли тутъ восподнимать слово куда; усиленное удареніе на немъ придавало бы всему стиху характеръ самостоятельного вопроса; этого однако же нѣтъ, и стихъ этотъ находится въ зависимости отъ предыдущаго:

Я сама того побѣдна сдѣговалась,

куда—здѣсь только относительное, а не вопросительное и потому едва ли можетъ составить полномысленную стопу; къ тому же это слово риторическое и входить въ составъ цѣл资料, недѣльного выраженія „куда дѣвалися“, чтѣзначить, собственно, „изчезли“; смысловое удареніе, поэтому, достаточно выставить на главномъ словѣ этого выраженія:

Шуточки шмночки куда моя дѣвалися,

подобно тому какъ черезъ пять стиховъ выше читаемъ вмѣстѣ съ авторомъ:

Куда смысь да мое суроство дѣвалося,

При чемъ куда не восподнито (стр. 62). Итакъ, изъ сотни приведенныхъ примѣровъ мы имѣли возможность высказаться противъ многихъ, числомъ около 40. Едва ли послѣ этого можно считать основательными заявленія автора, что примѣры, приведенные имъ, „выдались всѣ удачные“ (стр. 63). Удачными мы называли бы ихъ тогда, еслибы они не порождали никакихъ сомнѣній и, не допуская возможности другихъ толкованій, носили бы на себѣ характеръ не-преложной истины, неоспоримаго факта; только въ такомъ случаѣ они и могли бы служить „эмпирическимъ доказательствомъ“ и были бы

ужь, конечно, убѣдительными. Здѣсь же, примѣння principio автора (смысловыи ударенія) къ тѣмъ даннымъ, которыя должны бы были подкрѣплять предлагаемый законъ (три ударенія), мы наталкиваемся на случаи, гдѣ видимое соблюденіе закона нарушаетъ принципъ.

Авторъ предусмотрѣлъ только одинъ случай, ако бы, нарушенія этого принципа и представилъ свои соображенія въ опроверженіе его (стр. 62—63); мы нашли возможнымъ значительно увеличить число такихъ случаевъ, подкрѣпивъ нашъ взглядъ своими соображеніями; кто нибудь третій могъ бы выставить еще рядъ соображеній и т. д.; это одно уже можетъ говорить противъ предлагаемаго принципа и его примѣненія, доказывая его шаткость, непрочность, неустойчивость и зависимость отъ личнаго взгляда каждого исслѣдователя¹⁾.

Все это можно было сказать даже на основаніи примѣровъ, приведенныхъ самимъ авторомъ, который выбиралъ ихъ „пемножко на-правленіи случай, гораздо болѣе отдаваясь случаю“, при чёмъ не надо забывать словъ автора: „у меня отмѣчены въ сборникѣ всѣ вѣрные стихи“ (стр. 62). Еслиъ авторъ, уже совершенно отдавшись случаю, (что при эмпирическихъ доказательствахъ этого рода особенно важно), и не отмѣчая заранѣе вѣрныхъ (?) стиховъ, сталъ бы приводить примѣры, то вѣроятно, онъ наткнулся бы и на такие:

Тутъ выводить Стѣбра²⁾ съ ногребовъ глубокіхъ
      ⁵

Отпустили Стѣбра съѣздить во чисто поле. Гильф. стр. 73.

А на ты лисы Добрыни ирѣкнаулся. стр. 315.

А вакину ⁶ васъ службу я великую. стр. 317.

Со змѣю то Добрыня дѣлалъ, ратился. стр. 318.

Говорилъ старой ^{5;} вѣзакъ да Илья Муромецъ.

Привезли его собаку царя Калнина. стр. 457.

Буду тебѣ ⁹ ялгитъ дани вѣкъ и по вѣку.

Мажовки оны золочены иси повыстѣряль. стр. 458.

¹

¹⁾ Ср. нашу статью: «По поводу тонаической теоріи въ слав. народах. творчества», въ Сборникѣ стат. по Славянскому, стр. 482 и сл.

²⁾ Отмѣчавшіе курсивомъ нарушенія законовъ г. Головастова. Всѣ примѣры 13-ти сложные; отмѣченныи ударенія выставлены Гильфердингомъ.

Тобо́рь и́стечко за столицо́мъ по выше всихъ. стр. 460.

Пришель къ старому казаку къ Илью Муромцу. стр. 459.

Намъ кудѣ велиши итти дай куды Ѹхати. стр. 463.

Ёны другъ другъ-то били по бѣлымъ грудамъ.

Да со всемъ себѣ силы съ богатырскою.

Ёны другъ другъ не сшибли со добрыхъ коней.

А пе били ёны другъ другъ не рапили.

Какъ памъ силужка другъ у друга отвѣдати.

Припустили ёвы другъ къ другу добрыхъ коней.

Ёны другъ другъ то били не жалухою.

Ёны другъ другъ не сшибли со добрыхъ коней. стр. 464.

У меня есть рѣдна матушка честна вдова.

Кѣлачи пекла да тымъ меня воспѣтала.

И отпустила мѣня Ѹхать на святую Русь. стр. 466.

Не спущу этой посмѣшки на святую Русь. стр. 467.

Да я припесъ опь первы мисы чиста сбребра

Иль припесъ другія мисы красна золота

Треты мисы приносила онъ ската жемчуга. стр. 494.

Пересталь ко ѿдѣтіи плеткой по бѣлой труде

Тоби полно-то ропитъ да людей чернетъ. стр. 528.

Тутъ сустыгла молодца¹⁾ да юочка темнал,

Еще тутъ-то молодецъ да запечалился,

Еще тутъ-то молодецъ да закручинился,

Привязовъ буйку головушку къ смѣй земли. стр. 545.

и т. д.

Почти всѣ эти примѣры находятся вблизи приведенныхъ авторомъ; мы отмѣчали, главнымъ образомъ тѣ стихи, ударенія въ кото-

¹⁾ Слѣдуетъ закону г. Голохвастова, нужно бы читать молодцѣ, а не молодца....

рихъ выставлены Гильфердингомъ, и выставлены, по нашему мнѣнію, совершенно основательно.

Изъ всего этого выходитъ, что въ былинномъ 18-ти-сложномъ стихѣ смысловая ударенія ставятся не только на 3-мъ, 7-мъ и 11-мъ, но на 1-мъ, 3-мъ, 5-мъ, 7-мъ, 9-мъ и 11-мъ слогахъ; одинъ стихъ указываетъ даже постановку его на 2-мъ, 6-мъ и 10-мъ слогахъ стр. 74.

Всѧ киꙗни да бояра нунь посмѣшаны
3 6 10

Итакъ, несомнѣнно, что соблюдается постановка удареній, предлагаемая авторомъ, но ридомъ съ этимъ соблюдаются и другая постановка, которая, не исключая первой, придаетъ ей лишь характеръ частнаго случая при болѣе общемъ явленіи: можно сказать, что смысловое удареніе ставится на 3-мъ, 7-мъ и 11-мъ слогахъ, потому что оно ставится на 1-мъ, 3-мъ, 5-мъ, 7-мъ, 9-мъ и 11-мъ слогахъ...

Авторъ предвидѣлъ возможность примѣрами же доказать несоблюденіе предлагаемаго имъ закона и потому счѣль пужнымъ усилить свои эмпирическія доказательства. „Мало, слѣдовательно, убѣдить васъ въ соблюденіи, нужно еще убѣдить васъ въ неслучайности соблюденія; надо доказать, что нарочно явносознательно соблюдаются такой-то, тогда уже рѣшительно законъ“, говоритъ авторъ на стр. 63, и далѣе: „Вѣрнѣйшия признаки сознательности соблюденія стихотворнаго закона,—все то, что называется *licentia poetica*, иначе сказать, авторскія натяжки: ибо вѣдь единая возможная цѣль всѣхъ такихъ натяжекъ: соблюсти во чтобы то ни стало известный стихотворный законъ; а таковой цѣли не можетъ у автора быть безъ сознанія, что такой-то законъ существуетъ и что соблюдать онъ, хотя бы и че-резъ силу, должно“ (стр. 64). Приводятся примѣры изъ Пушкина:

Глазами страшныи прѣвражъ иѣріи
Богатыря призракъ огромный
Пустой и гибельный прирѣдъ,

также примѣры изъ стиховъ святителя Димитрия (стр. 64—66).

„Отчего бы“, спрашиваетъ затѣмъ авторъ,—„невозможны такія же натяжки ради соблюденія... стиха въ былинахъ у нашихъ пѣвцовъ? Посмотрите же, не найдемъ ли мы и тутъ смысловыхъ удареній на-такиутыхъ съ обычного на необычное... Въ былинной схемѣ, слѣдо-вательно натяжки эти должны цѣлиться и попадать: на 3-е мѣсто стиха, если слово это первое смысловое въ стихѣ, на 7-е, если слово 2-е смысловое и на 11-е, если слово 3-е смысловое...“ (стр. 66).

Примѣры (стр. 67—68):

Когда будешь ты за матушкой святой Руси
Дай будёшь когда у князя у Владимира
Не будут быть твоихъ ёствущихъ сахарныхъ.
Онъ какъ гидитъ, что дайб ему не излюби
Геба какъ то молодца да именемъ зовутъ.

Вотъ сущность втораго доказательства автора. По видимому, оно совершенно убѣдительно; въ самомъ дѣлѣ, тутъ бросается въ глаза переноска ударенія съ обычнаго слога на необычный, и непремѣнно на 3-й, 7-й и 11-й. Но разсмотримъ, на сколько въ дѣйствительности, это доказательство убѣждаетъ въ необходимости, неизбѣжности захона предлагаемаго авторомъ. Уже самыи исходныи пункты этого доказательства порождають вѣкоторыи сомнѣнія; авторскія натажки въ примѣненіи къ искусственной поэзіи—только и мыслимой при существованіи готовыхъ, заранѣе придуманныхъ правилъ,—объяснимы и понятны, ибо заранѣе уже всакому читающему известно, чего онъ добавляются; въ примѣненіи же къ твореніямъ „поэта изъ вольныхъ вольнаго“, едва ли эти натажки могутъ убѣдить нась въ чемъ-нибудь—уже потому, что заранѣе не придумано еще, не установлено для нихъ окончательно тѣсныхъ рамокъ, не сочинено правилъ, стало быть вѣтъ твердой почвы, опиралась на которую можно было бы сказать, что натажка эта попытка и вызывается вотъ такимъ-то закономъ; на законъ, предлагаемый авторомъ, опираться нельзя, ибо онъ-то и ищетъ себѣ оправданія, и твердой почвы отнюдь не представляеть. Рассматривая необычное удареніе въ приведенныхъ литературныхъ стихахъ:

Богатыря призрѣкъ огромный
И пальба и громъ музѣи

мы можемъ лишь дойти до того, что удареніе въ первомъ случаѣ перенесено съ нечетнаго на четвѣртый слогъ, и во второмъ—съ четвѣртаго на нечетный; послѣдующій выводъ, тутъ именно что первый стихъ написанъ именно ямбомъ, въ второй—хореемъ, мы сдѣлаемъ лишь при несомнѣнномъ и точномъ знаніи законовъ того и другаго стиха. Обращаясь къ примѣрамъ изъ народнаго стиха, мы видимъ переноску ударенія: со 2-го, 4-го и 5-го на 3-й слогъ, съ 6-го и 8-го на 7-й, съ 12-го, 10-го и 9-го на 11-й; все это факты, говорящіе за то, что въ данныхъ случаяхъ слоги 3-й, 7-й и 11-й являются господствующими надъ другими; но дальнѣйший выводъ, именно, что всегда

въ 13-ти сложномъ былинномъ стихѣ эти слоги являются таковыми, едва ли отсюда возможень; они бы были бы возможень и даже необходимо, еслибы уже было доказано раньше, что другой постановки удареній фактически не бываетъ, или на конецъ, что другая постановка—случайность.

Авторъ, кажется, предполагаетъ, что неслучайность одного изъ двухъ положеній всегда и непремѣнно влечетъ за собою случайность другого, и потому, вѣроятно, не довелъ дѣло до конца, именно не доказавъ случайности несоблюденія своего закона, (самъ допускалъ возможность такого несоблюденія). Между тѣмъ ничто не мѣшаетъ намъ сказать, что если неслучайно соблюденіе ого закона, то на столько же неслучайно и несоблюденіе его; чтобы это не было голословнымъ, можно и доказать, пользуясь притомъ тѣмъ же самимъ пріемомъ, какимъ пользовался авторъ при своемъ доказательствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ пріѣкты несоблюденія закона:

Тоберъ мѣстечко за столикомъ по выше всикъ. Гильф. стр. 460.

Пришелъ къ старому казаку къ Ильѣ Муромцу. стр. 469.

Клачи пекла да тѣмъ мечи воспигала. стр. 466.

Несоблюденіемъ тутъ является постановка ударенія на 1-мъ слогѣ; при этомъ натажка тутъ явна: вмѣсто обычнаго: топерь, пришель, колачай—слышимъ: тобперь, прѣшель, клачи. „Ну и треснуло немножко, а алжало-таки на 1-й (а не на 3-й) слогъ первое большое удареніе стиха“, скажемъ мы словами автора (стр. 67).

Точно также можно доказать неслучайность ударенія на 5-мъ слогѣ:

Дай когда будёма во градѣ ты во *Kievѣ* (стр. 521).

Да со всемъ себѣ силы съ богатырской

Принустили бымъ другъ къ другу добрыхъ комей.

Какъ намъ силумякъ другъ у друга отѣдати (стр. 464).

Вмѣсто: будешь, свой, онъ, сълушка слышимъ необычное будёши, свой, бынъ, сълушка.

То же самое относительно 9-го слога:

Тоби полно-то ровить да людѣй черпети. стр. 529.

Намъ кудѣ величи ятти да въ куды Ѹхати. стр. 468.

А отъ меньшаго ему князю отвѣта нѣть (Голоха. стр. 11).

Натажки явны: не людѣй, кудѣ, князю, но худѣй, куди, князѣ...

Итакъ, натажки натажками, а законъ самъ по себѣ; къ первому доказательству это второе ровно ничего не прибавило и дало только возможность еще съ большимъ правомъ утверждать, что смысловая

ударением въ 13-ти-сложномъ былинномъ стихѣ ставится на 1-мъ, 3-мъ, 5-мъ, 7-мъ и 11-мъ слогахъ, притомъ на столько же сознательно (если видѣть въ этомъ сознательность), на 3-мъ, 7-мъ и 11-мъ, на сколько и въ остальныхъ случаяхъ.

„Но что смысловые то слова“, говорить затѣмъ авторъ, — „не случайно пришли подъ эти 1-е, 2-е и 3-е удареныя стиха“, и что они сознательно выбраны подъ эти удареныя, — вотъ въ чёмъ сомнѣваться еще можно. А вѣдь сомнѣваться, истину же ради, поколько можно, потому и должно“ (стр. 68—69). Еслибъ авторъ и устранилъ всяки сомнѣнія по этому поводу, то въ виду предыдущаго, едавнѣ бы этиль онъ что-нибудь прибавилъ къ слѣдующимъ двухъ доказательствамъ. Тѣмъ не менѣе разсмотримъ и это рѣшающее, по мнѣнію автора, послѣднее доказательство. Оно основано опять на авторской натажкѣ и именно „на перестановкѣ словъ изъ обычнаго, грамматически-правильнаго порядка въ необычайный и въ неправильный. Эту натажку позволяли себѣ всегда и вездѣ даже самые великие дѣла сего“ (стр. 69). Примѣръ изъ Пушкина:

Бродить Тригорскаго кругомъ.

Примѣры такихъ натажекъ у народныхъ пѣвцовъ авторъ приводитъ слѣдующіе:

А повыздыни-ка съ гроба меня глубокаго
вмѣсто:

А повыздыни-ка меня съ гроба глубокаго.
А помноту ли ~~самъ~~ ясно да Илья Муромецъ
Шутки—шмоночки куда лох дѣвалися.

На этихъ примѣрахъ авторъ доказываетъ, что народные пѣвицы наши допускаютъ даже „тарабарщину“ ради того только, чтобы подогнать трехъ смысловое слово подъ 7-й слогъ (стр. 71).

Если авторъ полагаетъ, что такая перестановка словъ въ 13-сложномъ стихѣ есть нечто иное, какъ авторская натажка для достижения предлагаемаго имъ закона, то тѣмъ самымъ онъ уже не допускаетъ возможности такой же перестановки въ нихъ для какихъ бы то ни было другихъ цѣлей; между тѣмъ, кажется, можно бы видѣть примѣры, въ которыхъ такая перестановка имѣется и въ то же время не объясняется этими законами; къ числу такихъ примѣровъ мы отнесли бы и стихъ:

Шутки—шмоночки куда лох дѣвалися,
въ которомъ куда не считаемъ самостоятельными смысловыми словомъ.

На стр. 587 въ сборникѣ Гильфердинга читаемъ:

Какъ другъ у друга намъ сиушки отвѣдати;

черезъ три стиха находимъ:

Тутъ мы сиушки у друга друга отвѣдасъ.

У другъ друга вѣдь ужъ явная перестановка, и притомъ грамматически неправильная; между тѣмъ законъ г. Голохвастова тутъ не при чёмъ, ибо стихъ хотя и 13-сложный, но имѣть ударение на 9-мъ слогѣ.

Такая разпосыпь словъ, какъ „съ гроба меня глубокаго“, явление, кажется, нерѣдкое, и едва ли его нужно считать ненрѣмѣнно авторской натяжкой для соблюденія предлагаемаго закона; возьмемъ, напримѣръ, стихъ:

Избиралъ коня соби я богатырскаю.

(Гильф., стр. 539).

Очевидно тутъ перестановка словъ далеко необычная и въ то же время вовсе не вызывается потребностью соблюсти указанный законъ: имено, что тутъ смысловые слова: избиралъ, коня и богатырского, и для соблюденія закона пѣвецъ сказалъ бы:

Избиралъ соби коня я богатырского

или даже:

Избиралъ я богатырского коня соби.

По нашему мнѣнію, такимъ перестановкамъ у народныхъ пѣвцовъ надо дать больше свободы, не стѣсня ихъ законами въ родѣ указанного; мы склонны даже не считать ихъ авторскими натяжками; если же авторъ правъ, и это натяжка, то съ помощью ихъ можно бы доказать и другую постановку, кромѣ указанной г. Голохвастовымъ, напримѣръ, хоть бы на 5-мъ слогѣ, какъ это видно было изъ только что приведенного нами стиха:

Избиралъ коня соби я богатырского;

или на 9-мъ слогѣ:

На двѣ стороны она шла-бы вѣсомъ ровно ¹⁾.

(Гильф., стр. 489).

¹⁾ Ударение выставляемо Гильфердингомъ.

Она шла бы — очевидно, постановка необычная; естественнѣе было бы сказать ила бы она:

На двѣ стороны ила бы она вѣсомъ ровно.

Здѣсь восподнято словечко бы, и не безъ основанія; въ этомъ бы заключается сила предполагаемаго условія; дѣло въ томъ, что король Литовскій предлагаетъ исцеленіе „святорусскимъ богатырямъ“, кто, молъ, изъ вѣсъ гораздъ „стрѣлять изъ луку изъ разрывчаты“; пустить изъ него „стрѣлочку каленую по острю по ножевому, въ колечико серебряно“, да такъ пустить,

Чтобы стрѣлочка катилася калѣнал
По тому ли по острю по ножевому,
Да во тѣс во колечико серебряно,
На двѣ стороны она шла бы вѣсомъ ровно
И угодила бы въ колечико серебряно.

Подъ этимъ бы можно подразумѣвать: да не просто чтобы катилася по острю по ножевому, а такъ, чтобы „на двѣ стороны вѣсомъ ровно“, то-есть, саму свою серединой. Итакъ, бы тутъ слово смысловое. Для чего же потребовалась перестановка? Если это „авторская патяжка“, то очевидно, для того, чтобы волей, неволей втиснуть его подъ 9-й слогъ (а не подъ 7-й); мы же скорѣе полагали бы, что это, дѣйствительно, хоть и патяжка, но явилась она у пѣвца „изъ вольныхъ вольного“ какъ будто ради того только, чтобы оградить свободное творчество его отъ посагательства на эту свободу и не попасть подъ стѣснительный законъ г. Голохвастова; въ самомъ дѣлѣ, не будь этой перестановки, стихъ, какъ разъ, угодилъ бы подъ законъ:

На двѣ стороны ила бы она вѣсомъ ровно.
3 7 11

„Итакъ, патяжки дѣло худое... а все-таки же не только простить за патяжки, а еще и благодарить должны мы пѣвцовъ нашихъ; и чѣмъ хуже были ихъ патяжки, тѣмъ больше благодарить, ибо тѣмъ обнаженнѣе изъ подъ покрова рѣчи, тѣмъ явлѣе намъ воочію выдалась вся тайна великаго закона: стихотворная краеугольность смыслового ударенія“. Такъ заканчиваетъ авторъ свое изслѣдованіе.

Къ этому можно прибавить, что патяжки же и мѣшалуть, между прочимъ, примѣщенію этого „великаго закона“.

Законъ г. Голохвастова, предписывая только три устоя, и притомъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, не смотря на все разнообразіе стопъ,

имъ предполагаемыхъ, является все-таки крайне стѣснительнымъ; пѣвецъ „изъ вольныхъ вольный” едва ли носить въ своемъ сознаніи такія тѣсныя рамки, и, чтобы не выйти за предѣлы ихъ въ моментъ своего творчества, едва ли долженъ онъ „цѣлиться и попадать” въ эти три назначенные ему пункта, и все это для того, чтобы доставить въ результатѣ не стихи свободные и живые, а крайне утомительные для слуха и однообразные вслѣдствіе повтореній, на разныхъ между собой разстояніяхъ, этихъ трехъ удареній: 3-го, 7-го и 11-го!

Если прочитать, ударая на эти слоги, стиховъ двадцать, не говоримъ уже—двѣсти, подрядъ, то едва ли можно будетъ согласиться съ авторомъ, что „солоюемъ съ дубовъ заливается нашъ русскій народный стихъ”.

Въ самомъ дѣлѣ:

То идѣть она съ крестьянской со рабочушкой
Во правой рукѣ несѣтъ-то косу вѣструю,
Во лѣвой рукѣ несѣтъ-то грабли чистыя
На плечахъ бѣдна горюшка дрѣва несетъ
Приходиша то къ худо къ малой хижинѣ:
· ·

Итакъ, вотъ результаты всего изслѣдованія: Удареніе, какъ краеугольная основа стихотворной рѣчи вообще, далеко не достаточно обосновано; доказательства привели къ тому лишь, что въ стихахъ есть „гармонія удареній”, откуда краеугольность удареній сама собою еще не вытекаетъ. Такой же результатъ оказался и относительно краеугольности смыслового ударенія для русскаго народнаго стиха. Что же касается до примѣнимости закона о трехъ смысловыхъ удареніяхъ, на 3-мъ, 7-мъ и 11-мъ слогахъ въ 13-ти-сложной былинѣ, то разсмотрѣніе ряда доказательствъ, приведенныхъ въ подкѣплѣніе его, привело лишь къ выводу о частномъ характерѣ этого наблюденія и, вслѣдствіе того, къ невозможности признать его за законъ.

Разсмотрѣніе труда г. Голохвастова, сильно, и увѣренно написанаго, убѣдило насъ въ томъ, что удареніе, взятое за основу стиха, едва ли можетъ привести къ какимъ-нибудь практическимъ результатамъ; свободная и разнообразная постановка его, какъ видѣли, не позволяетъ сдѣлать его исходнымъ пунктомъ для созданія какихъ бы то ни было законовъ. Законы, очевидно, есть у народныхъ пѣвцовъ нашихъ, но строятся они, едва ли на удареніяхъ; роль послѣднихъ,

полагаемъ, можетъ лишь имѣть характеръ служебный и зависимый отъ другихъ болѣе прочныхъ устоевъ¹).

Исследованіе г. Голохвастова написано живымъ языкомъ, могущимъ убѣдить многихъ; въ изложеніи, однако, нельзя не замѣтить отсутствія устойчивости метода: недостаточно обосновавъ главное положеніе, авторъ, какъ видѣли, развиваетъ второстепенные, изъ него исходящія. И самый методъ изученія вопроса, на сколько онъ отразился въ первой главѣ исследования, едва ли можетъ быть названъ основательнымъ. При решеніи такого широкаго и сложнаго вопроса, какъ законы русскаго народнаго стиха, едва ли можно начинать дѣло съ частностей; изученіе, съ этой стороны, по возможностямъ всѣхъ видовъ народнаго творчества, не только русскаго, но и вообще славянскаго, должно бы, кажется, предшествовать выработкѣ общаго закона, который и можетъ быть выдаваемъ за таковой только лишь послѣ удичнаго примѣненія его ко всѣмъ, по крайней мѣрѣ, известнымъ видамъ этого творчества. Слова автора на стр. 4 „угадать основные законы, общіе, должно быть всѣмъ нашимъ историонароднымъ формамъ и т. д.“ не могутъ не возбуждать сомнѣнія.

Тѣмъ не менѣе, разработка въ этомъ трудѣ многихъ частностей, касающихся народной русской рѣчи вообще, свидѣтельствуетъ о большой наблюдательности автора и о прекрасномъ практическомъ знаніи имъ русской народной рѣчи; его трактаты, напримѣръ, о

¹) По нашему мнѣнію, законы русскаго и вообще славянскаго народнаго стиха зависятъ на юридическомъ, таинъ сказать, расстояніи, главная сущность котораго заключается въ томъ, что стихъ, раздѣленный непрекращенно на два полустишия (равныхъ или неравныхъ по слоговому составу), промежутокъ между которыми называется *стремлениемъ къ уравновѣшенню* этихъ полустиший во времени для ихъ произношенія; если стихъ дѣлится, напримѣръ, на два полустишия такъ, что въ первомъ 7 слоговъ, а во второмъ 5 слоговъ, то слоги втораго полустишия произносятся медленнѣе слоговъ первого:

Вотъ тѣзъ бабушка | Юрьевъ день

Схема: 6 = 3.

А и самъ то говоритъ | таково слово

Схема: 7 = 5.

Указаніе на исследованіе этого закона см. «По пов. тоз. теор. къ Слав. нар. творч.» въ Сборн. стат. по славянов. (стр. 488—489).

смысловомъ удареніи вообще и объ измѣненіи удареній въ постоянныхъ эпитетахъ до значительной степени восполняютъ существующие по этому вопросу пробѣлы. При дальнѣйшихъ работахъ автора на этой почвѣ, мы въправѣ ожидать отъ него много полезнаго и новаго, и потому не можемъ не пожелать, чтобы г. Голохвастовъ продолжалъ „свое любимое дѣло“.

Ф. История.

А. Штернъ. Всебчнаа исторія литературы. Переводъ съ немецкаго, дополненный библиографическими указаниями. О.-Пб. 1885.

Означенная книжка не есть переводъ болѣе обширнаго труда того же автора, изданного въ 1882—1883 г., въ пяти томикахъ, подъ заглавіемъ „Исторія новѣйшей литературы“¹⁾), а воспроизводить другое его сочиненіе, гораздо болѣе краткое, которое вошло въ составъ коллекціи, издаваемой подъ общимъ названіемъ „Катехизисъ“ у Вебера (O. J. Weber), въ Лейпцигѣ. Словомъ „катехизисъ“ уже достаточно опредѣляется общій характеръ рассматриваемаго сочиненія Штерна: это сжатые очерки развитія литературы разныхъ народовъ древнаго и новаго міра. При изложеніи подобнаго рода предмета сжатость составляетъ для каждого автора не маловажный камень преткновенія: приходится избѣгать, съ одной стороны, скучности фактовъ, а съ другой,—излишней общности или, что то же, безсодержательности разкза. Штерну удалось съ значительнымъ успѣхомъ избѣгнуть обоихъ недостатковъ. Характеристики отдѣльныхъ періодовъ въ исторіи умственной жизни древнихъ и новыхъ народовъ отмѣчаютъ всѣ важнѣйшия культурныя особенности каждого отдѣльного періода, при чемъ авторъ всегда умѣеть указать на соединяющую отдѣльныя эпохи генетическую связь. Руководящую нитью всего изложенія служить въ книгѣ Штерна именно идея о преемственности основныхъ началъ, обусловившихъ поступательное развитие цивилизованныхъ народовъ востока и запада. Слѣдуетъ однако прибавить, что уже въ виду тѣсныхъ рамокъ сочиненія Штерна чрезмѣрныя ожиданія въ указанномъ отношеніи были бы неумѣстны со стороны читателя: это, во всякомъ случаѣ, не исчерпывающее свой предметъ капитальное произведеніе, а толково и съ лите-

¹⁾ Geschichte der neueren Literatur. 5 Bde. Leipzig. Bibliogr. Institut. 1882—1883.

ратурнымъ талантомъ составленный конспектъ. Талантливость автора сказывается, кромѣ упомянутыхъ общихъ культурно-историческихъ очерковъ главнѣйшихъ эпохъ, также въ весьма удачныхъ характеристикахъ крупнейшихъ изъ представителей литературы того или другого народа, какъ-то: Данте, Кальдерона, Гете, Шиллера, Шекспира и др. Въ глазахъ русскихъ читателей должна показаться чувствительнымъ недостаткомъ книги Штерна чрезвычайная полнота въ перечнѣ иѣ-мендскихъ писателей, переходящемъ нерѣдко въ голую номенклатуру.

Что касается того вида, въ которомъ является сочиненіе Штерна на русскомъ языкѣ, то какъ указывается на это въ предисловіи, текстъ передаетъ безъ всякихъ измѣненій а слѣдовательно, и безъ исправленія тѣхъ, во всякомъ случаѣ неизбѣжныхъ въ подобного рода книгѣ недосмотровъ и частныхъ ошибокъ въ датахъ и отдѣльныхъ подробностяхъ; за то переводчикомъ сдѣлано весьма существенное добавленіе, способное только придать цѣну бѣглому очерку иѣ-мендскаго автора: это сопровождающія каждый изъ отдѣловъ книги библіографическія указанія, какъ на важнѣйшія сочиненія историко-литературнаго содержанія, такъ и на лучшія изданія произведеній упоминаемыхъ въ текстѣ авторовъ, вмѣстѣ съ ихъ біографіями и посвященными имъ изслѣдованіями, а также и переводами самихъ произведеній. Разумѣется, въ этомъ отношеніи книжка представляетъ и нѣкоторые проблемы, за которые впрочемъ составитель сказанной библіографіи извиняется предъ читателями въ предисловіи; но во-первыхъ они искупаются несомнѣнною пользой, которую въ общемъ должно оказать, особенно начинающимъ заниматься исторіей литературы, это добавленіе къ тексту оригинала, во-вторыхъ, они, по всей вѣроятности, будуть устраниены при слѣдующемъ изданіи книги, если судить по тону предисловія, отличающему серьезное отношеніе къ дѣлу. Слѣдуетъ похвалить также и чрезвычайно удачное распределеніе шрифтовъ въ библіографіи, благодаря которому безъ труда отыскивается требуемое указаніе.

Въ виду здравой основной мысли, отличающей „Всеобщую исторію литературы“ Штерна, и пригодности книжки, какъ для первоначального ориентированія въ этой области, такъ и для ближайшихъ справокъ, можно признать изданіе ея на русскомъ языкѣ, далеко не безполезнымъ. Жаль одно, что не исправлены довольно многочисленныя опечатки, особенно въ библіографической части, а также не достаточно хорошо проредактированъ переводъ самого текста, особенно въ началѣ книги, хотя, говоря вообще, пере-

водъ исполненъ удовлетворительно: онъ совершинао свободенъ отъ безсмыслицъ, столь часто обезображивающихъ иностранныя сочиненія подъ перомъ нашихъ переводчиковъ, и удобочитаемъ. За то весьма курьезенъ помѣщенный въ концѣ книги „Указатель именъ“; бесполезно разогнанный на цѣлые два съ половиной печатные листа, онъ заключаетъ въ себѣ, сверхъ именъ авторовъ (которыя бы собственно только и требовались здѣсь), еще какія-то прицѣпленныя къ нимъ, кратчайшія квалификаціи носителей этихъ именъ, квалификаціи, которыхъ часто вовсе не соотвѣтствуютъ главному значенію данного автора, или же обличающіе въ составителѣ „Указателя“ (очевидно—отдѣльномъ отъ лица, переводившаго и дополнившаго ее предисловіемъ и библіографіей) полнѣшее незнакомство съ предметомъ сочиненія; есть даже случаи, гдѣ даже заглавія сочиненій приняты за авторскія имена; такъ напримѣръ, вместо значащагося въ текстѣ заглавія индійскаго сборника басенъ „Гитопадеса“ въ „Указателѣ“ сказано: „Гитопадесь, индійскій писатель“; вместо „Гита-Говинда“—„Гит-говиндъ, индійскій писатель“. А вотъ еще нѣсколько весьма забавныхъ характеристикъ: Гете, Іог. Вольфъ, г. докторъ правъ (!), нѣмецкій поэтъ; Тикъ, Лудв., прусскій тайный совѣтникъ (!), нѣмецкій поэтъ; упоминаемый въ концѣ „Пѣсни о Роландѣ“ труберъ Тюрольдъ обозначенъ: Тюрольдъ, норманскій романистъ (!). Послѣ огромнаго большинства именъ въ „Указателѣ“ просто отмѣчается: французскій, вѣмецкій и т. д. писатель, какъ будто кто-нибудь могъ предположить, что это французскій и т. д. будочникъ или сапожникъ? Еслибы „Указатель“ не заключалъ въ себѣ ничего, кроме однихъ именъ съ соотвѣтствующими ссылками на страницы, это было бы всего цѣлесообразнѣе.

М. И.—чъ.

Румынскій журналъ народнаго просвѣщенія.

BULETENUL MINISTERULUI INSTRUCTIUNII PUBLICE SI AL CULTUROR. Anul. I. №№ 1—4 (Octombrie, Noemvrie, Decembrie 1884, Ianurie 1885). Bucurestї.

Въ концѣ прошлаго года румынское министерство народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій основало свой періодическій органъ. По своему составу журналъ раздѣляется на три отдѣла: 1) официальный, который будетъ заключать въ себѣ законы и указы, от-

носящіеся къ школьному дѣлу вообще, министерскіе распоряженія и приказы о назначеніи лицъ учебнаго вѣдомства, и циркуляры и правила, касающіеся преподаванія и школьнай дисциплины; 2) неофиціальный, въ который войдутъ документы административные, то есть, отчеты генеральныхъ инспекторовъ и ревизоровъ школъ, школьнай статистика, свѣдѣнія о пожертвованіяхъ въ пользу школъ и вообще народнаго образованія, конкурсныя сочиненія для занятія каѳедръ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и разсужденія о методахъ преподаванія и школьнай организаціи, какъ въ Румыніи, такъ и въ другихъ государствахъ. Наконецъ, 3-й отдѣлъ журнала составляютъ объявленія о конкурсахъ на учебныя мѣста всѣхъ степеней преподававія, библиографія и смѣсь. Такимъ образомъ это изданіе имѣетъ чисто офиціальный характеръ; пародное собрапіе ассоциируетъ на него ежегодно съ 1883 г. по 10,000 франковъ. Журналъ находится подъ наблюденіемъ министра, его товарища и начальника отдѣленія среднихъ и высшихъ школъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Онъ печатается въ количествѣ 1,500 экземпляровъ и высылается бесплатно во всѣ учебныя заведенія министерства, а также ревизорамъ школъ, генеральнымъ инспекторамъ учебныхъ заведеній, въ публичныя библиотеки, министерства, посольства при иностраннѣхъ дворахъ, епископіи и митрополіи, и доставляется въ обиходъ на другія газеты и журналы, какъ въ Румыніи, такъ и за границей. У насъ въ рукахъ теперь 4 книжки журнала, и въ нихъ много интересныхъ данныхъ по народному образованію въ королевствѣ, и въ особенности о состояніи преподаванія нѣкоторыхъ наукъ въ румынскихъ университетахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изъ числа офиціальныхъ сообщеній особеннаго вниманія заслуживаетъ министерское распоряженіе объ открытии богословскаго факультета при Букуренитскомъ университѣтѣ. Необходимость въ учрежденіи высшей богословской школы въ Румыніи давно чувствовалась. Уже въ 60-хъ годахъ открыты были въ Іссокъмъ университѣтѣ богословскія каѳедры, но онѣ просуществовали не болѣе четырехъ лѣтъ; затѣмъ въ 1881 г. такія же каѳедры были открыты въ Букуренитѣ, но и онѣ существовали лишь въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ какъ поручены были людямъ, хотя и православнѣмъ по крещенію, но весьма далекимъ отъ православія по своимъ тенденціямъ; къ тому же и само правительство не оказывало ни покровительства, ни необходимой материальной поддержки богословскому преподаванію. Въ настоящее время дѣло поставлено,

по видимому, серьезне. Хотя законъ о факультетѣ не восторгованъ ни въ палатѣ представителей, ни въ сенатѣ, но въ бюджетѣ на 1884 г. народнымъ собраниемъ уже было назначено 15,000 франковъ на открытие и первое обзаведеніе факультета впредь до обсужденія закона о постоянномъ его существованіи. Низкій уровень образованія въ румынскомъ духовенствѣ, распространеніе между румынами дѣятельности католиковъ и протестантовъ, а также печальный процессъ Бирладскаго епископа Калистрата Орлеану (Константина), самымъ яснѣмъ образомъ доказали румынамъ неотложную потребность иметь свой богословскій факультетъ или высшую богословскую школу, чтобы не тратить денегъ на отправленіе молодыхъ людей за границу для получения высшаго богословскаго образованія. Къ тому же эти молодые люди не всегда оправдывали возлагаемыя на нихъ надежды и, кроме того, перѣдко переносили съ образованіемъ и господствующаи идеи тѣхъ странъ, гдѣ они учатся, идеи, не всегда согласны не только съ православiemъ, но даже и съ христіанствомъ.

Курсъ ученія на этомъ факультетѣ предполагается четырехгодичный. На первое время предметы преподаванія будутъ слѣдующіе: 1) энциклопедія и методология богословскихъ наукъ; 2) библейская археологія; 3) еврейскій языкъ, изученіе Библии и объясненіе ветхаго и новаго завѣтъ; 4) введеніе въ ветхій и новый завѣтъ и 5) всеобщая церковная исторія и исторія Румынской церкви. Кроме этихъ предметовъ, студенты-богословы должны слушать на словесномъ факультетѣ латинскій и греческій языки и философію. Не менѣе важно для румынского богослова и знаніе славянскаго языка, на которомъ написаны всѣ произведения начального периода литературы у румыновъ, а также не мало произведений чисто румынскихъ писателей; кроме того, славянскій языкъ употреблялся въ румынской церкви до XVII в. включительно и отчасти до самыхъ послѣднихъ временъ; затѣмъ съ славянскаго переведены большая часть богослужебныхъ румынскихъ книгъ, въ которыхъ осталось множество славянскихъ словъ и даже цѣлыхъ выражений. Вообще говоря, учрежденіе славянскихъ каѳедръ въ румынскихъ университетахъ—настоятельная необходимость. Между тѣмъ министерство, по видимому не обращаетъ вниманія на этотъ предметъ. Весь профессорскій персоналъ состоитъ въ постояннѣе время изъ трехъ лицъ, временно исправляющихъ должность преподавателей, а именно: архимандрита Тимуша, доктора богословіи Черновицкаго университета,—по еврейскому языку, изученію Библии и объясненію ветхаго и новаго завѣтъ; доктора богословія Берлин-

скаго университета Н. Ницulesку — по энциклопедії и методології богословскихъ знаній, введенію въ ветхій и новий завѣты и біблейской археології; и епископа Країовскаго Генадія Еначану, кандидата Кіевской духовной академіи, — по всеобщей церковной исторіи и исторіи Румынскай церкви; онъ же и декантъ факультета. Студентами факультета могутъ быть только имѣющіе званіе бакалавра по словеснымъ и математическимъ наукамъ или кончившіе курсъ въ семинаріяхъ втораго разряда, то-есть, семиклассныхъ. Студенты носятъ духовную одежду по опредѣленію митрополита. На факультетѣ будеть 20 стипендіатоў, получающихъ по 60 фр. въ мѣсяцъ; если число желающихъ получить стипендію будеть превышать число вакансій, то стипендіи назначаются по конкурсу. Стипендіаты должны жить при церкви св. Георгія Стараго съ особымъ директоромъ во главѣ въ лицѣ архимандрита Тимаша.

4-го ноября прошлаго 1884 года происходило торжество открытия богословскаго факультета въ зданіи университета. На этомъ торжествѣ присутствовали митрополитъ, всѣ епископы, находившіеся тогда въ Букурештѣ, и делегатъ отъ министерства народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій, товарищъ министра, профессоръ Точилеску. По совершеніи молебствія г. Точилеску сказалъ небольшую рѣчь, въ которой старался указать значеніе университета для науки и государства и відѣть съ тѣмъ, на отношеніе богословскаго факультета къ другимъ факультетамъ. За пимъ говорилъ деканъ факультета собственно о богословскомъ факультетѣ, какъ учрежденіи, вызванномъ потребностями времени, и о національномъ значеніи его. О послѣднемъ онъ между прочимъ замѣтилъ: „Для насъ, румыновъ, богословскій факультетъ имѣть еще національно-научное значеніе. Литература, языкъ и исторія нашего прошлаго представляютъ явленія, которыя понятны богослову по преимуществу. Румынскій писатель останется въ недоумѣніи передъ статьями, которые составляютъ содержаніе сборниковъ рукописныхъ и печатныхъ нашихъ публичныхъ бібліотекъ. Нашъ филологъ, если онъ не будетъ свѣдущимъ и въ богословскихъ предметахъ, не въ состояніи понимать такихъ выраженій, какъ умная молитва, фірелестить и т. п. Даже историкъ, будучи лишенъ этихъ познаній, долженъ представить Матея Бессараба самымъ жестокимъ тираномъ, такъ какъ этотъ господарь лишилъ имущества мелкихъ землевладѣльцевъ и одарилъ ими монастыри. Умомъ богослова, вооруженный и другими знаніями, будутъ объяспены, какъ слѣдуетъ: заботы румыновъ объ умершихъ, свадеб-

ныя рѣчи, пѣсни и иѣкоторые обряды, кумовства и т. п. Вообщѣ основаніе богословскаго факультета съ хорошою организаціей облегчить изученіе нашего историческаго прошлаго и обогатить знанія нашихъ ученыхъ, еще однимъ скромнымъ знаніемъ богословскимъ, которое не можетъ быть оставлено безъ вниманія, когда почти всѣ явленія исторической жизни румыновъ религіознаго характера".

Въ неофиціальномъ отдѣлѣ журнала обращаютъ на себя вниманіе статьи: г. Неницеску — „Требованія наглядной методы" и г. Негоеску — „Организація реальнаго образованія въ Вакарії"; эта послѣдня составляетъ краткій отчетъ, представленный министерству народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣдавій. Но самыи важныи вкладомъ въ журналъ являются, безъ сомнѣнія, отчеты о гигіиническомъ, нравственномъ и учебномъ состояніи румынскихъ школъ и затѣмъ конкурсныи сочиненія. Съ 15-го августа по 15-е сентябрь, въ каждомъ ревизорскомъ округѣ въ Румыніи, состоящемъ изъ двухъ дистриктовъ, бываютъ съѣзды сельскихъ пародныхъ учителей. На этихъ съѣздахъ, подъ руководствомъ ревизора, обсуждаются самые насущныи потребности школьнаго дѣла въ данномъ округѣ. По окончаніи съѣзовъ ревизоры должны представлять отчеты о числѣ присутствовавшихъ и отсутствовавшихъ учителей, при чёмъ отсутствовавшие безъ уважительныхъ причинъ лишаются жалованья за пропущенное время. Судя по этимъ отчетамъ, съѣзды имѣютъ весьма полезное вліяніе на улучшеніе школьнаго дѣла въ Румыніи. Чтобы дать вѣдомое понятіе о характерѣ занятій на съѣздахъ, приведу нѣсколько словъ изъ отчета ясско-васлуїскаго ревизора за 1884 годъ. „Въ нынѣ действующей программѣ, хотя отчасти и введенной въ нынѣшнемъ году, замѣчены сїдующіе недостатки: число классовъ, увеличенное на два, дѣлаетъ невозможнымъ, чтобы одинъ учитель могъ заниматься съ учениками каждого класса регулярно по одному часу въ день, и это по слѣдующимъ обстоятельствамъ: одни изъ дѣтей, которыхъ должны пройти большія пространства, чтобы явиться въ школу, не могутъ приходить въ свой классъ къ указанному часу; другіе же, будучи плохо одѣты, не могутъ посѣщать школу по причинѣ утренняго холода, и такимъ образомъ они опаздываютъ на часъ или на два. По новымъ правиламъ, если ученикъ не явится въ классъ къ назначенному времени, то придется позже, онъ не можетъ войти туда, но въ такомъ случаѣ какъ же будутъ учиться ученики, если они будутъ терять большую часть годовыхъ часовъ? Между тѣмъ, по старымъ правиламъ, эти часы не считались потерянными, такъ

ЧАСТЬ ССХХVIII, ОТД. 2.

какъ учителя, будучи менѣе заняты, находили время заниматься и съ опоздавшими учениками. Отсюда слѣдуетъ, что преподаваніе при пынѣнныхъ условіяхъ ведется гораздо слабѣе, чѣмъ оно велось по старымъ правиламъ, такъ какъ тогда ученики каждого класса, оставалась въ классѣ болѣе часа въ день подъ непосредственнымъ руководствомъ учителя, и остальную часть дня находились подъ наблюденіемъ его и надзирателей. Въ настоящее время дѣлается совсѣмъ иначе. Учитель, распредѣляя свое время на шесть классовъ, можетъ быть въ одно и то же время только съ учениками двухъ классовъ, и послѣ того, какъ займется съ ними по очереди по часу, распускаетъ ихъ, для того, чтобы заниматься съ учениками двухъ другихъ классовъ. Отсюда слѣдуетъ, что ученики, оставшись свободными, во все оставшее время дня, вместо того, чтобы учиться, затѣваютъ игры, и такимъ образомъ у нихъ пропадаетъ всякое желаніе учиться. Замѣтно, что съ увеличеніемъ числа классовъ ослабѣлъ успѣхъ учены; большая разница между ученикомъ, которымъ ученики бывали заняты по пяти часовъ въ день, и тѣмъ, на которое иныѣ употребляютъ только два; къ этому пужно еще прибавить большия каникулы, во время которыхъ ученики забываютъ почти все, чemu они учились".

Упоминаемое здѣсь увеличеніе числа классовъ въ сельскихъ школахъ заключается въ прибавленіи въ 1883 году V и VI классовъ къ прежнимъ четыремъ или, иначе говоря, въ продленіи учебного курса на два года. При наличныхъ учебныхъ силахъ и средствахъ мѣра эта оказывается очень неудобною. Вотъ чѣд говорить объ этомъ другой ревизоръ, дымбовицко-мущелскій, въ своемъ отчетѣ министру: „Всѣ эти классы помѣщаются въ одномъ залѣ, который рѣдко имѣть 8 метровъ въ длину, 6 въ ширину и 3 въ высину, а по большей части только въ половину менѣе. Въ такомъ помѣщеніи почти не возможно вести преподаваніе для всѣхъ классовъ.... Учителю удобнѣе имѣть 6 классовъ по 30 и болѣе учениковъ въ каждомъ, но распределенныхъ въ шести отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, чѣмъ 6 классовъ съ 5 учениками въ каждомъ, по собраннными въ одной комнатѣ. Можно себѣ представить, чѣд значитъ шесть классовъ, хотя бы и съ 5—6 учениками, но являющимися безъ всякой подготовки изъ родительскаго дома и собранными въ одной комнатѣ безъ достаточнаго количества воздуха и свѣта, а въ зимнее время и холодной. Въ 8 часовъ утра учитель начинаетъ свои занятія съ I классомъ и долженъ окончить ихъ въ 9 часовъ. Что же дѣлается между тѣмъ въ остальныхъ классахъ? Не смотря на своихъ надзирателей, между которыми имена тѣ

же дѣти, ученики этихъ классовъ, то и дѣло, прорываютъ бѣднаго учителя. То, что происходитъ во время уроковъ въ I классѣ, повторяется и во время уроковъ въ другихъ классахъ. Такимъ образомъ учитель, располагая однимъ только часомъ для каждого класса, не можетъ употребить и это время какъ слѣдуетъ.... Одно изъ главныхъ золъ пынѣшней программы состоять въ томъ, что не принято было во вниманіе, чтобы уроки начинались съ высшаго класса и оканчивались въ низшемъ, такъ чтобы ученики старшихъ классовъ могли пользоваться уроками низшихъ, повторяя пройденное, и какъ болѣе возрастные, были бы спокойнѣе и больше занимались бы дѣломъ.... Короче сказать, нынѣшняя программа сельскихъ школъ отвѣчаетъ ихъ назначенію; но чтобы она давала желаемые результаты, нужны два учителя въ каждой школѣ, болѣе обширныя поимѣщенія и выполненія гигиеническихъ условій".

Не менѣе характерны и принципіальные замѣтки о самой программѣ сельскихъ училищъ и отчасти о школьнѣ образованіи сельскаго населения. Приведемъ нѣсколько замѣчаній по этимъ вопросамъ изъ того же отчета (стр. 119—120): „Первоначальное сельское образование по прежней программѣ (1876 г.) было такъ устроено, что оно давало крестьянскому мальчику знанія, которыхъ имѣли мало значенія для его жизни. Въ настоящее время, по дѣйствующей программѣ, образование, основанное на болѣе реальныхъ началахъ, благодаря тому, что введены въ школы естественные науки, земледѣліе и изученіе одного изъ ремеселъ, болѣе пригодного для данной мѣстности, очевидно, принесетъ сельскому населенію достаточную пользу, которая вполнѣ отвѣчаетъ его насущнымъ потребностямъ. Основанія земледѣлія и домашней экономіи, столь необходимыхъ крестьянскимъ мальчикамъ, въ сельскихъ школахъ прежде преподавались совершенно теоретически. Но и теперь школы не имѣютъ вблизи хотя бы пяди земли для обработки, а большая часть школъ— и на отдаленномъ разстояніи (какъ въ школахъ въ частныхъ имѣніяхъ), ни садовъ вокругъ зданія; вслѣдствіе этого, ясно, что какъ ни желать бы учитель вести эти занятія практическими, онъ не въ состояніи сдѣлать это. Прежде всего онъ не можетъ оставлять первые четыре класса (въ которыхъ, по программѣ, не преподаются эти предметы), чтобы отправиться съ учениками V-го и VI-го классовъ на 5 или 6 километровъ отъ школы, гдѣ послѣднимъ владѣть участкомъ земли, на которой онъ могъ бы показать ученикамъ, какъ нужно прилагать къ дѣлу то, что они узнали изъ книги; еслибы въ каждой

школѣ было, по крайней мѣрѣ, по два учителя, тогда сельскія школы не только вообще гораздо больше бы преуспѣвали, но одинъ изъ учителей надзиралъ бы и преподавалъ бы въ первыхъ четырехъ классахъ, а другой руководилъ бы послѣдними двумя и, вѣдѣтъ съ тѣмъ, въ тѣ дни, которые посвящаются урокамъ по земледѣлію, могъ бы дѣлать экскурсіи по разнымъ мѣстамъ, что дало бы возможность поставить правильно предметъ своихъ занятій". Что же касается указанія того, какую отрасль профессионального образования слѣдуетъ, сообразно съ условіями мѣстности, вводить въ число общихъ школьніхъ предметовъ, то, по замѣчанію ревизора, въ степныхъ мѣстностяхъ, где населеніе занимается земледѣліемъ, является потребность ввести профессиональное образованіе, имѣющее отношеніе къ этому дѣлу. Въ другихъ же мѣстностяхъ, где населеніе занимается бочарнымъ ремесломъ и плотничествомъ, гончарствомъ, плетеніемъ ивики или рогожь, было бы полезно ввести эти ремесла. Въ виноградныхъ мѣстностяхъ слѣдовало бы завести бондарни; въ горныхъ и въ лѣсныхъ, и въ особенности буковыхъ,—выдѣлку досокъ; а въ тѣхъ горныхъ мѣстностяхъ, где лѣтъ большихъ и обширныхъ лѣсовъ, слѣдовало бы ввести кузнечество и веревочное ремесло.

На съѣздахъ народныхъ учителей обсуждается также пригодность и непригодность того или другого учебника, и даже дѣлается выборъ руководствъ. Въ томъ же отчетѣ указано, какіе учебники опредѣлено употреблять въ сельскихъ школахъ вышеозначенаго учебнаго округа. Вотъ какъ ревизоръ мотивируетъ этотъ выборъ: „Необходимость единства въ учебныхъ книгахъ для обоихъ округовъ была весьма чувствительна. Какъ я уже имѣлъ честь объяснить въ прежнихъ донесеніяхъ, во время конкѣ ревизій во многихъ школахъ я нашелъ такія учебные книги, которая не соответствовали ни требованіямъ времени, ни педагогическимъ. Мы обсудили на нашихъ засѣданіяхъ этотъ вопросъ объ учебныхъ книгахъ и убѣдились, что рекомендованные и принятые нами книги не только не обременяютъ память въ ущербъ развитію ребенка, но напротивъ того, способствуютъ развитію мышленія. При обсужденіи этого вопроса, доказано было до очевидности, что выученный по книгѣ и не объясненный учителемъ урокъ загромождаетъ память ученика цѣлою кучей мертвыхъ знаній, притупляетъ его, не пріучаетъ его ни къ какому мышленію, и, наконецъ, заученное имъ по попугайски не составляетъ собственности его живаго ума, но собственность, надъ которой онъ рано или поздно не будетъ ходатайничать".

Съ 1864, и главнымъ образомъ, съ 1879 г. учителскія мѣста въ низшихъ и профессорскія каѳедры въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Румыніи занимаются не иначе, какъ по конкурсу предъ особою комиссией, назначаемою министерствомъ народнаго просвѣщенія и исповѣданій. По конкурсу назначаются и стипендіи командируемымъ за гравицу для получения высшаго и специального образования. Состязанія бывають устныя и письменныя при чемъ и пишутся конкурсныя сочиненія. Въ рассматриваемыхъ книжкахъ журнала напечатано нѣсколько такихъ сочиненій на занятіе юридическихъ каѳедръ въ Яссскомъ университѣтѣ, и на занятіе каѳедръ румынскаго языка и литературы въ старшемъ курсѣ Ясского лицѣя (гимназія). Эти послѣднія сочиненія написаны на слѣдующія темы: „Исторія румынской графики латинскими буквами съ обзоромъ различныхъ системъ правописанія.“—Происхожденіе и развитіе румынскаго члена изъ латинскаго языка въ румынскомъ съ обозначеніемъ правилъ употребленія члена въ румынскомъ языкѣ до конца XVII вѣка; причины постновитинности члена.—Эпическая поэзія; болѣе замѣчательные эпические поэты (?) до 1830 г. Для насъ больший интерес представляютъ первыя двѣ темы, на которыхъ составлялись два кандидата; оба они еще молодые люди, получившіе образованіе въ Ясскомъ университѣтѣ, но уже известные довольно серьезными работами въ ученой румынской литературѣ; первый изъ нихъ А. Филиппіде, написавшій диссертацию: „Încercare asupra stării sociale a poporului român în trecut“ (Jassy. 1881); второй—Эдуардъ Груберъ, недавно выпустившій въ свѣтъ диссертацию: „Studiî asupra genului elementilor latine în romaneste în comparație cu celelalte limbi românești“ (Jassy. 1884). Въ вопросѣ о румынской графикѣ латинскими буквами оба автора согласны; разница только въ томъ, что работа г. Филиппіде болѣе содержательна и полнѣе, представила больше фактъ.

Первый опытъ написанія по румынски латинскими буквами сдѣлать въ концѣ XVI вѣка (Отче нашъ—по италіанско-польской ореографіи Луки Строича). Латинскими буквами напечатаны кальвинскій католицизмъ конца первой половины XVII вѣка (по венгерской ореографіи); затѣмъ въ послѣдней четверти того же вѣка въ Римѣ появился католический католицизмъ (по италіанской ореографіи). Въ Молдавіи уже господарь Дмитрій Кантеміръ сталъ писать латинскими буквами. Но это были лишь спорадическія явленія. Только съ

1780 г., когда была издана грамматика уніатського єпископа Самуїла Клайна, установилась болѣе или менѣе систематическая латинская ореографія румынского языка; послѣ него пошла цѣлая серія писателей этого же направления. Въ основу ореографії эта школа ставила латинскій прототипъ, установивъ такимъ образомъ этимологическую систему правописанія. Но въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія буковинскіе литераторы стали вводить систему фонетической ореографії; за ними послѣдовали и молдавскіе писатели. Эта система съ течениемъ времени стала господствующей; даже Румынская академія сдѣлала ей уступку, хотя еще до послѣдняго времени держалась системы этимологической по преимуществу, которая развилась и окрѣпла у уніатовъ въ Трансильваниі, гдѣ она держится и до сихъ поръ. Во всеобщее употребленіе латинская ореографія вошла однако только съ 1860 г.; въ Румыніи же введена она особенно декретомъ князя Кузы въ 1859 г. Тѣмъ не менѣе, и до настоящаго времени кириллица еще далеко не изгнана изъ румынской церкви, хотя ею никто уже не печатаетъ, кромѣ развѣ нѣкоторые изъ старцевъ Німецкаго монастыря.

Не менѣе интереса представляютъ диссертациіи о румынскомъ членѣ. Объ этомъ вопросѣ въ румынской ученой литературѣ существуютъ два мнѣнія: одно представляется профессоромъ Б. И. Хайдеу а другое—безвременно-погибшимъ филологомъ-романистомъ Ламбрю ромъ. Первый полагаетъ, что румынскій членъ образовался на почвѣ еракійской¹⁾, а другой—что онъ развился на почвѣ романской²⁾; послѣднее мнѣніе, по видимому, начинаетъ господствовать³⁾. Къ этой второй группѣ можно отнести и авторовъ рассматриваемыхъ диссертаций. Несомнѣнно, что вопросъ о началѣ румынского члена можетъ быть вполнѣ решенъ на почвѣ вулгарной латыни, какъ весьма основательно доказываютъ и всѣ другіе романскіе языки; но его своеобразное развитіе въ постпозитивности, то-есть, въ постановленіи его въ концѣ слова, какъ въ баскскомъ, датскомъ и шведскомъ языкахъ, а также и въ нѣкоторыхъ восточныхъ, могло совершиться только

¹⁾ *Къвенте ден'* бѣтрѣні. II. Вис. 879, p. 644—647, 669—679, 686—687. Ср. *Nădejde, Gramatica limbei române. Jasi*. 1884, p. 104.

²⁾ *Nădejde, Op. c.*, p. 99—103, 104—105.

³⁾ *Străjană, Manual de gramatica limbei române. I. Ed. III. Buc.* 1884, p. 138.

подъ влініемъ особенныхъ мѣстныхъ условій на Балканскомъ полуостровѣ, доказательствомъ чему могутъ служить его полное и почти до мельчайшихъ подробностей сходство съ членомъ въ албанскомъ языкѣ, довольно удачно представленное профессоромъ Хыждеу¹), а затѣмъ образование и неполное развитіе его въ болгарскомъ языкѣ²). Это послѣднее обстоятельство указываетъ на интензивную силу члена въ албанско-румынской группѣ языковъ.

III. Сырку.

---

¹) Op. c., p. 636—647.

²) Ibid., p. 651—552. Ср. *Водуэн-де-Куртенэ*, Розыскъ материнства. Лейпцигъ. 1875, стр. 25.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА¹⁾.

Начальная хрестоматия. Пособие при обучении русскому языку въ приготовительномъ и первомъ классахъ среднихъ заведений и городскихъ училищъ. Составилъ *К. Козьминъ*, преподаватель Московского учительского института. Москва. 1884. Въ 8-ку стр. IV и 156²⁾), 16 и 32. Цѣна 55 к.

Въ своей „Начальной хрестоматіи“ г. Козьминъ намѣревался дать материалъ „для упражненія въ механическомъ и сознательномъ чтеніи, для разкзана и заучиванья наизусть“ и включилъ въ нее четыре отдѣла. Первый (стр. 85) начинается небольшими статьями по-вѣтвствовательного характера, изложеннымъ языкомъ, приближающимся къ разговорной рѣчи; затѣмъ статьи постепенно увеличиваются въ объемѣ и языкъ принимаетъ складъ болѣе литературный. Отдѣль заканчивается пятью разкзами исторического содержанія. Второй отдѣль составляютъ сказки (86—98), третій—басни (99—110); паконецъ четвертый (111—143)—картины русской природы и русской жизни, изображенныя въ прозѣ и въ стихахъ. Затѣмъ помѣщены рядъ отрывковъ изъ воспоминаній С. Аксакова (143—156). Въ концѣ книги два приложенія: одно—для упражненія въ славянскомъ чтеніи (стр. 1—16), другое—въ чтеніи письменнаго шрифта (стр. 1—32).

Такого рода небольшіе сборники требуютъ отъ составителя, особенно если онъ самъ преодолѣтъ русскій языкъ хотя бы въ напечатаніи учебномъ заведеніи, очень мало труда, не многимъ болѣе, чѣмъ

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

²⁾ Въ книгѣ значится 256 стр., но за стр. 146 прямо слѣдуетъ 247. Издана книга епархій наставниковъ Салаевыхъ.

сколько его нужно для простой переписки, при чём составить совершенно непригодную книжку можно разъ умышленно, напримѣръ, задаваясь тенденціозными цѣлями. Поэтому, очевидно, г. Козыминъ, преподаватель опытный, уже издавшій въ сколько руководствъ, не могъ выпустить въ свѣтъ книжки, совсѣмъ не допустимой въ школѣ; но трудъ его не отличается и никакими достоинствами, которыми ставили бы его хрестоматію выше другихъ сборниковъ статей въ прозѣ и стихахъ для младшихъ классовъ гимназій или для городскихъ училищъ. Можно даже указать на въ сколько статеекъ, выбранныхъ довольно неудачно: „Бѣдный Гнѣдко“ кн. Одоевскаго, представляющая болтливую мораль въ устарѣломъ тонѣ, „Фіалка“ г. Гиллера—апология, должнаствующая возбудить въ ребенкѣ мысль о бессмертии природы, о кругооборотѣ жизни въ ней, неудачна уже потому, что бойкій ребенокъ легко подмѣтить въ ней грубые недосмотры: погибшій экземпляръ цвѣтка не воскресаетъ, какъ утверждаетъ басня. „Степанъ и его лошадь“—разказъ совсѣмъ безвязный. Содержаніе разказовъ изъ русской исторіи, заимствованныхъ у г. Майкова, слишкомъ однообразно (всѣ три представляютъ свидѣтельства чудесной помощи Божіей первымъ собирателямъ земли Русской); двѣ первыи сказки втораго отдѣла („Лиса почлежница“ и „Лисица, заяцъ и щѣтухъ“) мало содержательны; изъ богатаго запаса русскихъ сказокъ можно бы сдѣлать выборъ несравненно болѣе удачный. Картины русской природы и русского быта подобраны по временамъ года, но не оставляютъ достаточно цѣльного, образнаго впечатлѣнія. Подобный отдѣлъ, напримѣръ, составленъ удачнѣе въ начальной хрестоматіи гг. Виноградова и Андреева. Нѣкоторыи описанія могли бы съ выгодою быть замѣнены другими, напримѣръ, „Весеннее утро“ (стр. 114). Картина слишкомъ сложная для приготовительного или первого класса; стихотвореніе „Христосъ воскресе“ (стр. 112) непонятно дѣтямъ. Короче сказать, новый трудъ г. Козымина—трудъ совсѣмъ заурядный.

Родина. Сборникъ для класснаго чтенія, съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. (Курсъ приготовительнаго и четырехъ высшихъ классовъ). Составилъ А. Радонежскій. Издавіе девятое. Съ рисунками. Въ 8-ку, 324 стр. С.-Пб. 1885. Цѣна 75 коп.

Это изданіе напечатано почти безъ перемѣнъ съ седьмаго изданія „Родины“. Разница между двумя изданіями заключается лишь

въ томъ, что въ девятомъ изданіи помѣщено около 50 рисунковъ и три новыя статьи: „Запита Баязета“, „Картина взятія Шевиньи“ и „Скобелевъ“, относящіяся къ геройскимъ подвигамъ русскихъ въ послѣднюю войну съ турками.

Ученье-свѣтъ. Книга для чтенія въ классѣ (?) и дома. Средній и старшій возрастъ. Составилъ Нестрѣ Вейнбергъ. С.-Пб. 1883. Въ 8-ю д. 1., стр. II и 374. Цѣна 1 руб. 50 коп.

„Ученье-свѣтъ“ есть посвященный учащемуся юношеству среднаго и старшаго возраста сборникъ статей для внѣкласснаго чтенія. Составитель, судя по оберткѣ, считаетъ его примѣнимымъ и въ классѣ, но придумать ему дѣльное примѣненіе въ качествѣ класснаго пособія врядъ ли возможно; съ этой точки зрѣнія и разсмотривать его нельзя, да отъ нея, если не ошибаемся, отрекается и самъ г. Вейнбергъ въ небольшомъ предисловіи, замѣчательномъ по небрежному изложению: „Вопросъ о доставлении учащимся материала для чтенія, независимо отъ собственно-классныхъ запитій“, говорить опять,— „принадлежитъ къ числу наиболѣе существенныхъ въ педагогической практикѣ, какъ по своей важности, такъ и по трудности своего практическаго осуществленія“ (?). Доставлять ученикамъ материалъ для чтенія, по мнѣнію г. Вейнберга, трудно, какъ вслѣдствіе недостаточности денежныхъ средствъ, которыми располагаютъ учебныя заведенія, такъ еще и потому, что „весьма большое количество статей, могущихъ служить прекраснымъ материаломъ для чтенія, печатается въ разныхъ журналахъ, сборникахъ и т. п. и такимъ образомъ лишаетъ возможности и слѣдить за ними (?), и добывать ихъ“ (?). Это затрудненіе г. Вейнбергъ предполагаетъ устроить изданіемъ сборниковъ, соединяющихъ въ себѣ статьи разнообразнаго характера, способный благотворно вліять на эстетическое развитие читающаго и обогащать его умъ познаніями“. „Ученье-свѣтъ“— опытъ такого сборника.

Самая идея—собрать въ одну книгу рядъ статей разнообразнаго содержанія, пригодныхъ для чтенія юношеству, далеко не нова, а потому останавливаться на ней не стоитъ; посмотримъ только, на сколько удачелъ выборъ статей въ сборникѣ „Ученье-свѣтъ“, и на сколько г. Вейнбергъ внимательно отнесся къ задуманному изданію.

Вотъ оглавление сборника: 1) „Изложеніе поэмы „Гудрунъ“; 2) „Колумбъ“, біографическій очеркъ г. Гайдебурова; 3) „Старый ма-

тросъ", поэма Кольриджа; 4) „Дѣтство и юность Диккенса"; 5) „Праздничный сонъ до обѣда"—сцены г. Островского; 6) „Дора", стихотворение Теннисона; 7) „Трубка", разказъ Ауэрбаха; 8) „Рубенсъ", биографический разказъ; 9) „Иванъ Жижка", стихотворение Ленау; 10) „Путь по Волгѣ въ 1851 году" г. Потѣхина; 11) „Стефенсонъ", биографический очеркъ; 12) „Три смерти", разказъ графа Л. Н. Толстаго; 13) „Четыре дня", разказъ г. В. Гаршина; 14) „Въ арсеналѣ", стихотворение Лонгфелло; 15) „Воскресеніе Христово", стихотворение Гейбеля; 16) „Обстановка частной жизни въ Московскомъ государствѣ" г. Костомарова; 17) „Комедія ошибокъ" Шекспира; 18) „Джонъ—ячменное зерно", стихотворение Бориса; 19) „Илотичы артель", повѣсть Писемского; 20) „Дурочка", идилія г. Майкова; 21) „Простая душа", разказъ Флобера; 22) „Канди и южный Деканъ" г. Чистякова; 23) „Песталоцци", биографический очеркъ; 24) „Екатерина Великая на Днѣпрѣ", разказъ г. Г. Данилевского; 25) „Придворно-рыцарское общество Германіи", Шерра.

Однѣйъ этотъ перечень свидѣтельствуетъ о разнообразіи сборника, а также о занимательности и положительныхъ достоинствахъ многихъ изъ помѣщенныхъ въ немъ статей. Не мѣшало бы, однако, замѣнить вѣкоторыя статьи другими. Врядъ ли удачно, напримѣръ, избранны сцены Островского. Отѣ, конечно, не разовьютъ въ юношѣ эстетического вкуса и не научатъ его пониманію живой дѣйствительности: нужно запачительное развитіе, врядъ ли присущее юношеству, чтобы, при чтеніи этихъ сценъ не остановить вниманіе на вѣнчаніи, въ данномъ случаѣ довольно тривіальной и нѣсколько карикатурномъ комизмѣ г. Островского, а призадуматься надъ печальною картиной идеаловъ захолустнаго полуудіота Бальзаминова.

Точно также для ознакомленія юношѣ съ Шекспиромъ можно выбрать множество сценъ прекрасныхъ и представляющихъ вполнѣ законченное цѣлое помимо „Комедіи ошибокъ", одного изъ первоначальныхъ и далеко не лучшихъ произведений Шекспира. Въ оправданіе своего выбора г. Вейнбергъ приводитъ указаніе Гервинуса на сценическое значеніе трагической экспозиціи. Она, дѣйствительно, въ продолженіе всей піесы напоминаетъ зрителю о печальному результатѣ, къ которому можетъ привести верепица недоразумѣній, составляющихъ главное содержаніе комедіи, и тѣмъ поддерживаетъ интересъ къ путаницѣ, въ сущности мало интересной уже потому, что она решительно невѣроятна, такъ какъ, кроме сходства близ-

пецовъ-Антифоловъ и близнецовъ-Дроміо, предполагаетъ, что близнецы эти еще случайно въ данный день и одѣлись совершенно одинаково; потому Гервицусъ справедливо замѣчаетъ, что, только благодаря трагической основѣ своей, комедія производить „впечатліе болѣе глубокое, чѣмъ простая сценическая шутка“,—тѣмъ не менѣе „Комедія ошибокъ“ остается произведеніемъ незначительнымъ для Шекспира и неспособнымъ ознакомить юношество съ гениемъ величайшаго изъ драматурговъ.

Не знаемъ далѣе, на сколько умѣства въ сборникѣ болѣзньно-романтическая поэма Кольриджа. Она могла бы имѣть значеніе, еслибы ей предполагало было дѣльное примѣчаніе, историко-литературное поясненіе; но г. Вейнбергъ также мало потрудился надъ примѣчаніями, помѣщенныммыми въ концѣ книги, какъ и надъ предисловіемъ, напечатаннымъ въ ея началѣ (и предисловіе, и примѣчаніа—*horribile dictu*—грѣшатъ даже противъ правильности русской рѣчи!). Примѣчаніе второе, относящееся къ поэмѣ „Старый Матрость“, одному изъ знаменитѣйшихъ произведеній Кольриджа и лучшыхъ англійской поэзіи вообще, какъ выражается г. Вейнбергъ, не только не облегчаетъ пониманія этого произведенія, но еще возбуждаетъ въ юномъ читателѣ новое недоумѣніе, безъ всякаго поясненія упомянутая обѣ „озерной школѣ“¹⁾.

Не мѣшало бы, наконецъ, выбросить изъ сборника устарѣлую статью г. Потѣхина „Путь по Волгѣ въ 1851 году“ и поражающую плохими изложеніемъ биографію Колумба.

Нѣкоторыя статьи сборника, требуютъ пересмотра, напримѣръ, на стр. 359 помѣщена статья „Придворно-рыцарское общество Германіи въ его цвѣтущее время и во время его упадка“. Она заимствована изъ „Історії цивілізації въ Германії“ Шерра, книги, которая, какъ извѣстно, требуетъ особенной осторожности отъ лицъ, желающихъ отмѣтить въ ней хотя бы нѣсколько страницъ для чтенія юношеству. Г. Вейнбергъ, перепечатывая съ небольшими измѣненіями конецъ

¹⁾ Въ оправданіе своего отзыва о примѣчаніяхъ сдѣласъ еще два выписки:
1) «Лонгелло—американскій поэтъ, род. въ 1807 г., умеръ въ прошедшемъ году, если произведенія которою проникнуты глубокою (sic) гуманностью, смиренностью и теплотою, давающими его одни изъ самыхъ симпатичныхъ писателей». 2) «Избирательными спичами называются тѣ, которые произносятся лицами, избранными на ту или другую должность при вступлении въ посаднюю».

главы 4-й и начало главы 5-й первой книги, допустиль въ свой сборникъ такія строки: „Женщина разорвала узы благородной домовитости, противопоставила свободную любовь неприкосновенности брачнаго союза“ (стр. 367), или: „танцы превратились въ безобразное неистовство и бушеваніе, безстыдныя тенденціи которыхъ возбуждали великій соблазнъ“ (стр. 368) и т. п.

На стр. 46 въ статьѣ о дѣтствѣ и юности Диккенса есть прекрасныя страницы, заимствованныя изъ автобіографіи великаго романиста и изъ воспоминаній Ферстера, но тѣмъ непріятнѣе поражаетъ небрежность страницъ, принадлежащихъ лицу, дополнявшему помѣщеный въ сборникъ очеркъ. Въ нихъ встрѣчаемъ выраженія такого рода: „Это были тѣ самыя книги, которая жадно прочитывалъ Диккенсъ, которымъ, какъ видно изъ этого, не особенно старательно руководили въ выборѣ чтенія“... или: „маленькаго Чарльза ставили на столъ, и онъ забавлялъ всю честную компанію!“... или: „тамъ гдѣ въ послѣдніе два десятилѣтія росла борода, не было и слѣда волосинки“... Дополнивший статью, кромѣ того, нисколько не соображался съ ея назначениемъ. „Читавшіе „Коннерафильда“—а кто не читаль его?“... обращается онъ къ читателю, забывая, что между юношами, которымъ предназначается сборникъ, встрѣтятся многіе, не читавшіе и даже не слыхавшіе о Коннерафильдѣ. Да ще онъ называетъ Диккенса то „Чарльзомъ“, то „Карломъ“, то „Бозомъ“, забывая, что читатель еще не знаетъ ни имени Диккенса, ни тѣмъ болѣе его псевдонима. Да и что за небрежность—называть въ одной и той же статьѣ то же лицо то англійскимъ, то переводнымъ именемъ.

Въ біографіи Стефенсона (стр. 141) въ читателѣ безъ всякого основанія предполагается знакомство съ механикой, достаточное, чтобы судить о пригодности „конденсаторокъ“, „трубчатыхъ паровиковъ“ и прочихъ приспособленій для тѣхъ или другихъ механизмовъ.

Издание небрежно: опечатокъ много; напримѣръ, Лензу вмѣсто Ленау (стр. 373); поэмѣ „Нибелунга“ даютъ название „нѣмецкой Иліады“ (372); сочиняль молитвы вмѣсто мотивы (368); изобрѣтены вмѣсто изобрѣтенные (157); переносятся слова изъ строки въ строку: изо- бражать (47), нево- возможно (16) и т. п.); брошюровка очень плоха. Цѣна сборника (1 р. 50 к. за 23 листа) должна быть признана очень высокою, если принять въ соображеніе, что за помѣщенныя статьи составитель гонорара не платилъ, и что книга напечатана на плохой бумагѣ.

Методика преподавания русской грамматики въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Л. Полевоі*. Издание Д. Д. Полубоярнова. Въ 8-ку 86 стр. С.-Петербургъ. 1884. Цѣна 50 коп.

Методическая русская грамматика. Для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Л. Полевоі*. Издание Д. Д. Полубоярнова. Въ 8-ку 99 стр. С.-Петербургъ. 1884. Цѣна 40.

Первая изъ этихъ книгъ, раздѣленная на десять главъ, содержитъ въ себѣ лекціи, прочитанные авторомъ въ 1882 г. въ одной изъ аудиторій педагогического музея. Начало лекцій предлагается исторический очеркъ грамматической разработки русского языка; продолженіе занято разборомъ программъ, принятыхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ окончаніи заключается программа русской грамматики, выработанная авторомъ для трехъ младшихъ классовъ. Исторіи русской грамматики отведено четыре главы: это — не самостоятельный трудъ, а выборка изъ преждѣбывшихъ изслѣдований и разысканій, выборка не бесполезная для преподавателей. Первая глава, подъ названіемъ: „откуда взялась наша грамматическая терминология?“ доводить исторический обзоръ до Ломоносова, во второй говорится о его грамматикѣ, въ третьей — о трудахъ по русской грамматикѣ отъ Ломоносова, въ четвертой — о разработкѣ грамматического материала въ послѣднія сорокъ лѣтъ. Главы пятая и шестая разсматриваютъ существующія программы русского языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, вѣдомства учрежденій императрицы Маріи и въ бывшихъ воспитыхъ гимназіяхъ при чемъ оказывается что критикъ не доволенъ ни тѣми, ни другими, ни третьими. Переходя, въ послѣдніхъ четырехъ главахъ (всѣхъ главъ десять), къ изложенію своихъ мыслей о преподаваніи элементарной русской грамматики, г. Полевоі представляетъ его въ видѣ концентрическихъ круговъ и дѣлить на три концентра такимъ образомъ: въ первомъ концентре (1-й классъ) — изученіе распространеннаго предложения, какъ слѣдующая ступень за изученіемъ предложения простаго не распространеннаго, въ классѣ приготовительному; во второмъ концентре (2-й классъ) — изученіе предложенийъ слитнаго и составнаго, какъ посредствующихъ членовъ между предложениями простымъ и сложнымъ, потомъ сложнаго, изученіе состава словъ и ознакомленіе съ главными церковно-славянскими формами, упѣлѣвшими въ русскомъ языкѣ; наконецъ, въ третьемъ кон-

центръ (3-й классъ) — изученіе придаточного предложения — полнаго и сокращеннаго, предложенийъ вводнаго и вноснаго, способовъ соединенія предложенийъ и ознакомленіе съ нѣкоторыми дополнительными статьями, каковы, напримѣръ: правила согласованія и правила упражненія. Какъ видно, грамматический материалъ — толькъ же самыи, какъ рекомендуются программами среднихъ учебныхъ заведеній; существенныхъ измѣненій не предлагается и методика г. Цолеваго, ибо, по его собственнымъ словамъ, онъ старался, на сколько это было возможно, поставить свою программу въ тѣсную связь и въ прямое соотношеніе съ программами обязательными (предисловіе, стр. I).

Давній давно сказано: *la critique est ais e, mais l'art est difficile.* Не трудно замѣтить нигрѣшности методы или ея отсутствіе въ трудахъ близкаго; гораздо труднѣе видѣть неметодичность „или противорѣчіе въ методичности“ въ твореніи собственныхъ рукъ. На какомъ основаніи грамматика г. Цолеваго называется „методической“? Въ чёмъ заключается его методъ? Грамматика, какъ и всѣ учебники по этому предмету, дѣлится у него на главы, но содержаніе каждой главы располагается иначе, то-есть, каждая глава состоитъ изъ трехъ частей: прежде всего даются определенія и правила, подкрайнимъ по обыкновенію примѣрами; затѣмъ слѣдуетъ такъ-называемая „таблица“ — для общаго повторенія данныхъ правилъ и для самостоятельнаго подбора примѣровъ, то-есть, выписывается, слово въ слово, содержаніе первой части, только безъ примѣровъ, которые должны быть придуманы самими учениками; наконецъ, идутъ вопросы къ таблицѣ, „для упражненія учащагося въ самостоятельномъ изложеніи правиль“, какъ сказано въ книгѣ. Неужели такое распределеніе учебнаго материала или, вѣрнѣе, такой незначацій и странный приемъ можетъ называться „методикой“? Съ какою цѣлью существенное содержаніе каждой главыдается вдвойнѣ, чѣмъ напрасно объемъ книги увеличивается на цѣлую треть? Для чего нужны вопросы? По словамъ автора, для упражненія ученика въ самостоятельномъ изложеніи правиль. Но самостоятельность отвѣта вовсе не зависитъ отъ вопроса, предложенного такъ или иначе. Притомъ же такой „методический“ приемъ, если только здѣсь умѣстно слово „методический“, вовсе не новость. Въ учебной литературѣ нашей, онъ существовалъ давно и породилъ не мало книгъ, изложенныхъ въ вопросахъ и отвѣткахъ, „для легчайшаго обученія малолѣтнаго юношества“, какъ заявлялъ доброй памяти Михаилъ Меморскій, руководства котораго по священной исторіи вѣткаго и новаго завѣтта, по ариѳметикѣ и русской грамматикѣ были нѣкогда въ ведикомъ употребѣ.

ления и зубрились школьниками. Всехъ главъ въ грамматикѣ г. Полеваго девять; въ нихъ заключаются одиннадцать изложений правилъ съ примѣрами, одиннадцать таблицъ, содержащихъ въ себѣ тѣ же правила, только безъ примѣровъ, и одиннадцать рядовъ вопросовъ. Кроме того, къ семи первымъ главамъ прибавлено семь дополнений, содержащихъ въ себѣ задачи для ученика. Почему эти дополненія отнесены на самый конецъ книги, а не помѣщены въ слѣдъ за каждой главой непосредственно,—методика г. Полеваго молчитъ. Развѣ это методично?

Въ § 1 (стр. 8) сказано: „Когда мы говоримъ или пишемъ, то наша рѣчь слагается изъ отдѣльныхъ частей, называемыхъ предложеніями“. То же самое повторено въ § 1 (стр. 9): „Если мы устно или письменно выражаемъ свои мысли, то выражаемъ ихъ въ формѣ предложений“. Безцѣльные повторенія не служатъ признакомъ методичности.

Въ § 84 (стр. 76) говорится о согласованіи опредѣлительного съ опредѣляемымъ, когда опредѣленіе выражено именемъ существительнымъ, во выше (§ 19, стр. 11) положительно сказано, что опредѣленіе выражается или именемъ прилагательнымъ, или мѣстоименемъ, замѣняющимъ прилагательное. О существительномъ нѣть и рѣчи ни въ грамматикѣ, ни въ методикѣ, гдѣ строился планъ первого конспекта (стр. 56, пунктъ 8). Методично ли говорить ниже, какъ о предметѣ известномъ, тѣ, что не было объяснено учащемуся выше?

Что касается „Грамматики“ г. Полеваго, то сравнительно съ другими грамматиками она не представляетъ ничего такого, что могло бы принести пользу учащимся.

Уроки начальной грамматики русского языка, приспособленные къ программѣ приготовительного и первого класса гимназий и реальныхъ училищъ. Составилъ С. Бураковскій, преподаватель Новгородскаго реального училища. Новгородъ 1884. Въ 8-ку VIII и 60 стр. Цѣна 40 коп. (съ пересыпкой).

Эта небольшая книжка—шаблонно наложенная элементарная грамматика русскаго языка съ тридцатью статейками, представляющими „материалъ для грамматическихъ работъ“, указанныхъ въ „задачахъ“.

Крупныхъ недостатковъ такая книга содержать не можетъ, по виду множества подобныхъ изданій и крайней легкости ихъ составленія, есть полное основаніе относиться къ нимъ съ большою строгостью, чѣмъ къ другимъ. О трудѣ г. Бураковскаго никакъ

нельзя сказать, что онъ составленъ съ надлежащею тщательностью. Приведемъ, нѣсколько примѣровъ не достаточно внимательного изложе-
нія:

На стр. 5 строки, выясняющія отличие дѣйствія, какъ признака, обнаруживаемаго въ данный моментъ, отъ признака постояннаго, а также отличие дѣйствія собственно отъ состоянія, неясны для ребенка и выражаютъ мысль автора не съ достаточной опредѣлленностью¹⁾.

На той же страницѣ читаемъ: „Выражая мысль словами, указываемъ или на предметъ, или на признакъ, или на то и другое вмѣстѣ“. Не точно: сочетаніе предмета съ признакомъ, хотя бы только съ общимъ признакомъ бытія,—основной признакъ мысли.

Стр. 6 и 7. Если авторъ считаетъ удобнымъ знакомить учениковъ съ составнымъ сказуемымъ путемъ перечисленія глаголовъ вспомогательныхъ въ различныхъ формахъ ихъ (что врядъ ли удобно), то глаголы и формы эти должны быть перечислены полнѣ. Г. Бура-
ковскій приводить только формы: „быть, буду, стану, есть, суть“.

Стр. 16. Къ чему обогащать дѣтскій лексиконъ такими нелите-
ратурными словами, какъ „строхаль домашній“.

Стр. 26. „Часть рѣчи, означающая признакъ качества, назы-
вается импремъ прилагательнымъ“ — неясно, особенно въ виду
неудачнаго изложенія отличія дѣйствія отъ качества на стр. 6.

Стр. 39. „Дѣйствительный залогъ означаетъ дѣйствіе, переходя-
щее съ одного предмета на другой, при чемъ имя этого послѣд-
ниго ставится всегда въ винительномъ падежѣ“. Преимущественно,
но не всегда: при отрицаніяхъ дѣйствительные глаголы требуютъ въ
русскомъ языке падежа родительного.

Стр. 46. Врядъ ли удобно (особенно въ виду стр. 6), ограни-
чиваться однимъ вицѣннимъ опредѣленіемъ причастій и дѣепри-
частій путемъ перечисленія принадлежностей этихъ формъ.

Стр. 48. „Слово, поясняющее или дополняющее признакъ, назы-

¹⁾ „Бытіе или существованіе есть признакъ, который принадлежитъ какому предмету. Своё бытіе предметы обнаруживаютъ въ дѣйствіи и состояніи. Слова, означающія дѣйствіе предмета, отвѣчаютъ на вопросы: что дѣлаетъ предметъ? что онъ дѣлаетъ? что онъ будетъ дѣлать? Слова, означающія состояніе предмета, отвѣчаютъ на вопросъ: что дѣлается съ предметомъ? Признакъ, по-
казывающій, что дѣйствіе или состояніе постоянно находятся въ предметѣ, называется качествомъ. Отличія, показвывающія видъ предмета, его цветъ, величину, форму, способность и т. д. также называются качествомъ. Слова, означающія качество, отвѣчаютъ на вопросы: какой? какая? какое?“

вается дополнениемъ. Слово, поясняющее или опредѣляющее предметъ, называется опредѣлениемъ "... „Дополнение дополняетъ, определение опредѣляетъ“! Такихъ разъяснений нельзя давать; отъ нихъ скѣдуетъ даже предостерегать учащихся.

Ограничиваемся этими замѣтками. Ихъ полагаемъ, достаточно, чтобы убѣдиться, что школа можетъ безъ ущерба обойдтись безъ книжки г. Бураковскаго въ ея настоящемъ видѣ.

В. Потоцкій. Курсъ русской грамматики, положенной въ связи съ правописа-
ниемъ (?). Книга I. Введение и часть 1-я. Этимология. С.-Пб. 1884. Въ
8-ку стр. 84. Цѣна 40 коп.

Цѣлью автора было изложить штапишиимъ свѣдѣніемъ по русской грам-
матикѣ, необходимыхъ для всѣхъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведе-
ній, какими бы программы они ни слѣдовали (г. Потоцкій уѣ-
раетъ, будто программы ихъ очень разнообразны). Свѣдѣнія эти
г. Потоцкій располагаетъ въ слѣдующей послѣдовательности: I) вве-
дение: а) общія свѣдѣнія по фонетикѣ, б) общія свѣдѣнія по син-
таксису; II) полный курсъ этимологии; III) полный курсъ синтаксиса;
IV) курсъ фонетики. Ореографія изучается параллельно со всѣми
этими отдѣлами, „какъ приложение къ пимъ“. Первая, разбираемая
нами, часть курса г. Потоцкаго заключаетъ въ себѣ введение и эти-
мологію.

Не станемъ останавливаться на вопросѣ, справедливо ли мнѣніе
г. Потоцкаго о разнообразіи программъ нашихъ учебныхъ заведеній;
позволимъ себѣ только выразить сомнѣніе въ томъ, чтобы онъ хо-
рошо былъ знакомъ съ программами заведеній министерства народ-
наго просвѣщенія. Сомнѣніе это возбуждается несоответствиемъ его
курса учебныхъ планамъ гимназій: судя по даннымъ въ курсѣ подроб-
ностямъ, онъ по изложению, очевидно, не предназначенъ для приго-
товительного класса, а для классовъ первого и втораго, где этимо-
логія проходится подробнѣе, хотя еще безъ объясненія ея формъ
путемъ историческимъ, сравнительно съ формами старо- и церковно-
славянскими, введеніе совсѣмъ не нужно; за то въ классахъ этихъ
общія грамматическія понятія уже могутъ быть выяснены, въ нихъ
можно требовать распознаванія грамматическихъ категорій по ихъ
сущности, а не только по виѣшнимъ признакамъ ихъ. Между тѣмъ
г. Потоцкій именно стремится пріучить дѣтей къ виѣшнимъ, чисто-
механическимъ приемамъ анализа, не выясняя грамматическихъ поня-
тий. На стр. 8, напримѣръ, читаемъ: „Виѣшнимъ признакомъ слит-

наго предложения служить запятыя, поставленные между одинаковыми частями, а также постановка между ними слова и: если эта постановка имѣть смыслъ, то предложение слитное, если же иѣть—то простое". На стр. 22: „Чтобы пріучиться производить падежи прѣвильно, не перебирая въ умѣ всѣхъ падежныхъ вопросовъ, совсѣмъ прибавлять къ падежамъ слѣдующія слова: для родительного падежа „иѣть", для винительного „вижу", для творительного „любуюсь", для предложного „говорю". На стр. 53, 61 указываются свойства, вѣщіе признаки наклоненій, дѣверичастія; но ученику не выясняется—чѣ разумѣть подъ словами „наклоненіе", „дѣверичастіе" (ср. также стр. 17 примѣч. 1 и 2, стр. 22 и др.).

Этотъ недостатокъ встрѣчается вирочемъ въ очень многихъ учебникахъ русской грамматики, а потому къ нему можно бы отнести снисходительно; но въ книгѣ г. Потоцкаго есть и болѣе важные недостатки: къ нимъ прежде всего слѣдуетъ отнести рядъ неудачныхъ опредѣленій и поясненій. Укажемъ для примѣра только нѣкоторыя изъ нихъ:

На стр. 3: „Гласными звуками называются тѣ, которые произносятся громко... согласные не могутъ быть произносимы громко... въ произношениі согласныхъ принимаютъ участіе органы, расположенные во рту: зубы, небо, гортань и проч."

На стр. 11 предложения повѣствовательныя, восклицательныя и вопросительныя предлагается различать по интонації, съ которой они произносятся! „Повѣствовательныи", говорить авторъ,—выражаютъ мысль спокойно, безъ особой интонації, восклицательныи—съ сильнымъ повышеніемъ голоса, „при чѣмъ голосу придается особая интонація", вопросительныи—въ формѣ вопроса, при чѣмъ—опять—„голосу придается особая интонація".

На стр. 14 предметами г. Потоцкій учитъ называть только предметы реальные, выдѣляя отвлеченные понятия въ отдельную рубрику, вѣтъ предметовъ лежащую. Качество онъ отличаетъ отъ признака: „Качество", говорить онъ,—„есть свойство, способное увеличиваться и уменьшаться" (например, умный, высокій); „признакъ есть особенность, по которой можно отличать одинъ предметъ отъ другаго" (например, мраморный, вчерашній). А разъѣ высокое дерево не отличается отъ низкаго, разъѣ умный не отличается отъ глупаго? Дѣйствіе, по мнѣнію г. Потоцкаго, „есть произвольное движение одушевленнаго предмета (например, прыгать), а состояніе—состояніе покоя одушевленнаго предмета (например, лежать)

или всякое состояніе (покоя и движепі) предмета не одушевленного". На стр. же 51 г. Потоцкій относитъ къ дѣйствіямъ: „забыть, учить, любить"... Какія же это „движепі одушевленного предмета"? Такія опредѣленія по крайней мѣрѣ неудобны для учащихся въ младшихъ классахъ гимназіи. Кстати: какъ г. Потоцкій, считая давнія поясненія нужными и возможными, полагаетъ невозможнымъ пояснить учащемуся, что такое наклоненіе или дѣяничесть?

На стр. 46: Определительные мѣстоименія „всегда составляютъ опредѣленіе и притомъ настолько связное съ опредѣляемымъ словомъ, что передъ ними нельзя даже поставить вопроса опредѣлевія".

На стр. 51: „Страдательный залогъ выражаетъ дѣйствіе, переходящее отъ второстепенного предмета на главный" (!).

На стр. 52: „Видомъ глагола выражается отношение дѣйствія къ настоящему времени".

Не станемъ продолжать выписки, не станемъ указывать и на другой стороны курса г. Потоцкаго, полагая, что приведенные даются вполнѣ достаточно выясняютъ неизготоность этого курса для школы.

Задачи по русскому правописанию съ приложениемъ ореографического словаря.

Пособіе для класснаго и домашнаго обученія правописанію по изыскательному методу, то-есть, путемъ предложенія учащимся ореографическихъ задачъ для самостоятельнаго разшенія. Составилъ П. Красногорскій. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. С.-Пб. 1885. Стр. IV+IV+I 171 въ 8-ку. Цѣна 75 коп.

При второмъ изданіи своихъ „Задачъ по русскому правописанію" послѣ двухгодичнаго употребленія ихъ въ классахъ, а также въ виду рецензій, вызванныхъ первымъ изданіемъ, г. Красногорскій сдѣлалъ значительныя измѣненія и дополненія:

1) Ореографический матеріаль приведенъ въ большую систему раздѣленіемъ его на три курса, изъ которыхъ первый приготовленъ для приготовительнаго класса (то-есть, не предполагаетъ предварительного систематического изученія грамматики); въ второй за-ключаетъ въ себѣ упражненія и задачи на правила правописанія всѣхъ частей рѣчи въ отдельности (то-есть, собственно на правописаніе флексій и не измѣняемыхъ частей рѣчи; наконецъ, третій курсъ посвященъ систематическому изученію корней и суффиксовъ. Курса, специально посвященнаго знакамъ пренципіевъ, въ разбираемой книжѣ нѣтъ: въ ней сдѣлано нѣсколько первоначальныхъ свѣдѣній о значеніи точки, знаковъ вопросительного и восклица-

тельного и запятой въ слитномъ предложении (§§ 18—22). Сборникъ задачъ на знаки препинания г. Красногорскій предполагаетъ издать отдельно вмѣстѣ съ курсомъ синтаксиса.

2) Новое изданіе дополнено нѣсколькими параграфами, которыхъ въ 1-мъ изданіи не было: объ отрицаніяхъ не и ни, о приставкахъ пре и при, о мѣстоименіи 3 л. ж. р. въ падежахъ родительномъ и винительномъ, о суффиксахъ существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ и проч.

3) Въ первомъ изданіи выводить правило изъ данныхъ примѣровъ предоставалось учащимся подъ руководствомъ учителя; во второмъ—большой части параграфовъ предшествуетъ точное изложеніе правила. Г. Красногорскій убѣдился, что при отсутствіи ясно-сформированнаго правила въ книгѣ „формулировка“, выработанная съ учителемъ, скоро забываеться, и правило усваивается учениками въ неполномъ, даже въ искаженномъ видѣ.

4) Самымъ крупнымъ и, по мнѣнію автора, самымъ важнымъ дополненіемъ къ „Задачамъ“, является однако „Ореографический словарь“, приложенный въ концѣ книги и занимающій 38 страницъ, напечатанныхъ въ три столбца. „Я“, говоритъ г. Красногорскій,— „считаю это добавленіе важнейшимъ потому, что при приемѣ, какой принялъ мною въ большинствѣ задачъ (пропускъ въ словѣ сомнительныхъ буквъ), учащіеся, встрѣчая слово, которое затрудняетъ ихъ относительно правописанія, могутъ всегда сдѣлать справку о немъ въ приложенномъ словарѣ“, который „играетъ такимъ образомъ роль ключа къ задачамъ“.

Многіе преподаватели, быть можетъ, найдутъ, что составитель „Задач“, предполагалъ правило примѣрамъ, изъ которыхъ оно, по плану 1-го изданія, должно было выводиться учениками, измѣняетъ весь характеръ книги, превращая ее изъ учебника, основаннаго на методѣ аналитическомъ, въ учебникъ, придерживающійся метода синтетического, и тѣмъ напрасно устраиваетъ самодѣятельность учащихся. Вѣроятно, „Ореографический словарь“ во многихъ возбудитъ опасеніе, какъ бы ученики, имѣя въ рукахъ ключъ къ решенію задачъ, не привыкли обращаться къ нему за механическую справкой прежде, чѣмъ подумаютъ о примѣненіи того или другаго правила въ данномъ случаю. Признаемся, что съ своей стороны ни въ правилахъ, предъслѣдившихъ примѣрамъ, ни въ словарѣ мы не видимъ никакой опасности для самодѣятельности учениковъ, работающихъ подъ руководствомъ умѣлаго, опытнаго, заботливаго преподавателя; плохаго же

Справочный указатель русского правописания съ приложениемъ всѣхъ орф(е)-графическихъ правилъ и корнесловіа, составленного по Рейфу, Шимкевичу и др. Составленнаго для не обладающихъ достаточными навыками писать совершенно правильно. Составилъ Василий Разыграевъ. С.-Пб. 1884. Въ 16-ю д. л., стр. XVI и 139. Цѣна 50 коп.

„Кому не извѣстно“, говорить авторъ въ плохо-изложенномъ предсловіи,— „что не только учащіеся, но и взрослые—послѣдне даже больше—нерѣдко нуждаются въ указаніи косвенныхъ формъ словъ и въкоторыхъ сомнительныхъ окончаній, свойственныхъ цѣлой группѣ ихъ“ (?). Въ помощь изучающимъ г. Разыграевъ предлагаетъ: 1) справочный указатель (стр. 1—27), 2) правила правописанія съ вѣсколькими отрывочными опредѣленіями понятій, необходимыхъ для уразумѣнія этихъ правилъ (стр. 28—89), и 3) корнесловъ (стр. 90—139).

Справочный указатель даетъ списки: именъ мужскихъ и женскихъ; словъ, „для написанія которыхъ пять положительныхъ орографическихъ указаний“; корней съ буквою ё, ') и „частей словъ, пеясныхъ въ произношеніи“.

Уже въ спискѣ именъ г. Разыграевъ является новаторомъ. Букву ѿ онъ допускаетъ въ именахъ „Глѣбъ“ и „Вѣра“, въ другихъ же (Сергѣй, Алексѣй) только курсивнымъ „і“ обозначаетъ, что въ чаше пишутъ съ ё. Букву „о“, какъ изображающую звукъ, чуждый русскому языку, и отвергнутую русскимъ правописаніемъ“ (?), г. Разыграевъ замѣняетъ курсивнымъ ф. Самое название этой буквы онъ пишетъ „Фита“.

Далѣе, избирая то или другое написаніе для словъ, орографія которыхъ „не подчиняется положительнымъ указаніямъ“, г. Разыграевъ не держится наиболѣе употребительныхъ начертаній и пишетъ, напримѣръ: „алгебрическій, алліаўля, клеймѣ, лѣсица, маѣха, решетка, хмель, вѣдчина“, не считая нужнымъ, хотя бы въ прямъчаніяхъ выяснить, почему признаетъ такія написанія наиболѣе пра-

) Г. Разыграевъ упорно (стр. I, V, 15 пишетъ: «корней, съ буквою ё». Равтамонка знаковъ препинанія въ его книгѣ, вирочень, вообще неудовлетворительно; напримѣръ: „Безъ нихъ оно не имѣть бы ни малѣйшаго значенія, для справокъ“ (стр. VII). „Имена—Фома, Федоръ и пр. для желающихъ будуть—Фома, Федоръ и пр.“ (стр. XI). „О словахъ же съ корневыми случайностями говорить вѣчнаго“ (стр. XII). „Начальные буквы слѣдуетъ сличать съ помѣщенными въ томъ же спискѣ—приставками“ (стр. XIV) и т. д.

вильными, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ учебникѣ г. Смирновскаго.

Списокъ, озаглавленный „Части словъ, неясные въ произношениі“, наиболѣе своеобразенъ: онъ, по мысли автора, долженъ представить собою „подробнѣйшій заголовокъ (оглавленіе?) къ правиламъ русскаго правописанія“ (ко второму отдѣлу книги). Въ немъ, въ алфавитномъ порядке, перечислены части словъ (приставка, соединительный гласный, сомнительные звуки, суффиксы, отличительныя и относительныя окончанія), способными затруднить мало-грамотныхъ и рядомъ указаны §§ втораго отдѣла, разрѣшающіе затрудненіе. Напримѣръ, при окончаніи е-и-ка стоитъ ссылка на § 6, п. 4. Отыскиваемъ означенный параграфъ (стр. 71): въ немъ перечисляются суффиксы существительныхъ, а въ пункте 4-мъ читаемъ: „Суффиксы существительныхъ ласкательныхъ енъ-ка, напримѣръ: Васенька, ноженька (а не Васинъка, ножинъка)“, и т. д. При составленіи такого списка сомнительныхъ случаевъ и разрѣшающихъ сомнѣнія правиль, автору, очевидно, необходимо было поставить себѣ вопросъ: для кого предназначается книга. Въ предисловіи онъ выясняетъ, что у лицъ, пользующихся „указателемъ“, предполагаетъ знакомство съ „элементарнымъ курсомъ русской грамматики“, но въ то же время какъ бы ожидаетъ, что къ „указателю“ могутъ обратиться за справками и о томъ, напримѣръ, когда слѣдуетъ писать ее, когда ея, когда прилагательныя принимаютъ окончанія ie или ia, uo или oю, и т. п.? Даѣте, чтобы облегчить пользованіе правилами правописанія, составитель находитъ нужнымъ указать на приемы распознаванія надежей¹), разъяснить чтѣ такое удареніе²), и т. д. Такія поясненія, а также правила въ родахъ 24-го (себя скрываютъ въ ч-я, съ), 25-го, 27-го, 35-го, 36-го и др. (указывающія отличительныя и относительныя окончанія именъ и глаголовъ) врядъ ли нужны ли-

⁴⁾ Для распознавания падежей предлагаются приемы даже более механические, чѣмъ общепринятые вопросы, и притомъ въ редакціи крайне неудовлетворительной; напримѣръ: «слова, при которыхъ, не нарушая правильности рѣчи, можно сказать къ или ко, будуть дательнымъ падежемъ (стр. 59. То же о другихъ падежахъ, стр. 55, 56, 57).

„Для безошибочного определения ударения в слове“ г. Разыграешь союз-тутъ послѣднее произнести въ восклицательномъ предложении, напримѣръ: „Вотъ такъ шалости“ или „А еще чвѣтится!“, при чемъ, на сколько возможно, въ первомъ предложении выразить удивление, а во второмъ—уворъ.

цамъ, мало-мальски знакомымъ съ грамматикой. Остальные правила касаются сомнительныхъ звуковъ, приставокъ, суффиксовъ, представляющихъ затрудненія при правописаніи.

Въ концѣ приложень недурно составленный корнесловъ.

Нѣсколько болѣе удачныхъ страничекъ, однако, не выкупаютъ крупныхъ недостатковъ книги; между тѣмъ авторъ требуетъ даже признанія за собою особыхъ заслугъ по разработкѣ правилъ русского правописанія. „Я долженъ замѣтить“, говорить онъ,—„что не всѣ изложенные мною правила въ основаніи своемъ имѣютъ известные законы языка. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ подсказаны практикомъ многихъ лѣтъ, а нѣкоторые выведены мною, благодаря обстоятельному знакомству съ словарями“. Къ первымъ онъ относитъ, напримѣръ, правила 11-е, 12-е, 38-е, 57-е; ко вторымъ—10-е, 34-е, 58-е, 59-е. Приведемъ образцы тѣхъ и другихъ:

Правило 11-е. „Чтобы опредѣлить, что слѣдуетъ писать въ началѣ словъ—съ или щ? допуская первое, нужно прочитать слово безъ с или прибавить вмѣсто с какую-либо другую приставку и, если получится слово, однокоренное съ первоначальнымъ, слѣдуетъ писать съ: читать (?=съ=щ)—читать, вычитать. Но авель—чавель?“

Редакція правила, стремлѣніе свести его на автоматической пріемъ, можетъ быть, дѣйствительно принадлежитъ нераздѣльно автору, но развѣ въ основѣ этого правила не лежитъ законъ языка о составѣ словъ?

Правило 59-е. „Приставка при означаетъ въ большинствѣ случаевъ близость къ концу, къ цѣли, къ какому-либо предмету и не рѣдко можетъ замѣняться приставками—за, до и подъ“.

При чемъ тутъ знакомство съ словарями? Значеніе приставки при ясно ученикамъ первыхъ классовъ; а словари, вопреки мнѣнію г. Разыграева, единогласно признаются, что въ соединеніи съ приставками за, до, подъ слова получаютъ иное значеніе, чѣмъ въ соединеніи съ приставкой при.

Сказанного, кажется, достаточно для опредѣленія, какъ достоинства книги, такъ и круга лицъ, для которыхъ она предназначена. Для тѣхъ, кто желалъ бы основательно ознакомиться съ спорными вопросами русской ореографіи, она нецеригодна уже потому, что авторъ не разлѣняетъ слушаевъ болѣе трудныхъ, а въ спискѣ второмъ I-го отдана какъ бы требуетъ слѣдаго довѣрія къ своему авторитету. Не годится она и для школьнаго потому, 1) что въ основаніе ореографического павника школа несомнѣнно должна положить систематич-

ское ознакомление учащихся съ этимологіей, а не справочный указатель, въ добавокъ не приоровленный ни къ какому общепринятому курсу грамматики и составленный по плану, мало пригодному для дѣтей, не привыкшихъ къ обращенію съ справочными книжками; 2) что составитель учить въ своей книгѣ новоиспеченімъ, неудобнымъ для школы; 3) крайне небреженъ въ изложеніи, и 4) наконецъ, не только оставилъ безъ вниманія важный огдѣль правописанія—вопросъ о разстановкѣ знаковъ препинанія, но еще далъ образцы прямо-неправильной ихъ разстановки.

Указатель г. Разыграева возьмутъ въ руки развѣ малограмотные, способные лѣстить себѣ несбыточно надеждой справками восполнить недостатокъ основательныхъ знаний. Не ихъ ли и иныѣ въ виду авторъ, заявивъ на оберткѣ, что книга предназначается „для необразованныхъ достаточными навыкомъ писать совершенно правильно“, и выражая уѣтрѣнность, что она понадобится преимущественно взрослымъ, то-есть, лицамъ, которымъ по чему-либо „учиться поздно“, а плохое знаніе грамоты неудобно? Нужно ли, впрочемъ, быть пророкомъ, чтобы предсказать, что и они изъ книги г. Разыграева вынесутъ очень немногого.

C. JULII CAEZARIS DE BELLO GALlico COMMENTARIUS: primus (1-й выпускъ), secundus, tertius, quartus (2-й выпускъ). Съ грамматическими, историческими и географическими примѣчаніями и картой Галліи. Примѣчанія составилъ преподаватель латинскаго языка Николай Наумовъ. Москва, 1884. Вып. I, стр. 140. Цѣна 80 коп. Вып. 2-й, стр. 192. Цѣна 1 руб.

Въ двухъ выпускахъ, составляющихъ 22 печатныхъ листа, заключается латинскій текстъ и объясненія къ четыремъ первымъ комментаріямъ Юлія Цезара „О Галльской войнѣ“. Объясненія составилъ г. Наумовъ по вѣмѣдкимъ изданіямъ Доберенца и Крапера и по русскому — Фелькеля; примѣчанія помѣщаются не подъ строками текста, а въ концѣ каждого латинскаго комментарія, „что сдѣлано съ тою цѣлью“, говоритъ г. Наумовъ,— „чтобы ученики имѣли примѣчанія предъ глазами только во время приготовленія урока, и тѣмъ болѣе, что по своей подробности они отчасти могутъ замѣнить словарь“.

Дѣйствительно, объясненія очень подробны и непрерывны: записаны не только все примѣчанія вышеупомянутыхъ вѣмѣдкіхъ изданий и Фелькеля, но даже сообщаются такія грамматическія свѣдѣнія, которыхъ непремѣнно должны быть известны ученику, когда онъ

приступаетъ къ переводу легкихъ краткихъ разказовъ изъ Корнелія Непота. Не оспаривая извѣстной пользы отъ точныхъ указаний въ примѣчаніяхъ на параграфы учебныхъ грамматикъ Эллендта и Шульца, хотя во многихъ изъ нашихъ гимназій теперь пользуются и не этими руководствами, мы однако же думаемъ имѣтъ съ авторомъ, что „столь подробныя примѣчанія будуть не въ ущербъ самостоятельности учащихся“. Говоря, что они (то-есть, примѣчанія) только сократятъ время для разрѣшилія недоумѣній и вообще помогутъ соспательнѣе усвоить прочитанное, г. Наумовъ какъ бы оставляетъ безъ вниманія то обстоятельство, что устраненіе недоумѣній посредствомъ сообщенія въ учебной книгѣ такихъ ссыдѣній, которыхъ уже непремѣнно обязанъ знать ученикъ извѣстнаго класса или возраста, не есть собственно сокращеніе времени для изученія латинскаго языка; заносить въ учебную книгу то, чтѣ составляеть неотъемлемое содержаніе обязательно предшествующаго этой книгѣ руководства, именно и значить лишать ученика самодѣятельности. Если устраниить подводы къ соображеніямъ и воспоминаніямъ, то и сравнительно малое время, отданное переводу данного отрывка, въ суммѣ своей составить довольно значительную трату учебнаго курса.

Чего-нибудь поваго, даже съ точки зренія нашей учебно-классической литературы, трудъ г. Наумова почти не представляетъ: и Доберенцъ, и Кранеръ уже принятъ въ разрѣшь нашими прежними объяснятелями Ю. Цезаря. Г. Фелькель къ обширнымъ примѣчаніямъ Герцога приложилъ очень много, даже до излишества, своихъ собственныхъ толкованій. Г. Наумовъ, соединивъ все это, вдался, кроме того, еще въ большія подробности, напоминающія отчасти извѣстныя нѣмецкія изданія Фрейнда, что уже, по общему мнѣнію опытныхъ педагоговъ, не можетъ относиться къ желательнымъ достоинствамъ классическихъ изданий. Къ чему, напримѣръ, такія объясненія, какъ па стр. 41, прим. 4, 1-й вып.: *nostra*, то-есть, *lingua*; *abl. limitat.*; па стр. 43 (по ошибкѣ напечатано 53), прим. 12: *qua de causa*—по этой причинѣ; прим. 17: *initium capit*—начинается; стр. 44, прим. 2: *consulibus*, *abl. abs.*; прим. 9: *loci* нельзя относить къ *Helvetii*, потому что *locus* въ значеніи мѣстности имѣть именит. ил. *loca*; стр. 45, прим. 13: *his rebus siebat ut...* благодаря этимъ условіямъ происходило то, что...; прим. 15: *vagarentur*, сосл. отъ *ut*; прим. 19: *homines bellandi cupidit*=люди сильно желающіе воевать; прим. 25: *milia*—acc. при выраженіи измѣренія по вопросу: сколько, во сколько? стр. 46, прим. 1: *his rebus adducti et auctoritate regunt* — *rebus*,

auctoritate abl. causae; стр. 48, прим. 22: totius Galliae — род. отъ partiri и пр. Мы взяли образчики столь ненужныхъ ученику IV класса подсказывавій только съ первыхъ 5 страницъ труда г. Наумова; но такія же неотваживыя внушенія продолжаются и по всей книгѣ, даже въ самомъ концѣ 2-го выпуска мы встрѣчаемъ, стр. 152, прим. 4: nihil timentibus nostris—abl. abs.; стр. 153, прим. 5: petita pace — abl. abs.; прим. 10: cognita Gallorum infirmitate—abl. abs. и пр. Такихъ примѣчаній не слѣдуетъ имѣть ученикамъ предъ глазами во время приготовленія ими уроковъ: иначе вскіе разговоры о самостоятельности учащихся и о сознательномъ усвоеніи ими прочитанного никогда не получать у насъ дѣйствительного значенія. Притомъ же эти подробности и повторенія не обзываютъ ученика что-нибудь запоминать; вѣдь и самъ пашъ авторъ, очень часто говорящій въ своихъ примѣчаніяхъ о правильной постановкѣ соединительного et, все-таки въ заглавіи своего 2-го выпуска написалъ: *commentarius secundus, tertius et quartus*. Подробности эти значительно увеличили и объемъ книги, и цѣну ея (1 руб. 80 коп.); онъ же, вѣроятно, сократить и законное распространеніе этой книги между учениками гимназій, хотя примѣчанія другихъ комментаторовъ переведены г. Наумовымъ внимательно и толково, а приложенія къ концу 1-го выпуска о военномъ дѣлѣ у Римлянъ составлено кратко и ясно, что также можно сказать и о географическихъ указателяхъ обоихъ выпусксовъ. Типографскихъ ошибокъ не много, и почти всѣ опѣ внесены въ листъ опечатокъ. Но всей вѣроятности, при изданіи слѣдующихъ выпусксовъ авторъ будетъ вынужденъ собственнымъ опытомъ измѣнить во многомъ нынѣшніе пріемы своего комментированія классныхъ авторовъ.

Еврікъ *Ілліада*, стефануфферо. Ипполитъ. Трагедія Евріпіда. Греческій текстъ съ русскими объясненіями, составленными профессоромъ А. Д. Вейсманомъ. С.-Пб. 1884. 90 стр. Цѣна 80 коп.

Если появленіе въ свѣтѣ дѣльного труда, понапающаго какой-либо отдѣль літературы, всегда представляетъ собою фактъ, вызывающій чувство признателности, то это чувство становится еще тѣмъ живѣе, чѣмъ менѣе обиленъ по количеству входящихъ въ его составъ трудовъ тотъ отдѣль, на долю которого выпадаетъ обогащеніе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что наша педагогическая литература нуждается въ пополненіи по части хорошихъ учебникъ изданий древне-классическихъ авторовъ, почему и нельзя не

поблагодарить составителя вышеозначенной книги за то, что онъ посвятилъ свое время и свои способности на посильное удовлетворение дидактическихъ потребностей нашихъ гимназий.

Г. Вейсманъ облечь свой трудъ въ практическую форму извѣстныхъ изданий, появившихся и появляющихся подъ фирмой Б. Г. Тейбнера въ Лейпцигѣ, подъ фирмой К. Вейдмана въ Верланѣ (*Sammlung Griechischer und Lateinischer Schriftsteller mit deutschen Anmerkungen, herausgegeben von M. Haupt und H. Sauppe*). Одно лишь отступление позволило себѣ почтенный составитель, именно—не снабдилъ своего труда введеніемъ, которое содержало бы исторію и эстетическую оценку излагаемаго драматического творенія. Итакъ, любителямъ классического міра предлагаются только текстъ и объяснительная примѣчанія, которыми, кажется, послужило главнымъ основаніемъ находящееся въ числѣ показанныхъ на стр. 3 источниковъ южноафриканское издание: *Ausgewählte Tragoedien des Euripides. Viertes Bändchen. Hippolytos. Erklärt von Th. Barthold u.s.w. Berlin. 1880 (Weidmann)*. Г. Вейсманъ, въ замѣнъ опущенного введенія, раздѣлилъ греческій текстъ на отдѣлы, соотвѣтствующіе сценамъ трагедіи, и предослали каждому отдѣлу краткое изложеніе слѣдующаго за нимъ дѣйствія. Относительно самого текста составитель придерживался общепринятой редакціи, не упустивъ изъ виду результатовъ новѣйшихъ критическихъ изслѣдований акад. Наука и др. Мѣстами онъ предлагаетъ и собственные свои предположенія, напримѣръ, т. 1417, или по своимъ соображеніямъ выбираетъ изъ числа существующихъ вариантовъ самый подходящій, или подвергаетъ обсужденію концептуры другихъ филологовъ. Матеріалъ же объяснительныхъ примѣчаній по большей части напоминаетъ обѣ изданий Бартольда, но является въ видѣ самостоятельномъ и приспособленъ къ цѣлямъ русскаго изданія. Кроме сокращеній и дополненій Бартольдова матеріала, для объясненія какъ реальнѣй, такъ и формальней стороны разбираемой драмы, помѣщено и многое указаній, которыхъ нѣть въ упомянутомъ выше источникѣ. Вообще, примѣчанія и по формѣ, и по содержанію облачаютъ преподавательскую опытность и филологическую ученьсть. Есть, конечно, и въ книгѣ г. Вейсмана, какъ во всякомъ труде, особенно по историческимъ наукамъ, мѣста, которая, будучи обусловлены субъективною точкою зреінія, не встрѣтять общаго одобренія, но выражены, ими вызванные, по большей части касались бы лишь редакціонной стороны примѣчаній и притомъ, не затрагивая сущности дѣла, имѣли бы своимъ предметомъ вопросы

на столько маловажные, что о нихъ и говорить не стоитъ. Приложенная къ книгѣ таблица употребленныхъ въ драмѣ размѣровъ имѣть то преимущество передъ Бартольдовою, что г. Вейсманъ, гдѣ слѣдовало, прибавивъ къ схемѣ отдельного стиха научное название, гораздо нагляднѣе опредѣлилъ разрядъ стиха. Изъ всего сказанного слѣдуетъ, что трудъ г. Вейсмана оказывается немаловажнымъ приращеніемъ нашей педагогической литературы, и благонамѣренная критика не преминеть обратить на него вниманіе всѣхъ интересующихся ходомъ филологии въ нашемъ отечествѣ. Въ заключеніе нельзя не высказать желания, чтобы г. Вейсманъ приложилъ свое дидактическое умѣніе и свое филологическое запаніе къ обработкѣ другихъ трагедій Европы, которыхъ, какъ напримѣръ, 'Іфигенія єв Аѣллѣ', 'Іфигенія єв Гаюро', Фойнага, по своему содержанію, болѣе подходить къ умственному уровню среднихъ учебныхъ занеденій, чѣмъ 'Іпполита', въ которомъ съ драматической живостью разыгрывается преступная любовь начинъ къ пасынку. Чтеніе же 'Ипполита' слѣдовало бы отнести къ занятіямъ въ университѣтѣ и подобномъ ему высшемъ учебномъ учрежденіи.

Элементарный учебникъ логики. Примѣрительно къ требованіямъ гимназическаго курса составленъ Л. Рутковскій. С.-Пб. 1884. Ц. 45 к.

При составленіи учебника логики можно задаваться очень высокими цѣлями, именно можно излагать ученіе о мышленіи такъ, чтобы открывалась цѣлая философская система, въ которую, какъ часть, входитъ это ученіе. Но хотя такую цѣль никакъ нельзя считать излишнею, и никакъ нельзя требовать отъ учебника, чтобы онъ ею не задавался, однако нельзѧ признать ее необходимою. Примая и необходимая цѣль учебника должна состоять въ нѣкоторыхъ совершенно определенныхъ и узко ограниченныхъ требованіяхъ; только при такой определенности и ограниченности предметъ науки можетъ стать учебнымъ предметомъ, то-есть, можетъ соотвѣтствовать силамъ учащихъ и учащихся, можетъ сохранить свой научный характеръ и въ то же время быть предметомъ, которому можно учить и которому можно научиться. Поэтому въ каждомъ учебномъ предметѣ весьма важно твердо опредѣлить его учебныя границы. Выходы за эти границы позволительны только тогда, когда вполнѣ и отчетливо усвоена область, лежащая внутри границъ; напротивъ, всегда возможно и позволительно вовсе не покидать этой области.

Въ гимназическомъ преподаваніе введена та логика, которая раз-

умѣется подъ этимъ названіемъ въ его тѣсномъ смыслѣ, то-есть, формальпая логика. Это видно и изъ прямѣрной программы, и изъ „Объяснительной записки къ учебному плану логики“¹). Тутъ, напримѣръ, даже прямо сказано, что „теорія познанія не должна входить въ гимназіческій курсъ логики“ (стр. 69). Такія и подобныя ограниченія, по видимому, составляютъ облегченіе, по въ сущности они требуютъ преодолѣнія нѣкоторой трудности и только тогда становятся облегченіемъ. Говорить о всевозможныхъ вещахъ, какія прійдутъ намъ на мысль, гораздо легче, чѣмъ стать на опредѣленную точку зрѣнія и говорить лишь о томъ, что съ нею открывается. Въ логикѣ отъ насъ требуется, чтобы мы рассматривали не содержаніе мыслей, а только ихъ форму. Такимъ образомъ логика будетъ настъ учить во всякихъ рѣчахъ и писаніяхъ видѣть и отыскать чисто логическую сторону отъ всякой другой. На этомъ должень сосредоточиваться весь интересъ, вся задача преподаванія и изученія. Всякое разсужденіе и всякая рѣчь могутъ быть истинна или ложна по содержанію, правильны или неправильны по языку, красивы или дурны по изложенію, наконецъ, строги или слабы съ логической стороны. Всѣ эти точки зрѣнія мы должны умѣть различать и съ каждой изъ нихъ умѣть разматривать данный намъ предметъ. Между этими различными сторонами предмета, конечно, существуетъ связь и опредѣленные отношенія; но вопросы объ этихъ отношеніяхъ трудны и сложны, и прежде чѣмъ приступить къ нимъ, памъ слѣдуетъ твердо усвоить самое различіе, о которомъ идетъ дѣло. Только тогда изслѣдованіе можетъ получить правильный ходъ, и стануть невозможны тѣ смѣшанія точекъ зрѣнія, отъ которыхъ постоянно рождаются известныя заблужденія. Такъ, напримѣръ, едва ли тотъ, кто твердо усвоилъ себѣ чисто логическую точку зрѣнія, можетъ впасть въ заблужденіе грубаго эмпиризма, то-есть, ученія, что форма мысли не имѣеть никакой существенности, и что мысль вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ содержаніемъ, которымъ она овладѣваетъ.

Учебникъ г. Рутковскаго, подлежащій нашему разсмотрѣнію, далеко не держится границъ одной формальной логики. Этого нельзя поставить ему въ упрекъ, какъ въ свое время не было это поставлено въ упрекъ критикой и учебнику Румпеля, представляю-

¹) См. Учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ. С.-Пб. 1877, стр. 65—69.

щему несравненно больше указаний на вопросы, соприкасающиеся с логикою. Но главное наше внимание должно быть устремлено на то, достаточно ли хорошо обработанъ въ новомъ учебнику центральный предметъ, то-есть, формальная логика. Въ предисловіи авторъ подробно объясняетъ, что его изложеніе отступаетъ отъ общепринятаго: „предлагаемый учебникъ логики“, говорить онъ, — „отличается отъ прочихъ учебниковъ этого предмета своею системою“ (стр. I), и затѣмъ изчисляетъ пять пунктовъ, которыми отличается эта система. Едва ли правильно здѣсь употреблено слово система. Оно вѣдь означаетъ строго научный порядокъ, следующій неуклонно известнымъ принципамъ. Между тѣмъ ничего подобнаго не указывается въ тѣхъ отступленихъ отъ общепринятаго способа изложенія, которые счелъ нужнымъ сдѣлать авторъ. Это частные отмѣны, не связанные какою-нибудь общею мыслью. Напримеръ, первый пунктъ заявляетъ, что статья о законахъ мышленія поставлена въ учебнику въ концѣ, а не въ началѣ; это сдѣлано вовсе не на основаніи какого-нибудь требованія самого предмета, а только потому, что такой порядокъ легче для учениковъ. Очевидно, это требованіе не системы, а только обученія.

Для подробнаго разбора памъ слѣдовало бы говорить и вообще о содержаніи и изложеніи рассматриваемаго учебника, и въ особенности обсудить тѣ пять пунктовъ, которые авторъ выставляетъ какъ особенность своего труда. Но для упрощенія дѣла и сокращенія времени, мы полагаемъ, будетъ достаточно, если мы остановимся на одномъ пункте, именно на послѣднемъ.

Въ учебнику, по словамъ автора, „проведено различіе между формами мысли и формами ихъ словеснаго выраженія. Въ параллель статьи о понятияхъ говорится о словахъ или терминахъ (?); рядомъ съ рѣчью о сужденіяхъ идетъ рѣчь о предложеніяхъ, а статьи о разныхъ формахъ умозаключеній имѣютъ соответственныя статьи о разныхъ видахъ сyllogismовъ (?). Такого различія между мыслью и выражающими ее словами не дѣлаетъ ни одинъ учебникъ“ (стр. II, III).

Вотъ прекрасная задача, вполнѣ соответствующая главному требованію преподаванія формальной логики! Провести ясную черту между логикою и грамматикою, конечно, очень важно, особенно же для тѣхъ школъ, гдѣ грамматика есть главный предметъ. Къ сожалѣнію, уже въ самомъ изложеніи этой задачи есть очевидныя неточности и неясности. Тутъ какъ-то различаются умозаключенія отъ

силлогизмовъ, тогда какъ это одно и то же; тутъ слова считаются однозначащими съ терминами, тогда какъ терминъ въ логикѣ означаетъ не слово вообще, а понятие, входящее въ составъ силлогизма. Въ самомъ изложеніи логики эти ошибки повторены. На стр. 12 говорится: „имя или названіе понятія называется въ логикѣ терминомъ“. Такого общаго значенія (безотносительно къ силлогизму) слово терминъ не имѣть. И вообще логика не занимается разсужденіями о словахъ и не даетъ имъ особыхъ названій; это дѣло грамматики.

Выпишемъ еще нѣсколько строкъ изъ параграфа о предложеніяхъ.

„Словесное выражение сужденія называется предложеніемъ. Предложеніе по своему составу не всегда соответствуетъ сужденію: въ то время какъ суждение постоянно состоять изъ трехъ членовъ, предложеніе можетъ состоять (въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно и состоять) изъ двухъ только членовъ — подлежащаго и сказуемаго; мыслимое же между ними отношеніе обыкновенно не высказывается, а только подразумѣвается (?). Такъ напримѣръ, предложеніе: птицы летаютъ состоять только изъ двухъ членовъ и не выражаетъ того отношенія, которое мыслится между подлежащимъ и сказуемымъ“ (стр. 15).

Тутъ очевидная ошибка. Изъ того, что для „связки“ въ предложеніи нѣть особаго слова, вовсе не слѣдуетъ, что отношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ не выражено; грамматически оно выражено окончаніемъ сказуемаго. Между тѣмъ авторъ продолжаетъ: „Отношеніе это можетъ быть различно: этимъ предложеніемъ я въ одномъ случаѣ могу выражать, что какія-то птицы въ данный моментъ дѣйствительно летаютъ, а въ другомъ — это же самое предложеніе можетъ выражать мысль, что существа, называемыя птицами, обладаютъ способностью летать“ (стр. 15).

Но развѣ эти различные смыслы зависатъ отъ того, что не выражено отношеніе? Если вмѣсто птицы мы поставимъ какія-то птицы, или вмѣсто летаютъ поставимъ обладаютъ способностью летать, то мы этимъ только измѣнимъ подлежащее или сказуемое первоначального предложения и сдѣляемъ его, положимъ, яснѣе и точнѣе; но отношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ никако не измѣнится и будетъ выражено (или, по автору, не выражено) точно также, какъ и въ предложеніе: птицы летаютъ.

Совершенно ясно, что авторъ потерялъ изъ виду и логическую

и грамматическую форму, и говорить о содержании этихъ формъ. Конечно, суждение птицы летаютъ довольно неопределённое, но его грамматическая форма вполнѣ точно выражаетъ логическую связь, въ которую оно ставитъ понятия птицы и летать. Между тѣмъ авторъ изъ предыдущихъ своихъ разсужденій дѣлаетъ такой общий выводъ: „Изъ этого видно, что предложеніе не всегда точно выражаетъ смыслъ сужденія“ (стр. 15). Въ подтвержденіе этого вывода дѣлаются далѣе еще нѣкоторыя соображенія. Но мы остановимся на тѣхъ, которыми привели. Они очевидно неправильны. Изъ того, что могутъ быть составлены многія предложения, не имѣющія точнаго и опредѣленнаго смысла, вовсе не слѣдуетъ, что предложеніе не всегда способно выразить точное и опредѣленное сужденіе.

Мы могли бы привести изъ разбираемой книги много примѣровъ совершиенно такихъ же ошибочныхъ разсужденій. Одинъ изъ крупныхъ относится къ тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ авторъ полагаетъ особенность своей системы. На стр. 16—18 онъ отвергаетъ ученіе о непосредственныхъ умозаключеніяхъ; такъ, въ превращеніи сужденій онъ видѣтъ не болѣе, какъ приемъ, посредствомъ кото-раго „мы можемъ измѣнять редакцію (?) данного предложения, не измѣнивъ выражаемаго имъ сужденія“ (стр. 16). То-есть, авторъ счи-таетъ два сужденія, изъ которыхъ одно превращено въ другое, не за разныя сужденія, а только за разныя предложения, за различныя грамматическія, или, пожалуй, риторическія выраженія одного и того же сужденія. Однако же на той же страницѣ онъ принужденъ по-ставить такое правило: „Общеутвердительное предложеніе превра-щается въ частноутвердительное“. Хотя здѣсь вместо слова сужде-ніе поставлено слово предложение, однако дѣло говорить само за себя. Ни грамматика, ни риторика не различаютъ предложеній об-щеутвердительныхъ, частноутвердительныхъ и т. д. Эти различія устанавливаютъ логика между сужденіями, рассматриваемыми „кали-чество“ и „качество“, и у нашего автора все это изложено на стра-ницахъ 14, гдѣ указаны и буквы А, Е, И, О, замыкающія собою столь частоупотребляемые термины. Если же такъ, если логика признаетъ эти формы за различныя, и если, при превращеніи, изъ общеутвер-дительного сужденія выходятъ частноутвердительное, то какъ же можно сказать, что при этомъ самое сужденіе не измѣняется?

Мы видимъ на этихъ примѣрахъ, что, слѣдовательно, есть иѣко-торая трудность въ различеніи смысла рѣчи отъ ея грамматической постройки и отъ ея логической формы. Всегдашняя и обыкновенная

ошибка наша состоять именно въ томъ, что мы прямо хватаемъ за смыслъ рѣчи, за самыи ея предметъ, наконецъ даже за то лицо, отъ котораго слышали эту рѣчу; между тѣмъ намъ нужно совершенно отвлечь свое вниманіе отъ всего подобнаго, если желаемъ заниматься изученіемъ грамматическихъ или же логическихъ формъ.

Руководство ариѳметики. Составилъ В. Гартцъ, преподаватель математики и физики въ С.-Петербургскому Коммерческому училищѣ. Часть первая. Цѣлые числа. С.-Пб. 1884. Стр. XIII+170 въ 8-ку.

Въ объемистомъ трудѣ г. Гартца, составляющемъ пока лишь „первую часть“ сочиненія, изложены только счисление (нумерациѣ), четыре основныхъ дѣйствія надъ цѣлыми числами, отвлеченные и именованіе, и употребленіе скобокъ. Каждая статья книги сопровождается вопросами, имѣющими „двѣ цѣли: чтобы ученикъ, отвѣчая вѣрно на вопросы, невольно выражалъ пониманіе относящейся къ нимъ статьи, и чтобы замѣнились ими простѣйшія задачи, а следовательно, облегчался переходъ отъ теоріи къ практикѣ. При такихъ условіяхъ (?) 514 вопросовъ, приведенныхъ въ книгѣ, должны служить связью между учебникомъ и задачникомъ“ (стр. XII).

Обширность книги г. Гартца объясняется многословіемъ автора, иногда совершенно пичѣмъ не оправдываемымъ, отступленіями, нарушающими стройность изложенія, и вставками, нерѣдко совсѣмъ не идущими къ дѣлу. Благодаря этимъ отрицательнымъ качествамъ, а также и шероховатости языка, рассматриваемая книга читается очень и очень не легко. Въ подтвержденіе сказанного выписываемъ начальные строки изъ статьи: „именованія составныхъ чисел“ (стр. 114).

„Представимъ себѣ, что мы имѣемъ передъ собою не высоко на-
типутихъ (sic!) два каната. Положимъ, мнѣ кажется, что ближайшій
къ намъ канатъ длиннѣе дальнѣйшаго, вамъ кажется, наоборотъ, что
второй длиннѣе первого. Какъ мы рѣшимъ споръ, то-есть, какъ
узнаемъ, который канатъ длиннѣе на самомъ дѣлѣ? Для этого возьмемъ
какую-нибудь (прямую) палочку и, приступивъ къ ближайшему ка-
нату, приложимъ ее къ нему такъ, чтобы начало палочки совпадало
съ началомъ каната, замѣчая при этомъ на канатѣ конецъ палочки;
затѣмъ отнимемъ ее и снова приложимъ къ канату такъ, чтобы на-
чало ея совпадало съ мѣткой на канатѣ, и опять на неѣ замѣтимъ
конецъ палочки. Откладывая палочку по канату такимъ образомъ и
далѣ, мы найдемъ, сколько разъ длина палочки содергится въ длину
каната, положимъ—ровно 17 разъ. Покончивъ съ первымъ канатомъ,

приступимъ съ тою же палочкою къ другому канату и продѣляемъ съ нимъ то же, что съ первымъ; тогда узнаемъ, сколько разъ длина палочки содержитъ въ длину болѣе отдаленного каната; положимъ, палочка отложилась по нему ровно 19 разъ. Такимъ образомъ, спорный вопросъ рѣшенъ: дальнѣйшій канатъ оказался длиннѣе первого и притомъ знаемъ на сколько—ровно на двѣ палочки".

„Возьмемъ еще примѣръ", продолжаетъ пашъ авторъ:— „требуется 30 стакановъ молока и имѣется подходящій сосудъ; но вы находите, что въ него не войдетъ столько стакановъ жидкости. Чтобы рѣшить, пригоденъ ли сосудъ для того, чтобы вдти съ нимъ за молокомъ, возьмемъ воды и стаканомъ будемъ наливать въ сосудъ, пока онъ не наполнится; положимъ ушло 32 стакана. Слѣдовательно, сосудъ въ данномъ случаѣ пригоденъ".

Такими, очевидно неумѣстными въ руководствѣ, разсужденіями, таинственными на трехъ страницахъ, авторъ силятся доказать необходимость „мѣра".

Для выясненія „связи чиселъ при умноженіи", авторъ предпосыпаетъ (стр. 109) такія соображенія: „Положимъ, что мы каждый день знаемъ и записываемъ, во что рабочій обходится и сколько человѣкъ работаетъ,—а умножая, находимъ, что рабочіе подено стоять (стоять?). Тогда стоимость рабочаго является множимымъ, число рабочихъ, взятое отвлеченно множителемъ, а издержки — произведеніемъ". „Связь чиселъ при дѣленіи" выясняется (на той же страницѣ) путемъ подобныхъ же разсужденій.

„Желая облегчить положеніе читателя" своей книги, авторъ приводить на 11 страницахъ предисловія, тѣ взгляды на преподаваніе ариѳметики, которыхъ онъ придерживался при составленіи предлагаемаго руководства". Въ какой мѣрѣ выясненіе этихъ взглядовъ облегчаетъ „положеніе читателя", можно судить по слѣдующему отрывку изъ пункта втораго (стр. IV):

„Преподаваніе ариѳметики должно быть таково, чтобы учащійся, такъ сказать, не боялся чиселъ, то-есть, не затруднялся при рѣшеніи вопроса тѣмъ, что числа велики—или что не цѣлые, а дробны; напротивъ, размѣръ чиселъ и видъ ихъ не должны имѣть вліянія на трудность рѣшенія, зависящую отъ сущности вопроса, а только—на продолжительность вычислений, которая всегда должна быть при большихъ числахъ или сложномъ ихъ видѣ. Соглашаясь съ этимъ взглядомъ, при развитіи идеи нужно избѣгать наименѣй послѣдовательности въ числахъ, а равно лишнаго по нимъ дробленія, изма-

гаемаго на частности, если онъ однаково подлежать одному и тому же обсужденію, какъ числа—дѣйствію: отъ такой послѣдовательности при неизбѣжномъ употреблениіи малыхъ чиселъ и излишествѣ въ частностихъ, развивается въ ученикѣ упомянутая боязнь чиселъ и дѣлается застой мысли или лѣпость ума въ возрастѣ, въ которомъ безъ того еще малъ называть къ сужденіямъ, между тѣмъ какъ возрастъ дорогой съ впечатлительнымъ воспріимчивымъ, любопытнымъ и петерпѣливымъ умомъ, которому вмѣсто скучаго, продолжительнаго привыканья одной идеи, можно успѣть сообщить нѣсколько, состоящихъ въ слизи, или одну въ болѣе широкомъ смыслѣ, излагая ея каждую частности безъ отвлеченія, наглядно, кратко на числата какъ цѣлыхъ, такъ и дробныхъ или малыхъ и великихъ*.

Вотъ этотъ-то взглядъ на „идею въ широкомъ смыслѣ“ и положенъ въ основаніе труда, принявшаго по необходимости, стало быть, то же широкіе размѣры.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ не ясно формулируетъ даже опредѣленія. Такъ въ стр. 74 напечатано курсивомъ: „Дѣленіемъ рѣшаются такие вопросы, гдѣ даются два числа и требуется найти новое, которое показывало бы, сколько разъ въ одномъ данномъ содержится другое,—или чтобы само содержалось въ немъ столько разъ, сколько въ другомъ единицъ. Первое данное называется дѣлимымъ, другое — дѣлителемъ, а искомое число—частнымъ“. Вонервыхъ, это не опредѣленіе, а неполный перечень задачъ, рѣшаемыхъ посредствомъ дѣленія; вовторыхъ, пепонятно, почему посредствомъ дѣленія, по мнѣнію автора, рѣшаются только два указанные вопросы; втретыхъ, сказанное авторомъ даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, рѣшается вопросъ: сколько разъ 3 фунта содержится въ 27 фунтахъ? Неужели число 3 фунта, въ качествѣ первого изъ данныхъ въ этой задачѣ, должно быть названо дѣлимымъ? Еслиъ авторъ сдѣлалъ научное опредѣленіе дѣлепія, затрогиваемое иль лишь вскользь па стр. 111, то подобному недоразумѣнію, конечно, не пашлось бы мѣста.

Дѣйствія раздробленіе и превращеніе тоже опредѣлены лѣточно. Па стр. 131 читаемъ: „Обращеніе именованнаго составнаго въ простое называется раздробленіемъ, а обратное дѣйствіе — превращеніемъ“. Если поверить этому опредѣленію, то приведеніе 24 пудовъ въ фунты не есть раздробленіе (потому что данное число не составное именованное), а преобразованіе 960 фунтовъ въ

пуды не есть превращение (потому что въ результатѣ получается не составное именованное число). Подобныхъ неточностей, нетерпимыхъ въ учебникахъ, въ книгѣ г. Гартца не мало.

Но, сверхъ неточностей, есть въ этой книгѣ ошибки. Такъ, напримѣрь, по мнѣнію автора, высказываемому не одинъ разъ (см. стр. 157), формула $18 : 2 : 3$ (стр. 150) означаетъ, будто бы, требование дѣлить 18 на 2, а полученное затѣмъ частное дѣлить на 3, то-есть, другими словами, этой формулой означается число 3. Смѣять увѣрять автора, что это неправда.

Употребленію скобокъ авторъ посвятилъ большой отдѣлъ (стр. 147—167) и, въ концѣ концовъ, пришелъ къ ошибочному уѣждѣнію, будто число 14 выражается формулой (стр. 165)

$$(160+120) : (160-120). 2.$$

Это не опечатка, а грубая ошибка, обнаруживающая своеобразный взглядъ автора на некоторые изъ математическихъ знакоположеній. Вѣдь наши же себѣ мѣсто въ рассматриваемой книгѣ такие „вопросы“ (стр. 96):

„Что значитъ $25740 : 9 : 143 = 20?$ “

„Чему равно $792 : 2 : 2 : 2 : 3 : 3?$ “

„Доказать, что $840 : 5 : 6 = 840 : 6 : 5 = 840 : 30.$ “

Неужели и этими вопросами г. Гартцъ имѣлъ намѣреніе „облегчить (учащимся) переходъ отъ теоріи къ практикѣ“?

Руководство къ ариѳметикѣ. Для старшихъ и среднихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназий. Ариѳметика цѣлыхъ отъяченныхъ и именованныхъ чиселъ. Составилъ П. В. Преображенскій, преподаватель Московской 4-й гимназіи. Москва. 1884 г. Въ 8-ку, 69 стр. Цѣна 30 коп.

Книжечка г. Преображенского составлена по слѣдующему плану: 1) дается опредѣленіе дѣйствія; 2) изъ опредѣленія выводятся свойства; 3) изъ этихъ свойствъ выводятся способы производить дѣйствіе возможно болѣе быстрымъ путемъ. („Способъ производить дѣйствіе возможно болѣе быстрымъ путемъ“ — по мнѣнію автора, называется правиломъ дѣйствія). Противъ этого плана мы не имѣли бы возраженій, еслибы онъ былъ удачно выполненъ; но этого на дѣлѣ, къ сожалѣнію, не оказывается. Неудача произошла, главнымъ образомъ, отъ того, что авторъ положилъ въ основу своего труда одни лишь, такъ-сказать, пропедевтическія, въ добавокъ не всегда правильно формулированные опредѣленія ариѳметическихъ дѣйствій, а не об-

щія, не тѣ, которыхъ въ правѣ ожидать читатель отъ руководства, тѣмъ болѣе отъ предназначеннаго „для старшихъ и среднихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій“. Вотъ эти опредѣленія:

„Сложить два числа значить прибавить къ первому одну за другой столько единицъ, сколько ихъ заключается во второмъ“ (стр. 9).

„Сложить пѣсколько чиселъ значить сложить первыя два, къ результату прибавить третье и такимъ образомъ поступать до послѣдняго даннаго“ (стр. 10).

(Конечно, складывать данные числа можно и по этому правилу, хотя и не слѣдуетъ, и не практикуется никогда, по извѣстнымъ причинамъ).

„Вычесть изъ одного числа другое, не больше первого, значить изъ первого отнять одно за другою столько единицъ, сколько ихъ заключается во второмъ.

„То же опредѣленіе можно выразить такъ: вычесть изъ одного числа другое значить первое уменьшить на столько единицъ, сколько въ заключается во второмъ; вычесть изъ одного числа другое значить отъ первого въ натуральномъ рядѣ сдѣлать назадъ столько шаговъ, сколько единицъ заключается во второмъ“ (стр. 14).

„Умножить одно число на другое, отличное отъ единицы, значитъ первое взять слагаемымъ столько разъ, сколько единицъ во второмъ“ (стр. 19).

„Раздѣлить по содержанію одно число на другое значитъ найти третье число, показывающее, сколько разъ можно отъ первого отнимать второе, пока не получится въ остаткѣ нуль или число, меньше втораго“ (стр. 27).

„Раздѣлить на части одно число на другое значитъ найти наибольшее число, которое въ первомъ содержится столько разъ, сколько единицъ во второмъ“ (стр. 28).

Всѣ эти опредѣленія, помимо дурной редакціи послѣднаго изъ нихъ, на столько мелочны и частны, что не даютъ ключа къ решенію даже самыхъ элементарныхъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, которыми изъ ариѳметическихъ дѣйствій рѣшать такой, напримѣръ, вопросъ: сколько единицъ прибавить къ 215, чтобы получить число 812? Конечно, вычитавши; но разъ можно утверждать, что на это именно дѣйствіе непосредственно указываетъ вышеприведенное трижды перефразированное опредѣленіе?

Въ особенности псевдоачно опредѣлилъ авторъ дѣйствіе дѣленія,

такъ какъ вмѣсто общаго опредѣленія, онъ указалъ линь, и то совершило голословно, на приложеніе дѣленія къ рѣшенію двухъ вопросовъ: 1) какъ узнать, во сколько разъ одно число больше другаго? и 2) какъ раздѣлить данное число на требуемое число равныхъ частей? Рѣшеніе такого, напримѣръ, вопроса: на какое число слѣдуетъ умножить 215, чтобы получилось 645? уже не есть вопросъ дѣленія $645 : 215$, если вѣрить опредѣленію, предложенному г. Преображенскому.

Въ некоторыхъ случаяхъ авторъ выражается совсѣмъ непонятно, даже когда говорить о самыхъ простыхъ вещахъ. Напри-
мѣръ, по поводу „мѣръ“, читаемъ на стр. 44: „Единицами для из-
мѣрения величинъ въ большинствѣ случаевъ служатъ въ каждой
странѣ установленныя въ ней мѣры, то-есть, величины, опредѣляемыя
способомъ, указаннымъ правительствомъ, и при помощи осо-
быхъ предметовъ, распространяемыхъ въ обществѣ или самими пра-
вительствомъ или частными лицами подъ его контролемъ“. Или, по
новому повѣрки упомянутой, на стр. 36: „...если, въ случаѣ многихъ
производителей, произведеніе получено вѣрно (e), то, отдѣливъ од-
ного производителя и перенеся въ остальныхъ, мы должны, дѣля
на ихъ произведеніе полное произведеніе, получить отдѣленаго про-
изводителя“. Отдѣльный производитель не долженъ быть послѣдній“.
Какъ понять послѣднюю фразу?

Иногда напѣтъ авторъ непонятенъ, потому что выражается не по
русски: „Раздѣлить на части одно число на другое“... „Раздѣлить
на части 73 на 20“ (стр. 28).

Наконецъ, отмѣтимъ совершенно ошибочными разсужденія автора,
по поводу измѣрения времени, на стр. 48: „Изученіе движенія звѣздъ
даетъ возможность установить часы такъ, что хотя они, при равно-
мѣрномъ ходѣ, показываютъ 12 часовъ для то раньше, то позже
солнечнаго полдня, но разница не возрастаетъ болѣе четверти часа
въ теченіе какого угодно числа лѣтъ. Такіе часы устраиваютъ на
обсерваторіяхъ и согласуютъ съ ними всѣ прочіе часы, употребляемые
въ общежитії“. Въ этой вынискѣ что ни слово, то ошибка, а
въ цѣломъ — непостижимая путаница: впервыхъ, авторъ спуталъ
такъ-называемое звѣздное время съ среднимъ солнечнымъ; ввторыхъ,
„разница“ между полднами истинными и среднимъ, или такъ-назы-
ваемое уравненіе времени, колеблется между нулемъ и 16-ю слиш-
комъ минутами, и не „въ теченіе какого угодно числа лѣтъ“, а
только въ теченіе одного тропического года; втретьихъ, на астрономо-
чать сокхххiii, отд. 3.

ническихъ обсерваторіяхъ пользуются часами (хронометрами), установленными по звѣздному времени, при счетѣ котораго не можетъ быть и рѣчи о полднѣ; наконецъ, вчетвертыхъ, математически равнопрѣмно идущихъ часовъ не существуетъ и не можетъ существовать.

A. Кунцевичъ. Опытъ нового введенія въ геометрию. Съ таблицами чертежей. Пособіе для учащихъ и учащихся. С.-Пб. 1883. Въ 8-ку стр. 3—31. Цѣна 30 коп.

A. Кунцевичъ. Теорія геометрическихъ величинъ. Съ методическими и критическими замѣчаніями. Учебное пособіе. С.-Пб. 1884. Въ 8-ку стр. II+118. Цѣна 70 коп.

Оба названные здѣсь труда г. Кунцевича находятся въ тѣснѣйшей связи между собою. Въ первомъ сочиненіи авторъ налагаетъ все то, что должно служить, по его мнѣнію, „введеніемъ“ въ систематической курсъ геометріи; во второмъ онъ „стремится выдвинуть впередъ систему, методъ и логику учения о геометрическихъ величинахъ, то-есть, учения о протяженіяхъ геометрическихъ фигуръ“. Къ сожалѣнію, г. Кунцевичъ не объясняетъ причинъ своего недовольства обычными „введеніями“ и „теоріями“ существующихъ курсовъ элементарной геометріи, а только цитируетъ кое-гдѣ въ выноскахъ одно классическое сочиненіе Дюгамеля (*Des méthodes etc.*) и проводить иногда параллели между своими „новыми“ опредѣленіями и тѣми, которыя находятся въ извѣстномъ учебнике проф. Давидова („Элементарная геометрія“). Но такихъ цитатъ и параллелей оказывается далеко недостаточно въ данномъ случаѣ, такъ какъ нашъ авторъ предлагаєтъ не только измѣнить некоторые опредѣленія и термины, вѣками закрѣпленные въ геометріи, но и передѣлать самъ объектъ такъ-называемыхъ „предварительныхъ понятій“. Такъ, по мнѣнію г. Кунцевича, для приступающаго къ изученію систематического курса геометріи обязательно, кроме обычныхъ элементарныхъ понятій, за-пастишь еще довольно обстоятельный спѣдѣніи о „родахъ линий и поверхностей“, о пѣкоторыхъ свойствахъ окружности, о равенствѣ и способахъ выраженія величины линейныхъ угловъ, объ образованіи двугранныхъ угловъ и о классификаціи геометрическихъ теоремъ (или, какъ выражается авторъ, „системѣ предложенийъ“). Въ какой степени удачна попытка нашего автора проникнуть въ рискованную область нововведеній, можно судить по приводимымъ ниже образчикамъ.

„Опытъ нового введенія въ геометрію” начинается следующими словами: „Съ понятіемъ о пространствѣ связано понятіе объ отрывкѣ. Отрывокъ пространства называется иначе геометрическимъ тѣломъ или, просто, тѣломъ. Съ понятіемъ о тѣлѣ, какъ отрывкѣ пространства, связаны только понятія о границѣ и объ объемѣ”. Далѣе, перебирая подобными же образомъ термины: поверхность, линія, геометрическая фигура, площадь и протяженіе, авторъ приходитъ къ такому неожиданному выводу (стр. 4): „Такимъ образомъ, положеніе есть принадлежность точки, линіи и поверхности; форма—принадлежность линіи и поверхности; фигура—принадлежность линіи, поверхности и пространства, и протяженіе—принадлежность фигуры”. Вѣроятно, въ поясненіе этихъ загадочныхъ словъ, авторъ приводить въ вѣнѣскѣ длинную цитату изъ Дигамбера, не относящуюся впрочемъ къ дѣлу, и къ заключеніе говорить: „Протяженіе составляетъ принадлежность фигуры, подобно тому, какъ численность составляетъ принадлежность совокупности вещей (предметовъ, явлений и т. п.)”. Конечно, вместо этихъ категорическихъ заявленій, для читателя было бы полезнѣе узнать, въ чемъ состоится различіе между формой и фигурой, и почему форма, по мнѣнію автора, есть принадлежность только линіи и поверхности, а фигура—принадлежность линіи, поверхности и пространства.

Новые термины и опредѣленія вачинаются появляться собственно со стр. 5 рассматриваемаго сочиненія. Такъ, совмѣстимость линій подастъ автору поводъ изобрѣсти термины, даже не свойственные духу русскаго языка: „линиа одинаковой формы” и „линиа неодинаковой формы” (стр. 5), а всколько дѣлѣ (стр. 9), и „поверхность одинаковой формы”. На стр. 11 встрѣчаемъ опредѣленіе „прямая суть линіи одной и той же одинаковой формы”. На стр. 17: „Двусторонная (sic) ломанная линія... то-есть, ломанная линія, состоящая изъ двухъ сторонъ... представляетъ собою еще прямолинейный уголъ... Уголъ, подобно длины, называется протяженіемъ фигуръ. Разница между этими протяженіями заключается въ томъ, что длина есть принадлежность всякой линіи и фигуры, то-есть всякаго отрывка линіи и всякой замкнутой линіи, а уголъ есть принадлежность только одного вида линейныхъ фигуръ, именно: двусторонной (sic) ломанной линіи”. Въ параллель съ этимъ оригинальнымъ опредѣленіемъ ставить ему родственное (стр. 23): „Двугранная поверхность..., то-есть, поверхность, состоящая изъ двухъ отрывковъ плоскости, кроме площади, представляя собою

еще двугранный уголъ. Двугранный уголъ, подобно площади, называется протяженiemъ фигуры. Разница между этими протяжениями заключается въ томъ, что площадь есть принадлежность всякой поверхностиной фигуры, то-есть всякаго отрѣзка поверхности и всякой замкнутой поверхности, а двугранный уголъ есть принадлежность только одного вида поверхностныхъ фигуръ, именно: двугранной поверхности".

„Совокупностью или суммой протяженій данныхъ однородныхъ фигуръ называется протяженіе такой фигуры, которую можно рассматривать какъ совокупность данныхъ фигуръ" (стр. 7). На той же страницѣ, въ высокѣй, авторъ даетъ „примѣръ примѣненія по-нятія о равночисленности" въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Вообразимъ пасущееся стадо; взглянемъ на него въ различныя мгновенія; оно представить рядъ, такъ - сказать, различныхъ картинъ. Каждая картина есть стадо, состоящее изъ однѣхъ и тѣхъ же головъ, сгруппированныхъ различными образомъ. Всѣдѣствие различной группировки отдѣльныхъ головъ, стада эти не равны, то-есть, не одинаковы, но всѣдѣствие состава изъ однѣхъ и тѣхъ же головъ, они (они) равночисленны, то-есть имѣютъ одну и ту же численность".

Всѣ эти выписки служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, какъ трудно дается всякия нововведения въ геометрию, и какъ невразумительно, иной разъ, обзываются самыя простыя вещи.

Перейдемъ теперь къ обзору втораго труда г. Кунцевича— „Георіи геометрическихъ величинъ", написанной съ цѣлью „облегчить юнымъ читателямъ своевременно пріобрѣсти тѣ знанія, которыхъ необходимы для успѣшныхъ занятій точными науками".

Книжка эта, по объему, почти въ четыре раза болѣе первой и представляетъ собою развитіе и примѣненіе идей автора, изложенныхъ въ „Опытѣ нового изведенія". „Теорія геометрическихъ величинъ" состоитъ изъ пяти главъ: въ двухъ первыхъ авторъ трактуетъ о „линейныхъ фигурахъ" и объ „углахъ", въ третьей — о „поверхностныхъ фигурахъ", въ четвертой — о „тѣлахъ", въ пятой — о „перемѣнныхъ и предѣлахъ", примѣненіе которыхъ касается окружности, „поверхностныхъ фигура вращенія", многогранниковъ и тѣль вращенія. Новыми терминами: „поверхностная фигура" просто и „поверхностная фигура вращенія", упоминаемыми въ этомъ перечинѣ, нашъ авторъ не ограничивается. На стр. 36 и 37 читаемъ новые опредѣленія: „Въ треугольникѣ; параллелограммѣ и трапеціи стороны, прилежащиа къ основанию, называются боками".— „Расстояніе между срединами боковъ

и высота называются измѣреніями".—Чтѣ называется основаніемъ и высотой, почему геометрическихъ фигуры о трехъ и четырехъ сторонахъ или бокахъ слѣдуетъ называть двубокими—авторъ не объясняетъ. Да же, въ „Теории геометрическихъ величинъ“ упоминаются термины: „многогранная поверхность“ (стр. 41, 49), „площадь поверхности“ (стр. 91, 92), „площадь сферической поверхности шарового сегмента“ (стр. 93) и т. д. Гоняясь за новизной, а быть можетъ, и за излишнею точностью, авторъ впадаетъ не рѣдко въ вычурность и перефразируетъ известныя теоремы почти до неузнаваемости. Такъ, па стр. 81 читаемъ: „длина окружности равна радиусу, помноженному на отношеніе длины окружности къ радиусу“.—По увѣренію автора (стр. 45), „измѣрить площадь какой-либо прямолинейной плоской или многогранной поверхности любой фигуры значитъ: 1) избрать произвольно опредѣленный параллелограммъ, 2) превратить данную фигуру въ параллелограммъ съ угломъ, равнымъ углу избранного параллелограмма, и 3) сравнить полученный параллелограммъ съ первымъ“. Конечно, все это можно продѣлать, но вѣдь достовѣрно известно, что столь безцѣльного труда никто еще не предпринималъ. Зачѣмъ же павазывать его учапцися?

Въ некоторыхъ случаяхъ г. Кущевичъ выражается безъ вычурностей, по источно, а иногда даже и неправильно. Такъ, вмѣсто того, чтобы сказать: сравненіе поверхностей параллелограммовъ, имѣющихъ соотвѣтственно равные углы, авторъ говоритъ: „сравненіе параллелограммовъ съ постояннымъ угломъ“ (стр. 42); вмѣсто: сравненіе параллелепипедовъ, имѣющихъ соотвѣтственно равные трехгранные углы, читаемъ: „сравненіе параллелепипедовъ съ постояннымъ трехграннымъ угломъ“ (стр. 56).

На стр. 66 помѣщено неточное опредѣленіе перемѣнной величины: „Вообще, переменными числами называются числа, которое принимаютъ значения, отличные другъ отъ друга“.

На стр. 70 доказательство вѣрной теоремы (§ 28, п. 1) авторъ заключаетъ негѣрнімъ разсужденіемъ, въ которомъ употребленъ неизвѣстный терминъ: „конечное большое число“.

На стр. 71 доказывается, по меньшей мѣрѣ, странная теорема: „Число, меньшее бесконечно малаго, бесконечно мало“.

Наконецъ, замѣтимъ, что въ рассматриваемомъ сочиненіи, опрятно изданномъ и довольно тщательно прокорректированномъ, терминъ „апоѳема“ встрѣчается не иначе, какъ въ искаженномъ видѣ „апасема“, съ стр. 69, 70, 75, 76, 85 и мн. др.).

Учебникъ начальной географии. Составилъ К. Турчаковскій. Курсъ I. Киевъ. 1884 г. Цѣна 40 коп.

Г. Турчаковскій говоритьъ: „Въ школахъ западной Европы изученіе географіи начинаютъ съ ближайшаго объекта, то-есть, самой же школы; а послѣ ознакомленія съ школой, ея окрестностями, родиной и отечествомъ, переходятъ къ изученію остальныхъ странъ Европы; потомъ изучаютъ всю Европу, какъ отдѣльный индивидуумъ, потомъ всю землю и, напослѣдокъ, вселенную. Пройдя такимъ образомъ краткій синтетическій курсъ географіи, переходятъ къ курсу аналитическому, только болѣе подробному. Аналитическій курсъ начинаютъ съ разсмотрѣнія земли какъ цѣлаго, потомъ изучаютъ Африку, Австралию, Америку и Азію, затѣмъ переходятъ къ Европѣ и, въ заключеніе, наиболѣе подробно знакомятъ дѣтей съ отечествомъ и родиной“. Даѣтъ говорится въ предисловіи: „Мы, русскіе педагоги, въ этомъ отношеніи все еще придерживаемся совершенно противоположнаго дидактическаго приема и т. д.“. Вопреки увѣренію автора мы должны сказать, что преподаваніе географіи поименованнымъ имъ способомъ ведется далеко не во всѣхъ школахъ Запада. Такъ напримѣръ, въ прусскихъ гимназіяхъ, которыхъ г. Турчаковскій не можетъ не имѣть въ виду, о синтетическомъ преподаваніи нѣтъ и помину. Въ издавшіи Биве „Verordnungen und Gesetze fü r die höheren Schulen in Preussen“ для VI класса, то-есть, нашего I, назначается слѣдующій матеріалъ: „Краткія элементарныя сѣдѣнія изъ математической и физической географіи, гидро- и орографическое обозрѣніе земного шара и наконецъ ориентированіе учениковъ на глобусѣ и картахъ“. Словомъ, преподаваніе географіи буквально начинается тѣмъ же, чѣмъ и у насъ по учебнымъ планамъ. Въ V классѣ, въ нашемъ II: „повтореніе материала прежняго класса, краткое обозрѣніе частей свѣта и болѣе подробное обозрѣніе Европы, кромѣ Германіи“. Въ реальныхъ училищахъ тѣхъ же классовъ курсъ тотъ же. Возьмемъ, распространенный въ нѣмецкихъ гимназіяхъ учебникъ географіи Зейдлица. Въ введеніи его четыре главы: 1) земля, рассматриваемая какъ небесное тѣло; 2) земля, рассматриваемая какъ физическое тѣло; 3) произведений земли; 4) земля какъ жилище человѣка. Даѣтъ, подробнѣ обозриваются старыя части свѣта въ такомъ порядке: Азія, Африка и Европа, затѣмъ новыя части свѣта, Америка и Австралия. Такимъ образомъ и учебникъ доказываетъ, что преподаваніе въ нѣмецкихъ гимназіяхъ не идетъ какимъ-либо способомъ отличнымъ отъ

нашего. Изъ него же видимъ, что части свѣта обозрѣваются далеко не въ томъ порядке, какъ говорить нашъ авторъ. Въ нѣмецкихъ низшихъ школахъ, въ учительскихъ семинарияхъ преподаваніе идетъ такъ, какъ утверждаетъ авторъ, то-есть, въ началѣ путемъ синтетическимъ, а по-томъ аналитическимъ; но то же самое дѣлается у насъ въ городскихъ и другихъ подобныхъ училищахъ. Такъ, въ программѣ 3-го года городскихъ училищъ мы читаемъ: „Планъ классной комнаты, планъ училища, планъ прилегающей мѣстности или околодка, общій планъ города съ примѣчательностями, мѣстное населеніе его, окрестности города, деревни и ся жители“ и т. д. Въ 4-й годъ проходится краткое отчизнознѣдѣніе, въ 5-й годъ общая географія и въ заключеніе подробная географія Россіи. Словомъ, при расположении материала приняты тѣ же дидактическія и методическія начала, которыми руководствуются современные нѣмецкие педагоги. Такимъ образомъ, утвержденіе автора, что наши школы въ дѣлѣ преподаванія географіи совершенно расходятся съ западными, не имѣть никакихъ основаній; да еслибъ это было и справедливо, то во всякомъ случаѣ неумѣсто трактовать объ этомъ предметѣ въ книгѣ, предназначаемой для учениковъ, а пе для учителей.

Самый учебникъ, состоящий изъ 82 страницъ, дѣлится на 4 главы.

1-я глава, посвященная свѣдѣніямъ изъ математической географіи, значительно расширена противъ существующихъ употребительныхъ учебниковъ. Такое расширение произошло главнѣйше отъ методическихъ пріемовъ, употребляемыхъ авторомъ при объясненіи содержания главы. Такъ какъ пріемы эти содѣствуютъ осмыслинію усвоенію учениками предмета математической географіи, то увеличеніе объема составляетъ выгодное отличіе учебника.

Во 2-й главѣ, посвященной начальнымъ свѣдѣніямъ изъ физической географіи, авторъ изобразилъ въ видѣ четырехугольниковъ сравнительную величину частей свѣта и океановъ. Чертежи втораго рода въ методическомъ отношеніи положительно полезны, такъ какъ учащимся довольно затруднительно при помощи плоскошарій составить представление объ относительной величинѣ океановъ. Вторая особенность главы состоитъ въ введеніи новыхъ научныхъ терминовъ, какъ то: „горизонтальная и вертикальная форма земли“. Такъ какъ безъ такихъ терминовъ не обходится ни одно иностранное географическое сочиненіе, то внесеніе ихъ въ учебникъ не можетъ составлять безполезного балласта. Другія особенности этой главы никакъ не могутъ послужить въ пользу учебника. Такъ, составитель наполнилъ параграфы о

сушъ и водъ только объясненіемъ различныхъ физическихъ терминовъ; географическихъ же данныхъ, за исключеніемъ названій материковъ и океановъ, онъ не сообщается. Такимъ образомъ, учащійся не будетъ въ состояніи опредѣлить, что такое горныя группы, горныя массы, горные кряжи и горныя цѣни; что такое подошва, вершина, вулканы, какой высоты бываютъ горы и наконецъ затвердить, не во всѣхъ частяхъ ясно выраженное, обобщеніе параграфа на стр. 21: „Итакъ, поверхность суши представляется то въ видѣ громадныхъ вершинъ (?) и горныхъ кряжей, то въ видѣ обширныхъ площадей (?) высокихъ или низкихъ, ровныхъ или покрытыхъ горами и долинами (?), то въ видѣ впадинъ, то наконецъ, въ видѣ уступовъ и обрывовъ, служащихъ переходами отъ высокихъ площадей (?) къ пнямленнымъ?". Зная все это, ученикъ однако же не будетъ въ состояніи ни назвать, ни показать ни одной горы на картѣ. Между тѣмъ, по требованію объяснительной записи, знаніе географическихъ данныхъ стоить на первомъ планѣ. Въ этой записѣ говорится: „При обозрѣніи земного шара по глобусу или плоскошаріямъ, ученикамъ постепенно разъясняются всѣ географические термины изъ области физической географіи, и при этомъ указываются на глобусѣ или на картѣ соответственные графические знаки". Не давая въ поименованныхъ параграфахъ необходимаго географическаго материала, составитель въ другихъ параграфахъ того же отдѣла даетъ такой материалъ, которымъ ученики уже владѣютъ, или же могутъ легче приобрѣсти позднѣе при изученіи какъ географіи, такъ и изъ которыхъ другихъ наукъ. Особенно поражаетъ излишествомъ параграфъ 8-й: „Естественные произведения". Кроме голаго перечня минераловъ, растеній и животныхъ, свойственныхъ разнымъ полосамъ и климатамъ, учебникъ даетъ объясненіе значенія и пользы того или другаго предмета; но трудно предположить, чтобы 10-лѣтніе учащіеся мальчики не знали, что изъ золота и серебра чеканять монету и приготовляются дорогія вещи, или что домашнія животныя одѣгаютъ и кормятъ человѣка, возятъ и носятъ для него тяжести, и что собака служитъ ему вѣрнымъ спутникомъ. Сообщаемое въ этомъ же параграфѣ свѣдѣніе, что изъ желѣза дѣлаются дома и церкви, будетъ вполнѣ новое для учениковъ: но много ли такихъ домовъ и церквей на земномъ шарѣ?

Глава 3-я: „Первоначальная свѣдѣнія изъ этнографіи" содержитъ въ себѣ наравнѣ съ предшествующимъ, материалъ, излишній для учениковъ 10-лѣтнаго возраста. Слѣдующее же мѣсто изъ характеристики бро-

дачихъ народовъ не можетъ быть терпимо въ учебнику для I класса, если бы даже въ немъ сообщались и вѣрныи свѣдѣнія. Стр. 44: „Семейная жизнь грубая, варварская. Каждый беретъ себѣ столько жень, сколько онъ въ состояніи прокормить. Дѣтей тотчасъ послѣ рожденія, большую частью, убиваютъ, съ цѣлью избавить себя отъ труда содержать ихъ; то же дѣлаютъ и съ драхмыми стариками и т. д.“.

4-я глава содержитъ въ себѣ краткій физический и политический обзоръ всѣхъ частей свѣта подъ слѣдующими рубриками: „Географическое положеніе, очертаніе береговъ, устройство поверхности, тектонія и стоячія воды, растенія и животныи и обзоръ государствъ“. Россія рассматривается нѣсколько подробнѣе.

Эта глава, занимающая немногіо менѣе половины книги, представляетъ самую лучшую часть учебника. Взяты за небольшимъ исключениемъ только главныи географическія данныи и весьма толково сгруппированы. Но, по несчастію, вся она излишня для I-го класса гимназій, такъ какъ въ программу его вовсе не входитъ такое многостороннее, хотя и компенситивное, обозрѣніе части свѣта, какое предлагается авторомъ. Но одинъ параграфъ о Россіи, именно о населеніи, можетъ быть пригоденъ; свѣдѣнія, превышающія требованія программы, въ немъ не такъ многочисленны, чтобы могли обременить память учениковъ.

Въ концѣ книги два приложения: первое—нѣсколько полезное для первоначального курса: четыреугольники, представляющіе сравнительную величину европейскихъ государствъ, и второе—числовыи данныи, относящіяся къ учебнику начальной географіи математической, физической и политической.

Изложеніе учебника вообще удовлетворительно; но нельзя сказать, чтобы оно было достаточно просто въ виду цѣли, для которой предназначается книга. Мѣстами встрѣчаются длинныи предложения, затрудняющія пониманіе главной мысли, скопленіе мотивовъ, аналогій, отвлекающихъ вниманіе учениковъ отъ главнаго предмета. Такъ, напримѣръ, параграфъ „Климатъ въ Россіи“, на стр. 75, самъ по себѣ не представляетъ ни какихъ фактovъ, превышающихъ умственныи силы учениковъ, но онъ изложенъ такъ, что можетъ быть только подъ силу ученикамъ IV класса. Есть такія мѣста, которыхъ въ устахъ 10-лѣтнихъ учениковъ будутъ всегда пустыми фразами. Такъ, напримѣръ, на стр. 42: „Къ признакамъ, существенно отличающимъ человѣка отъ животныхъ, принадлежатъ: 1) болѣе совершен-

часть сохвани, отд. 3.

ное устройство тѣла; 2) чувство совѣсти, чести, долга и раскаянія, свойственное только человѣку; 3) разумъ, какого у животныхъ нѣтъ; 4) вѣра въ Бога, какъ Творца вселенной, и 5) даръ слова, благодари которому люди имѣютъ возможность дѣлаться между собою мыслями и зналиями". Или слѣдующее мѣсто на стр. 45: „Въ умственномъ и нравственномъ отношеніи кочевникъ немногимъ стоитъ выше бродачаго человѣка; онъ съ дѣтства привыкаетъ къ грубости и лжи; его голова полна честныхъ суевѣрій и представлений". Часто можно встрѣтить слова и цѣлые выраженія, внесенные неизвѣстно для какой подобности. Такъ, напримѣрь, на стр. 2: „Ими (то-есть, странами свѣта) пользуются также въ мореплаваніи, въ путешествіяхъ по пустынамъ и въ другихъ случаяхъ жизни". На стр. 34: „Бхать по течению рѣки, то-есть, въ направлении ея устья, значить бхать внизъ по рѣкѣ („Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ"); бхать противъ течения, значить бхать вверхъ".

Изданъ учебникъ многое опрятнѣе уже давно существующихъ учебниковъ такого же рода. Опечатки мѣстами встрѣчаются, но главныйѣшія изъ нихъ указаны самимъ авторомъ. Мѣстами встрѣчаются разнаго рода географическія погрѣшности, но количество ихъ не велико, если имѣть въ виду, что учебникъ выходитъ только первый изданіемъ. Для примѣра укажемъ на слѣдующіе недосмотры: „Вообразаемая линія, проведенная на землѣ отъ востока къ западу, называется параллелью". На стр. 11 внизу читаемъ: „параллельные круги проводятся параллельно экватору". Это послѣднее мѣсто выражено опредѣленїе, чѣмъ первое.

На стр. 8 говорится: „Земная ось наклонена къ орбите на $23^{\circ} 45'$. Въ действительности же она наклонена на $66^{\circ} 32^{\circ} 4'$.

На стр. 12 понятіе о градусахъ не ясно: „Заключенные между ними (то-есть, параллельными кругами) части земли называются градусами широты".

На стр. 13 говорится: „Земля составляетъ только одну изъ тѣхъ многочисленныхъ блестящихъ точекъ....". Ниже: „Темные тѣла называются планетами. Земля наша есть планета", съдовательно, темное тѣло, а не блестящая точка, какъ сказано выше.

Стр. 15 „Океанъ дѣлить сушу на большія и малыя части". А на стр. 22 говорится: „Материки дѣлить его (то-есть, океанъ) на пять частей". Это послѣднее вѣрнѣе.

На той же страницѣ сказано: „Большія массы суши... называются

материками или частями свѣта". Но материкъ и часть свѣта не одно и то же.

Стр. 18 „Берега суши неравны". Это мѣсто не даетъ вѣрнаго представлениія о предметѣ.

На той же страницѣ говорится: „Поверхность океана вездѣ горизонтальна..." Какимъ же образомъ въ сознаніи ученика образуется представление о шарообразности земли?

На стр. 27 пессирапедливо утверждается, что высокія вершины горъ всегда покрыты снѣгомъ.

На той же страницѣ опредѣленіе пассатовъ требуетъ больше правильности и точности. Такъ напримѣръ, утверждается, что вѣтры сѣверного полушарія, называемые сѣверо-восточными, доходятъ до экватора, въ действительности же они достигаютъ только 9° с. ш.

На стр. 32 говорится: „Мы уже знаемъ, что океанъ служитъ главнымъ источникомъ влаги, падающей изъ воздуха на землю". Но предполагаемаго авторомъ свѣдѣнія ученики на основаніи книги не могутъ имѣть, такъ какъ при очеркѣ значенія океана на стр. 26 эта существенная черта опущена.

На стр. 50 Красное море и Средиземное называются рукавами ближайшихъ имъ океановъ.

Альпы. Пособіе для учащихся. Составилъ Сергій Меч. Москва. 1882. Въ 16-ю д. л. Цѣна 30 коп.

Центральная Азія. Пособіе для учащихся. С. Меч. М. 1883. Въ 16-ю д. л. Цѣна 30 коп.

Кавказъ. Географическій очеркъ. С. Меч. Москва. 1884. Въ 16-ю д. л. Цѣна 50 коп.

Судя по оглавленіямъ, а равно и по предисловію къ первой книжкѣ, г. Мечъ предназначаетъ свой трудъ въ видѣ пособія для учащихся. Первая изъ книжекъ г. Мечча посвящена Алпамъ. Человѣка авторъ касается мало; таковой появляется въ книжкѣ только въ видѣ отважнаго охотника, или въ видѣ любознательнаго путешественника, или въ видѣ монаховъ, отыскивающихъ погибающихъ, или, наконецъ, въ видѣ жертвъ сѣжныхъ обваловъ и другихъ стихійныхъ явлений Алпъ. Большая часть книжки посвящается описанію природы горъ, метеорологическихъ явлений, растеній и животныхъ. Описанія кратки, какъ можно уже судить по объему книжки (183 стр.), но всеѣ весьма характерны, наиболѣе же картинностью отличаются описанія Сенъ-Бернара (стр. 16), Сенъ-Готтардской же-

лѣзной дороги (стр. 28), долинъ (стр. 36), фона (стр. 46), сѣйжной области (стр. 105). Сочиненія, которыми пользовался авторъ, принадлежать къ разряду лучшихъ, и большая часть изъ нихъ показана за чертой, таковы: Реклю, Бернелль, Гельмгольцъ, Гризебахъ, Чуди, Тиндалль и Гееръ.

Вторая книжка, подъ заглавиемъ „Центральная Азія“, въ 89 страницъ, посвящена описанію Тибета, Китайского Туркестана, степи Гоби и характеристики монголовъ. Какъ и при первой поименованной книжкѣ, авторъ пользовался лучшими по этому предмету пособіями, именно Реклю, Пржевальскимъ, Писецкимъ, Джонсономъ, Радде, Гризебахомъ и др. Не принятъ во вниманіе только трудъ г. Потанина „Очерки сѣверо-западной Монголіи“, въ которомъ сообщается, между прочимъ, много характеристика чертъ изъ быта монголовъ, не нашедшихъ себѣ места въ книжкѣ. Во всякомъ случаѣ, и эта книжка составлена талантливо и столь же интересно, какъ и первая.

Третья книжка, подъ заглавиемъ „Кавказъ“, по объему своему, подходитъ къ первой. Она дѣлится на три главныхъ отдѣла: „Степь“, „Хребеть Кавказскій“ и „Закавказье“. Содержаніе ея представляетъ большее разнообразіе въ сравненіи съ первыми, такъ какъ въ нее местами занесены этнографические очерки и описание естественныхъ горныхъ и водныхъ богатствъ края. Природа Кавказа обрисована въ книжкѣ художественно, чему способствовали, помимо знакомства съ обширною литературою (мы встрѣтили ссылокъ болѣе чѣмъ на 40 разнообразныхъ сочиненій), и личная экскурсія автора на Кавказѣ.

Элементарный курсъ рисования геометрическихъ формъ, составленный класснымъ художникомъ Шнейдеромъ. Отдѣль I, Одесса 1883. Въ 4-ку. Цѣна 1 руб.

Въ этомъ собраніи оригиналовъ для рисованія помещены на 46 листахъ малаго формата 118 рисунковъ и изложены на 10 страницахъ общія початкія о геометрическихъ фигурахъ, которыхъ изученіе составляетъ основаніе всего курса. Рисунки изображены на квадратной сѣткѣ. Самыя упражненія въ рисованіи начинаются съ распределенія точекъ въ извѣстномъ порядкѣ; затѣмъ слѣдуетъ рисование вертикальныхъ, горизонтальныхъ и косыхъ параллельныхъ линій, рисование различныхъ угловъ и разныхъ фигуръ, составленныхъ изъ этихъ геометрическихъ элементовъ, сперва въ однѣхъ чертажахъ, а потомъ въ черные и сѣрые тоны; далѣе помещено нѣсколько рисунковъ, составленныхъ изъ смѣшанныхъ линій, которые служить пере-

ходомъ къ разнымъ узорамъ, изображеннымъ также и въ однихъ чертахъ и съ тушевкой; въ заключение, на послѣднихъ двухъ листахъ, помѣщено нѣсколько узоровъ, раскрашенныхъ различными красками. Многіе изъ рисунковъ изображены чертами различной толщины.

Изъ вышеизложенного краткаго перечня этого собранія оригиналовъ видно, что они составлены въ послѣдовательномъ порядке, и что основную идею этого собранія нельзя не признать отвѣщающей требованиямъ современной педагогики. Что же касается самого осуществленія этой идеи въ рассматриваемомъ собраніи оригиналовъ г. Швайкевича, то мы не можемъ не замѣтить, что оно не удовлетворяетъ одной изъ главныхъ задачъ преподаванія, заключающейся въ развитіи въ учащейся молодежи эстетического чувства. Для развитія этого чувства предметомъ рисованія можетъ служить не всякое сочетаніе геометрическихъ фигуръ, а лишь изящные геометрические узоры. Въ этомъ отношеніи рассматриваемые оригиналы г. Швайкевича оставляютъ желать еще весьма многаго.

Въ числѣ изображенныхъ у г. Швайкевича геометрическихъ узоровъ есть немалое количество такихъ, которые не только не изящны, но положительно непріятно поражаютъ глазъ каждого, на нихъ смотрящаго, даже не художника. Извѣстно, что не всякая комбинація геометрическихъ фигуръ, расположенныхъ симметрично, представляетъ собою изящный узоръ, и что несравненно легче составить изъ нихъ некрасивый, чѣмъ изящный рисунокъ. Въ виду этого г. Швайкевичъ поступилъ бы гораздо благоразумнѣе, еслибы онъ, вѣйсто вновь сочиненныхъ весьма некрасивыхъ узоровъ, помѣстилъ образцовые, по своей изящности и оригинальности, геометрические орнаменты, которые въ такомъ изобилии извѣстны намъ по художественнымъ произведеніямъ не только Арабовъ, Маровъ, Персовъ и Индусовъ, но даже первобытныхъ народовъ и дикарей. Некрасивыхъ комбинацій различныхъ треугольниковъ, параллелограммовъ, многоугольниковъ, круговъ и эллипсовъ можно указать въ оригиналахъ г. Швайкевича довольно значительное число, такъ напримѣръ, рис. № 45, 65, 66, 67, 68, 70, 71, 73, 76, 79, 81, 83, 84.

Поражаетъ также своею небрежностью передача немногихъ орнаментовъ различныхъ стилей, помѣщенныхъ на послѣднихъ листахъ собранія, какъ напримѣръ, на листахъ 40 и 41. Такое уродованіе изящныхъ формъ греческой пальметки и лотоса (рис. № 100) не простительно въ собраніи оригиналовъ, которые должны содержать

въ себѣ лишь изящные и вѣрно исполненные узоры, на конкѣ дѣйствительно могло бы развиваться эстетическое чувство учащихся.

Нельзя считать еще замѣтить, что утолщеніе нѣкоторыхъ линій въ рисункахъ вовсе не нужно: отъ этого утолщенія рисунки не становятся ни яснѣ, ни изящнѣ. Равнымъ образомъ излишними, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ считать квадратныя сѣтки для болѣе сложныхъ узоровъ, помѣщенные на послѣднихъ страницахъ этого собранія.

Относительно формата изданныхъ оригиналовъ можно замѣтить, что онъ слишкомъ великъ въ томъ случаѣ, если эти оригиналы предназначены служить пособіемъ для преподавателя во время урока, какъ собраніе мотивовъ для рисованія имть задачь на классной доскѣ, если же они предназначены служить оригиналами для перерисованія ихъ учениками, то они слишкомъ малы. Во вскомъ случаѣ рисунки исполнены для такой цѣли недостаточно аккуратно и не довольно изящно.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОПИСЬ.

ОБЪ ИЗДАНИЯХЪ СВЯТЪЙШАГО СИНОДА КО ДНЮ ТЫСЯЧЕЛЪТИЯ БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЫ ПЕРВОУЧИТЕЛЯ СЛАВЯНЪ СВ. МЕФОДІЯ¹⁾.

Чествование тысячелѣтія со дnia блаженной кончины первоучителя славянъ св. Мефодія служить предметомъ особенной заботливости и попеченій со стороны высшей русской церковной власти, св. синода. Съ этой цѣлію, желая распространить и укрѣпить въ сознаніи и практикѣ церкви память свв. нашихъ первоучителей Мефодія и Кирилла, св. синодъ, между прочимъ, изготошилъ и окончатель печатаниемъ нѣсколько собственныхъ изданій, предпринятыхъ главнымъ образомъ къ знаменательному дню 6-го апрѣля текущаго 1885 года.

Прежде всего св. синодъ озабочился перепечатаніемъ вновь пересмотрѣнной и исправленной общей обомъ нашимъ первоучителемъ свв. Мефодію и Кириллу службы на 11-е мая, съ прежнимъ къ ней приложениемъ: „Житіе и труды преподобныхъ отецъ нашихъ Мефодія и Константина, нареченного Кирилла, учителей словенскихъ“, при чёмъ въ новомъ изданіи приложения сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, требующіяся самой сущности и характеромъ исторического содержанія памятниковъ о жизни и дѣятельности свв. первоучителей славянскихъ. Къ этой общей службы свв. Мефодію и Кириллу на 11-е мая вновь прибавлены и въ первый разъ теперь печатаются

---

¹⁾ Запиштуемъ эту статью изъ Церковскаго Вѣстника.

ЧАСТЬ СОХХХVIII, отд. 4.

отъ св. синода отдельные службы каждому изъ святыхъ нашихъ первоучителей: св. Кириллу — на 14-е февраля и св. Меѳодію — на 6-е апраля.

Обѣ послѣднія службы встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ, уцѣлѣвшихъ и до сихъ порь рукописныхъ славянскихъ памятникахъ и такимъ образомъ, ясно показываютъ, какъ свято чтила память нашихъ первоучителей православная церковь, не только среди славянъ, которые главнымъ образомъ воспользовались плодами дѣятельности свв. своихъ первоучителей, но и у грековъ, которые первоначально послали къ славянамъ этихъ проповѣдниковъ-первоучителей и сами затѣмъ чтили дѣло ихъ проповѣди и священную память въ послѣдующія времена. По изслѣдованіямъ ученыхъ, самыи складъ троپарей теперь издаваемыхъ славянскихъ службъ свв. Меѳодію и Кириллу указываетъ на существованіе для нихъ оригинала греческаго, во всякомъ случаѣ предполагаеться для нихъ образцы греческіе и такимъ образомъ отчасти свидѣтельствуетъ, что греческіе, какъ и славянскіе, творцы каноновъ свв. славянскимъ первоучителямъ одинаково чтили священную ихъ память и прославляли апостольскую ихъ жизни и подвиги въ возынченіяхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ.

Въ виду важности сохранившихъ древнѣйшихъ славянскихъ службъ свв. Меѳодію и Кириллу, какъ памятниковъ древне-славянскаго языка, и особенно въ виду важности ихъ исторического содержания, весьма близкаго къ пространнѣмъ (такъ-называемымъ Чаннонскимъ) житіямъ, онѣ до сихъ порь неоднократно были издаваемы для цѣлей ученыхъ. Въ первый разъ эти службы были найдены въ рукописныхъ служебныхъ миѳеахъ XII—XIII вѣковъ Московской синодальной библіотеки почтенными нашими учеными, покойными отцомъ ректоромъ Московской духовной академіи А. В. Горскімъ, и напечатаны были имъ, вмѣстѣ съ его изслѣдованіемъ, въ *Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ за 1856 годъ*; потомъ онѣ съ тѣмъ же изслѣдованіемъ были перепечатаны въ *«Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборнику»* (стр. 271—296), изданномъ въ 1865 году М. П. Погодинымъ въ память о совершившемся тысячелѣтіи славянской письменности и христіянства въ Россіи. Въ 1862 году покойный нашъ славистъ В. И. Григоровичъ напечаталъ въ Казани отдельную службу свв. Меѳодію и Кириллу по найденной въ Аeonскомъ Зографскомъ монастырѣ и относимой имъ къ XIII в. иерограммной рукописи мѣсячной миѳеи (отъ февраля по августъ), подъ заглавіемъ: *«Древне-славянскій памятникъ, дополняющій житіе славянскихъ апостоловъ свв. Кирилла*

и Меодія⁶, перепечатанный затѣмъ въ „Кирillo-Меодіевскомъ Сборнику” на стр. 235—270. Внослѣдствіи въ Московской типографской библіотекѣ Г. Арсеньевъ нашелъ три новые списка службы св. Кириллу на 14-е февраля и напечаталъ варианты къ ней въ томъ же „Кирillo-Меодіевскомъ Сборнику” на стр. 550—555, а извѣстный нашъ почтенный ученый, покойный И. И. Срезневскій, въ той же библіотекѣ отыскалъ четыре новые списка службы св. Кириллу на 14-е февраля и, измѣя еще подъ руками напечатанные Горскаго и Григоровичемъ ея списки и рукописные списки Палаузова и Востокова, издалъ ее, припавъ для своего издания за основаніе списокъ Востокова (Записки Академіи Наукъ, т. IX, кн. II, приложение № 6. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, вып. III, стр. 67—78).

Издаваемыя теперь по благословенію св. синода службы отдѣльно св. Кириллу на 14-е февраля и отдѣльно Меодію на 6-е апрѣля напечатаны чрезъ критическое сличеніе всѣхъ извѣстныхъ въ печати списковъ этихъ службъ (Горскаго, Григоровича и Срезневскаго), съ предпочтеніемъ болѣе исправнаго текста того или другаго списка (принимая во вниманіе и особенности рукописныхъ списковъ, отмѣченныя въ печатныхъ изданіяхъ) менѣе исправному, съ пополненіями текста одного списка новыми, болѣе или менѣе важными особенностями другихъ, съ замѣненіями нѣкоторыхъ древне-славянскихъ и, такъ сказать, областныхъ славянскихъ словъ, формъ и выражений болѣе понятными новыми церковно-славянскими словами и оборотами въ т. п.

Такимъ образомъ, вновь напечатанныя по благословенію св. синода службы свв. Меодію и Кириллу содержать въ себѣ въ частности: 1) общую обоимъ славянскимъ первоучителямъ службу на 11-е мая; 2) отдѣльно службу св. Кириллу на 14-е февраля; 3) отдѣльно службу св. Меодію на 6-е апрѣля (по единственному списку, изданному Григоровичемъ) и 4) приложеніе къ службамъ: „Житіе и труды преподобныхъ отецъ нашихъ Меодія и Константина, нареченаго Кирилла, учителей словенскихъ” (изъ Четыи-Минеи).

Кромѣ того, въ виду специального посвященнаго празднованію тысячелѣтія блаженной кончины св. Меодія дnia 6-го апрѣля, св. синодъ теперь издалъ къ этому времени извѣстное въ печати пространное житіе св. Меодія или такъ-называемое Паннонское его житіе, авторитетъ котораго (равно какъ и авторитетъ другаго пространнаго или Паннонскаго житія св. Кирилла) достаточно прочно

1*

уже установленъ въ науки. Это изданіе Паннонскаго житія св. Меѳодія, сдѣланное и прорѣченное по нѣсколькимъ печатнымъ его спискамъ (напечатаннымъ въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россіи 1866 года, кн. I, Миклошичъ—*Vita sancti Methodii russico-slovenice et latino edidit Fr. Miklosich, Vindobonae 1870*, Палацкимъ—въ *Fontes rerum Bohemicarum 1871*, Шафарикомъ—въ *Pamotkach drevnіho pisemnictv Iugoslovianuv 1873*, и Бѣлевскимъ—въ *Monimenta Poloniae historica t. I, 1864*), пред-
ставляетъ собою не буквальное воспроизведеніе текста того или другаго списка, а въ виду главнѣйшаго образомъ практическихъ иранственно-
язычныхъ цѣлей—составляетъ новую его редакцію, съ упроще-
ніемъ только древніаго языка примѣнительно къ современному, упо-
требляющемся въ богослужебныхъ книгахъ, церковно-славянскому
языку, но съ удержаніемъ всѣхъ подробностей въ содержаніи и
изложеніи. Издавая къ запамятательному дню 6-го апрѣля Паннон-
ское житіе св. Меѳодія, св. синодъ не замедлитъ издать (уже при-
ступлено къ печатанію) и Паннонское житіе св. Кирилла, которое,
имѣйтъ съ житіемъ св. Меѳодія, составляетъ какъ бы одно цѣлое,
дополняя другъ друга своими специальными подробностями, относи-
щимися къ жизни и дѣятельности того или другаго славянскаго
первоучителя. Да послужить это истинно-прекрасное начало Кирилло-
Меѳодіевскихъ изданій дѣйствительно святымъ только начальникъ и
достойнымъ подражанія пріемѣра для послѣдующихъ изданій въ честь
и память свв. нашихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія!

Въ заключеніе сдѣлусь упомянуть, что, печатая ко дню 6-го
апрѣля свои собственныя изданія, святѣйшій синодъ призываетъ на
свои средства печатаніе изданій С.-Петербургскаго славянскаго
благотворительныхъ обществомъ жизнеописаній свв. Кирилла и Меѳодія,
сверхъ уже напечатанныхъ обществомъ въ опредѣленномъ ко-
личествѣ собственныхъ экземпляровъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1884 ГОДУ.

Императорское Русское Археологическое Общество, въ Петербургѣ, уже неоднократно осчастливленное знаками высокаго вниманія своего Августѣйшаго Покровителя, пользовалось ими и въ минувшемъ году: Его Императорскому Величеству благоугодно было отпустить въ распоряженіе Общества 2,000 р. на производство раскопокъ въ такъ называемомъ Рюриковомъ городицѣ въ Старой Ладогѣ, а также поручить разсмотрѣнію и рѣшенію Общества весьма важный и интересный вопросъ о внутренней отдѣлкѣ строящагося въ Киевѣ храма Св. равноапостольнаго князя Владимира. Кроме того, съ соизволенія Государа Императора, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ удостоилъ принять на себя званіе Почетнаго Члена Общества. Всѣ эти знаки Высочайшаго вниманія возвуждали и поддерживали ученую дѣятельность Общества.

Въ минувшемъ году въ составѣ Общества произошли слѣдующія перемѣны: въ число дѣйствительныхъ членовъ вступили: П. О. Бурачковъ, И. А. Вахрамьевъ, Г. Ф. Карповъ, Д. Ф. Кобеко, графъ Д. И. Толстой и В. Н. Юрьевичъ, въ число членовъ-корреспондентовъ избраны—гг. Крыловъ, Ординъ, Орловскій, Поповскій, Суручанъ, въ число иностраннныхъ членовъ-сотрудниковъ—гг. Боди, въ Спа, и Попадопуло-Керамевъ, въ Константинополь. Въ прошломъ же году Общество понесло чувствительную утрату въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ-основателей, графа А. С. Уварова. Не распространяясь здесь о всей его ученой дѣятельности и заслугахъ, оказанныхъ имъ русской археологии, замѣтимъ только, что, содѣйствуя основанію Русского Археологического Общества, покойный графъ никогда не

прерывалъ съ нимъ своихъ сношений, несмотря на то, что жилъ большей частью въ Москвѣ: онъ слѣдилъ за его изданіями, обращался къ нему по дѣламъ и вопросамъ, которые могла быть разъяснены и решены только въ Петербургѣ, и много содѣствовалъ усиленію дѣятельности Общества, направляя къ нему различныхъ дѣла, требовавшія участія петербургскихъ представителей археологической науки. Изъ недавняго прошлаго напомнимъ, что при непосредственномъ участіи Общества состоялся организованный графомъ А. С. Уваровымъ второй археологический съездъ въ Петербургѣ, что опо, черезъ своихъ депутатовъ, привимало дѣятельное участіе и коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, учрежденной при непосредственномъ вліяніи графа, что оно же, также черезъ своихъ депутатовъ, участвовало въ разработкѣ устава Россійскаго историческаго музея, любимаго лѣтища покойнаго, что Обществу, при посредствѣ графа было поручено разработать проектъ сохраненія Коломенскаго кремля, что графомъ же было указано Обществу на интересный памятникъ русскаго храмового зодчества—церковь въ Ребовскомъ погостѣ Тихвинскаго уѣзда, сохраненную Обществомъ отъ предполагавшагося разрушенія, и т. д. Великія услуги, оказанныя покойнымъ наукѣ русскихъ древностей, побудили многихъ изъ членовъ Русскаго Археологическаго Общества внести предложеніе объ увѣковѣченіи памяти графа А. С. Уварова и его неразрывной связи съ Обществомъ учрежденіемъ медали его имени, которая могла бы быть периодически выдаваема за лучшіе ученыe труды по русской археологии. Предложеніе это встрѣтило общее сочувство и было утверждено въ засѣданіи 26-го февраля текущаго года.

Другую потерю понесло Общество въ лицѣ И. И. Лерха, скончавшагося лѣтомъ 1884 г. въ Гейдельбергѣ. Тоже болѣнь, постигшая покойнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уже тогда отняла его у науки, которой онъ служилъ съ рѣдкою ревностью и любовью. Но въ 60-хъ годахъ П. И. Лерхъ, неся обязанности библиотекаря Общества и секретаря отдѣленія классической археологии, значительно содѣствовалъ дѣятельности Общества, благодаря между прочимъ своему по истинѣ энциклопедическому образованію, помогавшему ему рѣшать вопросы по археологии восточной, въ которой онъ былъ рѣдкимъ специалистомъ, вопросы, относившіеся къ миру греко-скіевскому, и къ археологии дѣсторической, которую онъ занималъ съ особенностью любовью въ послѣдніе годы своей ученої дѣятельности. Многие

труды его помѣщены въ изданіяхъ Общества, и самая болѣзнь застѣгла его въ то время, какъ онъ печаталъ въ Трудахъ восточнаго отдѣленія Общества свою монографію о монетахъ Бухаръ-Худатовъ, оставшуюся не оконченной.

Кромѣ этихъ двухъ потерь, Общество утратило своихъ членовъ П. И. Баранова и В. В. Бауера.

Изъ изданій Общества въ теченіе 1884 года окончены печатаниемъ и выпущены въ свѣтъ:

а) Составленный Д. А. Хвольсономъ Сборникъ еврейскихъ надписей, содержащий въ собѣ надгробныя надписи изъ Крыма и надгробныя и другія надписи изъ иныхъ мѣстъ изъ древнѣго еврейскаго квадратнаго шрифта, а также и образцы еврейскихъ шрифтовъ изъ рукописей IX—XV столѣтія. Русское изданіе этого труда представляетъ значительныя разности въ сравненіи съ нѣмецкимъ и содержитъ въ себѣ нѣкоторые эпиграфические памятники, не находящіеся въ послѣднемъ.

б) X-й томъ Извѣстій Общества, заключающій въ себѣ, сверхъ отдѣльныхъ мемуаровъ и замѣтокъ гг. Веселовскаго, Голенищева, Ордина, архимандрита Леонида, Стояновскаго, Позднякова, Гаркави, окончаніе труда г. Иверсена: „Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ“, труда многогодѣніяго, достоинства котораго признаны Обществомъ, присудившимъ составителю большую золотую медаль. Въ видѣ приложения къ вышедшему выпуску X-го тома присоединенъ весьма полезный трудъ г. Черневскаго: „Указатель материаловъ для истории торговли, промышленности и финансовъ въ предѣлахъ Россійской имперіи отъ древнейшихъ временъ до конца XVIII столѣтія“, и начальные листы протоколовъ комиссіи по производству химическо-техническихъ анализъ древнихъ бронзъ. Въ настоящее время приготовленъ къ изданію въ свѣтъ и второй выпускъ этихъ протоколовъ. Десятый томомъ завершена серія Извѣстій Общества; въ видахъ ускоренія появленія въ свѣтъ протоколовъ общихъ собраній Общества и съ цѣллю дать мѣсто статьямъ и изслѣдованіямъ болѣе значительнаго объема, которыхъ накопилось достаточное количество, рѣшено приступить къ изданію новой серіи Записокъ Общества, которая будуть дѣлиться на два отдѣла: одинъ, вмѣщающій въ себѣ протоколы, какъ общихъ собраній, такъ и собраній по отдѣлѣніямъ, съ приложеніемъ статей и замѣтокъ незначительнаго объема, и другой—въ который войдутъ болѣе обширныя изслѣдованія и сообщенія. При этомъ было высказано

пожелание, чтобы ежегодно издавалось по одному тому этихъ Записокъ.

Другія, предпринятыя Обществомъ изданія также не остались въ 1884 году безъ движенія, а именно:

а) Благодаря энергіи и умѣнию В. В. Латышева въ отчетномъ году оказалось возможнымъ не только приступить къ изданію „Сборника древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣверного побережья Чернаго моря“, но и довести печатаніе 1-го тома его до 24-го листа. Изданіе разчитано на три тома, изъ коихъ въ первый войдутъ надписи Тиры, Ольвіи и Херсонеса, во второй—надписи Босфорскаго царства, въ третій—надписи керамическая и другія *anticaglia*. Первый томъ предполагается окончить лѣтомъ текущаго года. Для этого изданія Общество отступило отъ своего обычая печатать исключительно на языкахъ русскомъ и дозволило сопровождать надписи латинскимъ объяснительнымъ текстомъ: это сдѣлано въ виду того, что главнѣйшій интересъ печатающагося сборника—общеверопейскій, и въ русскомъ изложеніи это изданіе не получило бы той распространенности, какой оно заслуживаетъ. Впрочемъ, важнѣйшіе эпиграфические тексты г. Латышевъ сопровождаются русскими переводами. Для того, чтобы издаліе это вполнѣ соотвѣтствовало тѣмъ требованиямъ, которыя предъявляются въ настоящее время наукой сборникамъ подобнаго рода, Общество рѣшило отдать особый эпиграфический шрифтъ и значительно дополнить имѣющеся въ типографіи Академіи Наукъ количество эпиграфическихъ знаковъ.

б) Продолжалось печатаніемъ и сочиненіе архимандрита Антонина „Изъ Румеліи“, доведенное до 31-го листа. Въ виду того, что весь оригиналъ этого любопытнаго труда доставленъ авторомъ въ Общество, печатаніе его будетъ окончено въ теченіе 1885 года.

в) Издаваемый Обществомъ рисунокъ запрестольной мозаики Киевскаго Софійскаго собора, исполненный литографомъ Евстифьевымъ, также подвинуть впередъ: средній листъ трехъ листовъ рисунка уже оконченъ, и въ настоящее время приступлено къ нанесенію на камни одного изъ боковыхъ.

г) Н. И. Веселовскій, взавшій на себя составленіе біографіи В. В. Григорьева, изданіе которой приняло на себя Общество, почти окончилъ свой трудъ, который обещаетъ быть въ высшей степени интереснымъ. Нынѣ г. Веселовскій получилъ годичную командировку въ Среднюю Азію, и потому окончательная отдѣлка поимѣнной біографіи не можетъ быть исполнена раньше конца этого года.

Сверхъ изданныхъ и издаваемыхъ Обществомъ трудовъ, въ отчетномъ году ему были сообщены въ рукописи для изданія иѣкоторые цѣнныя материалы гг. Шишковскимъ, Хатисъяномъ, Долбежевымъ, Сабанѣевымъ и др.

Выше было упомянуто о томъ, что Государю Императору благоугодно было поручить Обществу разсмотрѣніе двухъ проектовъ внутренней отдѣлки кіевскаго храма св. Владимира: благодаря участію и содѣйствію гг. Боткина, кнзва Гагарина, Гримма, Покровскаго, Прахова, Резанова, Саввантова и Султапова, Общество могло исполнить Высочайшую волю съ должнымъ успѣхомъ и отдало предпочтеніе одному изъ проектовъ, какъ основанному на научныхъ данныхъ.

Обративъ вниманіе на одинъ весьма важный въ археологическомъ отношеніи памятникъ, древнее каменное городище въ Старой Ладогѣ, извѣстное подъ названіемъ Рюриковой крѣпости, и получивъ отъ правительства субсидію въ 2,000 р., Общество приступило лѣтомъ 1884 г. къ изслѣдованію этого памятника; гг. Бранденбургъ, Кунчикъ, Петровъ, Покровскій и Сабанѣевъ, посыпивъ пазваниную мѣстности, опредѣлили ходъ работы, и Общество поручило производство необходимыхъ раскопокъ въ городицѣ и спасіе съ него, какъ фотографій, такъ и точныхъ чертежей и рисунковъ, гг. Бранденбургу и Сабанѣеву, которые въ теченіе минувшаго лѣта съ неутомимою ревностью занимались работами; окончаніе ихъ предполагается лѣтомъ текущаго года. Достигнутые результаты по изслѣдованію Рюрикова городища оказались весьма любопытными и подтвердили все значеніе для русской археологии этого древнѣйшаго военнаго сооруженія въ Россіи, относительно предохраненія котораго отъ дальнѣйшей гибели Общество уже представило свои соображенія.

Осенью 1884 года состоялся въ Одессѣ VI-й археологический съездъ, на которомъ отъ имени Общества присутствовали слѣдующіе его члены: гг. Бранденбургъ, Вычковъ, Васильевскій, Гаркави, Кондаковъ, Никольскій, Покровскій, Помяловскій, Праховъ, кнзъ Путятина, Смирновъ, принимавшіе дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ съѣзда своими рефератами и сообщеніями. На выставкѣ, устроенной при съѣздѣ, видное мѣсто занимали копіи съ фресокъ Кіевской Кирилловской церкви, исполненные г. Праховымъ, изъ которыхъ онъ присоединилъ замѣчательнѣйшую, сдѣланную имъ мишуинимъ лѣтомъ, находку—купольныя мозаики Кіевскаго Софійскаго собора: „Господь Вседержитель“ и колоссальное изображеніе ангела. Мозаики эти, бын-

шія доселъ неизвѣстными, пополнили рядъ произведеній музейнаго искусства, которыхъ сохранились въ Киевѣ.

Черезъ своихъ депутатовъ—гг. Иверсена, Чоповскаго, Столновскаго и Помяловскаго Общество принимало участіе въ юбилеяхъ университета св. Владимира, Археографической Комиссіи и Историческаго Общества въ Ригѣ и въ освященіи церкви св. Григорія Богослова въ Ростовѣ Великомъ.

Въ минувшемъ году Обществомъ присуждены были медали: золотыя—Л. Э. Стефани за его двадцатипяти-лѣтнюю дѣятельность по изданию и объясненію памятниковъ античнаго искусства, находящихъ на югѣ Россіи, и Ю. Б. Иверсену за его: „Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ“; серебряныя: г. Латышеву за его работы по объясненію древне-греческихъ медалей и г. Сабанѣеву за труды по изслѣдованію курганныхъ древностей. Кроме того, малая серебряная медаль присуждена Обществомъ г. Мартынову за его дѣятельность по устройству и описанію музея древностей въ городѣ Минусинскѣ.

По докладу г. министра народнаго просвѣщенія Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на передачу въ Общество суммы свыше 6,000 р., оставшейся послѣ бывшаго въ С.-Петербургѣ третьаго международного съѣзда ориенталистовъ, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этой суммы Общество издавало важнѣйшіе изъ трудовъ по востоку, указанные отдѣленіемъ восточной археологии. Точно также въ Общество были переданы и бумаги означенаго съѣзда, равно какъ и его изданные труды.

Въ минувшемъ году, по ходатайству Географического Общества, Государю Императору благоугодно было предоставить въ распоряженіе двухъ Обществъ: Географическаго и Археологическаго павильонъ Лѣтняго сада, въ которомъ могли бы быть помѣщены музеи обоихъ Обществъ. Членъ Археологическаго Общества, архитекторъ Н. В. Султановъ, въ качествѣ специалиста, осмотрѣлъ это помѣщеніе и далъ подробній указавія относительно его устройства и приспособленія къ указанной цѣли. Работы по сему предмету предполагается произвести въ текущемъ году.

Въ минувшемъ году музей Археологическаго Общества обогатился приношеніями, какъ со стороны членовъ Общества, такъ и отъ постороннихъ лицъ: архимандрита Автонина, архимандрита Діонісія, гг. Ермакова, Ордина, Соловьева, Вагнера и др.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ 1884 ГОДУ.

Въ теченіе 1884 года или, точно говоря, периода съ 14-го ноября 1883 г. по 14-е ноября 1884 г., къ которому относится недавно изданный отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей, оно состояло подъ предсѣдательствомъ князя А. М. Дондукова-Корсакова, вице-предсѣдателемъ имѣло профессора Новороссійскаго университета В. Н. Юрьевича, а секретаремъ — сперва Ф. И. Леонтовича и съ 14-го августа 1884 г.—В. А. Яковлева. Составъ Общества увеличился въ теченіе этого периода новыми 18 дѣйствительными членами и 1 членомъ-корреспондентомъ. Изъ числа прежнихъ членовъ Общество лишилось двухъ почетныхъ—графовъ П. Э. Коцебу и Э. И. Тотлебена, и двухъ дѣйствительныхъ—К. М. Базили и о. С. Серафимова, который напечаталъ нѣсколько статей въ Запискахъ Общества.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, дѣятельность Общества состояла въ ученыхъ собранияхъ, въ издаваніи Записокъ, въ производствѣ раскопокъ и въ охраненіи древностей въ южной Россіи.

Въ теченіе отчетнаго периода Общество имѣло пять засѣданій, въ которыхъ члены Общества сообщали результаты своихъ трудовъ. Въ числѣ этихъ сообщеній особеннаго вниманія заслуживаютъ: историческая записка объ археологической дѣятельности въ Новороссійскомъ краѣ до учрежденія Общества въ 1839 г. и затѣмъ о дѣятельности самого Общества—В. Н. Юрьевича; объясненіе ненаданной херсонской печати съ именемъ протоспаасарія и стратига Георгія Касидика и подписью Хазарскаго хакана Цула, найденной въ Херсонѣ Византійскомъ,—его же; объясненіе латино-генуезской надписи, найденной

въ Феодосії,—его же; различные документы по истории Новороссийского края въ исходѣ XVIII в., доставленные Ф. Ф. Лашковымъ; записки флота капитана И. И. Ханыкова о донской экспедиції, написанные въ 1771 г. и доставленные А. А. Титовымъ, и пр. Материалы эти войдутъ въ составъ XIV-го тома Записокъ Общества.

По предмету охраненія древнихъ памятниковъ Общество было озабочено охраной Константиновской башни въ гор. Феодосії и остатковъ генуэзской крѣпости въ гор. Аккерманѣ.

По распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія, Общество получило изъ суммы министерства 1,000 р. на продолженіе раскопокъ въ мѣстности древнаго Херсониса. Притомъ, такъ какъ ему сдѣлалось известнымъ, что при прежнемъ порядкѣ производства раскопокъ множество древнихъ монетъ и предметовъ домашнаго быта расходилось по рукамъ любителей и торговцевъ древностями¹⁾, то оно признало необходимымъ передать раскопки по соглашенію съ о. архимандритомъ Пахоміемъ въ веденіе Херсонисского монастыря, и поручило главный надѣй ними надзоръ іеромонаху о. Іоанну, съ особою инструкціей относительно мѣстности раскопокъ, а равно и самого способа производства работъ; этимъ порядкомъ предполагается достигнуть болѣе удовлетворительныхъ результатовъ и предотвратить

¹⁾ По полученнымъ Обществомъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ теченіе одного 1882—1883 г. приобрѣтены частными лицами, проданы за границу или привезены въ Крымъ слѣдующіе предметы, служащіе доказательствомъ, что почва Херсониса, несмотря на частые въ ней поиски, еще не истощилась: 1) золотая монета Кизика (въ $\frac{1}{3}$ статера), высокой сохранности, не описанный вариант; найдена у моря, где появлялась древня пристань; 2) золотой перстень, служившій печатью, съ непонятною надписью, византійскаго периода; 3) множество кувшиновъ, чашекъ, кружекъ и другихъ глиняныхъ изделий, мѣжъ которыми по строенію ручекъ и формѣ отверстій свидѣтельствуютъ о вкусѣ и здѣшніи механизма древними греками; 4) египетскій идолъ изъ зеленої, необыкновенно твердой массы, покрытый снизу со всѣхъ сторонъ іероглифами; весьма изящной работы; 5) рядъ прекрасныхъ пломбъ съ монограммами Византійскихъ императоровъ; 6) множество мелкихъ свинцовыхъ монетъ безъ надписей съ изображеніями головы Гермеса, бычачей головы, рога изобилия и непонятной монограммы; 7) серебряная монета Пантикаса съ головою Пана и головою вола; 8) медные монеты Херсониса, высокой сохранности: съ головой Паллады и скачущимъ грекономъ, съ головой Аполлона и орломъ надъ монетой, съ головой Аполлона и сучковатою палицей; также византійская, ошибочно приписываемая Владимиру и Анне 3—4, хорошо сохранившіяся; Романа I съ 4 вѣсто креста и Марии съ ясною надписью Херсониса.

утайку рабочими находимыхъ предметовъ и стаку съ промышленниками. Но такъ какъ, вскорѣ послѣ этого о. Іоанпъ былъ перемѣщено настоимелемъ въ Козмо-Даміановскій монастырь, то главное завѣдываніе раскопками поручено было Обществомъ Херсонескаго монастыря о. Діонисію, которому въ помощь для безотлучнаго наблюденія за рабочими назначенъ былъ отставной штабсъ-капитанъ Д. С. Григорьевъ. Сверхъ того, Общество съ цѣлью усиленія надзора, просило г. Копечителя Одесского учебнаго округа П. А. Лавровскаго оказать ему содѣйствіе привлечениемъ къ этому дѣлу лицъ учебнаго вѣдомства, живущихъ въ Севастополѣ, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ учитель реальнаго училища въ Севастополѣ Г. И. Добровъ. Благодаря усердію этихъ лицъ при выполненіи принятой ими па себя обязанности, результаты раскопокъ, произведенныхъ въ 1884 году, по отношенію къ находкамъ монетъ и другихъ предметовъ, оказались гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ въ прошлые годы. Раскопки производились съ 12-го мая по 6-е июля и съ 16-го августа по 8-е октября, во второмъ кварталѣ на лѣвой сторонѣ отъ большой улицы, отъ памятника Аристона къ сѣверо-западу до церкви съ бывшимъ мозаичнымъ поломъ, па берегу моря, и затѣмъ въ третьемъ кварталѣ. При этомъ окончательно разработаны: первое полотно и на второмъ полотнѣ второго квартала одна комната съ погребомъ по длини 4 саж., ширинѣ 2 саж. и глубинѣ 1 сажени и подвалный ярусъ, выбитый изъ самороднаго камня до 4 аршинъ глубины; па томъ же полотнѣ галлерей и отдѣльный залъ по улицѣ, ведущей къ берегу моря; тамъ же четыре комнаты, большая цистерна, шесть дверныхъ отверстій и три небольшія цистерны. Въ третьемъ кварталѣ очищены весыма просторный и глубокій погребъ, высѣченный въ скалѣ, служившій, какъ оказалось, гробницей. Сверхъ того, очищена могильная пещера, открытая случайно около древнихъ стѣнь, внутри города. Во время производства работъ во второмъ кварталѣ найдено разновременно болѣе 20 монетъ и слѣдующіе предметы: металлическій погремокъ отъ кадила, часть мѣднаго зубовынимательнаго ключа изъ красной мѣди, мѣдная гиря въ одинъ золотникъ вѣсу, черепахій наперстокъ; черепахія фигура въ видѣ курильницы, мраморный пьедесталъ, черепахій кувшинъ; стеклянная крышечка съ ручкой, поддонъ отъ слезника, перстень оловянный мужскій, стеклянное блюдо, кусокъ окаменѣлого дерева, черепахія лампочка, небольшая бронзовая литая статуэтка, бронзовая пражка и бронзовая дугая шуговица, вылитый или выбитый на серебрѣ образокъ, бронзовая литая статуэтка,

бронзовое ручное кольцо, черепиная лампочка, часть капители съ орнаментомъ, мраморная статуэтка Венеры безъ головы и шеи, неизящной работы, съ цѣльнымъ при ней Купидономъ, металлическая вѣсовая гира, два небольшихъ конца шерстяной тесьмы съ серебряными крайними полосками и кувшинъ. Въ упомянутомъ выше погребѣ, съ 12-ю ведущими внизъ ступенями, ниже которыхъ изсѣчена на значительной глубинѣ четвероугольная яма въ видѣ колодца и вокругъ нея три ниши, найдены шесть человѣческихъ череповъ и кости, мраморная колонка въ одинъ аршинъ высоты и два пьедестала, пѣсколько небольшихъ кусковъ мрамора и ломаныхъ стеклянныхъ браслетъ, два мѣдные перстия, двѣ черепиные лампочки, небольшая пластинка золота, и болѣе ста монетъ. Судя по нахожденію погреба внутри строенія и въ центрѣ города и по открытому въ немъ монетамъ древнѣйшаго и позднѣйшаго періода, слѣдуетъ предположить, что онъ принадлежитъ древнѣйшему Херсонису и былъ засыпанъ мало по малу, окончательно же въ XI столѣтіи нашей эры. Между прислаными Обществу 87 монетами изъ этой находки оказалась одна съ бычачею головкой, одна Херсонѣю єлеѳеѳерас и одна съ именемъ Мойрія, кроме 34 византійскихъ, и сверхъ того, свинцовая печать, принадлежавшая Георгію Касидику, по всейѣроятности, XI столѣтія, такъ какъ на ней находимъ подпись TZО(Г)Д, имя послѣднаго Крымскаго хазарскаго хакана, который, какъ известно, былъ разбитъ и взятъ въ пленъ посланиемъ въ Крымъ императоромъ Василиемъ VI въ 1016 году Вардасомъ Дукою, при содѣйствіи родственника Владимира Святаго Святославича, по имени Сфенса. Въ пещерѣ, чтѣ близъ городской стѣны, найдены совсѣмъ истлѣвшія кости, два стеклянныя слезника, два простые мѣдные женскіе браслеты и маленький бронзовый медальончикъ, въ которомъ за стекломъ находилась какая-то масса. Изъ этихъ предметовъ одни поступили въ музей Общества, а другіе хранятся въ Херсонесскомъ монастырѣ. Монетъ найдено въ теченіе лѣта, лучшей и худшей сохранности, 370. Изъ нихъ Обществу присланы, кроме 87 найденныхъ въ погребѣ, 163, между которыми 10 херсонесскихъ автономныхъ, 1 фанагорійская, 1 ольвійская, 1 воспорская, 108 херсонесскихъ византійского періода и 13 римскихъ императорскихъ.

6-го декабря 1883 года состоялось освящение перенесенного въ новое зданіе музея Общества, при чмъ вице-президентъ сказаъ рѣчь, въ которой объяснилъ, что настоятельнаа потребность расширенія музея ощущалась съ давнаго времени. Прежнее помѣщеніе въ старомъ зданіи, построенному Обществомъ въ 1842 году, вслѣд-

стіє накопленія памятниківъ и увеличенія числа книгъ, картъ, плановъ, рисунковъ и историческихъ портретовъ, становилось годъ отъ года тѣснѣе, представляя все менѣе удобства для размѣщенія имѣющагося въ Обществѣ археологического матеріала. Оттого встрѣчались нерѣдко немалыя затрудненія, какъ при обзорѣ и изученіи памятниковъ, такъ равно при пользованіи библіотекой и другими пособіями. Въ вісѣданіяхъ Общества и частныхъ разговорахъ членовъ часто слышались на это жалобы, но помочь горю не дозволяли ограниченные средства Общества, которое еще недавно только успѣло погасить казенныій долгъ, сдѣланый по поводу первой постройки. Въ виду такого затруднительного положенія Общества Одесскій городской голова Г. Г. Маразли пожертвовалъ 30 тысячъ рублей на сооруженіе новаго зданія для музея, на мѣстѣ прежняго, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы въ томъ-же зданіи помѣщались и городская публичная библіотека. Для осуществленія этой мысли понадобилось еще 18900 руб. которые были охотно ассигнованы думой, и красивая постройка, начатая въ 1883 году, по плану архитектора Гансюровскаго, окончена была лѣтомъ 1884 года. „Собравшись въ первый разъ въ поѣзомъ зданії“, сказаль г. Юргевичъ, — „мы съ признателностію за-посимъ въ лѣтопись Общества имѧ просвѣщенаго жертвователя, желал, чтобы нашъ музей увеличивался и обогащался новыми памятниками древности и служилъ и далѣе доказательствомъ носильной заботливости Общества о пользѣ науки и выраженіемъ сочувствія со стороны ревнителей научнаго прогресса. Имѣющіяся у насъ коллекціи достаточно свидѣтельствуютъ, какъ о первой, такъ и о второмъ. У насъ хранится много рѣдкихъ древнихъ monetъ, надписей и другихъ памятниковъ, которымъ можетъ позавидовать не одинъ русскій музей, обладающій болѣшими, чѣмъ мы, средствами. Значительной частію этихъ древностей мы обзавѣлись припослѣдіемъ членовъ Общества, другіи приобрѣтии покупкою, при чемъ нельзя не воздать должной справедливости заслугѣ покойнаго вице-президента Н. Н. Мурзакевича, состоявшаго директоромъ музея почти съ основанія Общества, то-есть, болѣе сорока лѣтъ. Его знанія, опытность и неутомимая дѣятельность способствовали главнымъ образомъ къ умноженію коллекцій музея и будутъ всегда служить примеромъ для него преемниковъ. Остается только пожелать, чтобы это хранилище древностей привлекало съ каждымъ годомъ больше посѣтителей и пробуждало въ нихъ любовь къ изученію памятниковъ нашего края. Тогда ваше Общество достигнетъ одной изъ

важнейшихъ задачъ, которая оно поставило себѣ при своемъ основаніи. Это пожеланіе я заключу словами, изсъченными на стоящихъ передъ нами древнихъ греческихъ памятникахъ: ἀγαθὴ τὸχος. Пусть онѣ служить хорошимъ предзнаменованіемъ нашему музею, начинающему новую эпоху! Начало ея ознаменовалось уже драгоценными для насъ приношеніями, каковы: портретъ масляными красками графа А. Г. Строгонова, президента Общества съ 1856 по 1877 г., имѣя почетнаго члена, даръ самаго графа для нашей галлерен историческихъ лицъ, и 20 ольвийскихъ камней и обломковъ съ надписями, даръ дѣйствительного члена И. И. Куриса. Кроме того, намъ принесены въ даръ И. С. Мицурскимъ два большихъ фотографическіе портрета, одинъ покойнаго преосвященнаго Димитрія, архиепископа Херсонскаго и Одесскаго, бывшаго вице-президента Общества съ 1858 по 1875 годъ и одного изъ старѣйшихъ членовъ Общества И. И. Крашевскаго, а дѣйствительнымъ членомъ Ф. И. Леонтовичемъ — пѣсколько цѣлыхъ изданій для нашей библіотеки. Нельзя не радоваться такому сочувствію и содѣйствію нашимъ цѣлямъ, и нельзя не видѣть въ этомъ признанія васлугъ Общества, которое первое въ Россіи занялось изученіемъ классической древности. Надѣемся, что и дальнѣйшая наша дѣятельность, также какъ и прежняя, будетъ пользоваться вниманіемъ людей просвѣщенныхъ. Оно нужно намъ для большого успѣха нашего дѣла, которому мы должны посвящать всѣ наши силы, не изъ одной только любви къ наукѣ, но и чти память императора Николая Iавловича, Высочайше утвержденіяго наше Общество въ 1839 году, и стараясь заслужить одобрение его Царственнаго внука, царствующаго Императора Александра Александровича, удостоившаго принять Общество подъ свое Августѣйшее покровительство. Мне показалось, ми. гг., въ моемъ воображеніи антиквара, что я слышалъ сейчасъ замогильный голосъ древнихъ грековъ, которые благодарятъ насъ за сохраненіе отъ разрушенія ихъ памятниковъ и желаютъ намъ успѣха своимъ ἀγαθῷ τὸχῳ.

Но по причинѣ сырости нового зданія, не дозволившей приступить къ окраскѣ и побѣлкѣ помѣщенія раньше половины юла, входъ въ музей постороннимъ лицамъ дозволенъ былъ только въ концѣ юла; оттого число посѣтителей музея въ 1884 году не доходить до 1000. По этой же причинѣ не могъ быть составленъ новый указатель музея, какъ вслѣдствіе недостатка времени, такъ рано въ виду предстоящей, весною 1885 г., передѣлки половъ, сильно поврежденныхъ сыростию.

Въ течеиіе отчетнаго періода коллекціи музея Общества продолжали одвакъ увеличиваться, и притомъ весьма цѣнными предметами. - Вследствіе ходатайства директора Московской оружейной палаты А. А. Талызина, по всечтоданнѣшему докладу министра императорскаго двора, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ передать въ даръ Одесскому музею 50 экземпляровъ древнихъ русскихъ монетъ изъ числа дубликатовъ нумизматической коллекціи оружейной палаты. Кромѣ того, нѣкоторыми изъ членовъ Общества и другими лицами привнесены въ даръ нѣсколько интересныхъ монетъ древнаго черноморскаго побережья, а также византійскихъ, русскихъ и другихъ. И. И. Курисомъ подарены два камня съ ольвійскими надписями и 19 большихъ и меньшихъ обломковъ съ надписями того же города, а вдова протоіерея Серафимова пріепесла въ даръ музею портретъ масляными красками прославленнаго архіепископа Херсонскаго Гавріила. Къ этимъ пріобрѣтеніямъ надо присоединить предметы, полученные Обществомъ изъ раскопокъ въ Херсонѣ. Такимъ образомъ, всего въ музей поступило въ отчетномъ періодѣ: монетъ и медалей 110, а другихъ предметовъ 43.

Значительныя пріобрѣтенія сдѣланы также и библіотекой Общества.

Въ завѣдываніи Одесского Общества состоится также музей древностей, находящійся въ гор. Феодосіи. Въ отчетномъ періодѣ въ него поступило нѣсколько памятниковъ эллинистическихъ и армянскихъ и нѣсколько монетъ босфорскихъ, пантіканейскихъ и татарскихъ.

По поводу происходившаго въ 1884 году VI-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ, независимо отъ участія, принятаго членами Общества въ занятіяхъ съѣзда, Общество, для ознакомленія пріѣзжихъ ученыхъ со своими трудами и съ коллекціями своего музея, напечатало списокъ статей, помѣщенныхъ въ 13 томахъ своихъ Записокъ, и раздало безвозмездно посѣтителямъ, вмѣстѣ съ указателемъ музея, дозволивъ желающимъ дѣлать снимки съ надписей, картъ, плановъ и рисунковъ замѣчательныхъ предметовъ и копіи съ документовъ; этимъ дозвolenіемъ воспользовались между прочимъ В. В. Латышевъ, снискавшій надписи на камняхъ и ручкахъ для приготовляемаго имъ по порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества сборника древнихъ греческихъ надписей Южной Россіи, секретарь Кубанскаго областнаго статистического комитета Е. Д. Фелицынъ, снискавшій копіи съ средневѣковыхъ картъ Чернаго моря и нѣкоторыхъ картъ Крыма прошлаго столѣтія, А. М. Подшиваловъ, снискавшій ри-

сунокъ древней бронзовой вазы, В. Д. Смирновъ, ознакомившися съ собраниемъ восточныхъ рукописей Общества, и редакторъ Киевской Старинъ Ф. Г. Лебедянцевъ, для которого Общество сняло фотографію съ храмовой иконы бывшей Покровской Сѣчевой церкви, изображающей Покровъ Пресвятой Богородицы, а внизу молящихся старшинъ войска Запорожского, и другія лица. Кроме того, некоторые снимки и рисунки съ принадлежащихъ Обществу древностей были сообщаемы и заграничнымъ ученымъ. Наконецъ, Общество прінесло въ даръ ІІовороссійскому университету для палеонтологического кабинета зубы мастодонта, вырытые близъ города Рени, кости и олени рога, Херсонесскому музею—87 экземпляровъ херсоно-византійскихъ monetъ и Феодосійскому музею—15.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНИЯ.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1884 ГОДУ.

Въ Московскомъ университѣтѣ къ концу 1884 года было слѣдую-
щее число преподавателей: а) штатныхъ: профессоръ православнаго
богословія, ординарныхъ профессоровъ: на историко-филологическомъ
факультетѣ—9, на физико-математическомъ—12, на юридическомъ—8,
на медицинскомъ—13, итого 42; экстраординарныхъ профессоровъ:
на историко-филологическомъ факультетѣ—8, на физико-математиче-
скомъ—5, на юридическомъ—5, на медицинскомъ—12, итого 30;
доцентовъ (оставленныхъ за штатомъ): на физико-математическомъ
факультетѣ 2 и на медицинскомъ 2, итого 4; прозекторовъ 5, астро-
номъ-наблюдатель 1, лекторовъ 4, всего 87 штатныхъ преподавате-
лей; б) стороннихъ преподавателей—5, именно: докторъ Веселовскій—
исторіи французской литературы XVII столѣтія, магістръ Звѣревъ—
энциклопедіи права, докторъ медицины Огневъ—гистології, Николь-
скій—еврейскаго языка и начала ассирийскаго, и Аттай—арабскаго
языка; в) приватъ-доцентовъ—15, для преподаванія слѣдующихъ
предметовъ: исторіи западно-европейскихъ литературъ, исторіи мате-
матики, теоретической астрономіи, зоологіи, акушерства и ученія о
женскихъ болѣзняхъ, электротерапіи, ученія о дѣтскихъ болѣзняхъ,
ученія о накожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ, терапевтиче-
ской клиники, физіологіи питанія, хирургіи и военно-полевой хи-
рургіи. Такимъ образомъ общее число преподавателей къ концу
1884 года было 104. Лицъ, занимавшихъ непреподавательскія долж-
ности, къ тому же времени, состояло 94; изъ нихъ по штату, 62,
сверхъ штата 32.

Преподаватели и другое служаще при университѣтѣ лица имдали

въ скѣть и приготовили къ печати слѣдующіе ученко-литературные труды: а) профессоры: Тихонравовъ помѣстилъ статьи: въ Русской Старинѣ— „А. И. Сумароковъ“, „Дашкова и Хвостова въ Обществѣ любителей словесности“ и „Письмо И. М. Каразина“ и въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей— „Синодикъ и родительскій лѣтописецъ Строгановыхъ“; Поповъ напечаталъ статьи: въ постгднѣ-пазванномъ изданіи— „Исторію Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Ч. 1-я. 1804—1812“, въ Русскомъ Вѣстникѣ— „Г. Е. Щуровскій въ 1832—1846 годахъ“ и въ Извѣстіяхъ Петербургскаго Славянскаго благотворительного Общества— „О важнѣйшихъ явленіяхъ въ польской исторической литературѣ за 1883 годъ“; Герье написалъ „Чонятіе о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 года“; Дювернуа помѣстилъ въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей статью: „Кого называло древне-русское законодательство Колобагомъ?“ и занимался печатаніемъ первого выпуска „Словаря болгарского языка по памятникамъ народной словесности“; Иванцовъ-Платоновъ напечаталъ „Собрание словъ и рѣчей за двадцать лѣтъ священства“ и, съ разрѣшенія св. синода, велъ религіозно-нравственныя бесѣды по церковной исторіи для образованыхъ женщинъ; Коришъ помѣстилъ въ Tidskrift for Philologi og Paedagogik статью „Observationes criticae“; Стороженко редактировалъ переводъ втораго тома „Исторіи испанской литературы“ Тихора и прочель публичную лекцію на тему „Педагогическая теорія эпохи возрожденія“; Цвѣтаевъ помѣстилъ въ Bulletino dell' Instituto di Correspondenza Archeologica статью „Qualche osservazioni al Corpus Inscriptionum Latinarum vol. IX“, издалъ „Inscriptiones Italiae mediae dialecticae“ и печаталъ „Inscriptiones Italiae inferioris dialecticae“; Ключевскій напечаталъ въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей статью „Русский рубль XVI—XVIII вѣка въ его отношеніи къ нынѣшнему“; Миллеръ напечаталъ статьи: въ Извѣстіяхъ Географического Общества— „О поѣздкѣ въ горскія общества Кабарды и въ Осетію“; въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія— „Къ вопросу о славянской азбукѣ“ и „О материалахъ для изслѣдованія мѣстностей и племенъ Кавказа“, въ Вѣстнике Европы— „Въ горскія обществахъ Кабарды“, въ Русскихъ Вѣдомостяхъ— „И. В. Шейнъ, собиратель памятниковъ народнаго творчества“, читалъ публичную лекцію о религії Зороастра и дѣяль сообщенія въ двухъ мѣстныхъ ученыхъ обществахъ; Виноградовъ помѣстилъ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія

щенія — нѣсколько статей подъ заглавіемъ „Очерки западной историографіи” и въ журналь Athenaeum статью „A notebook of Brastton”; Анучинъ напечаталъ: отдельно — „О легендахъ для карты по доисторической археологии Россіи”; въ Извѣстіяхъ Географического Общества — „Отчетъ о поѣздкѣ лѣтомъ 1882 года въ Дагестанъ”, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — „Доисторическая археология Кавказа”, въ Вѣстникѣ Европы — шестой археологической съѣзда въ Одессѣ”, въ Русскомъ Вѣстнике — „Предшественники Г. Е. Щуровскаго по каѳедрѣ въ Московскомъ университѣтѣ”, въ Русской Мысли — нѣсколько научныхъ обзоровъ и рецензій, въ отчетѣ Московскаго университета — циклологъ В. О. Ковалевскаго и сдѣлалъ нѣсколько сообщеній на VI-мъ археологическомъ съѣзда и въ нѣкоторыхъ московскихъ ученыхъ обществахъ; Бредихинъ издалъ десятый томъ Анналъ астрономической обсерваторіи, въ которомъ помѣщены его труды; Богдановъ напечаталъ статьи: въ Русскомъ Вѣстнике — „Воспоминаніе о Г. Е. Щуровскомъ” и въ Вѣстнике промышленности — „Русское шелководство и Ст. Ал. Масловъ”; сверхъ того, приготавлялъ къ изданію второй томъ „Медицинской зоологии”; Слудскій помѣстилъ въ Бюллетеѣ Московскаго Общества испытателей природы двѣ статьи: „Problème principal de la haute géodésie” и „Essai de solution du problème géodésique”; Бугаевъ напечаталъ: въ Математическомъ Сборнике — три статьи подъ заглавіемъ „Нѣкоторыя приложения теоріи эллиптическихъ функций къ теоріи функций прерывныхъ” и въ Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques — статью по по-воду сочиненія Cesaro; Усовъ редактировалъ третій выпускъ Ученыхъ Записокъ по естественно-историческому отдѣленію; Толстонитовъ занять былъ составленіемъ каталога минералогического кабинета; Марковниковъ помѣстилъ въ Журналѣ Русского химико-физического Общества статью объ астраханитѣ и напечаталъ брошюру „О вывозѣ нефти за границу” и нѣсколько газетныхъ статей по вопросамъ, относящимся къ химической промышленности; Столѣтовъ редактировалъ 2-й выпускъ Трудовъ отдѣленія физическихъ наукъ Общества любителей естествознанія, въ которомъ напечаталъ свои статьи: „Электрическая выставка и конгрессъ электриковъ въ Парижѣ” и „Физический лабораторій у насъ и за границей”, помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ и рефератовъ въ журналахъ, и въ засѣданіяхъ Политехническаго музея прочелъ рефератъ „О кипѣніи жидкостей”; Тимириязевъ напечаталъ въ Жур-

наль физико-химического Общества статью „Зависимость фотогеническихъ явлений отъ амплитуды цветовой волны“, въ Обществѣ любителей естествознанія сдѣлалъ сообщеніе: „Физическое и физиологическое дѣйствие свѣта“, произнесъ рѣчи: „Общественные задачи ученыхъ обществъ“ и „L'état actuel de nos connaissances sur la fonction chlorophyllienne“, исправилъ и дополнилъ второе изданіе книги „Жизнь растенія“ и прочелъ публичную лекцію „О дыханіи и броженіи“; Горожанинъ помѣстилъ въ Bulletin de Société des naturalistes de Moscou статью „Mémoire sur l'état des herbliers de l'Université de Moscou et de la Société des Naturalistes de Moscou“; Сабаньевъ помѣстилъ въ Бюллетеняхъ Общества испытателей природы статью „Изслѣдованіе грязи одной изъ сопокъ Таманского полуострова“; Орловъ напечаталъ: къ Запискамъ Новороссійскаго Общества естествоиспытателей — „Изъ теоріи рулеттъ“ и въ Математическомъ Сборнику — „О квадратурѣ рулеттъ“ и редактировалъ физико-математический отдѣлъ 5-го и 6-го выпускъ Ученыхъ Записокъ университета; Соколовъ помѣстилъ въ Журналѣ физико-химического Общества нѣсколько словъ по поводу статьи г. Бардскаго о характерѣ силъ частичного притяженія; Капонниковъ напечаталъ отдельною книгой „О свѣтопреломляющей способности химическихъ соединеній“ Павловъ помѣстилъ въ Христіанскомъ Чтеніи двѣ главы изслѣдованія о 50-й главѣ Кормчей, какъ историческомъ и практическомъ источникахъ русскаго брачнаго права; Янжулъ напечаталъ книгу „Фабричный бытъ Московской губерніи“, и нѣсколько журнальныхъ статей и издалъ сборникъ ихъ подъ названіемъ „Очерки и изслѣдованія“; Ковалевскій напечаталъ нѣсколько статей въ русскихъ периодическихъ изданіяхъ; Мрочекъ-Дроздовскій помѣстилъ въ Юридическомъ Вѣстнике — „Главнѣйшіе памятники русскаго права эпохи изѣстныхъ законовъ“, въ Чтепіяхъ Общества исторіи и древностей — „О древне-русскихъ ябедникахъ“; кромѣ того, приготовилъ къ печати 2-й выпускъ „Изслѣдованій о Русской Правдѣ“; гр. Комаровскій прочелъ публичную лекцію „Объ идеѣ мира между народами“, которую и напечаталъ въ Русской Мысли, сдѣлалъ въ Юридическомъ Обществѣ докладъ „О наиболѣе настоятельныхъ реформахъ въ морскомъ международномъ правѣ нашего времени“ и помѣстилъ въ Юридическомъ Вѣстнике двѣ статьи: „О сѣздѣ института въ Минхенѣ“ и „О новѣйшей литературѣ международнаго права“; Алексѣевъ прочелъ публичную лекцію „О характерѣ Руссо, какъ человека“

и помѣстіль въ Юридическомъ Вѣстникѣ разборъ сочиненія г. Звѣрева „Классификація государствъ“; Колоколовъ напечаталъ изслѣдовавіе „Къ ученію о покушеніи“; Звѣревъ прочелъ публичную лекцію „Теоріи утилitarной нравственности“; Захарьинъ сдѣлалъ въ Физико-медицинскомъ Обществѣ сообщеніе: „Каломель при гипертрофическомъ циррозѣ печени и вообще въ терапіи“; Бабухинъ приготовилъ къ печати разсужденіе: „Kritische und experimentelle Untersuchungen über Degeneration und Regeneration der Nerven bei gesunden Zustande der Organismus“; Шереметевскій сдѣлалъ два экспериментальные реферата на тему: „Физиологическія основы пѣкоторыхъ медіумическихъ явленій“; Склифасовскій помѣстилъ: въ Лѣтоиси хирургического Общества въ Москвѣ—„Прирожденные новообразованія черепа—мозговые грыжи“, въ журнале Врачъ—„Материалы для хирургіи брюшной полости“ въ „Панцирь при искривленіяхъ позвоночника“; Эрисманъ напечаталъ: „Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда“, „Gesundheitslehre für gebildete aller Stände“ и брошюру „Качество и количество воды для водоснабженія городовъ“; Остроумовъ читалъ и напечаталъ въ Протоколахъ Московскаго медицинскаго Общества „Объ остромъ воспаленіи почекъ“; Снегиревъ издалъ монографію „Маточныя кровотечения, съ изложеніемъ діагностики женскихъ болѣзней“; Синицынъ описалъ въ Лѣтоисахъ хирургического Общества случай „Эниспадія съ выпаденіемъ пузыря и лѣчепіе ея“ и редактировалъ переводъ „Хирургії“ Альберта; Шервинскій читалъ въ Физико-медицинскомъ Обществѣ „О множественной апгіомѣ печени“, въ Московскому медіцинскому Обществѣ—„Къ вопросу о кровообращеніи въ системѣ воротной вены“, въ Шереметевской больницѣ—курсъ клиники вштурреннихъ болѣзней; Тихомировъ сдѣлалъ въ Физико-медицинскомъ Обществѣ сообщеніе „О спектроскопическихъ свойствахъ шпанскихъ мухъ“ которое напечатано въ *Pharmaceutische Zeitschrift für Russland*, въ Обществѣ любителей естествознанія—о *Carica Papaya* и *папайотинѣ*, на международномъ конгрессѣ ботаниковъ *Sur les inclusions intracellulaires du parenchym charnu de la datte* и напечаталъ въ *Bulletin de la Société de Naturalistes de Moscou* статью „Die Paternoster Löhnen (*Abrus precatorius*)“; Мансуровъ окончилъ печатаніе втораго тома „Накожныхъ болѣзней“, помѣстилъ въ Лѣтоиси хирургического Общества статью „О бакциллахъ при разновидной эритемѣ erythema multiforme“ и напечаталъ свои изслѣдованія „О бактеріяхъ при си-

филисъ". Лекторы: Вельмъ переводилъ драму Лессинга „*Missa von Barnhelm*“ на латинскій языкъ и былъ редакторомъ-издателемъ латышскаго журнала *Austrums*; Гемиланъ былъ редакторомъ-издателемъ газеты Русское Садокодство; Мальмъ готовилъ къ печати грамматику итальянскаго языка. Доценты: Павловъ напечаталъ брошюру „Нижневолопская юра—классификация отложений и списки ископаемыхъ“, читалъ въ Обществѣ любителей естествознанія рѣчь „О Г. Е. Щуровскомъ, какъ геологѣ и профессорѣ геологии“, напечатанную въ Русскомъ Вѣстнике, въ засѣданіи Французскаго Геологическаго Общества читалъ рефератъ „*Notions sur le systÈme jurassique de l' Est de la Russie*“, который напечаталъ въ *Bulletin de la Société gÉologique de France*; Мензбиръ напечаталъ нѣсколько статей въ Русской Мысли; Церасскій помѣстилъ въ Альманахѣ Московской обсерваторіи статью „Объ опредѣленіи сравнительного блеска звѣздъ различныхъ величинъ“; Погожевъ напечаталъ въ Лѣтописи Хирургическаго Общества статью „О сократительности кардіи при прохожденіи пищеваго куска изъ пищевирѣмника въ желудокъ“. Хранитель музея Зографъ сдѣлалъ нѣсколько сообщеній въ Обществѣ любителей естествознанія и въ Обществѣ акклиматизации животныхъ и растеній. Прозекторы: Тахомировъ напечаталъ въ Извѣстіяхъ Общества любителей естествознанія рефератъ о двухъ случаяхъ недоразвитія слѣпой кишкѣ и неправильнаго положенія червеобразнаго отростка; Бобровъ издалъ 1-й выпускъ своего труда „Вывихи и переломы“; Огневъ помѣстилъ въ Ученыхъ Запискахъ университета статью „Гистологическое развитіе ретини“. Ассистенты: Митрофановъ напечаталъ въ *Archiv für Anatomie und Physiologie* статью „*Ueber die Nervenendigung im Epithel der Qualquorpen*“ и сдѣлалъ въ Обществѣ любителей естествознанія сообщеніе „Подробности въ строеніи и развитіи эпителіальныхъ и железистыхъ элементовъ“; Бубновъ помѣстилъ въ *Archiv für Hygiene* экспериментальную работу подъ заглавиемъ „*Zur Frage vom Verhalten gefärbter Zeuge zum Wasser und zum Luft*“; Тальянцевъ въ *Centralblatt für die medicinische Wissenschaft* описалъ „*Einige Beobachtungen am Blutkreislaufsapparate*“; Бѣляевъ дѣлалъ предварительное сообщеніе въ Обществѣ испытателей природы „Объ антеридіяхъ и антерозондахъ нѣкоторыхъ плауновыхъ“; Кулакинъ дѣлалъ сообщенія въ Обществѣ любителей естествознанія и въ Политехническомъ музѣе — объясненіе „О вредныхъ и полезныхъ птицахъ“. Лаборанты: Сиволововъ помѣстилъ въ Журналѣ рус-

скаго Физико-химического Общества сообщение „О продуктах редукции дихлогидрина маниита“; Львовъ напечаталъ въ Бюллетеняхъ Общества испытателей природы статью „Beiträge zur Histologie des Haares, der Borste, des Stachels und der Feder“. Ординаторы: Типаковъ помѣстили три статьи въ газетѣ Врачъ и напечаталъ диссертацию на степень доктора медицины „Материалы къ вопросу о задержании и выдѣлении дѣтскаго мѣста“; Бѣлоусовъ помѣстилъ въ Архивъ экспериментальной патологии Клебса работу, произведенную имъ въ лабораторіи профессора Конгейма: „Ueber die Folgen der Unterbindung des Ductus Choledochus“ и сдѣлалъ въ Московскомъ медицинскомъ Обществѣ сообщеніе „О различныхъ методахъ окраски туберкулезныхъ бациллъ“; Иковлевъ напечаталъ въ газетѣ Врачъ статью „Объ упругомъ бинтѣ при ущемленныхъ грыжахъ“; Толынго напечаталъ въ Русской Медицинѣ статью „Два случая оперативнаго лѣчевія неподвижности въ тазобедренномъ сочлененіи“; Голубовъ проредактировалъ переводъ книги Фирке „Клиническое руководство къ изслѣдованию бактерій“, который дополнилъ статьей „Объ изслѣдованіи и диагностическомъ значеніи коховскихъ палочекъ въ мокротѣ, на основаніи наблюдений, произведенныхъ въ пропелевтической клинике“ и помѣстилъ въ Медицинскихъ Новостяхъ статью „Современные воззрѣнія на диагностическое значеніе такъ-называемаго альвеолярнаго эпителія мокроты“; Богоявленскій сдѣлалъ въ Медицинскомъ Обществѣ сообщеніе „Къ вопросу о кисловидномъ перерожденіи почекъ“.

Изъ числа преподавателей и другихъ служащихъ въ Московскомъ университѣтѣ командированы были съ ученой цѣмью: а) за границу: профессоры — Ковалевскій, Эрисманъ, Шварцъ, Сянинъ и Алексѣевъ; ассистенты — Губаревъ и Тихомировъ; ординаторы — Знаменскій и Типаковъ; б) внутри Россіи: профессоры — Толстоноговъ, Марковниковъ, Павловъ, Цвѣтаевъ и Анучинъ, и ассистентъ Новашинъ.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ ихъ занятіями въ историко-филологическомъ, физико-математическомъ и юридическомъ факультетахъ существуютъ такъ-называемые семинаріи, въ которыхъ занятия студентовъ происходили въ слѣдующемъ видѣ: На историко-филологическомъ факультетѣ, какъ и прежде, семинаріи велись по важнѣйшимъ предметамъ факультетскаго преподаванія. Въ греко-латинскомъ семинаріи, въ первомъ полу-

годії, по греческому языку студенты объясняли первую пѣснь Иліады, преимущественно въ отношеніи языка и метрики, а во второмъ полугодіи—алегировъ. Въ томъ же семинаріи по римской словесности студенты занимались: въ первомъ полугодіи — переводомъ Аала Гелія Noctes Atticae, во второмъ—переводомъ и объясненіемъ первой книги сатиръ Гораций. Въ семинаріи по истории русской литературы и языка студенты разбирали Слово о полку Игоревѣ. Въ семинаріяхъ по старославянскому языку, три студента IV и одинъ студентъ III курса представили работы, избравъ ихъ темою указанные руководителемъ семинарія статьи Русской правды и древнійшия договоры (XIII—XIV вѣковъ) Русскихъ князей съ Ригою и Готскимъ берегомъ и друг. Рефераты были разобраны поочередно въ учебные часы, для семинарія назначенные. Остальные студенты изъ состава III и IV курсовъ, за исключениемъ двухъ, подали соотвѣтствующаго содержания письменныя работы срокомъ за мѣсяцъ до экзамена, въ составъ котораго входилъ и отчетъ въ представленномъ рефератѣ. Въ семинаріѣ по истории всеобщей литературы, работы студентовъ по обыкновенію стояли въ тѣсной связи съ курсомъ, читавшимъ руководителемъ семинарія: въ первомъ полугодіи рефераты имѣли своимъ предметомъ разборы отдѣльныхъ піесъ Шекспира, во второмъ— отдѣльныхъ произведеній Гете. Эти рефераты обсуждались на семинаріи студентами подъ руководствомъ профессора-руководителя. Въ семинаріѣ по всеобщей истории, въ первомъ полугодіи, студенты III курса писали рефераты по истории XVII вѣка, а студенты IV курса разбирали источники для истории XVIII вѣка; во второмъ же полугодіи первые занимались изученіемъ первыхъ пяти книгъ Ливія и разборомъ заключающагося въ немъ историческаго материала, а вторые писали рефераты по истории Англіи въ концѣ XVII вѣка. Въ семинаріѣ по русской истории, въ первомъ полугодіи, студенты исторического отдѣленія продолжали занятіе, начатое во второмъ полугодіи 1883 года, читали избранныя главы V и дальнѣйшихъ томовъ „Истории Россіи“ Соловьевъ и по нимъ излагали изустные рефераты на заданные вопросы. Въ томъ же семинаріѣ, во второмъ полугодіи, разбирались студентами старшихъ двухъ курсовъ исторического отдѣленія памятники историко-юридического характера. Въ семинаріѣ по церковной истории студенты занимались разборомъ Посланій апостольскихъ. На юридическомъ факультетѣ студенты I курса занимались, во второй пологодинѣ года, изученіемъ источниковъ по истории институтовъ римского гражданскаго права и писали рефераты на основаніи этого изученія.

нія. Для тѣхъ же студентовъ практическія занятія по энциклопедіи права состояли въ обсужденіи подъ руководствомъ профессора представленныхъ ими рефератовъ. Темами для рефератовъ служили общіе вопросы права и нравственности, излагавшіеся и обсуждавшіеся на основаніи пособій, указанныхъ преподавателемъ. Особое вниманіе было удѣлено въ этихъ занятіяхъ критическому разбору утилitarной нравственности. Семинарій по политической экономіи для студентовъ II и III курсовъ заключался въ составленіи и обсужденіи, подъ руководствомъ профессора, представленныхъ ими рефератовъ. Предметами рефератовъ, въ теченіе первой половины года, было изученіе состоянія кустарной промышленности въ Россіи по материаламъ, изданнымъ земствами и комиссіей по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ. На второе полугодіе студентамъ предложено для разработки нѣсколько темъ, касающихся состоянія крестьянскаго хозяйства по свѣдѣніямъ изѣстныхъ статистическихъ сборниковъ. Въ ожиданіи представленія рефератовъ на вновь предложенныя темы, въ теченіе втораго полугодія продолжалось обсужденіе сочиненій студентовъ по вопросу о кустарной промышленности. На семинаріи, веденномъ профессоромъ Колоколонымъ на III курсѣ, въ первой половинѣ года, занятія состояли въ обсужденіи студенческихъ рефератовъ по вѣкотѣоретическимъ вопросамъ, относящимся къ общей части уголовнаго права. У профессора Илжула въ продолженіе первой половины года студенты всѣхъ курсовъ, кроме I-го, подъ его руководствомъ представили и обсуждали рефераты на слѣдующія двѣ темы: а) табачный акцізъ, его теорія, исторія и современная организація въ различныхъ странахъ и особенно въ Россіи и б) фискальное и моральное значеніе налоговъ на вино и вообще хмѣльные напитки. Рефератовъ на эти темы было подано шесть, и четыремъ лицамъ, доклады которыхъ одобрены, они были зачтены за курсовыя сочиненія. На физико-математическомъ факультетѣ профессоръ Бугаевъ велъ со студентами I курса семинарій по математикѣ по одному часу въ недѣлю, и лаборантъ Брюсовъ — со студентами младшихъ двухъ курсовъ семинарій по физикѣ два дня въ недѣлю по два часа. Затѣмъ по остальнымъ предметамъ велись практическія занятія со студентами на астрономической обсерваторіи, въ зоологическомъ музѣѣ, въ химической и физической обсерваторіяхъ, въ ботаническомъ саду и кабинетѣ. Практическія занятія студентовъ въ палеонтологическомъ и минералогическомъ кабинетахъ происходили посдѣ двухъ часовъ; въ физической лабораторіи — въ

часы свободные отъ лекцій, по тому же плану, какъ и въ 1883 году; въ технической и агрономической лабораторіяхъ — по три раза въ недѣлю. Сверхъ того, по теоретической механикѣ студентамъ предлагались задачи для рѣшенія на дому. — На медицинскомъ факультетѣ студенты ежедневно были заняты на многочисленныхъ лекціяхъ, которые въ пѣкоторыхъ курсахъ продолжаются отъ 8 часовъ утра до 3-хъ пополудни. Сверхъ того, они занимались практически и въ часы свободные отъ лекцій, показанныхъ въ расписанії. Учащіеся медицинского факультета упражнялись въ химической и фармацевтической лабораторіи и занимались въ ботаническомъ саду. Въ анатомическомъ театрѣ студенты разсѣкали трупы съ цѣлью изученія нормальной, хирургической и патологической анатоміи и судебнай медицины; здесь же упражнялись въ производствѣ операций на трупахъ и изучали практическіи общую патологію. Въ кабинетахъ физиологическомъ и гистологическомъ, въ анатомо-патологическомъ театрѣ студенты занимались практическимъ изученіемъ физиологии и гистологии, нормальной и патологической анатоміи. Въ клиникахъ они писали исторіи болѣзней, на основаніи собственнаго изслѣдованія больныхъ, и въ случаѣ нужды, сами производили термометрическія, химическая и микроскопическая опредѣленія. Профессору судебнай медицины представляли студенты протоколы судебнно-медицинскихъ изслѣдованій.

Въ Московскомъ университѣтѣ къ 1-му января 1884 года состояло 2.784 студента; въ теченіе года вновь поступило 781 (изъ правительственныехъ гимназій 610, изъ лицея Цесаревича Николая съ аттестатами зрѣлости 5, изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній 48, изъ университетовъ 72, изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 6, бывшихъ студентовъ Московскаго университета 40); въ теченіе года выбыло 691 (до окончанія курса 253, по окончаніи полнаго университетскаго курса и сдачѣ экзамена 438); затѣмъ къ 1-му января 1885 года оставалось на лицо 2.874 студента, которые были распределены по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 276, на физико-математическомъ 497 (по отдѣлу математическихъ наукъ 341, по отдѣлу естественныхъ наукъ 156), на юридическомъ 844, на медицинскомъ 1.257. Сверхъ студентовъ, къ началу 1885 года состояло: 94 стороннихъ слушателя и 305 аптекарскихъ помощниковъ, посѣщавшихъ, въ качествѣ стороннихъ слушателей, лекціи предметовъ, входящихъ въ составъ провизорскаго экзамена. Такимъ образомъ, общее число

учащихся было 3.273. Изъ бывшихъ въ 1884 году студентовъ воспользовались стипендіями: въ первомъ полугоді 467 студентовъ, во второмъ — 423, всего на сумму 117.816 руб. 62 коп.; размѣръ стипендій простирался отъ 50 до 500 руб. въ годъ. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: въ первомъ полугодіи изъ 2.799 студентовъ — 897 отъ полной платы и 32 отъ половинной, итого 929; во 2-мъ полугодіи, изъ числа 2.874 студентовъ — 539 отъ полной платы и 56 отъ половинной, всего 595; отсрочена плата до окончавія курса: въ первомъ полугодіи — 5 студентамъ, во второмъ 2-мъ. Единовременныхъ пособій выдано было: въ первомъ полугодіи — 455 студентамъ на сумму 10.849 руб., во второмъ — 269 студентамъ на 5.992 руб.; размѣръ пособій простирался отъ 4 р. 5 коп. до 50 руб. Независимо отъ сего: а) Московскою купеческою управою выдано изъ пособіе изъ процентовъ съ капитала, пожертвованного г. Куманинымъ, въ два полугодія, 1000 руб.; б) изъ процентовъ съ капитала имени Митрина внесено за слушаніе лекцій: въ первомъ полугодіи за 13 студентовъ — 312 руб. 50 коп., во второмъ за то же число — 325 руб.; в) Общество для пособія недостаточнѣмъ студентамъ внесло за слушаніе лекцій 145-ю студентами всего 3.565 р.; выдано пособій на руки 89 студентамъ; выдано ссудъ студентамъ — стипендіатамъ, подъ обезнеченіе ихъ стипендій, 4.020 руб., изъ которыхъ 3.761 руб. къ 1-му декабря возвращены обратно; уплачено за бесплатные обѣды по 1-е декабря въ студенческую столовую и кухнисторскую 5.622 руб. 75 коп.

На основавіи университетскаго устава 1863 года магистръ Філ. Фортунатовъ возвведенъ въ степень доктора сравнительного языковѣдѣнія, въ виду научнаго значенія трудовъ его. По произведеніямъ испытавшемъ, совѣтомъ университета, согласно удостоенія факультетовъ, утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора магистры: Карбевъ — всеобщей исторіи, Суворовъ — юридическаго права, Загоровскій — гражданскаго права; лѣкарь Федоровъ, Мейеръ, Огнєвъ, Ланговаго, Бесѣдкинъ, Меморскій и Знаменскій — медицины; б) въ степени магистра — профессоръ Коваленко — фармації; в) въ степени кандидата — 172 (по историко-филологическому факультету 32, по физико-математическому 57, по юридическому 83); г) въ званіи дѣйствительнаго студента — 48 (по историко-филологическому факультету 9, по физико-математическому 14, по юридическому 25). По медицинскому факультету утверждены: въ степени лѣкаря — 215, въ званіи инспектора врачеб-

вой управы—3, акушера какъ члена врачебной управы—4, юдикального врача — 22, провизора — 96, аптекарского помощника — 122, дантиста — 2 и повивальной бабки — 145. Кромѣ того, 14 лицъ получили свидѣтельства на званіе учителя гимназіи, и изъ студентовъ лацея Десаревича Николая утверждены: въ степени кандидата — 5 и званія дѣйствительного студента — 3.

Для усовершенствованія въ избранныхъ специальностяхъ и приготовленія къ профессорскому званію оставлены были при университѣтѣ кандидаты: Владимірскій — по римской словесности, Викторскій по уголовному праву, Аммонъ — по государственному праву, Долговъ — по русской словесности, Дубовицкій — по гражданскому праву и Михельсонъ — по физикѣ; лѣкарь Дурдуфи — по общей патологіи, а магистрантъ Лазровъ съ тою же цѣлью командированъ за границу. Всѣхъ же молодыхъ людей, приготовляющихся къ профессурѣ, было—38. Кромѣ того университетъ предположилъ съ тою же цѣлью командировать за границу магистра Былевъ — по ботаникѣ и магистранта Карелина — по всеобщей исторіи и оставить при университѣтѣ кандидатовъ Розанова и Янчука: первого — по всеобщей литературѣ, втораго — по каѳедрѣ русскаго языка и литературы.

Для соисканія наградъ медалями предложены были слѣдующія темы: на историко-филологическомъ факультетѣ — „Разборъ извѣстій о законодательствѣ Ликурга“, „Нравственное ученіе стоковъ“ и „О значеніи Доситея Обрадовича въ исторіи сербской литературы и просвѣщенія“; на физико-математическомъ — „О равновѣсіи и движении твердой прямой линіи“ и „Морфолого-систематический очеркъ русскихъ прѣноводныхъ альгъ“; на юридическомъ — „Подоходные налоги“ и на медицинскомъ — „Иаслѣдованіе барабанной полости у новорожденного младенца (ушная проба) въ судебнно-медицинскомъ отвешеніи“. За представленныя на эти темы сочиненія удостоены медалями: золотыми — студентъ III курса историко-филологического факультета Ив. Ивановъ, кандидатъ физико-математического факультета С. Щербаковъ, студенты: III курса юридического факультета Ал. Свирищевскій и V курса медицинского факультета Ив. Приклонскій; серебряными — IV курса историко-филологического факультета С. Соколовъ и Нест. Котляревскій, IV курса юридического факультета Ш. Абраамсонъ и V курса медицинского факультета Вас. Зеренинъ и Нис. Фельдгуйцъ. А кандидатъ историко-филологического факультета, выпускъ 1884 года, за представленное имъ сочиненіе удостоенъ почетнаго отзыва. — За особые

успѣхи по древнімъ языкамъ удостоены половинныхъ филологическихъ премій студенты историко-филологического факультета III курса — Соболевскій, II-го — Аппельротъ и I-го — Ивановъ; работы же студента I-го курса Козловскаго удостоены почетнаго отзыва.

Финансовыя средства Московскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныхъ суммъ на содержаніе университета ассигновано было 516.408 руб. 56 коп., именно: на личный составъ 247.176 руб. 60 коп., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы 162.796 руб. 60 коп., на стипендіи и пособія студентамъ 50.740 руб., на содержаніе славянскихъ стипендіатовъ 1.943 руб. 36 коп., на пособіе обществу естество-испытателей 2.500 руб., на содержаніе оставленныхъ при университетѣ кандидатовъ и стипендіатовъ Варшавскаго учебнаго округа 11.252 руб., на ремонтъ зданій и передѣлку лабораторій 40.000 руб.; б) благотворительныхъ капиталовъ имѣлось (въ билетахъ и наличныхъ деньгахъ) 1.066.940 руб. 62 $\frac{1}{4}$ коп.; в) суммы сбора со студентовъ за слушаніе лекцій: къ 1-му января 1885 года оставалось 146.605 руб. 16 $\frac{1}{4}$ коп. Главнѣйшия расходы изъ этой послѣдней суммы были слѣдующіе: на разные непредвидѣнныя расходы 108.394 руб., на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій 22.575 руб., на жалованье и плату сверхъ штатнаго положенія 14.227 руб., на пособіе профессорамъ и ихъ семействамъ 14.000 руб., на ученыя командировки внутри Россіи и за границей 7.112 руб., на вознагражденіе профессоровъ и прочихъ преподавателей за чтеніе лекцій по другимъ каѳедрамъ 4.776 руб., на выдачу содержанія молодымъ людямъ, оставленнымъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ 3.205 руб., на напечатаніе сочиненій ученаго содержанія 1.171 руб.

Составъ и дѣятельность въ 1884 г. существующихъ при Московскому университетѣ ученыхъ обществъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Общество испытателей природы. Общество имѣло въ теченіе года восемь очередныхъ и одно годичное засѣданіе, въ которыхъ, кроме текущихъ дѣлъ, доложены были слѣдующіе рефераты научнаго содержанія, сверхъ поинтутыхъ выше, изъ изчисленій трудовъ преподавателей: Коротнева — „Объ эмбріологическомъ развитіи медвѣдки“, Линдемана — „Объ уничтоженіи личекъ саранчи“, Шимчевича — „Объ измѣненіяхъ sarcopylla penetrans вслѣдствіе пара-

зитиама", Сѣверцова — „О новомъ видѣ уральского кречета *Nierofalco uralensis*", Варнека — „О строеніи яйца костистыхъ рыбъ" и „Объ индивидуальныхъ колебаніяхъ въ числѣ и гль плавника у язей", Керна — „О Coesoma pliniorquum", Тимирязева — „О микрозвідометрії", Тихомирова — „Объ *Abrus precatorius*", Мѣшаева — „О приготовленіи микроскопическихъ препаратовъ" и „О самоварываніи нѣкоторыхъ плодовъ и строенія остатъ ихъ у козыля, аистника и овса", Отрокова — „О проростаніи зиготъ у *Eudorina elegans*", Соколова — „О геологическомъ строеніи Крыма", Миклашевскаго — „О геологии южной Россіи", Сабанѣева — „Объ умершихъ членахъ Общества Дюма и Вюрцѣ", Бредихина — „О новѣйшихъ изслѣдованіяхъ Сатурна", „Разборъ нѣкоторыхъ кометныхъ гипотезъ", „О теоріи отталкивателныхъ силъ", „О нѣкоторыхъ кажущихся аномалияхъ въ строеніи кометы 1744 года" въ „О кометахъ вообще", Жуковскаго — „О вычислениі сидориами и и синхроны" и „Объ измѣненіи отталкивателной силы солнца при переходѣ по синхронѣ". Сношенія Общества съ иностранными учеными учрежденіями продолжало увеличиваться; въ 1884 году число этихъ учрежденій увеличилось десятю новыми. Общество продолжало издавать свои записки. Въ теченіе года вышли въ свѣтъ четыре выпуска Бюллетея, въ которыхъ напечатаны слѣдующія изслѣдованія: Сѣверцова — „Цомѣсь Anas crecca и *Anas boschas*", Яковлева — „Материалы для фауны полужесткокрылыхъ Россіи", Моравица — „О русскихъ видахъ *Bombus*", Вейсса — „Объ измѣненіяхъ желчи въ кишечномъ каналѣ", Радошковскаго — „Объ органахъ размноженія шмелей", Гердера — *Plantae Raddeanae Monopetalae*, Игнатьева — „Материалы для флоры Тамбовской губерніи", Траутшольда — „О периодическихъ движеніяхъ океановъ", „О бивняхъ *Mastodon*", „О геологической картѣ Ветлуги", „О новѣйшихъ американскихъ работахъ по геологии", „Объ *Edestus*", „О пермскихъ рептиляхъ палеонтологического кабинета Казанского университета", маркиза де-Грегоріо — „О *Pecten excisus* и *Pecten pyxidatus*" и „О новомъ видѣ *Pleurotoma Renardi*", Дибовскаго — „По поводу происхожденія озера Байкала", Бредихина — „Замѣчанія по изслѣдованию кометъ", „Исторія гипотезы космическихъ волнъ", „О строевіи кометныхъ хвостовъ". Жуковскаго — „О теоремѣ Ламберта", Соколова — „О хвостѣ первого типа кометы 1858 г.", Линдемана — „О фотографической фотометрії", Вейрауха — „О выведеніи среднихъ чиселъ для относительной влажности", Бахметьева — „Метеорологіческія наблюденія

за вторую половину 1883 и первую половину 1884 года", Сорокина — „Путешествие въ среднюю Азию", Регеля — „Путешествие въ среднюю Азию". Въ обмѣнъ на свои изданія Общество получило въ 1884 году около 1,250 томовъ книгъ, между которыми находятся много драгоценныхъ изданій всѣхъ странъ свѣта. Денежные средства Общества состояли изъ суммы, ежегодно отпускаемой правительствомъ, въ размѣрѣ 4,857 р., и изъ членскихъ взносовъ, которыхъ поступило всего 134 руб.

О дѣятельности Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографии за 1884 годъ уже было сообщено въ Журналѣ.

Физико-медицинское Общество. Управлѣніе Общества состояло изъ предсѣдателя, секретаря, товарища секретаря, казначея и библиотекаря. Оно имѣло въ своемъ составѣ 20 почетныхъ членовъ, 90 дѣйствительныхъ и 56 членовъ-корреспондентовъ. Засѣданій Общества въ теченіе года было 11, на которыхъ сдѣланы слѣдующія сообщенія: Реймана — „О случаѣ прогрессивной гематрофіи правой стороны лица", онъ же демонстрировалъ новый гальванометръ Гиршмана и больного съ дѣтскимъ параличомъ; Мороховца — о свертываніи крови, о наблюденіяхъ надъ дѣйствиемъ каприза на собакъ и лягушекъ, онъ же демонстрировалъ построенный имъ и докторомъ Филипповымъ аппаратъ для культивировки бактерій; Габричевскаго — „Патогенезъ альбуинурии, основанныхъ на законахъ фильтраціи"; Штейна — о кристаллахъ гемоглобина; съ демонстраціей микроскопическихъ препаратовъ и рисунковъ; Холмогорова — объ экспериментальномъ циррозѣ печени истинного происхожденія; Чосѣлова — о лѣкарственныхъ синахъ, съ демонстраціей больного; Павлиновъ демонстрировалъ микроскопические препараты холерныхъ бацилль изъ Марселя и бацилль изъ cholera nostras, Минора — о продуктахъ искусственной обработки центральной нервной системы, сатулирующихъ въ ней патологическая измѣненія, Корсакова — „Къ казуистикѣ проглоченныхъ инородныхъ тѣлъ", Савой-Могилевича — о колоніи душевно-больныхъ въ Твери, Чирковъ — а) объ одномъ случаѣ водобоязни и б) о случаѣ непомѣрного пота; Загоровскій произнесъ рѣчь въ память бывшаго члена Общества И. Т. Глѣбова; Муратова — „о случаѣ чревосѣченія при виѣматочной беременности съ удалениемъ всего околоплодного мѣшка".

Московское Юридическое Общество. Бюро Общества состояли предсѣдатель, два товарища предсѣдателя, секретарь, два

часть соколовъ, отд. 4.

товарища секретаря, библиотекарь и казначей. Въ спискѣ членовъ значилось: почетныхъ членовъ 21, дѣйствительныхъ—306, членовъ-корреспондентовъ 2. Общество имѣло 14 засѣданій, на которыхъ доложены слѣдующіе рефераты: Головачевымъ—объ отношеніяхъ правительства къ главному Обществу Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, Дерюжинскому—о лишеніи свободы въ Англіи, Джанціевымъ—а) о значеніи аналогіи въ гражданскомъ правѣ, б) по поводу 20-тилѣтія судебнай реформы; Дрилемъ—о наслѣдственности въ преступленіи и о средствахъ борьбы съ цею, Исаевымъ—о пропорциональномъ и прогрессивномъ обложеніи, Ковалевскимъ—а) о проискожденіи и дальнѣйшемъ развитіи мѣстнаго самоуправленія въ Америкѣ, б) объ общинномъ землевладѣніи въ Малороссіи, Муромцевымъ—а) римское право какъ субсидіарное для русского юристапрактика, б) результаты покрайнихъ изслѣдований по исторіи гражданской юриспруденціи въ Италіи и Германіи, в) о новомъ изданіи судебныхъ уставовъ императора Александра II, Пржевальскимъ—по поводу двадцатилѣтія судебнай уставовъ, Ржондковскимъ—а) о проектѣ торговыхъ записей, б) о статьѣ Гейдельбергскаго профессора Коня по поводу проекта нашего устава о векселяхъ 1882 года. Съ декабря мѣсяца Общество приступило къ обсужденію проекта особенной части нового уголовнаго уложенія, препровожденаго въ Общество министерствомъ юстиціи, въ силу Высочайшаго повелѣнія. Общество продолжало издавать журналъ подъ названіемъ Юридическій Вѣстникъ. При Юридическомъ Обществѣ состоять статистическое отдѣленіе. Бюро отдѣленія составляли предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, секретарь и помощникъ его. Отдѣленіе имѣло 10 засѣданій, на которыхъ доложены были слѣдующіе рефераты: Звѣревымъ—о курскихъ старовамочникахъ и подворныхъ, Ефимовыимъ—къ вопросу о причинахъ уменьшенія скотоводства, Бензенгромъ—о жизни и трудахъ А. Бертильона, Погожевымъ—методика санитарныхъ изслѣдований фабричнаго быта, Чупровымъ—а) обзоръ программъ земскихъ статистическихъ изслѣдований и основанія объединенной программы, б) о жизни и трудахъ умершаго статистика Кольба, в) обзоръ русскихъ статистическихъ изданій за послѣдній годъ, Орловымъ—а) статистика школьнаго библиотекъ Московской губерніи, б) объ организаціи и ходѣ земскихъ статистическихъ изслѣдований въ 1884 году, Вернеромъ—объ организаціи и ходѣ земскихъ статистическихъ работъ въ Таврической губерніи.

ἄνδρες ἴττης, παραγένεσθε· νῦν ὁ καιρός· ω Σίμων,
ω Παναίτι, οὐχ ἐλάτε πρὸς τὸ δεξιὸν κέρας;
ἄνδρες ἔττος· ἀλλ' ἀμύνου, κάπαναστρέφου πάλιν.
οἱ κοινορόδες δῆλος αὐτῶν ὡς ὁμοῦ προσκυμένων.
ἀλλ' ἀμύνου καὶ δίψει καὶ τροκήν ποιοῦ.

И тутъ повторяются тѣ же мысли; и тутъ, по мнѣнію Арнольдта, не возможно предположить, чтобы одно и то же лицо произносило всѣ пять стиховъ. Въ третьемъ пародѣ „Ось“ хоръ безпрестанно твердитъ то же самое, „ты тиранъ!“ и „мы тебя накажемъ!“; въ епипародѣ „Ахарніанъ“ также: „ты подружился съ Лаконцами!“ и „мы тебя накажемъ“. Отсюда Арнольдъ тоже заключаетъ, что хоръ действовалъ въ лицѣ отдельныхъ хореотовъ. А вторая просинтагма „Облаковъ“? Вѣдь и тутъ старикъ неустанно твердитъ ту же мысль: „Ты ударишь своего отца!“ А между тѣмъ, кто же станетъ утверждать, что эти стихи не могло произносить то же лицо?

1325 ω μιαρέ, τόπτεις τὸν κατέρα;

ΦΕΙΔΙΠΠΙΔΗΣ.

φύμ', ω πάτερ.

ΣΤΡΕΨΙΑΔΗΣ.

ὅρᾶθ' ὄμολογοῦνθ' ὅτι με τόπτει.

ΦΕΙΔΙΠΠΙΔΗΣ.

καὶ μάλα.

ΣΤΡΕΨΙΑΔΗΣ.

ω μιαρὲ καὶ πατραλοῖα καὶ τοιχωρούχε,

ΦΕΙΔΙΠΠΙΔΗΣ.

αὐθίς με ταῦτα ταῦτα καὶ πλείω λέγε.
ἀρ' οἵσθ' ὅτι χαίρω πόλλα' ἀκούων καὶ κακά;

ΣΤΡΕΨΙΑΔΗΣ.

1330 ω λακκόπρωκτε.

ΦΕΙΔΙΠΠΙΔΗΣ.

κάττε πολλοῖς τοῖς ρόδοις.

ΣΤΡΕΨΙΑΔΗΣ.

τὸν πατέρα τύπτεις;

ΦΕΙΔΙΠΠΙΔΗΣ.

χάποφανῷ γέ νὴ Δίκ,
ώ; ἐν δίκῃ σ' ἔτυκτον.

ΣΤΡΕΨΙΑΔΗΣ.

ὦ μιμρόττατε,
καὶ πῶς γένοιτ' ἀν πατέρα τόπταιν εὐ δίκῃ;

Особенно неудачнымъ является, по нашему мнѣнію, послѣдний главный аргументъ Арнольдта. Онъ разбиваетъ каждый изъ вышеупомянутыхъ пассажей на 24, или на 48 („Осы“, „Ирена“), или на 12 (пародъ „Лизистраты“, „Тесмофоріазузы“, „Екклезіазузы“) „Коммата“, соответственно числу хоревтовъ, вакому разъ или два раза, или же половинѣ этого числа. При этомъ оказывается, что метрическое дѣленіе пассажей (то-есть, переходъ лирической композиції въ диалогическую или эпическую) соответствуетъ то дѣленію хора на Σογά, то на стойхіи. Такъ, въ первой части парода „Ось“ каждая изъ ея четырехъ частей состоять изъ шести „коммъ“, соответственно числу хоревтовъ въ стойхіосъ. Такъ въ енипародѣ „Ахарніи“ каждая ода состоитъ, изъ четырехъ коммъ, соответственно числу хоревтовъ въ Σογόνѣ, а весь енипародъ, за исключениемъ комматіи изъ 20 коммъ, соответственно числу хоревтовъ въ пяти Σογá, и такъ далѣе, во всѣхъ упомянутыхъ нами выше пассажахъ.

Совпаденіе, дѣйствительно, замѣчательное; но посмотримъ сначала, до какой степени оно фактично.

Для удобства, раздѣляемъ выбранные Арнольдтомъ пассажи на четыре группы: 1) амбейческія оды; 2) амбейческія епирремы; 3) не амбейческія оды, и 4) не амбейческія епирремы.

Изъ этихъ четырехъ группъ мы только въ первой можемъ признать усмотрѣнное Арнольдтомъ совпаденіе фактическимъ; но тутъ то именно оно ровно ничего не доказываетъ. Всѣ Аристофановы оды—весьма невеликаго размѣра; никогда онѣ не могутъ состоять болѣе чѣмъ изъ четырехъ коммъ, то-есть, болѣе трехъ разъ быть прерываемы речитативами актеровъ. А рготі, следовательно, возможны 1) оды, состоящія изъ двухъ только коммъ; въ такомъ случаѣ ода

съ антодой содержать въ себѣ четыре коммы, соответственно числу хоревтовъ въ *Σογόν' ъ*; 2) оды, состоящія изъ трехъ коммъ; въ такомъ случаѣ ода съ антодой состоять изъ шести коммъ, соответственно числу хоревтовъ въ *στοῖχος' ъ*; 3) оды, состоящія изъ четырехъ коммъ, соответственно числу хоревтовъ въ *Σογόν' ъ*. Такимъ образомъ, амбейческія оды лишены всякой доказательности.

Оставивъ вторую группу пока въ сторонѣ, обращаемся къ третьей и четвертой. Въ нихъ комматическое дѣленіе вообще—дѣло произвола. Симметрия въ распределеніи коммъ—то есть, чтобы комма въ одѣ или епирремѣ соответствовала коммѣ въ антодѣ или антепирремѣ—по Арнольду, не требуется; не требуется, точно также, чтобы конецъ коммы совпадалъ съ концомъ стиха. Но какими же критеріями, въ такомъ случаѣ, наль руководствоваться? Знаками препинанія, отвѣчаетъ Арнольдъ. Но если такъ, то кто же даетъ ему право разбивать, напримѣрь, первую частницу первого парода „Остъ“ именно на шесть частей? Если следовать знакамъ препинанія, то мы различаемъ цѣлыхъ одиннадцать коммъ:

I

230 χώρει, πρόβαιν' ἐρρωμένως.

II

ῳ Καφία, βραδύνεις;

III

μα τὸν Δι', οὐ μέντοι πρὸ τοῦ γ', ἀλλ' ἡσθ' ἴμας κύνεις.

IV

νυνὶ δὲ χρείττων ἔστι σοῦ Χαρινάδης βαδίζειν.

V

ῳ Στρομόδωρε, Κονθυλεῦ, βέλτιστε συνδικαστῶν,
Εὔεργιόνης ἄρ' ἔστι που 'ντιῦθ', ἢ Χάρης ὁ Φλυεύς;

VI

235 πάρεοι. ὁ δὴ λοιπὸν γ' ἔτ' ἔστιν, ἀπκακαὶ παπαιάξ,
ἡθῆς ἐκείνης, ἡνίκ' ἐν Βοζαντίφ ξυνῆμεν

12*

φροοροῦντ' ἐγώ τε καὶ σό' κάτα περιπατοῦντε νόχτων
τῆς ἀρτοπόλιδος λαθέντ' ἐκλέψαμεν τὸν δλιον,
καθ' ηψομεν τοῦ χορχόρου, κατασχίσαντες αὐτόν.

VII

240 ἀλλ' ἐγκονῶμεν, ὥνδρες, ὡς ἔσται Δάχητι νυνί·

VIII

σίμφλον δέ φασι χρημάτων ἔχειν ἀπαντες αὐτόν

IX

χθὲς οὖν Κλέων ὁ κηδεμῶν τῆμεν ἐφεῖτ' ἐν ὥρᾳ
ῆκειν ἔχοντας ἡμέρων ὄργην τριῶν πονηρὰν
ἐπ' αὐτόν, ὡς κολωφένους ὅν τὸ δίδικησεν.

X

ἀλλὰ
σπεύδωμεν, ὥνδρες ἥλικες, πρὶν ἡμέραν γενέσθαι.

XI

χωρῶμεν, ἀμα τε τῷ λόγῳ πάντη διασκεπῶμεν,
μή που λίθος τις ἐμποδὼν τὴν κακὸν τι δράσῃ.

Соединяя эти коммы въ болѣе крупныя единицы, можно образовать какое угодно число коммъ отъ 2—10. То же относится и къ прочимъ не амбейческимъ одамъ и епирремамъ.

За то громадную важность въ смыслѣ Арнольдта имѣютъ амбейческія епирремы. Здѣсь коммы точно ограничены тѣми пассажами, которые произноситъ актеръ; здѣсь мы имѣемъ довольно значительное число коммъ. Если это число окажется дѣлимымъ на двѣнадцать, или вообще на болѣе крупную хорическую единицу, то съ мнѣніемъ Арнольдта нужно будетъ согласиться. Итакъ, амбейческія епирремы являются для насть пробнымъ камнемъ Арнольдтовой гипотезы.

Но тутъ то и оказывается вся ея несостоятельность. Требуемой дѣлимыости мы пигдѣ не встрѣчаемъ. Нигдѣ дѣло не обходится безъ произвола со стороны Арнольдта. Такъ въ третьей части парода „Осъ“ мы находимъ десять хорическихъ коммъ; Арнольдту же нужны всего только шесть. Поэтому онъ ст. 416 влагаетъ въ уста Клеопохулу:

φύσιοί, τὸ πράγμ' ἀκούσατ', ἀλλὰ μὴ κεχράτας
νῆ Δί' εἰς τὸν οὐρανόν γ', ως τόνδ' ἐγώ σὺ μεθύσομαι...

погрѣшалъ противъ правилъ греческой грамматики, которая допускаетъ чѣмъ Діа только въ положительныхъ предложеніяхъ. Остаются еще три. Эти три коммы Арнольдъ даетъ корифею, который ихъ произносить вѣдь порядка (*ausser der Reihe*). Но вѣдь корифей могъ произносить сколько угодно коммъ „вѣдь порядка“; что же доказываютъ вѣдь такомъ случаѣ цифры, гдѣ остается та „*rücksichtlose Controle, welche nur die Zahl und die Berechnung zu bieten im Stande ist*“?

Такъ вѣ спирремахъ епишарода „Ахарнанъ“ мы имѣемъ также десять коммъ, а нуждаемся мы вѣ двѣнадцати. Здѣсь Арнольдъ двустиший 333 сл. раздѣляетъ на двѣ коммы и такимъ образомъ устраиваетъ единственный критерій, которымъ мы могли бы руководствоваться при раздѣленіи коммъ: ограниченіе ихъ словами актеровъ. Но и теперь ихъ всего одиннадцать: откуда же взять двѣнадцатую? Арнольдъ влагаетъ ст. 324 μῆμαρμ̄с, ωχарничоѣ вѣ уста хору, таѣ что тепѣрь одна и та же комма произносится тремя хоревтами.

Вѣ первой синтагмѣ „Всадниковъ“ Арнольду не трудно было выбрать для своихъ хоревтовъ столько коммъ, сколько ему было нужно, и все остальное вложить вѣ уста Демосеену. Мы доказали, что на долю хора вѣ синтагмахъ приходились только катахелейзматической двуступиціи; этимъ опровергается и гипотеза Арнольдта относительно синтагмы „Всадниковъ“.

Вѣ первой частицѣ парода „Ирены“ девять коммъ; Арнольдъ дѣлаетъ изъ вихъ двѣнадцать и, совокупляя ихъ съ двѣнадцатью коммами одѣ, получаетъ требуемое число для первого турнуса. Чтобы дополнить второй, онъ продолжаетъ восклицанія хора, которыми заканчивается первая половина парода, *ω εἴα εἴα εἴα τᾶς in infinitum*; и тутъ его распределеніе не находить себѣ поддержки вѣ текстѣ рукописей.

Вѣ пародѣ „Птицѣ“, отъ его начала до оды, семь коммъ; Арнольду нужно только шесть; оттого онъ тепѣрь, вѣ противоположность своей обыкновенной методѣ, влагаетъ двѣ коммы вѣ уста одному и тому же хоревту (ст. 322 и 323). Такимъ образомъ роль первого стойхоса готова. Вѣ каждой одѣ три коммы; оды съ антодой, следовательно, приходятся на долю втораго стойхоса. Отъ антоды до конца парода пять коммъ; Арнольдъ опять образуетъ изъ нихъ

шесть. Остаются—четвертый стойхос и первая мезоррена. Но въ ней двѣнадцать коммы; Арнольдъ выдѣляетъ изъ чихъ шесть коммы для четвертаго стойхоса, а остальное даетъ корифею „вѣй парадка“.

Во второмъ пародѣ „Лизистраты“ 34 (вѣрбѣ 35, такъ какъ эта часть парода начинается со ст. 350, а не со ст. 352) коммы, по 17 на каждое полухоріе; шесть изъ нихъ Арнольдъ влагаетъ въ уста шести хоревтамъ, остальный гегемонамъ.

Что касается „Тесмофаріазузъ“, то достаточно будетъ сказать, что Арнольдъ и здѣсь ухищряется провести свою теорію; это въ виду испорченности этого парода, быть можетъ, самий лѣскій аргументъ противъ всей гипотезы Арнольдта.

На основавіи всего сказанного, мы съ увѣренностью можемъ заявить, что о выступлениі отдельныхъ хоревтовъ у Аристофана не можетъ быть рѣчи. О статьѣ Криста (*Theilung des Chors im attischen Drama*) мы распространяться не будемъ; въ ней читатель найдетъ много оригиналныхъ размышлений—въ родѣ того, что демократическая идея требовала выступлениія отдельныхъ хоревтовъ, но ни одной мало-мальски зреющей мысли.

„Prolegomena“ Рихтера къ „Осамъ“ и „Ирипѣ“ мы совсѣмъ бы вовсе не читать.

Обращаемся теперь къ главному вопросу. Мы заявили, что причина, душа, такъ сказать, епиррематической композиції—составъ комического хора. Но въ епиррематической композиції два характерныхъ признака—отношеніе одѣ къ епирремамъ и параллелизмъ. Оба признака мы должны будемъ объяснить на основаніи хорической техники комедіи. Начнемъ съ первого.

Одного какого-нибудь хоректа можетъ заступать агоностъ, всѣхъ хорентовъ вмѣстѣ—никогда. Этотъ законъ имѣть двѣ стороны.

Во-первыхъ, онъ относится къ тѣмъ лирическимъ пассажамъ, которые антистрофически соответствуютъ другъ другу. Иными однимъ хоректомъ въ строфѣ можетъ соответствовать пѣніе агоноста въ антистрофѣ, иными цѣлаго хора—никогда. Это противорѣчило бы духу антистрофического соответствія; это первое. Во-вторыхъ же, строфа и антистрофа, какъ извѣстно, мелодически тождественны; а мелодізациія у древнихъ, какъ и у насъ, находилась въ тѣсной связи съ партитурой. Монодія по характеру своему не годилась для произношенія цѣлымъ хоромъ, точно также, какъ хоровая пѣсня для соло; въ первомъ случаѣ богатая ритмизація пропадала бы для слушателей, во второмъ простая сравнительно мелодія производила бы очень ис-

благопріятное впечатлѣніе. Это засвидѣтельствовано и древними. Аристотель (Probl. XIX, 16) спрашивается: почему дитирамбы перестали быть антистрофическими, сдѣлавшись миметическими. Онь объясняетъ себѣ это слѣдующимъ образомъ: αἴτιον δὲ бы τὸ παλαιὸν οἱ ἀλεύθεροι ἔχοντες αὐτοὶ πολλοὺς οὖν ἀγωνιστὰς ἔδειν χαλεπόν ήν, ώστε ἐναρμόνια μέλη ἐνῷδον· μεταβάλλειν γάρ πολλάς μεταβιλὰς τῷ ἐνὶ ὁρὸν ἡ τοῖς πολλοῖς, καὶ τῷ ἀγωνιστῇ ἡ τοῖς τὸ ὑψος φυλάσσουσιν· διὸ ἀπλούστερα ἐκοίνουν αὐτοῖς τὰ μέλη. ἡ δὲ ἀντίστροφος ἀπλοῦν ἀριθμὸς γάρ εστι καὶ ἐνὶ μετρεῖται. Читай ἄρρυθμος. Согласно различію, которое древнія дѣлали между ψυθρός и μέτρον, ἑμѣтра мѣлѣ обозначали мелодіи съ простой ритмизаціей, въ которыхъ размѣръ легко можно было разслышать, въ родѣ нашихъ плясовыхъ; ἄρρυθμа, напротивъ, пѣсни съ богатою ритмизаціей, киклическими стопами, анаклазисами и синкопами; поэтому, напримѣръ, музы у Аристофана („Тесм.“ 121) называются свою мудреную пѣснью — μυρμήχων ἀτραποὺς по Мнезилоху — ἄρρυθμον (ἀρρυθμον по др.). Антистрофическія пѣсни, произносимыя хоромъ, были ἄρρυθμа, но ἑμѣтра.

Привожу примѣры. Гефорисмои въ „Лагушкахъ“ (ст. 416 сл.) состоять изъ четырехъ тожественныхъ по размѣру строфъ, произносимыхъ отчасти хоромъ, отчасти агонистами, въ слѣдующемъ порядке:

I Хоръ	II Хоръ	III Хоръ	IV Хоръ
Хоръ	Хоръ	Діонизъ	Діонизъ, Ксантій

Итакъ, во второй половинѣ строфы хоръ заступаютъ Діонизъ и Ксантій: этимъ доказывается, что этотъ хоръ дѣйствовалъ не въ своей цѣлости, а въ лицѣ отдѣльныхъ хоревтовъ — или корифея, или гегемоновъ, или краспeditовъ.

Амбейическая пѣсня въ „Ахариянахъ“ 929—939=940—951 состоитъ изъ дважды пяти частей и имѣеть слѣдующее евритимическое и симметрическое дѣленіе:

Хоръ . . . . 4)	= (4 Хоръ
Дикэополь . . . . 4)	= (4 Дикэополь
Хоръ . . . . 1)	= (1 Хоръ
Дикэополь . . . . 1)	= (1 Беотіецъ
Дикэополь 4	= 4 Хоръ

Въ пятой части этой пѣсни хоръ заступаетъ Дикэополь; слѣдовательно, и адѣсь хоръ дѣйствовалъ въ лицѣ одного хоревта. Интересно сравнить этотъ ἀποικіаion съ другими (Ах. 1008—1017=1087—

1046; Ир. 856—867=909—921; Пт. 1313—1325=1322—1334); здесь пѣнію хора строго соответствуетъ пѣніе хора, пѣнію агониста—пѣніе агониста. Напротивъ, въ амбейческой пѣсѣ Пт. 406 сл. каждому вопросу хора метрически соответствуетъ отвѣтъ Пустомѣкі; ясно, что здесь говорить не цѣлый хоръ, а одинъ только хоревтъ—вѣроятно, корифей.

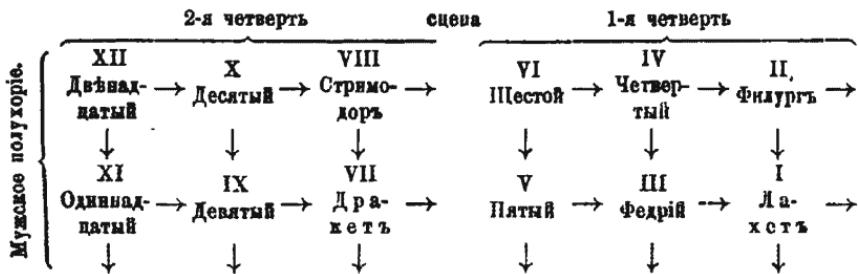
Но это только первая сторона нашего закона. Другая касается исторіи развитія комедіи.

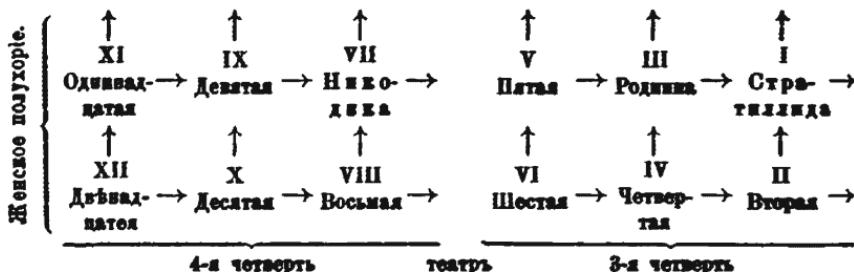
Мы видѣли, что схема епиррематической композиціи — общая схема, какъ парада, такъ и парабазы и синтагмы; мы видѣли также, что во всѣхъ тѣхъ признакахъ, которыми парабаза и синтагма отличаются одна отъ другой, парабаза древнѣе синтагмы, между прочимъ въ томъ, что епирремы парабазы произносятся хоромъ, а епирремы синтагмы—агонистами. Слѣдовательно, въ епирремахъ хоръ никогда не дѣйствовалъ въполномъ своемъ составѣ, а всегда только въ лицѣ одного какого-нибудь хоревта.

Итакъ, оды были произносимы унисоно, а епирремы соло. Это уже третья разница между одами и епирремами, если назвать первую разницу метрическою (оды—лирические размѣры, епирремы—эпические), а вторую—музыкальную (оды—мелодическое произношеніе, а епирремы—мелодраматическое и речитативъ).

О параллелизмѣ у насъ была рѣчь выше (стр. 31 сл.); тамъ мы указали на существенное различіе между словами фобъ и антифобъ, съ одной, и словами строфъ и антистрофос—съ другой стороны; мы видѣли, что два первыхъ выраженія могли употребляться только тамъ, гдѣ хоръ дѣйствовалъ заодно. А такъ какъ два первыхъ выраженія принадлежать комической, два послѣднихъ—трагической номенклатурѣ, то мы выводимъ заключеніе, что въ трагедіи хоръ дѣйствовалъ заодно, а въ комедіи раздѣлялся на два полуходія. Этотъ выводъ подтверждается и другимъ фактомъ; въ трагедіи (до Софокла) 12 хоревтовъ, а въ комедіи 24, то-есть, вдвое болѣе, чѣмъ въ первой. Другими словами, въ комедіи дѣйствовали два хора, въ трагедіи—одинъ. Но относится ли это ко всей комедіи, или только къ вѣкоторымъ ея частямъ? Прежде всего, конечно,—къ парабазѣ, такъ какъ имѣнію изъ парабатической номенклатуры сохранились выраженія „ода“ и „антода“. Въ пародѣ и парабазѣ „Лизистраты“ мы имѣемъ даже двойное дѣление; оба полуходія, какъ мужчины, такъ и женщины, въ свою очередь распредѣляются на два полуходія, предводительствуемыхъ каждое своимъ краснедитомъ. Первый краснедитъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гегемономъ

мужского полутора и корифеемъ. Онъ, безъ сомнѣнія, произносилъ кроющію (ст. 254); въ немъ онъ обращается къ какому-то Дракету и приглашаетъ его рабынѣ ѹгасоды; очевидно, этотъ Дракетъ былъ вторымъ краспeditомъ. Стремодоръ, къ которому обращается цѣлая первая четверть хора, былъ повидимому выдающимся хоревтомъ второй четверти, вѣроятно парастатомъ Дракета. Въ епиреѣ (ст. 266 сл.) говорить, конечно, первый краспeditъ; онъ обращается къ Филургу, очевидно, своему паастату. Во второй антодѣ, которую произноситъ вторая четверть, мы узнаемъ и имя корифея: его звали Лахетомъ. Онъ во второй епиреѣ сообщалъ свой планъ товарицамъ; въ антепиреѣ Дракетъ обучалъ свой шестокъ.—Прозмія главного парода соответствуетъ прозмія второстепенного парода; ее произносила третья краспeditка, по имени—она сама себя называетъ ст. 365—Стратилла; въ одѣ третьей четверти обращается къ какой-то Никодикѣ; это была, повидимому, предводительница четвертаго шестка, четвертая краспeditка. Въ третьей части парода оба полутора обращаются лицомъ другъ къ другу, первая четверть къ третьей, вторая къ четвертой; оттого прежніе паастаты краспeditовъ остаются позади ихъ, а паастатами дѣлаются другіе. Такимъ образомъ, объясняется, почему Лахетъ называется своего паастата Федріемъ (ст. 356), а Стратилла свою паастатку Родиной.—Прилагаемъ распределеніе хоревтовъ по мѣстамъ. Горизонтальные стрѣлы таблицы относятся къ первой и второй части главного парода и ко второстепенному пароду, то-есть, къ маршру хоревтовъ; вертикальныя стрѣлы—къ третьей части парода и къ парабазѣ, то-есть, къ той части комедіи, въ которой хоръ занялъ уже свои мѣста либо на сценѣ (пародъ), либо въ оркестрѣ (парабаза). Само собою разумѣется, что четверти появляются не вдругъ, а одна за другою.

Что эту парабазу произносили четыре четверти хора, а не два полуокория, мы можемъ доказать это и другимъ путемъ. Пусть читатель обратить внимание на следующее стихи:

- Ст. 614 сл. первая ода. οὐκ ἔτ' ἄργον ἐγκαθεύδειν, οὐτὶς ἔστιν ἀλλοί· θεός· ἀλλ' ἐπαποδούμεθ', ἀνδρες, τοιοφῇ τῷ πρῶτῳ πράτῃ.
- , 647 , первая антода. ἀλλὰ θέμασθ', ω φύλαι τράες, ταῦτη πρῶτη γαμήτι.
- , 662 сл. вторая ода. ἀλλὰ τὴν ἐξωμίδ' ἐκδυώμεθ', ό; τὸν δινδράδει τὸν δινδρὸς δέσιν εὐθύς, ἀλλ' οὐκ ἐντεθριῶσθαι πρέκει.
- , 686 сл. вторая антода. ἀλλὰ γῆμεῖς, ω γυναικες, θάττον ἐκδυώμενα, ως; ἀν διφρενεν γυναικῶν αὐτοδᾶς ωργισμένων.

Очевидно, что не могли тѣ же лица произносить ст. 614 сл. и 662 сл., ст. 637 и ст. 686 сл.

Кромѣ парабазы, сказанное слѣдуетъ примѣнить ко всѣмъ частямъ комедіи, основанной на схему епиррематической композиціи, ко всѣмъ пародамъ, синтагмамъ и триметрическимъ сизигіямъ. И тутъ, значитъ, оду произносило одно, антоду—другое полуокорие, хорическія части епирремы одинъ, хорическія части антепирремы другой гегемонъ. Въ подтвержденіе укажемъ на первую частьцу парода „Осъ“, выписанную нами выше въ этой же главѣ. Она состоитъ изъ епирремы (ст. 530—234), антепирремы (235—239) и сфагида (240—247). Послѣднія слова епирремы заключаютъ въ себѣ вопросъ, антепиррема—отвѣтъ; ясно, что епиррему и антепиррему не могло произносить то же лицо.

Но что же сказать намъ о стазимахъ? Такъ какъ стазими при-
надлежать къ эпизодической композиціи, то казалось бы, въ нихъ
следуетъ различать не оду и антоду, а строфу и антистрофу. Но
это заключеніе было бы ошибочно. Въ стазимахъ, точно также какъ и
въ епиррематическихъ одахъ, участвовали 24 хоревта, а не 12, два
хора, а не одинъ; следовательно, и тутъ оду пѣло одно, а антоду—
другое полуходре.

Сказанное подтверждается однимъ фактомъ, на который, стран-
нимъ образомъ, никто еще не обращалъ вниманія. Считаемъ пужнымъ
сказать вѣсколько словъ о значеніи споды.

Что она первѣко встрѣчается въ трагическихъ стазимахъ—дѣло извѣстное. Защитники ошибочнаго, по нашему убѣждѣнію, мнѣнія,
что трагические стазими отчасти (Вестфаль, Арнольдъ, Муффъ,
Кристѣ) или даже всегда (Гензѣ) были произносимы полуходріями,
предполагаютъ, что строфи произносило одно полуходре, антистрофу
другое, споду оба вмѣстѣ.

Мы предлагаемъ слѣдующую повѣрку. Что въ греческихъ драмахъ
агонисты первѣко поютъ строфическія пѣсни, въ этомъ каждый мо-
жетъ убѣдиться. Эти пѣсни произносить или одинъ только актеръ
(монодіи), или двое ($\alpha\muο\varphiαία$). Итакъ, если въ греческой мелодіѣ
возможно такое отношеніе строфы къ антистрофѣ, антистрофы къ
сподѣ, при которомъ строфи поетъ *a*, антистрофи *b*, а споду *a + b*,
то мы непремѣнно встрѣтимъ споду въ антодическихъ $\alpha\muο\varphiαία$, съ
тѣмъ чтобы строфи произносили одинъ агонистъ, антистрофи другой,
а споду оба вмѣстѣ. Въ нашей мелодіѣ такое отношеніе мы встрѣ-
чаемъ очень часто. Если же возможно только такое отношеніе, при
которомъ и строфи, и антистрофи, и споду произносить *a*, то споду
мы будемъ встрѣтывать только въ монодіяхъ, а отнюдь не въ антоди-
ческихъ $\alpha\muο\varphiαία$.

Посмотримъ теперь на результаты. Намъ извѣстны слѣдующія мо-
нодіи.

1. Монодія Іоны въ Эсхиловомъ „Прометеѣ“.

Проодъ ст. 561—573; строфа 574—588; антистрофа 693—608.

2. Монодія Ксеркса въ Эсхиловыхъ „Персахъ“, прерываемая
пѣснями хора:

Строфа *a* ст. 934—934; антистрофа 940—942; строфа *β* 962—965;
строфа *γ* 973—977; антистрофа 988—992; строфа *δ* 1002—1007; анти-
строфа 1008—1013; строфа *ε* 1014—1025; антистрофа 1026—1037;

строфа ζ 1038—1045; антистрофа 1046—1052; строфа η 1054—1059; антистрофа 1060—1065; епода 1066—1075.

3. Монодія вѣстника въ Эсхиловыхъ „Гекетидахъ“ (ст. 836—863), прерываемая хоромъ, искажена до нельзя.

4. Монодія Кассандры, въ Эсхиловомъ „Агамемнонѣ“, прерываемая речитативами и пѣснями хора.

Строфа α ст. 1072 — 1075; антистрофа 1076 — 1079; строфа β 1030—1034; антистрофа 1085—1089; строфа γ 1090—1094; антистрофа 1095—1099; строфа δ 1100—1106; антистрофа 1107—1113; строфа ϵ 1114—1124; антистрофа 1125—1135; строфа ζ 1136—1145; антистрофа 1146—1155; строфа η 1157—1166; антистрофа 1167—1177.

5. Монодія Філоктета въ Софокловомъ „Філоктетѣ“, прерываемая пѣснями хора.

Строфа α 1081 — 1101; антистрофа 1102 — 1122; строфа β 1123—1145; антистрофа 1146—1169; епода 1170—1217.

6. Монодія Эдипа въ Софокловомъ „Эдипѣ царѣ“, прерываемая речитативами хора:

Строфа α 1313 — 1318; антистрофа 1321 — 1346; строфа β 1329—1346; антистрофа 1349—1366.

7. Монодія Антигоны, въ Софокловомъ „Эдипѣ въ Колонѣ“.

éвторой отрывок 237—253.

8. Монодія Антигоны въ Софокловой „Антигонѣ“, прерываемая речитативами и пѣснями хора.

Строфа α ст. 806—815; антистрофа 823—833; строфа β 839—852 антистрофа 857—871; епода 876—882.

9. Монодія Креонта въ Софокловой „Антигонѣ“, прерываемая речитативами хора и вѣстника.

Строфа α 1261 — 1283; антистрофа 1284 — 1305; строфа β 1306—1328; антистрофа 1329—1346.

10. Монодія Електры, въ Софокловой „Електрѣ“, перемежающаяся съ пѣсней хора.

Строфа α 129—136; антистрофа 145—152; строфа β 165—172; антистрофа 185—192; строфа γ 201—212; антистрофа 221—232; епода 236—250.

11. Неантодическое áροφλίον Електры и Ореста тамъ же.

Строфа 1232—1252; антистрофа 1253—1272; епода 1273—1287.

12. Монодія Аакса въ софокловомъ „Ааксѣ“, прерываемая речитативами хора и Текмессы.

Строфа α 348—355; антистрофа 356—363; строфа β 364—378; антистрофа 379—392; строфа γ 393—411; антистрофа 412—426.

13. Монодія Геркулеса въ „Трахініяхъ“.

Строфа α 1004—1006; строфа β 1007—1014; антистрофа α 1015—1016; строфа γ 1024—1026; антистрофа β 1027—1040; антистрофа γ 1041—1043.

14. Монодія Евмелы въ Евріпідовій „Алкестѣ“.

Строфа ст. 393—404; антистрофа 406—415.

15. Неантодический $\grave{\alpha}$ μοι β αῖον Андромахи и Молосса въ Евріпідовій „Андромахѣ“.

Строфа ст. 501—514; антистрофа 523—536.

16. Монодія Агавы, прерываемая возгласами хора, въ Евріпідовихъ „Вакханткахъ“.

Строфа 1168—1183; антистрофа 1184—1199.

17. Монодія и неантодический $\grave{\alpha}$ μοι β αῖον Гекубы и Поликсены въ Евріпідовій „Гекубѣ“.

$\grave{\alpha}$ νομοι β στροφον 59—215.

18. Неантодический $\grave{\alpha}$ μοι β αῖον Гекубы и рабыни тамъ же
 $\grave{\alpha}$ νομοι β στροφοн 684—711.

19. Монодія Полиместора тамъ же

$\grave{\alpha}$ νομοι β στροφοн 1056—1106.

20. Монодія Елены въ Евріпідовій „Еленѣ“

$\grave{\alpha}$ νομοι β στροφοн 229—251.

21. Монодія Елены, тамъ же, прерываемая пѣснями хора.

Строфа ст. 330—339; антистрофа 340—347; епода 348—385.

22. Неантодический $\grave{\alpha}$ μοι β αῖον Елены и Менелая, тамъ же.

$\grave{\alpha}$ νομοι β στροφοн ст. 627—637.

23. Монодія Електры въ Евріпідовій „Електрѣ“.

Строфа α 112—126; антистрофа 127—139; строфа β 140—149; антистрофа 150—166; строфа γ 175—189; антистрофа 198—212.

24. Неантодический $\grave{\alpha}$ μοι β αῖον Ореста и Електры тамъ же.

Строфа α 1177—1189; антистрофа 1190—1205; строфа β 1206—1212; антистрофа 1213—1220; строфа γ 1221—1226; антистрофа 1227—1232.

25. Монодія Амфітріона, прерываемая возгласами хора, въ Евріпідовомъ „Неистовомъ Геркулесѣ“.

аномоіострофou ст. 1042—1085.

26. Неантодический амоіфаіou Амфатріона и Тезея тамъ же.

аномоіострофou ст. 1178—1213.

27. Монодія Адраста въ Евріпідовихъ „Гекетидахъ“, прерываемая пѣснями хора.

Стroфа ст. 798—810; антистрофа 811—823; епода 824—838.

28. Монодія Евады тамъ же

строфа 990—1008; антистрофа 1012—1020.

29. Монодія дѣтей тамъ же, прерываемая пѣснями хора.

строфа α ст. 1123 — 1131; антистрофа 1132 — 1138; строфа β 1139—1145; антистрофа 1146—1152; строфа γ 1153—1158; антистрофа 1158—1164.

30. Неантодический амоіфаіou Гипполита и спутниковъ въ Евріпідовомъ „Гипполитъ“:

аномоіострофou 58—72.

31. Монодія Тезея тамъ же.

Стroфа 817—829; мезодъ 830—833; антистрофа 836—847; епода 866—884.

32. Монодія Гипполита тамъ же.

аномоіострофou 1370—1388.

33. Монодія Іфигеніи въ Евріпідовой „Іфигеніи Авлідской“.

аномоіострофou 1289—1388.

34. Монодія Іфигеніи въ Евріпідовой „Іфигеніи Таврической“.

аномоіострофou 143—177, 203—235.

35. Неантодический амоіфаіou Ореста и Іфигеніи, тамъ же.

аномоіострофou 827—899.

36. Монодія Іона, въ Евріпідовомъ „Іонѣ“.

Стroфа 112—127; антистрофа 128—143; епода 144—183.

37. Неантодический амоіфаіou Креузы и педагога тамъ же.

аномоіострофou 762—799.

38. Монодія Креузы тамъ же.

Стroфа 887—896; антистрофа 897—906; епода 907—912.

39. Неантодический амфайон Креузы и Иона, тамъ же.

а́уомо́бстрофов 1446—1509.

40. Монодія Електры и пѣсни хора въ Евріпидовомъ „Орестѣ“. Строва α 140—151; антистрофа 152—165; строва β 166—186; антистрофа 187—207.

41. Монодія Електры тамъ же.

Строва 960—970, антистрофа 971—981; епода 982—1012.

42. Монодія Електры и пѣсни хора, тамъ же.

Строва 1246—1265; антистрофа 1266—1285; еподъ 1286—1310.

43. Монодія Фригійца тамъ же.

а́уомо́бстрофов 1369—1502.

44. Монодія Музы въ „Резѣ“.

Строва 895—903; антистрофа 906—914.

45. Монодія Гекубы и пѣсни хора въ Евріпидовыхъ „Троянкахъ“.

Проодъ 122—152, строва 153—175; антистрофа 176—196.

46. Монодія Гекубы и речитативы Талтибія, тамъ же.

а́уомо́бстрофов 235—291.

47. Монодія Кассандры, тамъ же.

Строва ст. 308—324; антистрофа 325—340.

48. Монодія Гекубы и пѣсни хора тамъ же.

Проодъ ст. 1287—1301; строва 1302—1316; антистрофа 1317—1332.

49. Монодія Антигоны и речитативы педагога въ Евріпидовыхъ „Финиканкахъ“.

а́уомо́бстрофов 103—193.

50. Монодія Іокасты, тамъ же.

а́уомо́бстрофов ст. 301—354.

51. Монодія Антигоны и неантодический амфайон Антигоны и Эдипа, тамъ же, ст. 1485—1581. Порядокъ строфъ очень спутанъ, антистрофические пассажи чередуются съ а́уомо́бстрофами.

52. Неантодический амфайон Антигоны и Эдипа, тамъ же.

а́уомо́бстрофов ст. 1710—1757.

Это первая группа. Въ ея составъ вошли: 1) монодіи въ тѣсномъ

смыслъ слова, произносямый непрерывно однимъ лицомъ, 2) амофай агониста и хора, въ которыхъ антистрофически соответствующія части произносятся однимъ и тѣмъ же лицомъ, 3) неантодические амофай двухъ агонистовъ, къ которымъ относятся то же самое.

Вторую группу образуютъ антодические амофай. Сюда относятся;

1) 'Амофай Ореста, Електры и хора въ Эсхиловыхъ „Хеофорахъ“.

Орестъ,	стРОФА α	315—322	=	Електра, антистрофа	332—339
"	β	345—353	=	"	363—371
Електра	γ	380—384	=	Орестъ,	394—399
"	δ	405—409	=	"	418—422
Хоръ	ϵ	423—428	=	Електра	444—450
Електра	"	429—433	=	Хоръ	451—455
Орестъ	ζ	434—438	=	"	439—443

2) 'Амофай Эдипа, Іокасты и хора въ Софокловомъ „Эдипъ Царь“, только отчасти антодический.

Хоръ, Эдипъ, Эдипъ: строфа ст. 650—657 = Хоръ, Іокаста, Эдипъ: антистрофа 679—697.

3) 'Амофай АНтигона, Исмены и хора въ Софокловомъ „Эдипъ въ Колонѣ“.

Антигона, Исмена, строфа 1725—1736 = хоръ, АНтигона: антистрофа 1737—1750.

4) 'Амофай Елены и хора въ Европидовой „Елена“.

Елена: строфа α ст. 167—178 = хоръ, антистрофа 179—190

" " 191—209 = " " 210—228

5) 'Амофай Федры и хора въ Европидовомъ „Гипполитъ“.

Хоръ: строфа 362—371 = Федри: антистрофа 669—679.

6) 'Амофай Ифигеніи и хора въ Европидовой „Ифигеніи Авалиской“.

Ифигенія: строфа 1475—1490 = хоръ: антистрофа 1510—1520.

7) 'Амофай Іона и хора въ Европидовомъ „Іонъ“.

Хоръ: строфа ст. 205—218 = хоръ, Іонъ: антистрофа 219—236.

8) 'Амофай Киклона и хора въ Европидовомъ „Киклонъ“.

Хоръ: строфа ст. 495—502 = Киклонъ: антистрофа 503—510 = хоръ: антистрофа β 511—518.

9) 'Амофай Андромахы и Гекубы въ Европидовыхъ „Троянкахъ“.

Андромаха, Гекуба: строфа 577—581 = Гекуба, Андромаха: антистрофа 582—586.

Андромаха, Гекуба: строфа § 587—590 = Гекуба, Андромаха: антистрофа 591—594.

10) 'Αμοιβαῖον Аntигона и Эдипа въ Еврипидовыхъ „Финикианкахъ“.

Антигона: строфа ст. 1519—1552 = Эдипъ: антистрофа 1539—1542.

Присовокупимъ примѣры изъ комедій:

1-я группа:

1) Монодія Філоклеона въ „Осахъ“

анамоіострофоу ст. 317—333.

2) Монодія Пустотки въ „Птицахъ“

анамоіострофоу ст. 227—262.

2-я группа:

1) 'Αμοιβαῖον Ламаха и Дикэополя въ „Ахарннахъ“ ст. 1190—1225

α. α. β. β. γ. γ. δ. δ. ε. ε. ζ. ζ. η. η.

2) 'Αμοιβαῖον Пустотки и хора въ „Птицахъ“ ст. 406—431

α. α. β. β. γ. γ. δ. δ. ε. ε. ζ. ζ. η. η.

3) 'Αμοιβαῖον старухи и дѣвушки въ „Екклезіазузахъ“ 893—923
искажень.

4) 'Αμοιβαῖον старухи и юноши, тамъ же 938—945

α. α.

5) 'Αμοιβαῖον юноши и дѣвушки, тамъ же 952—975

α. α. β. β.

6) 'Αμοιβαῖον Каріона и хора въ „Плутосѣ“ ст. 290—315

α. α. β. β.

Итакъ, еподы попадаются, хотя и не обязательно, только въ первой группѣ, то-есть, въ такихъ лирическихъ композиціяхъ, гдѣ строфи и антистрофи произносить то же лицо. Тамъ же, гдѣ строфи произносить одно, а антистрофи—другое, еподъ мы не встрѣчаемъ.

Отсюда слѣдуетъ: въ тѣхъ хорическихъ пѣсняхъ, гдѣ въ составѣ комплекса входятъ и еподы, какъ строфы, такъ и антистрофи были произносимы тѣми же лицами, то-есть, полнымъ хоромъ. то съ относится къ трагедіи.

Въ тѣхъ хорическихъ пѣснахъ, гдѣ еподы немыслимы, причиной отсутствія еподы могло быть только антодическое отношеніе строфы къ антистрофѣ. Но это относится къ комедіи.

XVIII.

Прерываемъ пить нашихъ разсужденій и, отлагая второй главный вопросъ—откуда появились комедическія спізоды и трагическія сивигіи—до XX-їй главы, переходимъ ко второй части нашей задачи—къ вопросу, на сколько антагонизмъ между дорийскимъ и юнійскимъ стилями въ греческомъ искусствѣ отразился на содержаніи древней греческой комедіи. Эта вторая часть будетъ гораздо короче первой, и вотъ почему: въ первой части намъ самимъ приходилось прокладывать нашу дорогу, такъ какъ никто не высказывалъ до насъ мнѣнія, что въ древне-аттической драмѣ существовали два композиціонныхъ стиля—евнодническій и еще другой. Что же касается до содержанія, то „дорийская комедія“ известна давнинъ давно, такъ что намъ придется, главнымъ образомъ, начертать эскизъ „юнійской комедіи“.

Но мы начнемъ, все таки, съ комедіи дорийской.

О ней написано, сравнительно, много. Кромѣ извѣстныхъ ее характеристикъ въ учебникахъ греческой словесности достойны вниманія—ученый, но фантастичный и устарѣлый трудъ Гризара „de Dorienstium comoedia“, затѣмъ О. Миллеръ „die Dorier“ II, стр. 330 сл., законецъ введеніе къ Лоренцову изданию отрывковъ Епихаріа.

Въ самой Греціи дорийская комедія имѣла два центра—Спарту и Мегару. Въ Спарѣ процвѣтала издревле миметическая игра такъ называемая *δειχηλιστai*. Сущность ихъ игры состояла, по грамматику Созибію, которымъ пользовался Аееней (XIV, 621 d), въ слѣдующемъ: *ἐμφεῖτό τις ἐν εὐτελεί τῇ λέξει κλέπτοντάς τινας ὀκώραν, η̄ ἔνυχὸν ατρὸν τοιαυτὶ λέγοντα, ως Ἀλεξὶς ἐν Μανδραγορὶσμένῃ διὰ τούτων παριστησιν* (figm. 142 K.)

ἀλλ ἐπιχθρίος
ἰστρός εἴκη, τροφίον τούτῳ δότε
πτισάντης ἔσθεν, καταφρονοῦμεν εὐθέως·
ἄν δὲ πτισάντας καὶ τρούψιον, θαυμάζομεν κ. т. д.

Сюда же относитъ и замѣчаніе Полидевка (IV, 105) *Δακουνιὰ δρχήματα... μιμητικὴν δὲ (то-есть, ἐκάλουν) δι’ ἣς ἐμφοῦντο τοὺς ἐκὶ τῷ κλοπῷ τῶν ἐώλων χρεῶν ἀλισχομένους.* Слѣдовательно, мы въ Спарѣ

находимъ начала бытовой комедіи, которую мы вслѣдствіе того можемъ назвать первою отраслью комедіи дорійской.

Другую ея отрасль мы встрѣчаемъ въ спартанской колоніи Тарентѣ. Въ этомъ городѣ, въ которомъ, по греческой поговоркѣ, было больше праздниковъ, чѣмъ дней въ году, празднество Діониса справлялось съ особымъ блескомъ. Въ это время въ Тарентѣ стекались всякаго рода забавники, смѣшившіе народъ, демократію, талантъ, особенно же філакес, по которымъ называлъ цѣлый родъ коми-ческой поэзіи — філахографіа. Эта філахографіа, получившая извѣстность сравнительно поздно, въ началѣ III столѣтія — время філахографа Ринтона — и была второю отраслью дорійской комедіи; въ противоположность бытовой комедіи мы можемъ назвать ее миѳологическою. Сцены изъ філахографій изображены на иѣ-которыхъ низне-италійскихъ росписныхъ вазахъ (собр. Визелерь, Theatergebäude d. Gr.). Сравнительно большую роль играетъ тутъ Геркулесъ; на одной вазѣ изображенъ Зевсъ у дома Алкмены (Виз. IX, 11), на другой самъ Геркулесъ съ Керконами предъ царемъ Евристеемъ (тамъ же 2), на третьей Геркулесъ, угрожающій трактирщицѣ (?); съ булавой въ рукѣ (тамъ же XI, 26); даѣтъ Геркулесъ, ухаживающій за неизвѣстною женщиной (тамъ же III, 18); даѣтъ Геркулесъ въ дорогѣ, сопровождаемый рабомъ на ослѣ (тамъ же I, Suppl. 25) (мы не думаемъ, чтобы эта ваза изображала первую сцену изъ Аристофановыхъ „Лягушекъ“; нарядъ Геркулеса несколько не соответствуетъ наряду перерожденного Діониса, какимъ описывается его Аристофанъ):

ἀλλ' οὐχ οἶσ; τ' εἴμ' ἀκοσοβῆσαι τὸν γέλων
ὅρῳν λεοντῆην ἐπὶ κροκωτῷ κειμένην.
τίς ὁ νοῦς; τί κόθορνος καὶ ρόπαλον ἔυνηλθέτην [ст. 45 сл.];

на росписной вазѣ у Геркулеса пѣть на крокота, ни котурица; рабъ сидить верхомъ на ослѣ, между тѣмъ какъ у Аристофана онъ уже при ст. 35 слѣзаетъ; да и пейтронтио, чтобы на низне-италійскихъ вазахъ были изображаемы сцены изъ аттическаго коміка); наконецъ, рабъ Ксантій передъ статуей Геркулеса (IX; 10). Кроме того, мы встрѣчаемъ сцены изъ миѳовъ о Гефестѣ, Тезеѣ, Хиронѣ и т. д.

Понятно, что и эта отрасль дорійской комедіи развилаась не въ Тарентѣ; изъ той тѣсной связи, которая существовала между коло-ниими и метрополіями, особенно въ сакральномъ отношеніи, мы смѣло можемъ заключить, что миѳологическая комедія имѣла и въ Спартѣ

своихъ поэтовъ-импровизаторовъ наравнѣ съ другою отраслью, съ бытовою комедіей.

Вторымъ центромъ дорийской комедіи была Мегара Низейская. Но тутъ намъ надобно оговориться.

Дѣло въ томъ, что Вилламовицъ-Меллендорфъ въ статьѣ, надѣлавшей—сравнительно—довольно много шума (Herm. IX, 319 сл.) отрицає существование комедіи въ Мегарѣ. Бокъ (Fragm. Com. Att. I, 1) слѣдуетъ его примѣру. Въ настоящее время скептическое направление въ изученіи греческой словесности вошло въ моду; кто благодушно вѣрить свидѣтельствамъ древнихъ грамматиковъ, тотъ легко можетъ прослыть за невѣжду. Не смотря на то, мы въ правѣ заявить съ увѣренностью, что комедія въ Мегарѣ существовала.

Посмотримъ, каковы разсужденія Вилламовица. Аениане и Мегарыне, говорить онъ,—были постоянно въ раздорѣ. Въ древнѣйшее время могущественная Мегара имѣла громадный перевѣсъ надъ Аенинами; по потерѣ острова Саламина была начальницей паденія, и вслѣдствіе она потеряла всякое значеніе. Это сдѣлало ея жителей злобными; вслѣдствіе того грубая, но злая насмѣшка получила въ Аенинахъ название мегарической, и комедія, состоявшая изъ такихъ насмѣшекъ, легко могла также называться мегарической. Относительно насмѣшекъ можно согласиться, но относительно комедіи нѣтъ; такая выдумка со стороны Аенинъ была бы совершенно противовѣдѣственна. Впрочемъ этотъ вопросъ можно оставить въ сторонѣ.

Извѣстны слова Аристотеля о комедіи: Ἀντικοιοῦται τῆς κομῳδίας οἱ Μεγαρεῖς, οἵ τε ἐνταῦθα ὡς ἐπὶ τῇ; παρ' αὐτοῖς δημοκρατίας γενομένης καὶ οἱ ἐκ Σικελίας ἐκείθεν γάρ ἦν Ἐπίχαρρος ὁ ποιητής. Слѣдовательно, во времена Аристотеля существовали притязанія мегарянъ на „изобрѣтеніе“—какъ выражались древніе—комедіи. „По Аристотель не признаетъ этихъ притязаній“, возражаетъ Вилламовицъ. Интересно было бы узнать какіиъ путемъ Вилламовицъ провѣдалъ объ этомъ. На сколько мы знаемъ, Аристотель никогда не высказываетъ своего сужденія о притязаніяхъ мегарянъ. Но для наѣтъ довольно того, что эти притязанія существовали. Вилламовицъ, очевидно, полагаетъ, что Аениане въ укорь мегарянамъ выдумали „мегарическую комедію“, а мегарыне ухватились за эту выдумку и стали видѣть въ ней славу своей родинъ. Естественно ли все это?

Итакъ, комедія въ Мегарѣ существовала — комедія, конечно, дорийская, то-есть, бытова и мифологическая. Изъ Мегары комедія распространяется по двумъ направлениямъ.

Въ 728 году выходцы изъ Мегары, жившіе до тѣкъ порь въ Леонтинахъ, основали городъ у подножія Этны, Гиблейскую Мегару. Въ 628 году гиблейскіе мегарине основали городъ Селинунтъ на южномъ берегу Сициліи. Въ 483 году Гиблейская Мегара была разрушена Гелономъ и ея жители были переведены въ Сиракузы.

Всюду дорийская комедія слѣдовала за мегаринами. Уроженецъ Селинунта былъ Аристоксенъ, первый поэтъ, введеній дорийской комедію въ литературу; однимъ изъ мегаринъ, переселившихся изъ Мегары въ Сиракузы, былъ Епихармъ. Объ Аристоксенѣ намъ подробнѣстей не извѣстно; что касается Епихарма, то его дѣятельность была всецѣло посвящена двумъ отраслямъ дорийской комедіи—бытовой и мифологической комедіи. Изъ его 18 мифологическихъ комедій четыре имѣютъ герояемъ Геркулеса (*Ἄρας γάμος, Βασίρις, Ἡρακλῆς ὁ πατὴρ Φόβος, Ἡρακλῆς ὁ πατὴρ τὸν ζωτῆρα*), шесть—Одиссея (*Φιλοχήτης, Τρῶες (?), Οδυσσεὺς αὐτόμολος, Κύκλωψ, Σερφῆνες*), три—Діониза, (*Βάκχαι, Διόνυσος, Κωμασταὶ ἡ "Αφαίστος*); содержаніе пяти остальныхъ заимствовано изъ другихъ мифовъ (*Ἀριός, Ἀλκοών, Σφῖγξ, Σχέρω, Πύρρα καὶ Προμάθεος*). Относительно содержанія бытовыхъ комедій Епихарма, заглавія которыхъ намъ извѣстны, четыре, кажется, имѣли сюжетомъ изображеніе опредѣленныхъ, индивидуальныхъ или национальныхъ, характеровъ (*Ἄγρωστίνος, Περίαλλος, Μεγαρίς, Νέρσα*), въ двухъ другихъ извѣстный предметъ былъ рычагомъ, такъ сказать, дѣйствія (*Πίθφω, Χύτραι*—сравн. Плавтовы комедіи *Aulularia, Rudens* и т. д.), въ четырехъ изображался какой нибудь праздникъ (*Εορτά καὶ Νέσος, Ἐπικίνιος, Θεαρί, Χορέοντες*—сравн. „Сиракузанокъ“ Феокрита), три были болѣе философического содержанія (*Ἐλπίς ἡ Πλοῦτος, Πά κα Θάλαττα, Λόγος καὶ Δογῆνα*), одна по заглавію напоминаетъ игру дикелістовъ (*Ἀρκαΐδις*), послѣдняя (*Μῆνες*)—неопредѣлнаго содержанія.

Греческій элементъ, вошедшій въ составъ латинскаго языка (*malum, machina*, и т. д.), ясно указываетъ на старинную связь средненітальянскихъ племенъ съ дорійцами, а не съ юнійцами, какъ мы это склонны были бы предполагать вслѣдствіе ихъ сосѣдства съ колоніями юнійцевъ—Кумами и Неаполемъ. Не удивительно поэтому, что и комедія, которую мы встрѣчаемъ у нихъ—мы говоримъ о такъ-называемой *fabula atellana*—дорійского, а не юнійского происхожденія. Что она греческаго происхожденія—это доказываютъ имена такъ-называемыхъ *oscae perso-
nae*: *Pappus, Maccus, Lamia, Mania*; италійского происхожденія только—

Виско (=manducus) и Dossenus, замѣнившіе, какъ увидимъ ниже, греческія имена.

Нѣкоторые полагаютъ, что комедія Епихарна сдѣлалась извѣстны въ Аѳинахъ еще при жизни или вскорѣ послѣ смерти поэта и по-клѣали на тамошнюю комедію; но это весьма невѣроятно. Трудно себѣ представить, чтобы Аристофанъ, называющій по имени столько ничтожныхъ поэтовъ, ни разу не занкнулся обѣ Епихарнѣ, еслибы онъ былъ знакомъ съ его комедіей. А такъ какъ мы знаемъ, что Цлатонъ, первый по времени аттическій писатель, который говорить обѣ Епихарнѣ, перелѣсь имиц Софрона па аттическую почву, то легко предположить, что и Епихарнъ обязанъ ему своей извѣстностью въ Аѳинахъ.

Но дорийская комедія существовала въ Аѳинахъ давно до того времени. По свидѣтельствамъ грамматиковъ, ее ввелъ въ Аттику мегарянинъ Сузаріонъ. Это второе направление, по которому распро-нилась дорийская комедія изъ второго своего центра — Мегары. Относительно личности Сузаріона можно и сомнѣваться, хотя, съ другой стороны, заключеніе Вилламовица — Аристотель его не называетъ, слѣдовательно, онъ не существовалъ — argumentum ex silentio самого дурнаго качества. Не потрудится ли онъ объяснить имя Σουσαρίωνъ этимологическимъ путемъ, подобно тому, какъ объясняютъ имя "Орн-рос", производя его отъ юбокъ и ἄραρισκο и т. д.? Но все же, это лич-ность темная, и былъ ли онъ сыномъ Филиппа и уроженцемъ мегарий-скаго городка Триподиска, или нѣтъ — рѣшить трудно. За то несо-мѣнѣнъ фактъ, что дорийская комедія изъ Мегары была перенесена на аттическую почву, въ Икарію, гдѣ празднства Діониза надревле спрашивались съ особымъ блескомъ.

Конечно, сказанное не относится къ Евету, Мезону, Миллу и другимъ „поэтамъ“, жившимъ, по преданію въ среднее между Сузаріономъ и Магнитомъ время; въ этомъ отношеніи мы соглашаемся съ Вилламовицемъ.

Подложны, вѣроятно, и стихи приписываемые Сузаріону.

κακὸν γρατίκες· ἀλλ' ὅμος, ω δημόται,
οὐκ ἔστιν οἰκεῖν οἰκίαν ἀνευ κακοῦ.

Но, съ другой стороны, замѣчательно, что и здѣсь мы встрѣ-чаємъ бытовой и гномический элементъ, два отличительныхъ при-знака дорийской комедіи.

Итакъ, мы въ правѣ разчитывать, что намъ удастся найти на аттической почвѣ комедіи дорійскаго стиля. Свидѣтельства, которыми мы намѣрены пользоваться, распадаются на двѣ группы: 1) памѣтки Аристофана и другихъ поэтовъ юнійской комедіи; 2) отрывки поэтовъ дорійской комедіи.

Начнемъ съ первой.

1.

οὐκ ἀλλοτρίων, ἀλλ' οἰκείων μουσῶν στόμαθ' ἡνιοχήσας.

(„Осы“, ст. 1022).

Объ этомъ стихѣ была рѣчь выше стр. 23. Теперь, надѣемся, читатель съ нами согласится, что подъ *ἀλλοτριαι* подразумѣвается дорійскую комедію, а подъ *οἰκεῖαι* — родную юнійскую.

2.

*ο δ' αὐτὸν ὡς ὄρφη μεμάκκοακότα
τέχνην πακοίηται.*

(„Всадники“, 62).

3.

*οὐ δέδοιγ' ὑμᾶς, ἔως ἂν ζῆ τὸ βουλευτήριον
καὶ τὸ τοῦ δῆμου πρόσωπον μακκοφῆ καθήμενον*

(тамъ же, 395).

Говорится въ обоихъ случаяхъ о Демѣ. Слово *μακκοῖν* сколіастъ къ ст. 62 и Свѣда с. т. *μεμάκκοακότа* производятъ отъ имени *Μακκῶ*. *Μακκῶ* тѣръ хай *Δαμῶ* єгеноуто єнегі тонтѣстї *βαρέως* *νοοῦσαι*. *Μακκῶ* безъ сомнѣнія тожественна съ *Ἀκκῷ*, выступавшей, кажется, у Ермиппа въ *Αθηνᾶς γνοῖ* (Igm. 7 K.) *ἢν* *αὐτῷ* *εὐήθη* *λέγοσιν* *ὡς* *ἄπὸ* *τοῦ* *ίστοῦ* *Θοιμάτιον* *καθελομένην* *ἡμίεργον* *ἀμφιέσσοιται*, *εἰς* *τε* *τὸ* *χάτοπτρον* *βλέπουσαν* *πρὸς* *τὴν παρ'* *αὐτῆς* *ἔμφασιν* *ὡς* *ἐτέρφ* *προσλαλεῖν* *γυναικί*. Но интересъ этихъ двухъ именъ заключается въ томъ, что они дорійскаго, во всякомъ случаѣ не аттическаго происхожденія. Сочетаніе *κκ* въ аттическомъ говорѣ не употребительно, за исключениемъ опоматоэтическихъ словъ въ родѣ *κοκκούξ* *κικκαθαῖ* и т. д.; въ дорійскихъ же оно встрѣчается вѣрѣдко;ср.: *μικκός*—*μικρός*, *ἴκκος*—*ἴπκος*, *λακκός*—*λαχίς* *άκκος*—*օάκος*, *Τίκκαρα*. Какимъ же образомъ дорійская *Μακκῶ* попала въ

Аттику? Все объясняется, если вспомнить *Maccus'a*, героя *fabula atellana*, съ которымъ уже Лобекъ (elem. I, 113) сводить имя 'Аххѣ. Что *fabula atellana* стояла подъ вліяніемъ дорійской комедіи, это мы видѣли выше; извѣстность *Маххѡ*, женского pendant къ *Maccus'у* въ Аттику, объясняется всего легче предположеніемъ, что и тотъ, и другая были типическими масками дорійской комедіи, которая изъ Мегары распространялась въ Сицилію и Италию съ одной, въ Аттику — съ другой стороны. *Maccus* игралъ въ *fabula atellana* ту же роль, чтѣ и *Маххѡ* въ дорійской комедіи; чета *Маххѡс* и *Маххѡ* образована точно также, какъ и *Σωζος* и *Σωζѡ* въ эпиграммѣ Симопида (fgm. 168 B).

4.

ο δ' ἀνακραγὴν ἀντήκασ' αὐτὸν πάρνοπι
τὰ θρῖα τοῦ γιτῶνος ἀποθεβληκότι....
οἱ δ' ἀνεκρότηταν πλήγη γε Θουφράστου μόνον.
οὗτος δὲ διεμόλλαινεν, ὃς δὴ δεξιός

(„Осы“, 1315).

Глаголъ *μολλαίνω*, тожественный съ *σιλλαίνω*, несомнѣнно слѣдуетъ производить отъ *μόλλος* или *μολλός*, точно также, какъ *σιλλαίνω* отъ *σιλλός*. *Μόλλοι* (ср. Роде Rh. M. 25, 552) назывались въ Сициліи итифаллы, то-есть, флюакес, только вѣроятно не всѣ, а одинъ какой-нибудь изъ тиць—очевидно, тотъ самый, который былъ извѣстенъ въ Аттику, и про которого говорилось: *Μόλλος πάντ' ἀχούει* (ἐπὶ τῶν ἀχοούτων καὶ χωρότητα προσκοιομένων). Въ такомъ случаѣ этотъ типъ соответствовалъ типу ателланской комедіи, для которой оски имѣли свое родное имя—*Dosserus*. Точно также и *σιλλός* означаетъ насыщника и по смыслу равнялось слову *διάσορος*, а *Διάσορος*; извѣрное былъ комическимъ типомъ въ нижнеиталійской фліакографіи; мы его встрѣчаемъ на расписной вазѣ Астей (Визелеръ IX, 26). Такимъ образомъ и здѣсь связь между (дорійской) комедіей въ Аттику и нижнеиталійской и сицилійской комедіей очевидна.

5.

ῶ φιλτάτη σὺ καὶ πάλαι ποθουμένη,
ἡλθες ποθεινὴ μὲν τρυγφᾶικοῖς χοροῖς,
ὢλη δὲ Μορύκῳ

(„Ахарніи“, 885).

Въ своей статье „*de lege Antimachea scaenica*“ (Ж. М. Н. Пр. 1884, стр. 19 сл.) я пытался доказать, что Морихомъ назывался хорегъ Аントимахъ, и что это прозвище было заимствовано изъ дорийской комедіи, такъ какъ Моруходъ, по свидѣтельству Свідѣ, было прозвище Диониза въ Сициліи — отъ слова μορύσσεσθαι, смазывать дрожжами, *perungustus fecibus*—да, кромѣ того, у Сицилійцевъ, по Фотію (р. 284, 10), существовала поговорка: μωρότερος Μωρόχου ποροια. Полемон лѣгчеѳдал тѣтутъ парѣ Σκιαλιώται; οὗτος μωρότερός εἰμι Μωρόχου, δι τάνδον ἀφείς ἔξω τῆς οἰκίας κάθηται. Если такъ, то этимъ засвидѣтельствована новая связь между аттической и сицилійской комедіей, всего легче объясняемая упомянутымъ развиѳтеніемъ дорийской комедіи въ Италию—Сицилію и Аттику.

6.

ΒΔΕ. ὅγε νον, ἐπιστήσει λόγους σεμνοὺς λέγειν
ἀνδρῶν παρόντων πολυμαθῶν καὶ δεῖκων;

ΦΙΔ. ἔγωγε. ΒΔΕ. τίνα δὴτ' ἀν λέγοις; ΦΙΔ. πολλοὺς πάνυ,
πρῶτον μὲν ὡς ή Δάμι' ἀλοῦσ' ἐπέρδετο,
ἔπειτα δ' ὡς ὁ Καρδοπίων τὴν μητέρα...

(„Осы“, 1174).

ср. ЕКЛ. 76 сл.:

ΤΥΝ. ἔγωγέ τοι τὸ σκύταλον ἔξηνεγχάμην
τὸ τοῦ Λαμίου τουτὶ καθεύδοντος λάθρᾳ.

ΠΡΑΞ. τοῦτ' ἔστ' ἐκείνων τῶν σκυτάλων ὃν πέρδεται,
сколіасть: τὸ τοῦ Λαμίου ἀρσενικῶς δὲ τὸν Δαμίαν <εἴπεν> ἔστι δὲ
καὶ θηλυκῶς ή Δαμία> ὑπὲρ ης ὁ Κράτης λέγει ἐν τῷ ὄμωνύμῳ δράματι,
δι σκυτάλην ἔχεος ἐπέρδετο.

„Осы“ 1032 сл. о Клеопатѣ

οὐ δεινόταται μὲν ἀπ' ὄφιθαλμῶν Κύννης ἀκτίνες ἐλαμπον,
ἐκατὸν δὲ κύκλῳ κεφαλαι κολάκων οἰκωξομένων ἐλιγχώντο
περὶ τὴν κεφαλήν, φωνὴν δ' εἰχεν χαράδρας ὅλεθρον τετοκιάς,
φώκης δ' ὄζμήν, Λαμίας δ' ὄρχεις ἀπλύτους, πρωκτὸν δὲ κα-
μῆλου.

сколіасть: Λάμια θηρίον, ἀπὸ τοῦ ἔγειν μέγαν λαιμὸν λαίμια τις καὶ λάμια·
δραστικοὶ δὲ οἱ ὄρχεις· εἰδωλοποιεῖ δὲ τινας ὄρχεις Λαμίας· θῆλυ γάρ.

Слѣдовательно, Ламія была личностью въ комедіи Кратета съ за-
главiemъ „Даміа“; въ этой комедіи она переодѣвалась мужчиною и въ

качествъ мужчины носила скота́лъ и брхе́с; будучи уличена, она — вѣроятно, отъ страху — єтѣрбето. Но ясно, что она выступала не въ одной комедіи Кратета; эта комедія была поставлена раньше 422 г. (года постановки „Ось“), и намекъ на нее въ 397 году (годъ постановки „Еуклезіазузъ“) былъ бы непонятнымъ. Нѣтъ, Да́рма была типической личностью комедіи, и именно комедіи дорийской: это доказываетъ между прочимъ и слово брхе́с; эти послѣдніе могли быть замѣты только на анахирдахъ фліакического костюма (ср. изображенія у Визелера). Какъ типичная личность дорийской комедіи, она, по видо-ному, была тожественна съ Да́рмѣ, которую вышеприведенный скопліасть (№ 2) упоминаетъ рядомъ съ 'Аххѣ. Къ 'Аххѣ мы нашли pendant въ оскскомъ Maccus; pendant къ Да́рмѣ и Да́рмѣ была, вѣроятно, Iamia атellanской комедіи.

Имя Да́рма, Да́рмѣ или Да́рмѣ, очевидно, производится отъ ларо́с; или ларо́с=зѣнь, глотка; точно также Виско производится отъ куды- гарного висса—ротъ. Виско — опять оскское слово, замѣнившее греческое; можно бы вставить Азро́с. Мы получили бы такимъ образомъ рядомъ съ четою Маххос; и Маххѣ другую чету — Да́рмѣ и Да́рмѣ. Оба имени встрѣчаются и въ миѳологии; недаромъ бытовая и миѳологическая комедія — двѣ отрасли той же дорийской комедіи. Да́рмѣ — извѣстный изъ Одиссеи людоѣдъ, царь Лестригоновъ, а Да́рма — также людоѣдка, родомъ изъ Ливіи.

Но кромѣ предполагаемаго Да́рмос'а, въ дорийской комедіи существовалъ еще другой типъ обжоры — Маисон отъ маисон (ср. Вилловицъ въ Негт. IX, 339); онъ относился къ Да́рмос'у точно также, какъ Моруходъ къ Маххос'у. Его маска (μακοφειον прозожтѣю у Полиденка IV, 141) была извѣстна въ позднѣйшія времена греческой комедіи.

Оказывается такимъ образомъ, что типическія маски, посягну- извѣстными именами, были особенностью не одной только атellanской комедіи, но и дорийской комедіи вообще; иначе они не могли бы быть извѣстны и въ Аттике, и въ Кампании. Это значительно расширяетъ наши попытки о бытовой комедіи дорийцевъ. Весьма вѣроятно поэтому, что эти маски играли извѣстную роль и въ комедіяхъ Еан- харма. Именъ ихъ мы не встрѣчаемъ въ его отрывкахъ; но это ничего не доказываетъ, такъ какъ именъ собственныхъ — за исключениемъ двухъ-трехъ миѳологическихъ — у него вообще не сохранилось,

7.

ώς δὲ σώφρων ἔστι φόσει, σκέψασθ³. ητις πρῶτα μὲν οὐδὲν ἡλθε ῥαφαμένη σκυτίον καθειμένον,
ἀροθρὸν ἐξ ἄκρου, παχὺ τοῖς παιδίοις ἵν' οὐ γέλως.

(„Облака“, 537).

Уже Кокъ очень вѣрно замѣчаетъ, что этими словами Аристофанъ намекаетъ на костюмъ фліаковъ, на ихъ анаксириды съ привязанными фаллосами. Этого костюма, слѣдовательно, въ Аристофановой комедіи не было. Но и тутъ интересна связь между нижнеиталийской фліакографіей и извѣстнымъ, не аристофановыемъ направлениемъ аттической комедіи. Можно, кажется, смѣло предположить, что этимъ направлениемъ была дорийская комедія въ Аттике.

8. 9.

οὐδὲ ἑσκαψε τοὺς φαλακρούς, οὐδὲ κόρδαχ' εἴλκοσεν

(тамъ же, 540).

Какъ скутіон καθειμένον, такъ и κόρδαξ, были постоянной принадлежностью того комического направления, на которое намекаетъ Аристофанъ. То же, слѣдовательно, надоно предположить и о фалакроі; и они были типическими масками. Можно подумать о Μαίσων'ѣ, маску которого описываетъ Полидевѣтъ (см. выше).

Что касается кордакса, то его дорийское происхожденіе засвидѣтельствовано косвеннымъ образомъ и Аристоксеномъ (Bekk. Anecd. 101. 17): 'Αριστόκενος ἐν τῷ περὶ τραγικῆς ὄρχήσεως δηλοῦ ὅπτως. ην δὲ τὸ μὲν εἰδός τῆς τραγικῆς ὄρχήσεως ἡ καλουμένη ἐμρέλεια, καθάπερ τῆς σατυρικῆς ἡ καλουμένη σίκιννις, τῆς δὲ κωμικῆς ὁ καλούμενος κόρδαξ. Изъ этой тріады трагическая ἐμρέλειа и сатирическая σίκιννις несомнѣнно дорийского происхожденія, такъ какъ памъ извѣстно, что въ трагедіи со временемъ Эсхила дорийское направление вытѣснило юнийское; то же слѣдуетъ предположить и относительно кордакса. По свидѣтельству Аристоника (у Аеенея I, 20), Александріецъ Батилль изъ этихъ трехъ танцевъ составилъ особый, итальянскій танецъ; кроме того, мы знаемъ, что кордаксъ былъ похожъ на гипорхему (Аеенея V, 181), чисто дорийскій танецъ въ честь Аполлона.

10.

οὐδ' εἰσῆξε δῆδας ἔχουσ', οὐδ' ιοῦ ιοῦ βοῖ

(тамъ же, 543).

'Ιοῦ ιοῦ слѣдуетъ писать, а не ιού ιού; ср. сколиаста къ стр. 1170 тѣ ιοῦ ιοῦ єкі χарѣкъ періската. Непонятый толкователями стихъ, по нашему, имѣть значение: я не дѣлаю сценическаго представлѣнія свадьбы сюжетомъ моихъ комедій. Что таковое представлѣніе свадьбы нерѣдко было содержаніемъ дорійскихъ комедій, какъ бытовыхъ, такъ и мифологическихъ, это доказываютъ наимъ заглавія, о которыхъ будеть рѣчь впереди. Сюда же относятся и

11.

ήμιν γὰρ οὐκ ἀστ' οὕτε κάρο' ἐκ φορμίδος
δούλω διαρριπτοῦντε τοῖς θεωμένοις

(„Осы“, ст. 66).

Орѣхами бросали въ присутствующихъ на свадьбахъ (Катулъ 61, 128 concubine, nuces da; Виргилъ Ecl. VIII, 30).

12.

καὶ τοὺς δούλους παρέλυσεν
τοὺς φεύγοντας κάξαπατῶντας καὶ τυπτομένους ἐκίτηδες
Ιν' ὁ σύνδουλος σκόψας αὐτοῦ τὰς πληγὰς εἴτ' ἀνέροιτο,
ῳ κακόδαμον, τί τὸ δέρμ' ἔπαθες; μῶν ὑετρίχις εἰσέβαλέν σαι
εἰς τὰς πλευρὰς πολλῷ στρατιῇ καδενόροτόμησε τὸ νῶτον;
τοιαῦτ' ἀφελὼν κακὰ καὶ φόρτου καὶ βαριολοχεύματ' ἀγενῆ...

(„Ирина“, 743).

Эти стихи также относятся къ бытовой комедіи; они напоминаютъ нѣсколько вышеупомянутое свидѣтельство Полидевка о лаконскихъ танцахъ, въ которыхъ ємкодѣло тоуд єкі хлопѣ єѡлѡн хреѡн альскоманос.

13.

ΣΤΡ. καὶ σέβομαι γ', ὡς πολυτίμητοι, καὶ βούλομαι ἀνταποκαρδεῖν
πρὸς τὰς βροντάς· οὕτας αὐτὰς τετρεμαίνω καὶ πεφόβημαι·

χεὶς θέμις ἔστιν, νονί γ' ἥδη, χεὶς μὴ θέμις ἔστι, χεσεῖσθαι.
ΣΩΚΡ. οὐ μὴ σκώψῃς μηδὲ ποιήσῃς ἄπειροι τρυγοδαίμονες οὗτοι...
(„Облака“, 293).

14.

ΣΑΝΘ. εἴπω τι τῶν εἰωθότων, ὡς δέσποτα,
ἔφ' οὓς διεὶς γελῶσιν οἱ θεώμενοι;
ΔΙΟΝ. νῆ γὰρ τὸν Δῖον διούλεις γε, πλήγη πιέζομεν...
ΣΑΝΘ. μηδ' ἔτερον ἀστεῖον τι; ΔΙΟΝ. πλήγη γ' ως θλίβομεν.
ΣΑΝΘ. τί δεῖ; τὸ πάνυ γέλοιον εἴπω; ΔΙΟΝ. νῆ Δία,
θαρρῶν γε· μόνον ἀκεῖν' δύκας μὴ 'ρεῖς. ΣΑΝΘ. τὸ τι;
ΔΙΟΝ. μεταβαλλόμενος τάναφορον διτὶ χεζήτιψε.
ΣΑΝΘ. μηδ' διτὶ τοσοῦτον σχύθος ἐπ' ἀμαυτῷ φέρων,
εἰ μὴ καθαιρήσει τις, ἀποπαρδήσομαι;
ΔΙΟΝ. μὴ δῆθ' ἴκετεύω, πλήγη γ' δταν μέλλω 'ξεμεῖν.
ΣΑΝΘ. τί δῆτ' ἔδει με ταῦτα τὰ σκεύη φέρειν
εἴπερ ποιήσω μηδὲν ὕπερ Φρόνιχος
εἴωθε ποιεῖν καὶ Λύκις κάμαιψίας.

(„Лягушки“, 1 сл.).

Значение слова трутгодаимоны въ № 13 объясняется № 14; Аристофанъ разумѣеть своихъ сподвижниковъ, поэтовъ дорийской комедіи.

15.

ΓΥΝ. εἰτ' οὐχὶ δέξει δῆτα τὰ καταχύσματα;
Π.Δ. ἔνδον γε παρὰ τὴν ἔστιαν, ὥσπερ νόμος·
ἔπειτα καὶ τὸν φόρτον ἐκφύγομεν ἄν.
οὐ γὰρ πρεπῶδες ἔστι τῷ διδασκάλῳ
ἰσχάδια καὶ τρωγάλια τοῖς θεωμένοις
προβαλόντ', ἐπὶ τούτοις εἰτ' ἀναγκάζειν γελᾶν.

(„Плутосъ“, 794).

Эти слова относятся къ тому же обычаяу, какъ и № 12.

Въ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ пассажахъ Аристофанъ называетъ на бытовую отрасль дорийской комедіи; къ миѳологической отрасли относятся слѣдующіе два:

16.

οὐδὲ Ἡρακλῆς τὸ δεῖπνον ἐξακατόμενος

(„Осн“, 67).

Сходиасть: єν τοῖς πρὸ τούτου δεδιδαγμένοις δράμασιν πολλὰ προείρηται εἰς τὴν Ἡρακλέος ἀπλησίαν ποιοῦσι δὲ τὸν Ἡρακλέα γελοίος χέριν κακλημένον εἰς δεῖπνον καὶ δυσχεραίνοντα διὰ τὸ βραδέως αὐτῷ παρατιθένει τὰ ὄφα. Какъ мы видѣли выше, Геркулесъ и его обжорство было любимою темой какъ пиженталійской, такъ и Епихармовой комедіи. Неудивительно поэтому, что мы его встрѣчаемъ и въ дорийскомъ направлениі аттической комедіи.

17.

τοὺς δὲ Ἡρακλέας τοὺς μάττοντας, καὶ τοὺς πεινῶντας ἐκείνος ἐξῆλασ' ἀτιμώσας πρῶτος. —

(„Ирена“, ст. 471).

Сходиасть: αἰνίττεται δὲ ταῦτα εἰς Εἴκολιν, διὰ ἐκοίησεν Ἡρακλέα πεινῶντα καὶ Διόνοσον δειλὸν καὶ Δία μοιχὸν καὶ δοῦλον κλαίοντα· τινὲς δὲ φασιν εἰς Κρατίνον αἰνίττεοθι ὡς τοιαῦτα ποιοῦντα δράματα· ἐπεπόλατε δὲ ταῦτα τότε τὰ λήμματα· καὶ αὐτὸς δὲ Ἀριστοφάνης ὡς γαστρίμαργον τὸν Ἡρακλέα κωμῳδεῖ, καὶ ἐν Ὁρνισι καὶ ἐν Αιολοσίκωνι καὶ ἐν τοῖς Σφηγῖ (№ 16) περὶ τούτων φησί, τοῦ τε Ἡρακλέους καὶ τοῦ δούλου· ἐκεπόλατε γάρ τότε ταῦτα, Ἡρακλῆς πεινῶν καὶ Διόνοσος δειλὸς καὶ μοιχὸς Ζεός, ὥστε καὶ αὐτοὺς δοκεῖν ἄχθεοθαι. Объ этомъ замѣчаніи будетъ рѣчь ниже; теперь замѣтимъ только, что въ текстѣ Аристофана опущены стихи, въ которыхъ говорилось о Дионизѣ-трусы и о Зевсѣ-прелюбодѣвѣ.

18.

ὑπὸ δὲ Ἡρακλέους πεινῶντος ἀεὶ καὶ κόπτοντος <χρέα πολλά>
οὐδὲ <χι>βιωτὸν <ἔτ> ἐστίν...

(Кратинъ, fgm. 308 К.).

Въ рукописи: πεινῶντος ἄγει καὶ σκόπτοντος ταῦτα οὐ βοιωτόν (βιωτόν Вен.) єστι. 'Αεὶ βιωτό ἄγει Бергкъ (Rel. coll. Att.); осталльное исправили мы.

Мы видимъ такимъ образомъ, что сюжеты дорійской, какъ бытовой, такъ и мифологической, комедіи пользовались популярностью и въ Аѳинахъ, но что поэты не дорійской комедіи, Кратинъ и Аристофанъ, ихъ сильно недолюбливали и противопоставляли имъ свое собственное родное направление. Но кто же были эти поэты дорійской комедіи? Самъ Аристофанъ (№ 14) называет Фриниха, Аминтиса и Ликниса, сколіасты это (№ 17)— еще Евполида и Кратина. Но это послѣднее свидѣтельство отнюдь не достовѣрно; это доказывается уже его форма, „нѣкоторые полагаютъ, что Аристофанъ памекаетъ на Евполида, другое (τινὲς δέ)—что онъ говорить о Кратинѣ“.

Вѣриѣ будеъ обратиться ко второй группѣ свидѣтельствъ—отрывкамъ и заглавіямъ комедій поэтовъ дорійского направлениія. Конечно, многія изъ этихъ свидѣтельствъ аѳрическаго, они у насъ отмѣчены особымъ знакомъ (?). Но за то принадлежность многихъ другихъ заглавій къ дорійскому направлению несомнѣнна.

I. ΧΙΩΝΙΑНΣ. Его комедіи, существовавшія въ древности, считались уже тогда подложными; поэтому не стоитъ заниматься вопросомъ, принадлежали ли его Птюхой къ дорійской комедіи, или нетъ.

II. КРАТИНОС. Этотъ поэтъ, какъ мы увидимъ ниже, былъ яркимъ поборникомъ іонійского направлениія; посомнѣнію, однако же, что онъ подвизался и на поприщѣ дорійской комедіи. Сюда относится слѣдующія его драмы: 1) Βοσσίς. Приключенія Геркулеса съ жестокими царемъ Вузирисомъ были, какъ мы видѣли выше, также сюжетомъ комедіи Епихарма. 2) Εονεῖδας (?). 3) Νέρωνъ. Сюжетомъ было рожденіе Елены, матерью которой, по апокрифическому преданію, была не Лeda, а Немезида. 4) Ὁδυσσῆς—приключенія Одиссея съ Полифемомъ; ср. комедію Епихарма Κύκλωφ и замѣчаніе Аосіемъ о народѣ италійскаго поэта Энана въ стилѣ дорійскихъ китародическихъ поэмъсовъ (I, 19, f.) δε καὶ Κύκλωπα εἰσῆγε ταρτίσσου καὶ Ὁδυσσέα μεσατὸν φολεκίσσουτα. Интересно свидѣтельство обѣ этой комедіи Иллатопія (XIII, 40 D.): τοιοῦτος οὖν ἐστιν ὁ τῷ μέσῃ καμφρόδιξ τόκος, οὗτος ἐστιν ὁ Διολοσίχων Ἀριστοφάνος καὶ οἱ Ὁδυσσεῖς Κρατίνος, обѣ χοριὰ обѣ ταραβάσις βούτη. Мы еще вернемся къ нему. 5) Σερήφιος—приключенія Персея съ Дикиносомъ и Полидектомъ. Такимъ образомъ у Кратина на 24 комедіи приходится только 5 дорійскихъ, между которыми нетъ ни одной бытовой.

III. КРАТИНЪ точно также долженъ быть причисленъ къ іонійской комедіи. Къ дорійскому направлению относится слѣдующія его драмы: 1) Γείτονες—бытовая комедія. Въ ней, по свидѣтельству Аесена

(Х, 429, А), впервые въ аттической комедіи выступали пьесы. Это и не мудрено; такъ какъ Кратинъ на этомъ по прищѣ не конкурировалъ, то Кратетовы „Сосѣди“ были первыми по времени литературною комедіей бытоваго направлѣнія. 2) Θησαιρός. Но авторство Кратета по отношенію къ этой комедіи спорно. 3) Λαρία. Ср. выше № 6. 4) Μέτοιχοι. 5) Φιλάργυροι. Къ этой комедіи относится то же, что и къ № 2.

IV. ΦΕΡΕΚΡΑΤΗΣ въ весьма немногихъ комедіяхъ принадлежитъ дорийскому направлѣнію, а именно: 1) Δεσλοδιδάσχαλος 2) Ἐκλήσματα; ср. комедію Епихарика Гѣ къ Θѣлата. 4) Τκνός ḥ Παννοχὶς (?) 5) Κοριαννό—настоящая бытовая комедія. Геронтий Корианно въ гостяхъ у своей подруги, трактирщицы Гликки; та ее уговариваетъ. 6) Πατάλη—вѣроятно, имя собственное. 7) Ψευδηραχλῆ—миѳологическая комедія съ переодѣваніями.

V. ΕΡΜΙΠΠΟΣ 1) Αθηνᾶς γονაі описывала рожденіе Аенины и, кажется, споръ ей съ Арахной. Быть можетъ, на спорѣ присутствовала и глупая Акао (см. № 7) въ качествѣ суды, подобно Дионису въ Лягушкахъ. 2) Εὐρώπη—3) Κέρκωπес. Ср. росписьную вазу, о которой рѣчь была выше.

VI. ΦΡΙΝΙΧΟΣ. 1) Κρόνοс. 2) Κομастай—настоящая бытовая комедія. 3) Μονότροπος „нелюдимъ“. 4) Ποέστραι.

VII. ΑΡΙΕΤΟΦΑΝΗΣ. 1) Αἰολοσίχων—ср. II, 4. 2) Δαιδαλες—по содержанію скожалъ съ Немезидой Кратина. 3) Δαναΐδες. 4) Κάχαλος—смерть цари Миноя. 5) Δήμυται. 6) Πολέιδος. 7) Φοίνισσαι.

VIII. ΠΛΑΤΩΝ. 1) Αδωνіс. 2) Αἰ ἀφ' ιερῶν. 3) Αμφιάρως (?). 4) Γρōπεс. 5) Δαιδαλος. 5) Εορται—ср. комедію Епихарика Εορτά. 7) Εὐρώπη. 8) Ζεὺς κακούμενοс. Въ этой комедіи игралъ роль и Ήραχлѣς тѣ δεῖπνον ἐξαπατώμανοс (см. 46 К) 9) Δάιοс. 10) Μαρμάχυθοс—„недоросль“. 11) Μέτοιχοι ср. III, 4. 12) Μενέλωс. 13) Νῦξ μακρά—приключение Зевса съ Алкменой. Ср. росписьную вазу, на которую мы указали выше. 14) Σάντριαι ḥ Κέρκωπес ср. V, 3. 15) Παιδάριον. 16) Ποιητήс (?). 17) Σύρφαξ (?). 18) Φάων.

IX. ΑΡΙΣΤΩΝΥΜΟΣ. 1) Θησαιρόс. 2) Ηλιοс φυγῶν.

X. ΑΜΕΙΨΙΑΣ рядомъ съ Фриникомъ и Лакисомъ упоминается Аристофаномъ (№ 15), какъ поэтъ дорийскаго направлѣнія: 1) Ακοκοτταβιζοντес. 2) Κατεσθισу. 3) Κομастай—ср. VI, 2. 4) Μοιχои. 5) Σακφо. 6) Σφενδόνу.

XI. ΑΡΧΙΠΠΟΣ. 1) Ἀμφιτρόων. 2) Ἡρακλῆς γαμῶν 3) Ὁνος σχιά 4) Πλοῦτος (?).

XII. ΔΥΚΙΣ, какъ поэты дорийской комедии, упоминаются Аристофаномъ № 15.

XIII. ΑΡΙΕΤΟΜΕΝΗΣ. 1) Ἀδητος. 2) Βοηθοί 3) Γόητες 4) Διένοσος ἀσκητής. 5) Ὑλοφόροι (?).

XIV. ΚΑΛΛΙΑΣ. 1) Αἰγύπτιος (?)—ср. заглавия Μεγαρίς, Poenulus в др. 2) Ἄταλάντη. 3) Κόκλωπες. 4) Σχολάζοντες.

XV. ΗΓΗΜΩΝ. Φίλινна.

XVI. ΔΥΣΙΙΠΠΟΣ. 1) Βάκχαι (?). 2) Θυρσοκόμος (?).

XVII. ΔΕΥΚΩΝ. 1) Ὁνος ἀσκοφόρος.

XVIII. ΜΕΤΑΓΕΝΗΣ. 1) Αδραι. 2) Φιλοθύτης.

XIX. ΑΡΙΣΤΑΙΓΟΡΑΣ. Μαρμάκυθος ср. VIII, 10.

XX. ΣΤΡΑΤΤΙΣ. 1) Ἀνθρωπορραίστης; конъектура Мейнеке, который действует изъ этой комедии тенденциозную драму, лишена всякаго основания; 2) Ἀργυρίου ἀφανισμός. 3) Ἄταλάντη 4) Ἰφιγέρων (?). 5) Δημνομέδα (?). 6) Μήδεια. 7) Μορμιδόνες (?). 8) Πότισος. (?). 9) Τρώιλος. 10) Φιλοκτήτης. 11) Φοίνισσαι. 12) Χρόσιππος 13) Ψυχασταί.

XXI. ΘΕΟΠΟΜΠΟΣ. 1) Ἀδητος. 2) Ἄλθαια, 3) Ἀφροδίσια (?). 4) Βατόλη. 5) Ἡδυχάρης. 6) Θησεύς. 7) Καπήλιδες. 8) Μῆδος. 9) Νεμέα. 10) Ὁδυσσεύς. 11) Παΐδες. 12) Παρφίλη. 13) Πηνελόπη. 14) Σειρήνες. 15) Φινεύς.

XXII. ΑΛΚΑΙΟΣ. 1) Ἀδελφαι μοιχευόμεναι. 2) Γανυμήδης. 3) Ἐνδυμίων. 4) Ιερὸς γάμος. 5) Καλλιστώ. 6) Κωμῳδοτραγῳδία (= мифологическая комедия). 7) Πάλαιστρα. 8) Πασιφάη.

XXIII. ΚΑΝΘΑΡΟΣ. 1) Μήδεια. 2) Τηρεύς.

XXIV. ΔΙΟΚΛΗΣ. 1) Βάκχαι. 2) Θάλαττα ср. IV, 3. 3) Θυστηγη. 4) Κόκλωπες ср. XIV, 3.

XXV. ΝΙΚΟΧΑΡΗΣ. 1) Ἀμυμώνη. 2) Γαλάτεια. 3) Ἡρακλῆς γαμῶν 4) Ἡρακλῆς χορηγός. 5) Κένταυρος. 6) Κρῆτες (?). 7) Δάκωνες. 8) Δήμνιαι ср. VII, 5. 9) Πέλοφ. 10) Ποιητής (?) ср. VII, 16. 11) Χειρογάστορες (?).

XXVI. ΝΙΚΟΦΩΝ. 1) Ἀδωνις. 2) Ἀφροδίτης γοναῖ. 3) Πανδώρα. 4) Σειρῆνες. 5) Χειρογάστορες (?) ср. XXV, 11.

XXVII. ΕΥΝΙΚΟΣ. Ἀντεια.

XXVIII. ΦΙΔΥΛΛΙΟΣ. 1) Αἰγεύς. 2) Ἄταλάντη. 3) Αἴγη. 4) Δωδεκάτη (правдникъ). 5) Ἐλένη. 6) Ἡρακλῆς. 7) Πλόντρια ἡ Νεασικά. 8) Φρεάρυχος.

XXIX. ΠΟΔΥΖΗΔΟΣ. 1) Ἀρεως γοναι 2) Ἀφροδίτης γοναι.
3) Διονύσος γοναι. 4) Μουσῶν γοναι. 5) Νίκτρα.

XXX. ΣΑΝΝΥΤΡΙΩΝ. 1) Γέλως. 2) Δανάη. 3) Ἰώ.

XXXI. ΑΙΟΛΛΟΦΑΝΗΣ. 1) Δαλίς („невеста“) 2) Δανάη. 3) Ἰφρυέρων ср. XX, 4. 4) Κένταυροι. 5) Κρῆτες.

XXXII. ΕΠΙΔΥΚΟΣ. Κωραλίσχος (по дорийски=отрокъ).

XXXIII. ΕΥΘΥΓΚΔΗΣ. 1) Ασωτοι ἡ Ἐπιστολή. 2) Ἀταλάντη.

XIX.

Обратимся теперь ко второму направлению аттической комедии— къ нами впервые такъ названной юнійской комедии. Это имя мы сѣдали не ради одной противоположности съ дорийскою комедией; направление, о которомъ идеть рѣчь, дѣйствительно во многихъ пунктахъ находится въ зависимости отъ Іоніи, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

Древнѣйшимъ поэтомъ юнійской комедии былъ Магнетъ. Почти все, чтд мы знаемъ о немъ, заключается въ стихахъ Аристофана:

τοῦτο μὲν εἰδὼς ἄκαθις Μάγνης ἄμα ταῖς πολιαῖς κατιούσαις,
ὅς πλεῖστα χορῶν τῶν ἀντιπάλων γίνης ἔστησε τροκαῖα·
πάσας δ' ὑμῖν φόνας ιεῖς, καὶ φάλλῳ, καὶ πτερογέζων
καὶ λυδίζων, καὶ φηνίζων, καὶ βακτόμενος βατραχείοις,
οὐκ ἐξήρκεοεν, ἀλλὰ τελευτῶν ἐπὶ γήρως, οὐ γὰρ ἐφ' ἥβῃς,
ἐξεβλήθη πρεσβύτης ὁν, δτι τοῦ σκώπτειν ἀπελείφθη.

(„Всадники“, 520).

Чтд Аристофанъ здѣсь говорить о Магнетѣ, этого онъ не могъ сказать ни объ одномъ поэте дорийской комедии; тутъ мы имѣемъ совершенно иное направление, комедию во всякъмъ случаѣ не дорийскую. Но мы въ правѣ идти дальше и назвать это направление прямо юнійскимъ. Слова πάσας φόνας ιεῖς ясно указываютъ намъ на то, что Аристофанъ говорить о музыкѣ Магнета, какъ о самой пѣнительномъ элементѣ въ его комедіяхъ. Онъ въ своей музыке подражалъ полету птицъ, жужжанію осъ, кваканію лягушекъ; слѣдовательно, его музыка была миметической, а мы видѣли выше (стр. 14, 20), что мимика была отличительнымъ признакомъ юнійской музыки.

Но процѣданіе юнійской комедии начинается только съ временемъ Кратина, и тутъ мы имѣемъ положительное свидѣтельство о связи

этого направления аттической комедии съ Іопіей, свидѣтельство Платонія (І, 1 Б): *Κρατῖνος ὁ τῆς παλαιᾶς κωμῳδίας ποιητής, ἀτε δὴ κατὰ τὰς Ἀρχιλόχου ζητήσεις αὐτογρός μὲν ταῖς λοιδερίαις ἐστιν.* Эти слова отчасти испорчены; но какъ бы мы ихъ не исправляли, все же остается достовѣрною фактической зависимости Кратина оть Архилоха, аттической комедии—оть юнійской музыки.

Эта зависимость засвидѣтельствована и другимъ обстоятельствомъ. Обращаемъ вниманіе читателя на Кратинову комедію „Архилохъ“. Въ ней говорится о смерти Кимона (fgm. 1), какъ о недавнемъ событии: следовательно, она была поставлена вскорѣ послѣ 449 г. Такимъ образомъ, это самая ранняя изъ комедій Кратина, время постановки которыхъ можно определить; вѣроятно, вообще самая ранняя комедія нашего поэта. Въ ней особенно интересны два отрывка. Впервыхъ, fgm. 2. К.

βαον σοφιστῶν σμῆνος ἀνεδιφήσατε

ср. Diog. Laert. prooem. 12 καὶ οἱ ποιηταὶ ἐκαλοῦντο σοφισταί, καθὰ καὶ Κρατῖνος ἐν „Ἀρχιλόχοις τούς περὶ Ὁρπουροῦ καὶ Ησίοδον ἐπαινῶν οὗτοις καλεῖται. Слѣдовательно, въ комедіи „Архилохи“ дѣйствовали и Гомеръ, и Гезіодъ, отчасти, конечно, въ качествѣ хоревтовъ. Ихъ поэты не могъ звать „Архилохъ“ спасти, Архилохи, то-есть, приверженцы Архилоха, составляли другой хоръ или, вѣрнѣе, другое полухоріе. Это подтверждается и другимъ отрывкомъ (fgm. 5 К.):

εἴδες τὴν Θασίαν ἄλμην, οἵ τιτα βαῦξει,
ώς εὖ καὶ ταχέως ἀπετίσσοτο καὶ παραχρῆμα·
οὐ μέν τοι παρὰ χωφὸν ὁ τοφλός ἔσικε λαλῆσαι.

„Тазійскій соусъ“—название Архилоха, который былъ клерукомъ острова Тазоса; это разъясниено давно. Тотъ же Архилокъ подразумѣвается и въ третьемъ стихѣ подъ словомъ παρὰ χωφόν; но кто же другой, о тофлѣ? Безъ сомнѣнія, никто иной, какъ знаменитый тофлѣс ἄνδος, Гомеръ. Это весьма интересно. Гомеръ и Архилокъ нерѣдко сопоставляются въ греческомъ искусствѣ; намъ известенъ цѣлый рядъ геммъ и камней съ ихъ изображеніями. Комедія „Архилохи“—первый примеръ этого сопоставленія.

Но каковъ же его смыслъ въ этой комедіи? Не подлежитъ сомнѣнію, впервыхъ, что „Архилохи“—комедія латературна, и что Архилокъ защищалъ въ ней поэтическое направление, которому симпатизировалъ Кратинъ: не даромъ Кратинъ называется подражателемъ Архилоха. Не подлежитъ также сомнѣнію, что Архилокъ

побѣждаетъ Гомера, точно также, какъ Европида въ „Лягушкахъ“ побѣждаетъ Эсхилъ. Но что же означаетъ вообще личность Гомера, и возможно ли было, чтобы греческій поэтъ представилъ народнаго пѣвца Еллады побѣдителемъ? Дѣло въ томъ, что Гомеръ былъ архететомъ цѣлаго дорийскаго направлениія; прелюбодѣяніе Ареса и Афродиты въ „Одиссѣѣ“ было прототипомъ мифологической комедіи, а Мартинъ—прототипомъ бытовой комедіи. Въ типѣ Гомера, такимъ образомъ, Кратинъ поражаетъ всѣхъ поэтовъ дорийской комедіи, которыхъ со временемъ Сузаріона въ Аттицѣ развилось множество.

Сама комедія „Архилохій“, конечно, не имѣть ничего общаго ни съ мифологическими, ни съ бытовыми комедіями. Но она не имѣть также ничего общаго съ комедіями Магнeta, о которыхъ была рѣчь выше; а между тѣмъ и то, и другое направлениѣ мы должны считать отраслью главной группы, юнійской комедіи. Вспомнимъ нашу классификацію дорийской комедіи. Въ этой послѣдней дѣйствіе вращалось или въ естественной, или въ сверхестественной средѣ; въ первомъ случаѣ передъ нами была бытова, во второмъ—мифологическая комедія. То же слѣдуетъ признать и для юнійской комедіи. Въ однѣмъ случаѣ дѣйствіе вращается въ естественной средѣ; мы имѣемъ дѣло съ тенденціозною комедіей. Сюда принадлежатъ „Архилохій“ Кратина. Во второмъ случаѣ дѣйствіе вращается въ сверхестественной средѣ, въ фантастическомъ царствѣ птицъ, рыбъ, звѣрей и т. п.; мы имѣемъ дѣло со сказочнouю комедіей. Сюда принадлежать вышеупомянутыя комедіи Магнeta. Заслуга Кратина состоитъ въ томъ, что онъ, будучи подражателемъ Архилоха, создалъ тенденціозную комедію въ противоположность къ существовавшей уже въ Аттицѣ сказочной комедіи.

Это различіе, замѣтимъ мимоходомъ, даетъ намъ впервые вѣрное понятіе о самой наилучшей комедіи Аристофана—„Цициахъ“. До сихъ поръ учёные всѣми силами старались усмотреть въ ней тенденціозную комедію; некоторые полагали, что подъ Питетеромъ Аристофанъ разумѣеть Горгія; по другимъ, подъ этой личиной скрывается самъ Алкивиадъ; по некоторымъ, Аристофанъ въ этой комедіи славить Сицилійскую экспедицію; по другимъ, онъ глумится надъ нею; по третьимъ, то и другоо невѣро: онъ хотѣлъ создать контрастъ безотрадному положенію Афинъ и разогнать грусть, навѣнную на него и его друзей Сицилійской экспедиціей. Но нашему, наѣренію поэта было гораздо скромнѣе: онъ просто хотѣлъ написать сказочную комедію.

Постараемся теперь охарактеризовать ту и другую отрасль юнайской комедии.

Мы сказали, что въ тенденциозной комедии дѣйствіе вращается въ естественной средѣ; это не вполнѣ точно. Въ „Архилоахъ“ поэтъ возводить Гомера, Гезіода, Архилоха и другихъ поэтовъ изъ ада; никто не скажетъ, чтобы это было естественнымъ дѣйствіемъ. Въ „Ахарніахъ“ Дионіополь заключаетъ со спартанцами невозможный въ дѣйствительности частный миръ; въ „Владникахъ“ является на сцену аллегорическое лицо Демъ въ какомъ-то странномъ маскарадѣ, въ „Облакахъ“ дѣйствуютъ фантастичныя существа—Облаца; въ „Осахъ“ хореи появляются въ небывалыхъ нарядахъ; въ „Іренѣ“ Тригей на жукѣ улетаетъ въ небо; въ „Лагушкахъ“ Діонісъ нисходить въ адъ; въ „Плутосе“ вылѣчиваются слѣпаго бога. Все это, безъ сомнѣнія, весьма фантастичная обстановка, а между тѣмъ передъ нами не сказочная, а тенденциозная комедія. Поэтому мы должны будемъ формулировать свое опредѣленіе съдующимъ образомъ:

Тенденциозная комедія отличается отъ сказочной тѣмъ, что тамъ катастрофа дѣйствія основана на дѣйствительныхъ, тутъ—на фиктивныхъ пачалахъ. Для примѣра соғѣтуемъ сравнить синтагму „Лагушки“ съ синтагмой „Птицы“.

Въ „Архилоахъ“ синтагма имѣла содержаніемъ споръ о первенствѣ дорийской или юнайской комедіи. Это, безъ сомнѣнія, очень дѣйствительная, не фиктивная подкладка; поэтому мы въ правѣ отнести эту комедію къ комедіямъ тенденциознымъ.

Въ дорийской комедіи бытовое и мифологическое направление строго отдѣлены другъ отъ друга; Плавтъ „Амфітріонъ“ не имѣть ничего общаго съ Ферекратовою „Коріанно“. Нельзя сказать того же о двухъ направленияхъ юнайской комедіи. Мы видѣли, что во многихъ тенденциозныхъ комедіяхъ поэтъ, чтобы придать болѣе прелести дѣйствію, воспользовался сказочными мотивами. Точно также и единственная уцѣлѣвшая сказочная комедія, „Птицы“, не вовсе лишена тенденциозности; первѣдко поэтъ говоритъ въ ней колкости своимъ недругамъ, изъ которыхъ иные даже самолично выводятся на сцену. Понятно поэтому, что относительно не малаго количества заглавій мы и звать не можемъ, слѣдуетъ ли ихъ отнести къ той или къ другой отрасли юнайской комедіи.

Кромѣ того, юнайская комедія имѣть еще другую особенность. За весьма немногими исключеніями (например, „Коріанно“ Ферекрата) мы о содержаніи бытовыхъ комедій не имѣемъ никакого по-

натія; напротивъ, о содержаніи мизеологическихъ комедій имѣеть волнистое очень точное, сравнительно, такъ какъ само заглавіе комедій въ большинствѣ случаевъ указываетъ намъ ея содержаніе. Объ юнійской комедіи не того, ни другаго сказать нельзя; въ этомъ читателю вскорѣ убѣдится; поэтому мы отдѣльными комедіями поэтовъ юнійского направлениія займемся нѣсколько подробнѣе. Большая часть изъ нихъ допускаетъ болѣе или менѣе основательныя, болѣе или менѣе подробныя предположенія относительно ихъ содержанія; и намъ кажется, что отъ таковыхъ предположеній и характеристика обѣихъ отраслей выигрываетъ гораздо болѣе, чѣмъ отъ всевозможныхъ общихъ мѣстъ.

Всѣдѣствіе этихъ двухъ причинъ мы своей таблицѣ, въ которую мы включили списокъ произведеній поэтовъ юнійской комедіи, дали нѣсколько другой видъ, чѣмъ таблицѣ, помѣщенной въ предыдущей главѣ.

Изъ обѣихъ колоннъ лѣвая содержитъ комедіи тенденціовнаго направленія, правая—сказочнаго. 'Амфіофуттѣса' помѣщены по срединѣ.

I. МАГНИЕ.

- 1) Ὀρνιθес. 2) Ψῆνες. 3) Βετραχοι.
- 4) Λοδοι. 5) Βαρβιτισται.
- 6) Διόνυσος (?) 7). Ποάστριαι (?).
- 8) Τιταχίδαι (?).

[ΕΚΦΑΝΤΙΔΗΣ].

Σάτυροι.

II. КРАТИНОЕ.

- 1) Ἀρχίλοχοι. 2) Βουκόλοι.
- 4) Δηλιαδес. Fgm. 28, К. доказываетъ, что содержаніемъ синтагмы былъ споръ двухъ женщинъ (должно быть, аллегорическихъ существъ) о красотѣ. 4) Διδασκαλіа. 5) Διονисалѣхандро^с то-есть, Дионисъ въ роли Александра=Париса, рѣшающій споръ
- 17) Κλεοφοελіна^т. На сколько можно судить, загадка и ея рѣшеніе (ср. fgm. 87; разгадка: дѣвшка) составляли сюжетъ комедіи.
- 18) Πλοῦто^с. Это—первая по времени комедія, имѣющая содержаніемъ описание блаженнаго жития золотаг овѣка.

а) илегорическихъ существъ?) о красотѣ. Такую же роль онъ играетъ и въ „Лягушкахъ“. 6) Δρακέτιδες. 7) Θράτται. 8) Δάχωνες. 9) Μαλθακοί. 10) Νόμοι. Выступали, кажется, сами законы, одицетворенные въ видѣ стариковъ. 11) Πανόπται, противъ софистовъ. 12) Πολαία. 13) Πυτίνη. Въ этой комедіи Кратинъ вывелъ на сцену самого себя. 14) Τροφώνιος. Комедія, направленная противъ суевій рія аенианъ. 15) Χείρωνες. Тутъ Кратинъ главнымъ образомъ нападалъ на Перикла. 16) Θρατ.

19) Ἐμπιπράμενοι ἢ Ἰδαῖοι,—
20) Χειμαζόμενοι.

III. КРАТИС.

1) Θηρία. Звѣри заключаютъ договоръ съ людьми, съ тѣмъ, чтобы люди перестали употреблять въ пищу звѣрей; за это звѣри обѣщаютъ устроить имъ разныхъ удобства. 2) Ορνίδες. 3) Σάμιοι. И здѣсь играетъ роль загадка. 4) Τόλμαι.

5) Ηρωες (вѣроятно, привидѣнія). 6) Παιδιά! 7) Ρήτορες (?).

IV. ФЕРЕКРАТИС.

Κρακάταλοι. Самъ поэтъ называетъ эту комедію λόγον κακήγορον. По содержанію она была похожа на „Лягушекъ“. 2) Χείρων. Героиней была Музыка; она рассказывала свои бѣдствія Справедливости.

3) Αγαθοί. Описывается какая-то утопія. 4) Αγριοι. Жизнь первобытныхъ людей. 5) Αὐτόμολοι. „Бѣглецами“ были, если судить по figm. 23, взятому изъ синтагмы, сами боги, спасающіеся на землѣ, чтобы не умереть съ голоду.

6) Гρῆς. Героними были старухи, делающие какимъ-то чудомъ молодыми девушкиами. 7) Μεταλλῆς. Металлайцы—фантастичный народъ, ведущий счастливую жизнь въ нѣдрахъ земли. 8) Μορικάνθρωπος, нѣчто въ родѣ Золотой Рыбы (ср. fgm. 113). 9) Πέρσαι, также описывала блаженную жизнь сказочного народа.

10) Λῆρος. 11) Τοραννίς.

V. ΤΗΛΕΚΛΕΙΔΗΣ.

1) 'Ησίοδος. Само заглавие указываетъ на тенденціозность комедіи. 2) Προτάνεις. Въ противоположность жизни своихъ современниковъ поэтъ славилъ жизнь временъ Θемистокла. 3) 'Αφεόδεις. 'Αφεόδηс былъ архонтомъ въ 490 г.

4) 'Αμφικτύονес по содержанию не многимъ отличалась отъ Феरекратовыхъ „Металлайцевъ“. 5) Στέρροι представляла, кажется, половыя отношенія на изнанку.

VI. ΕΡΜΙΠΠΟΣ.

1) 'Αρτοπόλιδεс, направленная противъ Гипербола. 2) Δημόται. 3) Μοῖραι, направленная противъ Перикла. 4) Στρατιώται, вторая редакція Μοῖραι. 5) Φορμοφόροι. Политическое содержаніе этой комедіи явствуетъ искл. fgm. 63.

6) Θεοί. Предположение Вильямовица, делающаго изъ этой комедіи мифологическую пародію, весьма неубѣдительно (Herm. VII, 140 сл.).

VII. ΜΥΡΤΙΑΟΣ.

Τίτανόπανες, по Мейнеке, была направлена противъ извѣстнаго рода неестественнаго разврата у афинянъ.

VIII. ΦΙΔΩΝΙΔΗΣ.

Κόθορνοι, направленная, вѣроятно, противъ Терамена.

IX. ΕΥΠΟΔΙΣ.

- 1) Ἀστράτειος ἢ Ἀνδρογύναι
- была направлена противъ пѣкто-
рыхъ афинянъ, которые были
оікои μὲν λέοντες, ἐν τάχῃ δ' ἀλώ-
πεις 2) Αὐτόλιχος—противъ Ав-
толика, любимца Каллия. 3) Βάπ-
τια—противъ Алкивиада. 4) Δῆ-
μος; поэтъ прославлялъ прежнихъ
полководцевъ въ противополож-
ность новымъ. 5) Εἴλωτες (?).
- 6) Κόλαχες—противъ Каллия и
его друзей. 7) Μαρικᾶς—противъ
Гиперболы. 8) Πόλεις—совѣтовала,
кажется, обращаться гуманно съ
союзниками. 9) Προσπάτειος,
быть можетъ,—противъ философовъ.
- 10) Ταξιαρχος. 11) Υψηστοδι-
χα (?) 12) Φίλοι.

- 13) Λίγες. Хоръ этой комедіи со-
столъ изъ козъ; не смотря на то,
она, кажется, имѣла и тенден-
ціозный характеръ и была, по
крайней мѣрѣ отчасти, направ-
лена противъ современного афин-
скаго образованія. 14) Χριζοῦ
γένος. Само заглавіе доказываетъ,
что комедія имѣла содержаніемъ
счастливую жизнь золотаго вѣка ¹⁾.

¹⁾ Не возможно согласиться съ Велькеромъ (*Вильямовичъ*, Obs. crit., 54), что въ этой комедіи говорилось «de statu pessimo cum irrisione tanquam augeo»; это было бы весьма странною ироніей. По Вильямовичу, относить этой комедіи къ золотому вѣку нельзя, такъ какъ она не упоминается Аѳенеемъ 6,267-е—270в. Опять, значитъ, излюбленное Вильямовичемъ argumentum ex silentio. А что, если она действительно упоминалась Аѳенеемъ?—На стр. 268а онъ приводитъ выписку изъ Кратетовыхъ «Затрой»:

Х. ΦΡΥΝΙΧΟΣ.

1) Κόνυος — противъ китарода
Конна, учителя Сократа. 2) Μόδ-
сас — противъ Еврипида. 3) Τρα-
γιφδοί.

4) Ἐφιάλτης («кошмаръ»). 2) Μό-
дат. 4) Σάτυρος.

XI. ΑΡΙΣΤΟΦΑΝΗΣ.

1) Ἀμφιάρεως родственна съ
кратиновимъ „Трофониемъ“. 2) Βα-
βυλώνιοι — противъ Ев克拉та и
Клеопа. 3) Γεωργοί — противъ си-
кофантовъ. 4) Γηρυτάδης, лите-

15) Ἀνάγορος, настоящая сказка
про злую начиху и несчастного
пастынка. 16) Γῆρας, превращение
стариковъ въ молодыхъ людей,—
ср. Гῆρας Ферекрата. 17) Ἕρωες (=

ἐπειτα δοῦλον οὐδὲ εἰς κεκτήσετ' οὐδὲ δούλην,
ἀλλ' αὐτὸς αὐτῷ δῆτ' ἀνὴρ γέρων διακονήσει;
οὐ δῆθι· ὁδοικοροῦντα γὰρ τὰ πάντ' ἐγώ ποιήσω κ. τ. δ.

Затѣмъ онъ продолжаетъ: ἔξῆς δὲ μετὰ ταῦτα ὁ τὸν ἐναντίον τούτῳ παρελαμβάνω
λόγον φησί:

ἀλλ' ἀντίθετοι· ἐγὼ γάρ αὐτά τοῦμικαλιν
τὰ θερμά λούτρα κράτον δέξω τοῖς ἔροις
ἔπι κιδώνων ὕστερον διὰ τοῦ καισενίου.

Что это за *энантіос лόгосъ?* Какимъ образомъ могъ онъ *έξης* на тетраметры
противника отвѣтить въ триметрахъ? По нашему, несомнѣнно, что передъ этимъ
послѣднюю выписанную лемму ст. обозначениемъ именемъ комедіи я съ вы-
пиской изъ рѣчи первого лόгоса. Этого требуетъ и смыслъ; въ триметрическомъ
фрагментѣ мы имѣемъ: сцену въ родѣ спора двухъ лόгосовъ въ «Обланахъ», въ
«Звѣряхъ», ничего подобнаго не было. Спрашивается теперь: кто былъ поэтъ
выписанныхъ триметровъ? Такъ какъ во всѣхъ оставляемыхъ комедіяхъ, о кото-
рыхъ говорить Аесопъ (Плоюто Кратина—«Звѣри». Кратета—?—«Аменактіонъ»
Телеклида—«Металлійцы» Ферекрата—«Персы» того же поэта—«Баудолизъ» Ари-
стофана—«Туріоцерсы» Метагена—«Сирены. Никоѳонта»), описывались уточн., а
Ипполидово «Золотое поколѣвіе», если судить по заглавію, имѣло то же содер-
жаніе, то мы предлагаемъ вставить лемму: Εὔπολης Χρυσφ Γένει. Это предполо-
женіе подтверждается стр. 277 нашей комедіи:

λοιπὸς γὰρ οὐδεὶς· ή τροφαλίς ἔχειν
έφ' οὗσφ βαδίζει σκίρον ἡμφιεσμένη.

- ратурная комедія, противъ Кине-
зія, Санніріона и Мелета. 5) Δαιτα-
λῆς—противъ софистовъ. 6) Δρά-
μата ἡ Κένταυρος—противъ Ев-
ріпіда. 7) Νῆσοι ср. Польс Евполіда. 8) Ὁλχάδες въ пользу мира.
9) Ποίησις (?). 10) Προάγων—
противъ Евріпіда. 11) Ταγγι-
стасі ср. Кόлахес Евполіда.
12) Τελεμησοῦς—противъ суеві-
рія а оннінь. 13) Τριφαλῆς—про-
тивъ Алківіада. 14) Θραи—про-
тивъ почитателей чужеземныхъ
боговъ.
19) Δράματα ἡ Νίοβος (?).
20) Δις ναυαγός (?). 21) Σχηνάς
καταλαμβάνουσαι.

XII. ΠΛΑΤΩΝ.

- 1) Ελλάς. 2) Κλεοφῶν—противъ
извѣстного демагога. 3) Δάχωνες.
4) Πεισανδρος. 5) Πρέσβεις.
6) Σοφισται. 7) Γπέρβολος.
8) Νίκαι. 9) Περιάλγης.
10) Σκευαι. 11) Σορμαχία.

XIII. ΑΜΕΙΨΙΑΣ.

Κόνнοс, ср. комедію Фріннха подъ
тѣмъ же заглавіемъ.

XIV. ΑΡΧΙΠΠΟΣ.

- 1) Φίνων—противъ политического
дѣятеля Рионова. 2) Ιχθύες. Рибы заключаютъ дого-
воръ съ людьми.

XV. ΔΕΥΚΩΝ.

- 1) Φράτερας, быть можетъ,—про-
тивъ Гипербола. 2) Πρέσβεις.

XVI. МЕТАГЕНΗΣ.

- 1) Θουριοπέρσαι въ родѣ „Персовъ“ Ферекрата и другихъ.
 2) Ὁμηρος ἡ Ἀσκηταί, загадочная.

XVII. ΣΤΡΑΤΤΙΣ.

1) Κινησίас—противъ извѣстнаго дитирамбографа. 2) Καλλικρίδηс—противъ (?) трагического актера Каллиппида. 3) Μακεδόνες ἡ Παυσανίас—противъ(?)того Павзания, любимицемъ котораго былъ Агатонъ. 4) Ποτάμιοι.

XVIII. ΘΕΟΠΟΜΠΟΣ.

1) Εἰρήνη, ср. извѣстную комедію Аристофана. 2) Κάλλαισχροс. 3) Πανταλέων. 4) Τισαμενός.

XIX. ΚΑΝΘΑΡΟΣ.

Μύρμηχες.

XX. ΔΙΟΚΔΗΣ.

1) Μέλιτται, 2) Ὅντεροι.

XIX. ΝΙΚΟΦΩΝ.

Ἐξ Ἀιδου ἀνιών.

XXII. ΕΥΝΙΚΟΣ.

Πόλεις, ср. комедію Евполида.
 По другимъ, комедія Филиллія.

XXIII. ΠΟΔΥΖΗΔΟΣ.

Δημοτονδάρεως; загадочное, но несомненно политическое заглавие.

XXIV. ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ.

Σικελία.

XXV. ΚΙΦΙΣΟΔΩΡΟΣ.

- 1) Τροφύιος, ср. комедию Кратина. 2) Ἀμαζόνες.
 3) Ύε, по некоторымъ,— противъ бэотийцевъ.

XXVI. ΑΥΤΟΚΡΑΤΗΣ.

Τυρκανισταί.

Если сопоставить эту таблицу со спискомъ, представленнымъ нами въ XVIII-й главѣ, то оказывается, что весьма немногіе поэты принадлежать исключительно одному или другому главному направлению комедіи; большая часть изъ нихъ подвазалась и на томъ, и на другомъ поприщѣ. Между первыми первое мѣсто принадлежитъ Евполиду, не написавшему ни одной дорійской комедіи. Что Ферекратъ, Платонъ и другие писали и дорійскія, и іонійскія комедіи, это нась не удивляеть. Но отъ Кратина, ратовавшаго въ „Архилоахъ“ за пересаженную имъ на аттическую почву отрасль іонійской комедіи, отъ Аристофана, такъ часто глумившагося надъ своими противниками изъ лагера дорійской комедіи, мы могла бы ожидать, что они всю свою жизнь останутся приверженцами іонійского направления. Отпаденіе ихъ къ доризму должно было имѣть свою особую причину.

Эту причину мы, по примѣру другихъ ученыхъ (например, Кобета, Obs. crit. ad Platonis. com. rel. стр. 10), усматриваемъ въ запонахъ, которыми аѳинскій народъ запрещалъ μῆχωρᾶσιν ὀνομασії, то-есть, другими словами, запрещалъ ставить тенденціозныхъ комедіи. Поэтому, любимымъ конъкомъ которыхъ была именно тенденціозная комедія, оставалось прибѣгнуть лишь къ сказочной отрасли іонійской комедіи или къ гораздо болѣе удобной дорійской комедіи.

Мы полагаемъ поэтому, что дорийскія комедіи Кратина были поставлены въ 440—437 гг., такъ какъ, по свидѣтельству сколаиста Аристофана (Ан., 67), сценическій законъ Морихида имѣлъ силу въ это время, а дорийскія комедіи Аристофана въ 415 г. и слѣдующихъ—время сценическаго закона Сиракозія. Но конечно, это только предположеніе.

Не безинтересно будетъ разсмотрѣть, какіе поэты принадлежатъ преимущественно дорийскому, какіе—ионійскому направлению. Для этой цѣли мы составили слѣдующую таблицу. Лѣвая колонна означаетъ ионійскую, правая—дорийскую комедію. На сколько данный поэтъ принадлежитъ той или другой области, это читатель легко узнаетъ по мѣсту, которое имя поэта занимаетъ въ той или другой колонкѣ.

Іонійская комедія.	*	Дорийская комедія.
	* ΧΙΩΝΙΔΗΣ	1
1 ΜΑΓΝΗΣ	*	
2	КРАТИНОС	2
3	КРАТНС	3
4	ФЕРЕКРАТНС	4
5 ΤИЛЕКЛАЇДНС	*	
6	ЕРМІППОС	5
7 ΜУРТІДОС	*	
8 ΦІЛΩΝІДНС	*	
8 ΕΥПОЛІС	*	
10	ФРУНІХОС	6
11	АРИСТОФАННС	7
12	ЦЛАТОН	8
	* АРИСТОНЫМОС	9
13	АМЕІФІАС	10
14	АРХІППОС	11
	* АРИСТОМЕННС	12
	* ΔҮКІЕ	13
	* ΚАЛЛІАС	14
	* ΗГНМΩΝ	15

	* АГЕИШОС	16
15	ΔΕΥΚΩΝ	17
16	ΜΕΤΑΓΕΝΗΣ	18
	* ΑΡΙΣΤΑΓΟΡΑΣ	19
17	ΣΤΡΑΤΤΙΣ	20
18	ΘΕΟΠΟΜΠΟΣ	21
	* ΑΛΚΑΙΟΣ	22
19	ΚΑΝΘΑΡΟΣ	23
20	ΔΙΟΚΛΗΣ	24
	* ΝΙΚΟΧΑΡΗΣ	25
21	ΝΙΚΟΦΩΝ	26
22	ΕΓΝΙΚΟΣ	27
	* ΦΙΔΥΔΛΙΟΣ	28
23	ΠΟΛΥΖΗΔΟΣ	29
	* ΣΑΝΝΥΡΙΩΝ	30
24	ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ	*
	* ΑΠΟΛΛΟΦΑΝΗΣ	31
25	ΚΗ ΦΙΣΟΔΩΡΟΣ	*
	* ΕΠΙΔΓΚΟΣ	32
	* ΕΓΘΥΚΑΗΣ	33
26	ΑΥΤΟΚΡΑΤΗΣ	*

XX:

Теперь намъ остается только подвести итоги.

Мы сказали, что въ греческой драмѣ существуютъ два рода композицій: епизодическая и спирриматическая; что трагедія компонована на схему первой, комедія—послѣдней; что поэтому, на первый взглядъ, можно бы было епизодическую композицію назвать трагической, а спирриматическую—комической.

Но мы видѣли также, что антагонизмъ между дорійскимъ и ѹонійскимъ стилями проходить черезъ всю исторію древниго искусства; мы видѣли, что въ трагедіи лишь во времена Эсхила доризмъ, долго боровшійся съ ѹонизмомъ, восторжествовалъ; дорійская Паллада окончательно сразила ѹонійскаго Посидона. На противъ, въ комедіи долгое время казалось, что восторжествуетъ ѹонизмъ въ своихъ главныхъ

представителяхъ, Кратинѣ, Евполидѣ и Аристофанѣ. Но сраженіе при Эгиспотамосѣ и на этомъ полѣ рѣшило побѣду доризма; съ конца V вѣка поэты юнійской комедіи перевелись въ Аевнахъ.

Такимъ образомъ, вся удѣльшвія трагедіи принадлежать къ дорійскому, вся комедіи—къ юнійскому направлению. Вслѣдствіе этого обстоятельства происхожденіе епирретматической и епизодической композиції является опять сомнительнымъ. Быть можетъ, это послѣднее различіе вовсе не находится въ связи съ различіемъ между трагедіей и комедіей. Быть можетъ, въ епирретматической композиції слѣдуетъ признать юнійский стиль драмы вообще, въ епизодической—дорійскій.

Мы увѣрены въ справедливости именно послѣдняго положенія, а именно вотъ почему:

Во первыхъ, мы указали выше, что китара была инструментомъ дорійского Аполлона, а вслѣдствіе—юнійского Діониса. Мы полагаемъ, что епирретматическая композиція могла развиться только подъ вліяніемъ авлоса, епизодическая—подъ вліяніемъ китары. Авлосъ по природѣ самостоятельный инструментъ; для аккомпанемента онъ не годится уже по той причинѣ, что никому не возможно на авлосѣ аккомпанировать самого себя. А между тѣмъ, именно одиночество заставляло людей искать утѣшенія въ музыкѣ. Высшимъ наслажденіемъ для первобытного человѣка всегда составляется соединеніе пѣнія съ игрой на инструментѣ. Для этого играющему на авлосѣ остается только одно средство—спачала прелюдировать на авлосѣ, а затѣмъ уже пѣть свою пѣсню. Не аккомпанированная народная пѣсня всегда имѣть характеръ речитатива. Такимъ образомъ, легко объясняется двойственность епирретматической сизигіи; изъ игры на авлосѣ со временемъ образовалась ода, изъ пѣтой въ перемежку речитативной пѣсни—спиррема.

Что состязанія между пастухами были весьма часты, это мы знаемъ изъ Феокрита. Понятно, что при этомъ каждый изъ состязающихся игралъ и пѣлъ въ означенномъ выше порядкѣ. Такимъ образомъ произошла сизигія.

Играющій на киарѣ, напротивъ, не имѣлъ никакой надобности играть и пѣть въ перемежку; онъ имѣлъ полную возможность аккомпанировать каждую пѣсню на своемъ инструментѣ. Слѣдовательно, двойственность подъ вліяніемъ киары образоваться не могло. Не могло образоваться и параллелизма, такъ какъ киара съ самаго начала была не народнымъ, а священнымъ, гіератическимъ инструментомъ.

СОДЕРЖАНИЕ
ДВЕСТИ-ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Высочайшие повеления.

ОТРАН.

1. (25-го декабря 1884 г.). Объ открытия въ Урюпинскомъ реальномъ училищѣ общаго и химико-техническаго отдѣлений дополнительного класса, въ замѣнъ коммерческаго отдѣленія	3
2. (27-го ноября 1884 г.). Объ учрежденіи положенія для Елисаветинской Кугурской женской рукодѣльной школы	4
Положеніе о состоящей подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ Кугурской Елисаветинской рукодѣльной школѣ, учрежденной дѣйствительнымъ статскимъ советникомъ Алексѣемъ Семеновичемъ Губкинымъ.	5
3. (4-го декабря 1884 г.). О новомъ штатѣ Рижского городскаго женскаго шестикласснаго училища	8
4. (20-го января 1885 г.). О положеніи для Лиѳляндской дворянской гимназіи въ г. Феллинѣ	53

Высочайшие награды	10
------------------------------	----

Высочайшие приказы.

22-го декабря 1884 г. (№ 13)	23
24-го декабря 1884 г. (№ 14).	29

	СТРАН.
30-го декабря 1884 года (№ 15)	50
1-го января 1885 г. (№ 1)	—
1-го января 1885 г. (№ 2)	—
24-го января 1885 г. (№ 3)	—

МИНИСТЕРСКИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

1. (29-го января 1885 г.). Циркулярное предложение гг. почетныхъ учебныхъ округовъ о дальнѣйшемъ приемѣ молодыхъ людей въ русской филологической институту при Лейпцигскомъ университѣтѣ	31
2. (29-го января 1885 г.). Положение о стипендіи имени вдовы титулярного советника Надежды Яковлевны Пазухиной при Костромской гимназии	32
3. (31-го января 1885 г.). Правила стипендіи имени Павла Цетовича	33
4. (31-го января 1885 г.). Положение о трехъ стипендіяхъ имени Ивана Карловича Прове при Московской 3-й мужской гимназии	34
5. (31-го января 1885 г.). Положение о стипендіяхъ при Краснослободской мужской прогимназіи въ ознаменование дней Священного Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 15-го мая 1883 года	35
6. (2-го февраля 1885 г.). Правила для стипендіи имени потомственнаго почетного гражданина Израиля Марковича Бродского въ императорскомъ университѣтѣ св. Владимира	37
7. (2-го февраля 1885 г.). Положение о стипендіи имени предсѣдателя Пензенской губернской земской управы Алексея Николаевича Бекетова при Пензенской мужской гимназии	—
8. (8-го февраля 1885 г.). Циркулярное предложение гг. почетныхъ учебныхъ округовъ о представлении педагогическими совѣтами среднихъ учебныхъ заведений протоколовъ своихъ засѣданій копечителю учебного округа	38
9. (14-го февраля 1884 г.). Положение о стипендіи въ память двадцатипятилѣтія Тверской Марининской женской гимназіи	39
10. (16-го февраля 1885 г.). Положение о стипендіяхъ имени Оттилии Редерс при Зарайской женской прогимназіи	54
11. (19-го февраля 1885 г.). Положение о второй стипендіи имени статского советника Матвѣя Ивановича Бутовскаго при Тифлисской 1-й мужской гимназіи	55
12. (20-го февраля 1885 г.). Положение о двухъ стипендіяхъ имени супруги генераль-лейтенанта Маріи Александровны Лапшиной, учрежденныхъ при Тверской Марининской женской гимназіи	56
13. (22-го февраля 1885 г.). Правила о стипендіи пезабвенної памяти въ Богъ почившаго Императора Александра II	—
14. (28-го февраля 1885 г.). Правила о стипендіи Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича	67
15. (28-го февраля 1885 г.). Правила для стипендій С.-Петербургскаго университета	58

III

СТРАН.

16. (28-го февраля 1886 г.). Циркулярное предложение гг. попечителямъ учебныхъ округовъ по вопросу о размѣрѣ добавочной пенсіи лицамъ, выслужившимъ по учебной части основными ценсіемъ	58
17. (2-го марта 1886 г.). Положение о стипендіи имени дѣвицы Евгении Григорьевны Мустацъ при Севастопольской женской гимназіи	59
18. (2-го марта 1886 г.). Положение о стипендіи имени вдовы коллежского ассессора Татьяны Старницкой при Полтавской мужской гимназіи	60
19. (7-го марта 1886 г.). Циркулярное предложение гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о доставлении заключеній о нисьменныхъ работахъ лицъ, подвергавшихся испытанію зреѣстри	61
20. (13-го марта 1885 г.). Положение о стипендіи имени Его Императорскаго Высочества Государы Цесаревича Николая Александровича при Петергофской прогимназіи Императора Александра II.	62
21. (13-го марта 1885 г.). Положение о стипендіяхъ Таганрогскаго купца Автона Архиповича Хаджіева при Таганрогской мужской гимназіи	63
22. (13-го марта 1886 г.). Положение о стипендіи при Омской гимназіи въ память трехсотътиаго юбилея Омска	64

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

(22-го декабря 1884 года)	40
-------------------------------------	----

ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

О книгѣ: „Исторія русской словесности. И. Порфириевъ. Ч. II, отд. II“	46
О книгѣ: „Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Составилъ П. Смирновскій. Ч. II“	—
О книгѣ: „Александра Цемахова. Сборникъ произведений русской народной словесности“	47
О книгѣ: „Иллюстрированная хрестоматія. Составилъ А. Тарновскій“	—
О книгѣ: „Родина. А. Радонежская“	—
О книгѣ: „Греческая грамматика. Ч. II. Э. Черненко“	—
О книгѣ: „Г. Нидерле. Грамматика греческаго языка. Ч. I. Переводъ И. Мейера“	—
О книгѣ: „Книга упражнений къ греческой грамматикѣ Г. Нидерле. Составилъ И. Мейеръ“	—
О книгахъ С. Меча: „Альпы“, „Центральная Азія“ и „Кавказ“	—
О книгѣ: „Пособіе для первоначального обучения латинскому языку. Составилъ И. Дроболавъ“	48
О книгѣ: С. Julii Caesaris commentarii; primus (1-й выпускъ), secundus, tertius, quartus (2-й выпускъ). Съ примѣчаніями Николая Наумова“	—

О книгѣ: „Борікієвъ Іпполітос стефанійорос. Іпполітъ. Трагедія Евріпіда. Съ примѣчаніями А. Д. Леймана“	48
О брошюре: „Руководство для начального обучения телеграфированию. В. Комарова“	—
О книгѣ: „Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ второй. Составилъ К. Ушинскій“	—
О книгѣ: „Для народнаго чтенія. Василий Андреевич Жуковский“ (Изъ „Киевск. Губ. Вѣдомостей“)	—
О книгѣ: Для народнаго чтенія. Крымъ и Крымскіе Татары. Изъ „Киевск. Губ. Вѣдомостей“	—
О книгѣ: „Полное собрание сочинений Ю. В. Жадовской“	—
О книгѣ: „Дѣтскій театръ. Сиротка. П. Г. Васильева“	49
О книгѣ: „Русское чтеніе для еврейскихъ дѣтей. Составилъ Германфельдъ“	—
О брошюрахъ Ф. Езерского: „Курсъ счетоводныхъ документовъ въ связи съ исправленіемъ почерка. 1) Документы общепотребкинс. 2) Применение: образцы почерка и счетоводныхъ документовъ“	—
О книгѣ: „Прямолинейная тригонометрия. А. Всребрятсон“	65
О книгѣ: „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Составилъ Н. Гиббенсъ. Ч. II“	—
О книгѣ: „Св. Иоаннъ Златоустъ и императрица Евдокія. Сочиненіе Амедея Тьери. Издание Льва Коломакова“	—
Объ изданіи: „Учебный атласъ всеобщей географіи. А. Ламберта“	66
О книгѣ: „Курсъ общей ботаники. Н. Е. Цабеля“	—
О книгѣ: „Учебникъ минералогіи. Г. Чермака. Переводъ Г. Лебедева“	—
О книгѣ: „Руководство къ полному курсу русскаго чистописанія. Составилъ В. Пожарский“	—
О книгѣ: „Учебникъ русской грамматики. Ч. I П. Смирновскою“	—
О книгѣ: „Учебникъ латинскаго языка. По руководствамъ Ламмака составилъ Н. Кузинскій. Ч. I“	—
О книгѣ: „Пособіе къ чтенію Цезаря. Составилъ Г. Г. ...“	—
О книгѣ: „Д. И. Науцевскій. О Юргинской войнѣ (De bello Jurgertino). Саллюстія“	—
О книгѣ: „Избранныя сочиненія Платона. I. Апологія Сократа и Критона. Съ примѣчаніями А. О. Постышевы“	67
О книгѣ: „Алгебра. Составилъ Ф. Покатилоевъ. В. I“	—
О книгѣ: „Сборникъ задачъ по коммерческой ариѳметикѣ. Составилъ Н. Васильевъ-Яковлевъ“	—
О книгѣ: „Очерки русской исторической географіи. Н. Барсова“	—
О книгѣ: „C. De la Droitier et F. Thormeyer. Le Tresor. Lecture et conversation. Вы. 1, 2, 3“	—
О книгахъ: „C. Julii Caesaris commentarii de bello Gallico. Издание М. Блюса“ и „Объяснительный словарь къ C. Julii Caesaris commentarii de bello Gallico. Составилъ М. Блюсъ“	—
О книгѣ: „Рѣчь Цицерова о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Объяснилъ Агустъ Гофманъ“	68

	ОТРАВ.
О книгѣ: „Начальная алгебра. Составилъ Е. Пржевальский“	68
О броноирѣ В. Г. Котельникова: „Объ удобрении почвъ. Издание А. Ф. Девриена“	—
О книгѣ: „Употребление знаковъ пропинанія въ русскомъ письмѣ. Составилъ П. И. Бодаловъ“	—
О книгѣ: „Курсъ истории русской литературы. Составилъ М. А. Орловъ“. Вв. 1, 2.	—
О книгѣ: „Народныя былины о русскихъ могучихъ богатыряхъ. Составилъ Н. Бураковъ“	—
О книгѣ: „Руководство геометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. Беренсъ“	69
О книгѣ: „Прямоугольная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Составилъ Е. Пржевальский“	—
О книгѣ: „Сборникъ игръ и занятій для семьи и школы. Составилъ Вас. Высковатовъ“	—
 ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСНОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.	
О книгѣ: „А. Лукьянко. Русскія народныя сказки и были въ стихахъ“	—
О книгѣ: „Христоматія. Брать и сестра. Написана старшою учительницей Московской городской школы Соколовой“	—
О книгѣ: „Методика ариѳметики съ приложениемъ сборника ариѳметическихъ упражненій учениковъ съ учителемъ. Составили С. Жимковъ и С. Шогера-Троцкій“	—
О книгѣ: „Сборникъ самостоятельныхъ упражнений по ариѳметикѣ. Составили С. Жимковъ и С. Шогера-Троцкій“	70
О книгѣ: „Къ животворащему гробу Господню“. Издание Православнаго Палестинскаго Общества	—
Официальный извѣщенія	18 и 49
Открытие училищъ	19

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

В. Г. Васильевскій. Обновленіе болгарского патріаршества при царѣ Иоаннѣ Асенѣ II въ 1235 году	1 и 206
П. А. Лавровскій. Былъ ли святый Кириллъ Солунскій епископомъ	161
М. С. Дриновъ. Новый церковно-славянскій памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ	176

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

	СТРАН.
Э. Л. Радловъ. О направленияхъ въ психологіи	57
А. М. Позднѣевъ. Очеркъ путешествія по Монголіи. <i>M. Плещеева, 1883.</i>	87
И. А. Осокінъ. <i>И. Н. Смирновъ. Отвоянія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмации. 1884.</i>	125
О. М. Истоминъ. Законы стиха русского народного и нашего литературного. <i>И. Д. Головастовъ. 1883</i>	135 и 338
И. Ш. Филевичъ. Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ. Издаваемые съ Высочайшаго созволенія <i>П. Н. Барышниковъ. Вып. VI. Холмская Русь. 1885.</i>	150
А. Н. Веселовскій. Новые исследования о французскомъ эпохѣ	239
А. С. Будиловичъ. Новые данные для истории восточного вопроса (<i>продолженіе</i>)	285
А. И. Соболевскій. Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. <i>И. П. Барсова. 1886.</i>	300
И. И. Петровъ. Къ истории южно-русской литературы XVII столѣтия. <i>И. О. Сумкова. 1884—1885.</i>	307
П. Д. Чечулинъ. Извѣстіе о походженіи Симеона Степановича Нищевича. Издание <i>Н. А. Попова. 1883</i>	327
М. И-чъ. <i>А. Штернъ. Всеобщая история литературы. 1885.</i>	361
П. А. Сирку. Румынскій журналъ народного просвѣщенія	363

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

И. И. Лунькъ. Реформа преподаванія древнихъ языковъ въ австрійскихъ гимназіяхъ	1
Наша учебная литература (разборъ 26 книгъ)	23 и 33

СОВРЕМЕННАЯ ЛІТОПИСЬ.

И. В. Помяловскій. Шестой археологический съездъ въ Одессѣ 1884 г. (окончаніе).	1
Императорское Русское Географическое Общество въ 1884 г.	56
Императорское Русское Историческое Общество въ 1884 г.	70
Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа	83

VII

	ОТРАН.
Некролог: Л. Н. А. Съверцовъ	98
П. К. Зейдлицъ	94
Объ изданияхъ святѣйшаго синода ко двю тысячелѣтіи блаженной кончины первоучителя славянъ св. Меѳодія	97
Императорское Русское Археологическое Общество въ 1884 г.	100
Императорское Одесское Общество исторіи и древностей въ 1884 г.	107
Наши учебныя заведенія: Московскій университетъ въ 1884 г.	115

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ф. Ф. Зѣхніскій. О дорійскомъ и юнійскомъ стиляхъ въ дре- вней аттической комедіи.	129
---	-----

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ВЫШЛО НОВОЕ (ДЕСЯТОЕ) ИЗДАНИЕ КНИГИ:

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЬЯХЪ.

СЪ 50-Ю РИСУНКАМИ.

СОСТАВИЛЪ

А. РАДОНЕЖСКІЙ.

ВЪ 10-МЪ ИЗДАНИИ НОВЫЕ РИСУНКИ:

„Молебенъ предъ учениемъ“, „Чтение Манифеста 19 февраля“, „Святѣль“, „Св. Сергій Радонежскій благословляетъ на бранъ съ Манаенъ Димитрія Донскаго“. Въ 9-мъ изданіи появлены рисунки: „На Пасхѣ“, „Храмъ Христа Спасителя“, „Защита Балзета“, „Скобелевъ“ и др.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками, составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Издание, съ Высочайшаго соизволенія, посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. И. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Издание 2-е.

Цѣна 60 коп.

— 30 —

Вышла и разослана подписчикамъ АНГЛІЙСКАЯ книга
исторического журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержание: I. Постмертные записки Ник. Иванов. Бирюкова. Гл. LXI—LXVII.—
II. Арсений Мантоевич, митроополляр ростовской, въ ссылкѣ, 1767—1772 гг.—
III. Записки И. И. Мордера, воспитателя цесар. Александра Николаевича, 1824—
1834 гг.—IV. Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ переписке императора.
Николай I съ Дибичемъ.—V. Открытие памятника на Бородинскомъ полѣ въ 1839 г.
Изъ записокъ А. И. В.—VI. Венчаніе крестильщика въ Кандеевѣ въ 1861 г. Рассказъ
А. М. Дронянкина.—VII. Экспедиція противъ ахал-текинцевъ въ 1879—1881 гг.
Исторический очеркъ участника. Гл. I—IV.—VIII. Домъ 14-го декабря 1825 г.
въ С.-Петербургѣ. Рассказъ. Сообщ. В. М. Еронкинъ.—IX. Остзейское дворянство
и дворянская жалованная грамота.—X. Безсоединеніе умъ съ православленіемъ
церковно, 1875—1886 гг.—XI. Памятн. гр. А. С. Уварова, † 29-го декабря 1884 г.
Сообщ. Д. И. Иловайскій.—XII. Двадцать четвертая годовщина 19-го февраля
1861—1885 гг.—XIII. О возобновленіи памятника на могилѣ Вольнского, † 1740 г.—
XIV. Материалы и заметки.—XV. Библиографический листокъ.

Приложеніе: портретъ генер.-адъютанта И. И. Мордера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича (1824—1834 гг.).

Продолжается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1885 г.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересыпкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛІНГА на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиинаго двора, а въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Манютова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургъ, Большая Подьяческая, домъ № 7.

Продается книга: «ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА,
ЛИЦА и ВИЛЛИМЪ МОИСЬ», третій выпускъ историческихъ очерковъ
М. И. Семевскаго, съ портретами и рисунками. Цена
две руб. 50 коп. съ пересыпкою.

I. «СЛОВО и ДѢЛО», историческіе очерки М. И. Семевскаго
съ рисунками пытокъ въ XVIII в., третье изданіе. Цена два рубля
съ пересыпкою.

II. „Записки Сельского Священника“, изданіе исправленное. Цена одинъ руб.